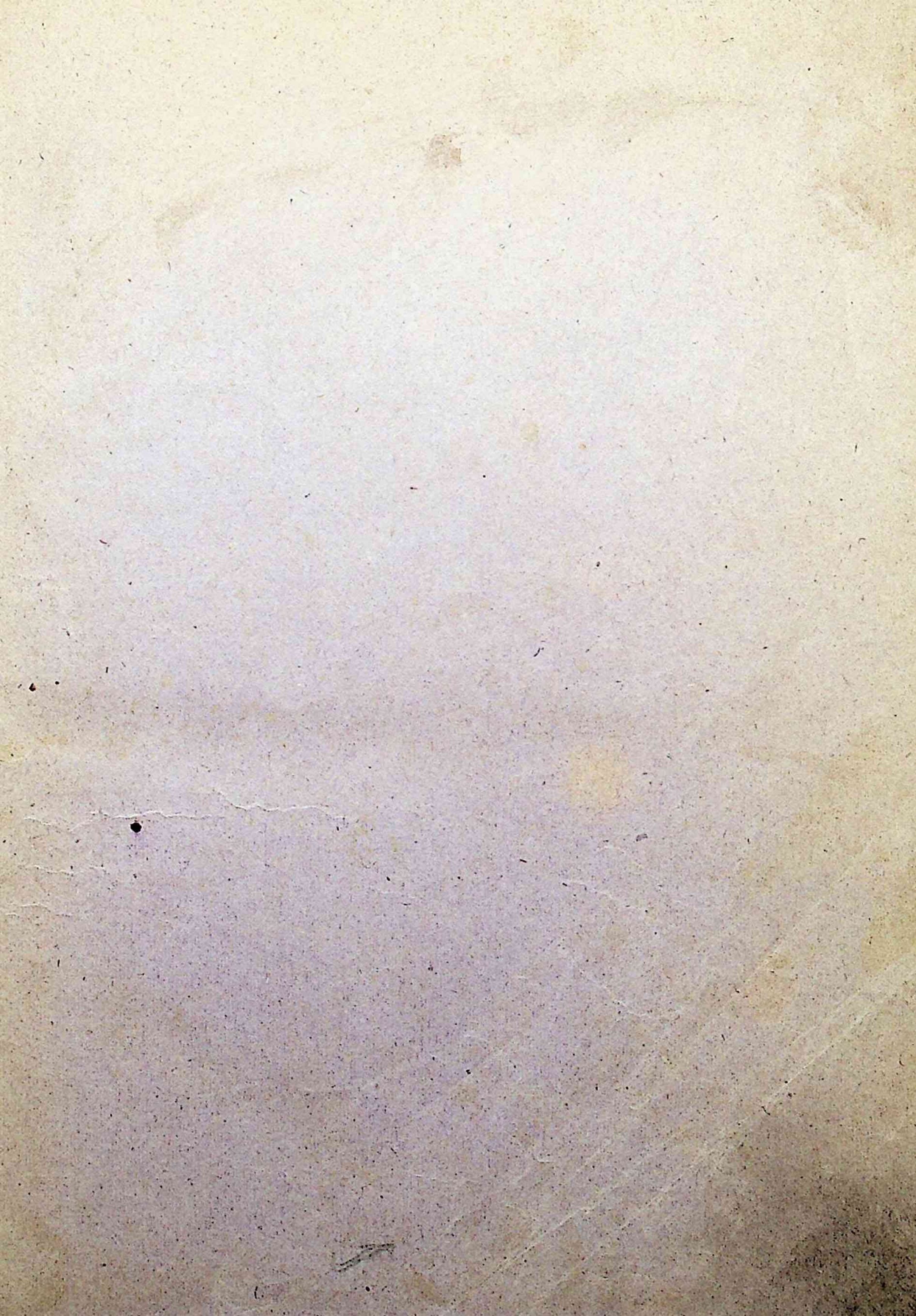
P
37683

842



Алексѣй Веселовскій

ЭТЮДЫ
и
ХАРАКТЕРИСТИКИ

Джорд. Бруно. Донъ-Жуанъ. Донъ-Кихотъ. Мольеръ. Вольтеръ. Дидро. Бомарше. Беранже. Къ исторіи реальн. романа. Свифтъ. Ибсенъ. Этюды о байронизмѣ (Гюго, Мюссе, Эспронседа, Пушкинъ, Мицкевичъ, Словацкій, Лермонтовъ). Грибоѣдовъ. Альцестъ и Чацкій. Гоголь. Чаадаевъ. Бѣлинскій. Легенда о Прометеѣ и др.

Третье, значительно дополненное изданіе.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовск. ул., с. д.
МОСКВА. 1907.

ДЖОРДАНО БРУНО [1]).

«Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой...»—Но не романтическое сказаніе, не граціозную легенду хотимъ мы вызвать сегодня въ вашей памяти изъ дальняго прошлаго,—мы передадимъ печальную судьбу сильнаго мыслителя, не признаннаго современниками, погибшаго за независимость убѣжденій. Неудачникъ при жизни, онъ и передъ судомъ потомства долго не находилъ справедливости; другія имена затмили его; толпа и теперь знаетъ о Савонаролѣ, хотя по широтѣ взглядовъ и научному значенію Бруно далеко его превосходитъ; знаетъ она о Галилеѣ и его процессѣ, помнитъ его знаменитыя слова,—но имя Бруно для громаднаго большинства стало безсодержательнымъ звукомъ. Новѣйшая и преимущественно нѣмецкая [2]) наука съ конца 18-го вѣка усиленно старается исправить эту застарѣлую несправедливость. Чествуя сегодня память великаго несчастливца, и мы попытаемся собрать характеристическія черты его своеобразной личности и ученія.

Итакъ, *кто* же былъ Бруно?

Это было крохотное существо, вѣчно взволнованное и безпокойное, съ необыкновенно подвижными чертами лица, темно-каштановыми воло-

1) Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Общ. Люб. Рос. Словесности и Психологич. Общества въ честь Д. Бруно 10 февр. 1885 г.

2) Brunnhofer. Giordano Bruno's Weltanschauung und Verhängniss. Leipz., 1882.—Domenico Berti. Giordano Bruno da Nola, sua vita e sua dottrina (новое изд. съ значит. добав. 1889 г.).—J. Lewis Mac Intyre. Giordano Bruno. London, 1903.—Въ послѣднее время дѣлаются попытки популяризировать идеи и жизнеописаніе Бруно. Таково назначеніе брошюры „G. Bruno, der Dichterphilosoph und Märtyrer der Geistesfreiheit", v. Dr. Schieler, изд. редакціи „Das Freie Wort", Frankf., 1901.—Въ новой русской литературѣ рано встрѣчаемъ восторженное чествованіе Бруно, какъ мученика науки и предвѣстника широкаго и свободнаго научнаго міровоззрѣнія,—именно у Герцена, въ его Письмахъ объ изученіи природы, 1846 г., гдѣ много разъ мысль его возвращается къ Бруно. Сочин. Герцена, Женева, 1876, II, письма 5 и 6-е.

сами и окладистою бородой, облеченное то въ рясу доминиканца, то въ нарядъ свѣтскаго *кавалера*, со шпагой и плащомъ. Въ глазахъ его горитъ неугасимый огонь; Бруно то предается унынію, и тогда, по его словамъ, какъ будто созерцаетъ адскія муки, то грусть смѣняется у него неудержимымъ смѣхомъ. Но смѣхъ этотъ не радуетъ: въ эпиграфѣ къ своей единственной комедіи Бруно приписываетъ себѣ способность быть веселымъ среди печали, печальнымъ среди веселья (in tristitia hilaris, in hilaritate tristis). Казалось бы, чего ему унывать и тревожиться? Онъ родился (1548) въ благословенномъ краю, у подножія Везувія, у самыхъ воротъ Неаполя, въ старой Нолѣ, одномъ изъ древнихъ поселковъ Великой Греціи; чудные ландшафты разстилались передъ нимъ, море и горы ласкали взоръ своими красотами; дружное, работящее и всегда веселое населеніе городка отнюдь не наводило на печальныя мысли, а окрестные холмы давали въ изобиліи превосходное вино. Никогда не забудетъ Бруно своей милой Нолы, своего земного рая, всѣ красоты Европы будетъ сопоставлять съ нею, не разстанется съ прозвищемъ «Ноланца» (Bruno Nolano) и не разъ вспомнитъ о прежнихъ сосѣдяхъ, ихъ дѣтяхъ и семьяхъ! Но онъ не въ силахъ оставаться навѣки въ такомъ затишьѣ: точно непреодолимая власть влечетъ его вдаль. Бывало, говоритъ онъ, въ дѣтствѣ ему казалось, что за Везувіемъ все кончается, что тамъ край свѣта,—потомъ пришлось лично извѣдать, какія безграничныя области разстилаются за предѣлами ближайшаго горизонта. Не онъ первый покидалъ родину, чтобъ искать свѣта науки; сложное вліяніе греко-латинской культуры прививало ноланцамъ живые научные интересы,—и ему разсказывали о нѣсколькихъ выходцахъ изъ Нолы, заплатившихъ страданіями и казнями за свои стремленія. Это не устрашило его, и, усвоивъ все, что могла дать школа въ Неаполѣ, онъ дополнилъ свое образованіе постояннымъ чтеніемъ, пытаясь овладѣть и явными, и тайными знаніями. Какъ у Фауста, порывы его необъятны; онъ часто благодаритъ Бога за то, что Онъ надѣлилъ его этимъ свойствомъ; какъ счастливъ былъ бы онъ, если бы, принимая различные образы, могъ возноситься въ небесныя сферы и проникать въ глубь земли!

Съ такими широкими замыслами было бы тяжкою ошибкой сознательно обречь себя на застой, слѣпое послушаніе и неподвижность. Но Бруно сдѣлалъ такую ошибку: отрокомъ, чуть не ребенкомъ, всего 15-ти лѣтъ, онъ вступаетъ въ монастырь и всю первую молодость (тринадцать долгихъ лѣтъ) проводитъ въ такой обстановкѣ. Рано или поздно его самостоятельность должна была пойти въ разрѣзъ съ узкимъ формализмомъ монашескаго быта. За чтеніе вольнодумныхъ книгъ уже на него косятся, за разговорами его слѣдятъ, едва не отдаютъ его подъ

судъ за ироническіе отзывы о мистицизмѣ; когда же, бесѣдуя съ однимъ изъ товарищей-монаховъ, онъ неосторожно отозвался сочувственно объ аріанствѣ и дѣло огласилось, назначено было строгое слѣдствіе. Поспѣшно скрывается онъ въ Римъ, но тамъ скоро нападаютъ на его слѣдъ; онъ принужденъ скитаться по сѣверной Италіи, на время останавливаясь въ Туринѣ, Венеціи, Падуѣ. Рано же взялъ онъ посохъ изгнанника! Но уже его томятъ сомнѣнія, жажда истины, презрѣніе къ суевѣрію, и онъ набросалъ первую свою книгу, L'Arca di Noe, изобразивъ въ ней человѣческое общество подъ видомъ разныхъ животныхъ въ ковчегѣ, предводимыхъ осломъ; то были его первыя наблюденія надъ «блаженною глупостью», Santa Asinita... Нигдѣ онъ не встрѣчаетъ ласковаго привѣта, нигдѣ не находитъ возможности основаться. Только въ генуэзскомъ городѣ Ноли (Noli) ему дали право свободнаго преподаванія, и онъ уже безконечно счастливъ, нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ собираетъ толпы разнообразныхъ слушателей, краснорѣчиво и убѣдительно излагаетъ добытыя имъ научныя истины. Офиціально называлъ онъ читаемый имъ предметъ «Сферой», т.-е астрономіей, но подъ ея покровомъ охватывалъ широкій кругъ знаній. Онъ одинъ изъ ревностныхъ поклонниковъ теоріи Коперника, котораго называетъ вторымъ Колумбомъ, смѣло пробившимъ себѣ путь къ небу сквозь преграды старой планетной системы, вездѣ проповѣдуетъ и защищаетъ ее, торжествуя крушеніе схоластическихъ представленій о міровомъ устройствѣ, освященныхъ авторитетомъ Аристотеля и Птоломея. Одного этого заступничества за опасную теорію, отнимавшую у земли ея первостепенное, центральное значеніе и разстроившую гармонію цѣлой сѣти набожныхъ легендъ, достаточно было бы, чтобъ обличить въ Бруно еретика. Не за то ли пострадалъ вскорѣ Галилей? Но молодой философъ не ограничился сочувственнымъ изложеніемъ чужого открытія; оно послужило для него основой для дальнѣйшихъ построеній. Фантазія его заработала. «Довѣрившись надежнымъ крыльямъ, онъ бросился въ безконечныя пространства, разсѣкая воздухъ и проникая въ другіе міры»; онъ горячо доказывалъ существованіе множества этихъ обитаемыхъ міровъ; ему грезилась жизнь и проблески сознанія вездѣ; душевныя движенія отгадывалъ онъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ царства природы; эти представленія слагались въ грандіозный пантеистическій догматъ о «міровой душѣ», о сліяніи и тождествѣ божества и природы, и передъ этой свободной общечеловѣческой религіей блѣднѣли и казались ничтожными всѣ положительныя церковническія религіи. Его философія принимала часто поэтическій характеръ,—иначе и быть не могло: онъ убѣжденъ былъ, что истинный философъ не можетъ не быть поэтомъ.

Но на ряду съ этими ученіями его по временамъ привлекала и таинственная мудрость, приподнимавшая завѣсу надъ многими загадками бытія. Всегда осмѣивавшій алхимію, онъ не могъ противостоять искушенію, которому подпадали многіе сильные умы его времени, втайнѣ не перестававшіе интересоваться магіей. Только вспомнивъ это, мы поймемъ, какъ онъ могъ серьезно увлекаться устарѣлыми твореніями Раймунда Люллія, который не только научалъ искусству развивать память, но механически, переводя основныя идеи въ алгебраическіе знаки и нанося ихъ на вращающіеся круги, брался научить, какъ вырабатывать новыя идеи и догадки,—пространно толковалъ о символикѣ человѣческихъ именъ и соотвѣтствующихъ имъ цифръ и т. д., основываясь главнымъ образомъ на еврейской и арабской мудрости. Быть-можетъ, Бруно привлекла своей неутомимой и безбоязненной энергіей сама личность Люллія, до глубокой старости не перестававшаго проповѣдывать и умершаго мученикомъ. Быть-можетъ, его поразили въ твореніяхъ предшественника проблески пантеизма. Мы имѣемъ любопытное доказательство живого интереса Бруно къ люлліевой наукѣ: Московскій Румянцевскій музей хранитъ въ числѣ своихъ рѣдкостей рукописную книгу трактатовъ нашего ученаго (случайно пріобрѣтенную Норовымъ) съ нѣсколькими листками собственноручной черновой работы Бруно; глядя на эти листки, чувствуешь какъ бы присутствіе его, видишь его въ минуту размышленія заносящимъ на бумагу бѣглыми фразами свои мысли, которыя иногда уступаютъ мѣсто написанному на поляхъ возгласу или небольшому итальянскому стихотворенію. И что же?—Главное содержаніе тетради составляютъ разсужденія о магіи, о духахъ-покровителяхъ, о «люлліевой медицинѣ».

Но не на этомъ зиждется великое значеніе Бруно, какъ мыслителя. Это невольная дань увлеченіямъ его времени, и съ годами, овладѣвая истинной наукой (особенно въ Англіи), онъ охладѣлъ къ этимъ вкусамъ своей молодости. Стремленіе найти убѣжище, гдѣ онъ могъ бы свободно проповѣдывать свое ученіе, увлекло его по ту сторону Альпъ. Послѣ недолгой остановки въ Женевѣ мы видимъ его во Франціи. Въ Тулузѣ, чей университетъ считался вторымъ въ странѣ и собиралъ до 10.000 студентовъ, открываетъ онъ курсъ философіи природы, устраиваетъ диспуты съ защитниками старыхъ воззрѣній и побѣдоносно разбиваетъ ихъ. Въ немъ вырабатываются способности оратора и искуснаго спорщика; ему нужна людная аудиторія; въ немъ воплотился столь отличающій пору Возрожденія типъ «свободнаго профессора» (libre professeur), не принадлежащаго ни къ какой корпораціи, переѣзжающаго изъ одного умственнаго центра въ другой, разнося свои ученія по всему свѣту. Для Бруно настала пора постояннаго скитанія. Въ одномъ сти-

хотвореніи онъ сравниваетъ такихъ искателей и распространителей истины съ смѣлымъ пловцомъ, который пускается въ открытое море на утлой лодкѣ, не страшась опасностей; волны могутъ поглотить ее, вѣтеръ разорветъ парусъ на части,—а сколько опасностей на сушѣ! Непроходимыя горы, дремучіе лѣса, въ долинахъ людская злоба и неправда. Но все это не устрашаетъ путника; ему не жаль потерянной молодости, утраты богатства, безсонныхъ ночей. Его поддерживаетъ священный огонь героическаго энтузіазма, который Бруно прославилъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, «Eroici furori», являясь самъ въ жизни нагляднымъ примѣромъ такихъ служителей идеи.

Слѣдующею послѣ Тулузы остановкой Бруно былъ Парижъ. Сорбонна, этотъ оплотъ схоластики, стояла на стражѣ, готовая искоренить малѣйшее проявленіе свободы мысли, но ея представителей, па ряду съ шарлатанами и алхимиками, онъ тогда же осмѣялъ въ своей (начатой еще въ Италіи) единственной комедіи *Il Candelajo*, вспышкѣ юмора, необыкновенно оригинальной у глубоко серьезнаго мыслителя,—и пустоголовый педантъ Manfurio вошелъ въ кругъ замѣчательнѣйшихъ комическихъ типовъ. Опасность не помѣшала Бруно смѣло высказывать свои мнѣнія, сблизиться съ передовыми мыслителями, заручиться даже поддержкой Генриха III. Но истинный просторъ и отдыхъ нашелъ онъ только въ Англіи, благодаря гуманному покровительству друга своего, французскаго посла. Здѣсь подъ вліяніемъ большей жизненной свободы онъ впервые созналъ себя полноправнымъ, рѣчь его стала мужественнѣе, чѣмъ когда-либо. «Онъ сталъ называть обманъ обманомъ, притворство притворствомъ, сталъ считать философовъ философами, педантовъ педантами, шарлатановъ, скомороховъ, акробатовъ тѣмъ, что они представляютъ собой на дѣлѣ». Волновавшія его *Тѣни идей* (такъ назвалъ онъ одну изъ своихъ книгъ, De umbris idearum) воплощались, научныя занятія стали глубже; здѣсь созрѣли лучшія его произведенія философскія и сатирическія (въ Англіи издано было семь его книгъ). Въ «Изгнаніи торжествующаго звѣря» (Spaccio della bestia trionfante), въ этой, по выраженію Берти, поэмѣ въ аріостовскомъ вкусѣ, раньше Лессингова *Натана* и широко развивая мысль Боккачіевой притчи о кольцахъ, онъ отъ критическаго разбора существующихъ исповѣданій восходитъ къ царству истины, и въ аллегорическомъ образѣ «торжествующаго звѣря» воплощаетъ безграничное и неистощимое людское суевѣріе; въ *Кабалѣ Пегаса* громитъ господствующее невѣжество и педантизмъ; въ «Eroici furori» возвеличиваетъ подвигъ свободнаго мыслителя, а въ книгѣ «De l'infinito universo et mondi» излагаетъ пространнѣе чѣмъ когда-либо свое ученіе. Въ Оксфордѣ онъ собиралъ массы

студентовъ, объясняя свою теорію о превращеніяхъ видовъ въ природѣ. Въ развитыхъ кружкахъ, группировавшихся около двора Елизаветы, онъ встрѣтилъ искренныхъ цѣнителей, и друзей, вродѣ ученаго итальянца Флоріо, переводившаго «Опыты» Монтаня, Филиппа Сиднея, Гревилля [1]). Наконецъ въ семьѣ своего гостепріимнаго хозяина онъ отдыхалъ душой; въ женѣ его и особенно въ маленькой дочкѣ Бруно готовъ былъ видѣть неземныя созданія. Когда дѣвочка пѣла и играла на музыкальномъ инструментѣ, онъ спрашивалъ себя: не ангелъ ли сошелъ къ нему съ неба? Потребность въ привязанности и семейномъ счастьѣ сказывалась въ такія минуты. Много любившій и страстно увлекавшійся въ молодости, Бруно давно подавилъ въ себѣ эти влеченія; предметомъ его культа отнынѣ стала *Софія*, мудрость, и этой возлюбленной онъ служилъ нелицемѣрно. Одно изъ стихотвореній въ московской рукописи обнаруживаетъ въ немъ этотъ постоянный разладъ страсти и высшихъ стремленій: «я ношу высоко знамя любви,—говоритъ онъ,—но я оледенилъ въ себѣ надежды и желанія. Когда въ сердцѣ моемъ сверкаютъ искры, на глазахъ навертываются слезы; я тревожусь и замираю, рвусь впередъ, сіяя радостью, и оглашаю небесный сводъ отчаянными возгласами».

Но двухлѣтнее лондонское затишье оборвалось внезапно. Посолъ былъ отозванъ, съ нимъ покинулъ Англію и Бруно; онъ возобновилъ было въ Парижѣ свои чтенія, но, вынужденный наставшими междоусобіями оставить французскую столицу, направилъ на этотъ разъ свой путь въ другую сторону. Германія привлекала его своей оживленной умственной жизнью; онъ перебывалъ во всѣхъ главныхъ университетскихъ центрахъ,—Марбургѣ, Виттенбергѣ, Гельмштетѣ, наконецъ Прагѣ, также причислявшейся тогда къ нѣмецкимъ культурнымъ пунктамъ. Счастье и теперь не всегда улыбалось ему. Только въ Виттенбергѣ, не утратившемъ со временъ Лютера важнаго значенія въ наукѣ и церкви, его встрѣтили съ полнымъ радушіемъ, и отзывчивый Бруно отвѣтилъ на этотъ пріемъ горячими похвалами. Но и тутъ судьба не могла долго щадить его: послѣ двухлѣтней дѣятельности, доставившей ему большую популярность, настаютъ невзгоды; въ гостепріимномъ университетѣ беретъ верхъ противоположная партія, и Джордано прину-

---

[1]) Слѣды вліянія Бруно на англійскую литературу его времени долго были замѣтны. Ихъ находили у Шекспира, особенно въ „Гамлетѣ“ (заимствованія изъ діалога Бруно „La cena de le ceneri“ и изъ посвященія его комедіи „Il Candelajo“). Въ новѣйшее время общеніе Бруно съ выдающимися дѣятелями елизаветинской эпохи характеризовано было въ книгѣ Lewis Einstein, The italian renaissance in England. New York, 1902. Изъ выдающихся писателей новѣйшаго времени вліяніе идей Бруно прослѣжено у Гёте (Giord. Bruno's Einfluss auf Göthe, статья Бруннгофера въ VII т. Göthe-Jahrbuch, 1886).

жденъ опять взять свой посохъ. Наконецъ мы видимъ его, усталаго и больного, во Франкфуртѣ, корректоромъ въ одной изъ лучшихъ типографій. На знаменитыя нѣкогда франкфуртскія ярмарки съѣзжалась со всей Европы разнообразная публика, въ томъ числѣ много итальянцевъ, въ особенности книгопродавцевъ. Бруно и тутъ ищетъ повода къ преніямъ и научнымъ бесѣдамъ, приготовляетъ къ печати новыя произведенія. По словамъ очевидцевъ, онъ вѣчно или за книгами, или ходитъ одиноко и строитъ химеры. Среди этихъ занятій его неожиданно и пріятно поразилъ призывъ повидать еще разъ родину: молодой представитель стариннаго венеціанскаго рода Мочениго, выставившаго изъ своихъ рядовъ семерыхъ дожей, поручилъ ѣхавшему во Франкфуртъ книгопродавцу передать Бруно о своемъ поклоненіи его мудрости, о желаніи видѣть его лично въ Венеціи и пользоваться его уроками.

Можетъ показаться поспѣшною готовность философа отозваться на предложеніе неизвѣстнаго ему магната, но какъ понятно радостное волненіе въ человѣкѣ, такъ любившемъ родину, утомленномъ десятилѣтнимъ изгнаніемъ и внезапно увидѣвшемъ возможность хоть не надолго побывать въ своей землѣ! Къ тому же опасенія гоненій и суда устранялись увѣренностью, что могущественная семья Мочениго сумѣетъ отстоять его неприкосновенность. Это роковое совпаденіе обстоятельствъ ускорило развязку несчастной жизни Бруно. Прибывъ въ Венецію, онъ скоро сознаъ свою ошибку.

Въ Мочениго онъ увидалъ скучающаго, недалекаго и трусливаго патриція, который увлекался лишь слухами объ искусствѣ, съ которымъ Бруно преподаетъ «Люллієву науку», главнымъ образомъ способы развитія памяти. Широта взглядовъ учителя, довѣрчиво высказывавшаго ихъ, поразила и испугала молодого человѣка; завязанныя Бруно связи съ венеціанскими вольнодумцами, вродѣ Морозини или Сарпи, были непріятны юношѣ; критика современной догматики и восторженныя мечтанія о просвѣтленной, «естественной» религіи показались ему вредною ересью. Между учителемъ и ученикомъ начались частыя размолвки; Бруно уже собирался назадъ, во Франкфуртъ, гдѣ ему такъ хорошо жилось, но Мочениго, на этотъ разъ поддавшись настойчивому вмѣшательству своего духовника, рѣшилъ выдать Бруно въ руки венеціанской инквизиціи. Ночью, опираясь на помощь шести гондольеровъ съ ближайшей стоянки, онъ захватилъ его въ постели, продержалъ сначала подъ домашнимъ арестомъ, а потомъ, составивъ доносъ, полный нелѣпыхъ обвиненій, прямо противорѣчившихъ всѣмъ убѣжденіямъ Бруно, передалъ его тайному судилищу инквизиціи, въ которомъ немалую роль играли такъ называемые savii all'eresia, спеціально наблюдавшіе надъ искорененіемъ ересей.

Начался «венеціанскій процессъ», всѣ акты котораго дошли до насъ. Бруно спокойно излагалъ передъ судьями свои убѣжденія, какъ будто и теперь передъ нимъ была парижская или оксфордская аудиторія, а не отцы инквизиторы; вызванные свидѣтели,—типографщики, знавшіе его изъ Франкфурта, и нѣсколько образованныхъ венеціанцевъ, съ которыми онъ успѣлъ сойтись,—дали самыя сочувственныя показанія; можно было надѣяться на благопріятный исходъ, и Бруно, поддавшись крайнему душевному утомленію, дошелъ даже ненадолго до роли просителя: если оставятъ ему жизнь, онъ обѣщалъ измѣниться и исправить многое въ своихъ сочиненіяхъ. Но это была мимолетная слабость, внушенная, какъ и у Галилея, чувствомъ самосохраненія. Да и она была безполезна: о задержаніи Бруно провѣдали въ Римѣ, обрадовались захвату такого «ересіарха» и потребовали его присылки въ папскую столицу. Слабыя возраженія Венеціи, ссылавшейся на свои державныя права, не помогли: изъ Рима отвѣчали, что преступленія такого неслыханнаго врага религіи подсудны лишь верховному вождю церкви. Съ той минуты, когда Бруно вступилъ на барку, отвозившую его въ Анкону, его участь была рѣшена. Судьи римскіе превзошли изувѣрствомъ болѣе благодушныхъ венеціанскихъ инквизиторовъ, и во главѣ ихъ стоялъ кардиналъ Сантасеверина, могуществомъ превышавшій самого папу Климента, мрачный фанатикъ, считавшій Варѳоломеевскую ночь свѣтлымъ праздникомъ церкви,—что ему значило послѣ этого сжить со свѣту какого-нибудь презрѣннаго еретика!

Новый процессъ затянулся на семь мучительныхъ лѣтъ (1593—1600); судьи какъ будто наслаждались возможностью медленно истерзать свою жертву. Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ подробностей объ этомъ времени жизни Бруно; только послѣднія засѣданія суда стали нѣсколько болѣе извѣстны, благодаря открытію документовъ тюбингенскимъ профессоромъ Зигвартомъ. Бруно замкнулся окончательно въ себѣ; его твердые отвѣты, полные достоинства, раздражали судей; чѣмъ дольше его держали въ темницѣ, тѣмъ крѣпче закалялась его стойкость; «я не обязанъ и не хочу брать чего-либо назадъ, и нѣтъ у меня повода къ тому», гордо отвѣчалъ онъ судьямъ за годъ до казни, и написалъ папѣ смѣлое защитительное посланіе. Послѣ перерывовъ снова возобновлялись допросы, быть-можетъ и пытки; всю душу истерзали они у несчастнаго. Онъ давно свыкся съ мыслью о казни; «тотъ, кто страшится за свое тѣло,—говорилъ онъ еще въ Лондонѣ,—не можетъ чувствовать единенія съ Богомъ; вполнѣ счастливъ лишь тотъ мудрый и добродѣтельный человѣкъ, который способенъ даже не почувствовать боли». Закончивъ процессъ, дали подсудимому сорокъ дней, чтобъ онъ могъ «одуматься и отречься»; но послѣ этого срока онъ гордо

заявилъ, что не знаетъ за собой никакой вины и ни отъ чего отрекаться не хочетъ. Отъ него не скрыли, что его ждетъ именно смерть на кострѣ; въ протоколѣ записанъ его отвѣтъ: «умираю мученикомъ добровольно, но душа моя вмѣстѣ съ дымомъ костра вознесется въ рай». На эту сатанинскую гордость отвѣтили чтеніемъ приговора; когда дочитали его до конца, Бруно произнесъ послѣднія дошедшія до насъ слова: «вы проявляете больше страха, произнося свой приговоръ, чѣмъ я, выслушивая его». 17 февраля 1600 г. на площади Флоры (Campo di Fiore), противъ развалинъ театра, нѣкогда сооруженнаго Помпеемъ, устроенъ былъ большой костеръ [1]; войско и масса народа окружали его; по словамъ очевидцевъ, костеръ мгновенно запылалъ, и, связанный по рукамъ и ногамъ, въ сильныхъ страданіяхъ погибъ мученикъ. Свой характеръ онъ выдержалъ до конца. Присутствовавшіе вспоминали, какъ другіе еретики, Гусъ, Серветъ, не могли воздержаться отъ криковъ, боли или стоновъ,—Бруно ни однимъ вздохомъ не выдалъ себя.

Дальность времени, чуждая національность и различіе въ цѣляхъ и задачахъ культуры двухъ вѣковъ, во многомъ столь противоположныхъ, не могутъ заслонить отъ насъ значенія такого мыслителя и удивительно стойкаго человѣка, какъ Бруно. На примѣрѣ его, какъ на судьбѣ Галилея, Кампанеллы, Ванини и другихъ представителей необычайнаго, богатырскаго поколѣнія прежнихъ «мучениковъ науки», отдаленнѣйшее потомство будетъ воспитывать въ себѣ идеальную преданность освобождающему знанію. Бруно мечталъ о такомъ долгомъ, загробномъ вліяніи, когда человѣкъ, «погибшій въ одномъ вѣкѣ, живетъ во множествѣ столѣтій» (la morte di un secolo fa vivo in tutti gli altri). Со своею, подчасъ изумительною отгадкой, дѣлающей его предшественникомъ великихъ философовъ XVIII и XIX вѣковъ, ставящей его на одной высотѣ со Спинозой, Бруно стоитъ на рубежѣ умирающаго Возрожденія и восходящей зари новаго времени.

Послѣ казни Бруно палачи собрали пепелъ и разсѣяли его во всѣ стороны, чтобы ничего не осталось отъ такого грѣшника. Но на зло этой безцѣльной жестокости неуловимыя частицы праха «мученика за науку» разнесли во всѣ концы свѣта зародыши новыхъ благородныхъ подвиговъ человѣческой мысли.

---

[1]) **На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда пылалъ онъ, воздвигнута въ 1889 статуя мученика, поражающая вдохновеннымъ выраженіемъ лица его; пьедесталъ украшенъ рельефами, напоминающими главные моменты жизни Бруно: его рѣчи среди многолюдной аудиторіи, судъ инквизиціи надъ нимъ, сожженіе на кострѣ. А вокругъ, на площади, особенно по утрамъ въ торговые дни, снуетъ шумная, оживленная и безпечная толпа...**

ПОСЛѢДНІЙ РЫЦАРЬ.

Эпизодъ изъ литературной и общественной исторіи Франціи XVI—XVII вѣковъ [1]).

Мм. гг. Безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ на такомъ же чтеніи, какъ настоящее наше собраніе, И. С. Тургеневъ представилъ своимъ слушателямъ блестящую характеристику Донъ-Кихота, и художественный образъ запоздалаго поклонника рыцарскихъ идеаловъ выступилъ въ новомъ, гуманномъ освѣщеніи. Подъ покровомъ Тургенева я рѣшаюсь занять сегодня ваше вниманіе попыткой такого же возрожденія одного изъ выдающихся дѣятелей предсмертной поры рыцарства.

Не созданное поэтомъ лицо вѣчнаго неудачника Донъ-Кихота, борющагося съ воображаемыми врагами, не сильно идеализованный въ юношеской трагедіи Гете рыцарь Гетцъ Берлихингенскій, превращенный изъ непокорнаго авантюриста въ апостола народной вольности, будетъ моимъ героемъ. Вполнѣ реальная, могучая личность, отважно споривщая съ вѣкомъ, полная огня и страсти, и все-таки погребенная подъ обломками стараго міра, явится здѣсь послѣднимъ воплощеніемъ рыцарской старины. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ наше нервное время, способное иногда гордиться своимъ философскимъ уныніемъ и слабостью воли, полезно переноситься мыслью въ царство духовной силы и физическаго богатырства, отъ котораго вѣетъ эпическимъ величіемъ...

Едва миновала первая половина XVI вѣка; Франція уже вступила въ тотъ великій и тревожный періодъ, когда выставлены и смѣло подержаны были насущные вопросы всего послѣдующаго человѣчества. Благороднѣйшіе идеалы Возрожденія встрѣчались въ освободительной проповѣди съ лучшими сторонами реформаціоннаго движенія; вѣротерпимость, свобода личности и общества, независимость научнаго изслѣ-

---

[1]) Публичная лекція, прочтенная въ Петербургѣ, въ пользу Литературнаго фонда, 29 января 1889 года.

дованія, борьба съ тираніей и исканіе разумныхъ соціальныхъ формъ соединяли лучшихъ людей обоихъ передовыхъ лагерей, и только фанатическіе вопли крайнихъ кальвинистовъ вносили дисгармонію въ это рѣдкое единство, выходившее за предѣлы страны и становившееся международнымъ. Но въ разгоравшейся борьбѣ за существованіе силы противниковъ были неравны. Съ одной стороны стоялъ еще достаточно крѣпкій, сплотившійся въ виду опасности, государственный и церковный строй, съ другой—была горсть безстрашныхъ людей, полныхъ вѣры въ будущее, но не заручившихся поддержкою народныхъ массъ. Самосохраненіе внушало защитникамъ стараго порядка жестокія средства отместки; жизнь человѣческая ставилась ни во что. То и дѣло вспыхивали костры, истреблявшіе еретиковъ всякаго рода; спасшихся отъ гибели ждало изгнаніе. И въ этой зловѣщей обстановкѣ слышались смѣхъ Рабле, бойкіе стихи Клемана Маро, философскіе діалоги Де-Перье, и въ тиши ученой кельи восьмнадцатилѣтній Ла-Боэси писалъ страстный памфлетъ противъ «Добровольнаго рабства людей» [1]), тогда уже предвѣщая идеи XVIII вѣка! Ничто не въ силахъ было сломить мужества этихъ людей, и число ихъ возрастало.

Еще ожесточеннѣе, быть-можетъ, шло искорененіе религіознаго разномыслія. Обращенная не противъ отдѣльныхъ только лицъ, но преслѣдовавшая успѣхи протестантизма во всемъ народѣ, реакція превращалась въ гражданскую войну, озлобленную и опустошительную. Навстрѣчу поднимались негодующія и оскорбленныя массы иновѣрцевъ, не знавшія за собой никакого грѣха ни передъ Божьимъ, ни передъ свѣтскимъ правосудіемъ и желавшія для себя свободы совѣсти. Борьба изъ-за догмата превращалась въ вооруженное столкновеніе, вызывавшее чудеса храбрости и геройства у тѣхъ, кто наканунѣ еще могъ считаться самымъ вѣрнымъ подданнымъ. Соединенный натискъ королевской и духовной власти возбуждалъ и въ этомъ станѣ отпоръ политическому деспотизму; не вымершій еще съ рыцарскихъ временъ духъ независимаго дворянства, готоваго отстаивать свои вольности противъ усилившагося роялизма, встрѣчаясь съ требованіями горожанъ, которые еще въ XV столѣтіи умѣли иногда влiять на дѣла, точно будущій Tiers-Etat [2]), придавалъ борьбѣ значеніе политическое. Если въ ту пору Возрожденіе и реформація не разъ сливались въ одно освобождающее движеніе, и такіе люди, какъ Анри Этьенъ,

---

[1]) „De la servitude volontaire ou le contr'Un"; въ первый разъ напечатанъ послѣ смерти автора, въ 1576 году. Всѣ сочиненія этого даровитаго юноши, друга Монтаня, собраны были сначала Фэжеромъ (Oeuvres complètes de Etienne De La Boètie, 1846), затѣмъ А. Бонифономъ, 1892.

[2]) Особенно во время борьбы Карла VII съ англичанами.

Маро или Де-Перье оставили по себѣ славную память въ лѣтописяхъ обѣихъ школъ, то и тѣ бойцы за права гонимаго протестантизма, которые защищали его на полѣ битвы, въ то же время являлись провозвѣстниками политическаго пробужденія массъ.

Въ разгаръ тревожной поры, когда воздухъ былъ насыщенъ элементами борьбы и враждебности, въ одномъ изъ дальнихъ дворянскихъ замковъ Сентонжа, въ семьѣ захудавшей и гонимой за вѣрность протестантизму, родился (въ 1552 г.) Теодоръ Д'Обинье [1]); горе встрѣтило его съ минуты рожденія,—мать умерла отъ мучительныхъ родовъ, и ему въ постоянное напоминаніе о томъ дали второе имя Агриппы, отъ *aegre partus*. На серьезнаго, вѣчно сдержаннаго отца его двойственный духъ вѣка наложилъ свою печать: онъ былъ поклонникомъ учености и ревностнымъ протестантомъ, книжникомъ и храбрымъ воиномъ. Онъ и сына повелъ такимъ же путемъ. Шестилѣтній Агриппа свободно читалъ на четырехъ языкахъ, черезъ годъ переводилъ Платона, а въ то же время постепенно подготовлялся къ рыцарскимъ упражненіямъ, закалявшимъ физическую ловкость и неустрашимость. Тогда еще въ воспитаніе дворянства входили эти отголоски средневѣковой поры; молодежь состязалась на турнирахъ во славу дамъ [2]) и переносилась мыслью въ блаженное время рыцарей Круглаго Стола. Но бѣдствія религіозной войны внезапно разстроили домашнее воспитаніе Д'Обинье, такъ напоминавшее обстановку дѣтства барона старыхъ временъ. На склонѣ лѣтъ ему живо представлялась страшная минута изъ этой ранней поры, сразу открывшая ему глаза. Они ѣдутъ съ отцомъ черезъ Амбуазъ; на площади толпится народъ вокругъ лобнаго мѣста, на которомъ еще виднѣются отсѣченныя головы казненныхъ заговорщиковъ-протестантовъ. Забывъ, что онъ среди враговъ, что его окружаетъ нѣсколько тысячъ фанатизованныхъ католиковъ, отецъ внѣ себя отъ горести воскликнулъ во всеуслышаніе: «Они обезглавили Францію, эти палачи!» Толпа зашевелилась, зароптала; старикъ пришпорилъ коня; сынъ, изумленный неожиданною перемѣной въ отцѣ и страннымъ выраженіемъ его лица, едва поспѣвалъ за нимъ;

---

1) Главнѣйшіе источники для его біографіи: „Ma vie à mes enfants" и „Histoire universelle" самого Д'Обинье; Eugène Réaume, Etude historique et littéraire sur Agrippa D'Aubigné, 1883.—A. Sayous. Etudes littéraires sur les écrivains français de la réformation, 1841, 2-й томъ.—Haag. La France protestante, 1846.—Lavallée. La famille d'Aubigné.—Heyer. D'Aubigné à Genève, 1870.—Характеристики у Сентъ-Бёва, Causeries du lundi, томъ X; въ предисловіи Charles Read къ его изданію „Les Tragiques", 1872.—P. Morillot. Discours sur la vie et les œuvres d'A. D'Aubigné. 1884.—Faguet. Le seizième siècle. 1893.—Raoul Frary, Mes tiroirs, 1886.—Henke, статья о Д'Обинье въ Historisch. Taschenbuch. 1873.

2) Les sentiments moraux au XVI siècle par Albert Desjardins, 1887, p. 425.

двадцать всадниковъ свиты неслось позади. Отъѣхавъ нѣсколько, старикъ Д'Обинье остановился, положилъ руку на голову сына и торжественно взялъ съ него клятву не жалѣть ни себя, ни его и во что бы то ни стало отмстить за этихъ доблестныхъ мужей. «Если ты сробѣешь или станешь беречь себя,—прибавилъ онъ,—отцовское проклятіе постигнетъ тебя». Дрожа отъ волненія, мальчикъ далъ эту клятву и сдержалъ ее потомъ. Теперь онъ зналъ, что такое жизнь.

Школьные его годы также перемѣшаны съ военными дѣйствіями, осадами, нападеніями, даже плѣномъ мальчика. То онъ въ Парижѣ, то въ Орлеанѣ; отцу некогда съ нимъ заниматься, и педагогъ-гуманистъ заступаетъ его мѣсто; иногда покажется старикъ, посмотритъ на сына, найдетъ, что его слишкомъ нѣжатъ, пришлетъ ему грубую одажду и приказъ ходить по мастерскимъ и учиться труду, а потомъ снова исчезнетъ въ пороховомъ дыму. Наконецъ, его опасно ранили и, какъ только перемиріе было заключено, онъ захотѣлъ отдохнуть,—простился съ сыномъ, «завѣщалъ ему стоять за вѣру, любить науку, быть вѣрнымъ другомъ, *противъ обыкновенія* поцѣловалъ его и удалился»; черезъ нѣсколько времени его не стало. Агриппа осиротѣлъ, остался на попеченіи опекуна, возобновилъ занятія въ Женевѣ, тревожно переходилъ отъ филологіи къ математикѣ, даже къ магіи, тосковалъ, рвался на волю. Междоусобія возобновились; юношѣ не сидѣлось дома; опекунъ боялся возможности его побѣга и приказывалъ на ночь уносить его платье. Но Д'Обинье успѣлъ тайно сговориться съ товарищами, отправлявшимися на войну. Ночью ему подали сигналъ; въ одной рубашкѣ спустился онъ по полотну изъ окна и добѣжалъ до проѣзжавшаго мимо отряда. Его посадили на сѣдло, закутали въ солдатскій плащъ, дали кое-какое оружіе. Въ первой же стычкѣ онъ добылъ себѣ пищаль, потомъ позаботился объ одеждѣ. Къ нему скоро привыкли; отчаянная его храбрость располагала въ его пользу, и ему стали довѣрять даже партизанскіе набѣги. Рано началась для него жизнь воина, и пятьдесятъ четыре года сряду онъ не раставался съ нею.

Но въ первое время горячность вовлекла его въ крайности; онъ способенъ былъ забыть, за какую идею борется, и поддаться опьяняющему чувству отместки, даже жестокости. Отстаивая гонимыхъ, онъ становился гонителемъ; онъ былъ слишкомъ молодъ для роли военачальника; его люди грабили побѣжденныхъ и мирное католическое населеніе. Мозгъ не выдержалъ водоворота трагическихъ впечатлѣній; горячка довела Д'Обинье до края могилы; въ бреду переживалъ онъ всѣ ужасы войны, взводилъ на себя страшныя преступленія; «волосы вставали дыбомъ у присутствующихъ». Когда онъ наконецъ

очнулся, натура его какъ будто переродилась. Все лучшее взяло верхъ, и никогда не вернулся онъ къ безумному увлеченію кровавою стороной войны. Отнынѣ онъ какъ-то сердечнѣе полюбилъ ее, какъ могъ бы ее полюбить убѣжденный рыцарь старыхъ временъ: она стала для него благороднымъ занятіемъ, служеніемъ родинѣ и вѣрѣ. Съ видимымъ удовольствіемъ вспоминалъ онъ, напримѣръ, потомъ, что тотъ или другой годъ проведенъ былъ «въ изрядныхъ военныхъ упражненіяхъ» (en gentils exercices de guerre), а когда хотѣлъ выставить чьи-либо рѣдкія качества, заявлялъ, что этотъ человѣкъ «достоинъ быть участникомъ въ междоусобіяхъ» (un homme digne des guerres civiles). Но онъ и борьбу ведетъ теперь инымъ способомъ; безстрашный, могучій, онъ въ состояніи умѣрять свой пылъ во имя кроткой дамы его сердца. Онъ въ первый разъ искренно полюбилъ, и поклоняется своей Діанѣ, какъ вѣрный паладинъ; на правой рукѣ его показался браслетъ, свитый изъ ея волосъ. Однажды въ единоборствѣ на полѣ сраженія Д'Обинье внезапно останавливается, передаетъ шпагу въ лѣвую руку, чтобы потушить другою драгоцѣнный браслетъ, загорѣвшійся отъ выстрѣла. Понялъ это движеніе и его противникъ, опустилъ свою шпагу и сталъ ею чертить по песку... Та же любовь сдѣлала воина поэтомъ. Въ честь дамы послышались безконечные сонеты, оды, эпиталамы, составившіе три сборника; первый изъ нихъ характеристически названъ «гекатомбой въ честь Діаны», а все это пѣсенное богатство—«Весной Д'Обинье» (Le printemps du sieur D'Aubigné) [1]. Но это весна воинствующаго поэта; по его же словамъ, отъ его стиховъ часто пахнетъ сѣрой и порохомъ; свою богиню онъ занимаетъ разсказами о бояхъ; «его страстные вздохи, дерзкія желанія, безсильныя жалобы, мучительныя рыданія,—увѣряетъ онъ,—превратили и его разсудокъ въ междоусобную войну» (font de ma raison une guerre civile); недавно онъ видѣлъ смертельно раненаго солдата, умолявшаго товарищей заколоть его, чтобы прекратить его терзанія,—такъ и онъ томится отъ глубокой сердечной раны, которую нанесла ему ея несравненная красота.

Стихи не всегда удачны, написаны въ духѣ Ронсара, котораго Д'Обинье считалъ тогда образцомъ, но въ нихъ уже встрѣчаются мѣткія, образныя выраженія, отличавшія позднѣйшій его слогъ, и они согрѣты

---

1) Наиболѣе полное собраніе сочиненій Д'Обинье издано Эж. Реомомъ и Де-Коссаломъ; четыре тома появились въ 1873 году (Oeuvres complètes de Théodore Agrippa D'Aubigné publiées pour la première fois d'après les manuscripts originaux), дополнительные пятый и шестой въ 1892. Въ новѣйшемъ (1905 г.) изданіи избранныхъ поэтическихъ сочиненій Д'Об. (Oeuvres poétiques choisies publ. par Ad. Van Bever), свѣренныхъ по рукописямъ, есть стихотворенія, появляющіяся въ свѣтъ впервые.

«рьяною горячностью» (fureur), которая тѣшила подъ старость самого автора, когда онъ пересматривалъ стихотворные грѣхи молодости. Въ одномъ изъ сонетовъ «Весны» онъ шутя говорилъ о приближеніи «среброкудрой зимы (l'Hyver à la teste grisonne), заставляя ее тщетно состязаться бѣлизною снѣга съ его милой,—подъ конецъ зима дѣйствительно пришла къ нему, и его поэтическое творчество замыкается грустнымъ стихотвореніемъ, которое онъ назвалъ «своей Зимой». Старѣвшій Д'Обинье почувствовалъ, какъ покидаютъ его страстныя влеченія, какъ холодъ охватываетъ все его существо; «улетайте, ласточки,—говоритъ онъ имъ,—вы почуяли, что тепло уходитъ, и стужа приближается; ищите себѣ другого гнѣзда, а меня оставьте дремать въ сумракѣ моей зимы».

Но не все въ его весеннюю пору могло бы выдержать потомъ суровый судъ искушеннаго жизнью старца. Блестящій и храбрый Д'Обинье заплатилъ дань суетности; Генрихъ Наваррскій въ память заслугъ его отца приблизилъ его къ себѣ, и вмѣстѣ они появились въ Парижѣ, при дворѣ. Нужно было пройти и черезъ это испытаніе и вблизи увидѣть виновниковъ несчастій родины, Екатерину Медичи («флорентинку», какъ онъ называлъ ее впослѣдствіи), Гизовъ, Невера, чтобы лучше понять свой гражданскій долгъ. Но и наваррскій властитель не походилъ еще на Генриха IV, и Д'Обинье былъ слишкомъ молодъ. Оба они показывались на блестящихъ празднествахъ, которыя давала во вкусѣ итальянскаго Возрожденія королева; оба готовы были дѣлать уступки, слишкомъ положившись на лживое замиреніе и не чуя близкой опасности. Втайнѣ готовилась Варѳоломеевская ночь. Д'Обинье случайно уцѣлѣлъ, выѣхавъ за нѣсколько дней до рѣзни изъ Парижа послѣ стычки съ полиціей. Вернувшись съ трудомъ въ столицу, онъ засталъ панику; по временамъ убійства возобновлялись; двѣ тысячи убитыхъ въ Парижѣ, двадцать тысячъ во всей Франціи раскрыли чудовищную силу фанатизма. Самихъ мучителей охватили нервная тревога и галлюцинаціи; по ночамъ Карлъ IX не могъ сомкнуть глазъ; постоянно ему слышались стоны и дикій шумъ толпы; онъ посылалъ за Генрихомъ, и тотъ столь же явственно слышалъ плачъ, крики и проклятія. Между тѣмъ въ городѣ все было спокойно. Стоны застыли въ воздухѣ.

Оставаться въ вертепѣ убійцъ нельзя было. Первымъ очнулся Д'Обинье; пользуясь меланхолическимъ настроеніемъ своего покровителя, котораго онъ засталъ однажды въ пароксизмѣ лихорадки, повторяющимъ про себя слова псалма объ одиночествѣ и измѣнѣ друзей, онъ пристыдилъ его рабской зависимостью: «вѣдь онъ самъ могъ бы повелѣвать, а добровольно сталъ слугой». Былъ рѣшенъ тайный отъѣздъ,

и черезъ нѣсколько дней, очутившись на волѣ, «Бэарнецъ» былъ уже во главѣ самостоятельнаго отряда. Всѣ связи были порваны, отступленіе отрѣзано. На много лѣтъ пошла трудовая жизнь обоихъ друзей, безъ устали проведенная въ бояхъ. Всѣ опасности они дѣлили вмѣстѣ; Д'Обинье не разъ спасалъ жизнь королю; приходилось голодать и сидѣть безъ денегъ. Только подъ конецъ напряженной боевой дѣятельности Д'Обинье удалось сформировать себѣ отрядъ изъ тысячи человѣкъ и вести партизанскую войну, отдѣльно отъ генриховыхъ войскъ. Съ своими удальцами онъ взялъ замокъ Мальезэ, въ Вандеѣ, давно манившій его неприступнымъ положеніемъ на островѣ; онъ водворился тамъ, усилилъ укрѣпленія, устроилъ подъемные мосты и рвы, и часто запирался тутъ въ дни превратностей. До сихъ поръ еще видны остатки башенъ, валовъ и высокихъ стѣнъ. За шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ внутри ихъ сходилось совсѣмъ иное общество; юный епископъ, покровитель науки, собиралъ здѣсь своихъ друзей-гуманистовъ; Рабле былъ украшеніемъ этихъ сборищъ, на которыхъ царила свобода. Онъ вспомнилъ о нихъ потомъ въ своемъ романѣ. Крѣпость была сначала аббатствомъ, и, быть можетъ, оно дало Рабле нѣсколько чертъ для изображенія идеальнаго монастыря, Телэмы, на вратахъ котораго красовалась надпись, закрывавшая входъ въ него притворщикамъ и негодяямъ и призывавшая всѣхъ честныхъ людей,—той обители, въ которой существовало только одно правило: Fais ce que voudras.

Среди приверженцевъ Генриха за Д'Обинье закрѣпилась репутація слишкомъ прямодушнаго человѣка, не примиряющагося ни съ какими слабостями или сдѣлками, неудобнаго въ житейскихъ сношеніяхъ. Прежняя наклонность къ цвѣтистой риторикѣ уступила мѣсто сжатому, мѣткому, желѣзному слогу; онъ гордился теперь умѣньемъ говорить и писать такъ, какъ это дѣлали предки, называя вещи ихъ именами; отъ его рѣчи «вѣяло стариннымъ, но свободнымъ французскимъ языкомъ» («le vieux, mais le libre français»),—и съ этою свободой онъ говорилъ правду въ лицо и королю, и его приближеннымъ. Ему непріятны были любовныя похожденія Генриха, ради которыхъ онъ иногда портилъ успѣхъ военныхъ дѣйствій, внезапно скрываясь; ему чудились въ королѣ и зависть къ чужимъ заслугамъ, и привычки автократа, и нѣсколько презрительное недовѣріе къ заурядному люду, но онъ цѣнилъ его достоинства, многое прощалъ и опять готовъ былъ грудью защищать его. А въ Парижѣ творилось неслыханное и невиданное: развертывалось во всемъ цинизмѣ правленіе Генриха III съ дружиной его фаворитовъ, которые осмѣливались топтать и преслѣдовать честныхъ и никому не сдѣлавшихъ зла гугенотовъ. Страна опустошалась безконечными внутренними войнами; образованность, вѣра, наука были

поруганы; лучшіе люди принуждены хронически вести жизнь инсургентовъ. Тяжело становилось порою на душѣ, и мрачныя, негодующія мысли рвались наружу. Тяжело раненый въ сраженіи при Кастель-Жалу, Д'Обинье въ лихорадочномъ возбужденіи продиктовалъ у себя въ палаткѣ мѣстному мировому судьѣ первую пѣснь важнѣйшаго своего произведенія, поэмы «Les Tragiques»; горечь переживаемой минуты, негодованіе на совершающіяся беззаконія создали его новый стихъ, едва похожій на прежнія его пѣснопѣнія; онъ раздался впервые на полѣ битвы и навсегда сохранилъ слѣды своего происхожденія. Такъ въ Пѣснѣ о Роландѣ все еще дышитъ тяжкимъ богатырскимъ боемъ.

Дальнѣйшія части поэмы, этой безпощадной лѣтописи несчастій Франціи, писались урывками, превращаясь иногда какъ бы въ дневникъ; окончить ее автору удалось лишь въ старости,—но тѣмъ своеобразнѣе значеніе ея, какъ спутницы его жизни, тѣмъ яснѣе соединеніе въ немъ воина, поэта и защитника вѣры. Но среди военныхъ тревогъ не замерла и его личная жизнь. Истинный сынъ своего вѣка, онъ какъ-то успѣвалъ слѣдить за всѣмъ, что было важнаго въ литературѣ и наукѣ Франціи и другихъ странъ. Въ его печатныхъ произведеніяхъ и письмахъ замѣтно знакомство съ итальянскою литературой, Петраркой, Бембо, Боккачьо, Кастильоне; онъ читалъ и *Утопію* Моруса; оппозиціонная школа въ родной словесности встрѣчала въ немъ полное сочувствіе и солидарность. Рабле онъ называетъ не иначе, какъ maistre François, auteur excellent, гордится близостью съ Монтанемъ и приводитъ его подлинныя рѣчи; онъ читалъ и трактатъ Ла-Боэси, и «Оборону противъ тирановъ» Юнія Брута галльскаго [1]), и Franco Gallia» Отмана, романтически разукрасившую отдаленную старину, какъ время свободы и равенства [2]). Съ послѣднимъ произведеніемъ его сближало увлеченіе стариной, столь противоположной современному измельчавшему поколѣнію. Но томленіе по богатырскимъ временамъ не приводило его къ ропоту на все новое; напротивъ, его удовлетворило бы только соединеніе лучшихъ завѣтовъ старины съ завоеваніями прогресса.

Не было у него въ эту пору недостатка и въ культѣ дамы. Но время

---

1) Vindiciae contra tyrannos, sive de principis in populum populique in principem legitima potestate, 1581. Подъ псевдонимомъ „галльскаго Брута", какъ полагали, скрывался даровитѣйшій публицистъ того времени Hubert Languet. Максъ Лоссенъ (въ Sitzungsberichte Мюнхенск. академіи, 1887) приписалъ эту книгу Дюплесси-Морнэ. Такого же мнѣнія новѣйшій изслѣдователь вопроса, Albert Elkan, „Mornays Vindiciae contra tyr.", Heidelberger Abhandl. zur mittleren u. neuer. Geschichte, 1906, 9 Heft.

2) О своеобразной этой работѣ швейцарскаго ученаго см. статью Армстронга „The political theory of the huguenots" въ English historical review, 1889, january, также статьи Дареста „François Hotman d'après sa correspondance", Revue historique, 1876.

было слишкомъ занятое, чтобы долго предаваться платоническому обожанію. Д'Обинье въ минуту недовольства и унынія согласился было поѣхать въ Германію съ важными бумагами отъ короля, но, проходя отъ него къ себѣ, увидѣлъ въ окнѣ одного дома прелестную молодую дѣвушку, Сюзанну Лезэ, рѣшилъ, что «его Германія рядомъ съ нимъ», отказался отъ поѣздки и вскорѣ былъ счастливымъ мужемъ. Но его семья была настоящею семьею воина; онъ укрывался въ нее лишь по временамъ, когда частыя перемирія пріостанавливали борьбу; любимый сынъ, сидя на его колѣнахъ, игралъ его тяжелыми доспѣхами. Глубоко привязался Агриппа къ своей женѣ и, когда ея не стало, цѣлыхъ три года «не проводилъ ни одной ночи безъ горькихъ слезъ о ней». Опытъ жизни научилъ его высоко цѣнить немногихъ людей, которые вполнѣ были единомысленны съ нимъ; съ преданностью женѣ соединилась его дружба съ лучшими изъ гугенотскихъ вождей. Дюплесси-Морнэ, Ла-Тремойлль удивляли современниковъ безстрашнымъ характеромъ и желѣзною выдержкой; они были изъ того же богатырскаго кряжа, что и Д'Обинье; враговъ брало смущеніе при мысли, что у гугенотовъ, быть можетъ, много такихъ людей. Ихъ поднимала и воодушевляла идея; на противоположной сторонѣ двигательною силой являлись политическій расчетъ, изувѣрство, жажда власти. Эти же «христіанскіе рыцари» препоясывали мечъ «для защиты всѣхъ оскорбленныхъ, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, для обороны добродѣтели, поруганной негодяями, для борьбы съ несправедливостью тирановъ» [1]). Ихъ поддерживала увѣренность въ конечномъ торжествѣ праваго дѣла; если дождутся они воцаренія своего повелителя надъ всею Франціею, прекратятся беззаконія, возродится гонимая вѣра и настанетъ благодатный миръ; не будетъ различія между католиками и протестантами, сыновьями одной и той же родины,—будутъ только равноправные братья французы. Такъ мечталъ и Д'Обинье, видя, какъ лига запутывается въ своихъ проискахъ, какъ падаетъ ея вліяніе и растетъ эпическая популярность короля Наваррскаго. Тѣмъ временемъ Генрихъ III какъ будто одумался, отбросилъ свою лѣнь и развратныя привычки, мужественно взялся за правленіе, сблизился съ гугенотскимъ королемъ, готовилъ реформы—и палъ, сраженный кинжаломъ фанатика. Давно желанная минута настала.

Еще нѣсколько послѣднихъ усилій лигёровъ отстоять свою позицію, безумная затѣя призвать на престолъ испанскаго принца, неудачный съѣздъ генеральныхъ штатовъ, собранныхъ съ этою цѣлью, злой смѣхъ безыменной «Satyre Menippée», обличившей интригу и ея позорныхъ

---

1) Oeuvres complètes de Th. A. D'Aubigné, 2 vol. Traité sur les guerres civiles, p. 29.

дѣятелей,—и поле передъ Генрихомъ IV было расчищено. Всѣ взоры были обращены на него. Но первыя же его дѣйствія непріятно поразили Д'Обинье; они были слишкомъ уступчивы по отношенію къ врагамъ и уклончивы въ дѣлѣ протестантизма. Генрихъ познанъ на опытѣ силу такъ называемыхъ высшихъ государственныхъ соображеній; самосохраненіе внушило ему мысль подчиниться господствующей церкви. У трупа своего предшественника онъ далъ клятву перейти въ ея лоно и этимъ успокоить умы; стоявшіе вокругъ придворные и высшая католическая знать такъ злобно отнеслись къ нему, такъ громко грозили ему, что онъ понялъ необходимость уступки, предоставляя себѣ, впрочемъ, обезпечить и права своихъ единовѣрцевъ. Но для Д'Обинье не существовало сдѣлокъ съ совѣстью; онъ не хотѣлъ знать государственныхъ соображеній; ему былъ ясенъ долгъ каждаго, кто выстрадалъ вмѣстѣ съ несчастною массой реформатовъ муки и гоненія. Въ податливости короля онъ почуялъ измѣну и сказалъ ему это. Охлажденіе возрастало между ними. Генрихъ избѣгалъ его, а когда внезапно приближалъ къ себѣ, говоря ему, какъ прежде, при всѣхъ: «сегодня мнѣ нужно ваше суровое прямодушіе», это не радовало уже его, какъ прежде. Король позволялъ себѣ самонадѣянно взвѣшивать шансы своего успѣха, увѣряя, наприм., что берется за 500 червонцевъ купить любого изъ членовъ высшей знати, и Д'Обинье возмущалъ этотъ легкомысленный цинизмъ. Вліяніе старѣвшаго, но неисправимаго рыцаря стало ничтожнымъ; онъ надѣялся одно время на содѣйствіе Габріеллы д'Эстре, въ которой отгадалъ даровитую и честную натуру. Но ничто не остановило Генриха, и въ шутливомъ тонѣ онъ извѣстилъ однажды свою любимицу, что въ слѣдующее воскресенье сдѣлаетъ «опасный прыжокъ» (le saut périlleux). 25 іюня 1593 года въ Сенъ-Дени онъ отрекся отъ своихъ заблужденій и возвратился къ религіи предковъ. Д'Обинье едва пережилъ этотъ день; ему казалось, что небесные громы обрушатся на клятвопреступника. Слѣдомъ за королевскимъ примѣромъ пошли десятки случаевъ отступничества; становилось выгоднымъ торговать своею совѣстью, а искусные проповѣдники такого возсоединенія, вродѣ епископа эврёсскаго Дюперрона, котораго тогда же прозвали «le grand Convertisseur», усиленно подбирали всѣхъ ненадежныхъ и равнодушныхъ протестантовъ, маня ихъ выгодами, карьерой. Д'Обинье мастерски осмѣялъ эту возню прозелитовъ, всюду засуетившихся и выказывавшихъ необыкновенное рвеніе къ новой вѣрѣ, въ сатирическомъ очеркѣ «La confession catholique du sieur de Sancy». Авторъ мнимой исповѣди, лицо реальное, раскрываетъ свою мелкую душонку, готовъ пристать къ какой угодно религіи или сектѣ, которая дороже ему заплатитъ, видитъ низость людей его совратившихъ, потѣшно разсказываетъ о нихъ, но при всѣхъ притворяется, что ничего

не замѣчаетъ; если же спросятъ его, зачѣмъ онъ сталъ католикомъ, онъ ссылается на свою бѣдность, которая постоянно возрастала, пока онъ былъ съ гугенотами, а затѣмъ и на примѣръ короля. Коли онъ не счелъ этого зазорнымъ, о чемъ же заботиться мелкимъ людямъ? Итакъ, смѣлѣе впередъ, на защиту католичества! Нечего смущаться вѣчными жалобами реформатовъ на притѣсненія и казни. «Нужно брать примѣръ съ Испаніи и Португаліи, гдѣ поступаютъ гораздо благоразумнѣе. Тамъ не проходитъ года, чтобы не погибла сотня еретиковъ, но свидѣтелями ихъ твердости являются одни лишь тюремщики и палачи, которые не станутъ обнаруживать ихъ тайнъ, подобно Ивиковымъ журавлямъ».

Но Генриху все еще хотѣлось оправдаться передъ старымъ другомъ. Когда у нихъ зашелъ однажды обычный разговоръ, состоявшій изъ упрековъ и возраженій, король указалъ Д'Обинье на свои губы, незадолго передъ тѣмъ разсѣченныя во время неудачнаго покушенія Шателя; это, по его мнѣнію, достаточное доказательство печальной доли, которую онъ на себя навлекъ. Д'Обинье вспыхнулъ; точно пророческое вдохновеніе овладѣло имъ, и онъ отвѣчалъ: «Теперь вы отреклись отъ Бога однѣми губами, и Онъ пронзилъ вамъ ихъ; когда же вы отречетесь отъ Него всѣмъ сердцемъ, Онъ пронзитъ это сердце»,—и противъ его воли слова эти глубоко запали въ его память. Съ тѣхъ поръ и до конца царствованія Генриха онъ держится поодаль; гугенотская оппозиція видитъ въ немъ своего верховнаго вождя; на частыхъ съѣздахъ дворянства и на протестантскихъ синодахъ слышится его прямодушная рѣчь, которая прежде брала верхъ надъ королемъ и его совѣтниками, а теперь поддерживаетъ огонь недовольства въ его недавнихъ единовѣрцахъ. Забѣгаютъ къ Д'Обинье агенты отъ заговорщиковъ, обѣщая великія выгоды протестантамъ, лишь бы они помогли свергнуть короля,—но онъ съ негодованіемъ отвергаетъ эти предложенія. Его не успокоилъ Нантскій эдиктъ, не примирили умныя экономическія мѣры Сюлли. Прямолинейный и строго послѣдовательный, онъ ни за что въ мірѣ не могъ простить измѣны и не переставалъ вѣрить въ кару Немезиды. Вдругъ ему пришли сказать, что король злодѣйски убитъ. Сначала слухъ прошелъ, что ударъ былъ нанесенъ въ горло. «Не можетъ быть, непремѣнно въ сердце!» воскликнулъ Д'Обинье, вспомнивъ свое пророчество, и, когда обнаружилось, что онъ былъ правъ, долго не могъ преодолѣть волненія при мысли, что судьба избрала его истолкователемъ ея велѣній.

Горько пришлось ему вскорѣ пожалѣть о погибшемъ другѣ. Слова Генриха, сказанныя приближеннымъ за нѣсколько времени до смерти: «вы не умѣете меня цѣнить,—будете горевать обо мнѣ, когда меня не станетъ»,—вполнѣ оправдались относительно Д'Обинье. Личные счеты и столкновенія, въ которыхъ и онъ бывалъ неправъ, отдаваясь горячему

темпераменту, отодвигались все дальше, а противоположность величавости и боевого мужества съ царствомъ посредственности, которое ихъ смѣнило, съ недостойными интригами, ставшими основой политики, болѣзненно дѣйствовала. Во время своего регентства Марія Медичи желала привлечь къ себѣ Д'Обинье, но ему достаточно было побывать въ Парижѣ и посмотрѣть на новый дворъ, чтобъ увидать, что съ этими людьми у него нѣтъ ничего общаго. Заволновалось было дворянство, снова попытавшееся отвоевать себѣ самостоятельность; Кондэ сталъ набирать войска, и, казалось, междоусобія готовы были возгорѣться. Понадѣялся на это Д'Обинье, примкнулъ къ движенію—и вскорѣ увидалъ, какъ Кондэ перешелъ на сторону правительства; начались раздоры между королевой-матерью и юнымъ Людовикомъ XIII, Марія очутилась въ роли инсургентки,—но все побѣдила и уладила новая сила, смѣнившая собой боевые порывы и слишкомъ безпорядочныя страсти,—сила дипломатіи. Вѣкъ Д'Обинье прошелъ, насталъ вѣкъ Ришелье.

Все вокругъ потускнѣло и сжалось. Одинъ за другимъ падали прежніе оплоты гугенотской оппозиціи. Едва держалась Ла-Рошель; умерли или ушли въ изгнаніе лучшіе люди прежней поры; Д'Обинье пробовалъ держаться одинъ со своимъ партизанскимъ отрядомъ, но и это оказалось неисполнимымъ. Тогда онъ, точно гетевскій Гэтцъ, заперся въ своемъ замкѣ, поднялъ мосты, вооружилъ крѣпостные валы—и сталъ писать «Всеобщую Исторію», собственно исторію своего времени и всѣхъ событій, которыхъ ему пришлось быть очевидцемъ или участникомъ; онъ взывалъ къ суду потомства и обнажалъ передъ нимъ всѣ свои дѣла и помышленія, давъ себѣ слово ни о чемъ, даже о Варѳоломеевской ночи, не высказывать своего сужденія, не навязывать его читателю, а предоставить фактамъ говорить за себя. Ла-рошельцы присылали ему совѣты отказаться отъ непосильной борьбы; показывались королевскіе отряды, пытавшіеся блокировать замокъ; дѣлались подходы съ цѣлью купить въ казну у упрямаго старика его помѣстье, но онъ все стоялъ на своемъ. Наконецъ онъ понялъ безнадежность борьбы одного человѣка противъ цѣлаго общества, утомленнаго долгими внутренними неустройствами и пассивно подчинявшагося центральной власти, которая обѣщала ему по крайней мѣрѣ покой. Онъ продалъ замокъ въ частныя руки, удалился въ городокъ Сенъ-Жанъ д'Анжели, докончилъ и выпустилъ тамъ въ свѣтъ свою «Исторію». Ожесточеннѣе прежняго возстали противъ него всѣ, кого больно уколола его суровая лѣтопись. Его положеніе становилось опаснѣе съ каждымъ днемъ; онъ зналъ, что за нимъ слѣдятъ, желая во что бы то ни стало завладѣть имъ. Внезапно собрался онъ въ путь; небольшая кучка изъ двѣнадцати верховыхъ помчалась въ сторону швейцарской границы. Д'Обинье зналъ всѣ дороги

и искусно обходилъ по ночамъ королевскіе отряды; передъ Буржемъ его едва не взяли въ плѣнъ, но крестьянинъ помогъ ему спастись, указавъ бродъ черезъ рѣку; иногда приходилось ѣхать по-двое, чтобъ не обращать на себя вниманія соглядатаевъ. Наконецъ въ сентябрѣ 1620 г. Д'Обинье прибылъ въ Женеву и, тронутый радушною встрѣчей городскихъ властей, чествовавшихъ въ немъ единовѣрца и заступника, онъ впервые послѣ многолѣтнихъ тревогъ нашелъ спокойствіе и безопасность. Женева крѣпко полюбилась ему; онъ назвалъ ее своею спасительною гаванью (Havre de grâce).

До той поры Д'Обинье былъ по-своему сторонникомъ единоличной власти,—правда, съ большими ограниченіями. Онъ напоминалъ въ этомъ отношеніи патріарха гугенотскаго движенія, Колиньи, который, ополчаясь противъ существующаго порядка, вполнѣ убѣжденъ былъ, что остается вѣрнымъ подданнымъ. Повидимому, Агриппа предпочиталъ избирательную монархію, подобную польской [1]). Только поселившись въ Женевѣ, онъ научился цѣнить республиканскія учрежденія. За гостепріимство онъ заплатилъ важными услугами краю, взялъ на себя переустройство мѣстной арміи, вновь укрѣпилъ Женеву. О разрывѣ его съ родиной узнали всюду. Венеція слала ему лестныя предложенія стать главнокомандующимъ ея войскъ, изъ Голландіи и Англіи явились агенты съ важными порученіями, англійскій король звалъ его въ Лондонъ, а нѣмецкіе протестанты съ вѣдома Д'Обинье пытались устроить грандіозный походъ въ защиту своей вѣры отъ австрійскихъ и французскихъ притѣсненій; Мансфельдъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ. Но онъ уже чувствовалъ, что его боевая пора прошла; въ головѣ попрежнему бродили широкіе и смѣлые замыслы, только выполнять ихъ самому было не подъ силу. Оставалось руководить событіями издали, какъ полтора вѣка спустя это дѣлалъ Вольтеръ изъ того же уголка Швейцаріи. Но всего охотнѣе Д'Обинье возвратился бы во Францію; не могъ онъ спокойно слышать о томъ, что тамъ дѣлалось безъ него. Дважды писалъ онъ Людовику XIII съ старой солдатской прямотой, оправдывая ее долгою опытностью и вѣрною службой его отцу. Онъ старался открыть ему глаза на истинное положеніе дѣлъ, хотя высказалъ опасеніе, что письма его, «прежде чѣмъ попасть въ руки его, будутъ прочтены другими людьми, какъ это заведено честными тюремщиками короля въ незамѣтной для него самого тюрьмѣ» [2]). Такъ

---

1) Такъ высказывается онъ въ предисловіи къ поэмѣ „Les Tragiques", приводя слова, сказанныя имъ однажды Генриху Четвертому. Въ той же поэмѣ (въ пѣснѣ *Les Princes*) онъ требуетъ строгаго выбора короля и обращается къ польскимъ посламъ, звавшимъ на царство Генриха III, съ ѣдкими укоризнами.

2) Oeuvres, I, Lettres diverses, „au roy Louis XIII", p. 501.

оно и случилось. Настоятельныя обращенія Д'Обиньe были оставлены безъ отвѣта.

Старческіе его годы скрасилъ трудъ, на которомъ онъ отводилъ душу, вспоминая пережитое, вызывая изъ него тѣни, начинавшія блѣднѣть, отступая отъ безстрастнаго тона своей «Исторіи», творя судъ надъ людьми и событіями и познавая прелесть свободнаго слова. То былъ трудъ, начатый еще во время первыхъ походовъ,—его «Трагическія пѣсни» [1]). Онъ лелѣялъ ихъ, какъ любимое дитя, и, разставаясь съ книжкой, которую выпускалъ въ свѣтъ, прощался съ нею, какъ умирающій отецъ съ милымъ ребенкомъ, оставляемымъ на произволъ судьбы:

Va, livre, tu n'es que trop beau
Pour estre né dans le tombeau
Duquel mon exil te delivre;
Seul pour nous deux je veux périr:
Commence, mon enfant, à vivre
Quand ton père s'en va mourir.

Слогъ этихъ пѣсень неровенъ; иногда онъ тяжелъ, риѳмы натянуты и неблагозвучны; порою онъ отягченъ аллегорическими образами [2]) или принимаетъ тонъ библейскаго сказанія, особенно книги Іова. Но среди этой массы стиховъ есть удивительные самородки, есть ослѣпительно яркія картины, могучія обличенія. Въ гугенотскомъ вождѣ несомнѣнно скрывался поэтъ почти дантовской силы, которому жизнь не дала выработаться. Оттого-то новѣйшее время такъ спѣшитъ исправить напраслину прежняго формализма, свысока относившагося къ творчеству Д'Обинье, и включаетъ его имя въ кругъ избранныхъ дѣятелей французской поэзіи [3]). Уже ученые рѣшаются признать, что, на ряду съ «Менипповой сатирой», «Les Tragiques» являются важнѣйшею поэтическою лѣтописью XVI вѣка; слышится мнѣніе, что отъ Д'Обинье прямой переходъ къ Корнелю съ его мятежнымъ «Сидомъ», этимъ возвеличеніемъ стараго рыцарскаго богатырства; въ сатирѣ и полемикѣ рыцаря видятъ иногда предвѣстіе «восторговъ и горячности» Дидро [4]), а заимство-

---

[1]) „Les Tragiques" нѣсколько разъ издавались въ новѣйшее время отдѣльно съ комментаріями. Лучшія изданія Людовика Лаланна, 1857 (Biblioth. elzévirienne), и Шарля Реада, 1872. Критическое изученіе текста выполнено J. Bédier, „Etudes critiques", 1903 (Le texte des Tragiques d'Agr. D'Aubigné).

[2]) Впрочемъ, не въ ущербъ силѣ впечатлѣнія, хотя это утверждали иногда. См. Bulletin du bibliophile, 1854, I, статью о Д'Обинье виконта Гальона.

[3]) Починъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ Сентъ-Бёву (Tableau historique et critique de la poésie française au 16 s., 1828).

[4]) La poésie après Ronsard, p. Paul Morillot; Hist. de la langue et de la litt. franç. publ. p. Petit de Juleville, III, 227.

ванія, сдѣланныя новыми поэтами изъ «Пѣсенъ» Д'Обинье (Викторомъ Гюго и особенно Барбье въ его извѣстныхъ *Ямбахъ*), показали, что и для современной поэзіи муза его все еще можетъ являться вдохновительницей.

Поэтъ не хочетъ болѣе знать сладостной лирики, нѣжащей слухъ. «Нашъ вѣкъ, говоритъ онъ,—поистинѣ трагическая повѣсть. Сереброструйные ручьи, о которыхъ пѣли греки, нѣжась и купаясь въ ихъ волнахъ, не текутъ въ его поэмѣ; свѣтлыя волны окрасились кровью мертвецовъ». Онъ зоветъ къ себѣ на помощь бурную Мельпомену и начнетъ свой разсказъ съ печальныхъ картинъ. То будетъ пѣсня о «Бѣдствіяхъ» (Misères); читатель видитъ несчастную, удрученную Францію и ея дѣтей, истребляющихъ другъ друга; всюду разореніе и голодъ, деревни пустѣютъ, бѣглые крестьяне скрываются въ лѣсахъ, хищные звѣри бродятъ по покинутымъ селамъ. На дорогѣ встрѣтишь развѣ полуживого поселянина, котораго обобрали, изранили и бросили рейтары; жену его убили, дѣтей связали, и онъ проситъ прохожихъ изъ жалости приколоть его. Въ городахъ все подавлено и уныло; всѣ другъ друга боятся. Приближеніе короля наводитъ на людей только страхъ; въ незапамятные годы государя встрѣтили бы сердечно, изобрѣтая всякіе способы привѣтствія; «тиранъ же вступаетъ въ помертвѣвшій, безотвѣтный городъ; онъ смотритъ на него такъ, какъ нѣкогда Неронъ на пылавшій Римъ». Въ старину не знали укрѣпленій, бились въ открытомъ полѣ; теперь всюду форты, бастіоны, валы и мины; все вооружено, все жаждетъ крови. Мрачныя силы соединились, чтобы погубить людей; нигдѣ нѣтъ просвѣта; война свирѣпствуетъ всюду, въ Россіи (en *Mosco*), въ Швеціи, Польшѣ; испанцы поработили полміра, а бѣдный французскій народъ гибнетъ отъ стаи внутреннихъ враговъ. Прибѣжище только въ Божьемъ судѣ,—и несчастные возсылаютъ къ Богу грустную молитву. «Неужели долготерпѣливо будетъ Онъ взирать на беззаконія и торжество враговъ?» «Пусть тѣ, кто закрывалъ глаза на наши бѣдствія, глухъ былъ къ нашимъ мольбамъ, чье сердце порывалось не на помощь намъ, а на наши терзанія, чьи руки стремились не давать, а отнимать,—пусть эти люди видятъ Твои глаза закрытыми на ихъ несчастія, слухъ—безжалостнымъ къ ихъ мольбамъ, сердце—недоступнымъ состраданію и прощенію», взываетъ къ божеству Д'Обинье.

Отъ общей картины онъ переходитъ къ обличенію главныхъ виновниковъ бѣдствій. Вторая пѣснь озаглавлена *Правители*; съ негодованіемъ наноситъ имъ удары старый воинъ-поэтъ; желѣзными эпиграммами звучатъ сжатыя характеристики Екатерины Медичи, Карла IX, женоподобнаго Генриха III съ его «миньонами» и всѣхъ ихъ сподвижниковъ. Пусть читатель вооружится терпѣніемъ и не прерываетъ разсказа кри-

комъ: «довольно, довольно!»—поэтъ не отступитъ ни передъ чѣмъ и раскроетъ тайны властителей. Онъ—человѣкъ старой школы: «наши дѣды, любя откровенныя сужденія, давали порокамъ непріятныя имена,—они звали разбойникомъ того, кого мы считаемъ мастеромъ по части наживы, звали плутомъ человѣка «домовитаго и расчетливаго», трусомъ—хитреца, взвѣшивающаго свои выгоды, считали измѣной то, что мы зовемъ ловкимъ маневромъ». И съ тою же прямотой онъ развѣнчиваетъ мнимыхъ героевъ, ведетъ въ ихъ интимную жизнь, показываетъ ихъ за дѣломъ угнетенія и эксплоатаціи народа. Но за ними выступаетъ другое губительное полчище. Вокругъ богатаго дворца толпится оно, заманивая къ себѣ несчастныхъ жертвъ. То пресловутая *Золотая Палата*, оплотъ старофранцузскаго крючкотворства. Пѣснь, посвященная ей, можетъ стать наравнѣ съ превосходными очерками судейскаго быта у Рабле, страной *des Chicanous*, живущихъ кляузами, и государствомъ *des Chats fourrés*, страшныхъ хищныхъ кошекъ (т.-е. судей въ горностаевыхъ мантіяхъ). Какъ глава ихъ, Grippe-Minaud, безстыдно хвастался умѣньемъ заставлять людей признаваться въ томъ, чего они никогда и не видали, какъ онъ «общипывалъ гуся такъ ловко, что ему и крикнуть не удавалось», гордился законами, которые подобно паутинѣ ловятъ только мелкихъ мошекъ и прорываются зловредными крупными насѣкомыми, широко развилъ торговлю правосудіемъ,—такъ «Золотая Палата» населена «алчными волками», съ дикимъ наслажденіемъ мучащими людей, высасывая ихъ кровь. Верховное судилище обставлено олицетвореніями во вкусѣ средневѣковыхъ нравоучительныхъ сказаній или moralités; главой его является Несправедливость, участниками—Жадность, Честолюбіе, притворно любезное Лицепріятіе, блѣдное и лживое Лицемѣріе, молчаливая и холодная Измѣна. Но всѣхъ ихъ заслоняетъ «святоша, посредница въ наживѣ, лукавая и глупая Формальность». Передъ нею склоняются всѣ головы, тогда какъ бѣдное Правосудіе, гонимое, въ рубищѣ, робко крадется вонъ изъ воздвигнутой для него палаты. Не доброжелательство и человѣчность, а жестокость царитъ въ судѣ,—и рядомъ съ его дворцомъ виднѣется зловѣщій замокъ съ башнями и рѣшетками—Бастилія. Д'Обинье задолго до 1789 г. не щадитъ мрачныхъ красокъ, чтобы достойно изобразить этотъ «оплотъ инквизиціи, этотъ вертепъ смерти».

Но въ тотъ вѣкъ былъ другой, еще болѣе любимый видъ казни: огонь свободно гулялъ по всей Франціи, вспыхивая въ кострахъ, гдѣ жгли еретиковъ, или разгораясь въ пожары, истреблявшіе массами и людей, и имущества. Поэтъ становится лѣтописцемъ этихъ опустошеній, и глава его поэмы, надписанная *les Feux*, превращается въ длинный международный синодикъ загубленныхъ на кострѣ; безконечный этотъ

списокъ начинается съ Гуса и Іеронима Пражскаго и охватываетъ всѣхъ раздѣлившихъ съ ними ту же участь въ Англіи, Италіи, Франціи. Краткія строфы, посвященныя каждому изъ нихъ, или же группамъ замученныхъ, звучатъ (быть-можетъ умышленно) безстрастно, точно періодически повторяющіяся имена въ русскихъ *поминаніяхъ*, монотонно произносимыя, но скрывающія за собой столько же навѣки прерванныхъ существованій, стремленій и помысловъ. Оттого-то въ концѣ поэмы авторъ влагаетъ въ уста олицетворенію Огня укоризны людямъ за то, что они превратили его живительную силу въ орудіе опустошенія и мести. Эти призывы такъ же тщетны, какъ и воззванія къ справедливости,—и въ пѣснѣ *Оковы* (les Fers) идетъ новое перечисленіе «страждущихъ и плѣненныхъ».

Старыя мистеріи часто оканчивались зрѣлищемъ Страшнаго Суда, расплаты за зло, содѣянное на землѣ. Д'Обинье слишкомъ старомодный человѣкъ, чтобы пренебречь такимъ благодарнымъ пріемомъ, но и возмущенная гуманность и постоянное созерцаніе торжества порока побуждаютъ его, хотя бы въ мечтахъ, представить себѣ наступленіе минуты, когда всѣ попиравшіе добродѣтель будутъ призваны къ отвѣту. Таково содержаніе двухъ послѣднихъ пѣсенъ, *Vengeances* и *Jugement*. Съ высоты небеснаго престола слышится грозная божественная рѣчь; къ верховному судьѣ «идутъ тираны, низверженные, блѣдные, уличенные въ своихъ преступленіяхъ, готовясь промѣнять лживыя свои почести на вѣчныя муки»,—идутъ всѣ, отъ которыхъ страдалъ народъ, кто жилъ жестокостью и неправдой. Противъ нихъ свидѣтельствуютъ жертвы ихъ; ополчаются сами стихіи. Какъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ «о Плачѣ Земли» мать-сыра земля гнѣвно возстаетъ противъ беззаконій и пороковъ, которыми ее оскверняютъ люди, и не хочетъ болѣе сносить позорной доли, такъ передъ страшнымъ судилищемъ Земля жалуется на тѣхъ, кто зарываетъ въ ея нѣдра живыхъ людей и дѣлаетъ ее страшною темницей, негодуютъ Воздухъ, зараженный міазмами отъ разлагающихся труповъ, Вода, заалѣвшаяся отъ крови, кудрявыя деревья, превращенныя въ висѣлицы. Уже челюсти ада раскрылись, чтобы принять осужденныхъ, и по глаголу Судіи идутъ они на вѣчныя муки, тогда какъ Онъ зоветъ къ себѣ всѣхъ, «кто выносилъ ради Него страданія и несправедливости, кто готовъ былъ утолить Его голодъ и жажду, укрыть Его въ дни лютой стужи». Полная мрака и ужасовъ поэма оканчивается торжественными гимнами спасенныхъ и ликованіемъ поэта, сладостно ослѣпляемаго возсіявшимъ божественнымъ блескомъ.

То была поэтическая греза. Кругомъ ничто не предвѣщало побѣды. Но чѣмъ безотраднѣе дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе иногда потреб-

ность въ фиктивномъ возмездіи. Такъ слѣпой, гонимый Мильтонъ написалъ «Возвращенный Рай» и «Самсона».

«Трагическія пѣсни» навсегда останутся лучшимъ выраженіемъ убѣжденій и надеждъ Д'Обинье; въ нихъ сполна отражается сложный его характеръ, въ которомъ могли сходиться воинскія доблести и вѣра въ мирный прогрессъ, энергическая ненависть и высокая гуманность, личные счеты щекотливаго самолюбія и способность съ высоты орлинаго полета созерцать міровыя судьбы, въ которой съ нимъ состязаться могъ бы одинъ лишь Гюго въ его *Pitié suprême* или *Légende des siècles*. Но переживаніе минувшихъ несчастій какъ будто утомило поэта, и въ своемъ затишьѣ онъ надумалъ и выполнилъ работу совершенно другого рода, показавшую въ его талантѣ оригинальную черту. Какъ ни строгъ былъ тогда тонъ протестантской литературы (Ранке предлагалъ обособить въ современной ей словесности «гугенотскій стиль»), слишкомъ озабоченной нуждами самосохраненія, чтобъ отдаваться веселому смѣху, въ самыя тревожныя минуты и изъ реформатскихъ рядовъ слышались комическія пѣсни, бойко обличавшія противниковъ [1]). Французская національная стихія брала свое. Д'Обинье, полвѣка проведя въ военномъ быту, унесъ съ собою, конечно, немало воспоминаній объ остроумныхъ выходкахъ, забавныхъ приключеніяхъ, лицахъ и характерахъ. Его умъ, «удрученный серьезными и трагическими повѣствованіями, захотѣлъ развлечь себя описаніемъ нравовъ текущаго вѣка, подбирая изъ жизни нѣсколько подлинныхъ нелѣпицъ». Такъ объясняетъ онъ въ предисловіи къ новому произведенію замыселъ свой. Въ глубокой старости, когда улегаются страсти и все становится равнодушнымъ, Д'Обинье сдѣлался нравоописательнымъ романистомъ, и его смѣхъ, здоровый и заразительный, совсѣмъ лишенъ разбитыхъ, дребезжащихъ звуковъ. Правда, онъ и не потрудился изобрѣтать сюжетъ; его не занимаетъ распутываніе романической завязки; его романъ весь въ діалогахъ, со множествомъ эпизодическихъ вставокъ,—и снова его произведеніе даетъ картину всего общества, только освѣщенную другимъ свѣтомъ, чѣмъ въ «Трагическихъ пѣсняхъ».

Вкусъ вѣка сближалъ даже трезвыхъ реалистовъ съ классическою стариной; масса дѣйствующихъ лицъ у Рабле носитъ офранцуженныя греческія имена; въ фабулѣ его романа не меньше вычитаннаго изъ древнихъ авторовъ. Неудивительно, что Д'Обинье, назвавъ свой романъ «Les aventures du baron de Faeneste» и сдѣлавъ главными дѣйствующими лицами двухъ собесѣдниковъ, стараго протестантскаго барона Эне

---

1) Пѣсни того времени собраны и изданы въ „Chansonnier huguenot du 16 siècle“, publ. par H. Bordier, 1871.

и его гостя Фенэста, въ ихъ именахъ, производныхъ отъ двухъ греческихъ глаголовъ, уже указалъ на контрастъ между желаніями людей *быть* и *казаться*. Мы узнаемъ и здѣсь честную натуру Д'Обинье. Конечно, онъ самъ скрывается подъ именемъ Эне, много видѣвшаго и удалившагося отъ свѣта въ деревенскую глушь, простого въ образѣ жизни, обхожденіи, одеждѣ, любимаго сосѣдями и рабочими. И онъ тоже человѣкъ старой школы, и съ постоянной усмѣшкой глядитъ на суетню новаго поколѣнія, которое безнадежно «больно желаніемъ казаться». Но ни онъ, ни его гость—не условныя олицетворенія вродѣ аллегорическихъ существъ въ *les Tragiques*: и у положительнаго героя, и у представителя уродливаго, лживаго вкуса—живыя, реальныя черты. Эне любитъ посмѣяться, читывалъ Боккачьо и знаетъ толкъ въ его манерѣ, кстати умѣетъ разсказать анекдотъ или вспомнить комическую пѣсенку, а Фенэстъ донельзя забавенъ съ своей полунаивной пошлостью, вѣчной похвальбой, хлестаковскимъ лганьемъ и безстыдствомъ.

Эне, просто одѣтый, обходилъ свои владѣнія, когда увидалъ передъ собою незнакомца, очевидно заблудившагося и высматривающаго себѣ дорогу. Онъ заговариваетъ съ нимъ и слышитъ хвастливый разсказъ о пышномъ поѣздѣ, скороходахъ и т. д., которыхъ Фенэстъ оставилъ будто бы въ городкѣ, а теперь не умѣетъ туда вернуться. Эне радушно предлагаетъ отдохнуть въ его домѣ, неподалеку, и ведетъ его туда своимъ садомъ. Гость изумленъ, видя передъ собою самого землевладѣльца, и удивляется простотѣ его тона; «садъ?—переспрашиваетъ онъ,—да я четверть часа брожу вокругъ его ограды, а вы не называете его паркомъ!—Зачѣмъ же?—Да вѣдь ничего не стоитъ придавать предметамъ болѣе благозвучныя имена...» Его удивляетъ, что Эне безоруженъ; правда, если онъ со всѣми въ ладу, оружіе безполезно, но и у Фенэста, и у его слуги цѣлый арсеналъ шпагъ и кинжаловъ. «Къ чему же это?—Чтобъ *казаться* (pour parestre)». Это открываетъ Эне глаза на того, кого онъ видитъ передъ собой, и онъ рѣшаетъ поближе изучить забавную залетную птицу; къ тому же Фенэстъ препотѣшно болтаетъ на гасконскомъ нарѣчіи, передѣлывая въ его вкусѣ общефранцузскія формы, ставя *b* вмѣсто *v*, такъ что его *valet* превращается въ *bailet* и т. д.

Эне и отъ Фенэста и потомъ отъ его слугъ узнаетъ любопытныя данныя для біографіи пріѣзжаго барона. Это еще молодой искатель приключеній, весьма неразборчивый на средства, лишь бы пробиться въ люди; деревенскій священникъ увѣрилъ его, что не разъ встрѣчалъ въ Библіи упоминаніе о Фенэстахъ,—очевидный признакъ глубокой древности ихъ рода; во всякомъ случаѣ Фенэстъ—такой же gentilhomme, какъ и король. Но, повидимому, если есть у него какой-нибудь

за́мокъ, то развѣ воздушный; предисловіе не даромъ называетъ его «un baron en l'air». Кое-какъ добрался онъ когда-то изъ гасконскаго захолустья до Парижа; по дорогѣ его обманывали, обыгрывали, и онъ чуть не пѣшкомъ вступилъ въ столицу. Тутъ онъ поспѣшилъ пристроиться къ свитѣ какого-нибудь вельможи; онъ бывалъ у Гиза, гдѣ у него иногда спрашивали, не возьмется ли онъ убить кого-нибудь; вообще же онъ усвоилъ всѣ пріемы придворнаго и искалъ случая попасть на глаза королю. Вмѣстѣ съ толпой другихъ авантюристовъ тѣснится онъ въ дворцовыхъ прихожихъ. На вопросъ, какъ же его пускаютъ туда, онъ отвѣчаетъ сценкой съ натуры: «Смѣло подходишь къ кому-нибудь изъ королевской стражи и говоришь ему: «Ахъ, какой ты сегодня молодецъ! Ты цвѣтешь, точно розанъ. Должно-быть, царица твоей души стала наконецъ благосклоннѣе. Жестокая! Какъ могла она устоять противъ этихъ чудесныхъ усовъ, этого благороднаго чела!..» Такъ проникаешь въ переднюю. Тамъ говорятъ о разныхъ назидательныхъ предметахъ, о дуэляхъ, успѣхахъ у дамъ, о повышеніяхъ, о томъ, когда можно будетъ видѣть короля, о томъ, сколько проигралъ Креки или Сенъ-Люкъ. Если не хочешь говорить о такой высокой матеріи, заведешь рѣчь о модномъ цвѣтѣ чулковъ, которые будутъ носить при дворѣ. Есть цвѣтъ селадона, есть fleur de péché, цвѣтъ умирающей обезьяны, больного испанца (singe mourant, espagnol malade)... Потомъ доберешься до большой залы и втираешься въ кружокъ около какого-нибудь знатнаго человѣка, а затѣмъ медленно спускаешься по лѣстницѣ, со ступеньки на ступеньку, дѣлая видъ, что только что видѣлъ самого короля, и разсказывая новости. Подъ рукой же высматриваешь, не идетъ ли кто-нибудь къ себѣ обѣдать. Иногда никого не найдешь,—и начинаешь дѣйствовать зубочисткой, чтобы показать, что только что отобѣдалъ».

Въ придворныхъ кругахъ его скоро признали и наперерывъ стали дурачить. То, замѣтивъ, что онъ вѣритъ въ чудесное, колдуютъ надъ нимъ, увѣряютъ, что онъ сталъ невидимкою, превратился во льва, наконецъ въ скамейку для дамскихъ ножекъ, и тогда при немъ позволяютъ себѣ всевозможныя вольности; то, вывѣдавъ его сердечныя тайны, научаютъ безсмысленному слогу любовныхъ посланій и перепутываютъ его изліянія. Самъ король хочетъ потѣшиться надъ нимъ. Ничего не подозрѣвая и радуясь своему счастью, Фенэстъ удостоивается чести «служить королю» въ то время, какъ онъ въ небольшомъ кружкѣ сидитъ за картами. Ему дали въ руки два подсвѣчника, и онъ долженъ, высоко держа ихъ надъ собой, свѣтить играющимъ. Онъ считаетъ это священнодѣйствіемъ, но его поставили спиною къ пылающему камину. Перемѣнить мѣста онъ не можетъ, а сзади нестерпимо палитъ огонь; уже шелковые чулки его затлѣлись; онъ морщится, а король, смѣясь,

приговариваетъ: «éclairez bien!» Придворные покатываются со смѣху, повторяя вслухъ: «бѣдный! онъ сгораетъ честолюбіемъ» (il brule d'ambition). Но Фенэстъ, какъ ни больно ему, доволенъ тѣмъ, что могъ развеселить такое знатное общество.

Сгруппировавъ очерки столичнаго быта вокругъ похожденій недалекаго малаго, Д'Обинье избѣжалъ назидательности разсказа. Какъ будто онъ и не думаетъ никого обличать, а между тѣмъ въ хвастливыхъ разсказахъ Фенэста незамѣтно проходятъ подлинныя черты общества, церкви, литературы. Встрѣчаются, наприм., сцены изъ школьной жизни, пародіи на проповѣди, шутливый разсказъ о томъ, какъ духовныя власти перессорились изъ-за эксплоатаціи мощей; съ другой стороны идутъ разсказы о королевскихъ любовныхъ «шалостяхъ», гдѣ опять простаки вродѣ Фенэста принуждены брать на себя самыя неудобныя порученія, лѣзть по веревочнымъ лѣстницамъ въ окна, принимать побои, лишь бы отвлечь вниманіе отъ нѣжнаго объясненія короля. Чуть кто выкажетъ нерѣшительность, король пристыдитъ его возгласомъ: «où est l'honneur?»—и поневолѣ идешь на самое рискованное дѣло. Но придворная карьера не кормитъ Фенэста, и онъ добываетъ себѣ кусокъ хлѣба другимъ путемъ. Подъ его начальствомъ состоитъ ватага проходимцевъ,—тѣ мнимые слуги и скороходы, о которыхъ онъ говорилъ Энe (двое изъ нихъ потомъ самолично являются). Съ ними онъ бродитъ около Лувра и высматриваетъ подходящихъ людей; они заманиваютъ ихъ въ игорные дома, и при помощи мѣченыхъ костей и крапленыхъ картъ обыгриваютъ ихъ; «каждый работаетъ за себя, а Богъ стоитъ за всѣхъ»; потомъ добыча дѣлится, и Фенэсту достается «адмиральская часть». То же повторяется въ еще большихъ размѣрахъ, когда они переѣзжаютъ въ провинцію; «когда мы среди полей,—говоритъ слуга,—и если къ тому же время военное, мы общипываемъ курицу безъ всякаго шума и сжигаемъ деревню, дѣлая видъ, что мы фуражиры; въ мирное же время, если остановимся въ гостинницѣ или въ барскомъ имѣніи, послѣ насъ непремѣнно что-нибудь пропадаетъ. Да и не одни мы такъ живемъ: въ Лимузэнѣ бѣдные дворяне не скрываютъ такихъ продѣлокъ. Я знаю одного молодца, который четыре раза продавалъ одного и того же осла, два раза отрѣзавъ ему уши, разъ хвостъ и однажды разрѣзавъ ноздри». Но Фенэста никогда не покидаетъ желаніе *казаться*. Онъ способенъ всѣ заработанныя деньги употребить на кружевную фрезу, а подъ нею у него совсѣмъ сгнившая рубашка. Онъ особенно хорошъ, когда говоритъ съ дамами; онъ разсказываетъ имъ, какъ попалъ однажды въ плѣнъ къ туркамъ, миль за сто позади Алеппо; вмѣсто тюрьмы они запрятали его въ огромный чубукъ и оставили на обрывѣ скалы; надъ нимъ остановился волкъ. Фенэстъ просунулъ руку и заботливо

отрощеннымъ длиннымъ ногтемъ сдѣлалъ узелъ изъ волчьяго хвоста и своего лѣваго уса. Волкъ почувствовалъ, что попался, соскочилъ со скалы; чубукъ раскололся, Фенэстъ упалъ на волка и убилъ его.

Вѣчно притворяясь то храбрецомъ, то свѣтскимъ человѣкомъ, то богачомъ, Фенэстъ однако вытерпѣлъ немало неудачъ; ни въ дружбѣ, ни въ любви, ни въ карьерѣ ему не повезло,—и съ холоднымъ безстыдствомъ онъ готовъ взяться за любое дѣло, которое его будетъ кормить. Подумываетъ онъ пристроиться къ сомнительнымъ личностямъ, какъ говорятъ, бывшимъ пиратамъ, которые подали фантастическій проектъ улучшенія государственныхъ финансовъ, а въ сущности хотятъ ихъ разграбить; приходитъ ему на умъ предложить услуги и тайному наблюдательному комитету, открывшему свои дѣйствія въ Ніорѣ и величающему себя «Conseil du roi» или «Conseil des avis»; у него тамъ служитъ братъ; три мѣсяца назадъ это былъ совсѣмъ нищій, теперь онъ лучше всѣхъ умѣетъ пускать пыль въ глаза,—а вскорѣ ожидаютъ новыхъ конфискацій... «Эти люди напрашиваются, наприм., обѣдать къ какому-нибудь землевладѣльцу, наводятъ рѣчь на плохое правительство, узнаютъ, насколько онъ потерялъ дохода за послѣднее время, ропщутъ на то, какъ безумно тратятся казенныя деньги, вспоминаютъ, что при Сюлли все шло гораздо лучше. Если они ошибутся въ расчетѣ и собесѣдникъ отвѣтитъ имъ, какъ патріотъ и вѣрный слуга короля, они довольствуются тѣмъ, что пошлютъ докладъ въ такомъ родѣ: «я видѣлъ такого-то, пощупалъ у него пульсъ и нашелъ нѣкоторую неровность или измѣненіе въ ущербъ королевской службѣ, но я привелъ его опять въ такое состояніе, что съ этой стороны нечего бояться». Но до подобнаго занятія Фенэстъ пока не доходитъ, зато въ концѣ романа онъ возвращается послѣ нѣкотораго промежутка съ *войны*, вѣрнѣе—съ поисковъ и набѣговъ, гдѣ предполагалось разгромить протестантовъ. Правда, онъ всего болѣе выказалъ ловкости въ бѣгствѣ, трусливо прятался, бралъ лишь то, что плохо лежало, и очень полюбилъ Пуату за то, что въ этой странѣ много изгородей, за которыми можно скрываться.

Съ улыбкой выслушиваетъ росказни ничтожнаго собесѣдника честный Эне, но въ его отвѣтахъ мелькаетъ грустное сознаніе, что въ данную минуту подобные люди, хоть иногда и привлекательнѣе Фенэста, всѣмъ владѣютъ. Въ своемъ уголкѣ Эне хочетъ остаться стражемъ старыхъ добрыхъ порядковъ. Онъ живетъ одною жизнью съ народомъ, вѣчно въ работѣ, по воскресеньямъ собираетъ у себя слугъ; они поютъ, пляшутъ, на посидѣлкахъ разсказываютъ сказки. На него многіе смотрятъ какъ на чудака. Да и не чудакъ ли онъ съ своей вѣрой въ отжившіе идеалы честности и рыцарства, не второй ли Донъ-Кихотъ?..

Онъ обѣщаетъ Фенэсту къ слѣдующему его пріѣзду сочинить свой собственный романъ, подъ заглавіемъ ну хоть «Баронъ Калопсъ» (съ греческаго: «благообразный»); это будетъ достойный сверстникъ ламанчскаго героя, только не странствующее рыцарство станетъ онъ воскрешать, а выйдетъ въ свой походъ, чтобы поднять честь въ дворянствѣ, обезпечить разорившуюся мелкую дворянскую братію. Это будетъ человѣкъ образованный, смолоду много воевавшій, удалившійся на покой, но не нашедшій его, такъ какъ его мучитъ вопросъ, отчего въ государствѣ все идетъ къ худшему, и что нужно сдѣлать для его спасенія. Онъ соберетъ, положимъ, у себя друзей и задастъ имъ этотъ вопросъ. Взбѣшенный ихъ неспособностью что-либо придумать, онъ рѣшитъ одинъ объѣздить страну и допытаться отвѣта. Уже готовы подбитыя пунцовымъ сукномъ носилки; Калопсъ съ двумя провожатыми пускается въ путь и съ первой же остановки не въ силахъ сдержать горячаго нрава при видѣ того, что дѣлается.

Никогда не написалъ этого второго романа Д'Обинье, столь очевидно предназначавшій себя въ его герои. Добродушный смѣхъ надъ самимъ собою и надъ устарѣвшими, никому ненужными своими увлеченіями замиралъ на его устахъ. Оттого-то и «Фенэстъ» не оконченъ, или, вѣрнѣе, неожиданно обрывается нѣсколькими сценами совсѣмъ въ духѣ «Трагическихъ пѣсенъ». Передъ нами проходятъ длиннымъ церемоніаломъ процессіи. Чествуется торжество трусости, лизоблюдства, невѣжества. Сторонятся, отходятъ честные люди, а въ пышныхъ колесницахъ слѣдуютъ одни за другими единственные руководители общества. «Пророчество обѣщаетъ и впредь предателямъ, глупцамъ, трусамъ, проходимцамъ, почести, блага и власть, въ то время какъ мудрые, храбрые и великіе обречены погибнуть за свою честность».—«Къ какой сторонѣ хотите вы пристать?» спрашиваетъ Эне.—«Ахъ, я хотѣлъ бы всегда *казаться* торжествующимъ и счастливымъ», вздыхаетъ Фенэстъ.—«А я,—отвѣчаетъ старикъ,—хотѣлъ бы *быть* всѣмъ этимъ».

Такъ коротал старческій досугъ тотъ, котораго потомъ называли гугенотскимъ Альцестомъ,—вѣдь и онъ, подобно мольеровскому герою, съ негодованіемъ на пороки и съ затаенною любовью къ людямъ отрясъ прахъ родины съ ногъ своихъ и ушелъ на чужбину, чтобъ отыскать себѣ уголокъ, гдѣ еще можно быть честнымъ человѣкомъ. Тѣсно сплотилась около него семья; въ сынѣ онъ готовилъ себѣ преемника въ служеніи родинѣ и вѣрѣ и уже давалъ ему важныя порученія; воспитаніе дочерей онъ близко принималъ къ сердцу, и дошедшее до насъ письмо его къ нимъ показываетъ въ немъ поклонника высшаго женскаго образованія, тревожимаго лишь мыслью, какъ бы широкое развитіе, которое могли бы получить дочери, утончивъ ихъ умъ, не внушило имъ

недовольства своею бѣдною долей [1]). Самъ онъ нашелъ себѣ вѣрную подругу во второй женѣ, вдовѣ итальянскаго эмигранта. Онъ не скрылъ отъ нея, что зоветъ ее не на безпечное житье, что будущее сулитъ не мало испытаній,—и когда она съ самоотверженіемъ заявила, что готова съ нимъ дѣлить все до гробовой доски, онъ не могъ нарадоваться на свой выборъ.

Но понемногу нашли опять тучи. Изданіе «Фенэста» возбудило недовольство въ чопорныхъ женевцахъ; сенатъ вызвалъ къ себѣ Д'Обинье и поставилъ ему на видъ неприличіе подобныхъ легкомысленныхъ книгъ; типографщикъ былъ подвергнутъ карѣ, книга конфискована. Какъ въ «Трагическихъ пѣсняхъ», такъ и въ романѣ узнали себя многія вліятельныя лица во Франціи и грозили мщеніемъ. Оживленныя сношенія Д'Обинье съ протестантской Европой также возбуждали ропотъ католическихъ правительствъ и дипломатическое давленіе на Женеву. Но и сами по себѣ они не радовали болѣе. Широко задуманныя комбинаціи не удавались. Настойчивая послѣдовательность Ришелье сдавила оппозицію; въ центральной Европѣ загорѣлась тридцатилѣтняя война, и молва передавала слухи о баснословной удачѣ Валленштейна. О возвратѣ на родину нельзя было думать, дѣятельность на чужбинѣ становилась для Д'Обинье немыслимой; ему оставалось умереть въ изгнаніи и знать, что скоро настанетъ и для него полное забвеніе. Въ эту пору обрушилось на него великое несчастіе, способное сломить и не такую натуру. Сынъ, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ,

---

[1]) Это письмо (Oeuvres, I, 445—50) представляетъ интересную характеристику выдающихся женщинъ, которыя тогда были украшеніемъ поэзіи, науки, искусства. Онъ начинаетъ ихъ рядъ съ извѣстной сестры Франциска I, прозванной „la Marguerite des Marguerites"; выступаетъ тутъ и Луиза Лабэ, „Сафо своего времени", и итальянскія поэтессы маркиза Пескьера, Изабелла Андреи; Елизавету англійскую Д'Обинье считаетъ великимъ свѣточемъ, память о которомъ никогда не изгладится; малѣйшее изъ ея дѣйствій можетъ показать, до какого развитія доходилъ ея умъ. Нѣтъ недостатка и въ образованныхъ свѣтскихъ женщинахъ: Анна де-Роанъ, написавшая потомъ сочувственную эпитафію Д'Обинье, встрѣчается тутъ съ madame de Gournay, пріятельницей Монтаня, вдохновлявшей его и издавшей его сочиненія, и съ сильно нравившейся Д'Обинье еще въ молодости Луизой Сарразэнъ, „изъ любви къ которой онъ научился по-гречески", такъ какъ она, превосходно зная языки, „способна была бы публично преподавать ихъ, еслибъ ея полъ позволилъ ей это". Наконецъ мать самого Агриппы свободно читала по-гречески и комментировала Василія Великаго. Послѣ блестящаго списка ученыхъ женщинъ, о знакомствѣ съ которыми авторъ письма вспоминаетъ съ особою симпатіей, нѣсколько странны его разъясненія, что такое развитіе болѣе пристало женщинамъ высшаго круга и неудобно для среднихъ слоевъ общества. Очевидно, въ современной жизни не было еще мѣста для нормальнаго женскаго образованія, являющагося не роскошью, а правомъ каждаго мыслящаго существа.

для котораго жилъ, поддался искушеніямъ свѣта; суровая доля эмигранта не манила его, веселая компанія, пиры и карты влекли въ другую сторону, придворный блескъ сулилъ успѣхъ и вліяніе,—и онъ предалъ отца, измѣнилъ дѣлу вѣры. Посланный старикомъ въ Англію для переговоровъ, онъ, проѣзжая обратно черезъ Парижъ, продалъ правительству тайну и, чтобъ устранить послѣднее препятствіе, перешелъ въ католичество. Измѣна закралась въ семью рыцаря; самый ненавистный для него порокъ запятналъ его любимаго сына,—и слова проклятія и презрѣнія были отвѣтомъ на просьбы о прощеніи.

Безъ малаго восемьдесятъ лѣтъ уже было Д'Обинье. Совершенно чуждый ему міръ окружалъ его; онъ долженъ былъ казаться живымъ анахронизмомъ. Новыя государственныя формы окрѣпли, повидимому, навсегда; возврата къ доблестной старинѣ никто болѣе не желалъ; сила одолѣвала право, политическая необходимость становилась выше идеаловъ благородства и честности. Д'Обинье до послѣдняго дня не переставалъ вѣрить, что добро восторжествуетъ, но зналъ уже, что ему не дожить до этой блаженной поры. Онъ все собирался что-то организовать, къ чему-то готовился, и женѣ приходилось уже умолять его выпустить перо изъ рукъ, умѣрить хоть нѣсколько смѣлость рѣчи, совсѣмъ неудобной по новому времени; «навѣрно,—говорила она потомъ,—онъ навлекъ бы на себя снова непріятнѣйшія столкновенія»; смерть прервала послѣднее напряженіе изумительной энергіи. Онъ встрѣтилъ ее въ полномъ сознаніи, какъ встрѣчалъ сотни разъ на полѣ битвы; бесѣдовалъ съ друзьями, обнялъ жену, оживленно произнесъ французское двустишіе, привѣтствуя «счастливый день», воздавая хвалу Богу,—и заснулъ навѣки. Смежились проницательныя очи; тонкія губы, на которыхъ такъ часто играла саркастическая улыбка, сомкнулись навсегда; неподвижно застылъ орлиный профиль, въ которомъ каждая линія, бывало, говорила о страстно возбужденной мысли.

Стараго, послѣдняго рыцаря не стало. Немало нашлось людей, которые порадовались его смерти. Женевскія власти поспѣшили въ его домъ, пересмотрѣли бумаги, устраняя изъ нихъ все, что могло быть неудобно въ политическомъ отношеніи. Сынъ покойнаго, огорчившій его измѣной, пережилъ отца и завѣщалъ другія традиціи своей семьѣ. Его дочь прославилась впослѣдствіи, но не на пути великаго дѣда. Это—знаменитая г-жа Ментенонъ.

Много времени утекло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ и дѣйствовалъ Д'Обинье, и его пора иной разъ кажется намъ слишкомъ архаическою. Но ничто не пропадаетъ, и не должно пропасть въ давно минувшей борьбѣ за насущные и не умирающіе идеалы человѣчества. Воспѣвая погибавшихъ на кострахъ, нашъ поэтъ говорилъ гонителямъ, что «пе-

пелъ мучениковъ—превосходнѣйшій посѣвъ, который послѣ мрачной зимы взойдетъ весною милліонами цвѣтовъ». Его посмертная судьба оправдала это мужественное заявленіе. Если человѣчество пережило кризисъ, наступленіе котораго такъ тревожило Д'Обинье, то только потому, что не переводились люди, подобно ему хранившіе завѣты духовной силы и независимости и освѣжавшіе ими новыя поколѣнія,—и потомки все сочувственнѣе, сердечнѣе вспоминаютъ о близкомъ имъ по духу, хоть и выставленномъ другою средой, предшественникѣ.

Да и такъ ли велико разстояніе, отдѣляющее наши нравственныя требованія отъ высшихъ помысловъ и стремленій рыцарства, обязательныхъ для Д'Обинье? Измѣнились внѣшнія формы, но о полномъ осуществленіи идей мы такъ же тоскуемъ, какъ и наши предки; быть можетъ, и для насъ не лишнимъ было бы усвоить себѣ хоть что-нибудь изъ того духовнаго достоянія, которое нѣкогда развивало энергію и бодрость въ лучшихъ людяхъ старой Европы.

Недавно такое же мнѣніе было высказано однимъ изъ основательныхъ знатоковъ рыцарской поры, Леономъ Готье [1]); заключительными словами предисловія къ его ученой книгѣ я позволю себѣ кончить мою рѣчь. «Я задался,—говоритъ Готье,—быть-можетъ, слишкомъ смѣлою мыслью. Мнѣ хотѣлось вызвать подъемъ душевный, хотѣлось оторвать наше поколѣніе отъ меркантилизма, который его унижаетъ, и отъ мертвящаго себялюбія, вдохнуть въ души благородный энтузіазмъ къ Красотѣ, отовсюду тѣснимой, и къ Правдѣ, которую одолѣваютъ враги. Не мало оттѣнковъ рыцарства; нечего искать его только въ искусныхъ ударахъ копьемъ. Вмѣсто меча у насъ есть перо, есть живое слово и честная личная жизнь».

Leon Gautier. La chevalerie. Paris, 1884, p. XV.

„ВИТЯЗЬ ПЕЧАЛЬНАГО ОБРАЗА".

(По поводу трехсотлѣтія „Донъ-Кихота".)

Триста лѣтъ тому назадъ на горизонтѣ всемірной словесности показались двѣ необыкновенно комическія тѣни: исхудалая, костлявая фигура рыцаря, въ жалкихъ доспѣхахъ и на тощемъ конѣ, и, едва поспѣвая за нею на своемъ осликѣ, второй всадникъ, съ призваніемъ оруженосца и ухватками плохо обтесаннаго деревенскаго парня. Все ближе надвигались они на вглядывавшуюся въ нихъ читающую массу,— одинъ съ горячимъ взоромъ идеальнаго возбужденія въ полубезумныхъ глазахъ, другой—всею своей повадкой и рѣчью воплощеніе смѣтливости, здраваго смысла, народнаго юмора. Въ нихъ признали славнаго «Рыцаря Печальнаго Образа» и Санчо Пансу, съ возрастающимъ любопытствомъ слѣдили за невѣроятными, запутанными, забавными ихъ похожденіями, за всею жизнью рыцаря, отъ выѣзда на подвиги до умилительной кончины, сжились съ тѣмъ, что вначалѣ такъ походило па шутку, карикатуру. И потомъ вѣкъ за вѣкомъ проходили, принося богатыя жатвы художественныхъ красотъ, но и въ двадцатомъ столѣтіи, оставивъ далеко за собой первоначальную, мѣстную славу и раскинувъ свою извѣстность на весь міръ (даже русскому знакомству съ Донъ-Кихотомъ скоро исполнится 150 лѣтъ,—первый, неполный переводъ романа появился въ 1769 году), всеобщіе любимцы (къ началу нашего вѣка насчитывалось около 700 изданій романа на всѣхъ языкахъ) красуются въ первыхъ рядахъ типическихъ образовъ, созданныхъ общечеловѣческой словесностью. Борецъ за права людей Прометей, мученикъ мысли Гамлетъ, лукавый притворщикъ и ханжа Тартюффъ, неотразимый, блестящій и развратный Донъ-Жуанъ, гетевскій Фаустъ съ его жаждой безграничнаго знанія и сверхчеловѣческаго могущества, благородный мечтатель-свободолюбецъ Поза,—всѣ эти полныя глубокой правды отраженія основныхъ характеровъ и страстей —для нашихъ современниковъ достойное Донъ-Кихота художественное созвѣздіе.

Но устарѣлость, чуть не допотопность того міра, который глядитъ на насъ изъ бытовыхъ рамокъ романа, между тѣмъ несомнѣнны. Испанская жизнь конца XVI и начала XVII вѣка, оттолоски рыцарства и мавританской поры, нападки на мало понятную новѣйшимъ поколѣніямъ моду рыцарскихъ повѣстей, вводныя сцены въ пастушескомъ вкусѣ, энографическая пестрота испанской деревни, корчмы, большой дороги, жаргонъ и юморъ стариннаго простонародья и пролетаріата,—вся эта обстановка злоключеній рыцаря, и самъ онъ, его пріемы и высокопарныя рѣчи, его бредъ среди бѣлаго дня о быломъ богатырствѣ,—развѣ все это не должно бы казаться старой-разстарой сказкой про времена безконечно-давно умершія и похороненныя? Въ чемъ тайна ея безсмертія, неистощимости ея вліянія? Въ поразительной ли яркости жизнеописанія, гдѣ люди, нравы, характеры, весь бытъ, все общество, словно зачарованные, возстаютъ передъ позднѣйшимъ потомствомъ въ полнотѣ былой своей жизни, съ плотью и кровью, думами, страстями, борьбой за существованіе? Вѣдь въ одной уже могучей реальной правдѣ скрыто магическое дѣйствіе литературнаго созданія. Или разгадка въ силѣ смѣха, комизма,—смѣшанъ ли онъ со слезами, или свободно звучитъ, то обнажая общественныя язвы, уродства, превратности, зло и пороки, то облегчая душу взрывами непосредственной, здоровой веселости и шутки? Или въ бытовомъ разсказѣ, подъ старомодной его оболочкой, скрыта глубокая мысль, нравственное воззрѣніе, идеальный завѣтъ, обращенный умомъ сильнымъ и искушеннымъ жизнью ко всему человѣчеству, западающій въ душу и теперь, какъ западалъ онъ въ семнадцатомъ вѣкѣ?

Свойства великаго дарованія, разносторонняго, многограннаго, соединившись съ тяжелой житейской школой, обильной опытомъ и наблюденіями и неотступно возбуждавшей дѣятельность мысли, надѣлили романъ Сервантеса всѣми этими дарами, которые придали созданію временному и мѣстному вѣчное значеніе.

Но при всемъ этомъ передъ нами самородокъ, навсегда сохранившій и здоровыя, полезныя стороны саморазвитія и его естественныя неудобства. Не современная литература его отечества, не традиція испанскаго просвѣщенія сильнѣе всего вліяли на него какъ на писателя, а подлинная, неприкрашенная жизнь, съ ея несовершенствами и противорѣчіями, извѣданная на личной своей судьбѣ. Того уровня культурности, который могло дать высшее образованіе, онъ не имѣлъ, да и не могъ себѣ добыть. Для сына бѣднаго врача не открылся ни одинъ изъ храмовъ университетской науки. Его школьное развитіе закончилось латинскимъ курсомъ у одного мадридскаго гуманиста. Ходячая литература научила его стихотворнымъ любезностямъ и пастушескому жеман-

ству. Своеобразная форма испанской реальной повѣсти—«плутовской романъ»—только что потребовала себѣ правъ и признанія, но не за «Лазарильо изъ Тормеса» и его анонимнымъ авторомъ, этимъ новаторомъ въ романѣ, устремился въ первыхъ своихъ опытахъ новичокъ. Да и способность владѣть перомъ стояла для него пока на второмъ планѣ. Онъ весь въ порывахъ и страстныхъ мечтахъ взять судьбу съ бою. Поманила его будущность дипломата,—и онъ уже въ посольской свитѣ въ Италіи; звонъ оружія привлекъ,—и онъ все бросилъ для боевой жизни, полной героизма и опасностей. Рядъ морскихъ сраженій съ турками, отважныя встрѣчи лицомъ къ лицу со смертью, три раны въ славной битвѣ при Лепанто, цѣлый міръ новыхъ ощущеній и испытаній, окружающая среда, характеры и нравы солдатчины —уже хорошій закалъ. Нападеніе пиратовъ во время переѣзда Сервантеса на родину, увозъ плѣнника въ Алжиръ и слишкомъ пять лѣтъ неволи, полныхъ сложной душевной работы, общенія съ товарищами по несчастью, гуманныхъ уравнивающихъ мыслей и смѣлыхъ попытокъ побѣга, заговоровъ, стачекъ,—третій актъ драмы. Но впереди, въ отечествѣ, когда выкупъ доставилъ, наконецъ, свободу, ждутъ новыя испытанія, не героическаго, воинственнаго, а мелкаго, повседневнаго свойства, оскорбленія, клеветы, извѣты. Борьба за существованіе, невзгоды и столкновенія храбраго воина-калѣки, принужденнаго стать то сборщикомъ податей, то флотскимъ комиссаромъ, казенные начеты, недобросовѣстныя подозрѣнія и преслѣдованія, извѣты въ безнравственности, тюремное заключеніе и затѣмъ новыя попытки пересилить судьбу сдѣлали (по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ его великомъ романѣ) Сервантеса бо́льшимъ знатокомъ въ несчастіи, чѣмъ въ поэзіи, но провели его зато по всѣмъ ступенямъ общества, раскрыли все состояніе страны. Онъ стойко встрѣчалъ несчастія,—съ той же силой духа, съ которой бился когда-то противъ турокъ или въ Алжирѣ бралъ на одного себя всю вину въ заговорѣ, лишь бы спасти, выгородить товарищей-плѣнниковъ. Но испытанія оставляли въ душѣ тяжелый осадокъ; поддержки не было ни въ дѣловыхъ слояхъ, ни въ литературномъ мірѣ, въ который онъ вступилъ; представители высшей власти, одинъ за другимъ, выказывали демонстративную, оскорбительную холодность. Духовное одиночество томило геніальнаго человѣка. Но онъ самъ видимо не вполнѣ сознавалъ, какимъ несмѣтнымъ богатствомъ онъ обладаетъ, какое слово призванъ сказать. Писательство наполняло лишь просвѣты между напряженіями трудовой его дѣятельности, и проявлялось оно долго не въ томъ направленіи, гдѣ сполна, широко, могла выразиться сила его какъ повѣствователя. Ни въ стихотвореніяхъ, ни въ раннихъ своихъ комедіяхъ онъ не поднимался еще надъ среднимъ уровнемъ современ-

наго вкуса. Но первые же его опыты въ прозаическихъ рисункахъ съ натуры, первыя миніатюрныя повѣсти,—изъ тѣхъ, что составили впослѣдствіи блестящій умомъ и талантомъ сборникъ «Примѣрныхъ новеллъ»,—полныя реальной правды, оригинальности, захватывающаго комизма, смѣло спускавшіяся изъ верхнихъ слоевъ до подонковъ общества, были откровеніемъ. Вліяніе итальянскихъ образцовъ, изученныхъ Сервантесомъ на ихъ родинѣ, послѣ войны, когда самообразованіе его развивалось особенно успѣшно, и главнѣе всего—вліяніе Боккачіо, указало на предстоявшій путь.

Тогда-то вся масса видѣннаго, испытаннаго и продуманнаго хлынула потокомъ по этому руслу,—и въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ жизни Сервантеса, когда нужда грозно наступала на него, словно якоремъ спасенія явилась возможность продать одному мадридскому издателю первый томъ большого романа, задуманнаго, какъ утверждала легенда, въ тюрьмѣ и потомъ выраставшаго постепенно, изъ года въ годъ, среди борьбы и невзгодъ. То былъ «Донъ-Кихотъ».

И *это*—развязка «битвы жизни», итогъ всѣхъ разочарованій и разоблаченій? Свѣтлая, веселая фабула, умышленно запутанный клубокъ занимательнѣйшихъ приключеній, смѣхъ и отрада... Мы въ правѣ ожидать свифтовскаго презрѣнія къ людямъ, мрачнаго издѣвательства надъ ними, сатиры, облитой горечью и злостью, или тонкой, язвительной насмѣшки, неотступно преслѣдующей непріятеля. Не игра ли тутъ контрастовъ, и (подобно Бомарше и Гоголю) Сервантесъ не спѣшилъ ли разсмѣяться, когда чувствовалъ, что подступаютъ слезы? Но душевный тайникъ его тщательно скрытъ,—и все такъ же непринужденно и свѣтло льется струя повѣствованія, изукрашеннаго самыми эксцентрическими капризами фантазіи и вымысла. И форма выбрана необыкновенно пригодная для такой безконечной вереницы людей и фактовъ,—«романъ-путешествіе», по слѣдамъ Сервантеса использованный потомъ до лохмотьевъ всѣми литературами міра. Неутомимо переѣзжая съ мѣста на мѣсто, въ погонѣ за властной idée fixe, центральное лицо повѣсти должно сталкиваться со «всякаго званія людьми» и извѣдать всѣ прелести и горести общественнаго строя. Зачѣмъ останавливаться и кончать? Матеріалъ неистощимъ, а разгоряченное любопытство читателя требуетъ все новой пищи.

Со всѣми примѣтами комической эпопеи, подчасъ сбивающейся на пародію и мастерскую карикатуру (съ забавной фикціей, будто весь разсказъ—только переложеніе изъ почтеннаго арабскаго писателя Сидъ-Хаметъ-Бенъ-Энгели), въ живомъ темпѣ «путевого романа», повелъ Сервантесъ разсказъ о подвигахъ послѣдняго странствующаго рыцаря среди не признающей его, насмѣшливой, выродившейся толпы; отблескъ

первоначальнаго замысла, конечно, остался и на дальнѣйшемъ развитiи его произведенiя. Можно бы подумать, что, высмѣявъ и доведя до абсурда вкусъ къ рыцарскимъ романамъ, позднему и трескучему пережитку дѣйствительно богатырской поры, и заступившись за права реализма, онъ счелъ бы свою ближайшую цѣль—оздоровленiе литературнаго вкуса—достигнутою. Но съ ростомъ и развитiемъ разсказа стало чудесно расти и все шире развиваться и его назначенiе. Не комическiя тѣни, достаточныя для обстановки сумасбродныхъ дѣянiй рыцаря, а подлинные, живые люди и нравы вторглись въ фабулу; вокругъ Донъ-Кихота сгруппировалась цѣлая галерея мастерски очерченныхъ характеровъ; вся современная жизнь заполнила разсказъ въ безчисленныхъ оттѣнкахъ, отъ утонченнаго барства до деревенскихъ трущобъ, кочующаго актерства, арестантскихъ партiй, воровскихъ шаекъ; подъ знаменемъ веселаго вымысла и шуточной пародiи слагался общественный романъ, и надъ внѣшней, художественной его занимательностью поднималось гуманное освѣщенiе жизни, среди безправiя и произвола, кастоваго устройства и неравенства, нетерпимости и жестокости, указывавшее на иныя, свободныя основы,—благородная отплата многоиспытаннаго человѣка судьбѣ и людямъ. Такъ подъ перомъ Гоголя гигантски выростало зданiе «Мертвыхъ Душъ», сначала чуждое широкаго общественнаго плана, и первыя главы казались впослѣдствiи самому писателю бѣднымъ, скромнымъ входомъ въ величественныя палаты. Но въ гоголевскомъ дворцѣ, путь въ который будто бы шелъ черезъ жалкую лачугу, горѣлъ свѣтъ мистики и болѣзненнаго лиризма,—Сервантесъ же не только донесъ до конца своего повѣствованiя воодушевленiе заступника за человѣчность и справедливость и боевой пылъ обличителя, но шагъ за шагомъ завоевывалъ все бо̀льшiй просторъ воззрѣнiй, поднимался все выше, никогда не заявляя притязанiй моралиста-пророка на обладанiе ключомъ къ тайнамъ жизни.

Шумный успѣхъ перваго тома (въ 1605 г. было шесть его изданiй) не повелъ за собой непосредственнаго его продолженiя, задуманнаго, но возникавшаго медленно. Годы ушли за годами, пока развязная попытка подражателя (до сихъ поръ не разгаданнаго подъ его условной маской Алонзо Фернандеца Авеллянеды), напечатавшаго въ 1614 г. самодѣльную вторую часть «Донъ-Кихота», не разожгла энергiи подлиннаго его автора и онъ не выпустилъ въ слѣдующемъ же году второго и послѣдняго тома своего великаго романа. И что же? Не ослабѣвшимъ или утомленнымъ, не кающимся въ былыхъ излишествахъ мысли, но твердымъ въ основныхъ убѣжденiяхъ, глубже прежняго продумавшимъ характеръ стараго рыцаря, смыслъ и соотношенiе окружающихъ его общественныхъ явленiй, и все же неистощимымъ въ юморѣ, явился онъ

передъ читателемъ, и, продержавъ его снова подъ обаяніемъ своего несравненнаго искусства, своей возбуждающей мысли, закончилъ шутливую эпопею тѣмъ исходомъ, который давно подготовлялся скрытою ея сущностью,—грустной, трогательной развязкой неудачной жизни, отданной помысламъ и мечтамъ, высокимъ, но излишнимъ и несбыточнымъ.

Эти послѣдніе, тонкіе штрихи въ портретѣ Донъ-Кихота—крайній предѣлъ эволюціи, которая происходила съ такою же примѣчательной силой въ изображеніи главнаго лица, какъ и въ строѣ самого романа. Тотъ Донъ-Кихотъ, который вошелъ въ кругъ общечеловѣческихъ типовъ, сопоставленный, напримѣръ, въ превосходномъ этюдѣ Тургенева съ Гамлетомъ,—результатъ этой эволюціи. Первое появленіе его, обвѣянное богатырскими грезами среди деревенскихъ будней, сборы въ походъ, первые выѣзды и наѣзды, славныя дѣянія въ родѣ боя съ вѣтряными мельницами, полны комизма, передъ которымъ никто устоять не можетъ. Внѣшность, слова и дѣйствія, все какъ будто готово сложиться въ гротескный образъ,—если бы не лучи мягкого свѣта, падающіе на него. Для этого чудака, маніака, выше, дороже всего идеальная сторона его призванія, защита страдающихъ, угнетенныхъ, слабыхъ и безправныхъ, кто бы они ни были, оборона добра, чести, свободы. Съ раннихъ минутъ его романической біографіи задача раздваивается,—съ одной стороны бредъ наяву человѣка не вполнѣ нормальнаго, миражи и галлюцинаціи, какъ будто застилающіе настоящую жизнь, съ другой—благородная рѣшимость вернуть ей погибшіе, поруганные идеалы. Соотношеніе обоихъ началъ сперва, и долго, неровное. Много мѣста отведено остроумнымъ насмѣшкамъ надъ рыцарскими повѣстями,—причиной маніи Донъ-Кихота,—слишкомъ много, потому что эти романы уже клонились тогда къ упадку, появлялись все рѣже, а послѣ перваго тома творенія Сервантеса совсѣмъ смолкли,—и можно подумать, что поступки рыцаря мотивированы лишь тѣмъ, что великіе его предшественники, книжные его знакомцы, Амадисъ Гаульскій, Ренэ Монтобанскій, нѣкогда именно такъ поступали. Книжно-рыцарскій аппаратъ не исчезаетъ до конца; если въ первыхъ главахъ озабоченные сумасбродствомъ Донъ-Кихота его домашніе предаютъ истребленію зловредныя книжки, то на смертномъ одрѣ самъ рыцарь отрекается отъ нихъ. Приговоръ очевидно произнесенъ. Но это—не отреченіе отъ *идеи рыцарства* въ самомъ широкомъ ея смыслѣ. Въ ходѣ событій и превратностей окрѣпло, стало двигательною силой то, что внушало на первыхъ же шагахъ потѣшнаго богатырства невольную симпатію,—подвижничество, служеніе гуманности,—и переросло первоначальный поводъ къ разсказу. Стараться, несмотря на это, прикрѣпить его въ полномъ объемѣ

къ нападкамъ на рыцарскія повѣсти, какъ единственному будто бы рѣшающему мотиву, было бы насиліемъ. Въ наше время это дѣлали тѣ комментаторы, которымъ хотѣлось поставить преграду излишествамъ восторженныхъ толкованій, извлекавшихъ изъ романа и характера его героя цѣлую энциклопедію нравственно-философскихъ откровеній. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Сервантеса въ современной Испаніи, Менендецъ-и-Пелайо, въ своей характеристикѣ «Донъ-Кихота» справедливо возстаетъ противъ смѣшенія великаго романа съ литературной пародіей, сатирой на извѣстную школу писателей. «Еслибъ это было такъ на дѣлѣ, его ожидало бы забвеніе, постигшее многія творенія этого рода; ученые не перестали бы его цѣнить, но онъ не сталъ бы общечеловѣческимъ достояніемъ. Вѣдь огромное большинство тѣхъ, кто наслаждается его чтеніемъ, никогда не имѣло въ рукахъ ни одного рыцарскаго романа, и изъ «Донъ-Кихота» впервые узнаетъ, что такіе романы существовали. Понимать же созданіе Сервантеса научились тогда, когда отъ рыцарскихъ повѣстей не осталось и слѣда».

Изъ устъ многихъ свидѣтелей сумасбродствъ Кихота (и во второмъ томѣ въ особенности) слышится удивленное замѣчаніе,—невмѣняемый во время приступа маніи, онъ поражаетъ въ иныя минуты здравостью сужденій, справедливостью и строгой честностью взглядовъ; очевидно, поражена только одна сторона мозговой энергіи... Въ забавныхъ, плачевныхъ и фантастическихъ его подвигахъ ненормальна оптика, которая превращаетъ мѣхи съ виномъ въ великановъ, поселянокъ въ принцессъ, венту (корчму) въ замокъ, стадо овецъ въ войско,—странна способность жить отголосками давняго прошлаго, полнаго волшебства, колдуновъ, гигантовъ, и въ то же время откликаться и на реальные факты,—но между основой всѣхъ этихъ дѣяній, между ихъ побудительными мотивами и тѣми гуманными рѣчами, которыя слышатся у него во время «свѣтлыхъ промежутковъ», нѣтъ никакого противорѣчія. Ихъ связываетъ всею душою усвоенный идеалъ рыцарства, не касты, не воинственнаго цеха, а братства, союза, призваннаго къ защитѣ страдающаго человѣчества,—идеалъ, который свѣтился и въ несчастныхъ, вдоволь осмѣянныхъ повѣстяхъ про Амадисовъ и другихъ героевъ рыцарскаго арьергарда, несмотря на приподнятость, шумливость, трескъ и грохотъ ихъ тона. Мысль раздвоить характеръ Донъ-Кихота, сводя ненормальныя его проявленія съ положительными сторонами, необыкновенно тонка. Сплошная проповѣдь о нравственной высотѣ была бы тягостна, носитель ея казался бы прямолинейнымъ, безтѣлеснымъ, выдуманнымъ. Въ свободномъ сочетаніи гомерическаго смѣха и задумчивости, боевыхъ картинъ и щемящаго, искренняго состраданія, ссоръ съ великанами и гнѣва на настоящихъ притѣснителей народа, старо-

моднаго поклоненія женщинѣ, культа невиданной никогда рыцаремъ Дульцинеи и горячей готовности выступать всюду на защиту женской личности, грезъ о рыцарскомъ, барственномъ бытѣ и тѣхъ прекрасныхъ, полныхъ демократизма и равенства совѣтовъ относительно управленія народомъ, которыми Донъ-Кихотъ напутствуетъ губернатора - Санчо, раскрывается истинный замыселъ автора.

Это—не цѣльная система воззрѣній, какъ желали бы увѣрить насъ панегиристы; ученикъ жизни, а не многомудрой школы, Сервантесъ былъ бы самъ въ затрудненіи, если бы предстояло соорудить подобную систему. Это и не сатира на опредѣленныя лица, на тѣ или другіе изъяны политическаго и общественнаго устройства старой Испаніи. Канва донъ-кихотовскихъ приключеній превратилась въ «человѣческую комедію», испанская бытовая картина XVII вѣка растворилась въ широкое зрѣлище всегда и вездѣ понятныхъ соціальныхъ отношеній, и завѣты рыцаря, полные самоотверженнаго альтруизма, обращены къ необозримымъ грядущимъ поколѣніямъ.

Не розы, а терніи вѣнчаютъ этого мечтателя-маніака, его подвиги постоянно связаны съ неудачами, поруганіемъ, насмѣшками, грубой отплатой, но ничто не можетъ охладить его пыла. Комизмъ словъ и ситуацій вызываетъ невольный смѣхъ, но его смѣняетъ сожалѣніе и сочувствіе. Къ герою этой «человѣческой комедіи» необыкновенно пристало случайно придуманное Санчо наименованіе «Рыцаря Печальнаго Образа»; онъ почувствовалъ самъ меланхолическую прелесть этихъ словъ, напоминавшихъ ему о горькой участи подвижниковъ добраго рыцарскаго времени. Потомство шире поняло этотъ загадочный титулъ, и «печальный образъ» сталъ ореоломъ всего склада убѣжденій *донъ-кихотства*.

Это—убѣжденія, credo самого автора великаго романа. «Не самъ ли онъ былъ въ жизни совершеннѣйшимъ рыцаремъ, не жертвовалъ ли онъ собою ради людского блага, не проявлялъ ли отважнаго героизма, не боролся ли противъ всѣхъ препятствій, всѣхъ вліяній, всѣхъ общественныхъ классовъ, отстаивая правду»?—горячо ставитъ вопросъ, быть-можетъ, лучшій изъ біографовъ Сервантеса, Рамонъ Леонъ Майнецъ, и навстрѣчу кропотливымъ изслѣдованіямъ и догадкамъ объ оригиналѣ, съ котораго снятъ образъ Донъ-Кихота, выставляетъ свое рѣшеніе: этотъ оригиналъ—самъ Сервантесъ...

Въ своемъ нравственномъ ростѣ Ламанчскій гидальго повлекъ за собой и неразлучнаго съ нимъ Санчо. Всюду поспѣвая за нимъ и принимая свою долю невзгодъ и превратностей, оруженосецъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ и въ его просвѣтлѣніи. Искусно обрисованный, въ тѣнь героическимъ добродѣтелямъ Донъ-Кихота, выразитель народ-

наго здраваго смысла, повседневной морали, будничной прозы, онъ, бывало, охлаждалъ болѣзненныя фантасмагоріи бойкой, трезвой и реальной философіей и низводилъ ихъ на землю. Его рѣчь искрилась деревенскимъ юморомъ, множествомъ пословицъ и поговорокъ. Сплошной поединокъ, постоянное состязаніе поэзіи и прозы, идеализма и низменной дѣловитости, скрывались за безподобнымъ комизмомъ діалоговъ господина съ слугой. Но на этой игрѣ противоположностей, любимой старою литературной практикой, Сервантесъ не могъ остановиться. Оставаясь типически народнымъ во всемъ, въ рѣчахъ, складѣ мысли, убѣжденіяхъ, Санчо вынесъ съ годами своеобразную эволюцію. Въ немъ выдвинулись не только бойкое «себѣ на умѣ», шустрый расчетъ, влеченія къ наживѣ и житейской удачѣ, но бездна простыхъ, честныхъ догадокъ о жизни, какою она должна быть, и осужденій существующаго быта. Онъ все сильнѣе привязывается къ Донъ-Кихоту, по-своему высоко цѣнитъ его душевность и «простоту», и между ними устанавливается оригинальнѣйшая дружба, совмѣстная съ гнѣвными вспышками и внушеніями одного и остроумными увертками и ужимками другого. Ни одному изъ нихъ не пристала роль моралиста, но въ рѣчахъ обоихъ все сильнѣе выдѣляется положительная сторона.

Было время, когда главной приманкой для Санчо была фантастическая надежда добыть при помощи Донъ-Кихота островъ, стать па немъ полномочнымъ правителемъ и обогатиться. Счастье это выпадаетъ, наконецъ, ему на долю, искусно выдержанная мистификація отводитъ ему въ большомъ барскомъ помѣстьѣ, наивно принятомъ за островъ Баратарію, нѣсколько дней правительственнаго опыта,—и незатѣйливая съ виду работа его, какъ администратора, судьи и законодателя, полна заботъ о народныхъ нуждахъ и въ особенности о положеніи бѣднѣйшаго, обездоленнаго общественнаго слоя. Двойникъ Санчо, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ остроумной новеллѣ Сервантеса «Разговоръ собакъ», песъ Берганца, куда язвительнѣе и смѣлѣе въ передаваемыхъ имъ двойнику Донъ-Кихота, Сипіону, сужденіяхъ и оцѣнкахъ людей и порядковъ, но народническій пошибъ, непосредственность и простота пріемовъ подлиннаго Санчо Пансы въ эпоху его величія и реформъ дѣйствуютъ еще сильнѣе своею свѣжею самобытностью. По словамъ автора, онъ успѣлъ завести столько хорошихъ порядковъ, что его законы удержались и впослѣдствіи въ странѣ, гдѣ ихъ называютъ «конституціей великаго губернатора Санчо Пансы»...

Такъ доходятъ оба неразлучные спутника, преображенные и глубоко осмысленные, до развязки,—и у изголовья угасающаго, безконечно утомленнаго, настрадавшагося рыцаря стоитъ понурая фигура его наперсника. Тихая кончина Донъ-Кихота, слова раскаянія и сожалѣнія,

обращенныя имъ къ былой болѣзненной его причудѣ, но не къ основѣ его чистаго духовнаго міра, знаменуютъ собой конецъ того фиктивнаго существованія, которымъ надѣлила его фантазія великаго художника, но вмѣстѣ съ тѣмъ начало его безсмертія, какъ вѣчнаго типа. Три вѣка уже прошло съ его перваго появленія на литературной аренѣ; скоро исполнится три столѣтія и со времени кончины его творца (въ одинъ годъ съ Шекспиромъ), а въ памяти человѣчества неизгладимы и «Рыцарь Печальнаго Образа» и его геніальный двойникъ. Велико ихъ вліяніе на литературу,—реалисты-повѣствователи всѣхъ странъ, Фильдингъ, Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ, Гоголь, Тургеневъ— ихъ ученики и послѣдователи; полно глубокой выразительности повсемѣстное превращеніе имени Донъ-Кихота въ нарицательное и почетное; всего выше—облагораживающая струя, влитая нѣкогда въ общечеловѣческое самосознаніе тѣмъ, кто такъ чутко понялъ и такъ завлекательно прославилъ преданность великой идеѣ.

ЛЕГЕНДА О ДОНЪ-ЖУАНѢ [1]).

У человѣчества бываютъ странные любимцы, которымъ все прощается, пороки, вѣтреность, обожаніе своей личности, безграничная отвага; такъ взоры чадолюбивой матери минуютъ иногда честныя лица трудящихся и преданныхъ дѣтей, чтобы съ тайною симпатіей остановиться на непокорномъ, бурливомъ и увлекательно страстномъ красавцѣ-сынѣ, героѣ безконечныхъ похожденій и грозѣ порядочныхъ семей. Изъ вѣка въ вѣкъ передается память о великихъ дѣятеляхъ мысли, друзьяхъ народа; но рядомъ съ нею живутъ столь же несокрушимыя преданія о людяхъ, которымъ мѣста не найдется ни въ одной изъ системъ образцовой нравственности. Чело однихъ окружаетъ свѣтлый ореолъ, но для массы, быть-можетъ, еще милѣе фантастическій блуждающій огонекъ, который своими вспышками озаряетъ безпечальныя черты какого-нибудь геніальнаго гуляки. И творчество идетъ по тѣмъ же слѣдамъ, не рѣшаясь иногда замолвить слово за страдальцевъ и подвижниковъ, но окружая всѣми чарами музыки, живописи, сцены, память о великихъ счастливцахъ.

Донъ-Жуанъ именно всесвѣтный любимецъ; такимъ онъ былъ нѣсколько столѣтій, такимъ онъ, вѣроятно, всегда останется. Почти три вѣка тому назадъ его имя прозвучало впервые въ благочестивой пьесѣ испанскаго поэта—и съ тѣхъ поръ оно магически дѣйствуетъ на умы, давно стало нарицательнымъ, прилагалось къ безчисленнымъ потомкамъ героя легенды, законнымъ и самозваннымъ, и стало одною изъ желанныхъ прикрасъ, которыми любятъ драпироваться люди, стремящіеся не походить на толпу. Понемногу обносился «Гарольдовъ плащъ», почтенной древностью вѣетъ и отъ вертеровскаго наряда, когда-то обязательнаго для всѣхъ отцвѣтшихъ душою, но типическія черты Донъ-Жуана кажутся такими же заманчивыми, какъ въ былые дни. Одинъ

1) Вступительная глава изъ третьяго тома „Этюдовъ о Мольерѣ".

критикъ [1]) высказалъ мысль, что вѣкъ малокровія и болѣзней воли почти не въ состояніи выставить настоящаго Жуана; вѣдь онъ только тогда непобѣдимъ, когда во всеоружіи энергіи и здоровья, полонъ вѣры въ себя. «Нервный Жуанъ скоро сошелъ бы со сцены». Но, быть-можетъ, именно поэтому безсильное и нерѣшительное поколѣніе готово идеализировать сочетаніе тѣхъ свойствъ, которыхъ ему не дано.

До нашихъ дней литература и искусство не могли разстаться съ этимъ образомъ. Драма, романъ, поэма девятнадцатаго столѣтія выдвинули длинный рядъ Донъ-Жуановъ самоувѣренныхъ, разочарованныхъ, кающихся, просвѣтленныхъ,—мало того, «сыновей Д. Жуана», «дочерей его» и т. д. Народныя сцены Италіи и Германіи до сихъ поръ необыкновенно усердно разрабатываютъ этотъ сюжетъ [2]). Даже тѣнь Жуана, его загробная судьба, нашли разнообразныхъ изобразителей. Если Поль Гейзе въ трагедіи «Don Juan's Ende» заставилъ героя избѣгнуть объятій Каменнаго Гостя, дожить до старости, извѣдать родительскую любовь, муки ревности къ подругѣ своего сына и покончить съ собою, бросившись въ кратеръ Везувія, то на картинѣ Rixens'a «La barque de Don Juan» герой представленъ плывущимъ въ царствѣ тѣней на утломъ челнѣ, съ безстрастнымъ командоромъ позади, умоляющею Эльвирой у ногъ и встающими отовсюду призраками погубленныхъ имъ женщинъ,—картина Grosso окружаетъ открытый гробъ съ тѣломъ Жуана склонившимися надъ нимъ обнаженными женскими фигурами, печально вглядывающимися въ обольстительныя нѣкогда черты или осыпающими его цвѣтами, а въ одной изъ послѣднихъ поэтическихъ новинокъ на тему легенды о Д.-Ж., драматической фантазіи «La dannazione di Don Giovanni» [3]), авторъ (историкъ литературы и въ то же время талантливый поэтъ), Arturo Graf, изображаетъ Жуана и въ царствѣ тѣней непобѣдимымъ, непокорнымъ, готовымъ подчинить себѣ своихъ судей и карателей.

Такая необыкновенная популярность [4]), такое безсмертіе типа не

---

[1]) Armand Hayem. Le Don-Juanisme. Paris, 1886.

[2]) Нѣмецкія народныя пьесы о Д.-Жуанѣ (нерѣдко маріонетныя) изданы въ новѣйшее время въ большомъ количествѣ, напр., въ собраніи „Deutsche Puppencomödien", изд. Карломъ Энгелемъ. Ср. также пьесу о Д.-Ж. въ Theatergeschichtliche Forschungen von Litzmann (Der Laufner Don Juan), 1891, вѣнскую пьесу въ сборн. Deut. Puppenspiele, herausg. v. Kralik und Winter, Вѣна, 1885 и т. д.

[3]) Напечатана въ Nuova Antologia, 1901, 1 декабря.

[4]) Литературное потомство Д.-Ж. непрерывно растетъ и множится; обозрѣть, даже перечислить его за новѣйшее время нелегко. Явились: Смерть Д.-Ж. (La morte di Don Giovanni), поэма Mario Faccio, Vercelli, 1889, дарующая ему мирную кончину; „Don Juan 89", Жана Экара; Proelss, Don Juan's Erlösung, 1886; „La cave de D. J.", стих. Арм. Массона, 1895; La vieillesse de D. J., пьеса въ стих. Мунэ-

даются даромъ. Нельзя повѣрить, чтобъ оно могло выпасть на долю вульгарнаго сластолюбца и эгоиста; должно найтись болѣе глубокое оправданіе всесвѣтной симпатіи. Психологи-дилеттанты, какъ видимъ, пытаются уже изучать не столько личный характеръ Жуана, какъ онъ завѣщанъ легендой, сколько *донъ-жуанизмъ*, т.-е. совокупность физіологическихъ особенностей, свойственныхъ обширной группѣ однородныхъ характеровъ, не вымирающей никогда. На помощь къ нимъ пришла, казалось, точная наука въ лицѣ спеціалиста, пожелавшаго освѣтить многовѣковую литературную исторію донъ-жуановской легенды съ точки зрѣнія біологіи [1]), но его изслѣдованіе, не подвинувъ впередъ объясненіе типа Жуана, какъ «сверхъ-человѣка»-чувственника, привело въ заключительныхъ выводахъ лишь къ правоученію о вредѣ необузданной чувственности и ненасытной любви, приводящей человѣка къ неизбѣжной расплатѣ.

Замѣченное уже болѣе полувѣка тому назадъ видоизмѣненіе изучаемой нами личности въ творчествѣ, сообразно національностямъ, религіознымъ воззрѣніямъ, эпохамъ, давно навело на мысль о любопытной этнологіи этого типа. Очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ случайной удачей крѣпко полюбившагося людямъ поэтическаго образа, но съ настойчивымъ и послѣдовательнымъ рядомъ попытокъ осмыслить одну изъ загадочныхъ сторонъ человѣческой природы. Лишь только перенесемъ вопросъ на эту почву, вокругъ Донъ-Жуана быстро соберется обширная группа всевозможныхъ его двойниковъ, которыхъ запомнила и поэзія, и точная исторія,—демонически ненасытные сластолюбцы-рыцари средневѣковыхъ легендъ, Ловласы, Альмавивы, герцоги Гамильтоны, Броммели и т. д. Они его братья по крови, но «севильскій соблазнитель» всѣмъ имъ старшина и покрываетъ ихъ своею репутаціей. Людская мораль тяготитъ ихъ; они хотятъ стать выше будничной, сонливой прозы и завоевать себѣ полное, безконечно разнообразное счастье, ихъ манитъ все неизвѣданное; они идутъ впередъ съ отвагой завоевателей, достойною лучшаго дѣла (j'ai sur ce sujet l'ambition des conquérants qui volent perpétuellement de victoire en victoire et ne peuvent se résoudre à borner leurs souhaits, говоритъ Донъ-Жуанъ у Мольера; актъ I, сц. 2); но въ то время, когда низшіе изъ этихъ «всесвѣтныхъ жениховъ» (épouseur du genre humain, называетъ Сганарель своего господина) едва способны подняться выше вульгарной чувственности, Донъ-Жуанъ, начавъ тоже съ нея,

---

Сюлли и Пьера Барбье, 190; Don Juans Tod, князя Шенайхъ-Каролата; „Донъ-Жуанъ" Н. Толстого, М. 1900. „Севильскій Обольститель" А. Бѣжецкаго.

[1]) Die Don Juan-Sage im Lichte biologischer Forschung, von Dr. A. Rauber, Prof. der Anatomie an d. Universit. Jurjeff (Dorpat). Leipz., 1899.

изъ вѣка въ вѣкъ вырабатываетъ себѣ болѣе сознательный образъ дѣйствій, надъ многимъ задумывается, становится чуть не идеалистомъ, поэтомъ женщины, и (какъ, наприм., въ пьесѣ Ленау [1]) способенъ отдаться безысходному отчаянію, сознавъ, что всю жизнь безплодно искалъ идеала.

Смутное стремленіе къ безконечному, порывы мятежнаго чувства противъ участи людей, обреченныхъ знать лишь умѣренныя ощущенія, гибнутъ отъ всякаго излишняго напряженія силъ, фантазіи, воли, и вяло доживать до жалкаго конца, сближаютъ его въ извѣстной степени съ другимъ такимъ же мятежникомъ противъ судьбы, Фаустомъ, какъ ни различна у нихъ, повидимому, точка отправленія. Порою черты ихъ неожиданно сливаются; когда извѣрившійся въ мертвую науку мудрый докторъ спѣшитъ воспользоваться своею мощью не для того, чтобъ проникнуть законы мірозданія, но чтобъ извѣдать любовь въ объятіяхъ Гретхенъ или Елены, когда онъ соблазняетъ свою первую жертву, шепча ей страстныя признанія, и потомъ покидаетъ ее,—минутами мы не знаемъ, не Донъ-Жуанъ ли говоритъ его устами [2]). Со стороны послѣдняго это было бы даже искреннѣе, по крайней мѣрѣ оно не было бы прикрыто широкими научными и философскими стремленіями. Его ли дѣло они? Далеко ниже своего сверстника стоитъ онъ по полету мысли, и титаническіе порывы почти не волнуютъ его. Они доступны ему лишь въ одномъ направленіи,—въ немъ бьетъ ключомъ жизнь, онъ тѣшится иллюзіей ея вѣчной свѣжести и, точно герой старой общечеловѣческой легенды, онъ готовъ вызвать на бой самую Смерть, надѣясь побороть и ее, какъ одолѣвалъ онъ всѣхъ противниковъ. Заманчивое обѣщаніе, которымъ Мефистофель улавливаетъ человѣческія сердца: «Eritis sicut Deus»,—не лишено прелести и для Жуана; если бы онъ могъ извѣдать безграничныхъ наслажденій и въ этомъ уподобиться богамъ, онъ не остановился бы передъ гибелью души. И смутная догадка рано шевельнулась въ умахъ толпы. Дерзкая самонадѣянность его и баснословная удача вызывали иногда такое же суевѣрное представленіе о его связи съ адскими силами, какое неразлучно съ преданіемъ о Фаустѣ,—или же запуганная масса, видя, что справедливости не найдетъ на землѣ, искала возмездія сладкорѣчивому хищнику въ той же призрачной средѣ. Видѣніе, демонъ, статуя, должны явиться въ послѣднюю минуту, когда долготерпѣніе неба истощено и кара ста-

---

[1]) Don Juan. Ein dramatisches Gedicht von Nicolaus Lenau. W., 1851.

[2]) Нельзя не отмѣтить, что нѣмецкія народныя книги о Фаустѣ (наприм., Шписъ) постоянно выставляютъ на видъ ненасытную чувственность его и сообщаютъ небольшой списокъ его любовницъ, различая ихъ по національностямъ. Въ своемъ родѣ тутъ аналогія съ знаменитымъ спискомъ жертвъ Д.-Жуана.

ла неизбѣжною,—такъ раннія пьесы о Фаустѣ рисуютъ заключительную сцену, когда бьетъ зловѣщій часъ, срокъ договора съ адомъ истекъ и демоны слетаются, чтобы терзать Фауста, точно невольные исполнители божественныхъ велѣній.

Въ началѣ девятнадцатаго вѣка мысль о внутреннемъ родствѣ характеровъ Донъ-Жуана и Фауста была одновременно высказана и въ научныхъ трактатахъ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Она промелькнула въ книжкѣ Франца Горна о развитіи нѣмецкой поэзіи съ Лютера [1]), но особенно замѣтна въ этюдѣ молодого Розенкранца (впослѣдствіи прекраснаго біографа Дидро и издателя Канта) о пьесѣ Кальдерона «Чудотворный магъ» [2]). Изучая въ ней одинъ изъ первообразовъ гетевскаго *Фауста* и слѣдя за сочетаніемъ порывовъ пытливаго знанія и страстной любви у кальдероновскаго Кипріана и его позднѣйшихъ преемниковъ, онъ пришелъ къ параллели съ характеромъ Донъ-Жуана. «Рядомъ съ Фаустомъ, оторваннымъ отъ жизни и вѣры своими стремленіями къ познанію и высшему наслажденію,—говорилъ онъ,—стоитъ полумиѳическій образъ Донъ-Жуана, примиреннаго съ жизнью, но лишеннаго вѣры, способнаго довести легкомысленное исканіе житейскихъ утѣхъ до преступныхъ размѣровъ» и т. д. Въ конечномъ выводѣ сравненія, носящаго отпечатокъ стараго эстетическаго пошиба, критикъ приходитъ къ тому, что «Донъ-Жуанъ олицетворяетъ собой одну изъ основныхъ сторонъ духа романскихъ народностей, тогда какъ въ Фаустѣ отразилась надломленность нѣмецкаго народнаго духа». Толчокъ, данный этою параллелью, оказался возбуждающимъ; въ научныхъ работахъ о предшественникахъ Фауста [3]) съ тѣхъ поръ всегда отводилось мѣсто легендамъ и пьесамъ о Каменномъ Гостѣ и его дерзкомъ оскорбителѣ. Не было недостатка и въ обобщеніяхъ эстетическихъ и

---

1) Franz Horn. Geschichte u. Kritik der Poesie und Beredsamkeit der Deutschen von Luthers Zeit bis zur Gegenwart. 1822.

2) Ueber Kalderon's Tragödie vom wunderthätigen Magus. 1829; втор. изд., дополн., 1832. Связь этой любопытной во многихъ отношеніяхъ пьесы съ литературой о Фаустѣ прослѣжена была еще полнѣе въ книгѣ, вызванной юбилеемъ Кальдерона: „Memoria acerca de El Magico prodigioso de Calderon", p. D. Sanchez Moguel, Madrid, 1881.

3) Въ Kloster Шейбле, 1846, третья часть; въ книгѣ Ринне Die Faustsage nach ihrer Entstehung etc. 1859; въ библіографическомъ сборникѣ Bibliotheca Faustiana Энгеля, 1874, изданномъ вновь въ 1885 г. съ большими дополненіями (Zusammenstellung der Faustschriften etc.). Тѣмъ же лицомъ изданъ былъ въ 1887 году, ко дню юбилея оперы Моцарта, справочный сборникъ „Die Don-Juan Sage auf der Bühne". По-русски есть небезполезный, хотя давно составленный указатель литературы о Д.-Жуанѣ, „Библіографія Донъ-Жуана", К. Званцова, „Театральный и Музык. Вѣстникъ" 1859 г., №№ 6—9.

психологическихъ. Иные видѣли въ Фаустѣ «трагедію духа», въ его сверстникѣ «трагедію чувственности», другіе—противоположность идеализма и реализма [1]); были и такіе судьи, которые, становясь на точку зрѣнія «грѣховности» [2]) обоихъ сравниваемыхъ, находили, что отличающія ихъ отвага мысли и заносчивость плоти, какъ двѣ крайности грѣха, соотвѣтствуютъ различію воззрѣній на него въ протестантской и католической религіи. Фаустъ грѣшникъ—протестантъ, Жуанъ и въ грѣхѣ католикъ. Наконецъ доказывалось, что въ обѣихъ легендахъ таинственно раскрыты высшія задачи искусства: въ Фаустѣ—величайшій изъ трагическихъ сюжетовъ, въ испанскомъ сказаніи—совершеннѣйшій изъ мотивовъ, которыми можетъ овладѣть музыка.

На помощь подобнымъ объясненіямъ рано выступило въ Германіи поэтическое творчество, но трудъ оказался ему не по силамъ. Починъ сдѣлалъ забытый теперь прирейнскій археологъ Николай Фогтъ; усердно занимаясь исторіей края и собираніемъ преданій, онъ довелъ мѣстный патріотизмъ до того, что захотѣлъ сосредоточить вокругъ Рейна важнѣйшія изъ общеевропейскихъ легендъ. Въ курьезной пьесѣ, озаглавленной «Der Färberhof, или печатня въ Майнцѣ», онъ смѣшалъ въ своемъ героѣ черты Фуста, одного изъ первыхъ распространителей типографскаго искусства, съ Фаустомъ и Донъ-Жуаномъ, очевидно вполнѣ вѣря въ тождественность этихъ трехъ лицъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ первой попытки, доведшей усердіе до слiянія обоихъ главныхъ характеровъ, основная мысль параллели снова была заявлена въ драмѣ. Сверстникамъ возвращено было право существовать порознь, но они поставлены въ непосредственныя и притомъ враждебныя отношенія другъ къ другу. Таковъ замыселъ трагедіи Граббе «Don-Juan und Faust» [3]); она довольно одиноко стоитъ среди арьергарда романтической школы, но почему-то полюбилась потомству, много разъ издавалась, и въ наше время (1877 года) въ новой передѣлкѣ, приспособленной къ сценѣ, исполнялась въ Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ. Вильгельмъ Шереръ, къ ужасу поклонниковъ Граббе, отказался говорить въ своей примѣчательной Исторіи нѣмецкой литературы о немъ и о его пьесахъ, находя ихъ просто «смѣшными» (быть-можетъ, я лишенъ органа, необходимаго для пониманія такихъ кра-

---

[1]) **Вполнѣ своеобразенъ взглядъ, высказанный датскимъ мыслителемъ Киркегоромъ въ „Дневникѣ Обольстителя“, входящемъ въ составъ его знаменитой книги „Или—Или“, и указывающій на утонченный, не чувственный, но *духовный* оттѣнокъ обольщенія Донъ-Жуанами своихъ жертвъ.**

[2]) **Калертъ въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ Der Freihafen, 1841.**

[3]) **Появилась въ 1829 г.; по-русски переведена г. Холодковскимъ въ журналѣ „Вѣкъ“ 1882 г., № 1.**

сотъ, иронически прибавлялъ онъ). Приговоръ этотъ почти вѣренъ; въ пьесѣ есть удачныя мѣста, вѣрныя наблюденія, но въ цѣломъ она безсвязна, полна чудовищныхъ эффектовъ, не завлекаетъ фантастичностью, смѣшитъ иногда въ патетическія минуты. Донъ-Жуанъ и Фаустъ встрѣчаются въ Римѣ; Донна Анна, дочь испанскаго посла Донъ-Гусмана, привлекаетъ сердца обоихъ; но въ то время, какъ она не въ силахъ побѣдить грѣшной страсти къ убійцѣ ея жениха и отца, она ненавидитъ Фауста, который пытается принудить ее полюбить его. Магическою силой онъ переноситъ ее на Монбланъ, въ замокъ, построенный по его приказанію въ нѣсколько мгновеній духами, тамъ держитъ ее взаперти, точно Черноморъ Людмилу, стараясь смягчить ее всякими утѣхами. Въ альпійскую заповѣдную глушь проникаютъ и Донъ-Жуанъ съ Лепорелло, надѣясь похитить Анну; они настигнуты, узнаны, и Фаустъ на крыльяхъ вихря перебрасываетъ ихъ снова въ Римъ. Но тщетно молитъ онъ свою плѣнницу о любви; безсильны угрозы; въ ярости онъ желаетъ ей смерти, и она на мѣстѣ падаетъ замертво. Тогда имъ овладѣваетъ отчаяніе; онъ хочетъ подѣлиться горемъ съ Донъ-Жуаномъ, который «тоже любилъ *ее*», но соперникъ ищетъ мщенія за смерть любимой женщины и вызываетъ его на поединокъ. Фаусту однако не суждено умереть отъ руки Жуана; полный ненависти къ нему, мрачный его спутникъ («рыцарь», какъ его зовутъ тутъ) мгновенно душитъ его. Каменный Гость тоже не за горами, и гибель второго героя осуществляется вслѣдъ затѣмъ. Жуанъ оскорбляетъ статую, пробуетъ на ней силу меча и кинжала, но она зоветъ на помощь стоящихъ поодаль демоновъ, и «рыцарь», завладѣвая Донъ-Жуаномъ и издѣваясь надъ его безсиліемъ, приглашаетъ его тѣснѣе прижаться къ тѣлу Фауста: «вѣдь оба вы стремились къ одной цѣли!»—поясняетъ онъ ему въ видѣ напутствія.

Неудачная попытка довести близость легендарныхъ героевъ до совмѣстныхъ житейскихъ волненій и совмѣстной смерти вдоволь насыщена декламацией, въ которой отличается даже Лепорелло и которую смѣняетъ грубая брань демона; то и дѣло видны слѣды передѣлокъ чужихъ эффектовъ на свой ладъ, особенно изъ гетевской трагедіи. Въ свитѣ автора *Фауста* всегда было нѣсколько завистливыхъ подражателей; къ числу такихъ «Affen Goethe's», какъ называлъ ихъ Карлъ Августъ, принадлежалъ нѣкогда несчастный Ленцъ; Граббе былъ не далекъ отъ такого же мелкаго соперничества. Собирался же онъ, говорятъ, непремѣнно написать собственнаго *Фауста*, который долженъ былъ затмить гетевскаго!

Но зачѣмъ во что бы то ни стало сводить въ одной эпохѣ людей, не вѣдавшихъ другъ друга, на зло исторіи и преданію, которыя раз-

общаютъ ихъ на два столѣтія? Оставаясь каждый въ своей сферѣ, въ связи съ народнымъ характеромъ, религіознымъ и общественнымъ уровнемъ своего времени, они не утратятъ близости между собою. Бертольдъ Ауэрбахъ доказывалъ [1]), что «обѣ легенды дополняютъ другъ друга, что это германская и романская вѣтви одного и того же дерева, разсаженныя въ различныхъ климатахъ и потому разросшіяся совершенно своеобразно; дерево же, отъ котораго онѣ взяты, знаменуетъ собою человѣка въ совокупности всѣхъ его свойствъ». Онъ привѣтствовалъ поэтому замыселъ Ленау, послѣдовательно изучившаго въ двухъ трагедіяхъ судьбу Фауста и Донъ-Жуана и понявшаго, что Гете, остановившись на образѣ мыслителя, выполнилъ только часть задачи.

Обоимъ легендарнымъ героямъ выпала на долю рѣдкая участь, свойственная немногимъ избранникамъ. Несложны ранніе разсказы объ испанскомъ гидальго и нѣмецкомъ чернокнижникѣ, но въ конечномъ развитіи они способны воспринимать важнѣйшія идеи, волнующія человѣчество, или могущественно возбуждать художественное творчество. Отъ народныхъ повѣстей и кукольныхъ пьесъ 16—17 вѣка до *Фауста* Гете, отъ монастырской драмы и итальянскихъ арлекинадъ о Донъ-Жуанѣ до комедіи Мольера, оперы Моцарта, поэмы Байрона или грустной исповѣди Ленау развитіе обѣихъ легендъ отразило на себѣ бездну измѣненій, совершавшихся въ народномъ сознаніи. Но Донъ-Жуанъ даже тутъ счастливѣе своего товарища. Таинственныя чары Фауста, его стремленіе подчинить себѣ стихіи, завоевать божественную силу, внушаютъ сами по себѣ уваженіе и трепетъ; въ эту рамку легко ввести разнообразные элементы высшей духовной борьбы. Труднѣе было дождаться просвѣтлѣнія и идеализаціи совсѣмъ земному и грѣшному Жуану, но онъ достигъ и этой цѣли. Сначала онъ является предметомъ обличенія и бичеванія съ благочестивой или нравственной точки зрѣнія; по мѣрѣ изученія его характера, составныя его части становятся яснѣе, сила ума и діалектики, рыцарскіе инстинкты, непокорность аскетическимъ воззрѣніямъ незамѣтно выдѣляются изъ образа жреца чувственности. Потомъ выступили въ немъ мотивы религіознаго, политическаго, соціальнаго протеста; по-своему онъ уже кажется вольнодумцемъ, мечтателемъ о лучшемъ строѣ, и гибнетъ нераскаянный. Но все это еще развивается на основѣ личнаго самоуслажденія; только минутами блеснетъ гуманное чувство, что-то похожее на любовь. Еще нѣсколько шаговъ дальше,—и тайна раскрывается: для него возможно

[1]) Der Weltschmerz, mit besonderer Beziehung auf Nic. Lenau (Deutsche Abende, 1867).

искупленіе, и не его вина, если онъ такъ долго не встрѣчалъ существа, способнаго заронить въ него истинное чувство; онъ разставался съ любимыми женщинами, испытывая всегда глухую душевную боль и вѣчно неудовлетворенный; когда счастье выпадаетъ ему наконецъ на долю, уже слишкомъ поздно: жизнь отравила его душу, и онъ гибнетъ въ виду обѣтованной земли или уходитъ въ безконечныя одинокія думы. Въ зрителѣ пробуждается чувство жалости и участія, безмѣрно далекое отъ возмущеннаго цѣломудрія первыхъ впечатлѣній.

Новое время видимо искало подобной примиряющей развязки легенды. Съ тѣхъ поръ, какъ Гофманъ ввелъ ее въ одинъ изъ удачнѣйшихъ своихъ фантастическихъ разсказовъ [1]), по-своему объяснивъ идею, будто бы скрытую въ моцартовскомъ «Донъ-Жуанѣ», его точка зрѣнія усвоена была большинствомъ позднѣйшихъ передѣлывателей легенды. Жуанъ въ поэмѣ Ленау безконечно измученъ безплоднымъ исканіемъ существа, которое воплотило бы въ себѣ идеалъ женщины и даровало бы чудныя наслажденія, грезящіяся ему, но ни съ кѣмъ не испытанныя. Въ немъ поднимается отвращеніе къ жизни,—оно и есть тотъ демонъ, который подъ конецъ губитъ его... О Донъ-Жуанѣ-идеалистѣ мечталъ Альфредъ де-Мюссе,, силуэтъ его набросала Жоржъ-Зандъ (въ Château de Désertes), даже А. Дюма-отецъ отважился примкнуть къ этому толкованію; у пушкинскаго героя въ минуту гибели вырывается одно лишь дорогое имя: «о, донна Анна!»;—наконецъ, Алексѣй Толстой, вполнѣ слѣдуя въ своей пьесѣ объясненіямъ Гофмана, ввелъ даже чудесное возрожденіе грѣшника, заставилъ его преклониться передъ задушевнымъ призывомъ умирающей Анны, покаяться и пойти въ монастырь.

Одновременно съ выясненіемъ образа Донъ-Жуана шли децентрализація и кочеванія его легенды по лицу Европы, постепенно усвоившія ее всѣмъ національностямъ и литературамъ. Затѣйливыми изгибами совершалось это распространеніе: отъ одного изъ крайнихъ выступовъ романскаго міра передалось оно другому, изъ Испаніи перешло въ Италію; потомъ поднялось сѣвернѣе, пустило глубокіе корни во Франціи, оттуда проникло въ Англію и Германію, наконецъ зашло на дальній сѣверо-востокъ, въ русскую, даже шведскую и датскую поэзію [2]). Личность героя долго носила отличительный отпечатокъ испанской народности. Мольеръ рѣшился нарушить эту традицію и ввести въ свою

---

[1]) Phantasiestücke in Callots Manier, Bamberg, 1813 (Don Juan, eine fabelhafte Begebenheit, die sich mit einem reisenden Enthusiasten zugetragen).

[2]) Драма Альмквиста „Кающійся Донъ-Жуанъ"; датская пьеса Іоан. Карстена Гауха. См. статью В. Болина „Don Juan Studier" въ журналѣ „Finsk Tidskrift for Vitterhet, Uetenskap, Konst och Politik", 1885, томъ 19.

пьесу подъ легкимъ покровомъ чуждой среды (дѣйствіе происходитъ у него даже не въ Испаніи, а въ Сициліи) французскую дѣйствительность его времени. Съ той поры на характеръ Жуана всюду налагался, сознательно или невольно, оттѣнокъ національности, въ среду которой завела его судьба, или темперамента поэта, въ чьемъ произведеніи онъ возрождался для новой жизни; онъ становился желчнымъ скептикомъ, пессимистомъ, нѣжнымъ романтикомъ. Превращенія неизбѣжныя и съ которыми приходится считаться по поводу каждаго особенно популярнаго типа. Въ данномъ случаѣ они не нарушатъ цѣльности образа, если мы расширимъ предѣлы донъ-жуанизма и дадимъ въ него доступъ всѣмъ развѣтвленіямъ. Но, если остановиться на центральной вѣтви, придется признать, что оно всего тѣснѣе связано съ романскимъ міромъ и, въ частности, съ Испаніей, что его родина подъ южнымъ небомъ и горячимъ солнцемъ, что «жаръ крови» и сильныя страсти только и могли сложить въ такой цѣльности подобный характеръ, и что туманы сѣвера вредно дѣйствуютъ на него. Исключеній мало. Въ оперѣ Моцарта много свѣта и страсти, и его Жуанъ если не испанецъ, то все же безпечный житель юга,—но Моцартъ и родился въ пѣвучей и международной Австріи, и Зальцбургъ съ его Альпами чуть не у порога итальянскаго міра,—а въ *Каменномъ Гостѣ* высокодаровитаго Даргомыжскаго съ начала до конца вьется, не замолкая даже въ веселыхъ напѣвахъ, сѣверная меланхолическая нотка, совершенно въ разрѣзъ съ основнымъ складомъ сюжета. Умѣнье переноситься въ чуждую и никогда не виданную имъ жизнь и подмѣтить ея яркія черты давно ставилось, по поводу его *Донъ-Жуана*, въ особенную заслугу Пушкину, какъ поэту-отгадчику.

На распутьи, среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ національныхъ, личныхъ, философскихъ и политическихъ истолкованій легенды стоитъ мольеровскій *Festin de Pierre*. Ему какъ будто суждено занять центральное объединяющее мѣсто между ними. Не пьесѣ Тирсо де Молины, не итальянскимъ ея передѣлкамъ, не французскимъ пьесамъ-предшественницамъ комедіи Мольера, но именно ей европейская литература обязана введеніемъ въ нее этой богатой фабулы. Съ мольеровской обработкой тѣсно связаны по замыслу лучшіе изъ послѣдующихъ варіантовъ, позволяющіе себѣ отступленія развѣ для того, чтобы воспользоваться мотивами общаго источника. По пониманію центральной личности она еще близка къ романскому ея оттѣнку [1]), но уже стре-

---

[1]) **Новѣйшій опытъ сопоставленія ея съ испанскими источниками, пьесами Тирсо, Фр. Рохаса и др. сдѣланъ E. Martinenche, „Molière et le théâtre espagnol“, 1906.**

мится сочетать съ нимъ новыя черты, подготовляющія широкое объясненіе Жуана другими литературами. Она впервые отреклась и отъ клерикальнаго освѣщенія судьбы его, какъ развратника, и отъ легкаго комическаго жанра, которымъ старались смягчить картину итальянцы, и замѣнила обѣ крайности соціальною сатирой высшаго порядка, поставивъ безнаказанное самоуправство героя въ связь съ исключительнымъ положеніемъ французкаго барства. Она опередила свой вѣкъ, раскрывая въ то же время примиряющія стороны въ героѣ, отказываясь рисовать его чудовищемъ, какъ бы сочувствуя инымъ изъ его смѣлыхъ словъ, подчеркивая воинствующую роль этого «Прометея въ бѣлокуромъ парикѣ», какъ назвалъ его одинъ изъ лучшихъ издателей Мольера [1]), и идя навстрѣчу гоненіямъ, которыя не замедлили обрушиться на нее. Но и въ другихъ отношеніяхъ она пробила дорогу новымъ воззрѣніямъ и новому вкусу, и стала особнякомъ въ литературѣ своего времени. Среди ложнаго классицизма она оперлась на народное преданіе, отвела просторъ элементу чудеснаго, внесла живыя черты крестьянскаго быта и деревенскую рѣчь на ряду съ свѣтскимъ жаргономъ; на зло обычаю писать театральныя пьесы стихами она написана прозой; наперекоръ единствамъ въ ней безпрерывно мѣняются и мѣсто, и дѣйствіе, и время. Все въ ней живетъ и движется; страсть, согрѣвающая старое преданіе, передалась и ей, и если теоретикъ найдетъ иногда возраженія противъ плана и распредѣленія сюжета или отыщетъ другія неровности, то чуткаго зрителя подкупитъ именно эта лихорадочная и житейски-правдивая неправильность.

Подобная пьеса, послужившая во многихъ отношеніяхъ поворотнымъ пунктомъ въ развитіи новаго театра и долго пробывшая подъ опалой [2]), думается намъ, стоитъ того, чтобъ изъ нея сдѣлать главную опору въ обзорѣ литературной исторіи Донъ-Жуана. Въ видѣ пролога и долгаго послѣсловія примкнутъ къ ней старыя, почти забытыя, и новѣйшія воспроизведенія легенды. Не всѣ они, разумѣется, стоятъ въ той зависимости отъ нея, какая соединяется обыкновенно съ представленіемъ о *школѣ*, созданной комедіею, а изъ предшествовавшихъ пьесъ не всѣ были ея источниками. Но въ исторіи типа, понимаемой въ широкомъ смыслѣ, должны найти мѣсто не однѣ только прямыя нисходящія линіи; любая генеалогія знакомитъ съ побочными вѣтвями семьи и порою превращается въ кудрявое родословное древо. Любопытно видѣть,

---

[1]) Поль Менаръ, въ предисловіи къ „Донъ-Жуану", въ изд. „Grands écrivains de la France", V томъ.

[2]) Въ полномъ видѣ она была дана на сценѣ Théâtre français только въ 1847 г.

какъ бродитъ въ сознаніи народномъ сдѣланное наблюденіе и ждетъ воплощенія въ поэтической формѣ, какъ встрѣчаетъ оно на пути другіе легендарные зародыши, какъ сближаются и складываются составныя части будущаго сказанія [1]). Наконецъ оно сложилось, получило опредѣленныя очертанія,—съ этой поры для него начинается новая жизнь, оно становится достояніемъ творчества всѣхъ странъ.

Обставленная подобной рамкой, задача, съ виду относящаяся къ спеціальной области «мольеризма», получаетъ общее значеніе; она можетъ помочь сравнительно-историческому изученію литературы и дать вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько наблюденій, интересныхъ и для психолога. Научные изслѣдователи «физіологіи удовольствія» (напримѣръ, Мантегацца), изучая наслажденія воли, чувственности, воображенія, и другіе обособляемые ими отдѣлы родового понятія, часто обращаются за справками къ произведеніямъ литературы. Исторія донъ-жуанизма можетъ доставить ихъ вволю.

Въ глубинѣ среднихъ вѣковъ встрѣчаются первые разсказы о сластолюбцѣ-рыцарѣ, безпечно и безнаказанно отдающемъ свою жизнь культу любви. Горячіе заступники за рыцарство, въ родѣ Леона Готье [2]), настаивали на томъ, что это явленіе стало возможнымъ лишь на его склонѣ, когда забыты были первоначальные высокіе идеалы. Народныя пѣсни, фабльо, духовныя драмы и фарсы, отмѣчая этотъ характеръ, принимаютъ тонъ обличительный,—единственная отместка плебея, ничѣмъ не защищеннаго отъ самоуправства сластолюбцевъ. Любой проѣзжій рыцарь умѣетъ хитростью, любовными увѣреніями или насиліемъ завладѣть красивой поселянкой и бросить ее потомъ [3]). Это безсмѣнный сюжетъ многихъ «пасторалей». Уже въ XII вѣкѣ изъ числа такихъ искателей удовольствія выдѣляется разудалый развратникъ «Обри Бургундецъ», чьи дѣянія удостоились пересказа въ цѣлой поэмѣ [4]). Со стороны стихотворцевъ-дворянъ слышатся тенденціозно задуманныя любовныя пѣсни, въ которыхъ поклоненіе рыцаря представляется желаннымъ предметомъ грезъ мѣщанскихъ и сельскихъ красавицъ [5]). Народная

---

1) Штейнталь сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ наблюденій надъ періодичностью появленія легендъ; Zeitschrit f. Völkerpsychologie, 1890, XX, 3. Въ исторіи донъ-жуанизма до нашихъ дней нетрудно найти подтвержденіе этого наблюденія.

2) La chevalerie, p. Léon Gautier. P. 1884, p. 89—97.

3) Chansons du XV siècle, publ. p. G. Paris, 1875, p. 24; пѣсня очевидно болѣе ранняя.

4) Auberi li Bourgoing изд. Тоблеромъ и П. Тарбе.

5) Gröber. Altfranzösische Romanzen und Pastourellen. Zurich, 1872.

пѣсня, наоборотъ, любитъ изображать торжество дѣвичьей или супружеской вѣрности надъ соблазнами дерзкаго поклонника, который, какъ Донъ-Жуанъ Мольера или Моцарта и Да Понте, направляетъ свои взоры именно туда, гдѣ постоянная любовь готова завершиться веселою свадьбой. Такова основа любимыхъ въ старой Франціи пѣсенъ о Робенѣ и его милой Маріонъ, которою захотѣлъ завладѣть рыцарь, принужденный подъ конецъ удалиться передъ натискомъ разсерженной толпы крестьянъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи эти пѣсни сложились подъ перомъ трувера Адама de la Halle въ граціозную оперетку, разыгрывающуюся подъ открытымъ небомъ, среди полей, и полную пѣнія и веселья (Li gieus de Robin et de Marion qu'Adans fist) [1]). Разлучникомъ пытается явиться рыцарь (li chevaliers), который нашептываетъ дѣвушкѣ признанія, сулитъ богатство; онъ ея не любитъ, но, случайно увидавъ ее, хотѣлъ бы «пріятно отдохнуть послѣ турнира». Онъ благоразумно исчезаетъ, завидѣвъ Робена, но снова появляется, когда находитъ Маріонъ одинокою. Какъ будто есть намекъ, что онъ ей начинаетъ нравиться; она съ нимъ сначала обходится сурово, а во второй разъ проситъ уйти, боясь, что ее застанетъ съ нимъ женихъ и откажется отъ нея. Но Робенъ не мольеровскій Пьерро и не Мазетто, хотя не безъ мѣшковатыхъ ухватокъ; онъ скликаетъ товарищей-пастуховъ, грозно наступаетъ на противника и для начала убиваетъ его сокола. Нашъ Донъ-Жуанъ въ гнѣвѣ даетъ ему ударъ палашомъ, отъ котораго тотъ ошеломленъ. Дѣвушка проситъ за него прощенія. «Я прощу, если ты пойдешь со мной» (volentiers s'aveuc moi venés), безцеремонно отвѣчаетъ рыцарь при людяхъ, и уже уводитъ ее, но на дорогѣ внезапно ее покидаетъ, будто разсердившись на ея холодность, а на дѣлѣ, очевидно, изъ боязни, что оправившіеся отъ испуга крестьяне подавятъ его численностью. Примиреніе жениха съ невѣстой и безконечныя пѣсни и пляски, заканчивающія пьесу, спѣшатъ разсѣять драматическое впечатлѣніе, производимое ея началомъ.

Запуганное средневѣковое воображеніе склонно было видѣть въ подобныхъ соблазнителяхъ клевретовъ темной силы, дѣйствующей черезъ нихъ. Если главнѣйшіе изъ пороковъ представлялись проповѣдникамъ «дочерями дьявола», сочетавшимися съ родоначальниками различныхъ сословій (при чемъ Гордость вышла замужъ за прелатовъ и свѣтскую знать, а Распутство, Luxure, не захотѣло одного мужа, а предпочло

---

[1]) Издана съ нотами напѣвовъ Куссемакеромъ въ Oeuvres complètes du trouvère Adam de la Halle. Paris, 1872, pp. 348—412. Новѣйшія работы объ Адамѣ de la H.: De Mallortie, Le théâtre franc. au moyen âge. Adam de la Halle (Mémoires de l'académie d'Arras, 1893). Guy, Essai sur la vie et les oeuvres du trouvère A. de la H. Paris, 1898.

соединяться со всѣми людьди) [1]), то легко могло возникнуть сказаніе о томъ, что именно отъ подобнаго брака рождаются коварные развратники. Такъ сложилось преданіе о Робертѣ-Дьяволѣ, нѣкоторыми изслѣдователями пріуроченное къ историческому дѣятелю XI вѣка, Роберту I, герцогу нормандскому; на ряду съ безчеловѣчными жестокостями оно переполнено любовными побѣдами; эти черты необузданнаго нрава предопредѣлены его несчастнымъ рожденіемъ и тяготѣющимъ надъ его судьбой заклятіемъ. Мать, долго не имѣя дѣтей, поклялась отдать демону ребенка, лишь бы только онъ родился,—и когда сынъ, на зло родителямъ и въ посмѣяніе церкви и добрыхъ нравовъ, предается своему бурному характеру и ничего не щадитъ на свѣтѣ, въ немъ очевидно говоритъ демоническое начало, котораго онъ въ себѣ не подозрѣвалъ.

Привычная развязка сказаній о богатыряхъ, которыми смолоду «было много бито, граблено»,—покаяніе и богомольное путешествіе къ святымъ мѣстамъ,—замыкаетъ легенду, которая идетъ въ уровень съ сказаніями о такомъ же концѣ жизни нормандскаго герцога, умершаго на возвратномъ пути изъ Іерусалима. Первая часть легенды, до примиряющей развязки, во многомъ сходится съ главными чертами будущаго преданія о Донъ-Жуанѣ. Рано получившая литературную форму [2]) въ стихотворномъ романѣ XIII вѣка, въ прозаической повѣсти XV столѣтія, которая, много разъ передѣланная, до сихъ поръ служитъ любимымъ чтеніемъ французскаго народа, и въ мистеріи XIV вѣка, она не мало содѣйствовала укрѣпленію въ памяти массы устрашающаго образа получеловѣка, полудемона. Въ 1509 году уже была переведена по-испански (Espantosa y admirable vida de Roberto el Diablo) французская повѣсть, нѣсколько разъ издавалась въ Испаніи и Португаліи до появленія пьесы Тирсо де Молины, и, конечно, много содѣйствовала выработкѣ легенды о Жуанѣ.

Мистерія о Робертѣ особенно часто предвѣщаетъ жуановскую легенду [3]). Она открывается увѣщаніями старика-отца сыну одуматься и исправиться. Это тѣ же рѣчи, съ которыми Донъ Діэго у Молины и Донъ-Луисъ у Мольера обращаются къ неисправимому грѣшнику: онѣ

---

[1]) Les filles du diable, статья B. Hauréau. Journal des savants, 1884, avril.

[2]) Обзоръ развитія легенды о Робертѣ сдѣланъ при изданіи англійской версіи „Sir Gowther“ Карломъ Брейлемъ, Oppeln, 1886 (неудачное миѳологич. объясненіе). См. статью Карла Боринскаго, „Zur Legende v. Robert dem Teufel“, Zeitschrift fur Völkerpsychologie, 1889, I, также ст. Kippenberg'a, „Die sage v. Rob. d. Teufel in Deutschland“, Studien z. vergleich. Literaturgeschichte, 1904, III.

[3] Она была переиздана Эд. Фурнье, „Le mystère de Robert le Diable, P. 1877.

проникнуты набожностью, старческою добротой и довѣрчивостью, надъ которою смѣется сынъ; только доведенный до крайности, герцогъ рѣшается на суровыя мѣры. Робертъ собираетъ дружину и ведетъ ее на грабежъ и веселье; они обыщутъ всю Нормандію, разроютъ монастыри; «какую бы красавицу ни встрѣтилъ онъ на своемъ пути, замужнюю или дѣвушку, онъ сумѣетъ добромъ или насильно добиться ея любви». Онъ видимо щеголяетъ удалью и грубымъ юморомъ, въ которомъ съ нимъ соперничаютъ товарищи. И въ слѣдующей сценѣ нормандскіе бароны спѣшатъ къ герцогу съ жалобами на его сына: «Съ одного конца страны до другого,—говорятъ они,—нѣтъ монастыря, который не былъ бы имъ ограбленъ; онъ тѣшится, совершая насилія надъ монахинями; у насъ нѣтъ дочери, племянницы, жены, которую бы онъ пощадилъ». Въ послѣдній разъ отецъ ищетъ соглашенія и посылаетъ ему гонцовъ. Такъ незадолго до катастрофы Донъ Луисъ пытается образумить ослушника. Но мольеровскій Жуанъ хитритъ съ отцомъ и притворяется раскаявшимся. Робертъ еще въ когтяхъ демона, и въ гнѣвѣ велитъ вырвать по глазу у каждаго изъ пословъ. Его лишаютъ наслѣдства, изгоняютъ изъ страны; какъ одичалый звѣрь, бродитъ онъ вокругъ жилья и видитъ передъ собой скитъ, гдѣ спасаются нѣсколько пустынниковъ. Какъ герою Мольера, ему непонятна ближная мысль жить лишеніями и умерщвлять плоть. «Мы живемъ здѣсь, чтобъ молиться Богу и служить ему денно и нощно, мы бѣдные пустынники»,—говоритъ ему одинъ изъ нихъ въ отвѣтъ на его презрительный вопросъ, зачѣмъ ихъ скопилась тутъ такая куча (Quelle est ton occupation parmi ces arbres?—Je prie le ciel pour la prospérité des gens de bien qui me donnent quelque chose, отвѣчаетъ нищій у Мольера). Робертъ велитъ переколоть презрѣнныхъ монаховъ; мольеровскій Донъ-Жуанъ, посмѣявшись надъ безсмысленностью подвижничества, даетъ нищему милостыню «изъ человѣчности». Три столѣтія не прошли даромъ для смягченія нравственныхъ понятій.

Мольеру врядъ ли извѣстна была эта мистерія, быть можетъ, тогда уже забытая народною публикой даже въ глухихъ провинціяхъ (хотя кое-гдѣ даже въ дни первой имперіи игрались старинныя пьесы, извлеченныя, подобно драмѣ о Робертѣ, изъ любимыхъ романовъ, Фіерабраса, Сыновей Аймона, а у басковъ пьеса о Робертѣ Дьяволѣ исполнялась по деревнямъ даже въ 1840 году [1])). Вѣроятнѣе его знакомство съ народною повѣстью на тотъ же сюжетъ. Но совпаденіе частностей комедіи съ нормандскимъ сказаніемъ и не приводитъ къ раскрытію заимствованія; оно указываетъ только одно изъ забытыхъ звеньевъ развитія легенды.

---

[1]) **Vinson. Le folk-lore du pays Basque, 1883, p. XXVIII.**

Принимавшій уже осязательныя очертанія, образъ героя ея могъ отнынѣ пріурочиваться въ каждой странѣ къ тому изъ ославленныхъ безнравственностью искателей приключеній, которые близко подходили къ этому типу. Слишкомъ рѣзкія черты преданія, жестокость, кровожадность, грабежъ и т. п., должны были въ болѣе смягченной общественной средѣ отпасть и оставить на первомъ мѣстѣ чувственность, завлекательность пріемовъ, героическую вѣру въ свою неотразимость, блескъ красоты. Такое превращеніе, казалось бы, могло произойти не въ суровой обстановкѣ сѣверныхъ народовъ съ ихъ демонологіей, а на дальнемъ, страстномъ югѣ. Стройный обликъ преданіе получило лишь на Пиренейскомъ полуостровѣ. Здѣсь же выдвинулось несмѣняемое съ той поры имя героя.

До сихъ поръ еще стоятъ лицомъ къ лицу два взгляда на происхожденіе его,—одинъ, признающій реальность существованія Донъ-Жуана Теноріо, время жизни котораго можетъ быть опредѣлено съ точностью, и другой, считающій ссылку первой же пьесы этого сюжета на историческія лица Жуана Теноріо, командора де-Уллоа и короля Альфонса искуснымъ маневромъ драматурга (встрѣчаемымъ и у Лопе-де-Веги, и у Кальдерона), желавшаго придать вымыслу подобіе историческаго событія. Послѣдній взглядъ проводится въ новѣйшихъ трудахъ авторитетнаго изслѣдователя судебъ легенды, профессора Артура Фаринелли [1]), хотя, отказываясь принять на вѣру возсозданную противниками біографію настоящаго Жуана и констатируя скудость достигнутыхъ пока результатовъ, и онъ не въ силахъ совсѣмъ разсѣять слѣды фактическаго существованія искомаго прототипа. Жуанъ Теноріо, представитель аристократическаго рода, и до сихъ поръ не вымершаго въ Испаніи [2]), даже въ немногихъ (сравнительно) показаніяхъ о немъ, не опровергнутыхъ критическою повѣркою, манитъ къ себѣ чертами «севильскаго обольстителя»; наперсникъ короля Педро Жестокаго, о которомъ молва говорила, что онъ «мало спалъ и много любилъ женщинъ», могъ соперничать съ своимъ повелителемъ въ распущенной чувственности; разысканный въ числѣ членовъ стараго ордена «Крас-

---

[1]) „Don Giovanni. Note critiche", статьи въ Giornale storico della letterat. italiana, 1896, fasc. 1—3; „Ancora Don Giovanni", статья въ Rassegna critica della lett. it., II; испанская статья его же „Cuatro palabras sobre Don Juan y la literatura donjuanesca del porvenir" въ сборникѣ „Homenaje à Menendez y Pelayo", Madrid, 1899.

[2]) Одинъ изъ новѣйшихъ его представителей, донъ Мигуэль Теноріо, составилъ во второй половинѣ 19 столѣтія даже родословную своей семьи (довольно фантастическую) и помѣстилъ въ ней „истиннаго Донъ-Жуана". „El verdadero Don Juan Tenorio, ó sea Memoria sobre la precedencia, enlace y continuacion del apellido Tenorio. Madr., 1853.

ной Повязки», Жуанъ Теноріо, могъ такъ же развязно нарушать цѣломудренные уставы братства, какъ подрывалъ онъ иные общественные устои...

Прикрѣпившись къ имени Теноріо, легенда обрывала разсказъ о развратѣ и безнаказанности потрясающей развязкой. Жуанъ погибъ вдругъ, загадочно, и это исчезновеніе дало, конечно, пищу толкамъ и слухамъ, которые ходили въ народѣ съ XIV вѣка и постепенно разрастались. Послѣднимъ его поступкомъ было убійство командора Донъ Гонзало де-Уллоа, у котораго онъ похитилъ дочь. Въ фантастической развязкѣ, придуманной для объясненія смерти Жуана,—во мщеніи статуи убитаго отца, которая внезапно оживилась и наказала преступника, тогда же заподозрѣли басню, нарочно сложенную монахами; обѣщавъ семьѣ Уллоа помочь въ отмщеніи, они заманили Жуана въ монастырь св. Франциска, гдѣ находился мавзолей командора, и убили безбожника.

Могло ли быть только досужимъ монашескимъ вымысломъ это важное по своимъ художественнымъ послѣдствіямъ разрѣшеніе страстной драмы Жуана? Не встрѣтилась ли тутъ назрѣвшая уже легенда съ другою, еще болѣе древнею, и не слилась ли съ нею? Догадка эта возникаетъ сама собою, побуждая къ провѣркѣ. Вмѣшательство въ людскія дѣла оживленнаго изваянія, въ которомъ воплотился духъ умершаго, или незримая божественная личность, можетъ быть прослѣжено въ общечеловѣческихъ сказаніяхъ еще въ глубокой древности, въ Египтѣ, Римѣ. Плутархъ не разъ передаетъ подобные разсказы: въ жизнеописаніи Камилла узнаемъ, что статуя Юноны отвѣчала наклоненіемъ головы и ясно произнесеннымъ *да* на мольбу героя перенести свое покровительство на Римъ, въ біографіи Коріолана—что статуя Фортуны дважды говорила слова одобренія римскимъ женщинамъ. Классическія преданія встрѣтились съ восточными легендами о говорящихъ статуяхъ, вродѣ тѣхъ, что, по арабскимъ сказаніямъ, занесеннымъ въ Испанію, хранили съ обѣихъ сторонъ Гибралтарскій проливъ. Автоматическія статуи, которыя, по «Повѣсти о семи мудрецахъ», воздвигнуты были Виргиліемъ (въ его средневѣковой роли волшебника) для охраны спокойствія Рима и звонили въ колоколъ въ случаѣ опасности, статуи, бросавшія другъ другу мячи при началѣ каждой недѣли, знаменитыя «уста Правды», которыя сами сжимались и не выпускали руки, если вставившій ее ложно присягалъ,—все предвѣщало сильное развитіе этого мотива въ средніе вѣка. Но не одни только несложныя дѣянія или отрывочныя слова приписывались этимъ чудеснымъ существамъ. Очень рано въ нихъ начинаютъ отгадывать человѣческія страсти и силу воли; по тонкому замѣчанію Гастона Париса [1]), этотъ взглядъ

[1]) La légende de Rome au moyen âge. Journ. des savants, 1884, octobre.

сталъ складываться въ ту пору, когда христіанство еще боролось съ политеизмомъ и когда новообращенные боялись мщенія боговъ, которымъ измѣнили. Еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи (1135 г.) передавалось, какъ одинъ молодой человѣкъ, проходя мимо изображенія Венеры, шаловливо надѣлъ ей на палецъ кольцо, въ знакъ того, что обручился съ богиней; но когда захотѣлъ кончить шутку, бронзовый палецъ съ кольцомъ былъ уже согнутъ; Венера серьезно поняла актъ обрученія и отстаивала свои права на юношу даже передъ своимъ супругомъ. На дальнемъ Западѣ, наоборотъ, ходила легенда о подобномъ же союзѣ неосторожной женщины съ изваяніемъ какого-то античнаго божества. Покинутая мужемъ, она шла разъ молиться къ заутрени, принявъ яркій свѣтъ луны за солнечный восходъ; на площади, среди спавшаго города, она увидѣла статую въ сладострастной позѣ; вспомнивъ о своемъ далекомъ мужѣ, она всходитъ по камнямъ, чтобы поцѣловать ее, но уже не можетъ высвободиться изъ объятій; такъ ее и застаютъ [1]).

Какъ боги рано или поздно сходили съ пьедесталовъ, такъ и статуи, о которыхъ идетъ рѣчь. Пришло время, когда передавались повѣрья о странствіяхъ ихъ между людьми; значительно смягчились ихъ свойства. Въ приведенныхъ сказаніяхъ о Венерѣ она еще кажется злымъ демоническимъ существомъ, и необходима помощь искуснаго заклинателя, чтобы заставить ее выпустить изъ рукъ кольцо. Злоба смѣняется кротостью, любовью, и роль мраморной невѣсты переходитъ къ Мадоннѣ. Такова она въ мистеріи «De celuy qui mit l'anneau nuptial au doigt de Notre Dame». Но, начиная съ этого превращенія, мы замѣчаемъ ослабленіе личныхъ интересовъ въ дѣйствіяхъ чудеснаго изваянія; оно посвящаетъ себя спасенію другихъ, его вмѣшательство служитъ уже не ко злу, а ко благу людскому. Статуя св. Николая въ мистеріи Жана Боделя помогаетъ раскрыть тайное воровство. Одна старофранцузская пьеса заставляетъ Мадонну сходить съ своего мѣста въ церкви и преграждать выходъ неразумной молодой монахинѣ, порывающейся итти на свиданіе съ богатымъ вѣтреникомъ, который, подобно Донъ-Жуану, завязываетъ съ нею интригу при помощи слуги изъ разряда Сганарелей и Лепорелло. По другому варіанту, она заступаетъ мѣсто несчастной на общихъ монастырскихъ молитвахъ, чтобы не дать замѣтить ея отсутствія, и этимъ великодушіемъ возвращаетъ ее на путь истинный.

Божественный ореолъ понемногу тускнѣетъ въ сказаніяхъ этого рода, когда отъ выдающихся произведеній античной или католической

[1]) Изъ новеллъ Іерон. Мерлина. Felix Liebrecht, Zur Volkskunde, 1879. S. 138.

церковной скульптуры дѣйствующая роль переходитъ къ надгробнымъ статуямъ простыхъ смертныхъ, становящихся орудіемъ Промысла для вразумленія или кары грѣшниковъ. Какъ тѣни и призраки въ поэзіи сѣверныхъ народовъ, оживающія статуи на югѣ олицетворяли въ особенности переходное состояніе души, связанное съ ученіемъ о чистилищѣ и нуждающееся въ добромъ подвигѣ для окончательнаго искупленія, но выступали нерѣдко и какъ грозные мстители за поруганную честь. Число относящихся сюда преданій, записанныхъ у разноплеменныхъ народностей Европы, все разрастается, раскрывая, на ряду съ исключительно романскимъ, казалось, и притомъ локализованнымъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, основнымъ типомъ рядъ параллельныхъ явленій въ германской старинѣ. Расширеніе предѣловъ распространенія легенды привело проф. Фаринелли даже къ предположенію, что и зародилась она на сѣверѣ и лишь позднѣе отуземилась среди романскихъ народовъ,—хотя сгруппированные факты не подрываютъ еще перевѣса испанской народной фантазіи въ ея разработкѣ и не обнаруживаютъ въ сѣверныхъ сказаніяхъ первобытной ея формы.

Среди такихъ разноплеменныхъ разсказовъ, какъ исландское сказаніе о мертвецѣ, явившемся на свадебный пиръ юноши, посмѣявшагося разъ надъ его скелетомъ, или нѣмецкій народный разсказъ (Todter zu Tisch geladen), заканчивающійся сумасшествіемъ дерзкаго насмѣшника, который увидалъ передъ собою страшнаго гостя [1]), или португальская легенда съ варіантомъ о двукратномъ пирѣ съ мертвецомъ (у оскорбителя, потомъ на могилѣ), или французское (пиккардское) преданіе, осложняющее разсказъ о банкетѣ съ покойникомъ мрачными картинами плясокъ мертвецовъ и дикаго ихъ веселья, испанскія сказанія останавливаютъ на себѣ вниманіе сложностью разработки мотива. Испанская среда оказалась особенно воспріимчивою въ этомъ отношеніи, и на основаніи повѣрій античнаго, арабскаго и христіанскаго происхожденія создалась цѣлая сѣть варіацій. Онѣ способны были возникать даже среди трезво-реальной обстановки, готовыя примкнуть къ подлинному, историческому лицу, подобно тому, какъ первая изъ составныхъ частей донъ-жуановской легенды сдѣлала это по отношенію къ Донъ-Жуану Теноріо. Любопытный, къ сожалѣнію, скудный образецъ такой готовности приспособиться къ опредѣленной личности отысканъ проф. Фаринелли въ разсказѣ французскаго историка Пьера Матьё, въ его Histoire de France (Парижъ, 1606), подъ заголовкомъ «Des choses memorables advenues aux provinces estrangeres durant sept années de paix du règne de Henry III, roy de France». Говоря о добродѣтеляхъ и порокахъ

---

[1]) Wolf, Deutsche Märchen und Sagen, 1845, 225.

испанскаго короля Филиппа II, преисполненнаго чувственности, авторъ прерываетъ разсказъ о порокахъ боязливымъ замѣчаніемъ, что не хорошо тревожить покой умершихъ. Вѣдь «la Statue de Nicon (?) accabla celuy qui luy donnait des coups de baston. *Une pierre morte vengea l'injure que l'on faisait à un homme mort*»... Вмѣстѣ съ отголоскомъ дошедшей до автора, неясной для насъ, версіи легенды чудится его суевѣрная боязнь загробной мести за правдивое слово со стороны не фиктивной личности, а исторически-достовѣрнаго властителя Испаніи...

Пригодность повѣрья объ оживленныхъ статуяхъ и ихъ вмѣшательствѣ въ людскія дѣла была въ Испаніи рано сознана драматургами. Повѣрье это лежитъ въ основѣ сюжета одной изъ менѣе извѣстныхъ, но умно проведенныхъ комедій Лопе де-Веги, который, очевидно, драматизировалъ разсказъ, ходившій въ устахъ народа. Въ пьесѣ «Деньги даютъ человѣку положеніе» (Dineros son calidad) [1]) выведенъ въ разгарѣ отчаянія молодой потомокъ разорившагося аристократа, который все состояніе отдалъ на поддержку короля, убитаго потомъ враждебною партіей. Испытавъ всѣ средства, чтобы вернуть семьѣ прежній достатокъ, Октавіо подходитъ съ своимъ трусливымъ слугой къ гробницѣ короля Энрике и старается разрушить ее. Слышатся стоны и чей-то зовущій голосъ. Сами собой зажигаются факелы, и статуя выходитъ изъ-подъ обломковъ мавзолея. Октавіо смущенъ, но не выказываетъ робости: «если бы ты былъ даже демонъ,—говоритъ онъ,—то всѣ каменные бѣсы въ мірѣ меня не испугали бы». Мертвецъ зоветъ своего оскорбителя внутрь склепа, требуетъ отъ него удовлетворенія, осыпаетъ его укоризнами; Октавіо обнажаетъ мечъ, но размахи его только разсѣкаютъ воздухъ. «Какъ, ты созданъ изъ воздуха?—восклицаетъ онъ въ изумленіи,—а съ виду твое тѣло мраморное!»—«Оно изъ мрамора, когда я хочу покарать тебя, но воздушное, когда ты на меня нападаешь». Но все это было лишь испытаніемъ воли юноши; онъ достоинъ иной участи, и привидѣніе указываетъ ему, гдѣ зарытъ кладъ, который снова обогатитъ разоренную семью. Только тогда, когда совершится это воздаяніе, душа Энрике выйдетъ изъ чистилища; чтобъ убѣдить юношу, какія страданія суждено выносить тамъ людямъ, статуя даетъ ему руку на прощаніе,—быть-можетъ, онъ пойметъ и пожалѣетъ убитаго. Каменная длань опаляетъ Октавіо; онъ падаетъ въ обморокъ, въ то время какъ статуя исчезаетъ.

Время появленія этой пьесы въ точности неизвѣстно; въ печати она явилась почти одновременно съ первою драмой о Каменномъ Гостѣ (1630—1632), но могла быть написана нѣсколько раньше, если при-

---

[1]) Comedias escogidas de los mejores ingenios de España. 1653, часть VI.

мемъ въ расчетъ усилившееся въ послѣдніе годы жизни Лопе ипохондрическое и ультра-набожное настроеніе, все рѣшительнѣе отвлекавшее его отъ театра. Во всякомъ случаѣ сюжетъ ея разработанъ съ полною независимостью отъ преданія о Жуанѣ [1]), какъ будто не вѣдаетъ характера сластолюбца, и карающее вмѣшательство Каменнаго Гостя замѣняетъ благодѣтельнымъ,—пріемъ любопытный уже потому, что, по вѣрному замѣчанію одного изъ современныхъ испанскихъ критиковъ, почти во всѣхъ пьесахъ Лопе можно встрѣтить отголоски донъ-жуанизма. Но уже настало время для сліянія двухъ прослѣженныхъ нами легендарныхъ вѣтвей. Въ жизни непобѣдимаго завоевателя сердецъ стало поучительной развязкой появленіе грознаго судьи съ того свѣта въ видѣ оживленной статуи. Мнѣніе, будто сліяніе это совершилось въ тиши севильскаго монастыря св. Франциска, подъ вліяніемъ преступленій безбожника Теноріо, встрѣчается въ послѣднее время съ догадкой, не слѣдуетъ ли допустить иной, быть-можетъ, *итальянскій* изводъ. Въ числѣ поучительныхъ пьесъ, изготовлявшихся въ изобиліи нѣмецкими іезуитами для своихъ школъ, найдены двѣ драмы, примѣчательно сходныя по сюжету съ испанскою пьесой, ставшей родоначальницею донъжуановской литературы, при чемъ одна лѣтъ на 15 старше, другая почти современная драмѣ Тирсо де-Молины [2]) и съ отголосками *итальянскаго*, а не испанскаго быта. Но все же особаго источника для нихъ въ ранней сценической литературѣ Италіи еще не найдено [3]), и фактическою родиной художественной обработки легенды остается Испанія.

Мистерія, о которой говорилъ Кольриджъ въ комментаріяхъ къ поэмѣ Байрона, какъ о древнѣйшей будто бы сценической обдѣлкѣ преданія, приводя даже подлинное заглавіе «Ateista fulminado», повторенное потомъ многими изъ писавшихъ по настоящему вопросу, никогда не существовала, и разсказъ о ней—праздная мистификація. Не умиравшей средневѣковой драмѣ, а новому испанскому театру съ неистощимымъ богатствомъ его романтическаго содержанія предстояло развить драма-

---

[1]) Ottokar Fischer въ статьѣ „Don Juan und Leontius“, Studien zur vergleich. Literaturgeschichte, 1905, II, указываетъ источникъ пьесы Лопе въ легендѣ о Леонціи и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ вліяніе драмы Лопе на пьесу Тирсо, доказывая его параллельными выдержками.

[2]) Первая дана была въ Ингольштатѣ въ 1615 г. подъ назв. „Von Leontio, einem Grafen welcher durch Machiavellum verführt ein erschreckliches Ende genommen“, вторая, назв. „Thanatopsychie“, относится къ 1635 г. Объ этомъ вопросѣ см. статью Zeidler'a: Beiträge zur Geschichte d. Klosterdramas. Thanatopsychie. Zeitschr. für vergl. Literatur, IX, 93.

[3]) Алессандро Д'Анкона въ статьѣ „La leggenda di Leonzio“, въ сборникѣ „Miscellanea di studj critici edita in onore di Arturo Graf“, Bergamo 1903, приходитъ къ заключенію, что легенда о Л. занесена была въ Италію не раньше начала 17 вѣка.

тическій элементъ, скрытый въ легендѣ. И здѣсь, какъ и въ Германіи, двѣ пьесы на тотъ же сюжетъ могли бы заявить свое право на старшинство, но состязаніе затруднено тѣмъ, что обѣ онѣ почти *одновременны*. Одна изъ нихъ—знаменитый «Burlador de Sevilla», донынѣ приписываемый Тирсо де-Молинѣ, другая найдена въ рѣдчайшемъ изданіи первой половины 17 вѣка, съ обозначеніемъ, будто это—comedia famosa de D. Pedro *Calderon de la Barca*, и озаглавлена развязнымъ присловьемъ Донъ-Жуана: «Tan largo me lo fiais?» 1). Сличеніе заставляетъ признать въ нихъ разновременныя редакціи одного и того же произведенія. Сюжетъ, въ главныхъ контурахъ, не измѣняется, но въ «Tan largo» много чертъ недорисованныхъ, частностей неразвитыхъ, и это, очевидно, наиболѣе ранняя изъ двухъ редакцій. То же перо выполнило работу первоначальнаго наброска и художественной драмы 2), и перо это было искусное. Но *чье* оно было?

Почти три вѣка въ отвѣтъ слышалось указаніе на Габріэля Теллеца, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Тирсо де-Молины, и только въ настоящее время скептицизму Фаринелли удалось и въ этомъ отдѣлѣ исторіи легенды возбудить сомнѣнія и провѣрку. Не выполнивъ еще всей работы, онъ видимо хочетъ опереться на обстоятельное сравненіе слога несомнѣнныхъ драмъ Тирсо и обѣихъ донъ-жуановскихъ пьесъ, на отсутствіе ихъ во всѣхъ сборникахъ произведеній названнаго драматурга, на нѣсколько противорѣчій въ біографическихъ фактахъ, не дающихъ, какъ ему кажется, мѣста возникновенію Burlador'а при условіяхъ, доселѣ принимавшихся на вѣру. Сомнѣніе заявлено, но пока не обосновано; въ указанной выше испанской своей статьѣ авторъ еще ограничивается формулированіемъ тезисовъ, и обѣщанное имъ *критическое* изданіе первоначальной драмы о Донъ-Жуанѣ возбуждаетъ большія ожиданія. Но пока—права Тирсо еще не поколеблены.

Высокодаровитый, онъ стоилъ бы большей симпатіи, чѣмъ та, которая выпала въ потомствѣ и ему, и всему старому испанскому театру. Чуждая среда, отдаленная эпоха, придворная или монастырская обстановка, въ которой написана большая часть произведеній того времени, производятъ на позднѣйшаго читателя охлаждающее впечатлѣніе; ему кажется, что онъ прикоснулся къ чему-то давно отжившему

1) Она издана была F. Pi y Margall'емъ въ 12 томѣ Collecion de libros españoles raros o curiosos. Madrid, 1878.

2) Она появилась въ сборникѣ „Doce comedias nuevas de Lope Vega Carpio, y otros autores, sequnda parte“, Barcelona, 1630, и въ другомъ, изданномъ въ Мадридѣ, 1654, „Parte sexta de comedias escogidas de los mejores ingenios de España, оба раза съ обозначеніемъ, что она принадлежитъ Тирсо. Сравн. отдѣлъ о Burlador'ѣ въ книгѣ Emilio Cotarelo y Mori, Tirso de Molina, investigaciones bio-bibliograficas.

и неспособному его заинтересовать. Между тѣмъ каждый разъ, когда что-нибудь заставитъ его преодолѣть предубѣжденіе, ему приходится признать, какое глубокое пониманіе жизни и людей, сколько художественной силы и воображенія, догадокъ и мыслей, сочувственныхъ нашему времени (при всемъ іерархизмѣ древнихъ испанскихъ порядковъ) скрывается въ этихъ старомодныхъ пьесахъ; не говоримъ уже о необычайной изобрѣтательности по части сюжетовъ, способной повергнуть въ трепетъ бѣдную на этотъ счетъ современную намъ драматургію, которая могла бы продовольствоваться ими долгіе годы. Между ходомъ развитія англійской драмы и испанскаго театра несомнѣнно много сходства; обѣ національныя стихіи, борясь противъ формализма и стремясь воплотить настоящую жизнь, давая просторъ чувству и фантазіи, заложили начало новой европейской драмы, исходящей отъ Шекспира и Марло столько же, какъ и отъ Лопе де-Веги, Кальдерона и ихъ собратій [1]). Но предшественникамъ и современникамъ Шекспира выпала несравненно болѣе завидная участь: малѣйшаго изъ нихъ изучаютъ и комментируютъ,—рѣдко кто знаетъ даже по имени драматурговъ старой Испаніи.

Тирсо былъ не только талантливымъ писателемъ, но и прозорливымъ эстетикомъ. Характеризуя споры, возбужденные въ обществѣ одною изъ его пьесъ «El vergonzoso en palacio», и незамѣтно высказывая при этомъ свой взглядъ на творчество, онъ энергически боролся въ этой самокритикѣ (напоминающей лучшія произведенія этого рода) противъ закона о трехъ единствахъ, требовалъ для поэзіи свободы и постояннаго прогресса и доказывалъ необходимость усиленнаго изученія жизни [2]). Клерикальныя отношенія такъ же мало стѣсняли его, какъ и Лопе, у котораго, какъ извѣстно, съ періодомъ священства совпадаетъ изображеніе наиболѣе рельефныхъ и часто двусмысленныхъ сторонъ мірскихъ нравовъ,—такова уже была особенность старой испанской среды, приводящая иногда въ изумленіе историковъ культуры. Церковныя связи, конечно, должны были отразиться на послѣднихъ сценахъ пьесы, но вся она такъ жизненна, она рисуетъ страсти и влеченія земныя такъ ярко, что иной разъ не вѣрится, чтобъ это написалъ членъ ордена de la Merced.

Одна изъ поѣздокъ, предпринятыхъ по надобностямъ своего братства, привела его въ 1625 г. въ Севилью, и тутъ, во францисканскомъ монастырѣ, онъ изъ перваго источника узналъ преданіе о Жуанѣ Те-

---

[1]) Analogias de la literatura dramatica de España y de Inglaterra, статья Eusebio Asquerino (Revista de España 1886, 10-го апрѣля).

[2]) Menendez y Pelayo. Historia de las ideas esteticas en España. Мадр. 1884, II, 470—74.

норіо. Ему показали часовню и статую командора, которыя разрушились только во время опустошительнаго пожара въ 18-мъ столѣтіи (это не мѣшало жителямъ Севильи до послѣдняго времени показывать пріѣзжимъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ обломокъ конной статуи, изображавшей, повидимому, какого-нибудь римскаго консула, и выдавать его за олицетвореніе Донъ-Гонзало). Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ легенды Тирсо написалъ затѣмъ пьесу, очевидно въ промежутокъ между поѣздкой въ Севилью и появленіемъ комедіи въ печати,—именно въ «Сборникѣ избранныхъ сочиненій Лопе де-Веги и другихъ авторовъ», выпущенномъ въ 1630 году [1]). Много разъ изданная и переведенная на главные языки, она пострадала отъ случайныхъ и умышленныхъ пропусковъ и искаженій [2]), допущенныхъ небрежными издателями, но и въ этомъ видѣ не утратила свѣжести и силы.

Мы застаемъ Донъ-Жуана при дворѣ неаполитанскаго короля; сюда выслалъ его къ своему брату, испанскому послу, отецъ, надѣясь на его исправленіе. Но это только придало разнообразіе его похожденіямъ, обогатило длинный рядъ его побѣдъ, пріобрѣтающихъ съ этихъ поръ международный характеръ. Смѣлая интрига, которую онъ пытался завязать въ самомъ дворцѣ короля, подвергаетъ его большой опасности. Король засталъ его на свиданіи съ герцогиней Изабеллой,—Жуанъ, переодѣтый, въ темнотѣ, мѣняя голосъ, явился къ ней обманомъ вмѣсто Октавіо и долженъ погибнуть. Но онъ спасается отъ когтей правосудія и бѣжитъ въ Испанію. Его сопровождаетъ неразлучный спутникъ, бойко очерченный у Тирсо, быть-можетъ, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ популярной уже тогда характеристики Санчо-Пансы въ «Донъ-Кихотѣ». Ему не посчастливилось на собственное имя: что ни пьеса, то у него новая кличка. Здѣсь его зовутъ Catalinon. Онъ порою трусливый, но смышленый малый, подчасъ идущій въ разрѣзъ съ своимъ господиномъ и читающій ему мораль. Иногда остроумный и насмѣшливый, онъ часто жалѣетъ жертвъ Жуана, готовъ выручить и образумить ихъ, но при первомъ же словѣ повелителя превращается въ усерднаго его помощника. Ему еще далеко до мольеровскаго Сганареля съ его неистощимымъ юморомъ, забавными философскими разсужденіями и комическимъ стремленіемъ подражать въ мелочахъ своему господину.

---

1) Точной даты появленія пьесы, конечно, нужно искать въ промежуткѣ пяти лѣтъ. Тѣмъ страннѣе видѣть, что до сихъ поръ или считается невозможнымъ указать какую-нибудь цифру, или же (какъ это дѣлаетъ Мэнаръ) сочиненіе пьесы относится къ самому началу столѣтія, *до* вступленія Тирсо въ монашество.

2) Таково въ особенности мнѣніе Гартценбуша (Comedias escogidas de Fray Gabriel Tellez juntas en coleccion e illustradas. Mad., 1857).

Оба спутника терпятъ крушеніе у береговъ Испаніи, въ виду рыбачьей деревни. Такъ начинается второй актъ пьесы Мольера, но перевѣсъ реализма заставилъ ея автора придать болѣе прозаическое освѣщеніе картинѣ, которая открывается передъ спасенными. Во французской пьесѣ мы видимъ настоящую деревню 17 вѣка, и въ Пьерро съ Шарлоттой не осталось ни одной идеализованной черты. У Тирсо, наоборотъ, именно тутъ промелькнулъ наиболѣе граціозный женскій образъ,—молодая рыбачка Тизбея, предающаяся дѣвичьимъ грезамъ о счастьѣ, задумавшись подъ плескъ волнъ и сладкое пѣніе птицъ въ лѣсу. Она видитъ издали гибель двухъ неизвѣстныхъ, зоветъ на помощь, страдаетъ за нихъ и страстно влюбляется въ юнаго красавца, который приходитъ въ себя отъ обморока, прильнувъ головою къ ея колѣнамъ. Тирсо посвятилъ длинное явленіе мечтательному монологу дѣвушки, и всюду, гдѣ она выступаетъ, обрисовалъ ее съ особой симпатіей [1]). Этотъ образъ заслуживалъ еще болѣе тонкой обработки и дождался ея въ гармоническихъ строфахъ второй и третьей пѣсни байроновскаго «Донъ-Жуана», гдѣ Гаидэ замѣнила собою Тизбею.

Болѣе чѣмъ кого-либо, Каталинону жаль дѣвушки, но и она, и другая довѣрчивая красавица-крестьянка Аминта, смѣняющая ее вскорѣ, идутъ прямо на свою гибель,—Тизбею мучительно поражаетъ разочарованіе и стыдъ, она впадаетъ въ безуміе и едва не бросается въ море. Жуанъ всѣмъ имъ клянется въ вѣчной любви, свободно призываетъ Бога въ свидѣтели клятвъ, и если еще не научился ханжеству въ духѣ Тартюффа (которое имъ вполнѣ усвоено будетъ лишь въ комедіи Мольера), то умѣетъ лицемѣрить. Но деревенской среды ему мало; онъ перенесъ дѣятельность въ Севилью, и жаждетъ новыхъ подвиговъ; онъ знаетъ, что надъ нимъ тяготѣетъ опала, что его приключеніе въ Неаполѣ извѣстно при дворѣ, но это его вовсе не смущаетъ. Встрѣтившись съ прежнимъ товарищемъ по романическимъ похожденіямъ, маркизомъ де-ла-Мота, онъ безпечно болтаетъ о былыхъ проказахъ, вспоминаетъ о прелестницахъ изъ полусвѣта, которыхъ знавалъ прежде въ закоулкахъ Севильи. Это одна изъ счастливыхъ догадокъ Тирсо; онъ хочетъ показать въ Донъ-Жуанѣ не исключительное явленіе, а одного изъ многихъ искателей утѣхъ, превосходящаго ихъ волею и умомъ; отъ маркиза Мота до Жуана такое же разстояніе, какъ отъ бреттера средней руки до геніальнаго стратега. Первый, разумѣется, не можетъ не уступать сопернику, не имѣя ни его прозорливости, ни самообладанія. Едва Мота успѣлъ похвастать передъ товарищемъ любовью

---

[1]) Въ „Tan largo etc.“ образъ ея несравненно блѣднѣе, и на мечтательность и грезы нѣтъ указаній.

Донны Анны и ея небесною красотой, какъ Жуанъ рѣшилъ отбить ее и составилъ планъ дѣйствій. Случай далъ ему въ руки письмо, которымъ она назначаетъ болтливому маркизу свиданіе; онъ идетъ туда вмѣсто него, ранитъ на смерть командора, и во время тревоги умѣетъ отклонить улики на Моту, котораго застали одного передъ домомъ убитаго. Жуанъ примѣнилъ здѣсь еще разъ то, что удалось ему въ Неаполѣ. Для свѣтскихъ женщинъ, на его взглядъ, не годятся пріемы соблазна, которыми онъ плѣнялъ деревенскихъ простушекъ. Въ виду такого повторенія мотива либреттистъ Моцарта, Да Понте, выказалъ большое чутье, сливъ Моту и Октавіо въ одно лицо, но по своимъ соображеніямъ сдѣлалъ его признаннымъ женихомъ Донны Анны.

Дѣйствіе быстро движется впередъ и *десять разъ* мѣняетъ мѣсто; масса матеріала едва вмѣщается въ три *jornad'ы*, не вполнѣ соотвѣтствующія правильнымъ актамъ и во всякомъ случаѣ мятежно отступающія отъ священнаго числа пяти дѣйствій. Къ началу третьей части слѣды преступленій Жуана начинаютъ открываться, жертвы ихъ сходятся отовсюду, и рѣшаютъ дѣйствовать совмѣстно; въ Севилью прибыла и Изабелла и, чтобы возстановить ея честь, испанскій король согласенъ помиловать Жуана и соединить ее съ нимъ. Неужели для него настанетъ наконецъ будничное семейное счастье? Онъ какъ будто допускаетъ это, поневолѣ свидѣлся опять съ Изабеллой, и она поразила его своею красотой; онъ снова влюбленъ, и обрываетъ шутливаго некстати слугу, когда тотъ позволилъ себѣ нескромные намеки. Но, прежде чѣмъ итти на свадьбу, онъ зайдетъ еще въ церковь, гдѣ схороненъ командоръ; онъ далъ ему слово притти, и честь велитъ сдержать обѣтъ, который данъ даже изваянью. Наканунѣ Гонзало былъ у него за пиромъ; трепеща прислуживала ему челядь, а Каталинонъ, послушный приказаніямъ господина, занималъ гостя сквозь слезы комическими разспросами о томъ, каково жить на томъ свѣтѣ, ровная ли это страна или гористая, есть ли тамъ корчмы, пьютъ ли мерзлое вино, любятъ ли пѣсни,—и страшный гость на все безразлично кивалъ утвердительно головой. Позднѣйшія переложенія легенды измѣнили порядокъ двухъ свиданій съ Каменнымъ Гостемъ и, начавъ съ кладбища, кончаютъ катастрофой на дому у Донъ-Жуана. Тирсо держится иного взгляда; послѣ легкомысленнаго приглашенія командора на ужинъ (при чемъ онъ дѣлаетъ это *самъ* и *не замѣчаетъ* жеста статуи) Жуанъ долженъ отвѣтить посѣщеніемъ, но не на кладбищѣ, а ночью въ церкви, гдѣ покоится прахъ Гонзало. Они ощупью бродятъ по пустому храму; статуя идетъ къ нимъ навстрѣчу [1]). Изъ-подъ могиль-

[1]) **Замѣтимъ, что уже въ дни Тирсо испанская драма рѣшалась переходить къ реальнымъ олицетвореніямъ пришельцевъ изъ загробнаго міра, а Кальдеронъ вы-**

наго камня поднимается покрытый черною пеленой столъ; прислуживаютъ черные пажи, за сценой слышатся печальныя пѣсни, уксусъ и желчь замѣнили вино, кушанья приготовлены изъ скорпіоновъ. За пиромъ, къ которому никто не прикасается, настаетъ расплата; Жуанъ остается храбрымъ до конца; страшное рукопожатіе доводитъ его до бѣшенства. Какъ герой пьесы Лопе, онъ обнажаетъ мечь, чтобы бороться съ призракомъ, но поражаетъ воздухъ. Только тогда въ немъ поднимаются угрызенія совѣсти; онъ зоветъ духовника, чтобъ исповѣдаться, клянется, что честь Анны неприкосновенна. Но раскаяніе запоздало,—гробница, командоръ и Жуанъ проваливаются [1]).

Этимъ должна бы закончиться пьеса, какъ кончались съ тѣхъ поръ всѣ ея преемницы, но благочестіе требовало полнаго удовлетворенія справедливости; авторъ добавилъ нѣсколько явленій, заставивъ собраться къ королю всѣхъ погубленныхъ и оскорбленныхъ Жуаномъ, чтобы потребовать кары и неожиданно выслушать изъ устъ Каталинона страшный разсказъ о гибели его господина.

Бродившая такъ долго по свѣту легенда получила наконецъ прочную форму. Не было возврата къ смутнымъ очертаніямъ повѣрья. Образъ Донъ-Жуана сложился, осмысленный и цѣльный; чутье поэта разглядѣло тѣ свойства, которыя съ тѣхъ поръ стали передаваться всѣмъ его дальнѣйшимъ воплощеніямъ и побуждать къ новымъ наблюденіямъ. Блескъ и красота, смѣлость, доходящая до дерзости, чувство безнаказанности и презрѣніе къ людямъ, вѣра въ свою счастливую звѣзду, сознаніе, что «смерть еще далеко и до нея осталось много наслажденій», злая насмѣшливость и веселость, умѣнье схватить добычу съ налету и тонкое притворство въ нѣжности и любви,—вотъ тѣ черты, которыя подмѣтилъ драматургъ. Положительныхъ свойствъ онъ оставилъ ему мало, хотя щедро надѣлилъ внѣшними преимуществами. Онъ способенъ сдержать слово, несмотря на то, что щеголяетъ вѣроломствомъ (въ «Tan largo» онъ говоритъ мертвецу: «честью я дорожу и слово свое сдержу,—я кабальеро!»—porque caballero soy); онъ какъ будто начинаетъ понимать истинную привязанность. Иначе и не могъ поступить поэтъ; возбудить хотя слабое сочувствіе къ своему герою не приходилось,—авторъ и такъ внесъ въ поучительную пьесу слишкомъ много соблазнительныхъ рѣчей и чувствъ.

велъ въ своемъ auto sacramental „Пиръ Валтазара" Смерть въ образѣ юноши, вооруженнаго мечомъ и кинжаломъ и закутаннаго въ плащъ.

1) Въ „Tan largo" краски тусклѣе, особенно въ послѣднемъ актѣ. Сцены приглашенія статуи нѣтъ; во время пира хоръ поетъ назидательные стихи; послѣднія слова Жуана: „какой огонь охватилъ меня! Умираю!" не сопровождены ремаркой о томъ, что онъ проваливается съ мертвецомъ, и т. д.

Прошло всего двадцать лѣтъ послѣ напечатанія его піесы, а она уже обошла не только всѣ испанскія сцены, но стала извѣстной и въ Италіи. Частыя сношенія обѣихъ странъ въ XVII вѣкѣ и особенно пріѣзды въ Мадридъ итальянскихъ театральныхъ труппъ (проникавшихъ тогда, какъ извѣстно, во всѣ концы западной Европы) [1]) естественно должны были ускорить передачу сюжета въ страну столь близкую по языку. Въ Италіи онъ возбудилъ *фанатизмъ* (терминъ, удержавшійся въ мѣстномъ театральномъ жаргонѣ и до сихъ поръ), которымъ только итальянская публика умѣетъ привѣтствовать полюбившіяся ей пьесы. Такою завлекательною фабулой завладѣли наперерывъ и литературная комедія, и народные актеры, носители импровизуемыхъ комедій, для которыхъ писались только сценаріи. На новой почвѣ она сразу выиграла въ одномъ отношеніи: сдержанность, наставительность, трагизмъ уступили мѣсто веселости, которая проникла не только въ роль слуги, но освѣтила личность Жуана. Холодное презрѣніе къ людямъ стало замѣняться бойкою шуткой; успѣхъ продѣлокъ привлекалъ уже потѣшною стороной удачи; второстепенныя лица, крестьяне, пастухи, стали живѣе и забавнѣе,—все превратилось у импровизаторовъ commedia dell'arte въ смѣсь комическихъ сценъ съ немногими мрачными минутами для оттѣнка. Именно эти увеселители народа были причиной того, что первое знакомство Италіи съ даннымъ сюжетомъ началось необычайно рано; по нѣкоторымъ указаніямъ, уже въ 1633 году, т.-е. всего черезъ три года послѣ изданія пьесы Тирсо, въ провинціальномъ городкѣ Фано проѣзжіе комики играли *Каменнаго Гостя*. Потомъ онъ выступилъ на настоящей сценѣ въ двухъ передѣлкахъ, Онофріо Джилиберто и Джачинто Андреа Чиконьини; первая изъ нихъ, не дошедшая до насъ [1]), уцѣлѣла, какъ полагаютъ, въ современныхъ Мольеру французскихъ подражаніяхъ, вторая полюбилась до того, что и теперь, подновленная, перепечатывается въ народныхъ изданіяхъ и играется на небольшихъ сценахъ, затмивъ собою комедію XVIII вѣка на тотъ же сюжетъ, подписанную популярнымъ именемъ Гольдони.

Свободно расправляясь съ пьесой Тирсо, Чиконьини сократилъ въ ней все, что было мрачнаго и слишкомъ поучительнаго,—напримѣръ,

---

[1]) Онѣ заходили въ Испанію, Францію, Бельгію, Лондонъ. Исторія этихъ кочеваній, разносившихъ итальянскіе (въ данномъ случаѣ и чужіе) сюжеты по свѣту, очень разработана (Armand Baschet. Les comédiens italiens à la cour de France, 1882; Moland. „Molière et la comédie italienne", 1867; Picot. Pierre Gringore et les comédiens italiens, 1878. Ср. также мою статью „Eine neue Quelle des Tartuffe" въ журналѣ „Molière-Museum", 1884, VI.

[2]) Аллаччи (Dramaturgia, 1666, стр. 87) имѣлъ въ рукахъ пьесу Джилиберто, напечатанную въ 1652 г. въ Неаполѣ, но теперь она ненаходима.

увѣщанія отца героя, и выдвинулъ на первый планъ комическія подробности; ввелъ на сцену нѣсколько мѣстныхъ діалектовъ, въ расчетѣ на забавную путаницу; многое удачно присочинилъ, и въ лицѣ слуги (здѣсь его зовутъ Пассарино) выставилъ не чувствительнаго или недоумѣвающаго, но плутоватаго малаго, вертляваго, задорнаго, страшнаго обжору, готоваго продать барина. Мольеру пришлось нѣсколько снять съ него эти краски и наградить его скорѣе бойкимъ здравымъ смысломъ, но онъ не могъ не сохранить нѣкоторыхъ забавныхъ его словечекъ, въ родѣ отчаяннаго восклицанія при видѣ гибели Жуана: «О, мой несчастный господинъ! О, мое жалованье! Помогите!» Джилиберто, повидимому, былъ въ этомъ отношеніи ближе къ испанскому оригиналу; смѣшивая трагическое съ комическимъ, онъ еще отдавалъ предпочтеніе первому элементу и доводилъ порочность Жуана до замысловъ объ убійствѣ отца, лицемѣріе его до кощунства (въ одеждѣ богомольца онъ приближается къ врагу, приглашаетъ его помолиться съ нимъ и, увидавъ его безоружнымъ, закалываетъ), а слугу оставилъ наполовину моралистомъ. Но нѣсколько мотивовъ и тутъ удачно схвачены; Мольеръ не прошелъ мимо сцены Жуана съ пустынникомъ, ни мимо упражненій его въ ханжествѣ. Въ той же пьесѣ впервые заходитъ рѣчь о *каталогѣ* жертвъ Донъ-Жуана; минуя почему-то Мольера, онъ проникъ въ «Жоконда» Лафонтена, въ двѣ, три второстепенныхъ комедіи XVII вѣка [1]), и возродился въ одной изъ лучшихъ арій моцартовской оперы.

Въ народно-комическихъ арранжировкахъ, разумѣется, было еще болѣе простору для выдумокъ. Въ спискѣ сценаріевъ, принадлежавшихъ лучшимъ изъ странствующихъ труппъ XVII вѣка [2]), напр., труппѣ Бьянколелли, мы постоянно находимъ пьесу подъ небрежно испорченнымъ названіемъ *il Convitato di Pietra*, которое опредѣлило такую же неправильность и въ титулѣ пьесы Мольера [3]), очевидно не желавшаго отступить отъ привычнаго французскому слуху названія. Здѣсь царитъ не Донъ-Жуанъ, а слуга его, отождествленный съ Арлекиномъ и носящій его имя; онъ вмѣшиваетъ свои шутки и гримасы всюду, строитъ lazzi по поводу трагическихъ событій; убиваютъ ли коман-

[1]) Castil-Blaze, „Molière musicien", P., 1852, I, 205—216.

[2]) Полный обзоръ ихъ у Адольфа Бартоли, „Scenari inediti della commedia dell'arte". Firenze, 1880.

[3]) Convitato (гость) было смѣшано французскими переводчиками съ convito (пиръ), откуда странное упоминаніе о пирѣ въ заглавіи мольеровской пьесы, передавшееся потомъ и въ нѣмецкій театръ (Das steinerne Gastmahl). Большая буква, зачѣмъ-то начинавшая у итальянцевъ слово pietra (камень), сохранилась и у Мольера, при чемъ полный титулъ Festin de Pierre какъ будто указываетъ на дѣйствующее лицо пьесы, тогда какъ въ ней нѣтъ никакого Педро.

дора, Арлекинъ мечется по сценѣ, обѣщая десять тысячъ червонцевъ тому, кто поймаетъ убійцу; въ сценѣ крушенія на морѣ, уставъ бороться съ волнами, онъ кричитъ: «не надо больше воды, ея слишкомъ много, лучше дайте вина!» Въ послѣднемъ актѣ, пародируя отцовскіе совѣты, онъ убѣждаетъ Донъ-Жуана покаяться и разсказываетъ ему басню о двухъ ослахъ, изъ которыхъ одинъ былъ нагруженъ солью, а другой губками. Жуанъ притворился покаявшимся, падаетъ на колѣни передъ Арлекиномъ тоже стоящимъ на колѣняхъ, потомъ вскакиваетъ и бьетъ его. Много острить онъ по поводу *каталога*, который развертываетъ и объясняетъ. Наконецъ прибавлялась послѣдняя сцена, какъ будто изъ желанія вывести заключительную мораль. Но это не наставительныя размышленія Каталинона, не шутовскія жалобы объ утратѣ жалованья и о недобросовѣстности господъ,—заключительныя слова проникнуты свободоязычіемъ, которое часто прорывалось въ импровизованной итальянской комедіи, вмѣшивало ее въ политическую борьбу и вызывало запретительныя мѣры. Увидавъ короля, Арлекинъ говоритъ ему: «Знайте, что моимъ господиномъ овладѣли дьяволы; въ ихъ власти будете рано или поздно и всѣ вы, знатные господа. Подумайте же о томъ, что сейчасъ случилось». Позднѣйшій издатель сценарія поясняетъ, что эта сцена была запрещена во Франціи.

Но за подобными исключеніями, неизбѣжными при строгомъ версальскомъ дворѣ, арлекинада о Донъ-Жуанѣ, вторгнувшаяся съ 1658 года во Францію, благодаря всеобщему увлеченію итальянцами, водворила этотъ сюжетъ и во французской средѣ раньше правильной комедіи. Въ XVII вѣкѣ французы перевидали у себя замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ комиковъ, Фламиніо Скала, Изабеллу Андреини; такой геніальный фарсеръ, какъ Фіорилли, создавшій характеръ Скарамуша и увлекавшій своею игрою Мольера, зажился во Франціи и умеръ тамъ. Парижъ становился агентурой итальянской театральной и литературной жизни; знаніе итальянскаго языка стало почти обязательнымъ. Но, благодаря пріѣзду въ Парижъ въ 1659 году испанской труппы Себастіана де-Прадо, стало возможнымъ познакомиться и съ подлинной пьесой Тирсо. При такомъ усиленномъ внѣшнемъ вліяніи удивительно ли, что манія, вызванная въ Италіи легендой о «Каменномъ Гостѣ», заразительно подѣйствовала на французовъ и что одновременно на трехъ театрахъ шли въ Парижѣ пьесы, постоянно переполнявшія залы?

Низкопробный драматургъ и третьестепенный актеръ сначала ліонскаго театра, потомъ труппы de Mademoiselle, Доримонъ раньше другихъ наложилъ руку на этотъ богатый сюжетъ и приспособилъ пьесу Джилиберто къ потребностямъ своей сцены, выбравъ наиболѣе интересныя явленія и связавъ ихъ по-своему. Успѣхъ его пьесы вызвалъ сопер-

ничество поставщика театральныхъ новостей для Hôtel de Bourgogne, Де-Вилье; онъ прошелъ по тому же пути, и найдя, что работа его предшественника представляетъ un imparfait original, приблизился добросовѣстнѣе къ итальянскому подлиннику и, по словамъ предисловія, внесъ въ него лишь немного своихъ добавленій («le peu d'invention que j'y ay apportée»). Обѣ пьесы смотрѣлись съ интересомъ, и ихъ успѣхъ внушилъ Мольеру мысль войти въ оживленное состязаніе, давъ и своему театру варіацію на любимую тему. Но какъ безцвѣтны, малокровны обѣ старшія французскія «трагикомедіи» о Д. Жуанѣ! [1]). Слишкомъ много было чести для Доримона, когда голландскіе типографщики, не имѣя возможности добыть списокъ мольеровской пьесы, печатали пьесу его предшественника, развязно выдавая ее за произведеніе Мольера [2])! Де-Вилье, очевидно, честнѣе воспроизводя текстъ Джилиберто, довольно непринужденно владѣетъ разговорнымъ языкомъ и надѣляетъ слугу Жуана, Филиппина (у Доримона его зовутъ Бригеллой), удачными остротами, но и онъ удерживаетъ разглагольствія тѣни командора, произносящей иногда монологи слишкомъ въ тридцать стиховъ, постоянно повторяющіеся пугливые намеки на то, что ненасытное сластолюбіе внушено Жуану дьяволомъ, и моральный выводъ изъ пьесы, порученный Филиппину, который, обращаясь къ «дѣтямъ, часто проклинающимъ отца съ матерью», предостерегаетъ ихъ отъ подражанія Донъ-Жуану, чья жизнь, «какъ въ зеркалѣ, представлена въ назиданіе имъ...» Близорукіе и недогадливые, оба кропателя пьесъ не поняли, какой кладъ былъ въ ихъ рукахъ, да и не смогли бы достойно оправить его, еслибъ догадка и мелькнула въ ихъ умѣ. Для потомства они важны только какъ непосредственные предтечи Мольера, а историкъ русскаго театра всегда вспомнитъ о Де-Вилье, зная, что, благодаря его пьесѣ, легенда о Донъ-Жуанѣ получила доступъ на нашу сцену еще въ петровское время [3]).

---

[1]) Въ новѣйшее время онѣ переизданы вновь,—пьеса Доримона въ „Molière-Museum", 1880, II, подъ редакціей Knörich'a, трагикомедія Де-Вилье „Le Festin de Pierre ou le fils criminel" имъ же отдѣльно, Гейльброннъ, 1880.

[2]) Это сдѣлано было Генрихомъ Ветштейномъ въ сборникѣ мольеровскихъ пьесъ, изд. въ Амстердамѣ въ 1684 году.

[3]) Въ репертуаръ театра петровскихъ временъ входила пьеса „Донъ-Янъ", отъ которой уцѣлѣлъ только 5-й актъ, перепечатанный сначала у Пекарскаго, Наука и литература при Петрѣ, 1861, I, 468—74, затѣмъ въ Русск. драматич. произведеніяхъ 1672—1725 годовъ, изд. Н. С. Тихонравовымъ, 1874, II, 240—49. Сличеніе съ текстомъ Де-Вилье показываетъ мѣстами точное сходство, затѣмъ большіе пропуски; вѣроятно, переводъ сдѣланъ былъ съ чьей-нибудь переработки французскаго оригинала. Полонизмъ заглавія позволяетъ предположить, что̀ передѣлка была именно польская.

Итакъ, все было налицо: и разностороннее переложеніе преданія, и довольно ясно намѣченный характеръ героя, и комизмъ роли его спутника, и чудесное въ развязкѣ пьесы. Но не являлось еще геніальнаго человѣка, который, прикоснувшись къ завѣщанному вѣками матеріалу, сумѣлъ бы оживить его единою мысью, на мѣсто правдоподобныхъ силуэтовъ поставить живыхъ людей и настоящую бытовую среду, и, заглянувъ въ душу Жуана, разгадать его.

Этимъ реформаторомъ явился Мольеръ.

МОЛЬЕРЪ.

Было время, — и оно миновало лишь очень недавно, — когда на Мольера принято было смотрѣть, по заведенному дѣдами порядку, какъ на одного изъ образцово-классическихъ писателей, жрецовъ строгой формальности и мудрой рутины, поклоняться которымъ повелѣваетъ образованному человѣку высшее благоприличіе. Его почти не отдѣляли отъ остальныхъ литературныхъ свѣтилъ вѣка, зачисляя въ кругъ ревнителей отжившихъ поэтическихъ теорій. Неподдѣльный комизмъ, разлитый во всѣхъ его произведеніяхъ, пробиваясь сквозь стѣсненія формы, подчасъ долженъ былъ бы показаться рѣзкимъ противорѣчіемъ такому взгляду, но это объяснялось необыкновенно просто: Мольеръ былъ придворнымъ комикомъ, его обязанностью было увеселять своего повелителя, и онъ усердно исполнялъ этотъ долгъ, хотя бы для того и потребовалось иногда переступить границы *правилъ*. Эта придворная роль Мольера была чуть ли не единственною общеизвѣстною подробностью его біографіи и дополнялась десяткомъ анекдотовъ болѣе или менѣе сомнительнаго свойства. Однимъ словомъ, ему указывалось лишь опредѣленное мѣсто въ его вѣкѣ и отводилась нѣкоторая заслуга въ исторіи развитія національной французской комедіи. Но дѣйствительность постоянно опровергала ходячее мнѣніе близорукой критики. Въ то время, какъ для воскрешенія въ памяти современнаго намъ поколѣнія былой славы Корнеля или Расина необходимъ рѣдкій подборъ художественныхъ сценическихъ силъ, въ то время какъ мѣткія когда-то сужденія Буало кажутся намъ избитыми общими мѣстами, а стилистическія красоты ораторовъ и проповѣдниковъ 17-го вѣка не въ состояніи взволновать насъ,—слава Мольера не перестаетъ расти, изъ національнаго украшенія давно сдѣлалась общечеловѣческимъ достояніемъ, и честному смѣху, которымъ вездѣ зритель невольно отвѣчаетъ на смѣлыя выходки комика, пошло уже третье столѣтіе.

Спорить съ временемъ, переживать вѣка можетъ только писатель, чья мысль далеко опережала умственный уровень его поры и намѣчала задачи, къ которымъ подошли позднѣйшія поколѣнія. Сознаніе этой истины побудило новѣйшую критику пристальнѣе вглядѣться въ мольеровское творчество, опредѣлить нравственные и соціальные идеалы, которымъ служилъ писатель, литературныя теоріи, которыя онъ *дѣйствительно* защищалъ съ тою горячностью, съ какою люди отстаиваютъ завѣтныя убѣжденія,—въ результатѣ получилось новое и несравненно болѣе симпатичное освѣщеніе роли Мольера въ исторіи европейскаго литературнаго и соціальнаго развитія.

Подобное значеніе писателя, котораго такъ долго могли смѣшивать съ представителями совершенно противоположныхъ взглядовъ, могло быть всего вѣрнѣе объяснено при помощи изученія личной жизни его. Миѳическія подробности, наполнявшія бывало его біографію, все болѣе уступаютъ мѣсто точнымъ даннымъ. Быстро разросшаяся въ послѣднее время мольеровская литература [1]), въ рядахъ которой выдвинулись даже журналы, спеціально посвященные Мольеру [2]), выяснила многія стороны характера, убѣжденій и интимныхъ подробностей его личной судьбы. Образъ поэта существенно измѣнился, и тамъ, гдѣ передъ потомствомъ выступала непосредственная натура, съ бойкимъ, здоровымъ смѣхомъ, оно увидало тонко организованное, болѣзненно-чувствительное, увлекающееся и задумчивое существо. Если бы нужно было подыскать живое сравненіе, которое объяснило бы разногласіе между недавнимъ и современнымъ намъ взглядомъ на Мольера, мы взяли бы это сравненіе изъ богатой галереи дошедшихъ до насъ портретовъ писателя. Мольеръ, котораго до сихъ поръ знали,—это молодой человѣкъ, какимъ любилъ рисовать его другъ, извѣстный живописецъ Миньяръ: свѣжее лицо окаймлено густыми каштановыми

---

[1]) Поль Лакруа собралъ въ двухъ громадныхъ сборникахъ, Bibliographie Moliéresque, P., 1875, и Iconographie Moliéresque, 1876, указанія всѣхъ книгъ и статей о Мольерѣ, изданій его сочиненій, иллюстрацій къ нимъ, портретовъ. Первый изъ этихъ обзоровъ, заключающій въ себѣ много русскихъ титуловъ, насчитываетъ 1732 названія. Въ 1893 году сдѣланъ новый обзоръ литературы о Мольерѣ въ XI томѣ собранія его соч., въ коллекціи „Grands écrivains de la France"; онъ составленъ Arthur Desfeuilles. Съ той поры мольеровская литература не переставала разрастаться. Такъ, въ 1905 г. появилась обширная англійская біографія (Life of Molière, by Henry M. Trollope). Работы по языку мольеровскихъ произведеній привели къ монументальному труду Шарля Л. Ливэ, „Lexique de la langue de Molière comparée à celle des écrivains de son temps", P., 1895—97, три тома.

[2]) Въ 1879 г. сталъ выходить *Le Molière* подъ ред. Georges Berry, но существовалъ недолго, затѣмъ десять лѣтъ издавался *Moliériste* Жоржемъ Монваломъ и шесть лѣтъ *Molière-Museum* др. Швейцеромъ въ Висбаденѣ.

кудрями, большіе, красивые глаза отважно смотрятъ на свѣтъ и людскую суету, въ то время какъ губы, надъ которыми вьются едва замѣтные, шаловливо подстриженные усы, сложились въ насмѣшливую улыбку. Это—авторъ беззаботныхъ фарсовъ и легкихъ комедій, скользящихъ по поверхности жизни. Совсѣмъ иное лицо у того писателя, котораго мы начинаемъ теперь все ближе узнавать, у автора такихъ общественныхъ сатиръ, какъ Тартюффъ, Мизантропъ или Донъ-Жуанъ. Это лицо, на портретѣ, принадлежавшемъ герцогу Омальскому, носитъ на себѣ слѣды разочарованія и глубокой задумчивости; грустныя, почти старческія черты, сильно прорѣзанныя то тутъ, то тамъ глубокими складками; трудно ждать веселаго смѣха отъ этого человѣка. Его взоръ не отваженъ и не боекъ; въ усталыхъ глазахъ, точно вполъоборота повернутыхъ къ людямъ, видна скорѣе грустная иронія, которая вызываетъ лишь тѣнь улыбки на сжатыхъ губахъ [1]).

Между этими двумя портретами—вся жизнь нашего писателя. Описывать ее—значитъ пытаться объяснить процессъ, которымъ совершено было превращеніе весельчака, буффона, въ сосредоточеннаго мыслителя и негодующаго сатирика.

Для этого превращенія нужна широкая арена дѣйствій, жизнь разнообразная, полная скитаній, столкновеній со всевозможными людьми и нравами, личныя тревоги и разочарованія, ранняя самостоятельность, исканіе удачи то въ той, то въ другой профессіи. Коли есть у человѣка нѣкоторый запасъ наблюдательности, онъ уже изъ житейской школы долженъ вынести правдивый взглядъ на жизнь и людей; у него скопились всѣ данныя для того, чтобъ онъ сдѣлался живописцемъ нравовъ, обличителемъ, хотя бы обстоятельства никогда и не внушили ему мысли о литературной дѣятельности и не вложили ему пера въ руки. Счастливъ писатель, которому судьба послала подобную житейскую школу, съ раннихъ поръ готовя его къ его поприщу; реализмъ у него не будетъ придуманъ заднимъ числомъ, по чужой указкѣ, но явится отпечаткомъ жизни. Крыловъ не дошелъ бы до своей свѣжей и разнообразной бытовой живописи, если бы судьба не провела его съ раннихъ лѣтъ по всей Россіи, изъ конца въ конецъ, если бы она не показала ему жизнь всевозможныхъ слоевъ, отъ приказнаго быта провинціи и шаекъ ярмарочныхъ игроковъ до высшей знати и литературнаго генералитета столицъ. Гоголю, не избалованному въ этомъ отношеніи судьбой, приходилось искусственно пополнять свой арсе-

---

1) Съ этимъ изображеніемъ сходится по грустному выраженію прекрасный портретъ, принадлежавшій г. Шайкевичу въ Москвѣ и воспроизведенный при его статьѣ въ „Gazette des beaux arts“, 1892.

налъ наблюденій и въ послѣдній періодъ жизни предпринимать поѣздки по дальнимъ закоулкамъ русской земли. Мольеръ былъ, съ этой точки зрѣнія, въ числѣ писателей-баловней (если только баловствомъ судьбы можно назвать раннее знакомство съ изнанкой жизни). Съ дѣтскихъ лѣтъ и до окончательнаго упроченія его труппы въ Парижѣ, т.-е. почти въ теченіи четверти вѣка онъ знакомился съ различными оттѣнками французскаго быта. Онъ выросъ въ средѣ зажиточнаго ремесленнаго сословія, школа свела его съ педантизмомъ въ педагогіи, съ іезуитствомъ въ религіи; сборы къ юридическому поприщу усвоили ему судебный жаргонъ и пріемы; первыя театральныя попытки ввели его въ кругъ парижской богемы, затѣмъ долгія кочеванія съ труппой по Франціи необъятно расширили кругъ наблюденій. Въ неясныхъ очертаніяхъ мы уже предвидимъ зарожденіе будущихъ его созданій— различныхъ типовъ буржуазіи, педанта Діафуаруса, іезуита Тартюффа, захолустнаго чудака Пурсоньяка. Поэтому ранній, подготовительный періодъ такъ важенъ въ его біографіи.

Тихо и привольно проходило дѣтство Жана-Батиста Покелена, который, по наиболѣе достовѣрнымъ даннымъ, родился 15 января 1622 года въ Парижѣ, въ улицѣ Saint-Honoré,—быть-можетъ, тамъ, подъ № 96, гдѣ на новомъ зданіи красуется памятная доска,—въ собственномъ домѣ отца, украшенномъ замысловатою вывѣской, изображавшей нѣсколько обезьянъ, обирающихъ яблоню (это совпало, по мнѣнію позднѣйшихъ враговъ поэта, съ его привычкой *обезьянить* людей, d'être le singe de la vie humaine). Къ ребенку относились ласково и не стѣсняли его. Отецъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей, и охотно предоставилъ его женѣ и тестю, двумъ простодушнымъ и гуманнымъ натурамъ, которыя вносили свѣтъ и тепло въ дѣловую мѣщанскую семью. Въ то время, какъ отецъ былъ типомъ зажиточнаго ремесленника, съ особымъ оттѣнкомъ лоска дворцовой передней, полученнымъ благодаря почетному титулу придворнаго декоратора и обойщика (а затѣмъ и королевскаго камердинера), семья жены его отличалась совсѣмъ иными вкусами. Тутъ любили читать не только духовныя книги, Библію, но и свѣтскія произведенія, тутъ цѣнили въ людяхъ образованность. Впрочемъ, и въ прямомъ родствѣ Покелена можно было встрѣтить столь же развитые вкусы; такова была группа талантливыхъ музыкантовъ, скрипачей Мазюэлей, передававшихъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній другъ другу свое искусство и свою репутацію. Два элемента сходились такимъ образомъ въ семьѣ будущаго писателя, на первое время мирно уживаясь; старикъ Покеленъ помнилъ, что жена принесла ему состояніе, почиталъ тестя и не мѣшалъ имъ устраивать въ домѣ все по своему вкусу. Такъ про-

шло десять первыхъ лѣтъ жизни Жана-Батиста. Его баловали, веселили; ребенкомъ онъ пересмотрѣлъ все, что могла доставить тогда парижская жизнь по части развлеченій. Онъ попадалъ, благодаря протекціи отца, и на представленія придворныхъ труппъ, гдѣ процвѣтали классическая трагедія и подражанія итальянскимъ комедіямъ, переложенныя на французскіе нравы; ходилъ на веселыя парижскія и подгородныя ярмарки, наприм., въ Saint-Germain des Prés (гдѣ иногда торговалъ его отецъ), любуясь на пеструю толпу, на разнообразныя удовольствія, сохранявшія еще старо-французскій отпечатокъ, на народныхъ комиковъ, на балаганные фарсы, въ которыхъ процвѣтало старое галльское остроуміе, на всевозможныхъ фигляровъ, акробатовъ, шарлатановъ, пересыпавшихъ свои представленія бойкими выходками, пѣсенками, зазывами. И теперь еще подобные праздники имѣютъ типическій отпечатокъ; легко представить себѣ, какъ силенъ онъ былъ въ началѣ семнадцатаго вѣка!

Противники Мольера любили попрекать его раннимъ знакомствомъ съ міромъ *народнаго* юмора; одни утверждали, будто онъ тамъ только и учился сценическому искусству у балаганныхъ клоуновъ; сложена была легенда, будто, уже юношей, прежде чѣмъ отважиться выступить на театральныхъ подмосткахъ, онъ тайкомъ принималъ участіе въ фарсахъ, пачкая себѣ лицо мукой и продѣлывая шутовскія гримасы не хуже какого-нибудь любимца черни. Несмотря на злой умыселъ, который сквозитъ въ этихъ басняхъ, онѣ вѣрно подмѣчаютъ фактъ, важный для дальнѣйшаго направленія дѣятельности поэта: въ ту пору, когда онъ воспринималъ первыя впечатлѣнія, и театръ увлекъ его такъ сильно, что, по преданію, онъ каждый разъ въ задумчивости возвращался домой,—рядомъ съ чопорной, построенной то на античный, то на итальянскій образецъ, салонной драмой, онъ увидалъ и противоядіе противъ нея въ формѣ свободной и правдивой, хотя грубоватой народной комедіи (проникшей, благодаря такимъ комикамъ, какъ Готье-Гаргилль или Тюрлюпенъ, даже на сцену Hôtel de Bourgogne), въ которой сберегались зародыши національнаго комическаго стиля [1]). Онъ не надолго останется рабскимъ подражателемъ; его рано станетъ привлекать свобода творчества и смѣха, и когда придетъ время, онъ не разъ воспользуется дѣтскими воспоминаніями.

Со смертью матери (1632) свѣтлый характеръ его дѣтства омрачился. Ребенка ожидало первое столкновеніе съ дѣйствительною жизнью, первое разочарованіе. Отецъ его поспѣшилъ жениться во вто-

---

[1]) Въ своемъ этюдѣ „Molière et la farce" (Revue de Paris, 1901, V) Густ. Лансонъ придаетъ высокое значеніе всегдашней близости Мольера къ народному источнику веселости, сбереженному въ фарсахъ.

рой разъ, но вмѣсто кроткой, образованной женщины, распространявшей въ домѣ вкусъ къ серьезности, изяществу, его выборъ остановился на ординарной личности, быстро вошедшей въ роль мачехи; мужъ очутился совершенно въ ея власти, ея дѣти стали въ семьѣ привилегированными членами; начались раздоры и непріятныя сцены, въ которыхъ слабый характеромъ отецъ исполнялъ волю жены; наконецъ безцеремонно сталъ тратиться дѣтскій капиталъ, оставленный покойною матерью. Даже поверхностнаго знакомства съ мольеровскими комедіями достаточно, чтобъ увидать, какъ живуче было впечатлѣніе, произведенное на поэта тяжелыми семейными сценами. Онъ никогда не пропуститъ случая, чтобы не выступить ходатаемъ за лучшее устройство семейнаго быта, за признаніе человѣческой личности въ дѣтяхъ, и часто рисуетъ или траги-комическое зрѣлище семьи, гдѣ всѣ, отъ мала до велика, принуждены обманывать отца, или характеръ сварливой мачехи.

При этомъ разладѣ не трудно было бы ожидать, что мальчику будетъ отказано и въ правильномъ школьномъ воспитаніи. Одинъ изъ усердныхъ лѣтописцевъ мольеровской жизни, Гримарэ [1]), собравшій множество анекдотовъ, сохранилъ преданіе о вмѣшательствѣ дѣда мальчика, который перенесъ на него любовь къ покойной дочери. Такимъ образомъ Жанъ-Батистъ былъ помѣщенъ (очевидно, не въ примѣръ прочимъ, такъ какъ объ особенныхъ стараніяхъ образовать его младшихъ братьевъ мы ничего не слышимъ) въ школу, и притомъ въ такую, куда не въ правахъ было тогда отдавать сыновей буржуазіи. Это была іезуитская «Клермонская коллегія» (Collège de Clermont),—теперь Lycée Louis le Grand.

Въ школѣ мальчика ожидало нѣсколько новыхъ и любопытныхъ наблюденій. Изъ семейной обстановки онъ разомъ перешелъ въ среду молодежи, въ которой у него вскорѣ нашлось нѣсколько близкихъ товарищей; вырвавшись изъ-подъ домашняго надзора, онъ очутился въ не менѣе томительныхъ сѣтяхъ школьной дрессировки. Шесть-семь монаховъ-педагоговъ пытались обуздать шаловливость и молодые, горячіе порывы массы школьниковъ и заставить ихъ преклониться передъ святыней науки. Но учителя были смѣшными педантами, благоговѣя передъ допотопными авторитетами и щеголяя лишь риторической ловкостью въ диспутахъ о вопросахъ безжизненныхъ и никому ненужныхъ,—и та богиня, которой они поклонялись, многомудрая «дама Схоластика», страдала такою же безнадежною анеміей, какъ и

---

1) La vie de Mr. de Molière, p. Jean Léonor le Gallois, sieur de Grimarest. p. 1705; въ 1877 г. переиздана Malassis. Въ послѣднее время выражено сомнѣніе въ точности приводимаго выше преданія.

ея жрецы. Научиться тутъ чему-нибудь было почти невозможно, и Покеленъ вынесъ изъ школы развѣ нѣкоторое знакомство съ латинскимъ языкомъ, позволившее ему впослѣдствіи переводить прямо съ подлинника поэму Лукреція «О сущности вещей» (отъ этого перевода уцѣлѣло нѣсколько передѣланныхъ стиховъ въ *Мизантропѣ*, актъ II, сц. 5). Зато контрастъ между схоластикой наставниковъ и смутными влеченіями молодежи къ живому и свободному знанію далъ развившейся въ мальчикѣ наблюдательности и насмѣшливости богатую пищу; тутъ сложился, прямо съ натуры, первый комическій типъ, которымъ со временемъ онъ обильно воспользовался,—типъ педанта, надутаго, рѣчистаго и завистливаго, умѣющаго ладить съ людьми, соединяя и духовныя и мірскія заботы.

Но пытливость и любознательность, быть-можетъ, унаслѣдованныя отъ матери, все-таки пробудились въ мальчикѣ. Онъ любилъ читать и этимъ дополнялъ школьное образованіе; вмѣстѣ съ друзьями онъ потѣшался надъ учителями и сообща читалъ философскія произведенія, романы, поэмы. Пробѣлъ въ воспитаніи былъ однако необыкновенно удачно пополненъ. Богатый maître des comptes, Люилье, заботясь о научномъ развитіи своего побочнаго сына, впослѣдствіи извѣстнаго остроумца и вивера Шапелля, товарища Мольера по школѣ, взялъ его изъ коллегіи и ввѣрилъ философу, только что прибывшему тогда изъ Прованса и волновавшему умы вольномысліемъ, — Гассенди. Покеленъ вмѣстѣ съ будущимъ знаменитымъ путешественникомъ по Востоку, Бернье, получилъ доступъ къ занятіямъ Шапелля. Къ нимъ присоединился молодой гвардеецъ, дуэлистъ и эксцентрикъ Сирано де-Бержеракъ, впослѣдствіи авторъ гротескныхъ сатирическихъ романовъ,—въ наше время, благодаря художественному капризу Ростана, стяжавшій преувеличенную славу.

Въ глазахъ правовѣрныхъ и благочестивыхъ людей, и въ особенности школьныхъ мудрецовъ, Гассенди былъ худшимъ изъ безбожниковъ, опаснымъ еретикомъ; тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ показаться привлекательнымъ для юноши. Гассенди выступалъ неумолимымъ противникомъ схоластики, жестоко обнажая вредъ ея въ философіи; онъ возбуждающимъ образомъ дѣйствовалъ на умы, проповѣдуя независимость мысли и выдвигая на смѣну метафизическихъ построеній важное значеніе опыта и критики. Изъ классическихъ философовъ его любимцемъ былъ не Аристотель, но Эпикуръ, чьи взгляды на жизнь и назначеніе человѣка усвоены были имъ въ высшемъ и просвѣтленномъ смыслѣ; нравственная сила, строгость къ себѣ и выполненіе идеи долга были существенными чертами его практической мудрости. Слова человѣка, авторитетъ котораго еще болѣе привлекалъ

молодежь благодаря гоненіямъ и подкопамъ, которыми старались его сжить со свѣта, встрѣчи у него съ его единомышленниками, вродѣ Кампанеллы, спасшагося въ Парижъ послѣ двадцатисемилѣтняго заточенія въ Италіи [1]), должны были произвести сильное впечатлѣніе на умы Покелена и его товарищей, дошедшихъ уже до половины пути въ недовольствѣ и отрицаніи,—и слѣды этого вліянія навсегда остались у нашего писателя: съ годами онъ выработалъ то созерцательное настроеніе, привычку къ обобщеніямъ и философскимъ думамъ, которыя побудили Буало дать Мольеру прозвище «созерцателя» (contemplateur). Въ его пьесахъ не разъ можно замѣтить, съ какою любовью онъ останавливался на малѣйшемъ поводѣ къ заявленію общихъ идей, всегда высказываемыхъ имъ необыкновенно ясно. Въ школѣ Гассенди онъ во-время могъ усвоить возвышенный взглядъ на дѣятельность писателя-сатирика, такъ отличавшій его потомъ отъ многихъ талантливыхъ сверстниковъ, а въ ученіи о нравственномъ подвигѣ, предстоящемъ всякому мыслящему человѣку, мы находимъ корень положительныхъ заявленій, высказываемыхъ «добродѣтельными личностями» у Мольера; мало того, въ строгомъ взглядѣ на жизнь заключается исходная точка драматическаго разлада въ личной судьбѣ писателя, который омрачилъ его послѣдніе годы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вліяніе Гассенди сказалось и на нѣсколькихъ комическихъ чертахъ въ пьесахъ Мольера; одни хотятъ видѣть его, напримѣръ, въ той сценѣ Mariage forcé, гдѣ бѣдный Сганарель очутился, точно между двухъ огней, среди спорящихъ философовъ, изъ которыхъ одинъ готовъ божиться Аристотелемъ, а другой поклоняется Пиррону; другіе находятъ его въ «Ученыхъ Женщинахъ» (III, сц. 2), гдѣ затронуты и Декартъ, и платоники, и перипатетики, наконецъ въ сценѣ «Донъ-Жуана» (актъ III, сц. 4), гдѣ осмѣяна легкомысленная, свѣтская философія героя пьесы.

Обязательный срокъ пребыванія въ школѣ пришелъ къ концу, и передъ юношей открылась дѣйствительная жизнь. Нужно было выбирать опредѣленное поприще, но рѣшиться на что-нибудь было трудно. Отецъ не прочь былъ бы передать старшему сыну свою фирму, но къ ремеслу не лежало вовсе сердце юноши, да и домашняя обстановка давно уже стала постылою. Возникла было мысль (трудно рѣшить, была ли она когда-нибудь серьезною) сдѣлать молодого человѣка адвокатомъ, и около 1640 года онъ отправился въ Орлеанъ, гдѣ нѣсколько времени изучалъ право, добылъ себѣ дипломъ licencié и настолько свыкся съ судейскими тонкостями, что могъ впослѣдствіи вы-

---

[1]) На встрѣчи Сирано съ Кампанеллой у Гассенди есть прямыя указанія въ „Histoire comique ou voyage dans la lune“; ср. издан. P. Lacroix, 1858. 54.

казывать при случаѣ знаніе ихъ въ своихъ комедіяхъ («Пурсоньякѣ», «Школѣ женъ», «Мнимомъ больномъ» [1]). Но до профессіональнаго занятія адвокатурой онъ не дошелъ, и какъ будто снова остановился па перепутьи. Такъ прошло, вѣроятно, два года, во время которыхъ онъ незамѣтно свыкался съ бродившею у него смутно съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ мыслью вступить на сцену. Въ то время въ среднихъ слояхъ парижскаго населенія было въ ходу образовывать небольшія любительскія труппы изъ незанятой молодежи, которая такимъ образомъ, высвобождаясь отъ семейнаго гнета и добропорядочной морали, коротала свои досуги; это было столичное отраженіе того оживленнаго движенія, которое въ ту пору покрыло Францію кочующими актерскими труппами [2]). Чѣмъ болѣе развитіе театральнаго дѣла въ столицѣ притягивалось искусственно въ монопольную зависимость отъ двора, тѣмъ сильнѣе развивалось въ обществѣ встрѣчное движеніе, отмѣченное независимостью и демократизмомъ. Вращаясь по выходѣ изъ школы въ кругу парижской и провинціальной молодежи, Покеленъ скоро встрѣтилъ на своемъ пути эти дилеттантскія труппы, гдѣ такія, какъ онъ, дѣти степенныхъ семействъ умѣли жить весело и беззаботно, бѣсить стариковъ своею непринужденностью и въ то же время служить наиболѣе заманчивому изъ всѣхъ искусствъ—сценѣ съ ея иллюзіями и блескомъ. Незанятому, недовольному собой юношѣ эта жизнь должна была вдвое приглянуться; окончательно рѣшило его судьбу романическое увлеченіе, повидимому первое въ его жизни. Въ группѣ актерствующей молодежи онъ встрѣтилъ молодую, хотя уже пожившую женщину, съ недюжиннымъ умомъ, энергіей и манящею красотой. Покеленъ былъ далеко не первымъ и не послѣднимъ счастливымъ поклонникомъ Маделены Бежаръ, и вскорѣ для него это уже не было тайной, но такова была притягательная сила этой женщины, что юношеское увлеченіе превратилось съ теченіемъ времени въ прочную дружескую связь.

Опредѣленное заявленіе сына, что онъ не изберетъ никакой про-

---

[1]) Свѣдѣнія его изъ области права сгруппированы у Cauvet, „La science du droit dans les comédies de Molière“ (Caen, 1855), а заимствованія въ слогѣ изъ судебнаго жаргона—у Eug. Paringault,—„La langue du droit dans le théâtre de Molière“, P., 1861.

[2]) Современный Мольеру историкъ театра, Шаппюзо, насчитывалъ до пятнадцати такихъ труппъ, не считая, конечно, случайныхъ, почти неуловимыхъ соединеній актеровъ, вызываемыхъ ярмарками, городскими празднествами и т. д. — Le théâtre françois, par Samuel Chappuzeau. Lyon, 1674. Авторская рукопись находится въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ; о ней и ея варіантахъ см. мою статью Le manuscrit de Chappuzeau въ журн. „Molièriste“, 1881, іюнь.

фессіи, кромѣ сценической, поразило отца, но онъ понялъ, что противиться и настаивать было бы безполезно [1]).

Съ Маделеной, ея братьями и нѣсколькими посторонними молодыми людьми (всѣхъ членовъ было десять человѣкъ) Покеленъ составилъ, на правахъ товарищества, небольшую труппу, которая придала себѣ, во вкусѣ пышныхъ титуловъ, употреблявшихся тогда въ театральномъ мірѣ, названіе «Знаменитаго театра» (Illustre théâtre); въ дѣйствительности въ ея распоряженіи была болѣе чѣмъ скромная зала близъ porte de Nesle (на углу нынѣшнихъ rue Mazarine и rue de Seine); поигравъ сначала для опыта въ провинціи (въ Руанѣ), пока домъ перестраивался для театра, они открыли свою дѣятельность въ Парижѣ въ январѣ 1644 г. На первое время Покеленъ, повидимому, былъ не только дѣятельнымъ участникомъ въ спектакляхъ, но и единственнымъ капиталистомъ труппы; онъ ручался за исправность платежей и, по жалобѣ театральныхъ поставщиковъ, принужденъ былъ вынести непродолжительное тюремное заключеніе въ Шатле. Найденная въ новѣйшее время расписка его въ полученіи отъ отца 630 ливровъ, быть-можетъ, указываетъ, что ему приходилось добывать необходимыя средства, требуя выдѣленія хоть части денегъ, доставшихся послѣ матери. Впослѣдствіи ему въ свою очередь пришлось помогать старику тайкомъ, черезъ посредниковъ, когда отцовскія дѣла запутались. Уступая обычаю и кромѣ того не желая раздражать отца сохраненіемъ его фамиліи на сценѣ, онъ оставилъ прежнее семейное имя и принялъ театральную фамилію Мольера. Почему именно выборъ его остановился на ней, рѣшить трудно,—потому ли, что она уже была въ ходу въ артистическомъ мірѣ (въ срединѣ столѣтія славился при дворѣ музыкантъ Mollier, а во вторыхъ рядахъ литературы и театра выступалъ Франсуа Мольеръ д'Эссертинъ, поэтъ-актеръ, авторъ «Semaine amoureuse» и трагедіи «Поликсена» [2]), или потому, что во время своихъ первыхъ кочеваній онъ остановился случайно на весьма распространенномъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи имени различныхъ урочищъ,—до сихъ поръ не объяснено.

Случайно принятое имя (впервые оно появилось подъ контрактомъ, пригласившимъ въ труппу танцовщика Д. Маллэ, 28 іюня 1644 г.; внизу подпись «De Molière») стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ жизни

---

[1]) Извѣстный клерикалъ Вэйльо въ своемъ нерасположеніи къ Мольеру доходилъ до искренняго сожалѣнія о томъ, что старикъ Покеленъ не обратился къ власти и, когда юноша покинулъ родительскій домъ, не преслѣдовалъ непокорнаго сыскнымъ порядкомъ. „Molière et Bourdaloue" p. Louis Veuillot, 1877.

[2]) François de Molière, seigneur d'Essertines, par E. Révérend du Mesnil; Charolles, 1888.

поэта. До него идетъ безвѣстная жизнь мѣщанскаго сынка Покелена, впереди—славная будущность общечеловѣческаго писателя.

Съ окончательнаго вступленія Мольера въ труппу Знаменитаго театра (взаимный договоръ подписанъ былъ 30 іюня 1643 года) цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ прошло для него въ кочеваніяхъ изъ конца въ конецъ по Франціи. Сначала счастье рѣшительно отвратилось отъ бѣдной труппы; два раза мѣняла она мѣсто въ Парижѣ (во второй разъ играла на quai saint Paul), но не могла привлечь публики; ее изгнала изъ Парижа полнѣйшая холодность общества. Но и въ провинціи существовать было не легко. Положеніе актера въ ту пору ничѣмъ не было обезпечено отъ случайностей и произвола. Духовенство (его глазами смотрѣла, конечно, и вся благочестивая часть населенія) видѣло въ актерѣ опаснѣйшаго служителя разврата и часто лишало подобныхъ еретиковъ погребенія; мѣстныя власти съ безнаказаннымъ самодурствомъ то позволяли, то внезапно запрещали представленія; въ деревняхъ и мѣстечкахъ иногда выгоняли комедіантовъ, точно опасныхъ бродягъ, да и наиболѣе расположенная къ нимъ масса имѣла очень поверхностное понятіе о значеніи ихъ дѣятельности. Къ довершенію всѣхъ неблагопріятныхъ вліяній первыя семь лѣтъ артистической кочевки мольеровской труппы по Франціи совпали съ волненіями Фронды, и часто всѣ надежды и планы разбивались о необходимость спасаться бѣгствомъ отъ междоусобія. Поэтому длинный рядъ поѣздокъ Мольера по провинціи (въ настоящее время настолько обстоятельно разслѣдованный, что явилась мысль издать подробную карту переѣздовъ труппы) отличается неправильностью и порывами то въ ту, то въ другую сторону. Онъ начинается съ Бордо, гдѣ Мольеръ примкнулъ къ труппѣ дю-Фрэна, называвшей себя «комедіантами герцога д'Эпернона», потомъ подходитъ къ испанской границѣ, надолго сосредоточивается въ Провансѣ, а затѣмъ поднимается на сѣверъ. Гдѣ приходилось плыть по Ронѣ или по Сенѣ на баркахъ, гдѣ скакать верхомъ, гдѣ ютиться на высланныхъ отъ города повозкахъ со всѣмъ своимъ скарбомъ. Когда Скарронъ въ своемъ *Roman Comique*, правдивой картинѣ театральныхъ нравовъ прежняго времени, изображаетъ обозъ комедіантовъ на большой дорогѣ, можно было бы подумать, что это фотографическій снимокъ съ мольеровскихъ странствій [1]).

---

[1]) „Повозка въѣхала подъ деревянныя аркады Ле-Манса. Она запряжена была четырьмя очень тощими волами, передъ которыми привязана была еще лошадь; жеребенокъ, точно бѣсноватый, шнырялъ все время вокругъ. Телѣжка была полна сундуковъ, чемодановъ и большихъ связокъ раскрашеннаго холста; все это образовало собой точно пирамиду, наверху которой возсѣдала барышня, одѣтая не то въ городское платье, не то по-деревенски. Молодой человѣкъ, бѣдный одеждою, но богатый

Все время Парижъ оставался притягательнымъ центромъ для кочующихъ искателей счастья; они надѣялись когда-нибудь получить возможность прочно основаться въ немъ. По временамъ Мольеръ показывался въ Парижѣ; въ театральномъ французскомъ быту было въ обычаѣ съѣзжаться для заключенія условій въ столицу. Но эти поѣздки были напрасны, и немногіе парижскіе друзья не могли ничѣмъ пособить Мольеру.

Приходилось довольствоваться провинціальною славой и на время избрать центромъ операцій, вмѣсто Парижа, второй по важности пунктъ общественной жизни, Ліонъ. По мѣрѣ того, какъ труппа обыгрывалась, разрасталась, вырабатывала репертуаръ, и финансовыя ея дѣла улучшались, Ліонъ становился для нея важнѣйшею опорой; оттуда предпринимала она поѣздки, туда же возвращалась на почетный отдыхъ. Покровительство, выказанное ей одно время принцемъ Конти, бывшимъ школьнымъ товарищемъ Мольера, помогло ей подняться въ общемъ мнѣніи. Но вскорѣ не было уже нужды во внѣшнихъ средствахъ для усиленія репутаціи мольеровскаго театра. Труппа признана была лучшею изъ всѣхъ провинціальныхъ. Долгая пора лишеній и тревогъ уступила мѣсто благосостоянію, которое сказывалось и въ привольномъ образѣ жизни членовъ труппы, и въ роскоши декорацій и костюмовъ, поражавшей современниковъ. Маделена выказывала себя замѣчательной хозяйкой и рѣдкимъ администраторомъ. Поэтъ д'Ассуси, проведшій нѣсколько времени въ мольеровскомъ кружкѣ, оставилъ радужное описаніе раздолья и пиршествъ, которыхъ онъ былъ участникомъ.

Но Маделена, не переставая пользоваться почетнымъ положеніемъ въ труппѣ (въ первомъ договорѣ ей одной не указано было амплуа,

---

выразительностью лица, шелъ рядомъ; на лицѣ его красовался большой пластырь, покрывавшій одинъ глазъ и половину щеки (наивный способъ гримировки); онъ несъ на плечѣ большое ружье, которымъ умертвилъ нѣсколько сорокъ и галокъ. Онѣ тутъ же висѣли на немъ въ видѣ перевязи, подъ которой болталась курица, да еще какая-то птица, очевидно добытая въ малой войнѣ. Вмѣсто шляпы на немъ былъ ночной колпакъ, перехваченный нѣсколько разъ разноцвѣтными повязками и образовавшій что-то вродѣ тюрбана. У пояса болталась шпага. На ногахъ были дырявые чулки съ привязанными наколѣнниками, которые актеры надѣваютъ, изображая античныхъ героевъ; античныя же сандаліи, забрызганныя грязью, служили обувью" и т. д. Roman comique, первая глава. Довольно долго считали, что романъ Скаррона, этотъ *Вильгельмъ Мейстеръ* XVII вѣка, изображаетъ мольеровскія странствія, а первый сюжетъ бродячей труппы, актеръ Le Destin,—самого Мольера. Послѣ книги Шардона (La troupe du Roman comique dévoilée, 1876) это мнѣніе оставлено, а новѣйшее изслѣдованіе того же автора „Scarron inconnu et les types des personnages du Roman comique", 1904, раскрыло поименно оригиналы дѣйствующихъ лицъ, которыя срисованы были Скарронομъ съ натуры.

но предоставлено играть роли, какія она захочетъ), все болѣе должна была свыкаться съ мыслью, что высшее руководство сценой она должна уступить своему недавнему поклоннику, теперь же вѣрному товарищу,—и не только потому, что въ немъ выработался замѣчательный талантъ комика, но еще болѣе потому, что онъ надѣлилъ труппу рѣдкимъ преимуществомъ—самостоятельнымъ репертуаромъ, на которомъ отнынѣ въ особенности основывалась извѣстность его театра. Почти при одинаковыхъ условіяхъ какъ будто повторилась исторія возвышенія Шекспира. Въ послѣдніе годы житья въ провинціи Мольеръ стоялъ уже во главѣ труппы, его имя покрывало ее и разносилось молвою повсюду, хотя самъ онъ не присвоивалъ себѣ деспотическаго господства и постарался придать труппѣ тотъ характеръ товарищества, который его театръ сохранилъ и впослѣдствіи, до нашихъ дней. Изученіе внутреннихъ отношеній и порядковъ мольеровской труппы очень интересно именно съ этой стороны, представляя образецъ удачнаго развитія организаціи, умѣвшей необыкновенно долго сохранить демократическій духъ равноправности, несмотря на окружавшій разливъ крайней монархической дисциплины. У Мольера, какъ директора, всѣ мысли заняты отстаиваньемъ интересовъ товарищей и мелкой рабочей братіи, зависѣвшей отъ его театра; таковъ онъ въ началѣ дѣятельности, такимъ остается до конца, и ускоряетъ свою смерть, не рѣшаясь отмѣнить спектакля потому только, что отъ этого можетъ пострадать заработокъ массы трудового люда. Доходы дѣлились между членами артели; отчислялась всегда доля въ пользу бѣдныхъ; одинъ изъ актеровъ велъ постоянную лѣтопись всѣхъ дѣлъ, занятій и прихода труппы,—благодаря этому обычаю до насъ дошелъ чрезвычайно цѣнный *Регистръ* перваго такого лѣтописца, Лагранжа [1]), веденный уже въ Парижѣ и представляющій главное руководство въ мольеровской хронологіи.

Первенствующее положеніе, предоставленное самими обстоятельствами Мольеру, сложилось исключительно въ силу нравственнаго его превосходства, перевѣса ума, творчества и таланта. Природный умъ, направленный еще въ дни знакомства съ Гассенди къ изученію жизни и ея явленій, къ серьезнымъ и независимымъ обобщеніямъ, получилъ во время блужданій труппы богатую пищу для наблюденій. Множе-

1) На средства Théâtre français онъ изданъ былъ въ 1876 г., in fol., Эдуардомъ Тьерри, приложившимъ большое предисловіе. За 1663—64 г. есть также запись, веденная изо дня въ день Ла-Торильеромъ (изд. впервые въ 1890 г. въ Nouvelle collect. moliéresque). Оба документа легли въ основу обставленной точными фактами изъ разнообразныхъ источниковъ „хронологической канвы“, изданной Жоржемъ Монвалемъ,—необходимаго пособія для мольеровской біографіи,—„Chronologie moliéresque“, P., 1897.

ство людей, характеровъ, оттѣнковъ нравовъ прошло передъ Мольеромъ; онъ постоянно изучалъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, замѣчалъ бытовыя особенности, провинціальные діалекты, мѣстные типы; когда преданіе разсказываетъ, что въ городѣ Пэзна онъ упросилъ цирульника уступить ему на нѣсколько часовъ его роль и воспользовался этимъ, чтобъ узнать у кліентовъ и кліентокъ уѣзднаго Фигаро ихъ дѣла и тайны, это живо характеризуетъ его взглядъ на комика, какъ на точнаго изобразителя нравовъ. Но и личная жизнь открывала много новыхъ ощущеній и испытаній: послѣ юношеской страсти къ Маделенѣ его легко вспыхивавшее сердце увлекалось другими женщинами, и въ самой труппѣ находило не разъ предметы обожанія; измѣнчивость и кокетство, холодность или внезапное равнодушіе оставляли глубокіе слѣды въ душѣ. Мольеръ все сильнѣе испытывалъ потребность въ искренней привязанности, которая освѣтила бы его жизнь, поддерживая на трудномъ поприщѣ. Постепенно разочаровываясь въ людяхъ вообще, онъ мучительно ощущалъ непостоянство и сердечную пустоту женщинъ, и тогда уже рисовалъ себѣ идеальный образъ подруги, которая могла бы сдѣлать его счастливымъ. Лаская граціозную дѣвочку, дочь Маделены, Арманду, онъ не разъ думалъ, что изъ этого милаго существа могла бы, при счастливыхъ обстоятельствахъ, выработаться та честная и любящая натура, о которой онъ мечталъ, и незамѣтно, быть-можетъ, для самого себя, онъ еще заботливѣе занимался воспитаніемъ и развитіемъ дѣвочки.

Наблюденія и думы мирились въ немъ, однако, съ вспышками искренняго веселья. У натуръ подобнаго рода смѣхъ и слезы, раздумье и шалость тѣсно граничатъ между собой. Эти природные задатки, опредѣляя направленіе дѣятельности Мольера, поддержаны и развиты были разностороннимъ чтеніемъ. По образованію и начитанности онъ былъ цѣлою головой выше не только своихъ товарищей-актеровъ, но огромнаго большинства современныхъ ему драматическихъ писателей. Родную литературу онъ узналъ со временемъ въ совершенствѣ; его пьесы обличаютъ знакомство и съ важными, и съ мелкими писателями стараго и новаго періода: Рабле, Матюренъ Ренье, даже мало извѣстные теперь поэты и романисты XIV—XVI вѣковъ [1]) ему такъ же были близки, какъ Корнель или Буароберъ. Кромѣ того,— и это еще важнѣе,—онъ, живя такъ долго въ деревенской Франціи, научился цѣнить народный элементъ; какъ впослѣдствіи его Альцестъ,

---

[1]) Вліяніе старофранцузскихъ авторовъ на Мольера изслѣдовано провинціальнымъ нѣмецкимъ мольеристомъ, др. Вильке, преподавателемъ „евангелической" гимназіи въ силезскомъ городкѣ Лаубанѣ: „Ce que Molière doit aux anciens poètes français", Lauban, 1880.

онъ за идущую отъ сердца народную пѣсенку готовъ былъ отдать правильную, но холодную и чопорную поэму, мѣткое народное выраженіе считалъ украшеніемъ своего слога. На ряду съ французскою литературой онъ рано началъ изучать итальянскую, а подъ конецъ и испанскую; по-итальянски онъ могъ даже писать стихи. Старыя и новыя комедіи итальянцевъ, новеллы Боккачьо, пьесы испанскихъ драматурговъ, Кальдерона, Морето, Тирсо де-Молины, становились съ каждымъ годомъ доступнѣе ему; онъ не забылъ и латинскаго языка и, благодаря этому, сохранилъ вѣрное понятіе о классической литературѣ, которую изучалъ или въ подлинникѣ, или въ хорошихъ переводахъ. Его пьесы рано наполняются отголосками Плавта, Теренція, Плутарха. Не сразу, конечно, сложилась у него та библіотека, часть которой описана была въ инвентарѣ, составленномъ послѣ его смерти [1]). Такъ параллельно развитію житейской опытности выростала и его литературная начитанность; она въ особенности должна была двинуться впередъ съ тѣхъ поръ, какъ блестящее положеніе труппы позволило ей замѣнить кочеванія продолжительною осѣдлостью въ Ліонѣ.

Но ко всѣмъ этимъ преимуществамъ присоединилось превосходство Мольера, какъ актера. Тогдашній театральный французскій міръ и въ особенности двѣ главныя столичныя труппы,—одна, игравшая въ *Hôtel de Bourgogne*, другая, называвшая себя *Théâtre du Marais*, не были лишены выдающихся талантовъ. Тѣмъ не менѣе Мольеръ и въ этомъ отношеніи занялъ первое мѣсто; онъ заблуждался сначала относительно свойства своего таланта и пробовалъ силы въ трагедіи, для которой вовсе не былъ созданъ (особенно голосъ его былъ слишкомъ слабъ для модной въ то время громогласной трагической декламаціи), но холодность публики рано показала ему его заблужденіе, и онъ всецѣло посвятилъ себя комедіи. Его пріемы въ игрѣ были чисто субъективные и неподражаемые. Враги утверждали, будто онъ научился имъ у знаменитаго итальянскаго буффона Скарамуша; выпущена была даже гравюра, на которой Скарамушъ дѣлаетъ гримасу, а Мольеръ тутъ же перенимаетъ ее. Но это была злостная выдумка. Мольеръ дѣйствительно высоко цѣнилъ талантъ итальянскаго комика [2]), который, по словамъ всѣхъ очевидцевъ, былъ рѣдкимъ представителемъ чисто національнаго, свободно импровизирующаго, оттѣнка веселости, отличающаго и до сихъ поръ итальянскій народъ. Но комизма Мольеру не нужно было перенимать ни у кого,—имъ одарила его природа.

---

[1]) Впервые напечатанномъ, вмѣстѣ съ другими документами о домашнемъ бытѣ Мольера, Эдоромъ Сулье, Recherches sur la famille de M. 1863.

[2]) Его біографія, написанная даровитымъ итальянскимъ комикомъ Меццетиномъ, была переиздана (Vie de Scaramouche, par Mezzetin) Моланомъ, 1876.

Ставя для себя, какъ писателя, выше всего непосредственное наблюденіе фактовъ, онъ сохранилъ въ памяти массу типическихъ лицъ, пріемовъ, интонацій; перенося ихъ на сцену, онъ освѣщалъ ихъ своей психологической чуткостью, отмѣчая скрытыя душевныя движенія и переходы. Конечно, въ чисто-художественной разгадкѣ характеровъ никто изъ современныхъ ему актеровъ-ремесленниковъ не могъ сравняться съ нимъ, и это было одною изъ причинъ ненависти, постепенно разгорѣвшейся противъ него. Да и сама природа надѣлила его всѣми качествами комическаго актера: необыкновенно гибкій голосъ, густыя брови, способныя принимать забавно-разнообразное положеніе, физіономія, всѣ черты которой были донельзя выразительны, и мускулы, доведенные до крайней подвижности,—все это много содѣйствовало оригинальному отпечатку игры Мольера [1]).

При всѣхъ этихъ богатыхъ данныхъ неудивительно, что слава его въ провинціи быстро возрастала; подъ конецъ и парижскіе театралы, приглядѣвшись къ мѣстнымъ сценическимъ знаменитостямъ, стали интересоваться тѣмъ, что передавала молва о какомъ-то «garçon nommé Molière», который, какъ говорили, столь же интересенъ и какъ актеръ, и какъ писатель. Въ Парижѣ во главѣ всего стояли итальянцы, почти цѣлое столѣтіе считавшіеся руководителями вкуса; они принесли съ собой съ родины и легкій фарсъ, съ слабою тѣнью сюжета, который развивался импровизаціей самихъ актеровъ и вращался вокругъ нѣсколькихъ излюбленныхъ типовъ, и литературную, сплошь написанную комедію. Французскіе писатели едва осмѣливались итти своею дорогой. Господствующій вкусъ массы тяготѣлъ надъ ними, и даже тамъ, гдѣ они пытались самостоятельно изображать французскіе нравы, они незамѣтно сбивались на общепринятый итальянскій ладъ. «Лжецъ» Корнеля производитъ на позднѣйшаго читателя, несмотря на вліяніе испанскаго оригинала, впечатлѣніе самостоятельно задуманной и бойкой пьесы; въ такихъ веселыхъ вещицахъ, какъ *Сестра* Ротру или «Прекрасная просительница» Буаробера, иногда встрѣчаются удачныя частности, повліявшія даже на Мольера [2]), но въ цѣломъ это еще

---

[1]) Дочь актера Дю-Круази, г-жа Пуассонъ, оставила слѣдующее любопытное описаніе внѣшности Мольера: „онъ не былъ ни слишкомъ полнымъ, ни худымъ, скорѣе высокъ ростомъ, съ благородной осанкой, стройными формами ногъ; онъ выступалъ величаво, имѣлъ очень задумчивый видъ. Крупный носъ, большой ротъ, мясистыя губы, смуглый цвѣтъ лица, черныя и густыя брови, которымъ онъ умѣлъ придавать различныя движенія,—все дѣлало его физіономію необыкновенно комическою". Mémoires sur la vie et les ouvrages de Molière, p. La Serre, 1734.

[2]) Въ *Сестрѣ* уже выведено переодѣваніе турками, пригодившееся въ *Bourgeois gentilhomme;* въ „Belle Plaideuse" сынъ занимаетъ деньги у ростовщика-отца, какъ въ *Скупомъ*.

очень слабые опыты въ комическомъ жанрѣ. Такимъ образомъ чувствовалась необходимость коренного переворота, который вывелъ бы французскую комедію изъ зависимости, научилъ бы ее пользоваться бытовыми данными и указалъ ей широкій путь; чувствовалась также и близость подобнаго переворота, для котораго всѣ средства были налицо. Въ стремленіи Мольера взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ нельзя не видѣть нормальнаго завершенія развитія національнаго творчества.

Ни одинъ талантливѣйшій художникъ не начиналъ своей дѣятельности съ самостоятельныхъ шаговъ; въ біографіи каждаго есть полоса подражательности: Рафаэль копируетъ Перуджино, Бетховенъ подражаетъ Моцарту, Байронъ—Попу, Лермонтовъ—Пушкину и Байрону,—но подражательность скоро проходитъ, оставивъ позади себя нѣсколько полезныхъ уроковъ и указаній, какъ нужно итти своимъ путемъ. Такова и участь Мольера. У итальянцевъ было чему поучиться, но отдаваться совсѣмъ въ ихъ подданство было неразумно. Не сразу однако понялъ это Мольеръ и заплатилъ дань общей маніи. Въ первые же годы житья въ провинціи онъ старался составлять репертуаръ своего театра изъ набросанныхъ наскоро передѣлокъ итальянскихъ пьесъ на французскіе нравы [1]). Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на мимолетныя бездѣлки, вызванныя потребностью минуты, и потому недолговѣчныя; серьезное направленіе его послѣдующихъ лѣтъ побудило его пренебречь слабыми первыми опытами и не сберегать своихъ рукописей. Поэтому отъ одиннадцати, въ громадномъ большинствѣ лишь *приписываемыхъ ему* раннихъ пьесъ, отъ которыхъ большею частью остались только одни заглавія, до насъ дошли вполнѣ лишь двѣ: *La jalousie du Barbouillé* (Ревность простака) и «*Le médecin volant*», да и тѣ сдѣлались извѣстны только въ началѣ девятнадцатаго столѣтія и иногда возбуждали сомнѣніе въ ихъ подлинности. Во всякомъ случаѣ онѣ являются любопытнымъ образцомъ безхитростной и наивно-веселой манеры, которая процвѣтала во французскомъ комическомъ театрѣ въ первые годы дѣятельности Мольера. По времени появленія болѣе ранней пьесой считается «*La jalousie du Barbouillé*» [2]); въ «Летающемъ докторѣ» новѣйшіе біографы на-

---

[1]) Поль Мэнаръ (біографія Мольера въ X томѣ собр. его сочин., Grands écriv. de la France, 1889, 118) находитъ первое указаніе на сочиненіе Мольеромъ подобныхъ пьесокъ для текущаго репертуара въ найденномъ въ Тулузѣ счетѣ городскихъ издержекъ за 1649 годъ, гдѣ труппѣ выдано 70 ливровъ за „составленіе и исполненіе комедій (pour avoir joué et *fait* une comédie).

[2]) Сюжетъ этой пьесы взятъ изъ новеллы Боккачьо (Декамеронъ, VII д. нов. III), которая вмѣстѣ съ немногими другими стала въ переводѣ извѣстною русскому

ходятъ больше стройности въ распредѣленіи сценъ и болѣе искусства въ характеристикѣ; комизмъ гораздо осмысленнѣе и краски не такъ сгущены, какъ въ первой пьесѣ. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ уже являются первообразы позднѣйшихъ комедій или сценъ. Въ «*La jalousie*» предчувствуется развязка «Жоржа Дандена», въ «Летающемъ докторѣ»—отдѣльныя черты «Лѣкаря поневолѣ» и «Мнимаго больного». То же можно сказать и объ утраченныхъ пьесахъ, изъ которыхъ, повидимому, въ «*le Fagoteux*» была впервые обработана взятая изъ фабльо тема *Médecin malgré lui*, а въ «*Gorgibus dans le sac*» выведена сцена прятанья въ мѣшкѣ, впослѣдствіи введенная въ «Продѣлки Скапена».

Если между двумя первыми мольеровскими пьесами уже замѣтны признаки нѣкотораго прогресса въ литературныхъ пріемахъ, то въ двухъ комедіяхъ, слѣдующихъ за ними, прогрессъ становится все разительнѣе. «Взбалмошный» (*l' Etourdi*) на первый взглядъ недалеко отошелъ отъ раннихъ фарсовъ; онъ представляетъ собою близкую передѣлку итальянской пьесы Барбьери *l' Inavvertito* [1]) и сохраняетъ отличительныя черты южныхъ буффонадъ: неправдоподобность интриги, излишнюю погоню за смѣхотворными положеніями, употребленіе готовыхъ комическихъ типовъ и т. д. Но при сравненіи передѣлки съ оригиналомъ видна искусная рука, сумѣвшая воспользоваться матеріаломъ, видно вмѣшательство человѣка, тоньше организованнаго и глубже чувствующаго. Въ женскихъ характерахъ грубость сердечныхъ движеній замѣнена граціозностью, которою такъ часто любилъ потомъ Мольеръ надѣлять женскія личности въ комедіяхъ; введено также не мало мелкихъ черточекъ, которыя мотивируютъ и осмысливаютъ многое въ пьесѣ. Если прибавимъ къ этому, что она была разыграна съ рѣдкимъ ансамблемъ (1655, въ Ліонѣ), и что въ особенности автору удалось при этомъ выказать во всей силѣ дарованіе замѣчательнаго комическаго актера, то мы поймемъ, что появленіе этой пьесы должно было произвести особенно сильное впечатлѣніе на современниковъ. Обаятельность игры Мольера потверждаютъ даже враги его: «какъ только зрители увидали его съ алебардой въ рукахъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—какъ только услышали его смѣшную болтовню, увидали его нарядъ, токъ и

читателю 17 вѣка. Это не единственное соприкосновеніе мольеровскаго творчества съ міромъ русской повѣсти. Фабула *Лѣкаря поневолѣ*, основанная на странствующемъ сказаніи, была ходячимъ разсказомъ въ Москвѣ, гдѣ ее передавали какъ происшествіе, будто бы случившееся при Борисѣ Годуновѣ. Разсказъ этотъ былъ записанъ и сообщенъ однимъ нѣмецкимъ пасторомъ Олеарію.

1) Новѣйшія указанія считаютъ источникомъ комедіи также французскую пьесу „Le Parasite“ Тристана Лермита. См. Revue universitaire, 1903, 15 févr., статья Eugène Rigal.

фрезу, всѣмъ стало вдругъ хорошо, на лицахъ разгладились морщины, и отъ партера къ сценѣ, отъ сцены къ партеру точно сотни эхо возгласили его хвалу» [1]).

Черезъ годъ съ небольшимъ успѣхъ «Взбалмошнаго» былъ затемненъ еще болѣе полнымъ торжествомъ слѣдующей пьесы, «Любовная досада» (*le Dépit amoureux*), исполненной въ первый разъ въ городкѣ Безье. Здѣсь сдѣланъ шагъ впередъ отъ фарса къ литературной комедіи, и новый, все усиливавшійся у Мольера, элементъ выдвигался на первый планъ. Съ этой минуты можно наблюдать въ его творчествѣ процессъ «дифференцированія» его комизма, который вскорѣ приведетъ къ тому, что дѣятельность его распадется на отдѣльныя группы: серьезныя пьесы, проникнутыя часто глубокою идеею и обработанныя художественно, и веселыя бездѣлки. «Любовная досада» стоитъ на рубежѣ раздвоенія; два характера—прямо комическіе, но, отстранивъ ихъ, мы видимъ тонкое изображеніе любви, тревогъ, волненій и ревности, которыя она съ собой приноситъ; и это чувство, и затронутыя имъ личности изображены уже съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Оно настолько поразительно у начинающаго писателя, что, быть-можетъ, не лишены основанія догадки біографовъ, которые видятъ здѣсь отраженіе личныхъ испытаній автора и сближаютъ время появленія комедіи съ конфликтомъ двухъ привязанностей его къ актрисамъ его труппы, Дю-Паркъ и Де-Бри. Сцены любовныхъ ссоръ и огорченій съ этой поры сдѣлались однѣми изъ любимѣйшихъ въ его произведеніяхъ, и соотвѣтствующія явленія въ «Школѣ Женъ», «Тартюффѣ», «Мизантропѣ» ведутъ начало отъ ранней пьесы Мольера. Его личный вкладъ въ нее несравненно существеннѣе, чѣмъ въ «Взбалмошномъ»; несмотря на то, что и Dépit amoureux возникъ на итальянской основѣ (пьесѣ Секки «l'Interesse») и украшенъ былъ мелкими заимствованіями изъ французскихъ и даже латинскихъ пьесъ (Плавта и Теренція), его можно почти считать первою самостоятельною пьесой Мольера.

Такъ по собственному почину Мольеръ все рѣшительнѣе переходилъ отъ подражанія образцамъ къ попыткамъ независимаго творчества, и взглядъ его на открывавшееся передъ нимъ поприще становился все возвышеннѣе. Тѣмъ понятнѣе недовольство, съ которымъ онъ начиналъ наблюдать болѣзненное общественное и литературное явленіе, замѣнявшее грубость и одичалость поры междоусобій изысканностью полированнаго тона, переходившаго въ жеманство. Уже въ провинцію проникла изъ столицы мода на салонныя собранія изящныхъ дамъ и любезныхъ стихотворцевъ, возносившихся отъ грубой прозы

[1]) **Elomire hypocondre, комедія Шалюссе, 4 актъ, III явл. (перепечатка Шарля Ливе, 1878, стр. 92).**

въ высшія сферы прекраснаго,—мода уродливая, хотя внушенная благонамѣренно-культурными побужденіями. Такого знатока жизни и ея нуждъ, какъ Мольеръ, понимавшаго, что совсѣмъ иными средствами можетъ быть достигнуто общественное возрожденіе, должно было возмущать жеманство, проникавшее и въ литературу съ ея безконечными любовными и чувствительными романами, и въ общество, гдѣ свѣтскія дамы скрывали свои мѣщански звучащія имена подъ благозвучными псевдонимами и называли другъ друга въ глаза ma précieuse, ничуть не остроумнѣе свахи у Островскаго, у которой съ языка не сходятъ такія величанія, какъ «моя брилліантовая, моя золотая».

Тѣмъ временемъ парижскимъ друзьямъ удалось наконецъ добиться вызова мольеровской труппы въ столицу. Въ концѣ 1658 года мы видимъ ее въ Парижѣ, гдѣ для ея представленій отведена была одна изъ залъ стараго Лувра. 24 октября данъ былъ первый спектакль, въ которомъ умышленно соединены были различные образцы умѣнья актеровъ: онъ начался съ трагедіи Корнеля *Nicomède* и завершился однимъ изъ раннихъ мольеровскихъ фарсовъ въ итальянскомъ вкусѣ (теперь онъ утраченъ, но Буало еще зналъ его и очень жалѣлъ о его потерѣ),—*le Docteur amoureux*. Игра понравилась придворной публикѣ, въ особенности во второй пьесѣ, но большого восторга все-таки не было,—по крайней мѣрѣ первый біографъ Мольера, Лагранжъ, отзывается объ этомъ впечатлѣніи довольно холодно (*ils ne déplurent point*). Были однако вскорѣ даны новѣйшія и болѣе художественныя пьесы Мольера; сдержанность публики, привыкшей къ академически-правильной игрѣ столичныхъ знаменитостей, была побѣждена; въ семьѣ короля нашелся покровитель труппы, братъ его; нѣкоторое расположеніе высказалъ къ ней даже и всесильный правитель, Мазаренъ; пріѣзжіе провинціалы стали сживаться съ новой обстановкой, обзавелись собственной театральной залой (salle du Petit-Bourbon), научились бороться противъ завистливыхъ притязаній соперниковъ—актеровъ старыхъ труппъ, особенно театра *Hôtel de Bourgogne*. Борьба эта не прекратилась во всю жизнь Мольера; они не хотѣли простить ему его превосходства, подобно тому какъ почти всѣ представители литературы, затемненные его появленіемъ, даже не имѣя иногда личныхъ счетовъ съ нимъ, не затронутые ни въ одномъ произведеніи, затаили ненависть, и оба лагеря враговъ, часто соединявшіеся для нападенія, начали вредить Мольеру всякими способами, доносами и ябедами, памфлетами и пасквилями. У Мольера не было надежной опоры; Людовикъ XIV былъ слишкомъ молодъ, Мазаренъ вскорѣ умеръ, братъ короля почти ни въ чемъ не выразилъ своего покровительства и никогда не выплатилъ субсидіи, которую на первыхъ порахъ щедро обѣщалъ.

Многіе, очутившись на мѣстѣ Мольера въ такомъ ложномъ и затруднительномъ положеніи, поспѣшили бы чѣмъ-нибудь выдающимся снискать расположеніе господствующаго класса, перетянуть вѣсы на свою сторону и добиться почета. Независимость взглядовъ писателя проявилась въ томъ, что первое же произведеніе, которое онъ поставилъ въ Парижѣ, было направлено *противъ* вліятельныхъ сферъ, было сатирой на ихъ вкусы и могло только раздражить противъ автора. Этою пьесой были именно *Жеманницы*. Провинціальныя наблюденія были пополнены изученіемъ парижской жизни,—и вся опасность для общества и для литературы отъ направленія, отрывавшаго ихъ отъ дѣйствительности, унося въ искусственную атмосферу утонченнаго благоприличія, живо представилась умному наблюдателю. Онъ могъ бояться, что это уродливое направленіе пуститъ глубокіе корни; уже за поколѣніе передъ этимъ въ Парижѣ можно было встрѣтить нѣчто похожее на позднѣйшій патологическій типъ *Précieuse*; въ данную минуту тѣмъ же недугомъ охвачена была масса свѣтскихъ женщинъ, поэтовъ, придворныхъ, аббатовъ; въ рядахъ ихъ можно было встрѣтить далеко не глупыхъ писателей и остроумцевъ, вродѣ Менажа, и блестящихъ по уму и граціи женщинъ, вродѣ маркизы Рамбулье. Въ знаменитомъ голубомъ салонѣ ея отеля собирались представители новаго вкуса, проводя время въ состязаніи остротами, пріятныхъ спорахъ и декламированіи томныхъ стихотвореній. Уже аббатъ de Pure выступилъ съ пародіей противъ этого направленія вкуса; итальянцы сыграли небольшую его пьесу [1]), а свѣтская публика прочла его многотомный романъ, но эти первыя попытки мало повредили предмету насмѣшки. Быть-можетъ, Мольеръ явился въ Парижъ уже съ готовою пьесой противъ жеманства, которое онъ могъ наблюдать въ провинціи (такое предположеніе защищаетъ Мэнаръ), но послѣ плохихъ подражательницъ пришлось ему увидать вблизи и прославленные оригиналы; пьеса получила еще болѣе отношеній къ дѣйствительности. Оговорка въ предисловіи къ «Précieuses ridicules», увѣряющая, будто сатира направлена лишь противъ неловкихъ и забавныхъ провинціальныхъ *précieuses*, скорѣе всего придумана для того, чтобы нѣсколько ослабить впечатлѣніе слишкомъ ясныхъ намековъ. Но оговорка не достигла цѣли: столичныя *жеманницы* и свита ихъ поклонниковъ поспѣшили узнать себя и возбудить недовольные толки; заскрипѣли перья и возгорѣлась мстительная война противъ Мольера изъ-за этой комедіи; отвѣтомъ на нее послужили пьесы Сомэза, *les Véritables précieuses*

---

[1]) Ср. статью Jules Couet въ журн. Moliériste, 1880, „La Précieuse de l'abbé de Pure“.

и *le Procès des précieuses*, комедія Жильбера «La vraie et la fausse précieuse» и т. д., тогда какъ за Мольера выступали молодые писатели вродѣ Шаппюзо и Лафаржа. Но этотъ споръ не въ силахъ былъ въ чемъ-нибудь измѣнить совершившагося факта; направленіе, осмѣянное Мольеромъ, было разбито на голову и уже не въ силахъ было подняться. Съ большимъ тактомъ маркиза Рамбулье дѣлала видъ, что не узнаетъ портрета, и ходила на представленія пьесы, но блестящая пора ея салона прекратилась, и когда, много лѣтъ спустя, Мольеръ снова коснулся сходной темы въ «Ученыхъ Женщинахъ», черты осмѣяннаго имъ женскаго педантизма уже имѣли мало соприкосновенія съ умершимъ и погребеннымъ міромъ «жеманства».

Успѣхъ пьесы былъ колоссальный. По современнымъ показаніямъ, на двадцать льё кругомъ Парижа не осталось сколько-нибудь грамотнаго человѣка, который не захотѣлъ бы видѣть эту комедію. Въ виду успѣха, шумныхъ толковъ и пересудовъ, которые повели даже къ временной пріостановкѣ представленій, Мольеру пришлось кое-что измѣнить и ослабить въ своемъ произведеніи, особенно когда оно должно было выйти отдѣльнымъ изданіемъ. Между первымъ и вторымъ представленіями прошло двѣ недѣли, и есть основаніе предполагать, что на правительство (король былъ въ отсутствіи) было сдѣлано сильное давленіе съ цѣлью запретить пьесу. Сохранившійся разсказъ объ одномъ изъ спектаклей обнаруживаетъ существенную разницу съ извѣстною намъ редакціей пьесы. То былъ первый примѣръ тѣхъ, къ несчастью, нерѣдкихъ измѣненій, которыя Мольеръ принужденъ былъ производить надъ своими пьесами изъ-за «цензурныхъ» соображеній.

Накоплявшаяся въ свѣтскихъ кругахъ враждебность нашла себѣ вскорѣ практическое и крайне чувствительное для него примѣненіе. Вслѣдствіе чьихъ-то тайныхъ интригъ его неожиданно вытѣснили изъ занятаго его труппой помѣщенія, лишили сцены и даже подъ пустымъ предлогомъ *истребили* декораціи и машины. Съ трудомъ удалось получить пріютъ въ Пале-Роялѣ, гдѣ мольеровскій театръ упрочился. Среди заботъ и дрязгъ мысль о необходимости привлечь къ себѣ публику и поддержать интересъ, возбужденный *Жеманницами*, должна была тревожить Мольера, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же естественно, что ея исполненіе, при подобномъ настроеніи, не могло быть удачно. Къ переходной порѣ дѣйствительно относятся два произведенія: «Сганарель или мнимый рогоносецъ» и *Don Garcie de Navarre*, которыя, сравнительно съ *Précieuses ridicules*, представляютъ шагъ назадъ. Первая пьеса, несмотря на отличающую ее веселость, слишкомъ отзывается вліяніемъ только что покинутаго стиля арлекинады, лишь нѣсколько болѣе осмысленной и уравновѣшенной. Вторая же передѣлана изъ трагикомедіи

Чиконьини [1]) и настолько же ударяется въ многорѣчивую разработку темы о любви и ревности, насколько *Сганарель* вдается по временамъ въ фарсъ. Цѣль, поставленная себѣ авторомъ, не была достигнута; *Сганарель* еще привлекалъ публику, а *Don Garcie* потерпѣлъ полное пораженіе, болѣе не возобновлялся и былъ напечатанъ лишь послѣ смерти Мольера. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ значеніе въ исторіи развитія писателя. Онъ былъ послѣднею его попыткою основать пьесу исключительно на патетическомъ элементѣ; съ этихъ поръ онъ отрекся отъ длинныхъ монологовъ на тему о любви, отъ романтическихъ героевъ въ южномъ вкусѣ, изящно драпированныхъ плащами. И любовь, и ревность не разъ изображались имъ, но уже въ чисто реальной обстановкѣ, среди житейскаго водоворота. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ перечесть нѣсколько сценъ, внесенныхъ Мольеромъ изъ «*Don Garcie*» въ *Мизантропа,* въ связи съ предшествующими и послѣдующими сценами въ этомъ позднѣйшемъ произведеніи, которыя ихъ объясняютъ и мотивируютъ, захватывая зрителя за живое, а потомъ перенестись въ раннюю пьесу, гдѣ тѣ же явленія очутятся въ иной обстановкѣ. Тамъ, гдѣ объясненія Альцеста съ Селименой передаютъ столкновеніе двухъ рѣзко опредѣленныхъ характеровъ, Донъ Гарсія расплывается въ безцвѣтныхъ жалобахъ на злую судьбу и вѣроломство женщинъ.

Послѣ краткаго перерыва, занятаго двумя слабыми произведеніями, талантъ Мольера снова вернулся къ силѣ и зрѣлости, которая выказана была имъ въ *Жеманницахъ,*—скажемъ болѣе, *Школа мужей* (24 іюня 1661) отмѣтила собою очевидный прогрессъ въ его творчествѣ. Этотъ фактъ, поразительный послѣ недавняго ослабленія энергіи, естественно могъ быть объясненъ благопріятными вліяніями, счастливымъ поворотомъ въ жизни Мольера, снова наполнившимъ его мужествомъ и любовью къ дѣлу. Дѣйствительно, подготовлялась крупная перемѣна въ жизни его, и «Школа мужей» открываетъ собой рядъ любопытнѣйшихъ *субъективныхъ* произведеній, отражающихъ въ себѣ шагъ за шагомъ развитіе этого переворота [2]).

Не мало образцовъ подыскано для этой пьесы. Во главѣ ихъ стоитъ

---

[1]) Одного изъ первыхъ писателей западно-европейскихъ, съ которыми познакомилась русская театральная публика при Петрѣ („Честный измѣнникъ"—переложеніе пьесы „Il tradimento per l'honore").

[2]) Походъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей мольеровскаго творчества, Eugène Rigal („La comédie de Molière. L'homme dans l'oeuvre"—въ Revue d'histoire littér. de la France, 1904, I), противъ выдвиганія субъективнаго элемента въ пьесахъ Мольера привелъ только къ обличенію *излишествъ* примѣненія этого метода и завершился подтвержденіемъ важной роли автобіографическаго начала въ нихъ.

наиболѣе близкій къ ней—комедія Теренція «Adelphi», затѣмъ пьеса Лопе-де-Веги «La discreta enamorada», французская пьеса Лариве и т. д.; исторію сюжета можно бы начать еще раньше и найти первыя попытки обработать его въ старой греческой комедіи. Сопоставленіе противоположностей въ характерѣ двухъ братьевъ, столкновеніе двухъ нравственныхъ воззрѣній, контрастъ молодыхъ стремленій и старческаго консерватизма представляли слишкомъ благодарный матеріалъ для драматурговъ всѣхъ временъ. Мольеръ вступилъ, стало-быть, въ длинный рядъ передѣлывателей одной и той же темы, и самостоятельность, которую онъ выказалъ, обнаружила, до какой зрѣлости дошелъ уже его талантъ. Онъ одинъ сумѣлъ глубже вникнуть въ смыслъ взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, завѣщанныхъ ему традиціей, и тамъ, гдѣ Теренцій нашелъ лишь нѣсколько смѣшныхъ картинъ, онъ поставилъ на первомъ планѣ рядъ соціальныхъ вопросовъ. Старой морали онъ противополагаетъ гуманную терпимость, строгому надзору и вѣчной подозрительности къ женщинѣ предпочелъ полное довѣріе къ ея прямотѣ и честности и явился заступникомъ за свободу женской личности; не говоримъ уже о сатирическихъ чертахъ, разсѣянныхъ въ пьесѣ, заключающей въ себѣ раннія заявленія поэта въ пользу демократической простоты. Глашатаемъ положительныхъ взглядовъ онъ сдѣлалъ особое лицо, надѣливъ его благородной горячностью, которая дѣйствуетъ симпатично даже на позднѣйшихъ читателей, отвыкшихъ отъ стариннаго резонерства. Аристъ—родоначальникъ честныхъ людей въ мольеровскихъ комедіяхъ и выказываетъ уже тотъ непримиримый духъ, то, какъ говорили тогда, катоновское настроеніе, которое со временемъ ярко разгорѣлось у лучшаго изъ его потомковъ, Альцеста. Это—духъ, все болѣе оживлявшій автора, и его «добродѣтельные люди» потому и не производятъ впечатлѣнія блѣдныхъ тѣней или благонамѣренныхъ автоматовъ, что въ ихъ рѣчахъ чувствуется искренность и воодушевленіе живого человѣка. Воззрѣнія, высказанныя Аристомъ, должны были казаться необыкновенною новостью во французской комедіи, еще не привыкшей останавливаться на смыслѣ изображаемыхъ явленій и предпочитавшей смѣяться, чѣмъ обобщать и негодовать.

Но въ тѣхъ же рѣчахъ чувствуется примѣсь новаго элемента, который возвышаетъ автобіографическое значеніе пьесы. Слишкомъ проглядываетъ связь между вымысломъ и дѣйствительностью; когда вопросъ о бракѣ подвергается разностороннему обсужденію, когда притязанія старика Сганареля приковать къ себѣ молодую дѣвушку силой предаются позору, и наиболѣе симпатій придано порядочному человѣку, который не боится довѣриться прямотѣ и откровенности своей жены,—невольно отгадываешь въ этомъ анализѣ брачнаго вопроса отголоски

раздумья и тревоги самого поэта наканунѣ столь же рѣшительнаго шага. И мы врядъ ли ошибемся, предположивъ тутъ живую внутреннюю связь, хотя бы и не нашлось въ подтвержденіе достаточныхъ фактическихъ доказательствъ. Въ эту пору Арманда быстро превращалась изъ миловидной дѣвочки, m-lle Menou, какъ ее прозвали, въ граціозную и (судя по многимъ отзывамъ) необыкновенно плѣнительную дѣвушку. Въ наше время найдено и издано (Арсеномъ Гуссе [1]) и другими) не мало ея портретовъ изъ разныхъ возрастовъ, и, всматриваясь въ нихъ, легко повѣрить, что она должна была производить неотразимое впечатлѣніе. Хотя красавицей ее нельзя было назвать, но граціозность и изящная кокетливость заставляли забывать и недостаточную правильность чертъ, и неглубокій умъ, и легкомысліе. Даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ (выйдя во второй разъ замужъ за посредственнаго актера Guérin) она продолжала нравиться,—легко представить себѣ, какою она была въ переходную пору къ юности, когда порывы кокетства были еще смягчены наивной дѣвической простотой. Мольеръ поддался этому впечатлѣнію и, глядя на расцвѣтавшее существо, мечталъ о счастіи соединить когда-нибудь ея судьбу съ своею. Онъ утомился сердечными разочарованіями, и семейный очагъ манилъ его къ себѣ. Но разность лѣтъ (40 и 19) между нимъ, уже пожившимъ и усталымъ, и Армандой, только вступавшей въ жизнь, должна была часто мучить его,—и въ *Школѣ мужей*, гдѣ онъ попытался разобраться въ этомъ тревожномъ вопросѣ, онъ выработалъ себѣ, словами Ариста, примирительный исходъ въ гуманной формѣ брака, основаннаго на довѣріи (je veux m'abandonner à la foi de ma femme, et prétends vivre ainsi que j'ai vécu, говоритъ Аристъ). Послѣ одного изъ представленій этой пьесы онъ изъ театра направился въ церковь, сопровождаемый своими товарищами, и 20 февраля 1662 г. была отпразднована свадьба.

Искреннее увлеченіе заставило его сдѣлать роковую ошибку. Трудно было бы найти болѣе несоотвѣтствія между двумя натурами, осужденными жить вмѣстѣ. Арманда не была подготовлена къ роли тихой подруги, которую ей предназначалъ Мольеръ. Она слишкомъ долго ждала возможности высвободиться изъ-подъ власти матери, которая еще хотѣла нравиться и расположена была оттѣснять дочь, держать ее взаперти; ей хотѣлось замужества, какъ средства жить открыто, блистать, быть окруженной поклонниками. Возлѣ матери, въ актерскихъ, потомъ и въ придворныхъ кругахъ она наглядѣлась примѣровъ сомнительной мо-

---

1) Монументальное изданіе „Molière, sa femme et sa fille", in fol., 1880, слабое по тексту, но важное по множеству портретовъ и снимковъ; Арманда изображена въ нѣсколькихъ роляхъ.

рали, гдѣ постоянство и вѣрность поднимались на смѣхъ и гдѣ свѣтскія женщины соперничали въ искусствѣ интриги. Ожиданія тихаго счастья, высказанныя ея мужемъ, должны были показаться ей чѣмъ-то страннымъ, невыразимо скучнымъ. Да и онъ самъ не всегда оставался веселымъ собесѣдникомъ, какимъ она прежде помнила его, часто поддавался грусти, задумчивости, ждалъ отъ нея утѣшенія, и домъ все болѣе долженъ былъ казаться ей тюрьмой. Она захотѣла жить иначе; онъ, вѣрный своимъ взглядамъ, не помѣшалъ ей, продолжалъ вѣрить въ нее, но она не сумѣла остановиться, водоворотъ охватилъ и закружилъ ее, разладъ между супругами увеличивался и никогда не изгладился [1]). Исторія несчастнаго брака—самая печальная страница въ жизни Мольера; его послѣдствія тяжело налегли на всѣ его начинанія, горе подорвало его здоровье, свело его въ могилу, и отнынѣ сквозило во всѣхъ его произведеніяхъ, преслѣдовало его и раздражало, неразлучное съ нимъ почти какъ старое наше Горе-злосчастье.

Въ слѣдующей большой пьесѣ, *Школѣ женъ*, мы уже найдемъ отраженіе начинающагося разлада. Онъ еще не принялъ остраго характера, ограничился разочарованіями; въ промежуткѣ Мольеръ еще могъ написать такую бездѣлку, какъ *Les Fâcheux* для знаменитаго празднества, которымъ разбогатѣвшій интендантъ (министръ) финансовъ Фукэ задумалъ поразить короля въ своемъ замкѣ *Vaux*. Въ двѣ недѣли пьеска была написана, разучена, исполнена въ саду, на открытой сценѣ, очень понравилась королю злою насмѣшкой надъ пустоголовыми придворными кавалерами, выведенными тутъ въ качествѣ буффоновъ, и впервые сблизила поэта съ королемъ, который назначилъ субсидію его труппѣ. Самъ Мольеръ не придавалъ особаго значенія этой комедіи, которая основана на такомъ незатѣйливомъ сюжетѣ, какъ досадныя препятствія любовному свиданію, и къ тому же впервые была перемѣшана съ танцами и пѣніемъ, какъ дѣлали итальянцы. Это была просто писательская забава, и въ то время какъ Мольеръ дописывалъ эти веселыя сцены, у него зрѣлъ планъ новой серьезной работы, *Школы женъ*, которая была дана впервые 26 декабря 1662 года.

«Школа женъ» имѣетъ внутреннюю связь съ «Школой мужей», представляя еще болѣе полное развитіе той же темы; любовь и ревность, трагическій характеръ неравныхъ браковъ, торжество молодости надъ запретами и тираніей стараго поколѣнія, крайности мужского эгоизма, который можетъ сдѣлать отталкивающимъ даже умнаго и бывалаго человѣка, когда ему захочется, вопреки всему, обезпечить

---

[1]) **Сложный вопросъ о супружеской жизни М. всего полнѣе изслѣдованъ у Jules Loiseleur, Les points obscurs de la vie de Molière, 1877.**

себѣ постоянное наслажденіе,—таковы опять главныя черты пьесы, и герой ея, Арнольфъ, умышленно надѣленный свойствами «комическаго старика», достойно одураченъ. Всякій найдетъ страннымъ скорое возвращеніе поэта къ обработанному уже сюжету и, видя какъ слабо на этотъ разъ вліяніе источниковъ (новеллы Страпаролы, *Précaution inutile* Скаррона), естественно предположитъ внутреннюю потребность, руководившую Мольеромъ. Но недальновидные наблюдатели (въ ихъ числѣ съ удивленіемъ находимъ талантливаго Коклэна) [1]) затрудняются найти близость комедіи съ фактами жизни ея автора; Арнольфъ, говорятъ они, не можетъ быть портретомъ Мольера. Онъ отталкиваетъ своимъ брюзжаньемъ, чувственной алчностью и злобой, Мольеръ былъ всегда сторонникомъ человѣчности; къ тому же въ пору созданія «Школы женъ» разлада между нимъ и женою еще не было... Какъ будто для того, чтобъ облегчить душу, высказавъ волнующія его мысли въ произведеніи, огражденномъ отъ подозрѣній характеромъ вымысла, автору нужно буквальное соотвѣтствіе малѣйшей черты его характера съ дѣйствующимъ лицомъ и, кромѣ того, какъ будто именно желаніе скрыть сходство не должно внушить мысль усилить, сгустить краски! Пусть Арнольфъ выставленъ ворчуномъ, пусть онъ возводитъ въ идеалъ систему шпіонства и составляетъ житейскія правила для замужней женщины, отъ которыхъ первый отшатнулся бы Мольеръ,—зато это открываетъ возможность ввести подъ этой оболочкой душевную исповѣдь поэта, внезапно понявшаго, что онъ совершилъ тяжкую ошибку и долженъ ждать ея послѣдствій. Арнольфъ одураченъ, но онъ самъ шелъ на это, и такую развязку нельзя не назвать самобичеваніемъ. Разладъ еще не наступилъ, но тѣмъ печальнѣе предзнаменованія; удивленіе Арнольфа, пораженнаго перемѣной въ невинной дѣвочкѣ, и досадное сознаніе, что онъ все-таки ее любитъ и не можетъ высвободиться изъ этого колдовства,—все это черты выстраданныя, подлинныя, неясныя лишь для тѣхъ, кто не хочетъ ихъ видѣть.

Превосходно разыгранная, поражавшая непринужденностью слога, насмѣшекъ, комическихъ положеній, явно выбившаяся на свободу изъ-подъ гнета теорій, пьеса произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе, всегда оставалась любимымъ украшеніемъ репертуара и при жизни Мольера выдержала четыре изданія; мало того, она отмѣтила собою оживленную полосу въ литературной полемикѣ, и получила значеніе блестящей побѣды новыхъ художественныхъ началъ надъ рутиной. Запасъ злобы и досады, возбужденной успѣхами Мольера въ прежнихъ властителяхъ литературы и театра, и недружелюбіе, которое

---

1) L'Arnolphe de Molière, par C. Coquelin, 1882.

съ каждой новой комедіей чувствовали къ нему придворные, выразились въ ожесточенныхъ нападкахъ на «Школу женъ». Въ ней нашли неслыханное поруганіе вѣры и церковныхъ уставовъ (десять правилъ Арнольфа будто бы были пародіей на десять заповѣдей [1]) и т. п.), оскорбленіе цѣломудрія, нарушеніе всякихъ литературныхъ правилъ. О неприличіяхъ пьесы толковали въ салонахъ; борзописцы принялись за пародіи и обличенія; одни вопіяли противъ кощунства, другіе дѣлали Мольера политически-опаснымъ человѣкомъ, третьи— невѣждой и безграмотнымъ писакой. Оставаться безмолвнымъ въ виду ожесточенныхъ нападокъ было выше силъ, и Мольеръ отвѣчалъ на нихъ въ своеобразной пьескѣ, по непринужденности равной лишь аристофановскимъ пріемамъ,—въ «Критикѣ на Школу женъ»; когда же натискъ и послѣ того не ослабѣлъ, и нѣсколько комедій и памфлетовъ [2]) извергли на Мольера всякія хулы, онъ выступилъ за нею вслѣдъ еще болѣе крохотную бездѣлку, «Версальскій экспромптъ». Въ обоихъ полемическихъ произведеніяхъ онъ впервые высказываетъ свою писательскую *profession de foi*. Презрѣніе къ стѣснительной теоріи поэзіи [3]) въ немъ столь же сильно, какъ и негодованіе на ханжество, притворную добродѣтель и религіозность его противниковъ. Если ему уже приходилось вести походъ противъ старыхъ взглядовъ на семью, бракъ, женщину, воспитаніе, онъ прибавилъ теперь многое къ числу застарѣлыхъ язвъ общественныхъ, а какъ комическій писатель, возбудилъ возстаніе противъ рутины, ратуя за свободу творчества и близость къ дѣйствительности. Вмѣстѣ съ предисловіями и объяснительными письмами къ *Тартюффу* и *Мизантропу*, заявленія, сдѣланныя Мольеромъ во время спора изъ-за «Школы женъ», даютъ полное представленіе о независимыхъ литературныхъ его убѣжденіяхъ. Смѣлость его доставила ему скоро приверженцевъ; Буало и Лафонтенъ раньше другихъ подошли къ нему; послѣдній былъ въ пол-

---

1) G. Lanson высказалъ предположеніе, что они были пародіею стансовъ Desmarest, „Préceptes de mariage de Saint Grégoire de Nazianze, envoyés à Olympia le jour de ses noces", 1640.—Revue polit. et littér., 1900, № 22.

2) Le Portrait du Peintre, Бурсо; Zélinde, Де-Визе; La vengeance des marquis, его же; L'impromptu de l'hôtel de Condé, Монфлери; Nouvelles nouvelles ou conversation comique sur les oeuvres de Mr. de Molière, Робине. За Мольера заступился лишь неизвѣстный авторъ Guerre comique ou Défense de l'Ecole des femmes.

3) „Какъ смѣшны вы съ вашими правилами, которыми вы только затрудняете невѣждъ и оглушаете насъ! Послушавъ васъ, подумаешь, что эти правила—величайшія міровыя тайны, а между тѣмъ это—просто непринужденныя наблюденія, сдѣланныя здравымъ смысломъ, надъ тѣмъ, что можетъ умалить наше удовольствіе при чтеніи поэмъ въ этомъ родѣ. Тотъ же здравый смыслъ можетъ и теперь производить свои наблюденія, не справляясь съ Гораціемъ и Аристотелемъ" (сцена 7).

номъ восторгѣ; j'en suis ravi, car c'est mon homme, говорилъ онъ и совѣтовалъ не сходить съ пути вѣрнаго изображенія природы (maintenant il ne faut pas quitter la nature d'un pas).

Долго не могла уняться взволнованная шайка противниковъ, которая старалась вредить Мольеру и доносами, обвинявшими его въ томъ, будто онъ женатъ на своей незаконной дочери. Но отнынѣ король былъ на его сторонѣ, и многія изъ этихъ усилій оставались безуспѣшными. Между поэтомъ, въ такой степени любившимъ независимость, и надменнымъ автократомъ устанавливалась близость, составляющая одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ человѣческихъ отношеній. Она не удивитъ насъ, если мы посмотримъ на нее, какъ на бракъ по разсудку. Людовикъ XIV никогда не понималъ великаго значенія Мольера и, говорятъ, былъ удивленъ, услыхавъ однажды отъ Буало, что Мольеръ—первый писатель вѣка; онъ видѣлъ въ немъ прежде всего талантливую натуру, изобрѣтательную и веселую; ему можно было поручить устройство празднества, сочиненіе небольшой пьесы, постановку спектакля, и въ короткое время все поспѣвало точно чудомъ; среди подобострастія двора королю нравилась типическая личность писателя и, видя, какъ дворъ и столичное общество идутъ противъ него, онъ могъ принять его именно потому подъ свою защиту; наконецъ, стремясь къ непомѣрному увеличенію власти и враждебно смотря на остатокъ прерогативъ дворянства, онъ могъ находить особое удовольствіе въ томъ, что Мольеръ, изъ совершенно иныхъ видовъ, все рѣшительнѣе избиралъ это сословіе предметомъ сатиры. Самъ же поэтъ, видя себя съ каждой новой пьесой окруженнымъ врагами, свыкался съ мыслью, что поддержка короля можетъ имѣть для него важное значеніе; онъ не поступался убѣжденіями, и если иногда благодарственныя заявленія его звучали нѣсколько торжественно, то въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ принятому придворному жаргону. Въ отплату за поддержку онъ дѣйствительно готовъ былъ при случаѣ помочь, чѣмъ могъ, ставя экспромптомъ спектакль, импровизируя легкую пьеску или представленіе съ балетомъ и аріями. Такъ возникли вещицы въ родѣ «L'Amour médecin, Psyché, Melicerte, Les Amans magnifiques» и т. д., на которыя онъ никогда не смотрѣлъ серьезно.

Съ каждымъ годомъ положеніе Мольера, и какъ писателя, и какъ человѣка, становилось тяжелѣе, но боевой задоръ, неослабѣвающая энергія поддерживали его на трудномъ посту. Годъ за годомъ проходили въ непрерывныхъ битвахъ [1]). Вражда къ нему все разгоралась;

---

[1]) „Боевые годы“ жизни Мольера удачно характеризованы въ новѣйшей популярной его біографіи, изъ серіи „Geisteshelden“, „Molière, v. Prof. H. Schneegans, Berlin, 1902 г.

испытавъ всѣ обыкновенные способы мщенія, она съ особымъ стараніемъ культивировала всегда опасную систему религіозныхъ извѣтовъ; изъ-за нѣсколькихъ неосторожныхъ словъ въ «Школѣ женъ» и опираясь на слухи о свободныхъ воззрѣніяхъ Мольера на предметы вѣры, его выставляли безбожникомъ и вольнодумцемъ, и свѣтскіе люди, которымъ подобные вопросы были совершенно чужды, вторили нетерпимости явныхъ клерикаловъ. Среди придворной распущенности скоплялись первые признаки искуснаго притворства, которое впослѣдствіи умѣло мирить тайный развратъ съ подвижническою внѣшностью. Для людей этого рода должны были казаться вдвое опасными защитники развитія и нравственности, будутъ ли они глубоко вѣрующими, подобно Паскалю, скептиками въ родѣ Ларошфуко, или заступниками за здравый смыслъ и честность, какъ Мольеръ. Кучка новыхъ людей одиноко стояла въ виду надвигавшейся реакціи, предводимой іезуитами. Опасность была близка, хотя торжество ханжества еще не наступило,—но именно поэтому слѣдуетъ зачесть въ особую заслугу Мольеру, что онъ одинъ изъ первыхъ замѣтилъ признаки опасности, забилъ тревогу и бросился на врага. Какъ кажется, онъ задумалъ «Тартюффа» не безъ вѣдома короля,—и это легко допустить: Людовикъ еще былъ слишкомъ молодъ, едва вышелъ изъ опеки матери и Мазарена и тяготился нравоученіями своихъ клерикальныхъ совѣтниковъ. Возможно, что онъ сообщалъ Мольеру анекдоты изъ интимной жизни епископовъ, которые могли найти мѣсто въ его комедіи, и что Людовикъ, зная ея содержаніе лишь въ общихъ чертахъ, могъ даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ ожидать примѣрнаго урока ханжамъ. Но, конечно, онъ не въ состояніи былъ представить себѣ, во что превратится фабула въ рукахъ Мольера, и разсчитывалъ, что пышныя версальскія празднества (Les plaisirs de l'île enchantée) 1664 года будутъ особенно удачны, благодаря неожиданному для всѣхъ трагикомическому эпизоду.

Съ необыкновенною предусмотрительностью готовился Мольеръ къ рѣшительному шагу. Кромѣ «Тартюффа», какъ будто для отвлеченія вниманія, написалъ онъ въ подражаніе комедіи испанца Морето чувствительную пьеску «*La princesse d'Elide*» и подъ ея прикрытіемъ выпустилъ первые три акта главной пьесы; кромѣ того, въ видѣ громоотвода, онъ набросалъ нѣсколько привѣтственныхъ стиховъ въ честь королевы-матери, чье святошество могло навлечь серьезныя опасности на комедію; наконецъ, для перваго представленія онъ избралъ не Парижъ, гдѣ группировались руководители враждебной ему клики, предводимой архіепископомъ Перефиксомъ, но версальскій дворъ. Очевидно, ему дорого было провести свою пьесу между всѣми подводными камнями, и созданіе ея болѣе чѣмъ когда-либо подчинено было строго обдуман-

ному во всѣхъ мелочахъ плану. Выпущенная потомъ, во время гоненій на пьесу, безыменная брошюра «Lettre sur la comédie de *l'Imposteur*», принадлежащая, по нашему мнѣнію, въ значительной степени перу самого Мольера, подтверждаетъ это вполнѣ, выставляя идеалъ общественнаго служенія литературы и возвышенную теорію смѣха.

Глубокій интересъ автора къ создаваемой пьесѣ отразился и на прогрессѣ художественныхъ пріемовъ. Для главнаго лица Мольеръ взялъ нѣсколько подлинныхъ чертъ у современниковъ, извѣстныхъ ханжествомъ (аббата Рокетта, Ламуаньона, отца Лашэза), воспользовался слышанными имъ анекдотами о продѣлкахъ и плутняхъ различныхъ крупныхъ и мелкихъ Тартюффовъ (такой анекдотъ лежитъ, наприм., въ основѣ введеннаго въ комедію эпизода о шкатулкѣ съ компрометирующими бумагами; это продѣлка нѣкоего père Ithier съ принцемъ Конти), ввелъ нѣсколько подробностей, заимствованныхъ изъ литературныхъ источниковъ (конецъ третьяго акта построенъ на мотивѣ изъ повѣсти Скаррона; есть заимствованія у Рабле, Ренье, испанца Барбадильо, Аретина (изъ ком. «l'Ipocrito»); въ послѣднее время указано сходство съ итальнской импровизованной комедіей Фламинія Скалы 1611 г.) [1]). Но всѣ эти черты превратились въ психологически-вѣрный *типъ*, совмѣщающій въ себѣ всѣ отличительныя свойства ханжи. Это не портретъ отдѣльной личности, а между тѣмъ онъ можетъ быть приложенъ ко многимъ; онъ изображаетъ ипокрита, какимъ его создали общественныя условія во Франціи 17 вѣка, и въ то же время этотъ характеръ остается вѣрнымъ всегда, обладая свойствами общечеловѣческими. Передъ нами не только тайный іезуитъ, искусно внѣдряющійся въ семьи, алчный на добычу и имѣющій всѣ особенности монашескаго сластолюбія,—въ немъ заклеймены основныя черты, свойственныя всѣмъ оттѣнкамъ притворства, какую бы форму оно ни принимало. Оттого-то имя Тартюффа стало навсегда нарицательнымъ и примѣнялось въ литературныхъ произведеніяхъ, касавшихся той же темы, и въ обиходномъ разговорномъ языкѣ ко множеству разновидностей притворства въ области политики, нравственности, народничанья и т. д. Зато если у «Тартюффа» немало предшественниковъ (начиная съ среднихъ вѣковъ, наприм., съ превосходной характеристики лицемѣра Faux-Semblant въ Романѣ о Розѣ), то въ свою очередь онъ является родо-

---

[1]) Къ этимъ источникамъ, чье вліяніе подробно разсмотрѣно въ моей книгѣ „Тартюффъ, исторія типа и пьесы", 1879, прибавимъ романъ Шарля Сореля „Polyandre", статьи Монваля въ „Moliériste", 1888, и Эдуарда Тьерри, въ Revue d'art dramatique, 1893, августъ.

начальникомъ цѣлой галереи однородныхъ характеровъ, нисходящей до начала двадцатаго вѣка [1]).

Указавъ на общественную опасность отъ распространенія ханжества, Мольеръ постарался выяснить, какими значительными силами располагаетъ оно въ государствѣ. Въ комедіи намѣчено нѣсколько лицъ, которыя всегда будутъ поддерживать всѣхъ Тартюффовъ; это суевѣрная мать Оргона, слѣпо вѣрующая въ «святого человѣка», самъ Оргонъ, на время совершенно подпадающій его вліянію, двѣ свѣтскихъ женщины, портреты которыхъ набрасываетъ Клеантъ, приставъ Лояль, являющійся съ офиціальной поддержкой плутней Тартюффа; наконецъ, что еще важнѣе, мы узнаемъ, что у проныры масса тайныхъ сообщниковъ во всѣхъ слояхъ, что они составляютъ сѣть, совершенно опутавшую общество и обнаруживающую свою силу при каждомъ поводѣ. Тартюффъ оттого такъ смѣлъ и безнаказанъ, что у него есть рука и въ судѣ, и въ полиціи, и при дворѣ, и у архіепископа. Онъ искусно пользуется услугами организаціи и, какъ только это ему нужно, выдвигаетъ впередъ доносъ о политической неблагонадежности Оргона, зная, что на другой день послѣ междоусобій это — самый вѣрный способъ отдѣлаться отъ врага. Его доносъ имѣетъ успѣхъ и доходитъ до короля; беззаконіе готово совершиться, и только неожиданное вмѣшательство Людовика спасаетъ Оргона. Эта развязка часто порицалась, и конечно, съ художественной стороны, не безъ основанія; но помимо того, что она несомнѣнно прибавлена изъ цензурныхъ соображеній, нельзя не видѣть и въ ней злой сатиры на такой порядокъ вещей, гдѣ полнѣйшее беззаконіе требуетъ немыслимаго вмѣшательства высшей власти въ каждый фактъ насилія или несправедливости. За исключеніемъ этого невольнаго промаха «Тартюффъ» въ художественномъ отношеніи первенствуетъ въ ряду мольеровскихъ пьесъ [2]); экспозиція, т.-е. вступительное разъясненіе сюжета, считается въ немъ образцовою, втягивая зрителей съ первыхъ же сценъ въ водоворотъ интриги; замедленное появленіе героя, показывающагося на сценѣ лишь въ третьемъ актѣ, усиливаетъ ожиданіе, тѣмъ болѣе, что изъ чужихъ рѣчей мы узнаемъ массу подробностей о характерѣ

---

1) Новѣйшій этюдъ, характеризующій видоизмѣненія, внесенныя въ типъ Тартюффа французскою литературою 19 вѣка,—Стендалемъ, Бальзакомъ, Зола, Фабромъ и др., сдѣланъ въ остроумной статьѣ Gustave Kahn, „De Tartuffe à Ces Messieurs“, Revue Blanche, 1902, I.

2) Въ числѣ комментаріевъ къ „Тартюффу“ видное мѣсто заняла въ послѣднее время книга бывшаго артиста Comédie française, П. Ренье, „Le Tartuffe des comédiens“, P. 1896, гдѣ не только всѣ главные характеры, но стихъ за стихомъ и весь текстъ пьесы объяснены въ видахъ *сценическаго* исполненія.

и положеніи Тартюффа въ домѣ; единство дѣйствія, центромъ котораго постоянно остается Тартюффъ, выдержано вполнѣ, и мастерская характеристика главнаго дѣйствующаго лица обставлена живыми личностями Оргона, Пернеллы, Эльмиры и даже Клеанта, устами котораго энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, заговорили оскорбленный здравый смыслъ и прямодушіе.

Такая отважная сатира не могла подойти подъ веселый складъ празднества; тѣмъ не менѣе въ Версалѣ первое впечатлѣніе было, повидимому, довольно благопріятное. Но какъ только молва о пьесѣ достигла Парижа, враждебный лагерь встрепенулся. Подѣйствовали на архіепископа, возбудили гнѣвъ королевы-матери, чей характеръ довольно близко напоминалъ Пернеллу, наконецъ осыпали короля жалобами и извѣтами, требуя запрещенія пьесы, будто бы осмѣивающей все священное въ человѣческой жизни. Архіепископъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запретилъ читать, слушать и смотрѣть, публично или въ частномъ кругу, такую безнравственную пьесу. Король не устоялъ въ виду общаго натиска и, какъ кажется, противъ воли согласился на запрещеніе *публичнаго исполненія* пьесы ,при чемъ однако не захотѣлъ предать осужденію намѣреніе автора, но сослался лишь на то, что не всѣ будутъ въ состояніи понять, что комедія имѣетъ въ виду ложную набожность. Но Мольеръ, возмущенный кабалой, далъ себѣ обѣщаніе во что бы то ни стало отстоять свое право, если бы даже пришлось пожертвовать частностями пьесы. Онъ принялся за ея передѣлку, или вторую ея редакцію, которая, какъ и первая, до насъ не дошла. Онъ принудилъ себя исключить нѣсколько мѣстъ, которыя могли считаться пародіей на слова молитвъ или указаніями на церковные обряды; онъ снялъ съ Тартюффа, названнаго теперь Панюльфомъ, полумонашеское платье, слишкомъ обличавшее происхожденіе его, и одѣлъ его свѣтскимъ человѣкомъ, съ претензіями на изящество, со шпагой, кружевными маншетками, давъ понять, что онъ—тайный агентъ іезуитства, не брезгающій мірскими привычками, лишь бы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Мольеръ докончилъ пьесу, и хотя въ двухъ послѣднихъ актахъ и повторилъ нѣкоторыя изъ положеній, выведенныхъ раньше и теперь усиленныхъ, зато сдѣлалъ Тартюффа ябедникомъ и доносчикомъ и поднялъ въ зрителѣ еще болѣе желчи противъ него. Тогда же, вѣроятно, ввелъ онъ и извѣстную намъ развязку. Пьеса, задуманная, быть-можетъ, въ болѣе веселомъ духѣ и намѣревавшаяся потѣшиться надъ судьбою влюбленнаго ханжи, принимала сумрачный характеръ. Ея нападки на враговъ свободной мысли и на служителей суевѣрія и тьмы шли параллельно съ такою же энергической борьбой, которую велъ въ религіозной области Паскаль,—и не

даромъ, потому что во многихъ обличеніяхъ безстыдныхъ «сдѣлокъ съ небомъ», которыя выставляетъ Мольеръ, чувствуется вліяніе знаменитыхъ «Писемъ къ провинціалу», опиравшихся на непосредственное изученіе современной казуистической литературы. Но самая эта близость комедіи съ страстнымъ религіозно-полемическимъ произведеніемъ не показываетъ ли, какой громадный прогрессъ сдѣлала въ серьезности и соціальномъ значеніи французская и вообще новоевропейская комедія благодаря Мольеру!

Въ измѣненномъ видѣ Мольеръ пытался поставить пьесу на частныхъ сценахъ, въ загородныхъ замкахъ, у немногихъ свободомыслящихъ членовъ королевской семьи, даже у папскаго нунція, но и это не приблизило избавленія. Напротивъ того, одинъ фанатическій парижскій священникъ въ брошюрѣ, посвященной королю [1]), потребовалъ для Мольера смерти на кострѣ... Пришлось отложить мысль о постановкѣ, и это терзаніе изъ-за любимой пьесы стало для Мольера вѣчно ноющей раной. Оно совпало и съ семейнымъ разладомъ, все болѣе обострявшимся. Арманда входила во вкусъ свѣтской жизни; со времени версальскихъ празднествъ, гдѣ она явилась обворожительной, въ легчайшемъ, почти незамѣтномъ костюмѣ, она была на виду у двора и окружена толпой обожателей. Мольеру приходилось иногда уѣзжать изъ дому отъ окружавшаго сумбура; въ задумчивости бродилъ онъ тогда по любимому имъ Отэйльскому лѣсу, гдѣ потомъ выстроилъ себѣ дачу; въ Парижѣ онъ вскорѣ отдѣлилъ для себя нижній этажъ, предоставивъ шумной компаніи своей жены предаваться удовольствіямъ въ верхнемъ этажѣ. Его попытки сойтись съ Армандой были тщетны; по временамъ возстановлялся миръ, потомъ все снова шло въ разладъ. Къ стыду своему, Мольеръ сознавалъ, что не перестаетъ любить Арманду [2]), при первомъ поводѣ забывалъ все и снова идеализировалъ ее. Въ минуты ревности онъ не могъ не негодовать на то, что ему предпочитаютъ свѣтскихъ вертопраховъ, безмѣрно ниже его по уму и чувству. Когда же, во время тревоги изъ-за «Тартюффа», онъ увидалъ въ про-

---

[1]) Le roy glorieux au monde, соч. священника церкви Saint-Barthélemy, Пьера Рулле.

[2]) Разговоръ Клеонта съ Ковьеллемъ, „Мѣщанинъ во дворянствѣ", III, сц. IX, несомнѣнно выражаетъ это душевное состояніе автора. Клеонтъ, раздраженный мнимымъ охлажденіемъ Люсили, проситъ своего наперсника говорить о ней какъ можно больше дурного, перечислять ея недостатки, но при каждой нападкѣ прерываетъ его. „У нея большой ротъ...—Но какая очаровательная улыбка!—Она мала ростомъ.—Но зато какая она воздушная, стройная!..—Глаза у нея маленькіе.—Конечно, они невелики. Но зато сколько въ этихъ глазахъ огня! Такихъ блестящихъ, жгучихъ, нѣжныхъ глазокъ не найдешь въ цѣломъ мірѣ", и т. д.

тивномъ лагерѣ и этихъ господчиковъ, которые входили во вкусъ утонченнаго притворства и распинались за религію, хотя въ душѣ ставили ее ни во что,—онъ не могъ долѣе удержаться и далъ волю мести въ *Донъ-Жуанѣ* (1665), написанномъ сгоряча, въ возбужденномъ состояніи, и тѣсно связанномъ по мысли съ многострадальнымъ «Тартюффомъ».

Уже не въ первый разъ приходилось Мольеру выводить дворянина, придворнаго, въ качествѣ комической личности; въ «Версальскомъ Экспромптѣ» онъ заявилъ, что *маркизу* пора сдѣлаться присяжнымъ шутомъ, потѣшнымъ лицомъ (le plaisant) комедіи; таково его значеніе въ «Les Fâcheux». Но остановиться на такомъ поверхностномъ пріемѣ было невозможно для Мольера,—слишкомъ хорошо пришлось ему узнать нравственную испорченность и вредное общественное вліяніе этого класса людей,—и подобно тому, какъ отдѣльныя нападки на ханжество, разсѣянныя въ его раннихъ комедіяхъ, сливаются въ отталкивающій образъ Тартюффа и пріобрѣтаютъ соціальное значеніе, такъ и *Донъ-Жуанъ* является центральнымъ типомъ для обширной группы предшествующихъ и послѣдующихъ комедій Мольера, въ которыхъ сосредоточена борьба противъ могущества аристократіи. Эта борьба, равносильная по энергіи тяжкому пораженію, которое Мольеръ нанесъ клерикализму, составляетъ соціальную заслугу его творчества. Ничто не было въ состояніи остановить его натиска; то разбиваетъ онъ врага въ частностяхъ, то наноситъ ему ошеломляющій ударъ. Его симпатіи или на сторонѣ народа, изъ среды котораго выходятъ разнообразные представители плебейскаго здраваго смысла и чуткой честности въ его комедіяхъ, Сганарели, Дорины, эти предшественники Фигаро [1]), или же онѣ съ тою здоровою частью буржуазіи, которой вскорѣ суждено было образовать «среднее сословіе». Онъ старается разрушить въ его глазахъ обаяніе знати. «Мѣщанинъ въ дворянствѣ» жестоко осмѣялъ нелѣпую попытку тянуться во что бы то ни стало за барствомъ, которое прививаетъ лишь пошлость и позоръ; представители этого сословія являются въ комедіи чуть ли не самыми безстыдными изъ грабителей, обирающихъ довѣрчиваго Журдена. Въ «Жоржѣ Данденѣ» опять варіація на ту же тему, осложненная новымъ мотивомъ—неравнымъ бракомъ «мѣщанина» съ дворянкой; опять на сторонѣ аристократіи самая плачевная роль, и несчастному Жоржу Дандену приходится биться въ сѣтяхъ интриги и обмана, устроенныхъ на слишкомъ искусный для него свѣтскій манеръ. Въ «Амфитріонѣ» Мольеръ перенесъ свою картину

---

[1]) Характеристику ихъ съ этой стороны сдѣлалъ Henri Davignon въ кн. „Molière et la vie“, 1904 (глава „Molière et les petites gens“).

въ очагъ придворной жизни и въ яркомъ свѣтѣ выставилъ раболѣпіе и ничтожество, которыя скрываются отъ взоровъ низшихъ существъ подъ личиной гордости и родовой чести. Но всѣ отдѣльныя черты слились въ собирательномъ образѣ Донъ-Жуана, который поэтому является самымъ тяжкимъ ударомъ, нанесеннымъ французской аристократіи въ семнадцатомъ вѣкѣ,—и если въ слѣдующемъ столѣтіи будутъ указывать на «Свадьбу Фигаро», какъ на одно изъ могущественныхъ орудій въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ, то справедливость требовала бы признать, что феодальный ореолъ стараго барства уже въ сильной степени пострадалъ отъ мольеровскаго «Донъ-Жуана».

Умѣнье понять общественное значеніе личности, завѣщанной традиціею, ставитъ его переработку легенды о Донъ-Жуанѣ безмѣрно выше всѣхъ. Тема, которая стала извѣстна Мольеру изъ итальянскихъ и французскихъ передѣлокъ пьесы Тирсо де-Молины, должна была показаться ему особенно благодарной во время тревогъ, которыя онъ терпѣлъ отъ коалиціи духовенства и знати изъ-за «Тартюффа». Уже у предшественниковъ Мольера Жуану приданы были черты, позволяющія счесть его атеистомъ. Мольеръ превосходно воспользовался этимъ, но не въ цѣляхъ вульгарнаго обличенія и назиданія. Ему нужно было сдѣлать Донъ-Жуана также и притворщикомъ, аристократическимъ Тартюффомъ; ему недостаточно было легкихъ очертаній характера сластолюбиваго вѣтреника; онъ хотѣлъ настоять на томъ, что подобныя личности создаются и выдвигаются именно дворянской средой, что ея привилегіи, безнаказанность и роскошничанье, вскормленныя трудомъ народныхъ массъ, доставляютъ такому человѣку возможность беззаботно скользить по жизни, позоря для своего развлеченія честь, любовь, доброе имя и завѣтныя убѣжденія другихъ. Для такого оттѣнка характеристики богатый матеріалъ давала Мольеру окружавшая его жизнь; очень вѣроятно, что для нѣкоторыхъ чертъ Жуана, какъ волокиты, онъ имѣлъ въ виду двухъ свѣтскихъ людей, въ которыхъ его ревность угадывала счастливыхъ поклонниковъ его жены; притворство религіозное, которымъ онъ надѣлилъ героя, онъ могъ изучить на живомъ примѣрѣ своего школьнаго товарища, принца Конти, превратившагося послѣ распущенной, почти цинической молодости въ святошу, заклятаго врага всѣхъ удовольствій и особенно театра [1]. Но если немногія заимствованія изъ литературныхъ источниковъ не могутъ затемнить въ пьесѣ преимуществъ самостоятельности и глу-

---

[1]) Ему принадлежитъ любопытный во многихъ отношеніяхъ „Traité de la comédie et des spectacles", 1666; вновь изданъ Карломъ Фольмеллеромъ въ Гейльброннѣ, 1881.

бины взгляда, то и это отношеніе комедіи къ опредѣленнымъ лицамъ не придаетъ ей характера *личной* мести (впослѣдствіи Мольеръ счелъ долгомъ въ нарочно сочиненномъ прологѣ къ «Ученымъ Женщинамъ» заявить со сцены во всеуслышаніе, что онъ въ своихъ комедіяхъ не мѣтилъ на личности). Она дышитъ негодованіемъ противъ порока, грозящаго всему обществу, противъ безправія, которое отдаетъ его въ рабскую зависимость знатнымъ Донъ-Жуанамъ. Какъ въ отношеніи клерикализма, онъ выказалъ еще разъ замѣчательную прозорливость; зло, имъ обличенное, все усиливалось,—въ концѣ столѣтія не сдѣлался ли самъ Людовикъ XIV коронованнымъ *мольеровскимъ* Донъ-Жуаномъ, съ христіанской скромностью, даже изувѣрствомъ на устахъ и сластолюбіемъ на умѣ?

Въ новомъ поворотѣ, приданномъ легендѣ, заключается объясненіе того съ виду страннаго факта, что пьеса Мольера вызвала сильнѣйшую оппозицію, тогда какъ другія переработки той же темы могли безпрепятственно держаться на сценѣ. То были невинные фарсы, арлекинады, или слишкомъ поучительныя назиданія,—здѣсь же (несмотря на фантастичность обстановки, настолько искусной, что полеты, провалы и видѣнія очаровывали публику) комедія спускалась до глубины жизни, поднимала вопросы о положеніи народа, о неравенствѣ сословій, клеймила безнравственность и безчестность лицъ сильныхъ и родовитыхъ. Снова поднялась на ноги клика, успѣвшая погубить «Тартюффа». Придраться было къ чему; опять мнимое кощунство, опять рѣзкости героя, приписанныя автору, оскорбленіе, нанесенное будто бы (въ сценѣ съ нищимъ) церкви и христіанской нравственности, которой предпочтена какая-то атеистическая *гуманность* (Humanité). Всѣ нападки собраны были въ полемической брошюрѣ «Observations sur une comédie de Molière intitulée le Festin de Pierre», грубо и злобно написанной адвокатомъ Барбье д'Окуромъ, скрывшимся подъ псевдонимомъ Рошмона, и Мольеру снова пришлось съ чьею-то анонимной помощью отвѣчать встрѣчной брошюрой [1]). Тѣмъ не менѣе подкопъ удался, хоть и не скоро; послѣ пятнадцати представленій пьеса была снята со сцены, несмотря на то, что въ ней были сдѣланы значительныя измѣненія и исключена сцена съ нищимъ. Комедія осталась и послѣ этого зловредною; въ ней отыскали новыя поруганія вѣры, на этотъ разъ въ словахъ Сганареля, который, излагая *свое* толкованіе религіи, опять

---

1) **Lettre sur les Observations d'une comédie du sieur Molière intitulée Le Festin de Pierre, 1665. Начиная съ того мѣста, которое открывается словами: „L'on est, en vérité, bien embarrassé lorsqu'on veut répondre à des gens qui se mêlent de parler de choses qu'ils ne connaissent point", слышится какъ будто голосъ самого Мольера.**

не могъ удовлетворить святошъ, открывшихъ явно еретическія мысли, культъ божества, не имѣющаго ничего общаго съ христіанскимъ Богомъ. Долго пришлось и этой пьесѣ находиться подъ запретомъ; печатные ея экземпляры были истреблены, несмотря на то, что въ нихъ сцена съ нищимъ была заклеена; въ довершеніе всего Томасу Корнелю поручено было (по смерти Мольера) «исправить» ее, и она довольно долго исполнялась въ этомъ обезображенномъ видѣ...

Настойчивость, съ которою коалиція враговъ Мольера,—la cabale, какъ ее называли тогда [1]),—состоявшая изъ вліятельныхъ людей въ высшемъ свѣтѣ, въ магистратурѣ и духовенствѣ, выхватывала у власти одну за другою карательныя мѣры противъ поэта, представляетъ любопытную страницу въ исторіи царствованія Людовика XIV. Деспотъ, передъ которымъ, казалось, все сгибалось, принужденъ былъ дѣлать уступки группѣ людей, не имѣвшихъ въ глазахъ его никакой законной организаціи и права возвышать свой голосъ. Единственнаго объясненія уступчивости нужно искать въ томъ, что противники Мольера искусно выбирали главное полемическое оружіе и переводили вопросъ на церковную почву, гдѣ король не смѣлъ еще выказывать себя самоуправнымъ повелителемъ; строгая мать его, находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ епископовъ, еще была жива, и многое приходилось дѣлать, чтобъ не раздражить ея. Людовикъ, желая показать, что не раздѣляетъ взглядовъ кабалы, демонстративно принялъ, во время борьбы изъ-за «Донъ-Жуана», мольеровскую труппу въ свою службу и назначилъ ей большую субсидію; онъ пошелъ даже дальше и *на словахъ* обѣщалъ Мольеру позволить постановку «Тартюффа» въ измѣненномъ видѣ, но, когда въ Парижѣ дѣло дошло до перваго спектакля, онъ не въ силахъ былъ помѣшать вторичному запрещенію пьесы, хотя милостиво принялъ новое прошеніе (placet) Мольера, гдѣ краснорѣчиво и съ убѣжденіемъ авторъ отстаивалъ свободу анализа и обличенія. Когда назначено было первое представленіе, король былъ съ войсками на сѣверѣ Франціи, и первый президентъ парламента, Ламуаньонъ, человѣкъ честный, но недалекій и возстановленный клерикальными друзьями противъ пьесы, не успѣвъ предупредить соблазна, запретилъ ее своею властью, ссылаясь на то, что не имѣетъ письменнаго приказа отъ короля, и зрители, пришедшіе на второй спектакль, нашли двери театра запертыми и охраняемыми стражей. Снова битва была проиграна,—и

[1]) Интимная исторія этой клерикальной ассоціаціи, которая величала себя „La compagnie du Saint-Sacrément“, изложена въ спеціальномъ трудѣ Raoul Allier: „La cabale des dévots“ (1627—1666), P. 1902, гдѣ собраны авторомъ, взявшимъ на себя объяснить и оправдать поступки этого общества, данныя, говорящія о *полезной* ея работѣ.

когда, въ отчаяніи, Мольеръ отправилъ двухъ товарищей-актеровъ въ лагерь къ королю, они могли добиться лишь уклончиваго обѣщанія, что онъ, по возвращеніи поручитъ кому-нибудь пересмотрѣть пьесу, и тогда, можетъ-быть, разрѣшитъ ее для сцены. Всѣ эти терзанія, продолжавшіяся безпрерывно нѣсколько лѣтъ, въ связи съ семейными невзгодами, глубоко потрясли организмъ Мольера. Болѣзни часто стали посѣщать его: тогда уже начался изнурительный кашель, который долженъ былъ свести его въ могилу, нервы его разстроились и, пораженный разъ страшной галлюцинаціей, онъ упалъ у воротъ своего дома, куда преграждалъ ему входъ громадный призракъ. Тяжкая болѣзнь, вынесенная Мольеромъ въ 1667 году, оставила глубокіе слѣды на его характерѣ и настроеніи. Чаще прежняго сталъ онъ уединяться, предаваться меланхолическимъ мыслямъ; жизнь и люди, окружавшіе его, становились все постылѣе, слишкомъ много разочарованій скопилось въ душѣ. Въ такомъ настроеніи легко впасть въ крайнюю, непримиримую и неразборчивую злобу на все человѣчество, легко сдѣлаться угрюмымъ нелюдимомъ и человѣконенавистникомъ въ родѣ классическаго Тимона аѳинскаго, этого родоначальника всего поколѣнія мизантроповъ. Но натура Мольера была иная: при всемъ негодованіи на существующій порядокъ вещей и общественную деморализацію онъ никогда не утрачивалъ идеальной вѣры въ возможность обновленія, продолжалъ вѣрить, что еще есть и всегда будутъ честные и прямодушные люди, для которыхъ стоитъ трудиться. Вокругъ него ихъ было еще слишкомъ мало,—кружокъ, къ которому можно было приложить названіе свободныхъ мыслителей, былъ на перечетъ [1]). Но хотѣлось думать, что вездѣ, въ народной массѣ, въ глуши, таятся безвѣстныя личности, которыя тѣмъ же возмущаются, къ тому же стремятся, какъ и поэтъ. Къ подобному настроенію не слѣдовало бы вовсе прикладывать ходячаго прозвища мизантропіи. Такой человѣкъ можетъ презирать господствующее направленіе мысли въ современномъ поколѣніи, но онъ не презираетъ человѣчества и, увидавъ хоть слабый признакъ поворота къ лучшему, съ радостью пошелъ бы ему навстрѣчу. Если бы нужно было сравнить подобный оттѣнокъ мизантропіи, то развѣ только съ тѣмъ привлекательнымъ при всей своей строгости типомъ *правдолюбовъ*, которыхъ мы встрѣчаемъ изрѣдка въ исторіи каждаго народа,—горячихъ и невоздержныхъ на языкъ, громящихъ пороки, съ виду неумолимыхъ и безпощадныхъ, чья горячность однако имѣетъ опредѣленную цѣль, чья дѣятельность выполняетъ сознательную программу и посвящена защитѣ гонимыхъ и угнетенныхъ.

---

[1]) Онъ бывало (1664) правильно собирался три раза въ недѣлю у Буало, rue du Colombier,—Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Шапелль и др.

Таковъ Альцестъ, герой пьесы, въ которой сполна отразилось душевное состояніе Мольера. Лишь отсутствіе въ современной ему фразеологіи подходящаго термина заставило его назвать Альцеста *мизантропомъ*. Въ немъ мы видимъ необыкновенно живо схваченное съ натуры соединеніе энергіи и слабости, ненависти и любви, разрыва съ людьми и потребности въ искренней привязанности. Альцестъ не прямолинейная натура, и потому-то въ немъ столько человѣчески-правдиваго. Онъ дѣлаетъ исключенія изъ суроваго приговора надъ людьми, до послѣдней возможности вѣритъ въ порядочность Филэнта и поддерживаетъ съ нимъ дружескія отношенія, въ кроткой Эліантѣ отгадываетъ самоотверженную и честную натуру, сочувствующую его прямотѣ; наконецъ, онъ способенъ идеализировать Селимену, несмотря на ея легкомысліе. Онъ ее искренно любитъ, готовъ многое прощать, мирится съ нею послѣ размолвокъ; эта привязанность всего болѣе примиряетъ его съ жизнью, и онъ глубоко несчастенъ въ ту минуту, когда и въ любимой женщинѣ видитъ тѣ же черты предательства и измѣны, которыя его возмущали въ остальныхъ людяхъ. Но онъ ждетъ отъ жизни не одного только отвѣта на симпатіи дружбы или любви и не на этомъ строитъ свое недовольство; мы видимъ этого очевидно зажиточнаго человѣка,—чья судьба могла бы пройти торнымъ путемъ свѣтской карьеры,—смѣло протестующимъ противъ разврата и раболѣпія двора, противъ ханжества, заступающаго мѣсто религіи, противъ беззаконія и произвола суда, противъ шпіонства и доносовъ, которые не разъ затрогивали и его самого; наконецъ, въ частномъ вопросѣ о направленіи литературы онъ требуетъ коренного поворота отъ манерности и салонной замкнутости къ естественности и сближенію съ народомъ. Вездѣ слышатся бодрыя, мужественныя ноты, чувствуется свѣжесть мысли, сказываются порывы неудавшагося общественнаго дѣятеля, которому недостаетъ лишь широкой и достойной его арены дѣйствій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Альцестъ все-таки герой *комедіи*; это должно было сильно поражать тѣхъ, кто по обычаю ждалъ отъ комическаго произведенія лишь забавныхъ картинъ; да и теперь, къ удивленію, не замолкли толки о томъ, входило ли въ виды Мольера изобразить Альцеста лицомъ комическимъ, подсмѣяться надъ нимъ. Мольеръ не скрылъ отъ себя, что перевѣсъ горячности, темпераментъ, легко вспыхивающій, не лишенъ подчасъ забавныхъ сторонъ; съ тою правдивостью, съ которою онъ могъ сдѣлать мизантропа влюбленнымъ, онъ не пощадилъ въ немъ и случайныхъ вспышекъ нетерпимости, способныхъ вызвать у насъ улыбку. Но несомнѣнно, что все сочувствіе его на сторонѣ Альцеста и что изъ двухъ сопоставленныхъ въ пьесѣ нравственныхъ воззрѣній перевѣсъ симпатій его не въ пользу будничной мудрости, сгла-

живающей всѣ житейскія шероховатости удобными и вовсе не безчестными компромиссами,—словомъ, не въ пользу мудрости Филэнта, хотя съ нею и легче жить.

Не могъ онъ выставить въ безусловно комическомъ видѣ своего героя и потому, что вложилъ въ него лучшія стороны своего характера. «Мизантропъ»—безспорно наиболѣе субъективная пьеса Мольера; хотя и можно прослѣдить немного чертъ, подмѣченныхъ авторомъ у нѣсколькихъ личностей съ складомъ характера, напоминавшимъ мизантропа (герцогъ Монтозье, Буало и др.), и еще меньше литературныхъ заимствованій [1]), сущность пьесы воспроизводитъ душевное состояніе самого Мольера; и мысли, и чувства героя принадлежатъ поэту. Для внимательнаго читателя становится ясно, что за отношеніями Альцеста къ Селименѣ скрывается одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ эпизодовъ брачной жизни Мольера. Конечно, эту близость не нужно доводить до мелочей, останавливаясь каждый разъ въ недоумѣніи, когда онѣ не сходятся въ буквальномъ тождествѣ. Между Мольеромъ и Армандой въ дѣйствительности не было такого окончательнаго разрыва, какой происходитъ въ комедіи между Альцестомъ и Селименой, но повременныхъ разрывовъ было нѣсколько, и каждый разъ они *казались вѣчными*; но потомъ Мольеръ, точно Альцестъ въ первыхъ актахъ, протягивалъ руку, снова все забывалъ и сближался съ женой. Такой эпизодъ внесенъ имъ на сцену и ради художественныхъ цѣлей доведенъ до крайняго результата. Но если многія мысли, даже, какъ можно догадываться, многія подробности діалога, отдѣльныя слова, перенесены Мольеромъ изъ его жизни прямо на сцену, то и въ характерѣ Селимены основа взята у Арманды, и при всемъ легкомысліи и кокетствѣ, которымъ ее надѣлилъ авторъ, все-таки мы замѣчаемъ желаніе найти ей нѣкоторое оправданіе,—новый проблескъ всепрощающей любви. Селимена слишкомъ молода, окружена развратнымъ обществомъ, которое сбиваетъ ее съ истиннаго пути, слаба характеромъ; у нея есть порядочные инстинкты, и изъ толпы поклонниковъ она все-таки отличила умнаго, хоть и крутого, рѣзкаго Альцеста,—но ей хочется пользоваться молодостью, а онъ, чудакъ, зоветъ ее бросить свѣтъ и людей и скрыться съ нимъ *въ пустынѣ*. Она готова на уступки, но *такая* уступка была бы самоубійствомъ, и она въ рѣшительную минуту отвѣчаетъ отказомъ. Она врядъ ли очень виновна,—они просто не сошлись характерами; онъ жестоко ошибся и долженъ нести послѣдствія ошибки; это—живое отраженіе судьбы Мольера.

---

[1]) **Подробности — во второмъ томѣ моихъ Этюдовъ о Мольерѣ (Мизантропъ; опытъ новаго анализа пьесы и обзоръ созданной ею школы, М., 1881).**

Необыкновенная близость пьесы къ личной жизни автора дѣлаетъ ее однимъ изъ благодарнѣйшихъ матеріаловъ для его біографіи; присоединяясь къ соціальному значенію высказаннаго въ ней протеста и широтѣ изображенія нравовъ, охватывающаго на этотъ разъ не одинъ лишь уголокъ общества,—клерикальные нравы или дворянскій бытъ—но *всю* общественную и государственную жизнь, она выдѣляетъ «Мизантропа», ставя его высоко среди произведеній автора. Но и въ чистохудожественномъ отношеніи комедія представляла собою нѣчто вполнѣ небывалое. Впервые выступало въ ней вѣрное жизни соединеніе трагическаго съ комическимъ, вскорѣ довольно неудачно отмѣченное названіемъ *высокой комедіи*; впервые послышался на театральныхъ подмосткахъ такой рѣзкій вызовъ личности къ обществу; зритель охваченъ и сочувствіемъ къ сердечнымъ страданіямъ Альцеста, и симпатіей къ его протесту, и смѣхомъ надъ потѣшными лицами комедіи, маркизами, Оронтомъ; передъ нимъ стоятъ живые люди, съ плотью и кровью, далеко ушедшіе отъ условныхъ типовъ итальянской комедіи; пьеса тревожитъ его, пробуждаетъ массу сомнѣній и вопросовъ; при всемъ этомъ она не подходитъ ни подъ какую теорію; ея экспозиція и дальнѣйшее развитіе стоятъ ниже «Тартюффа», а все-таки впечатлѣніе живо и сильно. Авторъ еще разъ, въ сценѣ сонета, объявилъ войну *теоріи*,—не въ этомъ ли тайна обаянія пьесы?

Гёте былъ правъ, признавая за «Мизантропомъ» обособленное мѣсто во всемірной литературѣ [1]). Онъ безспорно выше другихъ произведеній на ту же тьму, не исключая Шекспирова *Тимона*,—онъ опережаетъ свой вѣкъ и производитъ истинную революцію въ литературномъ вкусѣ. Если Мольера называть романтикомъ, въ смыслѣ литературнаго революціонера, то во главѣ его разрушительныхъ дѣяній нужно поставить «Мизантропа».

Опережать свой вѣкъ—значитъ не быть вполнѣ оцѣненнымъ современниками. И «Мизантропъ» не избѣжалъ этой участи; изучать и сколько-нибудь вѣрно понимать его стали лишь въ восьмнадцатомъ вѣкѣ; Руссо, узнавшій въ Альцестѣ своего двойника, горячо взялъ его подъ свою защиту отъ Мольера, будто бы осмѣявшаго этого благороднаго и непонятаго человѣка... Публика же мольеровскихъ временъ была скорѣе поражена, озадачена, чѣмъ приведена въ восхищеніе. Многіе не могли разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, то принимая Альцеста

---

1) Обзоръ мнѣній нѣмецкой критики о Мольерѣ сдѣланъ былъ Клаасомъ Гумбертомъ (Deutschlands Urtheil über Molière, 1883), еще полнѣе въ диссертаціи Auguste Ehrhard, „Les comédies de M. en Allemagne. Le théâtre et la critique", 1888. Англійскіе критическіе взгляды—въ книгѣ Гумберта „Englands Urtheil über M.", 1878.

за благонамѣреннаго проповѣдника, то *любуясь* сонетомъ Оронта и потомъ смущаясь при видѣ того, что онъ подвергается осмѣянію. Послѣ перваго представленія, 4-го іюня 1666 г., пьеса давалась двадцать разъ, но публики становилось все меньше, и для привлеченія ея Мольеръ наскоро поставилъ откровенно-веселую и болѣе понятную для средняго зрителя пьеску, «Лѣкаря поневолѣ», основанную на легендѣ, обошедшей когда-то всю Европу. Нѣсколько времени обѣ пьесы давались вмѣстѣ, и только пріучивъ публику къ серьезности своей главной пьесы, Мольеръ могъ предоставить ее собственнымъ ея силамъ, давая ее безъ помощи фарса.

Но и за работою надъ «Мизантропомъ» онъ не забылъ запрета, все еще тяготѣвшаго надъ «Тартюффомъ»; онъ не переставалъ агитировать у короля въ защиту комедіи, и наконецъ, воспользовавшись благодушнымъ, примирительнымъ настроеніемъ, установившимся послѣ окончанія войны, и, какъ думаютъ теперь, благодаря вмѣшательству папскаго нунція, онъ вырвалъ у короля желаемое разрѣшеніе; правда, опять потребовались измѣненія; такъ сложилась третья и послѣдняя редакція пьесы, но зато 5-го февраля 1669 г. состоялось наконецъ первое представленіе «Тартюффа», который вскорѣ послѣ того былъ напечатанъ съ предисловіемъ автора, разсказавшаго обо всѣхъ своихъ испытаніяхъ... Побѣда была на сторонѣ Мольера.

Высшая степень развитія, до которой суждено было дойти его таланту, была достигнута. Тѣсно связанныя по исторіи своего возникновенія, по сущности своихъ задачъ и предметамъ сатиры три важнѣйшія пьесы—«Тартюффъ», «Донъ-Жуанъ», «Мизантропъ»—образуютъ какъ бы одно цѣлое, подобно древне-греческимъ трилогіямъ. И эта единственная въ своемъ родѣ мольеровская трилогія увѣнчала творчество поэта. Еще нѣсколько лѣтъ оставалось ему жить и дѣйствовать, и въ это время изъ-подъ пера его выходили произведенія прекрасныя, подчасъ удивительныя по запасу веселости, который они вдругъ обнаруживаютъ въ грустно настроенномъ человѣкѣ, но они не въ состояніи были сравняться по достоинству съ трилогіей. Еще разъ вернется онъ въ «Ученыхъ женщинахъ» къ темѣ, затронутой имъ въ молодости, и однимъ ударомъ уничтожитъ репутацію новѣйшаго салоннаго кумира, аббата Котэна; сдѣлаетъ цѣнный вкладъ въ литературную психологію скупости, ожививъ въ «Скупомъ» фабулу Плавта и введя ее въ тяжелую обстановку французской буржуазной семьи; вспомнитъ въ «Продѣлкахъ Скапена» прежнюю свою любовь къ итальянской комедіи приключеній, въ «Пурсоньякѣ» и «Графинѣ д'Эскарбаньясъ»—различныя комическія черты своей старой знакомки-провинціи, и нѣсколько разъ вернется къ насмѣшкамъ надъ докторами и медициной, безсиліе и шарлатанство кото-

рой ему приходилось все ближе узнавать, по мѣрѣ того какъ неотвязчивая болѣзнь захватывала его въ свою власть.

Лишь одинъ разъ слышится въ произведеніяхъ послѣдняго періода отголосокъ мужественныхъ рѣчей, звучавшихъ въ трилогіи. То было именно въ *Амфитріонѣ*. Взятый, подобно «Школѣ мужей» и «Скупому», изъ міра классической комедіи, сюжетъ превратился у Мольера въ рѣзкую политическую сатиру на современность и, какъ иные думаютъ, на самого короля. Правда, пріемъ, употребленный при этомъ, былъ необыкновенно искусенъ, и недальновидный зритель могъ повѣрить, что имѣетъ дѣло съ тонкимъ комплиментомъ повелителю Франціи (такъ смотрятъ на эту пьесу и теперь нѣкоторые критики). Но Мольеръ былъ слишкомъ честной натурой, чтобы простирать свое разсудочное сочувствіе до крайнихъ предѣловъ и спокойно присутствовать при возраставшемъ самоуправствѣ Людовика. Если выдвигаются возраженія противъ догадки, что въ фабулѣ *Амфитріона* воспроизведена именно исторія г-жи Монтеспанъ, отнятой Людовикомъ у мужа, то въ скандальной придворной хроникѣ не было недостатка въ другихъ подобныхъ же сластолюбивыхъ затѣяхъ, передъ которыми подданному оставалось лишь преклониться, какъ ѳиванцамъ передъ счастливымъ Юпитеромъ. Въ «Амфитріонѣ» сквозь заоблачный ореолъ, которымъ окруженъ громовержецъ, не трудно разглядѣть черты «Короля-Солнца».

Между королемъ и Мольеромъ не было болѣе прежняго согласія и близости; у Людовика явились другіе фавориты: Расинъ, выдвинутый Мольеромъ и измѣнившій ему, музыкантъ-авантюристъ Люлли, поднятый имъ изъ ничтожества и интриговавшій потомъ противъ него. Враги смѣлѣе стали дѣйствовать и печатали въ Голландіи, Кельнѣ, можетъ-быть даже въ Парижѣ, позорнѣйшіе пасквили,—комедію «Elomire hypocondre» съ грязными вымыслами о его женѣ, картину адскихъ терзаній Мольера (l'Enfer burlesque) и т. д. Съ этимъ совпало нѣсколько утратъ близкихъ людей,—двухъ дѣтей Мольера, Маделены. Эти огорченія должны были способствовать развитію предсмертной болѣзни поэта. Съ нѣкотораго времени онъ вводитъ въ комедіи насмѣшливыя выходки надъ каплемъ, который его постоянно мучитъ. Шуткой или критическимъ отношеніемъ къ своей мнительности онъ старается ободрить и излѣчить себя. Невѣжество современныхъ медиковъ слишкомъ хорошо было ему знакомо, и потому, послѣ отдѣльныхъ выходокъ противъ нихъ, которыя онъ позволялъ себѣ и прежде, въ «Пурсоньякѣ», Amour Médecin» (первоначальный титулъ ея былъ *Les médecins*), «Лѣкарѣ поневолѣ», онъ нападаетъ на мысль размыкать горе и думы о близкомъ концѣ веселою шуткой заразъ и надъ больными, и надъ врачами; въ послѣдней своей пьесѣ, «Мнимомъ больномъ», превосходномъ этюдѣ о мни-

тельности [1]), онъ избираетъ скрытымъ предметомъ насмѣшки себя и свои немощи. Для того, чтобы насмѣшка вышла сильнѣе, онъ какъ будто усиливаетъ веселость, которая льется черезъ край и становится безумно-неудержимой въ шутовской церемоніи посвященія Аргана, за его приверженность къ медицинѣ, въ доктора, написанной на невообразимой макаронической, т.-е. смѣшанной съ французскими словами, латыни.

Но болѣзнь, отъ которой страдалъ Мольеръ, не была мнимой, и отъ нея невозможно было отдѣлаться шуткой. Во время четвертаго представленія «Мнимаго больного», 17-го февраля 1673 г., Мольеръ, исполнявшій главную роль, чувствовалъ себя до такой степени дурно, что едва могъ говорить; судорожныя движенія, которыя вызывала въ немъ болѣзнь, были какъ нельзя болѣе кстати; зрители были въ восторгѣ, находя, что никогда онъ такъ прекрасно не игралъ. Но когда въ церемоніи посвященія въ доктора Мольеру пришлось произносить слова присяги, во второй разъ онъ, едва выговоривъ слово *Juro*, испыталъ мучительныя судороги; съ трудомъ скрылъ онъ страданіе подъ чѣмъ-то вродѣ улыбки, но, добравшись до уборной своего любимаго ученика Барона, въ такомъ безсиліи опустился на стулъ, что его поспѣшно отнесли домой, на *rue Richelieu*, и уложили въ постель; во внутреннія лѣкарства онъ давно не вѣрилъ,—помочь было трудно. Внезапно кровь хлынула изъ горла, и полчаса спустя Мольера не стало. Священники, за которыми посылали нѣсколько разъ, отказались притти, и только двѣ странствующія монахини, случайно находившіяся въ домѣ, молились около его постели.

Случайная обстановка его смерти дала возможность врагамъ отмстить ему еще разъ оскорбительнымъ образомъ. Ссылаясь на то, что онъ умеръ безъ покаянія, архіепископъ отказалъ наотрѣзъ въ разрѣшеніи церковныхъ похоронъ и не давалъ мѣста ни на какомъ кладбищѣ. Эта злопамятность возмутила даже вдову, въ которой проснулись жалость, стыдъ, можетъ-быть даже прежняя любовь. Она все подняла на ноги; король не захотѣлъ ей помочь и только далъ понять архіепископу, что «скандалъ ему непріятенъ». Если вдова не успѣла вполнѣ сломить противодѣйствія, то все-таки домолилась для праха великаго человѣка скромнаго уголка земли внѣ ограды кладбища св. Іосифа,—какъ выразился тогда же Буало: «un peu de terre obtenu par prière». За гробомъ шло нѣсколько тысячъ «простого народа».

Съ той поры, когда, точно воинъ на полѣ сраженія, скончался

---

[1]) Наблюденія Мольера надъ нею и надъ другими оттѣнками душевной болѣзни сгруппированы въ книжкѣ Danschacher'а, „Molière's Monomanen“, Fürth, 1901.

Мольеръ во всеоружіи таланта почти на сценѣ, идетъ уже третье столѣтіе, но звѣзда его все такъ же ярко блеститъ. Потускнѣли многія свѣтила его вѣка—Корнель, Расинъ, но вліяніе Мольера, раскинувшееся на литературу всего міра, безспорно переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Для французской словесности его значеніе особенно велико. Онъ—истинный создатель національной комедіи; съ тою школой, къ которой, по условіямъ времени, онъ принадлежалъ, его связывали лишь слабыя нити. Всю жизнь проповѣдывалъ онъ свободу творчества. Открыто заимствуя изъ всевозможныхъ источниковъ и вполнѣ сходясь въ этомъ съ Шекспиромъ, онъ въ то же время одинъ изъ самостоятельнѣйшихъ авторовъ,—до того перерождалось въ его рукахъ все чужое. Всѣ свои лучшіе помыслы, личную жизнь съ ея тревогами и радостями внесъ онъ въ творчество. Французская соціальная жизнь отразилась въ немъ, какъ въ зеркалѣ, возбуждая своими несовершенствами требованіе коренной реформы. Не одной литературѣ своего народа, а общечеловѣческому творчеству принадлежитъ Мольеръ. Богатство комизма, въ рѣдкомъ соединеніи съ тонкимъ изученіемъ характеровъ, душевныхъ движеній и страстей, оттѣнковъ быта, дѣлаетъ Мольера, какъ психолога и комика, понятнымъ всюду и во всѣ вѣка. За французами XVII столѣтія зритель видитъ въ его герояхъ *людей*, съ ихъ вѣковыми пороками, слабостями и увлеченіями. Въ народныхъ русскихъ театрахъ деревенская или фабричная публика наслаждается, хохочетъ до упаду, смотря, напр., «Жоржа Дандена». Для развитія общечеловѣческой комедіи мольеровскія произведенія всегда останутся образцомъ,—но не въ томъ смыслѣ, чтобы, стремясь достигнуть его совершенства, новые писатели налагали на себя ярмо подражанія и не смѣли двинуться далѣе, а въ смыслѣ сильнаго возбужденія къ самодѣятельности и творческому соревнованію. Лессингъ, Шериданъ, Бомарше, Гольдони, Гольбергъ, Фонвизинъ, Крыловъ въ своихъ комедіяхъ, Грибоѣдовъ, даже Гоголь — въ этомъ смыслѣ его ученики и послѣдователи. Всюду, гдѣ высоко и серьезно ставился идеалъ комедіи и одинаково цѣнилось ея художественное и соціальное, воспитывающее значеніе, Мольеръ являлся лучшимъ образцомъ. Опытъ слишкомъ двухъ столѣтій позволяетъ думать, что это почетное призваніе останется за нимъ навсегда.

АЛЬЦЕСТЪ И ЧАЦКІЙ.

Въ литературномъ потомствѣ, вызванномъ къ жизни *Мизантропомъ*, яркою звѣздою блистаетъ *Горе отъ ума*. Далеко позади остаются слабыя подражанія Уичерли, Фабръ-д'Эглантина, Гольдони [1]), скромно слѣдующія за указкой великаго комика. Только русскому сатирику Мольеръ какъ бы завѣщалъ творческую тайну, положенную въ основаніе его пьесы, и научилъ его тому рѣзкому протесту, который, отлившись въ меткомъ стихѣ, будетъ воспитывать грядущія русскія поколѣнія, какъ онъ воспитывалъ и ободрялъ насъ и отцовъ нашихъ. Опредѣлить степень вліянія ранняго и чужого образца на произведеніе, которое всѣ мы, по праву, признаемъ чисто-національнымъ, является поэтому благодарною задачей, тѣмъ болѣе, что до послѣдняго времени на это вліяніе указывалось обыкновенно лишь вскользь, какъ будто изъ боязни, что, останавливаясь дольше на его разсмотрѣніи, критикъ выкажетъ недовѣріе къ оригинальности грибоѣдовскаго творчества. Была дѣйствительно пора въ исторіи многострадальной комедіи, когда касаться такого вопроса не приходилось людямъ, сочувствовавшимъ ей: то былъ самый ранній періодъ ея существованія, когда вмѣстѣ съ дворянскими и нравственно-полицейскими подкопами подъ нее велись во враждебныхъ журналахъ, да и въ обществѣ, нападки на маскированную будто бы несамостоятельность пьесы, которую называли сколкомъ то съ *Абдеритовъ* Виланда [2]), то съ *Мизантропа*. Тогда признать какое-либо вліяніе иностраннаго образца было бы, можетъ быть, ошибкой со стороны молодой литературной партіи. Но теперь и время то далеко отъ насъ, и неувѣренность въ оцѣнкѣ *Горя отъ ума* миновала, и мы можемъ вполнѣ объективно отдаться нашему разслѣдованію.

Нельзя не назвать счастливою случайностью, что русскій театръ, какъ только, благодаря Волкову, онъ получилъ наконецъ право граж-

[1]) The Plain-Dealer, 1674; Le Philinte de Molière, 1790; Il Burbero benefico.

[2]) Geschichte der Abderiten, появилась въ Германіи въ 1781 году, по-русски перевед. профессоромъ Гавриловымъ, М. 1793—95.

данства, испыталъ съ первыхъ же дней существованія сильное вліяніе Мольера. Стоитъ бѣгло обозрѣть хронологическія данныя, добытыя до сихъ поръ [1]), чтобы тотчасъ бросилось въ глаза необыкновенное обиліе переводовъ мольеровскихъ комедій. Въ 1757 году (слѣдующемъ послѣ офиціальнаго открытія театра) поставлено было *шесть* различныхъ произведеній Мольера: первымъ изъ нихъ являются *Скапиновы обманы*, а послѣднимъ, даннымъ на сценѣ 22-го декабря, былъ *Мизантропъ*, въ переводѣ Елагина. Пьеса, насколько мы можемъ судить, понравилась публикѣ (по выраженію Драматическаго Словаря, она не выходитъ изо вкуса, т.-е. не перестаетъ нравиться), и знаменитый Дмитревскій сдѣлалъ роль Альцеста однимъ изъ украшеній своего репертура [2]). Но настоящаго пониманія пьесы образованною частью зрителей, мы, конечно, не станемъ и ожидать. Небольшой еще кружокъ развитыхъ или, вѣрнѣе, литературно-начитанныхъ людей относился и къ этой горячо написанной соціальной комедіи, какъ къ другимъ французскимъ пьесамъ, признаннымъ классическими, скорѣе съ чувствомъ обязательнаго благоговѣнія, любуясь хорошимъ стихомъ, сильными мѣстами, благородною дикціей актера. Нужно было проникнуться духомъ освобождающаго развитія, усвоить себѣ строгія требованія отъ жизни и затѣмъ почувствовать глубокій разладъ между ними и русскою дѣйствительностью, чтобы находить въ словахъ Альцеста отзвукъ того, что бушевало у себя на сердцѣ. Для елизаветинскаго поколѣнія, чье дѣтство и ранняя молодость совпали съ бироновщиной, было много поводовъ смотрѣть безотрадно на жизнь, но это чувство не выходило изъ стихійнаго состоянія; личность еще не выработалась, не смѣла предъявлять правъ на самоопредѣленіе и критику общественныхъ отношеній. Тѣ, кто къ сердцу принималъ отрицательныя явленія жизни, часто, какъ бы слѣдуя примѣру Кантемира и исполняя свой гражданскій долгъ обличенія, искали вмѣстѣ съ тѣмъ душевнаго покоя въ философскомъ удаленіи отъ нечестиваго и безнравственнаго общества, воздѣлывали свой внутренній міръ въ духѣ мудрой умѣренности. Дѣятельность обличителя нравовъ, отважнаго, запальчиваго, вращающагося въ томъ обществѣ, которое онъ обличаетъ, становится возможною лишь въ слѣдующій пе-

---

1) См. „Драматич. Словарь“ Новикова, 1787, вновь перепечатанный г. Сувориным, или брошюру Лонгинова: „Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ“ (1749—1774), Спб. 1873.

2) Въ восьмнадцатомъ столѣтіи „Мизантропъ“ былъ поставленъ на русской сценѣ еще въ одномъ переводѣ („Нелюдимъ“, ком. въ 5 д. Мольера, переводъ съ франц. П. Е. Исполнена 22 ноября 1789 г. въ Деревянномъ театрѣ). Рукопись хранится въ центральной библіотекѣ Дирекціи Имп. театровъ (Архивъ Дирекціи, томъ I, 1892 г.).

ріодъ, когда идеи просвѣтительнаго вѣка коснулись, наконецъ, и русской молодежи. И, говоря это, мы гораздо менѣе имѣемъ въ виду ту ея часть, которая довольствовалась извѣстнымъ, вообще довольно скромнымъ, обиходомъ научныхъ и философскихъ данныхъ, получавшихъ свободное обращеніе въ обществѣ, но именно тѣхъ, правда, немногочисленныхъ новыхъ людей, которые шли къ источнику науки, на Западъ, и возвращались съ богатымъ, сознательно усвоеннымъ запасомъ знаній и жизненныхъ цѣлей. Для Радищева и его друзей возвратъ въ Россію, столкновеніе съ реакціей, разрушавшей ихъ свѣтлыя надежды, должны были равняться сильнѣйшему душевному потрясенію,—но не подавленностью, не уныніемъ разрѣшалось оно, а, напротивъ, непреодолимымъ задоромъ къ борьбѣ. Даже впослѣдствіи, въ Сибири, вступая въ чьи предѣлы онъ повторялъ стихъ Данта: «Lasciate ogni speranza voi ch'intrate» [1]), онъ не поддался вполнѣ безнадежности, а нашелъ столько силъ и наблюдательности, чтобъ и въ сибирскую обстановку занести свой реформаторскій духъ. Въ молодые же годы, когда жизнь его была впереди, силы не тронуты,—его горячность безпредѣльна, презрѣніе къ общей порочности велико, и пропаганда любимыхъ идей принимаетъ страстный, вызывающій характеръ.

Для такого человѣка, многосторонне начитаннаго, не можетъ не быть симпатичною личность Альцеста; презрѣніе къ людямъ у обоихъ имѣетъ одинаковую основу. Это не глухая ненависть шекспировскаго Тимона и не пересмѣшничанье Апеманта; здѣсь чувствуется опредѣленный складъ убѣжденій, за которыя борется человѣкъ; онъ громитъ современный порядокъ вещей и подчасъ можетъ показаться нетерпимымъ мизантропомъ; но еслибъ его проповѣдь имѣла хоть малѣйшій успѣхъ, и если бы общественная нравственность стала хоть нѣсколько стыдливѣе, мы увидали бы въ такомъ мизантропѣ искренняго друга человѣчества. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» признаетъ такихъ людей высоко полезными въ государствѣ. Истина, изгоняемая обыкновенно изъ царскаго дворца, является къ царю въ сновидѣніи и, убѣждая его не бояться ея гласа, говоритъ ему: «есть ли изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои, *вѣдай, что тотъ есть другъ твой искренній*, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета; онъ твердымъ голосомъ возвѣститъ тебѣ обо мнѣ. Блюдись и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови, угости его, яко странника; ибо всякъ, порицающій царя въ самовластіи, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ... Но таковыя твердыя

---

[1]) Письмо Радищева къ Воронцову изъ Тобольска, 8-го мая 1791, Архивъ князя Воронцова, книга V.

сердца бываютъ рѣдки; едва одинъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ» [1]).

Это выписанное нами мѣсто пріобрѣтаетъ особое значеніе, если сопоставить его съ окончаніемъ главы *Чудово* въ томъ же Путешествіи,—замѣтно внушенной послѣдними гнѣвными словами Альцеста [2]), и съ цѣлою статьей о мизантропіи и различныхъ ея видахъ, которую мы находимъ за годъ до изданія радищевскаго путешествія въ извѣстномъ крыловскомъ журналѣ *Почта духовъ* [3]). Въ свое время шла оживленная полемика [4]) о томъ, въ какой степени слѣдовало бы приписать честь изданія этого журнала Радищеву, въ ту пору близкому съ будущимъ баснописцемъ, и, по мнѣнію противной партіи, вопросъ остался и теперь открытымъ. Отъ насъ, конечно, далека мысль входить здѣсь еще разъ въ разсмотрѣніе этого вопроса, но нельзя не признаться, что изученіе названной выше статьи, прямо относящейся къ предмету нашего изслѣдованія, приводитъ къ рѣшительному указанію на авторство Радищева. Не говоря уже о томъ, что во всемъ этомъ этюдѣ о мизантропахъ сказываются въ каждой строкѣ развитіе и начитанность, въ ту пору немыслимыя у полуобразованнаго Крылова,—сама основа статьи, представляющей широкое развитіе только что приведенной общей мысли изъ *Путешествія*, и тождество нѣкоторыхъ мѣстъ въ обоихъ произведеніяхъ вполнѣ убѣждаютъ въ этомъ.

Это горячо написанное похвальное слово мизантропіи пора, наконецъ, извлечь изъ несправедливаго забвенія; въ русской литературѣ 18-го вѣка это—одна изъ оригинальнѣйшихъ страницъ. Авторъ «не только извиняетъ, но даже прямо хвалитъ поступки и образъ мыслей тѣхъ людей, которымъ даютъ названіе мизантроповъ»; онъ считаетъ, что иначе не могутъ ни мыслить, ни поступать люди съ честными убѣжденіями. Зрѣлище пороковъ «учинитъ ихъ суровыми, унылыми и задумчивыми», рѣчь ихъ поневолѣ станетъ рѣзка и груба; но эта рѣзкость—не преступленіе, а добродѣтель. «Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ, грубость и странные поступки мизантроповъ, я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ». Заступаясь, такимъ образомъ, за право этихъ людей

---

1) „Путешествіе изъ Петерб. въ Москву", нов. перепечат. изд. 1905, стр. 44.

2) „Теперь прощусь я съ городомъ навѣки. Не въѣду никогда въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе грызть другъ друга... Нѣтъ, мой другъ, *заѣду туда, куда люди не ходятъ; гдѣ не знаютъ, что есть человѣкъ*" и т. д.

3) Почта духовъ, 1789, письмо четвертое, отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку, стран. 29—42.

4) Поводомъ къ ней послужила статья А. Н. Пыпина „Крыловъ и Радищевъ", Вѣстникъ Европы, 1868, кн. 5.

говорить истину, авторъ совершенно опредѣленно оговаривается, что не желалъ бы, чтобы столь любимыхъ имъ мизантроповъ [1]) смѣшивали съ тѣми «бѣшеными и несноснѣйшими врагами самимъ себѣ, всему роду человѣческому», образецъ которыхъ онъ видитъ въ Плутарховомъ (замѣтимъ мимоходомъ, что *не* шекспировскомъ) Тимонѣ; для подобныхъ людей у него нѣтъ пощады, и онъ желалъ бы строгихъ мѣръ для обузданія, даже искорененія ихъ.

Но, въ противоположность тому, онъ ставитъ столь симпатичныхъ ему мыслителей подъ защиту мольеровскаго творчества. Какъ мы предрѣшили по аналогіи ихъ общественной роли, Альцестъ ему ближе всѣхъ подобныхъ людей. «Мизантропъ Мольера,—говоритъ онъ (стр. 33),—болѣе сдѣлалъ добра Франціи, нежели проповѣди Бурдаловы и прочихъ ему подобныхъ проповѣдниковъ. Итакъ, когда простой списокъ произвелъ столь много пользы, то что должно ожидать отъ подлинника?» Для блага общества онъ желалъ бы, чтобы въ немъ было возможно болѣе такихъ *подлинниковъ*, не книжныхъ, а жизненныхъ героевъ, открыто высказывающихъ мысли свои; онъ ихъ считаетъ наставниками и учителями рода человѣческаго; порою, глядя на нихъ, онъ представляетъ ихъ себѣ врачами. окруженными множествомъ больныхъ, которые не хотятъ излѣчиваться обыкновенными врачебными средствами и потому должны принять хоть и горькія, но радикальныя лѣкарства. Чѣмъ больше такихъ благодѣтелей общества, тѣмъ оно счастливѣе; правители же должны въ особенности высоко цѣнить ихъ,—эту мысль авторъ выражаетъ почти слово въ слово съ извѣстнымъ уже намъ мѣстомъ изъ радищевскаго «Путешествія»: «если бы при дворахъ государей было нѣсколько мизантроповъ, то какое счастіе послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину».

Въ этой защитительной рѣчи такъ живо слышится субъективная нота, она такъ очевидно произнесена *pro domo sua*, что мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что передъ нами искреннее автобіографическое признаніе человѣка съ радищевскимъ многостороннимъ развитіемъ и серьезнымъ направленіемъ къ дѣятельности общественной. Кто же, дѣйствительно, не увидитъ въ обязанностяхъ, которыя онъ налагаетъ на мизантропа-правдолюба, настоящаго служенія народу? Протестующія его рѣчи получаютъ какъ бы характеръ публицистическій, и въ странѣ, гдѣ нѣтъ свободной печати, онѣ являются однимъ изъ немногихъ прибѣжищъ независимой мысли. Таково было положеніе дѣлъ

[1]) Слово это онъ переводитъ въ подстрочномъ примѣчаніи: нелюдимъ или человѣконенавидецъ.

и при Людовикѣ XIV, и въ концѣ екатерининскаго царствованія,—и оно еще разъ повторилось у насъ въ глухую пору начала двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда устная проповѣдь Чацкихъ могла дѣйствительно получить значеніе призывнаго колокола. И если позволительно думать, что изученный нами бѣглый листокъ изъ автобіографическихъ признаній, затерявшійся въ старомъ журналѣ, принадлежитъ Радищеву, то мы въ правѣ будемъ утверждать, что на постепенное возмужаніе его для общественной дѣятельности и на рѣшимость предъявить въ своемъ первостепенномъ произведеніи рѣзкій протестъ возымѣлъ хоть скромное, можетъ-быть, вліяніе примѣръ мольерова Альцеста, оцѣненнаго имъ по заслугамъ. Въ комедіи Мольера онъ видѣлъ, по его собственнымъ словамъ, вѣрный *списокъ* съ натуры,—самъ же былъ однимъ изъ рѣдкихъ вездѣ и всегда *подлинниковъ*.

Отголоски вліянія Альцеста мы могли бы найти въ бѣглыхъ чертахъ нѣкоторыхъ другихъ произведеній конца вѣка. Такъ, въ одной пьесѣ Клушина, какъ извѣстно, также принадлежавшаго сначала къ крыловскому кружку, въ комедіи «Смѣхъ и горе», сдѣлана попытка вывести на сцену человѣка съ мизантропическими убѣжденіями [1]). Но авторъ, съ которымъ потомъ разошелся Крыловъ вслѣдствіе шаткости его взглядовъ и незамѣтно пробившагося въ немъ низкопоклонства, не въ силахъ былъ бы совладать съ избраннымъ имъ типомъ, и поэтому онъ не тольку сузилъ его, сдѣлавъ скорѣе представителемъ ноющаго, плаксиваго настроенія, составляющаго контрастъ съ смѣющимся и веселымъ, не только придалъ двумъ такимъ олицетвореніямъ, доморощенному Демокриту и Гераклиту, какъ ихъ назвалъ еще Крыловъ [2]), имена Хохоталкина и Плаксина, но, въ довершеніе всего, сдѣлалъ своего мизантропа притворщикомъ, который имѣетъ лишь въ виду завладѣть имѣніемъ богатой вдовы-кокетки [3]). Не безъ косвеннаго вліянія мольеровской пьесы дѣло обошлось и въ «Ябедѣ» Капниста, питавшаго большое уваженіе къ французскому комику, что не мѣшало ему однако грубовато

---

[1]) Въ 1794 г. была поставлена также комедія А. Копьева „Лебедянская ярмарка или обращенный мизантропъ“ („Архивъ дирекціи Импер. театровъ“, 1892, I, 3, стр. 159).

[2]) „С.-Петербургскій Меркурій“, 1793, II.

[3]) Пьеса эта появилась въ 1793 году; замѣтимъ, что оба лица названы тутъ *ложными философами*. Плаксинъ въ унылыхъ рѣчахъ возстаетъ противъ женщинъ, противъ науки, театра, считаетъ всѣхъ людей предопредѣленными къ грѣху:

Бѣги отъ женщинъ прочь; одинъ ихъ нѣжный взглядъ
Преображаетъ нашъ покой въ смертельный ядъ;
Театра берегись и берегись познаній,
Не исполняй своихъ ни мало ты желаній.

перекладывать его пьесы на русскіе нравы [1]). Въ характерѣ героя «Ябеды», Прямикова, есть черты непримиримой любви къ правдѣ, отличающей Альцеста. И тотъ, и другой ведутъ процессъ съ закоснѣлымъ ябедникомъ; наперекоръ всему, правое дѣло умышленно чернится, стачка судей и истца торжествуетъ. Но Прямиковъ, какъ и Альцестъ, не хочетъ сдѣлокъ или уступокъ; они оба не унизятся до взятокъ, и силу свою видятъ въ правотѣ своего дѣла. «Нѣтъ, права моего ничто не помрачитъ. Я не боюсь: законъ—подпора мнѣ и щитъ», отвѣчаетъ Прямиковъ повытчику Доброву, уговаривавшему его «давать тѣмъ, которые берутъ». Mais qui voulez-vous donc qui pour vous sollicite?» спрашиваетъ Филэнтъ Альцеста (актъ I, сц. I). «Qui je veux?—отвѣчаетъ Альцестъ:—la raison, mon bon droit, l'équité!» Съ характеромъ непреклонности Прямиковъ не разстается въ теченіи пьесы, хотя въ остальныхъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ качествѣ влюбленнаго героя, онъ безцвѣтенъ; да и само назначеніе пьесы, которая изъ всѣхъ разнообразныхъ причинъ недовольства общественнымъ строемъ выдѣляетъ спеціальную область суда, не благопріятствовало широкой обработкѣ типа. Для этого не было задатковъ и въ характерѣ автора: умный и даровитый отъ природы, но выросшій въ деревенской нѣгѣ Украйны, онъ только разъ былъ потрясенъ наглымъ извращеніемъ истины въ важномъ для него процессѣ, излилъ накипѣвшую тогда желчь въ своей комедіи, а потомъ снова удалился въ благодатное затишье, которое нерѣдко воспѣвалъ въ недурныхъ стихахъ; это добровольное уединеніе было для него не *пустыней*, куда бѣжитъ отъ ненавистныхъ людей Альцестъ, но уютнымъ пристанищемъ, гдѣ можно отдаваться умѣренному философствованію, лѣни и дружбѣ.

Но тѣмъ временемъ жизнь ставила уже серьезныя задачи; короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ былъ пережитъ порывистѣе и полнѣе, чѣмъ жилось, бывало, въ цѣлыя десятилѣтія. Удушливый конецъ восьмнадцатаго вѣка смѣнился радужной либеральной эрой; пробудившіеся общественные инстинкты опирались на дѣятельность отдѣльныхъ, развитыхъ личностей, выдѣлявшихся смѣло изъ массы; въ столичныхъ салонахъ кипѣла живая рѣчь этихъ новыхъ дѣятелей. Надежда мечтательнаго радищевскаго Сильфа исполнялась,—не мало уже было пророковъ «истины», съ широкимы цѣлями впереди. Но поперекъ этимъ стремленіямъ становится воинственная горячка наполеоновскихъ войнъ, и затѣмъ настаетъ тяжкое отрезвленіе. Жизнь спѣшитъ вернуться въ старое, совсѣмъ высохшее русло, для нея не нужны пророки

[1]) Такимъ способомъ онъ переложилъ комедію „Le cocu imaginaire", при чемъ Сганарель превратился въ „Сганарева, богатаго помѣщика", Горжибюсъ—въ купца Торговина и т. д.

и обличители, она «гонитъ и клянетъ» ихъ. Какая богатая почва для развитія *міровой скорби*, отчаянія, мизантропіи! Казалось бы, драма не можетъ не отразить въ себѣ этого мотива безвыходной борьбы. Но у нея еще нѣтъ своихъ словъ. Она, пожалуй, отвѣтила по-своему на этотъ запросъ, но отвѣтъ ея звучитъ чѣмъ-то отжившимъ, архаическимъ.

Тотчасъ по окончаніи войны, 13-го декабря 1815 года, вліятельная въ литературномъ и театральномъ мірѣ личность, Ѳед. Кокошкинъ, ставитъ сначала на московской, а затѣмъ на петербургской сценѣ свою передѣлку мольеровскаго *Мизантропа* на русскіе нравы. Онъ придаетъ этому дѣянію своему большое значеніе, обставляетъ исполненіе пьесы лучшими силами (такъ, главную роль исполнялъ сначала старикъ Мочаловъ, потомъ знаменитый сынъ его), но всѣ старанія и долгая сценическая жизнь этой передѣлки не въ состояніи прикрасить ея полнѣйшую несостоятельность. Видно, что Кокошкинъ смутно понималъ необходимость перенести характеръ героя въ русскую среду, но принялся за это неуклюжимъ образомъ. Альцестъ у него превратился въ *Крутона*—въ силу своего крутого характера (какъ будто только и была въ немъ эта типическая черта!), Селимена стала госпожей Прелестиной, Арсиноя—Смирениной, а одинъ изъ обожателей Селимены получилъ даже наименованіе «барона Вѣтрана». Слогъ пріобрѣлъ необыкновенную высокопарность, дѣйствующія лица объяснялись на принужденномъ, дѣланномъ языкѣ, пьесѣ приданъ былъ въ крайней степени ложно-классическій пошибъ, отсутствующій въ оригиналѣ; на русской сценѣ она явилась худосочнымъ тепличнымъ растеніемъ. Актеры добраго стараго времени раскатисто произносили свои громкіе стихи, ходульная декламація приводила въ восторгъ и публику, и Кокошкина, который смотрѣлъ на себя, какъ на послѣдняго знатока настоящаго театральнаго искусства и руководителя эстетическаго вкуса.

Ничто такъ живо не характеризуетъ это безжизненное направленіе, какъ глухая вражда, которую Кокошкинъ и московскіе друзья его проявляли по отношенію къ «Горю отъ ума» съ первыхъ же дней появленія комедіи. Казалось бы, для людей, пытавшихся незадолго передъ тѣмъ акклиматизировать мольеровскую сатиру въ русской обстановкѣ, должна быть симпатична еще болѣе радикальная попытка въ томъ же родѣ. Но, видно, сатира имѣла цѣну въ ихъ глазахъ лишь тогда, когда, лишенная національной и временной опредѣленности, она была болѣе или менѣе безобидною, относясь къ *общечеловѣческимъ* порокамъ. Когда же она оживилась богатымъ новымъ содержаніемъ, когда въ ней выступили ясныя черты русской, особенно московской жизни, когда, выражаясь словами Грибоѣдова, *нашихъ задѣли*,—тогда поклонники Альцеста съ

ненавистью набросились на его законнаго преемника. Правда, они вели интригу скорѣе исподтишка и въ глаза льстили Грибоѣдову, особенно, когда его слава была упрочена; но онъ превосходно зналъ цѣну этой лести, и у него вырывались порою рѣзкія, презрительныя сужденія о старомодной московской литературной a кликѣ.

Итакъ, нашелся, наконецъ, человѣкъ, который могъ не только вѣрно понять (какъ это сдѣлалъ еще Радищевъ) главную мысль мольеровской пьесы, но и возсоздать ее въ самостоятельномъ произведеніи. Разнообразіемъ развитія онъ превосходилъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ и потому не могъ не выработать въ себѣ большую эстетическую чуткость. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему не нужно было создавать себѣ искусственный, книжный интересъ къ изученію *Мизантропа;* его собственный характеръ, рѣзкая и правдивая рѣчь, необузданность честнаго негодованія и такое же душевное одиночество среди враждебнаго общества—все это побуждало его сродниться съ мольеровскимъ героемъ. Въ раннемъ знакомствѣ его съ произведеніями французскаго комика сомнѣваться невозможно; оно въ тѣ времена обязательно входило въ кругъ первоначальнаго воспитанія барскихъ дѣтей; Пушкинъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ наслушался мастерского чтенія отцомъ его различныхъ произведеній Мольера и на девятомъ году уже подражалъ ему. Въ университетѣ же Грибоѣдовъ, изучая, подъ вліяніемъ Буле, любимый предметъ изслѣдованій этого профессора, основы драматической поэзіи, могъ усвоить себѣ симпатію Буле къ «драмѣ сатирической», или высокой комедіи, однимъ изъ лучшихъ образцовъ которой явился со временемъ въ его глазахъ *Мизантропъ*. Но профессоръ останавливался на половинѣ пути и не могъ отрѣшиться отъ пристрастія къ классическому театру; ученикъ шелъ гораздо дальше, не суживалъ добровольно горизонта, и лучшія созданія новаго театра ставилъ на одинаковомъ уровнѣ съ античными образцами. Прислушиваясь къ его теоріямъ о свободѣ и самоопредѣленіи драматическаго писателя, вполнѣ своеобразнымъ, чуть не еретическимъ въ то время, можно предположить извѣстное вліяніе мольеровскихъ протестовъ противъ господства старыхъ правилъ. Въ письмѣ къ Катенину [1]), написанномъ въ защиту *Горя отъ ума* отъ придирчивыхъ нападокъ этого блюстителя ложноклассическихъ теорій, Грибоѣдовъ въ оригинальной, непринужденной формѣ повторяетъ то, что говорилъ, бывало, Мольеръ въ «Critique de l'Ecole des femmes», и заканчиваетъ смѣлымъ заявленіемъ: «я какъ живу, такъ и пишу свободно». И когда Пушкинъ высказалъ въ оцѣнкѣ гри-

1) Оно первоначально было напечатано въ журналѣ „Всемірный Трудъ", 1868, кн. 2, потомъ въ „Русской Библіотекѣ", томъ пятый, и съ тѣхъ поръ вошло въ собраніе сочин. Грибоѣдова.

боѣдовской пьесы [1]) мысль, особенно мѣткую въ данномъ случаѣ, что «драматическаго писателя нужно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ», онъ, быть-можетъ, повторялъ теорію, нѣкогда слышанную имъ изъ устъ самого Грибоѣдова.

Интересъ къ мольеровскому творчеству очевиденъ у Грибоѣдова по многимъ признакамъ. Мы встрѣчаемъ у него и сочувственныя общія оцѣнки, и воспроизведенія отдѣльныхъ мѣстъ изъ комедіи, — явленіе невольное, коль скоро для человѣка извѣстное чтеніе стало издавна привычнымъ, любимымъ. Въ примѣръ критическихъ оцѣнокъ мы укажемъ заключеніе только что упомянутаго письма къ Катенину; отстаивая отъ строгаго Аристарха пьесу и въ особенности отстраняя укоры въ портретности дѣйствующихъ лицъ, Грибоѣдовъ набрасываетъ свою теорію о законности *портретовъ* въ комедіи и въ подтвержденіе ссылается на авторитетъ Мольера, находя, что у него главнѣйшія дѣйствующія лица, за нѣкоторыми исключеніями,—«портреты, и превосходные». Переходя къ невольнымъ, какъ мы сказали, отголоскамъ отдѣльныхъ стиховъ Мольера въ «Горѣ отъ ума», мы найдемъ ихъ, быть-можетъ, въ большемъ количествѣ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, и притомъ стихи взяты не изъ одного только «Мизантропа», но и изъ другихъ комедій, что опять подтверждаетъ предположеніе о близкомъ знакомствѣ автора со всѣмъ мольеровскимъ творчествомъ. Такъ, когда въ послѣднемъ актѣ (явленіе XII) Молчалинъ развиваетъ передъ Лизой свою житейскую философію, объясняя, что, по совѣту отца, онъ угождаетъ всѣмъ безъ изъятія, начальнику, слугѣ, швейцару, дворнику, «собакѣ дворника—чтобъ ласкова была»,—это переводъ стиха изъ *Femmes savantes* (сцена третья) «...jusqu' au chien du logis il s'efforce de plaire». Но, заимствуя стихъ, Грибоѣдовъ совершенно измѣнилъ его примѣненіе и придалъ ему необыкновенную мѣткость. Въ подлинникѣ его произноситъ женщина (Генріэтта), полуиронически объясняя, до какой степени простирается угодливость любовника, когда онъ захочетъ во что бы то ни стало достичь своей цѣли и свидѣться съ любимой женщиной,—у Грибоѣдова эта черта выразила всю мѣру лакейскаго низкопоклонства, на которое способенъ человѣкъ вродѣ Молчалина. Извѣстная выходка Чацкаго противъ европейскаго костюма, которому онъ противополагаетъ умный и практическій дѣдовскій нарядъ, имѣетъ много общаго съ тѣмъ разговоромъ между Сганарелемъ и Аристомъ, которымъ открывается *Школа мужей*; тѣ же насмѣшки надъ безцѣльными нововведеніями моды, та же твердая рѣшимость предпочитать старый нарядъ,

---

[1]) Въ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ появленія ея въ рукописи. Сочин. Пушкина, изд. Акад. Наукъ, Письма, I, 172.

«ainsi qu'en ont usé sagement nos aieux» (Ecole des maris, I, 1, стихъ 37).—«Охъ, нѣтъ, братецъ! У насъ ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ», говоритъ Чацкому Платонъ Михайловичъ, характеризуя отношеніе свѣтскаго общества къ Загорѣцкимъ; Альцестъ говоритъ то же Филэнту (актъ I, сц I, стихи 125—140) о порочной снисходительности свѣта къ отъявленнымъ плутамъ и набрасываетъ портретъ лица, вполнѣ подходящаго къ Загорѣцкому. Мы находимъ тутъ между прочимъ такой отзывъ:

Nommez le fourbe, infâme et scélérat maudit,
Tout le monde en convient, et nul n'y contredit.
Cependant sa grimace est partout bienvenue,
On l'accueille, on lui rit, partout il s'insinue.

Напомнимъ, наконецъ, минуя другіе болѣе мелкіе и, быть-можетъ, случайные отголоски различныхъ мольеровскихъ стиховъ [1]), наиболѣе выдающійся и, кажется, общеизвѣстный,—именно, чрезвычайную близость негодующихъ восклицаній, съ которыми сходятъ со сцены Альцестъ и Чацкій (chercher sur la terre un endroit écarté, où être homme d'honneur on ait la liberté,—искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ).

Приведенные примѣры, надѣемся, доказали въ общихъ чертахъ живой интересъ автора къ мольеровскому творчеству. Но интересъ не остановился на запоминаніи мѣткихъ стиховъ или на наблюденіяхъ надъ искусною характеристикой дѣйствующихъ лицъ. Мы должны увидать отраженіе его на дѣлѣ и выяснить непосредственное его вліяніе на выполненіе плана Грибоѣдовской комедіи.

---

1) Наприм., совпаденіе признанія Софьи Чацкому въ своей виновности, актъ IV, явл. XIII, съ такимъ же, но болѣе развитымъ, признаніемъ Селимены Альцесту, актъ V, сц. VII.—Замѣтимъ, кстати, любопытное въ своемъ родѣ, но, конечно, совершенно случайное совпаденіе разговора между Софьей и Лизой, въ первомъ актѣ, съ подобной же сценой въ одной итальянской пьесѣ 18-го столѣтія, написанной *на ту же тему* (Il misantropo a caso maritato o sia l'orgoglio punito, Bologna, 1748). Тутъ то же напоминаніе субретки о прежней любви ея барышни къ Альцесту, тѣ же оправданія, то же напоминаніе „не брать излишней вольности": io moglie? io moglie? восклицаетъ Дорализа,—che ti pensi, stolta, ora parlar con una del tuo rango?—Элиза: Un di l'amaste pure, e li giuraste col labro almeno eterno amore e fede.—Дорализа: Taci una volta; se' volgare, e pensi, come pensavan l'atave nostre. Credi di me quel che ti pare e piace. Se pur l'amai, or lo detesto, e aborro. (Мнѣ быть его женой? Глупая, тебѣ, вѣрно, кажется, что ты говоришь съ кѣмъ-нибудь изъ своей братіи.—Но вѣдь было время, когда вы любили его, и, по крайней мѣрѣ кончиками губъ, клялись въ вѣчной любви и вѣрности.—Замолчи; у тебя низкія понятія: ты думаешь такъ, какъ думали наши предки. Если когда-нибудь я его любила, то теперь презираю и ненавижу.)

Автобіографическое значеніе характера Чацкаго не подвергается болѣе сомнѣнію, — и это обязываетъ вглядѣться пристальнѣе въ тѣ свойства характера писателя, которыя предрасполагали его къ избранію героемъ пьесы именно такой надломленной личности. Одинъ изъ типичнѣйшихъ «меланхолическихъ весельчаковъ», Грибоѣдовъ зналъ за собой свойственные всѣмъ имъ рѣзкіе переходы отъ взрывовъ веселости къ мрачному унынію. Оно проявляется въ немъ рано, когда еще жизнь его впереди (наприм., въ глубоко грустномъ стихотвореніи *Прости отечество*, 1819 года), и съ годами все усиливается, доходя порою до мысли о самоубійствѣ. «Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду, — пишетъ онъ въ 1825 году изъ Ѳеодосіи къ Бѣгичеву:—я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется... Со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не было... Подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди». Эта хандра поддерживалась не только потрясеніями въ личной жизни поэта, но и постояннымъ противорѣчіемъ между его стремленіями и уровнемъ окружающей среды. «Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ,—восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ; — у насъ Шереметевъ затмилъ бы Омира». Но, несмотря на болѣзненный характеръ его грустнаго настроенія, оно не вырождается въ крайнее, нетерпимое презрѣніе къ людямъ. *Мечты* ему дороги, несмотря на ихъ мучительность; онъ остается вѣренъ имъ, высказываетъ ихъ во всеуслышаніе, и въ эти минуты «кровь сердца играетъ у него въ лицѣ», по словамъ очевидца — Александра Бестужева [1]). Однимъ словомъ, его мизантропія не заслуживаетъ этого устарѣвшаго, одностороннягo названія, и недовольство строемъ современности не затуманиваетъ у него надежды на лучшее будущее.

И Чацкій является достойнымъ его отголоскомъ. Если собрать презрительные отзывы о людяхъ, порядкахъ, нравахъ, идеяхъ, которые разсѣяны въ его рѣчахъ, то, конечно, составится такая мрачная картина, которая прямо заставитъ предположить мизантропическія склонности въ человѣкѣ съ такими взглядами. А между тѣмъ страшный обличитель, передъ которымъ ничто не находитъ пощады, все-таки вѣритъ въ возможность обновленія; не замѣчая, что такихъ людей, какъ онъ, въ современномъ ему обществѣ слишкомъ мало, онъ уже ссылается на духъ времени, находитъ, что «нынче свѣтъ ужъ не таковъ», что теперь «вольнѣе *всякій* дышитъ»; довѣрчивость, представляющая

---

[1]) „Отечественныя Записки" 1860, октябрь, „Знакомство съ Грибоѣдовымъ".

такой контрастъ съ безотрадной оцѣнкой дѣйствительности, объясняетъ и его неукротимую горячность въ пропагандѣ; онъ отдается ей не потому только, что его увлекаетъ темпераментъ, что вообще онъ не можетъ молчать, но и потому, что его не покидаетъ обманчивая надежда тронуть, наконецъ, окаменѣвшія сердца, сбросить застоявшуюся плѣсень.

Совершенно тѣ же черты мы нашли и у Мольера, и у главнаго лица его пьесы, отразившей самое тяжелое настроеніе духа во всей жизни автора. Печальныя мысли преслѣдовали тогда Мольера вездѣ; онъ задумывается среди веселаго пира; окружающее довольство не тѣшитъ его, и отъ людей онъ прячется въ своемъ сельскомъ уединеніи, бродитъ по лѣсу одинъ, предаваясь хандрѣ или же изливая свои горести близкому другу. Свѣтъ и людей онъ слишкомъ хорошо узналъ, придворная жизнь его давно возмущаетъ; терзанія, которымъ подвергалась, со времени гоненія на *Тартюффа*, его творческая независимость, потрясаютъ его; семейный разладъ разбиваетъ послѣднія надежды на счастье, — мизантропическое настроеніе оправдывается всѣмъ складомъ обстоятельствъ. А между тѣмъ онъ не поддается ему вполнѣ, не измѣняетъ дѣлу; въ жизни—онъ вѣритъ еще и въ дружбу, и въ честное призваніе писателя, въ раскаяніе и любовь жены, ждетъ добра отъ здоровыхъ элементовъ средняго общественнаго слоя; въ комедіи — онъ влагаетъ въ уста Альцесту, на ряду съ страшными проклятіями людямъ, и слова довѣрчивости, воодушевленія, любви. Для Альцеста еще жива любовь, онъ доступенъ обаянію искренней поэзіи, и, что важнѣе всего, онъ готовъ къ борьбѣ за права тѣхъ людей, которыхъ вообще привыкъ презирать.

Для человѣка съ убѣжденіями и настроеніемъ Грибоѣдова найти такое замѣчательно близкое сродство съ художественнымъ созданіемъ міроваго писателя было, конечно, отрадно. Первоначальный, полудѣтскій замыселъ его комедіи, которой предстояло набросать нѣсколько обличительныхъ картинокъ московской барской жизни, долженъ былъ перепродиться и созрѣть не только подъ вліяніемъ большаго опыта, долгаго уединенія въ Персіи и на Кавказѣ, но, думается намъ, и подъ вліяніемъ превосходнаго литературнаго образца. Въ самомъ признаніи его, что онъ имѣлъ въ виду написать нѣчто вродѣ комедіи для чтенія и что тогда «начертаніе этой сценической поэмы было *гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія*», мы видимъ прямое тому подтвержденіе. Назначеніе комедіи было такъ высоко и серьезно, что автору не приходило и мысли о возможности сценическаго ея исполненія при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ; потомъ уже, „поддаваясь ребяческому удовольствію слышать свои стихи въ театрѣ", онъ сталъ *портитъ* свое

созданіе, приспособляя его къ театральнымъ приличіямъ. Такимъ образомъ, перевѣсъ насмѣшливости, остроумія, легкости стиха замѣнилъ собою болѣе серьезный или, какъ выражается самъ авторъ, великолѣпный складъ его пьесы, въ чемъ насъ убѣждаютъ варіанты первоначальной редакціи «Горе отъ ума», гдѣ мизантропическое настроеніе Чацкаго подчеркнуто гораздо ярче (наприм., въ монологѣ его, въ послѣднемъ актѣ, явленіе 10-е: «о, праздный, жалкій, мелкій свѣтъ» и т. д. [1]). При такомъ серьезномъ взглядѣ на произведеніе, которое должно было подойти къ идеалу «высокой комедіи», примѣръ Мизантропа могъ быть въ особенности полезенъ.

Но не остановимся на общихъ соображеніяхъ и перейдемъ къ сравнительному изученію частностей обѣихъ пьесъ; оно лучше всего покажетъ и точки соприкосновенія и разногласіе ихъ между собою,—разногласіе не случайное, мелкое, но вполнѣ сознательное и оригинальное. Начнемъ съ плана пьесы. Въ обоихъ произведеніяхъ мы видимъ въ лицѣ героя развитого и умнаго человѣка, доходящаго иногда до крайняго пессимизма, рѣзкаго въ сужденіяхъ и отношеніи къ людямъ; его одиночество среди нихъ скрашиваетъ лишь привязанность къ женщинѣ, которая предпочитаетъ ему глупца; не вѣря этому вполнѣ, онъ ее идеализируетъ, прощая ей слабости и надѣясь на ея исправленіе. Случайность (находка и чтеніе письма Селимены [2]), подслушанные Чацкимъ толки о немъ въ швейцарской и сцена между Софьей и Молчалинымъ) открываетъ ему глаза, послѣднія надежды рушатся, и онъ порываетъ всѣ связи съ обществомъ. Сходство плана, въ элементарныхъ его чертахъ, очевидное. Но выполненіе его обнаруживаетъ крупныя различія. Разносторонность обработки основного сюжета мы находимъ во всѣхъ произведеніяхъ, сколько-нибудь вдохновленныхъ мольеровской пьесой. Характеръ протестующаго Альцеста пользовался вездѣ и всегда особыми симпатіями передовыхъ силъ творчества и критики; каждое поколѣніе, каждая литературная или критическая школа старались присвоить его себѣ и вложить въ него живое содержаніе идей и стремленій *своего* времени,—въ разнообразныхъ этихъ нарядахъ Альцестъ являлся и энциклопедистомъ, и сентиментальнымъ филантропомъ, и революціонеромъ, и угловатымъ, правдивымъ англійскимъ матросомъ, сыномъ народа. Въ этой смѣнѣ «одеждъ и лицъ» очередь была за русскимъ бытовымъ содержаніемъ; дѣло такого воплощенія было выполнено Грибо-

---

[1]) См. статью мою „Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума", Русск. Архивъ, 1874, № 6.

[2]) Замѣтимъ кстати, что Просперъ Мериме, въ этюдѣ о Гоголѣ, находилъ въ этой сценѣ чтенія письма, съ колкостями противъ присутствующихъ лицъ, первообразъ предпослѣдней сцены въ гоголевскомъ „Ревизорѣ".

ѣдовымъ: Альцестъ сталъ декабристомъ, и его окружила русская свѣтская толпа двадцатыхъ годовъ. Такъ возникла полная самостоятельность комика въ изображеніи нравовъ, обрисовкѣ очередныхъ общественныхъ вопросовъ, формулированіи мнѣній передовой молодежи.

Но различіе идетъ дальше и касается уже нравственныхъ сторонъ характера героя. Орудіемъ обличительной пропаганды Чацкаго является насмѣшка, часто легкая и бойкая, по временамъ принимающая суровый оттѣнокъ и проникающаяся паѳосомъ. У Альцеста негодованіе строгое, улыбка рѣдко показывается на устахъ и тонъ рѣчей почти вездѣ однороденъ. Современной полуобразованной пошлости оба они склонны противополагать старое время, незатѣйливое, но нравственно-чистое,—и сочувствіе Альцеста къ стариннымъ доблестямъ (vertus des vieux âges) идетъ въ уровень съ тѣми рѣчами, за которыя Чацкій можетъ прослыть староверомъ. Въ неумѣніи сдерживаться, промолчать гдѣ нужно, они опять сходятся. Фамусовъ напрасно проситъ своего молодого гостя «завязать на память узелокъ»; слушая похвалы Москвѣ и прославленія придворной старины, Чацкій не выдерживаетъ и горячо вмѣшивается въ разговоръ. Точно такъ же и Альцестъ, присутствуя (актъ II, сц. V) въ салонѣ Селимены на пріемѣ ея свѣтскихъ поклонниковъ, слушаетъ, съ трудомъ удерживая негодованіе, какъ всѣ они, слѣдомъ за хозяйкой, перебираютъ общихъ знакомыхъ, съ наслажденіемъ сплетничаютъ и клевещутъ, — наконецъ, внѣ себя, прерываетъ ихъ восклицаніемъ: allons, ferme, poussez, mes bons amis de cour, etc. — и осыпаетъ ихъ рѣзкими эпитетами, обвиняя ихъ льстивость и поддакиванье необдуманному злорѣчію Селимены въ томъ, что они испортили ея характеръ.

Но въ отношеніяхъ обоихъ къ любимой женщинѣ и въ самой личности ея мы видимъ опять разнородные оттѣнки, свидѣтельствующіе о самостоятельности русскаго писателя. Чацкаго связываютъ съ Софьей свѣтлыя дѣтскія воспоминанія и первые проблески чувства; она въ теченіи очень недолгой дѣвической жизни не успѣла, думается ему, узнать свѣтъ и людей. Онъ страшится соперника въ любви, который могъ замѣнить его въ ея сердцѣ во время его отсутствія, но не можетъ допустить мысли о Молчалинѣ, хотя на него указываютъ недвусмысленные признаки. Смутно что-то подозрѣвая, онъ клеймитъ, въ глаза Софьѣ, Молчалина насмѣшками, удивляясь, чѣмъ онъ могъ плѣнить ее (то же дѣлаетъ Альцестъ, въ первой сценѣ 2-го акта, осмѣивая внѣшность и пріемы Клитандра). Но у Мольера Селимена уже вдовушка, хотя и очень молодая (ей всего двадцать лѣтъ), но опытная въ житейскомъ отношеніи, независимо поставленная въ свѣтѣ, окруженная роемъ поклонниковъ; она постигла въ совершенствѣ тайны кокетства и тѣшится

тѣмъ, что кружитъ голову и такимъ вертопрахамъ, какъ Акастъ или Клитандръ, и такимъ пожилымъ селадонамъ, какъ придворный поэтъ Оронтъ, и такому ворчуну и брюзгѣ, какъ Альцестъ. Бѣдному мизантропу трудно заблуждаться, какъ это дѣлаетъ Чацкій; кокетство слишкомъ явно, вѣтреность и другія слабости Селимены ему хорошо извѣстны, и любовь поддерживается въ немъ не невѣдѣніемъ, а обманчивой надеждой, что его честное чувство и энергическіе совѣты вырвутъ ее изъ пошлой среды. Такимъ образомъ, сходныя сначала по общимъ чертамъ, характеристики обѣихъ героинь расходятся существенно, и типъ заскучавшей московской барышни съ ея закулисной, будничной интригой и лакействующимъ героемъ ся взятъ прямо изъ жизни.

Ни Мольеръ, ни Грибоѣдовъ не думали выставлять центральное лицо въ своихъ произведеніяхъ безусловно образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ бы идеальнымъ и по направленію, и по образу дѣйствій. Грибоѣдовъ заставляетъ Чацкаго сдѣлать довольно умѣренную оцѣнку и себя самого, и подобныхъ ему людей (въ пятомъ явленіи 2-го дѣйствія и въ монологѣ конца третьяго акта); передъ нами невсеобъемлющій умъ, не цѣльная натура; у Чацкаго много чистыхъ стремленій къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, къ наукѣ; у него «найдется пять, шесть мыслей здравыхъ», и онъ смѣло и гласно объявляетъ ихъ,—но еще вопросъ, только ли въ формѣ протеста, усвоеннаго Чацкимъ, представлялась широко образованному Грибоѣдову, другу позднѣйшихъ декабристовъ, общественная дѣятельность людей выдающихся. Точно такъ же и Мольеръ не хочетъ закрывать глаза на своего героя, на излишнюю его горячность и запальчивость, которая разгорается иногда отъ незначительныхъ поводовъ, на нетерпимость, отзывающуюся чуть не доктринерствомъ. Въ запальчивости оба склонны къ крайнимъ выходкамъ, которыя нельзя принимать буквально, а объяснить можно лишь раздраженіемъ, выходящимъ изъ предѣловъ. Альцестъ въ состояніи сгоряча сказать Селименѣ, что «ни судьба, ни демоны, ни разгнѣванное небо не могли создать такое злое существо, какъ она»; онъ обзываетъ общество «разбойничьей берлогой», «лѣсомъ, гдѣ люди живутъ настоящими волками», изъ-за малѣйшей уступки общей безнравственности онъ «готовъ съ горя повѣситься сейчасъ же». Чацкій также не обходится безъ такихъ излишествъ; сгоряча онъ является, пожалуй, защитникомъ китайской неподвижности, старовѣромъ, забывая въ эту минуту о своихъ научныхъ и политическихъ симпатіяхъ; онъ изъ-за Софьи готовъ сейчасъ же броситься въ огонь и т. д. И при всей горячности, безпокойной, неудобной въ житейскомъ отношеніи, при всей назойливой ревности, которою оба преслѣдуютъ любимую женщину, она, несмотря на кокетство, вѣтреность или же

зарождающуюся пошлость, инстинктивно отгадываетъ въ нихъ большія достоинства характера и ума. Софья, даже разлюбивъ Чацкаго, не можетъ не найти, что онъ остеръ, уменъ, краснорѣчивъ; въ послѣдней сценѣ съ нимъ она доходитъ даже до того, что передъ нимъ обвиняетъ себя кругомъ. Селимена внутри себя презрительно относится ко всѣмъ своимъ поклонникамъ, кромѣ Альцеста; ей смутно нравится его «суровая добродѣтель», неукротимый духъ; придавая своему кокетству съ другими видъ забавы, она очень заботится о томъ, чтобы не потерять въ глазахъ Альцеста; она искусно отводитъ всѣ подозрѣнія, дѣлаетъ уступки и подъ конецъ тоже кается передъ нимъ; въ письмѣ, гдѣ она осмѣяла своихъ обожателей, она пощадила только его. Въ этомъ отношеніи московская барышня значительно уступаетъ ей; она способна на время возненавидѣть Чацкаго, отдаться низкой мстительности и сознательно распространять про него нелѣпую сплетню; все это—опять черты правдивыя, вытекающія изъ бытовой постановки этого характера у Грибоѣдова.

Мы уже напоминали, что Альцестъ умышленно не лишенъ слабостей и излишествъ. Для противовѣса поставленъ рядомъ съ нимъ представитель сдержанной умѣренности и житейской мудрости въ лицѣ Филэнта, который время отъ времени, какъ Санчо Панса относительно Донъ-Кихота, долженъ охлаждать непомѣрные порывы своего друга, истолковывать ему жизненныя отношенія въ ихъ обыкновенномъ свѣтѣ и помогать въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, имъ же самимъ вызванныхъ. Продолжая параллель, мы, конечно, станемъ искать русскаго Филэнта,—тѣмъ болѣе, что въ пьесахъ, созданныхъ подъ вліяніемъ *Мизантропа*, безъ такой личности дѣло не обходится. На первый взглядъ что-то подобное Филэнту (по крайней мѣрѣ по отношенію къ главной его сторонѣ—умѣренности и аккуратности) намъ представится въ характерѣ Молчалина, составляющемъ умышленно рѣзкій контрастъ съ порывистымъ Чацкимъ; Молчалинъ проникнутъ такимъ же убѣжденіемъ въ необходимости ладить съ дѣйствительностью, принимать господствующія мнѣнія. Но, провѣряя это общее сходство, мы снова найдемъ живые признаки самостоятельности обоихъ авторовъ. Такое лицо, какъ Молчалинъ-Филэнтъ, было имъ одинаково нужно, какъ ходячее олицетвореніе общепринятой морали, но каждый изъ нихъ придалъ своему исповѣднику умѣренности особый отпечатокъ. Отнесясь къ Филэнту безъ предвзятой мысли, найдемъ, что онъ въ сущности далеко не такъ дуренъ, какъ его вообще изображаютъ. Прежде всего, онъ не подначальное лицо, которое, запомнивъ на всю жизнь, каково было «коптѣть въ Твери», изо всѣхъ силъ рвется къ обезпеченности и служебной карьерѣ, подавляетъ въ себѣ чуть не всѣ человѣческія стремленія и способно «любить по должности». Филэнтъ выросъ и воспи-

тывался вначалѣ вмѣстѣ съ Альцестомъ; онъ, повидимому, человѣкъ состоятельный и не изъ нужды выработалъ себѣ примирительную тактику, а послѣ зрѣлаго наблюденія надъ жизнью. Альцестъ долго не подозрѣвалъ въ немъ измѣнившихся убѣжденій (Молчалина же Чацкій давно знаетъ и относится къ нему съ презрѣніемъ) и, только замѣтивъ въ немъ ту же позорную уступчивость, которая возмущаетъ его въ другихъ, хочетъ сразу разорвать съ нимъ *дружбу*:

Moi, votre ami? Rayez cela de vos papiers.
J'ai fait jusques ici profession de l'être;
Mais, après ce qu'en vous je viens de voir paraître
Je vous déclare net que je ne le suis plus.

Къ горячности Альцеста Филэнтъ относится большею частью саркастически (n'en déplaise à votre austère honneur etc.), но вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной степени уважаетъ честность его убѣжденій, лишь находя ихъ непрактическими и подчасъ просто забавными. Онъ не только *смѣетъ* свое сужденіе имѣть, но, когда его другу грозитъ опасность или даже хоть мелкая непріятность, онъ по-своему волнуется и вмѣшивается. На многое онъ смотритъ такъ же, какъ и Альцестъ, но помнитъ, что эти взгляды нужно высказывать умѣючи и кстати, что есть мѣста, гдѣ полная откровенность мнѣній показалась бы смѣшною или непозволительною (il est bien des endroits où la pleine franchise deviendrait ridicule, et serait peu permise). Онъ не филантропъ, какъ его хотѣли выставить иные и какъ, пожалуй, сгоряча обозвалъ его однажды самъ Альцестъ (l'ami du genre humain), и въ то же время не безнравственный софистъ, у котораго найдется оправданіе для каждой темной продѣлки,—онъ представляетъ собою мастерское и широко-задуманное олицетвореніе идеи компромисса, царящей испоконъ-вѣка надъ человѣчествомъ.

Рядомъ съ нимъ Молчалинъ является гораздо точнѣе обрисованнымъ извѣтвленіемъ того же родового типа. Въ комедіи, впрочемъ, онъ не одинъ служитъ представителемъ морали въ филэнтовскомъ вкусѣ; тѣ же взгляды высказываютъ, кромѣ него, при разныхъ случаяхъ и Софья, и Фамусовъ; притомъ Чацкаго связываетъ съ Софіей такая же близость съ дѣтства, какъ двухъ друзей въ мольеровской пьесѣ, и совершившаяся въ ней перемѣна такъ же глубоко поражаетъ его. Взятый отдѣльно, характеръ Молчалина опять выказываетъ такое же своеобразное, чисто-русское объясненіе общаго типа, какое мы видѣли въ Софьѣ. Это русскій *чиновникъ*, съ глубоко усвоеннымъ имъ съ дѣтства (черта, приводящая на память отцовскія наставленія Чичикову) кодексомъ лакейскихъ убѣжденій. Такую форму низкопоклонство способно было принимать въ особенности у насъ вслѣдствіе различныхъ историческихъ

вліяній. Это—своего рода *дворовый*, для котораго важно было пріобрѣсти съ «чиномъ ассессора» дворянство, но который остался навсегда съ типическими особенностями крѣпостного слуги, съ наружнымъ раболѣпіемъ и потаеннымъ обманомъ. Впереди ему грезится обезпеченная жизнь, до которой онъ готовъ добраться ползкомъ,—и до судьбы другихъ людей ему дѣла нѣтъ. Ему некогда философствовать и обобщать,—въ пору только изживать подначальную жизнь въ ожиданіи лучшаго. Если онъ чему-нибудь удивляется въ Чацкомъ, позволяя себѣ въ этомъ отношеніи имѣть свое сужденіе, то именно отсутствію дѣловой, чиновничьей практичности, которая доставляетъ человѣку возможность «служить, и награжденія брать, и весело пожить». Наконецъ онъ способенъ притворяться влюбленнымъ въ Софью, увѣрять въ любви и Лизу, съ которой на дѣлѣ просто хочетъ завязать мелкую интригу,—тогда какъ спокойный разсудительный Филэнтъ, почувствовавъ привязанность къ кроткой и искренней Эліантѣ, откровенно проситъ ея согласія на бракъ по разсудку, безъ особой страсти, но съ взаимнымъ уваженіемъ.

За изученными нами тремя главными лицами обѣихъ комедій, которыми исчерпывается сродство пьесъ (для Фамусова нѣтъ прототипа у Мольера), выступаетъ множество личностей аксессуарныхъ, особенно многочисленныхъ у Грибоѣдова. Но тутъ уже открывается широкое раздолье для бытовыхъ, нравоописательныхъ картинъ, которыя гораздо полнѣе въ сатирическомъ освѣщеніи «Горя отъ ума», чѣмъ въ грознообличительномъ тонѣ *Мизантропа*. Русскій писатель, въ такой степени умѣвшій отстоять свою независимость при обрисовкѣ положеній и характеровъ, общихъ съ его стариннымъ образцомъ, здѣсь является полнымъ, неограниченнымъ властелиномъ, увѣковѣчивъ живыя черты русскаго общества начала прошлаго вѣка, съ его мутными и здоровыми теченіями, и на этомъ преимущественно основываетъ социальное значеніе своей комедіи.

Кончаемъ сравненіе обѣихъ пьесъ, и намъ кажется, что результатъ его можно назвать отраднымъ. Въ виду несомнѣннаго сходства двухъ произведеній, пришлось провѣрить главныя ихъ черты, одну за другой,—и, когда постепенно отпадали случайные, наружные признаки близости, обнаруживалось все яснѣе высшее, духовное сродство двухъ писателей съ одинаковыми задатками характера, одинаковымъ положеніемъ среди общества и яркою творческою субъективностью. Потомокъ прошелъ по пути, проложенному великимъ предкомъ, но на завѣщанной основѣ сумѣлъ возвести самобытное зданіе; русскій человѣкъ, сознавая это, можетъ добромъ помянуть мольеровскаго Альцеста, безъ котораго, кто знаетъ, не было бы, можетъ быть, и Чацкаго, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сталъ дорогъ всѣмъ намъ.

ДЕНИ ДИДРО.

1713—1784.

ОПЫТЪ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Открытое, честное лицо, лихорадочно-блестящіе глаза, устремленные вдаль, улыбка, то и дѣло мелькающая на устахъ, отражая въ себѣ быстрые скачки мысли; оживленные жесты, льющіяся рѣкой рѣчи, внутренній огонь, проникшій это хрупкое существо и согрѣвающій все, до чего онъ ни коснется,—вотъ Дидро [1]). Не ищите у него академическихъ позъ, умышленности, эффекта въ словахъ и дѣйствіяхъ,—этихъ слабостей, которымъ такъ часто подпадаютъ люди замѣчательные, но слишкомъ увѣровавшіе въ свое величіе. Это—натура безконечно откровенная, на распашку; что есть за душой, что глубоко продумала или что освѣтила неожиданнымъ блескомъ удивительно-прозорливая голова,—все щедро разсыпается на жизненномъ пути, лишь бы кому-нибудь пригодилось. Если есть за собой слабости, вонъ ихъ, на показъ всѣмъ, чтобы можно было посмѣяться вмѣстѣ! Никакого различія въ отношеніяхъ къ людямъ; привѣтливое или смѣло-правдивое слово безъ разбору обращено то къ правителямъ, то къ свѣтскимъ знакомымъ, то къ простымъ мастеровымъ; онъ вѣчно наблюдаетъ, всѣмъ интересуется въ повседневной жизни. Въ научной области тѣмъ шире его кругозоръ. То онъ углубляется въ изученіе научныхъ задачъ и тѣшится смѣлыми обобщеніями,—то рядомъ съ этимъ усвоиваетъ себѣ до мелочей технику различныхъ ремеслъ. Философія, естествознаніе, соціальныя нужды,—и интересы литературные, сценическіе, художественные, вмѣщаются въ этомъ всеобъемлющемъ умѣ. Не даромъ Вольтеръ прозвалъ его „пантофиломъ", вселюбящимъ, не даромъ его поколѣніе иначе не называло его, какъ «философомъ» по преимуществу, le philosophe. Пусть считаютъ это свой-

1) Въ Эрмитажѣ есть прекрасный бюстъ Дидро, работы ученицы Фальконета, mademoiselle Collot, славившейся въ свое время замѣчательнымъ умѣньемъ схватывать сходство.

ство неразсчетливой привычкой разбрасываться, расточать умственныя сокровища,—измѣнить его было не въ силахъ Дидро. Если, по его словамъ, у него въ одинъ и тотъ же день не одна, а сто физіономій, если къ потомству онъ долженъ былъ перейти съ такою же многообразностью Протея, которая помѣшала ему выполнить все, на что была способна его богатая натура,—не знаешь, жалѣть ли объ этомъ; такая вѣчно кипучая, отзывчивая личность образуетъ необходимый противовѣсъ величавымъ очертаніямъ избранныхъ натуръ, которыя точно изваяны изъ одного куска, уравновѣшены и окутаны ореоломъ олимпійскаго величія. Толпа инстинктивно предпочитаетъ послѣдній оттѣнокъ, не замѣчая, что люди, подобные Дидро, вышедшіе изъ ея среды, готовые служить ей всѣми силами, безконечно ближе къ ней. Но жажда славы вовсе и не мучитъ неисправимаго плебея, онъ доволенъ немногимъ, примиряется съ мыслью, что его поймутъ будущія поколѣнія, и отдается неутомимой работѣ, жжетъ свѣчу съ обоихъ концовъ. Кругомъ его щедро раздаются титулы генія. Ужъ не геній ли и онъ? «Нѣтъ, скромно отвѣчаетъ онъ,—во мнѣ слишкомъ много чувствительности, и я всегда буду лишь наполовину талантомъ». Бѣдный Дидро!

Но гдѣ граница между этими степенями умственнаго превосходства, та тонкая линія, которую такъ часто проводили и столь же часто нарушали подъ обаяніемъ перваго сколько-нибудь сильнаго эффекта? Если вѣковѣчныя, общечеловѣческія заслуги даютъ право на высшее значеніе,—въ лѣтописяхъ всеобщей культуры никогда не изгладится память объ освобождающемъ благовѣстіи, которое трудами этого человѣка и его сподвижниковъ прозвучало среди тьмы и унынія, въ великую, странную, порою страшную пору, когда побѣдные клики во славу гуманности и знанія смѣнялись сценами пытокъ и колесованія, или трескомъ костровъ, истреблявшихъ и книги, и людей. Далеко разносилось тогда это слово, проникало во всѣ концы образованнаго міра, точно призывный колоколъ, возвѣщавшій обновленіе, и цѣлыя поколѣнія обязаны были ему хоть короткимъ промежуткомъ идеальныхъ порывовъ. Или, быть можетъ, нужно видѣть печать геніальности въ той молніеносной проницательности, легкости созиданія, непринужденной творческой способности, которая такъ бѣсила пушкинскаго Сальери въ безпечномъ Моцартѣ? Дидро именно изъ такихъ быстро творящихъ, мѣткихъ отгадчиковъ, которые точно шутя подходятъ къ разгадкѣ тайны, заглядываютъ далеко впередъ, пробиваютъ новые пути. Многое онъ не докончилъ, не доразвилъ, увлеченный новою идеей, за которой устремился, но вездѣ бросилъ глубокій намекъ, остроумную догадку, или установилъ точку зрѣнія, которая всецѣло подтверждается позднѣйшей наукой. Онъ знаетъ за собой эту способность увлекаться; его мысли несутся точно въ безумномъ

вихрѣ; все, что его окружаетъ,—происшествіе на улицѣ, мѣсто изъ прочитанной книги, горячій споръ, бесѣда съ умной женщиной, даетъ толчокъ его думамъ, ассоціація идей дѣлаетъ свое, и сотни плановъ статей, комедій или разсказовъ, научныхъ опытовъ, проносятся въ его головѣ: онъ отдается опьяняющему разгулу мыслей, которыя часто называетъ своими вакханками. Въ спокойныя минуты онъ жалѣетъ объ этомъ, старается передѣлать себя; смѣясь, онъ высказываетъ тогда предположеніе, что въ этомъ, должно быть, сказалось вліяніе его родины,—всѣ уроженцы Лангра, слѣдомъ за своимъ климатомъ, отличаются непостоянствомъ и измѣнчивостью флюгера! Но въ спокойныя минуты его почти и не слѣдуетъ изучать. Лафатеръ находилъ въ его чертахъ даже слѣды робкаго и мало предпріимчиваго характера; близкіе къ нему люди видѣли у него въ заурядныя, холодныя минуты странную неловкость, стѣсненность, даже аффектацію; по выраженію Мейстера [1]), «онъ дѣйствительно становился Дидро лишь тогда, когда мысль увлекала его за предѣлы существованія»; въ состояніи энтузіазма черты его преображались, и въ нихъ «проявлялось много благородства, энергіи и достоинства». И такой человѣкъ, постоянно нуждавшійся во внѣшнемъ импульсѣ, былъ въ то же время въ состояніи, съ желѣзной послѣдовательностью ведя десятками лѣтъ изданіе Энциклопедіи, одолѣвать не только внѣшнія препятствія, но и свою натуру! Наконецъ, подъ старость, увлекшись успѣхами естествознанія, онъ же вырабатывалъ изъ себя типъ настоящаго ученаго, натуралиста, хотя для этого новаго возрожденія было слишкомъ поздно.

Подходитъ ли послѣ этого къ нему то или другое отличительное названіе изъ обычной табели о литературныхъ и научныхъ рангахъ,—пусть рѣшаютъ другіе [2]). Эта блестящая личность все-таки останется выходящею изъ ряду вонъ, ни съ чѣмъ не соразмѣримою, даже во французскомъ народѣ, чьи особенности въ ней такъ ярко сказались. Хорошо изучившій его Гриммъ говорилъ г-жѣ Неккеръ [3]), «что Дидро—человѣкъ потерянный, если только начнешь судить объ его пріемахъ, опираясь на общепринятыя правила» (je vous l'ai dit: c'est un homme perdu si on veut juger son allure suivant les principes reçus). Но вѣдь не наряжать же намъ, во что бы то ни стало, великихъ людей въ классическія тоги, драпируя ихъ льющимися складками! Какъ неловко было

---

1) Aux mânes de Diderot, par Meister, спачала папеч. въ Correspondance littéraire 1786, ноябрь.

2) Эмиль Фагэ, „Dix-huitième Siecle“, 1890, съ большою непринужденностью назвалъ его второстепеннымъ писателемъ, хотя не могъ не признать въ немъ выдающихся достоинствъ.

3) D'Haussonville. Le salon de madame Necker, 1882, I. 156.

бы въ такой одеждѣ нашему безпечному, вѣчно подвижному философу, особенно, когда онъ заспоритъ, горячится, трясетъ собесѣдника за руку или несется въ пылу страстнаго монолога! О человѣкѣ нужно судить по тѣмъ законамъ, которые онъ себѣ поставилъ, сказалъ однажды онъ самъ, и Гете, быть можетъ, лучше всѣхъ понявшій его характеръ, формулировалъ свой взглядъ въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ: «Дидро есть Дидро, человѣкъ единственный въ своемъ родѣ. Кто придирчиво относится къ его твореніямъ, тотъ самъ педантъ,—а такихъ людей легіоны. Вѣдь человѣчество не умѣетъ ни отъ Бога, ни отъ природы, ни отъ себѣ подобныхъ принимать съ благодарностью сокровища неоцѣнимыя» [1]).

I.

Біографу всегда очень кстати, когда онъ можетъ назвать своего героя сыномъ народа и показать, какъ свѣжая народная среда выставила въ немъ типическаго представителя, надѣлила его бодростью и энергіей, невѣдомой баричамъ. Это оживляетъ жизнеописаніе, подчасъ даетъ матеріалъ для прикрасъ и благонамѣренной риторики,—зрѣлище самодѣятельности всегда завлекательно. Относительно Дидро безполезны подобныя ухищренія. Его «народность» выступаетъ достаточно ярко и симпатично; гдѣ бы мы его ни видали, въ Эрмитажѣ у Екатерины, въ салонѣ Гольбаха или въ его скромной квартиркѣ, гдѣ-то подъ крышей стараго парижскаго дома, вездѣ онъ остается вѣренъ себѣ; въ демократически-просто одѣтомъ собесѣдникѣ, постоянно нарушавшемъ салонный этикетъ, всегда сквозилъ сынъ мастерового, выходецъ изъ глуши, закаленный въ Парижѣ нуждой и борьбой за существованіе. Не сельская обстановка выставила его, онъ не изъ крестьянъ. Иные, пожалуй, и его зачтутъ въ ряды возникавшаго тогда третьяго сословія, чье вырожденіе, нетерпимость и властолюбивыя притязанія въ наше время заставляютъ иногда забывать его несомнѣнныя старыя заслуги. Но для Дидро какъ будто не существовало сословныхъ перегородокъ, тѣмъ болѣе между мѣщанствомъ и деревенской массой; въ его мечтахъ объ общественномъ переустройствѣ народъ играетъ первую роль, труду отведено почетное мѣсто, и въ наукѣ его привлекаетъ прежде всего возможность отзываться на практическіе запросы. Иначе и быть не могло. Морлей [2]) остроумно указываетъ, что Дидро въ своемъ родѣ тоже могъ гордиться аристократическимъ происхожденіемъ,—въ его семьѣ цѣлыхъ

---

[1]) Въ письмѣ къ Цельтеру, отъ 9-го марта 1831.

[2]) Diderot and the encyclopedists, 1878, глава II; русск. перев. В. Н. Невѣдомскаго, 1882.

двѣсти лѣтъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, передавалось ножевыхъ дѣлъ мастерство. Достатокъ, которымъ пользовалась семья, былъ добытъ постояннымъ и честнымъ трудомъ. Старикъ-отецъ философа—одно изъ лучшихъ украшеній галлереи прямодушныхъ и глубоконравственныхъ старческихъ характеровъ, которыми такъ богатъ восьмнадцатый вѣкъ, особенно въ демократическихъ слояхъ, отстаивавшихъ свою чистоту отъ общаго растлѣнія. Таковъ былъ отецъ Бэрнса, старикъ Фонвизинъ (оригиналъ Стародума). Симпатичный образъ стараго ножевщика никогда не покидалъ сына, который съ любовью вспоминалъ о немъ, цѣня и суровость его, забывая размолвки, въ которыхъ самъ же бывалъ виноватъ. Видя вокругъ себя деморализацію и негодуя на скептицизмъ писателей въ родѣ Гельвеція, который все у людей сводилъ къ личной выгодѣ, Дидро, вспоминая, вѣроятно, объ отцѣ, утѣшалъ себя мыслью, что еще есть безкорыстные, честные люди, «которые живутъ и умираютъ вѣрные принципамъ, несмотря на общую безнравственность и низость и на безполезность добродѣтели,—хотя, нужно признаться, такіе люди очень рѣдки» [1]).

Въ небольшомъ автобіографическомъ діалогѣ [2]) онъ переносится мыслью въ старые дни и вводитъ насъ въ семейную обстановку; всѣ домашніе собрались вокругъ кресла, гдѣ больной и дряхлѣющій отецъ отдыхаетъ отъ трудовой жизни. «Мнѣ кажется, я его и теперь вижу въ его креслѣ, съ его спокойною осанкой и яснымъ челомъ. Какъ будто слышится и его голосъ. Зимній вечеръ. Передъ зажженнымъ каминомъ, вокругъ отца, сидимъ всѣ мы, мой братъ-аббатъ, сестра и я. Рѣчь у насъ идетъ о неудобствахъ знаменитости. Сынъ мой, говоритъ онъ, мы оба съ тобою надѣлали много шума на своемъ вѣку,—разница между нами лишь та, что шумъ, который ты поднималъ съ своимъ инструментомъ, лишалъ тебя покоя, а я своимъ стукомъ отнималъ покой у другихъ,—и послѣ этой шутки стараго кузнеца онъ задумался, вглядываясь по временамъ пристально то въ того, то въ другого изъ насъ». И дальше идетъ очевидно точная картинка одного изъ такихъ дружескихъ вечеровъ; отецъ вспомнилъ о трудныхъ минутахъ въ прошломъ, объ искушеніяхъ, которыя выносила его совѣсть; дѣти говорятъ ему свое мнѣніе, вѣчно горячій Дени заспорилъ, но надъ всѣмъ царитъ спокойное благодушіе отца, который и пошутитъ, и пожуритъ, и обмолвится ласковымъ словцомъ. Такъ нарисуетъ потомъ Бэрнсъ въ прелестномъ стихотвореніи идиллическую картину субботняго вечера въ родительскомъ домѣ, такъ Руссо будетъ вспоминать, какъ они съ отцомъ читали Плутарха.

---

[1]) Réfutation de l'ouvrage de mr. Helvétius intitulé „L'Homme".

[2]) Entretien d'un père avec ses enfants.

Старика Дидро всѣ уважали; къ нему приходили совсѣмъ чужіе люди, избирая его посредникомъ въ несогласіяхъ, душеприказчикомъ. Онъ былъ глубоко набоженъ и простъ въ своихъ вкусахъ; онъ не сталъ бы, вродѣ отца Бомарше, тоже по своему чадолюбиваго, состязаться съ сыномъ въ кропаніи мадригаловъ или выспрашивать у юноши о его любовныхъ похожденіяхъ. Но въ то же время онъ не страдалъ всепримиряющей елейностью, напротивъ, рѣзалъ правду всѣмъ въ глаза,— и эта черта передалась сыну, много испортивъ ему въ жизни. «Я точно созданъ, чтобы говорить правду моимъ друзьямъ, подчасъ и постороннимъ, — пишетъ онъ Вольтеру, — это свойство болѣе почетное, чѣмъ мудрое» [1]); оглядываясь въ концѣ жизни на пройденное поприще, онъ сознавался себѣ, что могъ заблуждаться, но не кривилъ душой,—въ томъ порукой строгій судья, немолчно бьющійся въ груди. «Всю жизнь жалѣлъ я,—пишетъ онъ въ другой разъ одному совѣтнику парламента,—что не выбралъ профессіи адвоката; быть-можетъ, я не выказалъ бы въ палатѣ таланта замѣчательнаго оратора, но, конечно, я обнаружилъ бы свойство полной правдивости» [2]). Культъ прямодушія, очевидно, охватилъ его съ дѣтства, и ветхозавѣтный образъ отца на ряду съ любимой женщиной и немногими друзьями заставилъ его вѣрить въ человѣчество. Суровый старикъ сначала осуждалъ поведеніе сына въ Парижѣ, безпорядочное, безъ опредѣленнаго занятія и еще болѣе очерненное сплетнями, но стоило Дидро примчаться въ Лангръ, пожелать объясненія, и вскорѣ размолвки какъ не бывало; ласковыя отношенія между ними не прерывались болѣе.

Ровныя впечатлѣнія родного дома, гдѣ все манило къ тихой, искони трудовой жизни, не могли однако удовлетворять молодую натуру, жаждавшую новизны и оживленія, рвавшуюся на волю. Опредѣленныхъ идеаловъ у него не было, профессіи онъ никакъ не могъ выбрать, готовясь быть то медикомъ, то юристомъ, то бросая іезуитскую школу, чтобъ стать за верстакомъ и помогать отцу въ работѣ. Ученіе шло успѣшно, но неровно; изъ школы онъ убѣгалъ въ поля, за городъ, на охоту или сидѣлъ за веселой пирушкой съ товарищами. Сладить съ нимъ было трудно, и отецъ задумывался надъ его судьбой, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его встревожило подозрѣніе, что іезуиты совсѣмъ завладѣютъ сыномъ и увезутъ его куда-нибудь вдаль, чтобы воспитать въ своемъ духѣ на пользу ордена. Онъ отправилъ его въ Парижъ и такимъ образомъ самъ ввелъ его въ ту среду, которая должна была стать ареной его дѣятельности. Ученикъ collège d'Harcourt увлекся

---

1) Письмо отъ 10-го февраля 1766.

2) Переписка, томъ 20-й, 5, Oeuvres complètes, издан. Ассеза и Мориса Турнэ. Всѣ цитаты приведены по этому лучшему изданію.

оживленіемъ большого города и, окончивъ курсъ, не могъ уже вернуться на старую дорогу. Онъ, наконецъ, все бросилъ для Парижа, для возможности жить независимо, отдаваясь своимъ влеченіямъ, не послушался послѣдняго напоминанія отца, не побоялся угрозы лишить его скуднаго содержанія и промѣнялъ затишье на шумъ и суету столицы.

Ходъ вещей, обычный въ большинствѣ біографій замѣчательныхъ людей, неумѣнье родителей понять настоящее призваніе молодого человѣка, семейный разладъ, рядъ ошибокъ и колебаній. Иной разъ можетъ даже показаться, что эти помѣхи разставлены умышленно судьбой, что безъ нихъ люди не доходили бы до цѣли, и что человѣкъ, котораго съ малолѣтства ведутъ систематическимъ путемъ, разравнивая все въ жизни, при нашемъ строѣ быта не добудетъ себѣ той энергіи и свѣжести взгляда, которая вырабатывается у такого «блуднаго сына». Легко ли дается такая школа опыта,—другой вопросъ. Но не у всѣхъ пора искуса такъ продолжительна и безотрадна, какъ у Дидро. Кто не знаетъ, черезъ какія униженія и несчастія прошелъ другъ его молодости, Руссо, который самъ позаботился драматически пересказать ихъ въ своей исповѣди! Біографы Дидро не разъ жалѣли [1]), что онъ пренебрегъ такимъ благовиднымъ средствомъ заинтересовать массу, и если бы не случайныя обмолвки въ его письмахъ и литературныхъ произведеніяхъ, да три, четыре анекдота, пересказанные съ его словъ въ мемуарахъ его дочери [2]), мы очень мало знали бы о первой порѣ его голодной и безпріютной жизни въ Парижѣ, которую придирчивые судьи, въ родѣ Карлейля [3]), тѣмъ не менѣе обзываютъ «бездѣльничаньемъ». Онъ попалъ въ кругъ писательской и педагогической богемы, работая по заказу, давая грошовые уроки, особенно по математикѣ, къ которой пристрастился въ школѣ. Но правильная жизнь для него тягостна; нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ зажиточной семьѣ въ качествѣ воспитателя, кажутся ему подъ конецъ пыткой; онъ боится втянуться въ мѣщанскій складъ и привычки. Съ непонятливымъ ученикомъ его не заставитъ заниматься даже мысль о кускѣ хлѣба. Живетъ онъ на чердакѣ, зато независимъ, читаетъ много, и только то, что захочетъ,

---

[1]) Розенкранцъ, Морлей, авторъ біографич. введенія къ Oeuvres choisies de D., édition du centenaire, и др.

[2]) Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des oeuvres de m-r Diderot par Madame de Vandeul, sa fille. Ея показанія, однако, должно принимать съ такою же осторожностью, какъ біографическія свѣдѣнія Нэжона, поклонника Дидро, перваго тщательнаго издателя его сочиненій (1798, въ 15 томахъ).

[3]) Critical and historical Essays; русскій переводъ, „Историч. и критич. опыты", М., 1878.

о чемъ не говорилъ ему никто ни въ провинціальной глуши, ни въ парижскомъ коллежѣ. Немного нужно было ему пробыть въ столицѣ, чтобъ замѣтить, какъ скудно его образованіе; живое движеніе начиналось тогда въ наукѣ, обновлявшейся подъ вліяніемъ англійской философіи и опытнаго знанія. Приходилось переучиваться, и по мѣрѣ того какъ выяснялись основныя положенія новой школы, энтузіазмъ овладѣвалъ юношей; теперь ему стоило жить. Что за бѣда, что онъ часто голодаетъ, что кошелекъ его пустъ,—онъ этого не замѣчаетъ! Преданная служанка принесла ему присланныя тайкомъ матерью деньги, нарочно пѣшкомъ пришла изъ Лангра, чтобъ и свои сбереженія отдать юношѣ, — вскорѣ и этихъ денегъ нѣтъ. Голодный бродилъ онъ по Парижу, въ обморокѣ упалъ у двери своей квартиры и, приведенный въ чувство сердобольной хозяйкой, которая поспѣшила накормить его, далъ себѣ патетически-торжественную клятву отнынѣ не отказывать въ помощи ни одному бѣдняку, который бы постучался къ нему.

Въ ту пору, такою же жизнью, тоже лѣпясь на чердакахъ, обѣдая чѣмъ Богъ послалъ, работая за гроши и наслаждаясь возможностью отдаваться умственной дѣятельности, жило въ Парижѣ нѣсколько такихъ же талантливыхъ бѣдняковъ. Если Дидро училъ математикѣ, а иной разъ, потѣшаясь внутренно надъ странностью предложенія, писалъ по заказу за нѣсколько су проповѣдь для безграмотнаго аббата,— Руссо до утомленія переписывалъ ноты, Кондильякъ бѣгалъ по урокамъ, а Даламберъ, сынъ знатной дамы, которая подкинула его на церковную паперть, могъ существовать только благодаря материнскимъ попеченіямъ прачки, которая пригрѣла его, воспитала и сильно полюбила, горюя только о томъ, что онъ выбираетъ себѣ неблагодарнѣйшую профессію «философа». Мало-по-малу молодежь перезнакомилась, сошлась, въ хорошіе дни обѣдала въ студенческихъ кабачкахъ, обмѣнивалась планами и широкими взглядами; все это было бѣдно и восторженно. Странный собесѣдникъ Дидро въ діалогѣ «Племянникъ Рамо» напомнилъ ему это время,—очевидно, они съ нимъ давно знакомы. «Помнитъ ли онъ, какъ лѣтомъ приходилъ онъ, бывало, въ Люксембургскій садъ въ сѣромъ плюшевомъ кафтанѣ, проношенномъ съ боку, въ черныхъ шерстяныхъ чулкахъ, заштопанныхъ сзади бѣлыми нитками,—какъ уныло бродилъ по Аллеѣ Вздоховъ, а потомъ по улицамъ,—какъ училъ математикѣ, и самъ обучался во время уроковъ?»

Такъ проходилъ годъ за годомъ, и только молодость и неистощимый запасъ доброй воли и веселости помогали переживать сѣрую, неприглядную пору. Дружескій кружокъ разростался; въ него вошли начитанный, искусно владѣвшій перомъ адвокатъ Туссенъ, аббатъ Де-Прадъ,—которымъ вскорѣ предстояло пострадать за свободныя убѣжде-

нія. Дидро—преданный другъ, способный усвоить себѣ всѣ интересы близкаго человѣка, влiять на него, въ свою очередь подчиняться его руководству; иной разъ онъ слишкомъ склоненъ анализировать поступокъ прiятеля и можетъ показаться требовательнымъ и докучнымъ, но въ немъ говоритъ въ эту минуту не тираническая замашка [1]), а то же идеализованное представленіе о дружбѣ, которую онъ разорветъ, какъ только замѣтитъ измѣну убѣжденіямъ или нравственную дряблость [2]). Но одна дружба не могла удовлетворить его привязчиваго сердца; онъ еще горячѣе увлекался женщинами, и у него уже длинный списокъ мимолетныхъ связей. Но кого встрѣчаетъ онъ, и изъ какихъ опытовъ складываются его взгляды на женщину, теорія любви и брака! Его подруги народъ не замысловатый, но съ ними весело, можно проказничать напропалую! Дидро пока бóльшаго и не требуетъ и пускается въ забавнѣйшія похожденія во вкусѣ старыхъ фабльо. Наступили, однако, минуты раздумья и усталости. Тупая случайность житья въ hôtel garni свела Руссо съ Терезой; въ припадкѣ утомленія скитальческой жизнью и недолговѣчными сближеніями Дидро заглядѣлся на хорошенькое личико сосѣдки, дочери фабриканта, m-lle Champion; оно поманило его къ покою, къ семьѣ. Заботливость, съ которой дѣвушка ходила за нимъ во время его болѣзни, не посмотрѣвъ на людское мнѣніе, окончательно убѣдила его, и онъ, точно въ чаду, сгоряча женился, разсердивъ отца,—и скоро понялъ, что сдѣлалъ тяжкую ошибку.

Потребность въ глубокой привязанности къ женщинѣ умной и развитой сложилась у него не сразу, но, сходясь на время съ совершенно иными женщинами, онъ смутно предчувствовалъ что-то лучшее, и когда встрѣтилъ, наконецъ, хоть и поздно, достойную его подругу, отдался этому чувству навсегда; врядъ ли онъ по своей природѣ не былъ «однолюбомъ». Отголоски прежнихъ привычекъ, непринужденной холостой

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ старались объяснить его дѣйствія пристрастные сторонники Руссо, взводящіе на одного Дидро вину ихъ размолвки. См. напр. введеніе Жюля Леваллуа къ изданію переписки Руссо (J. J. Rousseau, ses amis et ses ennemis, pub. p. Streckeisen-Moultou, P. 1865).

[2]) Такъ разошелся онъ съ Де-Прадомъ, который послѣ гоненій на книгу свою отрекся отъ нея. Сначала онъ былъ высокаго мнѣнія о Тома, но, когда тотъ написалъ переполненное любезностями похвальное слово дофину, онъ назвалъ его поступокъ по имени. „Никогда еще искусство слова не было такъ обезчещено. Вы перебрали всѣхъ великихъ людей настоящаго, прошедшаго и будущаго, и унизили ихъ передъ ребенкомъ, который ничего особеннаго ни сказалъ, ни сдѣлалъ. Ужъ не считаете ли вы, что вашъ принцъ достойнѣе Траяна? Такъ знайте же, что Плиній своимъ „Похвальнымъ словомъ Траяну" покрылъ себя позоромъ. Вамъ слѣдовало поддержать репутацію правдивости и честности, но вы готовитесь потерять ее. Если когда-нибудь новый Тацитъ напишетъ исторію нашего времени, ваше имя будетъ тамъ отмѣчено позорнымъ пятномъ".

жизни и связей въ полусвѣтѣ, гдѣ онъ бывало искалъ утѣшенія отъ домашней обстановки, сказываются у него часто и впослѣдствіи въ чисто-боккачьевскихъ эпизодахъ, вставленныхъ въ повѣсти и діалоги,— даже въ письма къ любимой женщинѣ! Но чѣмъ позже возьмемъ мы ихъ, тѣмъ они становятся рѣже и, наконецъ, исчезаютъ. Судя по нимъ, ошибочно было бы считать Дидро послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ циникомъ, который находитъ особое удовольствіе, уснащивая свой разсказъ пряными подробностями. Эти сценки, иногда очень забавныя, какъ-то срываются у него съ языка, и строгіе отзывы о нихъ, встрѣчаемые часто и теперь, слишкомъ чопорны. Онъ постоянно является горячимъ заступникомъ за женщину, ея права, ея образованіе, и въ письмѣ къ умной и строгой г-жѣ Неккеръ, которую очень уважалъ, чрезвычайно жалѣлъ, что не встрѣтилъ ея раньше; «вы бы, конечно, внушили мнѣ,—говорилъ онъ ей,—любовь къ душевной чистотѣ и тонкости чувства, которая перешла бы изъ души моей и въ мои произведенія».

Жена Дидро не подходила подъ такія сложныя требованія, оставаясь на уровнѣ элементарныхъ условій семейнаго счастья; она была бережлива, молча переносила лишенія первыхъ лѣтъ, по своему даже баловала мужа, но плохо понимала значеніе и пользу его занятій; вдаваясь все болѣе въ набожность, она не могла сочувствовать свободомыслію Дидро; только съ годами научилась она не посягать на его духовный міръ, останавливаясь съ уваженіемъ у его порога,—да и то, кажется, ее всего болѣе навелъ на умъ почетъ, которымъ постепенно окружала вся мыслящая Европа ея мужа-вольнодумца. Наконецъ характеръ ея былъ неровенъ, капризенъ, и ея дочь въ своихъ мемуарахъ не могла не признаться, что домашняя обстановка отца иногда напоминала адъ. Не удивительно, что вопросъ о бракѣ и разводѣ такъ часто выступалъ въ его произведеніяхъ, что въ наиболѣе откровенныхъ его письмахъ слышится горькое сожалѣніе о необдуманномъ поступкѣ, совершонномъ въ ранней молодости. Въ грезахъ о возвратѣ къ первобытной простотѣ, порожденныхъ чтеніемъ донельзя прикрашеннаго путешественникомъ описанія чистоты нравовъ на Отаити [1]), ему представляются искренния, свободныя отношенія любящихся, и онъ влагаетъ въ уста дикаря недоумѣвающія возраженія при видѣ взаимнаго обмана и терзаній, которыя у бѣлыхъ испытываютъ охладѣвшіе другъ къ другу супруги, лишь бы съ виду поддержать нерасторжимость брака. Но къ

[1]) Supplément au Voyage de Bougainville. Это почти единственная дань, которую Дидро заплатилъ модному увлеченію своего времени первобытной нравственной чистотой племенъ некультурныхъ; то было какъ бы косвенное вліяніе пропаганды Руссо, противъ которой онъ потомъ принципіально возставалъ.

отдѣльнымъ случаямъ дружныхъ брачныхъ союзовъ Дидро всегда относился съ особеннымъ сочувствіемъ; онъ и для себя пожелалъ бы того же впослѣдствіи, если бы могъ соединить свою судьбу съ любимой женщиной,—но ея семья пошла противъ этого, домашній очагъ и долгая привычка напоминали о себѣ, и онъ остался навсегда прикованнымъ къ цѣпи.

Одно только существо скрашивало ему домъ,—его дочь. Ее онъ полюбилъ сильно: je suis fou à lier de ma fille, говаривалъ онъ; мысль о ней, о ея будущности, приданомъ не разъ заставляла его задуматься и вкладывала перо въ его руки. Да и вообще для поддержанія семьи нужно было работать,—и первые печатные труды Дидро вызваны были экономическими соображеніями. Сначала онъ выступаетъ въ качествѣ переводчика съ англійскаго языка, который уже зналъ основательно; съ нимъ работаютъ и пріятели, особенно Туссенъ, переводятъ по заказу что попало, исторію Греціи, медицинскій словарь; только въ переводѣ «Опыта о достоинствахъ душевныхъ и добродѣтели» Шефтсбери послышался впервые голосъ переводчика, который отважился отнестись къ работѣ свободно, дополняя и объясняя ее своими доводами. Можно догадываться, что выборъ книги принадлежалъ ему, и что онъ занялся ею съ любовью. Взгляды утонченно-развитого, остроумнаго философа-джентльмена должны были привлекательно подѣйствовать на молодую и уже нѣсколько экзальтированную голову. Высокое представленіе о добродѣтели, вѣра, что только нравственная сила приноситъ человѣку счастье, что развитіе эстетическаго начала содѣйствуетъ добродѣтели, требованіе свободы свѣтлымъ свойствамъ человѣческой натуры и презрѣніе къ фанатизму и варварству, къ изувѣрству, предразсудкамъ,— таковы главныя черты ученія, которое усвоилъ себѣ и переводчикъ, уже настолько начитанный, что могъ обставить переводимую книгу нѣкоторымъ научнымъ аппаратомъ. Его мысль, однако, быстро работаетъ, вскорѣ далеко обгонитъ онъ учителя; но Шефтсбери нѣкоторыми своими сторонами привлекалъ его и впослѣдствіи,—Дидро всегда высоко ставилъ вліяніе искусства на жизнь, а въ умѣніи осмѣять слабости противника онъ вмѣстѣ съ Вольтеромъ послѣдователь Шефтсбери, который видѣлъ въ смѣхѣ одно изъ могущественныхъ орудій въ борьбѣ съ врагами знанія.

«Философскія мысли» уже всецѣло принадлежатъ Дидро, составляя естественное дополненіе предшествующей книги. Очевидно, идеи, зароненныя въ его умъ англійскимъ философомъ, попали на благопріятную почву, слились съ собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ. Коренной врагъ «энтузіазма», который порождаетъ изступленныя аскетическія выходки, переноситъ человѣка въ міръ галлюцинацій, ведетъ къ жаждѣ

чудесныхъ явленій и мученичества, Шефтсбери какъ бы указывалъ своему почитателю на такія же уродства и во французскомъ обществѣ, на опасности клерикализма, на силу суевѣрій. Въ собственной семьѣ Дидро могъ видѣть живой примѣръ изуродованія способной натуры подъ вліяніемъ затхлыхъ идей піэтизма; его братъ, ставъ аббатомъ, вдавался съ каждымъ годомъ въ крайнюю нетерпимость, считалъ Дидро погибшимъ, разссорился съ нимъ, и вражду свою не позабылъ и послѣ его смерти. Не безъ умысла переводъ «Опыта» Шефтсбери былъ посвященъ этому брату, не встрѣтивъ въ немъ, конечно, никакого сочувствія. Борьба противъ усиливавшихся притязаній духовенства, которое вступало въ заговоръ съ могущественною свѣтскою властью, уже разгоралась. На сценѣ снова, какъ въ дни Корнеля, подъ видомъ жрецовъ бичевались служители папы, выставляемые шайкой корыстныхъ обманщиковъ; Вольтеръ сорвалъ съ нихъ маску и въ «Эдипѣ», заявивъ, что сила ихъ основана лишь на нашемъ легковѣріи, и въ «Генріадѣ», гдѣ на ряду съ ужасами Варѳоломеевской ночи выставилъ идеалъ вѣротерпимости, и въ «Англійскихъ письмахъ», гдѣ нарисовалъ въ привлекательныхъ краскахъ свободу совѣсти и слова въ сосѣдней странѣ. Дидро пошелъ по тому же пути и въ «Философскихъ мысляхъ» высказалъ печатно то, что проповѣдывалъ въ кругу друзей, что являлось, быть можетъ, результатомъ обмѣна мыслей между ними. Туссенъ, повидимому, тогда уже готовилъ книгу, которая доставила ему временную, но обширную извѣстность, почетную роль въ передовомъ кружкѣ, приглашеніе къ Фридриху. Подъ нѣсколько неопредѣленнымъ заглавіемъ «Les moeurs» онъ пытался противопоставить клерикальной морали иную, проникнутую терпимостью, любовью къ людямъ, высокимъ взглядомъ на человѣческое достоинство, возставалъ противъ хитросплетеній догматики и, опять слѣдомъ за англичанами, устанавливалъ основы «естественной религіи», въ которой въ ту пору многіе изъ сомнѣвавшихся и протестовавшихъ начинали искать себѣ прибѣжища. Успѣхъ этой книги показалъ, до какой степени она отвѣчала запросамъ минуты. Ее сожгли по распоряженію парламента (1748), но уцѣлѣвшіе экземпляры ходили вездѣ по рукамъ [1]). Читали ли вы «Les moeurs»?—таковъ былъ, говорятъ, первый вопросъ, который предлагали тогда другъ другу при встрѣчѣ всѣ сколько-нибудь образованные люди [2]).

Вѣроятно, съ такимъ же увлеченіемъ читались и «Философскія мысли», предварившія книгу Туссена на два года; точно такъ же сожжен-

---

[1]) Вскорѣ она явилась въ нѣмецкомъ переводѣ: Die Sitten, Frankfurt, 1754; ее перевели на англійскій, итальянскій и голландскій языки.

[2]) Felix Rocquain. L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, 1878, p. 125.

ныя, онѣ тотчасъ были перепечатаны тайкомъ, и дальнѣйшія изданія, съ фиктивными указаніями мѣста выпуска, быстро шли одно за другимъ. Мало кому извѣстный авторъ становился лицомъ замѣтнымъ и опаснымъ. Смѣло шелъ онъ навстрѣчу гоненіямъ и съ гордостью становился въ ряды еще болѣе глубокихъ скептиковъ, пострадавшихъ до него. «Я знаю,—говорилъ онъ, — что люди набожные поспѣшатъ ударить въ набатъ, и готовлюсь къ клеветамъ, которыя они взводили на людей гораздо достойнѣе меня. Если я прослыву только деистомъ и чудовищемъ, я дешево отдѣлаюсь. Они прокляли Декарта, Монтаня, Бэйля, Локка и, надѣюсь, проклянутъ еще многихъ другихъ». Написать эту книгу было, очевидно, для Дидро настоящею потребностью; пробудившаяся критическая мысль рвалась на просторъ, чтобъ гласно заявить свои сомнѣнія и недовольство. «Я заблудился ночью среди необъятнаго лѣса; одинъ только слабо мерцающій огонекъ еще указываетъ мнѣ путь. Но тутъ подходитъ ко мнѣ неизвѣстный и говоритъ: другъ мой, загаси свою свѣчу, ты лучше найдешь тогда дорогу... Этотъ неизвѣстный—богословъ». И наперекоръ подобнымъ взглядамъ путникъ идетъ впередъ; способность допытываться, провѣрять разумомъ для него дорога; быть-можетъ, онъ не найдетъ истины, но будетъ во что бы то ни стало искать ее; обычныя темы богословскихъ споровъ, чудеса и знаменія, вѣчныя мученія, первородный грѣхъ, степень правовѣрія различныхъ религій подвергаются разсмотрѣнію въ его книгѣ. Въ тѣ минуты, когда она складывалась изъ летучихъ набросковъ и афоризмовъ, стоило иной разъ только взглянуть въ окно, чтобы понять, насколько умѣстенъ былъ такой пересмотръ ходячихъ понятій. По улицамъ толпа фанатиковъ отправлялась въ процессіи къ могилѣ діакона Париса, еще незадолго передъ тѣмъ изумлявшаго столицу своимъ кликушествомъ и юродствомъ,—и тѣло его совершало чудеса. Отовсюду слышались толки о новыхъ святошахъ и юродивыхъ, находившіе сочувственный отголосокъ и въ толпѣ, и въ высшихъ церковныхъ слояхъ. Въ Сорбоннѣ шли богословскіе диспуты, переносившіе слушателя въ средніе вѣка; духовенство занято было почти исключительно распрями изъ-за римскихъ попытокъ подчинить французскую церковь; о злосчастной буллѣ Unigenitus, возбудившей эти раздоры, было гораздо больше рѣчи, чѣмъ о нуждахъ массы, грубѣвшей въ суевѣріяхъ. Среди застоя виднѣлась лишь горсть пробудившихся, образованныхъ людей, привыкшихъ жить своимъ разумомъ, освоившихся съ новой наукой и скорбѣвшихъ о духовномъ плѣненіи массы. «Философскія мысли» были однимъ изъ первыхъ проявленій протеста новыхъ людей, и въ этомъ ихъ главное значеніе. Ревностный послѣдователь англійской науки, только что внесенной во Францію благодаря Мопертюи и Воль-

теру,[1]) Дидро не могъ остановиться на своихъ отрывочныхъ «Мысляхъ»; при всемъ остроуміи онѣ еще отмѣчены дилеттантизмомъ, бойкостью выраженій, которую можно встрѣтить у любого діалектика. Отъ критическихъ нападокъ онъ попытался перейти къ построенію, и на изслѣдованіи частнаго факта примѣнить свою склонность къ анализу. Въ созерцательную область уходилъ онъ все съ большимъ наслажденіемъ; эти занятія служили для него поправкой жизни, которая опять отклонилась отъ цѣли подъ вліяніемъ новаго, столь же неудачнаго увлеченія. Только наплывомъ сердечной тоски и временной праздностью можно объяснить связь Дидро съ пожившей уже кокеткой, жадной до денегъ, вѣтреной и въ то же время занятой своею грошовою литературною извѣстностью. Г-жа де-Пюизье подъ конецъ выказала себя въ настоящемъ свѣтѣ, и Дидро съ негодованіемъ отвернулся отъ нея, но она уже успѣла истомить его вѣчными требованіями денегъ, эксплоатаціей, которую только онъ въ состояніи былъ не замѣчать; ради нея онъ усиленнѣе сталъ работать, продавая вдохновеніе торгашамъ. Такъ изданы были «Философскія мысли», и рядомъ съ ними набросаны первыя повѣсти Дидро, непринужденный наборъ занимательныхъ, фантастическихъ, то безхитростныхъ, то глубоко задуманныхъ сценъ, съ сильнымъ оттѣнкомъ гривуазности, въ то время такъ нравившимся публикѣ, воспитанной на романахъ младшаго Кребильона.

Свойства Дидро, какъ разсказчика, обозначились тутъ вполнѣ, хотя писалъ онъ эти бездѣлки, не заботясь о выдержанности плана или вѣрности характеровъ; онъ просто призывалъ неистощимую фантазію на помощь, чтобы выйти изъ труднаго житейскаго положенія. Такія натуры имѣютъ мало склонности къ обширнымъ художественнымъ созданіямъ; ихъ настоящій удѣлъ—миніатюрные, законченные, полные жизни и вымысла, сцены, эскизы. Дидро, въ которомъ, казалось, было столько задатковъ, обѣщавшихъ замѣчательнаго романиста, не оставилъ ни одной обширной повѣсти; самыя лучшія его произведенія въ этомъ родѣ—блестящая цѣпь разнообразныхъ и остроумно переданныхъ новеллъ. Такова и самая ранняя повѣствовательная попытка, «Les bijoux indiscrets», гдѣ авторъ, во вкусѣ фривольныхъ разсказчиковъ своего времени, проводитъ читателя сквозь вереницу любовныхъ похожденій, ко-

---

[1]) Какъ ни странно видѣть защитниками и пропагандистами одного и того же ученія такихъ враговъ, какъ Мопертюи и Вольтеръ, обезсмертившій своего противника въ шутовскомъ образѣ „доктора Акакія", несомнѣнно, что Мопертюи первоначально много потрудился надъ распространеніемъ и популяризаціей англійской науки во Франціи. Самъ Дидро, ссылаясь въ своихъ работахъ на брошюры нѣкоего доктора Баумана, быть-можетъ, еще не зналъ, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывался Мопертюи.

торыя должны показать, до какой степени постоянство рѣдко между женщинами; женскіе характеры быстро смѣняются передъ нами,—и куда ни проникнетъ невидимкой султанъ Монгогулъ съ волшебнымъ талисманомъ, вездѣ будуарныя тайны раскрываются въ неожиданной, капризной, часто противоестественной обстановкѣ. Современные нравы давали богатую пищу для подобныхъ наблюденій, и Дидро не приходилось брать на себя излишній трудъ вымышлять пикантныя подробности, какъ сдѣлалъ бы разсказчикъ, опытный въ изготовленіи развращающаго чтенія. Нравы вокругъ были таковы, что изобрѣтать ничего не приходилось, и вымыселъ, самый рискованный, остался бы значительно ниже дѣйствительности, какою сохранили ее намъ скандальная хроника, мемуары, сатирическія пѣсни. Писано это было на скорую руку, и если иныя страницы носятъ печать сильнаго таланта, то вполнѣ случайно, какъ бы вопреки обстоятельствамъ. Пестрые волшебные узоры, обязательные въ полувосточной аллегоріи, превращаются иногда въ роскошную картину съ живыми красками и нѣгой, и среди фантасмагорій, особенно когда онѣ переносятъ насъ въ міръ сновидѣній, выступаютъ завѣтныя грезы не боккачьевскаго ученика, а страстнаго поклонника научнаго прогресса и убѣжденнаго врага метафизическихъ умозрѣній.

На крыльяхъ сна уносится онъ въ таинственное пространство. Тамъ, точно поддерживаемое волшебствомъ, парило странное зданіе. Онъ подошелъ къ подножію трибуны, надъ которой тонкимъ балдахиномъ висѣла паутина. Подъ нею на возвышеніи возсѣдалъ старецъ съ длинной бородой, какъ будто не сознавая опасности своего положенія. Онъ по временамъ опускалъ тростникъ въ сосудъ, наполненный неуловимо-тонкой жидкостью, и пускалъ воздушные пузыри, а толпа восхищенныхъ зрителей спѣшила возносить ихъ до небесъ. Но въ отдаленіи вдругъ показался ребенокъ, подвигавшійся медленно, увѣренною поступью. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, его члены уплотнялись, становились все длиннѣе; онъ принималъ множество образовъ, то направляя къ небу телескопъ, то измѣряя давленіе воздуха, разлагая лучи свѣта. Наконецъ онъ сталъ великаномъ; голова его уходила въ небесную глубину; ноги скрывались въ безднѣ; въ рукѣ онъ держалъ факелъ. „Что это за исполинское существо идетъ на насъ?—спросилъ я Платона.—Узнай же, это *Опытъ;* бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе; это зданіе распадется въ одинъ мигъ“.

Если даже въ странной рамкѣ сборника легкихъ новеллъ неожиданно могла прозвучать такая хвалебная пѣснь знанію, очевидно никакія отклоненія и ошибки не смогутъ уже болѣе остановить начавшагося прозрѣнія. Связь съ вѣтреной и нестоившей его женщиной порвалась вскорѣ, прибавивъ еще одно разочарованіе въ любви; тѣмъ сильнѣе

привязался онъ къ предмету своей новой страсти—наукѣ. Въ «Письмѣ о слѣпыхъ, предназначенномъ для зрячихъ», онъ съ увлеченіемъ пошелъ слѣдомъ за побѣдоноснымъ Опытомъ. Его заинтересовалъ вопросъ: въ какомъ видѣ рисуется слѣпому окружающій его міръ и человѣческія отношенія, свободно ли зарождаются въ немъ нравственныя, эстетическія, религіозныя представленія, и какъ объяснитъ онъ себѣ дѣйствительность, если удачная операція излѣчитъ его отъ слѣпоты; на этомъ примѣрѣ онъ захотѣлъ подтвердить вліяніе чувственнаго опыта на образованіе идей. Ему помѣшали присутствовать при снятіи катаракта, съ перваго же мгновенія уловить вырывающіяся послѣ прозрѣнія впечатлѣнія и сужденія. Да онъ и самъ сознавалъ, что трудно было бы подготовить паціента къ ожидающимъ его философскимъ запросамъ. Но онъ не смутился отказомъ Реомюра, отыскалъ подходящихъ субъектовъ, перечиталъ все, что могла дать скудная медицинская литература, и на основаніи этого матеріала, идя по слѣдамъ Локка и предшествуя теоріи своего друга Кондильяка [1]), построилъ свои соображенія, ломая по пути общепринятыя богословскія и этическія воззрѣнія, ставя на смѣну врожденныхъ идей результаты нашихъ наблюденій. Отъ частной темы его влечетъ къ обобщеніямъ. Вопросъ о постепенномъ изощреніи органовъ чувствъ, которое ведетъ за собой расширеніе мыслительной сферы, приводитъ его къ представленію о безконечномъ процессѣ развитія организмовъ, о борьбѣ за существованіе, и вымираніи особей съ слабыми жизненными задатками. Въ этомъ раннемъ произведеніи (1748) уже виденъ проблескъ научно-философскихъ воззрѣній, которыя къ концу жизни Дидро взяли верхъ надъ всѣми его симпатіями и сдѣлали его провозвѣстникомъ современной намъ науки.

«Письмо о слѣпыхъ» заключало въ себѣ, конечно, достаточно еретическихъ мнѣній, чтобы вызвать гоненіе на его автора. Клерикалы могли возстать противъ доказательства слабаго развитія религіозности у слѣпого, если онъ предоставленъ себѣ; люди нравственные съ негодованіемъ читали тѣ строки, гдѣ приводились факты, свидѣтельствующіе, что такому слѣпцу неизвѣстно чувство стыдливости, которому его приходится научать; наконецъ весь духъ книги, проникнутой полемическимъ воодушевленіемъ и громившей различные «предразсудки», долженъ былъ показаться опаснымъ въ то время, столь враждебное свободѣ изслѣдованія. Но исторія гоненій, которымъ такъ часто подвергались оппозиціонные мыслители 18-го вѣка, показываетъ, что повода къ суровымъ мѣрамъ приходится искать иногда не въ высказанныхъ ими взглядахъ, а въ мелкихъ интригахъ, зависти или злобѣ вліятельныхъ

1) „Traité des sensations" Кондильяка появился лишь въ 1754 году.

лицъ, въ личныхъ счетахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ литературой. Такъ Вольтеръ былъ брошенъ въ тюрьму, потомъ высланъ въ Англію не за стихотворенія или трагедіи, но за то, что наемные негодяи, подосланные знатнымъ его врагомъ, подвергли поэта тяжкому истязанію, а онъ не смолчалъ и громко требовалъ удовлетворенія. Такъ Бомарше очутился въ тюрьмѣ потому, что былъ счастливымъ соперникомъ въ любви вліятельнаго и бѣшенаго нравомъ аристократа. И Дидро пострадалъ не столько за взгляды, высказанные въ «Письмѣ о слѣпыхъ», сколько за то, что попрекнулъ въ немъ Реомюра отказомъ допустить его на операцію, которую знаменитый докторъ показалъ же знатной, но совершенно невѣжественной красавицѣ. Жалоба этой дамы, близкой къ начальнику полиціи, рѣшила дѣло, и Дидро, за которымъ давно слѣдили, искусно вводя соглядатаевъ даже къ нему въ домъ, очутился въ Венсенской тюрьмѣ—черта, характеризующая «старый порядокъ», убѣдительная страница изъ своеобразной «Исторіи тюремнаго заключенія философовъ и литераторовъ въ Бастиліи и Венсенѣ», которая нашла со временемъ своего лѣтописца [1]). Но какъ мало достигали обуздывающей цѣли эти безцеремонныя расправы, какъ приводили онѣ къ совершенно противоположнымъ результатамъ! Вольтеръ вернулся изъ ссылки съ «Англійскими письмами», составившими эпоху въ пропагандѣ свободной мысли; Бомарше вышелъ изъ тюрьмы съ готовымъ «Севильскимъ Цырюльникомъ», этимъ бичомъ барства; Дидро, сидя въ казематѣ, обдумалъ и на краяхъ страницъ случайно оставшагося у него Мильтонова Рая написалъ планъ изданія Энциклопедіи, и, выйдя изъ тюрьмы, смѣлѣе прежняго повелъ свой походъ противъ стараго порядка въ церкви, наукѣ и государствѣ.

II.

Въ эту пору Дидро былъ уже въ Парижѣ лицомъ замѣтнымъ, кружокъ его, сначала тѣсный и дружескій, быстро расширялся; способности остроумнаго собесѣдника, превращавшагося иногда въ пламеннаго оратора, открыли передъ нимъ двери руководящихъ парижскихъ салоновъ, свели его съ кружкомъ г-жи д'Эпинэ, сдѣлали однимъ изъ украшеній оживленныхъ и всегда интеллигентныхъ сходбищъ у радушнаго Гольбаха [2]), этого „метръ-д'отеля философіи". Завязались сноше-

---

[1]) Histoire de la détention des philosophes et des gens de lettres à la Bastille et à Vincennes, p. J. Delort.

[2]) О его связяхъ съ кружкомъ Гольбаха: Avezac-Lavigne, Diderot et la société du baron d'Holbach, 1875. Интересныя данныя объ отношеніяхъ къ г-жѣ д'Эпинэ и

нія и съ Вольтеромъ, которому онъ послалъ «Письмо о слѣпыхъ». Хотя издали, Вольтеръ оставался вождемъ и руководителемъ передовой партіи. Но это главенство было скорѣе почетнымъ преимуществомъ; нужна была его неугасимая энергія, чтобы, несмотря на разстояніе, медленность и ненадежность сообщеній, поддерживать связи съ приверженцами, ободрять ихъ, указывать задачи и въ подходящую минуту поднимать призывный кличъ. Въ Парижѣ у него былъ зато превосходный намѣстникъ, къ которому постепенно сошлись всѣ нити движенія, безъ чьего участія и поддержки не обошлось ни одно крупное явленіе въ умственной жизни. Этимъ живымъ центромъ былъ Дидро. У него не было ни средствъ, ни охоты собирать народъ у себя, чуть не на чердакѣ,—иначе слава его *салона* затмила бы всѣ репутаціи этого рода. Дома онъ отдавался работѣ, углублялся по цѣлымъ днямъ въ книги. Необыкновенно искренно звучитъ его «Прощаніе со старымъ халатомъ» (Regret sur ma vieille robe de chambre), вызванное непрошенным вмѣшательствомъ друзей, замѣнившихъ въ его отсутствіе утварь его кабинета новою и украсившихъ убранство щегольскимъ краснымъ шлафрокомъ. Зачѣмъ сдѣлали они это, зачѣмъ разлучили его съ неизмѣннымъ его нарядомъ, свидѣтелемъ и памятникомъ всѣхъ его трудовъ и тревогъ! Онъ зналъ на немъ каждое мѣстечко и щедро пользовался помощью стараго друга; проливались ли чернила или слишкомъ пылились книги, пола халата являлась поправить бѣду,—и весь онъ покрылся длинными черными полосами. А теперь неловко, точно стыдно видѣть себя въ кардинальскомъ одѣяніи! Какъ хорошо еще, что забыли замѣнить старый истрепанный коврикъ! Съ нимъ ужъ онъ не разстанется; какъ бы ни стала потомъ баловать его судьба, взгляда на эту драгоцѣнность, свидѣтельницу его нужды, достаточно будетъ, чтобы отнять у него всякую гордость. «Такъ разбогатѣвшій крестьянинъ бережно хранитъ свои деревянные башмаки»...

Но на вышку, гдѣ, обложенный книгами, въ любимомъ халатѣ, превратившемся почти въ географическую карту, лѣпился энтузіастъ, то и дѣло увлекавшійся построеніемъ смѣлыхъ догадокъ и теорій, находили дорогу его сверстники по занятіямъ, друзья молодости, новые знакомые, и ни одинъ не уходилъ съ пустыми руками. Вѣчно полная замысловъ, голова его съ удивительной эластичностью приходила на помощь всякому; быть можетъ, составился бы объемистый томъ изъ тѣхъ страницъ, которыми Дидро оживлялъ и улучшалъ приносимыя ему на просмотръ работы, забывая потомъ объ этомъ и передавая свои мысли въ полную

ея друзьямъ въ сборникѣ матеріаловъ „La jeunesse de Madame d'Epinay", Л. Мограà. Ср. также мемуары г-жи д'Эпинэ, напечатанные впервые съ подлинной рукописи въ журналѣ „Souvenirs et memoires", 1898.

собственность другихъ лицъ. Несомнѣнно, что такую поддержку оказывалъ онъ сначала даже Руссо, который благодаря ему рѣшился отвѣчать на запросъ дижонской академіи о вредѣ наукъ и уступилъ ему нѣсколько страницъ въ своемъ разсужденіи о причинахъ неравенства между людьми; его участіе въ книгахъ Туссена и де-Прада не подлежитъ сомнѣнію; въ объемистой работѣ его позднѣйшаго знакомаго, аббата Рейналя, въ «Философской исторіи торговли въ обѣихъ Индіяхъ» съ ея протестомъ противъ рабовладѣнія, Дидро приписывали въ свое время даже треть всего сочиненія; «Système de la nature» Гольбаха создался подъ его вліяніемъ. Быстро вживаясь въ изложенную ему кѣмъ-либо связь идей, онъ уже выводилъ послѣдствія ея, указывалъ лучшіе способы воспользоваться ими, и подъ его руками выростала невзначай страница философскаго разсужденія, романа, сцена изъ комедіи. Готовность свою и умѣніе помогать, которыя часто подвергались эксплоатаціи, онъ самъ добродушно осмѣивалъ. Въ наброскѣ пьесы: «Est-il bon, est-il méchant?» и въ особенности въ сценахъ, озаглавленныхъ «La pièce et le prologue» (1771), написанныхъ, кстати сказать, въ одинъ день, онъ вывелъ себя въ лицѣ нѣкоего monsieur Hardouin, котораго всѣ тиранятъ, ожидая, что одному онъ придумаетъ дивертисментъ, другому комедію, третьему пособить выйти изъ непріятнаго положенія. Онъ падаетъ отъ усталости, возражаетъ, что его голова не изъ тѣхъ, которымъ можно приказывать,—и все-таки принимается за дѣло среди шума, несогласій, помѣхъ, комически вздыхая по временммъ: Et faites une pièce au milieu de tout cela! Одинъ собесѣдникъ, грубоватый дѣлецъ, ставитъ ему въ укоръ эту вѣчную изобрѣтательность; видно, онъ никогда не знаетъ впередъ, что будетъ дѣлать; навѣрно, вся жизнь его пройдетъ безпорядочно, и смерть застигнетъ его въ какомъ-нибудь необыкновенномъ мѣстѣ, куда увлечетъ его злой геній,—зачѣмъ же вѣчно строить проекты?—«Боже мой, отвѣчаетъ Дидро, я столько ихъ придумывалъ, и они не исполнялись; быть-можетъ, лучше бы и перестать, но вѣдь строишь планы совсѣмъ такъ, какъ ворочаешься на стулѣ, когда плохо сидишь» [1]).

Эта способность привлекать людей, расточая имъ излишекъ своей энергіи, и часто изъ ничтожныхъ съ виду данныхъ извлекать оригинальныя соображенія, объясняетъ, почему такой человѣкъ дѣйствительно долженъ былъ сгруппировать около себя большой кружокъ, стать его вдохновителемъ и вождемъ. Столько же вліяло и личное воодушевленіе, служившее для другихъ побудительнымъ примѣромъ. Возражая Гельвецію, сводившему научную и творческую славу къ утилитарнымъ побу-

[1]) Oeuvres complètes (Assézat-Tourneux), vol. VIII.

жденіямъ, Дидро не скрываетъ оскорбленнаго чувства. Если это такъ,— говоритъ онъ,—войдите въ рабочій кабинетъ ученаго съ пистолетомъ въ одной рукѣ и мѣшкомъ золота въ другой, и мы посмотримъ, промѣняетъ ли онъ на это золото физическую теорію, надъ которой онъ работаетъ; предложите ему постъ перваго министра, и онъ все-таки останется за своими книгами и инструментами. Довольный немногимъ, чуждый исканій выгоды и всему предпочитавшій независимость, Дидро вполнѣ подходилъ подъ такую характеристику настоящаго ученаго.

Послѣ этого понятно, почему изъ наличныхъ передовыхъ писателей именно онъ долженъ былъ стать во главѣ Энциклопедіи, почему такой отважный въ ту пору замыселъ обязанъ ему всего болѣе своимъ осуществленіемъ. Очень рано, еще съ 1741 года, онъ уже мечталъ объ обширномъ научномъ предпріятіи, которое объединило бы всѣ лучшія силы и повело ихъ на борьбу. Тогда его почти никто не зналъ, теперь же ему стоило созвать подходящихъ людей, раздать работу по рукамъ, и дѣло спорилось. Этихъ людей иногда нужно было просто создавать,— не жалкая же тогдашняя журналистика, съ ея «Mercure de France» или яростно консервативнымъ «Journal de Trévoux», могла дать ему сотрудниковъ, способныхъ сказать толковое слово о разнообразныхъ техническихъ, научныхъ, художественныхъ спеціальностяхъ. Кто же могъ точно чудомъ отыскивать такихъ людей въ неожиданныхъ общественныхъ закоулкахъ, какъ не вѣчный отгадчикъ Дидро? Свободомыслящіе аббаты, молодые военные, моряки, инженеры, наконецъ мелкіе чиновники, близко знакомые съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и съ темными сторонами законодательства, приносили свой вкладъ наравнѣ съ избранными учеными. Наконецъ, если обнаруживалось, что такихъ спеціалистовъ еще нѣтъ по какой-нибудь важной отрасли, кто замѣнитъ ихъ всѣхъ самъ, бросаясь скорѣе учиться этому дѣлу, разспрашивать, лишь бы никакого пробѣла не оставалось въ задуманной картинѣ современнаго знанія? Въ своемъ главномъ помощникѣ и соредакторѣ Дидро нашелъ великую поддержку; въ лицѣ Даламбера около него стоялъ истинный ученый, съ авторитетнымъ именемъ, прославленнымъ нѣсколькими открытіями, съ философскимъ взглядомъ на связь и систему наукъ. Но рядомъ съ ровнымъ, сдержаннымъ и мало сообщительнымъ Даламберомъ, натурой глубоко честной и скорѣе спокойной, которая негодовала сильно, но про себя, избѣгала рѣзкостей и столкновеній, и за то раньше утомилась, необходимъ былъ противовѣсъ въ бурливомъ, неугомонномъ характерѣ Дидро, котораго препятствія только раздражали, вызывая на отпоръ. И если Энциклопедія эффектно открывается обширнымъ манифестомъ новой школы, принадлежащимъ почти исключительно перу Даламбера, если первые семь - восемь томовъ отмѣчены

ревностнымъ его сотрудничествомъ, то все же, взвѣшивая степень жертвъ, принесенныхъ обоими друзьями общему предпріятію, придемъ къ выводу, что дѣло Энциклопедіи въ сущности отождествляется съ заслугой Дидро, и что каждый разъ, когда идетъ рѣчь о вліяніи «энциклопедическихъ идей», вспоминается о трудѣ человѣка, который когда-то изъ своей скромной конурки руководилъ европейскимъ движеніемъ.

Нерѣдко въ наше время можно встрѣтить холодные или снисходительные отзывы объ этомъ вліяніи [1]); жрецы благонамѣренности, распространяющіе нетерпимость заднимъ числомъ и на то, что въ давно отжившую пору считалось источникомъ прогресса, пренебрежительно изображаютъ энциклопедизмъ безсодержательнымъ, лживымъ и вреднымъ ученіемъ; въ глазахъ сторонниковъ новой науки, избалованныхъ ея быстрыми успѣхами и широкими горизонтами, оно является младенческимъ лепетомъ, наивными усиліями побороть почти одними только раціоналистическими пріемами твердыню вѣковыхъ воззрѣній, которую могутъ пробить лишь положительные, научные законы, добытые опытомъ. И въ издѣвательствѣ противниковъ, и въ самодовольномъ взглядѣ сверху внизъ на кропотливыя старанія людей, блуждавшихъ ощупью, поражаетъ почти одинаковое отсутствіе историческаго чутья и привычка безусловно прилагать къ оцѣнкѣ минувшихъ явленій мѣрило нашего времени. Всему своя пора, и будущія поколѣнія, располагая еще болѣе развитой наукой, будутъ, пожалуй, снисходительно вспоминать о смѣлыхъ научныхъ гипотезахъ нашей эпохи. Въ цѣли редакторовъ Энциклопедіи вовсе не входило представить современникамъ готовую и разработанную во всѣхъ подробностяхъ философскую систему; сознаніе недостаточности средствъ для этого часто сквозитъ въ ихъ личныхъ изліяніяхъ; пробѣлы все-таки были: многое мѣшалъ сказать неотвязный призракъ гоненій со стороны свѣтской власти, церкви, парламента; въ послѣдніе, тяжелые годы, когда рѣшено было изъ предосторожности выпустить нѣсколько томовъ заразъ, трусливый издатель Ле Бретонъ осмѣлился тайкомъ искажать текстъ,—и не было предѣла отчаянію и гнѣву Дидро, когда онъ открылъ эту низость... Даламберу часто приходилось, потупившись и стыдясь, отвѣчать на справедливыя нападки Вольтера, осуждавшаго сдержанность, недоговоренность иныхъ статей, и разъяснять, что они дѣлаютъ, что могутъ, при постоянныхъ помѣхахъ. Наконецъ, вѣрности обобщеній вредила и неразвитость отдѣльныхъ научныхъ отраслей въ ту пору; въ естественныхъ наукахъ только что намѣченъ былъ прогрессъ, который опредѣлился лишь къ концу

[1]) Изъ современныхъ Дидро нападокъ на Энциклопедію можно бы составить цѣлую литературу во всѣхъ родахъ—въ стихахъ и прозѣ, въ комедіяхъ и памфлетахъ.

XVIII-го вѣка; въ ботаникѣ не было авторитета выше Линнея; Бюффонъ едва выступилъ на свое поприще и тотчасъ былъ привлеченъ къ участію въ Энциклопедіи; въ физіологіи не было имени знаменитѣе Галлера; геологіи не существовало, и Дидро пришлось предугадать ея первые шаги [1]); химія также располагала лишь слабыми данными и упрочилась только благодаря Лавуазье. Но близость оживленія естествознанія наполняла бодростью и энтузіазмомъ обоихъ основателей Энциклопедіи; богатырь-младенецъ Опытъ дѣйствительно наступалъ, грозно разрастаясь, и иной разъ трудно было удержаться отъ попытокъ заглянуть вдаль, предвидя результаты поступательнаго движенія. Дидро не разъ подпадалъ такому соблазну. Въ гаданіяхъ и предчувствіяхъ, рядъ которыхъ открывается Письмомъ о слѣпыхъ, въ пору изданія Энциклопедіи уже выставляетъ замѣчательную по методологической ясности статью «De l'Interprétation de la nature» (1754) и замыкается усиленными физіологическими разысканіями послѣднихъ лѣтъ, Дидро близко подходитъ къ научной работѣ нашего времени, и, какъ увидимъ далѣе, высказываетъ уже нѣкоторыя изъ основныхъ положеній дарвинизма.

Быть-можетъ, предпринятое энциклопедистами сведеніе научныхъ итоговъ было нѣсколько преждевременно, въ виду незаконченной еще просвѣтительной работы XVIII в., но жизнь не ждала, потребность въ новыхъ идеалахъ томила пробуждавшееся общество, сберегшее въ быту и воззрѣніяхъ столько тяжелыхъ отголосковъ суровой и невѣжественной поры и устыдившееся своего умственнаго порабощенія. Если потребность въ подобныхъ сводахъ чувствовалась человѣчествомъ періодически (труды Исидора Севильскаго и Vincent de Beauvais, Роджера Бэкона въ средніе вѣка, Фрэнс. Бэкона въ періодъ возрожденія, Критическій словарь Бэйля въ первые годы XVIII вѣка), то въ данную эпоху тѣмъ болѣе становилось необходимымъ собрать все, хотя бы немногое и не вполнѣ удовлетворительное, что успѣла добыть наука, и этимъ освѣжить и осмыслить дальнѣйшее движеніе. Возрождавшееся въ то время политическое самосознаніе, знакомство съ свободными учрежденіями Англіи, объясненными даже заурядному читателю въ трудахъ Вольтера, Монтескье, а за ними и нѣкоторыхъ французскихъ юристовъ, научное изученіе соціальныхъ вопросовъ, которое должно было отразиться на зарожденіи французской экономической науки въ трудахъ физіократовъ, требовали такого же объединенія силъ и обозрѣнія результатовъ и въ сложной области гражданской жизни. Задача издателей раздвоилась: точныя знанія должны были дать имъ орудіе противъ омраченія умовъ схоластикой, об-

---

[1]) Въ своемъ Voyage à Bourbonne et à Langre онъ раньше Бюффона говорилъ уже о геологическихъ переворотахъ.

щественныя же науки—вооружить ихъ противъ стараго порядка въ государствѣ. Каждый новый томъ сборника наносилъ ударъ то той, то другой опорѣ этого двоевластія. На дѣлѣ обнаруживалось, какъ важно объединеніе въ подобныхъ вопросахъ. Не было недостатка въ независимыхъ мыслителяхъ и раньше этой поры; шестнадцатый вѣкъ во Франціи выставилъ блестящій рядъ ихъ; и въ политикѣ, и въ религіи, движеніе это никогда не прекращалось. Но всѣ эти люди дѣйствовали порознь, одинъ за другимъ падали подъ бременемъ гоненій или искали пріюта вдали отъ родины; Декартъ кочевалъ по Германіи и умеръ въ Швеціи, Бэйль нашелъ убѣжище въ Голландіи. Здѣсь же впервые выступала стройно, нога въ ногу, точно чудомъ составившаяся армія защитниковъ просвѣщенія—при видѣ ея невольно сторонились и смущались тѣ, кто прежде безъ труда расправился бы съ каждою отдѣльною личностью. Этому впечатлѣнію содѣйствовалъ и тонъ статей, по преимуществу трезвый и положительный, лишь по временамъ прикрашенный любимою тогда чувствительною декламаціей и уступавшій мѣсто насмѣшливой полемикѣ и комическимъ выходкамъ лишь въ статьяхъ богословскихъ и церковно-историческихъ, быть-можетъ, наиболѣе слабыхъ,— что вполнѣ понятно въ эпоху, не вѣдавшую еще научной критики текстовъ, не мечтавшую даже о возможности «исторіи религій» и склонную видѣть въ каждомъ культѣ прежде всего ткань миѳовъ, корыстно придуманныхъ жрецами.

Въ наше время изданіе энциклопедическихъ словарей стало такимъ повседневнымъ дѣломъ, общіе словари выдѣлили изъ себя такое множество справочныхъ лексиконовъ по спеціальностямъ, что трудно себѣ представить отличительную особенность родоначальницы всѣхъ энциклопедій. Для этого можно посовѣтовать сличить ее, съ одной стороны, съ предшествовавшимъ ей, чрезвычайно несовершеннымъ словаремъ Эфраима Чэмберса и съ любымъ изъ популярныхъ сборниковъ нашего времени. Чэмберсъ съ методичностью начитаннаго квакера далъ очень пригодную компиляцію техническихъ свѣдѣній, не задумываясь о какой-нибудь связи между научными открытіями. Съ другой стороны, Брокгаузы, Эрши и Груберы, издатели Британской Энциклопедіи, имѣли возможность привлечь лучшихъ спеціалистовъ, чьи статьи, исчерпывающія предметъ, стоютъ иногда обширныхъ изслѣдованій. Ни простоватый Чэмберсъ, ни новѣйшіе энциклопедисты, издатели-магнаты, не въ силахъ однако придать своему дѣлу того свойства, которое высоко ставитъ надъ нимъ многолѣтнюю работу Дидро и Даламбера. Она проникнута однимъ духомъ, въ ней чувствуется горячо бьющійся пульсъ, точно это—созданіе одного человѣка, донесшаго на гигантскихъ плечахъ трудъ до конца; сотрудниковъ и тогда было много, но они не ограничивались добросо-

вѣстной поставкой заказаннаго матеріала, а сами увлечены были дѣломъ, порою соперничая въ этомъ между собой. Чувствуется правильное раздѣленіе труда и сильное руководство. Понятно, почему Дидро не могъ удовольствоваться предложеннымъ ему планомъ переиздать по-французски книгу Чэмберса съ дополненіями [1]); онъ употребилъ всю свою энергію и убѣдительность, чтобы склонить издателя замѣнить книгопродавческую спекуляцію широкимъ замысломъ самостоятельнаго словаря, который совмѣстилъ бы не только свѣдѣнія по техникѣ и ремесламъ, но далъ бы полную картину развитія человѣчества. Знаменитый Discours préliminaire, пытаясь осуществить то, что грезилось еще Бэкону, въ стройной системѣ опредѣлялъ соотношеніе отдѣльныхъ наукъ, искусствъ, литературы, философіи; эта, всегда остроумно мотивированная, классификація знаній, стремившаяся уловить естественные переходы мысли отъ одной области къ другой и признавшая въ каждой наукѣ, наравнѣ съ основнымъ ея матеріаломъ, и *исторію постепеннаго ея развитія*, придавала начатому труду высокое значеніе для своего времени; точно призывное знамя, развѣваясь при самомъ вступленіи въ бой, она привлекала единомышленниковъ становиться въ ряды. Съ этой классификаціей можно не соглашаться, находить ее неполною (впрочемъ, улучшенная, она отчасти послужила въ 19-мъ столѣтіи для классификаціи наукъ Конта), но она всегда останется оригинальнымъ усиліемъ придать развитію мысли единство и гармонію.

Но еще яснѣе становится значеніе Энциклопедіи, когда изучаешь разработку отдѣльныхъ областей знанія или сторонъ быта. Съ обычнымъ спокойствіемъ и догматической ясностью излагались подъ соотвѣтствующими рубриками политическіе принципы, прямо противоположные всему духу тогдашней правительственной системы, проникнутые гуманностью, уваженіемъ къ личности и обществу. Въ то время, какъ неспособность, безстыдство и алчность соединялись, чтобы довести Францію до полнаго истощенія, и отучали народное мнѣніе отъ самостоятельности,—среди продажности, охватившей и судъ, и администрацію, и церковь, поднимавшейся къ самому престолу,—въ царство г-жи Помпадуръ и потомъ madame Du Barry, еще болѣе враждебной порывамъ къ свободѣ,—въ странѣ, гдѣ процвѣтали самые грубые виды барщины, а lettres de cachet давали каждому негодяю изъ чьихъ-нибудь фаворитовъ право самовольнаго нарушенія закона,—Энциклопедія рисовала передъ читателемъ картину иной государственной жизни. Тамъ обезпечена сво-

---

[1]) До него уже этотъ планъ показался слишкомъ скуднымъ искусному математику, аббату Gua de Malves, которому онъ былъ предложенъ издателемъ, но изъ проектировавшагося аббатомъ расширенія словаря, въ которомъ должны были участвовать и Дидро съ Даламберомъ, ничего не вышло.

бода мысли, тамъ заботятся о развитіи всѣхъ народныхъ силъ и объ ихъ участіи въ дѣлахъ (статья Représentants), уважается законъ. Ставился вопросъ о томъ, что такое власть (Autorité), какъ она зародилась и чѣмъ держится; въ статьѣ о гоненіяхъ (Persécution) подробно объяснялись всѣ оттѣнки, которые можетъ принимать нетерпимость. Каждый разъ, когда составитель статьи, какъ бы впадая въ наставительный тонъ справочной книги, которая обязана истолковать даже общеизвѣстныя вещи, объяснялъ, что такое привилегія, барщина, налогъ на соль, около его объясненія незамѣтно вырастала яркая бытовая картина. Читатель видѣлъ, какое множество уродливыхъ привилегій удерживало за собой дворянство; инженеръ, спеціалистъ по проведенію дорогъ, разсказывалъ чуть не въ лицахъ, какъ сгоняютъ для этого цѣлыя тысячи голоднаго народа, и дорожная повинность (Corvée) выступала со всѣми своими ужасами, истязаніями, повальными болѣзнями; тяжесть и неравномѣрность налоговъ сознавалась съ особой силой послѣ прочтенія такой статьи, какъ описаніе налога на соль, порождавшаго столько ропота и возстаній. Земледѣльческій бытъ освѣщенъ рядомъ статей, которыя, если и окрашены нѣкоторою сентиментальностью, внушали уваженіе къ народу и его труду, рѣдкое въ то время, и любовь къ природѣ и простотѣ. Современная Дидро школа физіократовъ, вдаваясь въ односторонность, во всякомъ случаѣ симпатичную, пыталась свести сущность государственнаго хозяйства къ труду земледѣльца,—Энциклопедія предпочитала вести читателя въ крестьянскую хижину, на поле, и показать, *какъ* живетъ этотъ земледѣлецъ и въ какой степени обезпеченъ его трудъ,—для контраста могла служить такая статья, какъ «Insolent», гдѣ достойнѣйшимъ носителемъ этого эпитета названъ тотъ, кто, обладая роскошной обстановкой и сотней тысячъ экю годового дохода, считаетъ, что его отдѣляетъ отъ неимущей массы безмѣрное разстояніе.

Демократическія сочувствія вполнѣ естественны у Дидро, вышедшаго изъ трудового класса; ему и принадлежатъ многія изъ бытовыхъ объясненій и политическихъ статей, которыя увѣнчаны превосходной статьей «Народъ» (Peuple), выдающейся изъ всей французской просвѣтительной литературы своей защитой важнѣйшей въ странѣ силы [1]). Вездѣ на первомъ планѣ стоятъ общественное благо, коренныя улучшенія, отъ которыхъ станетъ вольнѣе всей массѣ. Склонный увлекаться общими идеями, онъ въ то же время усиленно началъ изучать практическія нужды жизни; и въ Энциклопедіи, и въ позднѣйшихъ русскихъ

---

1) Объ этой сторонѣ дѣятельности Дидро—Marius Roustan, Les philosophes et la société française au XVIII s., 1906, 376 passim.

проектахъ Дидро часто поражаетъ обстоятельность этого изученія, выработаннаго доброй волей. Оба эти свойства—и демократическія симпатіи, и гибкость энергіи—не менѣе сильно сказались въ томъ отдѣлѣ словаря, который обыкновенно мало цѣнится, но характеризуетъ Дидро. Если происхожденіе вообще располагало его сочувствовать народной массѣ, то въ частности онъ все-таки былъ прежде всего сынъ мастерового; ремесленный трудъ, его развитіе и успѣхи были ему еще ближе и знакомѣе, чѣмъ сельскій бытъ и его нужды. Возбуждать интересъ къ деревнѣ было, пожалуй, еще легче; горожанина и безъ того манила къ этому быту давнишняя привычка поэтовъ и живописцевъ идеализировать сельское затишье. Но кому было дѣло до душныхъ мастерскихъ, съ ихъ шумомъ и грязью, и кого изъ читателей, воспитанныхъ на идиллическихъ пастушкахъ, могли интересовать закоптѣлыя лица и мозолистыя руки чернорабочихъ? Въ ту пору этотъ видъ труда считался, быть можетъ, еще презрѣннѣе землепашества, а между тѣмъ его издѣлія уже доставляли французской торговлѣ міровую извѣстность. Дидро рѣшилъ заступиться за эту профессію, потребовать ей уваженія общественнаго, вырвать и мастеровыхъ изъ жалкой роли малограмотной, невѣжественной въ техническомъ отношеніи рабочей силы, чуждой прогресса и преданной на произволъ хозяевъ. Для своего времени и для своей среды онъ по истинѣ *открылъ*, точно новый міръ, бытъ и нужды рабочаго класса. Этой цѣли должна была энергически послужить Энциклопедія; мало того, Дидро самъ взялъ на себя, вѣроятно, къ удивленію для многихъ, составленіе техническаго отдѣла. Онъ собиралъ и читалъ, что можно было найти хорошаго по ремесламъ во всѣхъ литературахъ; начались странствованія его по фабрикамъ и мастерскимъ, гдѣ онъ учился производствамъ, разспрашивалъ рабочихъ, составлялъ чертежи и записывалъ цифры. Такъ составилось нѣсколько сотъ техническихъ статей его, снабженныхъ приложеніями и рисунками; онѣ, конечно, не входятъ въ полныя собранія его сочиненій, какъ работы компилятивныя, но кто не скажетъ, что, взятыя всѣ вмѣстѣ, онѣ составляютъ такой вкладъ въ его писательскую дѣятельность, который перевѣситъ иныя изъ извѣстнѣйшихъ его произведеній!

Въ вопросахъ литературы и искусства, гдѣ главное руководство опять принадлежало Дидро, Энциклопедія ратовала за возможно большую естественность и близость къ жизни, строго расцѣнивала старыя и наличныя репутаціи и признавала, что наступившій вѣкъ неблагопріятенъ развитію художественнаго творчества, отдавая лучшія силы освобожденію умовъ; немногія почетныя имена уцѣлѣли отъ пересмотра, зато окружены они (напр., Вольтеръ) великимъ почетомъ. И въ этой области чувствуется переломъ; необходимы новыя формы и для поэзіи,

которая не можетъ отстать отъ общаго движенія. Дидро, способный спускаться изъ заоблачныхъ размышленій, чтобы итти учиться въ мастерскія, выдерживать читателя на изображеніи деревенскаго быта, вскорѣ дастъ образецъ «мѣщанской драмы» съ ея будничными страстями, отъ живописи потребуетъ бытового направленія, актеру укажетъ цѣль его искусства въ правдивомъ воспроизведеніи жизни.

Въ «Interprétation de la nature» онъ презрительно отзывался о свойствѣ людей науки, названномъ у него «аффектаціей великихъ наставниковъ» или «пеленою, которою они любятъ скрывать природу отъ глазъ народа». Онъ упрекаетъ даже Ньютона въ недостаточной ясности изложенія теорій: «поспѣшимъ сдѣлать философію популярною, — говоритъ онъ. Если мы хотимъ, чтобъ философы подвигались впередъ, приблизимъ массу къ той точкѣ, на которой теперь они стоятъ». Въ статьяхъ Энциклопедіи по точнымъ наукамъ и философіи сказалось то же стремленіе подѣлиться съ массою знаніемъ, сгладить слѣды розни. Розенкранцъ [1]) считаетъ одною изъ заслугъ Энциклопедіи, что на смѣну отвлеченнаго теологическаго принципа она всюду выставляла принципъ антропологическій, научая разгонять туманъ, которымъ были окутаны основы стараго быта, и давая каждой мыслящей личности право провѣрки и запроса. Всего яснѣе высказалъ это Дидро въ статьѣ «Liberté», гдѣ отстаивалъ въ особенности свободу изслѣдованія, а весь кругъ его ученыхъ сотрудниковъ примѣнялъ ее на дѣлѣ, популяризируя главные результаты англійскаго эмпиризма, считавшагося тогда передовою школой. Такимъ образомъ и для политическихъ и общественныхъ интересовъ, для спеціальныхъ вопросовъ техники, для литературной и художественной теоріи и для изученія новаго научнаго движенія Энциклопедія являлась лучшимъ источникомъ, на чью помощь могли всегда опереться приверженцы прогресса; проникая постепенно въ края, только что примкнувшіе къ движенію, она казалась еще болѣе привлекательной; ей они почти всегда были обязаны своимъ возрожденіемъ.

Когда появились первые два тома Энциклопедіи (1751 — 2) и послышались эти новыя, дышавшія убѣжденіемъ рѣчи, легко представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были онѣ произвести; никто, казалось, и не подозрѣвалъ существованія новой силы, которая все росла годъ отъ году, привлекая къ себѣ свѣжія дарованія, располагая избранными сотрудниками, компетентнѣе которыхъ не было въ тогдашней Франціи. Можно ли было отказать въ значеніи изданію, гдѣ однѣ статьи принадлежали Вольтеру, другія—Монтескье, гдѣ Тюрго писалъ о финансахъ, Даламберъ — о математикѣ, Бюффонъ — объ естественной исторіи!

---

[1]) Diderot's Leben und Werke. 1866, I, 154.

Первое впечатлѣніе было, правда, ненадолго омрачено неожиданно раздавшеюся фальшивой нотой, — диссертаціей Руссо о вредѣ наукъ, — этимъ парадоксомъ, къ которому Дидро необдуманно подвинулъ своего друга, не предчувствуя крайности его выводовъ. И въ Discours préliminaire сквозитъ искреннее сожалѣніе объ этомъ шагѣ, безтактномъ въ данную минуту и не выдерживавшемъ строгой критики. Утратить такого единомышленника было бы слишкомъ больно, и издателей успокоивала мысль, что Руссо все-таки сочувствуетъ Энциклопедіи, въ которой продолжаетъ дѣятельно сотрудничать. На избытокъ знаній не могла, конечно, пожаловаться тогдашняя французская жизнь; напротивъ, истинную науку, свободную отъ схоластики, еще незадолго передъ этимъ скрывали отъ массы за семью печатями, и только усиліямъ такого геніальнаго популяризатора, какъ Вольтеръ, удавалось прививать ее на родной почвѣ. Пусть искусство и литература въ прежній періодъ слишкомъ подчинялись силѣ и блеску власти, и Руссо былъ правъ, называя ихъ развитіе гирляндою цвѣтовъ, обвивающей оковы, но развѣ нельзя было указать имъ на другіе идеалы, и развѣ не могли они, напротивъ, выводить умы и волю изъ плѣненія?.. Съ этой минуты уже обозначился разладъ между Дидро и его другомъ; Дидро навсегда останется защитникомъ просвѣтительнаго вліянія, будетъ ратовать за движеніе впередъ, и въ угрюмомъ отшельничествѣ, которое съ этой поры усвоиваетъ себѣ Руссо, ему начинаетъ чудиться аффектація.

Недолго смущаясь отпаденіемъ одного изъ близкихъ, издатели напряженно повели работу, вызывая тревогу въ противномъ лагерѣ. Враги готовились къ отпору, и вскорѣ борьба разгорѣлась на всей линіи. Посыпались доносы, клеветы; генеральный адвокатъ Омеръ Жоли де-Флери составилъ себѣ извѣстность бича философовъ, которыхъ онъ безнаказанно громилъ въ своихъ рѣчахъ, выдергивая изъ Энциклопедіи разнородныя мѣста и освѣщая ихъ по-своему; явились увѣщательныя епископскія посланія; заскрипѣли перья пасквилянтовъ, обрызгивавшихъ грязью самыя честныя имена; даже на комическую сцену проникла эта язва, и продажный до мозга костей Палиссо по заказу выводилъ на подмосткахъ главныхъ энциклопедистовъ, а кстати и Руссо, послѣдователь котораго въ его комедіи [1]) ползалъ по сценѣ, доказывая, что это приближаетъ человѣка къ его естественному состоянію. Начался

[1]) Les philosophes. Героиня пьесы, Сидализа, выставлена жертвой шайки хищниковъ—философовъ, эксплоатирующихъ ее. Философъ Валеръ (Гельвецій) утверждаетъ, что „il n'est qu'un seul ressort, l'intérêt personnel“, что „la franchise est la vertu d'un sot“, и секретарь Сидализы, слѣдуя этому буквально, лѣзетъ къ нему въ карманъ. Дидро выведенъ подъ именемъ Dortidius, заявляетъ, что истинный ученый—космополитъ, говоритъ о мѣщанской драмѣ, медецинскихъ курсахъ и т. д.

безпримѣрный въ литературныхъ лѣтописяхъ слишкомъ двадцатилѣтній мартирологъ, съ приливами и отливами строгости, съ катастрофами и неожиданными возрожденіями. Сначала отдѣльные томы запрещались, потомъ ихъ стали сжигать, наконецъ довели самоуправство до того, что захватили матеріалы для будущихъ томовъ и передали для продолженія изданія—*іезуитамъ*, и потомъ, убѣдившись въ неспособности ихъ писателей сладить съ этимъ дѣломъ, опять возвратили рукописи Дидро. Противъ него было все, князья церкви, янсенистскій парламентъ, не умѣвшій разобраться въ своей оппозиціи королю и назначившій было комиссію для изслѣдованія вредоносныхъ идей сборника [1]), и самъ Людовикъ XV, особенно когда его стала возбуждать Дю-Барри, которая нарочно заказала портретъ Карла I англійскаго и въ минуты нѣрѣшительности Людовика подводила его къ портрету, предрекая ему одинаковую участь; враждовала и та, естественно полинявшая и кипѣвшая отъ злобы шайка всякихъ прихлебателей, льстецовъ, плохихъ писателей-авантюристовъ, которые завидовали восходящему блеску философовъ или *геніевъ*, какъ они ихъ презрительно честили, и всячески старались очернить ихъ,—та шайка, которую Дидро такъ живо вывелъ въ «Племянникѣ Рамо». За него было нѣсколько передовыхъ кружковъ, руководимыхъ салонами, два-три вліятельныхъ лица, втайнѣ сочувствовавшихъ ему, д'Агессо и особенно Мальзербъ, прятавшій у себя редакціонныя бумаги, которыя онъ, какъ директоръ печати, долженъ былъ конфисковать; наконецъ, онъ опирался на цѣнное сочувствіе возраставшей массы безвѣстныхъ читателей и подписчиковъ, число которыхъ послѣ четвертаго тома почти достигало пяти тысячъ человѣкъ. Къ мнѣніямъ Энциклопедіи начинала прислушиваться вся Европа; отовсюду приходили выраженія сочувствія; насколько офиціальныя французскія сферы вдавались въ безтолково-придирчивое гоненіе,—издали манили къ себѣ, заискивали и расточали обѣщанія люди, жаждавшіе ореола свободомыслія. Фридриху было бы лестно имѣть въ „прусскихъ Аѳинахъ", сильно офранцуженныхъ, не только главную квартиру лучшей арміи, наводившей тогда ужасъ своимъ богатырствомъ, но и вліятельный центръ умственной дѣятельности. Екатерина также не разъ поднимала вопросъ о перенесеніи Энциклопедіи въ Россію, гдѣ ее почему-то предполагали одно время печатать въ Ригѣ [2]). Правда, ни одинъ изъ этихъ

---

1) Комиссія эта никогда не собиралась, но постановленіе парламента было отпечатано съ аллегорическимъ рисункомъ, на которомъ религія побѣждала ложную философію, покрытую звѣриной шкурой

2) „Екатерина II и Даламберъ", Историч. Вѣстн. 1884, апрѣль—май, гдѣ напечатаны интересныя письма Даламбера по поводу его приглашенія въ Россію. Дидро предлагалъ устроить два склада изданій, одинъ—въ Петербургѣ, другой—въ

замысловъ не былъ особенно серьезенъ. Екатерина, очевидно, думала не столько о полномъ воспроизведеніи труда энциклопедистовъ, сколько о переизданіи словаря спеціально для Россіи съ пропускомъ статей, неудобныхъ по русскимъ условіямъ. Кромѣ того, она сдала это на руки Бецкому и въ рѣшительную минуту спряталась за его непроницаемость, — какъ будто онъ могъ оставаться для Дидро «сфинксомъ» [1]), если бъ она захотѣла настоять на открытомъ образѣ дѣйствій! И щедрое обѣщаніе необходимой суммы денегъ [2]) не вышло изъ области благожелательныхъ фразъ. Да и самъ Дидро, повидимому, никогда особенно не вѣрилъ въ серьезность этого предложенія и во время переговоровъ постоянно переходилъ отъ выраженія удовольствія къ разочарованіямъ.

Всѣ эти зазывы были несостоятельны въ самой сущности. Для обоихъ издателей недостаточно было бы только перевезти свои бумаги и корректуры въ другой городъ; вездѣ имъ недоставало бы той нравственной атмосферы, которую давали имъ Парижъ, дружескій кружокъ, полный единомыслія, связи съ живою, интеллигентною частью родного общества, традиціи научной свободы и независимаго литературнаго развитія, не порывавшіяся никогда, даже въ разгаръ деспотизма Людовика XIV. Это на дѣлѣ долженъ былъ испытать Дидро въ Петербургѣ, гдѣ человѣкъ пять-шесть, искренно къ нему расположенныхъ, едва могли отвлечь его вниманіе отъ злобной подозрительности остального свѣтскаго общества [3]). Переселиться куда-нибудь цѣлымъ кружкомъ было неисполнимо. Такая мысль пришла однажды Вольтеру, но при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя одни только и могутъ объяснить ее. Незадолго передъ тѣмъ разыгрался аббевильскій процессъ шевалье Де-ла-Барра, котораго сожгли за *предполагаемое* оскорбленіе имъ святыни и у котораго нашли много вольтеровскихъ и иныхъ вольнодумныхъ сочиненій. Казнь была такъ жестока и несправедлива,

---

Амстердамѣ, и рекомендовалъ Екатеринѣ Жана Ступа (Stoupe), главнаго агента французскихъ издателей Энциклопедіи.

1) Quelle apparence que votre sphinx et moi, n'ayant pu nous arranger en cinq mois de temps, l'un à côté de l'autre, nous nous arrangions mieux à la distance de huit cents lieues? спрашиваетъ Дидро Екатерину. Сборн. Русскаго Историч. Общ. XXXIII.

2) Всего издержано было на Энциклопедію $1^1/_2$ милліона ливровъ или 300 тыс. рублей; для довершенія изданія требовалось 40.000 руб. Доходъ исчислялся въ $2^1/_2$ мил. ливр. Подробности въ наброскѣ Дидро „Sur l'Encyclopédie", напеч. въ газетѣ „Temps", 1885, 18 авг.

3) Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Нолькенъ прямо говоритъ о „la jalousie, la plus envenimée". La politique de Diderot, статья М. Турнэ, Nouv. Revue, 1883, 15 sept.

выказывала такую жажду жертвъ, что Вольтеромъ овладѣла одна изъ рѣдкихъ у него минутъ панической боязни, когда онъ самъ начиналъ себя считать психически-больнымъ. Ему показалось небезопаснымъ его убѣжище въ Фернэ, и онъ сталъ убѣждать друзей выселиться разомъ въ какой-нибудь укромный уголокъ, наприм., въ городокъ Клеве, гдѣ его обѣщали укрыть, и только краснорѣчивое письмо Даламбера могло разсѣять его опасенія и доказать необходимость остаться на своемъ посту.

Но и Даламберъ не выдержалъ постояннаго напряженія борьбы; несмотря на строгую послѣдовательность его характера и сильно развитое чувство собственнаго достоинства, которое такъ рельефно отражается, наприм., въ каждой строкѣ недавно открытыхъ его писемъ къ Екатеринѣ. Академическія отношенія, смутная потребность въ покоѣ и мирномъ воздѣлываніи науки, прерываемомъ изрѣдка произнесеніемъ изящно написанной похвальной рѣчи (éloge), взяли верхъ надъ воинствующимъ жаромъ. Это разочарованіе было для Дидро ударомъ несравненно мучительнѣе неожиданнаго отщепенства Руссо въ самомъ началѣ изданія. Вся судьба дѣла была поставлена на карту; завоевавъ столько, приходилось сложить оружіе. Но и тутъ не упала его энергія; напротивъ, она точно удесятерилась отъ новаго несчастія; онъ не послушалъ совѣтовъ Даламбера остановить изданіе, предложеній Вольтера помочь ему перенести печатаніе въ другую страну. «Покинуть дѣло,— писалъ онъ раньше, тоже въ критическую минуту,—значило бы отступить въ виду пробитой бреши, и исполнить то, чего желаютъ негодяи, преслѣдующіе насъ». «Я знаю,—писалъ онъ Вольтеру теперь,—что этому хищному звѣрю нечѣмъ питаться; не имѣя подъ рукой іезуитовъ, которыхъ онъ могъ бы пожирать, онъ бросится на философовъ. Онъ обратилъ на меня свой взглядъ, и я буду истребленъ, быть можетъ, прежде другихъ»,—и все-таки онъ оставался у своего дѣла, досадуя иной разъ на себя за излишнюю вѣру въ возможность лучшихъ дней.— И черезъ семь лѣтъ одиночной работы, отдавъ почти треть жизни на этотъ трудъ, онъ былъ, наконецъ у пристани и могъ съ гордостью оглянуться на величественное многотомное изданіе [1]),—одинъ изъ удивитель-

---

[1]) Первоначальное объявленіе о подпискѣ обѣщало 8 томовъ текста и 2 т. рисунковъ, потомъ изданіе разрослось въ 17 т. текста и 7 т. чертежей. Въ числѣ мелкихъ, но тягостныхъ каверзъ, которыя приходилось терпѣть редакторамъ, недавно (1901) открыто ябедное дѣло какого-то второстепеннаго литератора, Luneau, который съ одной стороны требовалъ себѣ, какъ подписчикъ, всего изданія, не дѣлая дополнительнаго взноса, съ другой придирался къ типографскимъ мелочамъ, доказывалъ, что не употребленъ обѣщанный шрифтъ. Отвѣтъ Дидро, отысканный въ Петербургѣ, напечатанъ М. Турнэ. Un factum inconnu de Diderot, 1901.

ныхъ памятниковъ человѣческой энергіи и воодушевленія. Многое измѣнилось съ той поры и въ соціальной жизни Европы, и въ наукѣ; старые боги, какъ всегда, скрылись въ таинственный сумракъ; мало кто возьметъ теперь въ руки старомодные съ виду, запыленные томы, откуда нѣкогда разносилось повсюду свѣжее дыханіе весны. Но вдумчивый человѣкъ не отложитъ равнодушно въ сторону этой книги, гдѣ запечатлѣлись горячія стремленія давно минувшаго поколѣнія къ цѣлямъ, которыя всегда останутся дорогими для человѣчества. «Здѣсь,—какъ выразился Морлей,—передъ нами не надгробный памятникъ египетскаго царя, поражающій взоры своими уродливыми развалинами, вызывая въ насъ безплодныя воспоминанія; *эти* развалины скорѣе похожи на мрачные обломки стѣнъ старой крѣпости, которая была сооружена мощными руками людей, вѣровавшихъ въ свое дѣло, и изъ которой отрядъ бойцовъ нѣкогда выступилъ навстрѣчу шайки варваровъ для борьбы за человѣчество и за правду».

III.

Дидро въ рабочей комнатѣ за статьей для Энциклопедіи,—и тотъ же Дидро въ простомъ черномъ нарядѣ за столомъ въ дружескомъ салонѣ, гдѣ вокругъ него нѣсколько остроумныхъ и красивыхъ женщинъ и кучка такихъ же, какъ онъ, находчивыхъ и интеллигентныхъ собесѣдниковъ,—какъ будто два различныхъ лица. Между тѣмъ, онъ вездѣ остается вѣренъ себѣ, безъ раздумья растрачиваетъ умственныя богатства, и на пользу науки, и для надобностей салонной, веселой перестрѣлки. На него возбуждающимъ образомъ дѣйствовали обычные члены его кружка, и творческая способность разгоралась на удивленіе всѣмъ. Современники въ одинъ голосъ называютъ его неподражаемымъ въ искусствѣ вести бесѣду, затрогивать разнообразныя темы, смѣшивая патетическое съ смѣшнымъ, философскій споръ съ остроумнымъ анекдотомъ; молва о Дидро, какъ разсказчикѣ, не давала покоя Екатеринѣ, и въ ея желаніи видѣть его у себя, вѣроятно, не малую роль играла надежда услышать эту удивительную импровизацію.

Можно ли было остаться хладнокровнымъ слушателемъ, когда забавнѣйшій оригиналъ, итальянскій аббатикъ Галіани изумлялъ общество фейерверкомъ неожиданныхъ выходокъ, острыхъ словъ, мѣткихъ критическихъ оцѣнокъ, являясь то прозорливымъ политикомъ, то знатокомъ искусства,—а потомъ вдругъ принимался доказывать съ таинственнымъ видомъ, что глубоко вѣритъ въ переселеніе душъ, убѣдившись, что въ его любимой обезьянкѣ скрыта душа государственнаго мужа древности! Рядомъ съ нимъ гремѣлъ противъ суевѣрій и ханжества либеральный

аббатъ Мореллэ, столь же странный любитель парадоксовъ, раскрывшій, наприм., основы «новой кометологіи», доказывая, что «заблужденія человѣчества возвращаются періодически, точно кометы, и что поэтому со временемъ будетъ легко вычислять эпоху ихъ возвращенія» [1]. Изрѣдка вставлялъ бойкое словцо Гриммъ, этотъ международный commis-voyageur новой философіи, человѣкъ безъ глубокихъ убѣжденій, но находчивый, быстро схватывавшій все на лету, всего знавшій понемногу, дѣловой и юркій, какъ Фигаро, и благодаря этой юркости, бойкому критическому чутью и неутомимому жужжанью завоевавшій себѣ имя—даже въ литературной исторіи того времени. А изъ-за него виднѣлась изящная голова Гельвеція и слышалась его неторопливая, точно отточенная рѣчь; Рейналь, полный ненависти къ тираніи плантаторовъ, приносилъ свои декламаціи о народныхъ правахъ и всеобщемъ братствѣ,—а въ первые годы лились огненнымъ потокомъ рѣчи Руссо, еще не порывавшаго съ кружкомъ.

Подъ этими сложными впечатлѣніями не могла замереть ни на минуту умственная энергія Дидро; въ этомъ можно часто видѣть источникъ различныхъ его начинаній. Какъ и въ молодости, онъ искалъ дружескихъ связей съ этими людьми, но часто и горько ошибался въ своемъ выборѣ. Задушевная близость съ Руссо превратилась со временемъ въ непримиримую вражду,—быть можетъ, единственную тяжкую размолвку во всей жизни нашего философа. Біографы входятъ въ подробное изученіе разногласія, открывая причины его иногда въ ничтожныхъ дрязгахъ; сторонники того или другого изъ разошедшихся друзей усиливаются сложить вину непремѣнно на одну только сторону. Такія психологическія загадки не рѣшаются сплеча, заставляя всегда предполагать вліяніе тонкихъ и сложныхъ условій, ускользающихъ отъ потомства. Знаемъ только, что Дидро горячо привязался къ товарищу, мыкавшему вмѣстѣ съ нимъ первые годы нужды, и старался вліять на него, останавливая отъ ошибокъ. Потомъ прошла метеоромъ странная исторія первыхъ диссертацій Руссо, сложилась роль его, какъ отшельника, нелюдима, судьи нравовъ; послышался учительный тонъ, проявилось самомнѣніе, болѣзненная подозрительность; несчастная мысль уединиться въ Эрмитажѣ, гдѣ, по мѣткому выраженію Дидро, онъ заперся вмѣстѣ съ несправедливостью, этою печальною подругой [2], дала ему время передумать въ одиночествѣ по множеству разъ свои мрачныя подо-

---

[1]) Morellet, Oeuvres. Essai d'une nouvelle comètologie, Mèlanges, tome IV; также его Mémoires sur le 18-me siècle et la révolution, 1821, I.

[2]) Письмо отъ января 1757 года: „Oh! Rousseau! Vous devenez méchant, injuste, cruel, féroce, et j'en pleure de douleur... Mon ami, croyez moi, n'enfermez point avec vous l'injustice dans votre asile. C'est une fâcheuse compagne“.

зрѣнія. Дидро не стерпѣлъ, высказался слишкомъ горячо, отмѣчалъ всякую непослѣдовательность друга, и размолвка усилилась. Но онъ же нѣсколько разъ протягивалъ руку, и сначала успѣшно,—онъ искренно жалѣлъ о прежнихъ дняхъ, и искалъ посредничества; но разладъ былъ непоправимъ, растравляемый ложными друзьями и преувеличенный маніею Руссо вездѣ предполагать преслѣдованія и подкупы. Дидро, быть можетъ, долженъ былъ опредѣленнѣе стать на эту точку зрѣнія и скорѣе пожалѣть о несчастномъ больномъ, чѣмъ желчно порицать его. Но этотъ взглядъ на характеръ Руссо сталъ доступенъ лишь нашему поколѣнію, заручившемуся разнообразными и интимными данными для пониманія внутренней его жизни [1]), но какъ же трудно было увѣровать въ ненормальность его душевнаго состоянія Дидро, когда изъ-подъ того же пера, которое изливало на него такъ мало заслуженныя проклятія, выходили прекраснѣйшія произведенія, дышавшія талантомъ, и которыхъ Дидро не могъ не оцѣнить! Тяжело читать нѣкоторыя страницы почти предсмертной работы его, «Опыта о жизни и произведеніяхъ Сенеки», гдѣ онъ воспользовался чисто внѣшнимъ поводомъ, чтобы нарисовать отталкивающій образъ Руссо, правда, не называя его по имени,—но многое въ этомъ раздраженіи объясняется ни на чемъ серьезномъ не основанною ненавистью къ нему Руссо, который сначала считалъ его «своимъ Аристархомъ» и подчинялся его совѣтамъ, а потомъ приписывалъ ему низкіе замыслы, черня его даже въ наиболѣе тяжелыя минуты жизни философа. «Вы не можете не знать о преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергается,—писалъ ему съ негодованіемъ Сенъ-Ламберъ, пытавшійся ихъ примирить,—и вы хотите слить голосъ стариннаго друга съ криками завистниковъ! Не могу скрыть отъ васъ, до какой степени эта злоба меня возмущаетъ» [2]).

Вмѣсто Руссо довольствоваться людьми въ родѣ Гримма, прежнюю дружбу великаго несчастливца замѣнить пріятельскою эксплоатаціей со стороны ловкаго карьериста,—злая шутка судьбы! Гриммъ неотвязно слѣдуетъ за Дидро всюду, высоко цѣнитъ его, живетъ въ значительной степени его умомъ, украшаетъ его сотрудничествомъ свои литературныя

---

[1]) Нетолько развязка его несчастной жизни, заставлявшая предполагать самоубійство, но и другіе, наиболѣе тревожные періоды ея вызываютъ теперь изслѣдованія психіатровъ, установившихъ, кажется, исторію его сложныхъ недуговъ, начиная отъ маніи величія, боязни преслѣдованій, мучительной ипохондріи, до страданій мочевого пузыря, томившихъ Руссо до самой смерти и не поддавшихся тогдашнему варварскому лѣченію. Ср. статью др. Ж. Русселя: J. J. Rousseau, son état pathologique, sa mort, ses enfants, въ сборникѣ Grand-Carteret, „Rousseau, jugé par les français d'aujourd'hui". 1890. Также книгу докт. Julius Hildebrand, „Rousseau vom Standpunkte der Psychiatrie", 1884.

[2]) Письмо отъ 10 октября 1758 (Streckeisen-Moultou, Rousseau, ses amis etc.).

предпріятія и пробирается къ цѣли, извиваясь во всѣ стороны и вырабатывая непринужденною и остроумною болтовней, цѣнившеюся на вѣсъ золота, почти геніальныя способности вселенскаго сплетника. Довѣрчивый Дидро многаго не замѣчаетъ въ дѣйствіяхъ и пріемахъ друга, цѣпкаго, точно чужеядное растеніе,—только иногда попрекаетъ его непомѣрною дипломатичностью и умѣніемъ тонировать. Близко сойтись они не могли, и Гриммъ скорѣе имѣлъ для него привлекательность вѣчно оживленнаго и находчиваго пріятеля на всѣ руки, способнаго отогнать невеселыя мысли и выручить изъ любого затрудненія. Съ Даламберомъ его соединяли болѣе искреннія связи, но со временемъ пришлось убѣдиться, что и его единомыслію есть предѣлы. Близость съ Фальконетомъ, въ которомъ ему нравились восторженное отношеніе къ искусству и философскій складъ ума, порвалась съ отъѣздомъ художника въ Россію, а когда они свидѣлись тамъ, совсѣмъ остыла передъ непостижимой холодностью Фальконета. Вольтеръ еще сильнѣе привлекалъ Дидро, и постоянное общеніе ихъ могло бы съ великой пользой отразиться на обоюдной ихъ дѣятельности; но Вольтеръ былъ далеко, на немъ долго тяготѣло вліяніе его воспитанія, первоначальной среды и придворныхъ отношеній, сказывавшееся иногда въ поступкахъ, которыхъ не могъ одобрить демократъ Дидро [1]), и только когда на склонѣ лѣтъ прояснилась окончательно величавая личность Вольтера съ его любовью къ людямъ, горячимъ заступничествомъ за гонимыхъ и борьбой съ невѣжествомъ, симпатіи Дидро всецѣло закрѣпились за нимъ.

Не побаловавъ его удачей въ дружбѣ, судьба поставила, наконецъ, на его пути любящую и развитую женщину, способную его понять. Мы мало знаемъ Софи Воланъ, не имѣемъ ни обрывка ея переписки съ Дидро, и самые проницательные искатели любовныхъ увлеченій великихъ людей не въ состояніи передать намъ, какъ завязывались эти отношенія, были ли минуты полнаго обладанія, или же эта любовь была прекрасною мечтой утомленнаго жизнью старика, которому рѣдко приходилось бывать подолгу съ любимой дѣвушкой, и оставалось бесѣдовать съ нею въ длинныхъ и искреннихъ письмахъ, гдѣ отражались всѣ тревоги дня [2]). Но чувствуется, что появленіе этого умнаго существа

---

1) Въ примѣчательномъ письмѣ къ Нэжону, называвшему Вольтера неблагодарнымъ, завистливымъ, безумнымъ, и ставившему ему въ вину любезность съ Мопу, Дидро вспоминаетъ съ уваженіемъ, что сдѣлалъ онъ, конечно, несвободный отъ слабостей, для человѣчества: „придетъ время, когда онъ станетъ великъ, а его противники покажутся ничтожными. Что касается меня, еслибы у меня была губка, чтобы омытъ его, я протянулъ бы ему руку, помогъ бы выйти изъ грязи и очистилъ его, какъ дѣлаетъ антикварій съ старинной, но потускнѣвшей бронзой“.

2) Къ такому взгляду склонялся Сентъ-Бевъ, которому принадлежатъ одни изъ лучшихъ этюдовъ о Дидро (въ Portraits littéraires и Causeries du lundi).

многое освѣтило въ его жизни и поддержало интересъ къ дѣятельности. Такія женщины, какъ Софи Воланъ или mademoiselle de l'Espinasse, подруга Даламбера, игравшая такую же роль въ его жизни, и изъ скромной компаньонки въ аристократическомъ домѣ ставшая одною изъ руководительницъ общественнаго мнѣнія,—такія женщины были предвѣстницами типическихъ женскихъ характеровъ конца столѣтія, г-жи Роланъ или г-жи Сталь; подруги обоихъ философовъ не выработали еще въ себѣ способности активно принимать участіе въ политической или общественной дѣятельности, но имѣли задатки большихъ дарованій, научной подготовки и тонкаго вкуса, —и Дидро могъ вывести подругу Даламбера дѣйствующимъ лицомъ въ двухъ своихъ діалогахъ (особенно въ «Снѣ Даламбера»), гдѣ онъ поднималъ важнѣйшіе вопросы философіи и естествознанія.

Письма къ Софи Воланъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ кругу произведеній Дидро, который выказываетъ въ этой непринужденной рамкѣ всѣ свои дарованія мѣткаго наблюдателя, критика, образцоваго прозаика. Но тотъ, кто возьметъ въ руки эти письма въ надеждѣ найти тутъ сладкорѣчивыя изліянія старческой любви, жестоко ошибется. Видно, что Дидро, принимаясь писать, сознавалъ, что ни съ кѣмъ такъ откровенно не можетъ говорить о своихъ помыслахъ и планахъ, что никто такъ близко не приметъ ихъ къ сердцу. Раза два, три послышится въ его письмахъ голосъ чувства, но съ какою простотой! «Дорогая моя, какъ я васъ люблю, какъ я васъ уважаю! Въ десяти мѣстахъ письмо ваше наполнило меня радостью»,—вотъ все, что онъ позволитъ себѣ сказать. Часто принимались они мечтать, какъ соединятся, наконецъ, купятъ себѣ маленькую дачу (un petit château) и скромно будутъ жить въ ней. Мечты эти такъ и не осуществились никогда. Семья Софи косо смотрѣла на сближеніе ея съ человѣкомъ женатымъ, отцомъ семейства, старикомъ, къ тому же ославленнымъ вольнодумцемъ, — и старалась разлучить ихъ. Но онъ одержалъ верхъ и надъ этимъ нерасположеніемъ, заставилъ себя полюбить родныхъ своей подруги, поддерживалъ и съ ними оживленную переписку. Порвать съ прошлымъ не хватило силъ: больная жена, подраставшая дочка-умница и баловница отца напоминали о связяхъ съ старымъ очагомъ,—и онъ разрывался между чувствомъ долга и новою сильною привязанностью. До чего она была сильна, показываетъ настойчивость, съ которой онъ отказывался покинуть Парижъ, несмотря на приглашенія Екатерины. «Я въ состояніи видѣть мой домъ превращеннымъ въ пепелъ, и не встревожиться, — писалъ онъ Фальконету, — видѣть мою свободу въ опасности, мою жизнь испорченною, и всевозможныя бѣдствія надвигающимися на меня, лишь бы *она* была со мной». «Я знаю,—говорилъ

онъ далѣе, отвѣчая на совѣты отплатить любезностью русской государынѣ, сдѣлавшей ему столько добра,—я знаю, что у меня теперь двѣ повелительницы, но моя подруга—первая изъ нихъ и по старшинству важнѣйшая». Онъ, наконецъ, рѣшился оторваться хоть на время отъ этихъ узъ, и десять мѣсяцевъ провелъ безъ нея. Даламберъ былъ послѣдовательнѣе и предпочелъ разнымъ льготамъ въ Россіи свой уголъ и «общество друзей». Зато, когда Софи умерла раньше его (1783), Дидро видимо сталъ гаснуть и болѣе уже не оправился.

Приближаясь къ концу Энциклопедіи и пріобрѣтая болѣе досуга, Дидро перенесъ свою энергію на осуществленіе новыхъ работъ. Онъ не понималъ холоднаго, размѣреннаго труда, и самъ разсказалъ Екатеринѣ въ недавно найденномъ наброскѣ «Sur ma manière de travailler», какъ онъ обыкновенно принимался за дѣло. Сначала справлялся онъ, не выполнено ли оно кѣмъ-нибудь лучше его, затѣмъ начиналъ обдумывать вопросъ, и «думалъ о немъ вездѣ, днемъ, ночью, въ обществѣ, на улицѣ, и эти мысли преслѣдовали его». Онъ ихъ набрасывалъ на большомъ листѣ бумаги, по мѣрѣ того какъ онѣ возникали, потомъ приводилъ въ порядокъ, почти никогда не переписывая; только тогда прочитывалъ онъ, что другіе написали о томъ же предметѣ, и иной разъ разрывалъ свою работу; возраженія и разногласія его не тревожили,—горе тому произведенію, которое не вызываетъ раскола въ мнѣніяхъ (malheur à l'ouvrage qui n'excite point de schisme)", говорилъ онъ [1]). Отъ несправедливаго часто суда современниковъ взывалъ онъ къ болѣе прозорливому суду потомства; онъ не могъ никогда сойтись во мнѣніи съ Фальконетомъ о назначеніи творчества, не могъ удовлетвориться самоуслажденіемъ художника, довольнаго своей работой, или слишкомъ дорожить сужденіями своей поры, такъ мало склонной терпѣть свободное слово. Онъ не понимаетъ ироническихъ усмѣшекъ возражателя, который удивлялся, что можно заботиться о славѣ, настающей, когда человѣка уже нѣтъ въ живыхъ [2]). Онъ вѣритъ, что его поймутъ лишь впослѣдствіи, когда замолкнутъ его страстныя рѣчи, и новое поколѣніе, свободное отъ дѣдовскихъ предразсудковъ, вспомнитъ о своемъ далекомъ предшественникѣ. «Что такое въ сущности созданіе поэта, оратора, философа, художника? Разсказъ о нѣсколькихъ счастливыхъ минутахъ его жизни, которыя онъ ревниво пытается отстоять отъ забвенія». Въ вѣрѣ въ возможность завѣщать лучшіе свои помыслы

---

1) Nouvelle Revue, 1883, 15 septembre.

2) Переписка Дидро съ Фальконетомъ объ этомъ предметѣ, служившая продолженіемъ ихъ постоянныхъ споровъ въ Парижѣ, предназначена была самимъ Дидро къ выпуску отдѣльной книгой, но изданіе не состоялось.

отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ сказалось любимое представленіе Дидро о безсмертіи человѣческой мысли, единственномъ видѣ безсмертія, которое онъ признавалъ. Оттого-то такъ много вполнѣ законченныхъ и зрѣлыхъ его произведеній были сознательно оставлены имъ въ его бумагахъ и увидѣли свѣтъ лишь въ 19-мъ столѣтіи.

Но у него не было самомнѣнія, столь обычнаго у такихъ дальнозоркихъ мыслителей; онъ не выдавалъ себя за рѣшителя всѣхъ основныхъ вопросовъ. Его «Разговоръ одного философа съ женою маршала ***», повидимому воспроизводящій бесѣду его съ умной герцогиней де-Броль, служитъ въ томъ порукой. Съ недовѣріемъ подходитъ собесѣдница къ спору съ «безбожникомъ» и постепенно смягчается, видя предъ собой не фанатика, вѣрящаго исключительно въ свою идею, но человѣка, который хочетъ лишь отстоять себѣ право пройти своимъ путемъ. Онъ признается, что «вовсе не ищетъ прозелитовъ и оставляетъ каждаго вѣрить по-своему»; онъ не выставитъ себя образцомъ нравственности, но думаетъ, что его образъ дѣйствій и отношенія къ людямъ не хуже поведенія искренно набожнаго человѣка. Быть-можетъ, онъ заблуждается, но врядъ ли заслуживаетъ порицанія,—и тутъ, во вкусѣ того времени, вводитъ аллегорическую картинку, разсказывая о судьбѣ молодого мексиканца, который не вѣрилъ росказнямъ стариковъ, будто за моремъ есть опять земля, гдѣ властвуетъ строгій, безпощадный правитель; морскимъ теченіемъ уноситъ юношу вдаль, въ то время какъ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ на доскѣ, лежавшей на берегу. Передъ нимъ волшебная страна, «тотъ берегъ»; въ трепетѣ видитъ онъ осуществленіе того, что отвергалъ разумомъ; встрѣтивъ на берегу самого царя, сѣдовласаго, почтеннаго старца, онъ заранѣе готовится погибнуть. Но тотъ видитъ насквозь всѣ его помышленія, видитъ его искренность и не отталкиваетъ его. «Поставьте себя на мѣсто этого старика,—говоритъ нашъ философъ своей собесѣдницѣ,—что бы вы сдѣлали, если бъ кто-нибудь изъ вашихъ прелестныхъ дѣтей отважился уйти изъ дому и, надѣлавъ много глупостей, съ сокрушеннымъ сердцемъ захотѣлъ бы возвратиться?—Я побѣжала бы ему навстрѣчу, прижала бы къ груди, обливая его слезами»... И, понемногу сдаваясь на его доводы, герцогиня почти въ одно слово съ Дидро приходитъ къ убѣжденію, что жить нужно такъ, «какъ будто этотъ прозорливый и всепрощающій старецъ существовалъ» (le plus court est de se conduire comme si le vieillard existait).

Не разъ слышалъ онъ даже отъ людей расположенныхъ къ нему упреки въ недостаточной практичности его взглядовъ, способныхъ осуществиться лишь въ отдаленномъ будущемъ; таковы многіе отзывы Екатерины; его указанія реформъ и задачъ законодательства казались

ей по большей части радужными химерами, и высоко ставила она надъ ними умѣніе понимать требованія минуты. Но Дидро (и этого почти никто не хочетъ замѣтить) самъ очень скромно, хотя съ полнымъ достоинствомъ, принимаетъ эту точку зрѣнія,—онъ непрактиченъ, но все-таки долженъ высказать свое мнѣніе. «Для нея,—говоритъ онъ объ Екатеринѣ,—должно являться чѣмъ-то вродѣ забавы, если она примется опредѣлять разстояніе, которое отдѣляетъ философа-систематика, устраивающаго счастье общества, покоясь на своемъ изголовьѣ, отъ великой правительницы, которая съ утра до вечера встрѣчаетъ помѣхи малѣйшему задуманному ею добру»... «Понимать, каковъ *долженъ быть* порядокъ вещей—дѣло человѣка разсудительнаго; знать, каковъ этотъ порядокъ въ дѣйствительности—удѣлъ человѣка опытнаго; указать, какъ измѣнить его наилучшимъ образомъ — задача человѣка геніальнаго». Исполнятъ ли его совѣты, онъ не знаетъ и плохо надѣется на то. «Философу приходится ожидать, что развѣ одинъ изъ пятидесяти королей захочетъ воспользоваться его работами, а пока — онъ долженъ разъяснять людямъ ихъ неотъемлемыя права»,—и въ своей «Morale pes rois» составляетъ сатирическій кодексъ правилъ, которыми обыкновенно руководится высшая политика.

Въ ряду работъ, сначала смежныхъ съ Энциклопедіей, потомъ выступившихъ на первый планъ, изученію политическихъ и соціальныхъ вопросовъ предшествовала однако полоса чисто литературныхъ и художественныхъ работъ,—Дидро пытался и здѣсь явиться освободителемъ отъ рутины.

Въ старину, когда на дѣло критики смотрѣли иными глазами, видѣли въ ней скорѣе мелкіе, хоть и вѣрные, придирки и уколы простого здраваго смысла или притязанія педантизма, роль творчества казалась такою недосягаемою, что безсчетное число разъ твердили, что критикомъ быть легче, чѣмъ творцомъ. Если эту избитую сентенцію измѣнить въ томъ смыслѣ, что критическая и творческая способность почти никогда съ одинаковой силой не совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ,—Дидро, какъ драматургъ и сценическій критикъ, явится убѣдительнымъ тому примѣромъ. Исторія драмы всегда будетъ съ признательностью отмѣчать переворотъ, произведенный имъ въ теоретическихъ основахъ и задачахъ сценической поэзіи, но пройдетъ вѣжливымъ молчаніемъ его собственныя пьесы, которыми онъ поддерживалъ свои теоріи. Такъ Бѣлинскій высказалъ много тонкихъ замѣчаній о лучшихъ русскихъ комедіяхъ, — двѣ же его пьесы врядъ ли кто станетъ читать. Если гдѣ-нибудь избытокъ чувствительности губилъ Дидро, такъ именно въ его трогательныхъ драмахъ; сколько ни влагалъ онъ въ нихъ души, какъ ни старался иногда сдѣлать ихъ отраженіемъ пережитыхъ имъ

самимъ минутъ [1]), настоящей драматической жизни въ нихъ нѣтъ. Не такъ смотрѣли однако на нихъ современники; въ его репутаціи немалое мѣсто занимала слава его, какъ драматурга; пьесы его обошли всю Европу, въ Германіи поддержали реформаторскую дѣятельность Лессинга [2]), въ Россіи были переведены по нѣскольку разъ [3]). Но, какъ только перейдемъ отъ самостоятельныхъ попытокъ къ его теоретическимъ работамъ (предисловія къ пьесамъ, Парадоксъ объ актерѣ) и раскроемъ побужденія, увлекшія его на поприще драматурга, та же освѣжающая струя охватитъ насъ. Дидро и въ этой области—выразитель требованій новаго времени, заступникъ за низшіе общественные слои, выдвигаемые впередъ самою жизнью. По воспоминаніямъ молодости онъ еще любилъ Корнеля, звучные стихи Расина тѣшили его, но онъ все-таки требуетъ мѣста на сценѣ плебейскимъ страстямъ и людямъ, передъ которыми вскорѣ стала дѣйствительно отступать толпа королей и героевъ, такъ долго властвовавшая въ трагедіи. Реформа, давно уже назрѣвавшая, проведена была имъ твердою рукой; трудами Дидро и вѣрныхъ его послѣдователей, Бомарше и Лессинга, новый родъ сценической поэзіи, *драма*, получилъ право гражданства. Театральная публика нашего времени, не понимающая болѣе драматическаго произведенія безъ вѣрнаго отраженія дѣйствительности, не сознаетъ конечно, какъ много она обязана этимъ сближеніемъ драмы съ жизнью пропагандѣ Дидро,—точно такъ же, какъ въ нашихъ требованіяхъ правдивой, реальной игры и въ усиливающейся враждѣ къ ходульности одною изъ исходныхъ точекъ былъ «Парадоксъ объ актерѣ», до сихъ поръ высоко цѣнимый въ ряду лучшихъ руководствъ къ сценической техникѣ [4]). Дидро одинаково остерегалъ актера и отъ напыщенной декламаціи, и

---

1) Въ *Отцѣ семейства*, актъ I, сц. 7, разсказана имъ вся исторія первой встрѣчи и сближенія съ женой.

2) Съ своей стороны Дидро цѣнилъ высоко заслуги Лессинга и предполагалъ въ послѣдніе годы жизни выпустить отдѣльнымъ сборникомъ нѣсколько переводныхъ пьесъ, подтверждающихъ его теорію, въ томъ числѣ „Миссъ Сару Сампсонъ“.

3) *Побочный сынъ* выдержалъ въ русскомъ переводѣ три изданія, 1765 — 88; *Отецъ семейства* былъ переведенъ два раза.

4) Неожиданно открытая у букиниста нѣсколько лѣтъ тому назадъ Эрнестомъ Дюпюи черновая рукопись „Парадокса“, который извѣстенъ былъ по бѣловому списку, хранящемуся въ Петербургѣ, и по посмертному изданію, раскрыла чье-то редакторское участіе въ обработкѣ и дополненіи текста; вѣроятно, это было вмѣшательство слишкомъ усерднаго издателя, Нэжона. Э. Дюпюи напечаталъ „Парадоксъ“ съ помѣткой этихъ вставокъ („Paradoxe sur le comédien, édition critique“, 1902). Ср. статью René Doumic, Les manuscrits de Diderot, Revue des deux Mondes, 1902, 15 Oct. Жозефъ Бэдье, Etudes critiques, 1903, признаетъ за Нэжономъ роль компилятора, но отрицаетъ его авторство. Списывалъ ли онъ у Дидро, Мейстера или Cailhava, говоритъ Бэдье, пока рѣшить трудно.

отъ привычки «играть душой» (jouer d'âme) или *нервами*, какъ мы говоримъ. Онъ думалъ, что насъ «никогда не могутъ совсѣмъ захватить поступки или игра человѣка съ бурными страстями, котораго мы видимъ въ возбужденномъ состоянiи, и что это преимущество дано лишь тѣмъ, кто умѣетъ владѣть собой» [1]). На опытѣ онъ понялъ необходимость одолѣть легко воспламеняющуюся чувствительность и хотѣлъ подѣлиться этимъ опытомъ съ актеромъ, призваннымъ художественно воспроизводить жизнь. Но зато онъ требуетъ отъ него пристальнаго изученiя человѣческой природы и общественнаго быта со всѣми его развѣтвленiями; спокойно взвѣшивающая и организующая мысль должна потомъ примѣнять эти наблюденiя къ передачѣ каждаго отдѣльнаго характера.

Дидро былъ и въ живописи такимъ же дилеттантомъ, какъ въ драматическомъ искусствѣ; онъ не умѣлъ и не желалъ щеголять знанiемъ техническихъ уловокъ. Но, одаренный тонкимъ вкусомъ, разгадавъ и тутъ потребность въ обновленiи, располагая большими свѣдѣнiями по исторiи искусства и всегда вводя его явленiя въ кругъ человѣческаго развитiя, онъ объяснялъ въ своихъ художественныхъ отчетахъ прошлое и современное направленiе живописи, ея задачи, какъ никто не умѣлъ этого дѣлать до него, да и впослѣдствiи немногiе изъ художественныхъ критиковъ могли подняться до его уровня. Его иногда называли творцомъ театральнаго и художественнаго фельетона [2]), и съ этимъ можно, пожалуй, согласиться, если принять понятiе о такомъ фельетонѣ въ самомъ лучшемъ его смыслѣ, какъ изящную, непринужденную бесѣду умнаго и знающаго человѣка, который хочетъ поднять вкусъ средняго читателя и въ легкой формѣ раскрываетъ передъ нимъ основы предмета. Но этого опредѣленiя недостаточно. Къ умѣнiю критически освѣщать явленiя и теорiи у Дидро присоединялась прелесть слога, то трезваго, то насмѣшливаго, то поэтическаго и восторженнаго; неожиданно развертывалась картина историческаго момента, характеристика художника, остроумная страничка изъ парижской жизни; выступала порою личность самого критика, его друзей, ихъ разговоры, остроты. По выраженiю Дидро, это была иногда бесѣда, которая какъ будто ведется вокругъ камина, или же изслѣдованiе о серьезныхъ вопросахъ, захватывающихъ всего человѣка. Розенкранцъ сравниваетъ

---

1) Его взглядъ на задачи актера до сихъ поръ еще раздѣляетъ спецiалистовъ на два лагеря, и противъ такихъ пламенныхъ защитниковъ переживанiя артистомъ сполна всѣхъ волненiй дѣйствующаго лица, какъ Сальвини, стоятъ такiе сторонники Дидро, какъ одинъ изъ яркихъ представителей реализма на сценѣ, Кокленъ. Дидро, впрочемъ, съ тонкимъ умысломъ указалъ на то, что высказываетъ лишь парадоксъ.

2) Edmond Scherer. Diderot, étude. 1880.

его въ этомъ отношеніи съ Гейне, и въ «Салонахъ» и въ произведеніяхъ всего послѣдующаго періода находитъ черты, позволяющія счесть Дидро какъ бы современнымъ намъ писателемъ [1]). Но подумать только, какая это была безпечная затрата остроумія и вкуса! Такому «фельетонисту» нужно было бы въ наше время стоять во главѣ большого и вліятельнаго органа, располагая огромной арміей читателей, а Дидро приходилось писать свои отчеты о художественныхъ выставкахъ или «Салонахъ» для *Литературной корреспонденціи* Гримма, предназначенной лишь для восьми государей Европы и небольшого числа богачей, которые могли доставить себѣ дорогую по тому времени роскошь прямыхъ сообщеній съ парижскимъ интеллигентнымъ центромъ; лишь позднѣйшее потомство могло вполнѣ ознакомиться съ этими работами, писанными для привиллегированной публики.

Работалъ онъ надъ «Салонами» съ юношескимъ увлеченіемъ,— точно тридцати тяжелыхъ лѣтъ передъ тѣмъ и не бывало. Четырнадцать дней подъ рядъ писалъ онъ, напримѣръ, «Салонъ» 1765 года, днемъ и ночью. Гриммъ стоялъ за нимъ, то понукая къ работѣ, то безжалостно урѣзывая лучшія и слишкомъ свободныя страницы, замѣняя ихъ общими мѣстами. Но и постоянное вмѣшательство Гримма не ослабляло увлеченія Дидро этимъ дѣломъ, и съ 1759 до 1781 года, т.-е. почти до смерти, не прекращалъ онъ своихъ критическихъ этюдовъ. И здѣсь тотъ же походъ, направленный теперь противъ застарѣлой манерности живописи и скульптуры, которыя не могли высвободиться изъ-подъ гнета античныхъ героическихъ сюжетовъ и замирали въ академическихъ позахъ и ситуаціяхъ или же льстили придворной утонченности, покрывая стѣны раззолоченныхъ гостиныхъ вычурными произведеніями, съ подкрашенной природой и жеманными лицами. Дидро старается увлечь художниковъ на просторъ: вмѣсто изображенія подстриженныхъ парковъ онъ требуетъ широкой разработки пейзажа, ведетъ ихъ въ деревню, въ поля, въ глушь и дичь, даже въ развалины; ложные пасторальные сюжеты должны уступить мѣсто изображенію быта и лицъ низменныхъ, простыхъ людей; жанръ является вполнѣ законнымъ направленіемъ. За такую картину, какъ «Деревенскій сговоръ» (L'accordée du village) Греза онъ готовъ отдать всѣ розовые и небесноголубые плафоны Ватто и его школы, всѣ задрапированные на римскій ладъ портреты и статуи; Вернэ воспроизводитъ настоящій французскій ландшафтъ, не

---

1) Новѣйшій историкъ европейской критики вѣрно оцѣнилъ живое, возбуждающее вліяніе, которое Дидро оказывалъ на послѣдующихъ ея представителей до нашего времени необыкновенною жизненностью и страстностью своего исканія истинныхъ основъ и задачъ творчества. Saintsbury, „History of criticism and literary taste“ III, 1904, p. 957.

отступая передъ рѣзкими тонами и угловатыми чертами, и онъ окружаетъ его рѣдкою любовью; Лепрэнсъ выставляетъ бытовые рисунки изъ русской жизни, и Дидро чрезвычайно заинтересованъ изображенiемъ страны, которую вскорѣ долженъ былъ увидать. Не отказывая и другимъ видамъ живописи въ значенiи, онъ находитъ для нея наиболѣе настоятельнымъ въ данную минуту изученiе быта, которое проникало тогда во всѣ отрасли умственной дѣятельности. Его радовала связь ихъ усилiй, и любимаго своего комическаго писателя Седэна, одного изъ «реалистовъ» 18-го вѣка, онъ мѣтко называлъ «Грезомъ комедiи». Но его пора не была богата сильными талантами; онъ старался поэтому ободрить малѣйшiй проблескъ дарованiя, объяснялъ художнику его задачу и безпощадно громилъ промахи. Его страшила возрастающая практичность вѣка, которая могла, казалось, убить воодушевленiе, стремленiе къ идеалу. «Салоны» проникнуты двойственнымъ желанiемъ— научить искусство слѣдовать жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ сберечь ему идеальное содержанiе. Эта двойственность постепенно охватывала всю дѣятельность Дидро.

Но научныя работы и отклоненiя въ мiръ искусства бывали часто отравлены тягостными житейскими впечатлѣнiями; по временамъ, когда усиливалась реакцiя, онъ видѣлъ, какъ противъ него и его друзей ополчалось въ обществѣ все, питавшееся старымъ порядкомъ и теперь встревоженное опасенiемъ потерять свое значенiе. Въ минуту раздраженiя противъ вѣчныхъ интригъ и шипѣнья клеветы задуманъ былъ „Племянникъ Рамо“, вполнѣ оконченный, какъ полагаютъ теперь, лишь во время поѣздки Дидро въ Россiю и Голландiю. И на этотъ разъ авторъ не разсчитывалъ на гласность и не позаботился о напечатанiи дiалога. Еслибъ случай не указалъ на него одному родственнику Шиллера, служившему въ Петербургѣ, гдѣ хранилась эта рукопись вмѣстѣ съ другими бумагами философа, если бы этимъ произведенiемъ не увлеклись оба великихъ нѣмецкихъ поэта, и Гете не обнародовалъ его въ мастерскомъ переводѣ, потомство долго не узнало бы объ одномъ изъ оригинальнѣйшихъ созданiй Дидро [1]), которое такъ живо воспроизводитъ и его личность, и среду, гдѣ прошла его дѣятельность, что въ немъ какъ будто замеръ въ неизмѣненномъ видѣ день изъ его жизни, какъ застываютъ въ потокѣ лавы обломки давно минувшаго быта. Мы видимъ Дидро на обычной прогулкѣ по Парижу; онъ задумался, витаетъ Богъ вѣсть гдѣ, «гоняясь за какою-нибудь мыслью, преслѣдуя ее, какъ молодые вертопрахи преслѣдуютъ приглянувшуюся имъ уличную красотку».

[1]) Лишь въ наше время оно могло быть издано по подлинной рукописи автора, найденной у парижскаго антиквара, съ комментарiями,—„Le Neveu de Rameau, satyre“, publ. par G. Monval, 1891.

Онъ садится на любимую свою скамью въ Пале-Роялѣ, входитъ въ Café de la Régence и смотритъ на ходы шахматныхъ игроковъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ. Поднявъ глаза, онъ видитъ передъ собой давно знакомую фигуру кочующаго искателя приключеній и незамѣтно увлекается разговоромъ съ этою жалкою личностью. Вмѣстѣ съ нимъ читатель все глубже вдается въ ихъ отношенія, слѣдитъ за споромъ, видитъ ихъ жесты и выраженіе лицъ, принимаетъ къ сердцу каждое колебаніе полемики. Дидро безсознательно приблизился къ высшему совершенству драматическаго творчества въ этомъ діалогѣ, написанномъ лишь для себя или для немногихъ близкихъ, тогда какъ остался далеко позади тѣхъ же требованій въ своихъ драмахъ, заботливо построенныхъ и обращенныхъ къ большой публикѣ. Его діалогъ свободенъ отъ обычнаго недостатка такихъ произведеній,—оба собесѣдника—не тѣни, а живые люди, съ яркими особенностями характера; интересъ не сосредоточенъ на одной лишь сторонѣ; ничтожный знакомецъ философа вовсе не изъ числа автоматовъ, выводимыхъ, чтобы говорить несообразности, разбиваемыя потомъ самимъ мудрецомъ. Онъ отталкиваетъ и въ то же время, какъ замѣтилъ еще Гете, заинтересовываетъ своей нравственной низостью. Разговоръ идетъ впередъ живо, бойко, пересыпанный остротами, мѣткими возраженіями, эпизодическими разсказами; Дидро всегда высоко ставилъ искусство выразительной пантомимы,—и герой діалога выступаетъ не только во всеоружіи безстыдной діалектики, но и со всѣми изгибами мастерской мимики, которая отражаетъ въ себѣ всѣ его ощущенія и превращается подчасъ въ краснорѣчивую поэму безъ словъ.

Противники французской литературы 18-го вѣка (наприм., Тэнъ въ «Origines de la France contemporaine») упрекали ее иногда малочисленностью созданныхъ ею цѣльныхъ и живучихъ типовъ. «Племянникъ Рамо»—одно изъ блестящихъ возраженій на эти упреки. Изобразивъ въ главной личности оттѣнокъ характера, подмѣченный имъ въ современномъ обществѣ, Дидро сумѣлъ разгадать въ немъ общечеловѣческія черты, всегда и вездѣ приложимыя. Пусть частности этого характера заимствованы у дѣйствительно существовавшей личности, бродяги и тунеядца, Жана Франсуа Рамо, племянника извѣстнаго композитора—который на дѣлѣ былъ скорѣе довольно добродушнымъ юродивымъ [1]),—пусть поводомъ къ созданію діалога выставляются недостойные нападки

---

[1]) Joseph Reinach, „Diderot" (Grands écriv. francais), 1894, 103, считаетъ этотъ діалогъ „портретомъ съ натуры и, такъ сказать, interview знаменитаго представителя богемы съ величайшимъ изъ журналистовъ". Къ изданію Монваля приложенъ набросокъ біографіи младшаго Рамо, написанный Э. Туананомъ. Собесѣдникъ Дидро сочинилъ немало музыкальныхъ пьесъ.

на лучшихъ людей со стороны продажнаго Палиссо,—это еще не опредѣляетъ настоящей заслуги Дидро. Онъ не только вжился въ антипатичную ему личность клеветника и паразита, и представилъ его себѣ въ различныхъ случайностяхъ жизни, но выставилъ основныя черты всѣхъ подобныхъ характеровъ. Его паразитъ—не жадный и лѣнивый приживальщикъ, какого рисовали еще римскіе комики и сатирики; изъ забавной личности онъ сталъ почти трагическимъ характеромъ, несмотря на напускную шутливость. У него есть кое-какіе задатки и стремленія, но онъ чувствуетъ, что никогда не поднимется надъ уровнемъ посредственности, и это гложетъ его; общественный строй отвелъ ему самое жалкое мѣсто, принуждая быть лизоблюдомъ у богачей, которые гораздо глупѣе его, жить плутовскими продѣлками, морочить легковѣрныхъ, льстить, смѣшить и кривляться, въ то время какъ внутри его кипитъ зависть и злоба на всѣхъ, кому жить хорошо. По себѣ онъ измѣряетъ ощущенія и нравственное достоинство другихъ людей, не вѣритъ ни въ одно порядочное чувство, подозрѣвая вездѣ эгоистическій разсчетъ, стараніе выгоднѣе продать и купить,—онъ даже готовъ быть въ этомъ посредникомъ. Сына своего, еще ребенка, воспитываетъ онъ въ поклоненіи *червонцу*, дразня разгорающуюся у того жажду денегъ плохо положеннымъ луидоромъ; жену онъ усиленно научалъ пользоваться молодостью и красотой, и если жалѣетъ, что она ушла отъ него, то, конечно, потому, что эти уроки не принесли всей желаемой пользы.

У него свои счеты съ обществомъ и своя борьба за существованіе, для которой онъ нашелъ философское оправданіе,—«въ природѣ всѣ породы животныхъ пожираютъ одна другую, въ обществѣ истребляютъ другъ друга всѣ сословія». Онъ не можетъ помириться съ мыслью, что въ то время, какъ онъ голодаетъ, «въ Парижѣ накрыты десять тысячъ прекрасно сервированныхъ обѣденныхъ столовъ, каждый на пятнадцать или двадцать человѣкъ,—и ни одного куверта не поставлено для него; что есть кошельки полные золота, льющагося направо и налѣво, а ему не достается изъ нихъ ни одного червонца; что тысячи говоруновъ, бездарныхъ и ничтожныхъ, презрѣнныхъ интригановъ хорошо одѣты, а онъ долженъ ходить въ лохмотьяхъ!..» Но въ его мечтахъ о лучшемъ порядкѣ вещей нѣтъ мѣста равенству. Подобно гоголевскому городничему, которому послѣ жизни въ черномъ тѣлѣ грезится, какъ идеалъ, возможность когда-нибудь самому помыкать другими, важничать и держать людей въ трепетѣ, Рамо сладострастно рисуетъ себѣ блаженную минуту, когда онъ будетъ богатъ и станетъ по-своему извлекать пользу изъ богатства. «Тогда-то я припомню все, что я отъ *нихъ* выносилъ, и возвращу имъ съ придачей то, что они для меня сдѣлали. Я люблю повелѣвать, и буду повелѣвать; я люблю, чтобы меня хвалили, и меня ста-

нутъ хвалить. У меня будетъ на жалованьѣ толпа льстецовъ, шутовъ и паразитовъ. Я буду имъ говорить то же, что мнѣ говорили: «ну, негодяи, потѣшайте меня»,—и меня станутъ потѣшать; «разорвите мнѣ на клочки честныхъ людей», и ихъ разорвутъ, если только найдутъ такихъ людей». И въ превосходно переданной пантомимѣ онъ уже видитъ себя богачомъ; у него полный домъ, тонкія вина, мягкая постель, прекрасный экипажъ, хорошенькія женщины, сотня льстецовъ, которые доказываютъ ему, что онъ великій человѣкъ. Онъ жмурится отъ удовольствія, важничаетъ передъ своими клевретами, то выгоняя ихъ отъ себя, то снова милостиво принимая, потомъ опускается на мягкое ложе и засыпаетъ сладкимъ сномъ, обнаруживая своимъ безцеремоннымъ храпѣніемъ, что ему все позволительно,—и только пробужденіе изъ этихъ грезъ показываетъ ему снова его жалкую участь; тщетно озирается онъ, ища воображаемыхъ поклонниковъ, которые какъ будто за минуту передъ тѣмъ пресмыкались у его ногъ.

Такой человѣкъ долженъ вдвойнѣ ненавидѣть докучныхъ моралистовъ, философовъ и публицистовъ, которые осмѣливаются напоминать обществу о другихъ идеалахъ, бросая этимъ тѣнь на происки шайки, работающей надъ общественной деморализаціей. И Рамо съ друзьями ненавидитъ *геніевъ*, не только какъ мыслителей, чья высокая даровитость уже раздражаетъ ихъ, но и какъ честныхъ людей, наставнниковъ толпы. Стоитъ посмотрѣть, какъ потѣшается вся его компанія, когда она въ сборѣ, накормлена кѣмъ-нибудь изъ милостивцевъ и въ хищномъ расположеніи духа; для нихъ тогда нѣтъ лучше занятія какъ ругать и чернить всѣ порядочныя репутаціи, доказывая, что судъ толпы несправедливъ, «что у Вольтера нѣтъ генія, что Бюффонъ просто болтунъ, что у Катоновъ въ миніатюрѣ въ родѣ Дидро сдержанность и скромность скрываютъ зависть и гордость». «Мы наѣдаемся точно волки, послѣ того какъ земля долго пробыла подъ снѣгомъ, и какъ тигры рвемъ въ клочки все, что имѣетъ успѣхъ»,—говоритъ Рамо. Оттѣсненная на время преобладаніемъ высшихъ культурныхъ интересовъ, эта нищая братія заскучала въ своемъ ничтожествѣ и точитъ зубы не только на сытные обѣды, но и на вліятельную роль въ обществѣ. Вѣдь эти люди убѣждены, что зло на землѣ всегда исходило отъ геніальныхъ людей, что ребенка, который при рожденіи могъ бы чѣмъ-нибудь предвѣщать слишкомъ сильное развитіе ума, слѣдовало бы скорѣе умертвить; они издѣваются надъ фанфаронствомъ Сократа, не вѣрятъ благородству кого бы то ни было, и сами ни передъ чѣмъ не остановятся. Рамо, передавъ назидательный анекдотъ о ловкомъ плутѣ, сумѣвшемъ обобрать довѣрчиваго человѣка и во-время донести на него инквизиціи, на этомъ примѣрѣ показываетъ, до чего самъ могъ бы дойти при случаѣ.

Отвращеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ жалость вызываетъ въ философѣ эта нахальная исповѣдь. Самъ онъ не раздражается нападками такихъ личностей. «Я считалъ бы себя оскорбленнымъ,—говоритъ онъ Рамо,—еслибъ меня стали хвалить тѣ, которые позорятъ столькихъ талантливыхъ и честныхъ людей». Но ему тяжело чувствовать и себя, и свое дѣло окруженнымъ такими подкопами. Этотъ разговоръ напомнилъ ему, *гдѣ* назрѣвали клеветы и гоненія, отъ которыхъ онъ искалъ, наконецъ, отдыха въ поѣздкѣ въ Россію. Но чувствительность взяла было и тутъ верхъ надъ гадливостью. Ему захотѣлось удержать неглупаго малаго отъ окончательнаго паденія. Не тяготится ли онъ такою жизнью? Ничуть не бывало; онъ «гордится тѣмъ, что и теперь все тотъ же, какимъ былъ прежде», и молитъ Небо, чтобъ «это несчастіе продолжалось еще лѣтъ сорокъ. Rira bien qui rira le dernier!» Очевидно, онъ твердо увѣренъ, что настанетъ, наконецъ, и на ихъ улицѣ праздникъ, и что тогда вся свора паразитовъ возьметъ свое.

IV.

Въ числѣ оригинальныхъ противоположностей, изъ которыхъ сложился характеръ Дидро, не послѣднее мѣсто занималъ контрастъ между лихорадочной подвижностью его натуры и привычками домосѣда. Этотъ человѣкъ, который вѣчно рвался впередъ, заглядывалъ вдаль, — долго не выѣзжалъ изъ предѣловъ Франціи, да и въ ней лучше всего зналъ, послѣ своей родины, Парижъ и нѣсколько помѣстій своихъ друзей, гдѣ гостилъ иногда лѣтомъ. А между тѣмъ старая французская неподвижность, порожденная гордымъ сознаніемъ своей культуры, лучше которой нигдѣ не найдешь, уже уступала мѣсто частнымъ попыткамъ знакомства съ другими странами. Вольтеръ полжизни кочуетъ по Европѣ, Монтескье появляется то въ Италіи, то въ Вѣнѣ и Бѣлградѣ, то учится политической мудрости у англичанъ, Бомарше переносится изъ Мадрида въ Лондонъ, изъ Амстердама къ австрійскому двору, и изъ вѣнской тюрьмы опять въ разгаръ парижской жизни, — о колоніяхъ французовъ въ Берлинѣ, Женевѣ, Петербургѣ и говорить нечего. Но на Дидро вліяла не національная гордость, которою онъ вовсе не страдалъ; привычка десятки лѣтъ подъ рядъ стоять за работой Энциклопедіи не давала ему досуга для путешествій, а дружескія связи убаюкивали его, пріучая къ отдыху и нѣгѣ среди своихъ. Между тѣмъ широко задуманное путешествіе по новымъ странамъ, съ типическими особенностями быта и нравовъ, предпринятое въ болѣе раннія годы, могло бы въ значительной степени расширить его кругозоръ и обогатить наблюденіями

его соціологическія теоріи [1]). Это обнаружилось послѣ первой же сколько-нибудь серьезной его поѣздки, предпринятой уже на склонѣ лѣтъ въ Голландію на пути въ Россію. Какъ только увидалъ онъ передъ собой новыя формы быта, такъ разгорѣлась его любознательность, пошли сравненія и выводы; протестантизмъ, видѣнный вблизи, и умѣнье голландцевъ спокойно пользоваться свободными учрежденіями произвели на него сильное впечатлѣніе, заставили отбросить прежніе предразсудки, и въ «Voyage de Hollande» сложилась живая и сочувственная картина жизни, такъ мало походившей на французскую. Съ нѣмецкой наукой онъ былъ знакомъ еще въ Парижѣ, удвоилъ свои свѣдѣнія послѣ поѣздки черезъ Германію въ Петербургъ, поддерживая съ тѣхъ поръ сношенія съ образованными нѣмцами; произведенія его послѣдней поры, особенно «Планъ университета для Россіи», свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ у тогдашнихъ французовъ знакомствѣ съ состояніемъ германской науки.

Но за этими двумя странами, которыя съ теченіемъ времени начали его интересовать, выдвигалась новая, совершенно ему невѣдомая, которой суждено было заслонить надолго въ его глазахъ всѣ остальныя,— Россія.

Съ русскими онъ до той поры мало сходился, да и тѣ, кто попадался ему на глаза въ Парижѣ, не могли остановить его вниманія ни умомъ, ни оригинальностью. По большей части это была знатная молодежь, считавшая долгомъ съѣздить хоть разъ на поклонъ къ европейскимъ свѣтиламъ, въ Парижъ или Фернэ, выпрашивая себѣ иногда для этого какія-нибудь порученія у императрицы. Только два лица составляли исключеніе изъ довольно безцвѣтной кучки русскихъ выѣзжихъ галломановъ,—князь Д. А. Голицынъ и княгиня Дашкова; къ нимъ сводятся первыя нити сближенія Дидро съ русскими дѣлами вообще. Роль князя Голицына въ кружкѣ французскихъ философовъ до сихъ поръ мало изслѣдована, и, быть можетъ, въ семейныхъ бумагахъ кого-нибудь изъ его потомковъ найдутся новыя данныя для характеристики времени и для біографіи. Его хотѣли зачислить въ кругъ людей, которые выказывали интересъ къ новой философіи скорѣе лишь потому, что видѣли

---

1) Въ старые годы даже Руссо находилъ полезнымъ и для своего друга, и для успѣховъ новаго культурнаго движенія частые объѣзды различныхъ странъ; ему хотѣлось привлечь къ тому и другихъ выдающихся мыслителей, направляя ихъ поѣздки не только въ просвѣщенныя государства, но и въ Турцію, Египетъ и т. д. Въ мечтахъ онъ возвращался къ тому времени, „когда народы не мѣшались въ философію, а Платоны, Ѳалесы и Пиѳагоры, охваченные страстной жаждой знанія, предпринимали обширныя путешествія съ единственною цѣлью учиться и заходили вдаль, чтобъ сбросить ярмо національныхъ предразсудковъ и лучше понимать людей, узнавъ черты ихъ сходства и различія" (Discours sur l'origine de l'inégalité). Одно время составлялись даже планы совмѣстной поѣздки Дидро, Руссо и Гримма въ Италію.

въ этомъ средство быть угодными Екатеринѣ [1]),—но для этого утвержденія нѣтъ достаточныхъ основаній. Голицынъ воспитанъ былъ во Франціи, наравнѣ съ лучшей частью тогдашней французской молодежи, выросъ въ поклоненіи энциклопедистамъ, жилъ въ Парижѣ частнымъ лицомъ до своего назначенія посланникомъ и тѣсно сблизился со многими изъ передовыхъ дѣятелей, въ особенности съ Дидро и Гельвеціемъ; послѣдній сдѣлалъ его своимъ литературнымъ душеприказчикомъ, и посмертная книга Гельвеція «De l'Homme» была издана Голицынымъ. Въ его дальнѣйшей дѣятельности встрѣчаются непослѣдовательности, нерѣдкія у новообращенныхъ русскихъ людей того времени, — и самою крупною изъ нихъ, конечно, была нерѣшительность его въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ; въ ту минуту, когда слѣдовало показать примѣръ частной иниціативы, въ немъ вдругъ проснулись наслѣдственные инстинкты большого барина и крупнаго собственника [2]). Но отвлеченные интересы къ умственному движенію никогда не прекращались у него, напротивъ, стали еще болѣе развиваться послѣ переѣзда въ Гагу и брака съ дочерью фридриховскаго генерала фонъ-Шметтау, тою Fürstin Amalie von Gallitzin, которая сдѣлала изъ его дома литературный салонъ, занявшій на нѣкоторое время видное мѣсто въ исторіи новой нѣмецкой литературы, и привлекала къ себѣ разностороннимъ развитіемъ и искреннимъ отношеніемъ къ людямъ даже тогда, когда отъ безусловнаго увлеченія наукой и дружбы съ первыми учеными Голландіи и Германіи она перешла къ піэтизму, не лишенному ханжества [3]). Наконецъ, стремленіе къ знанію и безпокойная пытливость передалась дѣтямъ, и сынъ его Дмитрій, сначала усвоившій себѣ новую науку, увлекся возможностью принести пользу въ Новомъ свѣтѣ, въ нетронутой средѣ, перешелъ въ католичество, выселился въ Америку и почти полвѣка (1799—1840) провелъ въ глуши Делавара, проповѣдуя, строя школы, стирая съ себя всѣ остатки аристократизма и пытаясь вліять на паству въ духѣ первобытной простоты [4]).

---

[1]) Такъ смотрѣлъ на него г. Бильбасовъ въ своей книгѣ „Дидро въ Петербургѣ", 1884.

[2]) Разборъ роли Голицына въ ряду попытокъ крестьянской реформы подробно сдѣланъ въ книгѣ В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ". Спб. 1888.

[3]) Гете высоко ставилъ ее какъ женщину, находя, что въ ней соединяется искренняя религіозность, любовь къ добрымъ дѣламъ и умѣренность съ интересами къ философіи и искусству. Ея кружокъ въ Мюнстерѣ былъ въ наше время предметомъ обстоятельныхъ монографій.

[4]) Память о немъ хранится и до сихъ поръ. Въ нью-іоркскомъ журналѣ Harper's Monthly, 1883, августъ, можно найти рисунокъ его могилы. Онъ основалъ среди Аллеганскихъ горъ городъ Лорето съ монастыремъ и двумя школами, и не-

Такова была полурусская, полуиноземная семья, гдѣ съ годами Дидро привыкъ находить радушный пріемъ, гдѣ его снарядили въ путь въ Россію, гдѣ онъ отдыхалъ на возвратной дорогѣ и написалъ нѣсколько лучшихъ своихъ произведеній. Но на Голицынѣ слишкомъ ярко лежалъ отпечатокъ полупарижанина, нѣсколько отвыкшаго отъ родной обстановки. Появленіе во французской столицѣ Дашковой показало Дидро образецъ умной русской женщины, усвоившей себѣ многія изъ новыхъ воззрѣній, казалось, смотрѣвшей на все независимо и оригинально и въ то же время полной свѣжихъ впечатлѣній пробуждавшейся русской жизни. Она щеголяла тѣмъ, что ни съ кѣмъ не хочетъ сближаться въ Парижѣ, кромѣ Дидро, и завладѣла имъ совершенно, увлеченная его бесѣдой и безконечными разспросами. Характеръ русскаго народа, главныя начинанія новаго царствованія, взгляды на воспитаніе, литературу, искусство,—все обсуждалось тутъ, и, конечно, Дашкова была постоянно наготовѣ, чтобы не отстать отъ собесѣдника, не дать себя застигнуть врасплохъ и не разоблачить темныхъ сторонъ русскаго быта. Разговоръ долженъ былъ коснуться крѣпостного права, чье существованіе было въ глазахъ искреннихъ энциклопедистовъ, вродѣ Дидро, необъяснимымъ противорѣчіемъ съ програмМой Наказа. Дашкова позаботилась записать въ подробности разговоръ, въ которомъ она съ большою отвагой забросала Дидро тѣми мнимо-практическими ссылками на непомѣрныя трудности осуществленія реформы и доказательствами довольства крестьянскаго населенія, которыя такъ часто пускались въ ходъ защитниками стараго порядка. Открытый и напечатанный г. Бартеневымъ [1]) болѣе исправный и полный текстъ записокъ Дашковой несравненно характеристичнѣе прежнихъ редакцій (въ лондонскомъ и нѣмецкомъ изданіяхъ) обрисовываетъ впечатлѣніе, произведенное этими искусными доводами на Дидро. «Онъ пораженъ былъ мѣткостью моего объясненія и въ припадкѣ страстнаго увлеченія сказалъ» и т. д.—такъ читали мы до сихъ поръ. Совсѣмъ иная картина представляется теперь. «Онъ вскочилъ со стула, точно движимый какою-то механической силой, послѣ сдѣланнаго мною небольшого очерка; принялся ходить большими шагами, и, плюнувъ на полъ, почти гнѣвно проговорилъ, не переводя духа: Что вы за женщина! Вы колеблете во мнѣ мысли, которыя я питалъ и лелѣялъ въ продолженіи двадцати лѣтъ!» (Quelle femme vous êtes! Vous bouleversez des idées que j'ai chéries et nourries pendant vingt ans). Не пассивную уступчивость человѣка, тотчас сдавшагося на опроверженіе, видимъ мы тутъ, но глубокое недовольство и досаду

подалеку отъ него другой городокъ, названный его фамильнымъ именемъ (his name survives in the neighbour-town of Galizin).

1) Архивъ князя Воронцова, XXI.

на аргументы, разсѣять которые онъ не можетъ, не зная близко русскихъ условій, и сожалѣніе, что сомнѣнія все-таки закрались къ нему; двадцать лѣтъ, какъ видимъ, думалъ онъ объ этомъ вопросѣ, вѣроятно, надѣясь дожить до торжества новыхъ идей и въ освобожденіи русскаго крестьянства, и теперь остановился въ недоумѣніи передъ доводами, которые приводила умная и сильно интересовавшая его женщина. Но онъ не сдался и въ Петербургѣ снова попытался разспросить объ истинномъ положеніи дѣлъ. Въ богатомъ сборникѣ анекдотовъ, острыхъ словъ и любопытныхъ происшествій, составленномъ извѣстнымъ острякомъ 18-го вѣка Шанфоромъ, намъ встрѣтился записанный, очевидно изъ первыхъ рукъ, разговоръ Дидро съ Екатериной о томъ же предметѣ. «Дидро, увидавъ въ Россіи особый классъ крестьянъ-рабовъ, называемыхъ мужиками, отличающихся страшной бѣдностью, изъѣденныхъ насѣкомыми и т. д., описывалъ императрицѣ ихъ состояніе въ ужасающей картинѣ. Она отвѣчала ему: «какъ же вы хотите, чтобы они заботились о своихъ домахъ, когда они въ нихъ только жильцы» (comment voulez vous qu'ils aient soin de la maison, ils n'en sont que locataires) [1]. Вмѣсто указанія на настоятельность и близость реформы онъ услышалъ только уклончивыя общія мѣста; доводы Дашковой повторялись не разъ въ улучшенной формѣ, перешли и въ переписку Екатерины съ Дидро; русское крестьянство съ его довольствомъ и добрыми помѣщиками являлось здѣсь, какъ и въ письмахъ къ Вольтеру, безсмѣнной темой. Отмолчался и графъ Минихъ, котораго онъ попробовалъ спросить о томъ. Дидро никогда не узналъ всей истины.

Какъ бы то ни было, русскія дѣла все сильнѣе начинали интересовать его; посредничество Голицына и Дашковой облегчало сношенія, письма Екатерины звучали необыкновенно любезно, и вскорѣ Дидро, незамѣтно для себя, сталъ чѣмъ-то вродѣ негласнаго русскаго уполномоченнаго въ Парижѣ по дѣламъ литературы, искусства, театра. Онъ указывалъ картины для Эрмитажа, специалистовъ по разнымъ отраслямъ, Фальконета—для петровскаго памятника, Лемерсье де-ла Ривьера (и очень неудачно)—для поправленія русскихъ финансовъ, актеровъ—для французской сцены въ Петербургѣ [2]. Когда же, стараніями Голицына, состоялась покупка въ Россію библіотеки Дидро, оставленной притомъ въ

---

[1]) Oeuvres choisies de Chamfort, publ. par Lescure, 1879, II, 50. Этотъ разсказъ взятъ изъ найденныхъ въ наше время бумагъ Шанфора.

[2]) Въ его перепискѣ упоминаются сношенія съ „Митрескимъ", набиравшимъ французскую труппу для Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что это извѣстный Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, товарищъ Волкова, „первый россійскій актеръ", не разъ ѣздившій за границу и знакомый съ Лекеномъ и Гаррикомъ также близкимъ къ Дидро.

пожизненное его пользованіе, при чемъ онъ получалъ сто пистолей въ годъ, какъ завѣдующій ею, эта щедрота наложила извѣстныя обязательства на нашего философа [1]), онъ становился какъ бы своимъ человѣкомъ, на него уже имѣли права, съ этой минуты неотступно повторяли приглашеніе показаться лично въ Петербургѣ, и наконецъ, послѣ труднаго пятидесяти-четырехдневнаго пути, дважды прерваннаго болѣзнями (послѣдній разъ въ Нарвѣ), Дидро прибылъ въ русскую столицу.

Какая нужда была въ этой выпискѣ? Хотѣли ли позаимствовать у человѣка съ такимъ всеобъемлющимъ умомъ политической мудрости,— но радикализмъ его воззрѣній былъ давно извѣстенъ, и не нужно было приглашать его, чтобы обозвать потомъ его теоріи утопіями, сбыточными лишь въ отдаленной будущности, какъ это сдѣлала Екатерина. Да и Дидро не особенно охотно шелъ на роль законодателя, которую тогда такъ охотно навязывали философамъ, спрашивая у нихъ готовыхъ рецептовъ для лѣченія польскихъ, русскихъ и другихъ немощей [2]). Или, быть можетъ, имѣлось въ виду заручиться его совѣтами при образовательныхъ и педагогическихъ реформахъ,—но уставы воспитательныхъ домовъ, Смольнаго, кадетскихъ корпусовъ и т. д. были уже разработаны домашними средствами, преимущественно Бецкимъ, и Дидро пришлось скорѣе пересмотрѣть ихъ и приготовить къ изданію въ Голландіи; соображенія относительно реформы народнаго просвѣщенія были весьма мало приняты во вниманіе, а нѣкоторые взгляды Дидро на женское образованіе показались слишкомъ крайними. Къ тому же пріѣздъ его въ Петербургъ совпалъ съ пугачевскимъ возстаніемъ, охладившимъ въ значительной степени преобразовательное рвеніе, и на слишкомъ настойчивыя напоминанія о необходимости реформъ отвѣтомъ бывала ссылка на затруднительное положеніе, переживаемое страной. Такимъ образомъ, главнымъ поводомъ вызова Дидро въ Петербургъ являлось скорѣе любопытство увидать у себя, наконецъ, первоклассснаго европейскаго писателя (остальные какъ-то все предпочитали сноситься издали: Вольтера нельзя было соблазнить ни Петербургомъ, ни *Таганрогомъ*, чей климатъ ему непомѣрно расхваливали; Даламберъ не сдался даже послѣ долгой осады) и доставить себѣ удовольствіе умной бесѣды съ завѣдомо геніо-

1) Ему пришлось прежде всего уладить дѣло съ французскимъ правительствомъ и, отступая отъ всѣхъ своихъ привычекъ, получить отъ него согласіе на принятіе пенсіи. Его письмо къ министру двора Saint Florentin, найдено и напечатано было у Ducros, „Diderot, l'homme et l'ecrivain“, 1894. Щедроты Екатерины къ философу были даже воспѣты въ стихахъ нѣсколькими французскими поэтами,—Дора благодарилъ ее за то, что она возродила мыслителя, который былъ несчастенъ, потому что слишкомъ возлюбилъ правду.

2) Есть слухъ, будто прежде Руссо корсиканцы обращались къ Дидро за конституціей; Oeuvres, XXIX, 216.

альнымъ діалектикомъ. Дидро не подозрѣвалъ этого, наивно вѣрилъ въ успѣхъ своей проповѣди, высказывался весь; въ минуту слабости взялъ было на себя передать порученіе французскихъ дипломатовъ, но запутался въ политическихъ тонкостяхъ, и самъ посмѣялся надъ своей неудачей,—мечталъ было о возрожденіи Энциклопедіи, набрасывалъ проекты и записки о русскихъ дѣлахъ, но эти старанія оказались безплодными, и пять мѣсяцевъ, проведенныхъ, по его же словамъ, въ постоянной работѣ, днемъ и ночью, были потрачены даромъ [1]). Къ нему поприглядѣлись, особенности его краснорѣчія извѣдали; нужно было подумать объ отъѣздѣ. Тогда выражено было удивленіе,—отчего онъ такъ торопится, къ кому рвется назадъ? Къ семьѣ? Но зачѣмъ же не выпишетъ онъ всю семью въ Россію?..

Много любезностей было высказано имъ въ глаза и заочно, въ перепискѣ, Екатеринѣ и нѣкоторымъ изъ образованныхъ русскихъ, которые отнеслись къ нему радушно (особенно Нарышкинымъ, пріютившимъ его у себя и обходившимся съ нимъ *по-братски*). Въ этихъ комплиментахъ, конечно, слѣдуетъ отвести значительную долю условнымъ, на нашъ взглядъ преувеличеннымъ, тонкостямъ обращенія, которыя продержались во французскомъ обществѣ съ средины XVII вѣка до революціи; отъ нихъ не свободенъ ни одинъ изъ передовыхъ писателей,—не только Вольтеръ, постигшій всѣ тайны этого жаргона, но и Руссо, который въ ранніе годы далеко не безуспѣшно умѣлъ сочинять изысканно вѣжливыя посланія. Многое въ отзывахъ Дидро было дѣйствительно искренно; послѣ тяжелыхъ впечатлѣній безсмысленной травли на энциклопедистовъ и отголосковъ полуграмотнаго и безучастнаго ко всему двора Людовика XV эффектно обрисовывалась личность покровительницы, которой можно было открывать всю душу, бесѣдуя запросто, къ великой досадѣ придворной челяди, почти вслухъ роптавшей, когда затворялись передъ нею двери кабинета для философскаго tête-à-tête. Но условныя любезности и искреннее удивленіе Дидро не помѣшаютъ намъ разглядѣть въ результатѣ путешествія недовольство. Еще передъ отъѣздомъ онъ просилъ друзей повременить до его возвращенія съ требованіями разсказовъ о Россіи; они должны ожидать отъ него пока лишь «общихъ мѣстъ». Проходитъ пять мѣсяцевъ, во время

---

1) По словамъ Сегюра, Екатерина сочла необходимымъ остановить Дидро въ его реформаторской горячности и однажды поставила ему на видъ, что онъ забываетъ различіе ихъ положенія; „вы работаете на бумагѣ, которая все можетъ стерпѣть, гладкая, ровная, и ничѣмъ не остановитъ порывовъ вашего воображенія,—я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо раздражительнѣе и щекотливѣе“. Съ тѣхъ поръ, пояснила дальше Екатерина, наши разговоры касались лишь литературы и морали.

которыхъ онъ присматривался ко многому, и онъ признается въ письмѣ къ г-жѣ Неккеръ [1]), что, несмотря на это, его свѣдѣнія очень скудны, и не по его винѣ: «Быть-можетъ, вы предпочли бы, чтобъ я разсказалъ вамъ что-нибудь о Россіи, *но я не видалъ ея*. Я пропустилъ случай побывать въ Москвѣ, и нѣсколько раскаиваюсь въ этомъ. Петербургъ— только дворъ, безсвязная смѣсь дворцовъ и избъ, большихъ баръ, окруженныхъ *мужиками* и подрядчиками». Ему показывали только то, что хотѣли показать,—подобно тому какъ Вольтеръ узнавалъ почти всегда только положительную сторону русскихъ дѣлъ. Дидро кой о чемъ догадывался; въ томъ же письмѣ онъ намекаетъ на доходившіе очевидно до него слухи о суровомъ самоуправствѣ помѣщиковъ; противорѣчія между духомъ *Наказа* и дѣйствительностью, которую онъ засталъ въ Петербургѣ, вѣроятно, слишкомъ били въ глаза, потому что въ любопытной запискѣ, найденной Морисомъ Турнэ въ 1880 году въ Парижѣ [2]), онъ комментировалъ (по возвращеніи изъ Россіи) *Наказъ* и вызывалъ Екатерину категорически заявить, желаетъ ли она пойти по старому пути своихъ предшественниковъ или намѣрена оставаться вѣрной основнымъ идеямъ своей инструкціи. Она не получила этой записки при жизни философа, прочла ее много лѣтъ спустя въ числѣ бумагъ купленной ею библіотеки [3]) и съ неудовольствіемъ отозвалась о вѣчныхъ фантасмагоріяхъ, наполнявшихъ голову празднаго мечтателя.

Но при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Дидро видимо заинтересовался страной, куда занесла его судьба, и обстоятельность нѣкоторыхъ свѣдѣній, которыя ему удалось собрать, навела даже новѣйшихъ его издателей на мысль, не задумывалъ ли онъ написать подробный этюдъ о Россіи, ея строѣ, соціальныхъ и экономическихъ нуждахъ,— вродѣ того, который онъ посвятилъ голландскому быту. Снова проявлялась въ немъ рѣдкая дѣловитость, въ годы Энциклопедіи облегчив-

---

[1]) Caro. La fin du dix-huitième siècle, 1880, I, „Diderot inédit", p. 332; неизданное письмо, сообщ. Оссонвилемъ.

[2]) „Diderot législateur", p. Maurice Tourneux, Nouv. Revue, 1881, сент., 33—52. Еще важнѣе найденная позже тѣмъ же лицомъ (Temps, 4 sept., 1885) записка „De la Commission", гдѣ Д. является горячимъ сторонникомъ англійской конституціи. Отдѣльно появившіеся въ печати эти проекты вмѣстѣ съ другими „русскими" бумагами Дидро собраны были впослѣдствіи г. Турнэ въ его цѣнномъ трудѣ „Diderot et Catherine II", P., 1899. Они напечатаны съ принадлежавшаго прежде А. С. Норову рукописнаго дидеротовскаго сборника „Mélanges philosophiques, historiques etc., année 1773".

[3]) О рукописяхъ Дидро, хранящихся въ Петербургѣ, см. каталогъ, составл. М. Турнэ „Les manuscrits de D. conservés en Russie", extrait des Archives des missions étrangères, 3 série, tome 12.

шая ему изученіе и описаніе различныхъ отраслей труда или формъ быта. До насъ дошло нѣсколько серій запросовъ, съ которыми онъ обращался къ императрицѣ и ея приближеннымъ (наприм., президенту коммерцъ-коллегіи Миниху), желая имѣть точныя свѣдѣнія о разнообразнѣйшихъ предметахъ, о заработной платѣ и ея отношеніи къ цѣнности съѣстныхъ припасовъ, о правахъ господъ надъ крѣпостными и предѣлахъ власти землевладѣльцевъ, о положеніи разныхъ отраслей торговли и промысловъ. Сбивчивые отвѣты, старавшіеся выставить положеніе дѣлъ въ розовомъ свѣтѣ, почти всегда недостаточно полные, помѣшали, быть-можетъ, ему осуществить задуманную работу. Но этимъ дѣло не ограничилось, и отъ экономическихъ вопросовъ онъ перешелъ къ національнымъ особенностямъ, и въ *русскихъ* проектахъ замолвилъ слово за развитіе науки, литературы, искусства. Недруги сближенія съ западомъ, и тѣ, кажется, найдутъ только симпатичныя черты въ высказанныхъ имъ пожеланіяхъ. У *такого* выходца изъ Европы дѣйствительно можно было кой-чему научиться. Въ „Планѣ университета“, т.-е. въ общей системѣ низшаго, средняго и высшаго образованія (Université употреблено здѣсь во французскомъ смыслѣ этого слова) [1]), русскому языку и литературѣ отводится почетное мѣсто. Дидро узналъ, какъ важно для изученія живого языка знакомство съ церковно-славянскимъ, и потому дѣлаетъ его безусловно обязательнымъ; историческій курсъ долженъ точно такъ же начинаться съ исторіи родной земли; нужды науки, едва укоренявшейся тогда на Руси, онъ выставляетъ на первый планъ, и какъ въ университетахъ желалъ бы видѣть русскихъ профессоровъ, совѣтуя передъ тѣмъ отправлять ихъ за границу [2]), такъ онъ называетъ безполезною академію, которая состояла бы изъ иностранцевъ. Нѣкоторымъ отраслямъ науки онъ предрекалъ великую будущность; наша анатомическая школа могла бы стать во главѣ европейской медицины, если бы сумѣла воспользоваться преимуществами климата, гдѣ морозъ, сковывая трупы, дольше сберегаетъ ихъ для изслѣдованія. Молодому искусству онъ указывалъ самостоятельный путь, научая его избѣгать изнѣженности и лести и служить только возвышающимъ цѣлямъ, увѣковѣчивая дѣйствительно благородныя дѣянія русскихъ гражданъ; быть-можетъ, придетъ время,—говоритъ онъ,—

---

1) Любопытно, что Екатерина поручила высказаться по вопросамъ народнаго просвѣщенія въ Россіи Дидро и—Гримму! Объ этомъ говоритъ самъ Дидро въ письмѣ Екатеринѣ 6 окт. 1775.

2) Онъ указываетъ и вообще на пользу отправленія молодыхъ людей въ европейскіе университеты, напримѣръ, въ Лейденъ, Лейпцигъ, Лондонъ, Парижъ; тамъ можно было бы поручить ихъ заботамъ d'un honnête homme, который наблюдалъ бы за ихъ успѣхами и нравственностью.

когда всего мрамора Каррары не достанетъ для этого воздаянія истиннымъ заслугамъ [1]).

И его, и Вольтера увѣряли, будто въ ту пору вѣротерпимость въ Россіи была полнѣйшая. Повѣрилъ ли онъ этому? Очевидно нѣтъ, потому что, заговоривъ о богословскомъ факультетѣ и исходя отъ мысли, что слѣдуетъ «или совсѣмъ не имѣть священниковъ, или же имѣть дѣйствительно хорошихъ», онъ высказывалъ желаніе, чтобы каждый годичный курсъ на богословскомъ факультетѣ [2]) завершался нѣсколькими лекціями о свободѣ совѣсти. Вѣра въ силу внушительнаго слова совершенно въ духѣ слишкомъ довѣрчиваго подчасъ Дидро,—она еще ярче сказывается въ другой частности проекта, гдѣ онъ выражаетъ желаніе, чтобы четыре раза въ годъ профессора приносили присягу въ томъ, что они будутъ передавать слушателямъ только истину: ему серьезно казалось, что эта присяга не обратится въ формальность, а будетъ вѣрнымъ средствомъ предохранить преподаваніе отъ рутины. Но въ заботахъ о томъ, чтобы молодежи въ чуждой ему странѣ школа давала только здоровую умственную пищу, отразился живой интересъ къ дѣлу, далеко не похожій на безучастное выполненіе принятаго порученія. Не разъ возвращается онъ къ разъясненію необходимости завести для Россіи хорошія учебныя руководства на понятномъ русскомъ языкѣ, и для этого считаетъ недостаточнымъ поручать ихъ составленіе подагогамъ-ремесленникамъ. Слѣдуетъ пристыдить передовыхъ ученыхъ, привыкшихъ смотрѣть свысока на подобное занятіе, потребовать учебниковъ отъ лучшихъ знатоковъ, напр., для математики отъ Даламбера; впослѣдствіи, конечно, народится и русская педагогическая литература. Эта точка зрѣнія проходитъ черезъ всѣ проекты Дидро; онъ высоко ставилъ самостоятельность русскихъ интеллигентныхъ силъ [3]) и направлялъ все

---

1) Съ великимъ сочувствіемъ слѣдилъ онъ за выполненіемъ Фальконетова памятника Петру и обдумывалъ съ художникомъ малѣйшія частности. Какъ Генрихъ IV во французской исторіи, такъ Петръ былъ всегда идеальной личностью въ глазахъ Дидро. Его сердило, что Вольтеръ остался ниже сюжета въ своей исторіи Петра. Въ бумагахъ Дидро найденъ конспектъ оригинально задуманнаго разговора „генія французской націи съ Петромъ Великимъ на границѣ". Diderot et Cather. II, p. 263. Геній Франціи, очевидно, долженъ былъ раскрыть глаза Петру, возвращающемуся въ упоеніи отъ французской культуры, на произволъ, беззаконіе, невѣжество и разладъ, скрывающіеся подъ блестящей внѣшностью.

2) Объ основаніи такого факультета въ Московскомъ университетѣ шла одно время серьезно рѣчь (Вѣстн. Евр. 1873, XI, Проектъ богослов. факультета въ Москвѣ); въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, I. „Изъ жизни русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ при Екат. II", приведены проф. Александренко свѣдѣнія о посланныхъ для этой цѣли въ Англію русскихъ юношахъ.

3) Les livres classiques bien faits et traduits en langue vulgaire, Votre majesté ne sera plus dans le cas d'appeler des maîtres étrangers. Ils se trouveront parmi ses

къ ея пробужденію, западная же наука является у него надежной помощницей и руководительницей въ этой работѣ.

Народное образованіе въ Россіи представлялось ему въ формѣ даровой и обязательной школы, и онъ горячо возставалъ противъ возраженій, которыя предвидѣлъ. Главный источникъ противодѣйствія отгадывалъ онъ въ крѣпостничествѣ; труднѣе будетъ помѣщикамъ удержать за собой власть, когда масса станетъ просвѣщенною. Зато онъ ищетъ опоры для народной школы въ городскомъ населеніи. Въ примѣчаніи къ «плану университета» онъ сочувственно отзывается о реформѣ, обезпечивавшей городамъ нѣкоторое самоуправленіе, и отъ будущихъ муниципалитетовъ ожидаетъ серьезнаго содѣйствія народному образованію. Хорошіе законы и хорошая школа казались ему вѣрнѣйшими средствами обновить страну [1]); нравы онъ считалъ прямымъ результатомъ духа законодательства и политическаго строя, и потому въ соображеніяхъ о способѣ выработки и изданія законовъ высказывалъ иногда взгляды которые, конечно, были въ духѣ автора Наказа, но непріятно дѣйствовали на Екатерину, какъ правительницу. Первымъ же условіемъ широкаго развитія всѣхъ производительныхъ силъ страны Дидро считалъ обезпеченіе мира; «необходимо, чтобы народъ былъ вездѣ просвѣщенъ, свободенъ и добродѣтсленъ» (il faut que partout un peuple soit instruit, libre et vertueux),—это же достижимо только при прочномъ мирѣ. И Дидро, вѣроятно развивавшій эти мысли въ бесѣдахъ съ императрицей, еще откровеннѣе повторяетъ ихъ въ письмѣ, написанномъ уже въ Гагѣ. «Кровь тысячи враговъ не возвратитъ вамъ потери ни одной капли русской крови. Частыя побѣды придаютъ блескъ царствованіямъ, но дѣлаютъ ли онѣ ихъ счастливыми?.. Да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что если хорошіе реформаторы вездѣ встрѣчаются не часто, они въ особенности рѣдки въ тѣхъ странахъ, гдѣ они всего необходимѣе» [2]). Онъ возсылаетъ мольбы, чтобы отнынѣ Екатерина занялась упроченіемъ мира, болѣе чѣмъ какимъ-либо другимъ дѣломъ,—и въ этомъ опять онъ шелъ въ разрѣзъ съ дальновидными политическими комбинаціями, тре-

---

propres sujets. Въ другомъ случаѣ эта мысль высказана еще опредѣленнѣе: Appeler des étrangers pour former une académie de savants c'est négliger la culture de sa terre et acheter des grains chez ses voisins. Cultivez vos champs et vous aurez des grains.

[1]) Сборникъ Русск. Историч. Общества, томъ XXXIII, письмо отъ 13 сентября 1774 года.

[2]) Въ отрывкахъ мемуара, посланнаго Екатеринѣ по возвращеніи во Францію, Д. высказывается за законодательную власть народа: „il n'y a de vrai souverain, il ne peut y avoir de vrai législateur que le peuple; каждая статья закона должна бы начинаться такъ: nous, peuple et nous souverain du peuple, jurons conjointement les lois etc."

бовавшими постоянной смѣны войнъ, тѣшившей національную гордость и тормозившей реформы. Это было съ его стороны и послѣдовательнѣе, и достойнѣе тактики Вольтера, который находилъ возможность ободрять Екатерину къ продолженію и развитію войнъ, торжествовалъ каждый успѣхъ въ турецкой кампаніи, угодливо осмѣивалъ султана Мустафу, являвшагося у него чѣмъ-то въ родѣ героя комической оперы, не скупился на шовинистскія выходки и даже одно время носился съ своимъ изобрѣтеніемъ какихъ-то огнестрѣльныхъ колесницъ...

Вѣроятно, частыя напоминанія о пользѣ реформъ вызывали иногда у Екатерины нетерпѣливый и насмѣшливый вопросъ: *что* бы сдѣлалъ самъ Дидро, если бы власть была въ его рукахъ, какъ бы взялся онъ за это дѣло? Отвѣтомъ на это можетъ служить любопытный набросокъ, озаглавленный «Sur le luxe» [1]); на немъ и теперь лежитъ отпечатокъ вызвавшей его минуты. Екатерина поставила философу этотъ вопросъ въ присутствіи Гримма,—они только втроемъ сидѣли въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ,—и, желая посмѣяться, предложила передать ему хоть на малѣйшій срокъ власть правителя въ Россіи или въ какой-нибудь воображаемой странѣ. Дидро не затруднился этимъ и, точно герой общеевропейской легенды, превратившійся за ночь изъ плебея въ знатнаго барина или герцога, вообразилъ себя королемъ.

Нужно, однако, спѣшить дѣйствовать,—волшебство долго не продержится; «Дени первый» рѣшаетъ на пробу заняться хоть какою-нибудь одною отраслью государственныхъ заботъ, напримѣръ, вопросомъ о роскоши. Онъ не хочетъ болѣе терпѣть въ своей странѣ того вида роскоши, который «служитъ личиной для народной бѣдности»; онъ набрасываетъ неприглядную картину французскаго общества, зараженнаго жаждой внѣшняго блеска, гдѣ люди держатъ нѣсколько экипажей и ни чему не учатъ своихъ дѣтей, гдѣ у знатныхъ дамъ много кружевъ и дорогихъ платьевъ, и нѣтъ рубашки на тѣлѣ, — онъ хотѣлъ бы, чтобы роскошь въ его царствѣ была «признакомъ общаго благосостоянія и развитого вкуса». Для этого онъ издастъ декретъ, распадающійся на восьмнадцать статей, и подойдетъ къ цѣли, начавъ съ различныхъ сбереженій и сокращеній. Передъ нами развивается пестрая картина суетливыхъ преобразованій «короля на часъ»: онъ продаетъ свои личныя помѣстья, которыя не приносятъ ничего и поглощаютъ массу денегъ на ихъ поддержаніе; въ его конюшняхъ не стоятъ уже пять тысячъ лошедей,—онѣ проданы, и оставлено всего 100—200; домашній штатъ сокращенъ, списки пенсій вельможамъ пересмотрѣны и доведены до скромныхъ размѣровъ; расходы на войско,

---

1) La politique de Diderot, Nouv. Revue, 1883. 1 séptembre. 10—25.

флотъ, посольства, убавлены; церковь привлечена къ участію въ общихъ издержкахъ, взносы на нужды папы прекращены; откуповъ болѣе нѣтъ, налоги распредѣляются примѣнительно къ состоянію плательщика,—а въ будущемъ онъ сбирается обезпечить вѣротерпимость, независимость печатнаго слова, интересы торговли, изобрѣтеній. И ему грезится народный приговоръ: вездѣ, гдѣ бы онъ ни показался, его встрѣчаютъ привѣтствія, шумъ, крики: «да здравствуетъ Дени!» онъ выходитъ изъ экипажа, его обнимаютъ; «онъ кончаетъ жизнь мирно, оплаканный всѣми, – а, быть можетъ, его побиваютъ камнями... Но что за бѣда,—надо же когда-нибудь умереть!»

Срокъ миновалъ, шутка кончилась, и недавній властитель возвращается къ своей роли мечтателя о лучшемъ общественномъ строѣ. Пересказанный набросокъ даетъ понятіе о непринужденной формѣ, въ которую облекалась его рѣчь въ бесѣдахъ съ Екатериной; за остротой, риторическою фигурой или мѣткимъ литературнымъ сравненіемъ всегда скрывалась серьезная мысль, и не грезы только, въ буквальномъ смыслѣ, развивалъ онъ передъ своей слушательницей. Быстрый ходъ событій во Франціи и обострявшіяся политическія отношенія научили многому и его; онъ начиналъ уже вглядываться въ будущее, предчувствуя тревоги и стараясь придумать средства мирнаго перерожденія. Какъ видно изъ его *русскихъ* бумагъ, онъ высоко ставилъ англійскую политическую систему, желалъ ея приложенія на родинѣ, видѣлъ и во Франціи людей, стоявшихъ въ уровень съ задачей, въ особенности Тюрго, тогда еще лиможскаго интенданта, и подъ этими впечатлѣніями старался передать свои взгляды и молодой русской средѣ.

Въ его проектахъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ странныхъ и неприложимыхъ измышленій, всегда неразлучныхъ съ слишкомъ сильнымъ подъемомъ творческой изобрѣтательности въ общественныхъ вопросахъ. Онъ вѣрилъ, наприм., въ возможность производства опытовъ надъ улучшенной административной системой въ одномъ лишь изолированномъ округѣ, который былъ бы порученъ опытному правителю, — въ распространеніе здоровыхъ нравственныхъ воззрѣній посредствомъ правительственныхъ указаній темъ трагическимъ и комическимъ поэтамъ и лирикамъ,—онъ допускалъ даже, что Екатерина дастъ указанія въ этомъ родѣ «своему посредственному Сумарокову» (à votre médiocre Soumarokoff), и, быть-можетъ, сдѣлаетъ его человѣкомъ [1]). Въ его университетскихъ планахъ найдутся также, конечно, подробности спорныя

[1]) Въ числѣ такихъ довольно неожиданныхъ у него соображеній одно, вѣроятно, придется по сердцу сторонникамъ переноса столицы изъ Петербурга; на ряду съ необходимостью проведенія большихъ дорогъ, установленія сообщеній со всѣми частями имперіи, пріученія знати жить въ своихъ помѣстьяхъ и т. д., Дидро счи-

и устарѣвшія на ряду съ мѣткими соображеніями. Но совокупность усилій, потраченныхъ имъ для разработки различныхъ домашнихъ русскихъ вопросовъ, оттѣняетъ его отношеніе къ новому для него дѣлу. Ради университетской программы, обставленной подробными списками руководствъ и авторитетныхъ сочиненій, онъ долженъ былъ много перечесть и собрать пропасть справокъ у спеціалистовъ. Въ области точныхъ наукъ онъ старался указать новѣйшіе результаты изслѣдованій и опытовъ и научить воспитывать молодые умы для самодѣятельности; коснувшись литературной теоріи и критики, подѣлился тѣми воззрѣніями, которыя обезпечивали ему роль реформатора въ словесности [1]). Въ политическихъ и общественныхъ вопросахъ, насколько можно было намѣтить ихъ значеніе во время краткаго пребыванія въ Россіи, при отсутствіи серьезной помощи, онъ указалъ нѣсколько существенныхъ нуждъ и былъ защитникомъ мира и реформъ. Нельзя сказать, чтобъ это была дурная отплата за предложенное ему гостепріимство; въ выраженіи, встрѣчающемся въ его письмахъ, гдѣ онъ называетъ себя чуть не наполовину русскимъ, можно видѣть нѣчто поискреннѣе избитаго комплимента, столь обычнаго въ устахъ французскаго туриста, желающаго выказать свою отмѣнную свѣтскость.

Въ Петербургѣ съ нимъ разстались любезно, удвоили цифру путевыхъ издержекъ, которую онъ самъ назначилъ (вмѣсто 1.500 руб. дали три тысячи), обнадежили относительно предстоявшаго возобновленія Энциклопедіи, усадили въ какую-то диковинную карету, спеціально для этого заказанную, гдѣ онъ могъ обѣдать, спать, принимать го-

---

талъ мудрымъ перенесеніе столицы въ центръ государства, напр., въ Москву, находя пограничный городъ съ его спеціально-оборонительною ролью непригоднымъ для этого. Во всякомъ случаѣ онъ совѣтовалъ *оживить* и населить Петербургъ при помощи привлеченія свѣжихъ рабочихъ силъ изъ провинціи, предварительно освободивъ ихъ отъ крѣпостной зависимости.

1) Изученіе поэзіи онъ желалъ совершенно избавить отъ схоластическихъ пріемовъ; профессоръ въ теченіи курса долженъ представлять слушателямъ нѣсколько критическихъ разборовъ, разъясняя основы поэзіи и искусства, говоря имъ объ Истинномъ, Правдоподобномъ и Вымышленномъ, о необходимости изучать природу и подражать ей въ извѣстныхъ предѣлахъ. Отдѣльныхъ писателей онъ группируетъ своеобразно. Первымъ слѣдуетъ изучать Гомера, которому онъ считалъ себя безконечно обязаннымъ. Простота и безыскусственность Гомера служатъ первою ступенью къ познанію истиннаго творчества. Въ кругу древнихъ и новыхъ писателей онъ преимущественно останавливается на тѣхъ, которые внесли существенное въ умственную сокровищницу человѣчества. Искренность и реализмъ заставляютъ его предпочесть Ѳеокрита Виргилію, Эсхила Еврипиду и т. д. То же мѣрило прилагаетъ онъ и къ французскимъ авторамъ, дѣлая строгій выборъ между ними и останавливаясь на правдивыхъ живописцахъ быта. Изученіе литературы замыкало у него курсъ и требовало предварительнаго всесторонняго развитія студента.

стей,—и онъ съ радостнымъ чувствомъ понесся назадъ, къ своимъ, о которыхъ не переставалъ тосковать. Нигдѣ не хотѣлъ онъ останавливаться: когда въ Митавѣ ледъ на Двинѣ подломился подъ грузнымъ экипажемъ, даже это не особенно смутило его, и, настроивъ лиру, что съ нимъ бывало очень рѣдко, онъ воспѣлъ это трагикомическое событіе въ одѣ «Sur le passage de la Douina». Только дружескій пріемъ Голицына и корректуры екатерининскихъ школьныхъ уставовъ могли задержать его на время въ Гагѣ, но онъ лишь тогда почувствовалъ себя снова счастливымъ, когда увидѣлъ издали громады домовъ, куполовъ и башенъ Парижа и заслышалъ немолчный шумъ и движеніе міроваго города, своей настоящей стихіи. Къ нему вышли навстрѣчу близкіе люди, и когда неясныя сначала очертанія дорогихъ ему лицъ стали, наконецъ, опредѣленнѣе, неисправимо чувствительный Дидро бросился вонъ изъ экипажа, начались дружескія объятія, и не мало слезинокъ пролито было въ честь этого свиданія.

Поѣздка въ Россію была теперь за спиной, и снова началась обычная дѣятельность. Только-что пережитый эпизодъ, съ его впечатлѣніями, неожиданно врѣзался въ ровную жизнь его среди родныхъ условій, привлекавшихъ несмотря на всѣ вынесенныя прежде невзгоды. Велики ли были результаты поѣздки, предпринятой такъ поздно и расшатавшей здоровье Дидро,—въ этомъ онъ могъ вскорѣ отдать себѣ отчетъ. Проекты его остались на бумагѣ; лучшія, страстныя рѣчи были произнесены лишь съ тѣмъ эффектомъ, который производитъ виртуозное исполненіе художественной вещи; изъ переизданія Энциклопедіи ничего не вышло. Въ практическомъ отношеніи его жизнь также не улучшилась. Если всегда выносишь странное впечатлѣніе, видя, какъ человѣкъ, совершенно лишенный дѣлового чутья, не привыкшій цѣнить денегъ, неожиданно принимается за мнимо-тонкія соображенія и выкладки, — то одно изъ писемъ Дидро, отправленное домашнимъ подъ конецъ путешествія, можетъ служить этому новымъ примѣромъ. Обращаясь на этотъ разъ къ женѣ, скопидомкѣ и хозяйкѣ (а не къ матери, какъ почему-то полагаютъ нѣкоторые; матери его тогда не было въ живыхъ), онъ хочетъ посвятить ее въ финансовыя соображенія, которыя покажутъ ей, что поѣздка можетъ оказаться полезной и въ матеріальномъ отношеніи. Но все это такъ непохоже на него и выходитъ такъ наивно, что невзначай проявившаяся заботливость объ обезпеченіи на черный день не приводитъ ни къ чему, тѣмъ болѣе что его все время глодала мысль, какъ бы не сочли его искательнымъ. Онъ шелъ на новый рискъ, сбираясь опять надолго закабалить себя въ издательскую работу; прошлое достаточно научило его, чтобы съ возобновленіемъ Энциклопедіи ему представились новыя преслѣдованія и тревоги; онъ завелъ рѣчь о

томъ, поддержитъ ли его Екатерина въ случаѣ какихъ-либо «операцій» французскаго правительства. Его обнадежили на словахъ. Съ этимъ онъ вернулся въ Парижъ и опять забрался на пятый этажъ, въ прежнюю скромную квартирку (гдѣ прожилъ тридцать лѣтъ), изъ которой переѣхалъ, по желанію Екатерины, въ болѣе нарядное помѣщеніе лишь за нѣсколько дней до смерти.

V.

Уже въ «планѣ университета» сказался переломъ въ воззрѣніяхъ Дидро, давно надвигавшійся. Всѣ его старанія направлены къ тому, чтобы, не разрывая связи общаго развитія юношества съ областью литературы и искусства, сдѣлать въ то же время невозможнымъ одностороннее филологическое или эстетическое образованіе. «Въ геометріи,— говорилъ онъ,—каждая теорема заканчивается словами: *что и требовалось доказать*; всякое разсужденіе, которое мы излагаемъ либо въ устной рѣчи, либо на письмѣ, слѣдовало бы заканчивать тѣмъ же способомъ, и каждый изъ насъ долженъ умѣть отстоять то, что утверждаетъ». Широкое примѣненіе математики къ потребностямъ программы оправдывалось ссылками на блестящіе примѣры, въ особенности на Даламбера, рано развившаго такимъ путемъ свои способности. За математикой слѣдуетъ естественная исторія и химія; вездѣ видна забота, чтобъ изученіе «словъ» (т.-е. языковъ) не заслоняло изученія «фактовъ». Человѣкъ, не только такъ думавшій, но догматически устанавливавшій основы подобныхъ воззрѣній, очевидно, разставался уже съ своими литературными привычками и переходилъ на другое поприще, къ болѣе трезвой и положительной дѣятельности. Дѣйствительно, Дидро все рѣже пробуетъ силы въ прежнихъ родахъ творчества; ода, драма, повѣсть, почти покинуты имъ,—къ тому же онъ какъ-то отвыкъ отъ публичности. Прошли тѣ годы, когда, понявъ его популярность, издатели и разносчики-книгоносцы, промышлявшіе запретнымъ товаромъ, ловили у него на лету каждую брошюру или повѣсть; теперь они громко жаловались на его лѣнь, мѣшающую имъ заработать деньги. Сложена была даже пѣсенка, составленная изъ діалога Дидро съ разносчикомъ; послѣдній комически сѣтуетъ на то, что Энциклопедія по своему объему совсѣмъ не годится для распространенія изъ-подъ полы, а между тѣмъ и въ ней *есть* пребойкія вещи, которыя славно бы сошли съ рукъ [1]):

---

[1]) Chansonnier historique du dix-huitième siècle, publ. par Emile Raunié, 1882, VII volume, chanson „l'Encyclopédie", pp. 201—203.

Si sa taille était plus petite,
J'en reprendrais incognito,
Car il a, dit-on, le mérite
De ce qu'on vend sous le manteau.
J'y voudrais pourtant une chose,
C'est qu'il eut été défendu;
Pour cela seul, sans autre cause,
Il serait alors bien vendu.

Но разрывъ съ творчествомъ осуществился не сразу. Въ двойственной натурѣ Дидро на ряду съ положительными стремленіями къ научной трезвости не вымирала эстетическая сторона, и когда онъ дѣйствительно не бралъ уже пера въ руки иначе какъ для естественно-историческихъ изслѣдованій, его рѣчь, полная импровизаціи и образовъ, все еще обнаруживала неугасшее вдохновеніе. Послѣ возвращенія изъ Россіи онъ въ послѣдній разъ увлекся литературными замыслами и, по его выраженію, написалъ нѣсколько очень «забавныхъ вещицъ». Такъ скромно называетъ онъ своего «Племянника Рамо», окончательно отдѣланнаго въ эту пору, и начало романа «Жакъ-фаталистъ», которое, повидимому, и задумано и написано было во время путешествія въ Голландію и Россію, да и по сюжету вращается на темѣ о странствіяхъ и дорожныхъ приключеніяхъ. Оба произведенія казались ему только забавными вещицами, и дѣйствительно полны веселости, — но сквозь остроумную оболочку первой изъ нихъ пробились черты глубокой общественной сатиры, а въ «Жакѣ» Дидро обнаружилъ разительнѣе, чѣмъ когда-либо, задатки истиннаго романиста.

Кто читалъ «Салоны», тотчасъ узнаетъ то же перо и въ этомъ романѣ; безпрестанная смѣна предметовъ, отступленія и эпизоды, появленіе автора и собесѣдованіе его съ читателемъ и выводимыми лицами, — все это повторяется здѣсь еще непринужденнѣе. Но романъ не водится безъ героя,—вы ищете его, сотни характеровъ тѣснятся и напрашиваются на эту роль,—а откуда-то слышится добродушный смѣхъ. Это тѣшится надъ общимъ недоумѣніемъ авторъ. Герой романа — онъ самъ; у него были счеты съ собой и теперь онъ ихъ сводитъ. Всю жизнь анализируя свой характеръ, онъ томился не разъ избыткомъ чувствительности, отражавшейся въ патетическихъ рѣчахъ, быстрыхъ восторгахъ, объятіяхъ, слезахъ; при каждомъ случаѣ старался онъ предостеречь другихъ отъ этого недуга, затуманивающаго вѣрный взглядъ на жизнь, и потомъ незамѣтно подпадалъ ему. Но ничто не можетъ такъ отрезвить человѣка, испытывающаго разладъ съ собою, какъ возможность созерцать свое подобіе, и въ его болѣзненныхъ странностяхъ, какъ въ зеркалѣ, видѣть отраженіе своихъ привычекъ. Дидро давно любилъ сравнивать себя съ Донъ-Кихотомъ, вѣчно возбужденнымъ, жи-

вущимъ въ призрачномъ мірѣ. Но судьба послала ему не книжную только, а живую копію въ лицѣ Стерна. Популярность автора *Тристрама Шанди* и *Сентиментальнаго путешествія* была, можетъ-быть, еще значительнѣе въ Парижѣ, чѣмъ на его родинѣ. Онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ салоновъ, соперничая съ другимъ баловнемъ, Давидомъ Юмомъ; его выходки и остроты передавались изъ устъ въ уста; произведенія привлекали оригинальностью.

То была необыкновенно нервная, впечатлительная натура, быстро охватываемая чувствомъ,—но чувствительность его не напоминала благонамѣренной сентиментальности Ричардсона (нѣкогда любимца Дидро), который могъ быть образцовымъ хозяиномъ типографіи, исправно работать у станка, и въ то же время сочинять трогательные романы. Стернъ весь вѣкъ точно на иголкахъ, отъ одного аффекта переходилъ къ другому: то онъ слишкомъ веселъ, то вдругъ на него находитъ мрачная меланхолія, отъ которой онъ готовъ распрощаться со свѣтомъ; такого болѣзненно-щекотливаго организма и не встрѣтишь. Онъ подвластенъ былъ сплину, и тогда погружался въ плачевныя размышленія о себѣ и о другихъ,—до перваго луча солнца, который, озаривъ все вокругъ, проясни̂тъ и душу. Тогда его воображеніе выполняло такія сальто-мортале, неожиданные шаловливые капризы и чуть не шутовскія выходки, что недавнее уныніе разомъ превращалось въ вакханалію. Понявъ отчасти, до какой степени эта сторона характера можетъ заинтересовать читателя, и съ умысломъ разрабатывая ее въ себѣ, Стернъ въ то же время, по большей части безсознательно, отдавался влеченіямъ своей полубольной натуры и отразился въ романахъ и проповѣдяхъ со всѣми прихотями фантазіи, постоянно играя вниманіемъ читателя, удивляя новизной, то плача, то улыбаясь, то пуская въ ходъ ѣдкую насмѣшку. вѣчно анализируя свои ощущенія и давая заглянуть въ лабораторію его ума, гдѣ мелькаютъ, сталкиваются и сплетаются всевозможныя мысли.

При значительныхъ чертахъ сходства, Дидро, конечно, не былъ вторымъ Стерномъ. Англійскому юмористу недоставало ни глубокаго развитія, ни руководящей роли въ общественномъ движеніи; служеніе своей личности часто заслоняло отъ него заботы о благѣ массы, которыя у Дидро всегда на первомъ планѣ. Политическаго чутья у него было немного, и еслибъ пришлось зачислить его въ опредѣленную философскую школу, слѣдовало бы назвать его оптимистомъ: въ свѣтлыя минуты все кажется ему прекраснымъ и онъ готовъ обнять весь міръ. Только въ пароксизмѣ унынія подходитъ онъ къ вѣрному пониманію вещей, и тогда у него вырываются искреннія и глубоко захватывающія слова протеста.

Таковъ былъ человѣкъ, въ чьей вѣчно-трепещущей, возбужденной индивидуальности Дидро могъ узнавать себя и свои слабости. Постепенно у него сложилась мысль пройти хоть разъ стерновскимъ путемъ, усвоивъ себѣ всѣ капризы его писательской манеры, посмѣяться надъ ея излишествами и косвенно дать добрый урокъ и себѣ. У писателей съ сильно выработаннымъ сатирическимъ элементомъ бываютъ подобные порывы самобичеванія. «Жакъ-фаталистъ» играетъ такую роль въ творчествѣ Дидро. Онъ въ то же время—и подражаніе Стерну, переходящее въ пародію,—въ построеніи сюжета и характерахъ дѣйствующихъ лицъ видно вліяніе Донъ-Кихота,—но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ сбереглись любопытныя автобіографическія черты.

Трудно сказать, есть ли опредѣленное содержаніе въ романѣ; въ немъ скорѣе безчисленное множество отдѣльныхъ сюжетовъ, которые къ тому же разработаны не подъ рядъ въ видѣ эпизодовъ, а появляются по временамъ, снова исчезаютъ, чтобъ раздразнить любопытство читателя, и возвращаются на мгновеніе, подвигая дѣйствіе впередъ на микроскопическое разстояніе. Два центральныхъ лица, слуга Жакъ и его господинъ (романъ повидимому сначала долженъ былъ называться «Jacque et son maître»), странствующія безъ цѣли, куда глаза глядятъ, образуютъ слабую связующую нить вереницы приключеній и разсказовъ. Въ нихъ, конечно, отразились безсмертные образы Ламанчскаго рыцаря и его оруженосца, только приближенные къ нашему времени и перенесенные въ среду по преимуществу буржуазную. Отношенія между господиномъ и слугой совершенно особенныя, почти равныя, такъ что одинъ изъ нихъ прислуживаетъ другому скорѣе по добровольному согласію, а совсѣмъ не изъ-за денегъ. У нихъ все общее, и вкусы, и привычки; оба вспыльчивы и упрямы; изъ столкновенія характеровъ происходятъ иногда потѣшныя сцены, когда ни одна сторона не хочетъ уступить,—«ты спустишься внизъ съ бутылкой», кричитъ одинъ, «не спущусь», настаиваетъ другой, пока не вмѣшивается хозяйка, уговорившая, наконецъ, Жака сдаться; но едва дошелъ онъ до двери и оглянулся, какъ господинъ его бросился къ нему, заключилъ его въ свои объятія, а кстати обнялъ и смазливую хозяйку. Зато, когда Жакъ боленъ, его баринъ не спитъ по ночамъ, ухаживаетъ за нимъ и подаетъ лѣкарство. Оба они словоохотливы и любятъ, чтобъ и другіе разсказывали имъ всякія диковинныя происшествія. Оба падки на сердечныя приключенія, и, какъ пожившіе люди, не прочь припоминать при случаѣ анекдоты съ черезчуръ крѣпкимъ букетомъ. Они столько видѣли и наблюдали на своемъ вѣку, что у Жака выработался своеобразный фатализмъ, который онъ постарался передать и своему спутнику. Онъ представляетъ себѣ жизнь безбрежнымъ моремъ случайно-

стей, по которому его безпорядочно носитъ судьба. «Такъ было рѣшено свыше», вздыхаетъ онъ, когда его неожиданно метнетъ куда-нибудь въ сторону,—и по временамъ нарочно принимается вычислять естественныя послѣдствія какого-нибудь происшествія, увѣренный, что и тутъ судьба подсмѣется надъ нимъ и пошлетъ противоположныя случайности.

Стоя за кулисами, авторъ пользуется этимъ, чтобы забавляться изумленіемъ и нетерпѣніемъ читателя; чувствительная сцена неожиданно обрывается самымъ прозаическимъ образомъ или уступаетъ мѣсто смѣшному приключенію. Какъ будто перебивая Жака, Дидро поддразниваетъ читателя:—онъ, конечно, увѣренъ, что теперь пойдутъ такія-то сцены и уже придумалъ развязку,—ничуть не бывало, весь ходъ дѣйствія будетъ совершенно обратный,—и тотчасъ новое дѣйствующее лицо съ трескомъ и эфектомъ появляется на первомъ планѣ. Разсказы странниковъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ поразительномъ обиліи; источникъ ихъ неистощимъ. Для разнообразія введены по временамъ подробности пути, гдѣ поневолѣ имъ приходится сталкиваться со всевозможнымъ людомъ. Видное мѣсто въ романѣ занимаетъ описаніе долгой остановки путниковъ въ деревенской гостиницѣ подъ вывѣской «Большого Оленя». Эта гостиница, начиная съ хозяйки, еще красивой, бойкой и остроумной, и кончая гостями, обрисована въ духѣ «Сентиментальнаго Путешествія»; какъ здѣсь, такъ и вездѣ въ романѣ выступаетъ французская жизнь середины столѣтія въ живыхъ чертахъ. Стремленіе къ правдѣ окончательно взяло верхъ у Дидро надъ изліяніями чувствительности, которыя незадолго передъ тѣмъ, въ его драмахъ, нарушали естественность изложенія. И надъ этимъ онъ теперь посмѣялся. Хозяйка гостиницы, увлекаясь начатымъ разсказомъ, входитъ въ психологическія тонкости и начинаетъ выражаться отборнымъ слогомъ. „Ты не замѣтилъ ничего, Жакъ? спрашиваетъ его господинъ, когда она вышла изъ комнаты.—Что же именно?—А вѣдь эта женщина разсказываетъ гораздо лучше, чѣмъ можно ожидать отъ хозяйкии корчмы»... Когда старшему изъ путниковъ, котораго Дидро надѣлилъ чуткимъ литературнымъ вкусомъ, приходится въ разговорѣ касаться вопроса о слогѣ и изложеніи, чувствуется разрывъ автора со всѣмъ, что уцѣлѣло отъ прежней патетической манеры. Нужно, говоритъ онъ, искать опоры лишь въ правдѣ, какъ это дѣлали Мольеръ, Реньяръ, Ричардсонъ, Седэнъ; въ ней всегда найдешь мѣткія краски, если только надѣленъ талантомъ. Въ назиданіе же безталаннымъ писателямъ, которые вымучиваютъ изъ себя свои творенія и создаютъ ложь и жеманство, онъ приводитъ разсказъ о молодомъ и бездарномъ стихотворцѣ, который принесъ ему напоказъ невозможныя вирши; убѣдившись, что онъ

никогда не будетъ въ состоянiи написать что-нибудь сносное, онъ посовѣтовалъ юношѣ сѣсть на корабль и отправиться въ Пондишери, запасшись небольшимъ грузомъ драгоцѣнныхъ камней. Черезъ двѣнадцать лѣтъ путешественникъ вернулся богачомъ,—хотя втайнѣ не переcталъ кропать стихи.

Но, упрочивая реализмъ, Дидро хочетъ обезпечить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ свободу дѣйствiй. Не разъ заставляетъ онъ читателей вмѣшиваться, и при каждой недомолвкѣ спрашивать: а куда пошли теперь эти люди? Зачѣмъ они сдѣлали то или другое?—И онъ ворчливо отвѣчаетъ: «вы уже второй разъ мнѣ задаете вопросъ, и я снова вамъ скажу: что вамъ за дѣло? Вѣдь какъ я примусь разсказывать вамъ подробности, проститесь съ исторiей о любовныхъ похожденiяхъ Жака». Иной разъ его, напротивъ, забавляетъ придумать, во что бы превратился его разсказъ въ рукахъ другого романиста, и онъ принимается изобрѣтать дальнѣйшiя сцѣпленiя происшествiй, по обычаю безпечно тратя находчивость на планы и экспозицiю романовъ, которые никогда не будутъ написаны. Но и въ фиктивныхъ планахъ онъ старается избѣгать однообразiя темъ, которыя у всѣхъ поэтовъ непремѣнно сводятся къ любви. «Итакъ, читатель, вамъ нужны опять любовныя сказки? Вѣдь я ужъ разсказалъ одну, двѣ, три, четыре такiя сказки; нѣсколько другихъ васъ еще ожидаютъ. Это ужъ очень много. Впрочемъ, съ другой стороны, если пишешь для васъ, нужно или обходиться безъ вашихъ рукоплесканiй, или поставлять подходящiй товаръ. Всѣ ваши повѣсти въ стихахъ и прозѣ—любовныя сказки; почти всѣ ваши поэмы, элегiи, идиллiи, комедiи, трагедiи, оперы - любовныя сказки,—и чуть ли не всѣ картины и статуи. Вамъ отведена эта пища съ тѣхъ поръ, какъ вы существуете, и она вамъ все еще не надоѣла. Васъ выдерживаютъ на этой дiэтѣ, и долго еще будутъ держать, мужчинъ и женщинъ, малыхъ дѣтей и взрослыхъ младенцевъ, и вы все будете терпѣть. Поистинѣ это непостижимо!» Въ бытовыхъ очеркахъ онъ поэтому избираетъ краски изъ другихъ сферъ жизни. Его героями будутъ типическiе ханжи-монахи, разбогатѣвшiе и простоватые крестьяне, авантюристы въ родѣ «Племянника Рамо» (превосходный образчикъ которыхъ обрисованъ имъ съ натуры въ лицѣ неотвязчиваго и безстыднаго monsieur Gousse, хладнокровно и даже философски обирающаго ближнихъ), хвастливые дуэлисты; у него выступитъ самоуправство, невѣжество и надменность руководящихъ общественныхъ слоевъ, стоявшихъ почти наканунѣ переворота; среди общаго нравственнаго паденiя онъ останавливается вдругъ съ особеннымъ вниманiемъ на изученiи трагическаго столкновенiя, порожденнаго этой нездоровой атмосферой. Такова «Исторiя госпожи де-ла Поммерэ и маркиза Des Arcis», пространно пересказанная хозяйкой гостиницы,—

центральный эпизодъ и лучшее украшеніе «Жака-фаталиста»; она имѣетъ во Франціи извѣстность классическаго произведенія и представляетъ законченное цѣлое [1]).

Простота разсказа сочеталась здѣсь съ вѣрностью наблюденій и мастерствомъ обрисовки характеровъ. Старѣющая кокетка, тягостное разставанье ея съ увядающею красотой, досада и ревность ко всему, что свѣжо и молодо, жажда мести охладѣвшему любовнику—вотъ несложный матеріалъ для этого психологическаго этюда. Лишь искусная рука могла построить изъ такихъ данныхъ глубоко художественное произведеніе. Героиня носитъ на себѣ отпечатокъ развращеннаго свѣтскаго общества, въ которомъ вращалась; оно ее испортило и ожесточило; настоящею фуріей становится она, когда замѣчаетъ, что пѣсня ея спѣта и что послѣдній ея поклонникъ тяготится связью съ ней,—но она надѣваетъ непроницаемую личину, и не хуже Тартюффа ведетъ долгую интригу, чтобы вывѣдать все и насладиться местью. Она принимаетъ видъ кающейся грѣшницы, взводитъ на себя небывалую невѣрность, незамѣтно заставляетъ и своего друга проговориться, и восхищаетъ его своимъ предложеніемъ отнынѣ установить товарищескія отношенія, съ полною свободой и довѣріемъ. Онъ вдается въ ловушку и крѣпче прежняго подчиняется ея власти. Тогда съ утонченною предусмотрительностью выискиваетъ она среди подонковъ Парижа темную и продажную личность, когда-то пріѣхавшую въ столицу ради процесса и открывшую игорный притонъ, когда судьи разорили ее въ конецъ. Эта женщина вмѣстѣ съ ея дочерью, выросшей въ притонѣ и испытавшей уже всѣ его прелести, должна сдѣлаться сообщницей мести г-жи де-ла Поммерэ. Она вырываетъ ихъ изъ грязи, тратитъ на нихъ деньги, обставляетъ прилично, выдаетъ ихъ за обѣднѣвшее дворянское семейство; она даетъ имъ подробное наставленіе,—онѣ не должны показываться въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ узнаютъ,—напротивъ, онѣ облекутся въ смиренные наряды набожныхъ дамъ хорошаго тона, завяжутъ знакомство въ монастыряхъ, станутъ благотворить, громить развращенность вѣка, называть Вольтера антихристомъ и т. д. Когда роли разучены, она

---

[1]) Единственный списокъ „Жака-Фаталиста“ уцѣлѣлъ въ бумагахъ принца Генриха прусскаго, большого любителя и собирателя неизданныхъ произведеній французскихъ мастеровъ 18-го вѣка; романъ Дидро явился поэтому сначала въ нѣмецкомъ переводѣ, съ котораго былъ обратно переведенъ по-французски эпизодъ о г-жѣ де-ла Поммерэ, изданный въ 1793 году въ Лондонѣ (полное изданіе текста состоялось лишь въ 1796 году). Замѣчательно, что эта часть романа была всего черезъ три года издана по-русски въ Петербургѣ подъ названіемъ „Удивительная месть одной женщины“ (1796). Вообще въ концѣ 18-го и началѣ новаго вѣка у насъ опять начали было переводить Дидро. Такъ въ Смоленскѣ издано въ 1803 г. Жизнеописаніе Ричардсона съ похвальнымъ словомъ ему Дидро.

какъ будто случайно сводитъ своего маркиза съ «старыми своими знакомыми», замѣчаетъ впечатлѣніе, которое произвела на него красота молодой дѣвушки, и съ этой поры систематически разжигаетъ эту любовь, то вторя похваламъ и восторгамъ, то охлаждая ихъ препятствіями; маркизъ доходитъ до безумнаго увлеченія, сыплетъ подарками, молитъ о бракѣ,—но безпощадной женщинѣ все мало, она еще не насладилась мщеніемъ и запрещаетъ своимъ креатурамъ слишкомъ скоро сдаваться. Наконецъ она даетъ свое разрѣшеніе, бракъ состоялся, и на другой день съ лицомъ, обезображеннымъ злорадствомъ и негодованіемъ, она выходитъ къ своей жертвѣ съ краткимъ и желчнымъ поученіемъ: «маркизъ, теперь вамъ пора меня понять. Вы обладали честной женщиной, которую не сумѣли удержать,—то была я; она отомстила, заставивъ васъ жениться на презрѣнной личности, достойной васъ. Пойдемте отсюда прямо на rue Traversière, въ Гамбургскую гостиницу,—тамъ вамъ разскажутъ, какимъ грязнымъ ремесломъ занимались десять лѣтъ и ваша жена, и ея мать». Только страданія молодой маркизы, которая и прежде съ отвращеніемъ и поневолѣ дѣлила позорную участь матери и искренно полюбила въ своемъ мужѣ избавителя, возвращаютъ присутствіе духа убитому стыдомъ молодому человѣку; онъ поднимаетъ плачущую передъ нимъ на колѣнахъ жену, прижимаетъ ее къ сердцу и увозитъ въ свои помѣстья [1]).

Драматизмъ завязки и жизненность характеровъ въ этой вводной повѣсти необыкновенно нравились Шиллеру, который прочелъ ее однимъ изъ первыхъ. Лица стоятъ передъ нами какъ живыя,—мстительная и сильная духомъ женщина, шепчущая слова всепрощенія и любви, когда ее душитъ злоба, вѣтреный и увлекающійся маркизъ, падшая дѣвушка, сберегшая дѣтскія мечты о счастіи и впервые привязывающаяся отъ всего сердца,—изобразить ихъ такъ могъ только первоклассный романистъ. Какъ далеко было не только отъ этого эпизода, но и отъ всего произведенія до юношескихъ скоромныхъ разсказцевъ Дидро! Правда, два-три мѣста и здѣсь неожиданно напоминаютъ о прежнихъ вкусахъ, и ради этихъ мѣстъ, слишкомъ непринужденныхъ, иной читатель и не остановится долго надъ романомъ, полнымъ достоинствъ. Но эти мѣста здѣсь въ незначительномъ меньшинствѣ; авторъ считаетъ уже необходимымъ оправдывать свою вольность, становясь подъ покровительство такого предшественника, какъ Монтань, и ссылаясь на то, что разсказываетъ будто бы подлинныя происшествія, а не вымыселъ; что бы онъ ни говорилъ, однако, не это придавало его роману въ его собственныхъ

---

1) Въ наше время этой фабулой воспользовался Сарду въ своей пьесѣ „Fernande".

глазахъ извѣстное значеніе. Много жизненнаго опыта пріобрѣлъ онъ, веселая шутка все рѣже посѣщала его, и среди пестраго разнообразія капризныхъ выходокъ во вкусѣ Стерна, шаловливыхъ отступленій и бесѣдъ съ читателемъ, бойкихъ картинокъ съ натуры, которыми полонъ «Жакъ-фаталистъ», чувствуется грустное настроеніе, постепенно берущее верхъ. Хозяинъ Жака какъ-то вскользь припомнилъ смерть Сократа.—«Кто это такой?—спрашиваетъ слуга.—Сократъ былъ мудрецомъ въ Аѳинахъ,—отвѣчаетъ его господинъ.—Испоконъ вѣку роль мудреца была опасною среди глупцовъ»,—вслѣдъ затѣмъ идетъ горячо написанная страница, гдѣ звучитъ голосъ самого Дидро и гдѣ обрисована ненависть къ «философамъ», или вообще передовымъ людямъ, со стороны всѣхъ слоевъ общества, начиная съ магнатовъ, которые не прощаютъ имъ независимости, и кончая приниженнымъ и отвыкшимъ разсуждать обывателемъ.

Пора для веселости проходила и подъ вліяніемъ личнаго опыта, и при видѣ общаго разложенія, деморализаціи и политическихъ ошибокъ. Дидро яснѣе, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, предвидѣлъ будущія потрясенія, и въ письмѣ къ Дашковой, порицая мѣры, подавляющія дѣятельность провинціальныхъ парламентовъ, указывалъ на неизбѣжность крушенія всего порядка, если будутъ настойчиво итти по прежнему пути. Старѣвшій и, послѣ поѣздки въ Россію, часто хворавшій, онъ сталъ держаться въ сторонѣ отъ политическаго водоворота. Постепенно сходили со сцены друзья его молодости; загадочною смертью погибъ его великій недругъ Руссо, который изъ-за могилы въ своей «Исповѣди» не могъ не признать, несмотря на всѣ мнимыя вины, въ Дидро, когда-то своемъ любимомъ «Аристархѣ», личность, выходящую изъ ряда вонъ. Тѣснѣе замкнулся философъ въ небольшомъ уже дружескомъ кружкѣ, и постепенно покидалъ прежнія широкія реформаторскія стремленія для ровнаго и тихаго дѣла, совсѣмъ подходившаго къ его старческому возрасту, для изученія естественныхъ наукъ. Онъ снова засѣлъ за книги, его стали видѣть на студенческихъ скамьяхъ, въ лабораторіяхъ; усиленный интересъ къ познанію природы, никогда въ немъ не замиравшій, но отстраняемый другими заботами, скрасилъ и освѣтилъ его послѣдніе годы.

VI.

Въ противоположность Сентъ Бёву, который называлъ Дидро наиболѣе «нѣмецкимъ» изъ всѣхъ французскихъ писателей, а Гримма истиннымъ французомъ среди нѣмцевъ, Дюбуа-Реймонъ, въ рѣчи, произне-

сенной въ юбилейномъ году въ берлинской академіи [1]), видѣлъ у Дидро лучшія національныя свойства англичанина. Неизмѣнная приверженнось къ точному знанію, преобладающій духъ критики и осязательной провѣрки, энергія въ осуществленіи задуманнаго предпріятія, реалистическое направленіе, защищаемое имъ въ литературѣ и искусствѣ,—черты, скорѣе естественныя у мыслителя, выдвинутаго трезвой и практической англійской средой, и только блестящая и остроумная дикція, плодовитость и разнообразіе фантазіи налагаютъ на нихъ живую печать французскаго національнаго характера. Подъ старость, когда уходились силы, остатокъ энергіи сосредоточился у Дидро на одномъ предметѣ, и съ прежнимъ успѣхомъ. Въ сравнительно короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ онъ не только усвоилъ фактическій составъ науки, но начиналъ уже прозрѣвать ея будущіе цѣли и результаты.

Онъ никогда не переставалъ пополнять свои свѣдѣнія по естествознанію и смежнымъ наукамъ. Случай далъ ему возможность, въ разгаръ издательской работы, прослушать основательно курсъ анатоміи съ практическими демонстраціями. Исторія этого курса, впервые раскрытая Морисомъ Турнэ, любопытна и въ жизни Дидро, и въ быту современнаго ему общества; будетъ кстати разсказать ее здѣсь. Не разъ Дидро приходилось уже встрѣчаться съ женщинами трудящимися и научно образованными, и съ особеннымъ сочувствіемъ останавливался онъ всегда на этихъ предшественницахъ женскаго движенія; онъ видѣлъ ихъ въ борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, видѣлъ въ семейныхъ отношеніяхъ, гдѣ женщина образованная самоотверженно кормила своимъ трудомъ слабаго характеромъ и легкомысленнаго мужа или содержала всю семью. Изъ числа этихъ новыхъ женщинъ выдѣлялась пожилая дѣвушка, mademoiselle Biheron, превосходно изучившая анатомію и поражавшая совершенствомъ своимъ препаратовъ первыхъ англійскихъ и французскихъ ученыхъ. Ей удалось побѣдить нерасположеніе факультета къ женщинѣ-медику и составить себѣ почтное положеніе въ парижскомъ медицинскомъ мірѣ; ее даже выдвигали впередъ, когда хотѣли блеснуть передъ знатными пріѣзжими. Въ торжественномъ засѣданіи трехъ академій, устроенномъ въ честь шведскаго короля Густава III, г-жа Біэронъ сдѣлала одну изъ своихъ лучшихъ демонстрацій. Но она не довольствовалась пріобрѣтеніемъ знаній; она стремилась распространять ихъ въ массѣ, влiять на воспитаніе, не дѣлая разницы между полами. Для этого она организовала первые публичные медицинскіе курсы (лекціи по математикѣ, читанныя Премонвалемъ и посѣщавшіяся также женщинами,

---

[1]) Рѣчь эта напечатана въ Deutsche Rundschau (September, 1884, „Zu Diderot's Gedächtniss").

существовали уже тогда, и Дидро вспоминаетъ о нихъ въ «Жакѣ»). Ихъ посѣщали усердно; Дидро, Даламберъ и Гриммъ были одними изъ прилежнѣйшихъ слушателей; двадцать молодыхъ дѣвушекъ и сто замужнихъ женщинъ слушали отдѣльный курсъ, и Дидро посылалъ туда свою дочь; отцы приводили съ собой сыновей на курсъ мужской. Энтузіазмъ преподавательницы и умѣнье ея передавать свои свѣдѣнія привлекли къ ней Дидро, и онъ принялъ близко къ сердцу ея судьбу. Когда ея извѣстность разрослась, такъ что «свѣдѣнія по анатоміи стали въ обществѣ довольно обычнымъ явленіемъ», онъ подалъ ей мысль отправиться въ Англію, и неутомимая пропагандистка, не искавшая значительнаго вознагражденія и никогда не выходившая изъ бѣдности, два раза совершала трудное въ то время путешествіе въ Лондонъ. Въ Британскомъ музеѣ найдено письмо, писанное по этому поводу Дидро къ извѣстному народному дѣятелю Джону Вильксу, съ которымъ онъ близко сошелся въ Парижѣ; онъ горячо рекомендуетъ «достопочтенному Гракху», симпатіями котораго видимо дорожилъ, свою пріятельницу и проситъ у «народнаго трибуна» содѣйствія ея пропагандѣ. Съ тою же заботливостью онъ старался доставить ей доступъ и въ Россію.

Порученіе Екатерины пересмотрѣть уставъ и программу Смольнаго монастыря доставило ему желанный поводъ. Изъ Гаги послалъ онъ императрицѣ записку «Sur l'école des jeunes demoiselles», гдѣ называлъ важнымъ недостаткомъ женскаго воспитанія отсутствіе знакомства съ анатоміей. Пересказывая главнѣйшія данныя изъ дѣятельности г-жи Біэронъ и напоминая о ея успѣхахъ даже въ свѣтскихъ кругахъ Парижа, онъ настаивалъ на томъ, что здравыя понятія, пріобрѣтенныя въ этомъ отношеніи дѣвушками 16—17 лѣтъ, предохранятъ ихъ отъ жеманства, ошибокъ и невѣдѣнія, которыя постоянно сопровождаютъ жизнь женщины, принося ей много вреда; таинственное и запретное привлекаетъ ихъ смолоду; оно станетъ безразличнымъ, когда озарится трезвымъ свѣтомъ. Въ примѣръ привелъ онъ свою дочь, которую онъ засталъ однажды съ *Кандидомъ* въ рукахъ; всѣ его опасенія были напрасны, такъ какъ циническія подробности повѣсти не произвели никакого впечатлѣнія на дѣвушку, и она съ неудовольствіемъ отбросила книгу. Для постановки преподаванія анатоміи онъ и тутъ указалъ на mademoiselle Biheron, которая соглашалась пріѣхать въ Петербургъ, приготовить здѣсь нѣсколько учительницъ и оставить въ Россіи свои коллекціи, не заботясь объ ихъ судьбѣ и о вознагражденіи за пріѣздъ. Въ письмѣ къ Бецкому [1]) онъ съ высокими похвалами отзывается объ этой женщинѣ, которую Гриммъ изображалъ «очень некрасивой, очень ученой и крайне

---

[1]) Oeuvres (Assézat-Tourneux), vol. XX, pp. 62—3.

набожной»; по словамъ Дидро, «она отличается душевнымъ благородствомъ, кротостью, безупречною нравственностью и познаніями, рѣдкими даже среди мужчинъ». Онъ былъ почти увѣренъ въ успѣхѣ; г-жа Біэронъ готовилась отправить коллекціи моремъ, а сама по болѣзни и старости сбиралась ѣхать въ Россію сухимъ путемъ,—но изъ всѣхъ напоминаній ничего не вышло: на эту часть воспитательныхъ проектовъ Дидро, насколько извѣстно, не было даже отвѣта, и мысль о медицинскомъ образованіи женщинъ, заявленная у насъ такъ рано, очевидно, сочтена была слишкомъ фантастическою мечтой.

Своими свѣдѣніями въ химіи Дидро былъ обязанъ другой такой же энергической и впечатлительной натурѣ, профессору при Jardin des Plantes, Руэллю, которому посвятилъ сочувственный некрологъ [1]). Въ немъ онъ узнавалъ многія изъ сторонъ своего характера. Руэлль также вышелъ изъ низшихъ слоевъ, также добился всего самъ, рано выказывая большую наблюдательность, изучая природу въ поляхъ и ремесла на фабрикахъ, дѣлалъ первые свои опыты въ деревенской кузницѣ; явившись во Франціи «творцомъ химіи», какъ его называетъ Дидро, онъ двинулъ впередъ и другія отрасли естествознанія; до него въ Парижѣ было два-три кабинета, въ годъ его смерти ихъ было двѣсти. Увлекающійся, иногда вдругъ непостижимо разсѣянный, онъ не подчинялся ни служебной рутинѣ, ни требованіямъ грамматики, дѣлая въ разговорѣ грубыя ошибки, не желалъ поддерживать необходимаго ученаго декорума, до такой степени, что, начавъ лекцію въ традиціонной мантіи, онъ въ жару изложенія сбрасывалъ съ себя и ее, и парикъ, и профессорскій колпакъ, и, засучивъ рукава, принимался за опыты [2]). Въ рукахъ этого человѣка все спорилось, и его увлеченіе передавалось ученикамъ (лучшимъ изъ нихъ былъ Лавуазье). Дидро три года слушалъ его [3]) и значительно обновилъ свои свѣдѣнія; въ ту же пору онъ перечелъ два раза физіологію Галлера съ карандашомъ въ рукѣ, изучалъ Линнея и Бюффона, при посредствѣ своего новаго друга Бордэ слѣдилъ за новостями медицинской литературы, собиралъ растенія и дѣлалъ надъ ними опыты. Располагая довольно значительнымъ запасомъ знаній, неполнота которыхъ въ иныхъ отдѣлахъ не переставала его мучить, онъ могъ пересмотрѣть и передумать свои прежнія работы и догадки по физіологіи и философіи природы; отъ чтенія по этимъ предметамъ у него накопилось съ годами много отрывочныхъ замѣтокъ, которыя теперь пришлось со-

---

1) Oeuvres, vol. VI, Notices sur le peintre Michel Vanloo et le chimiste Rouelle.

2) Caro. Diderot inédit, p. 186.

3) Въ пуб. библ. Бордо хранится записанный Дидро за Руэллемъ курсъ химіи; Revue scientifique 1885, № 26, статья Шарля Анри, гдѣ напечатанъ и отрывокъ изъ курса—о пользѣ химіи.

брать, провѣрить новыми опытами, убѣждаясь почти всегда, что первоначальныя предположенія были вѣрны и нуждались только въ подкрѣпленіи фактами. Дидро было шестьдесятъ шесть лѣтъ, когда онъ принялся за этотъ пересмотръ, и результатомъ работы были Eléments de physiologie.

Въ прежніе годы его привлекала къ изученію подобныхъ вопросовъ прикладная сторона, возможность найти новое оружіе для борьбы съ метафизикой и теологіей; полемическое воодушевленіе не давало времени вглядѣться вглубь. Теперь страсти улегались, ученый арсеналъ разрастался, настала пора опредѣленно формулировать и сложить въ систему свои воззрѣнія. Ему показались односторонними теоріи Гельвеція и Гольбаха, принадлежавшихъ къ одной съ нимъ школѣ; остроумными замѣчаніями разбилъ онъ посмертную книгу Гельвеція, принимавшую равенство способностей у всѣхъ людей и могущество воспитанія, которое въ состояніи довести эти дарованія до геніальности [1]); позднѣйшія работы Гольбаха казались ему тенденціозными и слабыми послѣ «Системы природы». Но онъ попрежнему убѣжденъ былъ вмѣстѣ съ Гольбахомъ, что общественное перерожденіе обусловливается освобожденіемъ мысли, котораго можно достигнуть лишь вѣрнымъ познаніемъ природы, и сосредоточилъ свою энергію на изученіи ея. По вѣрному замѣчанію, высказанному послѣднимъ его біографомъ,—въ то самое время, когда Руссо проклиналъ науку и искусство во имя природы, Дидро съ увлеченіемъ отдался культу научнаго прогресса, чтобы приблизиться къ природѣ и овладѣть ею. Свойственная ему порывистость покидаетъ его, уступая мѣсто строгой послѣдовательности и систематической связи, которую не могли не признать и его противники. Правда, его старая литературная манера по временамъ сказывается и тутъ; рядомъ съ «Элементами физіологіи» онъ избираетъ для выраженія своихъ взглядовъ любимую имъ форму діалоговъ, всегда оживленныхъ и типическихъ; въ одномъ изъ нихъ, «Entretien de Diderot et de D'Alembert», онъ выводитъ самого себя въ спорѣ съ другомъ и подъ конецъ бесѣды, поднявшей Богъ вѣсть сколько проблемъ, заставляетъ Даламбера утомиться и прилечь,—это образуетъ переходъ къ другому, еще болѣе оригинальному, діалогу «Сонъ Даламбера». Усталый Даламберъ прилегъ, но заснулъ тяжелымъ сномъ и въ бреду произноситъ отрывочныя и несообразно-странныя вещи. Его пріятельница m-lle de l'Espinasse, вслушиваясь въ безсвязныя

---

1) „Позвольте предложить вамъ небольшой вопросъ,—говорилъ онъ ему.—Вотъ пятьсотъ дѣтей, которыя только что родились; ихъ отдадутъ вамъ, чтобы вы воспитали ихъ по собственному усмотрѣнію. Скажите, сколько изъ нихъ вы сдѣлаете геніальными людьми? Отчего бы не всѣхъ пятьсотъ?"

рѣчи, пододвинула наконецъ столикъ къ кровати и принялась записывать ихъ, а сама послала за общимъ другомъ обоихъ философовъ, докторомъ Бордэ. Но медикъ, къ ея удивленію, не нашелъ никакого болѣзненнаго симптома и своими объясненіями сталъ возстановлять связь между отрывочными фразами Даламбера, какъ будто слышалъ весь его лихорадочный бредъ. Діалогъ удивленной и полной здраваго смысла молодой женщины, понемногу начинающей постигать новое ученіе, съ невозмутимо спокойнымъ и дѣловитымъ докторомъ прерывается по временамъ новыми возгласами мнимаго больного, у котораго во снѣ продолжаютъ развиваться темы недавняго разговора съ Дидро, пока наконецъ Даламберъ не пришелъ въ себя и еще слабымъ отъ волненія голосомъ не принялъ участія въ спорѣ. Фантастичность обстановки діалога тѣшила самого автора,—«on ne peut pas être plus profond et plus fou», писалъ онъ г-жѣ Воланъ,—но она значительно облегчила его задачу: чего не допуститъ читатель, когда его введутъ въ комнату больного и онъ не сумѣетъ сразу разобраться между серьезными научными заявленіями и грезами возбужденнаго воображенія!

Историки дарвинизма, заинтересованные изученіемъ періода, подготовившаго эту теорію, считаютъ обыкновенно ранними предшественниками Дарвина, Ламарка и Гете, не возводя такимъ образомъ исторіи своей школы раньше начала девятнадцатаго вѣка. Немногіе знаютъ имя Робинэ, высказавшаго нѣсколько предположеній того же характера въ многотомныхъ «Размышленіяхъ о природѣ», гдѣ его догадки затерялись среди ненужнаго метафизическаго хлама. Полусказочная, полунаучная аллегорія второстепеннаго писателя Дю-Малье «Talliamed», написанная почти безъ книгъ и пособій, вдали отъ всего, на Востокѣ, извѣстна только по насмѣшкамъ Вольтера, который, вѣроятно, не пощадилъ бы и Дидро, если бы зналъ его позднѣйшіе взгляды на развитіе организмовъ. Въ кругу забытыхъ предшественниковъ современнаго намъ естествознанія почетное мѣсто должно быть отнынѣ отведено Дидро, и не потому только, что онъ несомнѣнно повліялъ на ученыя работы Гете, вообще сильно имъ увлекавшагося, и Ламарка; споры о старшинствѣ Робинэ и Дидро по времени выпуска ихъ главныхъ сочиненій по данному вопросу выяснили также, что «Размышленія» перваго изъ нихъ значительно предшествовали, наприм., «Сну Даламбера». Гораздо знаменательнѣе тотъ фактъ, что идеи, позже развитыя у Дидро обстоятельно, высказаны были имъ, какъ мы показали выше, въ первыхъ же выпущенныхъ имъ книгахъ, въ самые молодые годы. Въ «Письмѣ о слѣпыхъ« и въ «Interprétation de la nature» находятся въ зародышѣ его завѣтныя догадки.

Онѣ должны были казаться странными не только подругѣ Далам-

бера, но и громадному большинству тогдашнихъ ученыхъ спеціалистовъ. Онъ утверждалъ, что рѣзкихъ разграниченій между царствами природы не существуетъ, что міръ растеній незамѣтно переходитъ къ животнымъ организмамъ, царство минераловъ—къ растеніямъ, и съ любопытствомъ останавливался на промежуточныхъ явленіяхъ. Тогда только что обращено было вниманіе науки на насѣкомоядное растеніе «Muscipula Dionoca», которое въ 1769 году Джонъ Эллисъ получилъ отъ друга, жившаго въ Америкѣ, и описалъ въ письмѣ къ Линнею; Дидро воспользовался этимъ открытіемъ для подтвержденія своей теоріи, назвавъ Діонею «почти хищнымъ растеніемъ». Переходныя эти ступени еще болѣе укрѣпляли его убѣжденіе въ существованіи безконечно развивающейся «цѣпи организмовъ» (la chaine des êtres). «Не нужно думать,—говорилъ онъ,—что эта цѣпь нарушается разнообразіемъ формъ; внѣшній видъ бываетъ часто лишь обманчивою маской, и звено, съ виду какъ будто недостающее, быть-можетъ, находится въ какомъ-нибудь всѣмъ извѣстномъ существѣ, для котораго успѣхи сравнительной анатоміи не могли еще опредѣлить его настоящее мѣсто. Этотъ способъ классификаціи очень труденъ и медленъ и можетъ быть лишь результатомъ послѣдовательныхъ работъ множества натуралистовъ. *Будемъ ждать и не станемъ торопиться съ выводами*». Послѣднія слова, столь необычныя у человѣка, вѣчно спѣшившаго жить, особенно ярко обнаруживаютъ совершившуюся въ немъ перемѣну. Онъ все болѣе проникался вѣрой въ поступательное движеніе науки и сдавалъ ей свои надежды, осуществленія которыхъ не могъ уже увидать. Постепенно входилъ онъ въ подробности; задумывался надъ развитіемъ отдѣльныхъ органовъ и ихъ атрофіей подъ вліяніемъ существенной или слабѣющей потребности въ нихъ, надъ закономъ о наслѣдственности, надъ силой ассоціаціи идей (въ «Entretien de Diderot etc.), надъ значеніемъ жизненной энергіи и соотношеніемъ физическихъ силъ, указывалъ на естественный подборъ; прибѣгнувъ къ аллегорическому сравненію съ роемъ пчелъ, густо покрывающимъ, по вылетѣ изъ улья, первую попавшуюся вѣтку сплошнымъ слоемъ, который весь состоитъ изъ маленькихъ крылатыхъ животныхъ и въ то же время кажется какъ бы однимъ существомъ, онъ высказалъ взглядъ на животное, какъ на собирательное цѣлое, образованное изъ безчисленныхъ мелкихъ организмовъ. По тѣмъ же слѣдамъ прошла впослѣдствіи увѣренною поступью наука, располагая тонкими микроскопическими и химическими наблюденіями; сложилась эволюціонная теорія, выработанъ законъ о сохраненіи энергіи, изученіе наслѣдственности успѣло принять даже одностороннее направленіе; старое разграниченіе царствъ природы потеряло свое значеніе, и тамъ, гдѣ Дидро изумлялся и радовался находкѣ Діонеи, сотни родственныхъ ей видовъ

изслѣдованы и описаны, а имя человѣка, грезившаго объ этихъ успѣхахъ слишкомъ за полтора вѣка тому назадъ, совсѣмъ забылось [1]).

Если Розенкранцъ правъ, говоря, что Дидро, какъ философъ, отразилъ на себѣ всѣ противорѣчія своего времени, пережилъ всѣ главнѣйшія теченія, смѣнявшія другъ друга въ области мысли, то въ послѣдній, предсмертный періодъ онъ уже переходитъ въ кругъ научныхъ воззрѣній девятнадцатаго вѣка. Но напряженіе старческихъ силъ, сосредоточенныхъ наконецъ на одномъ предметѣ послѣ безпечнаго расточенія на множество нуждъ, настало слишкомъ поздно. Организмъ слабѣлъ, и только свѣтлая до послѣдней минуты голова напоминала прежняго Дидро. Такъ долго неразлучные Дидро и Даламберъ одновременно стали угасать. «Чрезвычайно поразительно (записалъ Гриммъ въ «Gazette littéraire, сентябрь 1783), что два человѣка, которые совмѣстно придали направленіе своему столѣтію и вмѣстѣ воздвигли монументальный трудъ, обезпечивающій имъ безсмертіе, какъ будто снова соединяются, чтобы сойти въ могилу». Даламберъ умеръ раньше, постепенно превратившись изъ оживленнаго, за всѣмъ слѣдившаго собесѣдника и дальнозоркаго ученаго въ унылаго, сиротливаго и безучастнаго старца. Дидро не сдавался такъ легко. Не разъ и прежде вспоминалъ онъ о смерти, даже систематически пріучалъ себя къ мысли о ней; въ тяжелыя эпохи преслѣдованій и неудачъ смерть казалась ему такимъ же желаннымъ отдыхомъ, какъ для человѣка, много потрудившагося за день, возможность прилечь на свою постель. Когда не стало Софи Воланъ, имъ овладѣло грустное настроеніе. За нѣсколько мѣсяцевъ онъ предвидѣлъ конецъ и подготовилъ къ нему семью; болѣзнь, казалось, пошла быстро; въ постоянномъ бреду онъ произносилъ любимые стихи Горація, грезилъ новыми работами; потомъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ вернулась прежняя ясность мысли; пошли бесѣды съ друзьями о философіи, отстаиваніе своихъ убѣжденій передъ подосланнымъ аббатомъ, пытавшимся склонить его къ покаянію и отреченію отъ прежнихъ сочиненій. Дидро дорожилъ стойкостью своихъ взглядовъ, вѣрилъ, что сумѣетъ выдержать ихъ до конца, и, чувствуя приближеніе смерти, томился только мыслью, что настанетъ минута, когда онъ не будетъ болѣе владѣть собой, когда разумъ затмится, рѣчи станутъ безсвязными и чувство страха вызоветъ на его уста слова и мысли, идущія въ разрѣзъ съ его убѣжденіями. Быть можетъ, ему припоминались преувеличенные молвою слухи о мучительной будто бы агоніи Вольтера. Но судьба была милосерднѣе къ нему; онъ тихо заснулъ, и еще за мгновеніе

---

[1]) Заслуги Дидро въ области біологіи разсмотрѣны въ появившейся недавно диссертаціи E. Paitre, „Diderot biologiste", Lyon, 1905.

до конца слышался слабый голосъ, шептавшій что-то о будущности философіи.

Съ той поры (30 іюля 1784 года) прошло сто двадцать два года. Тогда скромная группа друзей провожала его прахъ до церкви святого Роха,—въ годъ юбилея и въ Парижѣ (въ Трокадеро) и на родинѣ философа, въ Лангрѣ, происходили шумныя торжества, слышались похвальныя рѣчи, его чествовали молодежь, литературныя и политическія знаменитости, актеры первыхъ театровъ, общества ремесленниковъ, масонскія ложи; его называли «первымъ наставникомъ французскаго народа», другомъ человѣчества и проповѣдникомъ знанія. Въ Парижѣ красуется его статуя (на boulevard Saint-Germain), а въ родномъ городкѣ, гдѣ прежде его старый отецъ былъ гораздо болѣе почетнымъ лицомъ и гдѣ однажды незнакомый мастеровой сказалъ философу, встрѣтивъ его на улицѣ: «хорошій и вы человѣкъ, господинъ Дидро, но никогда ужъ вамъ не сравняться съ вашимъ отцомъ»,—теперь воздвигнута по подпискѣ, собранной во всей Европѣ, статуя этого «младшаго Дидро», работа талантливаго скульптора Бартольди, котораго прославила уже колоссальная статуя «Свободы», возвышающаяся при въѣздѣ въ нью-іоркскую гавань. Философъ стоитъ на пьедесталѣ, не рисуясь, въ непринужденной позѣ; его члены облекаетъ не классическая тога, а неразлучный его халатъ, а въ рукахъ у него книга, которую онъ какъ будто только что снялъ съ полки; голова немного наклонена, какъ ее изображаютъ всѣ бюсты, онъ точно во что-то вглядывается. Внизу, среди лучей свѣта, красуется заглавіе Энциклопедіи, окруженное именами всѣхъ главнѣйшихъ сотрудниковъ, сплотившихся вокругъ Дидро.

Въ юбилейныхъ рѣчахъ было, конечно, много доброй воли и искренности, но не мало и благонамѣренныхъ общихъ мѣстъ, какъ водится на подобныхъ празднествахъ; ни одного могучаго ораторскаго слова не прозвучало тутъ, которое освѣтило бы значеніе минуты. Ласково улыбаясь, выслушалъ бы эти рѣчи Дидро, великій мастеръ живого и огненнаго краснорѣчія. Чествованіе могло быть полнѣе и всенароднѣе. Или, быть-можетъ, сто лѣтъ—слишкомъ малый срокъ для полной и сочувственной оцѣнки, и Дидро правъ, отдавая себя со всѣми своими слабостями, увлеченіями, богатыми дарованіями и неутомимою работой мысли на судъ отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ?..

Шереръ, кончая свой этюдъ о философѣ, не слишкомъ симпатизирующій ему, замѣчаетъ, что при имени Дидро всегда ему вспоминается извѣстный стихъ Лафонтена:

Un torrent tombait des montagnes.

Водопадъ этотъ, говоритъ онъ, несетъ въ своихъ волнахъ и золото, и иловатую землю, и по временамъ превращается въ широкій и бурный потокъ, въ которомъ никогда не отражается небо... Вспомнимъ и мы образъ, намѣченный Лафонтеномъ. Да, это водопадъ, шумно низвергающійся съ высоты; онъ непослушенъ, его не уложишь ни въ какое русло, но въ его брызгахъ алмазами искрятся солнечные лучи, и въ свѣтлой атмосферѣ, которую онъ распространяетъ, всегда вольно дышать.

У ВОЛЬТЕРА.

Когда по вечерамъ фойе Французской Комедiи наполняется гуломъ, движенiемъ и суетой толпы, съ высоты своихъ пьедесталовъ неподвижно-пристальными мраморными очами взираютъ на этотъ водоворотъ великiе писатели старыхъ временъ. Но искусный рѣзецъ навѣки задержалъ въ одномъ изъ этихъ взглядовъ безподобно схваченное выраженiе иронiи, которая свѣтится въ насмѣшливо-прищуренныхъ глазахъ и играетъ въ улыбкѣ. Подойдя къ изваянiю, изображающему согбеннаго, хилаго старика, въ почетномъ одиночествѣ красующемуся въ глубинѣ залы, встрѣтишься глазами съ этимъ взоромъ и потомъ никогда его не забудешь. Такъ много въ немъ ума, проницательности, насквозь видящей человѣка! Словно только что промелькнула въ сознанiи какая-то мысль и остроумная шутка сейчасъ сорвется съ тонкихъ губъ...

Такой мраморъ, полный жизни, возсоздаетъ всего человѣка и могъ бы объяснить его лучше многихъ комментарiевъ; онъ задержалъ его навсегда такимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ. Правда, это не такая уже удивительная рѣдкость. Если не сила искусства, то химическiя свойства почвы позволяютъ иной разъ позднему потомку съ еще большею осязательностью увидать передъ собой дѣятеля былыхъ временъ, давно сошедшаго въ могилу. Въ склепѣ митавскаго дворца спитъ вѣчнымъ сномъ Биронъ. Тщедушное тѣло ссохлось, осунулось, но устояло противъ разрушенiй времени. Хищнымъ клювомъ заострился носъ; губы стиснуты, точно въ минуту упрямаго самоуправства; изъ-подъ кружевной обшивки виднѣется рука, подписавшая столько жестокихъ приговоровъ. Вы прикасаетесь къ этой рукѣ, къ надменному челу, но тяжелый сонъ смерти сковываетъ ихъ, и странное соприкосновенiе съ прошлымъ оставляетъ щемящее впечатлѣнiе.

Отъ ястребинаго профиля Бирона и пергаментной безцвѣтности обтянувшей его кожи перейдите къ Гудоновой статуѣ Вольтера, съ ея живыми глазами и генiальной усмѣшкой,—и контрастъ крайнихъ противоположностей восьмнадцатаго вѣка, безсмысленнаго деспотизма и осво-

бождающей мысли, олицетворенныхъ въ образахъ временщика и философа, оттѣнитъ въ то же время торжество искусства.

Судьба не сохранила для поздняго потомства останковъ Вольтера въ той неприкосновенности, какая зачѣмъ-то сберегла намъ тѣло Бирона. Легенда, настойчиво продержавшаяся почти цѣлый вѣкъ, утверждала, что въ глухую ночь 1814 года, воспользовавшись временнымъ торжествомъ своей партіи, нѣсколько фанатиковъ-клерикаловъ проникли въ подземелье Пантеона и опустошили гробницы своихъ заклятыхъ враговъ, Вольтера и Руссо. Это преданіе опровергнуто въ наше время фактами. Комиссія изъ компетентныхъ лицъ произвела въ концѣ 1898 года вскрытіе обѣихъ гробницъ. Останки Вольтера она нашла невредимыми, но уже безсвязными, и только черепъ, превосходно сохранившійся, напоминалъ взволнованнымъ свидѣтелямъ необыкновеннымъ своимъ сходствомъ съ общеизвѣстными чертами великаго писателя прежде всего удивительный мраморъ Гудона...

«Его сердце здѣсь, духъ же его разлитъ повсюду» (son coeur est ci, son esprit est partout)—такъ гласила надпись въ пріемномъ салонѣ Фернэйскаго замка, придуманная его владѣльцемъ, преемникомъ философа. Слишкомъ черезъ сто лѣтъ она не утратила истины. Во многихъ лучшихъ стремленіяхъ нашего вѣка все еще чувствуется живительное вліяніе почина, энергически принятаго на себя Вольтеромъ; нѣмецкіе ученые въ обширныхъ трактатахъ прославляютъ его теперь какъ реформатора уголовнаго законодательства, смѣлаго противника пытокъ и смертной казни; историкъ вѣротерпимости отводитъ ему и въ этой области почетное мѣсто. Въ такихъ заслугахъ передъ человѣчествомъ Вольтеръ не перестанетъ жить, хотя бы въ его прошломъ и было не мало ошибокъ, и изъ многочисленныхъ его произведеній иныя покрылись уже забвеніемъ. Такова вторая, иногда лучшая, жизнь великаго писателя.

Хоть на нѣсколько мгновеній побывать тамъ, гдѣ долгіе годы провелъ въ напряженномъ трудѣ такой человѣкъ, взглянуть на его обстановку, перенестись на мѣстѣ въ его ощущенія и думы,—сколько въ этомъ привлекательнаго!.. Со всѣхъ концовъ Европы, какъ въ былое время, паломники направляются туда, гдѣ въ красивомъ затишьѣ, на самомъ рубежѣ Франціи и женевской территоріи, прошла важнѣйшая часть жизни Вольтера, чуть не четверть столѣтія. Въ старину въ Фернэ являлись на поклонъ къ самому поэту и потомъ гордились хоть мимолетнымъ сближеніемъ съ нимъ; теперь хотятъ взглянуть на вольтеровскія реликвіи. Шли бывало изъ Женевы пѣшкомъ, останавливаясь по временамъ, чтобы, оглянувшись, полюбоваться на снѣжную цѣпь горъ, вырѣзывающуюся на горизонтѣ; ѣзжали и въ допотопныхъ омнибусахъ. Теперь поѣзда женевской voie étroite то и дѣло выгружаютъ на главной

улицѣ мѣстечка разноплеменную публику, которая съ любопытствомъ, оживленными разговорами и разспросами, радостнымъ молодымъ смѣхомъ и степенной сдержанностью сановитыхъ туристовъ ожидаетъ минуты, когда ей придется побывать «у Вольтера».

У «Фернэйскаго старца» сегодня много гостей. По большой дорогѣ поднимаютъ пыль грузные рыдваны и кареты женевцевъ, щегольскіе экипажи иностранныхъ магнатовъ. Свернувъ въ боковую аллею, недавно обсаженную деревьями, они поднимаются по ней къ дому, очертанія котораго слабо обрисовываются вдали при вечернемъ освѣщеніи. Не укрѣпленный ли это замокъ? Вокругъ рвы, подъемные мосты, башенки... Но весело играютъ огни въ окнахъ, у подъѣзда замѣтно большое оживленіе, и кучки народа снуютъ между барской резиденціей и продолговатой пристройкой, гдѣ готовится что-то новое и, должно быть, необыкновенно занимательное. Очевидно, остатокъ феодальной обстановки— просто анахронизмъ, ненужный для мирной культуры. Впрочемъ, если бы врагамъ пришла безумная мысль завладѣть больнымъ старикомъ, который весь вѣкъ свой жалуется на мучительныя страданія и любитъ говорить, что онъ «родился убитымъ», а между тѣмъ бросаетъ свои полемическія брошюры, точно разрывные снаряды, въ непріятельскій станъ,—онъ вспомнилъ бы о наслѣдіи старыхъ графовъ de Tournay et Ferney, поднялъ бы свои мосты, залилъ рвы и сумѣлъ бы отсидѣться отъ опасности.

Сегодня у него хорошо на душѣ. На зло пуританкѣ Женевѣ, не терпящей у себя театра, вмѣшивающейся въ увеселенія, пляску и моды своихъ гражданъ, онъ не только у самыхъ воротъ ея устроилъ у себя сцену, но на ней передъ отборнымъ обществомъ долженъ выступить его парижскій гость, краса и гордость французской сцены, Лекенъ, котораго сама природа надѣлила для воплощенія трагическихъ героевъ пламенною страстностью и западающимъ въ душу голосомъ. Идетъ *Танкредъ*, написанный тутъ же, въ Фернэ, и неисправимый поклонникъ театра ликуетъ на старости лѣтъ не хуже юноши-энтузіаста.

Театральная зала наполняется. Тутъ есть и англійскіе лорды и екатерининскіе гвардейцы, изящные парижане и демократически просто одѣтые женевцы, не устоявшіе передъ соблазномъ. Виднѣется полная здоровья и духовной силы фигура знаменитаго доктора Троншена, этого ангела-хранителя Вольтера, продлившаго ему жизнь на десятки лѣтъ, и забавная костлявая фигурка эксъ-іезуита père Adam, когда-то подобраннаго Вольтеромъ въ Эльзасѣ, съ тѣхъ поръ неразлучнаго съ нимъ и, подъ комическимъ прозвищемъ «прародителя» (le premier homme),

исполняющаго обязанности лейбъ-духовника, находчиваго собесѣдника и участника въ самыхъ забавныхъ затѣяхъ. Тутъ и располнѣвшая не въ мѣру племянница хозяина дома, madame Denis, домоправительница и трагическая актриса, внезапно превращающаяся въ Семирамиду или Заиру, и красивая madame Cramer, въ честь которой старый поэтъ сложилъ не одинъ мадригалъ.

Но вотъ и онъ; словно не замѣчая перемѣнъ моды, онъ одѣтъ, какъ одѣвались въ дни его молодости, и среди скромныхъ париковъ и фризуръ остальной публики его огромный, совсѣмъ готическій парикъ производитъ необыкновенно старомодное впечатлѣніе. Но изъ-подъ этого массивнаго оклада, облегающаго худое и морщинистое лицо, выглядываютъ глаза, то блестящіе огнемъ, который не поддается ни старости, ни разрушенію, то, въ спокойныя минуты, подернутые нѣжною, бархатною мягкостью выраженія.

Спектакль начинается; поэтъ слышитъ свои стихи со сцены переданными съ величайшимъ мастерствомъ, какое только было тогда возможно. «Это не я сочинилъ, а онъ, все онъ!» восклицаетъ Вольтеръ въ упоеніи, обнимая Лекена, и на цѣлый вечеръ отдается тѣмъ восторгамъ, мыслямъ вслухъ, обращеннымъ къ зрителямъ, тѣмъ критическимъ замѣчаніямъ и колкимъ насмѣшкамъ, которыя когда-то такъ нравились парижской театральной публикѣ, привыкшей все ему прощать.

Разъѣхались гости, все затихло въ домѣ, но не затихаетъ удивительная мозговая дѣятельность старика. Онъ почти не спитъ, хотя иногда по цѣлымъ днямъ нѣжится въ постели, пишетъ въ ней, читаетъ, принимаетъ просителей, а при случаѣ мастерски олицетворяетъ Мнимаго Больного. Ночью, когда блеснетъ у него новая важная мысль, онъ безжалостно будитъ своего секретаря, и они работаютъ среди окружающаго ихъ сна. Днемъ онъ набрасываетъ свои мысли, гдѣ придется, на игральныхъ картахъ, неразлучныхъ съ нимъ. Какъ же быть иначе! Сколько дѣла на рукахъ! Двигается впередъ Dictionnaire philosophique, пишутся статьи для Энциклопедіи, задумано нѣсколько пьесъ, двѣ-три брошюры должны популярно изложить среднему читателю великія открытія англійскихъ натуралистовъ, нужно возмутить европейское общественное мнѣніе разсказомъ о новомъ безчеловѣчномъ «юридическомъ убійствѣ», а изъ-подъ полы готовится памфлетъ противъ педантовъ въ родѣ Фрерона, противъ враговъ науки въ родѣ Руссо, противъ кальвинистской нетерпимости женевскаго „совѣта двадцати-пяти париковъ“. Жизни мало, чтобы выполнить все то, что настоятельно необходимо передать людямъ,—и въ вѣчныхъ его заботахъ о продленіи этой жизни наблюдательный Галіани отгадалъ не обычное чувство самосохраненія,

а боязнь не досказать всего, что есть на душѣ. Онъ какъ будто говорилъ смерти: «подожди еще, до такой-то страницы»...

Уже давно яркій день, когда онъ выходитъ изъ дому и, спустившись по немногимъ ступенькамъ, сходитъ въ паркъ. Онъ еще не расположенъ работать. Когда придетъ для того пора, онъ уйдетъ въ глубь парка, долго просидитъ подъ тѣнью старинной липы, и никто не посмѣетъ его потревожить. Теперь же онъ совершаетъ свою любимую утреннюю прогулку въ аллеѣ, проходящей на окраинѣ сада, по обрѣзу террасы, и совсѣмъ закрытой сверху зеленымъ сводомъ сплетающихся деревьевъ, обвитыхъ плющомъ. Сквозь листву пробивается лучами чудесный видъ. Изъ-за луговъ и рощъ въ сѣроватой дымкѣ виднѣются дома и колокольни Женевы; озеро голубою лентой входитъ въ нее; громадная глыба Салэва надвинулась на него; изъ-за нея, совсѣмъ въ поднебесьѣ, сіяютъ бѣлые зубцы и острія снѣговой цѣпи горъ, а надъ ними Монбланъ съ его загадочными очертаніями, напоминающими профиль спящаго богатыря.

Выйдетъ онъ за ограду парка,—и съ другой стороны горизонтъ тоже опоясанъ горнымъ хребтомъ, убѣленнымъ только въ зимнюю пору, теперь же разубраннымъ темными тонами лѣса и скалистыхъ вершинъ. Мелкіе отроги Юрскихъ горъ сползли въ долину и зеленѣющими волнами прошли по ней. Хорошій уголокъ! Для такого vieux de la Montagne, какъ онъ, лучше не найти. Въ счастливую минуту остановилъ онъ свой выборъ на немъ, послѣ попытокъ устроиться въ другихъ мѣстахъ и фантастическаго плана совсѣмъ уйти въ Америку, вмѣстѣ съ другими представителями гонимаго свободомыслія. Здѣсь, только здѣсь, нашелъ онъ независимость, отряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ послѣ берлинской поѣздки, этой послѣдней дани суетности, и вышелъ на настоящую дорогу.

Много разъ проходитъ онъ изъ конца въ конецъ по своей любимой charmille. Воспоминанія слетаются на каждомъ шагу. Вотъ отсюда показался однажды Сирвенъ, полный тревоги и горькихъ жалобъ, съ неподдѣльнымъ драматизмомъ разсказалъ обо всемъ, что перенесъ, о самоубійствѣ дочери, о страшномъ подозрѣніи, взведенномъ на него, объ изувѣрствѣ тулузскихъ католиковъ, о жестокости судей. Пришлось, какъ и для семьи Каласа, много и долго хлопотать, писать, тратиться, апеллировать ко всей Европѣ, наконецъ добиться отмѣны беззаконнаго смертнаго приговора... Сколько разъ заставали его во время перерыва занятій или на прогулкѣ женевскіе рабочіе и мастеровые, тѣснимые денежною аристократіей своего родного города! Онъ помогалъ имъ въ ихъ борьбѣ, звалъ переселиться къ нему въ Фернэ, завелъ у себя часовое мастерство, завязалъ для него сношенія съ главными рынками Европы.

Теперь этимъ людямъ все же недурно живется... Изъ-за деревьевъ парка видны крыши домовъ. Какъ мало ихъ было, когда онъ впервые пріѣхалъ сюда, чтобы вступить во владѣніе старымъ помѣстьемъ, и когда кучка жителей встрѣтила его ружейными салютами и иллюминаціей! Теперь это городокъ, обстроенный на славу. Вмѣсто старой, развалившейся церкви, онъ соорудилъ фернэйцамъ новую, около самаго дома своего. Сколько было толковъ, когда на ней появилась надпись «Deo erexit Voltaire» (Богу воздвигнулъ Вольтеръ); какое непріятное дѣло возбудили противъ него попы изъ-за неосторожной сломки старой капеллы! Но и это удалось побороть; самъ папа прислалъ тогда чью-то власяницу для храма, основаннаго философомъ. Пусть же не говорятъ, что Вольтеръ въ чемъ-либо стѣсняетъ чужія вѣрованія!..

Клерикалы, изувѣры,—вѣдь они всюду одни и тѣ же, и въ городѣ Кальвина и въ Римѣ,—они не могутъ ему простить его насмѣшекъ надъ суевѣріями, надъ ихъ алчностью и неразвитостью, его посягательствъ на ихъ «святѣйшія права». Если бы дать ей волю, женевская консисторія сожгла бы его, точно «второго Сервета»!.. Вспоминается ему его заступничество за монастырскихъ крестьянъ сосѣдняго pays de Gex, совсѣмъ придавленныхъ крѣпостною зависимостью отъ богатой обители. Не легко было вырвать ихъ изъ хищныхъ лапъ, но ужъ зато онъ и пустилъ все въ ходъ; теперь они свободны и научились работать на себя.

Сколько нуждъ, сколько горя на свѣтѣ! Не по силамъ бываетъ стоять постоянно наготовѣ, чтобы помочь, защитить, возвратить свободу. За однимъ дѣломъ встаетъ другое. Въ 1771 году былъ голодъ; какъ страдали тогда всѣ вокругъ! Не было ни хлѣба, ни умѣнья достать его. Нельзя было не вмѣшаться. Онъ кормилъ тогда голодающихъ у себя, въ Фернэ, раздавалъ муку приходившимъ издалека, изъ Франшъ-Контэ, послалъ надежнаго человѣка въ Сицилію за большой партіей хлѣба. Справились все-таки съ бѣдствіемъ...

Да, кажется, удачно вышло окончаніе *Кандида*, послѣднія заключительныя слова повѣсти (какъ лихорадочно она писалась!—три дня напролетъ, безъ отдыха, запершись отъ всѣхъ): «нужно стараться воздѣлывать свой садъ» (il faut cultiver son jardin), каковъ бы ни былъ тотъ клочокъ земли, на которомъ приходится работать. Именно такъ нужно было выразиться, кратко и убѣдительно. И, кажется, самъ онъ не отступалъ отъ этого правила...

Но пора за работу. Сегодня многое еще нужно обдумать, написать. Дидро онъ пошлетъ одобреніе и сочувствіе новой вылазкѣ противъ клерикаловъ, Екатеринѣ замолвитъ слово за фернэйскихъ часовщиковъ, которые такъ искусны, «что сдѣлаютъ ей башенные часы въ Святую

Софію, если только она возьметъ Константинополь»; нужно пересмотрѣть «Опытъ о нравахъ»; потомъ придутъ женевскіе «natifs»; ихъ, бѣдныхъ, снова притѣсняютъ. И ласковымъ взоромъ обводя все вокругъ, и уютный городокъ, и обновленный домъ съ любимыми уголками, библіотекой, театромъ, портретами и бюстами друзей, и паркъ, и поле, въ которомъ онъ такъ любитъ работать, и пестрѣющій всевозможными красками цвѣтникъ,—всѣ эти дѣла рукъ своихъ, онъ тихо направляется домой за дѣло...

Тѣни прошлаго разсѣялись... На одной изъ площадей Женевы, тамъ, гдѣ прежде вовсе не было никакого жилья, разводитъ пары локомотивъ, и черезъ нѣсколько минутъ, постукивая о рельсы, влечетъ за собой нѣсколько вагоновъ. Онъ бѣжитъ по улицамъ, обставленнымъ многоэтажными домами; на ихъ стѣнахъ разноцвѣтныя афиши возвѣщаютъ о нѣсколькихъ политическихъ собраніяхъ, о публичной лекціи натуралиста, о забастовкѣ кузнецовъ, о международной экскурсіи на пароходахъ. Въ большомъ и щеголеватомъ городѣ, съ прекраснымъ театромъ, свѣтящимся фонтаномъ, вырывающимся со дна озера, съ шумомъ, движеніемъ, массою электрическихъ и газовыхъ огней по вечерамъ, не узнать Женевы Вольтера и Руссо, патріархальной, здоровой духомъ, но аскетически сдержанной и унылой. Поѣздъ бѣжитъ мимо дачныхъ поселеній горожанъ, мимо большого загороднаго музея, принесеннаго однимъ изъ нихъ въ даръ родинѣ, мимо таможенной сторожки, гдѣ мирно бесѣдуютъ стражи двухъ республикъ, и, перебравшись во Францію, останавливается на площади мѣстечка, носящаго теперь названіе Fernex-Voltaire.

Памятникъ Вольтеру прежде всего представляется глазамъ. Покрывающія его надписи говорятъ обо всемъ добрѣ, сдѣланномъ имъ для края, заботахъ во время голода, освобожденіи народа отъ тягостныхъ податей и рабства. Но съ главной улицы, напоминающей по типу французскіе городки средней руки, съ ихъ кафе, marchands de vin и крохотными отелями, скоро нужно свернуть влѣво. Насаженная Вольтеромъ аллея густо разрослась и совсѣмъ скрываетъ солнечные лучи; вдали бѣлѣютъ очертанія дома. Но онъ во многомъ измѣнился; феодальная обстановка исчезла; въ архитектурѣ едва удержался стиль 18-го вѣка; нетронуто уцѣлѣли только комнаты самого поэта. Все та же латинская надпись на миніатюрной церкви, но нѣтъ и слѣда прежняго театра. Цвѣтникъ, какъ въ дни Вольтера, кажется цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, а надъ нимъ наклонились и шепчутся старыя липы; вотъ и старѣйшая изъ нихъ, любимица фернэйскаго отшельника.

Два небольшихъ покоя и salle d'attente у воротъ стали вольтеровскимъ музеемъ. Современное поэту смѣшалось съ тѣмъ, что возникло послѣ его смерти, въ честь ему или въ осужденіе, и его любимыя вещи съ собранными отовсюду. Во всемъ этомъ мало системы; убранство комнатъ, дышавшее его вкусомъ и привычками, нарушается позднѣйшими посторонними прибавками. Но вотъ его постель съ полинявшимъ голубоватымъ балдахиномъ; драпировка постепенно сузилась донельзя, благодаря нескромностямъ слишкомъ увлекающихся туристовъ. Все такъ же красуется надъ постелью большой портретъ Лекена; Екатерина и madame du Châtelet смотрятъ изъ своихъ золотыхъ рамокъ съ другой стѣны. На черномъ съ позолотою ковчегѣ старая надпись «о сердцѣ и духѣ Вольтера». Лавровый вѣнокъ, которымъ увѣнчанъ былъ поэтъ въ Comédie Française въ знаменательный вечеръ, превратившійся въ его апоѳеозъ, говоритъ о безсмертіи, автографъ его послѣдняго стихотворенія—о той боевой отвагѣ, съ которой онъ способенъ былъ относиться даже къ загробной жизни, готовясь и тамъ воевать съ предразсудками, если только люди уносятъ ихъ съ собою въ царство тѣней:

Tandis que j'ai vécu on m'a vu hautement
Aux badauds effarés dire mon sentiment.
Je veux le dire encor dans le royaume sombre.
S'ils ont des préjugés, j'en guérirais les ombres.

Мысль невольно начинаетъ возсоздавать то, что нѣкогда *было* тутъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Отворяется дверь, и худая фигура поэта показывается на порогѣ съ только что оконченнымъ Кандидомъ въ рукахъ; «tenez, curieuse que vous êtes, voilà pour vous», говоритъ онъ madame Denis, боязливо встрѣтившей его. Какъ будто сейчасъ выглянуло комическое личико père Adam,—онъ пришелъ посмотрѣть, не расположенъ ли monsieur de Voltaire сыграть обычную партію въ шахматы,—или это съ портрета на стѣнѣ взглянули маленькіе глазки «перваго человѣка»?

Любимая аллея Вольтера все такъ же уютна, закрыта зеленымъ сводомъ и располагаетъ къ уединенной прогулкѣ. Нѣсколько пролетовъ, пробитыхъ въ сросшихся кустахъ, открываютъ шире и красивѣе прежняго нравившійся ему видъ на Женеву, озеро, Альпы и бѣлый профиль Монблана. Прохлада и тѣнь старыхъ липъ встрѣчаетъ васъ на поворотѣ крытой аллеи и манитъ къ себѣ; этимъ путемъ проходилъ, бывало, старый «отшельникъ».

Такъ все до сихъ поръ полно имъ! И здѣсь, какъ и всюду, многое измѣнилось и исчезло, новый міръ сложился на развалинахъ прошлаго, а память о томъ блестящемъ умѣ, который нѣкогда озарялъ

все человѣчество, невредима, несмотря на всѣ попытки умалить и исказить ее.

Въ импровизованномъ Фернэйскомъ музеѣ есть любопытная картинка конца вѣка, Le phénix renaissant de ses cendres. Вокругъ большого костра, на которомъ пылаютъ груды книгъ, въ дикомъ восторгѣ, хлопая длинными ушами, пляшутъ цѣлымъ хороводомъ ослы; они уже торжествуютъ побѣду, — а изъ пепла возносится къ небесамъ фениксъ.

БОМАРШЕ.

«Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ», потускнѣли старыя легенды и творчество ихъ изсякло. Онѣ боятся бѣлаго дня, царства трезвой прозы и назойливой гласности; героямъ не суждено уже видѣть свои подвиги въ поэтической оправѣ чудеснаго; современники и потомство творятъ надъ ними судъ, доискиваясь точныхъ фактовъ и документовъ; воображеніе уступаетъ мѣсто правдѣ. Но среди избранниковъ еще есть баловни судьбы, съ которыми никакъ не хочетъ разстаться легенда, сложившаяся чуть не на нашихъ глазахъ. Бомарше—изъ числа ихъ. Когда онъ былъ молодъ, только что настало господство энциклопедизма; суевѣрія и гнетущіе призраки прошлаго пугливо разлетались передъ натискомъ критики. Подъ старость онъ засталъ революціонную пору, когда недовѣріе къ нему скорѣе располагало умалить, чѣмъ разукрасить его заслуги. Въ пылу борьбы опять слагались легенды, но онъ уже не годился въ ихъ герои. И несмотря на все это, на зло философскому скептицизму и смѣнившей его суровости якобинства, этотъ человѣкъ сумѣлъ заживо вызвать затѣйливую сѣть баснословныхъ сказаній. Теперь часъ пробилъ, разоблаченія идутъ одно за другимъ, но ихъ знаютъ одни лишь спеціалисты, а для массы все еще живъ и интересенъ прежній, сказочный Бомарше.

Иначе и не могло быть. Эта вѣчно кипучая жизнь слишкомъ полна была привлекательныхъ чертъ, которыя сами просятся въ фантастическую поэму. Все въ ней движется, трепещетъ, порою проносится ураганомъ; этотъ плебей борется съ французскимъ обществомъ и съ могучими державами, освобождаетъ народы, руководитъ судьбами Европы, изъ подмастерья превращается въ креза, изъ повелителя—въ эмигранта, силою смѣха свергаетъ застарѣлыя злоупотребленія, сбрасываетъ съ дороги противниковъ и кончаетъ жизнь чуть не на чердакѣ. Настоящая сказка изъ «Тысячи и одной ночи»! Словно владѣя талисманомъ, быть вездѣ и нигдѣ, появляться и исчезать, подобно Монтекристо выходить невредимымъ изъ опасностей, никогда не унывать и смѣяться даже на

порогѣ смерти могъ только или геніальный искатель приключеній, или великій общественный дѣятель-неудачникъ, растрачивавшій силы не на томъ поприщѣ, куда влекло его призваніе. Бомарше постарался закрѣпить навсегда заманчивое представленіе о немъ, какъ о борцѣ и страдальцѣ. Такимъ рисуетъ его себѣ всякій, увлекаясь горячими выходками его мемуаровъ или монологами Фигаро, его энергическимъ вмѣшательствомъ въ освобожденіе Америки. Поэзія и музыка помогли увѣковѣчить и разукрасить его репутацію. Гете, Моцартъ и Россини постоянно освѣжаютъ въ нашей памяти и образъ Бомарше, и его лучшія созданія. Подъ граціозныя моцартовскія мелодіи и сверкающіе веселостью и комизмомъ, по-южному болтливые речитативы россиніевскаго «Цирюльника» личность того, въ чьей головѣ могло зародиться столько смѣлыхъ мыслей и забавныхъ импровизацій, озарилась самымъ симпатичнымъ свѣтомъ.

Съ такими преданіями не легко разставаться. Между тѣмъ и для легенды о Бомарше настала очередь. Наиболѣе расположенный къ нему біографъ, Ломени [1]), первый долженъ былъ нанести ударъ его репутаціи. Не зародилась бы и сама работа этого даровитаго и усерднаго изслѣдователя, если бы наслѣдники Бомарше не дали ему доступа въ забытый складъ всякаго ненужнаго хлама, оставшагося отъ хозяйства поэта, и если бы среди пыли и мусора не нашлось множества связокъ съ бумагами, приготовленными Бомарше для своего жизнеописанія. Изученіе ихъ освѣтило отрицательныя стороны его дѣятельности или навело на сомнѣнія и догадки; сатирикъ явился посмертнымъ самообвинителемъ, и не мало нужно было усилій со стороны благодушнаго біографа, чтобы все объяснить, все примирить. Но зловѣщій пересмотръ былъ начатъ, и отовсюду, точно грозныя тѣни, стали выдвигаться важныя подозрѣнія и улики; архивы секретныхъ канцелярій и государственной полиціи всевозможныхъ странъ давали ихъ въ изобиліи; Арнетъ и Жеффруа [2]) нашли ихъ въ австрійскихъ архивахъ, Беттельгеймъ [3])— въ подобныхъ же хранилищахъ Лондона, Парижа, Карлсруэ, Мадрида, Лэнтильякъ—въ бумагахъ Бомарше, снова пересмотрѣнныхъ имъ послѣ

---

1) Beaumarchais et son temps, études sur la société en France au XVIII siècle par L. de Loménie, 1856; переиздано въ 1858 и 1873. Первымъ біографомъ Б. былъ восторженный его поклонникъ, Гюдэнъ, часто впадавшій въ тонъ панегирика. Его трудъ изданъ впервые въ полномъ видѣ по рукописи Морисомъ Турнэ, 1888 г.: Histoire de Beaum. par Gudin de la Brenellerie.

2) Ritter von Arneth, „Beaumarchais und Sonnenfels“, Wien, 1868; свѣдѣнія, добытыя Арнетомъ, популяризированы Полемъ Гюо, „Beaumarchais en Allemagne“, 1869. Любопытные матеріалы сообщены были Арнетомъ и Жеффруа въ книгѣ „Marie Antoinette“. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte Mercy-Argenteau, 1874.

3) Beaumarchais, eine Biographie v. Anton Bettelheim, Frankfurt, 1886.

Ломени и давшихъ обильную жатву [1]). Ореолъ сталъ блѣднѣть; недовѣріе готово перейти въ противоположную крайность. Сказочная пестрота эксцентрической жизни осложнилась новыми рѣзкими противорѣчіями; великое перемѣшалось съ мелочнымъ, самоотверженіе—съ эгоизмомъ, любовь къ свободѣ—съ искуснымъ выполненіемъ работы тайнаго агента. Тамъ, гдѣ такъ долго красовался эффектный образъ подвижника, осталась трудная загадка. Зналъ ли самъ Бомарше тайну ея, могъ ли бы онъ дать ключъ къ ней? Общечеловѣческая слабость выгораживать себя, бросая тѣнь на тѣхъ, кто насъ не понялъ, кто намъ помѣшалъ, была ему свойственна въ сильной степени, но и онъ въ старости задавалъ себѣ вопросъ: «чѣмъ же онъ былъ въ самомъ дѣлѣ» (qu'étais je donc?). Неистощимая вѣра въ свою правоту помогла ему, сводя счеты съ жизнью, дать о себѣ похвальный отзывъ...

Приходится отвѣчать за него, искать разгадки въ его дѣйствіяхъ, явныхъ и тщательно скрытыхъ, разоблачать тайну двойственнаго существованія. Что за бѣда, если отъ этого пострадаетъ легенда! Лишь бы доискаться правды...

Кто не знаетъ, какъ люди мысли и поэты любили приписывать себѣ именно такое дробленіе на два существа, разнородныя, вѣчно анализирующія другъ друга! Всматриваемся въ портреты, сберегшіе намъ черты Бомарше,—и точно два человѣка глядятъ оттуда на насъ. Въ снимкѣ, приложенномъ къ первому полному изданію его «Мемуаровъ противъ Гэтцманна», изображенъ придворный кавалеръ, нарядно одѣтый, завитой, съ кошелькомъ изъ лентъ, кокетливо скрывающимъ косичку; не вѣрится, чтобы эта холеная внѣшность, озаренная любезной улыбкой и выдающая только смышленымъ взоромъ бойкое себѣ на умѣ, принадлежала творцу «Фигаро»; совсѣмъ иное лицо на превосходномъ портретѣ, который воспроизводится въ большинствѣ изданій Бомарше; небрежно наброшена одежда, рубашка выбилась, воротъ широко распахнутъ; смѣлъ и открытъ взоръ; длинные и вьющіеся волосы, ничѣмъ не сдержанные, отпрянули назадъ съ высокаго лба; какъ будто мы застали врасплохъ этого страннаго человѣка, въ минуту, когда онъ готовъ броситься въ отважное предпріятіе. Это онъ, настоящій Бомарше!— вырвется у васъ; вы поймете, сколько несообразностей и великихъ дѣлъ можетъ надѣлать такая голова, и невольно захочется узнать фантастическую, блестящую, сумасбродную исторію этого человѣка.

---

[1]) Beaumarchais et ses oeuvres, p. E. Lintilhac, 1887. И послѣ изданія этой книги авторъ ея сумѣлъ найти въ бумагахъ Б. важныя новости (его статья „Beaumarchais inédit“, Revue des deux Mondes, 1893, 1 mars).

I.

У философовъ восьмнадцатаго вѣка было въ большомъ ходу сравненіе міроздания съ чудеснымъ часовымъ механизмомъ, который приводится въ движеніе величайшимъ изъ механиковъ. Отъ этого одинъ только шагъ—и жизнь общества представится многосложнымъ сцѣпленіемъ зубчатыхъ колесъ, осужденныхъ на неподвижность, если искусная рука мастера не прикоснется къ нимъ; тогда все вдругъ оживаетъ, малѣйшее колесико двигается и работаетъ! Стоитъ лишь найти ключъ, овладѣть главною пружиной, и часовщику останется только лукаво посмѣиваться и потирать руки отъ удовольствія, видя, какъ трудятся, выбиваясь изъ силъ, его послушныя орудія, воображающія, можетъ-быть, что все это они дѣлаютъ по своей волѣ. Политику по профессіи, изощрившемуся въ умѣніи руководить людьми, легко напасть на такое сравненіе, но какъ естественно оно будетъ въ умѣ того, кто дѣйствительно перешелъ къ руководству государственными судьбами отъ основательнаго изученія часового мастерства! Такъ это было съ Бомарше: съ дѣтства онъ былъ посвященъ въ тайны высоко почитавшагося тогда ремесла; юношей онъ дѣлаетъ настолько замѣчательное открытіе, что о немъ заговорили академія и дворъ; въ жизнь вступаетъ онъ прежде всего съ титуломъ королевскаго часовщика и долго не рѣшается лишить отца утѣхи продолжать мастерство, передававшееся у нихъ изъ рода въ родъ. Навсегда пріобрѣли въ его жизни рѣшающее значеніе раннія впечатлѣнія; видя, съ какимъ совершенствомъ онъ, стоя за кулисами, умѣлъ приводить въ движеніе всѣхъ и все, вѣришь, что актеры житейской драмы—короли, министры, епископы, дамы, испанскіе клерикалы и американскіе республиканцы—были въ его глазахъ лишь колесами и пружинами механизма, который онъ отлично умѣлъ заводить. Долгій успѣхъ избаловалъ его, и съ годами онъ слишкомъ увѣровалъ въ свое искусство; какъ ни скоплялись препятствія, онъ зналъ, что всегда найдетъ исходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ росло въ немъ пренебреженіе къ людямъ и ихъ ограниченности,—не идеализировать же, въ самомъ дѣлѣ, безотвѣтныя орудія воли хозяина! Въ безграничной самоувѣренности — трагедія его жизни. Когда стараго порядка не стало, Бомарше захотѣлъ удержаться на прежней высотѣ, но тайна была потеряна, завѣтный ключъ не подходилъ болѣе, все разладилось, вышло изъ повиновенія, и прежній властелинъ сталъ докучнымъ просителемъ.

Но жизнь въ такой же степени поддается сравненію съ театромъ маріонетокъ, съ ярмарочною сценой героическихъ «парадовъ» и смѣшныхъ интермедій. Бомарше и тутъ на своемъ мѣстѣ, какъ превосходный режиссеръ, — не только потому, что артистически ставилъ на міровую

сцену и свои безсмертныя комедіи, и политическіе спектакли съ пушечною пальбой, и таинственныя мелодрамы съ разбойничьими нападеніями, и долго пожиналъ рукоплесканія партера, но и потому, что, еще въ дѣтствѣ дѣлившій время между отцовской мастерской и уличными увеселеніями Парижа, онъ цѣлою стороной своего характера примыкаетъ къ вкусамъ и привычкамъ истинно-національнаго и независимаго théâtre de la foire. Говорили даже, будто, выгнанный разъ отцомъ за безпорядочность, онъ примкнулъ къ ярмарочнымъ комикамъ и довольно долго работалъ съ ними. Его лучшія пьесы несвободны отъ веселой суетни и сплетенія интригъ, которыя царили въ любимомъ имъ народномъ театрѣ; въ его «мемуарахъ» иныя страницы точно выхвачены изъ остроумнаго фарса. Казалось, жизнь вѣчно повторяла передъ нимъ любимыя темы буффонадъ, съ обманутыми простаками и торжествующимъ арлекиномъ. Приходилось выбирать одну изъ этихъ двухъ ролей, и, смѣтливый, остроумный и честолюбивый, онъ выбралъ самую благодарную, ту, за которой послѣднее слово въ пьесѣ, и игралъ эту роль всю жизнь, какъ величайшій актеръ.

Онъ съ дѣтства привыкъ полагаться на свои силы. Да и было ли у него дѣтство? Школьная пора кончилась на тринадцатомъ году (онъ родился въ 1732 г.), и все, что онъ впослѣдствіи зналъ, конечно пріобрѣтено было не у скромнаго учителя деревенской школы подъ Парижемъ. Во время размолвки съ отцомъ и бѣгства изъ дома онъ уже живетъ самостоятельно; когда онъ возвращается подъ родной кровъ, старикъ Каронъ, въ характерѣ котораго уже крылись, точно въ зародышѣ, черты оригинальности сына, соглашается принять его лишь послѣ заключенія формальнаго договора относительно его образа жизни и участія въ работѣ,—и Пьеръ-Огюстъ торжественно подписываетъ клятвенное обѣщаніе слушаться и работать. Во все это время онъ кропаетъ стихи, бренчитъ на арфѣ, влюбляется какъ взрослый и строитъ воздушные замки. Едва вышелъ онъ изъ отрочества, онъ принужденъ энергически постоять за себя. Сдѣланное имъ усовершенствованіе часовой механики присвоено соперникомъ-мастеромъ, которому онъ неосторожно проговорился; взбѣшенный, онъ бросается въ схватку, зоветъ противника къ суду общественнаго мнѣнія, прибѣгаетъ къ журнальной гласности, заставляетъ академію разсмотрѣть оба изобрѣтенія и отдать предпочтеніе ему. Этотъ первый дебютъ сдѣланъ имъ заразъ на нѣсколькихъ поприщахъ; въ битвѣ жизни онъ выказалъ себя храбрымъ бойцомъ, въ умѣніи вести процессъ обнаружилъ свойства геніальнаго адвоката, которыя впослѣдствіи такъ пышно развились, наконецъ показалъ рѣдкое искусство—пользоваться малѣйшимъ поводомъ, чтобы продвинуться впередъ, обращая въ выгоду даже неудачи. На другого произвела бы удручающее

впечатлѣніе преждевременная борьба съ несправедливостью, и онъ радъ былъ бы возможности мирно приняться за работу. Каронъ и тутъ пошелъ прямоѣзжею дорогой и взялъ счастье штурмомъ; о немъ говорили, имъ интересовались; онъ улучилъ минуту, когда сочувствіе было всего горячѣе, добылъ груду заказовъ при дворѣ, исполнилъ ихъ на славу, и вскорѣ, въ качествѣ королевскаго часовщика, вращался въ той сферѣ, куда попасть мечталъ тогда всякій искатель фортуны, зная, что тутъ корень и начало служебной карьеры, всевозможныхъ подрядовъ, откуповъ и концессій. Съ этой минуты онъ тяготится низменнымъ кругомъ прежней дѣятельности, рвется неудержимо впередъ и вширь. Привычки и взгляды навсегда остались у него демократическими; они оба съ отцомъ рано начитались писаній новыхъ философовъ. Придворный кругъ, сношенія съ знатью—для него только промежуточная ступень. Безправное мѣщанство тянетъ его внизъ; безъ дворянскаго диплома онъ не получитъ ни малѣйшей должности, если только честолюбіе поманитъ его въ эту сторону; неудачу можно наверстать финансовою спекуляціей, но что же начнешь безъ денегъ!

Черезъ нѣсколько лѣтъ у него все добыто, и дворянство, и деньги,—прежде всего именно онѣ. Комбинація совсѣмъ было удалась и раньше этого, да некстати порвалась. Интересный юноша до того плѣнилъ жену одного изъ своихъ заказчиковъ, что она убѣдила мужа передать ему небольшое свое мѣсто въ придворномъ штатѣ, а едва умеръ мужъ, вышла за героя своего романа. Любилъ ли онъ ее хоть сколько-нибудь, или же искалъ только опоры въ погонѣ за удачей? Напечатанныя Беттельгеймомъ, по рукописямъ Британскаго музея, четыре письма Карона изъ этого времени позволяютъ скорѣе рѣшить вопросъ во второмъ смыслѣ. Онъ вовсе не расположенъ былъ удовольствоваться любовнымъ воркованьемъ, и въ десять мѣсяцевъ, которые онъ провелъ съ первою женой, успѣлъ пустить въ ходъ разныя пружины, чтобы добыть денегъ. Мужъ его нѣжной подруги былъ прежде контролеромъ въ арміи и пользовался безгрѣшными доходами, дѣлясь съ товарищами. Смерть помѣшала правильному дѣлежу, и преемникъ стараго Франкэ захотѣлъ добыть изъ рукъ опытныхъ казнокрадовъ присвоенныя ими суммы. Дѣло это, не легкое безъ уличающихъ документовъ, было превосходно проведено. Каронъ оказался выдумщикомъ необыкновеннымъ, изобрѣлъ никогда не существовавшаго аббата, и отъ имени его писалъ къ коллегамъ старика письма, заявляя, что ему все извѣстно; деликатныя подробности, узнанныя отъ жены, были артистически пущены въ ходъ; вѣрно схваченъ и набожный тонъ, подобающій духовному лицу. Испугались застигнутые врасплохъ негодяи; Каронъ съѣздилъ къ одному изъ нихъ въ Версаль, какъ эмиссаръ отъ аббата, при чемъ передавалъ его рѣчи, описывалъ

внѣшность,—и съ торжествомъ привезъ домой девятьсотъ ливровъ. Дѣло спорилось; завелись деньги, кое-какое мѣсто, а старое мѣщанское имя Карона облагородилось прибавкой названія помѣстья, принадлежавшаго прежде Франкэ, и молодой супругъ подписывался не безъ эффекта: Pierre-Auguste Caron de Beaumarchais.

Но счастье улыбалось ему не долго; жена его умерла внезапно. Начался процессъ изъ-за ея наслѣдства, не оставившій Бомарше ни малѣйшей частички ея состоянія. Предусмотрительный во многомъ, онъ не загадывалъ о возможности такой развязки; она поразила его не меньше, чѣмъ родныхъ жены, которые, изъ недовѣрія къ соблазнителю ея, впервые пустили въ ходъ намекъ на отравленіе, нѣсколько разъ выдвигавшійся потомъ. «Правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравилъ?» спрашиваетъ въ пушкинской пьесѣ Моцартъ у своего соперника, и Сальери отвѣчаетъ ему почти буквально тѣмъ, чѣмъ отозвался Вольтеръ на подобный же вопросъ: «Онъ слишкомъ былъ смѣшонъ для ремесла такого».—Моцартъ видитъ другое оправданіе: «геній и злодѣйство—двѣ вещи несовмѣстныя»... Но есть и совсѣмъ прозаическій аргументъ въ пользу Бомарше — безполезность отравленія; ни смерть первой жены, ни мучительные роды второй, унесшіе ее черезъ два года послѣ брака, не только не поправили положенія Бомарше, но оба раза оставили его въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, съ долгами и процессами. Первая оплошность не послужила урокомъ, и онъ не заручился завѣщаніемъ. Мнимая роль Синей Бороды слишкомъ тяжело давалась ему. Къ тому же по-своему онъ былъ нѣженъ съ обѣими женщинами, со временемъ сталъ даже сентименталенъ; не было поводовъ ни къ измѣнѣ, ни къ мести.

Отброшенный опять къ исходной точкѣ, онъ снова вскатилъ сизифовъ камень. На этотъ разъ расчетъ былъ сдѣланъ вѣрно и тонко. Онъ рѣшилъ подойти къ королю черезъ женщинъ, именно черезъ четырехъ дочерей Людовика XV, mesdames de France, старыхъ дѣвъ, уныло влачившихъ свой вѣкъ среди небольшого придворнаго штата, напоминавшаго отдѣльный дворикъ. Некрасивыя, мало развитыя, съ оттѣнкомъ ханжества, онѣ не подходили къ тону свѣтской жизни, показывались рѣдко, коротали время музыкой и набожнымъ чтеніемъ. Скука царила у нихъ полнѣйшая; жить, хотя на время, ихъ жизнью представляло немалый подвигъ, но все же онѣ были дочерьми короля, у котораго порою пробуждалась къ нимъ не то нѣжность, не то сострадание; онѣ могли при случаѣ вліять на него, и добивались цѣли тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе Людовикъ старался, исполненіемъ ихъ просьбъ, вознаградить ихъ за жалкую роль и отдаленіе отъ двора. Проникнувъ въ этотъ сонный уголокъ, Бомарше оживилъ его смѣхомъ, разсказами и

шутками, мастерской игрой на арфѣ; его полюбили всѣ четыре старыя дѣвы, а одна изъ нихъ, madame Victoire, совсѣмъ увлеклась. Невинно кокетничая съ нимъ, онѣ эксплоатировали его, постоянно требуя новыхъ развлеченій, книгъ, нотъ, инструментовъ; приходилось добывать все это, часто не имѣя денегъ и закладывая что-нибудь, чтобъ исполнить капризъ покровительницъ.

Онъ зналъ, что, рано или поздно, эта нелегкая служба приведетъ его къ цѣли, и терпѣливо ждалъ. Новое дѣйствующее лицо, надолго вошедшее въ его жизнь, ускорило желанный мигъ. То былъ представитель продвигавшейся тогда въ первые ряды финансовой знати, пока еще набиравшейся изъ среды разбогатѣвшихъ подрядчиковъ и откупщиковъ. За нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ эта сила едва начинала складываться, и Мольеру не пришлось ввести въ свою сатирическую картину капиталиста-кулака. Будущій герой знаменательной въ этомъ отношеніи комедіи Лесажа, Тюркарэ, былъ еще тогда на заставѣ сторожемъ и понемногу богатѣлъ, сбирая выдуманную имъ пошлину съ запоздавшихъ ночныхъ пріѣзжихъ [1]); тутъ учился онъ хитрой наукѣ обогащенія, которая можетъ сдѣлать десятника милліонеромъ. Но лихоимецъ, работавшій долго по мелочамъ, сталъ наконецъ капиталистомъ, вошелъ въ стачку съ компаніей такихъ же денежныхъ тузовъ и вмѣстѣ съ ними держалъ Парижъ въ своихъ рукахъ; за нимъ ухаживали красивыя дамы и знатные кавалеры; онъ сорилъ деньгами и уже думалъ, что все можетъ купить. Такова біографія не одного только Тюркарэ (котораго можно изучать, какъ реальную личность, такъ какъ Лесажъ писалъ съ натуры), — такова же была баснословно удачная судьба новаго покровителя Бомарше, подрядчика на армію Пари Дювернэ. Когда-то половой въ деревенскомъ трактирѣ, онъ завладѣлъ впослѣдствіи всѣмъ военнымъ хозяйствомъ Франціи, вліялъ на политическія интриги, запросто бесѣдовалъ съ Людовикомъ XIV. Осторожность спасла его отъ участи Тюркарэ; онъ устоялъ противъ всѣхъ соблазновъ, и нахальный лакей-наперсникъ, вродѣ лесажевскаго Фронтэна, не сумѣлъ бы систематически обобрать его и, столкнувъ съ дороги, стать на его мѣсто, приговаривая тономъ хищника: «царство Тюркарэ кончилось, теперь начинается наше!..» Дювернэ спокойно вынесъ свои милліоны сквозь лихорадку спекуляцій, и въ ту пору, когда его узналъ Бомарше, томился избыткомъ богатства, котораго не зналъ куда дѣ-

[1]) Такъ откровенно разсказываетъ онъ въ комедіи свою раннюю біографію; угловатость и неумѣнье подладиться подъ тонъ высшаго общества, сближающія его съ мольеровскимъ Журданомъ, необыкновенно жизненно проведены авторомъ. Вообще талантъ Лесажа и его значеніе въ развитіи реализма въ комедіи и романѣ до сихъ поръ недостаточно оцѣнены.

вать; такъ былиннаго героя пригибала къ землѣ непомѣрно - грузная его сила.

Подобно сотнямъ такихъ случайныхъ богачей, онъ любилъ играть роль мецената, жертвовалъ направо и налѣво и массу денегъ затратилъ на устройство большого военнаго училища. Но что онъ ни начиналъ по части благотвореній и самохвальства, ему не удавалось приблизиться къ Людовику XV такъ, какъ это бывало съ старымъ королемъ. Очевидное нежеланіе монарха осчастливить своимъ посѣщеніемъ военную школу раздражало его. Эта забота превратилась въ манію, и онъ готовъ былъ озолотить того, кто снялъ бы ее съ его души. Бомарше, шутя, оказалъ ему незабвенную услугу. Стоило попросить принцессъ, онѣ побывали въ училищѣ, расхвалили его королю,—и, наконецъ, насталъ великій день. Дювернэ былъ въ восхищеніи, зато отнынѣ судьба Бомарше надолго обезпечена. Смышленый старикъ, въ полномъ смыслѣ слова «сынъ своихъ дѣлъ», разгадалъ въ молодомъ знакомомъ восходящую звѣзду, понялъ, сколько въ немъ таилось предпріимчивости, и сталъ направлять его первые шаги въ финансовомъ мірѣ. Ему нужны были средства,—Дювернэ щедро ссужалъ ему большія суммы, дѣлалъ его пайщикомъ въ разныхъ операціяхъ, указывалъ на выгодныя статьи (наприм., на большой лѣсъ подъ Парижемъ, который они вмѣстѣ сводили). Не довольствуясь деньгами, Бомарше добивался уравненія своихъ правъ съ привилегированнымъ барствомъ, которое и на Дювернэ смотрѣло свысока, какъ на выскочку, и только преклонялось передъ силой капитала. Новый покровитель помогъ ему пріобрѣсти за крупную сумму титулъ королевскаго секретаря, доставившій ему, наконецъ, дворянство. Еще разъ нажалъ Бомарше ту же пружину и очутился даже вице-президентомъ одного изъ безполезныхъ и уродливыхъ учрежденій стараго порядка, отдѣльнаго суда по браконьерству и незаконной рыбной ловлѣ, важно засѣдалъ въ шитомъ нарядѣ, судилъ и рядилъ надъ своевольными аристократами, всего чаще нарушавшими законы объ охотѣ. Забавнѣе комедіи трудно было бы себѣ представить, и впослѣдствіи онъ умѣлъ юмористически вспоминать о своемъ превращеніи изъ подмастерья въ главу знатнаго трибунала. Но въ то время это, взятое съ бою, сословное уравненіе его очень утѣшало. Теперь онъ повелѣвалъ десяткомъ чиновниковъ-дворянъ, кичившихся своимъ происхожденіемъ. Его много разъ корили мѣщанствомъ, умышленно причиняли ему оскорбленія; завистливые придворные просили, наприм., у него публично совѣтовъ относительно своихъ часовъ (одного изъ нихъ онъ проучилъ тѣмъ, что, взявъ посмотрѣть часы, уронилъ и разбилъ ихъ); подчиненные отказались было служить подъ начальствомъ плебея, но онъ зло осмѣялъ ихъ притязанія въ бумагѣ къ своему начальнику,

раскрывъ совсѣмъ плебейское происхожденіе и даже темное прошлое большинства просителей. Онъ трезво смотрѣлъ на дѣло, но твердо держался за свой клочокъ пергамента, и любилъ бѣсить противниковъ заявленіемъ, что онъ за наличныя деньги купилъ себѣ дворянство на законномъ основаніи.

Эта быстрая смѣна неудачъ и успѣховъ однако годится развѣ въ біографію искуснаго дѣльца, а никакъ не писателя. Но Бомарше и не думалъ тогда вовсе посвящать себя литературѣ; его захватила борьба за существованіе; „въ немъ кипѣла кровь, не улегшаяся (по его словамъ) даже подъ старость"; голова была полна всевозможныхъ плановъ личнаго счастья, чудеснаго обогащенія, политическаго вліянія. Кругомъ много говорилось и писалось о защитѣ правъ средняго сословія, о поднятіи значенія личной энергіи и труда; онъ захотѣлъ принять тяжесть борьбы на свои плечи, доказать, чего можетъ достигнуть неглупый плебей, если возьмется умѣючи за дѣло. Съ этой стороны его неугомонная дѣятельность возбуждаетъ симпатію; личный его порывъ становится однимъ изъ признаковъ времени. Та же борьба подготовила и его литературную дѣятельность: столкновенія, разочарованія, развили въ немъ знаніе людей. Сгоряча, задѣтый за живое, онъ сталъ писать. Не будь его погони за фортуной, въ немъ не пробудилось бы страстнаго негодованія, которое воспламеняетъ Фигаро.

Но у медали была оборотная сторона; мѣстами она очень неприглядна, и Бомарше всегда старался навести на нее лоскъ. Зачѣмъ очутился онъ въ 1764 году въ Испаніи? Самъ онъ выставилъ благородный героическій мотивъ; масса повѣрила и до сихъ поръ еще повторяетъ его разсказъ, а молодой Гете не только увѣковѣчилъ его въ своемъ «Clavigo», но подъ сильнымъ впечатлѣніемъ «Эмиліи Галотти» [1]) идеализировалъ образъ дѣйствій Бомарше и приписалъ соціальное значеніе его подвигу. Въ легендѣ была точная основа, — но не оттого только понесся въ Мадридъ молодой судья, что какой-то коварный гидальго, обѣщавъ жениться на его сестрѣ, осмѣлился отступить и искать разрыва, а еще болѣе оттого, что вмѣстѣ съ тѣмъ представлялась возможность попробовать счастья въ захолустной Испаніи, странѣ невѣжества и произвола. Защита чести сестры осложнилась и вскорѣ затмилась усиленною фабрикаціей проектовъ и подборомъ подходящихъ лю-

---

[1]) Вліяніе Лессинговой пьесы на „Clavigo" прослѣжено Дан. Якоби въ статьѣ „Zu Clavigo" въ Goethe-Jahrbuch, V томъ, 1884, стр. 323 и слѣд. Мимоходомъ оно было указано еще Гервинусомъ. — Раньше драмы Гете мадридскій эпизодъ жизни Бомарше послужилъ уже сюжетомъ для пьесы Marsollier, названной сначала „Norac et Javolci" (анаграмма— Caron et Clavijo), потомъ „Beaumarchais à Madrid". Самъ Бомарше присутствовалъ при ея исполненіи любителями у принца Конти, 1774 г.

дей для ихъ выполненія. Сестра вовсе не была тогда распускающимся цвѣткомъ; Клавихо, который впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность въ наукѣ и въ политикѣ и уже считался недюжиннымъ журналистомъ, также не былъ безсовѣстнымъ развратникомъ, какимъ онъ выступаетъ въ разсказѣ его противника. Это былъ скорѣе нерѣшительный, слабый волею селадонъ, которому разнравилась дѣвушка, сначала его заинтересовавшая; онъ пересталъ бывать у ея замужней сестры, и совершенно стушевался бы, если бы изъ далекаго Парижа, какъ бомба, не упалъ среди семейной драмы мститель. Смущенный женихъ опять обѣщалъ сдержать слово, снова появился въ семьѣ дѣвушки, но вынужденное согласіе стоило ему великихъ усилій; цѣпь стала слишкомъ тяжкою, и онъ безпомощно искалъ выхода. Взбѣшенный Бомарше рѣшилъ раздавить вѣроломнаго соблазнителя, ударилъ въ набатъ, довелъ жалобу до короля и министровъ, лишилъ Клавихо мѣста и заставилъ надолго скрыться. Это была во всякомъ случаѣ смѣлая схватка, и десять лѣтъ спустя Бомарше еще могъ вызывать въ памяти ея бурныя подробности, когда, отвѣчая на пасквиль, поднявшій изъ его прошлаго и этотъ эпизодъ, онъ впервые, съ большимъ драматизмомъ и фантастическими прикрасами, повѣдалъ о немъ міру [1]). Но изъ сближенія съ королемъ и министерствомъ нашъ рыцарь тотчасъ же рѣшилъ извлечь болѣе осязательную пользу; у него въ карманѣ съ самаго начала были рекомендаціи изъ Парижа, которыми онъ предусмотрительно запасся. Зорко разглядѣлъ онъ составъ высшаго мадридскаго общества, понялъ бездарность членовъ кабинета, слабость Карла III, которымъ управлялъ камердинеръ - французъ, и рѣшилъ приступить къ дѣлу. Онъ составилъ проектъ французской компаніи для устройства заморской торговли съ колоніями и, главнымъ образомъ, съ Луизіаной. Отважнѣйшія затѣи такъ и мелькаютъ въ этомъ проектѣ: монополія и контрабанда, національныя французскія выгоды и торговля неграми (стоимость ихъ онъ хладнокровно исчислялъ!), частный барышъ и организація подкупа вліятельныхъ испанскихъ чиновниковъ. Неожиданно явилась на поддержку проекта брошюра, гдѣ какой-то „испанскій гражданинъ“ высказывалъ «патріотическія соображенія» относительно луизіанскихъ дѣлъ. Нужно ли говорить, что подъ плащемъ этого испанца, какъ раньше подъ сутаной парижскаго аббата, скрывался все тотъ же Бомарше?

Проектъ потерпѣлъ неудачу въ «совѣтѣ по индійскимъ дѣламъ», но на смѣну уже готово было десять другихъ—и по мѣстнымъ, и по

---

1) Année 1764. Fragment de mon voyage d'Espagne (входитъ въ составъ четвертаго Mémoire à consulter contre mr. Goetzmann etc.); этотъ разсказъ послужилъ источникомъ для пьесы Гете.

колоніальнымъ вопросамъ, по доставкѣ припасовъ на Майорку, по подрядамъ на армію, по колонизаціи Сьерры Морены. Втайнѣ Бомарше надѣялся достигнуть еще большаго—заручиться для французскаго правительства неограниченнымъ вліяніемъ на испанскую политику, стать необходимымъ лицомъ для герцога Шуазеля и потомъ продвинуться въ Парижъ или же, оставаясь въ Мадридѣ, направлять черезъ подручныхъ всѣ дѣла въ Испаніи. И какихъ подручныхъ! Въ найденномъ теперь тайномъ мемуарѣ, составленномъ для герцога, онъ спокойно говоритъ объ устройствѣ стачки, которая овладѣла бы ограниченнымъ и вѣчно унылымъ королемъ; первое лицо въ ней — всесильный камердинеръ, второе—красавица маркиза Де-ла-Круа, какъ можно догадываться, очень близкая къ Бомарше; изъ искусной кокетки онъ готовъ былъ сдѣлать приманку для Карла, подѣлиться съ нимъ своею удачей въ любви...

Но все это вышло слишкомъ тонко и коварно; не попались въ ловушку ни мадридское министерство, ни Шуазель; страна, которую Бомарше не переставалъ называть отсталою и невѣжественною, порицая подкупность и безнравственность (что не мѣшало ему именно на этихъ порокахъ основывать часть своего успѣха), устояла противъ усиленнаго натиска, правда, для того, чтобы отдать дѣло въ руки мѣстныхъ монополистовъ, которые, должно быть, еще ближе знали изнанку отношеній. Волшебныя видѣнія, носившіяся передъ мечтателемъ, опять разлетѣлись; пришлось покинуть Испанію. Но онъ никогда не позволялъ себѣ надолго падать духомъ. Какъ Фигаро («Сев. Цирюльникъ», I актъ, сц. 3), онъ спѣшилъ разсмѣяться, боясь заплакать. Да и впечатлѣнія, вынесенныя изъ испанскаго житья, не все же были мрачнаго свойства. Бомарше все-таки одно время былъ героемъ дня; передъ нимъ открылись знатные салоны; онъ былъ частымъ посѣтителемъ русскаго посольства, гдѣ у Бутурлина шла всегда большая игра; посолъ и его жена чуть не носили его на рукахъ, къ соблазну остальныхъ дипломатовъ [1]); молодая Бутурлина писала въ честь его французскіе стихи, вмѣстѣ съ нимъ, княземъ Мещерскимъ, своимъ мужемъ и шведскимъ посломъ разыгрывала любимую тогда оперу Руссо «Le devin du village». Бутурлина пѣла Аннету, Бомарше—Любэна. Средній кругъ, куда открыла ему доступъ семья его сестры, и народная жизнь еще сильнѣе привлекали его. Въ письмахъ къ отцу онъ высказываетъ желаніе изучить испанскую народность, обычаи, развлеченія, танцы, музыку; онъ записывалъ мотивы, запоминалъ текстъ народныхъ пѣсенъ; на модный тогда напѣвъ одной

1) Письмо къ сестрѣ, 11 фев. 1765; Loménie „Beaumarchis et son temps", 1873, I, 145—49.

сегедильи онъ написалъ (и напечаталъ) французскіе стихи: «les serments des amants sont légers comme les vents», и все изданіе было расхватано. Одному изъ своихъ парижскихъ покровителей, герцогу Лавальеру, онъ съ наслажденіемъ художника пересказалъ любопытнѣйшія сцены изъ мадридской жизни, рождественскій праздникъ, во время котораго монахини плясали въ церкви подъ звуки кастаньетъ, игры въ театрѣ, фанданго. Увлеченіе декоративною стороной быта объясняетъ близкое уже зарожденіе трилогіи о Фигаро, носящей испанскій колоритъ,—не тотъ, вынужденный цензурными соображеніями, условный оттѣнокъ, который принужденъ былъ наложить на «Жиль-Блаза» Лесажъ, чтобы скрыть намеки на французскія дѣла, но яркій и истинно національный. Для Бомарше Испанія, страна «плаща и шпаги», серенадъ и болеро, навсегда осталась привлекательною; онъ и «Севильскаго Цирюльника» задумалъ сначала въ формѣ комической оперы, куда сбирался вставить пѣсни и пляски, такъ нравившіяся ему.

Но этотъ замыселъ пока въ неясныхъ чертахъ носился въ его умѣ; не сразу выступилъ Бомарше среди оживленной жизни Парижа во всеоружіи комическаго дарованія. Точно въ народномъ разсказѣ о Жанѣ-весельчакѣ и Жанѣ-плаксѣ, сначала показалось передъ публикой растроганное, заплаканное лицо, чтобъ потомъ перейти къ гомерическому хохоту. Бомарше-комикъ началъ съ чувствительныхъ драмъ. То не было притворство; мадридскія впечатлѣнія и интрига съ остроумною маркизой смѣнились на время романтическимъ увлеченіемъ, не дошедшимъ до брака, полнымъ сердечной тревоги и томныхъ чувствъ, выразившихся въ дошедшей до насъ связкѣ сентиментальныхъ писемъ. Въ этотъ промежутокъ времени, когда бездѣлица могла его легко разстроить, Бомарше былъ пораженъ новизной и правдой переворота, который произвелъ въ драмѣ Дидро. И по убѣжденіямъ и по складу характера реалистъ, онъ не могъ питать благоговѣнія къ старой трагедіи съ ея отборными героями; плебей, которому патенты и льготы нужны бывали только какъ средство отстоять самостоятельность, подсмѣяться надъ старыми сословіями, онъ вдвойнѣ привѣтствовалъ вторженіе демократизма на сцену; обязательность стихотворной формы для него, не прошедшаго черезъ школьную дрессировку, была непонятна, и онъ рукоплескалъ попыткѣ писать пьесы прозой, придавая разговору житейскій характеръ, а сила чувства, торжествующаго надъ предразсудками и самоуправствомъ,—любимая тема Дидро,—должна была въ эту минуту особенно увлекать его. Такъ зародились первыя его драмы: «Евгенія» и «Два друга»; призваніе чувствительнаго драматурга онъ серьезно счелъ своимъ удѣломъ; на этотъ разъ никакой расчетъ не руководилъ имъ. Его пьесы, однако, слишкомъ были проникнуты недовольствомъ обычною моралью, слишкомъ

омрачали умы тѣхъ, кто не разстался еще съ преданіями регентства и хотѣлъ веселиться. Вообще это отклоненіе таланта Бомарше было неудачно (вторая пьеса, взятая изъ міра банкротствъ и расхищеній, пала послѣ перваго представленія) и осталось въ его дѣятельности краткимъ эпизодомъ. Но оно не прошло безслѣдно; «Евгеніи» посчастливилось за предѣлами Франціи; и трогательныя ея сцены, и обличеніе неравенства, и умно написанное введеніе («Опытъ о серьезной драмѣ»), узаконявшее подобныя мѣщанскія пьесы,—все дѣйствовало на измѣненіе вкуса подчасъ сильнѣе, чѣмъ драмы Дидро. Взявъ для «Евгеніи» изъ «Хромого бѣса» вводный разсказъ и, по мнѣнію Лэнтильяка, внеся въ сюжетъ живыя черты изъ своихъ мадридскихъ впечатлѣній, Бомарше свободно переработалъ его и превратилъ въ картину изъ современной парижской жизни, настолько правдивую, что цензура потребовала значительныхъ измѣненій. Герой пьесы, молодой аристократъ, племянникъ министра, обманулъ бѣдную дѣвушку пародіей на брачную церемонію, бросилъ потомъ свою жертву, но раскаялся, тронутый ея благородствомъ и нравственною высотой. Какъ можно было допустить подобный сюжетъ! И французскій баричъ превратился въ графа Кларендона, а дѣйствіе было перенесено въ Лондонъ. Это еще болѣе сблизило фабулу съ чувствительнымъ изображеніемъ такихъ столкновеній невинности и самоуправства въ Ричардсоновскихъ романахъ, начинавшихъ услаждать европейскую публику.

Не замѣчая декламаціи и общихъ мѣстъ, непривычная и невзыскательная, она долго считала эту пьесу образцовою. Ее переводили и играли вездѣ. Въ кружкѣ Гаррика, передѣланная подъ названіемъ «The school of rakes» (Школа развратниковъ)[1]), она совсѣмъ подошла къ оригиналамъ, съ которыхъ рисовалъ Ричардсонъ. Въ Германіи ее пять разъ перевели въ 18-мъ столѣтіи, и даже въ началѣ XIX вѣка, вновь переработанная Вульпіусомъ, она все еще нравилась и встрѣтила сочувствіе Гете. Для русской же сцены она сослужила важную службу. Спустя тринадцать лѣтъ послѣ офиціальнаго учрежденія правильнаго театра, явилась она (18-го мая 1770), чтобъ нанести рѣшительный ударъ недолгому торжеству Сумароковскаго классицизма. Разгнѣванный диктаторъ приписывалъ починъ мятежа не переводчикамъ Лессинговыхъ произведеній, а Николаю Пушникову, «состоявшему въ военномъ штатѣ Кирилла Григ. Разумовскаго», осмѣлившемуся не только перевести «Евгенію» и съ успѣхомъ поставить ее въ Москвѣ, но въ предисловіи расхвалить драму и автора[2]).

---

[1]) Передѣлка сдѣлана была м-ссъ Грифитсъ. См. Bibliographie des oeuvres de Beaumarchais, p. Henri Cordier, 1883, p. 5.

[2]) „Евгенія“, ком. въ 5 д., сочиненіе г. Бомарше. Пер. Н. Пушникова, 1770; второе изданіе Новикова, 1788, въ Типографич. компаніи. Въ предисловіи, называю-

Какъ ни старался, однако, подкупить общественное мнѣніе авторъ «Хорева», прося разсудить, кто правъ, онъ или какой-то безвѣстный подьячій, оно рѣшительно склонилось на сторону догадливаго подьячаго, который съ гордостью могъ заявлять въ своемъ предисловіи, что пьеса была дана четыре раза сряду. На русскую среду, уже чуткую къ вопросамъ о значеніи сословности и гнетѣ предразсудковъ, но пробавлявшуюся безобиднымъ философствованіемъ Сумароковскихъ монологовъ, освѣжающимъ образомъ подѣйствовала обличительная картина, подходившая къ образу жизни доморощенныхъ Кларендоновъ. Въ сближеніи русской драмы съ дѣйствительностью всегда будетъ цѣниться починъ, сдѣланный переводомъ слабаго и теперь забытаго первенца Бомарше.

Но полоса чувствительности скоро прошла у нашего автора, чтобы промелькнуть еще мимолетнѣе на склонѣ его жизни, въ «Тарарѣ». Неудача второй «серьезной драмы» напомнила ему, что это не его удѣлъ, и заставила вернуться къ отложенному на время плану «Севильскаго Цирюльника» [1]). Тутъ открывался просторъ для юмора и капризовъ фантазіи; снова въ пестрыхъ арабескахъ оживали нѣжные профили, плутовскіе глазки, закутанныя плащемъ фигуры, пляски, серенады,—все, что такъ поразило его воображеніе даже среди мадридскихъ тревогъ. И отъ дрязгъ финансовой дѣятельности, къ которой онъ вернулся, годъ отъ году богатѣя, онъ умѣлъ переноситься въ дни молодости и старался возсоздать свѣтлое, невозвратное ея настроеніе въ своей оперѣ, гдѣ и музыка принадлежала ему. За сложнымъ сюжетомъ онъ не гнался; содержаніе составилось по частямъ, и Бомарше бралъ ихъ отовсюду: изъ итальянской интермедіи, изъ оперетки Панара «Le comte de Belflor», изъ комедіи Седэна,—какъ доказываютъ теперь, даже изъ «Жиль-Блаза». Списокъ источниковъ, безъ того уже длинный, легко было бы еще обогатить, выставивъ, напримѣръ, Бомарше подражателемъ Мольеру («Шко-

---

щемъ успѣхъ пьесы столь великимъ, что рукоплесканія почти не умолкали, переводчикъ искренно радуется ему и скромно приписываетъ удачу не себѣ, а сочинителю и актерамъ. „Первый, по моему мнѣнію, ничего не проронилъ, что дѣлаетъ драму совершенной, а послѣдніе, руководствуемые славнымъ нашимъ актеромъ, г. Дмитревскимъ, въ то время въ Москвѣ бывшимъ, изображая естественно то, что требовалъ сочинитель, сами себя превзошли" (исполняли пьесу дѣйствительно лучшія силы: Дмитревскій—Кларендонъ, Померанцевъ—Гартлей, Ожогинъ—Робертъ). „Примѣръ сей показываетъ ясно,—разсуждаетъ переводчикъ,—что вкусъ къ зрѣлищамь, вкусъ столь похвальный и полезный, часъ отъ часу больше у насъ умножается. Дай Боже, чтобы оный совершенно утвердился къ чести и пользѣ общества, къ поправленію нашихъ сердецъ и нравовъ".

[1]) Лэнтильякъ доказываетъ, что первообразомъ „Цирюльника" было что-то въ родѣ арлекинады, которою Бомарше однажды угостилъ кружокъ свѣтскихъ людей, собиравшихся у покровительствовавшаго ему Ленормана д'Этіоля.

ла женъ»). Агнеса съ такимъ же искусствомъ обманываетъ своего опекуна, какъ Розина—доктора Бартоло, а ея вздыхатель, подобно Альмавивѣ, вполнѣ годится въ Линдоры. Но всѣ эти пьесы (и десятки другихъ, однородныхъ съ ними) основаны на одной изъ вѣковѣчныхъ, общечеловѣческихъ темъ, къ которымъ охотно возвращались поэты всѣхъ странъ,—на торжествѣ молодости и страсти надъ старческимъ деспотизмомъ и подозрительностью. Около этой несложной завязки вращалась интрига «Севильскаго Цирюльника» въ его первой редакціи, чуждой политическихъ и общественныхъ вопросовъ минуты и свободной отъ намековъ на личныя горести автора. Въ ту пору опера Бомарше была родоначальницей веселыхъ созданій Паэзіелло [1]) и Россини, которые также остановились на внѣшней сторонѣ сюжета. Смѣшная претензія моднаго тогда пѣвца, не захотѣвшаго играть Фигаро, потому что это напоминало бы публикѣ страницу изъ его собственной біографіи, начавшейся дѣйствительно въ цирюльнѣ, разстроила постановку пьесы на оперной сценѣ. Бомарше не безъ сожалѣнія отказался отъ примѣси музыкальнаго элемента, по его мнѣнію, необыкновенно благодарной, и принужденъ былъ придать произведенію форму комедіи, ту форму, въ которой ей суждено было достигнуть славы.

II.

Въ то время, какъ онъ былъ занятъ этимъ трудомъ, не вымышленная, а настоящая трагикомедія съ сильными эффектами, которыхъ не придумать и досужему воображенію, втѣснилась въ его жизнь и прервала всякое творчество. Счастье снова отвернулось отъ него. Его неизмѣнный покровитель Дювернэ умеръ, въ послѣдній разъ позаботившись о его нуждахъ: онъ оставилъ ему заимообразно на расширеніе дѣлъ 75.000 франковъ, кромѣ того, поручилъ своему наслѣднику выплатить Бомарше 23.000, не доданныя по прежнимъ операціямъ, и передать ему на память большой портретъ Дювернэ. Незначительность завѣщанной суммы въ сравненіи съ громадностью оставшихся капиталовъ, казалось, [не могла бы стать поводомъ къ оспариванію завѣщанія. Племянникъ Дю-

---

1) Объ оперѣ Паэзіелло, которая держалась на итальянскихъ сценахъ до появленія пьесы Россини, теперь совсѣмъ забыли; ни Беттельгеймъ, ни „Библіографія литературы о Бомарше", Кордье, перечисляя разныя передѣлки его комедій, о ней не упоминаютъ. Любопытно, что эта первая опера на либретто „Сев. Цирюльника" была написана Паэзіелло въ Петербургѣ во время житья его при дворѣ Екатерины. History of the opera from Monteverde to Donizetti, by Sutherland Edwards. 1862, II, p. 87.

вернэ, графъ Лаблашъ, сразу дѣлался однимъ изъ первыхъ богачей, а всѣмъ извѣстная близость старика къ Бомарше достаточно оправдывала посмертную ласку. Но эта близость постоянно разобщала двухъ соперниковъ, до того, что они не могли болѣе выносить другъ друга, —а теперь пришлось бы не только выплатить деньги, но постоянно вѣдаться съ Бомарше, котораго Дювернэ призналъ своимъ пайщикомъ по своду шинонскаго лѣса. Это было выше силъ Лаблаша, и онъ отвѣчалъ встрѣчнымъ искомъ въ 50.000 франковъ и обвиненіемъ въ подлогѣ документа, въ виду того, что воля изложена завѣщателемъ не собственноручно, а почеркомъ Бомарше, и только скрѣплена Дювернэ. Внезапно начавшійся процессъ зловѣще наступалъ на человѣка, беззаботно подбиравшаго испанскіе мотивы для комедіи de cape et d'épée; онъ зналъ характеръ противника, и ему передали похвальбу Лаблаша, что онъ скорѣе затратитъ сотни тысячъ, чѣмъ выплатитъ хоть грошъ негодяю. Бомарше пытался сначала достигнуть соглашенія, но противникъ презрительно отвергнулъ эту попытку [1]); тогда, бросивъ всѣ дѣла, Бомарше лично повелъ свою защиту, писалъ прошенія за прошеніями, попробовалъ заручиться рекомендаціей принцессъ. Вдругъ на него, еще не одолѣвшаго одной бѣды, обрушилась новая. Все затуманилось, смѣшалось передъ его глазами. Казалось, любовная стычка, разгорѣвшаяся даже въ бурное столкновеніе, не могла бы пріобрѣсти никакой важности. Счастливый соперникъ давно ему знакомаго герцога де-Шона въ любви ничтожной оперной пѣвицы, онъ неосторожно взялъ ея сторону, когда ревнивецъ сталъ преслѣдовать ее, не скупясь на брань и побои. Но де-Шона было еще опаснѣе раздражать, чѣмъ Лаблаша; доходившій до бѣшенства, невмѣняемый и въ то же время безнаказанный по своимъ связямъ, онъ пугалъ всѣхъ безумными выходками. Бомарше едва не сдѣлался его жертвой.

Не легко разобраться въ показаніхъ обѣихъ сторонъ и немногихъ свидѣтелей, а Бомарше былъ мастерскимъ адвокатомъ своей чести и благородства. Но фактъ звѣрскаго самоуправства ясенъ. Де-Шонъ врывается къ вѣроломной красавицѣ, заставъ ее еще въ постели, дѣлаетъ ей страшную сцену и выбѣгаетъ искать Бомарше, чтобъ его убить. Предупрежденный на улицѣ другомъ, поэтъ отказывается скрыться; служба зоветъ его, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже возсѣдаетъ на президентскомъ креслѣ и допрашиваетъ тяжущихся. Тѣмъ временемъ герцогъ побывалъ на квартирѣ врага и, узнавъ, гдѣ онъ, влетѣлъ въ камеру суда, требуя, чтобы Бомарше немедленно шелъ съ нимъ. Тотъ продолжаетъ засѣданіе цѣлыхъ два часа, не сдаваясь на угрозы;

---

1) Gudin, Histoire de Beaumarchais, p. 65.

де-Шонъ принужденъ ждать, но постоянно прерываетъ засѣданіе. Какъ только оно кончилось, онъ сажаетъ Бомарше въ свою коляску и везетъ драться; оружія нѣтъ,—они заѣзжаютъ къ знакомому герцога за саблями; ихъ просятъ обождать, но имъ не терпится, и они ѣдутъ сводить счеты въ домъ Бомарше. Тутъ хозяинъ пытается успокоить врага, не безъ комизма предлагаетъ сначала пообѣдать съ нимъ, а потомъ взяться за оружіе. Но отъ промедленія бѣшенство Шона достигло крайняго предѣла; кровь прилила къ головѣ, и онъ, не владѣя собой, кидается на Бомарше, царапаетъ ему лицо, разрываетъ платье, толкаетъ и увѣчитъ его отца и слугъ, не унимается даже и тогда, когда шумъ привлекъ толпу передъ домомъ, а на мѣсто побоища явилась полиція, которая застала Шона яростно размахивающимъ шпагой и Бомарше отбивающимся каминными щипцами.

Самоуправство было слишкомъ явно; головорѣзъ, который съ гордостью повторялъ, что онъ герцогъ и пэръ, что никто его тронуть не посмѣетъ, былъ кругомъ виноватъ. Но старый порядокъ еще процвѣталъ, и въ тюрьмѣ оказался не только Шонъ, но и Бомарше, вѣроятно, чтобы не подать дурного примѣра. Судъ маршаловъ, вѣдавшій тогда дѣла чести между дворянами, освободилъ было его, но министръ, раздосадованный этимъ, безъ труда выхлопоталъ у короля lettre de cachet и бросилъ Бомарше въ For l'Evêque поразмыслить о своемъ ничтожествѣ. Это былъ первый тяжкій урокъ, который жизнь давала человѣку, слишкомъ привыкшему забывать общія невзгоды для борьбы изъ-за личныхъ выгодъ. Рѣзче чѣмъ когда-либо, ему напомнили о его плебейскомъ происхожденіи, и Шонъ на допросѣ съ пренебреженіемъ чистокровнаго барича оправдывался тѣмъ, что иначе съ плебеемъ нельзя было бы сосчитаться, что дуэль съ нимъ немыслима, что противникъ, про котораго идутъ слухи объ отравленіи женъ и поддѣлкѣ бумагъ, иного не заслуживаетъ. Но чего не сдѣлалъ одинъ знатный врагъ, то сумѣлъ довершить еще болѣе вліятельный Лаблашъ; по его проискамъ, Бомарше задержали въ тюрьмѣ дольше назначеннаго срока, чтобы тѣмъ временемъ можно было направить процессъ во вредъ ему. Онъ вымолилъ себѣ право выходить изъ тюрьмы съ провожатымъ, навѣщать судей, просить, напоминать; онъ не въ состояніи отказаться отъ выпрашиванія справедливости и надѣяться лишь на свою правоту. Его не возмущаетъ мысль, что съ такими просьбами ему придется обратиться къ членамъ ненавистнаго всѣмъ „подставного“ парламента, собраннаго канцлеромъ Мопу изъ всякаго сброда взамѣнъ законнаго, но слишкомъ независимаго, парламента, высланнаго поголовно въ изгнаніе. Онъ обходитъ вліятельныхъ креатуръ Мопу и, наконецъ, узнаетъ, что его дѣло передано для доклада совѣтнику Гэтцманну, на котораго молва

указывала, какъ на замѣчательнаго законовѣда и самаго способнаго изъ парламентскихъ членовъ.

Дѣйствительно Гэтцманнъ былъ далеко не заурядным подьячимъ [1]; усидчивый и аккуратный эльзасецъ не мало поработалъ для юридической литературы, и обстоятельно велъ дѣла, выпадавшія ему на долю. Былъ ли онъ закоснѣлымъ и безстыднымъ взяточникомъ, мы не знаемъ; враждебность къ Бомарше могла быть вызвана и желаніемъ угодить его сильному врагу, и недовѣріемъ къ человѣку, о которомъ молва говорила, какъ объ извергѣ. Но за него, и, повидимому, скрывая многое, брала взятки его жена, пустая и вѣтреная, мечтавшая скорѣе обогатиться и безцеремонно хваставшая передъ знакомыми умѣньемъ «общипывать курицу». До нея можно было доходить окольнымъ путемъ черезъ одного книгопродавца, который принималъ и передавалъ деньги. Бомарше домогался свиданій съ Гэтцманномъ, но неумолимый привратникъ давалъ ему шесть разъ въ теченіи двухъ дней одинъ отвѣтъ: «Гэтцманна нѣтъ дома и неизвѣстно, когда онъ вернется». Пришлось купить аудіенцію; собрано сто луидоровъ, книгопродавецъ-передатчикъ Lejay пущенъ въ ходъ и въ два пріема снесъ деньги; свиданіе состоялось, полное усовѣщиваній съ одной стороны, хитрыхъ увертокъ съ другой. Но вторую аудіенцію нужно было опять покупать; Бомарше посылаетъ часы, осыпанные брильянтами; ихъ берутъ, но требуютъ еще 15 луидоровъ «для секретаря», обѣщая все вернуть, если свиданіе почему-нибудь не состоится. Все выплачено, но проситель опять видитъ лишь суроваго привратника съ тѣмъ же безнадежнымъ отвѣтомъ. Онъ догадывается, что противная сторона не въ примѣръ больше сорила деньгами, ждетъ худшаго, и на другой же день узнаетъ, что судъ, не признавъ подлога, отвергъ его прошеніе, приговоривъ уплатить Лаблашу 56.000 франковъ и покрыть значительныя судебныя издержки; вмѣстѣ съ тѣмъ съ него потребовали крупную сумму за содержаніе въ тюрьмѣ, гдѣ, по его словамъ, «онъ былъ снабженъ всѣмъ, кромѣ самаго необходимаго». Наличныхъ денегъ не нашлось; описали все имущество, наброшена тѣнь на честность, опозорено доброе имя. На баловня судьбы обрушивались всѣ бѣды.

На кого ему опереться? На короля? Но не онъ ли только что бросилъ его, безвиннаго, въ тюрьму? Принцессы давно отвернулись отъ человѣка, который слишкомъ много заставлялъ о себѣ говорить и могъ вредить имъ своею близостью. Знать была противъ него; періодической печати почти не было; судебная гласность была немыслима. Тутъ въ Бомарше сверкнуло отчаянное, героическое рѣшеніе; онъ сдѣлалъ сво-

---

1) Paul Huot, „Goetzmann et sa famille“, въ Revue d'Alsace, 1868.

имъ судьей общественное мнѣніе, давно уже глухо волновавшееся, нуждаясь въ поводѣ, чтобы свести счеты со старымъ порядкомъ. Подобно Вольтеру въ дѣлахъ Каласа и Сирвена, Бомарше далъ этотъ поводъ, и знаменитые вскорѣ «Мемуары» его противъ Гэтцманна и его сообщниковъ превратились изъ защитительнаго документа по частному процессу во всенародное дѣло.

Не даромъ остряки впослѣдствіи находили, играя словами, что если Louis Quinze устроилъ парламентъ, то quinze louis уничтожили его. Вокругъ злополучныхъ пятнадцати луидоровъ, будто бы назначенныхъ секретарю, прежде всего сосредоточился споръ. Получивъ обратно всю сумму взятокъ, кромѣ секретарской подачки, и узнавъ, что писецъ Гэтцманна никогда не получалъ этихъ денегъ, Бомарше догадался, что жена совѣтника пожелала удержать хоть часть суммы, побывавшей въ ея рукахъ, и ея алчность взбѣсила его. Онъ сталъ осаждать ее письмами, давалъ ей проговариваться, вовлекалъ въ промахи, видѣлъ, какъ она запутываетъ стороннихъ лицъ, и въ обществѣ открыто говорилъ о продажности четы Гэтцманновъ и всей парламентской шайки. Дѣло получало непріятную огласку. Корпорація сочла нужнымъ, для оддержанія своей сомнительной чести, потребовать слѣдствія; Бомарше накликалъ на себя опасный процессъ. Противъ него былъ весь судъ; Гэтцманнъ готовъ былъ обрушить на него всю свою юридическую мудрость. Неожиданно къ нему примкнули въ качествѣ добровольцевъ два усердныхъ свидѣтеля, искусныхъ въ ябедѣ: бездарный стихотворецъ Бакюларъ д'Арно, и бранчивый журналистъ, онъ же цензоръ, Марэнъ, случайный корреспондентъ Вольтера, который пользовался его услугами, чтобы доставлять свои произведенія во Францію, но крѣпко не жаловалъ его. Оба эти сателлита оказались въ близкихъ отношеніяхъ или съ Гэтцманнами, или съ Ле-Жэ; оба безстыдно давали ложныя показанія, чернили Бомарше и пѣли гимны поруганной добродѣтели. Плотная коалиція стѣной пошла противъ автора «Фигаро»; онъ долженъ былъ являться въ судъ, выслушивать длинныя и завѣдомо фальшивыя показанія, быть вѣчно наготовѣ и отводить удары, извлекая, на диво всѣмъ, изъ мелкаго дѣла о взяткахъ новые и мѣткіе аргументы для обличенія враговъ. Но натискъ усиливался, Бомарше совсѣмъ затравили; не сегодня, завтра, его назовутъ не только поддѣлывателемъ документовъ, но и злостнымъ клеветникомъ.

Были минуты, когда онъ готовъ былъ предаться отчаянію, но онъ переломилъ себя; вѣрный своей привычкѣ, онъ подавилъ подступавшія слезы, и разразился громкимъ смѣхомъ. Эффектъ вышелъ поразительный. Вмѣсто трагическихъ, раздирательныхъ сценъ, которыхъ можно было ожидать отъ разореннаго и опозореннаго человѣка, началась

безпримѣрная судебная комедія. Мемуары по дѣлу Гэтцманна [1]) входятъ столько же въ кругъ юридической литературы, сколько въ область художественной сатиры.

Бомарше случайно посвятилъ насъ въ тайны своего плана; опытъ показалъ ему, что во Франціи ничто такъ не помогаетъ успѣху и не завладѣваетъ вниманіемъ, какъ умѣнье избѣгать монотонности и постоянно разнообразить темы, складъ рѣчи и эффекты, подкупая новизной и неожиданностью, то растрогивая, то смѣясь, то касаясь общихъ вопросовъ и выдвигая научный арсеналъ, то выводя на сцену живыхъ людей въ бойкомъ діалогѣ. Безпримѣрный успѣхъ мемуаровъ подтвердилъ догадку. Бомарше умѣлъ неуловимо печатать и распространять ихъ, не справляясь ни съ какими правилами, не представляя рукописи никому на одобреніе. Онъ наводнялъ мемуарами Парижъ, раздавалъ ихъ черезъ агентовъ въ судѣ, на площадяхъ, на оперныхъ маскарадахъ, гдѣ расходилось въ вечеръ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, и достигъ того, что они очутились въ рукахъ всѣхъ и каждаго, отъ вельможъ до уличнаго гуляки. Парижская толпа живо откликнулась на призывъ; авторъ листковъ сразу сталъ необыкновенно популярнымъ. Ихъ читали вездѣ; въ кафе собирались для этого массы народа; всѣ хохотали, передавая другъ другу только что подхваченныя остроты [2]). Смѣялись даже судьи, когда Бомарше импровизировалъ какую-нибудь сцену (будущую страницу мемуара) и тѣшился промахами и нескладными отвѣтами противниковъ. Дворъ не отставалъ; потѣшныя рѣчи жены Гэтцманна и колкости Бомарше показались такими забавными, что изъ первыхъ двухъ мемуаровъ была скроена непритязательная, но, говорятъ, удачная комедія, которую разыграли своими силами на придворной сценѣ, а провансальская поговорка «ques à co?» (что это?), которою Бомарше преслѣдовалъ Марэна, показалась такою остроумною, что Марія-Антуанетта назвала такъ придуманную ею куафюру. Бомарше не могъ не видѣть странности этого сочувствія; вліятельнѣйшіе люди въ странѣ предпочитали останавливаться на потѣшной сторонѣ явленія и не хотѣли сознать обязанности преобразовать судъ, гнѣздо всякихъ

---

[1]) Этихъ мемуаровъ, выходившихъ небольшими брошюрами, подъ названіемъ: „Mémoire à consulter pour P. A. Caron de Beaumarchais etc.“, набралось четыре (по Ломени — пять, считая приложенія). Потомъ они были собраны въ одну книгу, постоянно перепечатывавшуюся и во Франціи, и въ Голландіи. Противная сторона отвѣчала такими же брошюрами, такъ что составилась литература въ нѣсколько десятковъ книгъ.

[2]) Бомарше такъ славился остроуміемъ, что даже въ 19-мъ столѣтіи былъ составленъ сборникъ анекдотовъ и остротъ: „Beaumarchaisiana ou recueil d'anecdotes, bons mots, sarcasmes etc. de Caron de Beaumarchais“, par Cousin d'Avallon, 1832.

золъ. «Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь!»—могъ бы имъ сказать авторъ мемуаровъ, но онъ доволенъ былъ тѣмъ, что за него былъ всеобщій смѣхъ, что съ каждымъ успѣхомъ обличителя все ниже падали шансы противной стороны; она была виновна уже тѣмъ, что давала себя осмѣять и постоянно оставалась въ долгу.

Противниковъ было много, но это придавало прелесть борьбѣ. Бомарше на столбцахъ мемуаровъ, точно на фехтовальномъ плацу, завязывалъ съ каждымъ отдѣльный поединокъ. «Теперь ваша очередь, г. Марэнъ», говоритъ онъ, и направляетъ стрѣлы остроумія и гнѣва на него. «A vous, monsieur Dairolles»—и той же пыткѣ подвергается новый лжесвидѣтель. Эта безстрашность приводила въ восторгъ Вольтера: «я никогда не видалъ ничего сильнѣе, смѣлѣе, комичнѣе, интереснѣе, сокрушительнѣе для противника,—писалъ онъ,—чѣмъ мемуары Бомарше. Онъ бьется заразъ съ 10 и 12 врагами и повергаетъ ихъ на землю съ такою же легкостью, какъ въ фарсѣ арлекинъ-дикарь колотитъ отрядъ полицейскихъ» [1]). Четѣ Гэтцманновъ, разумѣется, отводится самое почетное мѣсто, и она почти не сходитъ со сцены,—особенно главная виновница несчастія Бомарше. Съ какимъ злорадствомъ играетъ онъ съ своею жертвой! То принимается говорить ей любезности о ея красотѣ и неувядающей молодости, и вѣтреная женщина, при невольномъ хохотѣ судей, даетъ взять себя подъ ручку и находитъ, что Бомарше вовсе не такой звѣрь, какимъ его изображаютъ. То ловитъ онъ ее, среди непринужденной болтовни, на опасномъ промахѣ; она отрицаетъ, что когда-либо получила 15 червонцевъ,—«мыслимо ли, чтобы женщинѣ въ ея положеніи предложили такую мелочь, когда наканунѣ она отказалась отъ ста луидоровъ?—Наканунѣ чего?—вставляетъ наивный вопросъ Бомарше. О какомъ днѣ говорите вы?—Боже мой, о томъ днѣ, когда...»,—она умолкаетъ, досадливо кусая губы и обмахиваясь вѣеромъ. То загонитъ онъ противницу въ такую непроходимую чащу, что съ отчаянія она прибѣгаетъ къ нелѣпымъ отговоркамъ, объясняетъ противорѣчія въ показаніяхъ тѣмъ, что бываютъ такіе періоды, «un temps critique», когда она невмѣняема и не помнитъ, что говоритъ и дѣлаетъ. Какъ живо представляется при этихъ словахъ сіяющее лицо Бомарше, который сумѣетъ извлечь выгоду изъ пикантнаго признанія, а потомъ съ обычнымъ мастерствомъ передастъ всю эту картинку въ слѣдующемъ мемуарѣ!

Иногда нужны ему и серьезныя, даже спеціально-научныя средства борьбы. И въ этомъ не будетъ недостатка. По поводу плутней Гэтцманна онъ излагаетъ исторію знаменитѣйшихъ продажныхъ судей древности и

---

1) Письмо къ маркизу Флоріану, 1774 (Corresp. génér.).

новаго времени. Нужны ссылки на законы,—друзья-юристы снабдили его ими въ изобиліи. Противная партія затѣяла было воспользоваться неизвѣстной еще во Франціи исторіей съ Клавихо,—Бомарше вводитъ и ее въ свой отвѣтъ и мастерски освѣщаетъ. Если же хотятъ набросить на него тѣнь, повторяя басню объ отравленіи, онъ умѣетъ гдѣ-то выудить неблаговидную продѣлку Гэтцманна, который, чтебы прикрыть рожденіе незаконнаго сына, поддѣлалъ свидѣтельство о крещеніи. A la guerre, comme à la guerre, думается ему. Но общаго значенія процесса онъ все время не теряетъ изъ виду, и когда нужно указать, какія мѣры могли бы прекратить искаженіе правосудія, онъ высказывается за введеніе суда присяжныхъ по англійскому образцу. Мастерскіе сатирическіе портреты получаютъ соціальный фонъ; люди, съ которыми онъ борется, уже не личные только его враги, но враги народные; за Марэномъ виднѣется вся клика ложныхъ патріотовъ, готовыхъ обозвать измѣнникомъ отечества всякаго, кто имъ лично непріятенъ, возглашающихъ, что кромѣ ихъ настоящихъ французовъ нѣтъ; за Гэтцманномъ выступаетъ не только шайка клевретовъ Мопу, но и весь строй допотопной магистратуры, а въ Лаблашѣ, то и дѣло вмѣшивавшемся, олицетворялось барство. Горячность Бомарше не могла не увлекать читателя; то, что онъ говорилъ, было у всѣхъ на умѣ, но кромѣ него никто не рѣшался высказать это. Съ появленія мемуаровъ до тріумфа «Свадьбы Фигаро» Бомарше не разставался болѣе съ ролью глашатая общественнаго мнѣнія, на которой основанъ его писательскій успѣхъ. Для тѣхъ, кто видитъ въ замѣчательныхъ людяхъ выразителей народной думы, это одинъ изъ убѣдительныхъ примѣровъ.

Но не только въ общественномъ отношеніи прозрѣлъ и возмужалъ Бомарше во время своихъ несчастій. Его литературное дарованіе только теперь проявилось въ полной силѣ. Передъ нами уже образцовый комикъ; стоитъ вынуть отдѣльные эпизоды,—и сцена изъ остроумнѣйшей комедіи готова. Въ минуту сатирическаго воодушевленія онъ увлекаетъ смѣлостью тона, которую ставитъ подъ покровъ извѣстнаго стиха Буало: «Вы видите, что я говорю все на чистоту,—заявляетъ онъ Марэну,—что въ моемъ слогѣ нѣтъ ни умолчаній, ни словечекъ, ни дутыхъ фразъ, ни смѣшныхъ церемоній, ни пошлой экономности; какъ Буало,

Je ne puis rien nommer, si ce n'est par son nom;
J'appelle un chat un chat...

а Марэна я называю торговцемъ мемуарами, литературой, цензурой, новостями, шпіонствомъ, ростомъ, интригами, etc., etc.,—цѣлыхъ четыре страницы etc.» Но спорить съ такимъ противникомъ становится для Бомарше невыносимымъ. «Первое несчастіе для человѣка,—объясняетъ

онъ ему подъ конецъ,—конечно, то, когда краснѣешь за себя, но второе наступаетъ, когда за тебя краснѣютъ другіе. Впрочемъ, я не знаю, зачѣмъ я говорю вамъ всѣ эти вещи, которыхъ вы не можете даже понять. Я удаляюсь; вѣдь я еще могу что-нибудь утратить. А вы... вы можете смѣло идти всюду». Для заурядныхъ противниковъ у него другой тонъ—насмѣшливый и небрежный. Свидѣтель Бертранъ Д'Эролль ссылался на безпамятство каждый разъ, когда могъ показать въ пользу Бомарше. «Какая прекрасная тема для конкурса хирургической академіи на 1774 годъ! Золотую медаль тому, кто объяснитъ, какимъ образомъ мозгъ бѣднаго Бертрана могъ внезапно расколоться на-двое и вызвать въ его головѣ память, столь счастливую для однихъ фактовъ, столь несчастную для другихъ,—какъ кузенъ Бертранъ сталъ вдругъ паралитикомъ одною стороной ума, и притомъ необыкновенно курьезнымъ способомъ,—часть памяти, обвиняющая Марэна, парализована безвозвратно, тогда какъ часть оправдывающая здрава, невредима и сіяетъ такимъ хрустальнымъ блескомъ, что мельчайшія подробности отражаются въ ней, какъ въ зеркалѣ». Когда же постоянная трата энергіи доводила его до изнеможенія и онъ съ печальной ироніей говорилъ друзьямъ: „Ну, что жъ! еще нѣсколько новыхъ враговъ, еще нѣсколько мемуаровъ, и репутація моя станетъ бѣла, какъ снѣгъ!"—съ устъ его возносилась, въ отвѣтъ на «мемуары, газетныя статьи, циркуляры, ругательства и тысяча одну диффамацію", „молитва къ Благому Существу», одинъ изъ классическихъ образцовъ французской прозы. Ему пригрезилось, что Богъ возвѣщаетъ ему, что ему суждено испытать немало несчастій, дабы не возгордиться благополучіемъ; «его будутъ раздирать на части тысячи враговъ, его лишатъ свободы, имущества, обвинятъ въ грабежѣ и подлогѣ, въ клеветѣ и подкупѣ, опозорятъ всю его жизнь изъ-за сплетенъ» и т. д. Онъ склоняется передъ высшей волей, вѣритъ, что она не дастъ ему погибнуть, поможетъ все перенести, и проситъ только, чтобы грозящія ему несчастія приняли именно ту форму, о которой онъ самъ иной разъ думалъ. Пусть противникомъ его будетъ скупой наслѣдникъ богатаго имѣнія, способный оспаривать даръ, который внушенъ былъ дружбой и честностью, и пусть люди негодуютъ, видя, какъ этотъ человѣкъ ослѣпленный ненавистью, начинаетъ позорный процессъ. Такъ постепенно въ мольбахъ Бомарше обрисовываетъ настоящее положеніе дѣла, прося себѣ и безчестнаго трибунала, и лицемѣрнаго судью и т. д. Когда же главныя просьбы будутъ услышаны, онъ смиренно умолитъ божество, если уже необходимо, чтобы вмѣшались стороннія лица, послать неуклюжаго и злого посредника, умышленно все портящаго. «Пусть онъ будетъ измѣнникомъ друзьямъ, неблагодарнымъ къ своимъ благодѣтелямъ, ненавистнымъ для

авторовъ по своей цензурѣ, скучнымъ для читателей по своимъ писаніямъ, страшнымъ для должниковъ, разорителемъ бѣдныхъ книгопродавцевъ изъ-за своего обогащенія, продавцомъ запрещенныхъ книгъ, соглядатаемъ за людьми, допускающими его въ свое общество,—чтобы въ глазахъ людей достаточно было быть имъ очерненнымъ, и это убѣждало бы въ честности человѣка,—стоило быть подъ его защитой, чтобы всѣ тебя подозрѣвали. Боже, дай мнѣ Марэна!»

Врядъ ли серьезно убѣжденъ былъ Бомарше, что послѣ стольких усилій онъ восторжествуетъ; правда, его мольбы были услышаны, и судьба послала ему враговъ, дававшихъ нерѣдко противъ себя оружіе, но они были слишкомъ сильны, а его обращеніе къ общественному мнѣнію устрашало и тревожило ихъ, вмѣсто того, чтобъ образумить. Толпа теперь знала и любила Бомарше; когда президентъ суда осмѣлился приказать выгнать его изъ палаты, какъ дерзкаго нарушителя спокойствія, и когда онъ заявилъ, что не сойдетъ съ мѣста и призываетъ націю въ свидѣтели, его окружила масса сторонниковъ. На спектаклѣ, гдѣ давали «Евгенію», появленіе автора вызвало овацію; всѣмъ намекамъ пьесы, подходившимъ къ случаю, рукоплескали. Эта популярность становилась опасною, и Бомарше дорого пришлось за нее заплатить. Первый урокъ еще можно было стерпѣть: передѣланнаго въ комедію «Севильскаго Цирюльника», уже назначеннаго къ представленію, запретили изъ-за соображеній благочинія, несмотря на то, что во второй редакціи пьеса все еще была довольно невинна и чужда злобѣ дня. Но худшее испытаніе было впереди.

Насталъ день приговора, и безстрашнымъ Бомарше овладѣло раздумье, когда раннимъ утромъ онъ одиноко и медленно подходилъ къ зданію суда: что ожидало его сегодня, какое изъ безчисленныхъ наказаній, переполнявшихъ старый кодексъ, примѣнятъ къ нему? Шевельнулась даже мысль о смерти,—и не напрасно промелькнула она; о смерти все-таки вспомнили судьи, и въ числѣ двадцати двухъ отвѣчали на вопросъ о карѣ: «все, кромѣ смертной казни»... Болѣе милостивое воззрѣніе взяло однако верхъ, и рѣшено было во имя высшей справедливости подвергнуть обѣ стороны, и г-жу Гэтцманнъ, и Бомарше, публичному порицанію (blâme), самая формула котораго, рѣзкая и безпощадная (la cour te blâme et te déclare infâme), заключала уже въ себѣ улику въ безчестности и лишеніе правъ; приговоръ Бомарше долженъ былъ бы выслушать на колѣнахъ. Но онъ не былъ объявленъ! Свистки заглушили чтеніе этой части приговора; у судей не хватило настойчивости; боялись ли они, что обвиненный дѣйствительно исполнитъ угрозу, которую находимъ въ письмѣ къ принцу Конти, и либо ранитъ палача, либо лишитъ себя жизни, или же волненіе толпы, усилившее-

ся послѣ окончанія процесса, до того устрашило ихъ, что многіе, подвергшись оскорбленіямъ на улицѣ, показывались теперь лишь въ сопровожденіи стражи (Морепа шутя посовѣтовалъ имъ ходить въ палату въ домино) и изъ суда скрылись потайнымъ ходомъ,—только Бомарше былъ избавленъ отъ позора, хотя надолго положеніе его осталось нелегальнымъ, двусмысленнымъ, и каждую минуту онъ могъ опасаться ареста. Ему нашли убѣжище; каждый разъ, когда онъ отваживался покинуть его, народъ шумно чествовалъ героя; но все же изгнаніе было лучше вѣчной неувѣренности; будущность была испорчена, всякая дѣятельность стала немыслима.

Развязка процесса съ Гэтцманномъ осталась однако важнымъ общественнымъ фактомъ. Парламентъ Мопу одержалъ послѣднюю свою побѣду; во время дѣла слишкомъ ярко раскрылись порочность и ничтожество его членовъ; Гэтцманнъ былъ объявленъ hors de cour по недостатку уликъ, но не удержался на своемъ мѣстѣ и затерялся въ массѣ до своей трагической смерти [1]); вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, повинуясь общественному мнѣнію, Людовикъ XVI принужденъ былъ распустить парламентъ и призвать членовъ прежняго изъ ссылки. Личное дѣло сатирика сослужило всенародную службу,—какого удовлетворенія желать ему больше? Но червь честолюбія слишкомъ сильно глодалъ заскучавшаго безъ дѣла энергическаго человѣка; онъ рожденъ былъ геніальнымъ авантюристомъ, а не суровымъ подвижникомъ; онъ не сумѣлъ съ достоинствомъ нести свой крестъ. Если добрый геній вложилъ ему горячія и благородныя рѣчи, въ дни тяжкаго несчастья онъ все, казалось, забылъ и подпалъ лишь инстинкту самосохраненія. Что бы ни начать, лишь бы снять съ себя позоръ, снова вернуться въ жизнь, приняться за работу...

Черезъ нѣсколько времени въ Лондонѣ сталъ показываться всюду, гдѣ собиралась французская колонія, только-что прибывшій съ континента дворянинъ monsieur de Ronac. Онъ разузнавалъ, изъ какого притона выходятъ французскіе пасквили на Людовика XV, размножившіеся въ Лондонѣ, и отважно проникъ на квартиру главнаго ихъ фабриканта, настоящаго бандита, Тевено де-Моранда [2]), который кормился шантажемъ и только что выпустилъ ругательную брошюру про г-жу Дю-Барри, придумавъ бойкое заглавіе: «Mémoires secrets d'une fille

---

1) Седьмого термидора онъ погибъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ А. Шенье. Bonnefon, „Beaumarchais“, p. 15. Wallon, Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris, V, p. 117.

2) Въ своемъ родѣ оригинальная личность этого пасквилянта нашла своего біографа: „Théveneau de Morande“, par Paul Robicquet, 1882. Морандъ въ особенности пріобрѣлъ извѣстность опаснаго сплетника своей книгой „le Gazetier cuirassé“.

publique». Ронакъ, въ которомъ не трудно узнать Карона, переставившаго только буквы своей фамиліи, прямо заговариваетъ о цѣнѣ, входитъ въ дѣловые переговоры, разгадываетъ характеръ собесѣдника, который способенъ былъ съ такою же легкостью писать и за короля, и вызвался подглядывать за французскими эмигрантами; Морандъ былъ уже предувѣдомленъ, и раньше бесѣдовалъ о томъ же предметѣ съ извѣстнымъ шевалье д'Эономъ. Его молчаніе хотятъ купить,—онъ спокойно ведетъ торгъ; Бомарше его обошелъ, даже полюбился ему и достигъ цѣли; за пожизненную пенсію и 32.000 наличными Морандъ обязался ничего не печатать ни противъ короля, ни противъ фаворитки. Кто же далъ Ронаку щекотливое порученіе? Самъ Людовикъ; втихомолку содѣйствовалъ его отъѣзду глава полиціи Сартинъ, съ нѣкотораго времени ему покровительствовавшій; рискованная поѣздка предпринята была, чтобъ угодить отживавшей вѣкъ любовницѣ дряхлаго короля... Какимъ рѣзкимъ диссонансомъ звучитъ все это послѣ недавнихъ торжествъ народнаго дѣятеля, въ которомъ толпа готова была видѣть одного изъ вождей оппозиціи! Но нужно было во что бы то ни стало выбиться изъ тьмы, и Бомарше напросился на странную миссію; онъ не искалъ денегъ,—напротивъ, тратилъ свои,—но его поманили, въ случаѣ успѣха, возвращеніемъ прежняго положенія въ свѣтѣ и отмѣной приговора, и этого было довольно.

Но, бѣдный, странствующій Фигаро! какое злое разочарованіе ждетъ его, какимъ жалкимъ отливомъ смѣнилось опять пошедшее въ гору счастье! Только что онъ понесся за наградой въ Версаль, какъ по дорогѣ его поразила вѣсть: король умеръ,—некстати, преждевременно умеръ, не повидавшись съ нимъ, не сдержавъ слова. Опять все пропало; для новаго короля не только не имѣютъ значенія хлопоты и угодливость ради Дю-Барри, но его цѣломудріе должно оскорбиться ими, какъ оно постоянно возмущалось присутствіемъ фаворитки. Теперь и книга Моранда не имѣетъ смысла, и борьба съ нимъ никому не нужна.

Странное дѣло, однако,—именно въ эту пору въ Лондонѣ какой-то новый бандитъ захотѣлъ по-своему привѣтствовать вступленіе на престолъ Людовика XVI брошюрой, не въ примѣръ циничнѣе и опаснѣе той, которую только что сбыли съ рукъ; на этотъ разъ героиней пасквиля должна явиться Марія-Антуанетта. Такъ по крайней мѣрѣ донесъ Морандъ, не на шутку возмнившій себя французскимъ агентомъ, или, вѣрнѣе, это утверждалъ Бомарше, и, какъ человѣкъ уже опытный въ выслѣживаніи, предложилъ свои услуги. Холодность короля тотчасъ уступила мѣсто желанію заручиться его помощью. Вѣдь брошюра (насколько Бомарше сообщалъ ея содержаніе) про-

никала въ тайники семейной жизни Людовика, разоблачала вѣтреныя, порою даже преступныя, интриги его жены; мало того, обращаясь къ испанской линіи Бурбоновъ (она такъ и названа была «Avis à la branche espagnole»), призывала ее чуть не къ вмѣшательству; король былъ обрисованъ слабымъ и послушнымъ орудіемъ партіи, которою издали, черезъ дочь, руководитъ Марія-Терезія (въ свою очередь названная подругой Кауница); съ Шуазелемъ во главѣ эта партія все захватила въ свои руки и ведетъ Францію къ гибели; чтобы спасти страну, слѣдуетъ отправить олигарховъ въ изгнаніе, а королеву окружить бдительнымъ надзоромъ [1]). Неизвѣстный авторъ мѣтко выбралъ самое больное мѣсто; король встревожился и какъ мужъ, и какъ правитель, и не хуже своего предшественника подпалъ настоятельнымъ убѣжденіямъ Бомарше, который не только получилъ деньги и паспортъ въ Англію и Голландію, но добился собственноручнаго разрѣшенія Людовика, которое вправилъ въ медальонъ и повѣсилъ на шею.

Снова отправился monsieur de Ronac искать зловреднаго памфлетиста. Гдѣ найти его, какъ его имя, онъ не знаетъ, и готовъ объѣздить весь свѣтъ, лишь бы напасть на его слѣдъ; онъ не остановится передъ опасностями, будетъ рисковать жизнью, и подобный подвигъ, конечно, зачтется ему. Большинство біографовъ сходится теперь въ томъ, что Бомарше стоило посмотрѣть въ зеркало, чтобы увидать тамъ черты лица автора того памфлета, который для него было такъ же легко набросать, какъ и уничтожить. Беттельгеймъ [2]) возстаетъ противъ подобной мысли, указывая на тяжелый и неискусный слогъ, совсѣмъ не напоминающій живую рѣчь Бомарше, хотя нѣкоторыя мѣста, въ особенности желчныя характеристики Мопу и другихъ сильныхъ людей, все-таки, на нашъ взглядъ, могли бы принадлежать ему. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ такъ и останется открытымъ, тѣмъ болѣе, что фантастическая обстановка, которою захотѣлъ окружить его Бомарше, усиливаетъ его загадочность. То, что разыгралось въ нѣсколько мѣсяцевъ этой сыскной поѣздки, кажется иной разъ главой изъ самаго разнузданнаго roman d'aventures.

Въ Лондонѣ Бомарше нападаетъ на слѣдъ пасквилянта, какого-то

[1]) Брошюра эта представляетъ величайшую рѣдкость; экземпляръ ея хранится въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ. Она ложно помѣчена Парижемъ и имя автора скрыто подъ буквами G. A.

[2]) Beaumarchais, eine Biographie, 313. Лэнтильякъ допускаетъ существованіе подлиннаго автора брошюры, Анджелуччи, хотя не высказываетъ никакихъ сомнѣній относительно двусмысленной роли Бомарше въ дальнѣйшей части его заграничныхъ похожденій. Эдуардъ Дрюмонъ въ своей *France juive* воспользовался этимъ инцидентомъ для того, чтобы въ антисемитскомъ рвеніи изобличать преступность *еврея* Анджелуччи.

Аткинсона, вступаетъ съ нимъ въ переговоры, покупаетъ четыре тысячи экземпляровъ, выходитъ по Оксфордской дорогѣ до условленнаго мѣста; показывается экипажъ, наполненный книгами, и при немъ Аткинсонъ съ своими людьми. Бомарше сжигаетъ тутъ же экземпляры памфлета, кромѣ восьми испорченныхъ и потому не привезенныхъ; онъ заставляетъ принести ему и рукопись и выплачиваетъ, по условію, часть денегъ. Замѣтивъ, что авторъ брошюры скорѣе походитъ на итальянца или еврея, онъ вынуждаетъ его сознаться, что его настоящее имя—Анджелуччи. Это второе дѣйствующее лицо становится все интереснѣе. Неожиданно оно исчезаетъ; только что они вторично свидѣлись въ Амстердамѣ, гдѣ переданы были недостававшія части рукописи и вручены остальныя деньги, какъ Анджелуччи упорхнулъ, конечно для того, чтобы гдѣ-нибудь переиздать памфлетъ и снова продать его. Бомарше летитъ за нимъ, не зная нѣмецкаго языка, черезъ Германію, надѣясь настигнуть его передъ Нюрнбергомъ, куда онъ, какъ слышно, направился. Уже недалеко отъ цѣли съ нимъ случается необыкновенное происшествіе. Это было передъ Нейштадтской станціей; онъ вышелъ изъ экипажа, чтобы пройтись лѣсомъ, и велѣлъ кучеру ѣхать впередъ; черезъ полчаса онъ съ трудомъ добрался до кареты, испуганный и пораненный. Рука была перевязана, на шеѣ былъ шрамъ,—онъ только что выдержалъ схватку съ двумя разбойниками! Одинъ былъ верхомъ, другой зашелъ предательски съ тылу. Пистолетъ Бомарше осѣкся; кинжалъ разбойника, направленный въ грудь, ударился о медальонъ съ королевскимъ письмомъ; въ неравной борьбѣ смѣлость путешественника взяла верхъ; всадникъ ускакалъ, оставивъ на мѣстѣ шляпу и парикъ; съ пѣшимъ они поборолись; Бомарше увидалъ его передъ собой на колѣнахъ и уже хотѣлъ скрутить ему руки кушакомъ, но показались вдали новые сообщники, и онъ выпустилъ негодяя. Тутъ кстати послышалась труба почтаря, и шайка разсѣялась. Такъ кончилось нападеніе; въ томъ, что оно связано было съ дѣломъ о памфлетѣ, Бомарше не сомнѣвался; онъ ясно слышалъ, какъ двое напавшихъ называли себя по именамъ,—одинъ былъ Аткинсонъ, другой Анджелуччи. Въ этомъ духѣ дѣлаетъ онъ показаніе нюрнбергскому бургомистру и живо, въ лицахъ, разсказываетъ всю сцену хозяину гостиницы «Красный Пѣтухъ» и его гостямъ. Но онъ не показалъ хирургамъ своихъ ранъ, заявилъ, что спѣшитъ въ Вѣну, и только просилъ полицію нарядить строгое слѣдствіе; примѣты разбойниковъ, сообщенныя имъ, описываютъ даже синюю безрукавку Анджелуччи. Доѣхавъ до Регенсбурга, онъ чувствуетъ, что отъ тряски ранамъ его хуже, и спускается по Дунаю на баркѣ. Мысль о поѣздкѣ въ Вѣну пришла ему внезапно; дерзость враговъ королевы, отваживающихся даже на разбой, показала ему силу опасности; онъ счелъ необходимымъ

лично повидать мать своей государыни и открыть ей все. Прибывъ въ Вѣну, онъ проситъ тайной аудіенціи; ему не довѣряютъ, но онъ показываетъ полномочіе, выданное Людовикомъ XVI, и это открываетъ ему доступъ въ кабинетъ императрицы. Онъ идетъ прямо къ дѣлу и даетъ полную волю импровизаціи и политическому прожектерству. Настоящее и будущность Франціи, судьба Маріи-Антуанетты, мрачное скопище клеветниковъ, задачи дипломатіи—все тутъ есть, а на первомъ планѣ—онъ, герой дня, избавитель. Теперь выходило, что у него была стычка съ Анджелуччи въ томъ же лѣсу, что онъ распоролъ его дорожный мѣшокъ, обыскалъ карманы и завладѣлъ рукописью пасквиля.

Императрица была поражена и встревожена. Славясь умѣньемъ распознавать людей, она и тутъ задавала вопросы, провѣряла сомнѣнія; но Ронакъ на все отвѣчалъ, прочелъ ей памфлетъ, драматически передалъ сцену нападенія, и она ему почти повѣрила. Изумило ее нѣсколько предложеніе незнакомца перепечатать въ Вѣнѣ, подъ его наблюденіемъ, ненавистную брошюру, съ выпускомъ выходокъ противъ французской королевы: это,—говорилъ Ронакъ (раскрывшій однако свой псевдонимъ)—успокоитъ короля насчетъ семейныхъ разоблаченій, которыми его напугали. Но въ общемъ впечатлѣніе было благопріятно; только осталось легкое подозрѣніе, не съ фантазеромъ ли имѣетъ она дѣло и не произошла ли большая часть событій въ его разгоряченной головѣ. «Пустите себѣ кровь», сказала она въ заключеніе, милостиво разставаясь съ нимъ, но потомъ все-таки посовѣтовалась съ Кауницомъ. При имени Бомарше онъ вспомнилъ о мемуарахъ по дѣлу Гэтцманна, «которыми въ Вѣнѣ всѣ наслаждались предшествующею зимой», и тоже сначала заинтересовался имъ [1]). Мастерски поставлена была на сцену интермедія, и Бомарше могъ считать себя у цѣли: онъ на дѣлѣ выказалъ самоотверженіе и преданность, и Марія-Терезія будетъ виновницей его фортуны; мало того, его, быть-можетъ, ждетъ крупная роль въ дипломатіи. Но онъ упустилъ изъ виду двѣ важныя помѣхи: возможность фактическаго опроверженія разбойничьей исторіи и опасность вмѣшательства въ дѣло такого мастера по части интриги и лукавства, какъ Кауницъ, стоившій въ этомъ отношеніи десяти Бомарше, черезъ агентовъ знавшій все, что дѣлалось при европейскихъ дворахъ. Маріею-Терезіей можно было еще овладѣть, подѣйствовавъ на чувство матери, но ничто не въ состояніи было одолѣть холодной разсудочности хитрѣйшаго изъ дипломатовъ. А она должна была насторожиться, когда изъ Нюрнберга стали приходить наивныя по формѣ,

---

[1]) Correspond. secrète, p. 232; мемуары Бомарше „ont fait les délices cet hiver ici à lire“, писалъ онъ потомъ Мерси.

подѣльныя донесенія слѣдователей, окрашенныя недовѣріемъ къ Ронаку; кучеръ показалъ, что видѣлъ, какъ Бомарше, выйдя изъ кареты, взялъ съ собой бритву и, вѣроятно, ею нарочно порѣзался; никто не замѣтилъ ни всадниковъ, ни пѣшихъ, не слышалъ криковъ, выстрѣловъ; разбоевъ въ тѣхъ мѣстахъ давно не было. Подобныя свѣдѣнія тотчасъ навели Кауница на мысль о мистификаціи; вмѣстѣ съ надежнымъ помощникомъ, литераторомъ Зонненфельсомъ [1]), онъ взялся за разслѣдованіе дѣла, а тѣмъ временемъ счелъ нужнымъ арестовать Бомарше на дому и овладѣть его бумагами. Фигаро-дипломатъ, агентъ-любитель, очутился лицомъ къ лицу съ восемью гренадерами, двумя офицерами и секретаремъ Кауница, которые обыскали его и отняли все—переписку, медальонъ и шкатулку, оставивъ его въ полной неизвѣстности относительно причины суровой мѣры. Онъ любилъ разсказывать потомъ, что на грозное напоминаніе о безполезности сопротивленія онъ отвѣчалъ: «j'en fais quelquefois contre les voleurs, mais jamais contre les empereurs»; въ томъ же духѣ передалъ онъ эту сцену въ донесеніи Людовику XVI, поданномъ по возвращеніи во Францію [2]). Военный караулъ былъ оставленъ у него «цѣлыхъ тридцать одинъ день, т.-е. 44 тысячи 460 минутъ», которыя показались ему безконечными. Маріи-Терезіи непріятна была рѣзко выполненная исторія ареста [3]), и она предпочла бы высылку. Но Кауницъ былъ задѣтъ за живое и возмущенъ дерзостью обмана; онъ не вѣрилъ даже въ миссію Бомарше, чуть не считая подлогомъ и королевскую записку; не могъ онъ допустить, чтобы человѣкъ, хвастающій, будто о его посылкѣ знаютъ только король, да глава полиціи, могъ въ Вѣнѣ открыто говорить о ней столькимъ лицамъ и въ то же время предлагать перепечатать ругательный памфлетъ. Зоркій глазъ разглядѣлъ промахи, неправильности въ документахъ по дѣлу о памфлетѣ, сходство почерка Аткинсона съ рукою Бомарше, противорѣчіе между разсказомъ, будто послѣдній уговоръ съ авторомъ брошю-

---

[1]) Зонненфельсъ былъ однимъ изъ ревностныхъ представителей просвѣтительнаго направленія въ Австріи. Арнетъ (Beaum. und Sonnenfels, стр. 39—42) справедливо видитъ въ его судьбѣ много сходства съ исторіей Бомарше. Еврей родомъ, Зонненфельсъ былъ солдатомъ, мелкимъ чиновникомъ, потомъ любимымъ профессоромъ Вѣнскаго университета, совѣтникомъ нижне-австрійскаго намѣстничества, до страсти любилъ драму и считался лучшимъ журналистомъ и театральнымъ критикомъ въ Вѣнѣ.

[2]) Мемуаръ этотъ, отъ 15 окт. 1774, напечатанъ впервые у Ломени, томъ I, стр. 396—403.

[3]) „Correspond secrète" etc., II, 225: je suis fâchée qu'on ait arrêté cet homme. J'avais cru qu'il fallait le traiter en misérable imposteur, le renvoyer en deux heures d'ici et même de mes pays, en lui marquant qu'on n'en est pas sa dupe, et que par charité on agissait ainsi, ne voulant le perdre comme il méritait".

ры писанъ былъ въ лѣсу, послѣ схватки, на колѣнѣ, стало-быть безпорядочно, и четкою рукописью документа; все сильнѣе вставало подозрѣніе, не самъ ли авторъ, освобожденный отъ своихъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ псевдонимовъ, сидитъ подъ охраной гренадеровъ въ заѣзжемъ домѣ подъ вывѣской «Zu den drei Laufern?»

Зонненфельсъ во всякомъ другомъ случаѣ почувствовалъ бы живой интересъ, увидавъ вблизи одного изъ представителей культурной среды, которая его такъ привлекала. Но и онъ приступилъ къ дѣлу осторожно, отказался отъ предложеннаго ему въ даръ экземпляра мемуаровъ противъ Гэтцманна, сказавъ, что, какъ любитель литературы, онъ предоставляетъ себѣ принять эту книгу послѣ, когда офиціальныя сношенія ихъ кончатся. Пока шли допросы и писались протоколы, Бомарше послалъ умоляющее письмо Сартину, а Кауницъ и Марія-Терезія изложили дѣло, каждый по-своему, австрійскому послу въ Парижѣ, графу Мерси д'Аржанто, которому поручили явиться передъ королевскою семьей и министерствомъ выразителемъ изумленія и негодованія, вызваннаго интригой Бомарше, и потребовать разъясненій. Опытный дипломатъ [1]) скоро понялъ, что въ Парижѣ ему не хотятъ всего сказать, что посылка тайнаго агента дѣйствительно имѣла мѣсто и что разоблаченіе ея непріятно. Всего болѣе извивался и притворялся Сартинъ, нѣсколько разъ мѣнявшійся въ лицѣ, пока ему сообщали о случившемся; онъ забылъ однако осторожность, когда, проговорившись, допускалъ мысль, что Бомарше, чтобы выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, могъ рѣшиться на отчаянное предпріятіе... Но, какъ бы то ни было, добыто было убѣжденіе, что арестантъ вовсе не такъ виновенъ; изъ Франціи офиціально просили о его освобожденіи; наконецъ, онъ былъ выпущенъ на волю. Ему предложили, въ утѣшеніе, подарокъ въ тысячу дукатовъ; по мнѣнію Кауница, онъ не стоилъ этого, но такъ лучше было для репутаціи императрицы. По желанію Бомарше, долго отказывавшагося, подарокъ былъ замѣненъ драгоцѣннымъ перстнемъ.

Такъ счастливо кончилась безумная фанфаронада. Еще разъ, но только одинъ разъ, Бомарше согласился взять на себя подобное порученіе и поѣхалъ опять въ Лондонъ добывать у своего предшественника по такимъ дѣламъ, шевалье д'Эона, протея, превращавшагося изъ драгунскаго капитана въ дѣвицу, всѣ оставшіяся у него компрометирующія бумаги и шифрованныя письма изъ временъ его прежнихъ тайныхъ поѣздокъ (между прочимъ въ Россію). Это порученіе было

---

[1]) До Парижа онъ былъ посломъ въ Россіи; интересная дипломатическая переписка его оттуда издана Русск. Историческимъ Обществомъ.

несравненно прозаичнѣе прежняго. Урокъ, вынесенный Бомарше, былъ слишкомъ тяжелъ и навсегда отучилъ его отъ легкомысленной эксплоатаціи чужихъ тайнъ и отъ дипломатической игры. Лучшія стороны его характера берутъ верхъ; очутившись въ Парижѣ, среди оживленной литературной братіи, въ атмосферѣ театра, музыки, онъ снова веселъ, сочиняетъ куплеты и берется за «Севильскаго Цирюльника», такъ долго оставленнаго въ сторонѣ ради химерической будущности политика. Онъ увидалъ, что его писательскіе успѣхи доставили ему гораздо болѣе извѣстности, чѣмъ тайныя шашни: въ Вѣнѣ и Кауницъ, и Зонненфельсъ видѣли въ немъ автора мемуаровъ, а когда проѣздомъ черезъ Аугсбургъ, на обратномъ пути во Францію, онъ зашелъ въ театръ, онъ изумленъ былъ, увидавъ на сценѣ переложеніе его мадридскаго столкновенія съ Клавихо, взятое изъ мемуаровъ, и себя самого, выведеннаго на подмостки неизвѣстнымъ ему драматургомъ Гете [1]). Съ усиленнымъ жаромъ принялся онъ хлопотать о пересмотрѣ своей пьесы, давно передѣланной въ комедію (сначала въ 4 актахъ) и задержанной во время процесса Гэтцманна, устранилъ всѣ препятствія, и 23 февраля 1775 года при громадномъ стеченіи народа Фигаро впервые вступилъ на міровую сцену. Въ пьесѣ еще были длинноты; успѣхъ не полный; еще нѣсколько новыхъ измѣненій, и она получила тотъ блестящій, легкій видъ, который быстро завоевалъ ей всеобщую извѣстность. Передъ нами съ этихъ поръ какъ будто другой Бомарше; нѣтъ болѣе ни дѣльца, ни политическаго commis-voyageur'а; ихъ замѣнилъ остроумный, смѣло фрондирующій Фигаро, наученный опытомъ, во все извѣрившійся, надо всѣмъ смѣющійся и отвѣчающій на вопросъ Альмавивы, кто внушилъ ему такую веселую философію: «привычка къ несчастіямъ», l'habitude du malheur!

III.

Въ творчествѣ Бомарше образъ Фигаро играетъ роль неразлучнаго съ авторомъ спутника, изъ числа тѣхъ, съ которыми мы часто встрѣ-

---

[1]) Подробный разсказъ Бомарше о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ этого спектакля, былъ впервые приведенъ Беттельгеймомъ въ 1880 г. въ журналѣ „Die Gegenwart". Бомарше рѣшительно отрицалъ талантъ Гёте и былъ раздраженъ вторженіемъ въ свою личную жизнь. Иначе отнесся онъ къ пьесѣ Марсолльe, „Beaumarchais à Madrid", полной лестныхъ мнѣній о немъ и изобиловавшей чувствительностью. Благодаря большой популярности Бомарше въ Россіи въ 18-мъ вѣкѣ, пьеса Гёте была рано переведена, дана на московскомъ публичномъ театрѣ и напечатана вторымъ исправл. изд. въ Петербургѣ 1780 г.

чаемся въ біографіяхъ поэтовъ. Онѣгинъ идетъ объ руку съ Пушкинымъ и въ раннюю его юность, и въ зрѣлые годы, мечтаетъ съ нимъ въ лунныя ночи надъ Невой, томится въ степяхъ Бессарабіи или уныло коротаетъ деревенскую осень; Чайльдъ-Гарольдъ переживаетъ съ Байрономъ и опьяняющіе успѣхи, и людскую ненависть; Фаустъ болѣе полувѣка не разстается съ Гёте; Чацкій, сначала блѣдный и неопредѣленный, доходитъ съ Грибоѣдовымъ до сознательнаго протеста. Фигаро слишкомъ тридцать лѣтъ сопровождаетъ Бомарше, отражаетъ на себѣ всѣ его треволненія, постепенно старѣетъ съ нимъ, утрачивая прежнюю бойкость; подъ конецъ, въ его волосахъ пробивается сѣдина, голосъ не такъ звонокъ, шутки и остроты не мечутъ болѣе искръ, и онъ слишкомъ много говоритъ о добродѣтели. Таковъ Фигаро въ «Виновной матери» (La mère coupable); это послѣднее звено трилогіи въ окончательной передѣлкѣ шло на сценѣ въ 1797 году, а черезъ два года Бомарше не было въ живыхъ.

Близость двухъ «чудныхъ спутниковъ» понятна. Фигаро для Бомарше не только любимый поэтическій образъ, къ которому онъ съ отрадой возвращался,—это его двойникъ [1]). Правда, ему отведенъ слишкомъ скромный уголокъ, гдѣ понапрасну приходится растрачивать по мелочамъ геніальную находчивость; послѣ безплодныхъ скитаній по свѣту онъ прилѣпился въ Альмавивѣ и его семьѣ, ведетъ борьбу съ незамысловатыми противниками, съ какимъ-нибудь Бартоло, дономъ Базиліо, Марселиной, наконецъ съ графомъ. Но, несмотря на это, сходство большое, постоянное, только особаго рода, en raccourci, совсѣмъ такъ, какъ будто каждый широкій размахъ энергіи Бомарше отражается въ уменьшающемъ зеркалѣ. Сквозь побрякушки условнаго костюма севильскаго брадобрея слишкомъ часто проглядываетъ смѣлое лицо того, кто выше его по гибкости ума,—уже потому, что онъ его самого выдумалъ, что онъ—творецъ Фигаро.

Дѣйствительно, этотъ характеръ всецѣло принадлежитъ Бомарше. Это не потомокъ пронырливыхъ слугъ римской и новой итальянской комедіи, не мольеровскій Сганарель или Маскариль съ ихъ плутоватой

---

1) Эту близость любили выставлять въ 18-мъ столѣтіи враги Бомарше. Такъ, авторъ одной изъ эпиграммъ, написанныхъ по поводу постановки „Свадьбы Фигаро", шевалье де-Ланжакъ, говорилъ:

Mais Figaro?.. Le drôle à son patron
Si scandaleusement ressemble,
Il est si frappant qu'il fait peur;
Et pour voir à la fin tous les vices ensemble,
Le parterre en chorus a demandé l'auteur.

См. Théodore Muret, „L'histoire par le théâtre", 1789—1851. P. 1865, p. 9.

философіей, не хищникъ Фронтэнъ, хотя принадлежитъ къ одной съ ними группѣ [1]),—это даровитый выходецъ изъ толпы, умный наблюдатель, вооруженный не только юморомъ, веселостью, но и демократическимъ гнѣвомъ, истинный выразитель того, что чувствовали тысячи такихъ же смышленыхъ плебеевъ во время агоніи стараго строя. Авторъ одного изслѣдованія о значеніи слугъ на театрѣ [2]) горячо взялъ подъ свою защиту Фигаро, негодуя на то, что всѣ объяснители не разглядѣли въ немъ честной основы, хорошихъ побужденій, и готовы смѣшивать его съ массой вульгарныхъ искателей приключеній. Развѣ Бомарше не предостерегалъ исполнителей этой роли отъ подобнаго ея искаженія? «Если актеръ увидитъ въ ней что-нибудь иное, кромѣ здраваго смысла, приправленнаго веселостью и остроумными выходками, и въ особенности, если онъ позволитъ себѣ малѣйшее преувеличеніе,—онъ опошлитъ свою роль». Такъ можно говорить только объ излюбленномъ дѣйствующемъ лицѣ, чьими устами высказывается авторъ.

Такое значеніе придано было Фигаро въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и никогда не разсталось съ нимъ. Пережитое перенесено въ комедію; всюду разсѣяны намеки на судьбу Бомарше или общія мысли, вызываемыя ею. Фигаро радуется, что вельможа, опредѣлившій его на мѣсто, забылъ о немъ,—«знатный человѣкъ уже тѣмъ дѣлаетъ намъ добро, что не затѣваетъ противъ насъ зла» (актъ I, сц. 2); «если непремѣнно нужно, чтобы бѣдный человѣкъ былъ добродѣтеленъ,—спрашиваетъ онъ,—то много ли найдется вельможъ, достойныхъ быть лакеями?» Оставшись одинъ, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что Базиліо слишкомъ низко поставленъ, и потому его клеветѣ никто не повѣритъ (II, 9): «вѣдь нужно имѣть высокое положеніе, знатный родъ, санъ, вліяніе, чтобы подѣйствовать на свѣтъ клеветой!» Отголоски столкновеній съ Лаблашемъ чувствуются въ каждомъ изъ этихъ словъ, но и борьба съ Гэтцманномъ и его наперсниками не менѣе живо отражается въ комедіи. Такъ въ бѣгло набросанной біографіи Фигаро за то время, когда они не видались съ Альмавивой (I, 2), постоянно идутъ личные, иногда непереводимые намеки: Фигаро попробовалъ заняться въ Мадридѣ литературой, но всего натерпѣлся и отъ вражды писателей между собой, и отъ уколовъ насѣкомыхъ, мушекъ, комаровъ (cousins—намекъ на Дэролля, le grand cousin, какъ его часто называли въ процессѣ), критиковъ, злыхъ москитовъ (*marin*gouins—указаніе на Марэна), цензоровъ (опять тотъ же врагъ), и всего вообще, что при-

---

[1]) Очеркъ литературной исторіи предковъ Фигаро сдѣланъ въ книгѣ Pierre Toldo, „Figaro et ses origines", Milan, 1893, не лишенной значенія благодаря удачнымъ сравнительно-историческимъ параллелямъ.

[2]) L. Celler. Etudes dramatiques, „Les valets au théâtre", 1875.

вязывается къ кожѣ несчастныхъ писателей. Потомъ, убѣдившись, что «заработокъ отъ бритвы гораздо выгоднѣе, чѣмъ отъ пера», онъ пустился въ философское странствіе по обѣимъ Кастиліямъ, Эстремадурѣ и т. д.; «въ одномъ городѣ его принимали ласково, въ другомъ бросали въ тюрьму» (свѣжее воспоминаніе объ арестѣ въ Вѣнѣ или о дняхъ, проведенныхъ въ For l'Evêque), то хвалили его, то *предавали позору* (loué par ceux-ci, *blâmé* [1]) par ceux-là). Но всѣ эти отголоски недавняго прошлаго уступаютъ по значенію типической личности Базиліо, сложившейся подъ вліяніемъ этого прошлаго и олицетворившей зловѣщее начало, которое едва не сгубило сатирика,—духъ клеветы и интриги, нѣкогда столь могущественный во французскомъ обществѣ и способный сжить человѣка со свѣту (какъ это было съ Мольеромъ), что его изучали въ особыхъ трактатахъ, точно болѣзнь вѣка, и обрушивали на него богословскія обличенія [2]).

Съ многоголовымъ чудовищемъ, которое во всю жизнь преслѣдовало Бомарше, боролся онъ уже въ первой части трилогіи; за веселымъ *imbroglio*, положеннымъ ей въ основу (une espèce d'imbroille, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи къ «Сев. Цир.»), скрывается злобный образъ Клеветы, подобно тому, какъ изъ-за Сквозника-Дмухановскаго съ братіей возвышается могучее Лихоимство, этотъ вѣчный предметъ нападокъ русской сатиры. Правда, въ Базилю еще смягчены краски; теорія искуснаго распространенія лжи вложена въ уста человѣку продажному, падкому на подарки отъ кого бы то ни было; въ сценѣ, гдѣ его выпроваживаютъ и совѣтуютъ полѣчиться, онъ становится смѣшнымъ. Но прошли годы, и въ послѣдней части (Mère coupable) онъ уступилъ мѣсто жестокому и безстыдному Тартюффу.

Бомарше едва устоялъ отъ искушенія вывести на сценѣ и Гэтцманна. Его остерегали отъ явнаго указанія на личности. Пришлось подождать; въ «Свадьбѣ Фигаро» онъ придалъ недалекому деревенскому судьѣ, Бридуазону, испанское имя *донъ Гусмана* (don Gusman Brid'oison) и хоть нѣсколько потѣшился местью. Но если въ подобныхъ указаніяхъ его иногда останавливала осторожность, онъ не стѣснялся колкими намеками общаго характера, подходившими къ массѣ современныхъ явленій. Бартоло выпадаетъ на долю быть выразителемъ ропота старой партіи, недовольной духомъ времени; онъ постоянно бранитъ XVIII вѣкъ: «да, и что произвелъ онъ такого, за что его стоило бы хва-

---

1) Обыкновенно это слово переводится буквально, какъ противоположность хвалѣ. Еще Сенъ-Маркъ Жирарденъ показалъ, что тутъ нужно видѣть черту автобіографическую (см. его Notice sur Beaumarchais въ изданіи 1856, Ф. Дидо).

2) Можно указать, наприм., на Traité de la calomnie, des calomniateurs et des calomniés, par le R. P. Nicolas Collin, P. 1787.

лить?—Глупости во всѣхъ родахъ: свободу мысли, законъ притяженія, электричество, вѣротерпимость, прививку оспы, хининъ, энциклопедію, драмы»... Въ другія минуты его устами говоритъ старое барство: «Справедливость! Для васъ, ничтожныхъ людишекъ, это еще куда-нибудь годится. Но я—вашъ господинъ и всегда бываю правъ», объясняетъ онъ слугамъ. «Стоитъ только позволить всѣмъ этимъ негодяямъ быть когда-нибудь правыми, и тогда посмотримъ, во что превратится власть». Подобныхъ выходокъ и остроумныхъ замѣчаній было сначала въ пьесѣ еще больше; нерасчетливо растянутая на пять актовъ, она, по свидѣтельству очевидцевъ, утомляла избыткомъ ума и недостаточно быстро подвигалась впередъ. Бомарше не совсѣмъ правъ, когда приписываетъ слабый успѣхъ (если вѣрить ему, даже паденіе) пьесы стачкѣ противниковъ. Онъ увѣряетъ, что «воскликнулъ, раздирая рукопись: о, ты, богъ шикальщиковъ и свистуновъ, мастеровъ по части кашля, сморканья и всякихъ перерывовъ,—тебѣ нужно крови? Выпей мой четвертый актъ!—и шумъ, смущавшій актеровъ, сталъ слабѣть, удаляться и совсѣмъ замолкъ». Пьеса много выиграла отъ сокращенія, очаровала всѣхъ со второго же представленія. Конечно, жертва принесена была не богу свиста и кашля, а благодѣтельному божеству—сценической правдѣ.

Въ этой комедіи, дѣйствительно, навсегда осталось что-то свѣжее, бодрое и молодое; «Свадьба Фигаро» зрѣлѣе и рѣзче, общественное значеніе ея глубже; «Преступная мать» затрогиваетъ трагическія стороны жизни, и въ сравненіи съ ними содержаніе «Цирюльника» кажется зауряднымъ. Но никогда такъ ярко не выступали рѣдкія дарованія Бомарше, какъ комика-импровизатора, веселаго, шутливаго и злого, способнаго придумать забавную путаницу, живьемъ возсоздать людей и рѣзко говорить правду, какъ въ этой комедіи. Никогда не вернулись къ нему эти свойства въ такомъ пышномъ расцвѣтѣ, и если предисловіе къ «Цирюльнику» дышитъ почти юношескою отвагой, независимостью художественныхъ и общественныхъ взглядовъ,—въ краткомъ вступленіи къ послѣдней изъ его пьесъ какъ будто слышится печальный возгласъ: о, моя юность! о, моя свѣжесть!

Но пока онъ наслаждался громаднымъ успѣхомъ «Цирюльника» и видѣлъ, какъ его остроты становились поговорками, какъ намеки вызывали сочувственныя демонстраціи, его мысль летѣла далеко впередъ. Скудной рамки театральной залы ему недостаточно для полнаго торжества, и старая страсть, политика, увлекла его опять на міровую арену. На этотъ разъ цѣль была высокая и почетная, не чета двусмысленной вѣнской интригѣ; дѣло шло объ освобожденіи американскихъ колоній, съ нѣкотораго времени засылавшихъ агентовъ къ

французскому двору съ просьбой о поддержкѣ. Въ мірѣ политическихъ комбинацій бываютъ иногда такія необычайныя сочетанія противоположностей; строго монархической офиціальной Франціи по всѣмъ признакамъ предстояло сблизиться съ заморскими революціонерами и тѣмъ подорвать силы Англіи, но необходимость рѣшиться на этотъ шагъ долго страшила короля и его совѣтниковъ. Измѣной убѣжденіямъ, предосудительною сдѣлкой съ демократами и протестантами казался имъ этотъ союзъ; осторожный Тюрго выдвигалъ, съ своей стороны, соображенія государственной экономіи. Часто бывая въ Лондонѣ и по своимъ, и по чужимъ дѣламъ, завязавъ знакомства и въ дѣловыхъ кругахъ, и въ парламентской оппозиціи, Бомарше понялъ положеніе страны, оцѣнилъ вѣроятность успѣха возстанія, и въ головѣ его сложился смѣлый планъ. Впереди стояли, разумѣется, мотивы высокіе и благородные: Франція являлась защитницей стараго порядка,—теперь она поможетъ свободѣ молодого, предпріимчиваго народа, внесетъ свѣтъ и новую жизнь въ далекіе края, покажетъ примѣръ великодушія, затрачивая ради чужого счастья энергію и средства. За этимъ выступили однако и болѣе земныя побужденія; хотѣлось оживленія, борьбы, чтобы не жить изо дня въ день, а позади всего, но далеко не маловажная, шевелилась надежда воспользоваться международнымъ столкновеніемъ и организаціей тайной помощи инсургентамъ—для *своихъ* цѣлей. Еще въ старые годы, въ Мадридѣ, Бомарше грезилъ о созданіи громадной колоніальной компаніи; суда ея переплываютъ океанъ, ведутъ мѣну съ дикарями и переселенцами и обогащаютъ предпринимателя. Но что такое была эта юношеская затѣя въ сравненіи съ величественнымъ планомъ зрѣлаго и искуснаго прожектера!

Нажива все-таки не стояла на первомъ планѣ. Жизнь настолько перевоспитала Бомарше, что онъ прежде всего серьезно увлекался идейной стороной замысла. Памятныя записки, которыя онъ настойчиво подавалъ Людовику XVI, дышатъ энтузіазмомъ; въ каждомъ мемуарѣ онъ заклинаетъ короля помочь американцамъ, и его несмѣняемое напоминаніе: «il faut secourir les américains» звучитъ чѣмъ-то вродѣ Катоновской угрозы Карѳагену. Онъ снова рискуетъ репутаціей, но не можетъ молчать; онъ заранѣе торжествуетъ побѣду, и за годъ до провозглашенія независимости пророчитъ зарожденіе долговѣчной и сильной республики. Искусный ходатай, американецъ Сайласъ Динъ, поддерживаетъ его агитацію; когда Тюрго удаляется отъ дѣлъ, король начинаетъ свыкаться съ внушаемой ему непривычной политикой. Бомарше у цѣли. Съ ловкостью Фигаро онъ придумалъ безобидное средство всѣхъ успокоить, всѣмъ отвести глаза; Франція никому не помогаетъ и не будетъ помогать, но въ Парижѣ есть какая-то

бойкая корабельная фирма, повидимому испанская—Родригъ Горталесъ и К°, которая ловитъ рыбу въ мутной водѣ и торгуетъ съ инсургентами всѣмъ, что ни попало: съѣстными припасами, виномъ, ружьями, пушками, доставляетъ порохъ, мундиры, палатки. Контора ея у всѣхъ на виду, но главная дѣятельность не въ Парижѣ, а въ морскихъ портахъ—Гаврѣ, Нантѣ, Бордо. Правительство въ сторонѣ; для виду оно готово при первой жалобѣ конфисковать что-нибудь; оно не препятствуетъ англійскимъ крейсерамъ гнаться за подозрительными кораблями компаніи и захватывать ихъ.

Но дѣло идетъ на славу; десятки судовъ, полныхъ всякаго добра, снуютъ между обѣими странами; инсургенты снабжены всѣмъ необходимымъ; на тѣхъ же корабляхъ къ нимъ ѣдутъ волонтеры, стремящіеся помочь освобожденію Америки, французы, нѣмцы, поляки, генералъ Пуласкій, Фридриховскій полководецъ Штейбенъ, ирландскій графъ Конвей [1]). На одномъ изъ судовъ, принадлежавшихъ Бомарше, готовился отплыть изъ Нанта юный Лафайэттъ съ группой навербованныхъ имъ офицеровъ [2]). Въ кассѣ компаніи денегъ немало. Она начинаетъ работу съ милліономъ ливровъ, ссуженныхъ французскою казной, быстро развиваетъ свои операціи, проситъ новыхъ субсидій и, испытывая порою денежныя затрудненія, умѣетъ добывать средства и на собственный страхъ. Стоитъ поработать! Обратные корабли везутъ колоніальныя произведенія и сбываютъ ихъ въ Европу, откуда только что навезли всего въ колоніи. Компанія должна разбогатѣть; она стала силой; американскіе государственные люди сносятся съ нею, занимаютъ деньги на общія нужды, должаютъ отъ имени страны... Кажется, далеко не всѣ знали въ первое время, въ чемъ секретъ этой политической комедіи; они не догадывались, что никакой компаніи на дѣлѣ нѣтъ, не существуетъ романтическаго испанца, который ссудилъ ее эффектнымъ именемъ, что все—и акціонеры, и совѣтъ, и распорядители—совмѣщается въ одномъ лицѣ, и что это лицо—Фигаро, т.-е. Бомарше, хотѣли мы сказать.

Если бы Бомарше жилъ не въ вѣкъ раціонализма, а въ періодъ наивной астрологіи, онъ приписалъ бы свои вѣчныя злоключенія вліянію несчастнаго созвѣздія. Ни одно удачнѣйшее его предпріятіе не завершалось успѣхомъ, и широко задуманная помощь Америкѣ, сулившая нравственное удовлетвореніе и золотыя горы, подъ конецъ тяжело отозвалась на личныхъ его дѣлахъ. Скудная американская казна не могла

---

1) Loménie, vol. 2, p. 135.

2) См. статью Henri Douniol: „Le départ du marquis de Lafayette pour les Etats-Unis“, въ Séances et travaux de l'Académie des sciences mor. et politiques, 1886, 6-e livraison.

возвращать ему значительныхъ суммъ, которыя онъ ей ссужалъ; обширныя поставки оставались незаплаченными; покровительство французскаго кабинета зависѣло отъ разныхъ условій—отъ личныхъ капризовъ Верженна и Морепà, отъ пререканій съ англійскимъ посломъ, отъ неосторожности агентовъ Бомарше. Доходило до того, что порою онъ переживалъ тревожныя минуты, безъ денегъ, безъ отзвука изъ Америки, окруженный явными и тайными врагами и завистниками. Франклинъ, явившійся во Францію офиціальнымъ представителемъ республики, не довѣрялъ Бомарше, мѣшалъ его начинаніямъ; его пуритански-цѣломудренная натура не могла помириться съ страстными проявленіями характера нервнаго, полнаго противорѣчій; нашлись люди, сумѣвшіе возстановить его противъ Бомарше, которому не прощали блестящей роли, затмевающей всѣхъ. Пошли неудачи на морѣ; суда компаніи попадали въ руки англичанъ; лучшій изъ ея кораблей, «le Fier Rodrigue», вооруженный не хуже военнаго судна 60 пушками, принялъ участіе въ морскомъ сраженіи на ряду съ французскимъ флотомъ и геройски погибъ; этотъ оригинальный случай придалъ Бомарше роль самостоятельнаго союзника Франціи, снаряжающаго свои эскадры, но зато онъ нанесъ ему большой убытокъ. Смѣло начатое дѣло завершилось плачевною развязкой, и независимая Америка скоро забыла того, кто «одинъ изъ первыхъ помогъ ей увѣнчать себя фригійской шапкой». Горько жаловался въ старости Бомарше, обѣднѣвшій и несчастный, на это забвеніе его услугъ; онъ просилъ хоть скромнаго возмѣщенія его затратъ,—«date obolum Belisario!» повторялъ онъ. Но напоминанія были тщетны; старыхъ счетовъ невозможно было возстановить, они вѣчно пересматривались, вызывая возраженія и споры. Только въ тридцатыхъ годахъ 19-го вѣка потомки поэта, взамѣнъ потраченныхъ имъ милліоновъ, получили нѣсколько сотъ тысячъ франковъ [1]).

Въ разгаръ американской войны онъ воспользовался новыми связями, чтобы добиться формальнаго снятія *позора* (blâme), который все еще тяготѣлъ надъ нимъ; отыгрался онъ и отъ Лаблаша и закончилъ многолѣтній процессъ съ нимъ, одолѣвъ противника; масса рукоплескала возстановленію его добраго имени, шумными оваціями и серенадами выказывала ему сочувствіе; но эта популярность еще болѣе возстановила высшіе круги, не простившіе ему ни «Цирюльника», ни слишкомъ горячаго участія въ дѣлахъ Америки. То и дѣло прорывались признаки глухой вражды. Онъ не могъ полагаться ни на одно обѣщаніе; ему неожиданно отказывали въ деньгахъ для экспедиціи въ Америку; при малѣйшей неосторожности на него обрушивались, какъ

---

1) John Bigelow, „Beaumarchais the merchant". New-York, 1870.

на единственнаго виновнаго, тогда какъ подъ прикрытіемъ его псевдонима извлекали пользу для государственныхъ интересовъ. Пасквили противъ него, особенно брошюры д'Эона, расходились массами и читались нарасхватъ свѣтскимъ обществомъ. Онъ душу влагалъ въ дѣло,—его же готовы были предать при малѣйшемъ поводѣ. Онъ былъ послѣдователенъ въ борьбѣ съ Англіей, но часто видѣлъ, какъ снова берутъ верхъ дипломатическія любезности. Онъ не стерпѣлъ и далъ волю своему полемическому таланту въ памфлетѣ «Observations sur le mémoire justificatif de la cour de Londres»,—цензура конфисковала страстную патріотическую выходку... Горечь накипала на сердцѣ, а въ то же время англійская оппозиція удивлялась его мужеству, и дѣятели ея посылали ему по почтѣ свои привѣтствія, надписывая, по его словамъ, «почетный, но опасный адресъ: единственному свободному человѣку въ странѣ рабовъ, господину Бомарше». Я *получалъ* эти письма, прибавляетъ онъ, съ гордостью [1]).

Но съ тѣхъ поръ, какъ американская республика была упрочена и признана, вѣчное возбужденіе потребовало новыхъ цѣлей, затраты способностей на дѣло, которое опять могло бы захватить всего человѣка. Только что сброшена одна маска, на смѣну готова другая. Родригъ Горталесъ и К° отошли въ вѣчность,—да здравствуетъ «Общество философское, литературное и типографическое», единое и нераздѣльное, уже потому, что оно опять все въ лицѣ Бомарше! Людовику XIV влагаютъ въ уста возгласъ: «государство—это я»; Бомарше на дѣлѣ и безъ всякаго хвастовства говоритъ о своей «Société qui est moi». Въ послѣдніе годы у него установилась оригинальная смѣна политическихъ увлеченій литературными интересами. Онъ только что заплатилъ дань первымъ, теперь былъ чередъ литературы. Новой фикціей онъ затѣялъ скрыть свой любимый замыселъ издать полное собраніе сочиненій Вольтера. Онъ видѣлъ въ этомъ завѣтъ, перешедшій къ нему отъ автора «Кандида»; ему казалось, что Вольтеръ считалъ его своимъ преемникомъ, и онъ помнилъ послѣднія слова старца при ихъ свиданіи въ Парижѣ: «теперь вся моя надежда на васъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ почудилось и тутъ выгодное финансовое предпріятіе. Замыселъ былъ, какъ всегда, широкій, но рискованный. Предстояло издать во многихъ десяткахъ томовъ массу произведеній, по большей части ходившихъ въ рукописи, съ безчисленными варіантами, или въ непризнанныхъ авторомъ печатныхъ изданіяхъ,—все это, полное смѣлыхъ и вольнодумныхъ мыслей, личныхъ намековъ, разоблаченій, которыхъ

---

[1]) Beaumarchais et la révolution; lettres et documents inédits, publ. par L. Farge. Nouvelle Revue, 1885, 1 décembre, p. 570.

пугалось общество; задуманное вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе обширной корреспонденціи Вольтера затрогивало различныя тонкія или скрытыя отношенія, еще болѣе боявшіяся бѣлаго свѣта. Цензура политическая и духовная, щепетильность и раздражительность вліятельныхъ лицъ дѣлали немыслимымъ открытое печатаніе всѣхъ сочиненій Вольтера во Франціи. Но тому, кто изъ Нанта или Гавра умѣлъ разжигать американскую войну, не трудно было придумать для литературнаго проекта своеобразную международную обстановку.

Онъ высмотрѣлъ у границы Франціи, по ту сторону Рейна, противъ Страсбурга, городокъ Кель и сообразилъ удобства ввоза (при случаѣ даже тайнаго) своихъ изданій во французскія владѣнія. Драпируясь ролью предсѣдателя общества (забавно читать въ его бумагахъ формулу: «совѣтъ постановилъ» и т. д.), онъ искусно побудилъ маркграфа Баденскаго дать согласіе на открытіе типографіи въ обширныхъ размѣрахъ. Документы, напечатанные Беттельгеймомъ, обрисовываютъ комическое положеніе, въ которое былъ поставленъ маркграфъ Карлъ-Фридрихъ неожиданнымъ и лестнымъ обращеніемъ къ нему парижской литературной знаменитости. Крохотная владѣтельная особа гордилась связями съ Парижемъ и его философами, и репутаціей современнаго человѣка; подорвать ее было бы совѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ какая отвѣтственность! Всѣ взоры въ Европѣ обратятся на Баденъ, и появленіе въ печати, подъ покровомъ его правительства, рѣзкихъ и циническихъ вещицъ Вольтера, которыя такъ пріятно было читать у себя въ кабинетѣ, объяснятъ желаніемъ распространять вездѣ эти ужасы... Бомарше воспользовался растерянностью философствующаго князька, совсѣмъ обошелъ его, надавалъ ему всякихъ гарантій, обѣщалъ кой-чего не печатать (наприм., «Pucelle», «Кандида»), подчиниться надзору мѣстныхъ властей,—и принялся за дѣло.

Вскорѣ въ окрестностяхъ Келя поселено было нѣсколько сотъ рабочихъ, въ Англіи куплена масса шрифта, въ Вогезахъ у общества явились бумажныя фабрики, въ Парижѣ набранъ персоналъ редакторовъ; Кондорсэ заказана біографія Вольтера. Агенты Бомарше печатали въ Келѣ томъ за томомъ, едва сносясь съ баденскимъ цензоромъ-французомъ, нарочно приставленнымъ къ этому изданію, и обнародовали одинъ запретный плодъ за другимъ. Предчувствіе маркграфа исполнилось,—отовсюду посыпались замѣчанія, ноты, угрозы. Встревожилась и Екатерина, узнавъ, что письма ея перешли въ руки Бомарше, и поручила Гримму энергически вмѣшаться; издателю пришлось обѣщать заклейку неудобныхъ мѣстъ картономъ и остановку тома [1]). Можно было опасаться репрессалій и со стороны парижскаго парламента.

1) Сборникъ Р. Ист. Общества, т. XXIII, 285 и 422.

Бомарше увидалъ необходимость пожертвовать нѣсколькими важными произведеніями, лишь бы отстоять дѣло,—и на зло всему оно было доведено до конца. Въ три года осуществилось до сихъ поръ цѣнимое *édition de Kehl*, несовсѣмъ полное и не строго критическое [1]), но все же грандіозное, рано собравшее и сберегшее капитальныя произведенія и летучіе наброски поэта. Вольтеру былъ воздвигнутъ этимъ изданіемъ достойный памятникъ, но оно не обогатило Бомарше, а причинило ему, напротивъ, много новыхъ непріятностей и запутало его дѣла. Собраніе вольтеровскихъ сочиненій было все-таки дорого [2]),—365 ливровъ; затраты были слишкомъ велики; эксцентрическія приманки въ видѣ лотереи, въ которой участвовалъ каждый подписчикъ, и какихъ-то странныхъ медалей, некстати умножали расходы и не подѣйствовали. Въ Келѣ пошли несогласія между агентами поэта и баденскимъ правительствомъ, столкновенія съ Бомарше, пріостановки работъ. Тяжелымъ ярмомъ ложилось порою любимое предпріятіе на человѣка, долго имъ увлекавшагося.

Творчество еще разъ явилось прибѣжищемъ и отдыхомъ для усталаго и удрученнаго духа. Бомарше могъ часто забывать о своемъ талантѣ, бросать любимые замыслы ради практической дѣятельности, но въ дни неудачъ и раздраженія онъ съ отрадой возвращался на старый путь. Онъ не могъ не видѣть, что по крайней мѣрѣ въ кругу драматическихъ писателей завоевалъ первенствующее положеніе, котораго добивался въ мірѣ политики и наживы. Драматурги смотрѣли на него, какъ на вождя, и эта роль укрѣпилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ, опять соединяя личную пользу съ общимъ благомъ, добился признанія литературной собственности. Авторство со временъ Корнеля стало приносить крохотный доходъ драматургамъ, но всѣ они, не исключая Вольтера, страдали отъ произвола и скупости актерскихъ товариществъ. Бомарше сталъ на почву экономическаго обмѣна: своимъ творчествомъ онъ обогащаетъ театръ,—часть дохода, быть-можетъ даже главная, должна принадлежать ему; «Севильскій Цирюльникъ» былъ золотымъ дномъ для Французской Комедіи и ничего не приносилъ автору. На его протестъ актеры не обратили вниманія. Тогда онъ привлекъ къ своему личному дѣлу драматурговъ, заручился сочувствіемъ Дидро и другихъ знаменитостей; заговоръ писателей привелъ къ соглашенію, и литературная собственность была признана.

---

1) Его значеніе отстаиваетъ Маренгольцъ (Zeitschrift fur neufranzösische Sprache und Liter., 1886, VIII, 4).

2) Вспомнимъ, что въ числѣ подписчиковъ на Correspondance Littéraire, при цѣнѣ въ 300 л. въ годъ, кромѣ восьми государей, было лишь нѣсколько десятковъ частныхъ лицъ.

Первенствующая роль налагала обязанности. Приступая къ новой работѣ, нельзя было забыть, что всѣ взоры устремлены на популярнѣйшаго автора и ждутъ отъ него произведенія изъ ряда вонъ. Бомарше съ годами усвоилъ себѣ строгое отношеніе къ творчеству; предисловія его къ пьесамъ, указанія актерамъ, отзывы и разъясненія въ его переписке, раскрывающіе строеніе комедій, ткань характеровъ, показываютъ, что онъ необыкновенно подробно обдумывалъ всѣ частности плана, распредѣленіе сценъ, естественность и вѣрность выраженій. Не только такимъ придирчивымъ критикамъ, какъ сотрудникъ «Journal de Bouillon», съ которымъ онъ остроумно полемизировалъ въ предисловіи къ «Сев. Цирюльнику», но первымъ критическимъ авторитетамъ онъ готовъ былъ дать отчетъ въ каждомъ творческомъ шагѣ. Эта черта ярко сказалась, когда онъ задумалъ «Свадьбу Фигаро». Болѣе чѣмъ когда-либо онъ гордился тѣмъ, что идетъ по слѣдамъ великихъ предшественниковъ, особенно Мольера.

IV.

Слушай, братъ Сальери:
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти „Женитьбу Фигаро“.

Пушкинъ.

Планъ второй части трилогіи о Фигаро былъ давно готовъ вчернѣ. Въ главныхъ чертахъ онъ набросанъ уже въ предисловіи къ «Цирюльнику». Автора кто-то упрекнулъ тогда въ слабости и несамостоятельности вымысла. Забавный упрекъ! Да еслибъ онъ хотѣлъ, ему стоило не скупиться на развитіе фабулы, потрясти немного рогъ изобилія, и новыя ситуаціи, лица, отношенія, изумили бы своимъ разнообразіемъ зрителя. Развѣ трудно представить себѣ, напримѣръ, эпилогъ «Цирюльника», Альмавиву—женатымъ и уже скучающимъ, Фигаро—наканунѣ брака съ молодой красоткой, за которой приволакивается его покровитель! Борьба ума и находчивости съ насиліемъ и капризомъ будетъ только перенесена изъ одного поколѣнія въ другое; прежде она направлена была противъ стараго Бартоло, теперь ее вызываетъ прежній вертопрахъ Линдоръ, превратившійся въ важнаго человѣка и солиднаго землевладѣльца. И не одинъ только Фигаро можетъ связать исторію этихъ двухъ поколѣній. Сирота, выросшій подъ чужимъ именемъ, онъ, положимъ, сынъ Бартоло и Марселины, соблазненной имъ когда-то; родители идутъ наперекоръ его браку; старикъ ненавидитъ

его за прежнія продѣлки; мать, ничего не подозрѣвая, не прочь насильно женить его на себѣ. Сѣть ихъ интригъ падаетъ передъ раскрытіемъ завѣтной тайны. «Это вы! Это онъ! Это ты! Это я! только и слышатся возгласы. Что за чудесный театральный эффектъ!»

Такъ представляется автору, въ неясныхъ чертахъ, сюжетъ второй пьесы. Цѣнитель его таланта, принцъ Конти, давно вызывалъ его «поставить на сцену предисловіе къ «Цирюльнику», которое, по его словамъ, гораздо веселѣе самой пьесы, и вывести семью Фигаро». Если вѣрить автору, онъ послушался этого дружескаго указанія. Изъ двухъ составныхъ элементовъ—столкновенія съ барствомъ и комической суматохи сына съ родителями (не даромъ пьесѣ дано второе заглавіе «La folle journée»)—составилась основа комедіи, а жизненный опытъ автора за послѣдніе тревожные годы наложилъ на нее отпечатокъ общественнаго недовольства. На своенравнаго Альмавиву перешли черты и Верженна, охладѣвшаго къ Бомарше изъ ревности къ его успѣхамъ въ американскомъ дѣлѣ, и разныхъ свѣтскихъ противниковъ [1]), и десятковъ вельможъ, которые, по свидѣтельству друга и кассира-поэта, постоянно занимали у него деньги безъ отдачи. Смѣлые намеки на злобу дня сначала переполняли пьесу.

Невольно забываются слабости Бомарше, вѣчное смѣшеніе тѣхъ крайностей, которыя Ломени остроумно предлагалъ назвать *patriotisme* и *négotiantisme*, когда въ памяти встаютъ терзанія, вынесенныя имъ изъ-за первенствующей его пьесы. Это повтореніе судьбы «Тартюффа». Сходство—въ стачкѣ всѣхъ вліятельныхъ элементовъ противъ обличителя; разница въ томъ, что за нимъ не было даже такого недостаточно энергичнаго, но все же дружески расположеннаго верховнаго судьи, какъ Людовикъ XIV. Четыре года провелъ Бомарше въ упорной борьбѣ; шесть цензоровъ поочередно разбирали комедію, урѣзывали, искажали ее; позволеніе играть или печатать ее то давалось, то отнималось; приходилось пропагандировать ее сначала въ частныхъ кружкахъ (какъ это дѣлалъ Мольеръ), возбуждать любопытство массы, потомъ перетянуть симпатіи на свою сторону и вырвать согласіе у короля. Чѣмъ рѣзче проявлялась оппозиція, тѣмъ настойчивѣе становился Бомарше, ставилъ все на карту и забывалъ, что это упорство можетъ повредить его дѣловымъ комбинаціямъ и связямъ. Ему твердили, что онъ нарушаетъ сценическую благопристойность; онъ доказывалъ, что эти нареканія—новый видъ лицемѣрія, которое, въ виду всеобщей разнузданности нравовъ, пытается надѣть цѣломудренную

---

[1]) **На репетиціяхъ всѣ смотрѣли на герцога Шартрскаго, когда въ комедіи говорилось объ аристократахъ, которые держатъ игорные дома; оригиналомъ служилъ и графъ Лорагэ, и князь Нассау-Зигенъ, перешедшій потомъ въ русскую службу.**

маску. Когда негодовали на то, что онъ клеймитъ цѣлыя сословія, онъ соглашался, что «постепенно всѣ классы общества сумѣли высвободиться изъ-подъ суда драмы, и теперь авторъ не смѣетъ свободно задумать свое произведеніе, а принужденъ вращаться среди невозможныхъ приключеній, зубоскалить, вмѣсто того чтобы смѣяться, и выбирать свои типы внѣ общества, изъ боязни нажить тысячи враговъ. Теперь нельзя было бы сыграть «Сутягъ» Расина, безъ того, чтобы не заговорили объ оскорбленіи суда, нельзя бы поставить «Тюркарэ», не возбудивъ противъ себя всѣхъ крупныхъ и мелкихъ откупщиковъ, или изобразить мольеровскихъ маркизовъ безъ того, чтобы не поднять на ноги высшее, среднее, новое и древнее дворянство. Кто вычислитъ, какую силу долженъ былъ бы имѣть тотъ рычагъ, который въ наше время довелъ бы «Тартюффа» до постановки на сцену!» [1]).

И онъ проникся мыслью, что если какой-нибудь смѣльчакъ «не разсѣетъ всей этой вѣковой пыли и не внесетъ на сцену настоящей жизни и сильныхъ ситуацій, особенно тѣхъ, что порождаются общественнымъ неравенствомъ», скука заставитъ зрителя измѣнить театру для двусмысленной оперетки или бульварныхъ балагановъ. «Я отважился явиться такимъ смѣльчакомъ,—говоритъ Бомарше,—и если не вложилъ особенно много таланта въ мои произведенія, все же намѣренія мои сказались въ нихъ».

Но и талантъ его былъ въ полномъ развитіи. Онъ далеко отбросилъ придирчивыя «правила» (des règles qui ne sont pas les miennes) и пишетъ слогомъ небрежнымъ, неправильнымъ, но замѣчательно естественнымъ. Онъ не навязываетъ гладкихъ и обдуманныхъ періодовъ дѣйствующему лицу, но «входитъ въ его положеніе и говоритъ ему: не плошай, Фигаро, графъ догадывается,—спасайся скорѣе, Керубинъ... Что они на это скажутъ, ему все равно: важно лишь то, что *сдѣлаютъ*». Въ характеристикѣ замѣтно нѣсколько существенныхъ успѣховъ. Альмавива, прямой потомокъ Донъ-Жуана, понятъ и обрисованъ своеобразно; авторъ желаетъ, чтобъ исполнители придавали этой роли чувство достоинства и изящество, которое должно скрывать душевную развращенность и сглаживать комическое впечатлѣніе его постоянныхъ неудачъ. Графиня напоминаетъ мольеровскую Эльмиру, но въ оскорбленной и печальной женщинѣ шевельнулось нѣжное чувство къ увлекающемуся и наивно-страстному ребенку Керубину и едва замѣтною струйкой промелькнуло въ ея душѣ среди супружескихъ тревогъ, а въ миловидномъ образѣ Керубина воплотились первыя проявленія потребно-

[1]) Затрудненія, обставившія тогда обличеніе нравовъ на сценѣ, характеризованы у Desnoiresterres, „La comédie satirique au XVIII siècle", 1885.

сти любви на порогѣ отъ отрочества къ юности, до того еще смутныя, что мальчикъ самъ не знаетъ, что любитъ не графиню, и не Сусанну, и не Фаншетту, а *женщину.* Такъ тонко никогда еще не рисовалъ нашъ художникъ.

Много выиграла и техника; сплетенiе тройной интриги искусно проходитъ по пьесѣ и подъ конецъ порождаетъ, совсѣмъ въ испанскомъ вкусѣ, рядъ забавныхъ столкновенiй и открытiй. Мелькаютъ кое-гдѣ прежнiя неровности, — слишкомъ чувствительныя разсужденiя Марселины, непомѣрно длинный и не сценичный монологъ Фигаро въ началѣ пятаго акта. Но эти недостатки искупаются перевѣсомъ достоинствъ, и тотъ же знаменитый монологъ производилъ нѣкогда потрясающее впечатлѣнiе, потому что въ немъ сосредоточились обличительныя истины, которыя авторъ стремился провозгласить во всеуслышанiе. Этотъ третiй и самый важный элементъ пьесы, быстро заслонившiй отъ взоровъ толпы художественную сторону произведенiя, естественно развился гораздо сильнѣе, чѣмъ въ «Сев. Цирюльникѣ». Тамъ онъ еще могъ быть блестящимъ *hors d'oeuvre,* новую же пьесу онъ проникъ насквозь и нераздѣленъ съ нею. Благодаря открытiю, сдѣланному Лентильякомъ [1]), мы знаемъ, что Бомарше хотѣлъ сбросить съ сюжета испанскiй нарядъ, перевести Фигаро и его спутниковъ черезъ Пиренеи и открыто выставить въ комедiи французскiе нравы и порядки. Цензурное давленiе и воля короля заставили снова вернуться къ испанскому маскараду... Авторомъ руководили не одно лишь остроумiе, насмѣшливость или самозащита, но прежде всего стремленiе къ общественной пользѣ. Составляя планъ пьесы, онъ «расположилъ его такъ, чтобы въ ней могла найти мѣсто критика многочисленныхъ злоупотребленiй, удручающихъ общество»; онъ ставилъ себѣ цѣлью «проложить при помощи сцены путь для желанныхъ реформъ» [2]).

Теперь онъ вѣрилъ въ ихъ настоятельность, убѣжденъ былъ въ успѣхѣ и тѣмъ смѣлѣе предсказывалъ ихъ близость. Но и въ эту пору онъ совсѣмъ не былъ радикаломъ,—какъ въ дни «мемуаровъ» онъ удовлетворился бы англiйскими государственными учрежденiями. Среди водоворота финансовой, международной, сценической дѣятельности

---

[1]) Revue des deux mondes, 1893, 1 mars, „Beaumarchais inédit", p. 155—162. Изъ первоначальной редакцiи здѣсь приведены любопытныя нападки на парижскую полицiю, на вмѣшательство въ литературныя дѣла доносчиковъ-клерикаловъ, на продажность прессы; вмѣсто „замка, у воротъ котораго Фигаро оставилъ свободу и надежды", прямо называлась Бастилiя.

[2]) Впослѣдствiи, оглядываясь на свое участiе въ американской войнѣ, онъ объяснялъ его желанiемъ принести косвенно пользу родинѣ и надеждой, что „свобода Америки когда-нибудь отзовется и на французской жизни" (письмо къ Талейрану, 7 окт. 1797).

онъ, всегда такой прозорливый, не замѣтилъ приближенія не мирной поры реформъ, но глубокаго и потрясающаго переворота. Онъ безпощадно обличалъ, но въ то же время не порывалъ связей съ вліятельными сферами, не разставался съ широко задуманными планами, какъ будто надѣясь, что при улучшеніяхъ и перемѣнахъ порядокъ вещей можетъ еще стать удовлетворительнымъ. Такова тайна видимой непослѣдовательности Бомарше и того трагическаго разлада между писателемъ и обществомъ, который обозначился вскорѣ послѣ начала революціи и обнаружилъ сильное недовѣріе къ автору пьесы, явившейся однимъ изъ главныхъ ея предвѣстій. До нея онъ инымъ казался чуть не демагогомъ, послѣ нея сочтенъ былъ слишкомъ умѣреннымъ...

Но въ ту пору, когда только что написана была «Свадьба Фигаро», спертый воздухъ былъ освѣженъ стремительнымъ потокомъ галльскаго остроумія, срывавшаго маски и называвшаго вещи по ихъ именамъ. Какъ зло смѣялся Фигаро надъ тѣми вельможами, которые, какъ Альмавива, уступали духу времени, хотѣли слыть передовыми, выставляли на показъ свое отреченіе отъ прежнихъ правъ и, про себя, оставались крѣпостниками! Онъ раскрылъ тайны придворнаго міра и съ замѣчательною мѣткостью, которой позавидовалъ бы Фонвизинъ, формулировалъ его катехизисъ (recevoir, prendre et demander, voilà le secret en trois mots, II, 2). Досталось и патріархальному суду съ такими дѣятелями, какъ попечительный помѣщикъ Альмавива и нелѣпый Бридуазонъ, съ указами «снисходительными къ богатымъ, суровыми для бѣдныхъ», и высшей политикѣ, живущей обманомъ и интригами, и продажѣ мѣстъ, и бюрократіи, гдѣ подвигаешься впередъ бездарностью и раболѣпіемъ (médiocre et rampant, et l'on arrive à tout). Фигаро возмущаетъ нравственное паденіе общества, которое сначала чуждалось его, какъ писателя и умнаго человѣка, но открыло передъ нимъ настежь двери, какъ только онъ задумалъ держать у себя банкъ; на что ему способности, когда принято обходить людей свѣдущихъ и предпочитать имъ перваго попавшагося плясуна, заручившагося протекціей (on pense à moi pour une place, mais malheureusement j'y étais propre; il fallait un calculateur, ce fut un danseur qui l'obtint)!

Но остріе всего больнѣе направлено противъ двухъ главнѣйшихъ соціальныхъ бѣдствій его времени: всевластія барства и гоненія на мысль. Рѣчь его (актъ 5, I) [1]) льется изъ сердца. «Нѣтъ, графъ, она вамъ не достанется! Потому только что вы вельможа, вы уже счи-

---

[1]) Toldo, „Figaro et ses origines", 1893, 363—4, указалъ на то, что въ формѣ этого знаменитаго монолога, при всей мѣткости выраженнаго въ немъ протеста, есть отголоски произведеній Лесажа (Жильблазъ,—разсказъ Фабриса) и Мариво (La fausse suivante).

таете себя геніемъ! Дворянство, санъ, богатство внушаетъ человѣку столько гордости! Но что вы сдѣлали, чтобы добиться всѣхъ этихъ благъ? Вы потрудились только родиться—больше ничего. И способности-то у васъ заурядныя, тогда какъ мнѣ,—чортъ возьми!—мнѣ, затерянному въ сѣрой толпѣ, нужно было выказать несравненно больше искусства и сообразительности, чтобы только продержаться, чѣмъ затрачивалось этихъ свойствъ, за цѣлыхъ сто лѣтъ, чтобъ управлять всею Испаніей,—и вы хотите тягаться со мною!» Еще разъ Фигаро заступился и за себя, и за всѣхъ даровитыхъ плебеевъ, бросая вызовъ соперникамъ. Поспоритъ онъ съ ними, конечно не изъ-за мелкихъ столкновеній, какъ герой пьесы изъ-за любви къ Сусаннѣ; это опять уменьшающее страженіе интересовъ высшаго порядка. Но Бомарше съ умысломъ сдѣлалъ, кромѣ того, Фигаро писателемъ-дилеттантомъ, и пользуется этимъ, чтобъ его устами протестовать противъ тѣхъ, кто, увидавъ, что «не въ состояніи подчинить себѣ умнаго человѣка, мститъ ему преслѣдованіями». Фигаро бросаютъ въ тюрьму за невинную брошюру экономическаго содержанія; онъ хотѣлъ бы «втолковать временщикамъ, такъ безпечно причиняющимъ несчастія людямъ, что напечатанныя небылицы получаютъ значеніе лишь тамъ, гдѣ стѣсняется ихъ обращеніе, что безъ свободы порицанія не можетъ существовать и льстивая похвала, что только мелкія натуры могутъ бояться мелкихъ книжекъ». «Впрочемъ,—зло прибавляетъ онъ,—въ мое отсутствіе въ Мадридѣ установилась свобода печати; подъ условіемъ, чтобъ я не касался ни властей, ни церкви, ни политики, ни нравственности, ни чиновныхъ лицъ, ни почитаемыхъ сословій, ни оперы или другихъ театровъ, ни кого бы то ни было, кто съ кѣмъ-нибудь имѣетъ связи, я могу все печатать свободно, подъ наблюденіемъ двухъ или трехъ цензоровъ».

Не довольствуясь поучительнымъ изображеніемъ порядка вещей, складывающимся изъ множества такихъ рѣзкихъ штриховъ, Бомарше кончаетъ пьесу укоромъ Франціи за долготерпѣніе. Такъ представляется намъ смыслъ послѣдняго куплета, который часто хотѣли истолковать въ примирительномъ, сглаживающемъ духѣ. «Настоящая комедія,—слышимъ мы,—безошибочно изображаетъ жизнь нашего добраго народа. Когда его притѣсняютъ, онъ бранится, онъ кричитъ, волнуется на всѣ лады,—но все кончается пѣсенками (tout finit par des chansons)!»

Легко представить себѣ, какова должна была быть тревога, возбужденная въ извѣстныхъ слояхъ слухами о подобной комедіи, съ какимъ страстнымъ любопытствомъ ожидали ее въ болѣе нейтральныхъ кругахъ и въ быстро пробуждавшейся массѣ; подготовленные «Сев. Цирюльникомъ», всѣ убѣждены были, что въ новой пьесѣ общественное мнѣніе найдетъ горячее заступничество, и впередъ симпатизировали

ей. Отдѣльные отрывки, мѣткія слова и выходки разносились повсюду, и Бомарше старался какъ можно больше пустить ихъ въ обращеніе. Съ виду случайная, на дѣлѣ умышленная, неосторожность то и дѣло роняла невзначай въ толпу одну блестку сатиры за другой. Мало-по-малу любопытство превратилось въ манію; она росла по мѣрѣ усиленія произвола, отдалявшаго исполненіе пьесы, и подъ конецъ заразила и тѣ слои, которые, казалось, обязаны были дать ей отпоръ. Какъ въ дни «мемуаровъ», вліятельнѣйшія лица искали случая увидать, какъ громятъ поддерживаемый ими порядокъ вещей. Тонкое остроуміе всегда плѣняло и побѣждало французовъ, замѣчаетъ Тэнъ [1]), а въ этой комедіи оно привлекательно сочеталось съ пикантными положеніями, веселою путаницей, маскарадными превращеніями,—удивительно ли, что долго неудовлетворявшееся любопытство привело, наконецъ, къ достопамятнымъ сценамъ наканунѣ перваго представленія, когда толпа, въ которой знать смѣшивалась съ плебеями, провела цѣлыя сутки передъ театромъ, дамы забирались тайкомъ въ ложи актеровъ, барьеры были сломаны, стража отброшена и смята!

Но если фанатизмъ этого рода возрасталъ не по днямъ, а по часамъ, то навстрѣчу ему развивалась и оппозиція. На Бомарше и его пьесу усердно клеветали. Ее старались выставить грубымъ фарсомъ, полнымъ непристойностей, и указывали на безнравственность автора, который ни за что не хочетъ разстаться ни съ одной изъ нихъ [2]). Потомъ, когда этого показалось недостаточно, выдвинули опасное обвиненіе: «кромѣ множества неприличныхъ мѣстъ, пьеса,—по словамъ лицъ, бывшихъ на репетиціяхъ,—полна неумѣстныхъ выходокъ противъ суда, иностранныхъ посланниковъ» и т. д. Наконецъ, твердили о непомѣрной длинѣ и нестройности пьесы, которая протянется не менѣе трехъ часовъ, о безвкусіи выраженій, извращенныхъ пословицъ, шутовскихъ словечекъ. И, точно эхо, слышалось изъ далекаго Петербурга почти буквальное повтореніе тѣхъ же сужденій. Екатерина видѣла въ пьесѣ безпрестанныя двумысленности, растянутыя на три съ половиной часа, сѣть интриги, въ которой видны слѣды продолжительной работы и нѣтъ ни капли правдоподобія. «Можетъ-быть, игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ,—прибавляла она,—но я ни разу не разсмѣялась при чтеніи» [3]).

---

1) Origines de la France contemporaine, I, 1876. 359—61.

2) Mémoires secrets pour servir à l'hist. de la république des lettres. Londres. Adamson, 1784, tome 23, p. 5—8.

3) Сборн. Р. Историч. Общества, т. XXIII, стр. 334. Сначала она настойчиво добивалась возможности дать „Свадьбу Фигаро", какъ новинку, въ Петербургѣ и воспользоваться успѣхомъ „Цирюльника", который выдержалъ тамъ 50 представленій.

Въ такомъ осужденіи со стороны критика, обыкновенно проницательнаго, видимо таилась болѣе серьезная причина недовольства. Людовикъ XVI былъ откровеннѣе, когда, по свидѣтельству г-жи Кампанъ [1]), съ раздраженіемъ отбросилъ рукопись комедіи, сказавъ, что въ его царствованіе такая ужасная пьеса дана не будетъ, что для ея оправданія слѣдовало бы тотчасъ же уничтожить Бастилію... Переданное Бомарше, это гнѣвное заявленіе вызвало съ его стороны сильный отпоръ, и борьба изъ-за комедіи приняла характеръ поединка между королемъ и писателемъ. Побѣдилъ все-таки Фигаро; заклятіе Людовика осталось пустымъ звукомъ, и не только пьеса была дана именно въ его царствованіе, но хоръ похвалъ и восторговъ заглушилъ его суровыя возраженія.

Какъ Мольеръ изъ-за «Тартюффа», Бомарше повелъ дѣло такъ, что его партизанами становились приближенныя къ королю лица, члены королевской семьи (графъ д'Артуа), гости французскаго двора, которымъ трудно было отказать въ просьбѣ объ освобожденіи изъ плѣна комедіи, всеобщей любимицы. Бомарше съ особымъ увлеченіемъ воспользовался случаемъ познакомить съ нею Павла Петровича и Марію Ѳедоровну, путешествовавшихъ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. Князь Юсуповъ, лично съ нимъ знакомый, вмѣстѣ съ Гриммомъ, который прикинулся на этотъ разъ заступникомъ и ходатаемъ (тогда какъ въ своемъ органѣ онъ обличалъ интриги Бомарше по поводу пьесы), старались сблизить автора «Свадьбы Фигаро» съ наслѣдникомъ русскаго престола и намекали на возможность предстательства Павла Петровича передъ королемъ [2]).

Успѣхъ чтенія и тутъ былъ полный [3]); авторъ вскорѣ ссылался на него въ своихъ дальнѣйшихъ просьбахъ и домогательствахъ. Быть-можетъ, благодаря этому онъ добился, наконецъ, разрѣшенія поставить пьесу при дворѣ. Актеры разучили ее, сдѣлано было до *пятнадцати репетицій* на сценѣ отеля des Menus Plaisirs, всюду разосланы пригласительные билеты, украшенные гравированнымъ изображеніемъ Фигаро въ его костюмѣ; графъ д'Артуа пріѣхалъ ко дню спектакля, надѣялись видѣть на немъ и королеву,—и вдругъ (опять точно изъ подражанія гоненію на «Тартюффа») представленіе было запрещено безъ всякаго указанія на побудительныя причины. Общество за-

---

От имени директора театровъ, Бибикова, писалъ въ этомъ смыслѣ къ Бомарше французскій актеръ при екатерин. дворѣ Daubcourt. Письмо у Lintilhac, стр. 407.

1) Mémoires de madame Campan, II.

2) Loménie, II, 301—2.

3) Далеко не такое впечатлѣніе произвела пьеса на другого гостя французскаго двора, шведскаго короля Густава; совсѣмъ въ тонѣ Людовика онъ нашелъ, что она не неприлична, а дерзка.

волновалось, зароптало. Вскорѣ третье лицо могло передать Бомарше, уѣхавшему съ досады въ Англію, что пьесу пропустятъ, только для виду назначивъ новый пересмотръ ея. Два-три выраженія были опять принесены въ жертву. Пьеса дана была въ этомъ видѣ съ громаднымъ успѣхомъ въ Женвилье у графа Водрейля передъ отборнымъ обществомъ, но она казалась ненадежною для исполненія на настоящей сценѣ. Еще три цензора придали ей, наконецъ, благопристойный видъ; Бомарше самъ прочелъ ее у министра и отстаивалъ спорныя мѣста. Упорствовать дольше нельзя было,—и насталъ небывалый, опьяняющій успѣхъ комедіи, которую такъ долго выдавали за бездарное произведеніе; съ 27 апрѣля 1784 до начала 1785 года ее играли шестьдесятъ восемь разъ, и она доставила почти полмилліона ливровъ сбора. Казалось, ничего недоставало болѣе для популярности Бомарше. Новый промахъ Людовика, раздраженнаго этими проявленіями общественнаго своеволія, еще болѣе усилилъ симпатіи къ автору «Свадьбы Фигаро». Мелкій журналистъ, мстившій Бомарше изъ-за личныхъ счетовъ по литературной полемикѣ, подалъ на него доносъ объ оскорбленіи величества и нашелъ поддержку у графа Прованскаго (будущаго Людовика XVIII), одного изъ немногихъ знатныхъ противниковъ пьесы. Сидя за карточнымъ столомъ, король написалъ на пиковой семеркѣ приказъ заперетъ Бомарше въ тюрьму Saint-Lazare [1]). Неожиданность кары среди непрерывныхъ тріумфовъ писателя и странный выборъ исправительнаго заведенія, куда сажали гулякъ, подѣйствовали на всѣхъ оскорбительно. Правда, какъ писали тогда [2]), друзья утѣшали Бомарше тѣмъ, что, со времени уничтоженія венсеннской тюрьмы, Saint-Lazare можетъ считаться государственною темницей, какъ бы преддверіемъ Бастиліи, и быть въ немъ не причиняетъ безчестія, но это было плохое утѣшеніе. Правительство поняло свою ошибку, выпустило Бомарше на волю черезъ нѣсколько дней и старалось загладить праслину любезностями. Ореолъ, окружавшій Бомарше, какъ страдальца за убѣжденія, засіялъ ярче прежняго.

Еще быстрѣе, чѣмъ «Сев. Цирюльникъ», новая пьеса стала достояніемъ всѣхъ европейскихъ сценъ. Въ концѣ 1785 года она уже переведена была по-нѣмецки Губеромъ и въ Лейпцигѣ шла много разъ подъ рядъ передъ переполненнымъ театромъ. Большое любопытство возбудила она и въ Россіи. Заинтересовавшій уже всѣхъ двумя пьесами,

---

1) О тюремныхъ заключеніяхъ Бомарше ср. статью Funk Brentano, „Voltaire, Beaumarchais et les lettres de cachet d'après des documents inédits conservés dans les archives de la Bastille", Revue retrospective, 1896. 10 sept.

2) См. „Извѣстія изъ Парижа" въ „Москов. Вѣдом." 1785 г. апрѣля 9.

Бомарше, какъ «сочинитель Фигарона» [1]), дѣлался властителемъ нашихъ думъ. Въ Москвѣ, какъ признавался потомъ переводчикъ пьесы, съ нетерпѣніемъ ждали полученія печатныхъ экземпляровъ, и какъ только въ «Москов. Вѣдомостяхъ» (1785, № 55) появилось объявленіе отъ французской книжной лавки на Тверской о привозѣ книги, неизвѣстное лицо помѣстило объявленіе, гласившее, что «славная комедія «Mariage de Figaro» переведена и скоро издастся въ свѣтъ». По свѣдѣніямъ Полторацкаго [2]), она переводилась даже заразъ двумя лицами, труды которыхъ остались, впрочемъ, ненапечатанными. Ихъ заслонилъ переводъ даровитаго молодого человѣка, только что вышедшаго изъ университета и, какъ говоритъ его біографъ [3]), плѣнившагося сначала новѣйшею литературой. Многое ожидало его впереди, и далека была дорога, которая привела горячаго почитателя соціальныхъ комедій, въ родѣ «Свадьбы Фигаро» или «Судьи» Мерсье, порывавшагося въ юношески-отважныхъ предисловіяхъ къ ихъ переводамъ пропагандировать новыя идеи, къ мистицизму «Сіонскаго Вѣстника». Въ ту пору Лабзинъ былъ молодъ и любовался смѣлостью Бомарше; его переводъ «Фигаровой женитьбы» до сихъ поръ самый полный и точный въ нашей литературѣ [4]). Но въ три года, прошедшіе отъ перевода пьесы до перваго ея представленія [5]), онъ кое-чему научился; въ концѣ предисловія онъ не безъ горечи шутитъ надъ тѣмъ, что, «изуродованный прежде по нѣкоторому случаю, его Фигаро теперь отъ ранъ своихъ излѣчился»... Прошло еще два года, и «изъ переводчиковъ при конференціи университета Лабзинъ перешелъ въ секретную экспедицію петербургскаго почтамта».

Новая литература лишилась въ его лицѣ немалаго дарованія. Слогъ его юношескаго перевода живъ и непринужденъ для своего

---

[1]) Въ 18-мъ столѣтіи имя это у насъ склонялось. „Господинъ Бомарше, какъ сочинитель Фигарона, получилъ сто ливровъ годовой пенсіи". „Моск. Вѣд.", того же года, № 78.

[2]) Въ рукописныхъ замѣткахъ при экземплярѣ „Фигаровой женитьбы" въ Моск. Румянцовскомъ музеѣ.

[3]) „Александръ Ѳ. Лабзинъ, очеркъ его жизни и дѣятельности", г. Безсонова, „Русск. Архивъ", 1866, № 6, стр. 819—20.

[4]) Такъ одинъ изъ послѣднихъ переводовъ (безымянное литографир. изданіе Общества драм. писателей, 1879) весьма не полонъ, въ особенности въ важнѣйшихъ обличительныхъ мѣстахъ. Въ „Заграничномъ Вѣстникѣ" 1882 г., февраль, напечатаны въ переводѣ В. Маркова куплеты, заканчивающіе комедію, и притомъ безъ цензурныхъ сокращеній. Въ 1888 г. „Свадьба Фиг." явилась (вмѣстѣ съ остальными частями „Трилогіи") въ пер. А. Чудинова.

[5]) Печатаніе ея также непомѣрно замедлилось и совпало съ постановкой на сцену. Издана она была Новиковымъ (Типографич. Комп.) съ нотами куплетовъ и эпиграфомъ изъ Бомарше: „Эта шутка намъ заслужитъ одобреніе отъ васъ".

времени (напримѣръ, въ монологѣ 5 акта), а предисловіе, въ которомъ, повторяя доводы автора, онъ удачно впадаетъ и самъ въ его манеру, дышитъ сатирическимъ оживленіемъ. Мы слышимъ любопытный отголосокъ сужденій, которыя пьеса возбуждала въ Москвѣ: «Нѣкто, за новость, разговаривая о сей пьесѣ, когда она только что появилась на нашемъ театрѣ, въ разсужденіи качества ея, сказалъ нѣчто съ отрицаніемъ.—Почему же такъ?—спросили его.—Читали ли вы ее?—Нѣтъ.—Такъ, по крайней мѣрѣ, видѣли ли?—Не удалось. —Съ чего же взяли о ней судить?—Отвѣтъ былъ слѣдующій:—Я слышалъ въ аглицкомъ кофейномъ домѣ на Тверской, что такъ о ней говорилъ одинъ гвардейской офицеръ!» Приходилось отстаивать пьесу отъ подобныхъ судей и подробно разсматривать, что такое вольность и безнравственность на сценѣ, напоминать, что «нельзя выставить гнусность порока, не представя, по крайней мѣрѣ, одного порочнаго. Какъ показать картину грубаго невѣжества безъ Скотинина, худого воспитанія безъ Митрофанушки, сдернуть маску съ лицемѣрства безъ Тартюффа, съ сладострастія—безъ сластолюбца»? (Предисл., стр. X—XI). Но слышались голоса, находившіе излишними эти объясненія и эту «робость» тона въ виду несомнѣннаго успѣха комедіи на театрѣ. Составитель «Драматическаго Словаря» въ предисловіи къ нему [1]) иронизировалъ надъ озабоченностью Лабзина, напоминалъ о безпрерывныхъ аплодисментахъ [2]) и о томъ, что «г. Бомарше заслужилъ въ цѣломъ просвѣщенномъ свѣтѣ похвалу и имя писателя замысловатаго, остраго и важнаго»; въ подлинность же офицера почему-то не хотѣлъ вѣрить, и не безъ невольнаго комизма бралъ пріѣзжихъ въ Москву гвардейцевъ подъ свое покровительство: «имъ некогда бывать въ вольныхъ домахъ,—обычай и благовоспитанность это запрещаютъ; имѣя много родни и знакомыхъ, имъ не скучно и безъ трактировъ. Не слышалъ ли онъ скорѣе этого вздора отъ какого ни есть стараго приказа подьячаго?»

Такъ, даже въ далекихъ уголкахъ тогдашняго культурнаго міра, эта страстная пьеса умѣла возбуждать восторги, толки и споры. Ея безчисленныя представленія шли почти въ уровень съ длиннымъ рядомъ ея изданій—явныхъ, авторскихъ, и тайныхъ. Во время первыхъ спектаклей ее записывали на лету въ партерѣ, небрежно, съ варіантами собственнаго издѣлія или такими, которые постепенно устранялъ авторъ; почти стенографическіе наброски превращались потомъ въ Голландіи въ печатный текстъ, на который, поверхъ заглавнаго листа,

---

1) „Драматическ. Слов.“ М., 1787, стр. VIII и слѣд.

2) Исполнена была въ первый разъ эта пьеса въ Москвѣ на вольномъ Петровскомъ театрѣ 15 янв. 1787 г. Фигаро игралъ Волковъ, графиню—Синявская.

наклеивался другой съ помѣткой Парижа [1]), какъ мнимаго мѣста печатанія. Бомарше былъ вынужденъ поспѣшить собственнымъ изданіемъ, чтобъ оградить комедію отъ искаженій; какъ будто недостаточно было жертвъ, принесенныхъ цензурѣ! [2]). Но долго не прекращались контрафакціи, и за ними, какъ всегда, жужжалъ рой пародій и пасквилей, проникшихъ даже въ русскую литературу [3]). Они уже не въ состояніи были тревожить счастливаго автора; сочувствіе несмѣтнаго большинства было на его сторонѣ; удавались теперь и денежныя предпріятія; къ нимъ присоединялся грандіозный литературный гонораръ; прежнія напасти были забыты, процессы закончены, клеймо снято. Самыя смѣлыя мечты юности осуществились.

Когда на настоящей сценѣ пьеса, полная треволненій, доходитъ до такого примиряющаго момента, опытный писатель спѣшитъ воспользоваться имъ; тихо спускается занавѣсъ, актеры замерли въ живой картинѣ, еще звучатъ въ воздухѣ послѣднія хорошія слова, кстати пригнанныя въ конецъ, и зритель выходитъ изъ театра удовлетвореннымъ. Но сцена, гдѣ изъ вѣка въ вѣкъ разыгрывается битва жизни, рѣдко балуетъ зрителя такими минутами и послѣ ликующаго апоѳеоза неожиданно выставляетъ послѣсловіе томительное, печальное... Счастливъ былъ бы біографъ Бомарше, если бы онъ тоже могъ спустить занавѣсъ въ эпоху полнаго торжества своего героя! Но вслѣдъ за этой порой онъ долженъ вспоминать о дняхъ унынія и неудачъ и вмѣсто апоѳеоза завершить разсказъ сиротливою кончиною прежняго любимца толпы.

---

1) Любопытный экземпляръ такого поддѣльнаго изданія (Амстердамъ, 1785) съ значительными отмѣнами (наприм., въ послѣднихъ куплетахъ), съ другимъ спискомъ дѣйствующихъ лицъ и т. д., имѣетъ библіотека Московскаго университета.

2) Обзоръ злоключеній „Свадьбы Фигаро" сдѣланъ въ брошюрѣ Walferdin „De la dernière représentation du M. de F. au Théâtre français, 2 novembre 1820, ou Histoire de ses mutilations depuis sa naissance jusqu'à nos jours. Petite brochure dédiée aux censeurs passés, présents et futurs".

3) Таковъ „Багдадскій Цирюльникъ", ком., переведенная Павломъ Вырубовымъ 1787 г. Затѣмъ любопытная книжка „Багдадскій Цирюльникъ, бреющій бороду севильскому цирюльнику Фигаро", М. у В. Окорокова, 1792, доказывавшая, что Бомарше, въ противоположность Мольеру и Реньяру, изображалъ пороки забавными.— Но внушительно было и прямое потомство комедіи Бомарше. Въ цѣнномъ каталогѣ драматич. произведеній, составленномъ Солэномъ, перечислено до 20 пьесъ на эту тему. Выпущено было продолженіе „Свадьбы Фигаро", Les deux Figaro ou le sujet de comédie, p. Martelly, 1794, гдѣ выставлена безчестность героя. Въ дни революціи явилась пьеса „Figaro Journaliste", въ 19-мъ вѣкѣ видимъ пятиактную „Смерть Фигаро", пьесу Розье, 1833, гдѣ Фигаро погибалъ въ рукахъ инквизиціи, „Дочь" и „Сына Фигаро" (La fille de Fig. Мельвилля, 1843, Le fils de F., par Burat et Masselin, 1835).

V.

Довольный собой, успокоенный и веселый, Бомарше нашелъ, что можетъ приступить къ исполненію замысла, который давно лелѣялъ,— къ постройкѣ, на удивленіе Парижу, богатыхъ палатъ, гдѣ, среди чудесъ искусства и роскоши, заживетъ на славу умный плебей, сынъ своихъ дѣлъ. Фантазія разгорѣлась, и, поддаваясь искушенію, онъ захотѣлъ ослѣпить современниковъ причудливыми затѣями. Это плохо подходило къ демократизму, которымъ онъ любилъ драпироваться, но зато казалось хорошей и поучительной отместкой. Чортъ возьми, развѣ онъ не заработалъ себѣ этого дома въ борьбѣ съ жизнью! Пусть же останется онъ памятникомъ его труда и энергіи!.. И полились нажитыя деньги рѣкой, уходя на покупку диковинной мебели, картинъ, на башни и ограду, придавшія дому видъ замка, на паркъ съ павильонами, фонтанами, со статуями Платона, Вольтера [1]). Нѣсколько лѣтъ ушло на выполненіе эксцентрическаго плана, но, по мѣрѣ развитія его, не только не усиливалась популярность Бомарше, а росли недовольство и досада сѣрой и бѣдной массы, обиженной этою безтактностью и тѣмъ болѣе чуткой къ ней, что окна дворца поэта-богача выходили на жалкія улицы рабочаго предмѣстья Св. Антонія. Для Бомарше наставала, повидимому, сытая буржуазная старость, когда человѣкъ позволяетъ себѣ успокоиться на лаврахъ, сознавая, что сдѣлалъ кое-что въ жизни. Онъ не хотѣлъ отказываться отъ литературы и театра, но замыселъ, занимавшій его теперь, былъ подъ-стать именно къ его новому настроенію.

Какъ для своего дворца онъ на досугѣ изобрѣталъ вычурные эффекты убранства, такъ въ затѣйливой оперѣ, съ которой онъ долго носился, сбираясь удивить свѣтъ страннымъ сочетаніемъ греческой трагедіи съ просвѣтительными идеями XVIII-го вѣка и грезившеюся автору (задолго до Вагнера) формой «музыкальной драмы», онъ хотѣлъ перенести зрителя въ восточную и волшебную обстановку, искалъ пестроты красокъ, выводилъ въ прологѣ не живыхъ людей, а ихъ тѣни, въ самой пьесѣ—азіатскихъ деспотовъ, хитрыхъ жрецовъ, хоры евнуховъ, взбунтовавшихся солдатъ, а на ряду съ ними—«Генія, воспроизводящаго живыя существа, или Природу» и «Духа огня, повелѣвающаго солнцемъ, любовника Природы». Съ роскошной обстановкой и музыкой Сальери «Тараръ» могъ нравиться въ свое время, но не прибавилъ ни черточки къ художественной репутаціи автора. Бомарше остался въ памяти потомства творцомъ несравненныхъ двухъ комедій и дальше не могъ

[1]) Снимокъ съ части дома, уцѣлѣвшей до 1835 г., приложенъ къ книгѣ Paul Bonnefon, „Beaumarchais, étude“, 1887. На переднемъ планѣ круглая башня и ворота съ лѣпными изображеніями рѣкъ.

итти. Да и фабула «Тарара» (какъ это кстати раскрылъ Беттельгеймъ), основанная на борьбѣ королевскаго сластолюбиваго каприза съ прямодушіемъ полководца, слишкомъ счастливаго въ супружествѣ, представляла собой опять исторію Фигаро, перенесенную лишь въ область трагедіи [1]).

Но слишкомъ рано подумалъ объ успокоеніи и нѣгѣ старый боецъ и, всегда недостаточно разборчивый, слишкомъ непринужденно велъ ради своихъ денежныхъ дѣлъ сношенія съ сторонниками порядка вещей, противъ котораго ратовалъ. Онъ не зналъ, какъ его небрежность должна была поражать лучшихъ людей оппозиціи, начинавшихъ въ немъ разочаровываться. Его ждали новыя испытанія, и онъ сладилъ бы съ ними, если бы силы его не ослабѣли. Онъ бросился въ сѣчу, но на каждомъ шагу, въ каждомъ поступкѣ чувствовалось почти болѣзненное напряженіе расшатанной энергіи. Нѣсколькихъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ минуту слабости, было достаточно, чтобъ отвратить отъ него массу, которая недавно довѣрчиво бѣжала за нимъ, а теперь недоумѣвала въ виду разлада между его словами и дѣломъ.

Полный вѣры въ удачу, онъ перестала опасаться соперничества; онъ забылъ, что изъ той же среды, которая выдвинула его, какъ застрѣльщика въ соціальной борьбѣ, могутъ выйти новые люди, воодушевленные тѣмъ же стремленіемъ пробиться впередъ, завоевать вліяніе, что въ нихъ можетъ заговорить ревность къ его популярности, что они раскроютъ его прошлое, разоблачатъ двойственность его дѣйствій и на этомъ оснуютъ свой успѣхъ. И эти люди явились въ лицѣ будущаго великаго оратора Мирабо, давшаго въ этомъ случаѣ первую пробу умѣнья увлекать сердца, и даровитаго честолюбца Бергасса, адвоката изъ начинающихъ. Не глубоки и не важны были поводы къ нападеніямъ. Мирабо обрушилъ громы обличенія на Бомарше изъ-за мелкой биржевой спекуляціи—общества водоснабженія Парижа, въ которомъ поэтъ принялъ участіе капиталомъ. Бергассъ съ горячностью защитника-карьериста, который ждетъ не дождется какого-нибудь эффектнаго дѣла, взялъ подъ свое покровительство ничтожнаго эльзасскаго проходимца, жаловавшагося на то, что Бомарше разлучилъ его съ женой и помогалъ ея соблазнителю. Дѣло о водоснабженіи было изъ числа обычныхъ финансовыхъ предпріятій; Мирабо со временемъ понялъ, что горячность завлекла его слишкомъ далеко, и сталъ искать сближенія съ Бомарше. Бергассъ, по словамъ современниковъ, замѣчательно даровитый, также не могъ не понять, что вдался въ обманъ, что выставленный имъ несчастною

---

[1]) Первый набросокъ *Тарара* восходитъ ко времени появленія „Цирюльника". Lintilhac, „Beaumarchais", p. 79—96.

жертвой Корнманнъ былъ негодяй, который торговалъ женой, запиралъ ее сначала въ домъ умалишенныхъ, потомъ бралъ деньги съ ея любовника, и донесъ, какъ только увидѣлъ, что у соперника онѣ вывелись. Онъ понялъ, что Бомарше вмѣшался въ чуждое ему дѣло по просьбѣ друзей, заступился за женщину, какъ порядочный человѣкъ, и выхлопоталъ ей отдѣльный видъ.

Но обличители сознали свою ошибку слишкомъ поздно, когда масса яростныхъ упрековъ и обвиненій была уже выставлена; Бергассъ, опьяненный успѣхомъ, рвался, несмотря ни на что, все впередъ,—быть-можетъ потому, что не видѣлъ уже за собой отступленія. Онъ проигралъ дѣло: Бомарше былъ оправданъ, но возстановить популярность было невозможно. Противники приподняли завѣсу и показали сатирика въ странной компаніи биржевиковъ, придворныхъ интригановъ, высшихъ полицейскихъ, съ помощью которыхъ онъ за кулисами работалъ на одного лишь себя, въ погонѣ за богатствомъ. Положимъ, что лейтенантъ полиціи Ленуаръ игралъ въ «affaire Kornmann» порядочную роль и помогъ избавленію молодой женщины, но зачѣмъ же обнаружилось, что Бомарше былъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ, и что за шашни могли быть у нихъ? Бергассъ громилъ двуличность и безнравственность его; Мирабо безжалостно совѣтовалъ ему скрыться съ глазъ и стараться отнынѣ объ одномъ,—*чтобъ его забыли*! Безчисленные листки и брошюры выползали отовсюду и поддерживали обоихъ вождей наступленія. Всѣ старые компромиссы, все наслѣдіе прошлаго тяжело обрушивалось на Бомарше и затуманивало передъ современниками его великія заслуги.

Онъ спасся бы, если бы сумѣлъ стать подъ знамя великихъ принциповъ, общаго блага, или если бы искусно поразилъ противниковъ сарказмомъ и привлекъ смѣхъ публики на свою сторону. Но роль защитниковъ нравственности и справедливости захватили себѣ его враги, оставляя ему заботу о самосохраненіи. Насмѣшки и остроты не удавались [1]; неожиданные обороты защиты, бывало такіе удачные, поражали тяжеловѣсностью; должно было показаться странною претензіей его желаніе увѣрить публику, что Бергассъ поднялъ дѣло только для того, чтобы помѣшать первому представленію «Тарара».

Фигаро состарѣлся, и всѣ это замѣтили. Его пѣсня была спѣта, и никогда болѣе онъ не поправился. Послѣдняя месть, которую онъ себѣ

[1]) Въ эту же пору сдѣлана была вылазка противъ него, и какъ комическаго писателя, доказывавшая вообще преувеличеніе его славы и ограниченность дарованія. Это привязчивый и злой „Récit du portier du sieur P. A. Caron de Beaumarchais“, 1787, принадлежащій перу извѣстнаго свѣтскаго остроумца-аристократа Ривароля.

позволилъ, не достигла цѣли, и еще разъ напоминала о дряхлости; то была заключительная часть трилогіи «L'autre Tartufe ou La mère coupable», гдѣ зритель снова видѣлъ семью Альмавивы, въ которую вселился демонъ клеветы въ лицѣ ирландца Бежеарса, позорящаго несчастную супругу, чтобы подготовить разореніе графа. Трудно было не узнать въ неискусно передѣланной фамиліи новаго Тартюффа ненавистнаго автору Бергасса (Bergasse—Bégéarss), но въ немъ не было ни одной реальной черты. «Это—автоматъ, страшилище, прототипъ всѣхъ предателей въ мелодрамахъ» [1]). Дрязги послѣдней минуты проникли въ любимую фабулу поэта и исказили ее, а безцвѣтная madame Kornmann съ ея зауряднымъ романомъ отождествлена была съ граціознымъ образомъ Розины [2]).

Настало 14-е іюля 1789 года. Передъ палатами Бомарше бушевала несмѣтная толпа, осаждая Бастилію, и, стоя у окна, онъ могъ видѣть, какъ рушился оплотъ произвола, столько разъ грозившій, бывало, ему самому. Онъ потрясенъ былъ неожиданностью взрыва, но не могъ не сознавать солидарности съ его вдохновителями; не заодно ли съ ними боролся онъ такъ долго противъ стараго порядка! Но онъ еще вѣрилъ въ возможность мирнаго обновленія и поспѣшилъ (въ 1790 г.) ввести въ «Тарара» сцену торжественной передачи народомъ своихъ правъ избранному королю, какъ правителю конституціонному, который будетъ руководиться законностью и справедливостью; мало того, онъ позаботился и о томъ, чтобы въ пьесѣ нашли мѣсто живые вопросы современности, освобожденіе негровъ въ колоніяхъ, отмѣна безбрачія священниковъ, идеи братства и народной державности. Прикрывшись фантастическимъ сюжетомъ, гдѣ, какъ въ сказкахъ, дѣйствіе происходитъ за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, онъ могъ внести въ него осуществленіе недеждъ, которыя, казалось ему, одушевляли лучшую часть народа, а сочувствіе реформамъ скрасилъ двумя стихами, успокоивавшими насчетъ его преданности королю:

Nous avons le meilleur des rois.
Jurons de mourir sous ses lois!

Но чутье обмануло его. Заявленіе его принциповъ со сцены разожгло въ театрѣ враждебныя страсти, и представленія передѣланнаго «Тарара» были полны шумныхъ рукоплесканій и свистковъ, даже

---

[1]) „Beaumarchais", p. André Hallays, 1897, p. 162.

[2]) Бомарше сбирался послѣ „Матери-Преступницы" написать еще пьесу, гдѣ снова выступилъ бы Бергассъ. Онъ хотѣлъ назвать ее „La vengeance de Léon ou le Mariage de Bégéarss". Письмо къ Редереру отъ 14 мессидора, годъ V (Лэнтильякъ, прилож. № 40).

столкновеній между зрителями, и хитро придуманные два стиха были просто вычеркнуты «изъ осторожности» парижскимъ мэромъ Бальи. Жизнь усложнялась и слишкомъ быстро шла впередъ. Бомарше не поспѣвалъ за нею. Прошло три года, и «Тарара» нужно было въ третій разъ пересматривать и приноравливать; стараго порядка не существовало; героя пьесы одушевлялъ уже духъ истиннаго республиканца; какъ прежде народъ сдавалъ ему свои полномочія, такъ теперь этотъ избранникъ массы отклонялъ отъ себя корону и научалъ людей самоуправленію.

Въ промежуткѣ между тремя редакціями пьесы прошла тревожная пора сношеній Бомарше съ революціей и новыми для него дѣятелями ея; онъ тщетно пытался примѣниться къ нимъ, сбитый съ позиціи частою смѣной вліятельныхъ партій. Ему казалось, что онъ въ состояніи пойти вмѣстѣ съ вѣкомъ, но это было заблужденіе. Бёрне чрезвычайно мѣтко указалъ [1]) его основу. Въ одну изъ своихъ прогулокъ по Парижу онъ очутился на площади Бастиліи, снова привлекшей вниманіе свѣта послѣ іюльскихъ дней; еще виднѣлись на ней обломки великолѣпнаго дома сатирика; вдали шумѣлъ и волновался богатый и знатный Парижъ, а возлѣ глухо рокотала едва улегавшаяся народная волна въ предмѣстьѣ Св. Антонія. И нѣмецкому страннику подумалось, что въ выборѣ мѣста для этихъ палатъ—на грани между царствомъ капитала и жильемъ трудовой толпы—отразилось истинное значеніе Бомарше, который всю жизнь стоялъ *на рубежѣ* стараго порядка и республики.

Такому человѣку невозможно было удержаться на высотѣ, когда переходная пора уступила мѣсто организованному народовластію. Онъ надѣялся, что за нимъ признаютъ роль предтечи и подготовителя, и готовъ былъ напоминать французамъ, наравнѣ съ американцами, что они многимъ обязаны ему. Кое-чѣмъ онъ могъ быть доволенъ. Главныя пьесы его, особенно «Свадьба Фигаро», стали украшеніемъ репертуара. Бомарше нѣсколько ретушировалъ ихъ въ уровень съ обстоятельствами. Сначала какъ будто озадаченный отмѣной дворянскихъ титуловъ, онъ отбросилъ аристократическую приставку къ своей фамиліи и оставлялъ на афишѣ незатѣйливое имя Карона [2]). Но популярность не возвращалась. Напротивъ, ропотъ усиливался, и малѣйшаго извѣта (наприм., рѣчи бывшаго капуцина Шабо въ Національномъ Собраніи, доказывавшей, что въ домѣ Бомарше спрятанъ большой запасъ ружей) достаточно

[1]) См. Briefe aus Paris, 100-е письмо (25 янв. 1833), съ превосходною характеристикой Бомарше; слѣдующее затѣмъ (101-е) письмо даетъ анализъ „Свадьбы Фигаро“ на тогдашней сценѣ. Gesammelte Schriften, 1862.

[2]) H. Welschinger, „Le théâtre de la révolution“, 1881, p. 83—84.

было, чтобы толпа повѣрила слухамъ о симпатіяхъ Бомарше къ династіи, даже о содѣйствіи проискамъ роялистовъ. Передъ его домомъ часто происходили сборища, ему грозили местью, какъ предателю, наконецъ, вошли въ домъ, обыскали его, но ничего не нашли. Бомарше не потерялъ присутствія духа, не протестовалъ; казалось, это зрѣлище занимало его, точно сторонняго наблюдателя; какъ будто не приходила мысль, что безопасность его отнынѣ на волоскѣ. На стѣнахъ дома онъ вывѣсилъ воззваніе, напечатанное крупнымъ шрифтомъ на желтой, бросающейся въ глаза, бумагѣ и заявлявшее о его невиновности. Но вскорѣ онъ былъ арестованъ и дѣлилъ заключеніе съ массою (192) заподозрѣнныхъ роялистовъ.

Кризисъ наступилъ; тревожной жизни предстояло закончиться кровавою развязкой. Но пострадать за идею, которой онъ не сочувствовалъ, было бы уже слишкомъ несправедливо. Онъ — роялистъ! Онъ, который нанесъ роялизму тяжкіе удары, который позволялъ себѣ сближаться съ его столпами лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ орудіями своихъ плановъ, который видѣлъ въ нихъ послушныхъ маріонетокъ, зналъ насквозь ихъ слабости и, минутами, презиралъ этихъ людей... Мы ждемъ горячихъ защитительныхъ рѣчей,—онъ молчитъ, быть-можетъ сознавая, что теперь никакія рѣчи или мемуары не помогутъ. Неожиданно его освобождаютъ. Это кажется несбыточнымъ, точно сказочный сонъ, но совершенно подлинно и подъ-стать къ романтической его судьбѣ. Его освобождаетъ именно тотъ, кто обязанъ былъ бы осудить его,—прокуроръ коммуны. Онъ могъ бы вдвойнѣ стремиться къ его гибели, потому что они съ Бомарше—старые враги. Но гуманное вмѣшательство женщины [1]) внушаетъ торжествующему противнику мысль избрать честный видъ мести. Бомарше снова на волѣ и за работой. Теперь его занимаютъ различные проекты содѣйствія республикѣ; вчерашній арестантъ бесѣдуетъ съ ея министрами, даетъ совѣты, проситъ порученій. Для милиціи нужны ружья; онъ знаетъ, гдѣ можно дешево добыть партію въ шестьдесятъ тысячъ штукъ; пусть дадутъ ему полномочія и средства, и онъ доставитъ ружья тайно изъ Голландіи, гдѣ австрійскіе агенты распродаютъ ихъ. Сначала его не слушали, ему не вѣрили; новый доносчикъ Лекуэнтръ, въ лицѣ котораго, казалось, возрождался Бергассъ, обличалъ его въ безнравственности и плутняхъ. Но порученіе добыть ружья было подъ конецъ дано, и Бомарше спѣшитъ черезъ Лондонъ въ Гагу. Теперь онъ хотѣлъ бы, чтобы на время забыли о его писательствѣ и видѣли въ немъ только торговаго агента. «Французскій гражданинъ, негоціантъ, занимавшійся

---

[1]) Ее любилъ когда-то Бомарше, и это была благородная отплата за разрывъ.

прежде крупными торговыми предпріятіями, которыя и до сихъ поръ, помимо его воли, сходятся отовсюду къ нему»,—такъ характеризуетъ онъ себя въ перепискѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Лебреномъ [1]). Но прошлое мнимо-дѣлового человѣка то и дѣло всплывало. Сношенія его съ высшимъ правительствомъ республики ведены были слишкомъ секретно и были неизвѣстны даже въ ближайшихъ къ нему кругахъ. Пребываніе въ Голландіи показалось очевиднымъ доказательствомъ происковъ въ пользу династіи. Бомарше ищутъ, какъ бѣглеца, и обдумываютъ вѣрнѣйшее средство захватить его.

Узнавъ объ этомъ, онъ полетѣлъ на родину. Въ Лондонѣ онъ попадаетъ въ тюрьму, потому что не возвратилъ въ срокъ денегъ, занятыхъ для покупки ружей, вырывается изъ заключенія и, презирая опасность, является передъ лицомъ конвента. Мы узнаемъ прежняго Бомарше, временъ «мемуаровъ» и американской войны; несчастія напрягли его энергію. Многорѣчивый, но смѣлый (онъ небрежно осмѣиваетъ, наприм., Марата) защитительный документъ, наскоро напечатанный и всюду распространенный («Шесть эпохъ»), не могъ не повліять на умы: слишкомъ ясно выступила лживость доноса и настоящій смыслъ роли Бомарше, какъ исполнителя офиціознаго порученія. Возможность такихъ недоразумѣній, болѣзненное развитіе подозрительности въ обществѣ и зрѣлище внутреннихъ раздоровъ вызвали у Бомарше нѣсколько искреннихъ, почти лирическихъ обращеній къ единодушію и патріотизму. Эта проповѣдь могла показаться неумѣстною, особенно со стороны человѣка, еще не снявшаго съ себя подозрѣнія въ измѣнѣ, но она не раздражила тѣхъ, кто ее выслушивалъ, и Бомарше могъ свободно возвратиться въ Голландію, чтобы кончить дѣло о поставкѣ ружей; на этотъ разъ онъ снабженъ былъ полномочіемъ отъ комитета общественной безопасности и признанъ комиссаромъ республики.

Но пока онъ усердно хлопоталъ по своему дѣлу, постоянно опасаясь, что тайная покупка будетъ открыта англійскими агентами, напавшими на ея слѣдъ, или что самъ онъ и его кладь очутятся въ плѣну у коалиціи, враждебная ему партія снова усилилась въ Парижѣ. Его имя внесли въ списокъ эмигрантовъ, домъ его запечатали, конфисковали и написали на немъ бильшими буквами «Propriété nationale»; жена и дочь сатирика брошены были (къ счастью, ненадолго) въ тюрьму, гдѣ ждали очереди итти на гильотину. Печально провелъ Бомарше три года въ далекомъ Гамбургѣ среди толпы недовольныхъ роялистовъ, съ

[1]) См. переписку его съ генер. Дюмурье и Лебреномъ въ „Nouv. Revue" 1885, дек. 1.

которыми у него не было ничего общаго, или честолюбцевъ въ родѣ Талейрана, ждавшихъ поворота къ военной диктатурѣ. Его терзала мысль о разореніи и безчестьѣ, объ участи семьи; старый, больной, въ послѣдніе годы лишившійся слуха, онъ еле жилъ, сообщаясь съ немногими земляками и все надѣясь на избавленіе. Какъ только водворилась директорія, онъ поспѣшилъ на родину, добился возвращенія своихъ правъ, просилъ объ уплатѣ старыхъ долговъ казны и новаго счета по поставкѣ ружей. Но комиссіи, назначавшіяся по его дѣлу, слѣдовали одна за другой, то поддерживая искъ, то отвергая его; матеріальное его положеніе не поправлялось, а вторичная постановка «Mère coupable» встрѣчена была холодно.

Въ то время, какъ болѣзни и душевная усталость, безчисленные долги и пререканія, досада и разочарованія удручали старика, вокругъ него оживало беззаботное веселье, эпикурейство, стремившееся вознаградить людей за перенесенныя стѣсненія. Но среди шумнаго, празднаго и легковѣснаго общества временъ директоріи для Бомарше не было мѣста, хотя новые нравы напоминали ему давно минувшую молодость. Въ толпѣ щеголихъ и incroyables, блестящихъ офицеровъ и свѣтскихъ поэтовъ бродилъ онъ, какъ тоскующій призракъ прошлаго, никому не нужный, забываемый при жизни [1]). Попытавшись найти себѣ занятіе въ Парижѣ, онъ остановился на мысли снова вернуться къ дипломатіи; въ письмѣ къ Талейрану, съ которымъ онъ незадолго передъ тѣмъ дѣлилъ изгнаніе, онъ предложилъ услуги правительству для упроченія отношеній съ Америкой. Пусть отправятъ его, въ качествѣ посла или агента, и дадутъ ему паспортъ, «какъ торговцу и республиканцу». Его имя хорошо извѣстно по ту сторону океана; ему достаточно было бы провести въ Филадельфіи шесть мѣсяцевъ, и французская политика ощутила бы отъ его вмѣшательства великую пользу... Но Талейранъ былъ теперь важной особой и сухо помѣтилъ на прошеніи: «ce passeport ne peut pas être accordé». Никакого просвѣта не открывалось ниоткуда, и послѣднія старанія добиться какого-нибудь дѣла у Бонапарта, значеніе котораго Бомарше предугадалъ, также разбились о недовѣріе и холодность. Наполеонъ не поскупился на любезности автору «Свадьбы Фигаро», но только тогда, когда его уже не было въ живыхъ и когда они имѣли характеръ милостиваго привѣта его вдовѣ.

Для натуръ въ родѣ Бомарше какъ будто не существуетъ ни полнаго упадка силъ, ни безнадежнаго унынія; до послѣдней минуты эти

---

1) Одинъ только разъ удалось ему испытать отрадныя ощущенія,—онъ присутствовалъ на представленіи „Mère coupable“; его вызвали, онъ вышелъ съ актерами на сцену и встрѣченъ былъ градомъ аплодисментовъ. Но тѣмъ все и кончилось.

люди волнуются, хлопочутъ, строятъ планы, сбираются что-то дѣлать; жизнь порывается у нихъ разомъ, однимъ ударомъ,—напряженіе ума достигло крайняго предѣла, туго натянутая струна должна лопнуть. 18-го мая 1799 г. Бомарше, говорятъ, былъ очень оживленъ и много смѣялся въ кругу близкихъ,—на другой день его нашли мертвымъ.

Передъ свѣжей могилой творца Фигаро въ массѣ снова поднялись симпатіи къ нему, память о прежнихъ наслажденіяхъ; недавніе счеты постепенно забылись, и образъ Бомарше, освобожденный отъ всего темнаго или неискренняго, перешелъ къ потомству просвѣтленнымъ. Иные найдутъ, что наше время сурово развѣнчало его. Врядъ ли это такъ; мы только разстались съ однимъ изъ идеальныхъ, положительныхъ характеровъ, которыхъ такъ много бывало въ старой литературѣ и такъ мало встрѣчается въ жизни, но ближе узнали настоящаго, живого человѣка, съ бездною слабостей и великими дарованіями; энергическій характеръ, во многомъ искалѣченный его вѣкомъ, но способный горячо служить высшимъ цѣлямъ; наконецъ, неисчерпаемый родникъ благороднаго смѣха, который пробивается сквозь всѣ преграды и сближаетъ его съ величайшими комическими писателями.

ДЖОНАТАНЪ СВИФТЪ.

Непонятый ни современниками, ни ближайшимъ потомствомъ, Свифтъ до сихъ поръ остается загадочнымъ явленіемъ въ новой литературѣ. Ни черты его жизни, насколько ихъ удавалось разъяснить прежнимъ біографамъ, ни изученіе произведеній Свифта долго не давали возможности заглянуть въ сокровенный міръ его, понять его характеръ. Сплошная ткань рѣзкихъ противорѣчій поражаетъ каждаго, кто захотѣлъ бы приступить къ трудному дѣлу разгадки этого страннаго человѣка. Только тонкій анализъ въ состояніи указать едва видныя нити, которыя связываютъ и уравниваютъ эти противорѣчія. Глубокое презрѣніе къ обществу, къ мелочнымъ людскимъ интересамъ, искательству, борьбѣ изъ-за выгодъ—и рядомъ съ этимъ жажда власти, вліянія, честолюбивые замыслы; желчное злорадство, попрекающее людскую породу грубою чувственностью животнаго—и мечты и муки, достойныя идеалиста; мѣткій, подчасъ желѣзный и смертоносный, слогъ, полный сарказмовъ и прозрачныхъ аллегорій—и томныя любовныя поэмы, безконечно нѣжныя письма къ любимымъ женщинамъ; холодное, безсердечное отношеніе къ женщинѣ вообще, идущее въ разрѣзъ съ этими письмами—и заступничество за ея права; глубокій скептицизмъ въ дѣлѣ религіи—и почти вся жизнь, проведенная въ скромномъ санѣ приходскаго священника, добровольно на себя принятомъ; культъ своей личности и заботы о ея благѣ—и дѣятельность народнаго вождя: такова вереница противорѣчій, скрещивающихся въ этомъ характерѣ. Серьезный ученый, политическій дѣятель, злой памфлетистъ, умѣющій «мѣтко свиснуть» въ своего врага безыменнымъ уличнымъ листкомъ, электризующимъ массу, публицистъ первой величины, остроумный членъ утонченнаго кружка умниковъ, то увлекающій людей до самозабвенія, то отталкивающій ихъ, способный тѣшиться ихъ страданіями, то возносившійся до крайнихъ высотъ человѣческой мысли, то готовый спуститься въ тину мелкихъ происковъ,—онъ неуловимъ и порою отпугиваетъ отъ себя. Какъ бы презрительно посмѣиваясь,

смотрятъ на удачнѣйшемъ изъ портретовъ Свифта (работы Джервэза) его небесно-голубые глаза. Эти глаза умѣли и разить, окаймляясь строго насупленнымъ челомъ,—какъ на портретѣ,—но они умѣли и ласкать, и манить къ себѣ. Это взглядъ василиска,—и горе тому, кто поддастся его обаянію! Когда одинъ изъ лучшихъ объяснителей Свифта, затруднясь найти подходящую характеристику, называетъ его демоническимъ существомъ и въ злорадномъ отношеніи его къ человѣчеству видитъ что-то дьявольское,—это опредѣленіе возвращаетъ насъ къ старому эстетическому жаргону, но какъ будто подводитъ къ рѣшенію смутной загадки.

Изобразить такой неуловимый и сложный характеръ—дѣло не легкое; до нашего времени оно еще затруднялось тѣмъ, что въ большей части біографій писателя отсутствовала историческая критика, принимались на вѣру разсказы легендарнаго свойства и т. д.; къ тому же опыты характеристики нерѣдко выходили или почти сплошь сочувственными всѣмъ дѣйствіямъ писателя (такова біографія, написанная Вальтеръ-Скоттомъ [1]) и долго считавшаяся авторитетною) или дышавшими нерасположеніемъ къ Свифту (таковы знаменитая статья Джеффри въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи 1816 года, много разъ перепечатывавшаяся [2]) или этюдъ Маколея). Рѣшительный поворотъ къ безпристрастному изученію, основанному на фактахъ, сдѣланъ былъ со времени появленія труда Джона Форстера [3]), даровитаго біографа Гольдсмита, Диккенса, Кромвеля, государственныхъ людей англійской республики. Съ невѣроятными усиліями, но зато и съ рѣдкою удачей, въ теченіи многихъ лѣтъ собиралъ онъ матеріалы, и въ первомъ томѣ своей книги обстоятельно пересказалъ наиболѣе темную дотолѣ, раннюю часть жизни Свифта; но первый томъ былъ единственнымъ,—вскорѣ послѣ его выхода не стало автора. Довершить созданіе правдивой біографіи сатирика выпало на долю новѣйшихъ изслѣдователей, въ особенности Крэка, чей трудъ [4]) поразилъ фактической полнотой, хотя и не всегда удачею въ попыткахъ отгадать нравственную личность писателя. Но въ этомъ можетъ помочь онъ самъ; въ его произведеніяхъ, особенно въ письмахъ [5]),

---

1) Memoirs of Jonathan Swift, by sir Walter Scott, 1814. Первая характеристика Свифта сдѣлана была еще въ 1751 г. лордомъ Оррери и, благодаря интересному анекдотическому содержанію, имѣла большой успѣхъ.

2) По-русски она переведена г. Кеневичемъ, въ „Библіотекѣ для чтенія“, 1858, VII 1—42.

3) The life of Jonathan Swift, by John Forster, London, 1875.

4) Henry Craik. The life of J. Swift. Lond. 1882. Не безъ достоинствъ книга Коллинса: J. Swift, a biograph. and critical study. L. 1893.

5) Много любопытнаго представилъ сборникъ „неизданныхъ писемъ“, Unpublished letters of Dean Swift, напечатан. въ 1899 г. Birkbeck Hill'омъ.

болѣе, чѣмъ у многихъ его сверстниковъ по таланту, скрыты мало оцѣненныя до сихъ поръ черты его душевной жизни.

I.

Бываютъ люди, которыхъ съ ранняго дѣтства приходится назвать натурами надломленными, неудачниками, которымъ суждено со временемъ стать рѣшительно въ разрѣзъ съ окружающимъ жизненнымъ строемъ. Какая-то горечь, скрытое озлобленіе и желаніе отмстить стоящимъ поперекъ дороги, лишь только окрѣпнутъ силы, сказывается у нихъ чуть не въ отроческіе годы. Для образованія этой характеристической складки не нужно слишкомъ рѣзкихъ внѣшнихъ причинъ, которыя сразу вызвали бы раздвоеніе характера; отталкивающее физическое уродство, сковывающее всѣ стремленія страстной и чудовищно честолюбивой души, вызываетъ у Ричарда III порывы мести всему неповинному человѣчеству, вѣчно напоминаетъ о себѣ, словно тачка, прикованная къ ногѣ каторжника,—но порою достаточно и болѣе незамѣтныхъ, незатѣйливыхъ причинъ для того, чтобы бросить человѣка въ открытую борьбу съ жизнью. Такія-то причины, въ которыхъ самому человѣку иной разъ невольно можетъ почудиться злое вмѣшательство судьбы, рано обнаружились въ жизни Свифта. Онъ говорилъ впослѣдствіи, что неудачи и разочарованія стерегли его колыбель. По словамъ знакомыхъ, онъ считалъ день своего рожденія днемъ печали, и надѣвалъ на себя личину радостнаго настроенія только ради любимой женщины. Въ этотъ день онъ всегда читалъ завѣтную главу изъ книги Іова и къ себѣ примѣнялъ отчаянный вопль страдальца, сожалѣвшаго, что не умеръ въ тотъ день, когда увидѣлъ свѣтъ.

Дѣйствительно, нерадостно взглянула жизнь на маленькаго Джонатана, когда, 30 ноября 1667 года, въ Дублинѣ, въ конуркѣ вдовы маленькаго судейскаго чиновника, раздался первый дѣтскій его крикъ. Матери нечѣмъ было жить; отецъ, всю жизнь боровшійся съ нуждой, едва прибылъ изъ Англіи въ Ирландію попытать счастья, едва успѣлъ пристроиться смотрителемъ судебнаго зданія въ Дублинѣ и жениться на бѣдной дѣвушкѣ, какъ внезапная его смерть (за восемь мѣсяцевъ до рожденія второго ребенка) положила предѣлъ скромнымъ мечтамъ о счастьѣ, начинавшемъ уже улыбаться. Вдовѣ не къ кому было обратиться за помощью; члены суда дали ей отъ себя немного денегъ, но новый смотритель торопилъ переѣздомъ съ казенной квартиры, которую считалъ уже своею собственностью; приходилось выбираться хоть на улицу. Началось безотрадное мыканье по чужимъ людямъ, житье изо дня въ день. Въ числѣ родныхъ матери Джонатана

былъ зажиточный дядя, который любилъ, чтобы всѣ считали его богачомъ и поклонялись ему, но былъ тугъ на помощь, которую добыть у него можно было цѣною тяжкихъ униженій. Въ зависимость къ нему попала осиротѣвшая семья; понятно, какого рода картины встрѣтили прежде всего Джонатана при вступленіи въ жизнь. Бѣдность, приниженность, вѣчныя кочеванія, отсутствіе тихаго семейнаго угла, а рядомъ деньги въ рукахъ людей съ темнымъ прошлымъ, торгашей, аристократовъ,—готовый контрастъ, понять смыслъ котораго не трудно было подраставшему мальчику особенно при той быстротѣ развитія, которую приноситъ съ собою нужда. И этотъ контрастъ глубоко залегъ въ его душу.

Странно сказать,—лучшіе годы его дѣтства прошли не въ семьѣ, а далеко отъ нея, по ту сторону моря, въ домѣ его кормилицы, которая попросту выкрала его и тайно увезла съ собой на кораблѣ въ Англію къ своимъ роднымъ, гдѣ должна была получить наслѣдство. Она сильно привязалась къ ребенку, не могла подумать разстаться съ нимъ и потому увезла его съ собой; это похищеніе имѣло еще болѣе странныя послѣдствія. Мать (такъ разсказываетъ Свифтъ въ краткой автобіографіи), узнавъ о небывалой выходкѣ кормилицы, написала ей, прося не подвергать ребенка опасностямъ обратнаго морского путешествія и выдержать его у себя, пока онъ окрѣпнетъ. Джонатанъ провелъ два года въ крестьянской семьѣ, тамъ научился сначала говорить, потомъ читать и вернулся домой въ значительной степени развитымъ для своихъ лѣтъ. Тутъ его сразу охватила тяжелая атмосфера, въ которой задыхалась его бѣдная мать.

Настала школьная пора; благодаря родственнымъ щедротамъ, Свифта помѣстили въ школу въ Килькенни, а затѣмъ въ раннемъ, четырнадцатилѣтнемъ, возрастѣ въ Дублинскій университетъ. Первые школьные годы не оставили осязательныхъ слѣдовъ, кромѣ развѣ товарищества съ нѣсколькими извѣстными впослѣдствіи людьми (наприм., писателемъ Конгривомъ), удержавшагося надолго. Университетская пора, напротивъ, освѣщена чрезмѣрнымъ количествомъ анекдотовъ и воспоминаній, которые различные современники Свифта наперерывъ другъ передъ другомъ сообщали въ позднѣйшіе годы. Обиліе анекдотическаго матеріала однако лишено прочной основы, между тѣмъ именно эта полоса, на рубежѣ самостоятельной жизни и дѣятельности, представляетъ собой интересъ; тогда складывались опредѣленно его взгляды, даже, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, впервые возникли въ неясныхъ еще формахъ замыслы его лучшихъ обличительныхъ произведеній.

Сохранились отмѣтки, за одинъ годъ, всего класса, гдѣ учился Свифтъ. Видно, что онъ занимался не очень усердно, успѣвалъ только

въ древнихъ языкахъ, которые въ ту пору снова выдвигались на первый планъ въ Англіи; педантическое изложеніе учебниковъ отталкивало его, ко всему умозрительному онъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности; отмѣтка по философіи гласитъ male, за богословіе— negligenter. Обратимся ли мы къ прочимъ сторонамъ его студенческой жизни, встрѣтимъ подобные же факты. Суровая мораль наставниковъ изображаетъ его безпорядочнымъ, шумливымъ; онъ участвуетъ въ студенческихъ исторіяхъ, не является ночевать въ опредѣленное время, не ходитъ въ церковь. За послѣднюю вину у него набирается не мало штрафовъ; будущій священникъ не только упорно не показывался на обязательной для всѣхъ литургіи, но небрежно изучалъ богословіе. Взамѣнъ усвоенія науки Джонатанъ страстно отдавался келейному чтенію, которое въ шесть лѣтъ, проведенныхъ въ университетѣ, достигло колоссальныхъ размѣровъ. Богъ вѣсть гдѣ и какъ добывалъ онъ книги, но несомнѣнно, что онъ прочелъ массу сочиненій, наиболѣе привлекавшихъ его; на ряду съ исторіей, правомъ, политикой, онъ изучалъ современную англійскую поэзію; быть-можетъ къ этому времени нужно отнести первые его стихотворные опыты. Но и чтеніе было келейное, и работы только для себя; въ немъ уже видна привычка сосредоточиваться, никому не намекая на то, что происходитъ въ его душѣ. Говорятъ, товарищи его не любили и сторонились отъ него, считая его чудакомъ, нелюдимомъ, чуть ли не человѣкомъ ограниченнымъ. Врядъ ли этому должно вѣрить: прославленное впослѣдствіи, удивительное умѣнье его привлекать къ себѣ людей не разомъ же обнаружилось, и нельзя не отнести хоть нѣкоторой доли его еще къ юношеской порѣ. Но иногда на него находила тяжелая полоса хандры, недовольства жизнью, позывовъ въ бездѣйствію и лѣни, или же его безпокойство выражалось въ эксцентрическихъ выходкахъ, удивлявшихъ товарищей. Новѣйшія изслѣдованія раскрыли, что склонность къ эксцентричностямъ можно прослѣдить во всѣхъ вѣтвяхъ его семьи. Въ автобіографическомъ наброскѣ онъ признается, что послѣдніе годы университетской жизни были отравлены заботами вслѣдствіе «дурного обращенія съ нимъ ближайшихъ родственниковъ»; онъ такъ упалъ духомъ, что пренебрегъ занятіями, и когда наступила пора соисканія степени «bachelor of arts», не былъ допущенъ по недостаточности знаній, и хотя черезъ нѣсколько времени и пріобрѣлъ степень, но съ обидною оговоркой,—въ видѣ особой милости (speciali gratia). Дурное обращеніе родныхъ, на которое онъ жалуется, гораздо важнѣе, чѣмъ можно бы предположить на первый взглядъ. Этимъ неяснымъ намекомъ пожилой Свифтъ хотѣлъ указать на обидное, заброшенное положеніе, которое юношѣ создали родные, и именно дядя, принявшій на себя заботы о

его воспитаніи. Уже отдача въ университетъ была равносильна принудительному разлученію съ матерью, которую родня мужа не взлюбила. Мать вскорѣ должна была искать пріюта у родныхъ въ Англіи, и сынъ остался одинокимъ среди искушеній студенческой жизни, безъ поддержки, безъ средствъ даже для того, чтобы пріобрѣтать любимыя книги. О немъ порою почти совсѣмъ забывали, не высылая денегъ; честолюбивые замыслы, проносившіеся въ впечатлительномъ умѣ, каждый разъ разбивались о горькое сознаніе, что ничему не бывать, что онъ войдетъ въ жизнь ничтожнымъ голякомъ и что ему не на что надѣяться. Это такъ грызло его, что подъ конецъ онъ на все махнулъ рукой и фаталистически увѣровалъ въ свою несчастную звѣзду.

Добывъ съ трудомъ первую ученую степень (магистромъ онъ сталъ уже въ Оксфордѣ), Джонатанъ не успѣлъ еще оглянуться вокругъ себя и приготовиться къ борьбѣ за существованіе, какъ необходимость понудила его все бросить, покинуть Ирландію и отплыть въ Англію искать удачи. Давно готовившееся ирландское возстаніе разразилось въ 1689 г. уличными столкновеніями въ Дублинѣ; между ирландцами, предводимыми Тэрконнелемъ, и англичанами разгорѣлась вражда; всѣ дѣла остановились, изъ университета все разбѣжалось. Свифту пришлось впервые стать лицомъ къ лицу съ народнымъ ирландскимъ движеніемъ; онъ не сознавалъ еще тогда его смысла, и долго послѣ того любилъ налегать на то, что онъ не ирландецъ родомъ, а сынъ англійскихъ переселенцевъ, хотя родился и большую часть жизни провелъ въ этой странѣ. Лишь на склонѣ лѣтъ пришлось ему стать во главѣ того движенія, котораго онъ юношей не понялъ и отъ котораго спасся бѣгствомъ.

Желая помочь сыну выбраться изъ неопредѣленнаго положенія, мать Свифта подумала о возможности покровительства со стороны выдающагося политическаго дѣятеля предшествовавшей поры, жившаго на покоѣ, но не утратившаго ни связей, ни вліянія. Это былъ сэръ Вильямъ Темпль, государственный человѣкъ, начитанный дилеттантъ, сторонникъ классическихъ вкусовъ въ литературѣ. Онъ былъ когда-то близокъ къ одному изъ членовъ семьи Свифтовъ; жена его была сродни матери Джонатана. Во время вспомнились эти связи, и вскорѣ мы видимъ Свифта приглашеннымъ въ Мyръ-Паркъ, резиденцію Темпля, а затѣмъ занимающимъ въ его домовомъ штатѣ опредѣленную должность.

Въ уютномъ затишьѣ бывшаго министра, добровольно превратившагося въ Цинцинната, Джонатанъ впервые былъ направленъ судьбой на политическіе и литературные пути, съ которыхъ ему не суждено было никогда сходить. Студентъ, выросшій въ буржуазной средѣ, очутился въ кругу высшей знати, мало-по-малу проникъ въ тайны,руководя-

щія политикой, въ лицѣ Темпля и его друзей (наприм., Драйдена, пользовавшагося репутаціей первостепеннаго поэта) увидалъ передъ собою передовыхъ представителей литературы. Новый міръ захватывалъ его; ему грезилась самостоятельная жизнь, дающая просторъ дарованіямъ, которыя онъ сознавалъ въ себѣ; покровительство Темпля должно было создать его будущность. Но по мѣрѣ того, какъ росло нетерпѣніе, усиливалось и разочарованіе. Темпль неспособенъ былъ вполнѣ оцѣнить и направить силы юноши и вначалѣ относился къ нему довольно поверхностно, чуть не пренебрежительно. Только послѣ того, какъ недовольный Свифтъ покинулъ его и пробылъ въ отсутствіи около полутора года, онъ сошелся съ нимъ ближе, сдѣлалъ его своимъ личнымъ секретаремъ, повѣреннымъ своихъ интимныхъ плановъ. Кажется, и Свифтъ раскаивался въ своей горячности...

Темпль держался тогда въ сторонѣ отъ дѣлъ, но король Вильгельмъ, помня услуги, оказанныя имъ во время дипломатическихъ переговоровъ въ Голландіи, относился къ нему съ уваженіемъ, совѣщался съ нимъ въ важныхъ дѣлахъ, лично являясь въ Муръ-Паркъ. Уединившись, Темпль предался своимъ любимымъ занятіямъ, читалъ классиковъ, отдыхалъ среди природы, сажалъ цвѣты въ паркѣ, который изрѣзалъ каналами по образцу Венеціи и голландскихъ городовъ; издали онъ прислушивался къ шуму столичной жизни, къ парламентскимъ распрямъ, для которыхъ вовсе не былъ созданъ. «При большихъ дарованіяхъ и душевной добротѣ,—говоритъ Лекки въ этюдѣ о Свифтѣ [1]),— Темпль былъ слишкомъ вялъ, непритязателенъ, слишкомъ эпикуреецъ, чтобы достигнуть высшей роли въ политикѣ; его любезное, обильное всякими милостями обхожденіе съ людьми, изысканный вкусъ и инстинктивное нерасположеніе ко всему безпокойному,—къ шуму и спорамъ,— выказывали въ немъ человѣка скорѣе способнаго блистать при дворѣ, чѣмъ въ парламентѣ. Въ одномъ изъ своихъ «Essays» онъ называетъ холодность темперамента, крови, а стало-быть, и всѣхъ человѣческихъ желаній высшей основой добродѣтели, и его характеръ почти осуществилъ этотъ идеалъ». Скользя по житейскимъ волненіямъ, Темпль не могъ понять, что волновало его бѣднаго родственника. Онъ далъ ему работу, иногда бесѣдовалъ о поэзіи, классикахъ, даже написалъ нѣсколько писемъ великосвѣтскимъ друзьямъ, прося найти мѣсто молодому человѣку, въ крайнемъ случаѣ пристроить его въ какомъ-нибудь колледжѣ. Разумѣется, такое ходатайство, сдѣланное вскользь, успѣха не имѣло.

Съ той поры, когда Свифтъ вторично поселился въ Муръ-Паркѣ,

1) Lecky. Four historical essays. Есть нѣмецкій переводъ Іоловица, Posen, 1873.

уже въ качествѣ секретаря Темпля, участника его ученыхъ работъ, редактора собранія его сочиненій, все измѣнилось. Мнѣніе и голосъ его пріобрѣтаютъ значеніе. Онъ много перечелъ; бесѣды и споры съ знатокомъ литературы принесли свою долю пользы. Онъ принимается за подражанія Горацію, пишетъ поэмы на мелкіе случаи и, къ великому оскорбленію юнаго самолюбія, слышитъ отъ Драйдена предвѣщаніе, что ему не бывать поэтомъ.

Но недовольство попрежнему глодало его, и что-то манило впередъ, на невѣдомое, но блестящее поприще. На одну минуту, казалось, случай къ тому представился; король спросилъ совѣта у Темпля относительно страшившаго его утвержденія билля о трехлѣтнемъ срокѣ дѣятельности палатъ. Темпль сообщилъ ему успокоивающее мнѣніе, но, желая усилить свои доводы, воспользовался пріѣздомъ короля, чтобы поручить личный докладъ по этому вопросу своему секретарю, замолвивъ кстати слово и о его карьерѣ. Свифтъ подходилъ, казалось, къ источнику благъ. Но удача и здѣсь оборвалась. Король, выслушавъ тщательно обработанные Свифтомъ и подкрѣпленные историческими и юридическими ссылками доводы, остался при своемъ мнѣніи, но вообще былъ очень милостивъ: удостоилъ собственноручно показать голландскій способъ рѣзанія и приготовленія спаржи, а насчетъ карьеры предложилъ Свифту зачислить его кандидатомъ въ любой кавалерійскій полкъ... Полнѣе фіаско нельзя было ожидать, и чело недовольнаго честолюбца стало еще пасмурнѣе. Нельзя же ему весь вѣкъ свой провести около дряхлѣющаго старика, исполняя его капризы и тратя силы на работу не по душѣ!

Но въ прискучившемъ ему, чуть не ненавистномъ, домѣ было что-то, что примиряло его съ жизнью, вызывая нѣжное чувство отеческой заботливости и ласки, а потомъ восторженнаго удивленія и любви Въ числѣ главныхъ лицъ домашняго штата Темпля и сестры его, леди Джиффардъ, была распорядительница хозяйства этой дамы, мистрисъ Джонсонъ, сразу ставшая въ дружескія отношенія къ Свифту, который любилъ заходить къ ней бесѣдовать. У нея выростала, всѣмъ на удивленіе, красавица-дочка, Эсѳирь. Ей было еще семь лѣтъ, но по своей внѣшности, тонкимъ, пластическимъ очертаніямъ художественно правильнаго лица, роскошнымъ волосамъ и глубокимъ черными глазамъ она обѣщала развиться въ замѣчательную красавицу. Несмотря на большую разницу лѣтъ, Свифтъ привязался къ этому ребенку. Она развивалась на его глазахъ; сначала онъ лепеталъ съ ней на смѣшномъ жаргонѣ, который дѣти придумываютъ между собой, потомъ сталъ учить ее грамотѣ, водилъ ея ручкой по бумагѣ, пріучая писать, разъяснялъ ея дѣтскія недоумѣнія, отвѣчалъ на ея вопросы. Онъ самъ не

замѣчалъ, какъ сильно привязывался къ ней. Еще нѣсколько лѣтъ, и она загорѣлась яркой *звѣздой* на его небосклонѣ и стала его дорогой *Стеллой*.

Когда Темпль вспоминалъ впослѣдствіи о житьѣ у него Свифта, онъ придавалъ прежнему собесѣднику эпитетъ человѣка неуживчиваго, тяжелаго въ обращеніи. Дѣйствительно, безпокойство, овладѣвавшее порою Свифтомъ, шло слишкомъ въ разрѣзъ съ настроеніемъ старика, искавшаго всюду гармоніи и спокойствія; въ хандрѣ, смѣнявшейся раздраженіемъ, мелькали признаки душевной болѣзни, которая не разлучалась со Свифтомъ во всю жизнь, словно стерегла каждый его шагъ, отравляла мысли, пыталась завладѣть имъ, пока, къ концу его дней, не достигла полной побѣды. Въ одинъ изъ наиболѣе острыхъ пароксизмовъ недовольства Свифтъ рѣзко разрываетъ съ покровителемъ, уѣзжаетъ въ Ирландію, напоминаетъ о себѣ знакомымъ въ Trinity College, добивается посвященія въ санъ пастора и получаетъ небольшой приходъ въ Кильрутѣ, сѣверномъ ирландскомъ мѣстечкѣ.

Этотъ неожиданный переворотъ, конечно, поразителенъ. У Свифта не было никакихъ слѣдовъ набожности; въ университетѣ онъ чуть не прослылъ безбожникомъ. Но, какъ вѣрно замѣчаетъ Форстеръ [1]), въ ту пору въ Англіи духовный санъ вовсе не обособлялъ человѣка отъ мірскихъ дѣлъ; напротивъ, онъ какъ бы содѣйствовалъ достиженію свѣтскихъ цѣлей, давалъ возможность занимать дипломатическіе посты, вліять на политику, быть правою рукой министра, губернатора, вице-короля. Это было ослабленное отраженіе тѣхъ нравовъ, которые еще своеобразнѣе развивались во Франціи 17—18 в., съ ея аббатами и аббатиссами, нерѣдко дававшими тонъ салонной и галантной жизни, или въ Италіи, гдѣ духовныя лица бывали поэтами любви и сладострастія, авторами развязно циническихъ комедій, оперными композиторами. Свифтъ, облачившись въ одежду пастора, не думалъ, что вызываетъ крутой переломъ въ своей судьбѣ. Онъ могъ считать это только переходною ступенью къ чему-нибудь лучшему, могъ ждать, что не сегодня, завтра его вызовутъ въ средоточіе цивилизованной жизни для иного дѣла. Но никуда не звали его; приходилось не на шутку приниматься за роль пастыря душъ. Все показное, ритуальное въ религіи, все, что отзывалось жречествомъ, возмущало его, но онъ считалъ своею обязанностью добросовѣстно исполнять то, что было человѣчнаго и полезнаго въ его служеніи. Онъ старательно отдѣлывалъ проповѣди, какъ въ первыхъ своихъ деревенскихъ приходахъ, гдѣ слушателями были простоватые сквайры, такъ и подъ конецъ жизни, въ Дублинѣ,—проповѣди, которыя много-

---

1) The life of J. Swift, p. 70—71.

ми [1]) считаются образцовыми, конечно, не съ богословской точки зрѣнія. Иной разъ и въ нихъ замѣтенъ сатирическій пріемъ, но то была не карикатурная фонвизинская проповѣдь сельскаго попа, а изящная ткань ироніи. Ставъ членомъ High-Church, Свифтъ считалъ долгомъ стоять за права ея, добиваться для нея льготъ, усвоить себѣ до нѣкоторой степени корпоративный духъ. Но жестоко бы ошибся тотъ, кто на основаніи этихъ данныхъ счелъ бы его заурядным церковникомъ. Все это была добросовѣстная внѣшность. Мысли иного рода наполняли умъ, терзали, не давали покоя, и умственная работа, разжигаемая одиночествомъ, окрѣпла именно въ годы спокойнаго житья въ Кильрутѣ. Схоластика, которою его мучили въ университетѣ, барство и надменность аристократовъ, съ которыми приходилось сталкиваться, закулисныя стороны политической жизни, наблюденія надъ клерикализмомъ, нетерпимостью, предразсудками, гнетомъ на совѣсть—вотъ тотъ обзоръ заблужденій и терзаній человѣчества, который привелъ его къ выводу о несчастной долѣ разума. Такъ сложились матеріалы для одного изъ важнѣйшихъ обличительныхъ произведеній Свифта—«Сказки о бочкѣ» (Tale of a tub), появившейся въ печати нѣсколько лѣтъ спустя (1701).

Не однимъ лишь этимъ блестящимъ литературнымъ дебютомъ отмѣчена была его жизнь въ глуши; тамъ впервые одержана была побѣда надъ женскимъ сердцемъ, открывающая собой лѣтопись тревогъ и увлеченій любви, столь знаменательныхъ въ его душевной жизни. Свою первую героиню, которую онъ поэтически переименовалъ въ Варину, онъ воспѣвалъ въ стихахъ и нѣжной перепискѣ. Но и въ этой первой любви онъ своеобразенъ. Сначала онъ мечталъ о бракѣ, умоляя подождать, пока положеніе его станетъ прочнѣе; это, очевидно, сказано сгоряча и необдуманно; нерѣшительность Варины его отрезвляетъ. Связь на вѣкъ страшитъ его; онъ вѣритъ только въ свободное чувство, гдѣ обѣ стороны вполнѣ самостоятельны въ своихъ рѣшеніяхъ. Даже впослѣдствіи, когда судьба сближала его съ женщинами несравненно развитѣе и обаятельнѣе Варины и онъ сталъ проповѣдывать подъемъ женскаго образованія, мысль о бракѣ продолжала казаться ему такою же несимпатичною, какъ въ молодые годы. Кругомъ себя онъ видѣлъ столько неудачныхъ, необезпеченныхъ и несчастныхъ браковъ, что невольно призадумывался. «Если когда-нибудь я и упрочу свое положеніе,—писалъ онъ одному знакомому,—меня вообще такъ трудно удовлетворить, что я ужъ лучше отложу все это до жизни на томъ свѣтѣ»...

Отношенія къ Варинѣ, раздутыя сплетней, желаніе вырваться на волю, наконецъ ласковыя приглашенія Темпля, привели къ тому, что

---

[1]) Forsyth, Novels and novelists of the 18-th century. 1871, p. 15.

Свифтъ торопливо выхлопоталъ себѣ отпускъ, допустилъ какого-то интригана отбить у него приходъ и, свободный, снова явился въ Муръ-Паркъ уже въ полноправной роли сотрудника въ ученыхъ работахъ покровителя. Темплю важна была его помощь въ эту минуту. Необдуманно принялъ онъ участіе въ ученой распрѣ, загорѣвшейся спачала во французской литературѣ, быстро перекинувшейся черезъ каналъ и возбудившей не менѣе страстную полемику и въ Англіи. Послѣ поэмы Перро, провозгласившей превосходство современной поэзіи надъ древне-классической, но не изъ симпатіи къ прогрессу мысли и творчества въ новѣйшемъ человѣчествѣ, а изъ льстиваго благоговѣнія передъ блескомъ культуры Людовика XIV, рѣзко обозначились два враждебныхъ стана ученыхъ, критиковъ и поэтовъ. Война эта, мелкая, полная праздныхъ словопреній и нетерпимости, вызывала не разъ смѣшныя пародіи; одною изъ нихъ была рѣдкая теперь книга, написанная дипломатомъ и членомъ академіи, Франсуа де-Калльеромъ, Histoire poétique de la guerre nouvellement déclarée entre les anciens et les modernes». Въ Англіи вождями обѣихъ армій выступили Темпль, какъ глава классиковъ-старовѣровъ, и превышавшій его талантомъ и эрудиціей Бентлей, предводившій защитниками новой науки. И тутъ было выказано вдоволь крайностей: либо утверждали, что внѣ древнихъ писателей нѣтъ спасенія, что современные авторы недостойны разрѣшить имъ ремень у сапога; либо слышались самодовольные и пренебрежительные отзывы о несовершенствѣ формы и содержанія, свойственной отдаленной порѣ человѣчества. Темпль былъ неукротимъ, какъ будто считая, что достойно завершитъ свою жизнь, если защититъ любезную старину. Въ пылу спора онъ сдѣлалъ грубую ошибку, тотчасъ поднятую на смѣхъ противниками. Онъ повѣрилъ въ подлинность такъ называемыхъ «посланій Фаларида», цитировалъ ихъ, опирался на нихъ. Ему доказали его промахъ, цѣлымъ хоромъ прокричали о немъ и, забывая иногда о настоящемъ предметѣ спора, тѣшились, поддразнивая Темпля.

Свифтъ, быть-можетъ, по просьбѣ его, вмѣшался въ борьбу и, позаимствовавъ у де-Калльера обстановку сатирической сцены, назвалъ выпущенную имъ безыменно сатиру «Битвой книгъ» (The battle of the books). Это не первостепенное произведеніе, но въ немъ уже сказались многіе важные пріемы Свифтовой манеры, наприм., умѣнье выдержать сплошную аллегорическую картину, наполнивъ ее тысячами бойкихъ и понятныхъ всѣмъ намековъ.

Авторъ признается, что его давно безпокоила мысль о томъ, какъ неуютно книгамъ разнороднаго, часто враждебнаго другъ другу, направленія быть принужденными, по прихоти библіотекаря, стоять рядомъ или вперемежку... Вотъ что дѣйствительно произошло въ про-

шлую пятницу въ Сентъ-Джемскомъ книгохранилищѣ. Смѣшанныя пристрастнымъ и недогадливымъ библіотекаремъ (Бентлеемъ), который поставилъ новѣйшія сочиненія на лучшія мѣста, возмутившіяся книги затѣяли междоусобіе. Новыя книги, желая отстоять свое положеніе, посылаютъ эмиссара по всѣмъ комнатамъ, чтобы счесть свои силы; ихъ до 50.000, впрочемъ плохо вооруженныхъ. Старики тоже спѣшатъ сплотиться. Завязывается споръ, сначала умѣренный. Новички согласны допустить, что нѣкоторые изъ нихъ по малодушію заимствовали коечто у старыхъ писателей. Но страсти разгораются; на полкахъ все зашевелилось; поднимаются облака пыли. Наконецъ, въ бой выступаютъ двѣ правильно выстроившіяся рати. Мужество и стройность на сторонѣ классиковъ, запальчивость и легкомысліе отличаютъ новое поколѣніе. Гомеръ ведетъ конницу, Эвклидъ—главный инженеръ, Гиппократъ начальствуетъ драгунами, Геродотъ и Ливій—пѣхотой и т. д. Въ дѣло вмѣшиваются съ одной стороны боги Олимпа, съ другой—духъ Критики со всею его семьей: Мнѣніемъ, Шумомъ, Безстыдствомъ, Педантизмомъ. Мало-по-малу силы молодежи, несмотря на назойливость Буало, Декарта, Гоббза, начинаютъ слабѣть. Завязываются поединки Аристотеля съ Бэкономъ, Виргилія съ Драйденомъ и т. д. Наконецъ, главные виновники спора, Бентлей и Уоттонъ съ одной стороны, Темпль и Бойль съ другой вступаютъ въ послѣдній бой, и оба врага старины убиты.

Въ этомъ памфлетѣ видна еще неумѣренная горячность. Свифтъ далеко не былъ исключительнымъ поклонникомъ старины, но увлекся желаніемъ унизить противниковъ Темпля и, нападая на крохотныя дарованія нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ *общемъ* приговорѣ осудилъ и важнѣйшія завоеванія новой мысли. Доискиваясь его собственнаго взгляда, какъ онъ сложился въ ту пору, мы найдемъ его въ эпизодѣ о паукѣ и пчелѣ, чей неожиданно разгорѣвшійся въ углу библіотеки споръ невольно заставилъ оба лагеря книгъ на мгновеніе примолкнуть и вслушаться. Паукъ, какъ бы ни гордился въ своей цитадели, случайно прорванной пчелою, играетъ жалкую роль; онъ искусенъ и, можетъ-быть, много знаетъ, но осужденъ вѣчно копошиться въ своемъ углу, не видѣть ничего далѣе трехъ-четырехъ дюймовъ вокругъ себя; у пчелы и полетъ широкъ, и она свободна, но въ то же время привыкла къ долгому исканію и собиранію меда по каплямъ; покинувъ злого противника, она привольно и весело понеслась къ клумбѣ, пестрѣвшей розами.

Такимъ образомъ, недостатокъ широты мысли является въ глазахъ сатирика ущербомъ современнаго направленія. Если бы онъ ограничилъ приговоръ такъ называемой изящной литературой, онъ не былъ бы неправъ, но онъ какъ будто не захотѣлъ видѣть расцвѣта новой

философіи, гуманной проповѣди соціальныхъ наукъ, обновленія политической свободы,—всѣхъ славныхъ итоговъ треволненнаго семнадцатаго столѣтія, вліявшихъ уже на духъ словесности и создавшихъ для Англіи положеніе руководительницы всей мыслящей Европы.

Когда писались наиболѣе бойкія страницы памфлета и обдумывались основныя черты слѣдующей и важнѣйшей сатиры, Свифтъ уже былъ подъ вліяніемъ чарующаго чувства, которое наполняло его весельемъ и охотой жить. Маленькая звѣздочка блистала теперь, на переходѣ изъ дѣтскаго возраста, пышной красотой. Въ біографической запискѣ, составленной Свифтомъ впослѣдствіи, вслѣдъ за ея смертью, онъ такъ описываетъ свою молодую подругу: «Она была болѣзненна съ ранняго дѣтства до пятнадцати лѣтъ, потомъ совершенно поздоровѣла, и всѣ ее считали одной изъ красивѣйшихъ, граціознѣйшихъ и обходительныхъ молодыхъ дѣвушекъ въ Лондонѣ; ее немного портила только нѣкоторая полнота. Волосы ея были чернѣе воронова крыла, и каждая черта лица ея была совершенствомъ... Никогда ни одна женщина не была въ такой степени одарена отъ природы въ умственномъ отношеніи, и никто не сумѣлъ такъ развить свои дарованія чтеніемъ и бесѣдой, какъ она. Никогда не бывало такого счастливаго соединенія вѣжливости, свободы мнѣній, непринужденности и откровенности. Могло казаться, будто всѣ сговорились относиться къ ней съ почтеніемъ, превышавшимъ ея скромное положеніе въ свѣтѣ, а въ то же время всякій находилъ, что ни въ чьемъ обществѣ онъ не чувствуетъ себя такъ привольно». Если изъ этого восторженнаго отзыва исключить то, что относится къ характеристикѣ Эсѳири въ позднѣйшіе годы, когда всѣ способности ея развились, то и тогда мы поймемъ обаяніе, которое, по словамъ современниковъ, производила граціозная и умная дѣвушка.

Ей уже было 16—17 лѣтъ, но установившіяся между нею и ея учителемъ, товарищемъ ея игръ, дружескія отношенія оставили слѣдъ и на новомъ ихъ сближеніи, освященномъ любовью. Ни она, ни онъ не могли отстать отъ прежнихъ привычекъ; какъ въ былые годы, они смѣшивали въ разговорѣ обычный языкъ съ наивнымъ нарѣчіемъ, обильнымъ уменьшительными именами, наконецъ совсѣмъ вымышленными словами, которое они вмѣстѣ когда-то выдумали и на которомъ имъ такъ хорошо говорилось. Они были нѣжны другъ съ другомъ, но это не была нѣжность отца съ дочерью или ласка влюбленныхъ; долго ни одного слова любви не было произнесено. Имъ просто хорошо жилось, они были счастливы вмѣстѣ; необъяснимая притягательная сила, отличавшая его, все крѣпче привязывала ее къ нему.

Но смерть дряхлѣвшаго Темпля прервала это счастливое затишье.

Все вокругъ пошло вразбродъ. Дальнѣйшее присутствіе Свифта въ домѣ сдѣлалось ненужнымъ. Семья Темпля не расположена была къ его секретарю. Леди Джиффардъ уѣхала и взяла съ собой мать Эсѳири, но сама дѣвушка устроила свою судьбу совершенно иначе. Въ своемъ завѣщаніи Темпль, быть-можетъ, къ немалому удивленію его близкихъ, отказалъ миссъ Джонсонъ нѣсколько земель въ Ирландіи (злые языки и прежде называли ее незаконной его дочерью); она предпочла жить независимо на доходъ съ этихъ земель, пригласила съ собой подругу, съ этой поры не разстававшуюся болѣе съ нею, и поселилась въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ въ Англіи.

Рядъ неудачъ ожидалъ Свифта, такъ грубо выхваченнаго судьбой изъ покоя и довольства. Въ Ирландіи, куда онъ возвратился, этотъ новичокъ съ феноменальными дарованіями нигдѣ не могъ пристроиться. Съ трудомъ добылъ онъ себѣ мѣсто каплана въ Дублинскомъ замкѣ и вскорѣ сталъ оживляющимъ центромъ общества, группировавшагося вокругъ лорда Беркли. Дамы были въ восторгѣ отъ его остроумія; онъ писалъ для ихъ развлеченія шуточныя вещицы въ стихахъ; но, зная, какъ ненадежно зависѣть отъ офиціальнаго лица, которое при первой же перемѣнѣ вѣтра въ политикѣ можетъ быть смѣнено, онъ, на всякій случай, желалъ заручиться приходомъ, не имѣя охоты тотчасъ отправляться къ мѣсту. Однако друзья и покровители смѣялись его остротамъ и импровизаціямъ, но ничего прочнаго и почетнаго не нашли для него. Беркли подалъ въ отставку вслѣдствіе перемѣнъ въ министерствѣ, и Свифту пришлось войти въ болѣе чѣмъ скромную роль сельскаго священника. Мѣстечко Ларакоръ, куда онъ былъ назначенъ, стоило Кильрута. И не избавиться ему болѣе никогда отъ скромнаго титула ларакорскаго викарія; величайшихъ своихъ писательскихъ тріумфовъ и диктатуры политической достигнетъ онъ, оставаясь на дѣлѣ бѣднымъ деревенскимъ пасторомъ.

II.

Только первое время, когда приходилось заботиться объ устройствѣ собственной судьбы, Свифтъ могъ прожить врозь отъ молодой ученицы; но лишь только онъ обжился въ новомъ своемъ положеніи, какъ имъ завладѣла мысль переселить къ себѣ миссъ Джонсонъ. Онъ нашелъ въ Ларакорскомъ пасторатѣ все въ запущенномъ видѣ: домикъ покривился, церковь была бѣдна, кругомъ былъ пустырь. Благодаря энергіи новаго викарія все мало-по-малу преобразилось. Домъ обновился, раскинулся красивый садикъ съ затѣями роскошныхъ парковъ (часть Свифтовыхъ построекъ и сада сохранились до сихъ поръ). Принарядилась и цер-

ковь. Но и здѣсь бѣдность и малолюдство были такія же, какъ въ Кильрутѣ; на первой службѣ Свифта присутствовалъ лишь церковный сторожъ, а въ лучшіе дни набиралось человѣкъ пятнадцать-двадцать. Свифтъ имѣлъ право считать себя ссыльнымъ и, видя, въ какомъ состояніи отупѣнія, невѣжества и бѣдности находится народъ, возненавидѣлъ необходимость зарыться въ Ирландіи. Но просвѣта не было; ни поѣздка въ Лондонъ, ни искусно брошенный въ обострившуюся борьбу между торіями и вигами первый политическій памфлетъ Свифта (On the Dissensions in Athens and Rome), произведшій впечатлѣніе, но, изъ осторожности, безыменный, не принесли никакого улучшенія судьбы. Нужно было мириться съ тѣмъ, что выпадало на долю, и Свифтъ рѣшается наконецъ осуществить давно лелѣянный планъ. Онъ отыскиваетъ миссъ Джонсонъ въ ея захолустьѣ, разъясняетъ ей, въ какой степени выгоднѣе было бы для нея съ подругой жить въ Ирландіи, гдѣ капиталъ можно помѣстить несравненно прибыльнѣе, гдѣ находятся земли, завѣщанныя ей Темплемъ, и гдѣ дѣвушка будетъ близко отъ своего стараго друга. Сердечное влеченіе внушило ей то же, что поддерживалъ разсудокъ, и въ 1700 г. пріятельницы навсегда выселились изъ Англіи.

Два существа, казалось, давно къ тому предназначенныя, соединялись въ тѣсномъ союзѣ. Свифтъ даетъ ей имя Стеллы, связавъ его отнынѣ съ своимъ въ памяти потомства. Она, дѣйствительно, какъ яркая спасительная звѣзда, освѣтила его тревожную, больную, разъѣдаемую недовольствомъ и грустью, душевную жизнь. Онъ посвящалъ ее во всѣ свои дѣла и помышленія. Уѣзжаетъ ли онъ въ недолгую отлучку или на продолжительный срокъ, онъ мысленно съ нею и его письма дышатъ искренней нѣжностью. Когда впослѣдствіи политическія тревоги вызвали его въ Лондонъ, онъ заводитъ дневникъ, гдѣ описываетъ Стеллѣ въ немногихъ, но характеристическихъ словахъ все, что видѣлъ, испытывалъ въ тотъ день, и съ разсказомъ о крупныхъ событіяхъ смѣшивается шаловливая болтовня, словно съ ребенкомъ, о томъ, что-то въ это время подѣлывала Стелла: теперь, вѣроятно, она встала, идетъ въ садъ, своими ручонками срываетъ розы; къ ней идутъ гости, сосѣдній викарій съ женой; вотъ они садятся за карточный столикъ,—и Богъ вѣсть чего не пригрезится Джонатану, который переживаетъ всѣ мелочи жизни своей подруги, осыпая ее тысячью нѣжныхъ названій, по большей части въ условныхъ сокращеніяхъ, которыя лишь недавно были сколько-нибудь сносно поняты, а до настоящей поры тщательно опускались цѣломудренными издателями Свифтовыхъ произведеній [1]).

[1]) Такъ *M. D.* въ этой перепискѣ значитъ *my dear* (моя дорогая), Ppt—*poor pretty thing* (бѣдненькая милая крошка), тогда какъ псевдонимъ самого Свифта, *ote-*

Этотъ *Journal to Stella* [1]) навсегда останется памятникомъ сердечныхъ отношеній двухъ замѣчательныхъ людей своего времени и образцомъ мастерски веденнаго дневника, отражающаго какъ въ зеркалѣ жизнь человѣка изо дня въ день.

Но у этого страннаго существа, сложеннаго изъ противорѣчій, и въ задушевномъ отношеніи къ его «доброму генію», какъ назвалъ Стеллу Теккерей [2]), есть неизбѣжная двойственность, порой загадочная. Съ тѣхъ поръ какъ Стелла прибыла въ Ирландію, она никогда не жила подъ одною крышей со Свифтомъ, но всегда была гдѣ-нибудь поблизости. Лишь въ его отсутствіе она имѣла право жить у него, что въ первое время порождало немало сплетенъ. Она бывала у него хозяйкой на сборищахъ, оживляла ихъ, но передъ свѣтомъ не имѣла никакихъ правъ въ его домѣ. Его нѣжность къ ней часто отъ отеческаго тона переходитъ почти къ тону любовника, но никто не могъ прослѣдить дѣйствительно страстныхъ отношеній между ними, такъ что одни біографы прямо говорятъ о платоническомъ характерѣ этой безконечно долгой связи, тогда какъ другіе, подобно Вальтеръ-Скотту, принуждены предполагать вліяніе физическаго недостатка [3]). Свифтъ съ скрытымъ неудовольствіемъ разстроилъ искательство какого-то жениха, но самъ никогда не хотѣлъ и думать о бракѣ. И при всемъ томъ она не перестаетъ жить его интересами и заботами, цѣлыми годами не видитъ его, но вѣритъ въ его привязанность. Онъ сближается съ другими женщинами, одерживаетъ надъ ними побѣды, но въ завѣтномъ уголкѣ сердца умѣетъ сберечь преданность Стеллѣ и пишетъ ей ласковыя письма.

Когда Свифту приходилось бывать въ Лондонѣ по личнымъ дѣламъ или по порученіямъ своего начальства, онъ все внимательнѣе вглядывался въ сложныя политическія отношенія; Темпль своими разсказами о людяхъ и нравахъ далъ ему ключъ къ ихъ пониманію. Перемѣнился правитель, насталъ новый режимъ, открылась безцеремонная борьба честолюбій и хищничества, облегченная безхарактерностью и ограниченностью королевы Анны, чье царствованіе страннымъ образомъ совпало съ блестящею порой дѣятельности Свифта. Обѣ главныя партіи не пренебрегали ничѣмъ для достиженія власти, интриговали

видно, взятый изъ шутливаго прозвища, даннаго ему Стеллой—Pdfr (poor dear foolish rogue), является непереводимымъ смѣшеніемъ ласковыхъ и укоризненныхъ словъ.

1) Онъ много разъ былъ изданъ, но снабженъ обстоятельными примѣчаніями лишь въ новѣйшемъ изданіи Эткена (The journal to Stella, ed. with introduction and notes by George A. Aitken, London. 1901).

2) The english humorists. L. 1853, p. 43.

3) Это мнѣніе подкрѣплено и въ новѣйшемъ итальянскомъ этюдѣ о Свифтѣ,— Andrea Loforte Randi, Nelle letterature straniere. Pessimisti. Palermo, 1902.

при помощи приживалокъ и фаворитовъ королевы и ждали милостей съ задняго крыльца. Зоркій наблюдатель могъ предсказать, когда одержитъ верхъ та или другая изъ спорящихъ сторонъ, и воспользоваться этимъ успѣхомъ, чтобы осуществить личныя намѣренія или провести въ жизнь дорогую ему идею. И виги, и торіи представлялись Свифту одинаково подходящими орудіями въ рукахъ человѣка съ волею и умомъ. О, еслибъ только дали ему дѣйствовать! Онъ не посмотритъ тогда на кличку и ярлыкъ, украшающій его клевретовъ, и заставитъ ихъ дѣлать то, что онъ захочетъ. Не всѣ ли они притворяются преданными извѣстнымъ принципамъ, тогда какъ ими движетъ одинъ лишь эгоизмъ, нажива, кастовый духъ!.. Онъ понялъ, что памфлетъ, пущенный умѣлой рукой, мѣткое обличеніе, могутъ сдѣлать чудеса, и рѣшился бросить, хоть на время, свое захолустье и перенестись въ центръ столичной толчеи.

Неприглядна картина англійскаго дореформеннаго парламентаризма XIX в., обрисованная нѣсколькими сатириками, въ особенности Диккенсомъ, и сводящая самоуправленіе цѣлой страны къ полновластію двухъ-трехъ семей, захватывающихъ въ свои руки всѣ вліятельныя должности; но въ то переходное время (конецъ XVII и начало XVIII вѣка) этотъ порядокъ вещей производилъ удручающее впечатлѣніе. Не было надеждъ на лучшее будущее, не было гласности парламентскихъ преній, зоркаго контроля печати, общественнаго мнѣнія, митинговъ, сходокъ, демонстрацій, зарожденія новыхъ партій. Два вражескихъ стана боролись, оживленные мстительностью и ненавистью. Едва достигнута власть,—первая забота о мщеніи. Время еще грубое, старинная свирѣпость свѣжа въ памяти; за два царствованія передъ тѣмъ была въ ходу плаха, еще висѣлица повсюду щедро примѣняется, измѣнниковъ бросаютъ въ Тоуэръ и судятъ инквизиціоннымъ способомъ. Первые шаги Свифта въ Лондонѣ навели его на начатое только-что передъ тѣмъ уголовное дѣло, гдѣ лорды Оксфордъ, Соммерсъ, Портландъ и Галифаксъ обвинялись въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ. Безправный народъ, чьимъ мнѣніемъ нахально спекулировали, пуская въ ходъ при выборахъ подкупы, застращиванья и другія средства, которыми справедливо прославилась старая избирательная практика въ Англіи, презрительно игнорировался. Свифтъ слишкомъ близко зналъ жизнь бѣдныхъ людей, въ своемъ служеніи сталкивался вдоволь съ народомъ, небольшія путешествія любилъ дѣлать пѣшкомъ, приставая къ обозникамъ, ночуя въ тавернахъ, вмѣшиваясь въ толпу. Всегда живы и ясны были передъ нимъ народныя испытанія, и, хотя большую часть жизни ему пришлось проводить съ аристократами, онъ въ глубинѣ души остался заклятымъ врагомъ барства.

Единственная сила, способная обуздать своеволіе правившихъ классовъ, тогда только что нарождалась. Послѣ широкаго развитія политической прессы въ дни революціи и республики долгій застой парализовалъ руководящее дѣйствіе печати на жизнь. Журналистика возродилась, но избирала болѣе осторожный путь сатирическаго, вѣрнѣе—правоучительнаго или правоописательнаго листка, разсчитаннаго скорѣе на семейное воспитывающее чтеніе, чѣмъ на страстную борьбу съ злобой дня. Понемногу сходились дѣятели того кружка, который создалъ англійскую сатирическую журналистику, ставшую вскорѣ образцомъ для «моральныхъ изданій» всего континента [1),—Аддисонъ, Стиль и ихъ сотрудники. Юморъ Свифта и выказанныя имъ способности публициста предназначали его не только войти въ этотъ кружокъ на правахъ рядового его члена, но и пріобрѣсти значеніе руководителя, ведущаго остальныхъ за собою въ аттаку. Ему недоставало также открыто дѣйствующаго политическаго органа. Неудовлетворяемая потребность въ немъ вызывала подпольную, потаенную литературу, произведенія которой широко распространялись, какъ все, что скрашивается заманчивостью запрета. Всего удобнѣе было провести свою мысль въ толпу, изложивъ ее въ памфлетѣ, безыменномъ листкѣ, продающемся изъ-подъ полы. Grub-Street въ Лондонѣ была наполнена лавчонками и печатнями, которыя исключительно жили такими изданіями, искусно прятали станки, но иногда отваживались открыто выставить свою фирму, не смущаясь преслѣдованіями безцеремонной администраціи, умѣвшей и послѣ отмѣны цензуры въ 1694 году вытравлять оппозиціонныя мысли. Нельзя удивляться процвѣтанію подобной литературы, въ рядахъ которой вскорѣ оказался и Свифтъ, съ вольтеровскимъ самодовольствомъ забавлявшійся мистификаціей ближайшихъ къ нему лицъ. Вмѣстѣ съ сатирическими журналами памфлеты были единственнымъ спасеніемъ при отсутствіи правиль-

---

1) Вліяніе „Spectator'а", „Tatler'а" и другихъ руководящихъ изданій перваго періода англійской журналистики на зарожденіе европейской правоучительной прессы XVIII вѣка выясняется все очевиднѣе. Журналъ Мариво былъ сколкомъ съ „Зрителя", копенгагенскій „Spectateur du Nord" занесъ эту моду на скандинавскій сѣверъ, швейцарскіе и гамбургскіе листки упрочили ее въ Германіи (см. работу о нихъ Kawczynski, Die Moralischen Zeitschriften, Studien zur Literaturgeschichte des 18 Jahrh., L., 1889); англійскіе и нѣмецкіе образцы вызвали русскія подражанія. На зависимость „Всякой всячины", „Живописца" и т. д. отъ англійскихъ изданій я указалъ, приведя примѣры, въ своей книгѣ „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ", М. 1883, стр. 78—81; несмотря на очевидность заимствованій, въ критикѣ послышались возраженія. Съ тѣхъ поръ вопросъ исчерпанъ въ статьѣ г. В. Солнцева, Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, I, „Всякая всячина и Спектаторъ", гдѣ обстоятельное сличеніе обоихъ изданій обнаружило, что правоучительная проповѣдь „Всячины" была просто переложеніемъ на русскіе нравы чужого матеріала.

ныхъ условій политическаго быта. Ежедневной печати не было, парламентскія пренія хранились въ тайнѣ, сложная канцелярская машина безнаказанно перемалывала и уродовала жизнь, но массу видимо охватывалъ уже токъ умственной энергіи. Тутъ-то неприглядная сѣробумажная литература минуты должна была явиться немаловажною силой; ея боялись, у нея заискивали; она призывала къ своему суду все порочное и преступное, не разбирая общественнаго положенія обличаемаго лица.

По вѣрному замѣчанію Форстера, Свифтъ никогда не принадлежалъ ни къ одной партіи. Онъ дорожилъ независимостью, возможностью критически относиться ко всѣмъ направленіямъ и, точно самостоятельная вооруженная сила, снисходилъ иногда до союза съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ. Когда онъ брался за перо, руководители виговъ или торіевъ ошибочно считали это вмѣшательство услугой ихъ дѣлу. Его привлекало обаяніе власти, которую печатное слово могло дать скромно поставленному человѣку, дѣлая его повелителемъ массъ. Помимо полезной стороны работы, это льстило и безграничному его самолюбію, разожженному невзгодами и разочарованіями. Ему доставляло удовольствіе ослѣпить человѣчество огнемъ желчныхъ насмѣшекъ, раскрыть тайныя пружины мнимо-великихъ событій, срывать маски съ притворщиковъ, скрываясь подъ шапкой-невидимкой и видя, какъ послушныя куклы приходятъ въ движеніе. Это была его месть всему порядку вещей за то, что онъ не оставилъ ему ни единаго уголка на солнцѣ [1]).

Выраженіемъ строгаго суда надъ общественнымъ строемъ, мало того, надъ всѣмъ человѣчествомъ, явилась «Сказка о бочкѣ» (Tale of a Tub), давно писавшаяся и, если вѣрить предисловію издателя, ждавшая только удобнаго времени для напечатанія. Удобно ли было избранное наконецъ время,—объ этомъ, кажется, нечего говорить. Раздражить то учрежденіе, въ средѣ котораго надѣешься достигнуть блестящей будущности, дать противъ себя оружіе врагамъ, возстановить набожную королеву противъ отъявленнаго безбожника и вольнодумца,—все это было бы странною непослѣдовательностью со стороны Свифта, еслибъ онъ былъ только искателемъ фортуны, какимъ онъ подчасъ можетъ казаться. Но въ напечатаніи «Сказки» именно въ ту пору, когда онъ явился въ Лондонъ, чтобъ улучшить свою судьбу, выразился страстный порывъ его натуры, когда молчитъ мелкое честолюбіе, жажда высказаться побуждаетъ забыть осторожность, и когда изъ деревенскаго священника внезапно вырастаетъ судья міровой исторіи.

«Сказка о бочкѣ»—произведеніе своеобразное и по формѣ, и по

1) Авторъ названнаго уже итальянскаго этюда о Свифтѣ называетъ его „пессимистомъ отъ рожденія и изъ мести людямъ". Loforte-Randi, Nelle letterature straniere. Pessimisti. 1902, 18.

слогу, и по идеѣ, и по обстоятельствамъ, при которыхъ оно появилось. Разсказать въ видѣ сказки жизнь человѣчества за длинный рядъ вѣковъ и коснуться религіозныхъ вопросовъ, пережитыхъ за это время, скрывъ все подъ наивнымъ иносказаніемъ исторіи какого-то крестьянскаго семейства, и эту фабулу слить съ остроумною критикой соціальныхъ и политическихъ отношеній—мысль смѣлая и, по правдѣ сказать, трудно выполнимая. Сплошная аллегорія можетъ утомить читателя, иносказательный языкъ съ теченіемъ времени можетъ утратить прозрачность намековъ. Языкъ сатиры умышленною рѣзкостью поражалъ блюстителей приличій; юморъ, порою смѣняющій язвительную насмѣшку, отзывался намѣренною безцеремонностью образовъ и сравненій. Щеголянье нескромностью, угловатостью пріемовъ впослѣдствіи вошло въ моду у передовыхъ французскихъ писателей 18-го вѣка, особенно у Вольтера, который, прочитавъ «Сказку», сталъ восторженнымъ поклонникомъ Свифта. Этотъ пріемъ долженъ былъ казаться имъ близкимъ и симпатичнымъ; въ привольѣ насмѣшливой фантазіи, тѣшившейся созданіемъ гротескныхъ образовъ, они видѣли возрожденіе своего національнаго достоянія, стараго галльскаго остроумія. Дѣйствительно, на Свифта вліяли старые французскіе писатели, съ Рабле во главѣ. Вліяніе Рабле на «Гулливерово путешествіе» не подлежитъ сомнѣнію; въ библіотекѣ Свифта найденъ экземпляръ Рабле, исписанный съ боку замѣтками и, стало-быть, составлявшій любимое чтеніе [2]). Можно предполагать, что и «Сказка» не обошлась безъ того же вліянія. Но кромѣ непринужденности сатирическихъ пріемовъ, она вызывала нападки неслыханнымъ, по мнѣнію правовѣрныхъ ханжей, неуваженіемъ къ религіи, ко всѣмъ существующимъ учрежденіямъ [3]). Большой былъ соблазнъ въ клерикальномъ лагерѣ.

Заглавіе не сразу можетъ быть понято. Авторъ объясняетъ его въ предисловіи. Вліятельныя лица въ одномъ государствѣ были озабочены размноженіемъ умныхъ головъ, которыя того и гляди примутся разоблачать слабыя стороны всего строя вещей, и совѣщались однажды между собой. Въ разговорѣ одинъ собесѣдникъ разсказалъ, въ видѣ притчи, объ обычаѣ моряковъ: когда они невзначай встрѣтятся съ китомъ, они для отвлеченія бросаютъ въ море пустую тонну (бочку),—они

---

[1]) См. его письма въ собраніи переписки, 1768 г., т. II и III.

[2]) Статья Гоше въ Jahrbuch für Literaturgeschichte, 1865, I, 156. — О свифтовскомъ культѣ Рабле—L. Charlanne. L'influence française en Angleterre au XVII s. 1906, p. 338—9.

[3]) Jusserand, „Histoire littéraire du peuple anglais", 1904, II, 376—7, указалъ предвѣстіе пріемовъ „Сказки о бочкѣ" у сатирика XVII вѣка Джона Донна, со свифтовской смѣлостью касавшагося религіозныхъ вопросовъ.

знаютъ, что китъ займется ею и дастъ время кораблю уплыть. Всѣ призадумались, выслушавъ притчу, но вскорѣ догадались однако, что корабль означаетъ собой государство, что китъ—это «Левіаѳанъ» Гобза [1]), нечестивая и вредная книга, породившая превратное направленіе новѣйшихъ философовъ и политиковъ. Догадались и о томъ, что мелкотравчатой семьѣ Левіаѳана необходимо бросить для ея развлеченія если не тонну, то «сказку о ней», которою бы она занялась, забывъ о вѣчныхъ нападкахъ на государство и церковь,—и поручили выполнить этотъ планъ автору сатиры. Объяснивъ заглавіе, увѣривъ читателя, что ограничится ролью правдиваго разсказчика и избѣжитъ обличительныхъ выходокъ (въ первой же главѣ онъ нарушаетъ обѣщаніе), онъ начинаетъ разсказъ, часто прерываемый отступленіями, собственно со второй главы.

Передъ нами развертывается фабула притчи, въ отправной точкѣ схожей съ тою, которая, странствуя по старой европейской повѣсти, являясь въ «Римскихъ Дѣяніяхъ», Декамеронѣ и т. д., перешла въ Лессингова «Натана» [2]) и развилась въ немъ до величественной защиты свободы совѣсти и равенства всѣхъ исповѣданій, вложенной въ уста представителя гонимой религіи, гуманнаго философа-еврея. Сходство колецъ, завѣщанныхъ отцомъ сыновьямъ въ Лессинговой притчѣ, приводитъ къ тому, что обладатель каждаго изъ нихъ считаетъ свое кольцо настоящимъ и чудодѣйственнымъ, и располагаетъ свою жизнь такъ, чтобы быть достойнымъ владѣть этимъ сокровищемъ. Это сходство и навѣки утраченная возможность открыть чье бы то ни было первенство приводятъ къ равенству и братству. Завѣщаніе отца у Свифта проповѣдуетъ единство и согласіе, но исполненіе его приводитъ къ раздорамъ, враждѣ и злобѣ. Изъ двухъ мыслителей одинъ взывалъ къ лучшимъ сторонамъ человѣчества, другой клеймилъ его и печально смѣялся надъ нимъ.

У одного человѣка, гласитъ сказка, было трое сыновей, родившихся одновременно, такъ что даже бабка не могла сказать, который изъ нихъ старше. Они были очень юны, когда отецъ, чувствуя близость смерти, призвалъ ихъ и въ прощальномъ словѣ сказалъ, что, не имѣя ничего за душой, даетъ имъ на память и въ наслѣдство лишь по новому платью, но эти платья способны никогда не изнашиваться и выростать, удлиняясь и расширяясь, по мѣрѣ роста человѣка. Давъ дѣтямъ указанія, какъ обходиться съ платьями, и обязавъ ихъ жить вмѣстѣ, въ согласіи, отецъ умираетъ; сила его завѣщанія была тако-

---

1) Leviathan, or the matter, form and power of a commonwealth, 1651.

2) Вопросъ о вліяніи Свифта на Лессинга разсмотрѣнъ у Caro, „Lessing und Swift“, 1869.

ва, что семь лѣтъ братья прожили душа въ душу... Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, раскроемъ иносказаніе,—далѣе оно все усложняется. Братья Петръ, Мартинъ, Джэкъ, изображаютъ католичество, англиканскую церковь и диссентеровъ; ихъ одѣяніе—первоначальное вѣроученіе; семь лѣтъ дружной жизни—семь первыхъ вѣковъ христіанства, сберегавшихъ основы религіи почти неизмѣнными; наконецъ завѣщаніе отца—Новый Завѣтъ.

Подросли братья и отправились жить въ городъ, себя показать. Скоро отвыкли они отъ грубыхъ манеръ, научились свѣтскимъ тонкостямъ и въ довершеніе всего влюбились въ трехъ знатныхъ дамъ. Увлекаясь мало-по-малу новымъ обществомъ, они стыдятся своей хорошей, но не модной одежды. Всѣ носятъ на плечѣ банты, у нихъ же этого и въ поминѣ нѣтъ. Завести модное хочется имъ, но они боятся нарушить волю родителя. Петръ, самый начитанный изъ нихъ и великій казуистъ, научаетъ ихъ, какъ посредствомъ натяжекъ и вычурныхъ толкованій, подбиранія буквъ и слоговъ они найдутъ въ завѣщаніи нужное имъ слово. Но мода пошла дальше; какой-то лордъ, вернувшись изъ Парижа, изумилъ всѣхъ золотымъ шитьемъ на кафтанѣ. Новое затрудненіе, новый казуистическій самообманъ,—и смиренная одежда покрылась галуномъ. Попавъ на торную дорогу, братья не останавливаются; появляются украшенія за украшеніями. Иными словами, церковь сблизилась съ мірскимъ началомъ, усвоила блескъ и пышность, налегла на внѣшнюю сторону культа.

Наконецъ Петру удается вкрасться въ довѣренность знатнаго человѣка; онъ сталъ воспитателемъ его дѣтей, а послѣ смерти его такъ усилился въ домѣ, что наконецъ выгоняетъ его семью и водворяется на ея мѣстѣ съ братьями. Онъ держитъ себя высокомѣрно, велитъ братьямъ называть его мистеръ Петръ, отецъ Петръ, даже милордъ Петръ, предается разнымъ затѣямъ, которыя должны обогатить его и поднять его значеніе. Тутъ уже въ немъ легко увидать римскаго первосвященника. Онъ спекулируетъ всѣмъ, что ни попало: исповѣдью, индульгенціями, крестными ходами, чудесами, святою водой, издаетъ буллы, громящія еретиковъ. Затѣмъ въ томъ же иносказательномъ, порою добродушномъ, тонѣ авторъ проводитъ передъ нами другія нововведенія—безбрачіе священниковъ, видоизмѣненіе обряда причащенія (здѣсь ученіе о пресуществленіи осмѣяно при помощи юмористической сцены между братьями за обѣдомъ). Безумство Петра доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и братья расходятся,—произошелъ реформаціонный переворотъ. Мартинъ и Джэкъ идутъ каждый самостоятельно, не обращая вниманія на грозныя проклятія Петра. Симпатія автора не на сторонѣ Джэка; нерасположеніе къ фанатизму англійскихъ и

особенно шотландскихъ диссентеровъ онъ перенесъ и въ сказку. Джэкъ дикъ и неистовъ, всюду умѣетъ пробраться и навязать свои убѣжденія; въ разныхъ странахъ ему придаютъ разнообразныя названія, считая мѣстнымъ уроженцемъ,—въ этихъ названіяхъ легко узнать намеки на Кальвина, Іоанна Лейденскаго, Нокса, гугенотовъ и др. Джэкъ всего больше напоминаетъ старшаго брата; онъ, правда, принялся передѣлывать отцовское платье на свой ладъ, испортилъ его и на живую нитку сметалъ, но духъ его исправленій часто напоминаетъ обрядность, выдуманную Петромъ. Одинъ Мартинъ остался вѣрнѣе завѣту отца, хотя не свободенъ отъ упрека въ неразумныхъ отступленіяхъ. Между нимъ и Джэкомъ частыя несогласія и даже открытая борьба. Передъ читателемъ проходятъ, подъ покровомъ аллегоріи, главнѣйшія событія англійской исторіи со времени реформаціи, особенно казнь Карла I, регентство Кромвеля, который совсѣмъ въ рукахъ Джэка и начинаетъ эру раздоровъ и несогласій. Историческій обзоръ прерывается въ пору реставраціи. Иностранца (Вильгельма) призываютъ для того, чтобъ изгнать при его помощи прежняго хозяина, который уже готовъ былъ снова водворить ученіе Петра. Притча обрывается рѣзко, на недосказанной фразѣ, которою авторъ хотѣлъ заступиться за частыя попытки примирить Мартина съ Джэкомъ, постоянно разстраиваемыя тайными друзьями папизма.

Этою притчей, свободно обличавшею фанатизмъ, властолюбіе и хищничество въ клерикальномъ мірѣ, далеко не исчерпывается содержаніе «Сказки», хотя современники считали ее исключительно антицерковною сатирой. Не мало эпизодическихъ вставокъ, въ которыхъ Свифтъ переходитъ къ другимъ, разнообразнымъ темамъ. Тутъ есть желчныя насмѣшки надъ современною наукой, педантическою и несостоятельною, словно раздутою вѣтромъ до обманчиво-чудовищныхъ размѣровъ,—авторъ забавляется разсказомъ объ ученой сектѣ эолистовъ, которые учатъ, что началомъ всему былъ вѣтеръ и что въ него же все существующее должно раствориться; есть проектъ приспособленія Бедлама для общеполезныхъ цѣлей и назначенія комиссіи, которая, изучивъ нравы, склонности и любимыя идеи жителей этого почтеннаго учрежденія, дала бы каждому изъ нихъ соотвѣтствующее дѣло въ общественной жизни. При этомъ зло осмѣяны ходячіе взгляды на назначеніе важнѣйшихъ профессій; проведена параллель между проповѣдническою каѳедрой, лѣстницей, ведущей на висѣлицу [1]), подмостками бродячаго комедіанта: это, по Свифту, три вида ораторскихъ ма-

[1]) Въ ту пору нерѣдко шедшіе на висѣлицу обращались къ толпѣ съ рѣчами. Свифтъ остритъ надъ однимъ книгопродавцемъ, который постарался достать записанныя эти рѣчи и издалъ ихъ отдѣльно.

шинъ, которыя способствуютъ человѣку выдѣлиться изъ толпы, подняться надъ нею и говорить къ ней (судейское краснорѣчіе авторъ затрудняется включить въ тотъ же кругъ, такъ какъ скамьи, съ которыхъ льются ораторскіе потоки этого рода, не подъ стать тѣмъ тремъ высокимъ подставкамъ). Гоше справедливо удивлялся [1]) тому, что эту параллель, пространно развитую, авторъ не исключилъ даже послѣ того, какъ самъ нѣсколько разъ говорилъ къ народу съ первой изъ упомянутыхъ машинъ и, прибавимъ, послѣ того, какъ онъ сильнѣе чѣмъ когда-либо добивался устройства своей судьбы именно въ церковной сферѣ.

Появленіе «Сказки» было событіемъ въ литературной и общественной жизни. Если для новѣйшаго читателя форма и пріемы этой сатиры могутъ показаться устарѣвшими, то для того времени оригинальность и безцеремонность нападокъ на неприкосновенныя традиціи должны были дѣйствовать увлекательно. Всѣ спрашивали другъ у друга, кто неизвѣстный авторъ, и, теряясь въ догадкахъ, приписывали сатиру четыремъ различнымъ лицамъ. Сановники и приверженцы господствующей церкви, казалось, должны были быть всѣхъ довольнѣе, но сатирикъ нашелъ и въ ней темныя пятна, легкомысленно относился къ обрядамъ и догматамъ, заявлялъ сочувствіе Гоббзу и его Левіаѳану; разрушительныя его убѣжденія были очевидны.

Свифтъ, являясь защитникомъ High-Church, вовсе не имѣлъ въ виду восхвалять чистоту ея ученія. «Эта церковь,—говоритъ Мэссонъ въ своей статьѣ о сатирикѣ [2]),—представляетъ собой цѣлую отрасль общегосударственной жизни англійской, вкоренилась въ обычаи и интересы народа, сплелась съ соціальнымъ порядкомъ,—и подобно тому, какъ какой-нибудь браминъ, не заботящійся особенно о философскомъ оправданіи своей религіи, могъ бы тѣмъ не менѣе желать удержать брамаизмъ, какъ исконное учрежденіе въ жизни Индустана, такъ Свифтъ, чье сердце и умъ преисполнены были сомнѣній въ священныхъ традиціяхъ, могъ вѣрить въ извѣстную пользу созданной подъ ихъ вліяніемъ фабрики, выдѣлывающей епископовъ, приходскихъ священниковъ, викаріевъ, округляющей церковныя имущества». Въ этой защитѣ была даже какъ будто патріотическая основа, убѣжденіе, что крѣпость церковной организаціи будетъ содѣйствовать упроченію національнаго и государственнаго единства. Этой защитѣ было посвящено Свифтомъ впослѣдствіи много разсужденій, ходившихъ по рукамъ и заключавшихъ въ себѣ нерѣдко, на ряду съ философскими или догматическими

1) Jahrb. für Literaturgeschichte. 1865, I, 144.

2) Essays, biographical and critical, chiefly on english poets, by D. Masson. Cambr. 1856. 149.

доводами, неожиданные брызги увлекательнаго юмора. Въ пору появленія «Сказки» Свифтъ началъ въ этомъ духѣ агитацію во вліятельныхъ сферахъ.

Въ одномъ изъ любимѣйшихъ кафе столицы (Button's coffeahouse), гдѣ собирались по вечерамъ наиболѣе извѣстные писатели, собесѣдники стали съ нѣкотораго времени замѣчать странную фигуру скромно одѣтаго пастора, державшагося въ сторонѣ, упорно молчавшаго, машинально расплачивавшагося и таинственно исчезавшаго. Подслушали его разговоръ съ кѣмъ-то изъ обѣдавшихъ и попали на одну изъ забавнѣйшихъ, но странныхъ выходокъ, которыя не всякій день удается услышать. Они прозвали незнакомца сумасшедшимъ пасторомъ, не догадываясь, что видятъ передъ собой своего будущаго диктатора. Мало-по-малу таинственность разсѣялась, наступило сближеніе, установились дружескія связи, изъ которыхъ нѣкоторыя остались неразрывными на всю жизнь; такими вѣрными друзьями были для него Аддисонъ и въ особенности Арбэтнотъ и Попъ. Очутившись въ центрѣ литературы, Свифтъ сумѣлъ сблизиться съ руководящими лицами міра политическаго. Его вскорѣ знали и цѣнили. Сношенія его съ правительствомъ были вызваны требованіемъ важной для ирландской церкви отмѣны десятины, взимавшейся въ королевскую казну съ приходскихъ земель и имуществъ, и другихъ, не менѣе обременительныхъ налоговъ, при бѣдной обстановкѣ сельскаго быта въ Ирландіи невыносимыхъ. Отмѣна была тѣмъ желательнѣе, что незадолго передъ тѣмъ она въ видѣ особой милости была проведена въ Англіи. Свифтъ запасся полномочіями отъ ирландскихъ духовныхъ властей, но агитація его встрѣтила препятствія и затягивалась безконечно. Много обѣщали, но мало дѣлали; королева не расположена была къ уступкамъ, видя, что милостью все-таки не купишь расположенія священства. Не того ждалъ Свифтъ отъ виговъ; въ вопросахъ церковныхъ они вовсе не оказывались такими либералами, какими величали себя, становясь подъ знамя просвѣщеннаго свободомыслія. Свифтъ велъ съ ними дружбу, появлялся въ ихъ салонахъ, бывалъ центромъ общества, предметомъ восторженнаго удивленія женщинъ, но ясно видѣлъ безсодержательность направленія слабыхъ потомковъ тѣхъ виговъ, чье историческое призваніе и славное прошлое высоко цѣнилъ. Подъ вліяніемъ досады на очевидное стремленіе держать низшее духовенство въ загонѣ, онъ создаетъ прелестную небольшую поэму, внушенную сказаніемъ о Филемонѣ и Бавкидѣ, но аллегорически относившуюся къ злобѣ дня. Эта бездѣлка рисуетъ идиллическую картину старой и дружной четы, живущей въ какой-то невѣдомой деревушкѣ и хранящей старосвѣтскіе обычаи гостепріимства и сердечности. По деревнѣ идутъ два пустынника, святые люди, надѣвшіе лохмотья, чтобъ испытать

людскую сострадательность. Они выпрашиваютъ тономъ каликъ перехожихъ подъ окнами милостыню, а когда настаетъ дурная погода, просятся на ночлегъ, но всюду ихъ встрѣчаютъ грубостями или насмѣшками. Только подъ крышей у старичковъ находятъ они теплый уголъ и радушіе; хозяйка суетится, чтобы принести имъ все, что есть съѣстного, добываетъ пива, но, къ немалому удивленію, начинаетъ замѣчать, что припасы не убавляются, хотя пришлись гостямъ по вкусу. Она догадывается, что передъ нею люди не простые,—и точно, они скоро открываются хозяевамъ и возвѣщаютъ, что, въ награду, скудный домикъ выраститъ на ихъ глазахъ и станетъ церковью, тогда какъ хаты крестьянъ будутъ поглощены наводненіемъ. Начинается таинственное превращеніе, описанное съ неподдѣльнымъ юморомъ; незатѣйливые предметы бѣднаго хозяйства, кухонныя принадлежности, мебель, мало-по-малу превращаются въ церковную утварь, старое скрипучее кресло Филемона становится каѳедрой; стѣны вырастаютъ, труба дѣлается церковнымъ шпицомъ. Возвеличивъ убогій домикъ, святые спрашиваютъ старика, чего онъ пожелаетъ лично для себя. Понятно, что ему хочется стать священникомъ въ чудесно созданной церкви. Едва сказалъ онъ это, какъ у него вытягивается платье, удлиняются рукава, и онъ уже совсѣмъ смотритъ пасторомъ, а вскорѣ начинаетъ добросовѣстно исправлять священническія обязанности. Свифтъ съ добродушнымъ юморомъ рисуетъ типъ зауряднаго сельскаго пастыря душъ; онъ умѣетъ «и покурить, и выпить, и газеты почитать, и продать въ городкѣ гуся, стыдливо спрятавъ его подъ полой; знаетъ, какъ можно повторить старую проповѣдь, перемѣнивъ лишь кое-что во вступленіи и въ текстѣ; умѣетъ пожелать прихожанамъ обильнаго потомства, стоитъ горой за свой титулъ *преподобія* и отмѣнно любезенъ съ сосѣднимъ сквайромъ».

За такихъ бѣдняковъ, какіе изображены въ поэмѣ, Свифтъ заступался въ Лондонѣ, безпокоя вліятельныхъ людей, но безъ успѣха. Эти непосредственныя сношенія выдвигали вмѣстѣ съ тѣмъ просителя, и, въ силу двойственности его натуры, онъ старался удовлетворить свое честолюбіе. За него не разъ хлопотали у королевы; онъ заботился о томъ, чтобы какой-то его трактатъ о поддержаніи христіанства попалъ въ руки Анны; ему хотѣлось бы произнести проповѣдь при ней. Для устройства его судьбы составляли разные планы: то ему хотятъ доставить видное мѣсто среди столичнаго духовенства, то прочатъ въ епископы въ Америку, то онъ заводитъ рѣчь о посылкѣ его въ Вѣну въ качествѣ секретаря посольства. Но ни одинъ планъ не выполняется. Королева не благоволитъ къ нему. Одна изъ ея фаворитокъ, задѣтая эпиграммой Свифта, вмѣстѣ съ нѣсколькими высшими духовными лицами втолковала недальновидной Аннѣ, что чело-

вѣкъ, написавшій *Tale of a tub,* безбожникъ, не заслуживающій никакихъ милостей. Но Свифтъ настойчивъ и порою легковѣренъ въ ожиданіяхъ карьеры; говоря словами Теккерея, онъ все ждетъ, что вотъ-вотъ покажется золотая карета, которая везетъ ему всякія блага, высокія назначенія, облаченіе епископа,—но карета гдѣ-то замѣшкалась на пути изъ Сентъ-джемскаго дворца, да такъ и не показалась во всю его жизнь... Онъ продолжалъ вращаться въ избранныхъ сферахъ, среди родовой или литературной аристократіи, появлялся то на обѣдахъ у министровъ, то на веселыхъ вечерахъ въ тавернѣ, излюбленной писательскою братіей. Можно прослѣдить всю его жизнь за эти годы ожиданія и надеждъ въ дневникѣ, назначенномъ для Стеллы. День за день разсказываетъ онъ мельчайшія подробности, съ кѣмъ обѣдалъ, что слышалъ, какъ провелъ вечеръ, какъ сострилъ или отвѣчалъ какому-нибудь надменному баричу. Порою онъ жестоко бранитъ столичную сутолоку, но, видимо, онъ тутъ въ своей стихіи. Только позднею ночью, вернувшись изъ гостей, или утромъ, еще въ постели, онъ находитъ минутку, чтобы побесѣдовать съ любимою женщиной, мысленно осыпая ее поцѣлуями и заканчивая письмо иногда длиннымъ рядомъ строкъ, гдѣ нѣсколько разъ повторяется одно и то же слово («моя крошка, моя милая»...). Въ эти минуты онъ—прежній Джонатанъ, со всѣми хорошими свойствами его натуры, съ презрѣніемъ къ суетности и высокомѣрію; еще нѣсколько часовъ—и омутъ опять втягиваетъ его.

Но у него и тутъ бывали просвѣты, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся съ нѣсколькими даровитыми юмористами, соревнованіе вызывало у него порою остроумную шутку или пародію. Одна изъ его великосвѣтскихъ знакомыхъ увлекалась душеполезными трактатами, носящими часто титулъ «Размышленій»,—онъ написалъ «Размышленія о метлѣ». Съ напускною серьезностью задумывается онъ надъ судьбой метлы, сравниваетъ ее съ участью человѣка во всѣ періоды жизни, отъ той поры, когда метла еще—юное деревцо, до того времени, когда она доходитъ до своего прозаическаго назначенія. Еще злѣе насмѣшка надъ современною знаменитостью, предсказателемъ Партриджемъ, издававшимъ модный астрологическій альманахъ, поддерживая въ массѣ невѣжество и суевѣріе. Прикрывшись прославленнымъ вскорѣ псевдонимомъ Исаака Биккерстаффа, Свифтъ выпустилъ собраніе своихъ предсказаній, искусно перенявъ шарлатанскіе пріемы астрологовъ, и съ шутливою важностью предсказалъ день, часъ, чуть не минуту смерти самаго Партриджа. Поднялась забавная сумятица. Несчастный предсказатель выпустилъ новый альманахъ и увѣрялъ публику, что онъ не умеръ въ назначенное время, а это ясно доказываетъ нелѣпость предсказаній его противника. Лондонскіе книгопродавцы однако почему-то

увѣровали въ дѣйствительную смерть астролога и обратились къ властямъ съ просьбой прекратить самозванное печатаніе подъ именемъ Партриджева альманаха чьихъ-то безсовѣстныхъ поддѣлокъ. Словомъ, впечатлѣніе, произведенное Биккерстаффомъ, было громадное, и книга достигла цѣли. Но этому курьезному эпизоду пришлось, кромѣ того, сыграть не послѣднюю роль и въ исторіи англійской прессы; съ него можно вести лѣтопись сатирической журналистики [1]). Одинъ изъ литературныхъ друзей Свифта, Стиль, подмѣтивъ сильный эффектъ, произведенный на массу вымышленною личностью Биккерстаффа, задумалъ воспользоваться этимъ, когда, перепробовавъ цѣлый рядъ профессій, отъ военной до проповѣднической, рѣшилъ попытать счастья въ періодическихъ забавныхъ бесѣдахъ съ публикой. Взявъ на прокатъ у Свифта его псевдонимъ, онъ основалъ при его помощи «Болтуна» (The Tatler), и успѣхъ былъ такъ великъ, что и послѣ прекращенія журнала его нумера собирали за большую цѣну и читали, какъ интересную книгу,—подобно тому какъ Новиковскій «Живописецъ» переиздавался и перечитывался много разъ послѣ того, какъ лица и происшествія, вызвавшія его сатиру, успѣли давно забыться. Этимъ успѣхомъ Стиль былъ обязанъ Свифту, который выступилъ у него впервые въ роли журнальнаго сатирика.

Но политическія тревоги оставляли мало простора для веселой насмѣшки надъ человѣческими слабостями. Борьба партій становилась все ожесточеннѣе. Положеніе виговъ было расшатано. Общественное мнѣніе тяготилось постоянно возникавшими процессами, возбуждаемыми противъ торіевъ, на которыхъ легкомысленно взводились обвиненія въ государственной измѣнѣ. Неудачи въ военныхъ дѣйствіяхъ англійскихъ войскъ и союзной австрійской арміи въ Голландіи и Испаніи въ теченіи безконечной войны за испанское наслѣдство, ошибки Мальборо, еще недавно считавшагося первоклассным полководцемъ, ставились въ число прегрѣшеній кабинета. Наконецъ, интриги придворныхъ приживалокъ и приживальщиковъ тоже были пущены въ ходъ, на этотъ разъ съ особою силой. Новая фаворитка, лэди Мэшамъ, работала безъ устали для своихъ торійскихъ друзей. Анна становилась все смѣлѣе и безцеремонно, очевидно по обдуманному плану, смѣняла

---

[1]) Въ нѣкоторой степени провозвѣстникомъ ея былъ основанный въ 1704 г. Даніэлемъ Дефо журналъ „The Review“, въ которомъ помѣщались сатирическіе очерки фельетоннаго характера подъ наз. „Скандальной хроники“. Шутка Свифта рано была переведена по-русски. Она помѣщена въ Миллеровыхъ „Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ“, VII, 1758, „Письмо съ предсказательствами Бикерштафа“. Годъ спустя въ Трудолюб. пчелѣ Сумарокова перев. было изъ Свифта „О естествѣ, пользѣ и т. д. войны и ссоръ“.

и отрѣшала отъ должности то въ томъ, то въ другомъ вѣдомствѣ главныхъ лицъ, замѣняя ихъ торіями. Этотъ образъ дѣйствій, непривычный и незаконный, смущалъ виговъ, въ томъ числѣ и Свифта, предвѣщая близость переворота. Свифтъ попытался выступить посредникомъ. Въ безыменномъ памфлетѣ «Мысли члена англійской церкви о религіи и правительствѣ» онъ старался сблизить партіи, указать на крайности ихъ направленій, разжигаемыя личными антипатіями, и устанавливалъ основы соглашенія. Его взглядъ на преимущества свободныхъ учрежденій, на величіе принципа народнаго самоуправленія, раскрываетъ политическія убѣжденія Свифта, грѣшившаго на практикѣ тѣмъ, что честолюбіе и жажда власти надъ умами увлекали его съ пути послѣдовательности. Совѣты примиренія были однако несвоевременны. Смѣшанный составъ министерства ничего не поправилъ, и Свифтъ, утомленный этою медленною агоніей, бросилъ Лондонъ и вернулся въ Ирландію, къ своему приходу, къ Стеллѣ. Онъ хотѣлъ войти въ прежнюю роль, прервалъ сношенія съ вельможами и толки о политикѣ. Но въ эту именно пору въ его жизни настаетъ новая эра. Завѣтныя мысли его начинаютъ сбываться. Онъ, только что бросившій Лондонъ, скоро вернется туда,—и вернется другимъ человѣкомъ.

III.

Вѣсти изъ столицы, письма отъ близкихъ людей, молившихъ о совѣтѣ и помощи, все показывало, что дни вигскаго кабинета Годольфина сочтены. Однимъ ударомъ положенъ былъ конецъ паникѣ. Не дожидаясь распущенія парламента, королева устранила прежнее министерство и поставила во главѣ новаго двухъ людей, давно добивавшихся власти, даровитыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искушенныхъ въ томъ, что считалось тогда политической мудростью,—Гарлея, будущаго лорда Оксфорда, и государственнаго секретаря Сентъ-Джона, пріобрѣтшаго впослѣдствіи, подъ именемъ лорда Болингброка, репутацію тонкаго политика и мыслителя. Палата была распущена, назначены выборы, и насталъ періодъ могущества торіевъ.

Быстрота, съ которой Свифтъ въ эту критическую пору перешелъ въ противоположный лагерь, поразила тогда многихъ и всегда будетъ производить удручающее впечатлѣніе. Но понять связь этого образа дѣйствій съ его взглядомъ вообще на людей и соціальный порядокъ, съ наболѣвшимъ сознаніемъ несправедливости, неблагодарности, съ неутолимымъ властолюбіемъ, не трудно. Все сошлось, чтобы облегчить ему такой переходъ,—его стремленія стоять между партіями и, стало-

быть, не подчиняться ничьей дисциплинѣ, разочарованіе въ современныхъ представителяхъ вигизма, начавшееся до обрушившейся на нихъ грозы, готовность новыхъ министровъ исполнять его предложеніе и провести его проекты, и раздраженіе на вчерашнихъ друзей, когда они всюду клеймили его *измѣну*. А мечты о власти, о могуществѣ?.. Едва Свифтъ узналъ о назначеніи Гарлея, у него вырвалось восклицаніе: «я обращусь къ нему,—онъ прежде выказывалъ ко мнѣ предупредительность, и если не измѣнился, то, думаю, найдетъ теперь полезнымъ обойтись со мной хорошо». Въ этихъ словахъ сказалась сладкая тревога, охватившая честолюбивую натуру.

Положеніе было однако двусмысленное и мучительное. Новые люди напрашивались въ друзья. Гарлей добивался личнаго знакомства съ сельскимъ пасторомъ, а друзья съ печалью отворачивались отъ него или съ пѣной у рта громили его всюду. На одномъ банкетѣ его пригласили выпить за возрожденіе партіи виговъ,—онъ наотрѣзъ отказался, добавивъ, что подниметъ бокалъ только за ея перерожденіе. Вѣсть о паденіи ихъ, по его словамъ, не произвела на него никакого впечатлѣнія,—«онъ столько же огорчился, какъ если бы узналъ, что ихъ всѣхъ повѣсили». Онъ сталъ мстить павшимъ злыми сатирами и эпиграммами, которыя мигомъ разносились по городу и съ восторгомъ читались торіями,—наприм., басней «Sid Hamet's Rod», осмѣявшей Годольфина. Этотъ избытокъ силъ и очевидная способность писателя властвовать надъ массами заставили торійскихъ вождей сдѣлать первый шагъ и сблизиться съ такимъ могучимъ союзникомъ. «Мы всѣ боялись васъ», признался ему потомъ одинъ изъ нихъ. Вскорѣ министерство почувствовало важность его поддержки.

Прежде всего Свифтъ сблизился съ Гарлеемъ, сталъ появляться на его обѣдахъ, осыпаемый ласками; министръ съ особымъ вниманіемъ выслушалъ его ходатайство за ирландское духовенство, интимно бесѣдовалъ съ нимъ, сталъ называть его своимъ другомъ и «Джонатаномъ»; за обѣдомъ гости и хозяинъ декламировали новѣйшіе его стихи, притворяясь, что не могутъ разгадать анонима. Затѣмъ наступила очередь Сентъ-Джона. Молодой еще, выказавшій себя искуснымъ ораторомъ въ парламентѣ, онъ былъ самымъ умнымъ, философски образованнымъ и способнымъ членомъ министерства; переписка его съ Свифтомъ, не прекращавшаяся потомъ много лѣтъ [1]), выставляетъ его человѣкомъ самостоятельныхъ убѣжденій, хотя и не безъ погони за оригинальностью, который, быть-можетъ, одинъ только въ правительствен-

[1]) Переписка Свифта, Letters written by J. Swift and several of his friends from the year 1703—1740, была впервые издана Hawkesworth'омъ. London, 1768, 3 volumes.

ныхъ кругахъ могъ понять значеніе Свифта, а высокое мнѣніе о немъ Вольтера, впослѣдствіи и другихъ французскихъ писателей, узнавшихъ Болингброка, послѣ его паденія, въ годы его изгнанія во Франціи, потверждаетъ, что въ немъ было не одно лишь властолюбіе. Благодаря его настояніямъ, ходатайство Свифта за ирландское духовенство увѣнчалось успѣхомъ. Ободренный этимъ, онъ бросился въ борьбу и неутомимо работалъ въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ этого блестящаго періода его жизни. Основанный торіями для полемики съ врагами «Examiner» перешелъ въ неограниченное распоряженіе Свифта, который, почти безъ сотрудниковъ, вѣчно на посту, руководилъ общественнымъ мнѣніемъ, дѣйствуя всѣми богатыми средствами своего таланта. Въ числѣ статей его за это время были удивительные образцы иронической насмѣшки,—напр., письмо къ Марку Крассу послѣ его побѣдъ въ Месопотаміи, набросавшее сатирическій портретъ Мальборо [1]). Дѣло было нелегкое. Положеніе министерства было непрочно; финансовыя затрудненія, неудачи на войнѣ, бездна мелкихъ внутреннихъ вопросовъ, оппозиціонное движеніе, ходъ выборовъ въ парламентъ, вызывали замѣшательства, сладить съ которыми и найти всему разрѣшеніе могъ только одинъ человѣкъ. Даже въ средѣ кабинета обнаружился разладъ; недоразумѣнія между Гарлеемъ и Сентъ-Джономъ перешли къ охлажденію, чуть не разрыву; оба честолюбца не могли ужиться; блестящій и талантливый Сентъ-Джонъ съ трудомъ выносилъ первенствующую роль бюрократа-казуиста. Одинъ Свифтъ былъ въ состояніи примирить этихъ людей, дѣлая иногда отчаянныя усилія. Не о личностяхъ заботился онъ, такъ какъ не могъ не сознавать, что душою кабинета былъ онъ самъ (Форстеръ удачно называлъ его министромъ безъ портфеля въ торійскомъ правительствѣ),—сама власть, опьянявшая его, становилась слишкомъ дорогою ему, чтобы онъ могъ дать двумъ безумцамъ подорвать результаты столькихъ трудовъ изъ-за личныхъ счетовъ. Къ тому же онъ преслѣдовалъ опредѣленные политическіе планы, тогда какъ его друзья имѣли прежде всего въ виду интересы партіи, а затѣмъ уже народныя нужды. Свифтъ смотрѣлъ безмѣрно дальше, и въ важныхъ вопросахъ заставлялъ ихъ итти за собою, наперекоръ даже ихъ приверженцамъ. Статьи въ «Examiner» и многочисленные памфлеты «царя журналистики»,—какъ назвалъ Свифта недавно даровитый эссеистъ, проповѣдуютъ разумную политику, необходимость покончить съ разорительной войной, тяжкимъ бременемъ налегшей на англійскіе финансы, служившей династическимъ интересамъ и поддер-

---

[1]) Это письмо—одно изъ украшеній девятаго тома выходящаго теперь полнаго собранія прозаическихъ сочиненій Свифта,—The prose works of Jonathan Swift, edited by Temple Scott, 1902.

живаемой главнымъ образомъ ради Австріи. Разъяснить себялюбивый расчетъ подобныхъ союзниковъ, раскрыть народу обманчивость военныхъ успѣховъ и великія преимущества мира стало главною цѣлью Свифта, который имѣлъ въ этомъ случаѣ противъ себя чуть не всю народную массу, ослѣпленную національнымъ тщеславіемъ. Тутъ онъ одержалъ одну изъ лучшихъ своихъ побѣдъ, оставившихъ далеко за собою удачныя битвы Мальборо,—побѣду духовную, доказавшую могущество слова надъ умами. Четыре изданія выдержалъ его памфлетъ «The conduct of the allies», къ которому онъ подготовилъ общественное мнѣніе журнальными статьями,—и подъ конецъ взглядъ его восторжествовалъ: масса была на его сторонѣ, парламентъ послужилъ отголоскомъ этого настроенія, начались переговоры, и Утрехтскій миръ, настоящее созданіе Свифта, былъ рѣшенъ въ принципѣ.

Начался ропотъ, скрежетъ зубовъ, была оппозиція въ своей же партіи. Около сотни крайнихъ консерваторовъ изъ нижней палаты образовали такъ называемый «октябрьскій клубъ», служившій центромъ всѣхъ недовольныхъ мягкою политикой правительства и преисполненныхъ шовинизма. Эти друзья были хуже недруговъ: «они привыкли у себя въ деревенскомъ захолустьѣ тянуть октябрьское пиво», писалъ Свифтъ, «и неистово разсуждать о политикѣ въ тавернѣ,—они и тутъ хотятъ продолжать то же самое, требуя, чтобы мы дошли до крайностей». Свифтъ отвѣчалъ «Совѣтомъ членамъ October club», который парализовалъ созрѣвавшій заговоръ и повелъ за собой добровольное закрытіе клуба. Но если онъ оказывалъ министерству поддержку, какой не смогла бы ему доставить цѣлая партія, онъ довелъ правителей до такого повиновенія, что они держались отъ него на почтительномъ разстояніи, не смѣя забыться передъ нимъ или напомнить о своемъ превосходствѣ. Разъ, еще въ началѣ, Гарлей вздумалъ было прислать ему билетъ въ 50 фунтовъ въ подарокъ, и не только получилъ деньги обратно при письмѣ взбѣшеннаго Свифта, но долженъ былъ дать ему всевозможное удовлетвореніе, прежде чѣмъ онъ согласился повидаться съ нимъ. Еще въ молодости Джонатанъ при случаѣ сознался, что, вращаясь среди знати, онъ хочетъ добиться того, чтобы эти важные господа обращались съ нимъ, плебеемъ, какъ съ равнымъ себѣ. Теперь онъ достигъ этого. Странное впечатлѣніе производило появленіе его въ салонахъ министра; онъ выступалъ спокойнымъ, увѣреннымъ шагомъ, говорилъ съ гостями и просителями, толпившимися вокругъ, какъ человѣкъ, до мелочей знакомый съ механизмомъ правленія, давалъ обѣщанія, совѣты, сообщалъ свои предположенія или свѣжія новости, которыя съ интересомъ подхватывались. Онъ снизошелъ до того, что обоихъ министровъ ввелъ въ свой дружескій литературный кружокъ,

и вскорѣ оба они на ряду съ Попомъ или Гэемъ тѣшились юмористическими выдумками, образовавъ изъ себя клубъ въ честь Мартина-Писаки (Martinus Scriblerus), олицетворявшаго стихоплетовъ и бездарныхъ писателей, и подобно арзамасцамъ 19 вѣка изощряясь въ веселыхъ пародіяхъ. Стоя у кормила власти, Свифтъ однако не извлекъ для себя никакой пользы. Онъ дѣлалъ много добра, хлопоталъ до надоѣдливости даже за людей, разставшихся съ нимъ послѣ его отпаденія отъ виговъ, наприм., за Стиля, отплачивавшаго ему злобными выходками, а самъ оставался бѣднякомъ. Новые друзья усерднѣе прежнихъ хлопотали, проча его то въ епископы, то въ исторіографы, но не могли побѣдить предубѣжденія королевы. Денегъ не бралъ этотъ человѣкъ, карьеры не могли ему составить,—а онъ продолжалъ нести на своихъ плечахъ чудовищное бремя правительственныхъ заботъ, поддерживаемый сознаніемъ своего фактическаго могущества; отнынѣ онъ опирался на новую, имъ вызванную силу—на общественное мнѣніе. Но, какъ выразился Тэккерманъ, «къ несчастью, Свифтъ не довольствовался умственною сферой,—онъ искалъ могущества надъ сердцами, и широко наслаждался имъ». Эта черта никогда въ такой степени не сказывалась, какъ въ ту пору, когда онъ былъ въ расцвѣтѣ политической и литературной дѣятельности. Блестящая роль его, необъяснимо-привлекательная сила его внѣшности, звука голоса, выраженія глазъ, рѣчь, выказывавшая умъ свѣтлый и глубокій,—все должно было привлекать женскія сердца. Онъ былъ молодъ духомъ, хотя ему давно минуло сорокъ лѣтъ, и неувядающая молодость заслоняла собою все, что напоминаетъ о скоротечности жизни. Въ числѣ знакомствъ, завязанныхъ имъ, заняло первое мѣсто сближеніе съ семьей богатаго чиновника, Ваномри. Въ дневникѣ часто начинаютъ появляться отмѣтки: «обѣдалъ или провелъ вечеръ у Mrs Van.» Наконецъ, Свифтъ перебирается на новую квартиру, дверь объ дверь съ новыми знакомыми. Отмѣтки поражаютъ лаконизмомъ. Чудится, что съ этой стороны что-то неладно, что краткость умышленная, и что сильный интересъ привлекаетъ въ небрежно упоминаемый домъ. Съ тонкимъ предчувствіемъ женщины и Стелла начинала подозрѣвать опасность, но скрывала подозрѣнія и, по мѣрѣ учащенія упоминаній о *Mrs Van.*, стала только спокойно спрашивать въ письмахъ, кто такіе эти люди, изъ кого состоитъ семья и т. д. Она не ошиблась,—тамъ была опасная ей соперница, молодая и прелестная собой Эстеръ Ваномри, страстная поклонница Свифта. Видя его часто, она заслушивалась его рѣчей, ее увлекали своеобразность его взглядовъ, оставлявшихъ далеко позади ходячія мнѣнія, и несравненное остроуміе. Ея красота, образованность, вкусъ къ литературнымъ занятіямъ, стихотворству, также обратили на нее

вниманіе Свифта. Онъ сблизился, подолгу бесѣдовалъ съ ней, развивалъ ее; онъ открывалъ ей новый міръ, говорилъ о высокомъ призваніи женщины, о ея правахъ на самостоятельность. Драгоцѣннымъ и, быть можетъ, единственнымъ выраженіемъ этого новаго для своего времени взгляда Свифта на женскій вопросъ служитъ позднѣйшее стихотвореніе восторженной ученицы, вспоминающей съ благодарностью о чудныхъ откровеніяхъ, которыми она обязана любимому руководителю. Эта новая для него роль, прелесть распускающагося подъ его вліяніемъ юнаго существа должны были увлечь Свифта, и, утомленный тревогами дня, онъ приходилъ въ знакомую гостиную набираться новой жизни и молодѣть душой. Въ памятномъ листкѣ, относящемся еще къ житью въ Муръ-Паркѣ и заключающемъ «наставленія, какъ жить и поступать, когда старость придетъ», находимъ такія замѣтки: «не привязываться къ дѣтямъ, или стараться, чтобы они ко мнѣ не подходили», «не жениться на молодой женщинѣ», «не водить знакомства съ молодежью, развѣ если съ ея стороны будетъ истинное желаніе», «не довѣряться лести и не воображать, что въ меня можетъ влюбиться молодая женщина» и т. д. Эти предписанныя себѣ правила сложились, очевидно, подъ вліяніемъ внезапнаго сознанія, что изъ заботъ, игръ и уроковъ съ маленькою Стеллой выросло сильное чувство, въ то время, казалось, не имѣвшее будущаго. Но опытъ не сдѣлалъ его осторожнымъ, и невольно повторилъ онъ прежнюю ошибку. Эстеръ, правда, не была уже ребенкомъ, но та же заботливость о духовномъ развитіи, то же нѣжное руководство первыми шагами въ жизни, наконецъ льстившее самолюбію чувство своей неотразимости, спорящей съ годами (въ тѣхъ же правилахъ онъ давалъ себѣ зарокъ «не тщеславиться своей прежней красатой, или силой, или успѣхомъ у женщины...»), привели къ тому же исходу. Играя съ огнемъ, онъ не думалъ, что чѣмъ-нибудь нарушаетъ вѣрность своему доброму ангелу, котораго не переставалъ любить. Онъ не подозрѣвалъ, на что способна такая пылкая и восторженная дѣвушка, какъ Эстеръ; не произнося словъ любви, онъ думалъ остаться въ границахъ сладостной дружбы, духовнаго сродства. Но страсть охватила всю душу дѣвушки; она не могла таить любви, и въ минуту увлеченія призналась обожаемому человѣку.

Онъ былъ потрясенъ этимъ открытіемъ, но на нѣсколько времени поддался обаянію счастія, такъ неожиданно освѣтившаго его бурную жизнь. Онъ отозвался на признаніе и воспѣлъ Эстеръ въ поэмѣ [1]), придавъ молодой дѣвушкѣ поэтическій псевдонимъ—Vanessa. Такъ на-

---

[1]) „Cadenus and Vanessa". Поэма эта написана была въ 1713 г., но издана лишь послѣ смерти Ванессы, по желанію, высказанному въ ея завѣщаніи.

чался трагическій эпизодъ, до сихъ поръ не высвободившійся изъ-подъ таинственной завѣсы,—эпизодъ, который въ лѣтописяхъ извѣстнѣйшихъ сердечныхъ привязанностей прославился подъ именемъ «исторіи о Стеллѣ и Ванессѣ», и, какъ показываетъ недавно появившійся англійскій романъ, въ концѣ 19 вѣка способенъ былъ возбуждать къ художественной переработкѣ.

Когда прошла первая пора увлеченія, дѣйствительность предстала во всей наготѣ, и наслажденіе новою побѣдой смѣнилось у Свифта сознаніемъ невыносимаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ. Совмѣщать двѣ привязанности, быть принужденнымъ безсовѣстно обманывать два честныхъ молодыхъ существа, довѣрившихся его завлекательной тактикѣ, было выше его силъ. Онъ не рѣшался дать понять Ванессѣ, что у нея есть соперница, чьи права старше и серьезнѣе; повинуясь ли состраданію и не желая разочаровать энтузіастку гибельнымъ для нея признаніемъ, испытывая ли потребность обновиться около согрѣвавшей, молодившей его страстной натуры, или наконецъ, демонически играя въ любовь, наслаждаясь чужими волненіями и твердо рѣшившись не дать имъ удовлетворенія, онъ поддерживалъ увлеченіе Ванессы. Письма, стихотворенія, написанныя въ честь ея, носятъ иногда слѣды вызывающаго поощренія. Многіе біографы находятъ, что въ этихъ любовныхъ изліяніяхъ мало истиннаго чувства, что въ нихъ замѣтна искусственность, что-то головное. Это не лишено справедливости. Въ особенности въ поэмѣ, съ ея миѳологической обстановкой, звучитъ не разъ фальшивая нота. Но ничего не замѣчала довѣрчивая дѣвушка. Она все сильнѣе привязывалась къ нему, мечтала соединиться съ нимъ навѣки. Проникнувшись его же теоріей о самостоятельности женщинъ, она готова была бросить родныхъ и пойти за нимъ всюду, куда ни приведетъ его судьба; но она ждала рѣшительнаго слова, а онъ не произносилъ его. На взрывы страстнаго нетерпѣнія онъ отвѣчалъ холодно и уклончиво, изобрѣтая предлоги и отговорки. Съ нимъ происходила иногда пугавшая ее перемѣна; въ одномъ изъ писемъ, трогательныхъ по своей искренности, она даетъ волю грустному раздумью. Что это значитъ? Джонатанъ то приласкаетъ ее, какъ будто подастъ надежду, то «въ его глазахъ зажжется такой зловѣщій огонь, и взглядъ его становится такъ ужасенъ, такъ пронзителенъ, что она вся трепещетъ». Но чародѣйская сила искусителя была велика; она заставляла ее забывать и неровности въ обращеніи, и настойчивую его замкнутость въ себѣ. Тяжкій крестъ взяла она, полюбивъ этого человѣка, но и его положеніе становилось все мучительнѣе. Онъ часто испытывалъ желаніе вырваться во что бы то ни стало изъ заколдованнаго круга.

Въ связи съ заботами и разочарованіями на политическомъ поприщѣ вѣчно гложущее недовольство собой тяжело отзывалось на его силахъ. Исполинская работа нѣсколькихъ лѣтъ и умственная диктатура расшатали его здоровье. Еще въ Муръ-Паркѣ его томили головныя боли, приводившія къ обморокамъ и головокруженію; теперь онѣ стали возвращаться часто, почти неотвязно. Страстно жаждавшій дѣла, онъ долженъ былъ порою убѣждаться въ постыдномъ, хотя и временномъ, безсиліи. Ему казалось иногда, что наступила развязка. Но многое ожидало его еще впереди.

Связанный дружбой съ враждовавшими правителями и цѣня ихъ дарованія, онъ истощилъ всѣ средства примиренія, и ему показалось, что временное удаленіе отъ напряженной, но чуть ли не безплодной работы освѣжитъ его. У него все еще не было прочнаго положенія, и онъ принялъ мѣсто старшаго священника въ соборѣ св. Патрика въ Дублинѣ,—во всякомъ случаѣ одинъ изъ наиболѣе видныхъ постовъ въ ирландской церкви. Уходя почти въ ссылку, Свифтъ говорилъ себѣ, что теперь онъ будетъ ближе къ Стеллѣ, а разлука разорветъ мучительную связь съ Ванессой. Министерству онъ можетъ быть полезенъ своимъ перомъ и издали.

Но дни его счастья были сочтены. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, протекшихъ послѣ его пріѣзда въ Дублинъ, пронеслось столько событій, что это время мелькнуло какъ одинъ бурно пережитый день. Духовенство встрѣтило его холодно, видя въ немъ чуть не отступника, друга ненавистнаго англійскаго правительства. Онъ свидѣлся съ Стеллой; красота ея начинала увядать, тогда какъ свѣтлый умъ развился въ долгіе годы размышленій и разнообразнаго чтенія, а самостоятельность придавала ей неожиданныя черты смѣлаго присутствія духа и находчивости. Отношенія къ Стеллѣ возобновились на той же основѣ платонической дружбы и нѣжности, но въ нихъ невольно вкрадывалась дисгармонія. Свѣжее воспоминаніе о другой, огненной, страстной головкѣ вставало въ душѣ и вызывало безысходную тоску. Какъ ни холоденъ былъ онъ съ виду къ Ванессѣ, онъ несомнѣнно былъ увлеченъ ею въ эту пору. Изъ Ирландіи онъ написалъ ей, что безъ нея вся жизнь его заволоклась мракомъ. Но съ увлекающимся созданіемъ нельзя было безнаказанно поступать такъ; онъ думалъ, что его удаленіе порветъ ихъ связи, но не могъ предвидѣть случайностей, сложившихся противъ него. Родственники Ванессы умерли, она была свободна и единственная наслѣдница значительнаго состоянія и земель въ Ирландіи, гдѣ прежде служилъ ея отецъ. «Теперь,—подумала она,—ничего не помѣшаетъ намъ соединиться», и поспѣшила къ Свифту. Онъ точно громомъ пораженъ былъ ея появленіемъ, встрѣтилъ ее холодно, постарался скорѣе удалить ее

въ ея помѣстье, куда обѣщалъ часто наѣзжать, но лишь только она скрылась изъ глазъ, сталъ уклоняться подъ разными предлогами, читать будничную мораль на тему о приличіяхъ, объ опасности скомпрометировать свою репутацію; порою письма его принимали суровый тонъ.

Ледяной пріемъ сразилъ Ванессу,—онъ такъ противорѣчилъ розовымъ мечтамъ, съ которыми она полетѣла изъ Лондона навстрѣчу счастью. Впервые раскрылась передъ нею глубина ожидавшихъ ее страданій. Сиротливо повела она жизнь въ своемъ помѣстьѣ, гуляя по парку, сажая цвѣты и аллеи деревьевъ въ честь ожидаемаго пріѣзда Свифта или слагая грустныя стихотворенія. Ревнивыя думы усиливали ея горе.

Внезапно Свифтъ былъ вызванъ въ Лондонъ друзьями. Снова принялся онъ за трудъ руководящаго публициста, написалъ брошюру въ защиту Утрехтскаго мира, порицаемаго вигами, и нѣсколько рѣзкихъ памфлетовъ. Но въ раздраженномъ состояніи трудно было сохранить обычную ясность, самообладаніе и тонкую иронію; нападая на виговъ, особенно въ «Public spirit of the whigs», гдѣ онъ взялся характеризовать ихъ направленіе и нарисовать портреты главныхъ ихъ вождей, онъ наносилъ удары, не зная мѣры и не стѣсняясь ничѣмъ. Этимъ онъ вызвалъ бурю негодованія. Королева и министры были засыпаны жалобами и протестами противъ оскорбленія чести не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ, наприм., шотландцевъ, приверженныхъ къ вигамъ. Сотни голосовъ требовали примѣрнаго наказанія типографа, не открывшаго безыменнаго автора. Свифта едва отстояли, бѣднаго издателя выдали на удовлетвореніе разбушевавшагося недовольства, но этотъ тягостный эпизодъ показалъ, что времена перемѣнились и что для господствующей партіи наступилъ кризисъ. Еще нѣсколько дней—и власть была въ рукахъ Болингброка, который сталъ первымъ министромъ, сбросивъ Оксфорда и заручившись дѣятельною поддержкой Свифта. Но блестящій поворотъ судьбы былъ непродолжителенъ,— внезапная смерть королевы Анны все измѣнила. Воцарилась въ лицѣ Георга I ганноверская линія, внесшая съ собой политическіе взгляды, несовмѣстные съ торизмомъ. Министерство пало, Оксфордъ былъ брошенъ въ Тоуэръ, Болингброкъ бѣжалъ во Францію, начато строгое слѣдствіе противъ главныхъ сторонниковъ прежняго правительства. Надвигалось долгое и несокрушимое владычество Роб. Вольполя, сумѣвшаго усыпить страну покоемъ, матеріальнымъ благополучіемъ, національнымъ тщеславіемъ. Прежняя страстная игра честолюбій стала немыслима. Свифту не было мѣста въ политической жизни. Онъ возвратился въ Ирландію съ разбитыми надеждами, унося воспоминаніе о недолгихъ тріумфахъ.

IV.

Въ прежніе годы Свифтъ часто сѣтовалъ на необходимость жить въ Ирландіи и считалъ это изгнаніемъ. Теперь его судьба складывалась такъ, что всѣ остальные годы ему предстояло провести въ этой опальной странѣ. Долгое отсутствіе изъ родины сдѣлало для него чуждымъ дѣйствительное положеніе ирландскаго народа, мысли были слишкомъ заняты крупными,—общеанглійскими или общечеловѣческими,—вопросами. Отнынѣ несчастія сблизили писателя съ его народомъ, заглохшія симпатіи оживились; предубѣжденія противъ него разсѣялись при видѣ искренняго желанія изучить нужды массы и послужить ей. Для его таланта и энергіи явились новыя цѣли, выше и благороднѣе многихъ прежнихъ; на этомъ пути нельзя было надѣяться на выгоды и преимущества въ офиціальномъ мірѣ; народная любовь, поддержка общественнаго мнѣнія однѣ могли быть его наградой. Но терніи честолюбія измучили его, а сколько открывалось простора для страстной личной ненависти и жажды мщенія!.. Свифтъ все глубже опускается въ нѣдра ирландскаго движенія, и если, съ одной стороны, становится замѣтнымъ лицомъ въ дублинскомъ обществѣ, собирая въ деканскомъ домикѣ оживленный кружокъ, въ которомъ вмѣстѣ съ Стеллой даетъ тонъ и направленіе бесѣдѣ, то, съ другой, входитъ въ соглашеніе съ вожаками, стягиваетъ въ свои руки всю власть, приноситъ народному дѣлу въ даръ могучій талантъ публициста и поднимаетъ знамя ирландской самостоятельности.

Послѣ попытокъ послѣдняго Стюарта отстоять отъ Вильгельма свои права, опираясь на Ирландію, послѣ частныхъ возстаній и ожесточенной «ирландской войны» восторжествовавшая англійская политика отвѣтила на своеволіе репрессаліями; онѣ становились все непринужденнѣе, по мѣрѣ того какъ страна застывала въ изнеможеніи и давала лишь слабый отпоръ. Къ желанію обуздать и усмирить примѣшалось стремленіе эксплоатировать ее, подчинить экономическому игу. Торіи смѣнились вигами, но народу стало только хуже. Свифтъ прежде какъ будто не замѣчалъ народнаго горя; теперь оно предстало предъ нимъ, образумило его, внушило, что онъ долженъ дѣлать. Онъ открылъ собой рядъ примѣчательныхъ агитаторовъ, среди которыхъ блещутъ имена Граттана, О'Коннелла, Бэтта, въ наше время Парнелла; онъ хотѣлъ тогда уже отвоевать родинѣ *home-rule*, но его призывъ къ справедливости не встрѣтилъ отклика,—государственныхъ людей съ прозорливостью и благородствомъ Гладстона не было. Его голосъ звучалъ мятежнымъ кликомъ, его дѣятельность приняла характеръ революціонный, его слово стало желчнымъ сарказмомъ, ѣдкою насмѣшкой или угрозой.

Образъ дѣйствій, принятый относительно Ирландіи англійскимъ правительствомъ и парламентомъ, во многомъ былъ однороденъ съ притѣснительными мѣрами, которыя черезъ полвѣка вызвали отпаденіе американскихъ колоній. Самоуправленіе было сведено къ нулю, ирландскій парламентъ сдѣланъ совсѣмъ безсильнымъ и безправнымъ; въ религіозныхъ вопросахъ господствовалъ мстительный и придирчивый духъ, отчего страдали и католики и диссентеры, но на первомъ планѣ стояла небывалая эксплоатація производительныхъ силъ Ирландіи ради обогащенія англійской торговли и промышленности. Подобно тому, какъ Америкѣ стали со временемъ навязывать англійскія издѣлія, выработанныя изъ мѣстныхъ продуктовъ, возвращавшихся непомѣрно дорожая, запрещать вывозъ наиболѣе цѣнныхъ произведеній или ограничивать торговлю съ другими странами,—въ Ирландіи жизненные соки выжимались на пользу государственной казны, а еще чаще стаи спекулянтовъ, пользовавшихся офиціозною поддержкой. Прежде всего запрещенъ былъ вывозъ овецъ въ Англію, составлявшій прибыльную статью отпуска для Ирландіи, и только потому, что конкурренція была опасна для англійскихъ овцеводовъ. Отъ американской торговли Ирландія была отстранена добавленіемъ къ «Навигаціонному акту»; только англійскія суда могли отплывать въ Америку и, стало-быть, одни могли доставлять ирландцамъ необходимые колоніальные продукты. Затѣмъ зависть сосѣдей возбуждена была сильнымъ развитіемъ въ Ирландіи выдѣлки шерсти и суконъ, къ которой хозяева естественно должны были прибѣгнуть, когда сбытъ овецъ у нихъ былъ отнятъ. Вывозъ шерсти и суконъ изъ Ирландіи былъ запрещенъ; въ видѣ возмездія дано было нѣсколько льготъ полотняной промышленности, но и она подверглась впослѣдствіи стѣсненіямъ. Бѣдность возрастала въ ужасающихъ размѣрахъ, контрабанда поневолѣ процвѣтала; вскорѣ оказался недостатокъ въ деньгахъ. Правительство отдало какому-то аферисту Вуду подрядъ выдѣлки размѣнной монеты для Ирландіи, даже не спросивъ согласія мѣстнаго представительства. Стало вскорѣ извѣстно, что подрядъ отданъ былъ по интригѣ знатной дамы, получившей за комиссію десять тысячъ фунтовъ. Монета была выдѣлана низкой пробы; новая безцеремонность переполнила чашу. Глухому недовольству народа недоставало выразителя. Примѣръ, поданный еще въ концѣ XVII вѣка патріотомъ Molineux, пострадавшимъ за разоблаченіе бѣдствій отечества, оставался единичнымъ и не нашелъ подражателей, быть-можетъ, даже устрашалъ оппозицію. Тутъ-то выступилъ Свифтъ.

Онъ началъ съ памфлета «A proposal for the universal use of irish manufactures», гдѣ совѣтовалъ соотечественникамъ мстить англичанамъ круговою порукой—не употреблять ни одного англійскаго издѣ-

лія и поощрять только родную производительность. Поднялась тревога въ высшихъ сферахъ, обставленныхъ почти сплошь англичанами; началось инквизиціонное слѣдствіе, 300 фунтовъ было обѣщано за открытіе имени автора; типографъ былъ преданъ суду, но присяжные признали его невиновнымъ. *Девять разъ* отсылали ихъ обдумать рѣшеніе, и каждый разъ они отвѣчали то же самое. Памфлетъ, видимо, произвелъ уже зажигательное дѣйствіе на массу. Не испугавшись преслѣдованій (Крэкъ привелъ впервые любопытный документъ —конфиденціальное письмо намѣстника къ архіепископу, внушающее ему, на основаніи вскрытой переписки, принять строгія мѣры противъ Свифта), Свифтъ рѣшилъ итти дальше и установить прямое общеніе съ народомъ при помощи періодически выпускаемыхъ листковъ. Такъ возникли знаменитыя «Письма суконщика» (Drapier's letters), важнѣйшее изъ его произведеній по ирландскому вопросу. Принявъ личину мелкаго торговца сукномъ и скрывъ свое имя подъ первыми попавшимися буквами, онъ повелъ къ народу безхитростную рѣчь о злобѣ дня, о возмутительной продѣлкѣ съ монетой, которую совѣтовалъ наотрѣзъ отвергнуть. Эта плутня была нагляднымъ образцомъ правительственной политики, и автору было легче, говоря объ «исторіи Вуда», перейти къ общимъ вопросамъ, разъяснять, какія отношенія между Англіей и Ирландіей могутъ быть признаны справедливыми, обезпечивающими странѣ свободу и равноправность. Съ каждымъ новымъ письмомъ успѣхъ агитаціи возросталъ, все заволновалось, забушевало; когда же появилось четвертое письмо, участь обманной монеты была рѣшена. Всѣ уцѣлѣвшія автономическія учрежденія въ Ирландіи протестовали; къ нимъ примкнули вліятельныя лица въ дворянствѣ, церкви, судѣ. Правительство заставили отказаться отъ его намѣренія.

Взрывъ, возбужденный «Письмами суконщика», соединилъ всѣ мѣстныя партіи, враждовавшія изъ-за религіознаго разномыслія, и поставилъ во главу ихъ Свифта. Снова онъ сталъ диктаторомъ, и на этотъ разъ прочнѣе и продолжительнѣе прежняго. Въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ онъ не называлъ себя, но всѣ знали, что «Письма» принадлежатъ ему. Ему чужда была мысль окружить себя такимъ туманомъ таинственности, какимъ полвѣка спустя скрылъ свои подлинныя черты авторъ «Юніевыхъ писемъ» (Junius letters), такъ же загадочно появлявшихся и распалявшихъ страсти. Чье лицо скрывалось подъ маской Юнія [1]), объ этомъ иногда спорятъ и до нашего времени, но за фиктивнымъ суконщикомъ всѣ отгадывали геніальныя черты дублинскаго Dean'a. Народъ призналъ въ немъ своего друга и такъ привязался къ нему,

1) Хотя наибольшее вѣроятіе за догадкой, указывающей на сэра Филиппа Фрэнсиса, но все еще возникаютъ новыя, иногда вычурныя предположенія.

что готовъ былъ отстаивать его отъ всякихъ покушеній со стороны правительства. Постоянно раздражаемое, оно могло бы, конечно, тысячу разъ овладѣть имъ и избавиться отъ злѣйшаго врага; эта мысль приходила Вольполю, но каждый разъ сознаніе опасности такого шага заставляло отказаться отъ него. Когда слухи о покушеніи стали тревожнѣе, около Свифта мигомъ выросла почетная стража изъ людей, которые, явившись къ нему, вызвались защищать его до послѣдней капли крови. Онъ зналъ ихъ преданность и ничего не боялся. «Попробуйте пальцемъ меня коснуться,—сказалъ онъ разъ одному изъ ирландскихъ администраторовъ,—народъ разнесетъ васъ на части». За «Письмами» послѣдовалъ рядъ другихъ памфлетовъ. Злою, мрачною ироніей были они часто проникнуты. Въ «Скромномъ предложеніи, дѣлаемомъ въ видахъ того, чтобы дѣти бѣдняковъ въ Ирландіи не были бременемъ для родителей или для своей страны, но чтобъ они, напротивъ, служили на пользу публики» фантазія автора тѣшилась созданіемъ отталкивающихъ образовъ; сущность «скромнаго предложенія» сводится сначала къ параллели между неисчислимымъ множествомъ нищаго люда въ Ирландіи и бытомъ зажиточнаго класса и затѣмъ къ подробному проекту, какъ избавиться отъ будущаго пролетаріата, поставляя новорожденныхъ дѣтей на кухни богачей для ихъ пировъ. Серьезность, съ которой авторъ вдается въ обстоятельное изложеніе и мотивированіе проекта, статистическія выкладки о числѣ дѣтей и размѣрѣ поставокъ производятъ подъ конецъ давящее впечатлѣніе. Такъ жестоко острить могъ только человѣкъ, которому тяжело на душѣ.

Торжествующему агитатору было дѣйствительно тяжело, какъ человѣку; онъ осужденъ былъ выпить до дна горькую чашу. Умоляющія письма Ванессы, нѣжныя просьбы освятить бракомъ ихъ взаимную любовь постоянно растравляли его душу; по временамъ онъ считалъ необходимымъ показаться къ Ванессѣ и успокоить ее при помощи хитро сплетенной лжи. Но Стелла узнала наконецъ, что у нея есть соперница, и въ сдержанной, всегда стыдливой женщинѣ заговорила ревность, нежеланіе уступить кому бы то ни было. Она склонила Свифта втайнѣ обручиться съ нею; онъ попрежнему былъ полонъ такого уваженія къ ней, что согласился, и другъ его, епископъ Клогерскій, совершилъ эту церемонію [1]). Есть преданіе, что Свифтъ во время обряда былъ

[1]) Не было недостатка въ сомнѣніяхъ относительно фактическаго заключенія брака. Высказанныя еще въ 1820 году Монкомъ Мэсономъ въ книгѣ „History and antiquities of the cathedral church of St. Patrick“, они привели большинство новѣйшихъ изслѣдователей и біографовъ Свифта къ отрицанію этого брачнаго союза. Крэкъ (The life of J. Swift, pp. 523—29) собралъ рядъ показаній и документовъ, позволявшихъ, казалось, рѣшить вопросъ утвердительно, но сомнѣнія не замолкли и до настоящаго времени.

сильно взволнованъ, и, выходя, сказалъ двумъ друзьямъ: «вы видите несчастнѣйшаго изъ людей, но не выпытывайте у него никогда причины его горя». Обрученіе отнимало у него послѣднюю надежду соединиться съ Ванессой, и его отчаянію не трудно повѣрить. Зато съ этой поры онъ становится все суровѣе къ своей молодой поклонницѣ; переписка принимаетъ натянутый характеръ, и только порой какая-нибудь фраза («soyez assurée, que jamais personne au monde n'a été aimée, estimée, adorée par votre ami que vous»), проскользнувшая въ письмѣ, напомнитъ, что несовсѣмъ еще похоронено прежнее чувство. Наконецъ Ванесса ускорила неизбѣжную развязку. Она тоже раскрыла тайну и узнала, какую роль занимаетъ Стелла въ жизни Свифта. Она пишетъ ей, требуетъ объясненій; Стелла передаетъ ему письмо, и, взбѣшенный, онъ, не помня себя, мчится въ помѣстье Ванессы, вбѣгаетъ къ ней, сверкая глазами, принявшими опять жуткое выраженіе, котораго она такъ боялась, не говоря ни слова, бросаетъ ей письмо и удаляется. Бѣдная дѣвушка затрепетала и залилась слезами; въ этой нѣмой сценѣ, въ возвращенномъ ей письмѣ она увидала смертный приговоръ своей любви и торжество соперницы. Покинутая, она стала гаснуть, и въ сиротливомъ одиночествѣ умерла. Тогда наступилъ чередъ отчаянію и угрызеніямъ совѣсти Свифта, который цѣлыми мѣсяцами не могъ найти покоя, считая себя виновникомъ смерти Ванессы. Когда же горе стало не такъ остро, онъ, чтобы забыться, бросился снова въ борьбу, которая одна въ состояніи была поднять его ослабѣвшія силы.

Но это не была привычная ему борьба геніальнаго публициста и политическаго агитатора. Въ послѣдній разъ поддался онъ было искушенію, отозвавшись на призывъ Болингброка, который послѣ ссылки снова принялся строить планы возврата къ власти, затѣялъ коалицію торіевъ съ вигами прежней формаціи, чтобы свергнуть Вольполя, созвалъ всѣхъ друзей и прежнихъ сотрудниковъ, Арбэтнота, Свифта, Попа, Честерфильда, основалъ въ духѣ «Examiner'a» новый органъ, «The Craftsman», но это была безнадежная затѣя [1]), и Свифтъ съ гадливостью и пресыщеніемъ отвернулся отъ политики навсегда. Ничтожныя страсти, движущія человѣчествомъ, борьба ради наживы и честолюбія, кодексъ приличій и условной морали, поклоненіе людей лживымъ кумирамъ, мишурный блескъ государственнаго организма,— все это теперь казалось ему, болѣе чѣмъ когда-либо, безумнымъ и позорнымъ. Личныя разочарованія наложили мрачный оттѣнокъ на все

---

1) Она удачно освѣщена новымъ біографомъ Болингброка,—„Bolingbroke and his times" by Walter Sichel, 1902, II.

окружающее, и онъ давно порывался сказать въ лицо жалкому свѣту, что всѣ его стремленія, интересы и увлеченія безсмысленны и недостойны сочувствія. Это послѣднее скорбное слово сатирика сказано имъ въ знаменитыхъ «Странствіяхъ Гулливера», которыя предпочтительно передъ всѣми прочими произведеніями поддерживаютъ его репутацію въ потомствѣ.

Насколько оболочка, приданная замыслу, обманчива и проникнута тонкимъ юморомъ, настолько безотрадна мысль, связывающая пеструю смѣсь фантастическихъ картинъ. Какъ незадолго передъ тѣмъ Свифтъ удачно скрылся подъ личиной суконщика, такъ теперь онъ сливается съ вымышленной личностью Лемьюэля Гулливера, сначала хирурга, потомъ корабельнаго капитана, одержимаго страстью къ путешествіямъ по неизвѣданнымъ странамъ, и въ формѣ дневника обыкновеннаго смертнаго, знакомящаго съ чудесными краями, которые ему привелось видѣть, набрасываетъ картину политической и общественной жизни нетолько Англіи, но и остальной Европы.

Пріемъ не новый; можно указать немало предшественниковъ Гулливера. И великаны Рабле, и обитатели солнца и луны, выступавшіе въ «Комической исторіи солнечныхъ и лунныхъ государствъ» Сирано де-Бержерака, и «Человѣкъ на лунѣ» Гудвина, епископа Ландафскаго [1]), прошли раньше свифтовыхъ героевъ по тому же пути [2]). И замыселъ сначала былъ непритязателенъ. Въ «Гулливерѣ» Свифтъ хотѣлъ посмѣяться надъ небылицами, развязно сообщаемыми въ описаніяхъ путешествій по далекимъ странамъ, и превзойти ихъ скопленіемъ баснословныхъ приключеній. Эта мысль пришла ему еще въ то время, когда въ Лондонѣ онъ жилъ одною жизнью съ литературнымъ кружкомъ Scribler'а и соперничалъ съ его членами въ юмористическихъ выдумкахъ. Онъ сохранилъ этотъ планъ, удалившись съ политической арены и какъ будто приберегая его для долгихъ и печальныхъ досуговъ въ Ирландіи. Не спокойствіе и философскія размышленія, а новыя разочарованія и угрюмыя мысли ждали его тамъ,—и «Гулливеръ» (писавшійся вообще не менѣе пяти лѣтъ) преобразился. Шутливо выполненный очеркъ лиллипутскихъ нравовъ оттѣсненъ и подавленъ былъ массой образовъ, создать которые могло лишь больное воображеніе человѣка, измученнаго жизнью и вознамѣрившагося, по его же словамъ, не «развлечь, а раздражить, оскорбить людей».

---

1) Histoire comique des états et empires de la lune et du soleil.—The man in the moon, by Goodwin, bishop of Llandaff.

2) Заимствованія, сдѣланныя Свифтомъ изъ обѣихъ этихъ книгъ, раскрыты были въ особенности нѣмецкими изслѣдователями, напр. Th. Borkowsky, „Quellen zu Swift's Gulliver“. Halle, 1893; найдены также слѣды вліянія „Утопіи“ Томаса Мора.

Тэнъ ставилъ въ особую заслугу Свифту [1]) удивительное умѣнье, выставивъ сначала какое-нибудь, очевидно нелѣпое, предположеніе, серьезно выводить всѣ послѣдствія, вытекающія изъ него. Начертавъ рѣзкими контурами фантастическіе міры, которые придется посѣтить Гулливеру и которые населены то карликами, то великанами и другими небывалыми существами, Свифтъ какъ будто повѣрилъ въ существованіе ихъ и съ серьезнѣйшимъ видомъ описываетъ подробности быта, ни на минуту не забывая скрывать за ними черты дѣйствительной жизни. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе сатиры, ее нужно снабдить подробными подстрочными примѣчаніями и объясненіями при появленіи каждаго новаго лица и новой частности быта Лиллипутовъ, Бробдингнаговъ и т. д.; если остаться только на поверхности, получится пожалуй впечатлѣніе остроумнаго осмѣянія общечеловѣческихъ слабостей, которое, подъ условіемъ смягченія слишкомъ реальныхъ подробностей, и могло сдѣлать эту книгу любимымъ дѣтскимъ чтеніемъ. Но эта сказочка въ сущности одно изъ безотрадныхъ проявленій пессимизма.

Все, чѣмъ держится и изъ-за чего волнуется человѣчество, приковано къ позорному столбу; показаны нити, которыми все приводится въ движеніе, сорваны маски и нарядныя одежды, грубые инстинкты животнаго выставлены въ отталкивающей наготѣ. Раболѣпіе и хищничество придворныхъ сферъ, закулисная сторона политики, тайны войнъ и договоровъ, предразсудки, притворство и нелѣпые обычаи, правящіе повседневной жизнью гражданъ,—таковы темы, на которыхъ сатирикъ любитъ останавливаться. Эти жалкіе люди тѣшатъ себя грезами любви, поэзіи, великодушія, героизма, не замѣчая, сколько лжи и предательства въ любви, какъ притворенъ поэтическій жаръ и полонъ суетныхъ и смѣшныхъ притязаній героическій порывъ. Страсти, волнующія человѣчество и кажущіяся пламенными и титаническими, приписаны крохотному племени Лиллипутовъ и оттого стали необыкновенно забавными. Та же цѣль достигнута и обратнымъ путемъ, чрезвычайнымъ усиленіемъ красокъ; мелкота людскихъ интересовъ оттѣняется контрастомъ съ первобытными силами колоссальныхъ Бробдингнаговъ. Въ странѣ, населенной благородною и умною породой коней (Houynhnhms), казалось бы, можно отвести душу,—почти идеализованы ихъ простые, честные нравы; но для этихъ разсудительныхъ существъ есть бичъ — размножившіяся среди нихъ низшія животныя, обезьяны (the Yahoos), донельзя напоминающія собою человѣка, порочныя, нечистыя, злыя, возмущающія коней своимъ безобразіемъ и все же взявшія властъ надъ ними. Всюду одна и та же горькая истина... Стоитъ ли жить

---

[1]) Histoire de la littér. anglaise, 1863, III, 245.

послѣ этого? Если сколько-нибудь стоитъ, то только потому, что на свѣтѣ «еще есть нѣсколько порядочныхъ людей».

Въ такую общечеловѣческую раму вставлены черты, взятыя изъ современности. Въ лицѣ разныхъ повелителей фантастическихъ государствъ выведены англійскіе короли Вильгельмъ III, Георгъ I; есть живая характеристика Роберта Вольполя, олицетворявшаго отнынѣ принципъ попечительной, все усыпляющей и обезличивающей власти; споры католиковъ и протестантовъ, борьба съ короной изъ-за народныхъ правъ, усилившаяся при Георгахъ, развитіе постоянной арміи, преслѣдованія, которымъ Свифтъ подвергался въ Ирландіи, дипломатическія шашни между Англіей и Франціей (по Гулливеру-Блефуску),— все отразилось въ обстоятельныхъ описаніяхъ путешественника. Онъ не забылъ свести личные счеты и съ людьми, неповинными въ притѣсненіи народа, наприм., съ учеными. На островъ Лапуту, висящій надъ моремъ благодаря магнитной силѣ и служащій сборнымъ мѣстомъ непризнанныхъ философовъ и несвѣдущихъ математиковъ, онъ помѣстилъ карикатурное подобіе *Royal society* и во главѣ ея Ньютона, которому Свифтъ не могъ простить вмѣшательства въ щекотливое дѣло объ ирландской монетѣ, за доброкачественность которой заступился Ньютонъ.

Послѣ того, какъ въ «Странствіяхъ Гулливера» подведенъ былъ печальный итогъ долгимъ наблюденіямъ надъ жизнью и людьми, какой интересъ могутъ представлять позднѣйшія произведенія человѣка утомленнаго, больного, во всемъ разочаровавшагося! Успѣхъ «Гулливера» былъ поразительный, слава проникла далеко за предѣлы Англіи; Вольтеръ провозгласилъ Свифта вторымъ Рабле и гордился знакомствомъ съ нимъ. Даже такіе явные враги, какъ Вольполь, искали возможности сблизиться съ нимъ. Но прошло время и для творчества, и для призраковъ прежняго счастья. Внезапно Свифта вызвали изъ Лондона вѣстью объ опасной болѣзни Стеллы. Онъ засталъ ее въ живыхъ, видѣлъ ея страданія, терзался, но прервалъ разговоръ съ умирающей, когда услышалъ мольбу огласить ихъ тайный бракъ, и въ сильномъ волненіи отошелъ отъ постели. Безцѣльная ли жестокость, или желаніе избавить несчастную отъ видимо вреднаго ей возбужденія побудило его къ отказу,—кто можетъ это рѣшить? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ не владѣлъ собой и заболѣлъ отъ потрясенія, такъ что не могъ присутствовать при погребеніи Стеллы, похороненной въ соборѣ, противъ оконъ его комнаты.

Со смертью Стеллы жизнь омрачилась для него. Онъ долго прожилъ послѣ того, но то была лишь слабая тѣнь прежней жизни. Онъ сознавалъ ослабленіе всѣхъ способностей, застарѣлая болѣзнь неот-

вязно мучила его, уныніе дѣлало его иногда долго безучастнымъ ко всему. Ничто не утѣшало его; даже на свое благородное заступничество за народное дѣло онъ смотрѣлъ теперь иронически, какъ на праздное и никому ненужное фанфаронство, и въ зломъ стихотвореніи смѣялся надъ Ирландіей, «страной рабовъ и глупцовъ». Написалъ онъ стихи и на собственную смерть, юмористически изображая равнодушіе, съ которымъ всѣ отнесутся къ смерти стараго декана, и пустые разговоры, которые пойдутъ о немъ за карточными столами между сдачей картъ и ходами. «Бѣдный Попъ погорюетъ съ мѣсяцъ, Гэй—съ недѣлю, Арбэтнотъ—денекъ, а Сентъ-Джонъ врядъ ли удостоитъ куснуть перо свое и пролить слезу; остальные пожмутъ плечами и воскликнутъ: «да, жалко, но вѣдь всѣмъ намъ суждено умереть». Такою непрочною считалъ онъ теперь дружбу людей, искренно ему преданныхъ,—особенно Арбэтнота, самаго вѣрнаго его друга, не разъ останавливавшаго его среди крайностей мизантропіи и скептицизма, и вліявшаго своею честностью до такой степени, что «онъ готовъ былъ бы сжечь немедленно своего *Гулливера*, если бы узналъ, что на свѣтѣ есть хоть дюжина Арбэтнотовъ».

Смерть лишила его и этого друга; близкій ему кружокъ сильно порѣдѣлъ, а онъ все жилъ, влача бремя лютой болѣзни. Современные намъ англійскіе врачи постарались опредѣлить и назвать его недугъ [1]). Это, говорятъ они, очевидно, такъ назыв. Labyrinthine vertigo, или, какъ предпочитаютъ называть ее на континентѣ, Меньерова болѣзнь, вызывающая, вслѣдствіе пораженія лабиринта, головокруженіе и глухоту. Память мало-по-малу исчезла. Измученный, онъ звалъ смерть; его письма проникнуты были отчаяніемъ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ говоритъ: «Мнѣ было снова очень тяжело прошлою ночью; сегодня опять я глухъ, и болей у меня много. Я такъ отупѣлъ и убитъ, что не могу выразить, какъ пораженъ тѣломъ и духомъ. Я еще не въ агоніи, но каждый деня жду ея. Скажите, какъ ваше здоровье, здорова ли ваша семья? Я почти не понимаю, что пишу. Я увѣренъ, что дни мои сочтены; ихъ немного будетъ, и жалкіе же будутъ они!» Письмо помѣчено: «если не ошибаюсь, суббота». Наконецъ, силы мощнаго, такъ долго напряженнаго духа оборвались, и Свифтъ впалъ въ состояніе безсознательное, почти въ идіотизмъ, никого не узнавалъ, рѣдко приходилъ въ себя, почти не говорилъ ни съ кѣмъ; цѣлые часы просиживалъ онъ передъ зеркаломъ, грустно вздыхая, или множество разъ повторялъ одну и ту же фразу: «я—то, что есмь» (I am what I am). За нимъ присматривали, боясь, чтобы онъ не наложилъ на себя рукъ. Но въ этомъ не было нужды,—а въ рѣдкіе просвѣты

[1]) Статья д-ра Бэкнилла въ журналѣ „The Brain“, 1882, I.

разума онъ разрѣшался какою-нибудь эпиграммой, заявлявшей, что ничто не примиритъ его ни съ судьбой, ни съ людьми. Да и на могильной плитѣ надпись, имъ сочиненная, говоритъ о духѣ негодованія, какъ объ основной чертѣ его характера, смягченной лишь его преданностью свободѣ.

Наконецъ (19 октября 1745) исполнилось его желаніе: смерть пришла избавить его, именно такъ, какъ онъ хотѣлъ этого; «пусть это будетъ быстрый конецъ,—говорилъ онъ прежде въ письмѣ, написанномъ въ припадкѣ хандры,—чтобы не пришлось умирать въ мученіяхъ и отчаяніи, какъ отравленной крысѣ въ подпольѣ». Смерть подошла, и тревожный духъ отлетѣлъ среди безмятежнаго сна.

Кончина Свифта была великимъ горемъ для бѣдныхъ, утѣшеніемъ для господствующихъ классовъ. Толпы простого народа наполняли его комнату, желая проститься съ своимъ заступникомъ и благодѣтелемъ (третью часть дохода Свифтъ постоянно отдавалъ на бѣдныхъ и, кромѣ того, дѣлалъ много тайныхъ благодѣяній). Слуги допустили народъ обрѣзать сѣдые кудри у покойнаго, и крестьяне уносили съ собой эту драгоцѣнность, говоря, что сберегутъ ее, а умирая, оставятъ въ лучшее наслѣдство дѣтямъ. Эта благодарная народная память о «великомъ землякѣ» никогда не изсякала въ Ирландіи.

«Свифтъ—наиболѣе трагическая личность во всей англійской литературѣ», говоритъ о немъ Лесли Стифенъ [1]). «Это жертва, привязанная къ столбу и доведенная мученіями до безумія и смерти, но съ его гордо сжатыхъ губъ не срывается малодушныхъ жалобъ; слышатся тяжкія проклятія, и каждый ихъ слогъ сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ цѣлые томы сѣтованій. Сквозь выраженія личной непріязни и обиженнаго честолюбія чувствуется пылъ благородныхъ увлеченій, которымъ суждено было проявляться лишь въ вызывающей ненавистнической рѣчи»...

Онъ не принадлежалъ одному народу или одной эпохѣ. Этотъ умъ, «столь великій и столь мрачный», сталъ достояніемъ человѣчества. Оно знаетъ теперь и его несчастія, и подтачивавшія его страсти, его властный и мстительный духъ, знаетъ и печальную драму двухъ сгубленныхъ имъ жертвъ, горькій смѣхъ сомнѣнія и отрицанія, отравлявшій ему жизнь, но оно помнитъ его въ роли народнаго вождя, защитника вольностей, замѣчательнаго публициста, повелѣвавшаго массами, создателя общественнаго мнѣнія въ родной странѣ, видитъ его вызывающимъ своими обличеніями на бой все, что есть низкаго, порочнаго и несправедливаго въ соціальной жизни; оно знаетъ, что причина многихъ печальныхъ явленій скрыта была въ болѣзни его души, и никогда не забудетъ этого геніальнаго неудачника.

[1]) English thought in the eighteenth century, 1902, II, 372.

КЪ ИСТОРІИ РЕАЛЬНАГО РОМАНА.

Рэтифъ де ла Бретоннъ.

Жизненная правда въ романѣ и драмѣ, многовѣковое наслѣдіе міровой литературы, добытое усиліями и исканіями, наблюденіемъ и опытомъ цѣлыхъ поколѣній писателей (только недальновидному цѣнителю кажущееся въ наше время новымъ словомъ, вчерашнимъ открытіемъ), располагая, въ числѣ своихъ подвижниковъ, несравненно болѣе выдающимися дарованіями, врядъ ли когда-либо выставляла дѣятеля эксцентричнѣе, самобытнѣе, безпорядочнѣе, но преданнѣе идеѣ, чѣмъ романистъ-плебей, чей образъ предстоитъ мнѣ вызвать изъ дали прошлаго. Высокомѣрное пренебреженіе къ нему привиллегированной литературной касты, чопорное осужденіе его «развращенности», упреки въ эротизмѣ, насмѣшки надъ философіей и естественно-научными открытіями самоучки, сложная ткань сплетенъ и нелѣпыхъ легендъ о его личной жизни,—все способствовало тому, что надъ его безчисленными «хартіями», когда-то усердно читавшимися, наслоилась «пыль вѣковъ», что забвеніемъ поросли онѣ, едва упоминаемыя бывало въ историко-литературныхъ обзорахъ. На рубежѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка сдѣланы были двѣ попытки обратить вниманіе современниковъ на забытаго писателя; къ началу семидесятыхъ, трудами нѣсколькихъ спеціалистовъ (въ особенности Поля Лакруа [1]), предпринята была запоздалая реабилитація Рэтифа, вызваны къ новой жизни и переоцѣнены его произведенія, разработана біографія, установлены связи его съ обширнымъ и треволненнымъ періодомъ французской исторіи, отъ кануна революціи до имперіи. И вдругъ настало увлеченіе чуть не ископаемымъ писателемъ, «рэтифоманія», страстное собираніе и объясненіе его твореній, безумное соперничество въ добываніи этихъ рѣдкостей, доходившее до оцѣнки полнаго собранія въ нѣсколько десят-

---

[1]) Bibliographie et iconographie de tous les ouvrages de Restif de la Bretonne, 1875, съ перепечаткой первой біографіи Рэтифа.

ковъ тысячъ франковъ. Съ тѣхъ поръ онъ снова вошелъ въ кругъ признанныхъ литературныхъ силъ, ему посвящаются разностороннія монографіи [1]), факты его развитія освѣщаются вновь открывающимися любопытнѣйшими произведеніями [2]),—въ исторіи французскаго реальнаго романа для него, какъ предтечи Бальзака и Зола, нашлось почетное мѣсто.

Передъ нами смѣлый и предпріимчивый самоучка-выходецъ изъ низшихъ, крестьянскихъ слоевъ—явленіе, рѣдкое въ литературныхъ кругахъ Франціи середины 18-го вѣка. Въ захолустьѣ бургонской деревушки, въ семьѣ зажиточнаго земледѣльца, увидѣлъ онъ свѣтъ (1734). Назвали его Николаемъ-Эдмомъ; первое, любимое свое имя онъ не разъ превращалъ въ прозрачный псевдонимъ «Monsieur Nicolas», отъ лица котораго велъ, въ романической формѣ или въ видѣ набросковъ философскаго содержанія, исповѣдь въ дѣлахъ своихъ и помышленіяхъ. Въ фамильномъ своемъ прозвищѣ Rétif или Réstif, гдѣ сразу звучитъ намекъ на настойчивость, упорство, строптивость, увидалъ онъ оцѣнку одной изъ чертъ своего характера, и въ комически серьезной родословной, восходящей будто бы къ римлянамъ, велъ свой родъ отъ императора Pertinax'а. Наконецъ,—должно быть, поддавшись одному изъ рѣдкихъ у него приступовъ суетности,—онъ приставилъ къ родовому имени привѣсокъ de la Bretonne, указывавшій, впрочемъ, только на мызу, принадлежавшую его отцу. Такъ сложился nom de guerre, съ которымъ впослѣдствіи онъ вступилъ въ боевые ряды беллетристовъ и дѣятелей публицистики.

Выдѣляясь изъ личной жизни цѣлаго ряда выдающихся писателей восьмнадцатаго вѣка, окруженные трогательной простотой, первобытнымъ прямодушіемъ, нравственной свѣжестью, смотрятъ на насъ нѣсколько свѣтлыхъ старческихъ образовъ. Это *отцы* Дидро, Бэрнса, Фонвизина. Куда бы ни увлекли потомъ ихъ великихъ сыновей страсти и темпераментъ, жажда борьбы, добываніе славы, позади ихъ, на порогѣ жизни, имъ рисуется мирная картина ладной семьи, съютившейся вокругъ своего пастыря-патріарха, небогатаго книжнымъ развитіемъ, ищущаго опоры и вдохновенія прежде всего въ библіи. Совершенно такимъ былъ отецъ Рэтифа,—и среди множества непринужденно распущенныхъ картинъ столичнаго быта, среди безконечной лѣтописи любви и порока, безчисленныхъ женскихъ головокъ и силуэтовъ, наводнившихъ творенія сына, возвышается дышащая сердечной теплотой, идиллическая и въ то же время не вымученная, но взятая прямо съ

[1]) Dr. E. Dühren. Rétif de la Bretonne. Der Mensch, der Schriftsteller, der Reformator. Berl., 1906.

[2]) Напр., его дневникомъ „Mes inscripcions" (sic), изд. Paul Cottin, 1889.

натуры повѣсть «La vie de mon père», одно изъ лучшихъ его произведеній. Задолго до деревенскихъ картинъ Жоржъ-Занда и Бальзака, не спускаясь, подобно имъ, съ уровня барской культуры къ меньшей братіи, но выйдя изъ нея самъ и зная ея бытъ, онъ выводитъ въ рядѣ живыхъ лицъ трудовую крестьянскую жизнь и въ центрѣ ставитъ внушающую всѣмъ уваженіе фигуру отца. Нравственная порча уже въѣдалась въ бытъ деревни,—но отъ него шло на всѣхъ, кто съ нимъ соприкасался, здоровое и честное вліяніе. Вокругъ него группировались, точно одна семья, и дѣти, и работники, служанки, пахари, винодѣлы, жили одной жизнью, какъ равные, но повинуясь его внушеніямъ. Полное реальной правды описаніе вечера на фермѣ, когда за ужиномъ возлѣ хозяина и его жены размѣщались за одинаковой трапезой и стаканомъ легкаго вина двадцать двѣ рабочія души, чуждыя всякаго стѣсненія или страха передъ почтеннымъ «патріархомъ», когда послѣ ѣды всѣ слушали, какъ онъ читалъ библію, а потомъ разсказывалъ имъ различныя «исторіи», превращается въ прелестную жанровую картинку,—подъ стать къ «Субботнему вечеру» Бэрнса. Кончина старика, встрѣтившаго смерть безстрашно, окружаетъ его тихимъ сіяніемъ. «Вся деревня толпится у его хаты, даже проникаетъ внутрь, возсылая мольбы о сохраненіи его жизни».

Рядомъ съ свѣтлымъ образомъ отца Рэтифу вспоминались среди парижскаго водоворота дорогія черты крестьянки-матери. Она инымъ путемъ прошла въ жизни, не мало испытала, но стала достойной подругой честнаго своего мужа. Въ переполненной бытовымъ матеріаломъ галлереѣ женскихъ портретовъ, «Les contemporaines», Рэтифъ вывелъ ее въ очеркѣ, озаглавленномъ «Жена пахаря» (La femme du laboureur). Установивъ въ нѣсколькихъ строкахъ вступленія ту мысль, что «крестьянка болѣе всѣхъ своихъ сверстницъ можетъ считаться истинной женщиной (c'est la femme par excellence), потому что «она исполняетъ свой долгъ по отношенію къ отечеству, къ мужу, дѣтямъ, работникамъ, ко всѣмъ, съ кѣмъ только имѣетъ дѣло», онъ выбираетъ образцомъ такихъ женщинъ свою мать. Обозначивъ ее дѣвическимъ ея именемъ, Barbe Ferlet, надѣливъ ея сына собственнымъ увлекающимся и горячимъ темпераментомъ, озабочивающимъ и удручающимъ ее, онъ пересказалъ въ лицахъ многое изъ семейной были, искренно оплакивая материнскую ласку и любовь. Онъ знаетъ, что деревенскія картины и крестьянскіе характеры могутъ вызвать подозрѣніе въ чувствительномъ преувеличеніи, но ни въ чемъ не отступилъ отъ истины. «Я самъ крестьянинъ,—говоритъ онъ читателю (lecteur, je suis paysan),—и все это я видѣлъ, но не на вашемъ театрѣ, гдѣ все фальшиво, а въ деревнѣ».

Когда вспоминались ему потомъ дорогія лица, освѣтившія его дѣтство и отрочество, у него вырывалось восклицаніе: «О, отчего не вышло изъ меня ничего подобнаго имъ!» Необыкновенная подвижность, страстность рано стали увлекать его съ ровнаго пути сельскаго труда. Скудныя свѣденія, добытыя въ деревенской школѣ, потомъ въ чемъ-то въ родѣ пансіона въ сосѣднемъ городкѣ, не удовлетворяли его; хотѣлось все узнать, все испытать. На многое наводили случайныя чтенія украдкой; потомъ его коснулось вліяніе просвѣтительной литературы, которая съ боевымъ пыломъ Вольтера и его учениковъ расшатывала старыя воззрѣнія, а потомъ... нѣтъ, раньше того, такъ рано, какъ никогда, кажется, не вспыхиваетъ любовный жаръ въ крови, его вовлекли въ житейскій водоворотъ женщины. Это—больное, чувствительное мѣсто въ его организмѣ. Что бы ни бралъ онъ на себя впослѣдствіи, надъ какими задачами народнаго блага и общаго возрожденія ни задумывался, какой смѣлой поступью ни шелъ паравнѣ съ вѣкомъ,—среди всѣхъ его дѣяній и твореній вьется безконечная нить его привязанностей и интригъ. Имъ числа нѣтъ. Старый, разбитый жизнью, онъ могъ пресерьезно составить—правда, для личнаго обихода и самоутѣшенія—совсѣмъ небывалый календарь, словно любовные святцы, гдѣ на каждый день приходилось, за всю его жизнь, по «героинѣ». Ихъ такое множество, что въ наше время высказывалась догадка, не игралъ ли тутъ немалую роль головной эротизмъ, склонный къ яркимъ и пластическимъ галлюцинаціямъ,—въ родѣ тѣхъ, которыя испытывалъ Руссо.

Еще чистый духомъ, извѣдавъ, по части «страсти нѣжной», лишь нѣсколько деревенскихъ, довольно невинныхъ похожденій, Рэтифъ, до того пристрастившійся къ чтенію, что на семейномъ совѣщаніи рѣшили не препятствовать этой страсти, рѣшается покинуть деревню для города и будущность пахаря или винодѣла для труда типографщика, лишь бы быть ближе къ книгамъ. Заурядный Оксерръ, старый, но давно остановившійся въ своемъ развитіи областной городъ, гдѣ Рэтифъ сталъ наборщикомъ, конечно, не былъ вертепомъ разврата, мѣстомъ вѣрной гибели для чистыхъ душъ. Но контрастъ бытового строя деревни и города не могъ не подѣйствовать на сельскаго подростка: приманки и соблазны, товарищество, вліяніе мастерской, встрѣчи съ женщинами иного, неизвѣданнаго типа. И съ той поры начался процессъ разложенія и перерожденія старыхъ основъ, который еще глубже захватилъ его въ Парижѣ, пока не одумался онъ, не взялъ себя въ руки, пока участіе въ новой культурѣ и писательская дѣятельность не вывели его на иной путь,—процессъ, подрывавшій душевную жизнь множества такихъ же, какъ онъ, искателей простора и счастья, которыхъ про-

винція, глушь, деревня высылали большому городу полными силъ и иллюзій. Не съ нравственно-проповѣднической каѳедры, а отъ сердца и подъ горькими впечатлѣніями лично пережитаго послышится со временемъ его романическая исповѣдь,—повѣсть «Развратившійся крестьянинъ» (Le paysan perverti).

Стоя за наборной кассой въ небольшой типографіи, отдавая свое время работѣ, поглощенію книгъ и безпрерывнымъ похожденіямъ въ донъ-жуановскомъ вкусѣ, онъ встрѣтилъ на жизненномъ пути своемъ очень повліявшаго на его образъ мыслей вольнодумца,—не въ политическомъ и не въ соціальномъ направленіи, но съ развязными взглядами на нравственность, съ вѣрой въ законность наслажденій, съ безпощаднымъ остроуміемъ насчетъ церковныхъ традицій,—чертами, тѣмъ болѣе своеобразными, что надѣленный ими «названный другъ» Рэтифа былъ монахъ, хотя и разстриженный. Съ тѣхъ поръ, какъ юноша подпалъ вліянію этого «искусителя», впослѣдствіи выведеннаго имъ въ повѣсти о развратившемся крестьянинѣ, его самодѣльное эпикурейство окрасилось на время особенно бойкимъ, вызывающимъ колоритомъ.

Но теперь, испытавъ много новыхъ ощущеній, онъ стремится дальше; ему нужно во что бы то ни стало проникнуть въ Парижъ. Наконецъ, его мечты сбылись, и гигантскій городъ поглотилъ его въ своемъ водоворотѣ, чтобы (за исключеніемъ рѣдкихъ выѣздовъ въ провинцію, гдѣ ему какъ будто хотѣлось порою снова припасть къ родной землѣ и воспрянуть) удержать его прочно и навсегда, до самой его смерти.

Сначала въ рабочихъ типографскихъ кружкахъ, потомъ и въ болѣе широкихъ слояхъ невольно замѣтили пришельца,—прежде всего по красивой и могучей внѣшности. «Онъ былъ средняго роста, съ широкимъ и открытымъ лбомъ, большими черными глазами, метавшими лучи геніальности, орлинымъ носомъ, крошечнымъ ртомъ, и необыкновенно темными бровями, подъ старость спустившимися совсѣмъ къ вѣкамъ. Вся посадка его фигуры была изумительна; на него засматривались даже въ старые его годы», говоритъ первый его біографъ, Кюбьеръ. Конечно, этотъ набросокъ съ натуры уже предвѣщалъ неисчислимыя сердечныя похожденія Рэтифа. Они были полны неожиданностей, капризовъ и ошибокъ,—въ родѣ той, казалось, непоправимой, которую сдѣлалъ онъ, рано женившись, еще въ церкви придя въ ужасъ отъ утраты свободы—и стремясь навстрѣчу новымъ привязанностямъ (жену свою онъ вывелъ потомъ въ романѣ «La femme infidèle). Въ товарищескихъ связяхъ также не было недостатка, но онъ завязывалъ ихъ безъ разбора, водился съ людьми, отъ которыхъ отшатнулся потомъ, въ періодъ писательства, и искалъ ихъ нерѣдко въ знаменитыхъ тогда подвалахъ и погребкахъ Пале-Рояля.

Но среди соблазновъ стойко держались основныя его черты—постоянная бѣдность, переносимая съ достоинствомъ, большая способность къ работѣ, подвинувшая его изъ рядовъ наборщиковъ на мѣсто фактора одной частной печатни, и немолчно творившееся подъ оболочкой легкомыслія самовоспитаніе, съ уроками изъ книгъ, а еще болѣе изъ жизни. Давая читателю въ своихъ позднѣйшихъ автобіографическихъ очеркахъ заглянуть въ бытъ типографщиковъ, описывая, напримѣръ, изъ своихъ молодыхъ лѣтъ сожительство на рабочей квартирѣ (до женитьбы) съ двумя товарищами, въ складчину, онъ, и какъ семейный человѣкъ, не вышелъ изъ той же бытовой рамки. Цвѣты любви одни только скрашивали постоянную борьбу за существованіе. Многое было испытано, наблюденій надъ жизнью было еще больше; нашлось бы что сказать людямъ про дѣйствительность, не понятую, не сознанную ими,—недоставало только стимула, почина.

Его дала одна изъ случайностей вѣчной влюбчивости Рэтифа. Перехваченная отцомъ его милой, купеческой дочки, пачка страстныхъ и цвѣтистыхъ его писемъ внушили старику не негодованіе или желаніе подавить и пресѣчь,—а совѣтъ молодому человѣку развить свое несомнѣнное дарованіе и, заявивъ себя въ читающей публикѣ, получить въ награду руку дѣвушки. Женатому Рэтифу нужно было не это воздаяніе,—но совѣтъ не пропалъ даромъ. Онъ сдѣлалъ первый опытъ, построилъ свою первую повѣсть, «La famille vertueuse», не на вымыслѣ, а на житейскихъ, видѣнныхъ имъ фактахъ, далъ себѣ зарокъ никогда не описывать ничего, что бы онъ самъ не испыталъ и не видѣлъ,—и не подъ знаменемъ теоріи, а по внушенію здороваго реалистическаго чутья вышелъ на настоящую дорогу.

Въ то время еще сильно было вліяніе на французскій литературный вкусъ писательской манеры Ричардсона, усердно и съ увлеченіемъ, ради пропаганды новыхъ идей, переведеннаго сполна по-французски. Подобно Рэтифу выставленный трудовой типографской средой, сначала наборщикъ, потомъ средней руки печатникъ-хозяинъ, Ричардсонъ, изъ своей рабочей каморки вглядываясь въ житейскій потокъ, пересказывалъ многословно, съ большой затратой чувствительности, но съ искреннимъ участіемъ къ горю и страданіямъ, факты повседневные, примелькавшіеся людямъ, но ужасные и трагическіе по несправедливости и безнаказанности. И первые авторитеты, въ родѣ Дидро, возвели простоватаго романиста-самоучку на высокую степень славы, поставивъ его рядомъ съ Гомеромъ... Натура Рэтифа была иная, и племенныя особенности не дали ему потеряться въ зыбучихъ пескахъ чувствительности. Но и бытовые задатки, и житейская школа, и пробудившееся со времени первыхъ писательскихъ его опытовъ стремленіе послужить

народному благу повели его навстрѣчу романамъ Ричардсона и научили опереться на него [1]), чтобы затѣмъ творить самостоятельно.

Послѣ «Добродѣтельной семьи», вызвавшей къ неизвѣстному автору нѣкоторое вниманіе, быстро послѣдовали «La confidence nécessaire», «Le pied de Fanchette», «Un ménage parisien» и, наконецъ, (1775), «Развратившійся крестьянинъ», силой реализма и непосредственной, необдѣланной, но несомнѣнной талантливостью разсказа произведшій большое впечатлѣніе. Многимъ не вѣрилось появленію откуда-то изъ толпы столь даровитаго писателя; находились люди, приписывавшіе «Крестьянина» то Дидро, то Бомарше; въ современныхъ журналахъ явилось нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ; даже предназначенная для коронованныхъ и знатныхъ читателей «Correspondance littéraire», издававшаяся тогда Meister'омъ, снизошла до одобренія романа съ столь плебейскимъ сюжетомъ.

Казалось, будто Рэтифъ вернулся къ темѣ, за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ уже намѣченной во французской повѣсти. Среди разнообразнаго литературнаго достоянія Мариво, въ которомъ салонныя вещицы и утонченныя сценическія бездѣлки на тему любви встрѣчаются съ такими живыми бытовыми картинами, какъ повѣсть «La vie de Marianne», гдѣ нравы женской мастерской или модной лавки, уличныя сцены, изнанка монастырской жизни образуютъ фонъ, изъ котораго выдѣляется стойкая добродѣтель героини-сироты, обращаетъ на себя вниманіе недоконченный романъ, «Крестьянинъ, вышедшій въ люди» (Le paysan parvenu) [2]).

Центральное лицо—смазливый и привлекательный для женскихъ взглядовъ деревенскій парень; покидая сельскую простоту Шампаніи для удовольствій и наслажденій столицы, онъ совершаетъ свое «завоеваніе Парижа», сознательно и цинично эксплоатируя замѣченное имъ обаяніе его внѣшности, пробираясь къ цѣли при помощи интригъ и связей въ полу-свѣтѣ, у старыхъ ханжей, въ мірѣ денежной знати, и наконецъ, даже въ высшемъ обществѣ. Искусный и вкрадчивый авантюристъ, котораго въ новѣйшее время сравнивали съ мопассановскимъ Bel-Ami, обрисованъ стороннимъ наблюдателемъ, вышедшимъ изъ совершенно иной среды, не испытавшимъ на себѣ контраста двухъ міровъ и сложившимъ характеръ героя на основаніи различныхъ подмѣченныхъ имъ фактовъ. Романъ Рэтифа создался при совершенно другихъ усло-

---

[1]) J. Assézat въ своемъ очеркѣ „Restif écrivain, son oeuvre et sa portée", предпосланномъ изданію извлеченій изъ „Les contemporaines", 1876, стр. 51—2, допускаетъ также вліяніе пріемовъ Руссо, какъ романиста. Къ личности Руссо Рэтифъ относился съ благоговѣніемъ.

[2]) Первыя главы написаны были въ 1735 году.

віяхъ. Самъ сельскій выходецъ, авторъ влагаетъ въ разсказъ много пережитаго; къ личному, автобіографическому, присоединилъ онъ, по его же собственному показанію (впослѣдствіи, въ «Monsieur Nicolas»), подлинныя черты изъ жизни другихъ лицъ (иныхъ онъ даже назвалъ по имени); наконецъ, въ фабулу введена, въ измѣненной формѣ, сначала въ видѣ отдѣльнаго разсказа, «La paysanne pervertie», печальная исторія собственной сестры Рэтифа, «обезчещенной монахомъ и потомъ вышедшей замужъ за извозчика». «Нигдѣ нѣтъ вымысла, лжи; тотъ, кто пишетъ одну только ложь, позоритъ себя», говоритъ авторъ, и если отступаетъ отъ правила приводить одни факты, то лишь въ развязкѣ романа.

Въ тонѣ повѣствованія, которому придана старомодная, но тогда, по англійскому образцу, только что усвоенная во Фраціи форма переписки, вездѣ чувствуется не наблюдатель, а лично захваченный событіями участникъ. «Судите,—говоритъ онъ,—какое волненіе долженъ я былъ испытывать, когда писалъ эту повѣсть, въ которой моя сестра и я самъ были главными двигателями».

Герой романа вступаетъ въ жизнь большого города не какъ хищникъ, вышедшій на ловитву, а какъ неопытный, увлекающійся простолюдинъ, котораго издали неотразимо манило къ себѣ марево парижскаго рая. Сначала, достигнувъ нѣкотораго благостоянія, онъ поддается всякимъ искушеніямъ, постепенно падаетъ и портится нравственно. Авторъ не остановится передъ изображеніемъ кабацкихъ сценъ или притона проституціи, поведетъ читателя въ рабочую среду, въ мастерскія, въ темные закоулки и трущобы лѣваго берега Сены, не пощадитъ ни церковническихъ нравовъ, ни свѣтскаго разврата; онъ даже надѣлилъ героя своей маніей писательства и заставилъ его среди треволненій судьбы переносить на бумагу непереваренныя и безпорядочно усвоенныя идеи философскаго и религіознаго вольнодумства. Краски и тоны становятся къ концу все мрачнѣе. Неудачникъ и легкомысленный прожигатель жизни вдается въ проступки, чуть не преступленія. Съ этой поры въ разсказъ врывается «то, чего не было», и на помощь призывается мелодрама. Судъ, приговоръ, тюрьма, ссылка на галеры, подъ конецъ убійство сестры, сплошной мракъ и ужасъ. Горячая фантазія занеслась далеко и воплотила самые крайніе результаты, до которыхъ можетъ дойти разнузданность и безпринципность. Пріемъ уже не реалиста, а проповѣдника, моралиста,—пріемъ, внушенный соображеніями не художественности, а общей пользы. Но кто, даже изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей французской словесности, былъ тогда свободенъ отъ благонамѣреннаго культа общеполезности и не ставилъ выше всего прикладную, поучительную сторону дѣла!..

— О, дѣти мои, останемся жить въ нашихъ деревняхъ, не будемъ искать выхода изъ блаженнаго невѣдѣнія соблазновъ большихъ городовъ! — восклицаетъ въ предисловіи къ роману устами воображаемаго брата его героя авторъ и, чтобъ отвратить отъ деревенской среды притягательную силу городской цивилизаціи, предается послѣ трагической развязки романа мечтамъ и проектамъ объ улучшеніи и переустройствѣ деревенскаго быта на началахъ, обезпечивающихъ благосостояніе. Такъ впервые въ романистѣ сказывается страсть его къ соціальному строительству, съ годами ставшая одной изъ отличительныхъ особенностей его дѣятельности. Пережившіе «развратившагося крестьянина» родные и односельчане образуютъ общину, основанную на равенствѣ всѣхъ ея членовъ и на коллективномъ землевладѣніи, съ общимъ хозяйствомъ, сборнымъ домомъ, большой школой, мировымъ судомъ (единственно необходимымъ, такъ какъ при новомъ порядкѣ вещей тяжебъ не будетъ возникать), съ развитіемъ всякихъ ремеслъ и полезныхъ занятій, складомъ простой и здоровой жизни, закаленіемъ физическихъ силъ.

Но для самого Рэтифа не было уже возврата къ деревенской тишинѣ и первобытности. Онъ преодолѣлъ себя, въ самоанализѣ дошелъ до исповѣди «Paysan perverti»; писательство наотрѣзъ отдѣлило прежніе годы нравственнаго шатанія отъ сознательной жизненной работы. Онъ нашелъ себѣ единомышленниковъ въ кругу писателей опытныхъ, съ именемъ. Вскорѣ дружескія связи соединили его съ такимъ чуткимъ къ народнымъ нуждамъ и разностороннимъ литературнымъ дѣятелемъ, какъ Мерсье [1]), который преслѣдовалъ одинакія съ нимъ цѣли въ своихъ драмахъ типа знаменитаго нѣкогда *Судьи*, въ своемъ «*Tableau de Paris*» далъ живой и переполненный фактами бытовой очеркъ Парижа, а въ соціальной своей грезѣ «*2440 годъ*» мечталъ не хуже Рэтифа о лучшемъ общественномъ строѣ. Но и другія выдающіяся писательскія силы братаются съ новымъ авторомъ, и въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ Бомарше.

Рэтифъ сроднился съ Парижемъ, въ которомъ сначала такъ много испыталъ; зато онъ зналъ его превосходно и, продолжая его изучать и наблюдать, дѣлился съ читателемъ своими, можно бы сказать, физіологическими изученіями. Типографское дѣло и теперь было ему близко; благодаря этому развилась необъятная литературная производительность Рэтифа, проявлявшаяся иногда при совершенно исключительныхъ усло-

1) Отношенія Мерсье къ Рэтифу и солидарная ихъ работа характеризованы въ обширномъ изслѣдованіи о Мерсье — „Sébastien Mercier, sa vie, son oeuvre, son temps“ p. Léon Béclard, 1903.

віяхъ. Случалось ему творить во время типографскаго набора и, мысленно продолжая недописанную рукопись, набирать прямо изъ мозга. Оттискивая потомъ набранное при помощи ручного пресса, онъ являлся такимъ образомъ въ широкомъ смыслѣ слова творцомъ той или другой изъ своихъ книгъ.

Ревниво отстаивая занятое имъ своеобразное положеніе бытописателя-плебея, выставленнаго низшими слоями и пролетаріатомъ для заступничества за ихъ права и нужды, Рэтифъ неутомимо собиралъ необходимые матеріалы, — послѣдователь Зола сказалъ бы «человѣческіе документы». Самое это собираніе наложило на него, въ свою очередь, въ глазахъ многихъ отпечатокъ высшаго чудачества. Онъ ждалъ наступленія ночи, надѣвалъ бѣднѣйшій костюмъ, глубоко надвигалъ широкополую шляпу и, вооружившись фонаремъ, пускался бродить ночь напролетъ, заходилъ безстрашно въ вертепы и трущобы, сталкивался со всевозможнымъ сбродомъ, узнавалъ и изнанку жизни привилегированныхъ классовъ [1]). «Ночному филину» (Hibou nocturne), какъ онъ часто называлъ себя, случалось вступать притомъ въ столкновенія съ дозоромъ; въ революціонную пору недоразумѣнія эти приводили даже къ аресту, хоть и недолгому. Зато въ его распоряженіи скоплялась необъятная масса не только faits-divers'овъ Парижа, но и крупныхъ соціальныхъ фактовъ, пригодныхъ и для романиста, и для составителя плановъ улучшеній и реформъ.

Въ тѣ ночи, когда передъ нимъ проходили во всей своей наготѣ отталкивающія стороны жизни, онъ порой отдыхалъ на воспоминаніяхъ о пережитыхъ въ свѣтлую, лучшую часть сутокъ блаженныхъ минутахъ свиданій и любви. Неисправимый, онъ не переставалъ двоиться на мыслителя и чувственника и, по его словамъ, находилъ высокое наслажденіе въ томъ, что въ сумракѣ вырѣзывалъ на каменныхъ парапетахъ набережной, на память одному себѣ, счастливыя даты своей жизни. И на склонѣ дней, когда все это миновало, его влекло на старыя мѣста, онъ шелъ на набережную, находилъ свои надписи, пощаженныя ржавчиной времени, вспоминалъ и тосковалъ.

При условіяхъ непрерывнаго изученія жизни и могла развиться обширная нравоописательная литература Рэтифа, разросшаяся подъ конецъ до 154 томовъ. Окончательно ободренный успѣхомъ «Paysan perverti» [2]), онъ ежегодно выпускалъ въ свѣтъ свои книги, иногда по нѣ-

---

[1]) На склонѣ лѣтъ онъ прибѣгалъ къ извѣстному гоголевскому пріему обращенія къ читателямъ, вызывая ихъ сообщать ему всевозможные житейскіе факты.

[2]) Первое изданіе въ трехъ тысячахъ экземпляровъ быстро разошлось; за нимъ послѣдовало въ 18 вѣкѣ семь изданій. Романъ былъ переведенъ по-нѣмецки. Взявъ

сколько сочиненій, и рѣдко однотомныхъ, во всевозможныхъ родахъ. Тутъ были и повѣсти (La dernière aventure d'un homme de quarante-cinq ans, La malédiction paternelle, Le nouvel Abeilard и т. д.), и очерки Парижа (Le Palais Royal, Les nuits de Paris), и проекты общественныхъ улучшеній, необычайные уже по заглавіямъ (Le Mimographe, L'Andrographe, Le Pornographe), и новыя попытки автобіографіи (Monsieur Nicolas), и семнадцать театральныхъ пьесъ, никогда не игранныхъ, вообще довольно слабыхъ. Но надъ всѣми этими писаніями, несомнѣнно, возвышается то, что такъ близко должно было быть для Рэтифа, если не «поэта женщины», то одного изъ знатоковъ женской психологіи, — обширнѣйшая, распадающаяся на 42 части, коллекція «портретовъ» современныхъ ему женщинъ, «Les contemporaines ou aventures des plus jolies femmes de l'age présent».

Повелѣвая многочисленнымъ женскимъ отрядомъ, авторъ, по своему произволу, разбиваетъ его на группы, сводитъ и разводитъ ихъ, то ведетъ въ дѣло большія силы, то характеризуетъ одиночныя личности. Такимъ образомъ получаются такія раздѣленія, какъ «Современницы смѣшанныя», «Современницы простого званія», «Расположенныя по степенямъ» (Contemporaines mêlées, Contemporaines du commun et par gradation); затѣмъ образуются группы «одиннадцати купчихъ», «двадцати дѣвушекъ самыхъ низменныхъ профессій», «восьми бульварныхъ торговокъ»; наконецъ, встрѣчаются отдѣльно «герцогиня», «балаганщица», «актриса-любительница», «заносчивая провинціалка», «монахиня поневолѣ», «жена пахаря», «куртизанка». Дробленіе, конечно, всего сильнѣе тамъ, гдѣ отъ женщинъ изъ высшихъ классовъ или зажиточнаго tiers-état, различающихся по характеру или темпераменту, но бездѣятельныхъ, праздныхъ, авторъ переходитъ къ зауряднымъ, зато разбившимся на множество мелкихъ профессій торговли, ремесла, рукодѣлія и т. д. женщинамъ изъ мѣщанскихъ и народныхъ слоевъ. Здѣсь съ обстоятельностью натуралиста онъ классифицируетъ, опредѣляетъ особи. Высчитано, что на протяженіи всей коллекціи «Современницъ» онъ обозначилъ въ отдѣльности, посвятивъ притомъ многимъ изъ нихъ спеціальный этюдъ, триста семь различныхъ женскихъ профессій или состояній.

Но его этюды однако не могутъ быть въ тѣсномъ смыслѣ слова названы соціально-физіологическими документами. Почти всегда это — небольшіе разсказы, новеллы, съ завязкой и ея развитіемъ. Иногда, если

у Рэтифа замыселъ, Тикъ написалъ своего „Вильяма Ловелля". Связи между обоими произведеніями посвящена диссертація Haszler'a „Ludw. Tiecks Jugend-drama Will. Lovell und der Paysan perverti", Greifswald, 1902.

рѣчь идетъ отъ дѣйствующаго лица и среда взята плебейская, слышится мастерски веденный монологъ какой-нибудь бойкой бульварной продавщицы, пересыпанный остротами и словечками, уснащенный уличнымъ жаргономъ. Конечно, фономъ всегда остается общій бытъ, и, несмотря на односторонне-женскій персоналъ, каждая новелла дѣлаетъ свой вкладъ въ нравоописаніе. Канва большинства разсказовъ одинакова: это—вѣчная сластолюбивая тактика одного пола противъ другого, черты хищничества, захвата, насилія, коварства, утонченнаго кокетства, притворства, выказываемыхъ и представительницами de l'Eternel Féminin и ихъ противниками.

Разнообразны средства, къ которымъ прибѣгалъ Рэтифъ при обработкѣ темъ такого рода. Строгіе судьи обзывали его нерѣдко скабрезнымъ писателемъ [1]) за непринужденность многихъ описаній, хотя у салонныхъ поэтовъ-эротомановъ его вѣка, и у блудливыхъ и невоздержныхъ стихотворцевъ-аббатовъ, долго портившихъ потомъ вкусъ остальной Европы, не въ примѣръ больше скоромнаго. Нигдѣ не видно, чтобъ Рэтифъ, съ увлеченіемъ смакуя подносимыя читателю пряности, радовался загрязненію чужого воображенія. Онъ, видимо, иначе не можетъ поступить, обязанный, какъ реалистъ,—по его выраженію, какъ «историкъ своихъ дѣйствующихъ лицъ»,—ничего не скрыть, если замыселъ того требуетъ. Правда, въ эти минуты у него проявляется бойкая непринужденность старо-французскаго жанра, нисходящая къ нему отъ фабльо, фарсовъ, Рабле, освѣженная въ его собственную пору примѣромъ Вольтера и Дидро, какъ сказочниковъ и повѣствователей; но какъ бы ни казались иногда его очерки отрывками изъ скандальной хроники de la vie galante, за ними всегда чувствуется участливый къ судьбѣ женщины, терпимый и гуманный авторъ, который посвятилъ одинъ изъ своихъ проектовъ соціальныхъ улучшеній, «le Pornographe», вмѣшательству общественной совѣсти въ вопросъ о внѣбрачныхъ отношеніяхъ и проституціи [2]). Защищая «Современницъ» отъ нападокъ строгихъ судей, Рэтифъ, волнуясь и негодуя, восклицаетъ: «Великій Боже! Какимъ жестокимъ испытаніямъ подвергается полезный писатель, берущій въ руки перо лишь для того, чтобы остановить быстрое развращеніе нравовъ его вѣка! Люди безнравственные нападаютъ на него и обвиняютъ въ оскорбленіи нравственности! Гнусный развратъ, прикрытый маской педанта, принимаетъ личину и голосъ добродѣтели, чтобы лаять

---

[1]) Напр. F. Boisin въ своей книгѣ „Restif de la Bretonne", P. 1875, Брюнетьеръ въ курсѣ лекцій „Epoques du théâtre français" и т. д.

[2]) Преданіе дѣлало участникомъ въ этомъ памфлетѣ извѣстнаго адвоката Лэнге. Спеціальный трудъ, посвященный ему, Jean Cruppi, „Un avocat journaliste au 18 siècle, Linguet", 1875, игнорируетъ его сотрудничество.

на защитника морали. Со всѣхъ сторонъ раздается хриплый и нестройный голосъ этого чудовища; онъ испускаетъ страшный вой, способный нагнать ужасъ на робкія души. Онъ приближается словно привидѣніе: Остерегайтесь! Остерегайтесь! Не читайте! Не читайте! — и честная, скромная женщина робко отдергиваетъ руку; она не смѣетъ взять спасительную книгу, которая научила бы ее оттолкнуть безбрачнаго соблазнителя! О, вѣкъ мой! мнѣ жаль тебя. Если бы я могъ быть тебѣ полезнымъ, и погибнуть!»

Онъ не изъ тѣхъ виртуозовъ художества, которые придаютъ образамъ пластическую законченность, не изъ властителей слога, и въ языкѣ его найдутся, на ряду съ лексикономъ улицы и деревни, самодѣльныя, странно прозвучавшія и не удержавшіяся въ языкѣ слова, — но многія изъ обрисованныхъ имъ лицъ и положеній завладѣваютъ читателемъ; это люди съ плотью и кровью, это — страницы изъ ихъ жизни. Противъ безстыдныхъ и циничныхъ или озлобленныхъ личностей, въ родѣ Сыщицы (la Moucharde), «Коварной часовщицы», нѣсколькихъ развратныхъ, эгоистическихъ и мстительныхъ личностей изъ большого свѣта, или безостановочно гибнущихъ, все ниже спускающихся, слабыхъ и падкихъ на порокъ существъ (напр., въ новеллѣ «La fille entretenue et la fille de joie») онъ могъ бы выставить рядъ характеровъ привлекательныхъ, при всей непригодности ихъ общественнаго положенія. Это — уличная музыкантша (la Vielleuse), это — балаганная актриса (la Paradeuse), это — крестьянка. Онѣ совершаютъ въ семьѣ свой незамѣтный подвигъ, или выходятъ изъ тьмы къ свѣту и оставляютъ далеко за собой блестящихъ свѣтскихъ сверстницъ, или возрождаются изъ паденія подъ вліяніемъ пробудившагося искренняго чувства (такова была еще въ «Paysan perverti» исторія куртизанки Зефиры). Среди бойко набросанной картины балаганнаго мірка на одной изъ парижскихъ ярмарокъ, съ пестрой толпой, трескучими зазываніями «закликалы» (l'Aboyeur), непритязательными пьесками, импровизуемыми во время представленія, выдвигается исторія любви, вспыхнувшей въ молодой актрисѣ къ одному изъ привычныхъ зрителей; оба захвачены чувствомъ, она невольно вставляетъ въ свои роли отголоски его, со сцены слышатся искренніе, нѣжныя слова, она увлекаетъ всѣхъ горячей игрой. Они не могутъ жить другъ безъ друга, свободно сходятся; когда же онъ внезапно умираетъ, она навсегда остается вѣрной его памяти.

Но, не довольствуясь одиночными свѣтлыми исключеніями, Рэтифъ выводитъ группу женщинъ новаго типа, образовавшагося уже (какъ ему хотѣлось бы увѣрить читателя) во французскомъ обществѣ къ данной порѣ, или, скорѣе, намѣченнаго авторомъ для будущей сознательной и равноправной жизни женщины. Это — задача знаменитой новеллы

«Двадцать женъ двадцати сотоварищей» (Les vingt épouses des vingt associés). Повѣствованіе сведено почти на нѣтъ; его мѣсто занимаютъ грезы, внушенныя, по словамъ автора, будто бы слухами, дошедшими къ нему объ общинной жизни Моравскихъ Братьевъ или Гернгутеровъ (les Hernheutes, какъ называетъ ихъ Рэтифъ), въ дѣйствительности надуманныя имъ самимъ. Ему представляется, что въ Парижѣ, «этомъ средоточіи благополучія и ужасовъ, пучинѣ, гдѣ погибаютъ цѣлыя поколѣнія, и въ то же время величественномъ храмѣ святой Гуманности», въ одномъ изъ переулковъ возлѣ rue Saint-Martin образовался союзъ изъ двадцати семействъ, направленный «противъ несчастій и нравственной порчи» (contre le malheur et la corruption). Въ него вошли представители различныхъ трудовыхъ профессій: ремесленники, мелкіе торговцы, докторъ, адвокатъ, съ ихъ женами, а также и самостоятельно работающія женщины: портниха, бѣлошвейка, модистка. Одинъ изъ членовъ этой группы, вернувшись изъ Германіи, гдѣ онъ имѣлъ случай наблюдать бытъ Гернгутеровъ, задумалъ сплотиться съ единомышленниками, чтобы стать «выше всѣхъ житейскихъ нуждъ, всѣхъ случайностей судьбы, — однимъ словомъ, насколько возможно, выше человѣческаго злополучія». Устроивъ въ новомъ духѣ личную супружескую жизнь, вопреки желанію старшаго поколѣнія, онъ привлекъ къ совмѣстному опыту девятнадцать своихъ школьныхъ товарищей, избравшихъ по выходѣ изъ училища различныя занятія и начавшихъ въ отдѣльности борьбу съ жизнью. Онъ выработалъ уставъ союза, обсудилъ его съ друзьями, подвергнулъ дѣловому просмотру одного изъ нихъ, адвоката, и они начали свой скромный, на первое время, соціальный опытъ.

Разсказъ превращается въ документальную исторію кучки новаторовъ и вмѣщаетъ въ себя прежде всего скрѣпленный ихъ подписями, au nom de la Sainte Humanité, уставъ, разбитый на 21 статью. Первая изъ нихъ основана на уговорѣ слить всю собственность семей воедино и изгнать изъ ихъ обихода понятіе о богатствѣ и неравенствѣ состояній. Долги будутъ общіе, наслѣдства входятъ въ общую кассу. Завѣдывать хозяйствомъ общины должны поочередно матери семействъ при содѣйствіи двухъ делегатовъ изъ мужчинъ. Каждая семья въ опредѣленный срокъ заявляетъ этому правленію о предметахъ, для нея необходимыхъ, и ее снабжаютъ ими. Всѣ женщины уравнены въ правахъ, всѣ профессіи и оттѣнки общественнаго положенія мужчинъ считаются одинаково почтенными. Въ предѣлахъ своего знанія и умѣнья каждый будетъ работать на общую пользу, поддерживая обмѣнъ силъ. Дѣти воспитываются на общій счетъ; никого не принуждаютъ избирать занятіе своего отца. Въ воспитаніе дочерей входятъ не только всевозможныя рукодѣлія и работы, по силѣ женщинамъ, но различныя искус-

ства и непремѣнно два новыхъ языка. Складъ жизни будетъ простой и здоровый; никакой роскоши въ одеждѣ; въ дни собраній, общихъ развлеченій, или отдыха всѣ одѣнутся въ черное платье одинаковаго покроя; столь же простой нарядъ женщинъ «можетъ быть, впрочемъ, приспособленъ къ ихъ вкусу и отличительнымъ чертамъ типа каждой». Строжайшая честность во взаимныхъ отношеніяхъ соединяется съ добросовѣстностью въ дѣлахъ съ людьми, стоящими внѣ кружка; необходимо, чтобы всѣ издѣлія, выпускаемыя его членами, были безупречны, чтобы профессіональные поступки такихъ людей, какъ докторъ, адвокатъ, были внушены строгой добродѣтелью. Существованіе ассоціаціи должно храниться втайнѣ, какъ это съ успѣхомъ дѣлаютъ масоны; тѣмъ сильнѣе будетъ впечатлѣніе независимаго и солидарнаго поведенія небольшой группы ревнителей прогресса и справедливости.

Но она несомнѣнно должна разростись,—прежде всего путемъ новыхъ браковъ. Они будутъ заключаться свободно, безъ приданаго для женщинъ, но съ включеніемъ мужчинъ въ долю общаго достоянія. Затѣмъ,—мечтаетъ Рэтифъ,—пойдетъ идейное распространеніе новаго типа жизни. «Другіе граждане захотятъ подражать счастливой ассоціаціи и сдѣлать общедоступнымъ новый масонскій орденъ, превосходящій прежнее масонство и единственно призванный водворить золотой вѣкъ на землѣ».

Рэтифъ сумѣлъ и въ этомъ разсказѣ слить теоретическую сторону съ повѣствованіемъ, далъ заглянуть во внутреннюю жизнь зарождающейся общины, показалъ, какъ вначалѣ послышались отголоски прежнихъ воззрѣній, особенно когда въ средѣ подвижниковъ проявлялись вспышки и капризы любви, и какъ сглаживались и улегались они подъ вліяніемъ нравственной требовательности и круговой поруки большинства. Но, конечно, набросокъ устава ему дороже беллетристическихъ деталей. Новелла о «двадцати супругахъ»—замѣтный шагъ впередъ въ томъ соціальномъ строительствѣ, которое проявилось уже въ эпилогѣ «Крестьянина», а въ пору, непосредственно предшествовавшую революціи, становилось преобладающимъ интересомъ Рэтифа. Идеи этой новеллы повторены и развиты были въ памфлетѣ «l'Andrographe», который впослѣдствіи не остался безъ вліянія на ученіе Фурье.

Несмѣтная масса бытовыхъ наблюденій, скопившаяся у Рэтифа, подавляла его чудовищностью самыхъ основъ стараго порядка, и когда онъ строилъ планъ своей Утопіи, его томила мысль о необозримой медлительности приближенія къ общественному идеалу. Тогда онъ страстно призывалъ потрясающій переворотъ, который снесъ бы до основанія старое зданіе, открывъ просторъ для разумной и свободной жизни. «О, несчастные! — восклицалъ онъ въ только что анализированной но-

веллѣ,—*она*, быть-можетъ, настанетъ (и я желаю ея наступленія, несмотря на терзанія, которыя она за собой повлечетъ, — желаю, чтобы васъ наказать), она придетъ, эта ужасная революція!» Такъ Дидро передъ смертью, за пять лѣтъ до взятія Бастиліи, предсказывалъ переворотъ; такъ Бомарше въ «Свадьбѣ Фигаро» сдѣлался въ 1784 г. его предвѣстникомъ.

«Она пришла», но Рэтифу не суждена была въ ней активная роль. Въ потрясающей смѣнѣ событій, въ хаосѣ новыхъ лицъ, сильныхъ характеровъ, бурныхъ страстей, не нашлось мѣста для наблюдателя нравовъ, для беллетриста-обличителя, для мечтателя о соціальномъ переустройствѣ [1]). Прежнія его отношенія порвались. Бывало, передъ нимъ, бѣдно одѣтымъ, гостепріимно раскрывались двери тѣхъ салоновъ, гдѣ умѣли цѣнить оригинальность и демократизмъ его взглядовъ,—гостиной Grimod de la Reynière'a съ его «философскими завтраками», на которыхъ рядомъ съ корифеями словесности и искусства являлись писатели-бѣдняки, труженики слова, представители богемы,—даже изящныхъ салоновъ Фанни де-Богарнэ и восходящаго свѣтила, г-жи Сталь. Прежде въ литературной братіи, несмотря на его безцеремонные полемическіе наскоки на многихъ знаменитостей, у него бывали люди расположенные— Мерсье, Бомарше. Теперь не было свѣтски-культурныхъ центровъ; литература прежняго, просвѣтительнаго типа смолкла. Привычный Рэтифу слой парижскаго населенія былъ въ хроническомъ броженіи, и онъ почувствовалъ одиночество. Какъ прежде, выходилъ онъ на развѣдки, бродилъ съ полуночи до пяти часовъ утра, не переставая изучать жизнь, и все увеличивалъ свой запасъ, не зная уже, въ какомъ видѣ имъ воспользуется (задуманный имъ сборникъ «Le Hibou philosophe» не былъ выпущенъ въ свѣтъ). Къ этому неизмѣнному его интересу присоединились новые,—занятія философіей, любительскія вторженія въ естествознаніе, астрономію. Такъ возникла «La Philosophie de Monsieur Nicolas», фантастическая надстройка надъ ученіемъ Бюффона. Слѣдовать за нимъ по этому пути безполезно; онъ не останавливается на дилеттантизмѣ, но строитъ системы, дѣлаетъ открытія, выдумываетъ свою космогонію.

Тѣмъ временемъ окружающая жизнь становилась все сложнѣе. Выше всего ставившій соціальное возрожденіе и скорѣе равнодушный къ политическимъ формамъ, Рэтифъ дожилъ до республики, наконецъ

---

1) Нѣсколько памфлетовъ изъ революціонной поры выказали однако у Рэтифа желаніе фактически послужить перевороту. Таковъ анонимный „Le plus fort des pamphlets. L'ordre des paysans aux Etats-Généraux", требовавшій признанія *четвертаго*, крестьянскаго, сословія.

до террора. Онъ переживалъ его мучительно, тоскуя о томъ, что желанный переворотъ не принесъ бѣдному люду тѣхъ благъ, о которыхъ прежде такъ хорошо мечталось. Двукратное государственное банкротство разорило и его лично, лишивъ накопленнаго трудомъ небольшого состоянія. Онъ замкнулся въ четырехъ стѣнахъ, опасаясь, что его могутъ заподозрѣть и привлечь къ отвѣту за умѣренность. На многихъ страницахъ «Monsieur Nicolas» чувствуется тяжелое душевное состояніе, когда Рэтифа томилъ кошмаръ внезапнаго ареста, тюрьмы, гильотины. Но ему предстояло пережить и эту годину, и директорію, и первые годы имперіи. Тоскующая тѣнь прежняго Рэтифа блуждала среди новаго общества, новаго военнаго строя, по тѣмъ тропамъ, по которымъ когда-то прошли молодые, горячіе годы. Чтобы помочь старцу, кто-то бросилъ ему, наконецъ, небольшое казенное мѣсто, но оно было въ министерствѣ полиціи, и онъ поспѣшилъ отъ него отказаться.

Онъ тихо угасъ въ Парижѣ въ 1806 году. Никто не замѣтилъ кончины старомоднаго писателя-чудака, казавшагося живымъ анахронизмомъ. До того ли было! Вскорѣ вся Франція торжествовала блестящія нѣмецкія побѣды императора и порабощеніе Германіи...

БЕРАНЖЕ И ЕГО ПѢСНИ.

Когда среди монотонныхъ, часто вымученныхъ мотивовъ новѣйшей поэзіи слышатся звуки свободныхъ пѣсенъ старины, давно не испытанное чувство душевной свѣжести и силы овладѣваетъ читателемъ. Такъ янтарная струя стараго вина, забытаго въ дѣдовскомъ подвалѣ, выйдя на волю изъ мшистой бутылки, все еще веселитъ сердца, зажигаетъ взоры, влечетъ къ жизни.

Это—участь пѣсенъ Беранже. Когда-то ихъ любили и знали у насъ: гвардейцы, побывавшіе въ Парижѣ съ войсками, графъ Нулинъ и Онѣгинъ, записные остроумцы въ родѣ Вяземскаго, вѣчно юные эпикурейцы въ родѣ Вас. Льв. Пушкина, бойкіе куплетисты, А. Писаревъ, Ленскій, любители непечатной литературы. Потомъ серьезнѣе, глубже поняли того, въ комъ привыкли видѣть лишь веселаго chansonnier; его превосходно перелагалъ В. Курочкинъ, объяснялъ Добролюбовъ. Потомъ новыя теченія въ литературѣ и жизни далеко отодвинули прежняго любимца,—и его забыли. Нѣсколькихъ десятилѣтій со времени смерти поэта (род. 1780 г., умеръ 1857 г.) было достаточно, чтобы къ нему охладѣло и французское общество: ему много наговорили о томъ, что подобная поэзія отжила свой вѣкъ, что демократическое воодушевленіе Беранже граничило съ бонапартизмомъ, поклонялось военной славѣ, льстило шовинистамъ или заглушало тревожныя мысли безпечной хвалой любви и наслажденію, — а въ критикѣ и историко-литературныхъ обзорахъ, выказывающихъ въ этомъ случаѣ высокомѣріе и исключительность не хуже псевдоклассической школы, нерѣдко также встрѣтишь въ наше время черствые и холодные отзывы объ отжившей поэзіи Беранже. Одна только народная толпа осталась вѣрна своему старинному другу, стихотворцу-плебею; его стихи, его припѣвы все еще держатся въ памяти народа; миніатюрные сборники ихъ (всегда in-32°, любимый поэтомъ и воспѣтый въ стихотвореніи «L'in-8° et l'in-32°» форматъ, потому что онъ можетъ удобно войти въ котомку или кар-

манъ блузы рабочаго) и теперь находятся въ рукахъ тѣхъ, для кого были сложены эти пѣсни.

Но чудеса символизма, острый ароматъ «цвѣтовъ зла», неуловимость поэтической мистики и ноющіе звуки поэзіи хандры не совсѣмъ еще заполонили современный вкусъ. Удрученный душевнымъ анализомъ, безвольными сѣтованіями и безплотными видѣніями, онъ не разучился цѣнить свободу и силу вдохновенія. Пора напомнить ему, что въ неприхотливыхъ куплетахъ старомоднаго «пѣсенника» скрытъ родникъ истинной поэзіи, разнообразной, отзывчивой, искренней, способной освѣжить малокровное творчество потомковъ.

Это дѣлается теперь и на родинѣ поэта; возвратъ къ нему замѣтенъ и въ Англіи, гдѣ послѣ мастерскихъ переводовъ Тэккерея прошла было такая же полоса охлажденія. Если еще слышатся педантическія осужденія въ родѣ отзыва Брюнетьера, заявившаго въ Сорбоннѣ, что Беранже не поэтъ, а прозаикъ, у котораго иногда встрѣчаются риѳмованные концы строкъ [1]), то все чаще появляются сочувственныя оцѣнки, воспоминанія о Беранже, какъ человѣкѣ, характеристики его роли въ новой литературѣ, и, послѣ того какъ его провозглашали образцомъ безнравственности и порочности, сдѣлано предложеніе составить изъ его пѣсенъ сборникъ для народныхъ школъ, «le Béranger des écoles», оставивъ въ сторонѣ все анакреонтическое и выдвинувъ на первый планъ то, что способно воспитывать молодежь въ любви къ людямъ, отечеству и свободѣ [2]).

Такая же попытка напомнить современникамъ о Беранже сдѣлана и въ русской литературѣ [3]). Болѣе четырехсотъ пѣсенъ, въ прежнихъ и новыхъ переводахъ, составили первое собраніе его сочиненій; полнотѣ его помѣшали лишь «независящія причины», побудившія кое-что ослабить, кое-что дать въ вольномъ переложеніи, а семнадцать пѣсенъ, изъ числа лучшихъ и наиболѣе смѣлыхъ, оставить совсѣмъ безъ перевода. Задача выполнена не всегда удачно; старые знатоки дѣла, Курочкинъ, Д. Ленскій, Михайловъ, и теперь съ честью выдѣляются изъ числа переводчиковъ Беранже. Работѣ его преемниковъ часто недостаетъ умѣнья соединить непринужденность съ изяществомъ, задорный, бьющій черезъ край юморъ съ искренностью чувства,—умѣнья, даже обрусивъ сюжетъ, сохранить типическія особенности поэта. Краски кое-гдѣ потускнѣли, демократическая простота перешла мѣстами въ вульгарность и галльская соль—въ водевильную бойкость. Но муза Беранже «во всѣхъ на-

---

1) Evolution de la poésie lyrique en France, 1894, p. 18.

2) Статья Эрнеста Легувé въ „Temps", 8-го февраля 1894.

3) Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редак. И. Ф. Тхоржевскаго. Тифлисъ, 1893.

рядахъ хороша», и съ тѣхъ поръ, какъ вмѣсто легкаго силуэта обрисовалась живая красота ея вдохновенной головки, русскому читателю становятся понятными и энтузіазмъ народнаго поэта, и власть его надъ людьми.

I.

«Простолюдинъ я, да, совсѣмъ простолюдинъ» (je suis vilain, et très vilain),—съ гордостью восклицаетъ Беранже въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній [1]),—и по всей его поэзіи проходитъ сознаніе тѣсной связи съ народной массой. Казалось, уже избалованный славой, онъ подъ старость братски привѣтствовалъ «поэтовъ изъ рабочаго класса» въ своей «Феѣ риѳмы», благословляя ее за то, что она спустилась къ народу, «въ темноту лачугъ», въ мастерскія, къ большой тревогѣ «вельможъ», обезпокоенныхъ внезапно поднявшимся *говоромъ снизу*; какъ высшей чести, онъ желалъ, чтобы «самъ народъ вплелъ лавры въ вѣнокъ». Поэзія Бэрнса, наиболѣе однородная съ творчествомъ французскаго народнаго пѣвца—дочь полей и горъ; первую пѣсню онъ сложилъ, идя за плугомъ. Поэзія Беранже—дитя парижской толпы; родилась она на чердакѣ, среди бѣдности и труда, и понеслась оттуда по площадямъ, казармамъ, тюрьмамъ гигантскаго города. «Пой, бѣдный, пой», раздалось свыше, и скромный, «хилый и некрасивый» новичокъ возвысилъ свой голосъ, понявъ, что «пѣть — его призваніе» («Ma vocation»). Поэты-баловни любятъ рисоваться таинственнымъ даромъ вдохновенія; вкусы Беранже несравненно проще, — все же слишкомъ много необычайнаго въ выборѣ судьбы, остановившемся именно на немъ, и, по-своему, онъ тоже возвеличилъ пробужденіе поэтическаго дара («Le tailleur et la fée»). Въ бѣдной каморкѣ старика портного явилось свѣтлое видѣніе; ласково склонившись надъ колыбелью, изъ которой послышался первый крикъ его внука, новаго гражданина вселенной, успокоивала его тревогу добрая волшебница. Но на вопросъ старика, что за дары принесла она, каковъ будетъ удѣлъ ребенка, она отвѣчаетъ предсказаніемъ славы пѣвца [2]).

Все пѣсни будетъ пѣть! Немного въ этомъ толку!
Сказалъ, задумавшись, мой дѣдушка портной:
Ужъ лучше день и ночь держать въ рукахъ иголку,
Чѣмъ безъ слѣда пропасть, какъ эхо, звукъ пустой...

---

[1]) Пушкинъ подражалъ ему въ „Моей родословной“.

[2]) Въ 1831 г. тема этого стихотворенія была обработана въ пьесѣ: „Le tailleur et la fée“, которую Бёрне видѣлъ въ Пале-Роялѣ. Gesammelte Schr., 1862, IX, 181.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она,—безчисленными отголосками разнесутся его пѣсни повсюду; онѣ «очаруютъ сердца французовъ, онѣ утѣшатъ изгнанника»...

Шелли въ своей извѣстной «Ode to a sky-lark» любуется жаворонкомъ, когда онъ рѣетъ въ поднебесьѣ и поднимается все выше, въ царство безграничной свободы. Беранже «съ завистью глядѣлъ на крылья вольной птички», но быстроту ея полета онъ усвоилъ бы своимъ пѣснямъ для того, чтобъ «съ неба, въ дни раздора, всѣмъ несчастнымъ, безъ разбора, въ звукахъ радость лить», чтобъ «звонкій его голосъ огласилъ казематы, и, мечтаньями объятый о странѣ родной, наканунѣ приговора, хоть на мигъ бы цѣпь позора узникъ позабылъ»; чтобъ поэтъ могъ «чуять въ воздухѣ страданья и потоки слезъ, и на берегъ изгнанья могъ принести вѣтвь мира» («Si j'étais petit oiseau»). Его призваніе стало для него, съ годами, и жизнерадостнымъ культомъ, и апостольскимъ служеніемъ. Стихотвореніе «l'Apôtre» написано въ глубокой старости, но проникнуто юношескимъ духомъ лермонтовскаго «Пророка»; друга людей влечетъ впередъ «высшее велѣнье»; онъ несетъ имъ «миръ, истину и братство», идетъ обличить «нравы дикіе тирановъ», «сложить свою главу на эшафотѣ», и съ неудовольствіемъ отвергаетъ совѣты тѣхъ, кто желалъ бы, чтобъ онъ берегъ себя, «щадилъ души своей богатства, служилъ наукѣ, красотѣ, и тѣмъ завоевалъ себѣ безсмертіе».

Не на пьедесталѣ, не передъ треножникомъ мѣсто такого поэта, а въ толпѣ, среди житейскаго водоворота; для него нѣтъ «черни»; онъ самъ къ ней принадлежитъ, съ нею братается, говоритъ отъ ея имени, ведетъ ее впередъ, и боевой его кличъ—«vivent les gueux!» «Онъ видѣлъ вблизи (говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію 1833 года, посвященномъ «народу») всѣ бѣдствія націи, испыталъ ихъ самъ, и если найдутся люди, которые упрекнутъ его въ томъ, что ему недоставало иногда веселости, добродушія, оживленія, то вѣдь они не знаютъ, сколько онъ страдалъ»... Съ столичной и деревенской «голью» у него одни желанія, однѣ симпатіи, одинъ языкъ, всѣмъ понятный, къ которому совсѣмъ не пристали (чрезвычайно рѣдкія у него) классическія украшенія. Это—народный языкъ политическихъ и обличительныхъ пѣсенокъ, въ которыхъ французскій народъ велъ сатирическую лѣтопись съ конца среднихъ вѣковъ до второй имперіи, застольныхъ вакхическихъ куплетовъ, сложившихся когда-то у крестьянъ Нормандіи за кружкой сидра, или на родинѣ Рабле за бокаломъ вина. На пѣсняхъ Беранже лежитъ отпечатокъ ихъ народно-музыкальнаго происхожденія. Онъ слагалъ ихъ на народный мотивъ или на импровизованную мелодію; онъ ихъ *пѣлъ*, прежде чѣмъ записать и выровнять слогъ, и только-что законченные

куплеты раздавались прежде всего въ кругу друзей, за обѣдомъ, или на вечеринкѣ такихъ же, какъ онъ, стихотворцевъ въ *Погребкѣ* (le Caveau), или подъ густою тѣнью лиственной арки въ саду, при звонѣ стакановъ и рукоплесканіяхъ. На другой день ихъ зналъ весь Парижъ, потомъ знала вся Франція.

Но эта извѣстность пришла сама къ безпечному поэту; онъ совсѣмъ случайно, для развлеченія опасно больного друга, у котораго проводилъ дни и ночи, записалъ свои первыя сорокъ пѣсенъ [1]). Когда онѣ уже были популярны, онъ скромно держался въ тѣни. Изъ окна мансарды шестого этажа на boulevard Saint-Martin онъ любовался видомъ громаднаго города, раскинувшагося у его ногъ и покореннаго имъ, безвѣстнымъ новичкомъ, недавнимъ наборщикомъ, приказчикомъ въ библіотекѣ и конторскимъ писцомъ, безъ правильнаго образованія, безъ связей и поддержки. Потомъ его узнали ближе, полюбили; даже незнакомые разступались передъ нимъ и кланялись ему на улицѣ. Когда его преслѣдовали, толпы народа грозно бушевали вокругъ зданія суда; заточеніе его въ тюрьму вызывало всевозможныя выраженія симпатій, а хоронить его пришло, по исчисленію наполеоновской полиціи, болѣе пятисотъ тысячъ человѣкъ.

«Appelez-moi un chansonnier, c'est mon titre», говорилъ Беранже, и его честолюбіе не поднималось выше роли «пѣсенника», окруженнаго сочувствующими слушателями. Въ скромной провинціальной школѣ (въ Пероннѣ), гдѣ онъ началъ и кончилъ образованіе, не было избытка книжной мудрости, зато школьники жили одною жизнью со всею страной и, слѣдомъ за своимъ педагогомъ, восторженнымъ поклонникомъ революціи, увлекались освободительнымъ движеніемъ, мечтали о подвигахъ добродѣтели и республиканскаго величія. Способность дѣлить съ народомъ и радости, и превратности судьбы, привитая школой, поддержанная первыми житейскими впечатлѣніями, осталась навсегда у Беранже, составила его главную силу и воспитала его лучше книгъ, наперекоръ вліянію отца, непоколебимаго роялиста, выпустившаго изъ рукъ воспитаніе сына, чтобъ устремиться за химерой спасенія стараго порядка.

Глубоко должны были залечь въ душу ребенка всемірно-историческія событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Ему всего девять лѣтъ, и, забравшись на крышу, онъ видитъ взятіе Бастиліи; потомъ мимо него, трепещущаго, испуганнаго, проходятъ вооруженныя толпы, и на пикахъ у нихъ видны окровавленныя головы; потомъ, въ побѣдоносномъ шествіи, на колесницѣ, съ знаменемъ въ рукѣ, увидалъ онъ богиню Свободы въ образѣ прекрасной дѣвушки («La déesse»):

---

[1]) Ma biographie, ouvrage posthume de P. J. de Béranger. 1857, p. 81.

Тебя ль я видѣлъ въ блескѣ красоты,
Когда толпа твой поѣздъ окружала,
Когда безсмертною казалась ты,
Какъ та, чье знамя ты въ рукѣ держала?
Ты прелестью и славою цвѣла;
Народъ кричалъ: „Хвала изъ рода въ роды!“
Твой взоръ горѣлъ; богиней ты была,
Богинею Свободы.

Онъ никогда не могъ забыть этой минуты, и впослѣдствіи, часто видя свою богиню развѣнчанной, тосковалъ о грезахъ молодости, возставалъ противъ оскорбителей и отвѣчалъ тѣмъ, кто пытался доставить ему обезпеченное положеніе и богатство: «Я Свободу велъ къ вѣнцу, и буду вѣренъ ей до гроба» («Le refus»).

Прологъ и первый актъ революціонной трагедіи онъ видѣлъ въ дѣтствѣ своими глазами; когда же, послѣ шестилѣтняго перерыва, житья въ Перроннѣ, ученья и типографской работы, Беранже юношей вернулся въ Парижъ, онъ засталъ вмѣсто главной пьесы плоскій фарсъ директоріи. Но издали онъ слѣдилъ за событіями, едва сдерживалъ гнѣвъ, когда мимо него проходили въ Перроннѣ войска коалиціи, собиравшіяся подавить, растоптать мятежную Францію; онъ мечталъ, волновался, произносилъ рѣчи въ клубахъ молодежи, съ болью сердца видѣлъ, какъ падаетъ значеніе отечества, ослабленное бездарными правителями, и какъ ликуетъ, сплотившаяся въ заговоръ, старая монархическая Европа. «Патріотизмъ,—говоритъ онъ въ автобіографіи, былъ самою сильною, вѣрнѣе—единственною моею страстью», но въ немъ не было воинственнаго, завоевательнаго духа. Кромѣ необдуманнаго и мимолетнаго плана пойти волонтеромъ въ египетскій походъ, онъ только разъ въ жизни способенъ былъ, казалось, съ ружьемъ въ рукахъ броситься на враговъ,—то было въ 1814 году; союзники вступали въ Парижъ. Когда взошла звѣзда Бонапарта, онъ радостно преклонился передъ нею не изъ благоговѣнія передъ диктаторомъ и блестящимъ полководцемъ,—хотя баснословная удача французскаго оружія способна была тогда ослѣпить и не такую страстную натуру. Онъ видѣлъ, какъ возрождаются достоинство и слава французскаго имени, любовался геройствомъ народнаго войска, лихорадочно слѣдилъ за изумлявшей и тревожившей всю Европу богатырской сказкой, но въ дали будущаго ему чудилось торжество идей свободы и братства, въ которыхъ онъ воспитался, воцареніе разума, паденіе стараго порядка и всѣхъ его оплотовъ. Отъ Бонапарта онъ ожидалъ выполненія этой задачи, идеализировалъ его побѣды, но искренно сочувствовалъ ему лишь до той поры, когда у «сына революціи» выдвинулись честолюбивые замыслы властителя, грубыя замашки деспота. Возстановленіе трона вызвало у Беранже глубокую

грусть: «онъ стоялъ за перваго консула, но не за императора»; «скорѣе человѣкъ инстинктовъ, чѣмъ сторонникъ доктрины, онъ по природѣ былъ республиканцемъ». Его своеобразный бонапартизмъ [1]) нуждается, конечно, въ объясненіи, но прозвище шовиниста, не разъ безъ разбору прилагавшееся къ нему, совсѣмъ ему не пристало. У него, правда, былъ всегда неистощимый запасъ насмѣшекъ надъ «священнымъ союзомъ варваровъ» (стихотв. «La sainte alliance barbaresque»), но лучшею его мечтой было противопоставить ему «священный союзъ народовъ»; стихотвореніе «La sainte alliance des peuples» написано было въ 1818 году, когда послѣдній оккупаціонный корпусъ покидалъ Францію, и когда настоящій шовинистъ, задыхаясь отъ долго сдержанной злобы, провозгласилъ бы необходимость безпощадной revanche...

Беранже предвидѣлъ гибель своего любимца. «Увы! ничто не причиняетъ человѣку столько несчастій,—говорилъ онъ впослѣдствіи,—какъ желаніе итти противъ новаго строя жизни. Наполеонъ погибъ подъ бременемъ этой борьбы». Пѣсни Беранже обратились противъ всемогущаго повелителя. Въ 1813 г., наперекоръ блеску и шуму придворнаго и военнаго величія, онѣ выдвигаютъ легендарный образъ добраго, доступнаго и любимаго короля-демократа; съ одного конца Франціи до другого разносится пѣсенка о Roi d'Yvetot, и популярность Беранже сразу создана. Разочарованіе и горе народа находятъ въ немъ лучшаго выразителя; вмѣстѣ съ взволнованнымъ населеніемъ рабочихъ кварталовъ онъ готовъ былъ драться на баррикадахъ наканунѣ капитуляціи Парижа, не повѣрилъ обманчивымъ обѣщаніямъ возвратившагося императора, держался въ сторонѣ во время «Ста дней», въ прелестномъ «Traité de politique á l'usage de Lise», подъ видомъ совѣтовъ царицѣ своего сердца, убѣждалъ владыку «не быть тираномъ для подданныхъ своихъ, поставить предѣлъ завоеваніямъ, править мягко, человѣчно, уважать народную вольность»,—но скоро дожилъ до возстановленія хилаго стараго порядка, который считалъ осужденнымъ на гибель. «Еслибъ императоръ могъ читать въ умахъ, онъ понялъ бы одну изъ величайшихъ своихъ ошибокъ. Онъ заставилъ печать онѣмѣть, отнялъ у народа всякую возможность свободнаго участія въ дѣлахъ и далъ изгладиться началамъ, вложеннымъ въ насъ революціей. Его личная удача долго замѣняла намъ патріотизмъ; собою онъ поглотилъ всю націю, и когда онъ палъ, погибла и она» [2]).

---

[1]) Коклэнъ, въ остроумномъ этюдѣ о Беранже, признается, что бонапартизмъ поэта всегда напоминалъ ему французскія монеты 1804 года, на которыхъ съ одной стороны подпись: „Napoléon empereur", а на другой—„République française".

[2]) Ma biographie. p. 148.—О „Traité de politique"—Joseph Bernard. Béranger et ses chansons d'après les documents fournis par lui-même, 1858, p. 80—90.

Настала томительная пора реставраціи. Вмѣстѣ съ дряхлымъ, отъ всего отставшимъ Людовикомъ, которому лакействовавшіе клевреты придали некстати прозвище «Желаннаго» (le Désiré), вернулись старое барство, монахи, обскуранты, весь штатъ неисправимаго и недогадливаго стараго королевства. Вернулся «на кобылкѣ сивой» въ свой феодальный замокъ маркизъ де-Карабасъ и гордо прикрикнулъ на избаловавшихся безъ него бывшихъ крѣпостныхъ («Le marquis de Carabas»):

Слушать, поселяне!
Къ вамъ, невѣждамъ, дряни,
Самъ держу я рѣчь!
Я—опора трона;
Царству оборона
Мой дворянскій мечъ.

Вернулась веселая маркиза, мастерица соединять барскую спесь съ демократическою доступностью въ любовныхъ шашняхъ («La Marquise de Prétintaille»). Явились изящные кавалеры, украшенные бѣлой кокардой, и, черезъ годъ послѣ взятія Парижа союзниками, праздновали это событіе, возвратившее имъ прежнюю роль, весело напѣвая: «День мира, день освобожденья! О, счастье!—мы побѣждены!» («La cocarde blanche»). Церковные пѣвчіе затянули благодарственный гимнъ Конкордату 1817 года («Les chantres de la paroisse»). Изъ «подземнаго царства» вернулись іезуиты, чтобы взять въ свои руки просвѣщеніе, и эти «полу-волки, полу-лисицы» впередъ уже ликуютъ. «Будутъ скоро, ради насъ, школы свѣтскія закрыты», поетъ ихъ хоръ («Les révérends pères», 1819), а имъ подтягиваетъ еще болѣе многочисленный хоръ всякихъ «миссіонеровъ» («Les missionnaires»), напѣвая въ ритурнелѣ:

Вы дуйте, дуйте посильнѣй!
Гасите просвѣщенье,
Раздувъ огонь страстей.

Хотя духу вѣка поневолѣ сдѣлана была уступка и рядомъ съ подновленнымъ дворцомъ засѣдала палата депутатовъ, но ее наполнили креатуры правительства, добродѣтельныя «улитки» («Les escargots»), откормленные и самодовольные «каплуны» («Eloge des chapons»), которымъ вполнѣ безразлично «говорить: нѣтъ или да», лишь бы имъ внушили, съ кѣмъ надо итти и «какого держаться пути, чтобы *правой* служить сторонѣ». Когда имъ приходится давать отчетъ избирателямъ, они съ гордостью заявляютъ, что «и стѣсненіемъ прессы, и нарушеніемъ свободы суда, и изгнаніемъ уже пострадавшихъ противниковъ страна обязана имъ», что отнынѣ все отлично пойдетъ, «ни назадъ, такъ сказать, ни впередъ». И охранители порядка—не все только

обрюзгшіе и опустившіеся старики; нѣтъ, среди нихъ много юношей, пришедшихъ къ мысли, что «намъ вѣдь міру не помочь», что самое благоразумное отречься поскорѣе отъ всякихъ химеръ («прочь же наши—сразу прочь—молодыя заблужденья!») и что на свѣтѣ только и счастья, что каплунамъ!

А что за обѣды
Министры давали!
На эти обѣды
Всегда меня звали!

съ блаженнымъ видомъ гастронома напѣваетъ, подводя итогъ минувшей парламентской сессіи, упитанный депутатъ-каплунъ («Le ventru ou compte rendu de la session de 1818»).

Среди повальной безгласности не было мѣста свободному слову; придворные поэты-льстецы взяли на откупъ поэзію; установилось мнѣніе, что «родись второй Вольтеръ,—ей Богу, его бы купили» («Le poète de cour»). Была ли какая-нибудь возможность высказаться? Въ самомъ невинномъ стихотвореніи прокуратура умѣла находить преступныя мысли и грозила вольнодумцу тюрьмою. «Онъ захотѣлъ бы, напр., послать молодой дѣвушкѣ нѣсколько куплетовъ ко дню ея именинъ; ее зовутъ Маріей,—но такъ звали и мать Мессіи, — куплетъ опасенъ; у нея музыкальное дарованіе, она любитъ слушать народныя пѣсни о славномъ прошломъ, о герояхъ, — возбужденіе къ мятежу! — куплетъ преступенъ; два теплыхъ слова о ея сердечной добротѣ, готовности помогать бѣднякамъ, — подрывъ довѣрія къ властямъ, поощреніе общественной инициативы, — въ тюрьму! Скажешь, что нынче августъ, и какъ разъ число 15-е, но уже это подслушали и донесли, что пѣвецъ чествуетъ не Марію, а Наполеона; остается совсѣмъ умолкнуть и безъ стиховъ поднести именинницѣ букетъ,—о, это оказалось еще опаснѣе: букетъ вышелъ *трехцвѣтный* («Halte-là! ou le système des interprétations»). Система подглядыванья, подслушиванья и доносовъ опутала, точно тенетами, все общество, и въ числѣ удачнѣйшихъ созданій Беранже одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ живьемъ срисованный съ натуры «Monsieur Judas» (или, какъ назвалъ его въ своей мастерской передѣлкѣ Курочкинъ, «господинъ Искаріотовъ»), способный «разстилаться, какъ кошка, выгибаться, какъ змѣй», всюду вползать подъ личиной отъявленнаго либерала и патріота.

Но народную совѣсть не удалось усыпить или запугать. Старыя орудія ея протеста, политическая пѣсня и памфлетъ, на зло всѣмъ запретительнымъ мѣрамъ неуловимые и вездѣсущіе, выдвинулись противъ руководителей реакціи. Куплеты Беранже и «Письма винодѣла» Поль-Луи Курьé нанесли имъ больше вреда, чѣмъ оппозиціонныя рѣчи въ

палатѣ или газетная полемика. Сквозь строй насмѣшливыхъ пѣсенъ прошли всѣ вліятельныя лица, привилегированныя общественныя группы, публицисты, министры, Талейранъ, наконецъ, одинъ за другимъ, два послѣднихъ Бурбона. Порою Беранже овладѣвала желчная шутливость, остроуміе становилось язвительнымъ, и впослѣдствіи онъ долго не хотѣлъ включать наиболѣе безцеремонныхъ пѣсенъ того времени въ собраніе своихъ сочиненій. Неистощимая фантазія и бойкій юморъ внушали ему самые неожиданные замыслы. То, напомнивъ, что «сюжетъ библейскій нынче въ модѣ», онъ прославлялъ въ своемъ «Nabuchodonosor»—правителя, который сталъ быкомъ, исправно ѣлъ въ конюшнѣ сѣно, глубокомысленно мычалъ и былъ осѣдланъ жрецами, отъ его имени властвовавшими надъ народомъ:

Кто бъ ни давилъ ихъ—вождь ли, быкъ ли,
Имъ все равно: они привыкли!
И восклицалъ наемный хоръ:
Ура, Навуходоносоръ!

То, найдя въ исторіи подходящій образъ Карла III Простоватаго, онъ иронически восхвалялъ его ханжество и бездарность. Походъ французскихъ войскъ въ Испанію въ 1823 году вызвалъ у него «Новый приказъ по арміи», который въ тысячахъ списковъ былъ распространенъ между солдатами передъ началомъ похода, когда войска стояли въ Пиренеяхъ; недостойно французовъ итти на помощь монахамъ и сеньёрамъ противъ испанскаго народа, рвущагося на волю, помогать Фердинанду сковать несчастную страну; безплодны побѣды, если онѣ безславны; заковывая другихъ, самъ очутишься въ цѣпяхъ,—такъ гласилъ призывъ поэта, обращенный къ народной чести и великодушію, и кончавшійся совѣтомъ, когда Франція станетъ изнемогать подъ слишкомъ тяжкимъ бременемъ, «поднять снова старое знамя», — и это было, конечно, для поэта символомъ не Наполеоновскаго могущества, а той далеко отошедшей поры, когда «солдатъ былъ гражданиномъ» и надъ нимъ развѣвалось «знамя свободы» («Le vieux drapeau», 1820). Напрасны старанія оправдать и освятить совершившійся поворотъ назадъ. На молебствіи при открытіи палаты архіепископъ, министры, подставные депутаты, финансисты тщетно молятъ божество снизойти и благословить ихъ дѣло; на всѣ мольбы слышится суровый отвѣтъ: «нѣтъ, я не сойду!» («La Messe du Saint-Esprit»).

Но больше колкихъ насмѣшекъ дѣйствовала тогда хвала недавнему прошлому. Бываютъ времена, когда эти мысленные возвраты отъ застоя къ жизни, служатъ ту же службу, какъ и проповѣдь прогресса. Беранже понялъ это и искусно воспользовался благодарнымъ средствомъ борьбы. Онъ никогда не бралъ назадъ строгаго суда надъ

властолюбіемъ и тяжкими для народа ошибками Наполеона, но узникъ на островѣ св. Елены былъ въ его глазахъ неизмѣримо выше своихъ преемниковъ; съ нимъ связаны были когда-то великія надежды; онъ, казалось, готовъ былъ создать новый міръ на развалинахъ отжившаго строя, а теперь всѣ старанія направлены къ тому, чтобы гальванизировать трупъ; его пора была временемъ славы и геройства; теперь бездарность и отсталость довели страну до того, что она сдѣлалась посмѣшищемъ Европы и «подвиговъ прежнихъ молва—сказкой казарменной стала» («Старый капралъ»). Тотъ же ходъ идей, тотъ же контрастъ, невольно приводившій къ возвеличенію Наполеона надъ шайкой германскихъ деспотовъ, спокойно вернувшихся послѣ него къ своимъ крѣпостническимъ занятіямъ, развилъ у Гейне слабость къ императору-изгнаннику, на первый взглядъ идущую въ разрѣзъ съ лиризмомъ свободолюбія.

И на зло непопулярному правительству Беранже изображалъ глубокую, неизгладимую память народа о Наполеонѣ. Гдѣ-нибудь въ глуши старуха-крестьянка собираетъ вокругъ себя кучку любопытствующей молодежи и разсказами о томъ, какъ она видѣла великаго человѣка, окруженнаго королями и старой гвардіей, передъ собой, у нихъ въ селѣ, какъ она угощала его въ своей хатѣ и онъ сидѣлъ вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, вызываетъ благоговѣніе и грусть о томъ, что тѣ времена прошли («Les souvenirs du peuple»). Разнесшіеся потомъ по всей европейской поэзіи и живописи идеализованные типы старыхъ богатырей, — ветеранъ-сержантъ, вспоминающій у колыбели внуковъ о томъ, какъ онъ, «сынъ республики», шелъ когда-то въ битву, упоенный «свистомъ картечи, лязгомъ разбитыхъ цѣпей и сломанныхъ скипетровъ» («Le vieux sergent»), капралъ, не перенесшій оскорбленія чести Наполеоновскаго воина и бодрый духомъ за минуту до разстрѣлянія, сцены движенія легіоновъ такихъ храбрецовъ по лицу Европы,—все это поддерживало запретную легенду и раздражало людей, стоявшихъ у власти.

Они пытались заглушить разливъ обличительныхъ пѣсенъ и демонстративное чествованіе прошлаго строгими законами о печати. Аббатъ Montesquiou, министръ внутреннихъ дѣлъ, внесъ въ этомъ духѣ проектъ въ палату еще въ 1814 г., но Беранже отвѣтилъ своей пѣсней «La censure», смѣясь надъ напрасными усиліями охранителей; вѣдь ничто не можетъ остановить рукописной сатиры; для нея не нужно королевской привилегіи; конечно, можно до того усердно снимать со свѣчи нагаръ, что пожалуй и совсѣмъ погасишь свѣтъ,—но на другой же день въ рукахъ разсерженнаго министра очутится новая пѣсня, только въ спискѣ...

II.

«Муза! въ судъ! Насъ зовутъ, насъ обоихъ судьи ждутъ!» воскликнулъ Беранже въ декабрѣ 1822 года («La Muse en fuite»), когда въ первый разъ его вызвали въ Palais de Justice по обвиненію въ оскорбленіи нравственности, религіи и общественной власти. Онъ только что выпустилъ собраніе своихъ пѣсенъ въ двухъ томахъ. Генеральный прокуроръ Маршанжи извлекъ изъ нихъ съ большимъ искусствомъ множество доказательствъ подавляющей виновности автора, и для свѣдущаго большинства было ясно, что рѣдкая затрата проницательности и истинно-художественное творчество по части инсинуацій и клеветы имѣли цѣлью не только кару Беранже; въ его лицѣ хотѣли заклеймить всю оппозицію, съ главными вождями которой, какъ слышно, онъ былъ теперь близокъ и солидаренъ. То были дѣйствительно вѣрные слухи. Прошла пора одиночества Беранже въ сторонѣ отъ литературныхъ и политическихъ силъ. Сначала передъ авторомъ «Короля Ивето́» склонилось старшее поколѣніе пѣсенниковъ, съ прежнимъ любимцемъ публики, Дезожье́, во главѣ, и приняло его, какъ равноправнаго собрата, въ свой дружескій «Caveau»,—веселую и непринужденную академію пѣсни и смѣха («L'académie et le caveau»); потомъ смѣлое политическое его направленіе открыло ему доступъ въ среду ораторовъ и публицистовъ лѣвой. Людямъ въ родѣ Бенжамена Констана, Лафайэтта, Манюэля, было дорого найти поддержку у народнаго пѣвца, къ чьимъ словамъ чутко прислушивалась масса. Сближеніе съ этими людьми ввело Беранже въ кругъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ, воспитало его; дружба съ такою цѣльною и безстрашною личностью, какъ Манюэль, укрѣпила его убѣжденія; прощальное стихотвореніе въ честь умершаго друга («Le tombeau de Manuel») осталось трогательнымъ памятникомъ дружбы остроумнаго куплетиста съ суровымъ гражданиномъ, воскресившимъ, казалось, древнюю цивическую добродѣтель. Сближеніе оппозиціи съ Беранже завершилось, наконецъ, тѣмъ, что его пѣсни стали появляться на страницахъ лучшихъ журналовъ, напримѣръ, извѣстной тогда во всей Европѣ «Minerve».

Все это не могло остаться безнаказаннымъ. Процессъ противъ Беранже превратился въ поединокъ между властью и общественнымъ мнѣніемъ; рѣчи Маршанжи и Дюпена, защитника поэта, проявили въ себѣ оба главныя теченія въ современной французской жизни, мертвую и живую воду. Беранже не оправдывался; онъ находилъ даже, что адвокатъ могъ бы больше выдвигать политическую роль пѣсенъ, а не умалять ее,—потомъ онъ понялъ, что это дѣлалось, чтобы избѣжать для него болѣе тяжкой кары. Но Дюпенъ сумѣлъ въ блестящей исто-

рической характеристикѣ показать многовѣковую давность политической пѣсни, заявить, что во Франціи искони «монархическій образъ правленія былъ умѣряемъ пѣсней» (tempéré par la chanson) и что Беранже остался вѣренъ историческому призванію народнаго поэта. Прокуроръ, напротивъ, часто переносилъ обвиненіе на личную почву, стремясь выставить Беранже чудовищемъ безнравственности и безбожія, смѣющимся надъ самыми священными предметами, и, возмущаясь такимъ стихотвореніемъ, какъ «le Bon Dieu», восклицалъ: «нѣтъ, Платонъ не такъ говорилъ о божествѣ!»

Но вся аудиторія хорошо знала эту пѣсню; она поняла, что обвинителя оскорбляетъ не свободное обращеніе къ божеству, которое все же выставлено добрымъ и сердобольнымъ, но произносимое имъ рѣшительное осужденіе тѣхъ, кто правитъ, судитъ, угнетаетъ, опираясь на права, будто бы данныя свыше. Вся аудиторія знала пѣсни того, кто сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, и прежде всего предсѣдатель, который въ своемъ резюмé, вообще очень расположенномъ въ пользу поэта, любезно сожалѣлъ о томъ, что въ засѣданіи «не могутъ быть *спѣты* осуждаемыя пѣсни», такъ какъ, конечно, эти «оправдательные документы много помогли бы благопріятному исходу». Ихъ знали и присяжные, наказанные за снисхожденіе тѣмъ, что послѣ процесса были отняты у нихъ дѣла печати,—опять точно для того, чтобы оправдать предсказаніе Беранже за годъ передъ тѣмъ («la Faridondaine»):

Donnons des juges sans juri,
Biribi,
A la façon de barbari,
Mon ami.

Наконецъ, эти ужасныя пѣсни знала наизусть толпа зрителей, до того переполнившая залъ и коридоры, что судьямъ пришлось проникнуть въ засѣданіе *черезъ окно*... Беранже поплатился небольшой пеней и трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ Sainte-Pélagie. Едва приговоръ былъ произнесенъ, какъ пошла по рукамъ пѣсенка, сложенная имъ въ память своего осужденія; въ тюрьмѣ раздались вслѣдъ за нею новыя пѣсни, одна смѣлѣе другой, гимны въ честь цѣпей и противъ свободы, похвальное слово вину, которое прислали узнику неизвѣстные поклонники, эпитафія музѣ, которую обвилъ и задушилъ змѣй въ лицѣ Маршанжи. Эти новыя созданія непокорнаго поэта, проникнувъ въ народъ, вскорѣ встрѣтились въ немъ съ запретными, только что осужденными пѣснями; казалось, онѣ навсегда были уничтожены громкимъ уголовнымъ процессомъ, на дѣлѣ же свободнѣе прежняго распространялись всюду. Дюпену пришла оригинальная мысль напечатать отдѣльно отчетъ о

процессѣ и въ видѣ приложенія къ обвинительному акту привести съ документальною точностью всѣ инкриминированныя пѣсни. По смыслу законодательства онъ имѣлъ на это право, но широкая гласность, приданная рѣзкимъ сатирическимъ выходкамъ, показалась такимъ оскорбленіемъ, что Беранже, не успѣвшій еще отсидѣть въ тюрьмѣ назначеннаго срока, былъ снова преданъ суду и оправданъ.

Въ тюрьмѣ Sainte-Pélagie была знаменитая лѣстница, по которой всходили Беранже, Ламеннэ, Арманъ Каррель; изъ камеры, куда помѣстили поэта, незадолго передъ тѣмъ вышелъ Поль-Луи Курье. Ореолъ страданія за идею окружалъ отнынѣ поэта наравнѣ съ публицистами и свободными мыслителями. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, новый процессъ, на этотъ разъ всецѣло зависѣвшій отъ коронныхъ судей, закончился гораздо болѣе суровымъ приговоромъ, популярность Беранже достигла высшей степени. Весь Парижъ былъ взволнованъ процессомъ; въ ропотѣ толпы слышалось предвѣстіе близкой революціи; девятимѣсячное заключеніе въ тюрьму La Force возмутило общественное мнѣніе. Но этого было мало; штрафъ въ 11.000 франковъ наложенъ былъ на бѣдняка, который никогда не хотѣлъ отпереть своей двери «фортунѣ», сколько ни стучалась она къ нему («La Fortune»):

Pan! Pan!—Est-ce ma brune?
Pan! Pan!—Qui frappe en bas?
Pan! Pan!—C'est la Fortune!
Pan! Pan!—Je n'ouvre pas.

Національная подписка сняла съ него это бремя. Симпатіи къ гонимому росли. Даже изъ Россіи ему присланъ былъ сочувственный адресъ со множествомъ подписей [1]). Въ рядахъ поклонниковъ Беранже можно было встрѣтить и выдающихся людей изъ старшаго поколѣнія писателей и политиковъ, и молодежь, выступавшую тогда въ походъ подъ знаменемъ романтизма. Онъ побѣдилъ такого убѣжденнаго роялиста, какъ Шатобріанъ, такого апостола просвѣтленной религіи, свободной отъ фанатизма и мистики, какъ Ламеннэ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ Виктора Гюго съ его романтическимъ штабомъ, Сентъ-Бёвомъ, Дюма, де-Виньи. Недовольство дѣйствительностью, подъемъ демократизма, находившаго сторонниковъ даже въ рядахъ служителей церкви, отрезвляющее вліяніе правительственныхъ ошибокъ, отсталости, своеволія клики, окружавшей Карла X, сближали этихъ разнородныхъ дѣятелей, и въ глазахъ ихъ Беранже былъ лучшимъ выразителемъ раздраженнаго общественнаго мнѣнія. Шатобріанъ, когда-то рисовавшійся міровою скорбью и преклоненіемъ передъ таинственнымъ величіемъ королевской власти, все рѣши-

1) Jules Janin. Béranger et son temps. 1866, I, p. 119—120.

тельнѣе склонялся на сторону оппозиціи, и еще при Бурбонахъ печатно назвалъ Беранже «однимъ изъ величайшихъ поэтовъ, когда-либо видѣнныхъ Франціей», «по таланту потомкомъ Лафонтена и Горація, способнымъ, когда захочетъ, слагать пѣсни такъ, какъ Тацитъ писалъ свою исторію». Пѣсенникъ-вольтерьянецъ и поэтъ-роялистъ сошлись на почвѣ общественнаго движенія; въ стихотвореніи, надписанномъ «à M-r de Chateaubriand», Беранже, вспоминая, какъ много сдѣлалъ его новый другъ для отжившей династіи, заклиналъ его «служить отнынѣ народу», потому что это «жребій самый лучшій». Когда насталъ переворотъ, надъ іюльскими баррикадами, словно геніи-покровители, высились образы трехъ старшихъ вождей, казавшихся молодежи олицетвореніемъ связи новаго либерализма съ лучшими преданіями предшествовавшаго вѣка,—это были Лафайэттъ, Шатобріанъ и Беранже.

Блестящая будущность открывалась передъ Беранже. Руководители возстанія были его друзьями или поклонниками. Ему стоило пожелать той или другой почести, должности, богатства, и все было бы дано ему. Никогда еще не стоялъ онъ такъ высоко надъ общественнымъ уровнемъ, но величіе не привлекало его; привычки бѣдности и независимости брали верхъ; милліоны его друга, банкира Лафитта, одного изъ двигателей революціи, много разъ пытавшагося улучшить его положеніе, шли на нужды страны, и Беранже радостно указывалъ способы ихъ употребленія, но самъ остался въ бѣдности. Онъ не вернулъ себѣ даже той скромной должности при министерствѣ народн. просв., которую у него отняли послѣ процесса. Стихотвореніе «Къ друзьямъ, ставшимъ министрами», полно грусти, а «L'habit de cour» отрекается отъ всякихъ сдѣлокъ съ знатностью и богатствомъ. Для обѣда «chez Son Altesse» поэтъ заказалъ себѣ новый фракъ, но тѣсно, неловко ему въ немъ; онъ вышелъ изъ дома, чтобъ, скрѣпя сердце, продѣлать скучную церемонію, но по дорогѣ его зазываютъ пріятели на веселую пирушку, потомъ встрѣчается свадьба, увлекающая его за собой, потомъ Лиза подаетъ условленный знакъ,—«а Лиза, вѣдь, милѣй вельможи, и ей не нуженъ новый фракъ»,—долой это убранство, и да здравствуетъ свобода и любовь!

Беранже вошелъ опять въ теченіе народной жизни, сохранивъ за собой драгоцѣнное право критически относиться къ общественнымъ явленіямъ. Сначала ему казалось, что пѣснѣ его пора замолкнуть: не онъ ли самъ поддерживалъ кандидатуру Людовика-Филиппа, находя водвореніе республики преждевременнымъ и ожидая коренныхъ реформъ? Въ первую минуту онъ даже высказалъ мысль, что «революція низложила съ престола Карла X и... пѣсню», но скоро наступило разочарованіе. Переворотъ купленъ былъ цѣною крови, вооруженная сила взяла

верхъ, и поэтъ уже опасается застоя въ высшей культурѣ страны; «тамъ, гдѣ скрестились штыки, нѣтъ уже больше прохода идеямъ» (Quand on croise les baïonnettes, les idées ne passent plus). Но опасность была серьезнѣе: переворотомъ воспользовались зажиточные классы; реформы не выходили изъ области проектовъ; оживилась старая погоня за наживой, мѣстами, вліяніемъ; пробудились произволъ, гоненіе на независимыя убѣжденія, система подглядыванія и выслѣживанія; тѣ, кто вынесъ на своихъ плечахъ переворотъ, были грубо оттѣснены. Зрѣлище дѣлежа добычи между «бѣлоручками» вызвало тогда у новичка-поэта Барбье его пламенную «Curée»; оно побудило и старѣвшаго годами, но не духомъ, Беранже вернуться къ прежней работѣ [1]). «Царствуй, пѣсня, царствуй снова!»—воскликнулъ онъ и по своему чествовалъ «реставрацію свободной пѣсни» («La Restauration de la chanson»).

Старыя республиканскія симпатіи взяли у него верхъ. Онъ не могъ хладнокровно видѣть, какъ солидарные съ французскимъ либерализмомъ бельгійцы, добывъ себѣ свободу, послѣ восьмимѣсячнаго броженія въ пользу республики, стали добывать себѣ короля, и послалъ имъ ироническій «Conseil aux belges». «Изготовьте себѣ короля, чортъ возьми!» звучитъ припѣвъ (Faites un roi, morbleu, faites un roi); «вѣдь это такъ легко! А сколько благъ посыплется на васъ!.. Заведутся дворъ, барство, этикетъ, ордена, парады, лесть», chez vous pleuvront laquais de toute sorte: juges, préfets, gendarmes, espions, nombreux soldats pour leur prêter main-forte. Зачѣмъ же дѣло стало? Faites un roi, morbleu!» Польское, греческое движеніе онъ горячо принимаетъ къ сердцу. Отъ этого естественно было перейти къ сближенію съ новымъ движеніемъ, охватывавшимъ низшіе слои и требовавшимъ для нихъ равноправности. Мечты и проекты предтечъ движенія, сенъ-симонистовъ, не испугали Беранже и не вызвали издѣвательства, замѣтнаго тогда у многихъ выдающихся людей; его привлекала мысль о разумномъ переустройствѣ жизни, и въ глубокой старости онъ вспоминалъ въ своихъ пѣсняхъ о честныхъ мечтателяхъ начала вѣка. Но онъ пошелъ вмѣстѣ съ преемниками сенъ-симонистовъ, все глубже спускавшимися въ реальную жизнь съ ея нуждами и запросами. «Я ожидалъ, что сдѣлано будетъ много великаго и новаго, что расширена будетъ даже сфера

---

1) Оба поэта самостоятельно разработали тогда сходныя темы. Когда Беранже, въ своемъ „Refus", отклоняетъ предложеніе министра Себастіани обезпечить его и возвеличиваетъ Свободу, „une bégueule enivrée qui, dans la rue ou le salon, pour le moindre bout de galon, va criant: à bas la livrée", слышатся мотивы „Curée" (C'est une forte femme aux puissantes mamelles, à la voix rauque, aux durs appas qui se plait aux cris du peuple, aux sanglantes mêlées, qui ne prend ses amours que dans la populace")—Barbier, Iambes et Poëmes.

1789 года,—вмѣсто того только покрасили почернѣвшій тронъ»—писалъ Беранже въ январѣ 1813 года. Съ тѣхъ поръ недовольство его росло и ставило себѣ опредѣленныя цѣли. Вокругъ поэта стали группироваться новые люди,—поколѣніе, создавшее революцію 1848 года. «Старый міръ умираетъ, всюду разольется свѣтъ равенства»,—говорилъ онъ теперь, и, видя, какъ толпы дѣтей и молодежь шли на кладбище, чтобъ украсить цвѣтами могилы іюльскихъ борцовъ, онъ, привѣтствуя молодое поколѣніе, желалъ ему, какъ высшаго счастья, возможности развить далѣе великое дѣло «славныхъ трехъ дней» («Les tombeaux de juillet»). Эту горячность и неизмѣнную вѣру въ лучшее будущее не могли не оцѣнить новые люди. Въ прекрасной характеристикѣ Беранже, сдѣланной Бёрне въ его французскомъ журналѣ «La Balance» [1]), эта черта мастерски выдвинута на первый планъ. Поэтъ шелъ впередъ вмѣстѣ съ вѣкомъ. «Беранже не остановится болѣе,—писалъ Прудонъ въ своемъ этюдѣ о немъ,—послѣ 1830 г., отдалившись отъ политики, но всегда преданный движенію идей, онъ еще сдѣлается провозвѣстникомъ соціализма»; характеризуя дѣятельность его, Прудонъ находилъ, что имъ создано «нѣсколько десятковъ несравненныхъ произведеній» [2]). Прудонъ,—замѣтимъ мимоходомъ, не принадлежалъ къ числу особенныхъ цѣнителей Беранже, но и «не зная его лично, уважалъ его». Отзвуки новыхъ общественныхъ теорій дѣйствительно чувствуются все сильнѣе въ пѣсняхъ, и не только тамъ, гдѣ въ самомъ сюжетѣ даны примѣры ненормальности строя жизни или несправедливости къ трудовому классу (наприм., въ «Жакѣ», къ которому является приставъ, чтобъ именемъ короля отнять послѣднее имущество, или въ «Jeanne la rousse», гдѣ цѣлая семья гибнетъ изъ-за преслѣдованія главы ея, уличеннаго въ браконьерствѣ), но и всюду, гдѣ передъ поэтомъ открывается будущее съ свободнымъ и разумнымъ складомъ жизни. Новая волна увлекла его; если ради грядущаго соціальнаго возрожденія покинула тогда *личное* творчество и поэзію освобожденной любви Жоржъ-Зандъ, и надолго отдалась пропагандѣ,—для Беранже, находившаго, что «пѣсенникъ долженъ всегда итти впереди» (un chansonnier doit aller de l'avant), такой путь былъ обязателенъ.

Но онъ уже не думалъ для себя о дѣятельной политической борьбѣ; его пора прошла, и онъ желалъ только роли наблюдателя, который время отъ времени можетъ вставить въ споръ свое слово. Писалъ онъ теперь рѣдко,—двѣнадцать, пятнадцать стихотвореній въ годъ,—но мѣтко и сильно было каждое его слово.

---

[1]) Béranger et Uhland, La Balance, 1836, Janvier.

[2]) Correspondance de P. J. Proudhon, 1859, III, 380.

Республика снова восторжествовала, и одною изъ первыхъ мыслей ея руководителей было почтить заслуги Беранже избраніемъ его въ депутаты. Но онъ отклонилъ и эту честь, и, смѣясь, просилъ не повторять ошибки англичанъ, когда-то изъ признательности избравшихъ въ парламентъ Ньютона; «во всю его парламентскую жизнь онъ произнесъ лишь одну фразу:—«закройте окно: г. ораторъ можетъ схватить насморкъ»; а я, пожалуй, скажу нѣсколько словъ: отворите дверь: я хочу уйти». И онъ дѣйствительно ушелъ, показавшись два-три раза въ національномъ собраніи. Единогласно онъ былъ выбранъ (200.471 голосомъ); палата отказалась принять его отставку. Но онъ былъ непреклоненъ и, напоминая, что «въ первый разъ обращается съ просьбой къ своей странѣ», заявилъ рѣшительно, что долженъ очистить мѣсто для молодыхъ силъ. Ему было уже 68 лѣтъ; позади была жизнь не изъ числа обыкновенныхъ и безцвѣтныхъ; одинъ за другимъ сошли со сцены его сверстники; грустнаго зрѣлища угасанія бѣднаго и больного Шатобріана, у чьего изголовья плакала когда-то обольстительная и остроумная его подруга, г-жа Рекамье, было уже достаточно, чтобы напомнить о бренности всего земного; новыя бѣдствія отечества удручали поэта, вызывая тяжелыя предчувствія. Беранже, привѣтствуя республику, находилъ однако ея побѣду внезапною, опасался отместки вліятельныхъ и богатыхъ слоевъ, военной диктатуры, и былъ свидѣтелемъ іюньской рѣзни, потомъ выступленія на подмостки Людовика-Наполеона, водворенія искалѣченной республики 1850 года, которая носила въ зародышѣ вторую имперію, и безцеремонно пародировала и народное правленіе, и бонапартизмъ, когда-то эпической стороной увлекавшій Беранже. Наконецъ, послѣ 2-го декабря потянулась, годъ за годомъ, мертвящая, унизительная пора владычества «послѣдняго Бонапарта».

Беранже, казалось, замолкъ. Толпа, встрѣчавшая его на привычныхъ его прогулкахъ по Парижу, на бульварахъ, въ Jardin des Plantes, гдѣ онъ мирно отдыхалъ на скамьѣ, съ почтеніемъ и любопытствомъ смотрѣла на него, какъ на послѣдній обломокъ славной и уже далекой старины. Но онъ все видѣлъ, все подмѣчалъ и отгадывалъ; въ потухавшемъ взорѣ большихъ умныхъ глазъ вспыхивалъ временами огонь; прежній паѳосъ патріотизма и негодованія, сила насмѣшки и обличенія находили себѣ выраженіе въ мастерскомъ стихѣ, и когда явились посмертныя «Dernières chansons», раскрывшія тайную работу его мысли и чувства, — вспышки энергіи и воодушевленія среди дѣйствительно старческихъ перепѣвовъ и припоминаній были поразительны. Не ошибалось наполеоновское правительство, когда зорко слѣдило за нимъ, какъ будто подстерегая малѣйшую мысль, малѣйшій стихъ, и

не довѣряя безмолвію и затишью. Вѣрный лѣтописецъ французской жизни успѣлъ вписать въ свой разсказъ и послѣднюю печальную повѣсть.

III.

Но гдѣ же въ политической біографіи нашего пѣсенника мѣсто для того Беранже, который всѣмъ наиболѣе близокъ и знакомъ, для поэта любви, вина и наслажденія, для живописца двусмысленныхъ нравовъ и пикантныхъ похожденій, потомка Вольтера, Боккачьо, Лафонтэна, для «пѣвца Лизетты»? Политика и любовная поэзія, гражданское мужество и бойкость бытового жанра—двѣ ли это маски, поочередно обращаемыя къ толпѣ, то съ воинственнымъ пыломъ, то съ мирной нѣгой, или это два настроенія одной и той же впечатлительной, увлекающейся натуры? Что было дороже для поэта, его протестъ или его фривольныя картинки и анакреонтическія шалости?

Прежде всего, можно ли провести у него грань между чисто политической сатирой и той насмѣшкой, которая вторгается за кулисы общественныхъ нравовъ, семьи, брака, сословныхъ отношеній? Опора добраго порядка и нравственности, счастливый любовникъ жены своего услужливаго подчиненнаго, «Monsieur le sénateur»—интересный образчикъ спасителей отечества, создавшихъ реставрацію, въ то же время герой двусмысленнаго житейскаго анекдота; фигура сластолюбиваго ханжи вполнѣ кстати и тамъ, гдѣ приходится изображать походъ черной братіи противъ культуры, свободы, науки, и въ наброскѣ съ натуры, просящемся въ новеллу, въ фабльо, въ скоромную Лафонтэновскую сказочку. Поставьте среди людской сутолоки, обильной такими характерами и сценами, искушеннаго въ политической борьбѣ, зоркаго и насмѣшливаго наблюдателя,—и передъ вами раскинется цѣлое море комическихъ приключеній, выхваченныхъ имъ прямо изъ жизни и пересказанныхъ съ бойкимъ юморомъ. Какъ для его предшественника-баснописца, для Беранже это — «общечеловѣческая комедія, разыгрывающаяся въ сотнѣ разнообразнѣйшихъ актовъ на сценѣ вселенной». Безконечной вереницей идутъ обманутые мужья, шалуньи-жены, ловкіе искатели приключеній, гризетки, гуляки, барышни, ловящія мужей, маркитантки, веселые troupiers; слышатся разгульныя пѣсни, лживыя рѣчи, смѣхъ, звонъ стакановъ, остроуміе, свободное отъ всѣхъ оковъ, народный юморъ въ его непринужденности,—и въ припѣвѣ, заканчивающемъ скоромные куплеты, словно взрывы хохота при видѣ удавшейся продѣлки.

Беранже признается, что, рано познакомившись съ Аристофановскими комедіями, онъ задался мыслью стать когда-нибудь французскимъ

Аристофаномъ, свободнымъ обличителемъ нравовъ. У него были и другіе предшественники,— старые французскіе пѣсенники типа Франсуа Виллона и авторы фабльо, увлекшіе его на тотъ же путь; когда опытные писатели изъ старшаго поколѣнія «растолковали ему, что не слѣдуетъ искать тутъ себѣ образцовъ», было уже поздно. Какъ въ пѣснѣ «Le baptême de Voltaire» на крестинахъ Вольтера присутствуетъ тѣнь Раблэ, такъ въ числѣ воспріемниковъ самого Беранже должны красоваться и авторъ «Гаргантюа», и его великій преемникъ, просвѣтитель и юмористъ первой величины. Къ внѣшнимъ вліяніямъ, къ богатству матеріаловъ, которые разсыпала передъ нимъ жизнь, присоединилась и самородная сила таланта нравоописателя, заслуживавшая, быть-можетъ, еще болѣе широкаго примѣненія въ комедіи или повѣсти. Среди разлива смѣха читатель невольно остановится на такой ярко жизненной, правдивой, иногда грустной картинѣ, которая врѣзывается потомъ въ память съ ея освѣщеніемъ, лицами, голосами. Вотъ размечтавшаяся о лихой своей молодости, совсѣмъ ушедшая въ прошлое, бабушка въ кругу разгорѣвшихся любопытствомъ внучатъ („La grand'mère“); вотъ слѣпая мать въ ея безсильныхъ порывахъ уберечь отъ соблазновъ дочь, къ которой тутъ же прокрадывается другъ сердца; «рыжая Жанна», поникнувъ головой, съ тремя дѣтьми плетется домой изъ тюрьмы, куда заперли ихъ поильца-кормильца, отца семьи; прижавшись головкой къ старику-пастуху, ребенокъ слѣдитъ въ ясную звѣздную ночь за блестящимъ полетомъ падающихъ звѣздъ; вмѣстѣ они загадываютъ, чьи души проносятся передъ ними по небосклону, и тихое раздумье о человѣческой долѣ овладѣваетъ ими;—на казнь идетъ старый капралъ и, подавляя свое горе, въ послѣдній разъ ведетъ стройно, нога въ ногу, свой взводъ,—а вслѣдъ затѣмъ снова слышатся веселыя ноты, и то же перо нѣсколькими штрихами набрасываетъ «какъ яблочко румяное» лицо весельчака, способнаго хохотать даже за минуту до смерти («Le petit homme gris»), или самого сатирика въ минуту свиданія съ плутовкой Лизеттой, когда неистощимы и шутки, и поцѣлуи, и шампанское...

Вакхическія сцены сплетаются у Беранже съ любовными мотивами; неразборчивый читатель могъ бы порою навязать его поэзіи оттѣнокъ эпикурейской чувственности, а поэту—одну изъ тѣхъ лоснящихся отъ удовольствія фигуръ, которыя такъ любили изображать фламандцы, съ красоткой на колѣнахъ и высоко поднятымъ бокаломъ въ рукѣ. Но застольная пѣсня была тоже завѣщана ему народной традиціей; когда онъ писалъ «Grande orgie», отъ этого опьяняющаго веселья, «пира на весь міръ», не отказался бы и Раблэ. Въ дѣйствительной жизни скромный по привычкамъ, воздержный и бѣдный, Беранже, по словамъ друзей, врядъ ли часто испытывалъ ощущенія Гаргантюа и не годился

въ эпическіе «buveurs très illustres»; свѣтлыя винныя волны, которыя весело играютъ и переливаются въ его стихахъ,—безобидная гипербола... Другое дѣло—небольшая дружеская пирушка, или, еще лучше, ужинъ вдвоемъ съ Лизеттой... Среди невзгодъ и противорѣчій жизни только тутъ находилъ онъ отдыхъ, радость, самозабвеніе. Сколько счастливыхъ часовъ проведено съ Лизеттой, сколько смѣха, безпечности, шалости! Онъ учитъ ее политикѣ («Traité de politique»), дразнитъ ее побѣдами надъ святошами и ханжами, сбирается съ нею на богомолье («Le pélérinage de Lisette“), съ нею забываетъ о приглашеніи къ вельможѣ, поетъ ей то о «битвахъ любви», то о «битвахъ славы», любитъ ее бѣдною, вѣчно веселою, простою швеей, знаетъ, что она никогда не посовѣтуетъ ему итти на сдѣлки съ богатствомъ и властью („Les conseils de Lise“), и, вспоминая, сколько свѣта принесла она ему, появившись когда-то улыбаясь, съ цвѣточкомъ на груди, въ его каморкѣ, гдѣ вмѣсто драпри у окна она вѣшала свой платочекъ («Le grenier»), онъ всею душой переносится въ ту блаженную пору:

На глухомъ чердакѣ, въ двадцать лѣтъ,
Я былъ счастливъ, и мнѣ улыбался весь свѣтъ!

Моралисты и блюстители хорошаго тона въ литературѣ давно уже поставили въ вину Беранже, что своей вдохновительницей, музой, онъ сумѣлъ выбрать только гризетку; что его любимыя героини, подъ стать Лизѣ, какая-нибудь хохотушка Жаннета или игрунья Frétillon, у которой «только юбка за душой»; что въ любви онъ видитъ лишь забаву, серьезнаго чувства не понимаетъ и смотритъ на женщинъ пренебрежительно. Въ распоряженіи такихъ объяснителей былъ, разумѣется, довольно большой выборъ сужденій и отзывовъ, разсѣянныхъ по пѣснямъ и отмѣченныхъ боккачьевскимъ скептицизмомъ. Но Беранже и не думалъ скрывать своего взгляда; онъ воспроизводилъ жизнь, какою она ему представлялась; если картина выходила непривлекательною и совсѣмъ безъ назидательности, онъ напоминалъ, что пишетъ не для пансіонерокъ, а для взрослыхъ читателей, знающихъ жизнь. Онъ не хотѣлъ отстаивать своего идеализма и способности къ глубокой привязанности, — пусть прозорливые люди найдутъ ихъ слѣды въ тѣхъ же пѣсняхъ...

Изъ легіона вѣтреныхъ и порочныхъ женщинъ въ Декамеронѣ выдѣляются свѣтлые образы немногихъ избранницъ. Такъ и Беранже все же поэтъ женщины, хотя много осужденій и насмѣшекъ выпадаетъ ей на долю. Несравненно болѣе гуманный, чѣмъ его великій итальянскій предшественникъ, онъ украшаетъ ореоломъ не однѣхъ только носительницъ добродѣтели, — эту черту въ немъ тонко подмѣтилъ Добролю-

бовъ [1]). Въ стихотвореніи «Двѣ сестры милосердія», въ свое время возбудившемъ гнѣвъ прокуратуры, онъ сводитъ у вратъ рая сердобольную монахиню и танцовщицу изъ Большой Оперы, и когда обѣ въ своихъ признаніяхъ вспомнили о минувшей жизни, о томъ, какъ одна своимъ примѣромъ научала служить долгу, готовила людей къ смерти, а другая «заставляла жизнь любить и вѣрить въ счастье», — привратникъ впускаетъ обѣихъ женщинъ: «вѣдь Богъ всегда принять готовъ того,

Кто осушилъ хоть каплю слезъ,
Носилъ ли онъ вѣнецъ терновый,
Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ.

Если «вѣрить въ счастье и любить жизнь» научило поэта одно изъ такихъ совсѣмъ земныхъ созданій, съ вѣнкомъ изъ розъ на бойкой головкѣ, и если, благодаря такой музѣ, онъ могъ исполнить свой долгъ передъ народомъ и явиться его вождемъ и вдохновителемъ,—зачѣмъ клеймить его выборъ? Зачѣмъ, съ другой стороны, допытываться во что бы то ни стало, *кто* былъ оригиналомъ Лизетты? Полной истины мы не узнаемъ: Беранже умно принялъ свои мѣры, а историко-литературныя справки показали, что имя Лизы, какъ готовый псевдонимъ въ стихотвореніяхъ подобнаго же рода, перешло къ нему отъ Вольтера вмѣстѣ съ двумя-тремя сходными мотивами (наприм., нежеланіемъ видѣть свою скромную подругу богатой и знатной) [2]) и было въ ходу у другихъ стихотворцевъ 18-го вѣка. Скрывалось ли подъ собирательнымъ именемъ нѣсколько личностей, или же это было условное имя одной и неизмѣнной дорогой женщины?.. И теперь еще есть люди, которые помнятъ долголѣтнюю подругу Беранже, m-lle Judith Frère, неразлучную спутницу его, умершую въ глубокой старости, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэта. «Когда они сошлись, она была прекрасна, а онъ, Боже, какой онъ былъ уродъ!» («Qu'elle est jolie»); ихъ свела искренняя любовь,—и ему грезилось тогда, какъ подъ старость она будетъ вспоминать о немъ и о своей любви («La bonne vieille»):

Когда, найдя подъ старыми чертами
Слѣды воспѣтой мною красоты,
Тебя обступятъ юноши съ словами:
„Кто этотъ другъ, по комъ горюешь ты?“

---

1) Въ статьѣ по поводу переводовъ Курочкина; Сочинен. Доброл., томъ 2-й. До сихъ поръ въ нашей литературѣ это лучшая характеристика Беранже. Вѣрная оцѣнка поэта сдѣлана Шаховымъ въ его „Очеркахъ литер. движенія въ перв. половину XIX в.“ 1894.

2) Вольтеровская épître „Les Vous et les Tu“, написанная по случаю свадьбы Сюзанны де-Ливри, конечно, повліяла на пѣсню Беранже: „Ce n'est plus Lisette“.

Разсказывай имъ въ тихій часъ досуга,
Какъ я любилъ, какъ жизнь была ярка,
И доброю старушкой пѣсни друга,
Какъ прежде, напѣвай у камелька.
Коль спросятъ: „Что тебѣ въ немъ было мило?
— „Его любила я“, ты дашь отвѣтъ.
— И никогда въ немъ зла не находила?
Ты съ гордостью на это скажешь:—„Нѣтъ!“

Въ чертахъ старушки Judith, говорятъ, можно было найти слѣды былой красоты; но была ли въ нихъ хоть тѣнь сходства съ вѣтреной вакханочкой Лизеттой знаменитыхъ куплетовъ? Романъ цѣлой жизни начался ли свиданіями въ бѣдной мансардѣ и потомъ перешелъ въ дружеское сожительство, или шаловливый бѣсенокъ страсти и смѣха увлекалъ и потомъ поэта въ веселыя похожденія, тогда какъ единственная сильная привязанность неизмѣнно сохранялась до могилы? Мы знаемъ только, что на склонѣ лѣтъ, когда Беранже задумалъ было выселиться изъ Парижа въ помѣстье La Grenadière, близъ Тура, онъ испыталъ послѣднюю любовь, сильнѣе и глубже прежнихъ увлеченій. Онъ снова увидѣлъ любящій, ласковый взглядъ, остановившійся на его лицѣ, и ему почудилось, что къ нему слетѣлъ ангелъ, чтобы «отогнать грустныя видѣнья, согрѣть ему сердце, успокоить его, вернуть къ жизни», одинъ изъ тѣхъ ангеловъ, что «къ намъ летятъ съ пеленкой бѣднымъ дѣтямъ, съ червонцемъ бѣднымъ матерямъ»,—и посмертное стихотвореніе «Un ange» полно восторга:

Но что жъ о смерти говорю я,
Когда онъ жить меня зоветъ?
Съ нимъ вновь цвѣты въ пути найду я,
При немъ ужъ таетъ снѣгъ и ледъ.
Съ прелестныхъ устъ его все чаще
Я поцѣлуи жадно пью,
И поцѣлуевъ этихъ слаще
Не зналъ я въ молодость мою.

Счастливый послѣдній сонъ наяву освѣтилъ на время затишье и отшельничество Беранже, не далъ угаснуть творчеству, вѣрѣ въ лучшее будущее человѣчества. Въ «Dernières chansons» иногда слышатся тихія рѣчи человѣка, доживающаго вѣкъ вдали отъ свѣта, въ прохладѣ сада, среди выращенныхъ имъ цвѣтовъ, иногда доносится запоздалое эхо наполеоновской легенды, этой красивой грезы молодости поэта, но порою вспыхиваетъ чисто юношеское воодушевленіе идеями свободы и народнаго развитія, поразительное у ветерана, способное пристыдить малодушныхъ и сомнѣвающихся, и опять указывающее Беранже одно изъ первыхъ мѣстъ среди новаго поколѣнія съ его сложными запросами.

Дороже всего стали ему теперь успѣхи знанія, широкое распространеніе его въ массѣ; отъ ея просвѣщенія онъ ожидалъ смягченія нравовъ, ослабленія милитаризма, торжества уравнительныхъ, демократическихъ идей. «Знанье—вольность, знанье—свѣтъ, рабство безъ него», говоритъ въ деревенской школѣ дѣтямъ старый солдатъ-учитель и приводитъ разсказъ объ одномъ изъ освободителей Греціи, Канарисѣ, покрытомъ славой, но безграмотномъ, который не побоялся насмѣшекъ и пересудовъ и принялся за грамоту вмѣстѣ съ школьниками,—и изъ «Leçon de lecture» вышла прелестная жанровая картинка во вкусѣ лучшихъ русскихъ (особенно Некрасовскихъ) набросковъ изъ деревенской жизни. Въ діалогѣ голубки и ворона, вылетѣвшихъ изъ ковчега, сопоставлены мирныя культурныя влеченія съ старыми, какъ міръ, кровожадными инстинктами разрушенія и издѣвательствомъ надъ мечтами о счастьѣ («La colombe et le corbeau du déluge»), а въ безконечной, оглушительной, раздражающей нервы барабанной дроби, которая раздавалась и при первомъ консулѣ, и при Бурбонахъ, и при поддѣльной республикѣ Людовика-Наполеона, Беранже чудится враждебный вызовъ братству и миру:

Terreur des nuits, trouble des jours,
Tambours, tambours, tambours, tambours,
M'étourdirez-vous toujours,
Tambours, tambours, maudits tambours?

звучитъ припѣвъ къ пѣснѣ «Les tambours», совѣтовавшей французамъ, чтобы быть послѣдовательными, выбрать въ президенты тамбуръ-мажора. Не противъ враговъ, честно обороняя отъ нихъ отечество, а противъ своихъ же гражданъ чаще всего направлялась вооруженная сила, задерживая прогрессъ, подавляя развитіе живыхъ и полезныхъ идей. Въ двухъ стихотвореніяхъ («Une idée» и «Histoire d'une idée») Беранже слѣдитъ за судьбою такой идеи. Она проносится мимо него, юная, прекрасная, и ему глубоко жаль ее: толпа шпіоновъ подстерегаетъ ее, комиссаръ идетъ за нею слѣдомъ, батальоны созываются, чтобы пресѣчь ей путь; грохочутъ пушки, фитиль поднесенъ къ затравкѣ; куется цѣпь для дерзкой, — она должна погибнуть. Но нѣтъ; борьба миновала, а она все жива, только пріютилась среди побѣжденныхъ и несчастныхъ. Она чаще всего и зарождается между ними,—но едва родилась она «на соломѣ простого работника» и постучалась къ людямъ, какъ «хоръ мѣщанъ» ворчливо отвѣчаетъ:

Стучится идея,—объ чемъ-то, вишь, новомъ...
Задвинемъ-ка двери засовомъ!

Все ополчается противъ гонимой странницы,—и примирится съ ней развѣ только послѣ того, какъ она, покинувъ родину, обживется на чу-

жой сторонѣ и вернется съ англійскимъ патентомъ; отецъ ея тѣмъ временемъ «жилъ въ нищетѣ и умеръ въ больницѣ безумныхъ». Еще со времени іюльскаго переворота, оживившаго теоретическое исканіе разумнаго соціальнаго переустройства, такіе представители «народнаго генія» стали любимыми героями поэта; «пусть этихъ безпокойныхъ людей считаютъ безумцами, преслѣдуютъ ихъ, убиваютъ, а потомъ, одумавшись, воздвигаютъ имъ статуи, во славу человѣчества»,—вѣдь смѣялись и надъ Сенъ-Симономъ, и надъ Фурье, и надъ Анфантеномъ съ его мечтами о женской равноправности, — «нѣтъ, честь и слава тому *безумцу*, который сумѣлъ бы научить людей хоть грезѣ о счастьѣ!» восклицалъ Беранже еще въ пѣснѣ «Les foux». Въ геніальномъ умѣ «безумцевъ» всегда найдется благо и спасеніе для человѣчества. «Еслибъ внезапно померкъ свѣтъ дневной, безумецъ зажегъ бы факелъ, чтобы озарить тьму»... Въ такихъ людяхъ поэтъ видитъ своихъ собратій; не боясь гоненій, онъ всю жизнь былъ проповѣдникомъ обновленія. Глубоко прочувствовано стихотвореніе «L'apôtre», посвященное памяти Ламеннэ; оно написано семидесятилѣтнимъ старцемъ...

Такъ, вдали отъ людей, думалъ и писалъ Беранже, заботливо скрывая свое творчество, какъ будто не довѣряя болѣе своимъ силамъ. Около него велась интрига съ цѣлью воспользоваться бѣдностью, старостью и болѣзнями его и, осыпавъ его милостями, пріобрѣсти важную опору для непопулярной власти. Это была мысль императрицы Евгеніи, которая не разъ подсылала къ нему довѣренныхъ лицъ. Отчего не сойтись на почвѣ старыхъ симпатій Беранже къ Наполеону, въ чей плащъ во что бы то ни стало хотѣлъ закутаться племянникъ-авантюристъ? Новая пора вѣдь въ сущности—возвратъ къ великимъ «наполеоновскимъ идеямъ»... Что же касается денежной помощи, то какъ-то дознались, что Беранже въ ранней молодости принялъ отъ брата перваго консула, Люсьена Бонапарта, небольшую пенсію; стало-быть...

Но и прежнему своему любимцу, первому консулу, Беранже не простилъ самовластія, а къ Наполеону III отнесся съ глубокимъ недовѣріемъ съ перваго же появленія его на политической сценѣ. Раньше другихъ, передъ президентскими выборами, принцъ посѣтилъ Беранже, но поэтъ не принялъ его, не отдалъ визита и вотировалъ за Кавньяка. Потомъ прошло 2-ое декабря, и недовѣріе смѣнилось презрѣніемъ. Та же давнишняя пенсія, о которой Беранже самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, была дружеской услугой поэту-новичку со стороны человѣка, который въ семьѣ Наполеона «представлялъ элементъ революціонный, республиканскій, былъ постоянно не въ милости и припужденъ былъ жить внѣ Франціи».

Всѣ подходы были вѣжливо, но твердо отклонены. Ламартинъ удивлялся въ Беранже «безпримѣрной нравственной выправкѣ и стойкости вырабатывавшейся все сильнѣе, по мѣрѣ того какъ надвигалась дряхлость» [1]). Онъ иногда тѣшился мыслью о томъ, сколько неудобствъ и тревогъ причинитъ онъ правительству своею смертью, и за четыре года до кончины (въ стихотвореніи «La mort et la police», не включенномъ въ собраніе его сочиненій) предсказалъ событія, сопровождавшія его похороны. Къ больному, лежащему при послѣднемъ издыханіи, является агентъ отъ полицейскаго префекта съ строгимъ запрещеніемъ умирать:

Or, de mourir défense vous est faite.
Obéissez, monsieur, ne mourez pas!

Вѣдь если онъ умретъ и придется его хоронить, сбѣжится отовсюду множество народа, пойдутъ рѣчи, крики, сѣтованія, воспоминанія; чего добраго, «колесница имперіи опрокинется на его могилѣ». Нѣтъ, пусть онъ подождетъ; когда «оздоровленіе страны окончится, свободу совсѣмъ ампутируютъ, пресса и трибуна станутъ блѣдной копіей того, чѣмъ когда-то онѣ были, и вѣнокъ поэта увянетъ»,—о, тогда онъ можетъ перейти въ вѣчность, и тихо, прилично, безъ рѣчей, свезутъ его прахъ на кладбище.

Поль Буато [2]), усердный собиратель біографическихъ матеріаловъ и издатель переписки Беранже, считалъ эту грустно-шутливую пѣсенку послѣднимъ стихотвореніемъ его, и конечно, для боевой его дѣятельности смѣлая насмѣшка, вырывающаяся съ прежней силой у больного старика,—самое подходящее окончаніе. Но все, что въ натурѣ Беранже было склоннаго къ глубокой привязанности, сторона чувства, энтузіазма, требовала себѣ такого же выраженія, и въ своемъ «Adieu» онъ простился съ Франціей, какъ любящій сынъ, честно ей послужившій:

Часъ близокъ. Франція, прости! Я умираю.
Возлюбленная мать, прости! Какъ звукъ святой,
Сберегъ до гроба я привѣтъ родному краю.
О! могъ ли такъ, какъ я, тебя любить другой!

Прощаніе умирающаго полно надеждъ на лучшее будущее для родной страны; онъ молится о ея счастьѣ и свободѣ, вѣрить въ «жатву равенства грядущаго»...

«Беранже умиралъ такъ же просто, съ силой воли, какъ жилъ», вспоминалъ потомъ Жаненъ. Едва страданія ослабѣвали, онъ снова

---

1) „Je n'ai pas connu d'homme qui ait été aussi élaboré, aussi perfectionné moralement par les années que ce vieillard", говоритъ Ламартинъ въ своемъ первомъ „Entretien" о Беранже.

2) Vie de Béranger, par Paul Boiteau, 1861.

улыбался, шутилъ, его сносили съ четвертаго этажа въ садъ, и среди цвѣтовъ и дѣтей онъ оживалъ, пригрѣтый солнцемъ. Потомъ наступали новыя муки, длившіяся иногда цѣлыми недѣлями.

16-го іюля 1857 г. все было кончено. Но тутъ разыгрался военно-полицейскій эпилогъ. Такъ сильно потрясенъ былъ Парижъ печальною вѣстью, что правительству показалось неудобнымъ не слить съ народнымъ горемъ и своихъ сожалѣній, и оно взяло въ свои руки тризну. На другой же день прокламація полицейскаго префекта Пьетри и статья «Монитера» оплакивали «національную утрату», возвѣщали, что императоръ беретъ похоронныя издержки на свой счетъ, но предостерегали «извѣстную партію» отъ демонстрацій и рѣчей, заявляя, что приняты будутъ всевозможныя предупредительныя мѣры, и что малѣйшее нарушеніе порядка будетъ строго подавлено. Похороны назначены были всего черезъ сутки. Почти весь парижскій гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ вдоль улицъ, гдѣ двигалось шествіе; за гробомъ виднѣлись только лица, получившія офиціальныя приглашенія. Толпы не было; ее отбросили въ переулки, стѣснили, смяли, и искусно придумали такой обходный, «стратегическій» путь по городу, что миновали всѣ мѣста особеннаго скопленія народа. Было много арестовъ. По выраженію Вейльо, которому мы обязаны полнымъ и, нужно думать, хоть въ этомъ случаѣ надежнымъ разсказомъ, «полиція была грустна, но непоколебима» и «предохраняла массу отъ излишнихъ волненій». Словомъ, «все обошлось прекрасно, и къ вечеру не замѣтно было и слѣдовъ важнаго событія дня», заканчиваетъ разсказъ довольный развязкой Вейльо.

Едва успѣли появиться посмертныя «Пѣсни», какъ потокомъ хлынули статьи, брошюры, памфлеты, этюды о Беранже. Насталъ судъ потомства. Творчество заключительнаго періода жизни поэта, начиная съ 1834 года, было теперь у всѣхъ передъ глазами; писательскій образъ обрисовывался вполнѣ. Нечего было медлить съ приговоромъ. Но что это былъ за приговоръ, что за отплата вчерашнему любимцу, ветерану боевой поэзіи! Въ лагерѣ охранителей, особенно клерикаловъ, повторялись, разумѣется, старыя нападки на безнравственность и безбожіе и выражалась радость, что заклятаго врага церкви и государства не существуетъ, но въ либеральной партіи замѣтны были разочарованіе и недовольство; добросовѣстно изданное сполна литературное наслѣдіе Беранже показало у него и въ старости симпатіи къ Наполеону, отголоски увлеченія военной эпопеей начала вѣка, а въ данную минуту, когда насильственно возрождался бонапартизмъ, это показалось неумѣстнымъ, безтактнымъ, и страстные полемисты, въ родѣ Пелльтана, высказали это горячо, предавая за разъ осужденію всю дѣятельность Беранже. Въ кругахъ, близкихъ ко двору, чутко поняли значеніе этихъ

спорныхъ историческихъ припоминаній для новаго времени и новыхъ властителей, недовольны были горячностью нападеній, направленныхъ не столько противъ Беранже, сколько противъ имперіи, и поднимавшійся все выше въ придворномъ мірѣ Сентъ-Бёвъ, уже два раза мѣнявшій тонъ отзывовъ о Беранже, выступилъ въ третій и послѣдній разъ съ авторитетнымъ приговоромъ, полнымъ ограниченій и поправокъ и проникнутымъ капризнымъ недовольствомъ на то, что «о Беранже слишкомъ много говорятъ». Наконецъ, люди чуждые политикѣ, преданные интересамъ новой науки или соціальнаго движенія, порицали у Беранже его легкомысліе, культъ любви и веселья, неумѣстный среди трудныхъ задачъ современности, и въ осужденіи пѣсенъ къ Лизеттѣ сходились такіе непримиримые противники, какъ Вейльо и Ренанъ. Нашлись, наконецъ, и такіе судьи, которые въ безсребреничествѣ, бѣдности и демократизмѣ Беранже увидали просто «позу»... Разыгралась литературно-критическая комедія, полная неожиданныхъ скачковъ, злобныхъ выходокъ и водевильной путаницы. Она сбережена для потомства однимъ изъ вѣрныхъ почитателей Беранже, Артюромъ Arnould, въ двухтомномъ сборникѣ [1]), переполненномъ выдержками изъ панегириковъ, извѣтовъ, нападокъ и немногихъ безпристрастныхъ отзывовъ. Поэтъ какъ будто предчувствовалъ, что изъ-за него завяжется жестокая критическая битва, и, когда Сентъ-Бёвъ хвалилъ его, не могъ подавить въ себѣ недовѣрія. Счастье для него, что ему не пришлось отвѣтъ держать передъ такимъ предубѣжденнымъ и грознымъ ареопагомъ...

Старый споръ теперь никого болѣе не взволнуетъ; чтобы понять и оцѣнить Беранже, нечего пересматривать сбивчивые документы процесса, въ сущности давно порѣшеннаго. Весь Беранже—въ его пѣсняхъ; вѣдь самъ же онъ сказалъ: «mes chansons c'est moi»; онѣ однѣ должны дать отвѣтъ на вопросы о его политическомъ исповѣданіи и идеалахъ, о его связяхъ съ народомъ, искренности воодушевленія, мѣткости юмора, силѣ таланта; для справокъ и провѣрки есть автобіографія, письма, показанія современниковъ, близко знавшихъ поэта. Конечный выводъ думается, будетъ вѣрнѣе огульныхъ предвзятыхъ сужденій. Каковъ онъ, пояснять не нужно послѣ разбора и группировки около ста стихотвореній. «Béranger est un vrai poète, mais n'est pas un grand poète», сказалъ о немъ недавно Легувé. Да, это не могучій общечеловѣческій поэтъ, но, бывало, онъ двигалъ сердцами обаятельнѣе величаваго олимпійца [2]);

---

[1]) Arthur Arnould. Béranger, ses amis, ses ennemis et ses critiques. P., 1864.

[2]) Одинъ изъ даровитыхъ французскихъ эссеистовъ, Жоржъ Пеллиссье (Le mouvement littéraire au XIX siècle, 1890, p. 123-4), предъявляетъ нашему скромному пѣсеннику странныя требованія,—почему онъ не усвоилъ себѣ всего содержанія ро-

онъ простолюдинъ, самородокъ, бѣднякъ, самоучка, но онъ шелъ всегда впереди своего народа; политическій поэтъ и пѣвецъ любви, онъ научилъ людей «грезамъ о счастьѣ», какъ тотъ «безумецъ», за котораго заступился. Пусть отъ его лиры со временемъ уцѣлѣетъ лишь нѣсколько произведеній, какъ предсказывалъ Прудонъ, но всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ объ истинной поэзіи, свободно вырывающейся изъ взволнованной груди и зажигающей сердца, и поздній потомокъ вспомнитъ о Беранже.

мантизма, почему велика пропасть, отдѣляющая Лизетту отъ идеальной Эльвиры и „le Dieu des bonnes gens" отъ романтическаго Іеговы...

ЭТЮДЫ О БАЙРОНИЗМѢ.

I.—Современники поэта.

Въ лѣтописи главнѣйшихъ освободительныхъ движеній, отмѣтившихъ собою политическій ростъ девятнадцатаго вѣка, на ряду съ наиболѣе возбужденными эпохами выдвигается та богатая фактами и рѣдкою затратой дарованій полоса, которой нельзя не выдѣлить подъ отличительнымъ именемъ байронизма. Обаяніе творчества Байрона и сила гражданскаго подвига, то чаруя, то потрясая современниковъ, долго не переставали влiять и на потомство. Слѣдомъ за учениками поэта позднѣйшія поколѣнія, не испытавшія непосредственнаго воздѣйствія, хранили и передавали одно другому его легенду и его завѣты. Почти на полвѣка (въ иныхъ литературахъ до начала шестидесятыхъ годовъ) раскинулось это вліяніе; оно вызвало къ состязанію полчище послѣдователей, подражателей и поклонниковъ всѣхъ оттѣнковъ дарованія, всевозможныхъ національностей, съ тѣмъ блестящимъ созвѣздіемъ во главѣ, въ которомъ Викторъ Гюго и Гейне стояли на ряду съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Герценомъ; Ламартинъ, Мадзини, Эспронседа—съ Мицкевичемъ, Словацкимъ, Мальчевскимъ. Историческое отдаление не ослабило отличительныхъ свойствъ движенія, и теперь оно кажется любопытнымъ образцомъ продолжительнаго художественнаго вліянія, не поддававшагося времени и гордо отстаивавшаго свою мятежно-еретическую независимость; рядъ біографій дѣятелей байронизма, самостоятельно ставшихъ потомъ художественными вожаками своихъ племенъ, показалъ, что съ нимъ были неразрывно связаны расцвѣтъ дарованія, пылъ молодости, пробужденіе личности, благородныя мечты, — прологъ ихъ самобытной дѣятельности; значеніе байроновскаго свободолюбія, запечатлѣннаго геройскою смертью, какъ стимула въ разноплеменныхъ попыткахъ добыванія свободы,—для итальянскаго, греческаго, польскаго народа,—съ теченіемъ времени еще болѣе выяснилось. Совокупность этихъ фактовъ сложила вторую, посмертную, жизнь великаго человѣка—возмездіе за страданія, борьбу и гоненія, вынесенныя имъ [1]).

---

1) Грустной ироніей проникнутъ посмертный отзывъ Байрона—въ недавно найденныхъ и обнародованныхъ строфахъ семнадцатой пѣсни „Донъ-Жуана"—о такомъ

Но при всей красотѣ общаго впечатлѣнія нельзя же довольствоваться традиціонными контурами, застарѣлыми толкованіями, въ которыхъ содержаніе движенія окрашивается однородно, подъ цвѣтъ коренной, байроновской стихіи, или твердить заданный когда-то урокъ о демонизмѣ и эгоизмѣ, какъ главномъ наслѣдіи, передавшемся послѣдователямъ поэта; нельзя тѣшить себя, съ другой стороны, радужнымъ представленіемъ, будто во всемъ литературномъ потомствѣ Байрона нетронуто и въ полномъ объемѣ хранились его духъ, энергія, художественная сила; нельзя искать «второго Байрона», сколько бы мы ни всматривались въ эффектныя черты нѣкоторыхъ его преемниковъ. Нужно отбросить мысль, будто историческая судьба легко и часто можетъ выдвинуть изъ среды человѣчества такое феноменальное и по мощи, и по несчастной долѣ сочетаніе болѣзненно чуткой нервности, пылкой фантазіи, титанической отваги, тяжкой грусти, безпощадной сатирической насмѣшки, культа личности и самоотверженнаго служенія людямъ. На полувѣковомъ разстояніи отъ послѣднихъ побѣговъ байронизма должны же опредѣленнѣе обозначиться въ немъ свѣтъ и тѣни. Изучая его распространеніе и развитіе, нужно ввести его въ точные размѣры и по широтѣ, и по интенсивности. Тогда обнаружится, *насколько* сохранялись завѣты Байрона при неблагопріятныхъ вліяніяхъ среды, условій времени, свойствъ дѣятелей, были ли продолжатели въ состояніи помѣряться силами съ своимъ учителемъ, пока послушно шли его путемъ, или же они, а въ лицѣ ихъ новая поэзія, обязаны ему болѣе всего возбужденіемъ къ самодѣятельности.

Среди изслѣдованій о литературномъ обмѣнѣ и международномъ вліяніи идей и направленій начинаетъ въ послѣдніе годы обозначаться группа спеціальныхъ работъ по байроновскому вліянію. Онѣ слѣдятъ за нимъ, напр., во французской поэзіи [1]), или въ литературѣ Италіи [2]), Америкѣ [3]), въ поэзіи польской [4]), или у Гейне [5]) и т. д. Нѣтъ недо-

---

загробномъ возмездіи. Вспоминая гоненія, вынесенныя Галилеемъ, онъ указываетъ, что послѣ смерти страдальца находили его уже не совсѣмъ неправымъ, „теперь повидимому, онъ оправданъ, его взглядъ считаютъ вѣрнымъ,—*конечно, это большое утѣшеніе для его праха*“ (no doubt a consolation to his dust). Works, „Poetry“, VI (1903), 610.

1) Walter Clark, „Byron und die romantische Poesie in Frankreich“. Leipzig, 1901.

2) Guido Muoni, „La fama del Byron e il byronismo in Italia“. Milano, 1903.

3) W. E. Leonard, „Byron and byronism in America“. Boston, 1905.

4) Ignacy Matuszewski, „Byron i wpływ jego na literaturę polską“ (одинъ изъ очерковъ въ сборникѣ: „Swoi i obcy“. Warszawa, 1903).

5) Felix Melchior, „Heinrich Heines Verhältniss zu Lord Byron“. Berlin, 1903.— Ochsenbein, „Die Aufnahme Byrons in Deutschland u. sein Einfluss auf Heine“. Bern, 1905.

статка и въ обобщающихъ обзорахъ, охватывающихъ всѣ литературы, весь періодъ тяготѣнія къ Байрону; среди сводовъ не обошлось безъ такихъ контрастовъ (въ видѣ перехода отъ дѣльнаго и глубокаго къ поверхностному, даже смѣшному), какъ изслѣдованіе проф. Здѣховскаго [1]) и выдержавшая два изданія компиляція Веддигена [2]), имѣвшаго, должно быть, въ виду натолочь какъ можно больше именъ и заглавій въ свой обзоръ, обыскать во всѣхъ уголкахъ, нѣтъ ли упоминаній о Байронѣ или намековъ на подражаніе ему, и добившагося своимъ страннымъ спортомъ только груды пестраго хлама. Но разысканія еще не закончены, не мало работы впереди, и новый вкладъ, кажется, умѣстенъ.

Являясь послѣсловіемъ къ біографіи Байрона [3]) и вслѣдъ за фактами его личной жизни и дѣятельности давая характеристику его жизни въ потомствѣ, этюдъ мой о «байроновской школѣ» расположится по не совсѣмъ обычному плану. Тягостна мысль о полномъ инвентарѣ байронизма, о перекличкѣ, на которую должны бы явиться, вмѣстѣ съ его бойцами и апостолами, модники и позёры, наконецъ всякіе карлики, калѣки и ублюдки. Искаженія и неумышленно карикатурныя уродства,—неизбѣжные спутники всякаго страстно проводимаго литературнаго новшества, «Sturm und Drang'a», романтизма, Юной Германіи, символизма,—сыграли бы при этомъ немалую роль. Закрыть глаза на нихъ нельзя, но они должны служить только дальнимъ фономъ. Цѣнно лишь прямое потомство поэта,—какъ бы ни былъ обширенъ хоръ, нестройно подпѣвавшій ему и его преемникамъ, но оно цѣнно прежде всего въ той мѣрѣ, въ какой усвоило истинное содержаніе байронизма. Замѣчательный, иногда, быть-можетъ, даже геніальный, поэтъ явится здѣсь сначала лишь какъ ученикъ, проповѣдникъ усвоеннаго имъ направленія. Колебанія и перемѣщенія цѣнностей при этомъ неизбѣжны. Неизвѣстно, напр., въ какихъ рядахъ очутится байронизмъ Пушкина, Ламартина, Мюссе. Но если увлеченіе пѣвцомъ «Манфреда» послужило переходною степенью для самобытнаго роста, это будетъ затѣмъ второю гранью вліянія Байрона на поэзію и мысль.

Хронологическія рамки обзора указаны были постепенными переходами къ судьбѣ байроническихъ идей. Тутъ, наоборотъ, не суживаются, а расширяются размѣры. Не сразу устанавливающійся при жизни поэта, байронизмъ усиливается и распространяется въ послѣдніе его годы; смерть Байрона могущественно вліяетъ на умы и возбуждаетъ ближай-

---

1) Marian Zdziechowski, „Byron i jego wiek". Краковъ, 1894—97, два тома.

2) O. Weddigen, „Lord Byrons Einfluss auf die europäischen Literaturen der Neuzeit". Leipzig, 1901.

3) „Байронъ, біографическій очеркъ", М. 1902.

шихъ послѣдователей къ дѣлу; затѣмъ идетъ полоса не непосредственнаго вліянія, съ варіантами и отклоненіями; наконецъ, въ эпилогѣ держится только легенда, къ источнику подходятъ послѣдніе, запоздалые ученики, выходцы изъ младшихъ, отставшихъ культурныхъ племенъ. Движеніе стихло, идея замираетъ. Но всѣ перипетіи—зачатокъ, ростъ, расцвѣтъ и упадокъ—должны быть изучены.

Національность, раса, играли, разумѣется, немалую роль; племенные оттѣнки нельзя не принимать въ расчетъ. Но, дробя матеріалъ, разнося его только по рубрикамъ отдѣльныхъ литературъ, какъ это большею частью дѣлается (при чемъ получаются, напр., такія безконечно малыя величины, какъ байронизмъ голландскій, шведскій), можно повредить пониманію *всего* движенія въ его магистральныхъ чертахъ. При національзмѣ, положенномъ въ основу программы, трудно, кромѣ того, уберечься отъ предпочтеній и преимуществъ своего, отечественнаго. Въ обстоятельной работѣ проф. Здѣховскаго польскій байронизмъ занимаетъ первенствующее мѣсто, байроновская школа у романскихъ народовъ отодвинулась на второй планъ. Не лучше ли, чтобы вокругъ Байрона сгруппировались главные, хоть и разноплеменные его ученики, дѣйствительно составившіе его *школу*, и чтобъ въ ихъ общемъ трудѣ выяснилась сумма того, что она въ состояніи была дать человѣчеству, а поодаль стали бы остальныя, рядовыя силы отряда?.. Такъ, въ эпическихъ сказаніяхъ центральное лицо окружено сподвижниками, паладинами; дальше, густыми рядами, виднѣются рыцари, латники, простые всадники.

I.

Окруженный сіяніемъ необычайной оригинальности, подавляя ею въ своемъ отечествѣ всякое состязаніе, соперничество, въ созданномъ имъ родѣ поэзіи, Байронъ среди современниковъ въ Англіи не имѣлъ настоящей школы. Передъ нимъ тускнѣли, ему нерѣдко уступали писатели съ именемъ, репутаціей; Вальтеръ Скоттъ, какъ поэтъ, осудилъ себя на молчаніе при видѣ байроновскихъ тріумфовъ; Томасъ Муръ отказался отъ нѣкоторыхъ работъ въ восточномъ вкусѣ послѣ оріентальныхъ поэмъ Байрона [1]). Ближайшіе и наиболѣе солидарные съ поэтомъ его собратья испытывали подчасъ его вліяніе. Въ «Лалла Рукъ» можно найти его слѣды; въ «Любви ангеловъ» (The love of the angels) Мура повторена тема «Неба и Земли», въ его «Басняхъ для Священнаго Союза» мотивъ сходенъ съ «Бронзовымъ вѣкомъ»; поэтическій дневникъ

---

[1]) Dawson, „Byron und Moore“. Dissertation. Leipz., 1902.

«Rhymes on the road» воспроизводитъ свиданіе Мура съ Байрономъ въ Венеціи; другъ Байрона, Сам. Роджерсъ, прошелъ по слѣдамъ «Гарольда» въ своей поэмѣ «Italy». Но эти отдѣльные факты не складывались въ понятіе о школѣ даже и до рокового перелома,— разрыва поэта съ родною страной,—послѣ него, среди розни и враждебности, свободное состязаніе стало немыслимымъ. Такъ, силою властныхъ обстоятельствъ байроновское вліяніе стало прежде всего *континентальнымъ*.

Но когда, въ началѣ 1812 года, «Чайльдъ-Гарольдъ» совершилъ свое блестящее вступленіе въ литературу и, почти безъ преувеличенія, «въ одно утро сдѣлалъ Байрона знаменитостью», эта знаменитость въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставалась исключительно англійской. Средней и восточной Европѣ, переживавшей кризисъ послѣдней борьбы съ Наполеономъ и освобожденія, какъ будто было не до чарующихъ впечатлѣній новой поэзіи. Она не сразу прислушалась не только къ изліяніямъ личной скорби и разочарованія, но и къ призывамъ и протестамъ британскаго поэта, дышавшимъ свободолюбіемъ, сочувствіемъ къ угнетеннымъ народамъ и внушеннымъ несомнѣннымъ пониманіемъ нуждъ современности. Лихорадочный восторгъ, возбужденный въ Англіи «Гарольдомъ», смѣнился фанатизмомъ, вызваннымъ пестрой фантасмагоріей «восточныхъ поэмъ», картинами знойнаго края, жгучихъ страстей,— пережитками перваго странствія Байрона; альтруизмъ и боевая политика уступили мѣсто красивому экзотизму, среди котораго выступали загадочные, непонятые міромъ родичи «Гарольда», «Корсары», «Гяуры», измученные душевною раздвоенностью, съ таинственнымъ прошлымъ, демоническою внѣшностью, безотчетной, но эффектно зловѣщей моралью, ставившей ихъ не разъ по ту сторону добра и зла. Крайнее напряженіе фантазіи, возбуждаемой ненасытнымъ спросомъ на сладкую отраву, отвлекало поэта, казалось, все дальше отъ благороднаго тона первой поэмы съ исповѣдью неудовлетворенной и негодующей личности и горячей заботой объ общемъ благѣ, столь цѣнной среди реакціи. Властитель думъ какъ будто замѣненъ былъ другимъ поэтомъ - меньшей силы, но большой красоты, чтобы вступить въ свои права лишь позднѣе, послѣ гоненій, борьбы и разрыва съ отечествомъ.

Когда это фантастическое intermezzo, во многомъ содѣйствовавшее укорененію одностороннихъ взглядовъ на Байрона, уже миновало, только тогда молва перешла, наконецъ, по ту сторону канала и стала проникать въ одну страну за другою. Если появленіе ея въ Россіи и фактическое начало русскаго байронизма, въ силу многихъ причинъ, запоздало, и русскіе ученики Байрона застали лишь около пяти лѣтъ жизни учителя,—нельзя не признать, что байроновское вліяніе на ли-

тературы, ближе связанныя съ англійской, установилось также не сразу, и иногда съ значительнымъ опозданіемъ.

Хотя во французской журналистикѣ сообщено было (въ замѣткѣ «Mercure de France» 1813 года) о появленіи «Чайльдъ-Гарольда» черезъ годъ послѣ его появленія, а затѣмъ, въ слѣдующіе два года, отмѣчено было изданіе «Корсара» и «Лары»,—въ 1816 только году въ Парижѣ вышелъ едва замѣченный первый переводъ изъ Байрона, «Абидосская невѣста», и лишь въ 1819 г. выпущены были первые два тома избранныхъ «Сочиненій» (главнымъ образомъ восточныя поэмы, кромѣ того—«Манфредъ», отрывки изъ «Гарольда» и т. д.), возбудившіе живое вниманіе, толки, статьи. Въ Германіи узнали Байрона нѣсколько раньше. Гёте свидѣтельствуетъ, что интересъ къ англійской поэзіи, въ частности къ Байрону, проявлялся съ 1816 года [1]); слѣды увлеченія имъ среди молодежи замѣтны въ 1817—18 годахъ, но лишь къ 1819 г. относится первый выдающійся результатъ его,—байронизмъ Гейне. Въ Италіи байроновское вліяніе окрѣпло съ 1820 года, въ Испаніи — съ 1823 г. Если сопоставить эти даты съ 1822 г., началомъ байронизма Мицкевича, и съ 1819 г., когда въ кружкѣ Вяземскаго и Жуковскаго увлекались Байрономъ, Батюшковъ и Козловъ переводили его, наконецъ, съ 1820 г., порою первыхъ байроническихъ произведеній Пушкина,—подтвердится фактъ всеобщей замедленности, съ другой же стороны—любопытное совпаденіе сроковъ почти во всѣхъ главныхъ литературахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ какое вначалѣ странное единодушіе въ сочувствіи пережитому уже Байрономъ настроенію и складу творчества! Онъ порвалъ навсегда съ отечествомъ, стихъ его «облился горечью и злостью», природа раскрыла передъ нимъ свое величіе и красоту, гнѣвно-обличительная лирика смѣнилась душевной трагедіей Манфреда и задумчивыми блужданіями Гарольда въ альпійскомъ мірѣ; наконецъ, первыя итальянскія впечатлѣнія, ожививъ поэзію Байрона новыми бытовыми красками, выдвинули контрастъ былого величія и свободы съ неволей и паденіемъ, сложились вдохновенныя строфы послѣдней пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» съ ихъ широкимъ всемірно-историческимъ захватомъ,—но для большинства поклонниковъ Байрона на континентѣ онъ, казалось, все еще былъ авторомъ «Корсара» и «Гяура». Демоническая маска, принятая имъ и навязанная его героямъ въ болѣзненно-возбужденную пору поэтическаго перепроизводства, была для нихъ дороже благороднаго чела, на которомъ глубоко отпечатлѣлись думы и стре-

---

[1]) Сравн. статью Ал. Брандля, „Goethes Verhältniss zu Byron, Göthe-Jahrbuch, XX Band, 1899.

мленія поэта. Его чаще всего величали пѣвцомъ «Корсара», а между тѣмъ невдалекѣ уже было появленіе первыхъ пѣсенъ «ДонЖуана»...

Страннымъ, можно сказать, уродливымъ эпизодомъ въ раннемъ періодѣ западнаго, особенно французскаго, байронизма является необыкновенная популярность... *не*-байроновскаго произведенія, которое, вопреки очевидности, служило немалую службу и въ распространеніи его извѣстности, и, съ другой стороны, въ накопленіи злобы и недовольства старой литературной школы. Это—«Вампиръ», развязная поддѣлка бывшаго секретаря Байрона, итальянца-авантюриста Полидори, который запомнилъ фабулу одного изъ «страшныхъ разсказовъ», импровизированныхъ однажды вечеромъ въ Женевѣ у Байрона поочередно каждымъ изъ собесѣдниковъ, обработалъ ее и пустилъ въ ходъ подъ байроновскимъ флагомъ. Сначала въ письмахъ къ друзьямъ, которымъ поручалось оглашать вездѣ его заявленіе, потомъ печатно протестовалъ Байронъ противъ поступка Полидори, рѣшительно отрицая всякое участіе въ его стряпнѣ; это не помѣшало большинству публики, преимущественно во Франціи, продолжать вѣрить въ подлинность «Вампира», переводчикамъ наперерывъ перелагать его на всѣ языки [1]), стихотворцамъ и романистамъ—подражать ему [2]), драматургамъ—передѣлывать его въ мелодрамы, водевилистамъ—пародировать эту моду, критикамъ—вести негодующія рѣчи о *вампиризмѣ*. Народное повѣрье греко-славянскаго міра, встрѣченное Байрономъ еще въ первое его путешествіе и отразившееся бѣглыми чертами въ раннихъ его произведеніяхъ (въ «Гяурѣ») [3]), стало въ глазахъ охранительной критики девизомъ погони за ужаснымъ, сверхъестественнымъ, которая показалась сначала сущностью байроновскаго направленія.

Издатель французскаго перевода этой полной кричащихъ эффектовъ вещицы, извѣстный въ свое время книгопродавецъ Ladvocat, не скрывалъ отъ близкихъ, что, задумавъ ввести въ оборотъ французской торговли произведенія поэта, вызвавшаго потрясающее впечатлѣніе въ Англіи, онъ выпустилъ «Вампира», какъ пробный шаръ. Когда любопытство было возбуждено, явились первые томы избранныхъ сочиненій Байрона, съ подборомъ пестрыхъ оріентальныхъ красокъ, съ группой надломленныхъ, загадочныхъ и страстныхъ героевъ, — и прочная побѣда

---

[1]) На русскій языкъ „Вампиръ" былъ переведенъ П. Кирѣевскимъ. М., 1828.

[2]) Сравн. напр., „Lord Ruthven ou les vampires", publié par l'auteur de „Jean Sbogar". Paris, 1820.

[3]) Изученію различныхъ обработокъ этого мотива въ литературѣ новаго времени посвящено нѣсколько изслѣдованій. Срав., напр., для нѣмецкой литературы Stephan Hock, „Die Vampirsage und ihre Verwerthung in der deutschen Literatur", 1900.

была одержана. Очарованію поддалась прежде всего группа молодежи, въ которой назрѣвала уже романтическая школа. На нѣсколько лѣтъ Байронъ сталъ ея кумиромъ; ея журналы повели, опираясь на его блестящій примѣръ, смѣлѣе борьбу противъ стараго начала, и въ отвѣтъ на ропотъ и хулы классиковъ, честившихъ ихъ направленіе кличками «поэзіи изступленія, неистовства», заявляя, что Байронъ никогда не будетъ въ состояніи сравняться хотя бы... съ Делиллемъ, провозгласили, устами молодого Филарета Шаля, Байрона «англійскимъ Дантомъ».

Но, несмотря на искренніе восторги, сколько односторонности въ сочувствіяхъ и предпочтеніяхъ! Вначалѣ лишь изрѣдка замѣтно неотразимое, казалось бы, вліяніе «Манфреда» или послѣднихъ главъ «Гарольда», зато другія стороны байроновскаго поэтическаго аппарата сразу выдвинулись и окружены особымъ почетомъ. Живописный оріентализмъ становится надолго однимъ изъ любимыхъ стихотворныхъ мотивовъ и приводитъ къ созданію «Orientales» Виктора Гюго [1]), двухъ восточныхъ поэмъ Пушкина, юношеской трагедіи Гейне «Альманзоръ». «Гяуръ» и «Корсаръ» дѣлятъ между собой всюду первыя симпатіи. Юный Альфредъ де-Виньи объявляетъ (въ статьѣ «Conservateur littéraire») «Гяура» однимъ изъ превосходнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, когда-либо появлявшихся. Съ перевода «Гяура» въ 1819 году (Пеллегрино Росси) началось знакомство итальянцевъ съ Байрономъ. Замыселъ перевести «Гяура»—первый фактъ увлеченія Мицкевича поэтомъ. Одинъ изъ самыхъ раннихъ переводовъ байроновскихъ поэмъ на русскій языкъ (онъ выполненъ былъ сыномъ Радищева, Николаемъ, скрывшимъ себя подъ иниціалами) [2]) — переложеніе «Гяура». «Корсаръ» восхищалъ французскихъ романтиковъ; съ него и съ «Гяура» началъ свое изученіе Байрона Леопарди,—одинъ изъ наиболѣе строгихъ критиковъ англійскаго поэта [3]),—осудилъ изображеніе исключительныхъ личностей и необычайныхъ характеровъ, какъ «несвойственное поэзіи» [4]), отмѣтилъ много искусственности и напряженія, но не могъ не признать «горячности» подобнаго творчества (una poesia caldissima). «Корсаръ» посвятилъ въ тайны байронизма Мицкевича. Пушкинъ признавался польскому другу,

---

[1]) См. работу Otto Moell, Beiträge zur Geschichte der Entstehung der „Orientales“ von Victor Hugo. Mannheim, 1901.

[2]) „Джяуръ“, отрывки турецкой повѣсти лорда Байрона, съ французск. Н. Р. Москва, 1822.

[3]) Его сужденія о Байронѣ охватываютъ довольно значительный періодъ, съ 1820 по 1823 годъ, и разсѣяны въ письмахъ и сборникахъ размышленій и замѣтокъ.

[4]) „Gli uomini di carattere straordinario non sono personaggi adattati alla poesia“. Pensieri di varia filosofia ecc., запис. 1820 г.

что «Корсаръ» возбудилъ въ немъ впервые съ особою силою поэтическій жаръ [1]).

Загадочная личность тяжкаго грѣшника, скрывающаго подъ монашескою рясой бурныя страсти и мрачное прошлое, надолго овладѣла фантазіей литературной молодежи во всей Европѣ, и именно въ сценѣ предсмертнаго признанія или исповѣди, въ «Гяурѣ», но она сплеталась съ мрачной фигурой собрата Гяура по душегубству и мстительности, корсара Конрада, непреклоннаго, но глубоко несчастнаго, новѣйшаго и эффектнаго представителя «разбойничьей романтики». Оба байроновскіе героя стали родоначальниками обширнаго потомства. Ихъ черты являются и въ «Траппистѣ» де-Виньи, и въ «Отцеубійцѣ» Лефевра, въ «Чернецѣ» Козлова, въ «Монахѣ» Словацкаго, въ недоконченномъ «Монахѣ» же чешскаго поэта Карла Махи; поэма «Ламбро» Словацкаго навѣяна въ тридцатыхъ годахъ «Корсаромъ», тогда какъ задуманная Пушкинымъ поэма «Разбойники» должна была, независимо отъ отголосковъ «Шильонскаго узника» въ фрагментѣ ея «Братья-разбойники» [2]), сблизиться по сюжету съ «Корсаромъ» [3]). Даже стоящій на исходѣ оріентальнаго періода байроновской поэзіи характеръ ренегата Ланчьотто, превратившагося въ магометанина Альпа («Осада Коринѳа») не остался безъ вліянія и отзвука, — и герой юношеской драмы Гейне, Вильямъ Ратклифъ,—сколокъ съ него.

И не объективное изображеніе роковыхъ натуръ привлекало молодыхъ фанатиковъ. Какъ въ Англіи, въ пору появленія поэмъ, всюду манила къ себѣ и возбуждала подражаніе таинственная, искусно передающаяся читателю близость исторіи вымышленныхъ героевъ съ личною судьбою автора, все разраставшаяся у него до рокового перелома 1816 года, передъ которымъ поблѣднѣли прежнія преувеличенныя страданія, склонность вызывать неопредѣленными намеками и общимъ колоритомъ настроенія фантастическія, суевѣрныя представленія. Какъ заманчиво было набросить и на свои созданія дымку чего-то пережитого, выстраданнаго, навсегда залегшаго раною на душѣ! Какъ красиво смотрѣлъ въ новомъ нарядѣ борецъ противъ судьбы и людей, ближайшій родичъ разочарованныхъ героевъ Гете, Шатобріана, Фосколо! На время онъ оттѣснилъ прямого, казалось, ихъ потомка, Чайльдъ-Гарольда,—и ста-

---

1) „Po przeczytaniu Byronowskiego „Korsarza" Puszkin poczul sie poeta" (Некрологъ Пушкина, первоначально появившійся въ журналѣ „Le Globe" 1837).

2) „Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ „Шильонскаго узника",—писалъ Пушкинъ Вяземскому, 1823, — это—несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно".

3) Сравн. объ этомъ мнѣніе Л. Н. Майкова, „Пушкинъ, біограф. матеріалы" и т. д., 1899, стр. 157—59.

рая школа, встревоженная нашествіемъ поэтической ереси, проповѣдывавшей широкую свободу творчества, отождествляла идеалъ своихъ противниковъ далеко не въ образѣ задумчиваго и тоскующаго печальника.

Но и другія частности художественнаго аппарата восточныхъ поэмъ плѣняли, вызывая на подражаніе. Страстныя или тоскующія, беззавѣтно любящія героини; сильными мазками набросанный характеръ стараго оріентала, деспота и тирана, снятый когда-то Байрономъ съ Али-паши янинскаго; бытовыя черты, съ большою наблюдательностью подмѣченныя авторомъ; роскошная поэзія южныхъ ландшафтовъ и въ особенности введенная Байрономъ въ художественный обиходъ новыхъ временъ *поэзія моря*,—все воспроизводилось и повторялось. Гюльнару, Медору, Зюлейку, обступаютъ со всѣхъ сторонъ иноземныя сверстницы; Марія Мальчевскаго, Зарема, Черкешенка, Марія Потоцкая Пушкина, таинственный «пажъ», спутникъ Ламбро, Словацкаго. Вокругъ Байроновскаго Джафира («Абидосская невѣста») собирается группа грозныхъ и свирѣпыхъ старыхъ Османли, съ Пушкинскимъ Гиреемъ во главѣ. Въ поэмахъ часто вѣетъ морскою свѣжестью, на пейзажъ набросаны самодѣльно-южныя краски.

Не выдерживая сравненія съ этой силой впечатлѣній, стоитъ первоначальное вліяніе «Чайльдъ-Гарольда». Отдѣльныя частности его восхищали и удостоились множества переводовъ, особенно «Прощаніе», явившееся, между прочимъ, однимъ изъ первыхъ переложеній Гейне. Съ варіаціи на тему изъ «Гарольда»,—«Погасло дневное свѣтило», — написанной во время переѣзда съ Кавказа въ Крымъ, въ 1820 году, начинается байроническій періодъ у Пушкина. На годъ раньше Батюшковъ переложилъ двѣ строфы даже изъ четвертой, незадолго передъ тѣмъ появившейся пѣсни «Гарольда»—«Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ»,—какъ полагалъ Л. Н. Майковъ, получивъ въ Неаполѣ письменный переводъ ихъ на французскій языкъ отъ знакомыхъ англичанъ-туристовъ [1]). «Чайльдъ-Гарольду» пришлось, повидимому вмѣстѣ съ «Корсаромъ», прежде другихъ произведеній Байрона посвятить Пушкина въ тайны байронизма, но, воспринявъ отъ него первое впечатлѣніе, русскій поэтъ все же свернулъ, подобно западнымъ современникамъ, на торную дорогу подражанія «восточнымъ поэмамъ», чтобы въ «Онѣгинѣ» опять вернуться къ гарольдовской темѣ. Значеніе поэмы въ ея цѣломъ лишь съ годами обрисовалось передъ нимъ, зато въ 1830 году, объясняя въ «Замѣткахъ», почему онъ задержалъ выпускъ послѣднихъ главъ «Онѣгина», и признаваясь, въ своемъ описаніи, что «шутливую

---

[1]) Сочин. К. Батюшкова, I, 1887, примѣч. къ стихотвор., стр. 439.

пародію» могли бы принять «за неуваженіе къ великой и священной памяти», онъ съ глубокимъ сочувствіемъ заявлялъ, что «Childe Harold *стоитъ на такой степени*, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла родиться».

Для того движенія, которое, подъ флагомъ ли романтизма, или безъ опредѣленной пока окраски, искало свободы поэзіи, даже одностороннее пониманіе байронизма было желанной опорой. Имя поэта объединяетъ, группируетъ силы; изученію его произведеній посвящаютъ себя возникающіе литературные кружки; въ журналахъ и альманахахъ Франціи, Германіи являются первыя статьи о Байронѣ; критики, даже представители эстетики, заносившіе новшества на университетскія каѳедры, указываютъ молодымъ стихотворцамъ на англійскаго поэта, какъ на высокій образецъ. Въ 1821 г. парижскій кружокъ, главными дѣятелями котораго являлись Альфредъ де-Виньи и Викторъ Гюго, «Société des bonnes lettres», задался цѣлью читать и объяснять Байрона. Въ забытыхъ теперь журнальчикахъ-застрѣльщикахъ романтическаго отряда съ главнымъ его органомъ «Le Globe»,—въ «Conservateur littéraire», «Annales de la littérature», наконецъ въ «Muse française»,—читатель находилъ, рядомъ съ переводами изъ Байрона, этюды о немъ, циклъ которыхъ открывается статьей де-Виньи. Байроновская мода стала проникать въ салоны, подпадавшіе англоманству, которое еще съ начала вѣка энергически пропагандировалось во Франціи такимъ апостоломъ, какъ г-жа Сталь, со времени сближенія съ поэтомъ способствовавшая распространенію байроновскаго культа. Въ Парижѣ такимъ очагомъ свѣтскаго байронизма былъ салонъ Стапфера, въ Берлинѣ—салонъ поэтессы Элизы Hohenhausen, покровительницы молодого Гейне. Мода проникала даже въ провинцію. Бальзакъ, конечно, срисовалъ съ натуры, съ юморомъ освѣтивъ его, портретъ законодательницы вкуса въ захолустномъ Ангулемѣ, madame Bargeton, которая съ фанатизмомъ поддалась вліянію тѣхъ «новыхъ писателей, что нахлынули на Францію послѣ заключенія мира», и въ особенности Байрона, тщетно ищетъ въ окружающей жизни байроновскихъ героевъ и готова нарядить въ ихъ одежду влюбленнаго въ нее уѣзднаго стихотворца-новичка [1]). Въ pendant къ этому захолустному энтузіазму во французскомъ обществѣ можно поставить такіе факты, какъ поклоненіе Байрону заброшеннаго на дальній сѣверъ Германіи, въ Шлезвигъ, литератора-дилеттанта Фр. Якобсена, который не только переводилъ и печатно объяснялъ любимаго поэта [2]), но вступилъ съ нимъ въ переписку, и съ наивностью,

---

1) Illusions perdues. Scènes de la vie de province. I, „Les deux poètes".

2) Въ своей книгѣ „Briefe an eine deutsche Edelfrau über die neuesten englischen Dichter", 1820.

чуть не растрогавшею Байрона, молилъ о личномъ свиданіи [1]), — или сцена (о которой вспоминалъ впослѣдствіи Стендаль) въ одной интеллигентной гостиной въ Болоньѣ, гдѣ чтеніе вслухъ «Паризины» было невольно прервано вслѣдствіе охватившаго всѣхъ слушателей волненія и восторга. Наконецъ, сказали мы, склонялись передъ Байрономъ и научные авторитеты. Такъ, одинъ изъ вождей первой романтической школы, Августъ-Вильгельмъ Шлегель,—во время своихъ сношеній съ г-жею Сталь лично узнавшій Байрона,—уже въ пожилые годы, съ авторитетомъ профессуры указалъ своему тогдашнему поклоннику, студенту Генриху Гейне, на значеніе байроновской поэзіи и побудилъ его къ переводамъ изъ англійскаго поэта.

Въ дальнихъ европейскихъ странахъ, крайнихъ пунктахъ, до которыхъ докатилась волна байронизма, повторялись тѣ же явленія. Сначала пропаганда ограничивалась отдѣльными островками, въ родѣ семейнаго кружка Раевскихъ, передавшихъ Пушкину на Кавказѣ вмѣстѣ съ искреннимъ и толковымъ англоманствомъ увлеченіе Байрономъ, или друзей Вяземскаго,—въ родѣ виленскихъ или варшавскихъ студенческихъ группъ, гдѣ читались и волновали воображеніе восточныя поэмы и «Гарольдъ», и гдѣ Мицкевичъ получилъ первыя байроническія впечатлѣнія. Затѣмъ стали являться (переводныя) статьи, сообщавшія свѣдѣнія о необычайной личности поэта,—котораго въ первые годы не умѣли даже правильно назвать [2]), и о его творчествѣ. Такова первая толковая и сочувственная статья о предметѣ, явившаяся по-русски,— «Историческій опытъ объ англинской поэзіи и нынѣшнихъ англинскихъ поэтахъ», переведенная въ 1821 г. изъ «Revue encyclopédique» [3]). Наконецъ, поддержанное усиленнымъ появленіемъ переводовъ изъ Байрона, главнымъ образомъ французскихъ, движеніе идетъ вглубь и вширь, и со временемъ не останется ни одного интеллигентнаго и воспріимчиваго къ литературѣ человѣка, который смогъ бы удержаться внѣ его.

Разнообразіе состава первыхъ нашихъ байроническихъ группъ, объединявшихъ и писателей, и дилеттантовъ, и тѣхъ путей, по которымъ заносилось новое вліяніе, вмѣстѣ съ вызваннымъ имъ нервнымъ возбужденіемъ, заставлявшимъ всю натуру человѣка встрепенуться,—

---

[1]) Byron, Works, Letters, vol. V, 426.

[2]) Въ первые годы его постоянно называли у насъ Бейрономъ. Вяземскій шутливо звалъ Пушкина Бейрономъ Сергѣевичемъ. Впрочемъ, подобное же затрудненіе возникало и въ другихъ странахъ. Передавая въ письмѣ къ брату о сильномъ впечатлѣніи, которое производитъ на него поэтъ, Сильвіо Пеллико поясняетъ, что это Lord Byron *che si pronuncia Bairon*".

[3]) „Сынъ Отечества", 1821, № 35, стр. 60—64. Переводъ присланъ изъ Тульчина И. П—ко.

любопытный матеріалъ для изученія воспріимчивости русскаго литературнаго вкуса. Ни одно великое на Западѣ имя, ни одно направленіе не вызывали дотолѣ въ нашей общественной средѣ и въ литературѣ такого внезапнаго и дружнаго волненія, ни французскіе классики, ни вольтерьянство, ни Гёте, ни нѣмецкіе романтики. Призывъ слышится съ разныхъ сторонъ: Батюшковъ узнаетъ байроновскую поэзію въ Неаполѣ, недавній арзамасецъ Блудовъ—въ Лондонѣ, откуда посылаетъ Жуковскому съ товарищами такія новинки, какъ «Мазепа» или ода къ Венеціи [1]), Вяземскій—въ Варшавѣ, гдѣ въ байроновскомъ культѣ братались тогда русскіе и польскіе энтузіасты; Уварову, раньше другихъ узнавшему Байрона, чудились еще въ 1817 г. родственныя его таланту черты у Жуковскаго [2]). Сначала связывала зависимость отъ французскихъ переводчиковъ. «Кто въ Россіи читаетъ по-англински и пишетъ по-русски? Давайте мнѣ его сюда! Я за каждый стихъ Байрона заплачу ему жизнью своею!» восклицалъ Вяземскій. Но Жуковскій уже могъ читать Байрона въ подлинникѣ; у Раевскихъ это чтеніе было дѣломъ обычнымъ; Козловъ въ три мѣсяца научился по-англійски, лишь бы непосредственно изучать любимаго поэта; нѣсколько запоздавшій съ своимъ байронизмомъ Пушкинъ учится на Кавказѣ языку Байрона прямо по его поэмамъ.

И, воспринятое изъ источника или черезъ толмачей [3]), творчество Байрона вливаетъ всюду новую жизнь. Жуковскій и его друзья во все лѣто 1819 г. зачитывались Байрономъ; Жуковскій, по словамъ А. И. Тургенева, «имъ бредилъ»; въ планахъ его *много* переводовъ изъ англійскаго поэта, который сталъ для него «геніемъ-воскресителемъ»; кромѣ замысла перевести «Гяура», онъ носился, по свидѣтельству того же друга, съ планомъ «выкрасть лучшее» изъ «Манфреда», «произведенія уродливаго, но приводившаго ихъ въ восхищеніе». Когда же заграничное путешествіе привело его на берега Женевскаго озера, къ Шильонскому зáмку, онъ перевелъ съ особою любовью «Prisoner of Chillon». Тоньше многихъ чувствовашій въ молодые годы истинныя красоты Байрона, Вяземскій увлеченъ четвертою пѣсnью «Гарольда», любуется «скалой, изъ

---

[1]) „Остафьевскій Архивъ“, I, 281—82.

[2]) Въ статьѣ петербургскаго журнала „Conservateur impartial“, 1817, № 77.

[3]) Первые переводы наши изъ Байрона были въ прозѣ. Въ „Трудахъ вольнаго Общества люб. словесн.“, 1821, часть 15, стр. 298—310, помѣщены были отрывки изъ „Шильонскаго узника“ въ переводѣ Н. Р. Тогда же вышла книга „Выборъ изъ сочиненій лорда Бейрона, переведенныхъ съ французскаго М. Каченовскимъ“. М. 1821, (Осада Коринѳа, Калмаръ и Орла, Мазепа, Гяуръ, Абидосская невѣста). Переводы помѣщались Воейковымъ въ „Новостяхъ Литературы“ 1823—25 г. („Леандрова ночь“, изъ Абидосской невѣсты и друг.).

коей бьетъ море поэзіи», «жизнью, коей стало бы на цѣлое поколѣніе поэтовъ», и принимается за переводы въ прозѣ и стихахъ, болѣзненно чувствуя несовершенство передачи «поэтическаго изступленія, дикихъ криковъ сердца». Для И. Козлова байроновская поэзія явилась отрадой и откровеніемъ среди физическихъ страданій, свѣточемъ среди постигшей его слѣпоты, переломомъ отъ свѣтской жизни къ художеству. Развивъ въ себѣ удивительную память, онъ, по свидѣтельству друзей, «зналъ наизустъ всѣ поэмы Байрона»; переводы отрывковъ и подражанія, переложеніе «Невѣсты Абидосской», байроническая основа «Чернеца», задушевная тризна, которою «безропотный страдалецъ» сумѣлъ со временемъ почтить память кумира своего, вѣрно оцѣнивъ главныя черты его значенія для современности,—все говоритъ о необыкновенной силѣ вліянія. Такой же свѣтъ отбросила байроновская поэзія и на надвигавшуюся, не физическую, а душевную тьму у Батюшкова. Съ той поры, когда его, воспитаннаго на эллинскихъ и итальянскихъ образцахъ, коснулась эта горячая струя, и его поразила необыкновенная популярность Байрона у итальянцевъ, которымъ онъ говорилъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи [1]), до самой смерти, въ теченіи десятковъ лѣтъ надломленнаго существованія въ его сознаніи жилъ образъ великаго и сильнаго поэта [2]). Въ средѣ старшихъ стихотворцевъ встрепенулся даже Василій Львовичъ Пушкинъ, грузный арзамасскій *Вотъ!*, поклонникъ французскихъ классиковъ, и въ 1821 г. изумилъ московскихъ друзей тѣмъ, что «возился съ воззваніемъ къ грекамъ изъ Байрона и видимо «желалъ войны, чтобы напечатать его» [3]).

А молодое поколѣніе! Значеніе Байрона призналъ и Грибоѣдовъ, по пріѣздѣ изъ Персіи заставшій въ русскомъ обществѣ и литературѣ развившійся безъ него культъ, подсмѣялся надъ модой, которая заставляла даже habitués Англійскаго клуба толковать о Байронѣ», какъ о «матеріи важной» на ряду съ «камерами, присяжными» и т. д., поразившій А. Бестужева независимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственнымъ отзывомъ о поэзіи Гёте и Байрона [4]) и со временемъ, сидя подъ арестомъ при Главномъ Штабѣ, услаждавшій себя чтеніемъ «Чайльдъ-Га-

---

1) Такъ передавалъ со словъ Батюшкова А. Тургеневъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, 1820 г. „Русск. Архивъ", 1867, стр. 652.

2) Любопытно свидѣтельство психіатра, д-ра Дитриха, 1829 года, о частыхъ упоминаніяхъ больнымъ Батюшковымъ Шатобріана, котораго онъ называлъ святымъ, и всегда вмѣстѣ съ нимъ Байрона. Сочин. Батюшкова, изд. подъ ред. Майкова, I, 339. Сохранилось письмо Батюшкова къ умершему уже Байрону, гдѣ говорится о желаніи читать его стихи въ подлинникѣ.

3) Письмо Вяземскаго А. Тургеневу, „Остафьевск. Архивъ", II, 213.

4) „Знакомство съ Грибоѣдовымъ", „Отечеств. Записки" 1860, X; см. также введеніе Ксенофонта Полевого къ изданію „Горе отъ ума". Спб. 1839.

рольда» [1]). Полный радикальнаго задора и отголосковъ новѣйшей французской политической прессы и боевой поэзіи, Кюхельбекеръ въ путешествіи во Францію посвященъ былъ въ тѣ же таинства, вынесъ романтическій трепетъ передъ «глубиною мрака, въ который сходитъ Байронъ безтрепетный, неустрашимый», передъ талантомъ «живописца нравственныхъ ужасовъ, опустошенныхъ душъ и сердецъ раздавленныхъ, живописца душевнаго ада, наслѣдника Данта» и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое сочувствіе общественной дѣятельности поэта. Будущіе издатели «Полярной Звѣзды», Бестужевъ и Рылѣевъ, одинъ за другимъ усвоили себѣ тѣ же симпатіи; авторъ «Думъ», неспособный къ литературному идолопоклонству, сохранилъ самостоятельность и въ сочувствіи родственной ему натурѣ, видя въ Байронѣ прежде всего поэта политическаго и соціальнаго сатирика, богатаго «поразительными идеями, чувствами, красками», вознесшагося въ «Донъ-Жуанѣ» до невѣроятной степени, ставшаго и выше пороковъ, и выше добродѣтелей» [2]). Байроновскій отблескъ освѣтилъ на время и чувствительную душу Дельвига; «поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая—твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка—не убивай вдохновеннаго поэта,—напиши поэму славную, напиши своего *Монаха*!»—заклиналъ его Пушкинъ въ письмѣ изъ Кишинева 1821 г. [3]). Ряды приверженцевъ Байрона, его переводчиковъ или послѣдователей, все умножались. Николай Бестужевъ перевелъ прозой «Паризину», Плетневъ посвятилъ переводу Жуковскимъ «Шильона» сочувственную Байрону статью, свидѣтельствующую о «неизгладимомъ впечатлѣніи» [4]). Говорить ли о мелкихъ, хотя усердныхъ работникахъ, съ ранней поры потрудившихся надъ общимъ дѣломъ,—разныхъ Олиныхъ, Сомовыхъ и т. д. [5]), или о томъ забытомъ теперь поклонникѣ поэта, который, прочитавъ въ иностранныхъ газетахъ баснословное извѣстіе о заключеніи его въ тюрьму въ

---

[1]) Письмо Грибоѣдова къ Булгарину 17 февр. 1826. Сочин., изд. Шляпкина, I, 215.

[2]) Сочин. и переписка Кондр. Ѳ. Рылѣева, Спб. 1872, 242, письмо къ Пушкину 12 мая 1825.

[3]) Соч. Пушкина, изд. подъ ред. Ефремова, VII, 24.

[4]) Переводъ Бестужева—въ Трудахъ вольн. Общества Люб. Слов., 1822, часть 71; статья Плетнева—тамъ же, 1821, часть XIX.

[5]) Сомову принадлежала любопытная статья „О романтич. поэзіи", Труды вольн. Общ. люб. слов., („Больше всего,—говоритъ между прочимъ критикъ,—Байронъ живописуетъ себя въ Ch. Harold, гдѣ подъ вымышленнымъ лицомъ передаетъ намъ свои чувствованія, страданія и докучливую тоску, влачившую его изъ края въ край искать разсѣянія. Иногда существо, имъ описываемое, упадаетъ до пороковъ унизительныхъ, но въ самомъ паденіи своемъ отличается какою-то гордостью, показывающею, что оно не зависитъ отъ обстоятельствъ.)

Италіи, далъ волю соболѣзнованію въ стихотвореніи «Байронъ въ темницѣ»? [1]).

Но, далеко оставляя за собой и старшихъ годами неофитовъ байронизма, и молодыхъ сверстниковъ, случайно замедливъ починъ свой, но тѣмъ горячѣе отдаваясь впечатлѣнію и вліянію, шелъ тотъ, кого и общая молва, и приговоръ критики, и мнѣніе писателей-товарищей прочили въ вожди движенія, въ главы школы,—А. Пушкинъ. Къ роковой веснѣ 1824 года, когда не стало Байрона,—къ порѣ, замыкающей собою первый періодъ всеобщаго байронизма,—Пушкинъ, казалось, превозмогъ и русскихъ, и славянскихъ, и западно-европейскихъ собратій по направленію напряженностью и обиліемъ своей творческой работы. Три законченныхъ поэмы, три главы «Онѣгина», монологъ-отрывокъ «Братья-разбойники», рядъ стихотвореній, страстно пережитый байроническій эпизодъ греческаго возстанія въ Молдавіи съ внезапно вспыхивающими отраженіями его въ стихахъ и письмахъ,—и неисчерпанный, казалось, запасъ вдохновенія, сулившій большую дѣятельность въ томъ же духѣ, — богатая смѣна поэтическихъ впечатлѣній, разочарованности, оріентализма, соціальнаго протеста, ѣдкой сатиры, постановки міровыхъ вопросовъ,—все указывало въ Пушкинѣ лучшаго представителя байронической «школы» въ русской поэзіи данной поры и одного изъ выдающихся байронистовъ Европы.

На почвѣ, подготовленной проповѣдью романтизма, какъ залога возрожденія и свободы для поэзіи, въ особенности благодаря агитаціи Казимира Бродзинскаго, байроновское вліяніе въ польской литературѣ прививалось все замѣтнѣе со времени первыхъ вѣстей о творчествѣ Байрона, проникшихъ въ Польшу почти въ ту же пору, какъ и въ Россію. Изъ обычныхъ явленій — увлеченія, восторговъ, дилеттантскихъ копій, переводовъ—здѣсь сначала не выдѣлилось однако дружно спѣвшейся группы поэтовъ, которые открыто подняли бы байроновское знамя. Одиночные піонеры шли впередъ сознательно и твердо, отдавая дѣлу лучшія силы и лучшіе годы свои. Правда, то были люди большихъ дарованій, въ родѣ Мальчевскаго, или блиставшіе геніальностью, какъ юный Мицкевичъ... Въ лицѣ Мальчевскаго польскій начальный байронизмъ смогъ войти даже въ непосредственную связь съ самимъ виновникомъ движенія. Во время пятилѣтняго житья за границей Мальчевскій сблизился въ Венеціи съ Байрономъ, и до сихъ поръ держится пре-

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1822, № 43, стр. 121—25. „Британія, страна Шекспира и Невтона, страна, гдѣ я вкусилъ и жизнь, и бытіе... привѣтствую тебя изъ сей темницы дальней, въ глубокой мрачности вздыхаю о тебѣ“,—говоритъ Байронъ. Авторомъ былъ офицеръ Габбе.

данiе, что именно онъ указалъ поэту на фабулу «Мазепы» [1]). Разбитый жизнью, разочарованный въ людяхъ и идеяхъ, чуть ли не кончившiй самоубiйствомъ, онъ на мрачномъ фонѣ историческаго сюжета своей «Марiи» расположилъ изліянія души, истомленной и жаждущей покоя, и съ отголосками «Корсара» слилъ польско-украинскія картины и собственную исповѣдь. Неподдержанный при жизни, осужденный лишь на загробную славу, но несомнѣнный провозвѣстникъ направленія, онъ не могъ не уступить мѣсто сильнѣйшему сопернику; изъ лирическихъ восторговъ бывшаго виленскаго студента, увлеченнаго идеей національнаго возрожденія члена общества «филаретовъ»,—восторговъ, побудившихъ его «все на свѣтѣ забросить, всѣ книги забыть» для Байрона, выработался апостолъ его, выразившiй глубокое его пониманiе въ нѣсколькихъ сильныхъ произведенiяхъ.

Послѣ первыхъ впечатлѣнiй, вызванныхъ въ Италiи, какъ и всюду, восточными поэмами и волнующей умы легендой о Байронѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ, не романтической сторонѣ его поэзiи, но отвагѣ освобождающей мысли, заступничеству словомъ и дѣломъ за страдающiе народы, преданности итальянской идеѣ и общенiю многихъ выдающихся людей съ Байрономъ послѣ переселенiя его въ Италiю байронизмъ обязанъ былъ своей политической окраской. Съ тѣхъ поръ, какъ явились четвертая пѣснь «Чайльдъ-Гарольда» [2]) и «Пророчество Данта» съ ихъ призывами къ освобожденiю, презрѣнiемъ къ тиранамъ, протестомъ противъ реакцiи, и какъ разнеслась молва о дѣятельномъ участiи поэта въ добыванiи свободы, о его связяхъ съ карбонаризмомъ, совершилась какъ бы натурализацiя Байрона; въ немъ видѣли прежде всего «друга Италiи». Если раннiе сторонники его, въ родѣ Сильвiо Пеллико или Монти [3]), признали уже въ немъ великую политическую силу, то новыя байроновскiя творенiя, совпадая съ революцiоннымъ движенiемъ въ Романьѣ и Неаполѣ, привлекали возраставшее сочувствiе молодого поколѣнiя. «Каинъ», «Манфредъ», англiйская политическая сатира Байрона отодвигались въ тѣнь, орiентализмъ его былъ забытъ, но отзвукъ его на современныя нужды Италiи цѣнился все выше. Въ этомъ сочувствiи и пониманiи, какъ въ школѣ свободы, воспиталось поколѣнiе будущихъ дѣятелей нацiональной политики, общественной науки, передовой литературы. Мадзини еще на скамьѣ генуэзскаго университета привыкъ смо-

---

[1]) Объ этомъ есть свидѣтельство друга Мальчевскаго, Мих. Модзелевскаго, сообщенное въ „Kurjer Warszawski", 1873, № 108.

[2]) Переводъ, принадлежавшiй Микеле Леони, былъ немедленно конфискованъ во всей Италiи, что, разумѣется, усилило его извѣстность и распространенiе.

[3]) Оба они проектировали издать совмѣстно свои переводы его поэмы. Muoni, „La fama del Byron". 1903, 20.

трѣть на Байрона, какъ на одного изъ величайшихъ поэтовъ міра, на ряду съ Дантомъ и Шекспиромъ, и какъ на перваго изъ современныхъ поэтовъ [1]). Съ годами это поклоненіе все усиливалось, и великій агитаторъ нашелъ среди тревогъ своихъ возможность выразить его въ глубоко прочувствованномъ этюдѣ о Байронѣ. Съ классическихъ высотъ спустился къ англійскому поэту, лично узнавшему и выше всѣхъ итальянцевъ цѣнившему его, Джордани, столь сильно повліявшій на Леопарди. Самъ Леопарди, не сдаваясь совсѣмъ байронизму, какъ будто захваченъ былъ общимъ потокомъ, и въ ѣдкихъ стихотвореніяхъ противъ австрійцевъ или въ задуманной имъ (и отчасти написанной) одѣ, привѣтствовавшей начало греческаго возстанія въ 1821 г. [2]), заплатилъ дань господствовавшему настроенію. Одинъ изъ уроженцевъ родного ему Реканати, гр. Лавиніо Спада, пропагандировалъ между студентами пизанскаго университета вкусъ къ поэзіи Байрона, посвятивъ въ него своего товарища, будущаго романиста Гверрацци, и изъ этого неофита выработался одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ итальянскихъ байронистовъ, «многіе годы глядѣвшій на все очами любимаго поэта». Боевое направленіе байроновскаго творчества подняло духъ изгнанника Фосколо,—казалось, чисто вертеровской натуры, вдававшейся въ пессимизмъ,—а изъ младшихъ рядовъ эмиграціи (въ Лондонѣ) послышался полный страсти голосъ романтика Giovanni Berchet, въ своихъ «Бѣглецахъ изъ Парги» (I Profughi di Parga) [3]) заступившагося по-байроновски за грековъ и въ политическихъ стихотвореніяхъ выступавшаго пѣвцомъ итальянской революціи,—быть-можетъ, типичнѣйшаго изъ итальянскихъ байронистовъ.

Ту же политическую окраску получило вліяніе Байрона въ Испаніи. Способное живымъ словомъ нарушить закоснѣлую летаргію любого народа, оно и здѣсь выполняло эту задачу. Въ странѣ, которая, послѣ стойкой борьбы за свободу, отмѣтившей собою начало вѣка, и нѣсколькихъ революціонныхъ судорогъ въ двадцатыхъ годахъ отдана была на жертву клерикализму Бурбонской реакціи, явились лучомъ свѣта переложенія или подражанія, внесенныя въ испанскую литературу изъ Байрона эмигрантами, спасшимися во Францію; основанный въ Барселонѣ въ 1823 году первый романтическій органъ, журналъ «El Europeo», стараніями ихъ прививалъ вкусъ къ Байрону и В.-Скотту [4]); потомъ

---

1) Bolton King, „Mazzini". Firenze, 1903, p. 7—8.

2) Сравн. Giov. Mestica, „Studi leopardiani". Firenze, 1901, p. 33, 500.

3) Написаны въ 1821 г., ходили по рукамъ, напечатаны въ Лондонѣ 1824.

4) Ср. объ этомъ моментѣ въ новой испанской литературѣ—Fitzmaurice Kelly, Historia de la literatura española, traduc. y anotada p. A. Bonilla y San Martin, p. 495.

стали выступать ученики поэта,—прежде другихъ Angelo de Saavedra, герцогъ Ривасъ. Въ байроновской поэзіи открылся источникъ жизни и для національной литературы, и для общественнаго движенія. Съ глубокимъ сочувствіемъ видѣли, какъ въ первой пѣснѣ «Гарольда», еще на разсвѣтѣ поэтической дѣятельности, Байронъ выступилъ пророкомъ испанскаго освобожденія, пѣвцомъ геройской борьбы народа противъ Наполеона, и спѣшили оповѣстить родинѣ о такомъ поэтѣ. Воображеніе южанъ плѣнялось и пестрыми красками восточныхъ поэмъ, и титаническими контурами героевъ, но надъ всѣмъ, взяли верхъ міровая сатира «Донъ-Жуана» (привлекшая вниманіе и остроумнымъ введеніемъ, взятымъ изъ испанскаго быта) и отзывчивый субъективизмъ «Ч.-Гарольда»; въ послѣ-байроновскій періодъ они вызвали къ жизни лучшее украшеніе испанскаго байронизма, поэзію Эспронседы, съ безчисленными отраженіями быта, нравовъ, застоя, суевѣрія, отсталости, съ призывомъ изъ мрака къ свѣту.

II.

Прослѣдивъ распространеніе байронизма по племенамъ и литературнымъ группамъ, обозрѣвъ силы, которыми онъ располагалъ съ первыхъ проблесковъ до той поры, когда движеніе развилось и пошло полнымъ ходомъ, необходимо подвести итоги достигнутымъ въ первый періодъ поэтическимъ результатамъ, и по существу, и въ связи съ дѣйствительнымъ содержаніемъ байроновскаго творчества, указавшаго образцы, возбуждавшаго вдохновеніе. Разноплеменная, несходная по дарованію группа писателей сойдется здѣсь, сопоставятся и произведенія, предназначенныя уловить различными оттѣнками, путями и формами тайну чарующей поэзіи учителя.

Какъ бы ни казалось это страннымъ на первый взглядъ, во главѣ цѣнителей Байрона, съ ранней поры сумѣвшихъ понять его настоящее значеніе, слѣдуетъ поставить—въ исключительномъ положеніи—старца Гёте. Его «байронизмъ» не походилъ—и не могъ походить—на юношески-страстное преклоненіе или безотчетную сдачу творческой силы, воли и воображенія во власть своего кумира, но былъ глубже и сознательнѣе многихъ проявленій байроновскаго культа. Съ того времени, когда въ первыхъ произведеніяхъ Байрона ему послышался голосъ необычайно даровитаго поэта съ независимо развившейся личностью, онъ съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за его ростомъ и судьбой. «Корсаръ» и «Лара» выказали ему въ Байронѣ «большое знаніе человѣческой природы и замѣчательное искусство въ описаніяхъ»; даже въ разрывѣ съ женой и въ тайнѣ, окружившей его «семейную» трагедію, необыкно-

венно много поэзіи; самъ Байронъ не могъ бы изобрѣсти фабулы, болѣе соотвѣтствующей его генію [1]). Съ появленія «Манфреда» удивленіе и сочувствіе становятся еще интенсивнѣе. Дневникъ Гёте показываетъ, какъ подготовленъ онъ былъ къ сильнымъ впечатлѣніямъ драмы богатымъ подборомъ байроновскихъ новостей, «Шильонскаго узника», «Осады Коринѳа», «Паризины»; когда же молодой американецъ привезъ ему «Манфреда», онъ не могъ оторваться отъ чтенія, далеко за полночь; въ слѣдующіе дни дважды перечиталъ драму, вскорѣ принялся за переводы изъ нея (намѣтилъ онъ четыре отрывка, въ томъ числѣ вступительный монологъ и сцену съ Астартой) [2]), написалъ разборъ «Манфреда» и въ немъ, какъ во многихъ оцѣнкахъ и замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ въ его «Разговорахъ» съ различными выдающимися людьми, тонко проводилъ параллель между своимъ «Фаустомъ» и «Манфредомъ», отстаивая самостоятельность англійскаго поэта. Неукротимость титаническихъ порывовъ шла, казалось, въ разрѣзъ съ объективностью и мудрымъ спокойствіемъ величаваго старческаго заката, но, любуясь мятежнымъ натискомъ своего любимца, котораго онъ уже въ 1819 г. объявлялъ «единственнымъ великимъ поэтомъ современной поры», Гёте чувствовалъ и объяснялъ всѣ новизны, всѣ переходы въ его поэзіи. Неукротимость Манфреда, не сдавшагося и передъ лицомъ смерти, философская глубина «Каина», вызвавшая гётевскую статью о мистеріи, рѣзко выдѣляющуюся изъ хора проклятій и осужденій, которыя обрушились на атеиста, библейская картина «Неба и Земли», также побудившая его къ переводу отрывковъ [3]), удары сатирическаго бича въ «Видѣніи Суда» и «Донъ-Жуанѣ», приводившемъ Гёте въ восхищеніе,— все умѣлъ онъ понять и оцѣнить, и въ лирическихъ своихъ стихотвореніяхъ невольно подпадалъ порою байроновскому вліянію [4]). Когда періодически стали появляться пѣсни «Донъ-Жуана» и снова поднялись вопли о безнравственности и вольномысліи, Гёте раньше и полнѣе многихъ почувствовалъ величіе лучшаго изъ созданій поэта, рѣшительно возставая противъ мнѣнія, будто при всей красотѣ байроновскаго творчества оно не принесетъ пользы истинному человѣческому развитію. «Отвага, дерзость, величіе Байрона,—развѣ во всемъ этомъ нѣтъ развивающей силы?—восклицалъ онъ.—Мы не должны искать ее лишь въ

---

[1]) Göthe, „Gespräche“, III, 271.

[2]) Напечатанные впервые Брандлемъ при его статьѣ о Гёте и Байронѣ въ „Göthe-Jahrbuch“, 1899.

[3]) Высокое мнѣніе его объ этой поэмѣ—въ разговорѣ съ Краббомъ Робинзономъ, августъ, 1829 г.

[4]) Такъ, въ разговорѣ съ Экерманномъ (1823, 16 ноябрь) онъ не отрицалъ вліянія Байрона на извѣстную „Маріенбадскую элегію“.

безусловно чистомъ и нравственномъ. *Все великое развиваетъ*, если мы только въ силахъ понять это величіе». Образъ Байрона столь властно завладѣлъ сознаніемъ Гёте, въ немъ до такой степени слились выразительнѣйшія черты новѣйшей исторіи человѣчества, что фантазія великаго поэта не могла не ввести его въ міровую раму «Фауста»; если подъ вліяніемъ байроновскаго «Манфреда» [1]) и въ особенности подъ сильнымъ впечатлѣніемъ гибели Байрона Гёте возвратился къ работамъ надъ второю частью трагедіи, прерваннымъ двадцатилѣтнимъ промежуткомъ, и прямо приступилъ къ послѣднимъ сценамъ и апоѳеозу, какъ бы просвѣтляя въ лицѣ героя своего погибшаго любимца [2]), то онъ ввелъ, кромѣ того, его изображеніе и въ символической личности юноши Эвфоріона. Чудесный отпрыскъ союза Фауста, какъ олицетворенія творческой силы новаго человѣчества, и Елены, воплотившей въ себѣ античную красоту, онъ полонъ безграничныхъ порывовъ къ волѣ, знанію, счастью. Съ миѳической быстротой превращается онъ изъ неукротимо шаловливаго ребенка, тревожащаго родителей странностью своихъ капризовъ, появляясь и исчезая, пренебрегая опасностями, въ лучезарнаго отрока, облеченнаго въ развѣвающіяся, украшенныя цвѣтами одежды, съ золотой лирой въ рукахъ, «словно юный Фебъ». «Въ немъ предсказанъ будущій повелитель красоты, движимый вѣчными мелодіями, призванный изумить всѣхъ, кто увидитъ или услышитъ его». Быстрота развитія все растетъ. Ему тѣсно и тяжело на землѣ; онъ будетъ носиться по воздуху, онъ взойдетъ на высочайшія вершины. Тщетно молитъ его Фаустъ умѣрить отвагу, не итти навстрѣчу гибели; напрасны мольбы Елены пожалѣть ее, остаться въ тиши, на землѣ; ему ненавистно то, что легко добыть; онъ дорожитъ лишь тѣмъ, что дается съ бою (Das leicht Errungene, das widert mir, Nur das Erzwungene ergötzt mich schier); его кличъ не «миръ», а «борьба», онъ поднимается все выше, его кругозоръ долженъ расширяться безпредѣльно:

Immer höher musz ich steigen,
Immer weiter musz ich schaun.

Онъ — за свободу, силу, смѣлость, и не боится смерти. Онъ бросается въ воздушное пространство, одежда служитъ ему на мгновеніе крыльями, и весь онъ окруженъ сіяніемъ... Но къ ногамъ родителей падаетъ «прекрасный юноша»; въ умершемъ узнаютъ черты *извѣстной личности* (т.-е. Байрона); «тѣлесная оболочка исчезаетъ, и ореолъ воз-

---

[1]) Брандль видитъ въ этомъ вліяніи главнѣйшій результатъ гётевскаго „байронизма“.

[2]) Ср. соображенія объ этомъ Albert Bielschowsky, „Göthe, sein Leben u. seine Werke“. München, 1904, II Bd., 585—88.

носится, подобно кометѣ, къ небу». Печальный хоръ, вторя неутѣшному горю Фауста и Елены, переходитъ къ чествованію Байрона, хотя и не называя его по имени. Вся біографія его вспомянута въ краткихъ чертахъ; страстная жизнь увѣнчана великимъ, но трагически неудачнымъ подвигомъ. Заключительныя слова полны надежды на появленіе подобнаго ему пѣвца съ чудными пѣснями... Такъ слились у Гёте съ давно задуманнымъ эпизодомъ «Фауста» — «Helena-Dichtung» — необычайныя впечатлѣнія байроновской жизни.

Въ современную старости Гёте пору трудно найти гдѣ-либо столько проницательности, терпимости и искренняго, широко охватывающаго сочувствія, какъ въ культѣ Байрона, развившемся у мыслителя и художника съ иною натурой, иными убѣжденіями. Сравнить можно лишь отношеніе къ поэту столь же несходнаго съ нимъ Вальтеръ-Скотта, сумѣвшаго (что̀ было еще труднѣе) среди всеобщаго ополченія отечества противъ Байрона сберечь къ нему дружбу, понимать красоты направленія, все дальше отходившаго отъ его собственнаго «credo», и отстаивать память друга отъ фарисейскихъ обвиненій.

Въ томъ теченіи нѣмецкой литературы, которое вызвано было байроновскимъ вліяніемъ и въ передовыхъ рядахъ выставило Гёте, первое имя, требующее себѣ мѣста вслѣдъ за великимъ поэтомъ, конечно, принадлежало Гейне. Критика рано отмѣтила это и подтвердила салонные и дилеттантскіе толки, утверждавшіе, что молодой стихотворецъ по складу творчества и господствующему настроенію какъ нельзя болѣе напоминаетъ свой образецъ, что онъ — «второй Байронъ». Эти хвалы очень льстили самолюбію Гейне. Онъ едва прислушивался къ встрѣчныхъ мнѣніямъ [1]), которыя внушали ему (какъ это дѣлали потомъ Рылѣевъ Пушкину, Баратынскій Мицкевичу) независимость и свободное соревнованіе. Внутренній голосъ значительно позже сказалъ ему (какъ Лермонтову), что онъ «не Байронъ, а другой, еще невѣдомый избранникъ». Онъ демонстративно братался съ Байрономъ, не отступая (какъ доказали тщательно произведенныя сличенія) [2]) отъ копировки мелочей въ житейскихъ привычкахъ, вызывающихъ заявленіяхъ среди буржуазнаго обихода, отъ повторенія темъ, образовъ, сравненій, которое свойственно не сверстникамъ, а хористамъ. Увѣренность въ своемъ дарованіи росла, и хотя передъ свѣтомъ оно оправдывалось пока (не считая двухъ слабыхъ трагедій) лишь прелестнымъ вѣнкомъ лирическихъ стихотвореній на тему юношескаго любовнаго горя и немногими проявле-

---

[1]) Напр., мнѣнію Иммермана въ статьѣ Rheinisch-westphäl. Anzeiger 1822, № 23, по поводу перваго изданія стихотвореній Гейне.

[2]) Въ книгѣ Felix Melchior, „H. Heines Verhältniss zu Lord Byron“, 1903.

ніями безподобнаго юмора, Гейне уже считалъ себя поэтическою величиной, равносильною съ многострадальнымъ и многодумавшимъ творцомъ обширнаго цикла глубокихъ и сильныхъ произведеній, выразителемъ эпохи и въ поэзіи, и въ общественной дѣятельности. Если онъ не дошелъ до сопоставленія обоихъ именъ, въ которомъ звучалъ бы возгласъ: «Байронъ и я!», то въ часто встрѣчаемомъ въ его письмахъ и разговорахъ выраженіи «mein Vetter Byron» чувствуется самовозвышеніе.

Конечно, Гейне не былъ «вторымъ Байрономъ». Различіе натуръ, дарованій, характеровъ, пригодности къ общественно-политической борьбѣ было слишкомъ велико. Но съ той поры, когда Гейне подпалъ очарованію байроновской поэзіи, въ «бурный періодъ его молодости (meine poetische Sturm- und Drang-periode») [1]), заканчивающійся «Вильямомъ Ратклиффомъ», вошла оживляющая сила. Задушевный, но подъ конецъ монотонный стонъ обманутой любви въ «Junge Leiden», десятками стихотвореній воздѣлывающій скорбную тему о томъ, что любимая дѣвушка стала женою другого,—тогда какъ одинаковый и не менѣе близкій Байрону мотивъ воплощенъ имъ въ немногословныхъ, но полныхъ мрака строфахъ «The Dream»,— смѣнился другими, сильными, разнообразными тонами. Испанскіе, восточные, старогерманскіе наряды, въ которыхъ по романтической модѣ выступали дѣятели несложной, но тяжело пережитой поэтомъ любовной драмы, неотвязный мотивъ сновидѣній и грезъ, балладный обиходъ призраковъ и «туманныхъ образовъ» покидаютъ лирику новичка для того, чтобы дать просторъ выраженію чувствъ, мыслей, настроеній, художественныхъ красотъ, таившихся въ немъ. Съ личной грустью сливается міровая скорбь; негодованіе, презрѣніе къ людямъ осложняются горькой ироніей; уже въ сонетахъ, посвященныхъ другу поэта, Хр. Сете (Fresco-Sonette), слышатся эти новыя рѣчи (сонетъ второй—«Gieb her die Larw', ich will mich jetzt maskieren», девятый—«Die Welt war mir nur eine Marterkammer»), а въ «Лирическомъ Интермеццо» онѣ завладѣли всѣмъ содержаніемъ; отнынѣ «его пѣсни отравлены» (стихотв. «Vergiftet sind meine Lieder»), но недовольство выражается и въ тонкой насмѣшкѣ, въ попыткахъ политической сатиры. Еще въ 1819 г. появляется, въ видѣ шуточнаго «сновидѣнія», фантазія, надписанная: «Deutschland»,—остроумная проба того смотра отечественнымъ отсталымъ порядкамъ, который, много лѣтъ спустя, привелъ къ созданію изумительной «Зимней сказки» того же названія.

Въ стихотворныхъ переводахъ Гейне изъ Байрона словно умышленно сопоставлены два типа произведеній поэта, между которыми ви-

[1]) Изъ предисловія къ третьему изданію „Neue Gedichte", 1851.

димо колебались симпатіи молодого байрониста. Это—переводы изъ «Манфреда» (въ чемъ Гейне сошелся съ Гете) и изъ «Чайльдъ-Гарольда». Центральное лицо послѣдней поэмы было, конечно, наиболѣе близко натурѣ Гейне и своими рѣчами, чувствами и мыслями вліяло на него въ переходный періодъ. Увлекла и живопись природы,—чудесная оправа «Гарольда» и восточныхъ поэмъ,—и вызвала у Гейне рядъ удивительныхъ картинъ моря въ «Nordsee» (первыхъ морскихъ пэйзажей въ нѣмецкой поэзіи). Титанизмъ Манфреда и его собратій усвоивался имъ не безъ насилія надъ собой. Въ трагедіяхъ байроническаго пошиба Альманзоръ снабженъ сумрачнымъ челомъ, изборожденнымъ морщинами страданій, призрачной внѣшностью, грозными и вызывающими рѣчами, страшными проклятіями, отъ которыхъ «солнце можетъ скрыться, мертвецы—встать изъ гробовъ, люди, животныя, растенія—окаменѣть»; Ратклиффу въ честь Корсара и Шиллерова Мора приданы разбойничье ремесло и роковая мстительность; убійствомъ и самоубійствомъ заканчиваются обѣ пьесы, но лица остались условными и искусственными, эффекты кричащими, ни одна сцена или монологъ не завладѣваютъ читателемъ съ той силой, которая присуща даже наиболѣе лихорадочнымъ байроновскимъ импровизаціямъ въ этомъ духѣ. И тутъ же вьются старыя затѣи нѣмецкаго романтизма; за Ратклиффомъ всюду слѣдуютъ и съ нимъ говорятъ таинственныя «Nebelgestalten», неожиданно звучитъ «хоръ»...

Но лирикъ и сатирикъ Гейне, испытавъ на себѣ вліяніе «Гарольда» и затѣмъ «Донъ-Жуана», вышелъ изъ школы Байрона на просторъ самостоятельной дѣятельности, постигнувъ тайну поэтической исповѣди, душевнаго анализа, понявъ обязанности поэта-вождя по отношенію къ современности, давъ волю одному изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ свойствъ,—юмору. Въ «Reisebilder» все еще звучатъ отголоски геніальнѣйшей causerie—«Донъ-Жуана». И позже, какъ бы ни отрицался своего учителя Гейне, какъ бы съ виду ни отпалъ отъ него,—не изгладить ему никогда слѣдовъ испытаннаго вліянія.

Въ сравненіи съ Гейне цѣльнѣе и послѣдовательнѣе въ увлеченіи Байрономъ другой ученикъ его, обязанный ему своимъ перерожденіемъ,—Вильгельмъ Мюллеръ. Несомнѣнно даровитый стихотворецъ, сумѣвшій близко подойти къ складу народнаго Lied'а,—авторъ простыхъ и искреннихъ «Reiselieder», «Ländliche Lieder», цикла «Die Schöne Müllerin», которые были на устахъ у всѣхъ, до бѣдняка-рабочаго, крестьянина, кочующаго по большой дорогѣ Handwerksbursch'а, остался бы на незатѣйливомъ уровнѣ такихъ вещей, какъ «Am Bach viel kleine Blumen stehn» или «Wisst ihr wohl das Losungswort, das die Welt treibt fort und fort? Wandern, wandern», если бы предсказанное Байрономъ еще въ первыхъ пѣсняхъ «Гарольда» освободительное движеніе греческаго

народа не захватило его. Поэтъ любви, искренняго веселья, родной природы, сталъ пѣвцомъ политическимъ. Съ 1821 года выступилъ онъ съ своими «Lieder der Griechen», въ 1823 далъ ихъ продолженіе (Neue Lieder der Griechen), воспѣвая подвиги героевъ и выдающихся патріотовъ—Ботцари, Канариса, Боболины, но и непоказной героизмъ простыхъ людей, опирался на примѣръ Байрона, всецѣло отдавшагося греческому дѣлу, и произвелъ большое впечатлѣніе. «Греческія пѣсни» породили много подражаній, эллинофильство стало ходячей монетой среди молодыхъ поэтовъ, но, несмотря на видимую повторность мотивовъ, это направленіе стихотворства, въ связи съ параллельными явленіями, «Польскими пѣснями» Платена, сочувствіемъ венгерскому народному дѣлу, стремленіемъ побрататься съ французскимъ радикализмомъ, было очень цѣнно въ культурномъ отношеніи. И Байронъ былъ несомнѣннымъ его вдохновителемъ. Мюллеръ не измѣнилъ любомому поэту. Рано узналъ онъ его произведенія и черезъ друга своего, поэта-дилеттанта Георга Бланкензэ [1]), могъ содѣйствовать развитію байронизма Гейне, а когда Байрона не стало, воспѣлъ его въ послѣдней «Греческой пѣснѣ» съ тою скорбью, съ которою искренній послѣдователь можетъ вспоминать о великомъ учителѣ.

Великъ былъ энтузіазмъ, вызванный байроновской поэзіей въ средѣ французской литературной молодежи двадцатыхъ годовъ, но поэтическіе итоги его за современный Байрону періодъ, говоря объ общемъ идейномъ и художественномъ подъемѣ, не даютъ выдающихся произведеній и выдѣляютъ изъ состава байронизма лишь болѣе доступныя и излюбленныя черты. Племенныя особенности и склонности, вліяніе среды и воспитанія сказались въ сильной степени. Сатира и юморъ Байрона, увлекшія и Гёте, и юнаго Гейне, почти не оставили здѣсь слѣда. Друзья Мериме вспоминали потомъ съ восторгомъ о мастерскомъ чтеніи и объясненіи имъ «Донъ-Жуана» въ товарищескомъ молодомъ кружкѣ; для проницательнаго и независимаго Стендаля было открыто все содержаніе и значеніе байроновской поэзіи,—но это рѣдкія явленія. Такіе поклонники, какъ А. де-Виньи, сурово осуждали неприличіе и распущенность «Жуана» и «Беппо». О Ламартинѣ и говорить нечего. Большинство осталось подъ впечатлѣніемъ горячаго темпа восточныхъ поэмъ и мелодраматическаго величія ихъ героевъ; Гарольдъ, какъ натура, родственная французскимъ скорбникамъ начала вѣка, не могъ не плѣнять, хотя не казался главнымъ выразителемъ направленія; чуткіе цѣнители останавливались въ волненіи передъ философіей «Манфреда» и «Каина» или усвоивали прихотливую форму байроновскихъ мистерій.

---

1) Они вмѣстѣ участвовали волонтерами въ освободительной войнѣ 1813 года.

Лишь выдающаяся роль поэта въ греческомъ народномъ дѣлѣ соединила, какъ и въ Германіи, всѣ симпатіи и надолго осталась источникомъ вдохновенія для французскихъ стихотворцевъ.

Подобно Гейне, и за Ламартиномъ закрѣпилась тогда репутація «второго Байрона», какъ будто было сродство между титанизмомъ, смѣлымъ скептицизмомъ и боевой лирикой одного поэта и мечтательнымъ эстетизмомъ, серафимскимъ вдохновеніемъ и мистическимъ пареніемъ другого! Муза Ламартина постоянно колебалась между задумчивостью Шатобріана и страстностью Байрона. По мѣткому выраженію одного изъ критиковъ байронизма [1]), Ламартинъ «подражалъ Байрону *издали и насколько позволяли приличія*»... Стендаль зло обмолвился о Ламартинѣ, какъ о «Байронѣ, причесанномъ на французскій ладъ» (peigné à la française). Упоенный личными впечатлѣніями Италіи, онъ прежде всего увлекся Байрономъ, какъ ея пѣвцомъ въ «Гарольдѣ»; вѣрующій, онъ возмущался отрицаніями и сомнѣніями; роялистъ, въ которомъ трудно было предугадать дѣятеля второй республики, онъ не могъ слѣдовать за Байрономъ въ политическомъ радикализмѣ, окрашенномъ идеями братства народовъ и американской вольности; когда приходилось взывать къ свободѣ, онъ спѣшилъ придать ей отвлеченное религіозно-мистическое значеніе; въ насмѣшливости, ироніи, кощунствѣ, ему чудилась сатанинская злоба. Въ своей «Epitre à Lord Byron» онъ мучился разгадкой характера поэта, безсильный рѣшить, свѣтлый или демоническій образъ передъ нимъ, и для успокоенія его терзаній заклиналъ его прибѣгнуть къ résignation...

И все же его влекло къ этому человѣку и его чудному дару; только бы смягчить, исправить, спасти его, внести гармонію... А уличный юморъ уже слилъ вмѣстѣ оба имени, и въ пѣсенкѣ, ходившей по рукамъ и попавшей на столбцы газетъ, въ видѣ profession de foi усерднаго романтика, на ряду съ такими любимыми темами, какъ таинственный «сѣверный зáмокъ», какъ «ураганы, развалины; изголовье грызущей совѣсти, полное терновыхъ иглъ», выставлено «презрѣніе къ Фенелону и жалкому Расину, зато любовь къ лорду Байрону и monsieur Ламартину» [2]). Лелѣя надежду выставить когда-нибудь исправленный символъ байроническаго исповѣданія, Ламартинъ проходилъ по слѣдамъ Байрона, то воспѣвая свободу (La Liberté ou une nuit à Rome), то рисуя изящныя картины итальянской жизни и природы, то предаваясь меланхоліи (Tristesse, Solitude), то даже прощаясь съ поэзіей (Adieux à la poésie).

---

[1]) Blaze de Bury, „Lord Byron et le byronisme". „Revue des deux Mondes", 1872, 1 octobre.

[2]) Помѣщено въ „Diable boiteux", 1823, 8 octobre.

Какъ далеко отъ этой осмотрительной игры съ огнемъ искреннее увлеченіе, которое охватило другого изъ передовыхъ представителей новой поэтической школы, Альфреда де-Виньи! Сѣмя падало здѣсь на благодатную почву; печаль, душевное одиночество, вызовы къ судьбѣ, протестъ противъ неизбѣжности страданій и горя, сумрачное величіе горделиво замыкающейся въ себѣ личности,—всѣ эти байроновскія черты были близки и понятны тому, кто со временемъ, переживъ острый періодъ, сталъ во Франціи основателемъ философской поэзіи, поэзіи пессимизма. Смолоду, и подъ киверомъ офицера въ экспедиціонномъ корпусѣ, дѣйствовавшемъ въ Испаніи, и въ нарядѣ королевскаго гвардейца, и въ парижскомъ «свѣтѣ», и въ литературномъ кружкѣ, гдѣ онъ впервые выступилъ, онъ таилъ въ себѣ мысли, чувства, роковыя отгадки, которыя не могли не вырваться на волю, какъ только въ Байронѣ онъ увидалъ отраженіе своего душевнаго состоянія. Онъ не взялъ у него ни юмора, ни сатирическаго обличенія, ему осталась чуждою поэзія природы, восточные узоры и разбойничьи сюжеты мало плѣняли его, но «Манфредъ» и «Каинъ», мистеріи, «Шильонскій узникъ», міровая скорбь послѣдней главы «Гарольда» подѣйствовали на него могущественно. Въ характерѣ Моисея (въ библейской поэмѣ «Moïse») и его обращеніи къ божеству слышатся отголоски Манфреда; «je vivrai donc toujours puissant et solitaire!» восклицаетъ онъ; «онъ осужденъ на отчаяніе, и все живетъ, безконечно живетъ!»; его «томитъ жажда смерти, жажда неутолимая» [1]). Люди сторонятся отъ него, и ни въ комъ не находитъ онъ любви и участія. Тою же безысходной тоской надѣленъ сатана въ мистеріи «Eloa ou la soeur des anges» (одномъ изъ источниковъ лермонтовскаго «Демона»), вызывающій своею участью сочувствіе и любовь въ небожительницѣ. Въ его чертахъ, своеобразно освѣщенныхъ, оживаетъ байроновскій Люциферъ, безъ его мятежной пропаганды, но съ роковымъ, плѣняющимъ величіемъ; въ душевной драмѣ Eloa, этого чистаго созданія, воплотившагося изъ слезы, пролитой Христомъ надъ могилою Лазаря, и погибающаго за любовь и состраданіе, повторяются ощущенія Ады, жены Каина, тогда какъ мотивъ любви между женщиной и духомъ взятъ изъ байроновской мистеріи «Небо и Земля» и повторенъ у де-Виньи въ «Потопѣ» (Le Déluge, mystère, 1823). И во что ни вглядишься изъ юношескихъ произведеній поэта, достигавшихъ иногда (напр. въ «Eloa») большой красоты, байроновскій отпечатокъ несомнѣнно чувствуется. Онъ есть и въ исповѣди умирающаго арестанта (La Prison),

---

[1]) Сличенія текстовъ де-Виньи и Байрона приведены въ статьѣ Ernest Dupuy, „Les origines littéraires d'Alfred de Vigny", „Revue d'histoire littéraire de la France", 1904.

и въ таинственномъ прошломъ Трапписта, и въ олицетвореніи Несчастія (стихотв. Le Malheur).

Въ поздніе годы де-Виньи ни за что не хотѣлъ включать въ собранія своихъ стихотвореній ни послѣдней дани своей Байрону, оды на смерть его, ни перваго своего творенія въ байроническомъ духѣ, поэмы «Helena» (написанной подъ вліяніемъ «Осады Коринѳа», съ отголосками греческой войны за освобожденіе); послѣ отклоненій въ сторону драмы и романа онъ сосредоточился на философскомъ раздумьи, которое облекалось порою въ стихотворную форму, чаще же находило выраженіе въ обширныхъ его дневникахъ (Journal intime). Казалось, онъ пережилъ культъ Байрона и, по выраженію одного изъ его критиковъ, оставилъ за собой пессимизмъ своего учителя, чтобъ отдаться «нигилизму». Но и въ позднѣйшихъ драмахъ (Чаттертонъ) и во многихъ записяхъ дневниковъ поражаютъ несомнѣнно байроническіе отголоски и мотивы, размышленія и анализированныя душевныя движенія. Благодатна ли, живительна ли была эта безконечная, неутолимая разочарованность, оправданная подъ конецъ жизни неизлѣчимою болѣзнью,—но она поразительна по искренности, по тяжкой правдѣ. Въ юношеской статьѣ о Байронѣ, заговоривъ по поводу «Гяура» о мукахъ душевнаго разлада и гложущей совѣсти, де-Виньи сравнилъ людей, подобныхъ байроновскому герою, съ скорпіономъ, который во время преслѣдованія, увидавъ себя окруженнымъ отовсюду огненными языками, въ ярости впускаетъ себѣ въ мозгъ свое жало, съ ядомъ, приготовленнымъ для враговъ,— ядомъ, прикосновеніе котораго губительно и разомъ можетъ прерывать жизнь. Несчастному пришлось съ годами испытать на себѣ всю тягость такого психическаго самоубійства.

Въ литературномъ кружкѣ, выставившемъ изъ своей среды въ лицѣ де-Виньи одного изъ наиболѣе убѣжденныхъ приверженцевъ и цѣнителей Байрона, — кружкѣ, явившемся предвѣстникомъ знаменитаго «Cénacle», — увлеченіе англійскимъ поэтомъ, ставшее общимъ лозунгомъ, получало окраску французскаго національнаго темперамента. Болѣе значительные поэтическіе результаты его были еще впереди,—«Orientales» Виктора Гюго съ ихъ свободолюбіемъ и особою, горячею поддержкой греческаго національнаго дѣла, «Мазепа», оригинальная варіація на байроновскую тему, еще дальше — рядъ оттисковъ съ героическаго типа, излюбленнаго Байрономъ, въ боевыхъ драмахъ романтика-революціонера Гюго. Но силы для литературнаго переворота, такъ характерно совпавшаго съ іюльской революціей, зрѣли въ постоянномъ общеніи съ поэзіей и политическою дѣятельностью Байрона. Подъ ея вліяніемъ совершалось превращеніе Гюго изъ роялистскаго автора «Одъ и Балладъ», изображавшаго «стоны народовъ», будто бы оплакивавшихъ смерть нич-

тожнаго и бездарнаго Людовика XVIII, или мистически воспѣвавшаго таинства старой королевской власти, въ живого двигателя общественнаго мнѣнія, изъ сторонника торжественныхъ и старомодныхъ стихотворныхъ формъ въ того новатора, который предисловіемъ къ «Кромвелю» долженъ былъ произвести литературный coup d'état. О фанатикахъ и идолопоклонникахъ, безъ которыхъ дѣло не обошлось и въ первомъ байроническомъ кружкѣ французскомъ, и говорить нечего. Образцомъ ихъ могъ бы служить забытый теперь, но нѣкогда цѣнимый и Гюго, и его друзьями, Жюль Лефевръ, съ отвагой копировавшій «восточныя поэмы» въ мрачномъ «Отцеубійцѣ» и другихъ твореніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усвоившій у Байрона преданность свободѣ до того, что, подражая его греческой экспедиціи, онъ пошелъ добровольцемъ въ ряды польскихъ повстанцевъ 1830-31 годовъ.

Не станемъ искать выдающихся художественныхъ итоговъ ранняго байронизма въ Италіи. Тамъ, гдѣ надъ всѣми помыслами и влеченіями господствовала политика національнаго освобожденія, гдѣ страна была покрыта десятками тайныхъ обществъ и сотрясалась отъ частыхъ вспышекъ и возстаній, гдѣ писатель, поэтъ, силой вещей превращался въ агитатора, заговорщика, нельзя ожидать изящнаго воздѣлыванія поэзіи. Испытаны были первыя чарующія впечатлѣнія байроновскаго творчества; въ Байронѣ, слившемся съ итальянскими патріотами, оцѣнили затѣмъ гуманную роль вдохновителя, вождя, и у него разрослась въ Италіи большая школа, только всего менѣе литературная. Австрійская, папская, неаполитанская полиція въ тревогѣ констатировала въ своихъ донесеніяхъ всеобщую распространенность байроновскихъ произведеній, высоко поднимавшихъ итальянскую идею. Она указывала на то, что одно изъ главныхъ тайныхъ обществъ, называя себя «Società romantica», самымъ именемъ своимъ, съ виду взятымъ изъ литературнаго спора старой и новой школъ, говорило о древнемъ, великомъ Римѣ (Roma antica), какъ вожделѣнной своей грезѣ. Такъ поэзія и вымыселъ вторгались даже въ конспиративное дѣло. Поэтъ, за которымъ всюду слѣдили по пятамъ, чьи слова подстерегали, невидимыми путями волновалъ умы; только «завѣдомое безуміе» нѣсколько оправдывало его въ глазахъ австрійскаго шпіона, оставившаго интересное донесеніе о байроновскомъ вліяніи, противъ котораго онъ хотѣлъ бы возбудить соединенное гоненіе правительствъ [1])... Въ жизни и дѣятельности всѣхъ сгруппированныхъ выше итальянскихъ писателей это—важный моментъ, но онъ не повелъ къ

---

1) Тайно-полицейская борьба противъ байроновскаго вліянія въ Италіи характеризована подробнѣе, по донесеніямъ агентовъ, въ моей книгѣ: „Байронъ, біограф. очеркъ", стр. 230—238.

созданію поэмъ, драмъ, повѣстей того пошиба, который принято считать байроническимъ. Въ лирикѣ больше прямыхъ слѣдовъ. Благородная преданность народному дѣлу проникаетъ импровизаціи Алессандро Поэріо, одного изъ дѣятелей революціи 1821 года, потомъ австрійскаго арестанта. Giovanni Berchet въ своихъ «Фантазіяхъ» горячими красками нарисовалъ изгнанника, безпредѣльно преданнаго на чужбинѣ, среди свободныхъ людей, несчастной родинѣ; въ «Бѣглецахъ изъ Парги» вложилъ въ уста гречанки драматическій разсказъ о бѣдствіяхъ, испытанныхъ народомъ отъ турокъ, но и о двуличной роли Англіи по отношенію къ грекамъ, вывелъ собесѣдникомъ молодого вольнолюбиваго англичанина, испытывающаго великія терзанія при видѣ всеобщей ненависти къ его консервативному отечеству, и во все время разсказа выдержалъ тонъ, который вполнѣ приложимъ къ итальянскимъ политическимъ условіямъ:

Un sol voto mezzo all'affanno,
Un sol grido fu il grido di tutti:
„No, per Dio! non si serva al Tiranno!"

восклицаетъ несчастная жертва, и ея наболѣвшій крикъ, казалось, вырвался изъ груди итальянца. Нѣсколько лѣтъ спустя тотъ же ученикъ Байрона написалъ по поводу возстанія въ Моденѣ и Болоньѣ революціонный гимнъ «All'armi!» съ припѣвомъ послѣ каждаго куплета: «Su, Italia! su, in armi! Venuto è il tuo dì! Dei re congiurati la tresca finì!»

Преобладаніе политическихъ мотивовъ въ байронической поэзіи [1]), нигдѣ, кромѣ Италіи, не повторившееся, переводитъ вопросъ на иную почву. Байронъ дѣйствительно создалъ въ странѣ этой школу, но ея представителями были его единомышленники по карбонарству и, еще опредѣленнѣе, тѣ изъ нихъ, для кого національное дѣло свободы входило въ широкую рамку общаго освобожденія. Созданія этой школы—не вымыслы, не образы, сложенные фантазіей, а житейскіе факты; ея двигательная сила—преданность идеѣ, поддерживавшая людей дѣла въ теченіи десятковъ лѣтъ въ ихъ тяжелой работѣ; ея главный дѣятель—не поэтъ, а народный вождь, Мадзини, для котораго культъ Байрона сливался съ поклоненіемъ другому пророку итальянскаго возрожденія и единства, Данту, и съ той грезой объ «Alliance universelle républicaine», которая такъ влекла его къ себѣ въ позднѣйшіе годы. «Придетъ время,

---

[1]) Въ ряду рьяныхъ подражателей внѣшней красотѣ и эффектности байроновскаго творчества нельзя не вспомнить такого поклонника поэта, какъ Carlo Tedaldi Fores, являвшійся для современниковъ крайнимъ выразителемъ моды на разочарованность и демонизмъ, и способный, по выраженію близкаго ему человѣка, вызвать всѣхъ дьяволовъ изъ ада, чтобы потрясти читателя. Его поэмы (Narcisa), трагедіи, „поэтическія размышленія", слѣпо слѣдовали за Байрономъ.

когда *демократія* вспомянетъ обо всѣхъ заслугахъ, которыми она обязана Байрону», предсказывалъ онъ [1], и этотъ оттѣнокъ въ оцѣнкѣ поэта свойственъ былъ лучшимъ итальянскимъ попыткамъ выяснить его значеніе [2]), предпринятымъ послѣ кончины Байрона. Съ годами все слабѣе становились чисто-литературные отростки байронизма въ Италіи; хотя въ арьергардѣ всеобщаго байронистскаго отряда, въ сороковыхъ годахъ, мы встрѣчаемъ итальянскихъ могиканъ, въ родѣ Джованни Прати, но байроновскіе завѣты жили и живутъ въ лучшихъ соціально-политическихъ преданіяхъ, вдохновляющихъ итальянскихъ заступниковъ за народное благо.

Богатъ силами и горячностью сочувствія, видѣли мы, былъ славянскій племенной вкладъ въ движеніе байронизма, точнѣе—русско-польскій его отдѣлъ, потому что другія народности подошли къ дѣлу значительно позже и, кромѣ чешской, не проявили своихъ симпатій творческими фактами. Каковы же точные итоги первой, наиболѣе страстной, поры увлеченія и въ чемъ они состояли?

Тревога, охватывавшая нѣкоторыхъ изъ современниковъ, наблюдавшихъ интенсивность русскаго байронизма, могла бы внушить мысль о крайнемъ, сплошномъ усвоеніи художественнаго направленія поэта, о сдачѣ ему своей личности, своихъ стремленій и вкусовъ его ученикамп. Хотѣлось остановить разливъ подражательности, заразившей на ряду съ людьми средними и выдающихся поэтовъ, прежде всего Пушкина. Въ своей перепискѣ съ нимъ Рылѣевъ не разъ возбуждаетъ его къ самостоятельной работѣ; онъ сулитъ ему «завидное поприще», возможность стать «нашимъ Байрономъ», вѣритъ, что «его огромное дарованіе, его пылкая душа могутъ *вознести его до Байрона, оставивъ Пушкинымъ»* [3]). Съ такимъ же увѣщаніемъ обратится со временемъ Баратынскій къ другу своему, «вдохновенному Мицкевичу», котораго, какъ «поклонника униженнаго», онъ «заставалъ у байроновыхъ ногъ», и кликнетъ ему: «возстань, возстань, и вспомни—самъ ты богъ!», тогда какъ, обращаясь уже вообще къ хору нашихъ средней руки байронистовъ, чье «жеманное вытье ему смѣшно», онъ набросаетъ (въ стихотвореніи «Подражатели») [4]), хотя и не называя Байрона, образъ истиннаго поэта:

Не напряженнаго мечтанья
Огнемъ услужливымъ согрѣть,
Постигнулъ таинства страданья

---

1) Mazzini, „Scritti scelti“, ed. Jessie White Mario, 1901, p. 143.

2) Такова, напр., статья Carlo Bini, предпосланная его переводу „Шильонскаго узника“, въ „Indicatore livornese“, 1830. Бини былъ другомъ Гверрацци и Мадзини.

3) Сочиненія и переписка Кондр. Ѳед. Рылѣева. Спб., 1872, стр. 242.

4) Баратынскій. Стихотворенія. Казань, 1884, 86.

Душемутительный поэтъ.
Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
Сердечныхъ судорогъ цѣною
Онъ выраженье ихъ купилъ.
И вотъ нетлѣнными лучами
Ликъ пѣснопѣвца окруженъ,
И чтимъ земными племенами
Подобно мученику онъ.

Можно бы подумать, что при безповоротномъ и опасномъ для самостоятельности преклоненіи усвоенъ былъ весь составъ байроновскаго направленія, его общественныя, политическія, нравственныя воззрѣнія, его паѳосъ и юморъ, грусть и сатирическій задоръ, орлиный полетъ мысли, титаническая мощь,—что именно въ такомъ душевномъ плѣну находилась, очарованная и безсознательная, l'âme russe. И, освѣщая вопросъ съ охранительно-національной точки зрѣнія, часто критики и лѣтописцы литературы изображали впослѣдствіи нашъ байронизмъ чуть не душевной немочью, изъ которой не безъ труда вышли на свѣтъ и волю наши лучшіе писатели...

Нельзя отказать русскимъ ученикамъ поэта въ стремленіи уяснить по возможности все содержаніе его творчества, не придерживаясь рутинныхъ предпочтеній и модной односторонности,—въ этомъ они, разумѣется, превзошли, напр., своихъ французскихъ сверстниковъ. Жуковскій, какъ извѣстно, неспособный понять «Гамлета», углублялся въ изученіе «Манфреда» и готовъ былъ его переводить; даже въ старости, отойдя отъ байроническихъ симпатій, онъ находилъ, что «многія страницы Байрона вѣчны». Для Вяземскаго были понятны и душевная драма героевъ поэмъ, и веселая шутливость, и злость политической сатиры. «Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобъ грянуть негодованіемъ на притѣснителей, и краски его романтизма сливаются часто съ красками политическими»,—сочувственно писалъ онъ въ 1821 г. Политическая, активная роль Байрона, особенно участіе въ греческомъ дѣлѣ, понятны и дороги были всѣмъ; Кюхельбекеръ ставилъ его за это не только на ряду съ Мильтономъ, Шиллеромъ, Дантомъ, но и съ Тиртеемъ, Ѳемистокломъ, Леонидомъ. У насъ не слышно было лицемѣрныхъ и нетерпимыхъ нападокъ на «Донъ-Жуана», которыя раздавались почти повсемѣстно въ Европѣ рядомъ съ изумленіемъ и восторгомъ; Пушкинъ, Вяземскій, Рылѣевъ, встрѣчались въ удивленіи этому произведенію, Полевой считалъ самымъ лестнымъ отзывомъ для первой главы «Онѣгина» сравненіе ея съ «Донъ-Жуаномъ». Переписка Пушкина, его замѣтки или случайныя обмолвки полны доказательствъ внимательнѣйшаго чтенія и старательнаго анализа разнооб-

разныхъ созданій Байрона. Наконецъ, изъ юнаго подроста байронической школы выступаетъ вскорѣ по смерти поэта какъ бы съ заключительнымъ приговоромъ Веневитиновъ [1]), сводящій изученія и сочувствія къ выразительной формулѣ: Байронъ «духомъ принадлежалъ не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго».

Но отъ пониманія и оцѣнки, которыя могли бы привести къ наиболѣе совершенному проявленію байронизма, было далеко до выполненія на дѣлѣ основъ и завѣтовъ, до свободнаго соревнованія съ Байрономъ. Причинъ тому было не мало, и общихъ, и личныхъ. Байрона выставила національная среда съ многовѣковымъ культурнымъ прошлымъ, съ великими дѣяніями мысли, творчества и свободы, какъ энергическаго участника въ процессѣ выработки личности, способнаго рѣзко ставить вѣчные вопросы, дерзновенно рѣшать ихъ и безстрашно бороться. Такія ли условія представляла малоразвитая, свободная отъ науки и общественности, едва оправлявшаяся отъ екатерининской и павловской реакціи, съ могучимъ рабовладѣніемъ, съ слабымъ мерцаніемъ личности, съ непривычкой къ радикальнымъ и еретическимъ построеніямъ, съ литературой, не сумѣвшей выйти даже изъ пеленокъ сентиментальности, русская среда [2])? Гдѣ былъ въ ней просторъ для титанизма русскихъ Манфредовъ, для мятежныхъ заявленій Люцифера, для могучей сатиры «Донъ-Жуана», «Бронзоваго вѣка», «Видѣнія суда»? Не «чугунный» ли цензурный уставъ, не свѣтобоязнь ли Магницкихъ или Тимковскихъ, не короткая ли расправа, грозившая за эпиграммы и вольнодумныя шалости Соловками или Сибирью, могли способствовать подъему и широкому полету?.. Феноменально развившаяся, ни за что на свѣтѣ неспособная пойти на сдѣлку съ старымъ порядкомъ личность могла бы пробиться сквозь всѣ преграды и сказать свое слово, никакая цензура не остановила бы ее, и она вошла бы въ связь съ обществомъ при помощи непечатной литературы, — какъ Грибоѣдовъ съ «Горемъ отъ ума». Были ли такіе люди въ рядахъ первыхъ нашихъ байронистовъ? Свойства подобной натуры нашлись бы, быть

---

1) „Сынъ Отечества“, 1825, стр. 371—383. Разборъ статьи Полевого объ „Онѣгинѣ“.

2) „Мы такъ далеко отъ сферы новой дѣятельности, что весьма неполно ее разумѣемъ и еще менѣе чувствуемъ, — писалъ впослѣдствіи Баратынскій И. Кирѣевскому. На европейскихъ энтузіастовъ мы смотримъ почти такъ, какъ трезвые на пьяныхъ, и ежели порывы ихъ иногда понятны нашему уму, они почти не увлекаютъ сердца. Что для нихъ дѣйствительность, то для насъ отвлеченность“. „Татевскій Сборникъ“, 47.

может, среди тѣхъ изъ нихъ, кто стоялъ въ то же время во главѣ декабризма. Искренній почитатель Байрона и ревнитель русской поэтической самостоятельности, Рылѣевъ, заплатившій, однако, дань увлеченію, придавъ Войнаровскому въ своей поэмѣ байроническій колоритъ разбитаго жизнью неудачника [1]), находящаго облегченіе въ исповѣди и признаніяхъ, и введя въ нихъ пріемы «Шильонскаго узника», а въ разсказѣ о спасеніи героя отъ погони отголоски «Мазепы», — Рылѣевъ и ближайшіе друзья его отошли отъ литературы и вымысла для реальной борьбы, и сравнялись съ Байрономъ — итальянскимъ конспираторомъ—въ другой области. Какъ ни тонко оказалось чутье Вяземскаго, сочувствіе и удивленіе Байрону не могло превозмочь влеченій натуры щедро одаренной, но неустойчивой, болѣе всего преданной игрѣ остроумія и критическихъ наѣздовъ, съ репутаціею не то «русскаго Шолье», не то «русскаго Ривароля», и съ годами сбросившей съ себя хламъ либерализма. Слѣпецъ Козловъ въ силу судьбы своей не могъ быть активнымъ пропагандистомъ байронизма въ полномъ его объемѣ; въ грезахъ онъ умѣлъ слѣдить за порывами фантазіи и мысли у любимаго поэта, но трогательная философія несчастія наложила печать на его попытки въ байроническомъ духѣ. Въ «Чернецѣ» трагическая исповѣдь гяура превратилась въ предсмертный лепетъ измученнаго гоненіями судьбы, несчастною любовью, гибелью семьи, невольнымъ убійствомъ, плачущаго и молящагося грѣшника; красиваа оправа—днѣпровскіе ландшафты, нѣжная романтическая дымка, искренность тона въ связи съ драматизмомъ фабулы должны были дѣйствовать въ свое время,—но и самъ авторъ, и подобныя произведенія не въ силахъ были возсоздать сущность байронизма на русской почвѣ.

Но сдѣлалъ ли это и могъ ли сдѣлать Пушкинъ, высшее, блестящее украшеніе всей группы раннихъ байронистовъ нашихъ?

Молва, голоса публики и критики, дружескія сужденія прилагали нѣкогда къ его имени титулъ «второго Байрона» съ такою же легкостью, съ какою онъ приданъ былъ Ламартину и Гейне; ему, какъ обоимъ сверстникамъ, особенно Гейне, долго чудилось, что между натурами послѣдователя и учителя есть сходство, и онъ любилъ проявлять его даже въ житейскихъ частностяхъ, привычкахъ и т. п. Потомъ эта красивая греза исчезла, личность поэта вошла въ свои права, и все рѣзче обозначалось различіе тамъ, гдѣ предполагалось сходство. Свѣтлая пушкинская муза съ ея удивительной способностью воспринимать и воплощать всевозможныя основы и черты жизни, народной и

---

[1]) Такъ смотрѣли на него въ то время многіе. Н. Раевскій въ письмѣ къ Пушкину назвалъ „Войнаровскаго“—un ouvrage de mosaïque, composé de fragments de Byron et Пушкинъ, rapportés ensemble sans beaucoup de réflexion.

чужеземной, новѣйшей и давно минувшей, сливать въ гармоніи разнообразнѣйшія двигательныя силы, прелесть воображенія, юморъ, искренній лиризмъ, бытовую и историческую правду, гуманное волненіе и сердоболіе, не походила вовсе на истинную «музу гнѣва и печали», борьбы и протеста, философскаго и религіознаго отрицанія и сомнѣнія, музу смѣха, носящагося надъ широкими горизонтами всемірной исторіи и надъ застоемъ и гнетомъ современности, музу душевныхъ страданій за себя и за другихъ. Ни личный характеръ, ни воспитаніе, ни среда, ни традиціи не подготовили и не развили въ Пушкинѣ тѣхъ свойствъ, которыя выразились у Байрона въ *дѣйствительно пережитомъ* имъ титанизмѣ и привели къ геройскому подвигу его послѣднихъ дней. Пушкинскій «Манфредъ» или «Каинъ» былъ бы немыслимъ не только потому, что при первыхъ же дерзкихъ рѣчахъ на него ополчились бы и Тимковскій съ Красовскимъ и ихъ духовными коллегами, и Аракчеевъ съ Фотіемъ. Тотъ, кто рано, еще въ ссылочные годы (1823), могъ трезво отнестись къ своему «либеральному бреду», хотя навсегда сохранилъ симпатію и сожалѣніе къ гонимымъ и страдающимъ, не могъ быть поэтическимъ двойникомъ одного изъ главныхъ представителей современнаго общественнаго движенія.

Предрѣшая вопросъ о невозможности, при такихъ данныхъ, усвоить себѣ все содержаніе байронизма, сличеніе нисколько не нарушаетъ значенія того момента въ жизни Пушкина, который связанъ съ байроновскимъ вліяніемъ, особенно первыхъ впечатлѣній и первыхъ результатовъ. Все говоритъ о волшебствѣ, очарованіи, восхищеніи. Изъ скуднаго кругозора лицейскихъ стихотвореній полный богатыхъ силъ юноша-поэтъ вступаетъ въ безпредѣльную область великой и свободной поэзіи,—арзамасскія шалости, перестрѣлку эпиграммъ, игру съ Аріостомъ, Вольтеромъ, Парни, покидаетъ, чтобъ устремиться навстрѣчу образамъ, замысламъ и темамъ, полнымъ трагической мощи, задушевнаго лиризма или отважной сатиры. Онъ мужаетъ и воспитывается на этихъ впечатлѣніяхъ; политическое развитіе, заложенное въ немъ Чаадаевымъ и поддержанное зрѣлищемъ реакціи, довершается въ байроновской школѣ; развитіе литературное и посвященіе его въ «романтизмъ» связано съ нею же. То былъ необходимый переходный періодъ, изъ котораго поэтъ вышелъ съ окрѣпшими, сознанными имъ силами на самостоятельное поприще, — не наважденіе, не болѣзненный морокъ, не духовный плѣнъ, какъ иногда выставляли его у насъ [1]), но свободное и живительное,

---

[1]) Обзоръ критическихъ взглядовъ на значеніе байроновскаго вліянія для пушкинской поэзіи предпринимался не разъ,—В. В. Сиповскимъ въ кн. „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ". Спб. 1899, В. Тихоміровымъ, „Пушкинъ въ его отношеніи къ Байрону". Витебскъ, 1899, въ статьѣ В. Д. Спасовича, „Байронизмъ у Пушкина", и др.

пробуждающее энергію общеніе съ великимъ поэтомъ, и притомъ не классической знаменитостью минувшихъ вѣковъ, а современникомъ, наполнявшимъ весь міръ необычайными дѣлами своей жизни и творчества.

При такой постановкѣ вопроса легче подводить итоги пушкинскому байронизму, впередъ зная, что иное изъ существеннаго состава поэзіи Байрона совсѣмъ не отразится, другое покажется блѣдноватымъ оттискомъ, тогда какъ нѣкоторые оттѣнки проявятся ярко. Обаятельная въ то время красота восточныхъ поэмъ плѣняла, какъ мы уже знаемъ, Пушкина; «Плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Цыганы» вызваны ихъ вліяніемъ; но негаданная до той поры въ нашей литературѣ прелесть поэтическихъ описаній природы горъ, моря, степи, не менѣе непривычный и необыкновенно живописный этнографическій, восточный элементъ, нѣжныя, томныя или страстныя очертанія женскихъ головокъ, суровый обликъ стараго мусульманина, эти красивыя новшества, особенно поразительныя послѣ формализма старой поэзіи и задуманныя по образу и подобію Байрона, не связаны съ неизбѣжнымъ для него, казалось, въ періодъ созданія восточныхъ поэмъ центральнымъ лицомъ протестующаго и непріязненнаго судьбѣ и людямъ героя. Если бы Пушкинъ отнесся къ нему отрицательно, дѣло было бы иное. Но вѣдь онъ залюбовался Корсаромъ и примыкающими къ нему героями,—и все же подъ первыми впечатлѣніями кисть его смогла набросать лишь слабые контуры плѣнника,—этотъ, по его же оцѣнкѣ, «первый неудачный опытъ характера, съ которымъ онъ насилу сладилъ». Ни свѣтское прошлое, «пламенная младость, *гордо* проведенная *безъ заботъ*», съ «впервые познанной *радостью*» и «любовью ко *многому милому*», съ «шумными дружескими *пирами*» или «рядомъ *поединковъ*», ни отступничество отъ свѣта, вызванное «несчастною любовью», и лишь бѣгло мотивированное злословіемъ и клеветой, ни смутное представленіе о «свободѣ», которой всюду искалъ онъ въ подлунномъ мірѣ, и «вольности» горской, чьимъ рабомъ онъ сдѣлался, придя ее сокрушать,— ничто не въ силахъ поставить эту тѣнь характера на одинъ уровень даже съ слабѣйшимъ изъ байроновскихъ героевъ ранняго періода. Незеленову чудилось здѣсь вліяніе «Гарольда», и онъ сводилъ наудачу строфы изъ обоихъ произведеній, довольный тѣмъ, что плѣнникъ, безсознательный участникъ съ горя въ народномъ покореніи и порабощеніи, начиналъ походить на тоскующаго печальника о неправдѣ и неволѣ; что пушкинскіе горцы, захватившіе героя въ плѣнъ, стали очень похожи на воинственныхъ албанцевъ, въ которымъ, въ духѣ Руссо, Гарольдъ приходилъ искать первобытной жизни по природѣ; что единственное живое, женственное лицо, черкешенка, походитъ не на Гюльнару съ ея пособничествомъ въ бѣгствѣ корсара, а на бѣгло обронен-

ный силуэтъ Флоренсы, героини мальтійскаго эпизода сердечныхъ увлеченій Байрона... Неудачность сравненія говоритъ за себя; съ другой стороны, слабость копіи тамъ, гдѣ она очевидна, несомнѣнна; но въ то же время сколько свѣжести и красоты уже внесено въ поэзію увлекшагося поклонника, какая мѣстами яркая живопись природы и быта, какой шагъ впередъ послѣ «Руслана» сдѣланъ на встрѣчу новымъ, свободнымъ формамъ творчества!

За нимъ слѣдуютъ другіе; поэтическая картина становится все роскошнѣе и богаче образами и красками, изображенія страсти, душевныхъ движеній—горячѣе, фантазія свободно носится по далекимъ и чуждымъ краямъ, но не прогрессируетъ центральная, героическая личность, въ томъ ея оттѣнкѣ, который данъ былъ «восточными поэмами». Въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» она скрылась, а когда явится снова въ «Цыганахъ», то для того, чтобы подвергнуться суду и отлученію. Опять звучатъ неопредѣленные намеки на «блистательный позоръ», «безумное гоненье толпы», на клевету, измѣну и неволю, царящія въ душныхъ городахъ, какъ на причины протеста,—хотя самый протестъ доведенъ до разрыва и опрощенія. Не развиться отщепенцу до могучаго размаха, не дожить до титаническихъ дѣяній; передъ простодушнымъ, дышащимъ волею и равенствомъ, судомъ кочевниковъ изобличены его эгоизмъ и жестокость [1]),—и вмѣстѣ съ Алеко исчезаетъ изъ пушкинскаго байронизма отблескъ роковой героической личности. Иной складъ и тонъ берутъ верхъ въ творчествѣ поэта, также усвоенные у Байрона, но они противоположны недавнимъ пріемамъ, какъ тонкая, умная насмѣшка и сатирическій, шутливый тонъ противоположны паѳосу и таинственному мраку. На горизонтѣ показывается «Онѣгинъ».

Но въ ряду предшествовавшихъ ему байроническихъ опытовъ Пушкина есть еще одиноко стоящій отрывокъ „Братья-Разбойники“. Если бы выполненъ былъ весь планъ задуманной поэмы и сблизилъ ее съ «Корсаромъ», быть можетъ, пришлось бы включить ее въ группу раннихъ пушкинскихъ отголосковъ оріентальныхъ поэмъ Байрона. Въ томъ же видѣ, какой имѣетъ теперь отрывокъ, онъ является искусственною смѣсью отголосковъ такихъ противоположныхъ элементовъ, какъ «Корсаръ» и «Шильонскій узникъ» (сходство съ послѣднимъ произведеніемъ, какъ мы уже видѣли, казалось Пушкину «несчастьемъ»), съ впечатлѣніемъ подлиннаго факта,—бѣгства двухъ разбойниковъ изъ екатеринославской тюрьмы. И. Кирѣевскій въ строгомъ отзывѣ о «Братьяхъ-Разбойникахъ» [2]) находилъ, что это—«больше карикатура

---

[1]) Мотивъ, отчасти внушенный шатобріановскимъ Ренэ.

[2]) Сочиненія, томъ I, стр. 12.

Байрона, нежели подражаніе. Бониваръ страдаетъ для того, чтобы спасти души своей любовь, и какъ ни жестоки его страданія, но въ нихъ есть какая-то поэзія, возбуждающая къ участію,—описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душѣ одно отвращеніе». Въ основѣ этого приговора несомнѣнно лежитъ вѣрное наблюденіе. Въ три перехода, отъ судьбы историческаго Бонивара къ герою байроновской поэмы и къ пушкинскому разбойнику, замѣтно понизилось внутреннее значеніе сюжета. Страдалецъ за политическую свободу и вѣротерпимость сталъ у Байрона, еще недостаточно ознакомленнаго съ подлинною личностью Бонивара, жертвой лишь религіознаго гоненія, но онъ окруженъ ореоломъ, своими мученіями возбуждаетъ протестъ противъ произвола и нетерпимости; угасаніемъ высшихъ влеченій, летаргіей горя, онъ будитъ гуманную жалость. Его смѣнилъ у Пушкина душегубъ, предавшійся своему ремеслу отъ нужды и зависти къ богатству, не задаваясь ни на мгновеніе мыслями о соціальномъ неустройствѣ и необходимости мщенія, которыя могли бы еще сблизить его съ нѣкоторыми изъ раннихъ байроновскихъ героевъ. Его разсказъ, мѣстами оживленный драматизмомъ, полонъ кровожадности и удали профессіональнаго убійцы, призраковъ и стоновъ загубленныхъ жертвъ. Байроновскій завѣтъ и образецъ коренньмъ образомъ измѣнился къ худшему.

Иныя условія обставили вліяніе Байрона на то изъ произведеній Пушкина, которое, задуманное въ расцвѣтъ его байронизма (май 1822 г.) стало на много лѣтъ спутникомъ поэта. Когда ему случалось указывать у Байрона тѣ поэмы, которыя наиболѣе могутъ быть сближены съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ», онъ называлъ «Донъ-Жуана» и «Беппо»; къ нимъ нельзя не присоединить «Чайльдъ-Гарольда». Но и здѣсь какъ своеобразно сложилось въ связи съ вліяніемъ личнаго характера поэта, особенностей среды, времени, національности, усвоеніе идей и красотъ образца! Въ соревнованіи съ «Донъ-Жуаномъ», котораго считалъ «чудомъ», Пушкинъ сознательно избѣгалъ сатиры, хотя вначалѣ ему и казалось, что онъ писалъ, «захлебываясь желчью» (въ первой главѣ?). «Если бы я коснулся сатиры, затрещала бы набережная»,—писалъ онъ А. Бестужеву. Но мыслимъ ли байроновскій «Жуанъ» безъ неистощимаго родника смѣлой и свободной насмѣшки, безъ сатиры нравовъ, политики и общественности? Могъ ли бы, съ другой стороны, томящійся хандрою Онѣгинъ выполнить хоть нѣсколько ту отвѣтственную задачу, которую, торжествуя, выходя невредимымъ изъ всѣхъ затрудненій и опасностей, выполняетъ его байроновскій первообразъ, во всеоружіи предпріимчивости, юмора, талантовъ завоевателя, и стать двигателемъ вереницы разнообразнѣйшихъ и разноплеменныхъ картинъ нравовъ? Но и съ Гарольдомъ у него лишь извѣстныя точки соприкосновенія,—и

какъ бы меланхолія или сплинъ Гарольдовскаго оттѣнка ни дробились въ началѣ поэмы между героемъ и его другомъ и собесѣдникомъ—авторомъ, изъ пресыщенности и скучающаго бездѣлья перваго и изъ раздумья второго все же не сложатся ни образъ, ни смѣняющіяся настроенія байроновскаго героя. Наконецъ, если видѣть въ «Беппо» только искрометную и скоромную сказочку было бы несостоятельно, такъ какъ и въ немъ шутка соединяется съ серьезно задуманными сатирическими выходками, то, съ другой стороны, не найдешь во всемъ «Онѣгинѣ» ни одной распущенной, карнавальной нескромности, точно также какъ послѣ оговорки поэта, не станешь искать и соціальной сатиры. Байроновское вліяніе здѣсь все же внѣ сомнѣнія, и, конечно, не по внѣшнимъ только признакамъ и мелочамъ, которыя, особенно вначалѣ, то и дѣло напоминаютъ о Байронѣ и его творчествѣ [1]). Съ русскимъ содержаніемъ, лицами и нравами изъ русскаго быта, развертывался передъ читателемъ романъ въ привитой отъ Байрона свободной формѣ, соединявшей общее съ личнымъ, шутливое или насмѣшливое съ грустнымъ и задумчивымъ, повѣствованіе съ отступленіями и эпизодическими вставками, гдѣ выступала личность поэта съ его думами, — въ неопредѣленной, неуловимой и тѣмъ болѣе чарующей своей новизной формѣ, которая тогда была откровеніемъ. Кровной близости съ образцомъ не помѣшало и то, что вмѣсто положительнаго образа скорбника выведенъ поверхностный подражатель модной разочарованности, съ Гарольдовымъ плащомъ на плечахъ, но и съ влеченіями Донъ-Жуана въ его юношескіе годы,—и то, что вслѣдъ за картинами свѣтской, городской жизни, болѣе или менѣе сходившимися съ бытовыми фактами у Байрона, со второй же главы вступилъ въ свои права элементъ совсѣмъ самобытный,—деревенская Русь. На почвѣ вліянія сдѣланъ былъ важный починъ, которому предстояло самостоятельное развитіе,—починъ русскаго общественнаго романа.

Но воздѣйствіе Байрона не могло пройти безслѣдно и на пушкинской лирикѣ. Начиная съ байроническаго ея первенца, элегіи «Погасло дневное свѣтило», вольнаго переложенія прощанія Гарольда съ отечествомъ, оно переходитъ за предѣлъ періода обѣихъ ссылокъ, за грань

---

[1]) „Онѣгинъ“, глава I, варіантъ V строфы,—„и могъ онъ съ ними, въ самомъ дѣлѣ, вести и мужественный споръ о Байронѣ, о Бенжаменѣ, о карбонарахъ“,—шутливое примѣчан. къ XXI стр., о взыскательной балетоманіи героя—„черта охлажденнаго чувства, достойная Чайльдъ-Гарольда“,—стр. XXXVIII, „но къ жизни вовсе охладѣлъ, какъ Childe Harold, угрюмый, томный“—стр. XXIX, объ Адріатикѣ и Брентѣ, „услышу вашъ волшебный гласъ, онъ святъ для внуковъ Аполлона по гордой лирѣ Альбіона“,—стр. LVI, „что намаралъ я свой портретъ, какъ Байронъ, гордости поэтъ“. Вторая глава, варіантъ V строфы, XII стр. и т. д.

жизни Байрона, который личнымъ обаяніемъ несомнѣнно дѣйствовалъ издали на ученика своего. Глубже стало раздумье, сосредоточеннѣе грусть, свободнѣе выраженіе меланхолическихъ настроеній, въ зародышномъ видѣ такъ поразительныхъ еще въ раннюю юность поэта,—могли зародиться такія элегіи, какъ «Я пережилъ свои желанья», «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты», «Къ Овидію», наконецъ, «Къ морю». Сдѣлана попытка совладать съ демонической темой. Вышла на волю политическая лирика, оставивъ за собой стиль эпиграммъ или неопытную риторику «Оды вольность», и вдохновляясь высшими гражданственными мотивами русскаго прогресса, либеральной тревогой Европы («Кинжалъ») или попытками народнаго освобожденія,—греческимъ возстаніемъ, пробудившимъ «уснувшій геній» поэта [1]). Трепетное, возбужденное состояніе его на югѣ, поддержанное вліяніемъ протестующей британской лирики, разлито по всѣмъ планамъ, наброскамъ, письмамъ, говорящимъ, напр., о симпатіяхъ къ неаполитанскимъ инсургентамъ, къ карбонаризму, или воскрешающимъ картины старинной новгородской вольности. Субъективныя свойства всюду наложили свою печать; меланхолія не переходитъ въ разрывъ, негодованіе; демонъ остается лишь силуэтомъ духа сомнѣнія, способнаго, въ разрѣзъ съ Люциферомъ, «не вѣрить свободѣ» [2]); за призывомъ къ освобожденію можетъ раздаться укоръ «мирнымъ народамъ», «стадамъ», для которыхъ безполезны «дары свободы», которыхъ «нужно рѣзать или стричь»; за мятежными порывами можетъ наступить успокоеніе, примиреніе противорѣчій; въ «Тавридѣ» слышатся тогда совсѣмъ не байроническіе звуки:

Покойны чувства, ясенъ умъ,
Пью съ воздухомъ любви томленье,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.

и комментарій къ нимъ: «страсти мои утихаютъ, тишина царитъ въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ».

Муза Пушкина не могла не отвлечь его отъ поэзіи протеста и гнѣва, отъ титанизма, міровой скорби, соціальной сатиры, но за тѣмъ періодомъ его молодой жизни, когда его особенно сильно захватило

---

[1]) Стихотв. „Возстань, о Греція, возстань", обыкновенно относившееся къ 1823 г. и вспоминающее о томъ, какъ страна „расторгла рабскія вериги при пѣньи пламенныхъ стиховъ Тиртея, *Байрона* и Риги", найдено проф. Шляпкинымъ въ черновикѣ 1830 г. и представляетъ, быть можетъ, возвратъ къ старому замыслу.—„Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина", 1903, 18—19.

[2]) Любопытныя соображенія по поводу стих. „Мой демонъ"—въ статьѣ проф. Дашкевича: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ", въ сборникѣ „Памяти Пушкина". Кіевъ, 1899.

байроновское влiянiе, всегда останется великая заслуга идейнаго и художественнаго воспитанiя поэта для самостоятельной дѣятельности.

«Байронъ былъ тѣмъ таинственнымъ звеномъ, которое соединило обширную литературу славянства съ словесностью Запада», заявлялъ впослѣдствiи съ парижской каѳедры Мицкевичъ, испытавъ на себѣ болѣе многихъ современниковъ силу его культурнаго влiянiя, но уже переживъ его. И, поясняя характеръ этого влiянiя въ польской поэзiи, онъ сдѣлалъ характеристическое показанiе: «Многiе изъ писателей не знали основательно творенiй англiйскаго поэта; они услышали лишь нѣсколько звуковъ, нѣсколько отрывковъ его стихотворенiй, и этого было достаточно. Онъ обладалъ такою силой, что ее угадывали изъ немногихъ словъ, и эти слова потрясали, пробуждали души, открывали имъ, какими онѣ были дотолѣ» [1]). Но если, по выраженiю новѣйшаго комментатора этихъ словъ [2]), поэзiя автора «Корсара» усилила и сознательно проявила то, что и раньше «скрыто было въ дремотномъ состоянiи въ лонѣ славянства, и, въ частности, польскаго общества», то магическое дѣйствiе вдохновенiя, направленное вообще на цѣлое поколѣнiе и оживившее его, въ выдающихся результатахъ запоздало сравнительно съ русской поэзiей на нѣсколько лѣтъ, и выставило рядъ замѣчательныхъ произведенiй по ту сторону предѣльной грани, обозначенной смертью Байрона. Для Пушкина уже прошла пора первыхъ экстазовъ, и рядъ творенiй, вызванныхъ ими, былъ на лицо, когда ни одного изъ знаменательныхъ байроническихъ созданiй Мицкевича еще не было задумано, а главнѣйшiй сверстникъ поэта въ дѣлѣ байронизма, Словацкiй, переживалъ еще годы отрочества.

«Корсаръ», «Лара» и «Абидосская невѣста» послужили образцами для первой байронической поэмы польской,—«Марiи» Антона Мальчевскаго [3]); краски природы и быта дала Украйна, мрачный историческiй фонъ образовалъ подлинный эпизодъ изъ жизни стараго дворянства (семьи Потоцкихъ) и борьбы съ татарами, меланхолiю внушила разбитая жизнь автора; искреннiе тоны лиризма любви, измученной разлукою, ненадолго озаренной счастьемъ свиданья и осужденной на гибель—нѣкогда главная красота поэмы въ глазахъ современниковъ—не вымышлены и не вычитаны, а взяты изъ душевныхъ испытанiй поэта. Въ ряду выведенныхъ лицъ нѣтъ титановъ, нѣтъ мучениковъ рефлексiи, нѣтъ идейныхъ разбойниковъ, но байроническое настроенiе проникло

---

[1]) Въ лекцiи изъ курса славянскихъ литературъ (томъ третiй).

[2]) Matuszewski, „Swoi i obcy“. Warszawa, 1903, стр. 298—99.

[3]) О Мальчевскомъ—статья Грамлевича, „Maria Malczewskiego w swietee nowej krytyki“. Przegląd Tygodn. 1884; Zdziechowski, Byron i jego wiek, II, 386—408; книга Мазановскаго, „Zywot i utwory M.“. Lwow, 1890.

трагическую фабулу и ея участниковъ. Сильно приподнятыя страсти, сословная борьба, семейный раздоръ, страдальческая личность героини и сочетаніе боевой отваги и рыцарскаго благородства съ печальнымъ раздумьемъ въ героѣ, Вацлавѣ, два старческихъ характера, обрисованныхъ рѣзкими чертами, надменный и мстительный Воевода и ненавистный ему честный и храбрый плебей Мечникъ,—нѣсколько романтическихъ аксессуаровъ, появленіе толпы предательскихъ масокъ въ опустѣломъ помѣстьѣ Мечника, гдѣ тоскуетъ Марія, игра контрастовъ—хоровой карнавальной пѣсни ихъ и меланхолической импровизаціи какого-то неизвѣстнаго скитальца, который видитъ это дикое веселье,—фигура отрока, неразлучнаго съ Вацлавомъ, какъ пажъ съ Ларой, — все напоминаетъ байроновскіе мотивы и пріемы. Мрачныя тѣни налегли на легендарную основу,—адское коварство Воеводы, лживо примиряющагося съ сыномъ, чтобы удалить его на войну и подослать убійцъ къ его женѣ; много силы и движенія въ боевыхъ сценахъ; безконечна скорбь молодого побѣдителя передъ трупомъ замученной жертвы, трагиченъ его разрывъ съ жизнью и людьми, а вокругъ семейной драмы разстилается привольная степь съ ея вѣковой тишиной и колеблющимся моремъ травъ [1]).

Въ такихъ чертахъ слагалась въ глуши волынской деревни, куда Мальчевскій удалился послѣ долгихъ скитаній по Западу, эта (увидавшая свѣтъ лишь въ 1825 г.) первая внушенная Байрономъ въ Польшѣ поэма. Но уже прозвучали отмѣченныя тѣмъ же настроеніемъ импровизаціи того поэта, которому суждено было, и въ области байронизма, и на широкой аренѣ національной поэзіи, отодвинуть Мальчевскаго на второй планъ. Какъ для Гейне, Байронъ для Мицкевича явился прежде всего опорой въ тяжеломъ потрясеніи отъ разбитой любви. Въ нестройной и переполненной народною фантастикой рамкѣ «Дзядовъ», съ неожиданными отголосками Жанъ-Поля, Шиллера и въ особенности «Вертера», выдвигаются теперь мотивы такого безысходнаго отчаянія, такой безутѣшной скорби и безумнаго ропота на судьбу, на которыхъ уже лежитъ печать байроновскаго вліянія; таинственное и призрачное еще шире развилось подъ вліяніемъ «Манфреда»; герой того же произведенія внушилъ страдальческой тѣни Густава многія изъ наиболѣе потрясающихъ выраженій тоски и печали; «The Dream» и иныя элегическія

---

[1]) Прекрасныя картины степи, открывающія собой поэму, связаны съ явленіемъ быстро несущагося на конѣ казака, который везетъ зловѣщее письмо Воеводы и своей скачкой одинъ только нарушаетъ тишину и пустынность. Любопытно, какъ этотъ мотивъ изъ „Гяура" вмѣстѣ съ вопросительной формой при видѣ всадника (Who thundering comes on blackest steed?) повторился у Мальчевскаго и у Пушкина въ „Полтавѣ" („Кто при звѣздахъ и при лунѣ" и т. д.).

изліянія любви Байрона къ Мэри Чавортъ встрѣтились съ грустной былью о привязанности польскаго поэта къ вѣроломной Марылѣ. Но впереди были событія и испытанія иного рода: живое участіе въ политическомъ броженіи, слѣдствіе, долгій арестъ, высылка внутрь Россіи, кочеванія по ней съ юга на сѣверъ, первыя откровенія поэзіи природы, горъ, моря, передъ изгнанникомъ въ Крыму, множество политическихъ, національныхъ, художественныхъ возбужденій. Тогда Байронъ раскрылся передъ Мицкевичемъ во всей полнотѣ творчества; стало возможнымъ созданіе «Крымскихъ сонетовъ», «Конрада Валленрода» и самаго поздняго изъ байроническихъ произведеній, но и самаго поразительнаго,— *третьей* части «Дзядовъ». Но ростъ мицкевичевскаго байронизма относится уже къ иному періоду. Вѣдь когда Мицкевичъ, какъ очарованный «пилигримъ», углублялся все дальше въ Крымъ, когда изъ степей Козловскихъ онъ увидалъ на горизонтѣ величавыя очертанія Чатырдага, когда раскинулась передъ нимъ голубая пелена моря, и подъ вліяніемъ этихъ красотъ ожила муза поэта, исполнился годъ со времени тихихъ, незамѣтныхъ похоронъ Байрона въ склепѣ деревенской церкви Гэкнолла.

III.

Съ того дня, когда бригъ «Геркулесъ» отплылъ изъ Генуи, 16-го іюля 1823 г., къ греческимъ водамъ, унося Байрона навстрѣчу смерти, общественное мнѣніе Европы, печать всѣхъ оттѣнковъ, вся читающая публика, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя чуть не изо дня въ день за ходомъ экспедиціи, создали для Байрона новую славу, въ которой самоотверженный подвигъ стоялъ выше поэтическихъ заслугъ; нравственная и религіозная нетерпимость, недавно возмущенная «Каиномъ» и «Донъ-Жуаномъ», смолкала передъ очевидностью благороднаго душевнаго подъема; богатырство народнаго вождя, казалось, искупало легкомысліе поэта и дерзость соціальнаго отщепенца. Если даже англійская печать удостоивала сообщать сочувственныя вѣсти о дѣйствіяхъ Байрона въ Греціи, то усилившіяся симпатіи остальной прессы къ его предпріятію тѣмъ болѣе понятны. Всѣ ждали великихъ событій, многимъ грезилось, что удача греческаго дѣла поведетъ за собой всеобщее освобожденіе народовъ.

Среди напряженнаго ожиданія внезапная вѣсть о смерти Байрона, вскорѣ обставленная печальными подробностями его послѣднихъ дней, съ трагическимъ разладомъ между его идеализмомъ и ничтожествомъ большинства сподвижниковъ, произвела потрясающее впечатлѣніе. Настала *общеевропейская* демонстрація въ честь Байрона, и прежде всего—

поэтическая тризна, въ которой приняли участіе десятки, чуть не сотни стихотворцевъ всѣхъ національностей. Въ ней развивался на много ладовъ тотъ же мотивъ горя, сожалѣнія, воспоминанія,—все же эта масса заявленій, вѣнчавшихъ поэта, явилась *первымъ* крупнымъ показателемъ успѣховъ байронизма, оставившимъ далеко за собой одиночныя попытки подражанія или переложенія.

Не все во множествѣ некрологическихъ изліяній отмѣчено одинаковымъ достоинствомъ. Личныя свойства, уровень пониманія, отголоски невольныхъ предпочтеній, безотчетное преклоненіе передъ чѣмъ-то великимъ, но непостижимымъ,—все сказывается въ нихъ. Для Виктора Гюго, прибѣгнувшаго, въ видѣ исключенія, къ формѣ статьи, полной художественныхъ образовъ [1]), смерть Байрона «была однимъ изъ бѣдствій, которыя поражаютъ человѣка въ заповѣдномъ тайникѣ души»; «когда до насъ дошла вѣсть о томъ, что его не стало, мы почувствовали, будто у насъ отняли часть нашей будущности». Гюго—не сторонникъ «мрачной и гордой личности, которая проходитъ въ каждой поэмѣ, словно окутанная траурной дымкой», порицаетъ неправильность построенія, быстроту переходовъ, фантастическую неясность описаній, но, «несмотря ни на что, даже въ менѣе выдающихся произведеніяхъ воображеніе поэта возноситъ его на такія высоты, которыхъ не достигнетъ безкрылый». «Орелъ можетъ вперять очи на землю, все же за нимъ чудная сила взгляда, проникающая въ глубь небесъ». Гюго возстаетъ противъ упрековъ Байрону въ «сатанизмѣ», проводитъ различіе насмѣшки у Байрона и у Вольтера, съ которымъ его иногда сравнивали («вѣдь Вольтеръ никогда не страдалъ!» восклицаетъ онъ), и заканчиваетъ апоѳеозомъ байроновскаго подвига въ Греціи.

Вокругъ Гюго съ его авторитетнымъ заявленіемъ послышались безчисленныя варіаціи на поминальную тему не только главныхъ, но и нестроевыхъ и заштатныхъ участниковъ въ движеніи. Въ первыхъ рядахъ выступилъ Казимиръ Делавинь, посвятивъ памяти Байрона одну изъ своихъ «Messeniennes» [2]), которыя производили тогда необыкновенное впечатлѣніе. Еще не отвыкнувъ отъ классической звучности и декламаціонныхъ эффектовъ, онъ сумѣлъ ввести въ оду искренніе тоны сочувствія, грусти и воодушевленія. Сравнивъ омертвѣвшую въ неволѣ Грецію съ трупомъ удивительной красавицы, чьи взоры потухли, чьи изящныя движенія скованы, поэтъ изображаетъ чудесное ея пробужденіе въ прежней красотѣ и силѣ. «Son bras s'allonge, et cherche un glaive; elle vit, elle parle, elle a dit: *Liberté!*» Съ стонами и горемъ

---

[1]) „Sur Lord Byron, à propos de sa mort".

[2]) Oeuvres complètes de Casimir Delavigne, édit. Didier, 1856, vol. II.

пробудившагося народа, при видѣ гибели его избавителя, сливаются личныя изліянія чувствъ автора:

Flots purs, où s'abreuvait la poésie antique,
Child Harold sur vos bords revient pour succomber.
Versez votre rosée à ce front héroïque
Que la mort seule a pu courber.

—восклицаютъ греки, а Делавинь, не допуская мысли, чтобы усыпальница великихъ людей Англіи, Вестминстерское аббатство, могла преградить къ себѣ доступъ праху Байрона, въ заключительномъ ораторскомъ порывѣ требуетъ почетнѣйшаго мѣста поэту, передъ тѣнью котораго долженъ разступиться сонмъ національныхъ знаменитостей:

Westminster, ouvre-toi! Levez-vous devant elle,
De vos linceuls dépouillez les lambeaux,
Royales majestés! et vous, race immortelle,
Majestés du talent, qui peuplez ces tombeaux!
Le voilà sur le seuil, il s'avance, il se nomme...
Pressez-vous, faites place à ce digne héritier!
Milton, place au poète! Howe, place au guerrier!
Pressez-vous, rois, place au grand homme!

Вслѣдъ за этой «Messenienne» явились восемь стихотвореній того же названія какого-то Marvaud, затѣмъ коллекція «Byroniennes» Эжена Грюмье, съ сценами изъ греческой экспедиціи поэта, видѣніями его прошлаго, смертью и похоронами, апоѳеозомъ. Ulric Guttinguer выступилъ съ «Диѳирамбической пѣснью»; вспоминали о Байронѣ Пьеръ Лебрэнъ, А. де-Виньи [1]). Но никто изъ французскихъ поэтовъ не испыталъ ничего подобнаго нервному возбужденію, пророческому экстазу и славолюбивому стремленію присвоить себѣ байроновскіе лавры,—вызваннымъ кончиною поэта у Ламартина. Снова вернулся онъ къ темѣ ранней оды къ Байрону и захотѣлъ подвести итогъ.

Такъ возникла неудачная идея «Dernier chant de Childe Harold». Лишенный способности понять внутреннюю связь и ходъ развитія байроновской поэзіи въ различные періоды, не сознавая, что насмѣшка, сатира, философскій подъемъ мысли, мощное проявленіе личности могли привести поэта къ широкому заступничеству за угнетенныхъ, онъ выдѣлилъ изъ всей жизни Байрона только лично ему сочувственное, отвергая остальное, какъ пагубную ошибку или гордыню, и, перемѣстивъ центръ тяжести въ заключительный актъ судьбы поэта, видѣлъ въ его гибели подъ Миссолонги искупленіе дѣлъ и помышленій геніальнаго грѣшника. Для развязки «Чайльдъ-Гарольда» ему не только показалось

[1]) О другихъ участникахъ въ чествованіи памяти Байрона см. книгу Walter Clark, „Byron und die romantische Poesie in Frankreich". Leipzig, 1901.

необходимымъ выдержать завѣщанное Байрономъ отождествленіе автора съ героемъ поэмы, но и пересказать, подъ покровомъ прозрачнаго псевдонима, послѣдніе дни Байрона, сначала наравнѣ съ общеизвѣстными фактами, потомъ съ собственнымъ поучительнымъ заключеніемъ. Онъ слѣдитъ за Гарольдомъ-Байрономъ съ отъѣзда его изъ Генуи, изображая прощаніе его съ спящею, разметавшеюся во всей своей красотѣ Терезой Гвиччіоли, чья привязанность была будто бы для него «сладостнымъ обманомъ», его раздумье, когда корабль уносилъ его все дальше отъ береговъ Италіи, прощаніе съ этой страной мертвыхъ, давшей ему одни лишь разочарованія, затѣмъ начало борьбы съ турками. Воображеніе рисуетъ Ламартину сцены схватокъ и сѣчи; Гарольдъ идетъ на абордажъ, совершаетъ чудеса храбрости; уже Пантеонъ открывается передъ нимъ, но, роняя мечъ и ища покоя, онъ уединяется въ пустынныя мѣста и въ тиши бѣднаго монастыря, напутствуемый старцемъ-монахомъ, умираетъ, въ строгой исповѣди передъ самимъ собой обозрѣвая свою жизнь и возносясь мыслью къ Божеству, котораго онъ не видѣлъ, но къ которому безотчетно стремился. Покаянная развязка полна спасительныхъ уроковъ. Байронъ поздно сознаетъ, что «растратилъ въ сомнѣніяхъ время, необходимое для дѣйствія»; выставлено его прежнее безбожіе и поклоненіе вселенской душѣ въ образѣ языческаго Пана. Среди грозныхъ небесныхъ видѣній умирающій подвергается последнему испытанію. Одинъ за другимъ гаснутъ три посланныхъ ему божественнымъ милосердіемъ свѣточа,—свѣточи Вѣры, Разума и Генія, «который слишкомъ часто блисталъ, не освѣщая»; въ роковой урнѣ найдетъ онъ разрѣшеніе своихъ сомнѣній, но въ то время, когда онъ опускаетъ на дно руку, змѣя внезапно обвиваетъ его, онъ падаетъ,— слышится возгласъ: «Гарольдъ, ты ошибся!» Черезъ мгновеніе его нѣтъ болѣе,—и поэтъ молитъ ангела суда «пощадить и начертать на челѣ почившаго слово прощенія». Съ тѣмъ же вызовомъ обращается онъ и ко всѣмъ, кто гдѣ бы то ни было испытывалъ обаяніе погибшаго, моля у нихъ для него «только слезы, одной слезы»:

Et vous qui jusqu'ici, de climats en climats,
Enchaînés à sa lyre, avez suivi ses pas,
Si ses chants quelquefois ont élevé votre âme,
Donnez-lui... donnez-lui... ce qu'une ombre réclame,
Une larme!..

Неудачной этой тризнѣ суждено было вызвать вокругъ памяти о поэтѣ оживленную полемику и сильное броженіе въ Италіи. Безтактныя и въ рѣзкости своихъ отзывовъ о ней несправедливыя строфы (XIII и XIV), вложенныя въ уста Гарольду, вызвали въ передовой итальянской молодежи рѣшеніе протестовать противъ оскор-

бленія. Ламартину пришлось драться изъ-за него на дуэли съ однимъ изъ горячихъ патріотовъ, Пепе, но кромѣ того онъ выслушалъ отъ независимаго и благороднаго судьи, Пьетро Джордани [1]), уничтожающій приговоръ. Джордани чудится, что Байронъ, поднявшись изъ гробницы, говоритъ стихотворцу: «я узнаю васъ по обычнымъ вашимъ пріемамъ, донъ Альфонсъ. Вы уже пытались сдѣлать изъ меня страшилище и только изъ любезности или состраданія назвали меня дьяволомъ. А теперь что за новая манія! Какъ вы могли подумать, что я выбралъ себѣ заступника изъ посѣтителей парижскихъ министерскихъ прихожихъ, что свѣтъ потерпитъ, чтобы вы отъ моего имени заявляли нелѣпыя и нестерпимыя обвиненія противъ народа, который я такъ любилъ, которому такъ сострадалъ. Вы хотите продолжать «Чайльдъ-Гарольда»! Вы, не читавшій его! Вѣдь если бы вы его знали, вы не заставили бы меня теперь опровергать все, что я сказалъ тамъ въ пользу Италіи... Выступалъ ли когда-нибудь баловень судьбы съ такими рѣчами къ несчастнымъ и угнетеннымъ: *вы* виноваты, ваша участь вполнѣ заслужена!» Нервно возбужденный протестъ Джордани кончаетъ гнѣвнымъ приказомъ, «въ силу законной власти, которую люди свободные и искренніе имѣютъ надъ неискренними и несвободными, не приписывать болѣе своихъ развязныхъ умствованій дѣятелямъ слишкомъ несроднымъ съ ними. Байронъ можетъ быть ненавистенъ вашей партіи,—онъ и не стремился никогда быть ей угоднымъ,—но тщетно будутъ на него клеветать и выставлять его клеветникомъ» [2]).

Смерть Байрона подвергла такому же искусу искренность байронизма Гейне. Когда его геніальнаго собрата не стало (случайно узналъ онъ о томъ лишь нѣсколько недѣль спустя), Гейне былъ опечаленъ. Его чувства выразились въ письмахъ къ друзьямъ (Л. Роберту, Мозеру, Христіани), гдѣ онъ скорбитъ объ утратѣ человѣка, съ которымъ сознавалъ себя солидарнымъ, какъ съ «*вполнѣ равноправнымъ* товарищемъ»; «не бьется уже болѣе это великое сердце», восклицаетъ онъ; онъ чествуетъ могучаго человѣка, который, «страдая, открылъ новые обширные міры», который «съ отвагой Прометея вызывалъ на борьбу презрѣнное человѣчество и еще болѣе презрѣнныхъ боговъ его. Take him all in all, *he was a man*,—не скоро увидимъ мы ему подобнаго» [3])... При такомъ настроеніи легко ожидать отъ Гейне одного изъ лучшихъ вкладовъ въ некрологическую лирику. Дѣло обошлось таинственно кра-

---

[1]) Выдающіяся черты его жизни и дѣятельности недавно характеризованы по новымъ матеріаламъ въ книгѣ Eugenia Montanari, „Pietro Giordani". Firenze, 1903.

[2]) Opere di Pietro Giordani, XI, p. 158.

[3]) Deutsche Rundschau, 1901, іюнь, статья Эльстера, „H. Heine und Christiani".

сивымъ наброскомъ туманнаго видѣнія, въ которомъ печальное и безконечное плаваніе корабля съ останками поэта изъ дальней Греціи на родину замѣнилось, въ условно-романтическомъ вкусѣ, призракомъ черной барки, плывущей по океану, съ мрачными, непроницаемо закутанными спутниками мертвеца, и тѣломъ, лежащимъ посреди съ открытымъ челомъ...

Въ то время, когда писалось это стихотвореніе, Гейне какъ будто ожидалъ перехода къ нему царственной поэтической роли. Есть слѣды суетнаго замысла ускорить собственное провозглашеніе; онъ понуждалъ друзей, Мозера и Роберта, написать статью, гдѣ преемственность отъ Байрона къ нѣмецкому собрату была бы выставлена,—встрѣтилъ отпоръ, въ перепискѣ возвращался къ этой мысли [1]), и съ неудовольствіемъ подавилъ ее въ себѣ. Но, не нуждаясь въ актѣ престолонаслѣдія, талантъ Гейне быстро пробивалъ себѣ путь къ славѣ; желаніе опереться на могучую помощь замѣнилось жаждой единовластія; все еще слышавшіяся напоминанія, что міровая скорбь усвоена имъ отъ Байрона, раздражали. Пересуды и сплетни объ умершемъ, шедшіе изъ Англіи и лишь въ наше время отвергнутые біографическими изысканіями, также подѣйствовали,— и Гейне поразительно скоро охладѣлъ къ своему кумиру, не сохранивъ даже благодарности за былыя наслажденія. Въ «Nordsee» онъ заявляетъ, что «изъ всѣхъ великихъ писателей Байронъ при чтеніи его твореній производитъ на него самое тягостное впечатлѣніе»,—и затѣмъ всюду, гдѣ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ приходилось касаться Байрона или байронистовъ, у него всегда найдется слово осужденія или ироніи.

Но велика сила рано вынесенныхъ впечатлѣній. Пытаясь заставить забыть, что между юморомъ «Reisebilder» или «Deutschland, ein Wintermärchen» и ироніей «Донъ-Жуана» кровное родство, Гейне, особенно въ лирикѣ, сберегъ (какъ теперь доказано подборомъ примѣровъ) склонность къ пріемамъ, сравненіямъ, ходячимъ мыслямъ байроновскаго пошиба. Въ «Nordsee», «Heimkehr», въ «Buch Legrand» слышатся эти отголоски; поэтъ, проникая взоромъ въ будущее, говоритъ чуть не словами Байрона о безсмертіи, ожидающемъ его пѣсни, беретъ у своего образца печальный символъ «невыплаканной слезы» (unshead tear) или сродства страданія и наслажденія, — по-байроновски «двухъ именъ для одного и того же понятія» и т. д.

Вторя скорби Гейне, слышались въ Германіи заявленія крупныхъ и второстепенныхъ поэтовъ,—характеризованнаго уже въ искренней симпатіи автора «Греческихъ пѣсенъ», Вильг. Мюллера, даже Шамиссо,

---

[1]) Онъ возвращался къ ней нѣсколько разъ—въ письмахъ отъ 25 іюня, 20 іюля, 25 окт. 1824 г.

который оставилъ романтически-туманныя мечтанія для оды въ честь Байрона и Наполеона. Изъ Англіи послышались искреннія строфы Роджерса (введенныя въ поэму «Italy»), воздавшія съ рѣдкою для англичанина-современника смѣлостью хвалу благородству и великодушію Байрона, освобождая его память отъ нареканій, выставляя всю мѣру вынесенныхъ имъ страданій, покрывая его ошибки всепрощеніемъ и любуясь «закатомъ блестящей звѣзды, озарившей небосводъ». Выступили съ сочувственнымъ словомъ и русскіе поэты.

Впечатлѣніе и въ Россіи было необыкновенно сильно. «Какая поэтическая смерть!» писалъ Тургеневу Вяземскій. «Онъ предчувствовалъ, что прахъ его приметъ земля, возрождающаяся къ свободѣ, и убѣжалъ отъ темницы европейской. Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому. Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено; знать, пламенникъ его погасъ. Греція древняя, Греція нашихъ дней, и Байронъ мертвый—это океанъ поэзіи». Корреспондентъ Вяземскаго, не раздѣляя его энтузіазма и считая, что «Байронъ умеръ вполовину давно уже для поэзіи, ибо послѣднія его сочиненія ниже его репутаціи, находилъ, однако, что смерть его въ виду возрождающейся Греціи—завидная и поэтическая». Ожиданій относительно Жуковскаго онъ не раздѣлялъ, ссылаясь на тяжелое душевное его состояніе («Жуковскій узналъ о смерти Байрона, имѣя на рукахъ сумасшедшаго русскаго поэта»,—Батюшкова), но ожидалъ, что «Пушкинъ, вѣрно, схватитъ моментъ сей и воспользуется случаемъ» [1]). Вяземскій обратился къ Пушкину и не только съ вызовомъ къ поэтической тризнѣ, но и съ близкимъ къ затѣѣ Ламартина планомъ закончить «Чайльдъ-Гарольда» пятою пѣснью, прославляющею смерть Байрона [2]).

Планъ этотъ, къ счастью, не былъ выполненъ ни однимъ изъ русскихъ стихотворцевъ [3]). Но, не дожидаясь образца или примѣра съ Запада (въ частности—«Messenienne» Делавиня, которая, какъ видно изъ современныхъ показаній, произвела и у насъ большое впечатлѣніе), они, одинъ передъ другимъ, выступали съ оцѣнками поэта, связывая съ послѣдними его подвигами всю его жизнь. Такъ въ стихотвореніи Козлова проходятъ послѣдовательно картины ранней юности Байрона, его перваго путешествія, гдѣ онъ уже «пѣлъ угнетеннымъ свободу», семейной драмы, разрыва съ Англіей, манфредовскихъ блужданій въ заоблачномъ

---

1) Остафьевскій архивъ, 1899, III, 48—49 и 51.

2) Соч. Пушкина, подъ ред. Ефремова, 1903, VII, отвѣтное письмо Вяземскому отъ іюня 1824. „Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна,—писалъ Пушкинъ,—но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила“, и т. д.

3) „Странные вы люди!—сердился Вяземскій на Жуковскаго:—да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, то я почти обрадовался бы смерти Байрона, какъ поэтическому кладу, брошенному съ неба на прозаическую лощину нашего вѣка“.

царствѣ горъ, наконецъ греческой экспедиціи. Искреннее чувство, проникающее элегію, соединяется мѣстами и съ выразительною образностью рѣчи; слѣпцу-поэту почудилось, что, «скитаясь, какъ странникъ безродный», по лѣсамъ, по горамъ Швейцаріи, Байронъ «смотритъ и внемлетъ, какъ вихри свистятъ, какъ молніи вьются, утесы трещатъ, какъ громы въ горахъ умираютъ», и восклицаетъ: «О вихри, о громы, скажите вы мнѣ, въ какой же высокой, безвѣстной странѣ душевныя бури стихаютъ?» Готовность «поддержать въ борьбѣ роковой великое дѣло великой душой—святое Эллады спасенье», увѣнчавшая, въ глазахъ Козлова, трагическую судьбу поэта, стала главнымъ мотивомъ стихотворенія Кюхельбекера [1]). Сначала нестройное и переполненное аксессуарами въ балладно-романтическомъ вкусѣ, оно проводитъ передъ очами Пушкина («пѣвца, любимца россіянъ»), сидящаго ночною порой въ мечтаніи гдѣ-то на утесѣ, омываемомъ «Эвксиномъ», рядъ призраковъ и видѣній: это исполинская тѣнь Байрона и вьющіяся вокругъ хороводомъ тѣни воспѣтыхъ имъ лицъ, «облекающіяся въ лицо и тѣло»; тутъ и «зловѣщій (?) Дантъ», и Тассъ, Гяуръ, Манфредъ, Мазепа, дожъ Фальеро; пронеслось дивное видѣніе, «скрылось въ мракѣ бездны»,—и авторъ, словно почувствовавъ себя на свободѣ, отдается выраженію горя, поднимаясь въ иныхъ стихахъ до неподдѣльно-искренняго лиризма («Упала дивная комета! Потухнулъ среди тучъ перунъ! Еще трепещетъ голосъ струнъ, но нѣтъ могучаго поэта! Онъ палъ—и средь кровавыхъ сѣчъ свободный грекъ роняетъ мечъ»... «Ты взвѣсилъ ужасъ и страданья, ты погружался въ глубь сердецъ и средь волненій и терзанья рукой отважной взялъ вѣнецъ завидный, свѣтлый, но кровавый, вѣнецъ страдальчества и славы»). И долго еще звучалъ въ произведеніяхъ другихъ стихотворцевъ отголосокъ погребальныхъ мотивовъ, обставленныхъ эллинской рамкой борьбы и вольнолюбія. Такъ, безыменный авторъ стихотворенія «На смерть Байрона», помѣченнаго 1825 годомъ, но напечатаннаго въ «Альбомѣ сѣверныхъ музъ» лишь въ 1828 г. (въ дѣйствительности Рылѣевъ), изображаетъ сцену въ храмѣ въ Миссолонги, гдѣ толпа, рыдая, обступаетъ гробъ поэта,—«какъ будто въ гробѣ томъ свобода воскресшей Греціи лежитъ»,—обрушивается съ укоризнами на неблагодарную Англію и предрекаетъ вѣчную славу Байрону («Но сердца подвигъ благородный не истребится никогда! Къ могилѣ Байрона святой всегда звѣздой онъ будетъ путеводной») [2]).

---

[1]) Помѣщено было въ „Мнемозинѣ", 1824, книга III, и затѣмъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ.

[2]) Въ первоначальной редакціи, безъ измѣненій, сдѣланныхъ издателемъ альманаха, стихотв. это напечат. въ Полн. собр. соч. К. Ѳ. Рылѣева, подъ ред. Г. Балицкаго. М. 1906.

Тѣ же впечатлѣнія, произведенныя смертью поэта, тѣ же сочувственныя припоминанія его дѣятельности встрѣтимъ въ некрологическихъ статьяхъ, въ настроеніи интеллигентныхъ группъ, среди эстетиковъ, философовъ, дилеттантовъ. Н. Полевой въ первой книжкѣ «Московскаго Телеграфа», помѣщая описаніе смерти Байрона, составленное очевидцемъ (Флетчеромъ), и некрологъ, принадлежащій Вальтеръ-Скотту, сопровождаетъ послѣднюю статью «прибавленіемъ», гдѣ называетъ «великаго Байрона необыкновеннымъ явленіемъ въ нравственномъ мірѣ нашего времени», и, находя, что «творенія истиннаго генія отличаются или отраженіемъ въ нихъ впечатлѣній на умъ и чувства поэта, или непостижимою силой, съ какою геній выражаетъ самого себя въ своихъ твореніяхъ», удивляется тому, что «Байронъ соединялъ оба свойства генія, живописалъ міръ вещественный и міръ фантазіи съ неподражаемою силой, и изумлялъ изображеніемъ человѣка, постигая его въ самомъ себѣ» [1]). Кружокъ философовъ и эстетиковъ «Мнемозины» присоединился къ всеобщему движенію, «когда благороднѣйшія сердца и лучшіе умы всей Европы скорбятъ о преждевременной смерти сего великаго мужа». Веневитиновъ, выказавшій вскорѣ въ статьѣ объ «Онѣгинѣ» высокое мнѣніе о міровомъ значеніи байроновской поэзіи, задумывалъ драматическій «прологъ» «Смерть Байрона», выведя въ двухъ изъ дошедшихъ до насъ небольшихъ отрывковъ Байрона то въ монологѣ, обращенномъ къ Греціи, то въ совѣщаніи съ неизвѣстнымъ «вождемъ грековъ», которому на вызовъ: «сынъ сѣвера! готовься къ бою!»—поэтъ отвѣчаетъ: «я умереть всегда готовъ». Когда же среди хора сѣтованій послышался голосъ Пушкина, Веневитиновъ горячо отозвался словами благодарности на «хвалебнымъ громомъ прозвучавшіе стихи», въ которыхъ достойно вспомянутъ былъ «пророкъ свободы смѣлый, тоской измученный поэтъ» [2]).

Заявленіе Пушкина, *его* вкладъ, при первенствующемъ положеніи въ кругу русскихъ байронистовъ, дѣйствительно получали важное значеніе. Но если Жуковскому не пришлось высказаться по поводу смерти Байрона, то и Пушкинъ не овладѣлъ «океаномъ поэзіи», на который ему указывали. Печальная вѣсть застала его на югѣ, въ Одессѣ; она всколыхнула много свѣтлыхъ воспоминаній юности, вызвала образъ человѣка, съ которымъ связано было столько порывовъ и замысловъ, перевоспитаніе въ духѣ творческой и политической свободы. Но стихо-

---

[1]) „Моск. Телеграфъ", 1825, I, 39—40. Вскорѣ (№ 20) помѣщенъ былъ отрывокъ изъ прозаическаго переложенія строфъ о Нью-Стэдскомъ аббатствѣ — первый опытъ русскаго перевода „Донъ-Жуана", съ прибавленіемъ объяснительной статьи, очевидно принадлежащей Вяземскому.

[2]) Полное собраніе стихотвореній Веневитинова, изд. 6-е, стран. 6—9 и 34.

творной тризнѣ, соотвѣтствующей глубинѣ утраты, не суждено было осуществиться. Отказъ докончить «Гарольда» понятенъ и проникнутъ уваженіемъ къ «священной памяти». Менѣе понятна возможность отдаться (въ письмѣ къ Вяземскому, іюнь, 1824 г.) разсужденіямъ о томъ, что «геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью», что «въ трагедіяхъ, *не выключая и Каина,* онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чильдъ-Гарольда», что онъ «вдругъ созрѣлъ и возмужалъ,— пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки ужъ къ нему не возвратились». Смерть Байрона казалась Пушкину «высокимъ предметомъ для поэзіи», и онъ радовался ей, но памяти Байрона отвелъ лишь одиннадцать стиховъ въ прекрасномъ стихотвореніи «Къ морю», въ которомъ, послѣ живой поэзіи природы и лирической исповѣди, одновременно вспомянуты два покойника, взволновавшіе міръ, Байронъ и Наполеонъ,—пріемъ довольно распространенный тогда и на Западѣ. Поэту воздана честь, какъ «властителю нашихъ думъ»; его «оплакала свобода», но послѣ краткихъ указаній на культурную силу Байрона вниманіе сосредоточено на мощи, глубинѣ, неукротимости, мрачности,—атрибутахъ, вполнѣ подходящихъ для параллели съ бурной стихіей океана, но не охватывающихъ всей поэтической физіономіи Байрона. Грустное настроеніе послѣднихъ куплетовъ, сознаніе, что съ уходомъ подобныхъ людей «міръ опустѣлъ», порукой въ томъ, что испытанная въ дѣйствительности грусть была сильнѣе отраженія, которое отведено въ обращеніи «Къ морю». Проходитъ годъ, и въ глуши Михайловскаго Пушкинъ доставляетъ себѣ грустную отраду панихиды по «рабѣ Божіемъ Георгіи» (она была отслужена и Вульфами въ Тригорскомъ,—эти чествованія напомнили Пушкину «la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de mr. de Voltaire» [1]), а стихотвореніе «Андрей Шенье» открывается образомъ изъ царства тѣней, возвеличивающимъ поэта, поставленнаго на ряду съ великими творцами: «межъ тѣмъ какъ изумленный міръ на урну Байрона взираетъ», «хору европейскихъ лиръ *близъ Данта тѣнь его внимаетъ*»,— и долго потомъ будетъ оживать по временамъ у Пушкина память о прежнемъ властителѣ его думъ.

«Хоромъ европейскихъ лиръ», отозвавшихся на гибель Байрона, завершился ранній періодъ европейскаго байронизма. На смѣну непосредственныхъ учениковъ поэта выступали новые люди, несравненно болѣе надѣленные способностью усвоить и проявить его завѣты. Настало долгое и интенсивное посмертное вліяніе Байрона.

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. Ефремова, VII; 173.

II. Послѣ Байрона.

---

1. Западныя литературы.

Посмертное вліяніе Байрона—одинъ изъ любопытныхъ фактовъ въ «психологіи народовъ». Круговоротъ общественныхъ настроеній и симпатій, всегда неустойчивыхъ, съ короткой памятью, съ быстрыми переходами отъ энтузіазма къ охлажденію, неблагодарному забвенію, долженъ былъ бы, казалось, обнаружить повсемѣстную убыль увлеченія, какъ только миновали героическія впечатлѣнія гибели поэта-вождя и прерванъ былъ многолѣтній гипнозъ, непосредственно исходившій отъ необычайной личности и блестящаго творчества. Но вмѣсто убыли мы наблюдаемъ приливъ, сосредоточенность, интенсивность. Великаго поэта нѣтъ, но его образы и замыслы глубже прежняго усвоиваются новыми поколѣніями; боевого представителя передовой мысли не стало, но завѣты его живы и все шире развиваются преемниками, не слѣпыми подражателями, но исповѣдниками его ученія. Мелочи байронической моды, театральность, загадочность, титаническіе аллюры, могутъ еще иногда привлекать къ себѣ, но истинное содержаніе поэзіи Байрона, общественно-политическая руководящая роль, въ связи съ главными художественными красотами, становятся источникомъ вдохновенія для тѣхъ, кому выпала на долю борьба съ старымъ порядкомъ въ государствѣ, обществѣ, нравственномъ строѣ, литературѣ. Пусть отъ Байрона отпадутъ Гейне, Ламартинъ, де-Виньи, и Пушкинъ покинетъ юношескіе восторги для разсудочнаго сочувствія, — на смѣну готовы новые дѣятели; одно уже славянское племя выставляетъ богатый ихъ выборъ; подходятъ неожиданныя подкрѣпленія и съ другихъ сторонъ, напр., изъ Испаніи. Все группируется вокругъ испытаннаго имени, магически звучащаго, слушается стараго лозунга.

Канунъ іюльской революціи, отмѣченный попытками пересилить духъ времени; безстыдный политическій фарсъ въ Испаніи, съ отреченіемъ короля отъ клятвенно закрѣпленной конституціи, гоненіемъ на на-

родное представительство, казнью благороднаго Ріэго, вытравливаніемъ даже элементарныхъ запросовъ на справедливость и законность; затишье въ Италіи, смѣнившее періодъ броженія и охраняемое союзомъ папства, Бурбоновъ и Австріи; допотопный режимъ германскаго Bund'a, съ его стремленіемъ наложить запретъ на мысль чуть не при зарожденіи ея въ мозгу подозрительныхъ людей и не дать ей воплотиться ни въ живомъ словѣ, ни въ печатной строкѣ; ближайшіе къ 14 декабря годы внутренней политики, полные репрессій, рѣзко разбивавшіе надежды людей пушкинскихъ убѣжденій на наступленіе эпохи реформъ; ростъ англійскаго консерватизма, какъ правительственнаго ученія и катехизиса вліятельныхъ слоевъ, — такова была картина Европы вслѣдъ за кончиной Байрона, таковы условія, среди которыхъ предстояло дѣйствовать его ближайшимъ преемникамъ. Только одно общее дѣло высшаго, идеальнаго порядка, скрѣпленное участіемъ Байрона, — освобожденіе Греціи, задержанное помѣхами и неудачами, но неотвратимое ничѣмъ, — свидѣтельствовало о томъ, что не заглохли гуманныя преданія.

Но омертвѣвшая общественная поверхность была обманчива. Подъ нею проявлялись, сливаясь и крѣпчая, живые народные соки, не принимая неизбѣжной въ предшествующій періодъ формы заговора, подземной агитаціи, но все жизнеспособнѣе содѣйствуя прогрессу. Парламентарная и публицистическая борьба во Франціи, протесты и вылазки англійской оппозиціи, сосредоточившіеся въ движеніи чартизма, и разнообразные признаки пробужденія народныхъ массъ въ областной жизни Англіи; дѣятельность «Молодой Германіи» и ея итальянской сверстницы, быстро обогнавшей ее политическою зрѣлостью, «Молодой Италіи»; зарожденіе въ растоптанной Испаніи такой же юношеской боевой группы политиковъ и поэтовъ, наконецъ, запоздавшая въ сравненіи съ однородными европейскими явленіями русская юношеская группа, ставшая разсадникомъ поколѣнія сороковыхъ годовъ, были отвѣтомъ общественно-народныхъ силъ. И вездѣ, гдѣ только ни заявлялся онъ, мы встрѣчаемся, въ томъ или другомъ видѣ, съ вліяніемъ Байрона, какъ вдохновителя.

Но въ эту пору очевиднаго роста *общихъ* задачъ онъ не утратилъ великаго значенія и для тѣхъ, кто, выдѣляясь изъ толпы, порабощенной старымъ порядкомъ, закоснѣвшей въ покорности нравственнымъ и религіознымъ идеямъ прошлаго, не нисходилъ до активной борьбы, а, замыкаясь въ себѣ, съ своими думами, грезами, презрѣніемъ и смѣхомъ, гордо выносилъ душевное одиночество, какъ потомокъ разочарованныхъ людей начала вѣка. Это чувство одиночества, ставшее теперь предметомъ особаго изученія, какъ одинъ изъ главныхъ оттѣнковъ такъ на-

зываемой «болѣзни вѣка» [1]), устанавливало у тѣхъ, кто страдалъ имъ, непосредственную связь съ поэтомъ, который нѣкогда съ такою силой воспроизводилъ его,—правда, преодолѣвъ его потомъ и выйдя навстрѣчу народу, массѣ. Было бы, конечно, односторонне утверждать, будто въ изучаемую эпоху привлекала въ байроновскомъ творчествѣ только воинствующая его сторона, будто сатирикъ, заговорщикъ и трибунъ заслонили въ немъ лирика, пѣвца скорби, неудовлетворенности, заступника за права личности. Одна лермонтовская поэзія явилась бы рѣшительнымъ опроверженіемъ такого взгляда. Но въ общемъ, вслѣдствіе особыхъ условій времени, перевѣсъ оставался за элементомъ борьбы. Возбуждая, вызывая броженіе, онъ проявлялъ вліяніе въ особенности тамъ, гдѣ жизнь выставляла опредѣленныя задачи, гдѣ, отрѣшаясь отъ романтическихъ, неопредѣленныхъ томленій объ идеалѣ свободы, общественная энергія стремилась къ реальнымъ цѣлямъ,—въ той встревоженной атмосферѣ, въ которой прожиты были тридцатые и сороковые годы съ ихъ народными движеніями, политическими и соціальными системами, съ двукратнымъ электрическимъ сотрясеніемъ, обнявшимъ почти всю Европу въ началѣ и въ концѣ періода, съ двумя такими путеводными огнями, какъ іюльскія событія 1830 года и февральскіе дни 1848 г. Отъ политически-индиферентнаго Мюссе къ Лермонтову, вынесенному волнами байронизма изъ глубокаго, мучительнаго, но односторонняго самоанализа на просторъ общихъ задачъ; отъ вылазокъ французскихъ драматурговъ, застрѣльщиковъ революціи, къ протесту третьей части «Дзядовъ» или ироніи Словацкаго въ «Беньёвскомъ»; отъ запоздалыхъ перепѣвовъ на тему о загадочно-преступныхъ герояхъ во вкусѣ «Корсара» или «Лары» къ общественно-чуткой лирикѣ Гюго, Барбье, нѣмецкихъ «политическихъ поэтовъ» съ Гервегомъ во главѣ, или ихъ испанскаго собрата, эмигранта и революціонера Эспронседы, растетъ и развивается байроновская школа, вѣрная завѣту поэта — хранить «право мыслить, наше послѣднее, неотъемлемое право».

Вокругъ такого девиза, какъ и при жизни Байрона, сходятся не одни лишь представители литературнаго слоя, поэтическаго цеха. То, что нѣкогда испытали на себѣ итальянскіе агитаторы, особенно Мадзини, повторялось теперь постоянно. Въ юности ощутивъ импульсъ байроновской поэзіи и общественной дѣятельности, усвоивъ потомъ уроки жизни, наконецъ, внушенія соціальной науки, человѣкъ съ живыми стремленіями къ народному благу становился потомъ не стихотворцемъ

[1]) Новѣйшей работой въ этомъ направленіи, изучающей данный мотивъ во французской поэзіи прошлаго вѣка, явилась диссертація René Canat, „Une forme du mal du siècle. Du sentiment de la solitude morale chez les romantiques et les parnassiens“, Paris, 1904.

байроническаго пошиба, а реформаторомъ, просвѣтителемъ, дѣятельнымъ публицистомъ. Таковы на родинѣ Байрона Кингслей и Джонъ Рэскинъ. Въ этомъ расширенномъ кругѣ приверженцевъ и вѣрныхъ цѣнителей разносторонняго значенія Байрона намъ встрѣчаются такіе люди, какъ Бёрне и Герценъ.

Въ такой полнотѣ развитія, въ богатствѣ силъ, посвятившихъ себя поддержкѣ и распространенію движенія, въ выдающихся поэтическихъ и соціально-цѣнныхъ итогахъ—расцвѣтъ школы Байрона.

I.

Отечество поэта, казалось, всего менѣе подававшее надежду примкнуть къ байроническому движенію, испытало, на ряду съ континентомъ, тотъ же вызванный смертью Байрона поворотъ въ сторону его мысли и творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотръ прежнихъ приговоровъ. Начальную страницу въ новомъ отдѣлѣ исторіи байронизма составляетъ циклъ англійскихъ литературно-общественныхъ фактовъ, не сложившихся, правда, въ опредѣленную организацію, но цѣнныхъ по вліянію на умы.

«Не знаю, достигла ли моя повѣсть намѣченныхъ мною цѣлей, но думаю, что во всякомъ случаѣ она болѣе другихъ произведеній помогла положить конецъ сатанинской маніи и отклонить въ иную сторону честолюбивыя притязанія молодыхъ джентльменовъ, отрицающихъ галстукъ, и блѣднолицыхъ клерковъ, разыгрывавшихъ роль Корсара и хвастливо завѣрявшихъ, что они негодяи», — такъ говорилъ въ предисловіи къ одному изъ раннихъ своихъ романовъ, «Пеламу» [1]) (особенно плѣнившему потомъ Пушкина), даровитый представитель новой группы англійскихъ повѣствователей, Бульверъ. «Стоило лорду Байрону объявить себя несчастнымъ,—и всѣ юноши съ блѣднымъ челомъ и темными волосами сочли уже себя въ правѣ разочарованно смотрѣться въ зеркало и писать оды къ Отчаянію», остритъ въ одной изъ главъ романа дѣйствующее лицо, призванное, повидимому, истолковывать мнѣнія автора, — «небезызвѣстный въ публикѣ писатель Невилль». Подобныя выходки, съ ихъ спеціальнымъ назначеніемъ оздоровить общественный вкусъ, показываютъ, что, несмотря на всѣ громы, низвергнутые господствующей моралью на Байрона, съ другой стороны, несмотря на коренной переворотъ въ самомъ поэтѣ, покинувшемъ направленіе, ославленное сатанинскимъ, въ англійскомъ обществѣ черезъ нѣсколько лѣтъ

---

1) Pelham or adventures of a gentleman, London, 1828. Для оцѣнки Байрона и байронизма важны предисловіе и главы 24, 43 и 67.

послѣ смерти Байрона все еще приходилось считаться съ маніей, принявшей характеръ безотчетнаго увлеченія, душевной эпидеміи. Вѣрный своей цѣли, Бульверъ изображаетъ треволненія и злоключенія, въ которыя впадаетъ его герой, опускаясь до подонковъ общества, сталкиваясь съ преступностью и развратомъ, двусмысленной нравственностью и цинизмомъ. Это въ одно и то же время—обличительный портретъ и темная картина свѣтскихъ нравовъ. Но благонамѣренность полемическаго похода не можетъ скрыть любопытной черты въ самомъ обличителѣ. Несомнѣнно, байроническая манія была для него только что пережитымъ моментомъ; въ томъ, что онъ хотѣлъ бы осудить, есть сродство съ его натурой; біографы признаютъ, что оригиналомъ для портрета во многихъ отношеніяхъ былъ онъ самъ. Въ своемъ родѣ— это исповѣдь, заканчивающая извѣстный періодъ личной исторіи. Но художественная пригодность типа казалась Бульверу и послѣ того очень высокою. Соединеніе романтизма съ преступностью составило основу такихъ позднѣйшихъ его героевъ, какъ популярные когда-то Eugen Aram или Paul Clifford [1]). Съ виду анти-байронистъ, воюющій съ аффектаціей, Бульверъ выдаетъ иногда неизгладимое сочувствіе и удивленіе поэту. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Пелама», Vincent, сравниваетъ блестящую внезапность появленія Байрона въ англійской поэзіи съ такимъ же восходомъ поэтическаго свѣтила въ лицѣ Шекспира. Въ другомъ мѣстѣ онъ удивляется необыкновенной способности Байрона внушить читателю живѣйшія симпатіи, захватить его, «придать силу чувствамъ и размышленіямъ, быть можетъ, совсѣмъ не новымъ и не особенно украшеннымъ въ ихъ разработкѣ“, восхищенъ «неуловимой, но могучей красотой слога», «сильнымъ отпечаткомъ оригинальности», «таинственной дымкой, окружающей байроновскія произведенія», и т. д... Протестъ превращается въ похвальное слово, и первое имя въ англійскомъ байронизмѣ новаго періода принадлежитъ противнику поэта.

Настала пора и для положительной оцѣнки значенія Байрона. Явившіяся еще въ годъ его смерти «Письма о характерѣ и поэтическомъ геніи лорда Байрона» авторитетнаго и стоявшаго внѣ партій критика Эджертона Бриджеса [2]), признавая, что «на его творчествѣ отразились недочеты нравственнаго и умственнаго строя поэта», и отмѣчая черты рѣзкости, эксцентричности, «блестящей порочности», гнѣва и презрѣнія, заявляли, что «это было все же необычайное явленіе»; критикъ ставилъ Байрона наравнѣ съ великими поэтами, цѣнилъ «независимое положеніе

---

[1]) Ср. оцѣнку ихъ съ этой стороны въ кн. Hugh Walker, „The age of Tennyson“, 1897.

[2]) Letters on the character and poetical genius of Lord Byron, London, 1824.

среди литературныхъ школъ», удивлялся «Манфреду», въ которомъ «превзойдены всѣ средства и пути поэтическаго творчества», и, «сколько бы ни осуждали «Каина», находилъ, что въ рѣчахъ Каина и Ады есть мѣста, съ которыми можетъ сравняться только Шекспиръ».

Такое признаніе значенія нравственно-философскаго радикализма Байрона передъ лицомъ консервативнаго трибунала было уже любопытнымъ признакомъ поворота и пересмотра. Но появленіе въ 1830 году біографіи поэта, написанной такимъ близкимъ ему лицомъ какъ Томасъ Муръ и обставленной изобиліемъ новаго стихотворнаго и автобіографическаго матеріала, писемъ, отрывковъ изъ дневниковъ, набросковъ мыслей, раскрывъ много негаданныхъ сторонъ въ характерѣ, убѣжденіяхъ и взглядахъ Байрона, замолвивъ слово о семейныхъ несчастіяхъ его, передавъ исторію творческой работы, но также и политической дѣятельности, стало настоящимъ откровеніемъ и сильно подвинуло впередъ безпристрастное изученіе жизни и дѣятельности человѣка, казалось, безповоротно осужденнаго. Устарѣвшій теперь, въ свое время казавшійся смѣлой критической выходкой этюдъ Маколея [1]), вызванный появленіемъ книги Мура, обставляя сочувствіе поэту рядомъ оговорокъ, съ большою рѣзкостью напалъ зато на лицемѣрное цѣломудріе общества, которое, какъ болѣзненный пароксизмъ, періодически усиливается въ немъ и слѣпо обрушивается на тѣхъ, чья самостоятельная жизнь, къ несчастью, совпадаетъ съ этимъ приливомъ соціальнаго недуга....

Жгучій вопросъ этотъ скоро нашелъ себѣ отраженіе въ романѣ. Сынъ даровитаго эссеиста Исаака Дизраэли, обратившаго на себя въ былое время вниманіе Байрона оригинальностью сужденій, Беньяминъ (впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ), какъ будто унаслѣдовавшій сочувствіе поэту, избралъ, чтобы отстоять память его, беллетристическую форму, которая должна была сообщить его взгляды большой публикѣ [2]). Такъ сложился романъ «Venetia» (1837). Въ лицѣ героевъ его нельзя не узнать Байрона и Шелли; апологія распространяется и на другую жертву нетерпимости. Авторъ нерѣдко дробитъ поступки и приключенія между двумя вымышленными лицами—Марміономъ и лордомъ Cadurcis, не останавливается передъ описаніемъ того, чего не было, но что, казалось ему, входило въ естественное развитіе байроновскаго характера. Таково изображеніе примиренія Марміона съ женой (которая здѣсь носитъ имя супруги поэта, Annabell), происходящаго на любимомъ Байрономъ, прославленномъ его армянскими симпатіями островѣ св. Лаза-

1) Moore's life of L. Byron, „Edinburgh Review“, 1831, іюнь.

2) Этотъ пріемъ употребленъ былъ—но во вредъ ему—при его жизни лэди Каролиной Ламъ, которая отомстила ему за разрывъ съ ней, очернивъ его въ романѣ-пасквилѣ „Glenarvon“.

ря, близь Венеціи. Но не ткань романической интриги, не психологическая выдержанность характеровъ останавливаетъ здѣсь вниманіе историка байроновской школы; его поражаетъ страстность, съ которой Дизраэли бичуетъ нетерпимость и лицемѣріе общественнаго суда надъ Байрономъ. Прошло тринадцать лѣтъ со смерти поэта, и изъ озлобленной, злопамятной среды могъ раздаться такой рѣшительный протестъ.

Но не въ однѣхъ попыткахъ закончить старые счеты, возстановить поруганную память, выражался поворотъ къ Байрону. Условія пережившейся эпохи способствовали признанію и въ Англіи общественной дѣятельности поэта, такъ давно понятой и оцѣненной на континентѣ. Годы классовой борьбы, отмѣченной торжествомъ либеральной буржуазіи надъ аристократическимъ консерватизмомъ, у котораго она взяла съ бою избирательный Reform act 1832 года, и подъемомъ встрѣчнаго движенія въ безправныхъ слояхъ и пролетаріатѣ, нашедшаго выраженіе въ чартизмѣ,—годы оживленной парламентской агитаціи, шумныхъ митинговъ, фабричныхъ безпорядковъ, разоблаченій нищеты народной, давали много соприкосновенія съ дѣятельностью предтечи, который еще въ 1812 г. въ парламентскихъ рѣчахъ о соціальныхъ вопросахъ, затѣмъ какъ политическій сатирикъ, оставилъ рядъ сильнѣйшихъ обличеній стараго строя, и, отстаивая права личности, соединялъ съ этою защитой участіе къ нуждамъ и движеніямъ массъ. И многимъ изъ дѣятелей новаго поколѣнія, ратовавшихъ за программу чартизма или стремившихся инымъ путемъ притти на помощь народу, свойственно было, какъ исходная точка, сочувствіе Байрону.

Таковъ былъ ходъ развитія и у блиставшаго нѣкогда критика и историка, который сначала такъ искренно отдалъ на пользу чартистскому движенію свой талантъ и энергію,—Карлейля. Къ потомству онъ перешелъ въ качествѣ порицателя Байрона или по крайней мѣрѣ предостерегающаго отъ его чаръ проповѣдника новыхъ идеаловъ, но какъ высоко ставилъ онъ его смолоду! «Бѣдный Байронъ! Вѣсть о его смерти обрушилась на меня свинцовой тяжестью,—и теперь эта мысль мучительно пронизываетъ все мое существо, точно я лишился брата. Боже! сколько душъ, созданныхъ изъ грязи и праха, выживаютъ свою ничтожную жизнь до крайняго предѣла, а этотъ *благороднѣйшій умъ* гибнетъ, не достигнувъ и половины жизненнаго срока. Такъ недавно полный огня, великодушныхъ влеченій, отважныхъ замысловъ, и теперь навсегда скованный безмолвіемъ и холодомъ! Бѣдный Байронъ»! [1]) — такими искренними выраженіями встрѣтилъ Карлейль катастрофу въ

---

[1]) „Thomas Carlyle. A history of the first forty years of his life“, by James Ant. Froude, 1882, I, 214.

Миссолонги. Впослѣдствіи, словно умудренный опытомъ, онъ, возставая противъ Байрона (но, какъ говоритъ біографъ, никому не позволяя относиться къ нему легко), становился подъ знамя Гёте. Въ краткой формулѣ убѣждалъ онъ современнаго читателя «закрыть своего Байрона и открыть Гёте» [1]), при всей критической проницательности не подозрѣвая, что его кумиръ былъ однимъ изъ наиболѣе глубокихъ и всесторонних цѣнителей Байрона. Въ глазахъ Карлейля первичная форма героическаго типа у поэта, отмѣченная разочарованностью, печалью, презрѣніемъ къ дѣйствительности, осталась сущностью байронизма, и онъ противополагалъ ей живое воздѣйствіе человѣка выдающагося на современность, выражающееся не въ фантастическихъ порывахъ, а въ реальныхъ, полезныхъ людямъ трудахъ и возбужденіяхъ.

Признáемъ, что наше время располагаетъ несравненно болѣе обстоятельными свѣдѣніями о Байронѣ въ его отношеніяхъ къ соціально-политическимъ вопросамъ, чѣмъ эпоха Карлейля, но удивимся способности не замѣчать ни активной борьбы съ отечественнымъ консерватизмомъ, ни отпора идеямъ Священнаго Союза, ни итальянской и греческой агитаціи, и остановиться на преходящихъ дѣяніяхъ молодости, когда передъ глазами былъ, словно завѣщаніе поэта, «Донъ-Жуанъ», вполнѣ заслуживающій того мѣткаго названія, которое приложилъ къ нему недавно одинъ итальянскій критикъ,—«De bello byroniano» [2])... У Карлейля слагалась уже тогда теорія о героическомъ началѣ и культѣ героевъ, съ ихъ провиденціальнымъ назначеніемъ и совмѣщенной въ нихъ духовной жизнью эпохи. Передъ нимъ былъ человѣкъ, который, казалось бы, съ необычайнымъ блескомъ осуществилъ эти требованія, но, покидая литературную исторію для міровой арены и дѣло критика для трудовъ историка государствъ и народовъ, словно застывъ въ поклоненіи избранникамъ, теряясь въ одностороннемъ толкованіи міровой жизни, онъ недальновидно миновалъ одного изъ истинныхъ «героевъ своего времени».

Между политическими идеями, положенными въ основу чартизма, и тѣмъ, въ чемъ для насъ формулируется байроновское credo, не было разногласія, — и еслибъ Байрону привелось быть свидѣтелемъ подобной группировки оппозиціонныхъ силъ, онъ счелъ бы себя солидарнымъ съ нею. Не шелъ ли онъ дальше этой программы, когда, въ послѣдніе годы, съ возрастающей симпатіей относился къ американскому государственному устройству? И многіе изъ чартистовъ (Т. Куперъ, Кингслей)

---

[1]) „Sartor resartus", книга II, глава IX.

[2]) Loforte Randi. „Nelle letterature straniere. Poeti". Palermo, 1903, p. 152.

проходили черезъ подготовку байронизма, не отрекаясь отъ него потомъ, не сжигая кораблей. Но условія, вызывавшія подъемъ демократизма въ Англіи, выразились и въ развитіи реалистической литературы. Не только оживали преданія бытового романа, такъ успѣшно развитого въ XVIII вѣкѣ талантливой плеядой повѣствователей, но завѣщанныя ими рамки расширились, новые классы нашли въ нихъ доступъ, и двадцать лѣтъ процвѣтанія романа (съ 1830 по 1850 г.) обязаны успѣхомъ и вліяніемъ счастливому подбору дарованій, и постоянному служенію соціальнымъ цѣлямъ [1]). Въ рядахъ его дѣятелей снова сказываются байроническія симпатіи,—конечно, не у Диккенса, геніальнаго самоучки, безъ школы, безъ книгъ, но съ глубокимъ поученіемъ, которое дала ему «битва жизни», и не у Теккерея съ его неизлѣчимой склонностью къ пародіямъ, которая вовлекла его (въ «The Book of Snobs», въ «Mr. Brown's Letters to his nephew») въ насмѣшливое изображеніе житейскихъ воззрѣній байроновскаго Донъ-Жуана и въ шаржъ, снятый съ вычуръ и смѣшныхъ крайностей свѣтскаго байронизма, но какъ будто мѣтившій глубже. Тотъ изъ романистовъ, который, видѣли мы, уже выступилъ съ самоотверженной защитой памяти Байрона,—Дизраэли, сдѣлалъ свой вкладъ въ романъ съ общественной программой (повѣстями «Sybille», «Coningsby» и «Tancred»), соединяя съ изображеніемъ быта низшихъ слоевъ пропаганду вмѣшательства, помощи и преобразованія. Романъ непрерывно прогрессировалъ въ этомъ направленіи. Его разрабатывали люди, близко наблюдавшіе трудовую жизнь или испытавшіе ее сами,—жена манчестерскаго пастора, друга бѣдныхъ, мистриссъ Гэскелль, впервые развернувшая въ «Mary Barton» правдивую картину рабочаго быта, или еще болѣе близкій къ мастеровому люду и пролетаріату Чарльзъ Кингслей съ двумя романами христіански-соціалистскаго оттѣнка, проникнутыми искреннимъ рвеніемъ къ общественной пользѣ [2]). Въ ихъ трудахъ романъ спускается уже къ пятидесятымъ годамъ, но традиція не порвана, преемственная связь все жива,—и изъ устъ Кингслея слышится защитительная рѣчь въ пользу Байрона, Шелли и другихъ «субъективныхъ» поэтовъ: «созданія *личныя* всегда останутся привлекательными, но лишь подъ условіемъ воплощенія субъективности въ объективной формѣ и, стало быть, истинной драматичности положенія,—писалъ онъ своему другу Т. Куперу. Байронъ, Муръ, Китсъ, Теннисонъ имѣли великій успѣхъ въ области субъективизма, потому

---

[1]) Изученію этого періода исторіи англійскаго романа посвящена новѣйшая, основанная на близкомъ изученіи памятниковъ, работа Louis Cazamian, „Le roman social en Angleterre" (1830—1850). Paris, 1904.

[2]) „Alton Locke" и „Yeast". Къ нимъ примыкаетъ историческая драма „The saint's tragedy" и множество памфлетовъ.

что проводили въ умы нравственныя и философскія истины, проявляя ихъ въ образахъ и примѣрахъ, взятыхъ изъ быта человѣчества, изъ исторіи, изъ жизни вселенской» [1]).

Но и въ прямомъ литературномъ потомствѣ Байрона—въ средѣ молодыхъ поэтовъ, которымъ предстояло выдающееся положеніе въ новой генераціи, проявлялись такія же симпатіи. Съ Байрона начинали, на немъ воспитывались; однихъ вдохновлялъ его призывъ къ возрожденію, къ борьбѣ за свободу и неотъемлемыя права человѣка; другіе видѣли въ немъ «основателя и предшественника новѣйшаго реализма» (какъ называетъ его все чаще современная намъ англійская критика) [2]), и они выходили на самостоятельную работу, ободренные превосходнымъ напутствіемъ. Теннисонъ въ ранней молодости благоговѣлъ передъ Байрономъ. На первой книгѣ его стиховъ «Poems by two brothers» лежитъ очевидный отпечатокъ байроническаго стиля. Но сущность подобной поэзіи раскрылась позже передъ нимъ, —и въ страстно написанномъ письмѣ, изъ средняго періода, онъ возсталъ противъ близорукихъ людей, неспособныхъ оцѣнить выдающуюся мощь такихъ поэтовъ, какъ Байронъ и Шелли, «которые, если и могли ошибаться, все-же вложили въ міровую жизнь новое сердце, придали ей горячее біеніе пульса, и усвоили всѣмъ намъ движеніе впередъ, непрерывно продолжающееся. Пусть благословенна будетъ память о людяхъ, сумѣвшихъ смазать колеса стараго мірового механизма!» восклицалъ поэтъ. Съ такими убѣжденіями мы встрѣчаемся у Лонгфелло (въ его « Prometheus or the poet's forethought»); они оживляли смолоду и нашего современника Ольджернона Суинбэрна, поэта съ неукротимымъ свободолюбіемъ, республиканскимъ жаромъ и мѣткимъ обличеніемъ, несмотря на позднѣйшее демонстративное отрицаніе имъ связи съ байроновскимъ направленіемъ идущаго въ политической поэзіи своей по слѣдамъ такихъ предшественниковъ как Мильтонъ, Шелли, Байронъ.

Въ области чистой красоты, оплотѣ и защитѣ отъ торжествующаго реализма, въ благоговѣйномъ эстетизмѣ поклонниковъ дорафаэлевскаго творчества и первобытно-чистой поэзіи [3]) нелегко предположить солидарность съ страстной и воинствующей стихіей. Но тотъ, къ чьимъ изумительно разнообразнымъ трудамъ сводится сущность движенія, главный вдохновитель его, апостолъ красоты, поклонникъ природы, художественный критикъ и популяризаторъ искусства, просвѣтитель, эко-

---

[1]) Letters and memories of the life of Charles Kingsley, edit. by his wife. 1887.

[2]) Edinburgh Review, 1900, october, статья объ изданія Байрона Prothero, 378.

[3]) Или „евангеліе красоты", какъ назвалъ это движеніе въ англійской литературѣ его новѣйшій изслѣдователь: „Das Evangelium der Schönheit in der engl. Literatur und Kunst des 19-ten Jarh." von Ernst Sieber. Dortmund, 1904.

номистъ-реформаторъ, другъ народныхъ массъ — Джонъ Рэскинъ испыталъ въ годы подготовки къ дѣятельности вліяніе Байрона и никогда не переставалъ цѣнить его. О юношескихъ своихъ симпатіяхъ онъ свидѣтельствуетъ въ замѣчательной автобіографіи, «Praeterita» [1]); даже со стороны отца онъ встрѣчалъ въ этомъ поддержку (старику, имѣвшему высокое представленіе о дарованіяхъ сына, хотѣлось, чтобы онъ «писалъ стихи, такіе же хорошіе, какъ байроновскіе,—но только благочестивые»); Рэскина привлекли въ особенности «Манфредъ» и «Донъ-Жуанъ». «Къ концу 1834 г. онъ, за немногими исключеніями, зналъ байроновскія произведенія наизустъ», и преклонялся передъ «глубиной духа», передъ «правдой и точностью наблюденій надъ жизнью и людскими характерами», передъ пластичностью и содержательностью формы. Позже онъ расширилъ оцѣнку; нашлась почва, на которой должны были встрѣтиться сторонники столь разнородныхъ направленій. Съ одной стороны, Рэскина сближала съ Байрономъ поэзія природы; въ его многообразной дѣятельности нашлось мѣсто и для стихотворныхъ опытовъ, внушенныхъ Байрономъ, но они слабѣе его образной прозы, проникнутой искреннимъ культомъ природы, доходившимъ до фанатизма, и возвѣщавшей не возвратъ къ первобытному состоянію, а необходимость сочетанія прогресса съ «вѣчными міровыми законами». Проникнутыя пантеизмомъ изліянія третьей пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», вызванныя зрѣлищемъ альпійскихъ красотъ, повторялись у Рэскина съ неистощимой фантазіей и образностью; «сказывавшуюся еще въ дѣтствѣ любовь его къ горамъ и морю Байронъ впервые ввелъ въ атмосферу человѣческаго величія и человѣческаго же горя». Съ другой стороны, сильно развитый въ немъ индивидуализмъ побуждалъ его видѣть въ Байронѣ натуру родственную и тѣмъ легче понимать его своеобразность. Наконецъ, несмотря на различіе въ способахъ дѣятельности и руководясь стремленіемъ къ общественной пользѣ [2]), онъ оцѣнилъ въ «гордомъ эгоистѣ» своего единомышленника, самостоятельно и искренно ратовавшаго за народное благо. Такой взглядъ удержался у Рэскина и въ зрѣломъ періодѣ жизни; онъ способенъ былъ тогда любоваться сочувствіемъ Байрону, встрѣченнымъ у людей совсѣмъ молодыхъ, напоминавшимъ его прежнее поклоненіе, и поддерживать это направленіе своими совѣтами [3]).

---

[1]) Томъ I, главы VIII и X.

[2]) Оцѣнку этой стороны его дѣятельности даетъ книга А. Гобсона „Джонъ Рэскинъ, какъ соціальный реформаторъ“, перев. Николаева. М. 1899.

[3]) Въ Британскомъ музеѣ я нашелъ на экземплярѣ книги о Байронѣ, написанной однимъ дилеттантомъ изъ провинціи, восторженнымъ байронистомъ, заведшимъ у себя въ городкѣ рефератное общество для изученія поэта („Byron, by Henry Jo-

Таковы итоги относительныхъ успѣховъ байронизма въ Англіи за четыре первыхъ десятилѣтія со смерти поэта. Сравнительно съ широкимъ развитіемъ движенія на континентѣ они кажутся не особенно цѣнными. Непримиримость общественнаго суда и патентованныхъ блюстителей художественнаго вкуса, попрежнему выдвигаясь на первый планъ, поддерживала въ Европѣ представленіе о неблагодарности отечества къ великому поэту. Между тѣмъ несомнѣнно расширялось иное направленіе, исходившее отъ новыхъ поколѣній, не вѣдавшихъ личныхъ счетовъ съ Байрономъ и свободно заявлявшихъ свое сочувствіе. Не создавъ обособленной школы, которая водрузила бы байроническое знамя, оно дало просторъ вліянію культурныхъ элементовъ, завѣщанныхъ потомству личною жизнью и творчествомъ Байрона. Въ этомъ движеніи корень того настроенія англійской литературной и общественной среды, которое въ наше время почти сгладило рѣзкую противоположность ея прежней байронофобіи съ неизмѣннымъ сочувствіемъ остальной Европы.

II.

Иной процессъ наблюдаемъ мы за тотъ же періодъ въ литературѣ и обществѣ Франціи. Работа общественныхъ силъ, отражавшаяся въ политической борьбѣ и въ направленіи словесности, испытавъ и при жизни Байрона его вліяніе, не разстается съ нимъ и въ новую эпоху,— эпоху двухъ послѣдовательныхъ переворотовъ. Для поколѣній, которыя вынесли ихъ на себѣ, Байронъ былъ дороже и ближе не какъ возбудитель къ культурной работѣ и реформѣ (какимъ онъ явился для англійскаго общества тридцатыхъ-пятидесятыхъ годовъ), а какъ страстный обличитель, заговорщикъ, поэтъ политическій, трибунъ, предтеча греческаго освобожденія. Но и тогда не изгладилось вліяніе иныхъ, пережитыхъ имъ, душевныхъ настроеній, скорби, разочарованности, самоанализа или властнаго индивидуализма на натуры исключительныя, обособившіяся отъ общаго движенія, замкнувшіяся въ себѣ. Къ одному источнику сводятся политическая поэзія школы Гюго, болѣзненно-субъективная лирика Мюссе, опыты Стендаля по психологіи проблематическихъ личностей. Тѣмъ ярче становится разнообразіе вліянія.

Если къ порѣ смерти Байрона уже обозначилась въ наиболѣе способной къ активной роли группѣ французскихъ романтиковъ солидарность съ боевыми пріемами байронизма, и Гюго въ напутствіи поэту

---

wett", 1884; напечатано не для продажи), автографъ Рэскина — „Your love for Byron pleases me greatly".

выдвинулъ заслуги его, какъ вождя общественной мысли, взглядъ этотъ входилъ все глубже въ сознаніе по мѣрѣ того, какъ увеличивалась соціальная зрѣлость дѣятелей романтизма, ихъ пригодность въ насущныхъ дѣлахъ народа. Завѣщанная Байрономъ «греческая идея» продолжаетъ привлекать сердца и возбуждать воинствующее вдохновеніе. Всѣ треволненія, испытанныя греками въ теченіи шести лѣтъ до признанія греческой независимости въ 1830 году, отражаются съ возрастающею напряженностью во французской лирикѣ. И во главѣ этого эллинофильства постоянно идетъ Гюго. Байроническій оттѣнокъ его отношенія къ вопросу придаетъ особый колоритъ двумъ сборникамъ его поэзіи, «Orientales» и «Fleurs d'automne». Первый полонъ отголосковъ новѣйшихъ греческихъ событій. Таковы стихотворенія, воспѣвающія популярныхъ героевъ Греціи или дающія ужасную картину жестокости и звѣрства («Les têtes du sérail», написано въ 1826 г., lors du désastre de Missolonghi), или призывающія къ походу въ Грецію для ея избавленія («Enthousiasme», 1827, гдѣ поэтъ восклицаетъ въ духѣ байроновскихъ воззваній: «En Grèce, en Grece! adieu vous tous! Il faut partir! Qu'enfin, après le sang de ce peuple martyr, le sang vil des bourreaux ruisselle! En Grèce, ô mes amis! Vengeance! Liberté!). Имя Байрона то и дѣло мелькаетъ, — въ эпиграфѣ, взятомъ у него, въ восторженномъ отзывѣ среди текста. Но къ тому же времени относится большое стихотвореніе, свободное отъ восточныхъ мотивовъ и, при помощи фабулы, внушенной любимымъ учителемъ, пытающееся характеризовать величіе независимаго и могучаго творчества. Это—«Mazeppa» Гюго (1828).

Мы снова въ обстановкѣ украинскаго преданія, которое выбралъ Байронъ для сюжета поэмы, и того разсказа изъ временъ юности, которымъ во время привала гетманъ-старикъ старается развлечь короля Карла. Уступая Байрону въ изображеніи бѣшеной скачки по степямъ и доламъ Украйны дикаго жеребца съ привязаннымъ къ нему обнаженнымъ Мазепой, Гюго повторяетъ въ условныхъ краскахъ описанія природы горячаго бѣга обезумѣвшаго коня, душевныхъ движеній несчастной жертвы мщенія, и затѣмъ, вступая въ роль истолкователя, набрасываетъ смѣлую параллель. «Вѣдь придетъ день, когда народы Украйны назовутъ царемъ этого осужденнаго страдальца, этотъ живой трупъ... Изъ его терзаній зародится его суровое величіе... павшая ницъ передъ нимъ толпа возгласитъ его славу, трубные звуки прогремятъ ее». Не то ли бываетъ и съ даровитымъ человѣкомъ, которому назначено въ удѣлъ безсмертное могущество поэта? спрашиваетъ себя Гюго, и, не покидая натянутаго сравненія до тѣхъ поръ, пока въ немъ не использована будетъ вся байроновская тема, онъ набрасываетъ картину другой безумной скачки. Смертный, на которомъ остановилось божественное

избраніе, видитъ себя такъ же привязаннымъ заживо къ «роковому хребту» (sur la croupe fatale) того быстролетнаго коня, которому имя *геній*. Напрасно борется онъ, желая освободиться; скакунъ въ своихъ порывахъ и прыжкахъ уноситъ его далеко за предѣлы реальнаго міра... Фантастическое описаніе чудесъ, мимо которыхъ проносится онъ, заоблачныхъ міровъ, пустынь, планетъ, горъ, морей, несмѣтныхъ людскихъ скопищъ, порою отличается неумѣренностью образовъ, столь развившеюся потомъ у Гюго въ старости, изобиліемъ метафоръ и праздныхъ подробностей (Мазепа видитъ, напримѣръ, «*les six lunes d'Herschel*, l'anneau du vieux Saturne»). На «пламенныхъ крыльяхъ» геній мчитъ всадника черезъ «поля Возможнаго и черезъ міры души» (les champs du possible et les mondes de l'âme), неумолимый, безпощадный, не слыша стоновъ и воплей; съ ужасомъ подчиняется его жертва. «Одни демоны и ангелы знаютъ, что выноситъ этотъ человѣкъ. Съ каждымъ шагомъ разверзается его могила. Но настаетъ роковой срокъ,—«онъ несется, летитъ, падаетъ, и встаетъ царемъ» (il court, il vole, il tombe, *et se relève roi*).

Если Байронъ своей украинской поэмой далъ Гюго основу, надъ которой онъ возвелъ затѣйливо-аллегорическое зданіе, то Байронъ же, конечно, личною судьбой далъ поводъ для изображенія терзаній, въ которыя вовлекаетъ поэта неукротимый полетъ генія,—терзаній, увѣнчанныхъ подъ конецъ царственнымъ ореоломъ. Въ связи съ этимъ заступничествомъ несомнѣнно находятся частые приступы негодованія на нетерпимость и неблагодарность Англіи. Уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ смерти Байрона, и острота первыхъ впечатлѣній нѣсколько сгладилась, но въ революціонный 1830 годъ Гюго пишетъ стихотвореніе «Dédain» (или «à Lord Byron»), обличающее «враговъ генія, суетную толпу, безъ устали, безъ совѣсти преслѣдующую его клеветою». Вѣдь ему стоитъ захотѣть, «и всѣ огни, озаряющіе ея храмы, ея боговъ, ея пенатовъ, померкнутъ отъ малѣйшей искры, вспыхивающей подъ ногами его *быстраго коня*». Мы снова среди метафоры, которая послужила фономъ для «Мазепы»...

Но циклъ обличеній Англіи французскими поэтами, заступившимися за Байрона, еще не замыкается этимъ стихотвореніемъ. Новымъ горячимъ сторонникомъ поэта явился Огюстъ Барбье, замѣчательно даровитый, проявившій разъ въ жизни даже великую поэтическую силу въ знаменитой своей «Curée», полной гнѣва и презрѣнія къ «бѣлоручкамъ», присвоившимъ себѣ результаты іюльской революціи, послѣ того какъ она была вынесена на плечахъ народа. Уже въ группѣ стихотвореній, внушенныхъ печальными впечатлѣніями Италіи и озаглавленныхъ «il Pianto», постоянно встрѣчались байроновскіе мотивы,—контрастъ преж-

няго величія и позорнаго паденія, дивной природы и безчувственныхъ ея обитателей, забывшихъ преданія свободы («o, superbes fièvreux, gras habitants du Tibre! Enfants dégénérés d'un peuple qui fut libre» и т. п.). Но въ слѣдующемъ лирическомъ циклѣ «Lazare» выдается помѣченное такою позднею датой, какъ 1837 годъ, стихотвореніе «Westminster» [1]), гдѣ слышится дифирамбъ Байрону:

Byron, tu n'as par craint,
Jeune dieu sans cuirasse,
D'attaquer corps à corps
Les défauts de la race,
De toucher ce que l'homme
A de mieux inventé—
Le voile de vertu
Par le vice emprunté...

и вмѣстѣ съ тѣмъ приговоръ надъ «Альбіономъ», оставляющимъ въ пренебреженіи прахъ поэта, «славное имя котораго, украшая отечество, разносится по всѣмъ концамъ вселенной».

Для Барбье Байронъ былъ прежде всего «гармоническимъ пѣвцомъ печалей нашего вѣка», и въ солидарности съ нимъ онъ не пошелъ дальше этого опредѣленія. Но Гюго не остановился на половинѣ пути, и, прогрессируя, его байронизмъ привелъ къ попыткамъ литературной борьбы на *французской политической* почвѣ. Ареной для нея послужили театральные подмостки, орудіемъ стала романтическая драма, насыщенная взрывчатымъ веществомъ, призванная вызывать общественное возбужденіе. Провозглашенная въ предисловіи Гюго къ «Кромвелю» формула, сравнившая «романтизмъ въ поэзіи съ либерализмомъ въ политикѣ», широко примѣнялась къ драмѣ, которая должна была вести войну противъ стараго порядка и въ словесности, потрясая основы теоріи, и въ политикѣ, проникаясь духомъ демократическаго протеста. Героическій типъ, выдвинутый ею, умѣреннѣе, смягченнѣе сравнительно съ свойствами центральнаго лица въ раннихъ байроновскихъ поэмахъ [2]), но родовая связь ихъ несомнѣнна. Въ чужеземномъ, чаще всего испанскомъ, нарядѣ, дѣйствуя въ давнопрошедшую пору или въ вымышленной обстановкѣ, эти бурныя, непризнанныя, но даровитыя и отзывчивыя къ народнымъ страданіямъ натуры, окруженныя таинственностью, движимыя мщеніемъ, не отступающія передъ преступленіемъ, даже съ ярлыкомъ разбойничества—не хуже «Корсара»,—всѣ смѣло протестующіе плебеи

[1]) Iambes et poèmes, par Auguste Barbier. P. 1862, p. 250—59.

[2]) Сравн. замѣчанія Жозефа Текста въ статьѣ „Relations littéraires de la France avec l'étranger de 1799 à 1848", въ VII томѣ „Исторіи франц. литерат. и языка", изд. подъ ред. Пти де-Жюльвилля.

типа Эрнани [1]) или Рюи-Блаза, явились, въ большей или меньшей степени, снимками съ байроновскаго оригинала, но партеръ тридцатыхъ годовъ, отмѣчая громомъ рукоплесканій наиболѣе сильныя мѣста въ ихъ рѣчахъ, озлобленіе старой партіи и запретительныя мѣры правительства показывали, что подражаніе привело къ служенію современнымъ насущнымъ задачамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ толпу захватывалъ «лирическій паѳосъ, широкой струей выбивавшійся у Гюго всегда, когда онъ изображалъ возрождающее дѣйствіе благородной страсти на приниженную душу человѣка, поднимающагося изъ житейской грязи,—гимнъ чувству, въ чьей гармоніи очищается душа отъ отягчающихъ ее винъ» [2]). И этотъ примѣръ дѣйствовалъ на другихъ французскихъ драматурговъ, хотя иные изъ нихъ остановились на рѣзкихъ контурахъ даровитаго неудачника, идущаго въ разрѣзъ съ старою моралью. Въ дальнихъ рядахъ байроновской свиты очутился и Дюма-отецъ, съ своимъ бурнымъ, пробившимся сквозь нѣсколько запрещеній, «Antony», смѣло перенесеннымъ вмѣсто Испаніи въ современную французскую среду.

Моментъ этотъ былъ скоро пережитъ; родоначальникъ боевой драмы 30-хъ годовъ, Гюго, нашелъ болѣе жизненные способы борьбы, но на пути къ роли вождя и верховнаго арбитра, которая въ свѣтлой старости сравняла его съ царемъ-Вольтеромъ, не можетъ быть забыта попытка революціонировать театръ, насытивъ его байроновскимъ лирическимъ пыломъ,—какъ не поскупится на ея оцѣнку историкъ вліянія театра на нравы и политическую жизнь французскаго народа [3]).

Но, на ряду съ вліяніемъ альтруистическимъ, къ той же порѣ относится отраженіе первоначальной формы байроновскаго героическаго типа,—второй оттѣнокъ французскаго байронизма. Властное проявленіе личности, крайній индивидуализмъ, для себя лишь желающій воли, упоенный ролью избранной натуры, способный все сбросить съ дороги ради влеченій страсти, былъ понятенъ и дорогъ людямъ, преклонявшимся передъ личною энергіей и возмущеннымъ ея упадкомъ въ новыхъ поколѣніяхъ, готовыхъ выступать ея пророками. Таковъ былъ Стендаль, дважды поставленный къ тому же судьбой въ личныя отношенія съ Бай-

---

[1]) Любопытная тюбингенская диссертація „Hernani als litterarischer Typus", v. Reinhold Frick, 1903, снабжена раскидистымъ родословнымъ древомъ, въ которомъ Байронъ богато представленъ Корсаромъ, Ларой, Вернеромъ, Невѣстой Абидосской.

[2]) Brandes, Hauptströmungen etc. 1883, V, 403. — Свойства страстнаго языка этихъ драмъ, въ связи съ общимъ переворотомъ въ слогѣ, произведеннымъ романтиками, изучены въ книгѣ Emanuel Barat, „Le style poétique et la révolution romantique", 1904.

[3]) Сравн., напр., книгу Théodore Muret, „L'histoire par le théâtre", 1863, также Albert Le Roy, „L'aube du théâtre romantique", 1904.

рономъ въ Италіи и мастерски разсказавшій объ этихъ встрѣчахъ. Независимому мыслителю и наблюдателю нравовъ, котораго могло привлекать, какъ высшая мечта, какъ лучшая отплата его второму отечеству, Италіи, изслѣдованіе «Исторіи энергіи въ Италіи», чудилось, что онъ имѣетъ передъ собою въ поэтѣ блестящее проявленіе боготворимаго имъ начала. Но если бы задуманный имъ трудъ осуществился, Стендалю пришлось бы изображать, на ряду съ сильными духомъ честолюбцами, умными тиранами, геніальными эпикурейцами, и народныхъ подвижниковъ, вождей, трибуновъ, вспоминать о великихъ жертвахъ для общаго блага,—тогда онъ былъ бы дѣйствительно на почвѣ байронизма, въ его окончательномъ развитіи. Вліяніе поэта сказалось въ иномъ направленіи, и усвоеніе приняло образъ и подобіе послѣдователя. Основой для романа, съ которымъ Стендаль выступилъ въ области психологической повѣсти, «Le Rouge et le Noir» (1831), вмѣстѣ съ точнымъ бытовымъ фактомъ, взятымъ изъ «Gazette des Tribunaux»,—уголовнымъ процессомъ 1828 г., надѣлавшимъ много шума во всемъ Дофинэ [1]),—послужили автобіографическія черты, осмыслившія и углубившія тѣ контуры, которые даны были судебнымъ отчетомъ и провинціальною молвой [2]). Онъ придалъ Жюльену Сорелю значеніе исключительной натуры, испытывающей, по выраженію новѣйшаго критика [3]), «сладострастное наслажденіе своимъ превосходствомъ надъ людьми, видящей въ проявленіи его свой долгъ». Съ дѣтства, со школьной среды (въ семинаріи) въ немъ уже почуяли недюжинную натуру; онъ умѣетъ усиливать подобныя впечатлѣнія, изумляетъ, страшитъ, плѣняетъ, и идетъ къ цѣли, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Общество должно разступиться передъ нимъ,—не потому, чтобы справедливость требовала этого для такого даровитаго плебея, но потому, что оно найдетъ въ честолюбцѣ, презирающемъ его, своего повелителя. На побѣдахъ надъ женскими сердцами, на успѣхахъ борьбы съ кастовыми предразсудками, на низверженіи личныхъ враговъ онъ уже воздвигаетъ свой престолъ, и изъ бѣднаго учителя или секретаря въ аристократическомъ домѣ, казалось, выростаетъ будущій диктаторъ. Мелодраматическая развязка внезапно разрубаетъ всѣ эти блестящія возможности. Въ гнѣвѣ и мщеніи Жюльенъ убиваетъ свою бывшую любовницу, осмѣлившуюся разстроить его бракъ съ знатной дѣвушкой; онъ въ тюрьмѣ, приговоренъ къ смертной казни. Но и въ послѣднюю ночь, полную воспален-

---

1) Adolphe Paupe. Histoire des oeuvres de Stendhal. 1904, pp. 57—70.

2) Эм. Зола (Les romanciers naturalistes, 1881, p. 93) опредѣленно высказалъ мысль, что „Stendhal a mis beaucoup de lui-méme dans Julien". То же замѣчено было и раньше многими, напр. Ш. Монслэ, Монтегю.

3) René Canat. Du sentiment de la solitude morale etc., 1904, pp. 54—58.

ныхъ думъ, онъ не сдается; монологъ, обозрѣвающій уходящую жизнь, полонъ угрозъ обществу и анархистскихъ пророчествъ. Стендаль придалъ его образу освѣщеніе, которое значительная часть критики того времени сочла демоническимъ; несмотря на порочность и цинизмъ, на алчное властолюбіе, которое сдѣлало бы его не титаномъ, богатыремъ, а тираномъ, онъ сходитъ со сцены, во что бы то ни стало обѣленный за великій подъемъ энергіи, за яркое проявленіе личности, за отвагу борьбы съ обществомъ. Въ глазахъ автора этотъ побочный отпрыскъ байронизма, выведенный и обрисованный съ большимъ мастерствомъ разсказа и тонкостью реалистическихъ деталей,—очевидно, одинъ изъ «героевъ своего времени».

Циклъ байроническихъ отраженій во французской поэзіи однако не замыкается стендалевскою варіаціей на основную тему; притязаніе на роль представителя своей поры оспаривается у людей, подобныхъ Жюльену, группою дѣйствующихъ лицъ, населившихъ созданія Альфреда де-Мюссе, съ тѣмъ ихъ вождемъ, отъ имени котораго излагается «Признаніе сына своего вѣка»; личная жизнь и поэзія Мюссе вносятъ во французскій байронизмъ третій оттѣнокъ, не схожій ни съ боевымъ пыломъ лирики и драмы Гюго, ни съ роковымъ властолюбіемъ эгоистовъ Стендаля, но долго казавшійся несравненно тѣснѣе связаннымъ съ первообразомъ.

Снова передъ нами примѣръ расточительнаго примѣненія титула «второго Байрона». Стендаль ставилъ Роллу на одномъ уровнѣ съ Манфредомъ; ближайшія лица (братъ-біографъ) находили между Мюссе и Байрономъ «une grande communauté de sentiment et d'expérience de la vie» [1]), такъ какъ они «поклонялись тѣмъ же богамъ, приносили въ жертву свое сердце и воплощали свою личность въ герояхъ поэзіи». Такой взглядъ былъ до того укорененъ при жизни Мюссе, что ему приходилось выступать противъ него, касаться вопроса о подражательности, отстаивать независимость. Въ одномъ изъ личныхъ отступленій, которыми такъ богата «Namouna», онъ отвѣчаетъ на возможный упрекъ, будто въ безпечной и остроумной causerie Байронъ служилъ ему образцомъ: «Вы не знаете развѣ, что онъ самъ подражалъ Пульчи? Читайте итальянскихъ поэтовъ, и вы увидите, какъ онъ ихъ обираетъ. Ничто не принадлежитъ никому, все принадлежитъ всѣмъ» («rien n'appartient à rien, tout appartient à tous»). Еще опредѣленнѣе заявленіе въ интереснѣйшемъ съ автобіографической стороны посвященіи, предпосланномъ «La coupe et les lèvres»: «Мнѣ сказали годъ тому назадъ,

---

1) Paul de Musset, „Biographie de Alfr. de Musset. Sa vie et ses oeuvres". 1877, p. 113.

будто я подражаю Байрону. Вы, зная меня, поймете, какъ это невѣрно. Смертельно ненавижу я ремесло плагіатора. Невеликъ мой стаканъ, но я пью изъ *своего* стакана».

On m'a dit l'an passé
Que j'imitais Byron;
Vous qui me connaissez
Vous savez bien que non.
Je hais comme la mort
L'état de plagiaire;
Mon verre n'est pas grand,
Mais je bois dans mon verre.

Отвергая зависимость, Мюссе хотѣлъ отстоять для себя свободное сходство. Влеченіе къ Байрону не покидало его ни въ одинъ изъ періодовъ его жизни, какимъ бы упадкомъ, регрессомъ, ни были они отмѣчены. Въ 1836 году (въ стих. «Lettre à Lamartine») англійскій поэтъ неизмѣнно для него «le grand Byron», «le grand inspiré de la Mélancolie»; но и въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній, помѣченномъ 1851 годомъ, «Souvenir des Alpes», швейцарскія впечатлѣнія вызываютъ у Мюссе воспоминаніе о Байронѣ.

Но, несмотря ни на приговоръ современниковъ, ни на застарѣлую въ литературныхъ преданіяхъ оцѣнку Мюссе съ той же стороны, ни на мнѣніе самого поэта, очевидно ставившаго себя наравнѣ съ Байрономъ въ группу избранниковъ, невозможно присвоить ему равносильное значеніе. Онъ—не рабская копія съ изумительнаго оригинала, но и не полноправный сверстникъ поэта, полнаго титанической силы, высокой гуманности, великаго и въ трагической неудачѣ жизни; въ литературномъ потомствѣ Байрона для него найдется иная роль, далеко не величавая, но печально привлекательная.

Какъ прилагать тѣ же требованія и ожиданія къ лирику, который на склонѣ лѣтъ, въ раздумьѣ о прошломъ и въ сознаніи, что лучшія стороны духа остались невысказанными, такъ характеризовалъ свою поэзію:

Mes premiers vers sont d'un enfant,
Les seconds d'un adolescent,
Les derniers à peine d'un homme?

Когда въ избалованный вліятельною ролью и гордый ореоломъ талантливости *второй* романтическій cénacle введенъ былъ женственно-красивый, въ вьющихся локонахъ, съ взоромъ, сіявшимъ вдохновеніемъ и жаждой наслажденій, отрокъ-поэтъ,—передовая поэтическая школа дѣйствительно обогатилась замѣчательнымъ дарованіемъ. Невольно почувствовали это старшіе собратья и не только радушно приняли его въ

свою среду, но отнеслись къ нему, какъ къ равноправному съ ними товарищу. Съ небрежностью баловня судьбы ронялъ онъ прелестныя блестки риѳмы и фантазіи, побѣдоносно вступая и въ литературу, и въ заманчиво красивую личную жизнь. Но страстность, рано принявшая оттѣнокъ «донжуанизма», слишкомъ скоро сосредоточила его помыслы и влеченія на любви и женщинахъ, а фантазія погналась за пестрыми сказками и грезами про небывалое, далекое, экзотичное, нанизывая ожерелье затѣйливыхъ «Contes d'Espagne et d'Italie». Для великаго, общаго, человѣчнаго, для подвига, страданія, борьбы, альтруизма, у него не осталось мѣста. Его и смолоду не томила *міровая* скорбь; никогда не испытывалъ онъ тревогъ и грезъ, обвившихъ байроновскую юность. Весь первый періодъ его жизни иначе и не могъ представиться новѣйшему біографу Мюссе [1]), какъ «порой беззаботной молодости, веселой, независимой, безъ ноющихъ мыслей, съ большой отвагой и задоромъ». Наслажденія и побѣды доставались легко, отуманивали, развращали и рано вызвали пресыщеніе. Потомъ его захватила единственная искренняя, но болѣзненно мучительная и печальная по своимъ послѣдствіямъ страсть,—любовь къ Жоржъ-Зандъ, всѣ перипетіи которой, наконецъ, раскрылись передъ нами въ недавно оглашенной впервые перепискѣ [2]), любовь, въ которой онъ рисуется весь, съ вѣчными контрастами, неровностями нервно-расшатанной натуры, съ капризами и ревнивыми причудами, съ отчаяніемъ, когда онъ открылъ своего соперника, мольбами къ бывшей подругѣ о материнской ласкѣ, готовностью разсудочно примириться съ чужимъ счастьемъ, съ новыми взрывами страсти и ревности, гложущими мыслями объ измѣнѣ, и поэтическимъ экстазомъ. Разочарованіе, припадки унынія, грозившаго перейти въ безуміе, долгая болѣзнь, замыкаютъ собой второй отдѣлъ жизни Мюссе. Раскаяніе въ безполезной растратѣ молодости, поднявшееся, когда наступила настоящая любовь, встрѣтилось съ чувствомъ еще большей разбитости, когда погасъ единственный свѣтъ. Тогда надвинулась преждевременная старость,—и протянулась она долгіе годы, почти безплодная для лирики, едва скрашенная удачными работами для театра,—старость разслабленнаго жреца и пѣвца наслажденій и женщинъ, дряхлѣющаго и забываемаго всѣми донъ-Жуана.

Сравните эту жизнь и этотъ характеръ съ подлинными чертами Байрона,—есть ли между ними сходство, сродство? Съ одной стороны

---

[1]) Gaetano Crugnola, „Alfred de Musset e la sua opera". Studio critico. Teramo, 1903.

[2]) Correspondance de George Sand et d'Alfred de Musset, publiée intégralement et pour la première fois d'aprés les documents originaux, par Félix Decori. Bruxelles, 1904.

борецъ противъ существующаго порядка, способный выдерживать чуть не единичными силами его натискъ, представитель космополитическаго освободительнаго движенія; съ другой—человѣкъ, вкусы и склонности котораго побудили его брата заявить, что «если бы Альфредъ родился въ вѣкъ Людовика XIV, онъ получилъ бы доступъ въ интимный кругъ короля, несомнѣнно принадлежалъ бы ко двору и пользовался всѣми привилегіями, которыя въ тѣ времена присвоены были дворянскому происхожденію и геніальности» [1]),—человѣкъ, заявившій (въ томъ посвященіи «La coupe et les lèvres», которое дало разъясненія о его байронизмѣ), что онъ сознательно «не сдѣлался писателемъ политическимъ,—не поклонникъ публичности и площади, что въ его притязанія *никогда не входило быть представителемъ своего вѣка и его увлеченій*».

Но «властитель думъ» несомнѣнно подчинилъ себѣ и эту неустойчивую, нервно-трепетную эгоистическую натуру съ ея жаждой острыхъ и опьяняющихъ ощущеній. Тому содѣйствовали и общія причины, вліявшія на цѣлое поколѣніе французской молодежи, и личныя, частныя. О первыхъ позаботился дать цѣнныя разъясненія самъ Мюссе въ «Confession d'un enfant du siècle»; вторыя раскрываются изъ поэтическихъ результатовъ его байронизма.

Странное, двойственное впечатлѣніе производитъ повѣсть съ многообѣщающимъ заглавіемъ «Признаніе сына своего вѣка». Сильно, мѣтко, съ вѣрнымъ пониманіемъ общественныхъ нуждъ написанное предисловіе приводитъ къ обвинительному акту противъ женщинъ, ихъ непостоянства, легкомыслія, противъ разврата и разгула, который губитъ неопытную мужскую молодежь, къ исповѣди сердечныхъ невзгодъ героя, обусловленныхъ растратой силъ въ похожденіяхъ полусвѣта и неумѣніемъ разоцѣнить истинную любовь, къ исторіи мукъ ревности, подозрѣній, разрыва. Наблюдатель общественныхъ явленій превратился въ кающагося грѣшника; повѣсть воспроизводитъ съ легкими измѣненіями исторію любви къ Жоржъ-Зандъ [2]), и *общность* картины нравовъ утрачивается. Но изъ того, что данное авторомъ обѣщаніе не выполнено (не могъ же онъ доказать, что вокругъ «вопросовъ сердца» вращались всѣ современные интересы, что понятія *amour* и *débauche* царили надъ цѣлымъ вѣкомъ!), не слѣдуетъ, чтобы обѣщаніе не было вѣрно формулировано и обосновано.

Набросавъ въ яркихъ чертахъ картину наполеоновской тираніи, могущества и паденія, Мюссе характеризуетъ затѣмъ нашествіе реакціон-

---

1) Paul de Musset, Biographie, p. 4.

2) „Je m'en vais faire un roman; j'ai bien envie d'écrire notre histoire: il me semble que cela me guérirait et m'éleverait le coeur", писалъ поэтъ къ Жоржъ Зандъ, задумывая „Признаніе". Decori, Correspondance, p. 56.

ныхъ силъ на всю Европу. «Умиравшія правительства поднялись тогда съ смертнаго одра, всѣ королевскіе пауки, выдвинувъ свои крючковатыя лапы, стали разрывать Европу на части». Франція упала въ изнеможеніи; ее сочли мертвою и закутали въ *бѣлый* саванъ. «Старинное воинство съ сѣдыми головами вернулось, разбитое усталостью; въ опустѣвшихъ дворянскихъ замкахъ снова зажглись, печально тлѣя, огни на очагахъ». Среди развалинъ отжившаго міра вступала въ жизнь озабоченная, задумчивая молодежь,—и ея первымъ впечатлѣніемъ было зрѣлище гнета, гоненія на свободную мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе оторванности отъ прошлаго, которое «все еще судорожно кривлялось», отъ всѣхъ «ископаемыхъ опоръ былыхъ вѣковъ абсолютизма». Чувство «невыразимаго недомоганія стало бродить въ юныхъ сердцахъ». «Внѣшняя жизнь была блѣдна и ничтожна, внутренняя жизнь общества стала сумрачной и безгласной». Тогда-то, говоритъ Мюссе, было испытано вліяніе двухъ европейскихъ поэтовъ, отозвавшихся на возраставшую меланхолію. Однимъ былъ Гёте съ Вертеромъ и Фаустомъ, другимъ былъ Байронъ.

Зачѣмъ понадобились послѣ мѣткаго очерка общественнаго состоянія запутанная витіеватость характеристики появленія Байрона, изображающей, напр., какъ онъ «отвѣтилъ Гёте крикомъ горя, заставившимъ Грецію содрогнуться, и вознесъ Манфреда надъ безднами,—какъ будто хаосъ былъ ключомъ къ загадкѣ, въ которую онъ облекалъ себя»,—или недальновидное и одностороннее утвержденіе, будто «съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкія и англійскія идеи пронеслись надъ нашими головами, водворилось чувство какого-то отвращенія къ жизни, за которымъ послѣдовало ужасное потрясеніе»? Несильный въ анализѣ, Мюссе однако возвращается къ общимъ наблюденіямъ и, называя установившееся настроеніе разочарованіемъ или безнадежностью (désenchantement, déséspérance), заканчиваетъ такимъ выводомъ: «вся *болѣзнь вѣка* происходитъ отъ двухъ причинъ,—народъ, пережившій 1793 и 1814 годы, носитъ на сердцѣ двѣ раны. Того, что было, нѣтъ больше; то, что будетъ, еще не наступило. Не ищите иной тайны нашихъ страданій».

Такимъ былъ, по признанію поэта, фонъ, изъ котораго могли выходить подобныя ему надломленныя натуры. Романъ, быстро перемѣщая центръ дѣйствія въ міръ любви и женщинъ, связываетъ съ «безнадежностью» «развратъ», повидимому, желая возбудить впечатлѣніе, будто это былъ безумный, дикій, съ горя, выходъ изъ угнетающей политической раздвоенности... Оговорившись, что передаетъ *не свою* личную исторію, Мюссе все же заявляетъ, что, «испытавъ въ ранней молодости отвратительную нравственную болѣзнь (une maladie morale abominable), онъ пишетъ для всѣхъ, кто ею страдалъ»,—и подъ рѣзко звучащимъ

терминомъ понимаетъ, очевидно, и фатальную безпринципность, расшатанность, и безотчетное, необдуманное служенiе любви.

Раскаянiе, проклятiя прошлому, отголоски былого разгула—одинъ изъ неизмѣнныхъ атрибутовъ его героевъ, тема многихъ излiянiй въ такихъ интимныхъ документахъ, какъ переписка съ Жоржъ-Зандъ. Излишество въ пользованiи этимъ мотивомъ побуждало не разъ бiографовъ заподозрѣвать, что значительная доля libertinage у Мюссе была головная [1]). Блестяще одаренный, но «слабый характеромъ, склонный къ бездѣятельности» [2]) и рано постарѣвшiй душой («nous, vieillards nés d'hier», говоритъ и о немъ Ролла), слишкомъ глубоко потрясенный гибелью своей единственной привязанности, Мюссе могъ бы растратить силы въ стихотворныхъ попыткахъ, ограниченныхъ рамками повседневности и лирической виртуозности, въ романтическихъ вычурахъ, сквозь которыя слышались бы стоны разбитой души. Его поднялъ и увлекъ за собой Байронъ [3]),—не тотъ мнимый виновникъ «безнадежности», чей Манфредъ «повисъ надъ безднами» и т. д., какимъ онъ изобразилъ его въ «Confession», но возбудитель энергiи въ рядѣ поколѣнiй и образецъ художественности.

Въ то время какъ французскiе собратья Мюссе все еще не могли освободиться отъ обаянiя раннихъ поэмъ Байрона, онъ быстро переходитъ отъ нихъ къ тѣмъ произведенiямъ, въ которыхъ выразился подъемъ общественной, нравственной, философской мысли Байрона, къ величественнымъ его замысламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ блеску его сатиры, и идетъ по его слѣдамъ. Была ли вполнѣ по его силамъ та часть задачи, которая провела бы его по пути Манфреда или Каина,—вопросъ иной, и на него приходится отвѣчать отрицательно вмѣстѣ съ итальянскимъ бiографомъ, который видитъ у Мюссе, на ряду съ «увлеченiемъ грандiозными сюжетами, неспособность овладѣть ими всецѣло, повелѣвать ими». Но сложившiйся въ его поэмахъ и стихотворныхъ пьесахъ типъ героя, развязно бравирующаго людей и судьбу, ставя выше всего свою прихоть, капризы своей сладострастной распущенности, получаетъ совсѣмъ иное освѣщенiе, становится воплощенiемъ даровитаго и погибающаго неудачника, чьи силы могли бы пойти на великую поль-

---

1) Такъ думаютъ Crugnola и Поль Линдау, „Alfred de Musset", 1879.—Роль женщинъ въ жизни и поэзiи Мюссе разсмотрѣна детально въ кн. Léon Séché, „Etudes d'histoire romantique. Alfr. de Musset d'après des documents inédits, 1906.

2) Его слова въ письмѣ къ Ж.-Зандъ: „Je suis d'une nature faible et oisive" (Correspondance, 92).

3) Повидимому, его посвятилъ въ байронизмъ его другъ Ulric Guttinguer, большой поклонникъ англiйскаго поэта, отозвавшiйся, какъ мы видѣли, „Диопрамбической пѣснью" на его смерть.

зу людямъ. Такъ, даже смерть Жака Ролла̀, «изъ всѣхъ развратниковъ Парижа наиболѣе развращеннаго», все прожившаго, лишеннаго надеждъ и привязанностей, научившагося все презирать и отравляющагося у куртизанки Маріонъ, къ которой, на порогѣ смерти, въ немъ вспыхнула любовь,—эта развязка полна драматизма, будитъ состраданіе, раскрываетъ тайну разбитой и загрязненной жизнью души. Переходя въ иную, высшую сравнительно, область психическихъ явленій и выдѣляющихся характеровъ, фантазія Мюссе попыталась въ лицѣ Франка («La coupe») создать что-то въ родѣ параллели Манфреду. Альпійская природа (въ данномъ случаѣ природа Тироля, не виданнаго Мюссе и описываемаго условно) и здѣсь служитъ фономъ картины, но стремнины, потоки, снѣга, простота и воля горнаго быта не манятъ, какъ у Байрона, отрадой и успокоеніемъ разбитаго жизнью человѣка, уединяющагося среди нихъ, а кажутся, напротивъ, постылой помѣхой для безграничнаго эгоистическаго честолюбія, развившагося въ *одномъ изъ горцевъ*. Франкъ съ желѣзной послѣдовательностью и фанатически напряженной энергіей, которая могла бы напомнить безпощадное служеніе принципу у ибсеновскаго Бранда, вырывается изъ низкой доли, поджигаетъ отцовскую хату, отказывается отъ личнаго счастья съ любящей его деревенской дѣвушкой и идетъ завоевывать славу и могущество. Сказочная удача превращаетъ горнаго охотника въ побѣдоноснаго полководца, любимца войска и народа, балуетъ его любовью блестящихъ и порочныхъ красавицъ, но не можетъ скрыть людской низости, двоедушія, измѣны и жестокосердія. Возмущенный и пресыщенный, онъ стремится *снова къ простотѣ и простору старой жизни*, къ искренней любви своей деревенской подруги, но злоба людская гонится за нимъ въ горное уединеніе, и несчастная Дейдамія гибнетъ отъ ножа соперницы-куртизанки.

Въ обработкѣ замысла много неровностей и странностей. Дѣйствіе переносится изъ реальной обстановки въ романтически вычурную среду и непремѣнно въ ту картинную, условную, выдуманную Италію временъ ренессанса, безъ которой не могутъ и въ наше время обойтись западные, нѣмецкіе и французскіе, нео-романтики. Разговоръ и пространные монологи Франка прерываются часто такими аксессуарами, какъ «хоръ охотниковъ». Франкъ, сынъ горъ, надѣленъ не только чутьемъ и догадливостью относительно сложныхъ вопросовъ жизни, но и рѣдкимъ развитіемъ. После разрыва съ призрачнымъ и лживымъ міромъ онъ произноситъ длинный книжный монологъ противъ тѣхъ «analyseurs et sophistes», которые хотѣли «faire les Prométhées», но не надѣлили людей божественнымъ огнемъ, а погасили его. Порою замѣтно желаніе усвоить элементъ таинственности, окутавшей сюжетъ «Манфреда». Во

время сна Франка слышатся голоса, заклинающіе его покаяться, но онъ не поддается ни совѣтамъ, ни предостереженіямъ.

Для того псевдо-Манфреда, который пригрезился Мюссе и былъ ему по силамъ, невыгодно сравненіе съ первообразомъ. Предшествующая душевная исторія его отсутствуетъ; печальныя, гнѣвныя, протестующія рѣчи не вытекаютъ изъ нея, но приписаны натурѣ непосредственной и полной невѣдѣнія. Титаническіе порывы, потрясающіе все незыблемое, замѣнены эгоистической, горделивой и самовластной прихотью, въ которой нѣтъ мѣста для человѣчныхъ симпатій. Но, со всѣми изъянами формы и содержанія и коренными недочетами въ характеристикѣ, внушенный Байрономъ замыселъ «La coupe et les lèvres» вызвалъ Мюссе къ такимъ лирическимъ изліяніямъ, какихъ не встрѣчаемъ у него дотолѣ. Внѣ связи съ фабулой они воспроизводятъ процессъ душевной ломки и тяжкаго опыта, который превращалъ ослѣпительно талантливаго юношу-баловня въ сознательную, страдающую личность. Это рѣчи не Франка, а Мюссе, то раздраженныя, вызывающія, то презрительныя и насмѣшливыя.

Эти двѣ стороны, два способа отвѣчать судьбѣ и людямъ на несправедливость, жестокость, непониманіе, должны были однако выработаться еще полнѣе у Мюссе, чтобы ясно стало, до какой высокой степени могъ бы подняться его талантъ. Таково значеніе двухъ, столь противоположныхъ одно другому, произведеній, какъ «Namouna» и «Ночи».

Въ поэтическомъ поколѣніи, вызванномъ къ жизни «Донъ-Жуаномъ», шутливая импровизація Мюссе занимаетъ выдающееся мѣсто. Не завлекаетъ она сложнымъ и занимательнымъ сюжетомъ,—авторъ умышленно удлинилъ вступленіе, характеристику героя, описаніе обстановки, лишь въ концѣ набросалъ силуэтъ женской головки, чьимъ именемъ названа поэма, сжато обрисовалъ дѣйствіе и прервалъ разсказъ на порывѣ самопожертвованія невольницы Намуны, охваченной любовью къ своему повелителю Гассану. Фантастическій нарядъ, которымъ задрапированъ герой поэмы, французъ-ренегатъ, скрывающій подъ именемъ Гассана и житейской обстановкой мусульманина неясное, но никоимъ образомъ не трагическое и не преступное прошлое,—этотъ нарядъ плохо держится на тѣлѣ; въ началѣ поэмы авторъ даже освобождаетъ его отъ всякаго наряда и тратитъ много игривыхъ куплетовъ на описаніе нѣги совершенно обнаженнаго Гассана, отдыхающаго на леопардовой кожѣ послѣ ванны. Восточная затѣя, съ отпечаткомъ ранняго байроновскаго персонала, въ которомъ нѣсколько лицъ надѣлялось ренегатствомъ, совершенно не существенна, и то, что кроется за нею, безконечно цѣннѣе. И это—не характеристика Гассана, выставленнаго въ сущности «bon

enfant», даже «très enfant», и въ то же время настойчиваго въ своихъ желаніяхъ, добивающагося во что бы то ни стало ихъ исполненія, и необузданно чувственнаго, но игра ума, наблюдательности, ироніи, смѣха и печали, которая то и дѣло покидаетъ нить разсказа, чтобы дать просторъ мыслямъ, оцѣнкамъ и наблюденіямъ обо всемъ на свѣтѣ. Какъ бы Мюссе ни восклицалъ въ напускномъ недоумѣніи: «Byron, me direz-vous, m'a servi de modèle?»—вліяніе блестящаго образца несомнѣнно. Младшій поэтъ высмотрѣлъ у автора «Беппо» и «Донъ-Жуана» искусство геніальной causerie, допускающей всѣ контрасты, всѣ смѣны настроеній и темъ, отъ сердца горестныхъ утратъ до обличенія людского безумія. Онъ съ наслажденіемъ предается жонглированію съ мыслью, тѣшится надъ читателемъ, перескакивая отъ одного отступленія къ другому и притворяясь, будто потерялъ нить,—«où diable en suis-je donc?». Непринужденность формы помогла ввести въ ту же рамку полную грустной поэзіи и прочувствованную варіацію на легенду о Донъ-Жуанѣ, новый вкладъ въ объясненіе типа, близко подходящій къ гуманному оправданію его, которое отъ Гофмана передалось Пушкину и Алексѣю Толстому. Безграничность увлеченій объяснена тщетнымъ ожиданіемъ рѣшающей встрѣчи съ желаннымъ идеальнымъ существомъ, надеждой на искреннюю, вѣчную привязанность; «онъ всматривался во множество лицъ,—всѣ походили на *нес*, но то не была *она*». Но съ такою же свободой Мюссе отдается сатирическимъ выходкамъ противъ свѣта и его нравственнаго кодекса, противъ отжившихъ общественныхъ формъ, борется съ чопорными традиціями литературы, — переходы, необыкновенно напоминающіе пріемы другого послѣдователя «Донъ-Жуана», автора «Онѣгина».

Подобно Лермонтову съ его Печоринымъ, подобно самому Байрону, Мюссе сознавалъ раздвоеніе своей личности. Онъ говорилъ брату: «je sens en moi deux hommes; l'un agit, l'autre regarde». Мучительное самообличеніе Роллы, смутная борьба высшихъ влеченій съ необузданнымъ эгоизмомъ у Франка, постигнутаго ударомъ судьбы въ ту пору, когда онъ какъ будто начиналъ новую жизнь, безпечная насмѣшка «Намуны» и скрытое за нею презрѣніе и негодованіе—показатели того процесса, который давалъ *второй*, лучшей сторонѣ личности поэта перевѣсъ и былъ главнымъ результатомъ его байронизма. Не въ состязаніи съ Байрономъ по обрисовкѣ тѣхъ же типовъ, тѣхъ же темъ, сказывался онъ, но въ правдѣ глубокаго и печальнаго лиризма. Этотъ путь привелъ Мюссе къ лучшему, наиболѣе самобытному, единственному въ своемъ родѣ среди литературы признаній и исповѣдей, произведенію,—къ «Ночамъ».

Много смѣнилось литературныхъ поколѣній послѣ того, какъ сложились онѣ,—теперь господствуетъ совершенно иной критическій кодексъ,

чѣмъ въ дни Мюссе, и не удовлетворятъ эти грустныя грезы ни гражданственнымъ, ни философскимъ требованіямъ отъ поэзіи,—но въ задушевныхъ импровизаціяхъ, полныхъ высшей искренности, какой только въ состояніи достигнуть лирика, такая привлекающая сила, которой нельзя противостоять,—и, думается, такъ будетъ всегда... Въ обстановкѣ таинственной, но въ то же время взятой изъ дѣйствительности,—потому что въ экстатическія причуды поэта входило, по свидѣтельству брата, взволнованное ожиданіе въ позднюю ночную пору, въ ярко освѣщенной комнатѣ, появленія музы,—въ рѣчахъ вѣщей подруги, то ласкающихъ и нѣжныхъ, то печальныхъ, то полныхъ отчаянія и осужденія, и въ изліяніяхъ даровитой, но сознающей свою гибель натуры, для которой послѣ чудныхъ грезъ мая настаетъ сумракъ, холодъ и одиночество суровой декабрьской ночи, раскрывается трагедія разбитой, напрасно загубленной жизни, съ укоризненными воспоминаніями о свѣтлыхъ, юныхъ стремленіяхъ, съ жуткимъ сознаніемъ непоправимости, неизбѣжности нравственнаго упадка, медленнаго, тоскливаго угасанія.

Дойти отъ фривольности первыхъ стихотворныхъ шалостей, горячихъ тоновъ эпикурейскаго сладострастія, вычуръ романтическаго экзотизма до такой лирической силы Мюссе могъ только въ школѣ Байрона. Одинъ изъ преданныхъ ему біографовъ, Арсенъ Гуссэ, въ англійскомъ этюдѣ о немъ [1]) говоритъ объ «удивительной способности до того усвоить пріемы Байрона, что, казалось, Байронъ былъ не учителемъ, а братомъ Мюссе». Какъ авторъ «Ночей», поэтъ свободенъ отъ упрека въ «усвоеніи»; онъ дѣйствительно кажется младшимъ, несчастнымъ братомъ великаго художника и властителя умовъ...

Мюссе былъ правъ, говоря, что никогда не могъ быть «представителемъ своего вѣка». Среди сильнаго оживленія соціальной и политической мысли, среди борьбы за опредѣленные идеалы странно выдѣляется его рано надломленное и опечаленное существованіе, съ разбитыми надеждами на личное счастье. Но идейный и художественный составъ байроническаго движенія во Франціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ бы (къ существенному своему ущербу) неполонъ, если бы за показными фактами прямого вліянія освободительныхъ идей Байрона на группу Гюго и за стендалевской варіацiей на тему объ избранникѣ и его непреклонной волѣ не виднѣлась вдали печальная тѣнь Мюссе.

---

1) Написанномъ для „Fortnightly Review", 1889 года.

III.

Какъ прямой контрастъ съ нервной безпомощностью и разочарованіемъ автора «Ночей», поражаетъ своимъ пыломъ, страстностью убѣжденій, не сломленныхъ ни тюрьмой, ни изгнаніемъ, ни неудачами и тревогами революціонныхъ попытокъ, и преданностью идеалу поэзіи, какъ народной освободительницы, личность современника Мюссе, донъ-Хозé де-Эспронседа, талантливѣйшаго изъ испанскихъ лириковъ XIX-го вѣка, поэта и политическаго вождя, въ чьей дѣятельности какъ бы сосредоточилось все, что испанская народность могла внести въ движеніе байронизма.

Личная судьба Эспронседы тѣсно связана съ тяжкимъ періодомъ новѣйшей исторіи Испаніи. Какъ у Гюго, его младенчество окружено военными сценами; его отецъ—одинъ изъ храбрыхъ бойцовъ на войнѣ за независимость. Дѣтство прошло затѣмъ подъ гнетущими впечатлѣніями реакціонной расправы, дѣяній возродившейся инквизиціи, борьбы кортесовъ, отстаивавшихъ народныя вольности, съ абсолютизмомъ Фердинанда VII. Въ школѣ, Colegio di san Mateo, какимъ-то чудомъ сберегшей свободу преподаванія, онъ слышитъ благородныя рѣчи учителей, печальниковъ о паденіи страны, испытываетъ первыя свѣтлыя впечатлѣнія иноземной поэзіи свободы, знаетъ уже о Шиллерѣ, слышитъ о жизни и подвигѣ Байрона. Тираническія, безумныя мѣры правительства, вызывавшія охлаждающіе совѣты и предостереженія со стороны европейскихъ кабинетовъ (даже русскаго, черезъ посла Поццо ди-Борго), казнь Ріэго, разбившая надежды на освобожденіе страны, вызывали организацію тайныхъ обществъ; даже масоны образовали союзъ «Defensores de la constitucion»,—и Эспронседа съ товарищами-школьниками также основываетъ тайное политическое общество «Los Numantinos». Но это не дѣтская игра въ политику. Пламенное возбужденіе охватило заговорщиковъ. Трепещущіе отъ негодованія и нравственнаго потрясенія свидѣтели казни Ріэго, они связываютъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ «употребить всѣ усилія, чтобы отмстить за его смерть гонителямъ, начиная съ высшаго», и скрѣпляютъ клятву письменнымъ договоромъ, который послужилъ потомъ важною уликой противъ нихъ [1]). Доносъ выдалъ существованіе общества; слѣдствіе и судъ привели къ приговору, выславшему Эспронседу на пять лѣтъ въ францисканскій монастырь въ Гвадалахарѣ на исправленіе. Тамъ онъ обо многомъ передумалъ, сумѣлъ многое прочесть, развить себя, тамъ «нашелъ отраду въ поэзіи»; свободно, мело-

---

[1]) Rodriguez-Solis. Espronceda, su tiempo, su vida y sus obras. Madrid, 1888, p. 65—67.

дично и разнообразно полились стихи, и уже вырастала первая поэма, съ отголосками испанской старины, ея «добродѣтелей и свободы». Когда пришелъ конецъ заточенію,—сокращенному по настоянію аббата, желавшаго избавить братію отъ общенія съ революціонеромъ,—и Эспронседа очутился на волѣ, онъ вмѣшивается въ ряды оппозиціи и вступаетъ участникомъ въ военный заговоръ. Его ждетъ новая неудача; избѣгая преслѣдованій и начавшейся расправы, онъ ищетъ на время убѣжища за предѣлами страны и черезъ Гибралтаръ направляется въ Португалію. Но между сосѣдними правительствами полное согласіе и постоянная поддержка въ борьбѣ съ либерализмомъ. Эспронседа, вмѣстѣ съ другими эмигрантами, арестованъ и запертъ въ цитадели, возвышающейся надъ Лиссабономъ и изъ военной тюрьмы превращенной тогда въ арестный домъ португальскихъ и испанскихъ вольнодумцевъ.

Тайное школьное общество, армейское pronunciamiento, эмиграція и двѣ тюрьмы—такова обстановка юности поэта, таковъ прологъ къ вѣчно взволнованной жизни. Но во время лиссабонскаго плѣна въ нее входитъ сильная струя любовнаго романтизма—украшеніе, вдохновеніе, но и терзаніе всѣхъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Онъ нашелъ свою музу въ лицѣ дочери одного изъ товарищей по заключенію, часто приходившей навѣщать отца. «Стройная, какъ пальма, съ небесно-голубыми очами и дѣвственно чистой душой», во всей прелести расцвѣтающей красоты (ей было всего 15 лѣтъ), Тереза отвѣтила на пылкую любовь такимъ же безграничнымъ увлеченіемъ. Мечтанія, клятвы, поэтическія импровизаціи, долгія прогулки, обнявшись, по террасѣ цитадели въ ароматные вечера, надъ моремъ и засыпающимъ городомъ,—полный очарованія медовый мѣсяцъ любви. Но онъ грубо прерванъ. Отца Терезы, испанскаго полковника, съ большими связями въ недовольныхъ военныхъ кругахъ, недовѣрчивое португальское правительство услало на одномъ изъ своихъ кораблей въ Англію; съ нимъ исчезла Тереза,—и погасъ свѣтъ въ жизни Эспронседы. Но онъ найдетъ во что бы то ни стало возможность бѣгства изъ тюрьмы и, конечно, не останется ни одного дня въ странѣ; для него во всемъ мірѣ одно убѣжище—Англія, Лондонъ. Тамъ его любовь, его жизнь, но тамъ и царство свободы, и отвѣтъ на давніе запросы его, какъ поэта; въ отечествѣ Байрона его ждало посвященіе въ тайны байронизма [1]).

Для него онъ не могъ быть модой, игрой, переходною ступенью развитія. Онъ нашелъ въ немъ отзвукъ на всё, что волновало его и какъ преданнаго свободѣ патріота, и какъ ратующую за свои права са-

---

[1]) Характеристику этого момента въ жизни поэта сравн. въ статьѣ Enrico Pineyro, „Espronceda“, въ Bulletin hispanique, 1898, IV.

мобытную личность; онъ отвѣчалъ широкимъ художественнымъ его требованіямъ, не признававшимъ классическаго ига, велъ на просторъ міровыхъ вопросовъ и исторіи человѣчества; онъ научилъ его и лирикѣ любви, и изображенію тѣхъ терзаній, того отчаянія, которыя вызываетъ то же чувство, когда оно поругано, искажено измѣной. Въ Лондонѣ Эспронседа созрѣлъ, какъ политическій поэтъ, обличавшій позоръ родной страны съ такой же силой, какъ Байронъ въ его ѣдкихъ сатирахъ,—какъ агитаторъ-эмигрантъ, напряженнс ждавшій минуты, когда онъ съ единомышленниками вторгнется въ Испанію и поборется съ деспотизмомъ,—какъ мыслитель, передъ которымъ носились грандіозные, въ духѣ Байрона и Шелли, философско-поэтическіе замыслы,—какъ пѣвецъ рокового, мучительнаго, но неодолимаго чувства.

Свиданіе съ Терезой поразило его тяжелымъ ударомъ. Принесла ли она себя въ жертву, испытавъ съ отцомъ большія лишенія на чужой сторонѣ, и сошлась въ Лондонѣ съ поселившимся тамъ богатымъ испанскимъ купцомъ, ища поддержки и защиты, сказался ли въ этомъ мимолетный капризъ чувственности, но убѣдиться въ измѣнѣ боготворимаго существа, видѣть, кого предпочла ему Тереза, было слишкомъ мучительно. Его появленіе возбудило въ ней новый приливъ чувства къ нему; романтика первой любви взяла верхъ. Не могъ и онъ вырвать изъ сердца слишкомъ глубокой привязанности. Тереза понимала это и съ необыкновенной плѣнительностью и геніальнымъ кокетствомъ, о которомъ говорятъ воспоминанія всѣхъ знавшихъ ее, приковала къ себѣ своего поклонника. Годы прошли въ этой мучительной и сладостной зависимости. Порвались лондонскія связи Терезы; ея личная судьба принимала потомъ прихотливыя формы; она умѣла порою дѣлить съ другомъ всѣ случайности и опасности эмигрантства, агитаціи, но и онъ слѣдовалъ за нею, не могъ разлучаться надолго, мирился, прощалъ, снова поклонялся,—и едва пережилъ ея смерть.

Три года житья въ Англіи были для него, какъ политическаго дѣятеля, порою собиранія силъ и разносторонней подготовки. Тѣсно сплоченная семья испанскихъ эмигрантовъ, постоянно сносившаяся съ отечествомъ, увидала въ іюльской революціи предвѣстіе крушенія абсолютизма и въ Испаніи. Дѣятели ея, съ Эспронседой во главѣ (послѣ участія его въ борьбѣ на парижскихъ баррикадахъ), перенесли агитаціонный центръ въ Парижъ, чтобы быть ближе къ отечеству. Правительство Луи-Филиппа выказало такое же гостепріимство испанскимъ выходцамъ, какъ и представителямъ нѣмецкаго свободомыслія или итальянскимъ и польскимъ патріотамъ. Парижъ послѣ іюльскаго переворота сталъ для Эспронседы такимъ же средоточіемъ умственнаго возбужденія, какъ для Гейне, Бёрне или Мицкевича.

Но король Фердинандъ демонстративно не захотѣлъ признать Луи-Филиппа, ставленника народа, революціоннаго короля. Между обѣими странами установились враждебныя отношенія; ожиданія уступокъ и реформъ со стороны испанскаго правительства, которое могло бы наконецъ, при видѣ усиливающагося броженія и подъ вліяніемъ французскаго переворота, сдаться духу времени, были разстроены. Оставалось прибѣгнуть къ политикѣ дѣйствія. Было основаніе разсчитывать на негласную поддержку Франціи или на ея невмѣшательство, если черезъ границу двинутся навстрѣчу народнымъ бандамъ отряды испанскихъ волонтеровъ. Эспронседа, конечно, и здѣсь впереди всѣхъ, и съ летучимъ отрядомъ появляется въ Наваррѣ.

Печально окончилась первая, отчаянно смѣлая революціонная попытка поэта и его единомышленниковъ. Королевскія войска, во-время увѣдомленныя, противопоставили нѣсколькимъ инсургентскимъ небольшимъ отрядамъ, умышленно разбившимъ свои силы, желая вести партизанскую войну, подавляющее превосходство силъ. Эспронседа выказалъ беззавѣтную храбрость; его ближайшій другъ-эмигрантъ, полковникъ De Pablo (прозванный Chapalangarra), былъ убитъ, къ великому его горю; послѣ упорной борьбы другіе отряды были отброшены къ границѣ. Надежды рушились, и Эспронседа готовъ былъ, какъ Байронъ, отдаться освобожденію иной страны, если нельзя освободить отечество [1]). Но онъ преодолѣлъ сомнѣнія, дождался перехода вліянія и власти отъ Фердинанда къ Христинѣ, начала уступокъ народу, призыва въ составъ правительства умѣренно либеральныхъ политиковъ, поспѣшилъ вернуться въ Испанію, съ горячностью бросился въ публицистику, снова навлекъ на себя гоненіе, очутился въ тюрьмѣ, послалъ изъ нея страстный протестъ королевѣ и—вышелъ, наконецъ, на свободу. Съ той поры до его смерти идетъ непрерывная дѣятельность на пользу народа и во имя свободы. Среди междоусобій, вызванныхъ организаціей карлистскихъ шаекъ и поведшихъ за собою новыя стѣсненія для народа, осадное положеніе въ Мадридѣ, онѣмѣніе печати, Эспронседа является дѣятельнымъ пропагандистомъ-республиканцемъ, предпринимаетъ агитаціонныя поѣздки по провинціямъ, ораторствуетъ, волнуетъ умы. Когда, въ 1841 году, наконецъ водворенъ былъ парламентаризмъ, онъ — выдающійся дѣятель въ кортесахъ, и дошедшія до насъ краснорѣчивыя его рѣчи полны юно-

---

[1]) Есть свѣдѣнія о неудавшемся намѣреніи Эспронседы вступить въ ряды легіона, собиравшагося въ Парижѣ на помощь возставшей Польшѣ. Правительство Луи-Филиппа запретило вербовку этого отряда. Сравн. біографію поэта, написанную Antonio Ferrer del Rio для изданія „Obras poeticas“ Эспронседы, Madrid, 1884, также у Rodriguez-Solis, 107.

шеской возбужденности; за нѣсколько дней до смерти еще раздавался въ палатѣ западавшій въ душу голосъ его.

Необозримый водоворотъ всевозможныхъ настроеній, ощущеній и испытаній, полный контрастовъ надежды и разочарованія, бездна гнѣва, негодованія и горя, прибереженныя судьбою къ концу жизни поэта испытанія—разрывъ съ Терезой и смерть ея,—и, несмотря ни на что, неистощимая энергія и вѣра въ конечный успѣхъ—вотъ основа для поэзіи Эспронседы, развивавшейся въ связи съ его политикой, сливаясь съ нею, какъ у Байрона, въ одинъ образъ великой освободительной силы.

Эспронседа не былъ одинокъ въ своихъ байроническихъ симпатіяхъ среди новаго поколѣнія испанскихъ писателей. Такіе же, какъ онъ, эмигранты занесли въ Испанію вѣсти о Байронѣ. Но ни въ комъ изъ его сверстниковъ не встрѣтили онѣ такого полнаго отклика, какъ въ немъ, казалось, призванномъ къ ихъ пропагандѣ.

Всѣ звуки байроновской гаммы откликаются въ его поэзіи, остающейся, несмотря на то, вполнѣ субъективной [1]). Сонеты и серенады дышатъ страстью, но надъ искренней любовной лирикой высится величественный «Гимнъ къ солнцу», въ оправѣ картинъ Вѣчности и торжества Свѣта; «Пѣснь Пирата», напоминающая «Корсара», встрѣчается съ раздумьемъ элегій, и въ особенности романса «Къ ночи», окутаннаго таинственной дымкой. Но политическое стихотворство оттѣсняетъ эти вліянія и порою захватываетъ все творчество. Тогда создается «Пѣсня казака» (El canto del cosaco) съ хоровымъ припѣвомъ: «Hurra, cosacos del desierto, hurra!»,—внушенная не только воспоминаніями о казакахъ въ Парижѣ 1814 года, но и недавнею расправою въ Польшѣ, звучащая побѣднымъ вызовомъ «надвинувшейся на міръ грубой и хищной силы, попирающей одряхлѣвшую Европу»; тогда возникаютъ многочисленныя боевыя стихотворенія изъ революціонной поры въ Испаніи. Одно изъ нихъ еще близко къ байроновскому эллинофильству, но въ «Сѣтованіяхъ дочери греческаго ренегата» слышенъ гнѣвъ испанскаго патріота на отступниковъ,—а за нимъ идетъ потокомъ лирика инсургента и агитатора. Онъ славитъ память погибшихъ за свободу и посвящаетъ задушевную элегію убитому рядомъ съ нимъ при вторженіи въ Испанію храбрецу Chapalangarra,—зоветъ въ стих. «Guerra» къ всеобщему ополченію во имя двухъ чудныхъ силъ—«*patria* y *libertad*», громитъ нравственное паденіе и рабскій духъ Европы («A la degradacion de Europa»), напоминаетъ обезсилѣвшей Испаніи о героизмѣ и вольнолюбіи предковъ, а въ превосходной элегіи «Къ отечеству», написанной въ эмигрантскіе годы, въ Лондонѣ, предается горю при видѣ безпросвѣт-

[1]) Поэтическія произведенія Эспронседы собраны и изданы были Патрисіемъ де-ла-Эскозура въ Мадридѣ 1884 („Obras poeticas“). Проза его еще не собрана.

наго упадка и позора страны, изъ которой должны скрываться честные люди и блуждать отверженными и одинокими въ чужомъ краю. Мотивъ душевнаго одиночества, развившійся во время изгнанія и особенно сильно выступающій въ стихотвореніи «Soledad del alma», встрѣчается въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ, когда настала активная пора, съ ѣдкимъ обличеніемъ косности и инертности толпы, неспособной поддержать дружнымъ подъемомъ великаго дѣла освобожденія. Но за красотой и силой лирики выступаютъ обширные эпическіе замыслы,—тѣ, что доставили поэту въ литературномъ движеніи Европы наибольшую извѣстность: *легенда* «El estudiante de Salamanca» и поэма «El diablo mundo».

Въ богатомъ стихотворномъ убранствѣ, какое могла дать автору эволюція поэтической формы къ началу девятнадцатаго вѣка, съ новыми красотами гармоніи и изящно-свободной прихоти, чья тайна принадлежала Эспронседѣ, ожила въ «Саламанкскомъ студентѣ» легендарная фабула изъ донъ-жуановскаго цикла,—не напоминая байроновское толкованіе типа, но черезъ двухвѣковой промежутокъ возвращаясь къ основѣ, къ пошибу пьесъ Тирсо де-Молины и старыхъ итальянцевъ. Поэтъ называетъ донъ-Феликса де-Монтемаръ «вторымъ донъ-Жуаномъ Теноріо»; обѣщая «передать о немъ преданіе въ томъ видѣ, какъ его слышалъ», онъ вводитъ въ обстановку старой Испаніи съ ея повѣрьями, полными таинственности, призраковъ и пришельцевъ изъ загробнаго міра. Повѣствованіе о безумномъ прожиганіи жизни, издѣвающемся надъ всѣмъ, что́ есть въ ней святого и чистаго, онъ заканчиваетъ рядомъ сумрачно-зловѣщихъ картинъ, гдѣ глухою ночною порой передъ донъ-Феликсомъ является неотразимо манящее къ себѣ видѣніе женщины подъ бѣлымъ покрываломъ, влечетъ его за собой въ кругъ вьющихся въ пляскѣ тѣней и призраковъ, заставляетъ его присутствовать при погребальной процессіи, гдѣ въ одномъ мертвецѣ онъ узнаетъ убитаго брата соблазненной имъ и безконечно любившей его дѣвушки, въ другомъ—свои черты. Но его привели на свадьбу; видѣніе, одаренное нѣжнымъ голосомъ несчастной Эльвиры, окружаетъ своего милаго ликованіемъ толпы мертвецовъ, прижимаетъ свои уста скелета къ губамъ супруга, и въ вихрѣ пляски, въ стонахъ адскихъ пѣсенъ гаснетъ жизнь, до послѣдней минуты полная отваги, самоувѣренности и отпора.

Сынъ своего вѣка и горячій приверженецъ народнаго развитія, Эспронседа позволилъ себѣ поэтическую вольность, унесшую его вглубь давнопрошедшаго,—опытъ оживленія ветхой темы; но духъ байроновской школы побудилъ его вдохнуть въ завѣщанный образъ героя сверхчеловѣческую силу; его Монтемаръ — «грандіозная, сатанинская личность, дивная въ своемъ безуміи, съ открытымъ челомъ пролагающая себѣ путь, бросая вызовъ небесному гнѣву»:

Grandiosa, satànica figura,
Alta la frente, Montemar camina.
Espiritu sublime en su locura,
Provocando la còlera divina.

Его не устрашатъ ни людская враждебность, ни «сила нездѣшняя»; на дуэли, въ игорномъ домѣ, среди пляски мертвыхъ онъ—тотъ же боецъ, способный вызвать на поединокъ судьбу. На немъ несомнѣнный отпечатокъ байроновскихъ борцовъ. А его образъ оттѣненъ такими красотами какъ печальный ликъ умирающей Эльвиры, какъ полное блаженныхъ воспоминаній о быломъ счастьѣ, предсмертной тоски и томящаго одиночества послѣднее, прощальное письмо ея къ своему соблазнителю, какъ чудные поэтическіе пейзажи южной ночи, подъ чьимъ покровомъ творятся тайныя дѣла нѣжности, вражды, мщенія, или полныя мрачной фантастики сцены «danse macabre». Въ творчествѣ поэта-революціонера эта художественная вольность, опершаяся на солидарность съ Байрономъ даже въ легендарно-археологической обстановкѣ, по праву заняла выдающееся мѣсто.

Такая же вольность, но безъ связи съ какими бы то ни было легендами, безграничная до того, что поэту не удалось выполнить всего замысла,—призванная охватить въ прихотливой формѣ, не поддающейся никакой теоріи, всѣ вопросы, волнующіе искони человѣчество, и вмѣстѣ съ тѣмъ политическую и общественную «злобу дня» Испаніи, выстраданную на дѣлѣ Эспронседой, создала второе и важнѣйшее изъ его обширныхъ произведеній—поэму «El diablo mundo», Міръ-Сатана.

Шесть пѣсенъ и нѣсколько отрывковъ седьмой пѣсни—вотъ все, что осталось въ посмертномъ наслѣдствѣ Эспронседы отъ необъятно раскинувшейся въ его воображеніи фабулы, своеобразной, мятежной, измѣнчивой, порою неуловимой. Она увѣнчана заглавіемъ, которое уже звучитъ загадкой. Это—эмблема всего человѣчества, всего вселенскаго строя,—говорятъ одни, ссылаясь на слова поэта; это—картина постояннаго превосходства духа зла надъ добромъ, повсемѣстнаго торжества діавола,—говорятъ другіе [1]. Фантастическое встрѣчается съ ультрареальнымъ; краски пестры донельзя; «то трагическій котурнъ, то звуки эпической трубы, то плавная, спокойная мелодія, то тривіальный тонъ, то шутка, то глубокое, печальное раздумье и широкій полетъ философской мысли»—все входитъ въ повѣствованіе, порою превращенное въ драматическій діалогъ, порою—въ сплошное лирическое изліяніе. Кто отважится преградить путь художнику-мыслителю, подчинить его какой

---

[1]) Escosura, „Don José Espronceda, su personalidad poetica y sus obras“, приложеніе къ „Obr. poeticas“, 60.

бы то ни было формѣ или традиціи? И онъ свободно предваряетъ разсказъ таинственно-волшебнымъ прологомъ, гдѣ дѣйствуютъ хоры демоновъ и видѣній, носящіеся въ воздухѣ, и поэтъ, внимающій ихъ голосамъ; а вторую пѣснь, надписанную: «Къ Терезѣ»—чуждую общему сюжету, но усиливающую печальную его мораль лично выстраданной скорбью,—посвящаетъ воспоминанію о своей привязанности, которая была и свѣтомъ, и отравой его жизни, и возлагаетъ погребальный вѣнокъ на дорогое когда-то чело. «Манфредъ» вовлекъ его и въ фантастику, и въ состязаніе съ міровыми силами, тогда какъ «Донъ-Жуанъ» научилъ свободѣ остроумія и сатиры въ тѣхъ частяхъ разсказа, гдѣ испанская дѣйствительность съ ея царствомъ застоя вступаетъ въ свои права. Боецъ въ политической жизни, Эспронседа остается бойцомъ и непослушнымъ новаторомъ въ своей лучшей поэмѣ.

«Поэтъ» (въ прологѣ) въ ропотѣ на судьбу и божество, напоминающемъ развѣ только подобный же сильный моментъ въ III-ей пѣсни «Дзядовъ», съ гнѣвомъ и горечью возмущается противъ «вѣчнаго рабства», противъ тенетъ и тюремъ, въ которыхъ бьется человѣчество, созданное «съ мыслями ангеловъ и съ пошлымъ ничтожествомъ звѣрскихъ стремленій», влачащее жизнь, въ которой «несомнѣнно только одно—его безсиліе», пробивается сквозь всѣ преграды, чтобы передъ лицомъ вѣчныхъ силъ заявить свои запросы о смыслѣ жизни, о судьбѣ души, о вѣчности и безсмертіи,—а надъ нимъ вьются духи, наполняя воздухъ шепчущими голосами, полными манящаго соблазна, говоря о прелестяхъ славы, богатства, наслажденій, безпечности, или возбуждающими отчаяніе картинами несчастій и страданій. Неземные это образы и звуки, или это *его* личныя грезы, *его* бредъ, имъ же сложенныя поэтическія созданія,—но мучатъ они его, удрученнаго неодолимой человѣческой долей, безконечно, и слышится ихъ припѣвъ: «духи, спѣшите раздѣлить зло свое съ человѣкомъ!»

Когда занавѣсъ поднимается надъ сюжетомъ поэмы, демонической фантастикѣ конецъ, и въ свои права вступаетъ житейская проза. Связующимъ звеномъ для ея сценъ служатъ личность и похожденія центральнаго лица, имя котораго, «Adan», задумано какъ нарицательное прозвище человѣка par excellence. Какъ Фауста, мы застаемъ его сначала старымъ, ветхимъ, пережившимъ всѣ желанія; свѣтлое видѣніе, представшее передъ нимъ, усыпляя его грезой о новой жизни, полной безконечныхъ впечатлѣній, возвращаетъ ему молодость, и, утративъ память о прошломъ, онъ вступаетъ въ иное существованіе, полный воспріимчивости. Поэтъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что долженъ передавать факты жизни послѣ ряда великихъ мастеровъ, «послѣ *Байрона*, Кальдерона, Шекспира, Сервантеса», но все же рѣшается приступить къ

разсказу о томъ, что стало раскрываться передъ Аданомъ, когда, свѣжій, юный, наивный, онъ пошелъ навстрѣчу радугѣ жизни. Идутъ грубые и жесткіе уроки *настоящей* дѣйствительности; авторъ хотѣлъ провести его черезъ разнообразнѣйшія житейскія положенія, черезъ различные общественные слои, слишкомъ широко раскидывая границы и рамки, какъ Байронъ въ «Донъ-Жуанѣ», и, такъ же какъ онъ, осуждая себя на недоговоренность, невыполненность плана.

Эспронседа расходится съ своимъ образцомъ въ выборѣ бытовой обстановки, погружая Адана съ первыхъ шаговъ въ плебейскіе, низменные слои, на дно, вводитъ въ среду преступности, разврата, хищничества, гдѣ гибнутъ силы, склонныя къ свѣту и добру, гдѣ всего безотраднѣе доля женщины. Задушевнымъ горемъ проникнута сцена у едва остывшаго трупа дѣвушки изъ пролетаріата, соблазненной и погибшей; горькія, кающіяся жалобы ея матери, хозяйки притона, встрѣчаются съ вызывающими рѣчами Адана, впервые стоящаго передъ лицомъ смерти, отказывающагося вѣрить, чтобы такому чудному созданію суждена была гибель, и изумляющаго осиротѣвшую женщину твердой надеждой на возвратъ жизни. Въ лицѣ такой же плебейки, которая окружена была съ дѣтства порокомъ и называетъ себя «дочерью вора, гнилымъ, порченымъ плодомъ», Аданъ встрѣчаетъ искреннюю привязанность; Salada удерживаетъ его отъ соблазновъ двусмысленной братіи, видимо сбирающейся вовлечь его въ преступленіе, не боится насмѣшекъ этихъ людей надъ «діаволомъ, превратившимся въ проповѣдника», и готова на всѣ жертвы, чтобы спасти друга. Всѣ такія существа гибнутъ—какъ погибла въ иной средѣ и дорогая поэту Тереза, вдохновительница его юныхъ думъ и свѣтлыхъ влеченій,—и печалью обвѣянъ уголокъ земли, гдѣ «схоронена красота ея, теперь—жалкая тлѣнная пыль». «Терезы нѣтъ, но жизнь прекрасна, природа сіяетъ,—что за дѣло міру до того, что стало однимъ трупомъ больше!» И все растетъ, углубляется этотъ гамлетовскій пессимизмъ, и слышатся байроновскія рѣчи о человѣкѣ, скелетѣ съ нервами и кожей, безотчетно появляющемся на свѣтъ и столь же непонятно исчезающемъ, согрѣтомъ душой, этимъ таинственнымъ пришельцемъ, этимъ метеоромъ. Зрѣлище людскихъ отношеній, контраста избытка и бѣдности, торжествующаго паразитизма, царства денегъ, проходящее передъ глазами Адана и ярко освѣщаемое комментаріями поэта въ его постоянныхъ отступленіяхъ отъ сюжета, содѣйствуетъ пессимизму. Непроглядная масса зла и несправедливости ждетъ Адана. Ему предсказана великая и страшная участь. «Ты увидишь движеніе вѣковъ и будущность міра»,—звучало предсказаніе; «вѣка будутъ кружиться въ безконечномъ движеніи, народы будутъ умирать; ты запросишь пощады у неба и въ агоніи проклянешь вѣчность».

Но, вопреки всему, жива и вѣчно дѣятельна въ борьбѣ со зломъ освобождающая мысль. Вступая въ жизнь, поэтъ былъ полонъ жаждой подвига, его привлекали тогда «мечъ Катона, благородство Брута, безстрашность Сцеволы и Сократа»; это—лучшія его воспоминанія и этимъ идеямъ онъ остался навсегда вѣрнымъ. Въ посмертномъ отрывкѣ изъ поэмы, надписанномъ «Ангелъ и поэтъ», передъ лицомъ ангела, вызывающаго его оторваться отъ связей съ грѣшнымъ міромъ и познать божественно-величавое призваніе творчества, поэтъ изливаетъ безконечную тоску, причиняемую равнодушіемъ и черствостью людскою, но, чувствуя призывъ къ небесному, останется вѣренъ неблагодарному, тяжелому своему труду.

Борьбу съ «міромъ-сатаною» поэтъ ведетъ не только байроновскимъ оружіемъ обличенія ему нуженъ и другой, испытанный учителемъ, способъ войны—насмѣшка. Болѣе склонный патетически воспринимать факты жизни, онъ пользуется и этимъ видомъ оружія; тогда онъ становится реалистомъ-бытописателемъ, даже остроумнымъ causeur'омъ. Сцены въ тавернѣ или въ тюрьмѣ, гдѣ очутился Аданъ, цинически развязная исповѣдь стараго проходимца Lucas и характеръ его, рельефно очерченный, колкія выходки поэта противъ административныхъ, полицейскихъ, церковныхъ, литературныхъ испанскихъ нравовъ, немало украшаютъ разсказъ. Юморъ доходитъ до крайняго напряженія въ набросанной рѣзкими мазками картинѣ всеобщаго сумбура, поднявшагося въ столицѣ послѣ эксцентрическаго, по-боккачіевски непринужденнаго инцидента,— появленія Адана, спасающагося отъ преслѣдованія среди бѣлаго дня въ первобытномъ видѣ... безъ костюма. Подхваченное стоустою молвой и сплетней, это необыкновенное событіе вырастаетъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Аданъ превращенъ въ анархиста; у него есть сообщники, задуманъ былъ переворотъ, престолъ въ опасности; съ церковныхъ каѳедръ громятъ враговъ отечества, наемные писаки проповѣдуютъ походъ противъ нихъ, войскамъ приказано быть наготовѣ, у пушекъ дымятся фитили,—и объявляется военное положеніе.

Если бы судьба дала поэту выполнить широкій планъ задуманнаго пересмотра жизни, какъ царства зла, его «El diablo mundo» заняло бы выдающееся мѣсто въ новой поэзіи. Вѣчно дѣятельная, перегоравшая отъ напряженія энергія его, не знавшая различія между словомъ и дѣломъ, но умѣвшая страстно двигать ихъ впередъ, прервала его поэму почти на полусловѣ. Но это не наноситъ непоправимаго урона обаянію, которое неразрывно соединено со всею личностью Эспронседы; въ обломкѣ замысла сказался онъ весь,—и въ международной литературной группѣ, вызванной къ жизни движеніемъ байронизма, врядъ ли найдется другой послѣдователь великаго англійскаго поэта, который съ такой

цѣльностью, съ такимъ убѣжденіемъ донесъ бы до послѣднихъ своихъ дней преданность излюбленному направленію, какъ поэтъ-трибунъ Эспронседа.

IV.

Въ нестерпимо душной общественной атмосферѣ Германіи 1830—1848 годовъ Байрону суждено было проявить такое же возбуждающее вліяніе, какъ въ истомленной «темной реакціонной ночью» (noche oscura) Испаніи. Служеніе греческому дѣлу, доставившее Байрону большую популярность въ нѣмецкихъ интеллигентныхъ слояхъ, уже сосредоточило вниманіе на положительной сторонѣ его дѣятельности; сравнительно съ нею отступали на второй планъ художественныя красоты. О поэтѣ вспоминали въ сочувственныхъ стихотвореніяхъ, смѣнившихъ некрологическія изліянія, какъ о пѣвцѣ свободы, избавителѣ народовъ. Такъ, въ циклѣ *Totenkränze*, прославившемъ великихъ людей творчества, мысли и политической дѣятельности (1828), воспѣлъ его Цедлицъ [1]), проводя передъ читателемъ разные моменты жизни Байрона, когда затрачивались его лучшія силы, и съ сокрушеніемъ повторяя въ концѣ каждаго куплета: «Былъ ли онъ счастливъ?» (Doch war er glücklich?), но находя для него, какъ для Гёте, высшее удовлетвореніе въ томъ, что онъ много послужилъ дѣйствительной жизни. Появленіе полнаго собранія сочиненій Байрона въ переводахъ нѣмецкихъ стихотворцевъ подъ редакціею профессора Адріана [2]) усилило извѣстность и распространенность байроновской поэзіи въ Германіи, но, въ противоположность тому, что наблюдалось въ дни молодости Гейне, преимущественное вниманіе направлялось на элементъ борьбы, сатиры, обличенія, политической пропаганды, образцовъ котораго новое изданіе давало въ изобиліи. Отголоски іюльской революціи будили и волновали умы; возстанія въ Бельгіи и въ Польшѣ поддерживали возбужденіе; приходили вѣсти о сильно разгоравшемся ирландскомъ народномъ движеніи, поднятомъ О'Коннелемъ,— и, слѣдя за его перипетіями, нѣмецкая молодежь глубоко сочувствовала многострадальной странѣ (со временемъ Фрейлигратъ, въ прекрасномъ стихотвореніи «Irland», заявилъ, что «къ ней еще болѣе, чѣмъ къ Риму

---

[1]) Типическій представитель *австрійской* группы нѣмецкихъ романтиковъ, Цедлицъ (авторъ извѣстнаго „Ночного смотра“) прекрасно перевелъ „Чайльдъ-Гарольда“—Ritter-Harold's Pilgerfahrt, im Versmass des Originals uebersetzt, Stuttgart, 1836.

[2]) Lord Byron's sämmtliche Werke, herausg. von Dr. Adrian, Prof. an d. Universit. Giessen (первый томъ—біографія), Frankfurt, 1830.

Гарольда-Байрона, пристало имя *Ніобеи народовъ*»). За политическими судорогами Италіи двадцатыхъ годовъ настала пора долголѣтней, напряженной агитаціи «Молодой Италіи» и ея вождя, Мадзини. Среди такихъ условій понятна чуткость къ политическимъ мотивамъ въ иноземной поэзіи и стремленіе развить, разработать ихъ въ поэзіи отечественной. Тяжелое зрѣлище патріархально попечительныхъ условій, скрѣпленныхъ авторитетомъ Германскаго Союза, и позорной отсталости отъ остального культурнаго міра вызывало томленіе и щемящую тоску по утраченной свободѣ. «Германія — это Гамлетъ; каждую ночь къ нему является призракъ насильно похороненной народной свободы и требуетъ отмщенія», восклицалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ въ вдохновенномъ стихотвореніи юный Фрейлигратъ [1]), но въ ту пору, когда писались эти строки, нерѣшительный, замученный рефлексіей нѣмецкій Гамлетъ начиналъ уже переходить къ дѣйствіямъ и въ 1848 г. пережилъ лихорадочный пароксизмъ энергіи. Насколько же правдивѣе была картина и жестче укоризна поэта въ примѣненіи къ глухой порѣ начала тридцатыхъ годовъ, такъ рѣзко совпавшей съ всеобщимъ оживленіемъ

Все, что говорило о возрожденіи, подъемѣ, что напоминало объ идеалѣ свободы и обличало ея противниковъ, являлось желаннымъ для представителей пробуждавшагося молодого поколѣнія. Байроновская поэзія была въ первыхъ рядахъ, но вѣдь и во вліяніи французской поэзіи, Гюго и его сверстниковъ, вслѣдствіе ея связей съ англійскимъ образцомъ сказывалось то же отраженное воздѣйствіе на нѣмецкое литературное настроеніе; уроки парламентарной жизни, свободной публицистики, вліяніе соціальныхъ системъ, въ особенности сенъ-симонизма, довершали воспитаніе, подготовку. Таковъ фонъ «Молодой Германіи», блестяще выступившей, сдѣлавшей рядъ смѣлыхъ заявленій, но слишкомъ скоро разбитой, разсѣянной, замученной, заклейменной, осужденной на нѣмоту, поставленной внѣ закона. Пока ея дѣятели «горѣли свободой», на нихъ шелъ непрерывный токъ оживляющей энергіи изъ парижскаго приволья, отъ ея вождей-эмигрантовъ, Бёрне и Гейне, изъ того наслѣдія, что оставилъ послѣ себя авторъ «Гарольда» и «Донъ-Жуана», изъ воинствующей лирики иныхъ передовыхъ поэтовъ и изъ дѣятельности соціальныхъ реформаторовъ. Какъ для Бёрне, встрѣтившаго необыкновенно сочувственною статьей появленіе Муровой біографіи Байрона, англійскій поэтъ казался божественно просвѣтленнымъ своими страданіями, лучезарной вольной кометой, съ дикой свободой пронесшеюся надъ міромъ, искреннимъ другомъ *человѣчества*, презиравшимъ лишь *людей*, великимъ

---

[1]) „Hamlet“ входитъ въ составъ цикла „Ein Glaubensbekenntniss“, 1844, Freiligrath, Gesammelte Dichtungen, III, 86.

и въ одиночествѣ [1]), и для такого вѣрнаго послѣдователя Бёрне, какъ Гуцковъ, Байронъ—одинъ изъ главныхъ выразителей духа новаго времени; очевиднымъ доказательствомъ геніальной чуткости Гёте, безостановочно шедшаго наравнѣ съ вѣкомъ, въ его глазахъ является сочувствіе Байрону и желаніе объяснить современникамъ его значеніе. Только одна пьеса (сполна до насъ не дошедшая), «Марино Фальеро», остается свидѣтельствомъ состязанія, въ которое Гуцковъ задумалъ было вступить съ Байрономъ-драматургомъ, обработавъ одинъ изъ его сюжетовъ. Но солидарность его съ поэтомъ несомнѣнна [2]). Еще опредѣленнѣе она у теоретика школы, Винбарга, чья книга «Aesthetische Feldzüge», поспѣшно запрещенная прусскою цензурой, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе еретическими сужденіями о литературныхъ именахъ первой величины, проповѣдью сближенія словесности съ общественными запросами, и новшествами въ проблемахъ нравственности и религіи. По взгляду Винбарга, Байронъ явился предтечей непосредственной европейской современности, указавшимъ ей пути; онъ воплотилъ въ себѣ лиризмъ новаго времени, проникнутый революціоннымъ вдохновеніемъ. «Великій поэтъ, выступающій въ нашу эпоху, призванъ изображать борьбу и волненія своей поры и своего сердца», и Байронъ выполнилъ съ удивительной силой эту задачу. Его ближайшимъ преемникомъ критикъ считаетъ Гейне, сумѣвшаго слить байронизмъ съ вольтерьянствомъ, и такимъ путемъ устанавливаетъ послѣдовательную связь съ дѣятелями «Молодой Германіи», образующими третье поколѣніе вождей прогресса [3]). Горячо написанная, подъ вліяніемъ польскаго возстанія и отношенія къ нему Германіи, сатирическая картина общества, которое готово отвлеченно увлекаться идеей освобожденія страдающихъ народовъ, даже любуется описаніемъ освободительныхъ подвиговъ, но остается безучастнымъ къ опредѣленнымъ задачамъ, въ которыхъ честь и человѣчность требуютъ вмѣшательства и прямого участія, тѣмъ болѣе выдѣляетъ заслуги такихъ людей, какъ Байронъ, не знавшихъ разлада идеи и поступка. Лаубе, идя по слѣдамъ Байрона, увлекается движеніемъ, явившимся послѣднимъ словомъ народно-освободительной программы, подъ вліяніемъ событій въ Польшѣ становится писателемъ политическимъ и въ сообще-

---

1) Ludwig Börne, „Briefe aus Paris", vier und vierzigster Brief, 20 марта 1831 г. Бёрне готовъ былъ бы „отдать всѣ радости своей жизни за одинъ годъ страданій Байрона".

2) О Гуцковѣ сравн. диссертацію J. Dresch, „Gutzkow et la Jeune Allemagne", Paris, 1904, съ неизданными письмами,—также Johann Proelss, „Das Junge Deutschland", Stuttgart, 1892.

3) „Aesthetische Feldzüge, dem Jungen Deutschland gewidmet", Hamburg, 1834, 22 и 23 главы,—также у Dresch, стр. 165—66.

ствѣ съ однимъ изъ спасшихся въ Германію раненыхъ инсургентовъ пишетъ горячій памфлетъ для возбужденія нѣмецкихъ симпатій къ польскому возстанію. Къ Байрону стремится мысль Густава Кюне, и въ фантастически задуманный имъ «Карантинъ въ домѣ сумасшедшихъ», гдѣ подъ видомъ пестрыхъ набросковъ мыслей въ дневникѣ эксцентрика, на время очутившагося въ пріютѣ умалишенныхъ, высказано много оригинальныхъ мнѣній о литературѣ, обществѣ, политикѣ, вводитъ разсужденіе о Байронѣ и Шелли.

Прозаики или драматурги, публицисты, проповѣдники нравственной свободы, приверженцы политическаго радикализма (Гуцковъ смолоду былъ страстнымъ поклонникомъ республики), дѣятели «Молодой Германіи» не могли вступить въ школу Байрона, какъ поэта, и продолжать его художественное дѣло. Но въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ, оставившей далеко за собой шумливыя дѣянія поэтовъ «Sturm und Drang»'а, они находили въ соціально-политической сторонѣ байронизма, все еще живого и дѣятельного, важную опору. Но сильный отрядъ уже выступилъ противъ смѣлыхъ и безстыдныхъ развратниковъ; его велъ опытный вождь, Меттернихъ, вся реакціонная гвардія была подъ ружьемъ, всѣ свѣтила Германскаго Союза и соединенной политической полиціи нѣмецкихъ государствъ, а для подкрѣпленія шла партизанская команда изъ писателей-доносчиковъ, съ Менцелемъ во главѣ. Союзный декретъ 1835 года, воспретившій печатаніе и оглашеніе произведеній «Молодой Германіи», рядъ арестовъ, тюремныхъ заключеній, изгнаній и бѣгствъ, положилъ конецъ ея существованію.

Но начатое дѣло не погибло. Среди кажущагося затишья и оцѣпенѣнія, вызваннаго расправой, уже обозначились силы будущихъ преемниковъ и мстителей, и къ 1840 году сошлись отовсюду, съ Рейна, съ южнонѣмецкой окраины, съ балтійскаго взморья, даже изъ скованной летаргіею Австріи, на смѣну выбывшимъ изъ строя, новые борцы, съ свѣжей энергіей, твердой вѣрой въ побѣду свободы и гуманности и съ общимъ лозунгомъ, указавшимъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія выдающееся назначеніе *политической поэзіи*. То была отвоевавшая себѣ на цѣлое десятилѣтіе передовую роль въ литературѣ школа «нѣмецкой политической лирики», прямая предшественница и проповѣдница всеобщаго подъема умовъ въ революціонный 1848 годъ [1]).

Байроновскія традиціи въ сильной степени передались и ей. Болѣе, чѣмъ когда-либо, являлись для нея чуждыми формы, образы и характеры

---

[1]) Въ послѣднее время она начинаетъ привлекать изслѣдователей литературнаго движенія. См. книгу Christian Petzet, „Die Blütezeit der deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850". München, 1903.

восточныхъ поэмъ Байрона; титаническая борьба, философская лирика, не волновали людей, сознавшихъ необходимость вести немедля натискъ на враговъ народа, изо дня въ день отвоевывая шагъ за шагомъ почву для народной свободы; здѣсь для нихъ былъ неоцѣнимъ Байронъ въ роли политическаго борца, которая плѣняла и «Молодую Германію», и не въ идейномъ только содержаніи дѣятельности его лучшихъ лѣтъ, но и въ увлекательной поэтической формѣ, въ которую оно облекалось. Одни изъ молодыхъ поэтовъ взяли образцомъ для стихотворной пропаганды пріемы Байрона въ обличительныхъ строфахъ «Ч. Гарольда» и «Донъ-Жуана», направляя остроуміе и иронію на гнилые устои нѣмецкой жизни. Такъ поступилъ (скончавшійся въ 1904 г. въ глубокой старости) Вильгельмъ Іорданъ, сдѣлавъ блестящій починъ въ новомъ для нѣмецкаго стихотворства родѣ поэмы на современные мотивы, озаглавивъ ее «Potpourri mit Arabesken und Seitenhieben» и тѣмъ узаконяя остроумныя отступленія и эпизоды, вылазки и «боковые удары», которымъ онъ научился у Байрона. Вступленіе къ поэмѣ, съ комической тревогой автора, тщетно ищущаго подходящаго героя,—свободная и искусная варіація на вступленіе къ «Донъ-Жуану». Она уже свободна въ томъ, что поиски поэтъ обрываетъ рѣшеніемъ избрать въ герои себя самого, повести рѣчь отъ собственнаго своего лица. И набрасываетъ онъ сатирическую картину нѣмецкаго общества сороковыхъ годовъ въ разныхъ его слояхъ, направленную не только на стачку правительствъ противъ духа времени, или на клерикальный гнетъ, или на раболѣпствующую литературу, но и на крикливую и безсодержательную демагогію, на неумѣренное превознесеніе «народнаго генія» (на ту же тему написано имъ было стихотвореніе «Der Schiffer und der Gott», прочтенное на съѣздѣ писателей въ 1846 г. и вызвавшее среди нихъ тревогу), на игру въ свободомысліе, замѣняющую энергическое и глубоко сознательное политическое подвижничество звонкими фразами изъ «заученнаго наизусть либеральнаго катехизиса».

Другіе участники въ движеніи—и значительное большинство—предпочитали ироническимъ наброскамъ съ натуры и остроумнымъ собесѣдованіямъ съ читателемъ мѣткую, сжатую и выразительную форму стихотворнаго политическаго воззванія, гимна къ свободѣ, твердаго заявленія принциповъ,—или политической сатиры и летучей эпиграммы. За даровитымъ Іорданомъ, которому пришлось поплатиться высылкой за его смѣлость, выдвигается богатая талантами группа лириковъ: Гофманнъ фонъ-Фаллерслебенъ, Гервегъ, Фрейлигратъ, Прутцъ, австрійцы Анастасій Грюнъ и Карлъ Бекъ съ его ярко-соціалистическимъ оттѣнкомъ,—цѣлый кладъ воодушевленія, искренности, преданности народному благу, боевой отваги, способный передать и позднему потомку энергическое

возбужденіе, когда онъ прикоснется къ поблекшимъ страницамъ этихъ старомодныхъ книжекъ.

Политическая сторона байроновской поэзіи была знакома многимъ изъ этой группы, и въ переводахъ, и въ подлинникѣ (напримѣръ, такому знатоку англійской литературы и переводчику, какъ Фрейлигратъ), но ни у кого, быть можетъ, не сказалось вліяніе Байрона такъ сильно, какъ у Гервега, ни одинъ не выработался въ такого убѣжденнаго лирика-пропагандиста, не покинувшаго своихъ завѣтовъ, несмотря на всѣ невзгоды и преслѣдованія, до самой смерти.

Свободный отъ узко-національныхъ сочувствій, смолоду грезившій объ общечеловѣческой свободѣ, которая принесетъ избавленіе и его родному народу, начавшій жизнь юношескимъ республиканизмомъ и кончившій ее въ семидесятыхъ годахъ въ рядахъ соціально-демократическаго движенія, онъ испыталъ, какъ лирикъ, обратившій на себя вниманіе блестящими импровизаціями еще въ студенческіе годы, вліяніе предшественниковъ въ политическомъ стихотворствѣ. Въ автобіографическихъ признаніяхъ стихотворенія «Byron's Sonett an Chillon», написаннаго въ прославленіе извѣстнаго диѳирамба свободѣ, Гервегъ, называя поэзію Байрона «небесною пѣснью», говоритъ съ отрадой о томъ, какое утѣшеніе доставляла она ему въ «тяжелыя, сумрачныя минуты его жизни», какъ «радовала она порывистаго, непокорнаго отрока и какъ потомъ, словно вѣрный товарищъ, сопровождала жизнь юноши»; онъ такъ страстно хотѣлъ бы прославить любимаго поэта,—но вспоминается ему, какъ, «состязаясь, лучшія дарованія современности возлагали лавры на его могилу», и томится мыслью, что «самъ онъ такъ мало смогъ бы внести въ это чествованіе». Съ Байрономъ дѣлитъ вліяніе на Гервега Беранже, которому онъ посвятилъ восторженное стихотвореніе, обрисовавшее значеніе великаго chansonnier, какъ *народнаго* пѣвца свободы. Вліяніе нѣмецкой эмигрантской литературы, и въ особенности Бёрне, также должно было поддержать настроеніе увлекающагося поэта и намѣтить ему цѣли. Первая же побывка его въ Швейцаріи, гдѣ онъ въ юности искалъ убѣжища отъ виртембергской военной лямки, сильно подѣйствовала и на его свободолюбіе, и на поэтическое вдохновеніе. Какъ на Байрона, на Гервега живительно повліяла величавая природа, вызывавшая смѣлый полетъ его мысли, и, какъ Байронъ, прославлялъ онъ ее въ стихотвореніяхъ, которыя несли «съ высотъ» благовѣстіе страдальцамъ, что «осуждены влачить жалкую жизнь въ родныхъ низинахъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали впечатлѣнія жизни народа, воспитаннаго вѣковою свободой, давшаго пріютъ и покровительство нѣмецкимъ вольнодумцамъ, съ которыми Гервегъ поспѣшилъ сблизиться и въ чьихъ эмигрантскихъ журналахъ участвовалъ.

Когда, вернувшись въ отечество, онъ выступилъ впервые съ своими политическими пѣснями и когда два цикла ихъ, украшенные типическимъ, мѣткимъ названіемъ «Gedichte eines *Lebendigen*» [1]), выказали и рѣдкое дарованіе, и необыкновенную страстность боевого темперамента, впечатлѣніе было потрясающее. Не для эффекта, не для игры словъ избралъ Гервегъ титулъ своего сборника. Поводъ далъ ему писатель-дилеттантъ, страннымъ образомъ захотѣвшій также причислить себя къ байроническому толку, сибаритъ и баловень судьбы, свѣтскій остроумецъ и causeur, неутомимый странствователь по сушѣ и по морямъ князь Pückler-Muskau, который придумалъ облечь свои путевые наброски, съ остротами и кокетливыми выходками великосвѣтскаго blasé, въ нарядъ Гарольда или Донъ-Жуана, и снабдить ихъ притязательнымъ названіемъ «Писемъ умершаго». Презрительно заклеймивъ во вступительномъ стихотвореніи аристократическую блажь, заигрывающую съ насущными вопросами современности, и, конечно, преувеличивъ вредное значеніе книги и ея автора [2]), Гервегъ хочетъ противопоставить замогильной, безжизненной лже-поэзіи полную горячей жизни лирику; отбросивъ призракъ *умершаго*, онъ выступаетъ *живымъ* заступникомъ за народъ, погрязшій въ рабствѣ и безгласности, зоветъ его впередъ, обличаетъ угнетателей. «Мы слишкомъ долго любили, станемъ же, наконецъ, ненавидѣть!» (Wir haben lang genug geliebt und wollen endlich hassen!) восклицаетъ онъ. Ничто не устрашитъ его, заявляетъ онъ въ другомъ стихотвореніи («Xenien», I),—ни буря, ни подводные камни; «вопреки всему на свѣтѣ онъ пройдетъ своимъ путемъ и *откроетъ* тотъ міръ, что предсталъ передъ нимъ въ грёзахъ». Геніальная иронія Гейне, блескъ публицистики Бёрне, реформаторское рвеніе Гуцкова и «Молодой Германіи», все, казалось, поблѣднѣло и отодвинулось передъ безстрашнымъ и неудержимо-гнѣвнымъ лиризмомъ, въ которомъ снова слышались звуки былого богоборства и титанизма. Передъ Гервегомъ не находили пощады и единомышленные поэты, если они отъ насущной борьбы уходили въ абстрактный, вселенскій либерализмъ (такъ бросилъ онъ Фрейлиграту суровый протестъ, защищая великое призваніе *партіи* въ поли-

---

[1]) „Gedichte eines Lebendigen mit einer Dedication an den Verstorbenen“. Zürich und Winterthur, 1841. Въ два года оба тома выдержали семь изданій.

[2]) Князю Пюклеру несомнѣнно свойственна была и гуманность, и забота объ общественномъ благѣ; въ остроуміи, скорѣе напоминающемъ пріемы Стерна, ему также нельзя отказать. Гейне предпослалъ одному изъ отдѣловъ „Reisebilder“ большой эпиграфъ изъ книги Пюклера, громящій англичанъ за гоненіе на Байрона. Главною слабостью Пюклера было неумѣренное копированіе англійскаго поэта, даже въ житейскихъ частностяхъ, напр., въ путешествіи на Востокъ. „Байронъ былъ великій поэтъ, Пюклеръ же не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни поэтомъ“, говоритъ о немъ R. M. Meyer (Deutsche Literat. des 19 Jahrh., 1900).

тической борьбѣ); не избѣжали строгаго суда и нѣмецкое революціонное движеніе 1848 года, и ораторскія упражненія франкфуртскаго парламента на тему о германскомъ единствѣ. «Дорогу свободѣ!» (Der Freiheit eine Gasse!) восклицаетъ онъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній. «Среди спокойнаго народа раздавалась гнѣвная, вольнолюбивая пѣснь» того, кого Гейне называлъ «die eiserne Lerche». Ему мечталось, что именно изъ этого народа выйдутъ со временемъ тѣ силы, что откроютъ широкую «дорогу свободѣ для всей Европы». Ни одного свѣтлаго, ласкающаго звука нѣтъ въ этой поэзіи; она—«тяжелая, мрачная туча, которую Богъ одарилъ лишь громовыми раскатами». Свой идеалъ поэтъ находитъ въ легендѣ о Прометеѣ, вдохновителѣ Байрона, и такъ же смѣло поднимаетъ онъ чело передъ божествомъ, передъ земной силой и властью.

Жизнь переросла и отбросила потомъ въ одиночество пламеннаго мечтателя, который на порогѣ сороковыхъ годовъ предвѣщалъ уже ея перерожденіе,—черствая и жестокая дѣйствительность долгой нѣмецкой реакціи, воскресшаго бонапартизма, бисмарковской Германіи,—и съ словами ропота, не сдавшись до конца, сошелъ онъ въ могилу. Но могучій протестъ его юной лирики, совмѣстившей въ себѣ лучшее идейное содержаніе «политической поэзіи», всегда останется украшеніемъ національнаго германскаго творчества и въ то же время цѣннымъ вкладомъ въ общеевропейское движеніе байронизма, явившагося снова великою вдохновляющею силой.

---

2. Польская литература.

Новыя силы, введенныя въ движеніе байронизма послѣ смерти поэта славянскимъ національнымъ элементомъ (въ частности—польскою и русскою поэзіею), выказали себя,—какъ было и на Западѣ,—несравненно болѣе способными усвоить завѣты Байрона, и опереться на нихъ въ самостоятельномъ развитіи, чѣмъ первые провозвѣстники со всѣмъ ихъ энтузіазмомъ и поклоненіемъ, съ чарующимъ гипнозомъ великой личности, переживавшей на ихъ глазахъ свою трагическую судьбу. Послѣ участія въ европейскомъ движеніи «просвѣтительнаго вѣка», которое такъ мало потребовало и въ Россіи, и въ Польшѣ, содѣйствія поэзіи,—и послѣ слабаго отблеска нѣмецкой романтики на творчествѣ обѣихъ странъ,—славянскій байронизмъ явился первымъ свободнымъ актомъ національной поэзіи по отношенію къ міровой литературѣ новаго времени, первымъ вкладомъ славянъ въ нее. И въ горячности и искренности соревнованія, ищущаго новыхъ путей и новыхъ словъ, чувствуется, помимо рѣдкой даровитости дѣятелей, сознаніе знаменательности момента, призвавшаго къ работѣ свѣжія силы и давшаго имъ возможность высказаться. Особыя причины, выставленныя національной исторіею,—вліяніе гнета и репрессіи послѣ крушенія либерализма александровскихъ временъ, походъ противъ высвобожденія личности, которую предстояло снова втиснутъ въ послушную массу, невзгоды польскаго патріотизма и неудача возстанія 1830-31 годовъ, надломившая жизнь цѣлаго поколѣнія, встрѣчаясь съ причинами личнаго свойства, съ душевною исторіею натуръ, мучимыхъ недовольствомъ, разладомъ, и мятежно вырвавшихся на волю, придали въ Польшѣ такую основу движенію, которую можно было встрѣтить лишь въ Испаніи временъ Эспронседы, или въ Германіи съ ея байроническими отголосками кануна 1848 года.

Широко разлившееся въ литературѣ и обществѣ обоихъ народовъ, послѣ первыхъ восторговъ, открывшихъ обѣтованный край, стремленіе и сочувствіе къ Байрону, и такой художественный починъ, какъ появленіе «Маріи» Мальчевскаго и группы раннихъ пушкинскихъ поэмъ, стали прологомъ къ блестящему центральному періоду, когда въ пер-

выхъ рядахъ выступили люди, одаренные выдающимися свойствами для пониманія и развитія байроновскихъ традицій,—къ періоду Мицкевича, Словацкаго, Лермонтова.

I.

Рѣзкое столкновеніе съ дѣйствительностью,—внезапный разгромъ молодого поколѣнія, аресты, слѣдствіе, приговоръ, ссылка товарищей во всѣ концы Россіи,—было у Мицкевича въ еще большей степени, чѣмъ у Пушкина, благодарной почвой для усвоенія его поэзіею страстно протестующаго духа, который все сильнѣе влекъ его къ Байрону по мѣрѣ того, какъ онъ узнавалъ его творенія и, найдя въ нихъ поразившій его отзвукъ на горе своей разбитой любви, открывалъ теперь цѣлые міры вдохновеній и идей. Отъ дилеттантическихъ изученій, начавшихся въ студенческіе годы въ Вильнѣ, онъ быстро переходилъ къ безграничному поклоненію, которое вскорѣ, среди дружественнаго русскаго кружка, вызвало изумленіе и призывы къ независимости. Свѣтлыя впечатлѣнія, неожиданно скрасившія ранній періодъ ссылки, встрѣчи и увлеченія въ Одессѣ, роскошныя картины моря и крымскихъ горъ, временно отвлекли его поэзію на гармоническія темы и образы,—но не затихла боль, не улегся гнѣвъ, не залѣчились раны. «Конрадъ Валленродъ» съ его мрачными тонами и трагическимъ подъемомъ національной мести сталъ затѣмъ переходною ступенью; наконецъ на волѣ, въ началѣ эмиграціонныхъ годовъ, вырвалось все, что накипѣло на душѣ, обобщилось и слилось съ вѣчной борьбой за права личности и народа, и въ третьей части «Дзядовъ» воплотилось съ великою силой.

Новый вдохновенный участникъ въ движеніи не обладалъ натурой, всецѣло располагавшей къ поэзіи и политической дѣятельности байроническаго оттѣнка. То было психологически завлекательное сочетаніе великихъ противоположностей. Пушкинъ, подъ впечатлѣніемъ недавнихъ встрѣчъ и краткой, но близкой дружбы съ нимъ могъ съ подлинника нарисовать образъ человѣка «мирнаго, благосклоннаго», «съ высоты взиравшаго на жизнь», мечтавшаго о «временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся» [1]). Кровный байронистъ не дошелъ бы никогда до плавнаго эпическаго простора «Пана Тадеуша». Но съ этими свойствами соединялись въ молодые годы страстные порывы, горячее заступничество за правду и вольность, сильнѣй-

---

[1]) Стихотвореніе „Мицкевичъ", написанное въ августѣ 1834 г. Въ варіантѣ, напечатанномъ въ изданіи П. А. Ефремова, томъ VIII, 383—4, есть даже утвержденіе, что Мицкевичъ „чуждался вольнодумства".

шіе аффекты воинствующаго и самоотверженнаго богоборства, которое, не изъ подражанія, а по глубинѣ и искренности могло уподобиться байроновскому титанизму. Промежутокъ времени въ жизни поэта отъ начала ссылки до поселенія въ Парижѣ далъ перевѣсъ душевнымъ движеніямъ послѣдней группы,—и если въ исторіи иноземныхъ вліяній на его творчество ранніе годы отданы Шиллеру, Руссо, Жанъ-Полю, а позднѣйшіе—Гёте, то средняя полоса преисполнена возбужденій, полученныхъ отъ автора «Манфреда», и свободнаго состязанія съ нимъ. Это, въ точномъ смыслѣ слова, байроническій періодъ въ жизни Мицкевича и, въ предѣлахъ его, къ поэту болѣе, чѣмъ ко многимъ его сверстникамъ, подходитъ имя байрониста.

«Крымскіе сонеты»—прекрасное вступленіе. Поворотъ судьбы привелъ поэта въ соприкосновеніе съ экзотически-привлекательной обстановкой, которая, благодаря оріентальнымъ поэмамъ Байрона, стала тогда источникомъ большихъ художественныхъ эффектовъ для новой поэзіи. Крымъ середины двадцатыхъ годовъ, отдѣленный лишь нѣсколькими десятилѣтіями отъ развязки исторіи ханства, былъ тѣмъ суррогатомъ Востока, который могъ замѣнить Албанію Али-Паши, Константинополь «Донъ-Жуана», Абидосъ и красивыя пиратскія гнѣзда «Корсара» и «Гяура». Тотъ оріентализмъ, который школою Гюго былъ привитъ французской поэзіи, «Кавказскимъ Плѣнникомъ» и «Фонтаномъ» русской, вошелъ впервые въ польское творчество, и его краски заиграли въ немъ, живописно переливаясь. Вмѣстѣ съ тѣмъ сонеты, возбужденные примѣромъ байроновскихъ пэйзажей, дали просторъ небывалой прежде у автора въ такой тонкости рисунка поэзіи природы. Контрасты «степного океана» и голубыхъ горъ, тишины на морѣ и грозной вьюги съ вздымающимися валами, яркихъ солнечныхъ ландшафтовъ съ романтикой южной ночи, и въ особенности величавая красота царственныхъ вершинъ—эмблема вѣчности—выступали въ картинахъ съ натуры съ блескомъ и силой, достойными истиннаго послѣдователя Байрона,—не ученика, а собрата. Это было отраженіе той изумительной landscape-poetry, которая такъ украшаетъ «восточныя поэмы», искупая недочеты въ ихъ фабулахъ и характеристикѣ, наполняя одухотворенными слѣпками съ природы третью, швейцарскую пѣснь «Чайльдъ-Гарольда» и «Манфреда». Мѣстами встрѣчаются отголоски и оттиски; образъ, излюбленный учителемъ, невольно припоминается. Любимая Байрономъ метафора, называющая альпійскія высоты дворцами и храмами вселенной, очевидно отозвалась въ изображеніи Чатырдага «минаретомъ свѣта, владыкой горъ» (O minarecie swiata! o gór padyszachu!), возсѣдающимъ подъ балдахиномъ небесъ въ своемъ царскомъ убранствѣ. Но сродный образъ самостоятельно, широко развитъ; въ послѣднемъ куплетѣ, гдѣ

Чатырдагъ, являясь звеномъ между землею и небомъ, и «видя у ногъ своихъ страны, народы и громы, слышитъ только рѣчь Бога къ міро-зданію», онъ достигаетъ высшей силы.

Но жизнь природы, со смѣной оттѣнковъ, сумрачныхъ и свѣтлыхъ, съ навѣваемыми ею думами и настроеніями, влечетъ къ себѣ поэта не одной красой, а таинственною связью между нею и его душевнымъ міромъ, отражающею все пережитое и перечувствованное, за себя и за многихъ, за народъ свой, за человѣчество. Крымскіе сонеты, являясь на первый взглядъ вѣнкомъ поэтическихъ пейзажей, стали автобіографическимъ показателемъ извѣстнаго періода жизни поэта. Параллелизмъ описаній внѣшняго міра и душевныхъ состояній выдержанъ свободно, безъ малѣйшаго дидактизма; на отблескѣ природы, какъ бы свѣтла или величественна она ни была, остался налетъ грусти, сожалѣнія, задумчивости. Это—пріемъ Байрона во всѣхъ лирическихъ изліяніяхъ, внушенныхъ созерцаніемъ природы, и, болѣе всего, въ третьей пѣснѣ «Гарольда». Въ циклѣ девятнадцати поэтическихъ акварелей съ натуры Крыма, вмѣстившемъ въ себѣ такія задушевныя импровизаціи, какъ сравненіе дышащихъ прошлымъ развалинъ Бахчисарая и фонтана слезъ съ руинами былой любви, или параллель темныхъ и зловѣщихъ глубинъ блестящаго моря съ «гидрой воспоминаній», кроющейся въ нѣдрахъ мысли, или безотчетно всплывающіе въ сознаніи отзвуки далекой родины и прежняго счастья, когда среди безпредѣльнаго простора и тишины аккерманскихъ степей чудится призывный голосъ изъ Литвы, когда отъ нѣжной красы южнаго края дума переноситъ поэта въ заповѣдные лѣса родной страны, оживляетъ незабвенный образъ любимой женщины,—въ этомъ циклѣ байроническое и пережитое встрѣтились и свободно сошлись [1]).

Настроеніе и мотивы, приведшіе къ созданію «Крымскихъ сонетовъ», не покидаютъ лирики Мицкевича въ теченіи ближайшихъ четырехъ лѣтъ,—въ особенности проявляясь въ группѣ стихотвореній, которыя принято называть «любовными сонетами». Иногда слышатся въ нихъ, словно далекое эхо, звуки, перенятые не у Байрона и не въ современной лирикѣ, а у Петрарки, родоначальника любовной поэзіи,—но переходъ былъ легокъ и возможенъ; въ навѣянной несчастною любовью меланхоліи Петрарки изслѣдователи не разъ находили раннее предвѣстіе скорби, охватившей поэзію девятнадцатаго вѣка, и изъ новыхъ представителей ея сближали итальянскаго поэта въ особенности

---

1) Вліяніе байроновской поэзіи природы, съ отраженіемъ душевныхъ состояній, замѣтно въ лирикѣ Мицкевича и подъ конецъ періода. Таково, напр., стихотвореніе „Na Alpach w Splügen", гдѣ швейцарскія горныя картины сливаются съ автобіографическими воспоминаніями и вызовомъ дорогого женскаго образа.

съ Байрономъ [1]). Но перевѣсъ вліянія и вдохновляющаго примѣра въ лирикѣ Мицкевича оставался за байроновскимъ творчествомъ, и въ этихъ предѣлахъ могли зарождаться такія проникнутыя безысходной печалью признанія, какъ стихотвореніе «Rezygnacya», съ заключительнымъ сравненіемъ омертвѣвшаго сердца поэта съ опустѣлымъ и пострадавшимъ отъ бурь храмомъ, куда божество не нисходитъ болѣе, куда люди не дерзаютъ вступать. Игра тѣней и свѣта порою смѣняетъ, правда, эти тоны нѣжными и блаженными, но эти настроенія мимолетны, раздумье и грусть одерживаютъ верхъ.

На югѣ зародился у Мицкевича и замыселъ перваго большого произведенія, отмѣченнаго байронизмомъ, «Конрада Валленрода». Сумѣвъ покинуть Одессу, хоть ненадолго, ища уединенія на хуторѣ у друзей, затѣмъ въ предмѣстьѣ Аккермана, онъ не только обдумалъ планъ, но написалъ первыя строфы поэмы [2]) (вступленіе сложилось значительно позднѣе, въ Москвѣ). Образы, картины, ходъ фабулы, невольно получившіе отпечатокъ сильныхъ впечатлѣній отъ поэмъ Байрона (особенно «Лары» и «Паризины»), роились уже въ головѣ поэта-изгнанника, когда, подобно Пушкину, онъ долженъ былъ промѣнять южную ссылку на русскій сѣверъ, но не съ тѣмъ, чтобы запереться, какъ его будущій другъ, въ деревенской глуши, а чтобы вступить въ избранный кругъ московской интеллигенціи, преклонившейся передъ его изумительной даровитостью и искренно побратавшейся съ нимъ. Кружокъ Веневитинова, «Московскаго Вѣстника» и «Телеграфа», салонъ кн. Зинаиды Волконской, Пушкинъ и Баратынскій, частые гости Москвы въ тѣ годы, сплотились въ симпатіяхъ къ нему. Но въ этомъ литературно-общественномъ слоѣ еще господствовалъ культъ Байрона, и такимъ образомъ въ лицѣ Мицкевича русскій байронизмъ встрѣтился съ польскимъ оттѣнкомъ того же движенія. Въ обмѣнѣ мыслей, литературныхъ и политическихъ взглядовъ, между собесѣдниками байроновское направленіе не могло не играть важной роли. Его нельзя было игнорировать и въ томъ высоко интересномъ предпріятіи, которое задумалъ Мицкевичъ, въ полномъ соглашеніи съ русскими друзьями,—въ ежемѣсячномъ литературно-историческомъ журналѣ «Ирида» (Irys, dziennik literaturze i historyi poświęcony),—поставивъ ему цѣлью «сближеніе литературы российской и польской, до сихъ поръ не сдружившихся между собой». «Редакція предполагаемаго въ Москвѣ журнала (писалъ Мицкевичъ въ представленномъ властямъ проектѣ изданія), *при обѣщанномъ пособіи россійскихъ лите-*

---

[1]) Сравн. статью проф. Артура Фаринелли „La Malinconia del Petrarca“, Rivista d'Italia, 1903.

[2]) Ст. Маріана Дубецкаго „Pierwsze mesiącé pobytu Mickiewicza zagranicą“, въ сборн. Księga pamiątkowa na uczczenie setn. roczn. Mickiew.“, II, 1898.

раторовъ и при удобствѣ пріобрѣтать книги и журналы, желала бы извѣщать объ отличныхъ сочиненіяхъ, печатаемыхъ на россійскомъ языкѣ, и такимъ образомъ обратить на нихъ вниманіе польскихъ читателей, когда между тѣмъ она бы могла справедливо надѣяться, что появленіе польскаго журнала поощрило бы россіянъ къ узнаванію польской литературы».

Если проникнутый національной равноправностью замыселъ не могъ осуществиться [1]), при сочувствіи цѣлаго ряда лицъ и учрежденій въ офиціальномъ мірѣ, благодаря вмѣшавшейся въ дѣло нетерпимости Блудова, который возстановилъ, съ слѣдственными виленскими данными въ рукахъ, «неблагонадежность» Мицкевича, и если польско-русская работа, въ которой обойти байронизмъ, горячо исповѣдуемый самимъ редакторомъ, было бы немыслимо, не состоялась,—не было недостатка въ обсужденіи важныхъ вопросовъ современной поэзіи и эстетики между польскимъ поэтомъ и его русскими сверстниками. Слѣды этого обмѣна мыслей замѣтны и въ такомъ цѣнномъ біографическомъ документѣ, какъ некрологъ Пушкина въ «Le Globe», написанный «однимъ изъ друзей поэта» (Мицкевичемъ), и въ встрѣчныхъ оцѣнкахъ, вродѣ стиховъ Баратынскаго «Не подражай: своеобразенъ геній», обращенныхъ къ Мицкевичу уже послѣ разлуки. Если Мицкевичъ, отмѣчая связи Пушкина съ поэзіею Байрона, не находилъ возможнымъ признать его чистокровнымъ байронистомъ, а предпочелъ назвать его «byronisant» (въ польскомъ оригиналѣ—«nie był on fanatycznym Byronistą, był raczej, że tak powiemy, byronującym»), то обращенный къ польскому поэту вызовъ Баратынскаго «возстать» изъ колѣнопреклоненной позы и «вспомнить, что онъ самъ богъ», показываетъ, до какой степени въ ту пору къ Мицкевичу подходило наименованіе, въ которомъ онъ отказывалъ Пушкину.

Въ такомъ настроеніи писался въ Москвѣ «Валленродъ», пересмотрѣнный и изданный въ Петербургѣ въ 1828 г. [2]); то же настроеніе сохранялось во время пребыванія поэта среди петербургскихъ передовыхъ круговъ, гдѣ къ русскимъ дружескимъ отношеніямъ присоединились цѣнныя связи въ польской интеллигенціи. Байроническій оттѣнокъ былъ неизбѣженъ во всемъ, что ни слагалъ тогда Мицкевичъ. Такъ сказался онъ и въ необыкновенно колоритной картинѣ изъ природы и быта невѣдомой поэту, но отгаданной имъ изъ памятниковъ восточной поэзіи и путевыхъ описаній, вольной бедуинской жизни,—въ касидѣ

---

[1]) Документы, относящіеся къ проекту изданія „Ириды", напечатаны проф. Вержбовскимъ въ кн. „Къ біографіи Мицкевича въ 1821—1829 годахъ". Спб. 1898.

[2]) Въ этомъ же году появились и первые русскіе переводы изъ поэмы—въ „Московскомъ Вѣстникѣ" (одинъ въ прозѣ, другой, Пушкина, въ стихахъ).

«Farys» [1]). Ближайшимъ поводомъ къ ея созданію было сближеніе съ вѣчнымъ странникомъ по Востоку, графомъ Вацлавомъ Ржевускимъ, принявшимъ обличье и костюмъ араба, прозваннымъ среди наѣздниковъ пустыни Таджъ-Уль-Фэхромъ (увѣнчаннымъ славой) и полнымъ своеобразной романтики. Образъ лихого наѣздника-бедуина могъ бы быть обработанъ въ духѣ оріентальныхъ реставрацій гётевскаго «West-östlicher Diwan», но имъ завладѣлъ сильно возбужденный темпераментъ байрониста-мечтателя, и этотъ образъ переродился въ отважномъ духѣ байроновскихъ любимцевъ изъ періода восточныхъ поэмъ. На чудномъ конѣ (обрисованномъ со всею поэзіею старо-бедуинскаго любованія такимъ сподвижникомъ витязя пустыни) несется Фарисъ по безграничной степи, избѣгая мирныхъ и нѣжащихъ оазисовъ, ища опасностей; его не страшитъ зловѣщее карканье хищныхъ птицъ, издѣвающихся надъ его отвагой; облако, помчавшееся за нимъ, тщетно предвѣщаетъ ему гибель; не испугалъ его и представшій передъ нимъ страшный призракъ засыпаннаго песками каравана, съ скелетами мертвыхъ людей наверху верблюжьихъ труповъ,—онъ вступаетъ въ борьбу съ самимъ Ураганомъ и, выйдя побѣдителемъ, свободно, смѣло вперяетъ очи въ глубину звѣздной выси, и «душою утопаетъ въ небесномъ просторѣ». На восточномъ фонѣ и, казалось, внѣ культурной жизни съ ея борьбою, сложился идеализованный образъ энергическаго подвижника, снова приводящій къ излюбленному поэтическому типу.

Но окончаніе большой поэмы должно было, конечно, отвлечь вниманіе современниковъ отъ частныхъ попытокъ поэта, предпринятыхъ подъ знаменемъ байронизма. Ко времени выхода «Валленрода» Мицкевичъ сильно подвинулъ изученіе Байрона и выполнилъ рядъ переводовъ изъ его произведеній [2]). На замыслѣ и его разработкѣ, на характеристикѣ героя, на основной идеѣ должны были сказаться слѣды этого изученія.

Едва поднимается завѣса надъ мрачной фабулой поэмы, обставленной старинными башнями и валами Маріенбурга, подземельями, тюрьмами, склепами, и среди воинственныхъ тевтонскихъ рыцарей выдвигается въ глубокой задумчивости Конрадъ,—въ его чертахъ поражаетъ сходство съ Корсаромъ. То же тяжкое бремя прошлаго, былыхъ страданій, неутолимой неудовлетворенности, разбитаго счастья, та же idée fixe мщенія, которое во что бы то ни стало должно быть выполнено. Сходство увеличивается, когда замыселъ Конрада удался,—онъ выбранъ гохмейстеромъ, и когда вокругъ младшаго, но властно импонирующаго

---

1) Она носитъ на себѣ слѣды еще одного близкаго отношенія къ русскому стихотворству,—посвященіе слѣпцу-поэту Ивану Козлову, ревностному байронисту.

2) Онъ перевелъ „Гяура“, „Прощаніе Чайльдъ-Гарольда“, „Сонъ“, „Тьму“, переложилъ „Euthanasia“.

товарища, собирается рыцарская толпа, какъ пираты вокругъ атамана, и онъ долженъ вести ихъ на подвиги,—когда его дѣйствія, внушаемыя непонятными для другихъ своевольными желаніями, вызываютъ затѣмъ смуту и ропотъ. Въ болѣзненныхъ проявленіяхъ нервности послѣ удачи злорадно придуманнаго похода,—гибели нѣмцевъ и подъема литовскихъ народныхъ силъ,—особенно въ неожиданной у прежняго аскета склонности искать возбужденія въ винѣ, и дикихъ, безсознательныхъ вспышкахъ, которымъ онъ тогда подпадаетъ, чувствуются иные отголоски: это—душевный распадъ Лары, это тревога его смятенной души. Но за сходствомъ Конрада съ героями двухъ поэмъ Байрона выступаетъ различіе. Вызвано оно многими причинами: исторической обстановкой, соблюденіе которой сдерживало свободу поэта, и внесенной имъ въ фабулу дорогой ему національно-патріотической идеей, романтикой чувства, которая изъ личной его жизни и склада характера невольно вошла въ строй вымысла и въ историческіе факты, наложивъ всюду свой колоритъ. Правда, фактическая достовѣрность повѣствованія далеко не тверда; польскія изслѣдованія давно это доказали, и поэтъ не отрицалъ вольности, съ которой онъ пересоздалъ сохраненный лѣтописью характеръ Валленрода, необузданно воинственнаго, оскорблявшаго безчеловѣчными поступками монашескую мораль, придалъ цѣну показаніямъ, признавшимъ за нимъ также душевную силу и широту замысловъ, и предоставилъ себѣ пополнить пробѣлы правдоподобными отгадками. Но *общія* очертанія эпохи, среды, главнаго лица, были удержаны,—и герой поэмы, въ противоположность своимъ сверстникамъ у Байрона, во всякомъ случаѣ прикрѣпленъ былъ къ опредѣленной порѣ (XIV-му вѣку), народности и общественному строю.

Всемогуще выраженное національное чувство, которымъ поэтъ надѣлилъ легендарный характеръ, явилось также важнымъ элементомъ несходства съ байроновскими пріемами. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ [1]), останавливаясь на этомъ разногласіи, противополагаетъ центральныя личности «восточныхъ поэмъ», ведущія борьбу со свѣтомъ и съ людьми изъ-за побужденій могуче развитого эгоизма, Валленроду, который всего себя посвящаетъ народной идеѣ и всѣмъ жертвуетъ ради нея. Страстность этого патріотизма однако пригрезилась автору въ такой безграничной напряженности, что не только не остановилась передъ проницательно разсчитаннымъ планомъ измѣны врагамъ своего народа, но едва не придала ренегатству мрачный героизмъ. Это былъ верхъ вольности надъ историческимъ фактомъ,—и «подлинный Валлен-

---

1) Ignacy Matuszewski, „Swoi i obcy“. Warszawa, 1903 (этюдъ „Lord Byron wpływ jego na literaturę polską“).

родъ перевернулся бы въ гробу, еслибъ могъ знать, *что* ему приписало потомство»... [1]) Мотивъ ренегатства, конечно, былъ также встрѣченъ Мицкевичемъ у Байрона; это одинъ изъ (отпавшихъ потомъ) аксессуаровъ восточныхъ разсказовъ; но отступники и перебѣжчики вродѣ Гяура или Альпа мстили, бывало, своей странѣ, своему народу, за несправедливость и гоненія, Валленродъ же съ виду отрекается отъ литовскаго племени для того, чтобы послужить ему и жестоко отомстить его врагамъ. Доведя Конрада до опасной грани между крайнимъ самоотверженіемъ и торжествомъ вѣроломства, которое возмутило бы нравственное чувство, онъ не только избавилъ его отъ такого исхода, но показалъ его сомнѣнія, терзанія, проклятія себѣ и своей долѣ, далъ ему испытать муки отверженнаго существованія, не озарилъ ореоломъ печальнаго его разставанія съ жизнью,—и вызвалъ человѣчное сочувствіе къ гибели натуры выдающейся, но разбитой судьбою.

Сначала задуманъ былъ, но не написанъ прологъ,—разсказъ о раннихъ годахъ жизни Конрада, въ которыхъ впервые сложился его мстительный замыселъ. Отсутствіе вступленія внесло уже неясность въ очертанія характера и завязку дѣйствія. Сліяніе двухъ біографическихъ основъ, исторіи Валленрода и преданія о нѣмецкомъ рыцарѣ Вальтерѣ Стадіонѣ съ его романтической любовью къ королевской дочери, показавшееся Мицкевичу правдоподобнымъ и желаннымъ, еще болѣе повредило цѣльности образа. За Конрадомъ-Альфомъ вошла въ поэму, съ сильнымъ вліяніемъ на дѣйствіе [2]), тоскующая и безконечно любящая Альдона совсѣмъ не въ реальномъ образѣ покинувшей свѣтъ, послѣ разлуки съ милымъ, затворницы, которая сообщается однако съ міромъ и обмѣнивается съ Альфомъ трогательными воспоминаніями и признаніями. Если на обрисовкѣ Конрада оставилъ слѣдъ душевный складъ поэта и надѣлилъ Валленрода раздумьемъ, анализомъ, то съ мотивомъ несчастной любви вторглось въ вымыселъ все лично пережитое. Тамъ, гдѣ эта сторона сюжета выдвигалась на первый планъ, естественность и возможность событій уже не казалась существенною Мицкевичу, и онъ отдавался превосходнымъ лирическимъ изліяніямъ.

Сохраненное біографами преданіе о неудовлетворенности автора, о тѣхъ усиліяхъ, которыя онъ испытывалъ порою при обработкѣ поэмы, свободно, казалось, задуманной, становится понятнымъ при оцѣнкѣ разнообразныхъ данныхъ, вошедшихъ въ творческую работу, въ которой преданность національному дѣлу, въ его современныхъ условіяхъ, прорывавшаяся сквозь аллегорію древнихъ нѣмецко-литовскихъ

[1]) A. Brückner, „Geschichte der polnisch. Litteratur". Leipz., 1901, 335.

[2]) О парализующемъ его значеніи любовнаго элемента въ поэмѣ сравн. Хмелёвскаго „Adam Mickiewicz", I, 410 et pass.

отношеній, все еще сильная зависимость отъ байроновскаго типа, личныя склонности, смягчавшія рѣзкія его черты,—лирическій элементъ, апоѳеозъ любви,—наконецъ, по предположенію Спасовича [1]), впечатлѣнія искренней привязанности русскихъ друзей, мѣшавшія вполнѣ развиться мотиву нетерпимости и мщенія, встрѣчались и скрещивались. Но если не создалось цѣльнаго лица по образу и подобію байроническому, а самостоятельная переработка типа пострадала отъ сложныхъ вліяній, то несомнѣнно, что въ школѣ Байрона авторъ «Валленрода» сдѣлалъ значительные успѣхи, далеко оставившіе за собой произведенія вродѣ «Гражины» или раннихъ главъ «Дзядовъ» съ ихъ безутѣшной, искренней сентиментальностью и народной фантастикой. Окрѣпли и стали пластичнѣе характеры (наряду съ Валленродомъ и превосходя его жизненностью, спутникъ его Гальбанъ, монахъ, рыцарь, пѣвецъ-импровизаторъ, и народникъ-фанатикъ); владычество сильной идеи пронизало все дѣйствіе; самородный лиризмъ еще шире развился; его расцвѣтили высоко художественныя вставныя пѣсни (обычай, также укаконенный байроновскимъ примѣромъ), въ особенности баллада «Альпухара» съ ея иносказательнымъ мавританскимъ сюжетомъ, произносимая Конрадомъ среди изумленнаго рыцарскаго собранія, а поэтическія картины природы и средневѣковой обстановки стали красивой рамой сюжета. Нѣтъ недостатка въ мелкихъ отзвукахъ байроновскихъ пріемовъ, въ словахъ, оборотахъ, ситуаціяхъ. Такъ, подобно шильонскому узнику, Альдона полюбила свою тюрьму, такъ послѣ гибели Альфа внезапно слышится чей-то раздирающій душу, протяжный крикъ, и въ немъ въ послѣдній разъ сказалась порванная жизнь, — то гибнетъ Альдона, не въ силахъ пережить друга, какъ погибла Паризина, изъ чьей тюрьмы, едва раздался стукъ о плаху топора, сразившаго Уго, послышался такой же «ужасный, дикій крикъ нездѣшнихъ мукъ» [2]). Но важнѣе соприкосновеній и созвучій, конечно, общее вліяніе образца.

Оно сказалось въ ту пору у Мицкевича и внѣ поэмы о Валленродѣ, внѣ разработки героическаго типа; оно расширялось и ввело въ его поэзію сатиру и обличеніе. Пріемы путевыхъ очерковъ «Чайльдъ-Гарольда», какъ на это указалъ проф. Брюкнеръ, своеобразно примѣнены въ сѣверной, бытовой картинѣ поѣздки въ кибиткѣ по снѣжной русской пустынѣ среди бѣднаго, порабощеннаго народа (стих. «Droga do Rossyi»). Политическая сатира Байрона отражается въ такихъ обличительныхъ очеркахъ, какъ «Предмѣстья столицы», «Петербургъ» или «Парадъ войскъ» (стихотворенія, введенныя въ третью часть «Дзядовъ»), яркой

---

1) „Конрадъ Валленродъ“ (Сочиненія, томъ VIII).

2) Сходство обѣихъ сценъ указано было еще Словацкимъ въ предисловіи къ его трагедіямъ „Mindowe“ и „Marya Stuart“.

картинѣ торжествующей, фанатической военщины стараго закала, рѣзкой, суровой и заканчивающейся сердечной болью и сожалѣніемъ о жалкой судьбѣ русскаго «хлопа», который «знаетъ только героизмъ—неволи»; воодушевленіе поэта-гражданина доходитъ до высшей возбужденности въ стихотвореніи «Pomnik Piotra Welkiego», закрѣпившемъ навсегда въ памяти потомства бесѣду у подножія Мѣднаго Всадника двухъ великихъ поэтовъ, Пушкина и Мицкевича, о будущности своихъ народовъ [1]). Байроновское вліяніе, такъ сильно содѣйствовавшее идейному подъему и художественной зрѣлости, неразлучно было съ поэтомъ и послѣ того, какъ онъ покинулъ Россію навсегда и передъ нимъ проходили впечатлѣнія иной природы, иного быта, иного искусства. Оно живо было и въ Италіи, гдѣ, по собственному его признанію, на него могучее впечатлѣніе произвело чтеніе эсхиловской трагедіи о Прометеѣ,—и онъ до того сошелся съ Байрономъ въ увлеченіи героемъ безсмертнаго преданія, что задумывалъ драму на этотъ сюжетъ. Всего сильнѣе сказалось вліяніе Байрона, когда, потрясенный вѣстями о началѣ польскаго возстанія, Мицкевичъ покинулъ Италію, чтобы приблизиться къ отечеству,—не вѣря въ успѣхъ движенія, ожидалъ трагическаго исхода, но все же глубоко былъ потрясенъ. Почувствовавъ необычайный приливъ вдохновенія, онъ въ Дрезденѣ взялся за перо, чтобы подъ старымъ знаменемъ «Дзядовъ», но въ слабой связи съ прежними главами, дать волю мыслямъ, чувствамъ, воспоминаніямъ, которыя зароились подъ вліяніемъ событій, и отъ тревогъ и борьбы современности подняться въ общечеловѣческую, вѣчную область, гдѣ искони ставятся непорѣшенные вопросы справедливости, свободы, личнаго и общаго блага. Всѣ поэтическіе дары вложилъ онъ въ новый замыселъ, — лиризмъ, смѣлость сатиры, заявленія гнѣва и вызова, быть можетъ, невѣдомые дотолѣ въ такой силѣ ему самому. Онъ отбросилъ всѣ стѣсненія формы и правилъ, сопоставилъ величественное съ презрѣннымъ и отталкивающимъ, пережитое—съ вымышленнымъ, міръ духовъ, демоновъ—съ жизнью людскою, въ драматическомъ діалогѣ переходилъ отъ задушевныхъ изліяній лицъ выдающихся, подвижниковъ, страдальцевъ, къ суетной свѣтской болтовнѣ, гремѣлъ мятежными рѣчами богоборцевъ противъ судьбы и силъ, правящихъ міромъ. На этомъ пути онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Байрономъ, какъ поэтомъ протеста, двигателемъ мысли,—нѣтъ, это не точно,—онъ, разъ въ жизни, стоялъ всецѣло на байроновской почвѣ и съ своей недоконченной главой, этимъ самостоятельнымъ отрывкомъ нестройнаго цѣлаго, вошелъ въ первые ряды европейскаго байронизма.

---

1) Ср. Спасовича „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго". Сочин., т. II.

Отъ недавнихъ событій мысль перенеслась къ молодости, къ порѣ виленскихъ студенческихъ броженій, къ первымъ столкновеніямъ съ существующимъ порядкомъ, къ участи поколѣнія, развѣяннаго, снесеннаго произволомъ. Ожили и воплотились товарищи юности съ ихъ идеализмомъ, ихъ притѣснители, пристрастные слѣдователи и соглядатаи, ожилъ весь режимъ, съ его направителемъ, изъ либеральныхъ друзей молодости Александра I превратившимся въ суроваго сатрапа Польши, Новосильцовымъ. Вмѣсто привѣтствій и сочувствій, которыя слышались тогда навстрѣчу польскому движенію со стороны многихъ европейскихъ поэтовъ, пересказъ эпизода изъ недавней старины былъ вкладомъ Мицкевича въ литературу дня, полнымъ не восторженной вѣры въ успѣхъ, но сочувствія и состраданія, трагически освѣщавшаго судьбу людей и идеи. Не осталось и слѣда растерзанной чувствительности, движимой личнымъ горемъ и несчастною любовью, у героя поэмы, Густава, этого призрака, вставшаго изъ гроба самоубійцы; его преображенныя черты трудно узнать въ политическомъ узникѣ, поэтѣ Конрадѣ,—и самъ онъ свидѣтельствуетъ о своемъ возрожденіи, когда въ прологѣ, пробуждаясь послѣ забытья, во время котораго между ангелами и «духами ночи», склонившимися надъ нимъ, горѣлъ споръ объ его участи, онъ пишетъ углемъ на стѣнѣ каземата дату своей смерти въ прежнемъ воплощеніи и начала жизни для новыхъ цѣлей: D. O. M. Gustavus obiit MDCCCXXIII, calendis novembris,—съ другой стороны—*Hic natus est Conradus* MDCCCXXIII, calendis novembris.

Но начало просвѣтленной жизни Конрада связано съ неволей; несмотря на благовѣстіе ангеловъ, вѣщавшихъ въ сновидѣніи, что онъ будетъ свободенъ, избавленіе не настаетъ, и судьба его и дорогихъ ему людей сводится къ длинному ряду испытаній. Вольнодумецъ, дѣятель народный, поэтъ съ пылкой фантазіей и нервной возбужденностью, доводящей его до экстаза, видѣній, длинныхъ монологовъ въ бреду, онъ живетъ двойною жизнью, и отъ печалей и бѣдъ уносится въ безбрежное море мыслей и запросовъ общихъ, вѣчныхъ, роковыхъ. Товарищамъ по заключенію онъ кажется крайне болѣзненнымъ, не владѣющимъ душевными силами. Сочувствуя ему, они не могутъ слѣдовать за полетомъ мысли человѣка, сознающаго въ себѣ призваніе народнаго избавителя, двигателя массъ, который требуетъ у судьбы простора и высшей власти для своего подвига, рвется изъ оковъ, налагаемыхъ на насъ ограниченностью силъ, и бросаетъ вызовъ безучастному божеству. Выдѣляющаяся изъ группы политическихъ дѣятелей не менѣе Конрада личность самоотверженнаго ксендза-народника Петра призвана олицетворить другую сторону основного типа; его вѣра въ конечное торжество свѣта и избавленіе дышитъ восторженнымъ мистицизмомъ; глубокая религіозность

влечетъ его къ труду и подвижничеству на общую пользу. Онъ душевно заботится о Конрадѣ, онъ геній-хранитель заключенныхъ, смѣлый защитникъ ихъ передъ «сенаторомъ». Но если Петру выпала на долю роль Провидѣнія, въ натурѣ Конрада сосредоточено все независимое, сверхъ-человѣчески отважное истинно-байроновскаго героя. Нигдѣ это свойство не выступаетъ такъ могущественно, какъ въ сценѣ второй, названной «Импровизаціей». Это обширный монологъ, проведенный въ тонахъ возрастающаго возбужденія и прерывающійся обморокомъ Конрада. Отъ холодной, неспособной понять мысль и душу поэта, толпы, онъ взываетъ къ Божеству и природѣ; его пѣснь достойна ихъ и свободно возносится въ небесамъ; то пѣснь великая, творческая, безсмертная: —

Taka pieśń jest siła, dzielność,
Taka pieśń jest nieśmiertelność!

Ни одинъ изъ поэтовъ, дорожащихъ славой и блескомъ, расточаемыми толпой, не сравнится съ нимъ, одинокимъ арестантомъ, когда въ часъ ночной онъ слагаетъ пѣсни, «окруженный, какъ отецъ семьей, мыслями, звѣздами, чувствами, бурями». Передъ лицомъ Божества выступаетъ духъ его съ своими дарами. «Онъ—человѣкъ, и тѣло его тамъ, на землѣ; тамъ онъ любилъ, и въ родномъ краю оставилъ свое сердце», но любовь его направлена не къ одному существу; онъ любитъ весь народъ, въ его прошломъ и будущемъ, хочетъ двинуть его впередъ, осчастливить, удивить имъ весь свѣтъ («ja kocham cały naród! Objałem w ramiona wszystkie przeszle i przyszle jego pokolenia... chcę go dzwignąć, uszczęśliwić, chcę nim cały swiat zadziwić») и требуетъ себѣ великаго дѣла, хочетъ выполнить его «не оружіемъ, не наукой, не чудомъ, не пѣснями». «Дай мнѣ власть надъ душами людей!» (daj mi rząd dusz), взываетъ онъ къ Божеству, чувствуя себя равнымъ ему,—«вѣдь его творческая мощь и призваніе поэта исходятъ изъ того же источника»! Но его вызовъ встрѣчаетъ молчаніе; тогда слышится ропотъ на несправедливость и суровость, на безжалостную участь— «обладать кратчайшей жизнью и могущественнѣйшими стремленіями». Снова повторяетъ онъ свой зовъ; слова горятъ боевымъ пыломъ. Его противникъ бился нѣкогда съ сатаной,—новая битва будетъ страшнѣе,— «тотъ опирался на разумъ, я вызову къ себѣ сердца»; «я побратался сердцемъ со всѣмъ народомъ», «я и отчизна—одно, имя мнѣ—Милліонъ, ибо моя любовь и страданіе—за милліоны, за всю бѣдную родину». И эти грозныя рѣчи остаются безъ отвѣта, и внѣ себя, съ сверхчеловѣческой отвагой онъ готовъ мятежнымъ словомъ потрясти весь міръ, возбуждая къ неповиновенію, но падаетъ безъ чувствъ.

Это—вызовъ Прометея Зевсу, это—титанизмъ байроновскаго Лю-

цифера съ его отраженіемъ, ропотомъ и отпаденіемъ Каина. Нигдѣ болѣе, во всей поэмѣ, Конрадъ не поднимается до такой высоты; ему не суждено ни освобожденіе, ни грезившееся ему могущество. Возрастающее вліяніе Петра направитъ его по иному пути, озаренному религіею; въ послѣдней сценѣ, гдѣ онъ выступаетъ, его ведутъ на допросъ подъ конвоемъ; по пути его потрясаетъ встрѣча съ Петромъ, въ лицѣ котораго ему вдругъ почудились давно знакомыя и дорогія черты, но конвойный прерываетъ ихъ разговоръ, и Конрадъ скрывается навсегда изъ глазъ,—до того, что явленіе, заканчивающее поэму, снова переносится въ обстановку народнаго повѣрья, связаннаго съ «дзядами», и кладбище, часовня, глухая ночная пора, призраки, изглаживаютъ слѣды великаго подъема мысли; завѣса опустилась надъ недосказанной трагедіей. Существовалъ планъ продолженія третьей части, гдѣ Конрадъ явился бы ссыльнымъ въ Сибири, очутившись лицомъ къ лицу съ прежними изгнанниками, временъ Костюшки; это послѣсловіе также не открыло бы для Конрада широкихъ, величественныхъ горизонтовъ «Импровизаціи», но имѣло иное назначеніе,—довершить начавшееся перерожденіе. Подъемъ личности доведенъ былъ до крайняго напряженія; развившійся подъ сильнымъ байроновскимъ вліяніемъ [1]) героическій типъ воплотился въ образѣ, полномъ страсти и воли; до конца продумано было извѣстное направленіе. Затѣмъ пододвинулся переломъ. Еще въ Римѣ, задумывая «Прометея», Мицкевичъ хотѣлъ, говорятъ, разрѣшить муки титана освобождающимъ вмѣшательствомъ Христа. Богоборца Конрада ожидало просвѣтлѣніе мистическое, братолюбивое, страдальческое. Это былъ тотъ путь, который привелъ поэта къ «мессіанизму» [2]).

Высоко вознеслась «Импровизація» надъ всѣмъ произведеніемъ; одиноко стоитъ она и въ поэзіи Мицкевича. Ее окружаетъ въ поэмѣ масса разнообразныхъ деталей. Съ одной стороны фантастика, далеко не всегда удающаяся поэту; онъ прибѣгаетъ къ мотиву сновидѣній, съ вмѣшательствомъ добрыхъ и злыхъ духовъ, спорящихъ о душѣ смертнаго (въ этомъ онъ встрѣчается съ младшимъ по времени, не написавшимъ еще тогда «Diablo mundo», Эспронседой), рѣшается даже на появленіе передъ Петромъ дьявола, безстыдно остроумнаго, бойко гово-

---

1) M. Kawczyński, „Adama Mickiewicza Dziadów część trzecia w stosunku do romantyzmu francuskiego“, считаетъ возможнымъ дать перевѣсъ вліянію французскихъ поэтовъ, преимущественно Альфреда Де-Виньи,—но и при этомъ объясненіи получилось бы косвенно воздѣйствіе Байрона, служившаго образцомъ, напр., для „Моисея“ Де-Виньи.

2) Спеціальный этюдъ о мессіанизмѣ—въ книгѣ Урсина, „Очерки изъ психологіи славянскаго племени“. Спб., 1887.

рящаго на всѣхъ языкахъ, щеголяя своимъ тождествомъ съ Вольтеромъ, Лукреціемъ, съ цѣлымъ легіономъ умниковъ. Съ другой—это рѣзко комическія сцены, изображающія дворикъ Новосильцова съ его русскими клевретами и польскими прихлебателями и угодниками, сцены пріемовъ, баловъ и аудіенцій, порою переходящія отъ легкомыслія, развращенности и ничтожества къ лютому произволу и жестокости диктатора (къ которому также во время сна слетаются демоны). Какъ въ сверхъестественномъ, такъ и въ комизмѣ дарованіе поэта не свободно отъ преувеличеній и неровностей. Фантастическія и бытовыя, салонныя и закулисныя сцены грозятъ иногда заглушить то, что призвано было выразить сущность поэтическаго и гражданскаго исповѣданія автора, но сдѣлать этого не могутъ, и обаяніе «Импровизаціи» сохранитъ для потомства впечатлѣніе могущества поэта и связи его съ Байрономъ, вызвавшимъ въ немъ на волю лучшія стороны его самостоятельности.

Сторонникомъ Байрона Мицкевичъ остался и послѣ третьей части «Дзядовъ», сколько бы созданіе «Пана Тадеуша» ни указывало на перевѣсъ иныхъ сторонъ творчества, на смѣну страстнаго лиризма широкой объективностью. Рѣчи новыхъ Манфредовъ и Каиновъ не прозвучатъ болѣе въ его поэзіи, періодъ байронизма законченъ; внутренняя работа, связанная съ первыми эмигрантскими годами, прежде всего выразится въ волшебно яркомъ воспроизведеніи родины, ея природы и быта, простыхъ нравовъ и простыхъ людей, лишь съ замедленными отголосками европейскихъ событій,—и образцомъ избранъ уже «Германъ и Доротея». Но какъ Пушкинъ и послѣ остраго байроническаго кризиса не измѣнилъ прежнему властителю думъ, такъ и Мицкевичъ былъ не только въ состояніи доканчивать въ ту пору, когда писался «Тадеушъ», переводъ «Гяура» (1833) и издать его въ Парижѣ два года спустя, но и предпослать ему предисловіе, проникнутое безпристрастной симпатіей. Это—защита непонятаго и неоцѣненнаго великаго человѣка, защита его твореній, его героевъ, его міровоззрѣнія, оборона его живительнаго скептицизма, возвеличеніе борьбы со старымъ началомъ, «въ которой онъ напомнилъ собой титана-Прометея, чей образъ онъ такъ любилъ вызывать»...

Наряду съ вождемъ увлеченіе Байрономъ переживалось окружавшимъ литературнымъ поколѣніемъ, почти безъ различія старшинства, возраста, оттѣнка. Послѣ Мальчевскаго и Мицкевича ставились ревнителями направленія и люди одной эпохи съ авторомъ «Валленрода», и совсѣмъ юные волонтеры. Ихъ перечень открывается сателлитомъ Мицкевича, Одынцомъ, трудолюбивымъ переводчикомъ Байрона. Юліанъ Корсакъ, близко подошедшій въ поэмѣ «Bejram» къ «Абидосской Невѣстѣ», отдался запоздалой игрѣ въ оріентализмъ,—въ

«Камоэнсѣ въ больницѣ» ввелъ въ обстановку предсмертной исповѣди, узаконенную примѣромъ «Гяура», изліянія души непонятаго поэта, удрученнаго ничтожествомъ людей, искавшаго геройскихъ поступковъ на войнѣ, пѣснями своими будившаго національное чувство и умирающаго на соломѣ,—а въ «Панѣ Твардовскомъ», обработавъ польскую версію фаустовской легенды, попытался слить черты Фауста и Манфреда [1]). Рано умершій, даровитый, но, быть можетъ, слишкомъ высоко цѣнившійся Мицкевичемъ, Гарчинскій отважился пройти по слѣдамъ третьей части «Дзядовъ», не съ тѣмъ, чтобъ байроническую личность привести къ просвѣтлѣнію, а чтобъ усилить политическую ея роль. Таково значеніе поэмы «Dzieje Wacława», изъ которой извѣстна лишь первая часть «Молодость Вацлава» [2]). Надѣленный стремленіями и запросами, высоко поднимающими его надъ уровнемъ массы, и соединяя въ себѣ черты Манфреда, гётевскаго Фауста и Конрада (изъ «Дзядовъ»), Вацлавъ, одинокій, хмурый, блѣдный, съ таинственной думой на челѣ, разорвалъ связь съ религіей и ея жрецами, воспитавшими его, разочаровался и въ наукѣ, которая не въ силахъ указать ему цѣли; въ корчмѣ, гдѣ онъ смѣшался съ толпой, старая вольнолюбивая пѣсня вдругъ потрясаетъ его, вызывая къ служенію народу и свободѣ. Мысль быстро зрѣетъ и приводитъ къ необходимости немедленно дѣйствовать; сцена переносится то въ залы варшавскаго дворца во время придворнаго маскарада и выхода Николая I, то въ тайную сходку заговорщиковъ. Вацлавъ очевидно возьметъ на себя актъ отмщенія,—«только бы его страна, его народъ стали свободными («tylko niech kraj mój wolnym— wolni będą ludzie!»). Его пытается отвлечь отъ дѣла «неизвѣстный», демонъ-искуситель, принимающій разнообразные виды (въ томъ числѣ и монашескій, съ крестомъ на груди;—для него это безразлично,— «вѣдь всѣ такіе знаки потеряли теперь значеніе», говоритъ онъ), и показывающій ему, не хуже Мефистофеля, рядъ картинъ изъ подлинной жизни людей, ради которыхъ онъ готовъ жертвовать собой. Съ болью въ сердцѣ отрывается онъ отъ единственной, но преступной привязанности, любви къ сестрѣ (снова байроновскій мотивъ), и прощается съ ней ночью въ опустѣломъ замкѣ, полномъ привидѣній. Тоска и раздумье граничатъ у него съ маніей величія, мысль возносится надъ міромъ, готовая мѣряться силой съ божествомъ,—въ этомъ настроеніи исчезаетъ онъ. Снова передъ нами только торсъ поэмы, недосказанной уже потому, что быстротечная чахотка прервала дни поэта. Замыслы

---

[1]) О Корсакѣ — сравн. характеристику, сдѣланную Здзѣховскимъ, „Byron i jego wiek", II, 542—548.

[2]) Pisma Stefana Garczyńskiego. Wyd. drugie przez Stanisl. Skorzewskiego. Poznań, 1860.

и вдохновенія незаурядные мелькаютъ въ его произведеніи; многое молодо, неуравновѣшено, отягчено риторикой, но не могло не остановить на себѣ вниманія. Привлекла же Словацкаго надежда пересказать и развить судьбу Вацлава...

Гарчинскій, по-байроновски соединившій свободолюбіе въ словѣ и на дѣлѣ и принявшій дѣятельное участіе въ войнѣ 1831 г. (памятникомъ его осталось много стихотвореній,—особенно «Sonety wojenne»), встрѣчается на этой почвѣ съ сверстникомъ по байронизму, Севериномъ Гощинскимъ; правда, послѣдній превзошелъ его напряженностью агитаторской роли. Во всей школѣ Байрона съ нимъ можетъ сравниться по тревожной и самоотверженной жизни одинъ лишь Эспронседа. Не демократъ или республиканецъ, а «революціонеръ и Маратъ поэзіи» (какъ его называетъ проф. Брюкнеръ [1]), Гощинскій, какъ его испанскій собратъ, конспирировалъ еще въ стѣнахъ школы (въ Умани), волновалъ умы стихотвореніями о гибели отечества. Ему передалось повѣтріе эллинофильства, и, за недостаткомъ дѣла на родинѣ, онъ порывался освободить Грецію; когда же пробилъ часъ для его народа, онъ съ еще большей отвагой, чѣмъ Гарчинскій, участвовалъ въ борьбѣ, руководя опасными предпріятіями вродѣ штурма варшавскаго Бельведера, и кончилъ эмиграціей въ Парижѣ.

Въ дневникѣ, выдержки изъ котораго явились въ печати лишь въ концѣ девяностыхъ годовъ [2]), Гощинскій придаетъ большое значеніе для своего развитія чтенію великихъ писателей Запада,—на одномъ изъ первыхъ мѣстъ Байрона,—съ которыми познакомился онъ въ прекрасно подобранной библіотекѣ Креховецкихъ въ селѣ Лещиновкѣ, подъ Уманью, гдѣ скрывался онъ одно время, томимый нуждою. Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и Шекспиръ подѣйствовали на него больше, чѣмъ кто-либо, а приведшая его въ упоеніе «Марія» Мальчевскаго косвенно послужила къ укрѣпленію байроническихъ симпатій. Но съ Мальчевскимъ у него была общая почва и внѣ вліянія Байрона. Оба—выходцы изъ Украйны, романтически любившіе родину; они были въ польской поэзіи XIX-го вѣка ранними представителями оригинальной, обособившейся польско-украинской группы, которая выставила немало замѣтныхъ дѣятелей (Богдана Залѣсскаго, Падуру, Грабовскаго), и любовно пѣстуя малорусскую народность, героическую старину, тѣшась красотами фолькъ-лора [3]),

1) Gesch. der poln. Literatur, 349.

2) „Między kolegami z Humania (Listy i documenty do życia Goszczyńskiego)". въ I т. сборника „Księga pamiątkowa na uczczenie setnej roczn. urodz. Mickiewicza", 1899.

3) Обиліе такихъ матеріаловъ у Залѣсскаго вызывало научныя изслѣдованія, напр. статьи Ол. Колесы, „Украіньскі народні пісні въ поезиях Богд. Залѣсскаго", Записки товариства Шевченка, 1892, I.

степного пейзажа, служила въ польскомъ нарядѣ цѣлямъ своего племени. Въ лицѣ Гощинскаго и Мальчевскаго вліяніе Байрона коснулось впервые малорусской литературы [1]).

Прямымъ слѣдствіемъ изученія Байрона былъ у Гощинскаго замыселъ поэмы «Zamek Kaniowski», которая написана была въ затишьѣ Лещиновки, сохранивъ (по словамъ дневника) многія черты изъ жизни и обстановки поэта,—отголосокъ одного изъ его любовныхъ увлеченій, фантастическія ночныя сцены въ усадьбѣ и т. д. Силѣ симпатіи не вполнѣ соотвѣтствовалъ уровень поэтическаго дарованія. Проф. Брюкнеръ находитъ даже, что «музы не стояли у колыбели Гощинскаго», что «суровы, необдѣланы, угловаты были и самъ онъ, и его стихи», что въ нихъ «онъ тоже проповѣдывалъ убійство и переворотъ, но зато въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ высказывалъ глубокую симпатію къ порабощенному и отупѣвшему народу, свѣтомъ просвѣщенія разсѣивалъ туманъ предразсудковъ и откровенностью своей рѣчи, любовью къ изображенію природы искупалъ недостатокъ отдѣлки и тонкости своихъ созданій». Потомству, къ которому имя Гощинскаго перешло въ связи съ «Зàмкомъ Каневскимъ», единственнымъ большимъ произведеніемъ, которое ему удалось напечатать [2]), тогда какъ его импровизаціи разносились по свѣту, точно летучіе листья,—потомству этотъ поэтъ-революціонеръ дѣйствительно представляется существомъ неуравновѣшеннымъ, съ склонностью къ мрачному и потрясающему, чувствующимъ себя въ своей стихіи среди сценъ борьбы, нападенія, расправы, отмщенія и, несмотря на историческій нарядъ повѣсти, сводящимъ современные счеты. На сценѣ—восьмнадцатый вѣкъ, время возстанія Гонты; съ одной стороны—охваченное броженіемъ казачество, съ другой—барство, владычество надъ народомъ польскихъ воеводъ. Подобно Гарчинскому, демократъ, украинецъ-народникъ, на дѣлѣ убѣдившійся, въ 1830 г., въ безуспѣшности движенія, когда народъ остается ему чуждымъ, Гощинскій сдѣлалъ козака Небабу выразителемъ народнаго недовольства и вражды. Въ то же время онъ надѣлилъ его сердечнымъ горемъ. Управитель зàмка насильно беретъ за себя замужъ горячо любимую Небабой Орлику, жертвующую собой, чтобы спасти брата. Небаба, не зная при-

---

[1]) Въ сороковыхъ годахъ въ ней можно отмѣтить переводы Костомарова („Іереміи Галки"), преимущественно изъ „Еврейскихъ мелодій"; въ шестидесятыхъ—переводы М. Старицкаго („Мазепа", отрывки изъ „Ч.-Гарольда"); въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ—Ивана Франка („Каинъ", 1879, отрывки изъ „Донъ Жуана", самостоятельная обработка байроновскаго мотива „Смерть Каина", Львовъ 1889), въ девяностыхъ—П. Кулиша („Донъ-Жуанъ", въ „Правдѣ" 1890—91, и рядъ стихотвореній), Павла Граба („Шильонскій узникъ", „Еврейскія молодіи"), Агаоангела Крымскаго и др.

[2]) Перепечат.—„Dziela Sewerуna Goszczyńskiego". Lipsk, 1870, tom drugy.

чины ея поступка, вмѣстѣ съ жаждой мщенія притѣснителямъ полонъ отчаянія отъ измѣны любимой женщины. Въ станѣ гайдамаковъ, къ которымъ онъ примкнулъ, дѣля власть съ атаманомъ Швачкой, пьянымъ и грубымъ, готовится нападеніе на зàмокъ; самовольный Швачка, жадный къ добычѣ, умчалъ дружину раньше срока на штурмъ, и зàмокъ уже запылалъ прежде появленія Небабы. А ночью Орлика убила стараго мужа и, спасаясь отъ нападающихъ, не понявшихъ въ ней своей союзницы, оперлась окровавленными руками объ стѣну, въ такой позѣ была застигнута и оставила навсегда страшный слѣдъ своего прикосновенія. На личности Небабы—несомнѣнный налетъ байронизма, въ его ранней формѣ; на челѣ казака—слѣды грызущихъ думъ, сознаніе проступковъ, исказившихъ его жизнь, которыхъ ничѣмъ не изгладишь, не смоешь. Единственный свѣтлый лучъ—начальное время любви; ночная сцена свиданія дышитъ нѣжностью. Остальное полно мрака и ожесточенія; поэма заканчивается страшной казнью Небабы и его товарищей, захваченныхъ польскимъ отрядомъ, поспѣшившимъ на избавленіе зàмка. Гайдамакъ посаженъ на колъ... Умѣстившись въ предѣлахъ трехъ ночей, начинаясь казнью и казнью же обрываясь, дѣйствіе поэмы получило зловѣщее ночное освѣщеніе, которому соотвѣтствуютъ вмѣшательство злыхъ духовъ, невѣдомые голоса, издѣвающіеся и возбуждающіе. Аппаратъ сверхъестественнаго, добытый если не изъ нѣмецкаго романтизма, то изъ воспаленной фантазіи автора, соединился съ соціальной и междуплеменной темой; въ центрѣ сталъ байроническій неудачникъ, храбрый, несчастный, съ душевнымъ подъемомъ и разбитою жизнью. Форма не безупречна, описаній больше, чѣмъ дѣйствій, но временами сказывается невоздѣланный, не успѣвшій развиться, но не заурядный талантъ.

Охватывая въ своемъ распространеніи всѣ лучшія силы польской поэзіи, байронизмъ привлекалъ въ сферу своего вліянія даже тѣхъ дѣятелей, которые по складу убѣжденій и особенностямъ дарованія пролагали себѣ, казалось, иные пути и не могли примкнуть къ движенію. Родовыя, аристократическія преданія, не уступившія духу вѣка, критическое, осуждающее отношеніе къ демагогіи, тайной агитаціи, которымъ отдалъ такъ много силъ Байронъ, пессимистическая оцѣнка современности и полныя мистицизма грезы о гармоніи и примиреніи на почвѣ вѣры не помѣшали Красинскому признать высокое, хотя и опасное значеніе Байрона. Для него это—«безспорно великій поэтъ, блестящій метеоръ, молнія, разрѣзавшая тьму»; подражаніе ему немыслимо, нежелательно и обезличиваетъ послѣдователей [1]). Но и смолоду Красинскій

[1]) Listy Krasińskiego, 51.

не могъ удержаться отъ такого подражанія (въ неудачной и полной юношеской неопытности повѣсти «Agaj-Han»), а выйдя на самостоятельный путь въ «Небожественной Комедіи» (кажущейся, по выраженію Здзѣховскаго [1]), вспышкой ясновидѣнія среди малаго еще житейскаго опыта у поэта) и въ «Иридіонѣ» [2]), направляясь въ противоположную байронизму сторону, онъ не покидаетъ его изъ виду, даже заимствуетъ пригодныя черты. «Небожественная Комедія» предназначена была «для возстановленія двухъ забываемыхъ человѣчествомъ силъ, религіи и старины», но въ эволюціи главныхъ характеровъ, графа Генриха и агитатора-демократа Панкратія, существенной чертой является перерожденіе и просвѣтленіе олицетворенныхъ въ нихъ отраслей типа, въ широкомъ смыслѣ заслуживающаго имени байроническаго,—міровой скорби и дѣятельной борьбы съ старымъ порядкомъ. Мысля контрастами, но не отказывая въ признаніи душевной силы ни одному изъ этихъ воплощеній, поэтъ ищетъ для нихъ примиренія въ религіи, стремится сглаживать рознь, извлекаетъ изъ развитія демократіи серьезный урокъ застывшему въ старовѣрствѣ барству и, бичуя съ неуступающимъ Байрону негодованіемъ господствующую ложь и пошлость, возводитъ свое зданіе будущаго, въ которое и байроновскіе герои могутъ вступить, обновившись и отказавшись отъ эгоизма и безвѣрія. Въ «Иридіонѣ» Красинскій еще опредѣленнѣе вернулся къ своеобразной обработкѣ характеровъ, завѣщанныхъ Байрономъ. Въ обстановкѣ Рима временъ Геліогабала рядомъ съ неофитомъ-христіаниномъ Иридіономъ стоитъ его бывшій воспитатель, нумидіецъ Массинисса, въ которомъ съ ненавистью къ Риму и христіанству соединяется заклятая вражда ко всему идеальному и духъ непримиримаго отрицанія. Какъ искуситель, послѣдовательно разбивающій надежды и грезы Иридіона, маня его за собой въ иныя сферы, гдѣ царятъ зло и борьба, и гдѣ раскрывается безконечная низость людская, Массинисса переростаетъ человѣческій образъ и становится существомъ демоническимъ. Поэтъ готовъ былъ сравнить его съ Мефистофелемъ, но суровость и величавость его побудили изслѣдователей и объяснителей произведенія (Здзѣховскаго, гр. Тарновскаго и, въ 1904 году, автора новѣйшаго труда о Красинскомъ [3]) сопоставить его съ байроновскимъ Люциферомъ. Роль обоихъ различна; въ то время какъ Байронъ сдѣлалъ своего демона возбудителемъ энергіи, зовущимъ къ свободному проявленію личности передъ божествомъ, къ защитѣ правъ мысли и

---

[1]) Byron i jego wiek. II, 1897, 465.

[2]) Русскіе переводы обоихъ произведеній: „Небожественная Комедія", перев. А. Курсинскаго, М., 1902; „Иридіонъ", перев. Уманскаго, Спб. 1904.

[3]) Drogoslav'a. Сравн. статью о немъ Тарновскаго въ „Tygodn. illustr." 1904, № 26, и книгу того же автора, „Zygmunt Krasiński", 1892.

самоопредѣленія, и избралъ Люцифера глашатаемъ своихъ убѣжденій, для Красинскаго, отожествившаго себя съ Иридіономъ, существо, подобное Массиниссѣ, могло казаться лишь геніемъ зла, неспособнымъ заронить въ людскія души ни одной искры свѣта. Но́, когда явилась необходимость придать образу реальныя черты, воображеніемъ завладѣло нѣкогда обаятельное воплощеніе сильной демонической личности, ея черты ожили, она возродилась, — хотя ради морализующей цѣли.

Не станемъ останавливаться на мнѣніи тѣхъ польскихъ критиковъ, которые заявляли, что Красинскій развилъ далѣе содержаніе байронизма и глубже Байрона проникъ въ сущность затронутыхъ, но не рѣшенныхъ англійскимъ поэтомъ общечеловѣческихъ вопросовъ. Для истинной поэзіи борьбы, для революціоннаго призыва къ крушенію стараго порядка, нѣтъ примиренія раньше побѣды. Байронизмъ и гармонія, миръ, всепрощающій подвигъ, мистическое возрожденіе—несовмѣстимы. Красинскій могъ открывать новые міры; передъ нимъ, быть можетъ, сіяли уже блестящія радуги небесной любви, но это была иная область, куда не проникали и не могли вступать ни байроновскій титанизмъ, ни байроновская сатира. Все же останется несомнѣнно интереснымъ фактъ общенія даже такого поэта, какъ Красинскій, съ мятежнымъ пѣвцомъ Манфреда и Каина.

II.

Среди новаго, *второго* поколѣнія польскихъ байронистовъ, которое выступило значительно позже Мицкевича, окруженнаго своимъ стихотворческимъ штабомъ, словно предводитель сильнаго отряда,—среди поколѣнія, чья молодость совпала съ событіями 1830—31 годовъ, чьи испытанія внесли въ поэзію новые темы и мотивы, революціонный экстазъ, разочарованіе, выстраданную на дѣлѣ версію «лишняго человѣка», иронію надъ жизнью и людьми, выдвигается во всеоружіи таланта и своеобразнаго развитія личности Словацкій.

Высоко даровитый, мало оцѣненный при жизни, зачисленный въ ряды эксцентрическихъ, съ трудомъ понимаемыхъ массой новаторовъ, зато въ послѣднее время признанный пророкомъ «новаго искусства» [1]), Словацкій по натурѣ подходилъ болѣе кого-либо изъ сверстниковъ къ требованіямъ и ожиданіямъ, которыя «школа Байрона» предъявляла

[1]) Вопросъ этотъ разработанъ въ книгѣ И. Матушевскаго „Słowacki i nowa sztuka", Warszawa, 1902.

своимъ дѣятелямъ. Если для Мицкевича байронизмъ былъ переходнымъ періодомъ, хотя и вызвавшимъ великія поэтическія красоты, Словацкій, казалось, нашелъ въ байроновской поэзіи отраженіе мыслей и чувствъ, съ ранней молодости волновавшихъ его, и въ личныхъ свойствахъ поэта—великое сходство съ своею психической исторіею. Внѣшними поводами къ проявленію байронофильства были вліяніе сильно заинтересовавшей его образованной и начитанной дѣвушки, Людвики Снядецкой, занятіе англійскимъ языкомъ, послѣ окончанія университета, въ Кременцѣ, обаяніе «Маріи» Мальчевскаго и возбуждавшій къ состязанію примѣръ автора «Валленрода»; всего сильнѣе дѣйствовало сродство душевнаго склада, характера, настроеній, опыта. Словацкому не пришлось вычитать и усвоить мотивъ одиночества, замкнутости, оторванности отъ толпы. Какъ Лермонтову, онъ былъ ему свойственъ съ раннихъ лѣтъ, до того, что, порою, видя, какъ эта «samotnosć» обрекаетъ на неудачу всѣ попытки дружбы, товарищества, сердечной привязанности, и разобщаетъ его съ средой, гдѣ онъ призванъ дѣйствовать, онъ испытывалъ удрученіе. Эгоистическая, властная основа, смягченная съ годами въ байроновскомъ характерѣ думой, борьбой, самопожертвованіемъ, была также достояніемъ Словацкаго, которому, однако, не суждено было испытать вполнѣ это перерожденіе. Въ чуткости къ поэзіи природы они опять сходились; знаніе женской души и художественное изображеніе женскихъ характеровъ (слабо развившееся у Мицкевича) снова сближало ихъ; въ умѣніи владѣть, на ряду съ возвышеннымъ, патетическимъ, и ироніей они были собратьями. Пути ихъ не совпали вполнѣ; несмотря на нѣсколько эффектныхъ исключеній, поэзія и жизнь Словацкаго свободны отъ политическаго радикализма, безъ котораго образъ Байрона представляется немыслимымъ; философская смѣлость и богоборство, до котораго могъ дойти даже Мицкевичъ, не были доступны Словацкому. Все же рѣдко осуществлялось такое совпаденіе задатковъ и склонностей, какъ въ отношеніяхъ къ Байрону этого блестящаго ученика [1]).

Соперничество съ Мицкевичемъ, не прерывавшееся во всю писательскую жизнь Словацкаго, побудило его къ первымъ байроническимъ опытамъ. Успѣхъ «Валленрода», въ которомъ онъ разглядѣлъ недочеты подражанія, побудилъ его дать образцы своихъ пріемовъ въ томъ же родѣ. Четыре небольшихъ стихотворныхъ разсказа, написанныхъ въ про-

---

1) Самостоятельный опытъ характеристики Словацкаго въ связи съ его поэзіей, сдѣлалъ Jòzef Tretiak, Juliusz Słowacki. Historya ducha poety i jej odbicie w poezyi", Краковъ, 1903. Цѣнна также работа Ант. Малецкаго „J. Słowacki, jego życie i dziela w stósunku do wspol. epòki". Lwòw, 1901.

межутокъ 1829—31 годовъ, исполняютъ такое назначеніе. Это—поэма «Hugo», съ фономъ изъ быта маріенбургскихъ рыцарей, взятымъ у «Валленрода», но съ исторіей женскаго самоотверженія, заимствованной изъ «Лары» и шире развитой: послѣдовавшая за рыцаремъ въ мужскомъ нарядѣ Бланка, чтобы спасти его, гибнетъ подъ мечомъ палача, и Гуго не въ силахъ пережить ее; это «восточная повѣсть» *Mnich* съ предсмертной исповѣдью монаха въ синайскомъ монастырѣ, полной кровавыхъ дѣлъ, убійства брата, отца, и прерываемой явленіемъ тѣни дѣвушки, которую когда-то любилъ несчастный; это—другой циклъ воспоминаній, вложенный въ уста бедуина («Arab»), выдержанный въ тонѣ демоническаго злорадства и презрѣнія къ людямъ, въ которомъ проходятъ сцены мести, упоенія чужими муками, и надъ уничтоженіемъ другихъ жизней возносится гордое сознаніе своего одиночества; наконецъ, это эпизодъ изъ морскихъ походовъ запорожцевъ на турокъ, «Zmija», вставившій сверхъ-человѣчески страстную натуру въ раму стараго казачества, сосредоточивъ интересъ сюжета на борьбѣ гетмана съ пашой въ родѣ байроновскаго Джіаффира. Вездѣ образъ неукротимой личности, не подчиняющейся морали и обычаямъ, отягченной великими злодѣяніями, но величавой,—слабые опыты, напоминающіе юношескія драмы Лермонтова, но превосходящіе ихъ красотой формы. Мрачное настроеніе и запоздалая игра въ загадочную психологію производятъ странное впечатлѣніе, если сопоставить ихъ съ разыгрывавшейся тогда на политической аренѣ народною трагедіею,—съ ростомъ и взрывомъ возстанія. Безучастность къ нему была для Словацкаго немыслима. Но въ то время какъ большинство его собратій по байронизму не только примкнуло къ движенію, но нашло въ немъ источникъ для вдохновенія, Словацкій пережилъ непродолжительный, но искренній эффектъ не патріотизма только, но революціонерства. Стоя близко отъ событій и ихъ направителей, онъ поплылъ по теченію и почувствовалъ такой приливъ возбуждающаго лиризма, что послѣ поэмъ, чуждыхъ современности, написалъ четыре политическихъ гимна такой силы, что общественное мнѣніе, увлекшись, провозгласило его бардомъ революціи. Но удержаться на этомъ уровнѣ, гдѣ онъ еще ближе сошелся бы съ Байрономъ-конспираторомъ, было выше его силъ. По выраженію Третьяка, его политическая слава вспыхнула, какъ ракета, и такъ же скоро погасла. Онъ покинулъ Варшаву, навсегда оставилъ отечество и украсилъ отступленіе лишь тѣмъ, что взялъ на себя доставить отъ народнаго правительства важныя депеши въ Лондонъ.

Съ переѣзда на Западъ, съ посѣщенія отечества Байрона и затѣмъ Франціи, начинается новый періодъ жизни Словацкаго; это важная дата и въ его байронизмѣ. Сначала желанный гость среди польскихъ круговъ

Парижа, чрезвычайно пополненныхъ эмиграціею послѣ возстанія [1]), онъ встрѣтилъ такое же гиперболическое прославленіе въ качествѣ «второго Байрона», которое такъ повредило многимъ его сверстникамъ-байронистамъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ былъ его возвратъ къ покинутому жанру восточныхъ поэмъ; въ Парижѣ написана повѣсть «Ламбро, греческій повстанецъ». Среди красивыхъ, но условныхъ, невиданныхъ поэтомъ картинъ Архипелага развивается, какъ отраженіе недавнихъ греческихъ боевъ за независимость, разсказъ о корсарѣ, нѣкогда покинувшемъ подъ вліяніемъ мученичества патріота Риги разбойничье ремесло, чтобы послужить освобожденію народа. Въ его чертахъ всегда загадочное выраженіе,—«словно какой-то демонъ смѣшиваетъ въ нихъ горячность съ улыбкой, смѣхъ съ умѣньемъ сносить тяжелую судьбу», «сердце его окаменѣло», «онъ напоминаетъ падшаго ангела»,—коллективный образъ Гяура, Конрада и Лары отпечатывается на реальномъ, казалось, характерѣ Ламбро. Съ Ларой его сближаетъ и вводный эпизодъ съ пажемъ, уже использованный Словацкимъ въ «Hugo», но теперь широко разработанный. Любящая женщина, принявъ нарядъ пажа и неузнанная корсаромъ, раздѣляетъ съ нимъ всѣ опасности, готовитъ ему каждую ночь снотворное питье, становится свидѣтельницей горячечныхъ галлюцинацій, среди которыхъ Ламбро преслѣдуютъ видѣнія, и падаетъ подъ ножемъ безсознательнаго убійцы. Въ противоположность развязкѣ байроновской поэмы, сдѣлавшей пажа печальнымъ свидѣтелемъ гибели Лары, Словацкій доводитъ Ламбро, измученнаго раскаяніемъ и понявшаго тайну женскаго самоотверженія, до самоубійства.

Сходя со сцены, характеръ, всего полнѣе обрисованный въ Ламбро, уступилъ мѣсто инымъ образомъ и мотивамъ, внушеннымъ байронической маніею поэта. Вѣсти съ родины, болѣзненно напоминавшія исторію его первой любви, разстроенной судьбой и людьми, побудили къ печальнымъ признаніямъ; аналогія съ никогда не изгладившейся привязанностью Байрона къ Мэри Чэвортъ, поразила воображеніе,—задушевная и безотрадная поэма «Godzina myśli», построенная по плану «The Dream», пересказала въ рядѣ картинъ, облеченныхъ въ форму грезъ, видѣній, исторію разбитаго счастья. Несвободны отъ байроническихъ отголосковъ и двѣ драмы, написанныя въ ту пору. Если въ «Ламбро» его не затруднила мысль надѣлить душевнымъ разладомъ девятнадцатаго вѣка греческаго повстанца конца восьмнадцатаго столѣтія, то въ «Миндовѣ» и «Маріи Стюартъ» онъ перенесъ въ Литву, борющуюся съ

---

[1]) Въ перепискѣ его (Listy Słowackiego, 1883, I, 93—4) сбереженъ разсказъ о чествованіи его въ Парижѣ большимъ обществомъ французовъ и поляковъ, 1832 г., въ годовщину возстанія.

крестоносцами, и въ Шотландію временъ Маріи демонизмъ и трагическій разгулъ страстей, достойный мрачныхъ байроновскихъ фабулъ. Миндовэ и Ботвеллъ, не смягченные ни любовью, ни народолюбіемъ, доносятъ до конца своей судьбы властный и неукротимый нравъ. Но въ то время, какъ Словацкій могъ останавливаться на раннемъ моментѣ байроновскаго направленія, оно выставило въ первыхъ рядахъ польской словесности, въ которыхъ, болѣзненно славолюбивый, онъ, казалось, призванъ былъ блистать, сильный образецъ иного пониманія завѣтовъ Байрона,—третью часть «Дзядовъ». Измученный соперничествомъ съ Мицкевичемъ, оскорбленный отзывами старшаго собрата о его поэзіи, «стройномъ, чудесномъ храмѣ, въ которомъ нѣтъ Бога», замѣчая въ отношеніяхъ къ нему эмиграціи шаткость и нерасположеніе, смѣнявшія прежніе восторги и вызванныя сознаніемъ слабости его политическихъ убѣжденій, Словацкій покинулъ Парижъ для Швейцаріи. Альпійская природа и атмосфера вѣковой, спокойной свободы подѣйствовала на него послѣ варшавскихъ событій и парижскихъ столкновеній такъ же живительно, какъ на Байрона послѣ его разрыва съ отечествомъ. Какъ у Байрона высшимъ предѣломъ вдохновляющихъ впечатлѣній странствія по Швейцаріи былъ достопамятный походъ въ бернскій Оберландъ, въ царство снѣговыхъ исполиновъ съ ихъ величіемъ и вѣчными красотами, такъ у Словацкаго, едва стала раскрываться передъ нимъ чудная панорама отъ Сенъ-Бернара и долины Роны къ Юнгфрау и романтическимъ скаламъ Люцернскаго озера, сказочно прибыло душевныхъ силъ и ожило вдохновеніе. Обаяніе было тѣмъ сильнѣе, что съ странствіемъ совпалъ эпизодъ любви,—чего Байронъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ не испыталъ. Шире прежняго развилась поэзія природы, смѣлѣе раскинулась фантазія. Стихотворная живопись немного можетъ выставить равнаго поэмѣ «W Szwajcarji». Картины водопада на Аарѣ съ радужными переливами свѣта, ледника—истока Роны, часовни Вильгельма Телля, омываемой озерными волнами, царственнаго лика Юнгфрау, могучаго заоблачнаго простора, по которому проносятся одни лишь орлы,—стали фономъ для полныхъ нѣжности воспоминаній о счастливыхъ минутахъ, признаніяхъ, смѣлыхъ мечтахъ о будущемъ, описаній воздушной красоты любимаго существа, какъ будто сливавшейся съ красотой природы,—но завершились грустной развязкой, пробужденіемъ послѣ грезъ, которымъ не суждено сбыться.

Но если поэма «Въ Швейцаріи» явилась какъ pendant къ третьей пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда», то байроновскій мотивъ вліянія «горныхъ вершинъ», могучей природы, на человѣка, сталъ рѣшающимъ въ судьбѣ героя другого произведенія, задуманнаго подъ впечатлѣніями путешествія, драмы «Kordyan». Мечтатель, преданный личной жизни и ея ин-

тересамъ, на вершинѣ Монблана испытываетъ такое просвѣтленіе, такой духовный ростъ и притокъ героическихъ силъ, что передъ нимъ открывается истинное его призваніе, высшая цѣль жизни—самоотверженный подвигъ для освобожденія народа. Выполненіе подвига сближаетъ драму съ поэмой Гарчинскаго; не въ движеніи массъ, но въ образованіи заговора, съ политическимъ убійствомъ, какъ результатомъ его, Кордіанъ, какъ и Вацлавъ, видитъ насущную потребность для народнаго блага, и свое намѣреніе пріурочиваетъ ко времени коронаціонныхъ торжествъ въ Варшавѣ. Но знаменательная сцена среди вѣчныхъ снѣговъ вызвала лишь сильный аффектъ; не изъ такихъ людей вырабатываются двигатели, вожди, исполнители важныхъ рѣшеній; мечтательность и рефлексія парализуютъ волю Кордіана передъ приступомъ къ опасному дѣлу; встрѣчное теченіе, указывающее на основаніи опыта и традицій другіе пути народной работы, отнимаетъ у него почву. Захваченный, арестованный, онъ во время заключенія еще рѣшительнѣе осуждаетъ свою неудачу; его казнь производитъ трагическое впечатлѣніе. Безпристрастно, порою почти безпощадно раскрываетъ поэтъ контрастъ великихъ помысловъ съ ихъ выполненіемъ; онъ не могъ желать выставить Кордіана, честное, искреннее *сердце*, героическимъ существомъ. Мысль была шире и глубже. Задумана была трилогія, въ которой постепенно, изъ сопоставленія различныхъ оттѣнковъ активности и изображенія разнородныхъ характеровъ обнаружились бы истинныя сочувствія поэта и его политическій урокъ. Отстранившись отъ участія въ движеніи 1830—31 г., Словацкій захотѣлъ въ поэтической формѣ высказать свое credo; то былъ бы его отвѣтъ Мицкевичу, новое состязаніе съ авторомъ «Дзядовъ», чей Конрадъ нашелъ бы, быть можетъ, если не въ Кордіанѣ, то въ дѣйствующихъ лицахъ двухъ остальныхъ драмъ, уже намѣченныхъ (по мнѣнію Малецкаго, матеріалъ для третьей части трилогіи вошелъ потомъ въ «Ангеллія») опаснаго соперника. Отвлеченный новыми творческими планами и случайностями личной жизни, Словацкій не дописалъ трилогіи, но уже назначеніе ея—сосредоточить въ формѣ драмы рѣшеніе одного изъ коренныхъ вопросовъ освободительной политики, и частичное выполненіе этой задачи, говорятъ о большомъ идейномъ успѣхѣ въ ходѣ развитія байронизма Словацкаго.

Поворотъ къ пережитымъ его формамъ былъ отнынѣ немыслимъ; съ этой только точки зрѣнія можно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ біографовъ и объяснителей, которые относятъ къ 1837—38 г. разставаніе Словацкаго съ байроническими симпатіями. Дѣйствительно, его покинулъ преслѣдовавшій его образъ демоническаго существа, съ волканомъ страстей и грузомъ преступленій, въ нарядѣ рыцаря, бедуина, пирата. Иные образы влекутъ его теперь къ себѣ. Начинается періодъ, когда создается

гуманно-фантастическая греза изъ жизни польскихъ ссыльныхъ въ Сибири, съ выразительнымъ заглавіемъ «На поселеніи», впослѣдствіи замѣненнымъ другимъ, мистически сіяющимъ, какъ и герой, ссудившій поэмѣ ея окончательное имя, «Ангеллій», олицетвореніе просвѣтленной страданіемъ народной души,—когда подъ впечатлѣніемъ эпизода изъ путешествія поэта на Востокъ написанъ печальный стихотворный разсказъ «Отецъ зачумленныхъ», многимъ напомнившій своимъ содержаніемъ античное преданіе о Лаокоонѣ. Но и съ признаками новаго направленія, которому предстояло широко развиться, совпадало общеніе съ байроновской поэзіей, только въ другихъ ея формахъ. Не говоря уже о томъ, что, поэма «Въ Швейцаріи» создалась въ это время, и поэзія природы въ связи съ жизнью чувства предстала въ ней съ большей силой, чѣмъ нѣкогда въ «Крымскихъ сонетахъ»,—къ этому времени относятся два отраженія сильнаго вліянія, которое оказалъ на Словацкаго «Донъ-Жуанъ». Это девять пѣсенъ стихотворнаго описанія путешествія на Востокъ и «Беньёвскій».

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, предпринятое въ 1836 г. изъ Неаполя въ обществѣ двухъ польскихъ друзей, несмотря на то, что закончилось довольно продолжительнымъ пребываніемъ въ Сиріи и Палестинѣ и сопровождалось молитвеннымъ настроеніемъ въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ, жизнью въ монастыряхъ и т. д., не было паломничествомъ вѣрующаго, не подготовлялось, какъ у Гоголя, воспитаніемъ души къ предстоящему подвигу, но можетъ быть отнесено къ той же группѣ подражаній Байрону, какъ извѣстный оріентальный tour Ламартина. Первая часть пути, черезъ Іоническіе острова въ Грецію, была возобновленіемъ байроновскаго маршрута гарольдовскихъ временъ; потомъ слѣдовали Египетъ, Каиръ, пирамиды; святыя мѣста Палестины задержали мысль на набожныхъ предметахъ,—но затѣмъ предприняты были плѣнившее поэта путешествіе на снѣговыя горы Ливана и сорокадневная стоянка въ затерянномъ на большой высотѣ армянскомъ монастырѣ, необыкновенно освѣжившая силы и поэтически продуктивная. При этихъ условіяхъ не удивительно, что стихотворная запись о странствіи, «Podróż na Wschód» [1]), зародившаяся такъ же, какъ «Паломничество Чайльдъ-Гарольда», изъ летучихъ листковъ и воспоминаній, не только не имѣетъ благочестиваго характера, но получила непринужденный и остроумный тонъ causerie. Правда, въ девяти пѣсняхъ авторъ не подвинулся далѣе Греціи, но врядъ ли смогъ бы спрятать потомъ насмѣшливость и оживленіе подъ

---

[1]) Странствіе на Востокъ,—титулъ болѣе точный, чѣмъ придуманный однимъ изъ близкихъ поэту лицъ, „Podróż do ziemi swiętei, который неудачно выдвигаетъ клерикальный оттѣнокъ.

покрываломъ паломника, придать лицу назидательное выраженіе; лучше было прервать разсказъ [1]). Но какъ оживленъ онъ и наблюдателенъ, какъ обиленъ отступленіями, которыя часто берутъ верхъ надъ интересомъ описаній!

Пестрыя картины Неаполя, съ его лаззаронами, толпой на Корсо, суетней гавани, гробницей Виргилія, смѣняются морскими пейзажами, снятыми съ парохода. Потомъ настаетъ очередь, какъ у Байрона, для поѣздки верхомъ въ глубь Греціи; странникъ проводитъ ночь въ горномъ гнѣздѣ Востицы, дѣлаетъ привалъ въ монастырѣ Megaspileon; народный бытъ, природа горъ, все тѣснѣе смыкаются вокругъ него, старина и современность овладѣваютъ имъ. Встаютъ, какъ у Гарольда, воспоминанія о славныхъ бояхъ древней Греціи за независимость, о Мараѳонѣ, Ѳермопилахъ; съ ними связывается свѣжая память о новѣйшей борьбѣ, проходятъ образы греческихъ героевъ, Канариса, Ботцариса. Отъ нихъ переходъ къ Байрону, о которомъ напомнило посѣщеніе Миссолонги. Нѣсколько разъ обращается Словацкій къ памяти Байрона,— и тогда, когда «его поэзія переноситъ его въ міръ идеаловъ», и тамъ, гдѣ, отвѣчая на нападки критики и молвы, онъ съ юморомъ признаетъ себя дѣйствительно «больнымъ, удрученнымъ семью различными недугами, *сатанизмомъ*, *байронизмомъ*, культомъ массъ, республиканизмомъ, вѣрою въ прогрессъ»... Но улыбка слетаетъ съ лица; набѣжала мысль о своей судьбѣ, объ участи оторваннаго отъ родины изгнанника; грустныя строфы говорятъ объ одинокой смерти въ чужомъ краю, не оставляя ни малѣйшей надежды увидать отечество. Въ такомъ же тонѣ выдержано обращеніе къ героинѣ первой любви поэта; какъ въ стих. «Godzina myśli», проходитъ рядъ сценъ изъ давнопрошедшаго, и въ связи съ ними печальная развязка,—любимая женщина пожертвовала собою для другого... Но едва облако разсѣется, слышится смѣхъ и остроумный судъ; найдутся тутъ выходки противъ Мицкевича и его приверженцевъ, характеристика современной критики, бойкая карикатура на свѣтскій байронизмъ князя Pückler-Muskau (проводникъ, сопровождавшій нѣмецкаго князька, сталъ гидомъ Словацкаго и водилъ его по тѣмъ же мѣстамъ) или жанровая сценка вавилонскаго столпотворенія на деревенскомъ ночлегѣ. Но греческія впечатлѣнія снова зовутъ далеко ушедшаго отъ нихъ, въ грусть или въ смѣхъ, путника. Онъ отдается имъ, входитъ въ гробницу древняго героя,—и съ благоговѣйнымъ чувствомъ смѣшивается такое острое сознаніе своего безволія, непригодности къ великимъ дѣя-

[1]) Въ статьѣ Biegeleisen'a „Wrażenia z podróży Słowackiego na Wschód", Bibl. Warszawska, 1891, сообщенъ планъ обширной фантастической поэмы, также возникшій подъ вліяніемъ путешествія, но покинутый.

ніямъ, своей принадлежности къ «печальному краю илотовъ», что эпизодъ «Gròb Agamemnona», лучшій въ поэмѣ, является поразительнымъ по силѣ меланхоліи и суда надъ собою изліяніемъ поэта.

«О, Меланхолія, нимфа, откуда ты родомъ? Не эпидемическая ли ты болѣзнь? Отчего все вокругъ охвачено тобою? Сколько самъ я, за тобою слѣдомъ, перенесъ всякихъ блужданій, и сталъ теперь... не полякомъ, а кровнымъ байронистомъ!»—такъ восклицаетъ Словацкій въ одномъ изъ отступленій поэмы «Беньёвскій», объясняя, что «въ томъ виною и его молодость, и тѣ могилы, которыя такъ множатся въ Польшѣ, и неотступное чувство одиночества въ жизни». «Беньёвскій» призванъ былъ выполнить двѣ задачи — дать волю наболѣвшей грусти, выразивъ ее въ разнообразныхъ и многочисленныхъ «дигрессіяхъ», и, для контраста и облегченія, разрѣшать приступы тоски остроуміемъ, шуткой, реальнымъ тономъ разсказа. Интересъ сюжета и послѣдовательность обрисовки героя стоятъ на второмъ планѣ. Пора выбрана опредѣленная, историческая (время Станислава-Августа и Барской конфедераціи). Беньёвскій также лицо подлинное, извѣстное по своимъ мемуарамъ, хотя въ поэмѣ свободно измѣненное [1]). Но краски времени и мѣста не ярки, для связи событій вводятся детали сомнительнаго правдоподобія; начинающееся порою оживленіе дѣйствія (наприм., грозное появленіе конфедератовъ въ знатной усадьбѣ) оставляется неразвитымъ и недорисованнымъ, а рядъ живыхъ картинъ польскаго быта XVIII вѣка смѣняется (благодаря случайному поводу) восточными бытовыми картинами татарскаго Крыма и двора хана Керимъ-Гирея, къ которому Беньёвскій ѣдетъ посломъ отъ конфедераціи. Автора какъ будто тяготитъ бремя разсказа; онъ, какъ Байронъ въ «Донъ-Жуанѣ» или Мюссе въ «Namouna», теряетъ его нить, отстраняетъ героя, говоритъ прямо отъ себя и въ иной пѣснѣ подвигаетъ впередъ дѣйствіе на два, на три шага. Этотъ пріемъ привелъ къ тому, что въ четырнадцати пѣсняхъ (девять явились лишь въ посмертномъ изданіи [2]) планъ произведенія не могъ быть сполна намѣченъ, и поэма, какъ многое у Словацкаго, осталась недоконченной.

Молодой, разорившійся шляхтичъ средней руки, влюбленный въ дочь богатаго сосѣда и воркующій съ нею на свиданіи, бездомный авантюристъ, который выѣзжаетъ на поиски фортуны, случайно попадаетъ въ

---

[1]) Подлинный Беньёвскій былъ родомъ словакъ; ненасытная жажда приключеній привела его въ Польшу, гдѣ онъ дѣйствительно примкнулъ къ конфедераціи и былъ въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ. Прославившись потомъ въ особенности бѣгствомъ изъ плѣна въ Камчаткѣ, онъ написалъ по-французски мемуары, изданные въ англійскомъ переводѣ Никольсона въ Лондонѣ, 1790.

[2]) Дальнѣйшіе фрагменты поэмы найдены были въ наше время. О нихъ сравн. статью Третьяка „Nieznane fragmenta, waryanty Beniowskiego", Gazeta Lwowska, 1902.

русло политическаго движенія и, затравленный судьбою, превращается въ «полу-Лира, полу-Донъ-Кихота»,—плохой спутникъ и двойникъ поэта, и поручить ему, какъ Донъ-Жуану, вмѣстѣ съ активной ролью, идейную проповѣдь и остроумный судъ было бы трудно. Какой у него опытъ, какое развитіе и вкусъ, чтобъ онъ могъ, проходя среди людского водоворота, оцѣнивать его смѣлыми и острыми сужденіями! Но онъ и его скитанія по свѣту нужны, какъ предлогъ, какъ ось, вокругъ которой будетъ двигаться механизмъ поэмы. Если въ немъ нѣтъ величавыхъ чертъ, тѣмъ лучше; объ руку съ простодушнымъ, непосредственнымъ, увлекающимся героемъ, на которомъ словно нанизываются приключенія, свободнѣе маневрировать поэту.

Въ письмѣ къ Красинскому [1]) Словацкій сравнилъ свою писательскую судьбу съ участью Китса, загубленнаго холодной жестокостью критики. Хроническое преслѣдованіе присяжными судьями въ Варшавѣ, Краковѣ, Парижѣ, унижавшими тѣ созданія, которыя потомству кажутся выдающимися, непріязнь Мицкевича и его партіи, служившая отвѣтомъ на ревнивое соперничество Словацкаго, счеты въ средѣ эмиграціи, невозможность поладить съ польскимъ демократизмомъ, твердо установивъ программу,—все это, накопляясь съ годами, дѣйствительно создало тяжелыя условія жизни. Неудивительно, если въ отступленіяхъ «Беньёвскаго» большая доля отведена полемикѣ и самообоионѣ. Въ байроновской поэзіи эта сторона не исчезаетъ до послѣднихъ главъ «Донъ-Жуана», проявляясь въ внезапныхъ вылазкахъ и набѣгахъ. Но, въ широкомъ полетѣ мысли свободно переходя отъ общей или личной злобы дня въ сферу міровыхъ вопросовъ, Байронъ съ годами отвелъ полемикѣ pro domo sua второстепенное значеніе, и «Донъ-Жуанъ» сталъ общечеловѣческой сатирой. Такой широты полета, такого разнообразія затронутыхъ вопросовъ не найдемъ у Словацкаго, каковы бы ни были достоинства его подражанія великому образцу. Но борьба съ литературными и общественными противниками такъ связана у автора «Беньёвскаго» съ отстаиваньемъ его независимости, съ защитой непонятаго душевнаго его міра, что полемическія отступленія переходятъ въ печальныя размышленія и признанія, отличающіяся большой лирической силой.

Желчность, которой такъ желалъ для поэзіи своего друга Красинскій, встрѣчается здѣсь съ тою «нимфой Меланхоліей», ради которой поэтъ готовъ былъ признать себя байронистомъ. Встаютъ воспоминанія о былой любви, оживаетъ образъ любимой когда-то женщины, полный ласки и прощальнаго привѣта, проносится призракъ молодости съ ея мечтами, первыми искушеніями славы и популярности. Надвигаются тяжелыя испытанія борьбы; съ ироніей отзывается Словацкій на тирани-

[1]) Listy, II, 2.

ческое требованіе «принциповъ» отъ поэта. Политическую придирчивость къ мнѣніямъ, страстность раздоровъ въ средѣ патріотовъ онъ громитъ, напоминая жалкимъ людямъ возгласъ Костюшки о паденіи Польши, болѣзненно отзывающійся на сердцѣ. «Одинъ только Богъ знаетъ,—какъ тяжело было привыкать къ жизни, выпавшей мнѣ на долю, разбивая мечты, гася порывы, спускаясь изъ царства грезъ, чтобы вращаться среди гадовъ и не проклинать,—чувствовать, что на лютнѣ прибавились новыя струны—струны терпѣнія»... Но, свободно состязаясь съ Байрономъ въ переходахъ отъ грусти къ вызову и угрозѣ поэтическимъ мщеніемъ и не думая о подражаніи, Словацкій выростаетъ въ великую силу будущаго. «Пусть доигрываютъ комедію,—восклицаетъ онъ.—Быть можетъ, мнѣ придется исполнить другую, и тогда я поражу всѣхъ васъ». «Изъ устъ его вырвутся тогда молніеносныя рѣчи» (сравн. у Байрона—«and that one word were Lightning, I would speak», III гл. «Гарольда»). Онъ не склонитъ головы, не пойдетъ торной дорогой,—«самъ проложитъ онъ путь свой, *и народъ пойдетъ за нимъ*». Соперничество съ Мицкевичемъ онъ превратитъ въ поэтическое двоецарствіе; съ необыкновенной силой самосознанія проведенъ прощальный привѣтъ «вѣщему» собрату, оканчивающійся словами: «такъ прощаются другъ съ другомъ не враги, но съ двухъ противоположныхъ солнцъ своихъ—*боги*». Но вѣра въ торжество, въ удачу мщенія уступаетъ мѣсто обращенію къ суду далекаго и справедливаго потомства. Байрона, заканчивавшаго повѣсть о Гарольдѣ, поддерживала мысль, что «въ немъ есть что-то способное преодолѣть гоненія и время, и жить, когда поэта уже не станетъ, что отзвукъ умолкнувшей лиры смягчитъ людей и разбудитъ въ окаменѣвшихъ сердцахъ позднее раскаяніе любви». Въ словахъ, которыми прерывается рукопись «Беньёвскаго», поэтъ завѣщаетъ пѣснь свою грядущимъ вѣкамъ; ее довершатъ и разовьютъ тогда, быть можетъ, лучше, чѣмъ могъ это сдѣлать онъ, приближаясь къ концу своей печальной судьбы.

Это говорилъ (1841 г.) человѣкъ, подошедшій уже къ распутію. Невдалекѣ было его сближеніе съ основателемъ мистическаго мессіанизма, Товянскимъ, сильно подѣйствовавшее на Словацкаго, открывъ просторъ для развитія задатковъ, которые выказывались въ его душевномъ мірѣ и раньше (напр., въ «Ангеллѣ»). Стала стихать желчность, замерла грусть, засіялъ чудный миражъ. За одной утратой, понесенной поэзіею въ лицѣ Мицкевича, ушедшаго въ то же царство блаженной химеры, послѣдовала другая, не меньшая [1]). Соперники въ поэтической власти были уравнены судьбой.

---

1) Потомъ настала пора, когда Словацкій отдѣлился отъ „товянчиковъ“, считая ихъ отступниками отъ истинной вѣры, а себя ея стражемъ...

Польскій байронизмъ, лишившись двухъ вождей, долго держался въ поэзіи какъ пережитокъ, но ни одинъ изъ эпигоновъ не въ силахъ былъ вернуть ему утраченное значеніе. Та плеяда польскихъ поэтовъ, которая съ начала двадцатыхъ годовъ устремилась на состязаніе съ передовыми дѣятелями поэзіи остальной Европы, сумѣла выработать и обозначить свой вкладъ въ общее движеніе. Ближе многихъ сверстниковъ подошла она къ сущности творчества и общественно-политической программѣ Байрона, не задержалась на театрально-эффектномъ демонизмѣ, разочарованіи или пресыщеніи, но, принявъ на себя защиту правъ народа и являясь выразительницей его современной духовной жизни, она поднялась туда, гдѣ искони шла борьба, гдѣ выстраданы великія и общія задачи человѣчества; съ красотой формы она нерѣдко соединяла глубину мысли, съ широкимъ космополитизмомъ— любовь къ своему, народному; психологическое значеніе ея поэзіи высоко и несомнѣнно. Байроновское вліяніе ввело великія дарованія Мицкевича и Словацкаго въ кругъ важнѣйшихъ представителей новой поэзіи. Такъ сказалась въ одномъ изъ главнѣйшихъ умственныхъ теченій XIX вѣка «l'âme slave».

---

3. Русская литература.

Разгромъ «декабризма» и торжество реакціи, надолго въѣвшейся въ русскую жизнь, не могли не нанести удара и тому литературному движенію, неизбѣжно приводившему къ развитію свободолюбія и независимой критикѣ существующаго соціально-политическаго и нравственнаго строя, которое байроновская поэзія возбудила къ тому времени въ молодомъ и активномъ поколѣніи, современномъ юности Пушкина. Не успѣло сложиться это движеніе въ опредѣленныя формы стройно дѣйствующей поэтической группы, но зажгло въ даровитыхъ, неопредѣленно порывавшихся къ жизненному подвигу дѣятеляхъ отвагу мысли, слова и дѣйствія, свергло съ нихъ оковы формализма и рутины, увлекало на борьбу за благо народа, раскрывало просторъ мірового прогресса. Каковы бы ни были итоги ранняго періода байронизма, прошедшаго подъ непосредственнымъ обаяніемъ самого Байрона, историкъ русской поэзіи, въ ея связахъ съ общественнымъ возрожденіемъ, не откажетъ имъ въ признаніи идейнаго и художественнаго роста, внесеннаго ими въ поэзію послѣ недавняго господства Державинской лирики.

Но и въ общественномъ движеніи, сосредоточившемся въ сѣти тайныхъ организацій, было много общаго съ политической дѣятельностью Байрона. Если между партіями дѣйствія въ различныхъ странахъ установилась тогда братская солидарность и русскіе «либералисты» принимали къ сердцу успѣхи революціи въ Неаполѣ, Романьѣ, Испаніи, то самою популярной изъ европейскихъ политическихъ сектъ было, конечно, карбонарство, вездѣсущее, таинственное и грозное; не для однихъ только Фамусовыхъ Чацкій и его единомышленники казались русскою вѣтвью «карбонаріевъ». Дѣятельности Байрона-конспиратора могли не знать у насъ сполна, какъ не знали еще всего богатства политической его сатиры, но фактъ беззавѣтной преданности дѣлу освобожденія народовъ, многолѣтняя итальянская агитація поэта, наконецъ его смерть за угнетенную Грецію были у всѣхъ передъ глазами и могли воспитывать, вести за собой. Отсюда глубокое уваженіе къ Байрону, не только какъ къ выдающемуся художнику, но и какъ къ борцу, замѣчаемое у большинства декабристовъ. Они унесли его съ собой въ могилу, какъ Рылѣевъ, и въ

ссылку и тюрьму, какъ Бестужевъ, Кюхельбекеръ, Якушкинъ. Такой же взглядъ на солидарность политическаго байронизма съ декабризмомъ устанавливался и въ культурныхъ слояхъ общества, внѣ профессіональныхъ возбужденій словесности и политики. Любопытный тому примѣръ и вмѣстѣ съ тѣмъ показаніе духовной атмосферы, окружавшей декабристовъ, даютъ записки Якушкина. Когда вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами онъ заключенъ былъ, передъ отправленіемъ въ Сибирь, въ Финляндіи, близъ Роченсальма, въ фортѣ Слава, имъ передали однажды «тетрадку, писанную прекраснымъ французскимъ почеркомъ и заключавшую съ себѣ послѣднюю часть *Чайльдъ-Гарольда*. Тетрадь эту принесли двѣ дамы, жившія въ Роченсальмѣ, г-жа Чебышова и сестра ея». Мысль утѣшить узниковъ-вольнодумцевъ тѣмъ созданіемъ поэта, гдѣ въ виду порабощенной Италіи ключомъ бьетъ энтузіамъ къ свободѣ, поразила и растрогала плѣнниковъ. «Такой поступокъ глубоко насъ тронулъ,—говоритъ Якушкинъ,—и мы вполнѣ его оцѣнили. Только женщины, и женщины, исполненныя истиннаго чувства, могли понять наше положеніе и найти возможность изъявить такъ прекрасно свое участіе» [1]).

Едва замолкли некрологическія стихотворенія, которыми чуть не всѣ сколько-нибудь выдающіеся русскіе поэты новаго поколѣнія отозвались на смерть Байрона, какъ это передовое, руководящее поколѣніе, которое испытало впервые обаяніе байроновской личности, поэзіи и освободительной политики, было снесено разгромомъ декабрьскаго движенія. Удача переворота, освободивъ и литературу, открыла бы въ ней, конечно, просторъ тому направленію, которое въ данную эпоху выражало упованія и требованія времени, пролагая вмѣстѣ съ тѣмъ новые пути художественному творчеству. Торжество стараго порядка, связанное съ онѣмѣніемъ литературы, отданной на произволъ цензуры, которая, по вѣскому признанію Пушкина, далеко оставила за собой тупое преслѣдованіе печатнаго слова въ Александровскую пору, развѣяло по лицу земли или сгубило тѣ силы, которымъ предстояла главная работа въ новомъ, истинно «байроническомъ» періодѣ русской поэзіи, обезцвѣтило, охладило, научило сдержанности и объективности тѣхъ, кто уцѣлѣлъ, остался при дѣлѣ; не вычеркнувъ сочувствія великому англійскому поэту изъ числа дозволенныхъ мыслей и чувствъ, оно сузило предѣлы изученія и переложенія Байрона до скудныхъ размѣровъ, вмѣщавшихъ даже не всю художественную сторону его дѣятельности. То, что прежде контрабандой все же проникало въ умы, побуждало горячѣе биться сердца, что трепетало въ вольномысліи юношеской пушкинской лирики, не находило теперь отзвука

[1]) Записки И. Д. Якушкина. М., 1905, стр. 122.

или же болѣзненно, неразрѣшимо отдавалось въ душѣ. На виду у всѣхъ былъ дозволенный инвентарь байроническаго творчества, въ которомъ не было мѣста ни «Каину», ни большинству пѣсенъ «Донъ-Жуана», ни политическимъ сатирамъ; не существовало полныхъ переводовъ «Чайльдъ-Гарольда», потому что пришлось бы наложить руку на все смѣлое, возбуждающее, разрушительное. Въ неопредѣленномъ сумракѣ чудился и манилъ къ себѣ свободный и широкій составъ байроновской поэзіи, не пропущенной сквозь николаевскія рогатки. Но и то, что находилось въ обращеніи, терпимое и въ то же время порицаемое господствующимъ благоприличіемъ, вызывало ненавистническія нападки критики охранительнаго лагеря. Не хуже англійскихъ старовѣровъ она выставляла (напр., устами Надеждина) чудовищную безнравственность, сатанинское себялюбіе, безвѣріе и цинизмъ прославленнаго поэта.

Польскій байронизмъ, такъ искренно побратавшійся было въ лицѣ Мицкевича съ пушкинской школой, но затѣмъ пошедшій своей дорогой, могъ развиваться при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Борьба за народную независимость, отпоръ удвоенному натиску русской реакціи, направленной и вообще противъ соціальныхъ силъ, и противъ національно-польскихъ мечтаній, придавала байроническому движенію опору и связи въ народной жизни, а трагически пережитый отдѣльными личностями конфликтъ доводилъ ихъ до протеста байроновскихъ героевъ, потрясающаго основы, доходящаго до богоборства. Мицкевичъ, Словацкій, даже нѣкоторые изъ второстепенныхъ ихъ сверстниковъ, дѣйствительно могли переноситься въ духовный строй байроновскаго творчества и находить возбужденіе къ самостоятельной дѣятельности на пользу народа. Условія развитія русскаго общества и прежде не дали простора для усвоенія байроновскаго вольномыслія въ общихъ вопросахъ вѣры, нравственности, соціальной и личной свободы. Ни одна страстная, рѣзко очерченная натура не прорвалась на волю, чтобъ заявить всю силу своего протеста. Гармоническая, отзывчивая природа Пушкина остановилась въ преддверіи байроновскаго міра, не переживъ никогда его трагическихъ потрясеній. Свѣтобоязнь, крѣпостничество, солдатчина, произволъ, не нашли ни въ комъ такого обличителя-поэта, который бы, подобно Байрону, жегъ своимъ глаголомъ сердца людей, хотя бы располагая только «непечатной» литературой и на ея летучихъ листкахъ разнося свои мысли по свѣту. Еслибъ не благородныя рѣчи Чацкаго, можно бы утверждать, что всѣ дѣятельныя проявленія самосознанія сосредоточились лишь въ общественномъ движеніи, скрытомъ въ подспудной глубинѣ.

Когда декабрьскія событія уничтожили и его, литература была безсильна выполнить выпавшую ей на долю двойную обязанность. Оскудѣвъ

людьми, испытывая уронъ и въ энергіи, израненная и стиснутая, и прежде не привыкшая къ смѣлому полету мысли и фантазіи, теперь и подавно не отваживавшаяся на мятежные поступки, она въ частномъ вопросѣ о байроновскомъ вліяніи поневолѣ сдѣлалась мало воспріимчивой, односторонней, осторожно разборчивой. Казалось, ей стали чужды и непонятны эти тревоги и запросы, трагедіи неудовлетворенныхъ, протестующихъ личностей, неспособныхъ склониться передъ старымъ порядкомъ.

На дѣлѣ жизнь, именно въ это время, выставила истинно байроническую тему, разработать, возсоздать которую, казалось, было бы дѣломъ «человѣка съ душой». Крушеніе цѣлаго поколѣнія, непроглядная тьма впереди, оцѣпенѣніе общества,—и, среди пессимизма, разочарованности, подавленности, незыблемая стойкость и вѣра въ идею у тѣхъ, кто «въ глубинѣ сибирскихъ рудъ» и подъ сѣрой солдатской шинелью стали предвѣстниками неизбѣжнаго народнаго освобожденія. Можно было бы ожидать,—хотя бы опять въ предѣлахъ непечатной, нелегальной литературы,—что возникнетъ замыселъ, равный по силѣ третьей части «Дзядовъ» и ея украшенію, страстной «Импровизаціи». Отъ тѣхъ же, кого пощадила судьба и оставила невредимыми физически, разбивъ и отравивъ душу всею тягостью видѣннаго и испытаннаго, безцѣльностью личнаго существованія, можно было бы ждать общественно-психологической картины, какую далъ Мюссе въ введеніи къ «Исповѣди сына вѣка». Но ни жизнь, ни литература не дали отвѣта, и когда настала пора для русской исповѣди «героя своего времени», правда не пережившаго непосредственно кризиса двадцатыхъ годовъ, все же заставшаго явные его слѣды и возмужавшаго среди порожденнаго имъ безвременья,—признанія замкнулись въ рамки глубоко правдивой *личной* исторіи, не придавъ Печорину ни малѣйшей черты сочувствія къ общественному недомоганью.

Такъ, стѣсненный опекой новаго порядка вещей, робостью поэтической мысли, упадкомъ энергіи, большою убылью въ людяхъ, способныхъ принять дѣятельное участіе въ литературномъ переворотѣ, сложился русскій байронизмъ второго, послѣ-байроновскаго періода. Ему нельзя отказать въ ретивой производительности; число тружениковъ велико, хотя не такъ блистаетъ талантами, какъ піонеры байронофильства,—но ему тѣсно въ его колодкахъ, тонъ его пониженъ, многое берется назадъ прежними усердными исповѣдниками, россійскія безпомощныя жалобы и грусть вплетаются въ поэзію, которая устремилась было слѣдомъ за титанической борьбой...

И все же, именно въ эту пору регресса, несмотря на всѣ суживанія и стѣсненія, навязанныя байроническому направленію, феноменально осу-

ществился лучшій даръ, который поэзія Байрона могла принести русскому художественному творчеству,—расцвѣтъ лермонтовской поэзіи. Но въ немъ—высшій предѣлъ, котораго могъ достигнуть русскій байронизмъ. Ни шагу впередъ не сдѣлалъ онъ потомъ. Слѣдующее поколѣніе,—зрѣлый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго и Герцена,—въ *идейномъ* пониманіи значенія Байрона для новаго человѣчества ушло несравненно дальше. Тогда только было *вполнѣ* понято это значеніе, и вѣрный взглядъ переданъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Сороковые годы на Западѣ и въ Россіи осложнили жизнь новыми задачами, ставя художественному слову цѣли, достойныя истинныхъ послѣдователей соціально-политической поэзіи Байрона,—но не было уже ни одного поэта лермонтовской силы, который въ состояніи былъ бы наканунѣ общеевропейскихъ потрясеній 1848 года явиться (какъ нѣмецкіе «политическіе поэты» типа Гервега или Фрейлиграта) не только «чародѣемъ красоты», но властителемъ умовъ и вождемъ своего поколѣнія.

I.

Тюремныя и ссылочныя воспоминанія декабристовъ о байроновской поэзіи,—вродѣ приведеннаго отрывка изъ мемуаровъ Якушкина,—встрѣчаются съ попытками нѣсколькихъ изгнанниковъ къ самодѣятельности въ этомъ направленіи. Кюхельбекеръ остался вѣрнымъ поэту, котораго когда-то характеризовалъ въ статьѣ «Мнемозины», котораго оплакалъ въ одномъ изъ лучшихъ некрологическихъ стихотвореній, вызванныхъ у насъ смертью Байрона. Дневники его, веденные въ Свеаборгской крѣпости и затѣмъ въ Сибири [1]), хранятъ слѣды этого живого интереса. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ стихотворецъ задумываетъ то лирическое изліяніе въ духѣ «Гарольда», то большую поэму Гарольдовскаго типа; онъ вдается въ оцѣнку сатирическаго значенія «Донъ-Жуана», видимо смущаясь «Ювеналовской» отвагой автора, побуждающаго «ненавидѣть, презирать» людей. Біографія Байрона производитъ на него сильное впечатлѣніе, и онъ заноситъ въ дневникъ изреченія поэта; нѣсколько страницъ полемики съ какимъ-то старомоднымъ эстетикомъ (Ястребовымъ) приводитъ къ тому, что Байронъ, вмѣстѣ съ избранными, новыми лириками Италіи, Франціи и Германіи, высоко вознесенъ сравнительно съ авторитетами старой школы. Наконецъ, на главномъ итогѣ работъ за предсмертные годы, на «Ижорскомъ», названномъ, во вкусѣ «Каина» или «Неба и Земли», *мистеріею* [2]), лежитъ сильный отпеча-

---

[1]) Они напечатаны были въ „Русск. Старинѣ" 1875, 1883 и 1884 годовъ.

[2]) Ижорскій. Мистерія. Спб. 1835.

токъ байроновскихъ пріемовъ. Авторъ какъ будто хочетъ отвлечь отъ него вниманіе; одно изъ дѣйствующихъ лицъ удостоивается отъ героя ироническаго отзыва, указывающаго, что «и въ него вселилась блажь, и лѣзетъ онъ туда жъ, и страстію *байронствовать* размученъ»,—но въ тоскѣ Ижорскаго, въ вѣчныхъ странствіяхъ, въ таинственно-пасмурномъ лицѣ, въ переходахъ отъ шумной жизни къ мрачному уединенію, въ магической власти надъ духами (облеченными въ наряды русской демонологіи) постоянно слышатся отголоски то Гарольда, то Лары, то Манфреда. Неровное, слабое, лишь временами оживляющееся произведеніе, въ которомъ чрезмѣрное излишество фантастики, вспышки юмора, патетическіе моменты словно пробиваются съ усиліемъ сквозь хроническую грусть изгнанника. Бѣлинскій не могъ выдать «мистеріи» иной оцѣнки, иного обозначенія, кромѣ—«тысячу первой пародіи на Чайльдъ-Гарольда».

Несравненно сильнѣе вліяніе Байрона на самаго дѣятельнаго изъ литераторовъ декабризма, Александра Бестужева. Чтеніе Байрона и Мура услаждало его въ Якутскѣ; были мѣсяцы, когда онъ «ничего кромѣ Байрона въ руки не бралъ». Проявлявшаяся въ немъ и прежде склонность къ стихотворству сказалась теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и, оставивъ въ сторонѣ медленно слагавшуюся поэму «Андрей Переяславскій», онъ «хотѣлъ попробовать себя въ легкомъ родѣ, именно въ такомъ, какъ писанъ Донъ-Жуанъ» [1]). Сознавалъ ли онъ, какое глубокое, общечеловѣческое содержаніе должно быть скрыто за шаловливой непринужденностью формы при такомъ состязаніи съ поэмой, или остался на поверхности, увлекаясь «легкостью» этого поэтическаго рода? «Не знаю, какъ-то удастся», оговаривался онъ, приступая къ работѣ, и затѣмъ очевидно не сладилъ съ нею. Но его байронизму предстояло принять иной видъ и не въ чуждой таланту автора стихотворной рѣчи, а въ прозѣ, въ повѣсти, тамъ, гдѣ дарованіе Бестужева всего болѣе могло проявляться. На Кавказѣ, смѣнившемъ якутскую ссылку, окруженный боевыми впечатлѣніями, горскимъ бытомъ, величавой и дикой природой, въ походахъ и перестрѣлкахъ встрѣчаясь со смертью, едва сдерживая негодованіе на произволъ и преслѣдованіе невѣжественнаго начальника, не прощавшаго ему развитія и таланта, онъ подъ тяжестью солдатской амуниціи, увлекаемый страстнымъ темпераментомъ, строилъ пышные воздушные замки. Въ переполненныхъ звучными и цвѣтистыми монологами и душевными изліяніями, бурными страстями и порывами, въ нарядѣ непонятой, избранной натуры, возмущенной «позоромъ свѣтской черни», или въ живописномъ костюмѣ горца, лихого наѣздника,

[1]) М. Семевскій, „А. Бестужевъ въ Якутскѣ“. „Русск. Вѣстникъ“ 1870.

даже разбойника,—въ кавказскихъ повѣстяхъ Марлинскаго плѣняла современниковъ приближенная къ нимъ, въ извѣстной степени обрусѣвшая, копія съ байроновскихъ неудачниковъ ранней, популярной у насъ манеры, новое, разработанное изданіе «Кавказскаго Плѣнника» и «Алеко».

Сознавая въ себѣ великія силы, которымъ суждено погибнуть, не дождавшись разсвѣта,—преувеличивая природные задатки, предѣлы дарованія, закалъ характера, *онъ* смотритъ на насъ изъ-подъ масокъ Амалатъ-Бековъ, Мулла-Нуровъ, *его* голосъ слышится среди вулканическихъ изверженій ихъ шумной риторики или въ полныхъ разочарованія и презрѣнія рѣчахъ свѣтскихъ неудачниковъ. Неистощимый въ любовныхъ увлеченіяхъ и грёзахъ, искренно чувствительный [1]),—и въ то же время храбрый, искавшій опасной сѣчи,—не чуждый жажды внѣшняго успѣха, а въ глубинѣ хранившій преданія общечеловѣческой мысли и творчества [2]), онъ, своей сложной, волнующейся натурой ближе многихъ подходя къ байроническому типу, не смогъ прочно воплотить его, стать дѣятельнымъ и пригоднымъ пропагандистомъ движенія,—какъ ни манила его эта роль до конца, побуждая то къ широкому замыслу поэмы «Человѣчество», гдѣ оно должно было «выступить во всѣхъ своихъ возрастахъ, во всѣхъ кризисахъ», то къ полному байроническихъ размышленій «Журналу Вадимова». Но въ герояхъ его повѣстей все же впервые проглянулъ образъ протестующаго русскаго отщепенца, готоваго итти на вѣрную смерть, лишь бы избавиться отъ постылой судьбы,—тотъ образъ, который въ жизни всего яснѣе сказывался тогда среди декабристовъ, изъ милости переведенныхъ для выслуги на Кавказъ. Въ герояхъ Марлинскаго, на разстояніи, все замѣтнѣе становится звено между неувѣренными пушкинскими опытами въ родѣ «Плѣнника» и широкой разработкой лермонтовскаго байронизма, обставленнаго опять *кавказской* декораціей. Они, вмѣстѣ съ аппаратомъ усопшей и наполовину истлѣвшей послѣ натиска Бѣлинскаго «марлинщины», требуютъ себѣ, въ байронической драпировкѣ, опредѣленнаго мѣста въ исторіи русской повѣсти.

По горькой долѣ и контрасту между казарменной обстановкой, старой палочной дисциплиной, суровостью, невѣжествомъ военнаго

---

1) Какою грустной нѣжностью проникнуто избранное имъ французское стихотвореніе на памятникѣ несчастной Ольги Нестерцовой въ Дербентѣ! „Un soir elle tomba, rose effeuillée aux vents. O, terre de la mort, ne pèse pas sur elle. Elle a si peu pesé sur celle des vivants",—читаемъ мы въ этой эпитафіи.

2) „Гомеръ, Дантъ, Мильтонъ, Шекспиръ, *Байронъ*, Гёте!—восклицаетъ Вадимовъ-Марлинскій,—яркое созвѣздіе, вѣнчающее человѣчество! Великаны, которымъ не вѣритъ свѣтъ! Чувствую, что *мои думы могли бы быть ровесниками вашимъ*".

быта и широкими душевными движеніями, Бестужевъ—явленіе родственное младшему изъ приверженцевъ байронизма, примыкавшихъ къ пушкинской школѣ, Полежаеву. Отъ поэта-декабриста съ Каиновой печатью на челѣ легокъ переходъ къ его собрату, послѣ подневольной рекрутчины оставшемуся на такъ называемой волѣ, въ московскихъ казармахъ, въ кавказскомъ полку, но въ этомъ улучшенномъ острогѣ безвозвратно погибшему. Начиная съ первыхъ печатныхъ работъ,—двухъ переводовъ изъ Байрона, «Видѣнія Валтасара» и «Оскара Альвскаго», и кончая «Вѣнкомъ на гробъ Пушкина», написаннымъ въ 1837 г., за годъ до смерти Полежаева, и заключающимъ въ себѣ такую оцѣнку англійскаго поэта:

Когда гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англіи туманнымъ,
Твой дивный голосъ, о, Байронъ!..

—въ поэзіи Полежаева байроническое направленіе должно было сильно ощущаться. Но въ то время, какъ Бестужевъ и его герои-двойники дерзновенно возвышали голосъ противъ судьбы и людей, желѣзная дѣйствительность пригнула и обезволила Полежаева, и общимъ, на все налегшимъ ярмомъ, и той безталанной участью, которую она приготовила молодому поэту, превративъ московскаго студента за непринужденную, даже неполитическую, бойкость его «Сашки», этой пародіи на «Онѣгина», въ рядового николаевскихъ войскъ, сгноила и споила его въ казармѣ и рано прервала его жизнь.

Безсмѣнными и всегда захватывающими своею искренностью мотивами его поэзіи стали жалобы на разбитую жизнь, тоска, ожесточеніе, отчаяніе, жажда смерти. Въ творчествѣ Байрона ему чудились сочувственные звуки. Не разъ вноситъ онъ въ стихотворныя признанія байроновскіе пріемы; онъ называетъ себя «сыномъ погибели и зла»; «его жизнь мучительнѣе ада» (стихотв. «Ожесточенный»); «Отчаяніе» съ мыслями о смерти выдержано въ тонѣ крайнихъ изліяній меланхоліи Байрона; въ стихотв. «Демонъ вдохновенія», быть можетъ, всего больше связей съ пріемами автора «Манфреда», только демоническая аллегорія рокового поэтическаго дара разрѣшается невыдержанной, нескладной картиной появленія Аримана и адскаго хора,—опять въ видѣ отголоска извѣстныхъ деталей «Манфреда». Но переходовъ отъ удрученія и пессимизма къ протесту и борьбѣ, роста личности, потрясающей старые устои, общественной и политической зрѣлости, нѣтъ и въ поминѣ. Скорбь не міровая, а личная,—искренняя, но безпомощная. Поэтъ—«погибающій *пловецъ*», и въ стихотвореніи, носящемъ это заглавіе, слышится унылый припѣвъ: «тонетъ, тонетъ мой челнокъ!» Воля, дарова-

ніе, энергія сгублены («Зачѣмъ же вы убиты, силы мощныя души!» — стих. «Тоска»). Нравственное паденіе не облечено въ загадочную оболочку эффектной преступности; оно — дѣло темной, губительной силы. «Я погибалъ, мой злобный геній торжествовалъ!» — восклицаетъ Полежаевъ въ стихотвореніи «Провидѣніе» и завершаетъ печальное обозрѣніе испорченной жизни грёзой — объ успокоеніи, о примиреніи въ Богѣ.

Байроновскіе отголоски встрѣчаются съ чуждымъ англійскому поэту, но вложеннымъ въ его несчастнаго послѣдователя безпросвѣтною судьбой, религіозно-нравственнымъ мотивомъ. Это сочетаніе походитъ на тотъ оттѣнокъ байронизма, который не подъ ударами судьбы, а въ свободной рефлексіи сложился у Ламартина. И словно почуявъ эту близость, Полежаевъ, вообще не мало переводившій изъ этого поэта, переложилъ поучительное, пытающееся просвѣтить и спасти заблудшаго геніальнаго художника, стихотвореніе, съ которымъ Ламартинъ обратился къ Байрону. Вниманіе и сочувствіе Полежаева къ этой неудачной проповѣди говоритъ о неполнотѣ пониманія Байрона, призывъ же къ покою и гармоніи, болѣзненно звучащій среди торжества стараго порядка, завершаетъ новою, печальною чертой образъ Полежаева, въ международной байроновской школѣ, одинъ изъ наиболѣе безотрадныхъ.

Не нашлось мужественныхъ словъ и боевыхъ порывовъ въ отвѣтъ на гоненія и несправедливость у человѣка, для котораго жизнь создала положеніе, сродное байроновскому; его могла успокоить мечта о душевномъ мирѣ, — чего же ждать отъ тѣхъ людей, которые, уцѣлѣвъ отъ переворота и предавшись самосохраненію среди упорядоченнаго общества, сильно понизили свой уровень, обѣгая все жгучее, волнующее, современное, стараясь взять назадъ прежнія неосторожныя рѣзкости!

Вяземскій, съ своимъ культурнымъ блескомъ, щеголеватой ролью независимаго романтическаго критика, барственнымъ сибаритствомъ, связями въ свѣтѣ и въ передовой литературѣ, не чета несчастному Полежаеву; но не послышались ли въ его стихотворствѣ послѣ декабрьскихъ дней новые тоны, въ разрѣзъ съ прежнимъ удивленіемъ титанизму Байрона! Три года прошло послѣ того, какъ, потрясенный его кончиной, онъ вызывалъ Пушкина и Жуковскаго достойно воспѣть событіе, въ которомъ ему чудился «океанъ поэзіи», — теперь онъ самъ принимается за эту тризну [1]). Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ ея, отягченномъ не всегда понятной риторикой, расточаются сначала обычныя сочувственныя слова. Байронъ — «отважный исполинъ, Колумбъ новѣйшихъ дней», онъ «презрѣлъ рубежъ боязненной толпы и въ полетѣ смѣломъ сшибъ Иракловы столбы», изъ души его глубокой дума кровная слышалась,

---

1) Соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1880 г., III, 423—26.

«какъ гулъ грозы далекой, еще не грянувшей надъ нашею главой» и т. д. Но затѣмъ раздается поученіе, указывающее на роковые предѣлы, искони поставленные свободѣ человѣческой личности. «Мысль всемогуща въ насъ» (повторяетъ Вяземскій слова Байрона), «но тотъ, кто мыслитъ, слабъ; мысль независима, но времени онъ рабъ»... Надъ Байрономъ «свершился грозный судъ». Его «ранній гробъ, безсмертья свѣтлаго алтарь нѣмой и тлѣнный, свидѣтельствуетъ намъ весь подвигъ бытія»,— иначе, напоминаетъ о бренности, тщетѣ и преходящемъ смыслѣ сверхъчеловѣческихъ стремленій. Успокоившійся и образумленный стихотворецъ-моралистъ заканчиваетъ поученіе такимъ выводомъ:

И жизнь твоя гласитъ, разбившись на могилѣ,
Чѣмъ смертный можетъ быть, *и чѣмъ онъ быть не въ силѣ.*

Оригинальное de profundis, возглашаемое прежнимъ салоннымъ вольнодумцемъ, поднятымъ надъ заурядностью искренно вспыхнувшимъ въ немъ байроновскимъ культомъ, и теперь сворачивавшимъ на путь золотой середины, характерно отражаетъ на себѣ дѣйствіе пережитого перелома. Куда цѣльнѣе и послѣдовательнѣе второстепенный байронистъ, сильно уступавшій Вяземскому въ дарованіи, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, попытавшійся, тоже заднимъ числомъ, вспомянуть кончину великаго поэта! Подобно Вяземскому, онъ выполнилъ это въ большомъ произведеніи, изъ котораго также извѣстенъ лишь одинъ отрывокъ: «Послѣднія чувства Бейрона» [1]). Рѣшивъ совершенно игнорировать печальную обстановку агоніи Байрона подъ Миссолонги, онъ вложилъ ему въ уста обширный монологъ, обращенный къ солнцу, въ послѣдній разъ привѣтствующій природу, и, подобно Манфреду, безтрепетно ожидающій приближенія смерти.

Убыль въ интенсивности и полнотѣ байронизма, которая такъ замѣтна у Полежаева и Вяземскаго, еще ощутительнѣе у двухъ современныхъ имъ поэтовъ, одаренныхъ чуткими запросами мысли, способныхъ свободно и сознательно отнестись къ новому слову, и сохранившихъ человѣческое достоинство послѣ всеобщей переоцѣнки цѣнностей,—у Веневитинова и Баратынскаго. Юношеская статья Веневитинова въ «Сынѣ Отечества» съ оригинально проведенной параллелью между Пушкинымъ-авторомъ Онѣгина и Байрономъ, выставившая широту и общечеловѣческое значеніе байроновской поэзіи, была лучшею изъ раннихъ попытокъ русской критики опредѣлить сущность творчества Байрона. Въ связи съ мѣткостью подобныхъ сужденій должна бы итти самостоятельная поэтическая работа. И она началась. Подобно отроческимъ заявленіямъ Лермонтова, восьмнадцатилѣтній Веневитиновъ въ «Пѣсни грека» называетъ себя «смѣлымъ ученикомъ Байрона». Въ

сводѣ русскихъ стихотворныхъ некрологовъ поэта, отрывки изъ Веневитиновскаго «драматическаго пролога» *Смерть Байрона*, уже выдѣлились глубиной чувства и симпатіею къ освободительному подвигу. Въ лирикѣ юноши, который «такъ много зналъ, такъ мало жилъ», пробѣгали струйки байроновской рефлексіи. Но, отрѣшаясь отъ своей личности, онъ готовился къ большому опыту романической характеристики, гдѣ выступилъ бы (какъ онъ говорилъ друзьямъ) герой съ чертами то Манфреда, то Чайльдъ-Гарольда, съ совѣстью, отягченною преступленіемъ, съ «неясными порывами высокой души», «заживо убитый», неспособный наполнить безцѣльность существованія. Эти заявленія, планы, говорили о разносторонности байроническаго почина. Но имъ не суждено было развиться. Новая сила, соперничая съ поэтическими возбужденіями, искавшими выхода изъ современности, отвлекла мечтателя въ иную область, обѣщая стройное и послѣдовательное рѣшеніе не русскихъ только, но всемірно-историческихъ задачъ, — нѣмецкая философія, собравшая вокругъ Веневитинова московскій кружокъ дилеттантовъ-мыслителей, предтечъ философско-эстетическихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ. Шеллингизмъ, возведенная на его основѣ теорія самобытнаго русскаго вклада въ міровую культуру, основаніе «Московскаго Вѣстника», работа журналиста отдалили Веневитинова отъ байронизма, подъ чьимъ флагомъ онъ вступилъ въ жизнь. Это была не измѣна, не охлажденіе, но перестройка понятій и воззрѣній; въ картинѣ общечеловѣческаго развитія, въ которое, по новой теоріи, каждая призванная къ исторической миссіи народность вноситъ свое лучшее достояніе, завѣтную идею, Англія, конечно, входила—въ сферѣ художественнаго творчества—съ Байрономъ, какъ Германія съ Гёте, и Россія (вѣрилось Веневитинову) съ Пушкинымъ.

Такъ покинута была волнующаяся лирика, оставленъ и планъ романа съ трагически задуманнымъ героемъ-неудачникомъ. Блѣдный очеркъ его содержанія и уцѣлѣвшій фрагментъ, надписанный «Три эпохи любви» [1], даютъ лишь контуры главнаго характера, который явился бы раннимъ предшественникомъ Печорина, развитіемъ намековъ и задатковъ, данныхъ въ личности Алеко и Плѣнника. Въ жизни Владиміра Паренскаго (сына польскаго магната) властныя стремленія натуры эгоистической осложнились запросами мысли и знанія. Онъ еще въ университетѣ «удивляетъ успѣхами въ наукахъ», страстно отдается анатоміи, «погружается въ размышленія о началѣ жизни, разгадываетъ тайну связи души и тѣла».

[1] Объ этомъ произведеніи сравн. статью проф. Е. Боброва: „Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки по исторіи литерат. и просвѣщ. въ XVIII и XIX в.“ (Учен. Записки Казанск. университета, 1899, XII) и „Философію въ Россіи“, того же автора).

Онъ возвращается къ наукѣ, какъ къ цѣлительной силѣ, когда съ ужасомъ видитъ, въ какую пучину преступности вовлекла его ненасытность эгоизма, когда его преслѣдуютъ тѣни товарища и его невѣсты, погубленныхъ злораднымъ себялюбцемъ. Его тревожныя блужданія, путешествія, похожія на бѣгство, смягчаются приливами высшихъ интересовъ къ наукѣ. Когда же въ Германіи, снова предавшись анатоміи, онъ «передъ трупомъ красивой женщины внезапно почувствовалъ отвращеніе къ наукѣ», для него «все въ мірѣ стало мертво». Онъ влачитъ отнынѣ страшную цѣпь, отъ преступленія переходитъ къ преступленію, разбиваетъ чужую жизнь, чужое счастье, какъ искуситель дѣйствуя на женщинъ, мучится совѣстью и топитъ въ безцѣльномъ существованіи «качества необыкновенныя».

Преслѣдуемый, подобно Манфреду или Ларѣ, тѣнями своихъ жертвъ, герой романа самъ остался смутною тѣнью; реальныя, просящія отвѣта, страданія лишняго человѣка вскрыты, но не изучены, не объяснены. Могъ ли объяснить ихъ Веневитиновъ, стоя на порогѣ своего философскаго воздушнаго чертога, могъ ли дѣйствительно отрѣшиться отъ своей тонкой и нѣжной душевной организаціи и пережить испытанія натуры, ей противоположной? Ранняя, быстрая смерть оборвала и этотъ вопросъ, и всѣ ожиданія, возбужденныя рѣдко даровитымъ юношей. Съ нимъ выбылъ изъ строя русскихъ байронистовъ чуть ли не наиболѣе культурный и разносторонній представитель направленія.

«Гамлетъ-Баратынскій»,—какъ назвалъ поэта Пушкинъ,—ближайшій къ Веневитинову по вдумчивому, сознательному изученію и пониманію Байрона. Въ стихотвореніи «Подражателямъ», 1830-го года, онъ обрисовалъ идеальный образъ художника, «въ борьбѣ съ тяжелою судьбою познавшаго мѣру вышнихъ силъ», «постигнувшаго таинства страданья», «окруженнаго нетлѣнными лучами» и «чтимаго подобно мученику». Ставя его поэзію внѣ подражанія, онъ убѣждалъ Мицкевича, не подчиняясь, итти своимъ путемъ, —конечно, себѣ указывалъ подобную же цѣль, и пошелъ къ ней. Совсѣмъ избѣгнуть подражанія онъ не смогъ. Стихотвореніе «Послѣдняя смерть», 1828 года, изображающее уничтоженіе жизни на землѣ, страшную, безлюдную пустыню, несомнѣнно внушено байроновскою «Darkness» [1]), которой суждено было вскорѣ вдохновить и другого, младшаго русскаго поэта, Лермонтова. Въ поэмѣ «Цыганка» или «Наложница» проведено, въ лицахъ цыганки Сары и Вѣры, внушенное «Корсаромъ» противоположеніе двухъ женскихъ характеровъ въ ихъ отношеніи къ порвавшему со свѣтомъ герою поэмы. Вступленіе къ ней, защищая автора отъ обвиненія въ безнравственности, прибѣгаетъ

[1]) „Тьма“ была переведена впервые въ „Новостяхъ Литературы“, 1825, 17.

къ пріемамъ, которыми Байронъ отстаивалъ свою свободу въ выборѣ легкомысленныхъ или распущенныхъ нравовъ для «Беппо» или «Донъ-Жуана». Но вліяніе идейное, возбужденіе къ самостоятельности, защитѣ личности, правъ мысли, были несравненно важнѣе невольныхъ подражаній. Въ томъ ходѣ развитія, который привелъ Баратынскаго отъ игривыхъ шалостей молодой фантазіи къ рефлексіи, пессимизму, весь строй байроновскаго раздумья, мятежъ, тоска и отчаяніе Манфреда, Гарольда, личная исторія поэта, раскрывшаяся передъ Баратынскимъ въ письмахъ и дневникахъ, были важною опорой. Но основная черта, которая заслужила поэту у современниковъ названіе Гамлета, парализовала творческую способность, болѣзненно развивъ унылую «Grübelei». Онъ не примкнулъ къ торжествующей благонамѣренности, не сохранилъ солидарности и съ литературными корифеями, съ которыми началъ свою дѣятельность; онъ шелъ одинокою тропой, лишь изрѣдка раскрывая,—какъ въ стихотвореніи на смерть Гёте,—какая немолчная работа творилась въ этомъ умѣ. Но русская дѣйствительность, доведя его до горечи отрицанія и сомнѣнія, подорвала его творчество. Изъ рядовъ байронизма, въ широкомъ смыслѣ слова, выбыла немалая сила. Такъ, въ ту же пору во Франціи байроническое движеніе понесло утрату, когда еще болѣе острый, все окутавшій мракомъ, пессимизмъ въ связи съ неизлѣчимой болѣзнью разстроилъ великія ожиданія, возбужденныя Альфредомъ де-Виньи, поэтомъ-мыслителемъ, столь схожимъ по судьбѣ съ Баратынскимъ.

Убыль, атрофія, отреченіе, успокоеніе, невольное безмолвіе лишали байроническую группу наиболѣе даровитыхъ ея дѣятелей, понижали общій тонъ. А мелкота не меньше прежняго суетилась, драпируясь въ эффектные наряды, упражняясь въ перепѣвахъ, передѣлывая и приспособляя сюжеты, характеры, настроенія. Байроновское эхо звучало въ лирикѣ и поэмахъ Подолинскаго, быть можетъ, наиболѣе даровитаго въ этомъ арьергардѣ, вынесшаго сильныя впечатлѣнія изъ близости, въ молодые годы, съ кружкомъ Пушкина и Мицкевича, но, неспособный подняться до міросозерцанія Байрона, онъ остановился на разработкѣ Гарольдовскихъ мотивовъ въ своихъ лирическихъ вещахъ и привлекъ къ колориту байроновскихъ мистерій восточныя краски поэмъ Мура, чтобы воспѣвать своихъ «Дивовъ и Пери». По выраженію Пушкина, «фантастическая тѣнь Чайльдъ-Гарольда сопровождала Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ ѳракійскимъ берегамъ»; онъ поддался «неизбѣжному для отправляющихся на Востокъ» подражанію байроновской поэмѣ въ «Ѳракійскихъ элегіяхъ» [1]). Онъ усвоилъ себѣ притомъ не

[1]) Элегіи Теплякова вышли въ Спб. въ 1836 г.

только оріентализмъ Байрона, пригодный для большей яркости картинъ съ натуры, но внесъ рядъ мыслей и мотивовъ изъ не-восточныхъ пѣсенъ «Гарольда». Его элегіи напомнили Пушкину «нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе». Безталанный Олинъ дошелъ до превращенія «Корсара», котораго сначала переводилъ прозой, въ трехъ-актную драму съ хоромъ и пѣснями [1]. Въ кругахъ дилеттантской молодежи, грѣшившей стихами и наполнявшей эстетическими интересами пустоту усмиренной и обезвреженной жизни, Байронъ съ смѣлымъ полетомъ фантазіи и чарующими художественными новшествами былъ предметомъ неистощимыхъ споровъ и обсужденій. О немъ говорили и изъ-за него ломали копья въ концѣ двадцатыхъ годовъ, какъ въ слѣдующемъ поколѣніи будутъ ратовать за Шекспира, Шиллера, Мочалова,—и журнальныя статьи, по большей части переводныя, являвшіяся на страницахъ «Московскаго Телеграфа», нелицемѣрно сохранившаго культъ англійскаго поэта, вмѣстѣ съ отголосками байронизма въ новѣйшихъ твореніяхъ Пушкина, являлись опорою для защитниковъ Байрона.

Въ бойкихъ наброскахъ съ натуры, составляющихъ бытовой фонъ статей Надеждина-Надоумки въ «Вѣстникѣ Европы» Каченовскаго (1830 г.), «Литературныхъ Опасеній» и «Сонмища нигилистовъ», выступаютъ въ пестромъ и шумномъ оживленіи литературныя вечеринки и эстетическія «курилки» въ московскомъ Латинскомъ кварталѣ, на Патріаршихъ Прудахъ и въ «Палашахъ», съ громогласными заявленіями фанатическихъ восторговъ и вызовами, бросаемыми отживающей школѣ, въ которыхъ еще звучатъ недавнія статьи «Телеграфа».

Критику-борзописцу, среди мертвенныхъ страницъ старомоднаго журнала выступавшему предтечей хлёсткихъ газетныхъ фельетоновъ, хотѣлось, обуздывая личные, несравненно болѣе широкіе вкусы и подлаживаясь къ брюзжанью старика-редактора, высмѣять шумиху праздныхъ разглагольствій, обличить вредъ литературной безформенности и безпринципности, которой онъ впервые придалъ кличку «нигилистической» (причемъ, въ глазахъ его, *нигилизмъ равнялся байронизму*). Но, распредѣляя выраженія мнѣній между крикливыми буршами или между собой и автоматомъ, получившимъ имя Тлѣнскаго и участвующимъ въ діалогѣ, не останавливаясь передъ комическими эффектами въ родѣ тоста Чадскаго, который «поднимаетъ бокалъ за упокой самаго великаго Байрона», Надеждинъ не въ состояніи развѣнчать поэта, отвергнуть его значеніе.

---

[1] „Корсаръ". Въ трехъ дѣйствіяхъ съ хоромъ, романсомъ и двумя пѣснями: турецкою и аравійскою. Заимствовано изъ англійск. поэмы лорда Байрона „The Corsair". Спб., 1827.

«Богъ судья покойнику Байрону,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу»; критикъ указываетъ на «страшный хаосъ, созданный гигантской фантазіей Байрона». Но онъ все же считаетъ его геніальнымъ поэтомъ, вѣритъ, что онъ «останется навсегда великимъ, хотя и зловѣщимъ свѣтиломъ на небосклонѣ литературнаго міра». Этотъ взглядъ онъ возьметъ съ собой потомъ на каѳедру и на свой диспутъ, когда впервые въ стѣнахъ университета разыгралась война противъ русскаго романтизма. Среди обличеній и укоровъ, звучащихъ и тамъ противъ Байрона, вырисовывается его величіе, хотя и сатанинское.

Надоумко несомнѣнно сгустилъ краски, возставая противъ хаоса, нигилизма, зараженія сплиномъ, окаменяющей Медузы. Опасности, которая оправдывала бы непомѣрное желаніе ратовать, спасать отъ гибели, не было. Офиціальная «народность», чуткая, подозрительная, допускавшая лишь преклоненіе передъ современнымъ порядкомъ, какъ «наилучшимъ изъ міровъ», не потерпѣла бы соціально обоснованнаго пессимизма, внушающаго людямъ, что въ этомъ мірѣ все живое осуждено глохнуть и гибнуть. Личная грусть и «сплинъ», вырываясь изъ такихъ разбитыхъ душъ, какъ горемыка Полежаевъ, не представляли повальнаго явленія. Когда Баратынскій осмѣивая рабскихъ подражателей Байрона, потѣшался надъ ихъ «жеманнымъ вытьемъ», это осужденіе, идущее отъ одного изъ наиболѣе вдумчивыхъ и склонныхъ къ меланхоліи русскихъ учениковъ Байрона, показываетъ, какими низкопробными казались участникамъ въ движеніи мнимо опасные факты, вызывавшіе заклинанія критика. Или охранителя здравыхъ взглядовъ тревожили не прекращавшееся даже въ пору затишья изученіе Байрона, журнальныя статьи о немъ, переводы, частыя ссылки, сличенія, параллели съ Пушкинымъ, и ему чудилась порча русской мысли и вкуса? Или его возмущало не переводившееся въ обществѣ отродье неповинныхъ въ литературѣ, но щеголявшихъ въ гарольдовомъ плащѣ проблематическихъ натуръ? Онѣгинъ, первый въ ихъ ряду, повелъ за собой подражателей; герои Марлинскаго дали много оттисковъ и слѣпковъ въ гостиныхъ, въ полку, на Кавказѣ; Печорину предстояло стать родоначальникомъ еще болѣе многочисленнаго потомства плохихъ копій; позже, въ одномъ изъ героевъ «Тарантаса», Иванѣ Васильевичѣ, Бѣлинскій узналъ «одного изъ тѣхъ, что корчили изъ себя Манфредовъ». Явленіе повсемѣстное, — его иронически освѣщали Бульверъ, Мюссе, Гейне, — не помѣшавшее нигдѣ серьезному росту байронизма. Но, быть можетъ, оно усиливало въ глазахъ критика опасность, придало мрачный фонъ безобиднымъ литературнымъ итогамъ...

Нѣсколько времени спустя послѣ первыхъ наѣздовъ противъ байронизма и его кумира Надеждинъ въ своей диссертаціи [1]) снова, и сильнѣе прежняго, постарался нанести ударъ врагамъ,—ученикамъ и учителю. Первыхъ онъ осмѣиваетъ какъ пигмеевъ, которые, ослѣпленные «молніеносным блескомъ адскаго величія Байрона, предаются въ тупости своей вакхическимъ восторгамъ», тогда какъ самому поэту, «знаменитѣйшему, наполнившему своей славой весь свѣтъ», онъ расточаетъ укоры. Это былъ «мужъ великихъ дарованій, но совершенно лишенный благочестія»; онъ представляетъ собой «абсолютнѣйшій типъ ужасающаго эгоизма», который, «все отвергнувъ, самъ себя низвергаетъ въ адскую пучину небытія». Онъ, преемникъ разрушителя Вольтера, «безбожными насмѣшками и поруганіями святыни (критикъ наиболѣе возмущенъ «Каиномъ») самъ же губитъ себя» и т. д.

Глухо раздавались громы проповѣдника, никого не поражая, не остановивъ ни одной изъ дѣйствующихъ въ литературѣ силъ, вызвавъ немногочисленныя возраженія. Самъ онъ, благодаря эстетической своей эволюціи или же житейской сообразительности смѣтливаго человѣка, «отдавшаго классицизму честь», достигшаго цѣли и ставшаго на свои ноги, выступилъ, въ «Телескопѣ и въ университетскихъ курсахъ, съ иною программой, которая въ состояніи была давать культурное крещеніе передовой молодежи тридцатыхъ годовъ [2]),—а въ то время, когда еще гарцовалъ на фельетонномъ рысакѣ Надоумко и потомъ въ докторскомъ облаченіи предавалъ анаѳемѣ великаго поэта, въ тиши барскаго захолустья той же Москвы, гдѣ ратовалъ обличитель, съ сказочной быстротой развивался замѣчательнѣйшій русскій послѣдователь Байрона.

II.

Кучка русскихъ стихотворцевъ, поддерживавшихъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ байроническую традицію, производитъ впечатлѣніе отряда, лишившагося вождя и дѣйствующаго вразсыпную. Еще недавно съ горячностью велъ его въ бой человѣкъ великихъ дарованій, преданный идеѣ, увлекаемый блестящею звѣздой, озарившею его путь. Теперь охлаждающее вліяніе переворота, захвативъ въ сильной степени

---

[1]) De origine, natura et fatis poëseos, quae romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica. Mosquae, 1830.

[2]) Въ первые годы новаго журнала еще замѣтны отголоски прежнихъ мнѣній Надеждина о Байронѣ; съ умысломъ переведена изъ „Edinburgh Review“ въ 1832 г. статья объ англійской поэзіи, съ укорами Байрону и Шелли. Впослѣдствіи въ томъ же журналѣ Бѣлинскій и Герценъ могли иначе оцѣнивать Байрона.

и его, отвело его отъ современности, замѣнило протестъ оппозиціоннаго поэта разсудочнымъ, тяжело переживавшимся компромиссомъ, въ «надеждѣ славы и добра», съ существующимъ порядкомъ, не посмѣвъ закрыть единственнаго почетнаго выхода,—сосредоточенія силъ на служеніи художественной красотѣ и чистому искусству. Повелителемъ байронической арміи онъ уже не могъ остаться, лозунга, ведущаго къ побѣдѣ, не могъ ей дать, потому что и самъ не вѣдалъ его болѣе. Она осиротѣла, словно растерялась въ безначаліи, стала растрачивать энергію въ разрозненныхъ попыткахъ удержать свое значеніе.

Но отмѣчены ли послѣднія одиннадцать лѣтъ, прожитыя Пушкинымъ послѣ декабрьскаго перелома, рѣшительнымъ разрывомъ съ столь дорогимъ ему въ бурные годы байронизмомъ, есть ли малѣйшее основаніе разобщать его съ движеніемъ, исключать его имя изъ числа выдающихся его приверженцевъ? Введенное въ обиходъ литературныхъ мнѣній неумѣренными сторонниками самостоятельности Пушкина толкованіе принимаетъ для зрѣлаго его возраста безусловное отреченіе отъ байронизма, принесеніе любимца въ жертву другимъ богамъ, отрезвленіе отъ демоническаго навожденія, которому не суждено уже повториться. Другое мнѣніе является результатомъ анализа произведеній и переписки Пушкина за тотъ же періодъ и изученія современныхъ «новообращенному» поэту сужденій критики и интеллигентныхъ слоевъ, которые, несмотря на видимыя отклоненія и новшества, не переставали вѣрить въ байроническія его сочувствія. Спорный вопросъ, цѣнный и для выясненія эволюціи литературнаго космополитизма, такъ широко развившагося у Пушкина, требуетъ рѣшенія и отъ историка русскаго байроническаго движенія, который чуть не поставленъ въ необходимость считаться съ страннымъ фактомъ ренегатства.

«Ни личный характеръ, ни воспитаніе, ни среда, ни традиціи не подготовили и не развили въ Пушкинѣ тѣхъ свойствъ, которыя выразились у Байрона въ *дѣйствительно пережитомъ* имъ титанизмѣ и привели къ геройскому подвигу его послѣднихъ дней». Къ такому выводу привело уже насъ изученіе основныхъ мотивовъ пушкинскаго байронизма въ пору его расцвѣта. Послѣ перелома это наблюденіе еще болѣе подтверждается отдѣльными фактами и общимъ составомъ пушкинскаго творчества. Неполное, ослабленное соотвѣтствіе его съ раннимъ образцомъ остается неизмѣннымъ до конца. Но былой энтузіазмъ былъ слишкомъ силенъ и продолжителенъ, онъ облагородилъ мятежное клокотаніе юношескаго протеста, раскрылъ далекіе горизонты и великія цѣли, возбуждалъ къ самостоятельности, заронилъ рядъ примѣчательныхъ замысловъ. Такія связи не прерываются, какъ бы превратно ни складывалась участь человѣка, какъ бы ни осложнялся его художе-

ственный обиходъ, переходя отъ единобожія къ эклектизму, свободно усвоивающему разнородные элементы міровой литературы. Это не модный нарядъ, который легко сбросить, задрапировавшись въ иной, пластически красивѣйшій, будь онъ съ плеча Шекспира или Гёте. Не было такого времени, когда бы Пушкинъ являлся безусловно шекспиристомъ, гётеанцемъ, ученикомъ Вальтеръ-Скотта, но была пора, когда всею душою прильнулъ онъ къ Байрону. Это была первая его любовь, какъ самъ онъ, по извѣстному выраженію Тютчева, былъ «первой любовью Россіи». Она не забудетъ его, но и онъ никогда не забылъ Байрона, не охладѣвалъ къ нему.

Письмо къ Вяземскому отъ 10 октября 1824 г. даетъ высоко любопытное указаніе на намѣреніе поэта откликнуться изъ михайловской ссылки на кончину Байрона не однимъ лишь стихотвореніемъ «Къ морю», недоговоренность котораго была уже мною отмѣчена. «Посылаю тебѣ маленькое поминаньице за упокой души раба Божьяго Байрона,— пишетъ Пушкинъ.—*Я было и цѣлую панихиду затѣялъ*, да скучно писать про себя, или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго». Замершее на устахъ опечаленнаго поклонника сочувственное слово (неужели, помимо Бирукова съ Красовскимъ и цензурнымъ синедріономъ, оно не могло бы облетѣть всю страну въ видѣ свободной, нелегальной импровизаціи?) все же частично проявляется при первомъ же поводѣ. Такъ въ напоминающей сонмъ поэтовъ въ Дантовомъ лимбѣ картинѣ, открывающей стихотв. «Андрей Шенье», тѣнь Байрона введена въ кругъ великихъ художниковъ Въ перепискѣ, передъ концомъ ссылки, мысль поэта постоянно возвращается къ Байрону. Когда г-жа Кернъ прислала ему послѣднее изданіе байроновскихъ сочиненій во французскомъ переводѣ, онъ пишетъ горячее благодарственное письмо, въ которомъ симпатіи къ Байрону сливаются съ нѣжностью къ плѣнительной женщинѣ, такъ тонко отозвавшейся на его завѣтные запросы. Отнынѣ ея образъ будетъ неразлученъ въ его воображеніи съ тѣми, что создала байроновская фантазія. «*Ее* онъ будетъ видѣть въ Гюльнарѣ, Лейлѣ; идеалъ самого Байрона не могъ имѣть болѣе божественныхъ чертъ» (l'idéal de Byron lui même ne pouvait être plus divin). «Что за чудо Донъ-Жуанъ!»— слышится восторженный возгласъ въ письмѣ 1825 г., а затѣмъ вскорѣ пойдутъ мольбы прислать непремѣнно дальнѣйшія пѣсни поэмы (съ шестой).

Но всѣ эти показанія связаны съ концомъ ссылки, и въ нихъ еще можетъ отражаться несгладившееся впечатлѣніе смерти поэта. Вульфъ свидѣтельствуетъ, что «въ Михайловскомъ Пушкинъ былъ помѣшанъ на Байронѣ»,—хотя несомнѣнно, что къ тому же времени относится при-

стальное изученіе Шекспира и Вальтеръ-Скотта, которымъ общепринятое толкованіе приписываетъ побѣду надъ Байрономъ. Измѣнилось ли отношеніе къ нему Пушкина послѣ того, какъ роковая грань была перейдена? Факты даютъ отрицательный отвѣтъ. Въ отзывѣ о «Корсарѣ» Олина, 1827 года, выдающимися чертами «Чайльдъ-Гарольда» признаны «глубокомысліе и высота паренія», а «Донъ-Жуана» — «удивительное шекспировское разнообразіе»; поэзія Байрона «очаровательно-глубокая». Въ стихотвореніи того же года «Кто знаетъ край» проносится страдальческій образъ Байрона («И Байронъ, мученикъ суровый, страдалъ, любилъ и проклиналъ»). Стихотвореніе 1830 г. «Юсупову» отмѣчаетъ въ исторіи поэзіи моментъ, когда раздался «звукъ новой, чудной лиры, звукъ лиры Байрона»; рецензія на «Элегіи» Теплякова, говоря о неизбѣжности подражанія «Гарольду», указываетъ на «стремленіе *пойти по слѣдамъ генія*». Разборъ Батюшковскаго «Тасса» безконечно высоко ставитъ надъ нимъ «Lament of Tasso»; вступленіе къ «Полтавѣ» проникнуто боязнью состязанія съ «Мазепой». На одномъ изъ черновыхъ листковъ «Путешествія» Онѣгина набросана параллель между неизгладимостью воспоминаній о любви, когда само чувство уже исчезло въ душѣ нашей, и психическимъ состояніемъ байроновскаго гладіатора («такъ гладіаторъ у Байрона соглашается умирать, но воображеніе носится по берегамъ родного Дуная»).

Проходили годы, крѣпло и развивалось дарованіе Пушкина, расширялось знакомство съ міровой поэзіей, историческій романъ, драма, старина и народность, художественная пластика завладѣвали его творчествомъ, — но неизмѣнно горѣлъ огонь передъ жертвенникомъ, на которомъ въ юности онъ славилъ Байрона. Когда, незадолго до смерти, Пушкинъ-журналистъ, снова группирующій вокругъ себя передовое, гоголевское поколѣніе [1]), пишетъ для «Современника» сочувственную біографическую статью о Байронѣ, это послѣднее обращеніе къ его памяти завершаетъ непрерывную, идущую съ 1820 года, связь съ прежнимъ властителемъ думъ, совершенно не похожую на разрывъ и отреченіе.

Но къ кореннымъ причинамъ глубокихъ недочетовъ въ усвоеніи байронизма Пушкинымъ присоединилось вліяніе того гнета, который наложенъ былъ на его творчество новымъ порядкомъ вещей, ставившимъ

---

[1]) Высокое мнѣніе о Байронѣ передалось и Гоголю. Переписка его хранитъ слѣды этого отношенія къ поэту. Когда Гоголь былъ въ Шильонѣ, 1836, онъ, не посмѣлъ подписать свое имя подъ двумя славными именами творца и переводчика „Шильонскаго Узника“. Англія для него — предметъ удивленія, — „земля, которая, несмотря на дикія крайности, вырабатываетъ однакожъ безостановочно Байроновъ и Диккенсовъ“ и т. д. Письма Гоголя, изд. Шепрокомъ, I, 413, IV, 87.

преграды каждому сколько-нибудь свободному шагу, обратившимъ осыпанную милостями жизнь въ мученье. Все это объясняетъ, почему сбереженное вопреки всему сочувствіе и пониманіе совпадало съ еще болѣе ограниченнымъ усвоеніемъ. Съ того берега, на который его бросила судьба, онъ любовался красотами фантастическаго царства, смѣло созданнаго геніемъ-мыслителемъ, но, связанный въ движеніяхъ, не въ силахъ былъ возвести на топкой родной почвѣ такое же чудо ума и воображенія.

Но, въ извѣстныхъ—и немалыхъ—предѣлахъ байроновское вліяніе продолжало сказываться и среди изумительныхъ успѣховъ самостоятельности и народности, украсившихъ зрѣлый, примиренный и какъ будто уравновѣшенный періодъ. Изъ пушкинскаго Sturm und Drang'а прежде всего перешелъ въ него «Онѣгинъ», всецѣло зародившійся на байронической основѣ,—и нѣсколько лѣтъ, первыхъ лѣтъ николаевской поры, было пройдено поэтомъ объ руку съ привычнымъ спутникомъ въ Гарольдовомъ плащѣ. Въ неразлучномъ товарищѣ давно уже сгладились черты, которыя неопредѣленно придали ему характеръ двойника, словно въ параллель тождеству Гарольда съ Байрономъ. Выяснилось намѣреніе вывести въ немъ одну изъ жертвъ моднаго повѣтрія разочарованности, слабую копію съ глубоко задуманнаго оригинала, разукрашенную и окруженную таинственнымъ сіяніемъ лишь въ романтически-мечтательной головкѣ Татьяны. Когда очарованіе разсѣялось, и, заглянувъ въ мнимо-демоническій тайникъ, она нашла книжные источники пессимизма и пресыщенности и поставила о любимомъ человѣкѣ ироническій вопросъ о москвичѣ въ плащѣ Гарольда,—слѣдомъ за нею читатель проникается мыслью, что передъ нимъ характерный образецъ салоннаго Протея, способнаго настраивать свой психическій міръ въ духѣ послѣдняго слова современности. Появленіе Онѣгина въ новыхъ главахъ возбуждало (какъ казалось самому поэту) любопытство относительно наряда, въ который онъ закутается:

Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?

—спрашивалъ себя читатель.

Въ тѣхъ доляхъ, на которыя распадается поэма, начатая наканунѣ переворота, продолженная и законченная, когда лозунгомъ поэта стала объективность, послѣднія главы постепенно снимаютъ героическіе доспѣхи съ Онѣгина, вводятъ его въ реально бытовыя рамки, превращаютъ задумчиваго и скорбнаго beau ténébreux, съ налетомъ Weltschmerz'а, въ хандрящаго россіянина-барича, скучающаго странника по

землѣ своей, всѣмъ чужого, подъ конецъ лишившагося даже эффектно-властной роли среди женщинъ, вымаливая взаимность у отвергнутаго имъ когда-то существа. Отдаленіе между нимъ и его ранними вдохновителями, Гарольдомъ и Жуаномъ, возрастаетъ и разобщаетъ ихъ. Но байроническій отпечатокъ не сглаживается; слабѣя въ изображеніи главнаго характера, онъ неизмѣненъ въ тонѣ и складѣ повѣствованія. Усвоенныя Пушкинымъ у Байрона отклоненія отъ сюжета, съ обращеніями къ читателю, остроумными или печальными оцѣнками жизни, полемическими выходками, признаніями, пышно развились, съ небывалымъ въ русской поэзіи блескомъ и игрой ума, отвлекая часто (какъ въ «Донъ-Жуанѣ») вниманіе отъ разсказа. Въ бытовыхъ и описательныхъ частяхъ, картинахъ общественной жизни или нравовъ деревни, сказывается самобытное развитіе примѣровъ, данныхъ великимъ мастеромъ. Путешествіе Онѣгина задумано и выдержано въ полу-тѣнь съ Паломничествомъ, подставляя барскій сплинъ, ищущій разсѣянія и острыхъ впечатлѣній, сплинъ «не-дѣланія», страданію за человѣчество и возбуждающимъ рѣчамъ байроновскаго странника. Когда же пришла пора спустить занавѣсъ, закончивъ сказаніе о россійскомъ Гарольдѣ не то счастливымъ союзомъ съ Татьяной (какъ повидимому предполагалось), не то урокомъ семейной морали, и нить разсказа оборвалась, поэтъ грустно разстается съ спутникомъ, причудливымъ, страннымъ, когда-то близкимъ, потомъ разгаданнымъ. Это—грусть Байрона въ заключительныхъ строфахъ «Ч. Гарольда», когда наступило послѣднее прощаніе съ двойникомъ, такъ же поблекшимъ отъ времени и отступающимъ въ глубь сцены, чтобы дать свободно проявиться геніальности поэта.

Личная судьба Онѣгина и образъ его столь же мало нужны были, ко времени окончанія поэмы, для посредствующей роли; они отслужили свою службу. На байронической основѣ возникъ общественный романъ, еще не богатый психологической глубиной, но съ живыми чертами быта, народности, природы, воспроизведенныхъ съ небывалой свободой письма. Отражаясь даже въ мелкихъ, не выдающихся, повѣствовательныхъ опытахъ, тотъ же переходъ къ самостоятельности, какой показала исторія «Онѣгина», привелъ къ созданію такихъ остроумныхъ шалостей, какъ «Графъ Нулинъ» и «Домикъ въ Коломнѣ». Не скоромныя французскія сказочки, стиля «Vert-Vert», а «Беппо»—образецъ ихъ. Поэтъ не послѣдовалъ вполнѣ за нимъ, не слилъ съ жанровой картиной колкую политическую и общественную сатиру, которая въ венеціанскомъ анекдотѣ Байрона поминутно вспыхиваетъ. Онъ окружилъ сюжетъ,—внезапно напомнившую его попытку комически обработать, въ современныхъ нарядахъ, исторію Лукреціи и Тарквинія,—аппаратомъ веселости, насмѣшливости, наблюдательности, не уступающимъ «Беппо» и тѣмъ частямъ

«Донъ-Жуана», гдѣ царствуетъ юморъ, находя, какъ Байронъ, иногда острое удовольствіе дразнить общественное цѣломудріе. Бытовыя краски «свѣта» и мѣщанской жизни раскинуты по этимъ этюдамъ съ натуры такъ же ярко, какъ обрисованъ венеціанскій ménage à trois, окруженный распущенностью карнавала, а стихотворная форма, невиданный блескъ небрежной игры размѣромъ и риѳмой, звонкой и гибкой красотой рѣчи—свободная варіація удивительныхъ вольностей, художественнаго жонглированія стихомъ, которое такъ типично у Байрона и не покидало его до смерти.

Подъемъ интереса къ старинѣ, родной или всеобщей, развившагося у Пушкина подъ соединеннымъ вліяніемъ Шекспира, вальтеръ-скоттовской романической реставраціи, изученія Карамзина, лѣтописей и пѣсенъ, считается противоядіемъ вліянію байронизма. Но одинъ изъ главныхъ художественныхъ результатовъ новаго влеченія—«Полтава»—стоитъ на прежней почвѣ, подготовленной англійскимъ предшественникомъ. Поэма открывается эпиграфомъ изъ Байрона. Предполагалось назвать ее «Мазепа», но, по словамъ Пушкина, остановила мысль о встрѣчѣ съ такимъ же заглавіемъ байроновской поэмы; несомнѣнно сдерживало также опасеніе встрѣтиться въ деталяхъ сюжета съ тѣмъ же главнымъ лицомъ, хотя у Байрона юношескій эпизодъ изъ жизни Мазепы, бѣшеная скачка его, привязаннаго къ дикому степному коню, имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ старость, почетное положеніе и измѣна гетмана. Дороги обоихъ поэтовъ, повидимому, разошлись. Для *русскаго*, и именно *петровскаго* фона поэмы Байронъ ничего не могъ дать Пушкину, передъ которымъ все ярче раскрывался духъ преобразовательной эпохи, переломъ въ нравахъ и понятіяхъ, образъ реформатора. Но въ романическомъ эпизодѣ, вставленномъ въ историческую оправу, Пушкинъ не могъ удержаться отъ пріемовъ байроновскаго пошиба. Изъ фабулы «Мазепы» онъ не повторилъ ея основы (какъ сдѣлалъ Гюго и Лермонтовъ—въ наброскѣ 1831 г. «Мазепа») [1]), разработкой которой у Байрона восхищался. Встрѣчаются оба поэта лишь въ изображеніи бѣгства гетмана съ Карломъ XII и привала въ степи. Но общее вліяніе Байрона все же сказалось. На характерѣ гетмана видно отраженіе типа пылкой, закаленной жизнью натуры, сохранившей энергію, честолюбіе, мстительность, несмотря на годы,—типа, выведеннаго и въ восточныхъ поэмахъ, и въ «Паризинѣ», и въ «Марино Фальеро». Съ героемъ послѣдняго произведенія онъ всего ближе по юношеской страстности, увлекающей оскорбленнаго честолюбца въ опасный мятежъ и измѣну. Отдаляясь отъ

---

1) О переработкахъ сюжета „Мазепы“ въ связи съ поэмой Байрона—см. D. Engländer, Lord Byrons „Mazeppa“, Berlin, 1897.

образца въ сентиментально разработанной исторіи любви къ Маріи, этотъ характеръ, далеко не лишенный жизненности, реально-вѣрными чертами своими связанъ съ однимъ изъ развѣтвленій байроновскаго героическаго типа. Но и въ подробностяхъ слышатся порой отголоски Байрона. Такъ, мотивъ изъ «Гяура» (повторенный оттуда и Мальчевскимъ) перенесенъ, даже съ сохраненіемъ вопросительной формы, въ эпизодическомъ появленіи казака въ степи, который «при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ» и своей скачкой нарушаетъ таинственную тишину пустыни.

Другой вопросъ: *что* могло выйти и что вышло изъ соединенія исторіи и вымысла, байроновскаго пережитка и украинской старины, старческой любовной романтики и честолюбія венеціанскаго дожа, живописной смѣси, облеченной въ изящный стихотворный нарядъ? Бѣлинскій еще въ 1843 г. рѣшилъ этотъ вопросъ строгимъ приговоромъ, находя, что «*Полтава* не вышла ни эпической поэмой, ни романтической, байроновской». Участіе симпатій къ Байрону даже въ обработкѣ русской исторической темы остается все же любопытнымъ фактомъ.

Пушкинская лирика послѣдняго періода сохранила многія изъ созвучій съ байроновской субъективной поэзіей, которыя сказались въ юношескомъ лиризмѣ. Ихъ нѣтъ лишь тамъ, гдѣ затронуты политическіе и общественные взгляды. Байроновскій радикализмъ несовмѣстимъ ни съ «Бородинской годовщиной», «Клеветникамъ Россіи», ни съ неудачно прикрытою именемъ свободомыслящаго патріота Пиндемонте profession de foi, которая равнодушна къ тому, «свободно ли печать морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура», и ставитъ выше всего возможность «себѣ лишь самому служить и угождать, для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи», такъ какъ безразлично «зависѣть отъ властей или зависѣть отъ народа». Но тамъ, гдѣ «гидра воспоминаній», судъ надъ собой, общеніе съ природой овладѣютъ поэтомъ, онъ въ искреннихъ изліяніяхъ встрѣчается съ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ Шенье научилъ его когда-то магическому искусству задушевной элегіи. Жизнь ставила его въ эти годы въ такія условія, которыя сильно будили въ немъ байроновскіе отголоски. Такъ повліяло второе посѣщеніе Кавказа, мятежно предпринятое бѣгство вдаль отъ гнета, одна изъ характернѣйшихъ вспышекъ сдержаннаго, но не подавленнаго инстинкта вольности. Не вернулось горячее настроеніе, которое испытано было среди первыхъ впечатлѣній, какъ не вернулась юность, но сурово-величественная природа, раскрывавшаяся передъ поэтомъ, когда онъ впервые углублялся въ кавказскія нѣдра, на пути въ Грузію и Эрзерумъ, равная той, что обвѣяла Манфреда и Гарольда, сильно захватила его. Тогда являются

такія стихотворенія, какъ «Монастырь на Казбекѣ», «Кавказъ подо мною», «Обвалъ»; когда поэтъ «одинъ въ вышинѣ стоитъ надъ снѣгами у края стремнины» и «отселѣ видитъ потоковъ рожденье и первое грозныхъ обваловъ движенье», оживаютъ картины швейцарской пѣсни «Паломничества» и нѣсколько разъ, съ увлеченіемъ поэта-пейзажиста, обрисованное Байрономъ роскошное явленіе въ заоблачной выси,—образованіе лавины, съ грохотомъ и блескомъ низвергающейся въ пропасть; въ подъемѣ духа пришельца съ грѣшной земли, когда онъ видитъ себя безмѣрно далеко отъ нея, на безграничномъ просторѣ, среди несокрушимаго величія, слышатся не менѣе дорогіе Байрону мотивы.

Но среди постылой жизни, насильно отвлекавшей къ себѣ отъ излишняго и опаснаго паренія, переживались порою приливы такого глубоко элегическаго состоянія, которое (какъ и лучшія созданія юношеской меланхоліи Пушкина) снова сближалось съ завѣтными изліяніями Байрона. Одна изъ выдающихся элегій, «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» (1830 г.), отъ скорби о неудовлетворенной и разбитой жизни и сожалѣній объ угасшихъ порывахъ молодости поразительнымъ переходомъ поднимается до идейнаго заявленія, вполнѣ байроновской силы. Между рѣшимостью «*жить, чтобъ мыслить и страдать*» и провозглашеніемъ, послѣ трагическаго изображенія гоненій, вражды, одиночества, «права мыслить нашимъ послѣднимъ, неотъемлемымъ правомъ»,—кровное родство. Мы видѣли, какъ это знаменитое мѣсто IV пѣсни «Гарольда» столь же возбудительно отозвалось въ «Беньёвскомъ», придя на помощь Словацкому въ наиболѣе острое время гоненія и разлада.

Такъ выяснятся фактическій составъ того, что слѣдуетъ признать пушкинскимъ «байронизмомъ». Сразу пылкій, очарованный, онъ въ разсудочной стадіи хранитъ преданіе и среди сложной творческой работы служитъ и ему. Это—не могучая двигательная сила, способная подъ знаменемъ боевой поэзіи поднять упавшую энергію литературныхъ сверстниковъ, вести проповѣдь освобождающихъ началъ, борьбу съ старымъ порядкомъ, вліять на цѣлую эпоху. Пушкинъ навсегда сохранилъ свойства «byronisant», которыя разглядѣлъ въ немъ Мицкевичъ. Въ поразительно вѣрномъ приговорѣ надъ русскимъ романтизмомъ, не сумѣвшимъ понять Байрона [1]), Бѣлинскій распространилъ осужденіе и на вождя романтическаго движенія, Пушкина. «Не только ты не понялъ новаго воителя,—говоритъ критикъ олицетворенному романтизму,—его не понялъ и тотъ великій русскій поэтъ, котораго ты такъ несправедливо называлъ своимъ и котораго еще несправедливѣе называлъ ты то сѣвернымъ, то русскимъ Байрономъ». Различныя, впослѣдствіи раскры-

---

[1]) „Русская литература въ 1842 году“.

тыя, данныя побуждаютъ насъ измѣнить формулу этого приговора. Пушкинъ понялъ значеніе и сущность байроновскаго переворота лучше и вѣрнѣе русскихъ современниковъ, уступая въ этомъ только Лермонтову, но личныя и общія условія не допустили его проявить сполна это пониманіе, открыто присоединиться къ движенію. Среди этихъ преградъ онъ не могъ быть и не былъ ни «сѣвернымъ, ни русскимъ Байрономъ»; къ нему титулъ еще менѣе подходитъ, чѣмъ къ выступавшимъ уже въ нашемъ обзорѣ западнымъ поэтамъ первой половины вѣка, которыхъ молва вѣнчала байроновскимъ ореоломъ. Но каковы бы ни были недочеты его гласнаго байронизма, данное вліяніе на Пушкина, и въ прямыхъ его послѣдствіяхъ, и какъ стимулъ къ самостоятельности, составляетъ одно изъ немногихъ важнѣйшихъ явленій въ русской байронической поэзіи,—стало быть, и въ сложномъ, многовѣтвистомъ движеніи, которое Бѣлинскій обозначилъ именемъ «романтизма».

Въ тѣ же годы, къ которымъ привела насъ хронологія движенія, у Пушкина, конечно, хранилось больше сконцентрированной байронической энергіи, чѣмъ у кого-либо изъ поэтовъ. Это знали, чувствовали, подозрѣвали всѣ, кому о томъ знать надлежитъ. Нападки на подражателей Байрона, часто не называя Пушкина и нанося удары неопредѣленному врагу, направлялись на поэта. Иногда—пріемъ новый и любопытный—нападали на Байрона, разумѣя подъ нимъ Пушкина и какъ будто полемизируя только съ англійскимъ его вдохновителемъ. Въ такомъ тонѣ выдержано критическое преніе Булгарина съ «Московскимъ Вѣстникомъ». Стоило Пушкину пустить «окогченную летунью», эпиграмму, въ станъ противниковъ,—ему, казалось, выбывшему изъ рядовъ байронизма, напоминали его баройническіе грѣхи и издѣвались надъ ними. Прежній союзникъ, Полевой, въ «Московскомъ Телеграфѣ» отвѣчалъ на остроумное пушкинское «Собраніе насѣкомыхъ» съ карикатурами педантовъ, клеветниковъ и обскурантовъ, стихотворною стряпней, выводящей въ комическомъ багажѣ Пушкина потуги перенимать Байрона,—«вотъ Чайльдъ-Гарольдія смѣшная, вотъ Донъ-Жуанія моя» и т. д. Въ двойномъ походѣ противъ распространенія байронофильства Надеждинъ постоянно имѣлъ въ виду Пушкина, хотя и избѣгалъ называть его. Въ невидимаго врага цѣлится своими выходками Надоумко въ бесѣдѣ съ Тлѣнскимъ, «сонмище нигилистовъ» въ неистовыхъ эксцентричностяхъ опирается на русскаго Байрона, диссертація направляетъ обличенія противъ скрытаго зачинщика зла.

Опасенія не были излишними. Для новаго поколѣнія этотъ будто бы раскаявшійся байронистъ, заподозрѣнный въ неискренности обращенія къ здравымъ понятіямъ, могъ дѣйствительно являться проповѣдникомъ осужденнаго направленія. Весь циклъ его произведеній, возникшихъ

въ связи съ байронизмомъ, сдѣлавшись художественнымъ достояніемъ грамотной массы, былъ на лицо, глубоко западая въ сознаніе болѣе воспріимчивыхъ натуръ и направляя ихъ по тому же пути,—сколько бы самъ виновникъ движенія ни отдалялся отъ него къ чистому искусству. Подготовительной школой для байронизма Лермонтова были наряду съ произведеніями Байрона, необыкновенно рано прочтенными, байроническія поэмы Пушкина и его лирика. Записныя книги полны попытокъ пересказать по своему «Цыганъ», «Кавказскаго плѣнника», вложить въ уста пушкинскимъ героямъ чувства и мысли, терзавшія одинокаго мечтателя-несчастливца. Въ цѣпи вліяній, соединяющихъ Байрона съ величайшимъ русскимъ его послѣдователемъ, особенно цѣннымъ звеномъ была поэзія Пушкина. Не развилось въ глубокое и стройное цѣлое байроническое ея содержаніе, высшихъ художественныхъ успѣховъ достигла она на иномъ пути,—но въ несложной исторіи русскаго байронизма нѣтъ славнѣе именъ, чѣмъ имя творца Печорина и его предтечи.

III.

Не только въ русской вѣтви школы Байрона, но и въ ея общеевропейскомъ развитіи немного встрѣтится выдающихся силъ, которыя были бы такъ рано и послѣдовательно подготовлены фактами жизни, предрасположеніями нервной организаціи, литературными вліяніями, къ своей дѣятельности, какъ Лермонтовъ. Вмѣсто сибаритской, полной баловства и бездѣлья, обстановки, окружавшей отрочество Мюссе или Пушкина, семейный разладъ, возмущеніе противъ несправедливости, неравенства и нетерпимости, манящій къ себѣ таинственный образъ жертвы гоненія и зла, отца-мальчика,—долгое время безсмѣннаго оригинала его «странныхъ людей». Гордо-застѣнчивая замкнутость въ себѣ, горячая дѣятельность мысли, съ недѣтской запальчивостью устремившейся къ рѣшенію противорѣчій и загадокъ жизни, нервные переходы отъ экстаза къ глубокой грусти, нервная тоска по отвѣтному чувству, дружбѣ, любви, гложущее сознаніе роковой судьбы натуры избранной, но непонятой, осужденной погибнуть, не оставивъ слѣда,—весь сложный составъ данныхъ былъ уже достояніемъ полуребенка, отрока, развивался вмѣстѣ съ нимъ, не ожидая серьезныхъ испытаній, житейской борьбы, которыя для большинства лермонтовскихъ сверстниковъ-байронистовъ бывали прелюдіей къ ихъ обращенію. Байронъ необыкновенно рано сталъ на пути этихъ склонностей и влеченій, далъ отвѣтъ на нихъ, поразилъ сходствомъ запросовъ, протеста, грусти, таинственныхъ душевныхъ движеній, демонической гордости. Тогда какъ Мюссе, Гейне, Сло-

вацкій, Мицкевичъ испытали байроническое увлеченіе уже послѣ того, какъ юношеская поэзія прошла иными путями и чествовала иныхъ боговъ, а для Пушкина часъ байронизма пробилъ послѣ «лицейскаго періода», послѣ французской игривости, анакреонтическихъ шалостей, «Руслана» съ его отголосками то Вольтера, то Аріоста, наконецъ послѣ культа Шенье, поэзія Байрона была для Лермонтова-подростка однимъ изъ главныхъ пособій по развитію литературнаго вкуса; она вошла въ отборную, рѣдкую въ то время, программу домашняго воспитанія, въ которой Байронъ встрѣчался съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Лессингомъ, новыми французскими поэтами. Съ дѣтства впитывалъ онъ въ себя духъ байроновскаго творчества, какъ святыню унесъ эти впечатлѣнія въ школу, университетъ, юнкерство, въ петербургскій свѣтъ, на Кавказъ *и остался* вѣрнымъ имъ навсегда.

Его воспитатель-англичанинъ познакомилъ его, и притомъ *въ подлинникѣ* (немалое преимущество въ то время) съ разнообразными видами байроновской поэзіи; въ ученическихъ тетрадяхъ найдены переводы не только изъ восточныхъ поэмъ, «Гяура», но и—изъ «Беппо». Тутъ же списанный «Шильонскій узникъ» въ переводѣ Жуковскаго, о бокъ съ столь же благоговѣйно сбереженнымъ въ дѣтской копіи «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», откуда на чуткаго мальчика снова повѣяло байроновскимъ духомъ. Это—чтенія и впечатлѣнія двѣнадцатилѣтняго подростка. Байронъ становится неразлучнымъ его спутникомъ всюду, и въ барскихъ хоромахъ въ Москвѣ, и въ затишьѣ Тархановъ или Середникова, гдѣ «съ огромнымъ томомъ байроновскихъ сочиненій онъ блуждалъ по уединеннымъ мѣстамъ большого сада» [1]), гдѣ въ тѣни его любимца, стариннаго дуба, записная книга, первая наперсница его поэзіи, покрывалась импровизаціями,—и въ школѣ. Отъ ничтожества и пошлости жизни,—насколько онъ могъ ее узнать,—отъ несправедливостей и страданій, преувеличенныхъ чуткой фантазіей до трагизма, отъ горькой доли, которая казалась ему безпросвѣтной, онъ переносился въ фантастическій міръ подвиговъ рѣзко очерченной личности, съ мятежной волей, сильными страстями, бросившей вызовъ всему, что освящено вѣками, и отождествлялъ ее съ собою. Въ носящемся передъ воображеніемъ, обаятельномъ призракѣ реальное сливается съ сверхъ-естественнымъ, демоническимъ. Въ неопытномъ стихотворствѣ онъ и воплощается въ двухъ оттѣнкахъ; здѣсь первые силуэты изъ героической галереи, которая проходитъ потомъ по всей лермонтовской поэзіи, углубляя сходство съ оригиналомъ,—здѣсь и зародышъ миѳа о демонѣ, пережившаго съ поэтомъ всѣ тревоги и переходы его судьбы.

---

1) Висковатовъ, Біографія Лермонтова, Соч. Лерм. 1891, 46.

Какъ у Пушкина, у Лермонтова въ ряду первыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ отъ чтенія Байрона, наиболѣе сильное вызвали восточныя поэмы, особенно «Корсаръ». Рядомъ съ попыткой создать *своего* «Кавказскаго плѣнника», ни въ чемъ не подвинувшей біографію героя до его появленія на Кавказѣ (и тутъ повторяются намеки на то, что «несчастный человѣкъ погубилъ» какія то «святыя сердца упованья») въ той же записной книгѣ находится поэма «Корсаръ». Въ пространномъ монологѣ разбойника, передающаго «друзьямъ» (очевидно, не станичникамъ) повѣсть своей злополучной жизни, въ началѣ напоминая разсказъ Бонивара: «Друзья, взгляните на меня. Я блѣденъ, худъ, потухла радость въ очахъ моихъ»,—проведена исповѣдь гонимаго судьбой неудачника, котораго «непрерывныя страданія сдѣлали пиратомъ». Послѣ смерти брата онъ бѣжитъ въ Грецію, желая, чтобъ «турокъ сабля роковая пресѣкла горестный его удѣлъ». Байроновское эллинофильство отразилось въ скорби пришельца о позорной участи Греціи («страданье осталось только въ той странѣ, гдѣ прежде греки воспѣвали ихъ храбрость, вольность») и въ хвалѣ героизму борьбы за независимость. Но жажда сильныхъ ощущеній сводитъ его не съ инсургентами, а съ корсарами; «маврскій опытный пловецъ» провелъ его къ нимъ «межъ островами», и съ той поры судьба его рѣшена. Но, храбрый и кровожадный, Конрадъ ничѣмъ не можетъ заглушить душевнаго разлада; «въ сердцѣ таится пламень безотрадный», онъ «ждетъ чего-то страшнаго и томится». Когда же въ гречанкѣ, спасенной отъ кораблекрушенія, его поражаетъ глубина грусти, раздумье его усиливается. «Съ тѣхъ поръ онъ не знаетъ покоя и окаменѣлъ для нѣжныхъ чувствъ». Но раскаянье, недовольство собой, измѣняя образъ личности неукротимой, не удовлетворили байрониста-новичка. Не дописавъ «Корсара», онъ отклонился къ другимъ планамъ. Въ стихотвореніи «Преступникъ», которое снова служитъ *разсказомъ атамана*, слышится безсердечное признаніе закоснѣлаго старика-разбойника («старикъ преступный, я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой. Но жаръ подавленный очнется, когда *за волюшку мою*, въ кругу удалыхъ, приведется, что чашу полную налью... и ножъ мой окровавленный воткну, смѣясь, въ дубовый столъ»). Звѣрство разбойника какъ будто смягчается мщеніемъ за поруганный народъ; въ первоначальномъ планѣ «Ангела смерти» долженъ былъ выступить «мрачный и кровожадный *начальникъ грековъ*. Но для разбойничьей романтики, на которую вмѣстѣ съ Байрономъ могли вліять шиллеровскіе «Räuber», еще не настала пора развитія. Лермонтовъ вернется къ ней въ полной зловѣщаго мрака повѣсти «Горбачъ Вадимъ», и накинетъ разбойничью епанчу на борца противъ закоснѣлаго быта, Арсенія въ «Бояринѣ Оршѣ».

Не разрывъ, не открытую войну трагически протестующаго бандита

съ людьми и предразсудками стремится онъ изобразить съ горячностью исповѣди. Преждевременная для него, неопытнаго въ скорби, но понятная даже въ ранніе годы у человѣка, въ чьемъ воображеніи отражались, переживались, сплетаясь въ мрачныхъ сочетаніяхъ, несовершенства, печали и ужасы жизни, исповѣдь влагалась въ уста на половину реальнаго существа, оставшагося среди людей, но постигшаго ихъ ничтожество и злобу, прослывшаго «страннымъ», но не сдающагося. «Все бросилъ онъ, какъ лживый сонъ»,—читаемъ въ одномъ изъ раннихъ и слабыхъ стихотвореній этого типа (1829);—«не зналъ онъ друга межъ людей; вездѣ одинъ, природы сынъ. Такъ жертву, средь сухихъ степей, мчитъ бури токъ, сухой листокъ». Это—прелюдія къ рѣчамъ, которыя поведутъ въ юношескихъ драмахъ Волины, Арбенины и иные двойники поэта, разрабатывая мотивъ гордаго, почти мизантропическаго протеста.

Въ основахъ недовольства еще много неяснаго. Права личности, требующей самоопредѣленія, или заступничество за угнетенную и безправную массу, свое или міровое горе, неудовлетворенность чувства, или гнѣвъ на равнодушіе къ великимъ и вѣчнымъ вопросамъ побуждаютъ къ заявленіямъ, становящимся все безпощаднѣе? Даже въ тщательнѣе обработанной драмѣ «Menschen und Leidenschaften» встрѣчаются «*любовь къ свободѣ человѣчества,* которую люди почитали вольнодумствомъ», и безнадежность заявленій «разочарованнаго душой двадцатилѣтняго старика» о безумствѣ желать жить, счастьѣ тѣхъ, кто уже умеръ или сумѣлъ прервать жизнь самоубійствомъ. «Безумцы, желаемъ жить... какъ будто два-три года что-нибудь значатъ въ безднѣ, поглотившей вѣка, *какъ будто отечество или міръ стоитъ нашихъ заботъ, тщетныхъ какъ жизнь!*» Изъ общественныхъ золъ неравенство, сословность, нетерпимость, прежде всего представляются обличителю; жертва ихъ— изрѣдка появляющійся изъ таинственнаго сумрака передъ сыномъ отецъ, котораго онъ надѣляетъ всѣми талантами и блестящимъ происхожденіемъ, у него передъ глазами. Громы въ «Испанцахъ» противъ неравенства и владычества знати отмѣчаютъ этотъ тезисъ общественной программы. Для развитія ея многаго недоставало; въ школѣ Байрона, гдѣ онъ встрѣтилъ отвѣтъ на грезы о личной своей долѣ и поэзію борьбы, онъ долженъ былъ найти и призывъ къ общимъ задачамъ, стимулъ къ пониманію участи народа, положенія современнаго человѣчества; наставало не только художественное развитіе, но и гражданственное воспитаніе,—и, какъ ни спорили съ этимъ радикализмомъ унаслѣдованныя барскія традиціи, въ заявленіяхъ мнѣній Лермонтова, къ началу его байронизма, чувствуется уже осужденіе стараго порядка и попытка защиты правъ народныхъ. Въ «Странномъ человѣкѣ» онъ высказывается про-

тивъ крѣпостничества. Въ стихотв. «Жалобы турка», получившемъ характеръ «письма къ другу-иностранцу», подъ псевдонимомъ оттоманскихъ порядковъ несомнѣнно изображается Николаевская Русь. Это—«дикій край, гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ», гдѣ «являются порой умы и твердые, и хладные, какъ камень, но мощь ихъ давится безвременной тоской, и рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень», гдѣ «рано жизнь тяжка бываетъ для людей», гдѣ «за утѣхами несется укоризна, гдѣ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!» «Другъ, этотъ край—моя отчизна!»—сѣтуетъ, подъ маской турка, поэтъ, ставя въ центрѣ картины порабощеннаго края трагическую фигуру даровитаго и гонимаго неудачника.

Пробуждающаяся политическая требовательность привела Лермонтова къ наиболѣе выразительному въ раннемъ періодѣ заявленію принциповъ,— сочувствію іюльской революціи и стихотворенію студента-первокурсника, говорившаго Карлу X: «Ты могъ быть лучшимъ королемъ. Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ народъ унизить подъ ярмомъ, но ты французовъ не узналъ! Есть судъ земной и для царей!» [1]) Не заглохнутъ никогда зароненныя въ молодой умъ мысли; онѣ поборются въ поздніе годы съ случайными приливами шовинизма, приведутъ къ смѣлости стихотворенія на смерть Пушкина и, одержавъ верхъ, сложатся къ концу жизни Лермонтова (въ обратномъ ходѣ сравнительно съ политической эволюціей Пушкина) въ идеалъ общественнаго служенія поэзіи. «Безъ Байрона,—говоритъ Спасовичъ,—изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ». Байроновская поэзія, встрѣтивъ его на порогѣ сознательной жизни, придала «широту полета» и борьбѣ за права личности, и общему предназначенію поэзіи.

Юношеская лирика и драмы, носящія также лирическій характеръ, съ увлеченіемъ усвоивали и другіе оттѣнки байроновскаго творчества. Поэзія природы,—одно изъ украшеній зрѣлаго періода,—пробуждается подъ вліяніемъ поэтической живописи Байрона. Она пользуется сначала даже готовыми ея формами. Стих. «Мой домъ» развиваетъ тему извѣстной пантеистической картины въ «Гарольдѣ» («Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ» и т. д.); въ неотдѣланномъ стихотвореніи 1830 г. поэтъ, вспоминая кавказскія величавыя красоты, привѣтствуетъ «синія горы Кавказа, *престолы природы, съ которыхъ, какъ дымъ, улетаютъ*

---

[1]) Какъ своеобразно совпадаетъ это сочувствіе перевороту съ энтузіазмомъ, который овладѣлъ при вѣсти о немъ декабристами! Фонвизинъ передалъ эту вѣсть товарищамъ на пути изъ Читы въ Петровскій острогъ. Всю ночь слышалось веселье и „ура", изумлявшее часовыхъ.—„Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в." 1905, 63.

громовыя тучи». Поражала мрачная фантастика грезъ въ родѣ «Darkness»; эта пьеса была переведена Лермонтовымъ сначала въ прозѣ, потомъ свободно пересказана въ стихахъ («Ночь II»). Малѣйшій поводъ, сходство, сближеніе вызывали отголоски байроновскихъ мотивовъ. При взглядѣ на картину Рембрандта, изображающую неизвѣстную личность въ монашеской одеждѣ и поразившую загадочнымъ выраженіемъ глазъ, вспыхиваетъ сравненіе съ Манфредомъ, Ларой, удрученными тайной преступностью, и пишется стихотвореніе «На картину Рембрандта», гдѣ, обращаясь къ художнику, поэтъ ставитъ его пониманіе души человѣческой въ связи съ психологіей Байрона: «Ты понималъ, о мрачный геній, тотъ грустный, безотчетный сонъ, порывъ страстей и вдохновеній, все то, чѣмъ удивилъ Байронъ», и пытается отгадать, кто тотъ неизвѣстный, что магнетически влечетъ его къ портрету: «не бѣглецъ ли знаменитый? *Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ высокій умъ его убитъ»*...

Но тяготѣніе къ Байрону, общеніе съ его поэзіей и личностью еще шире развилось, когда въ рукахъ Лермонтова очутилась біографія, написанная Муромъ. Какой экстазъ овладѣваетъ юношей! Изъ неизданныхъ стиховъ, переписки, дневниковъ, воспоминаній, слагался образъ, поражавшій еще сильнѣе, чѣмъ та догадка о немъ, которую давали произведенія. Любимый поэтъ стоялъ теперь въ ясномъ отраженіи подлинной личности,—и Лермонтовъ съ трепетомъ узнавалъ собственныя черты. Ни у одного изъ европейскихъ байронистовъ не найдемъ столь опредѣленнаго убѣжденія не въ солидарности только или сходствѣ, но въ тождествѣ съ натурой Байрона. Въ стихотвореніи надписанномъ «Къ***, прочитавъ книгу Мура», это убѣжденіе страстно вырывается у поэта наружу:

... Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ.
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Сходство видитъ онъ во всемъ: онъ рано, въ дѣтствѣ, полюбилъ,—Байронъ въ отроческіе годы испыталъ первую сильную привязанность; «съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ марать стихи, онъ какъ бы по инстинкту

переписывалъ и прибиралъ ихъ; Байронъ дѣлалъ то же, это поразительно» и т. д. Не останавливаетъ его различіе между колоссальною личностью борца противъ твердынь стараго порядка и вступающимъ въ жизнь, испытавшимъ лишь семейный разладъ, юношей, среди баловства и нѣги рвущимся на волю, навстрѣчу неясному еще идеалу. Сходясь съ молодымъ Байрономъ, а еще болѣе съ Руссо, въ способности вызывать сложныя терзающія представленія, страдать, возмущаться, обрывать тяжелой развязкой то, что не существовало нигдѣ кромѣ воображенія, онъ вѣритъ, что «его прошедшее *ужасно*». Эти «мрачныя картины» его біографъ [1]) могъ въ извѣстномъ смыслѣ признать «химерами», хотя врядъ ли можно утверждать вмѣстѣ съ нимъ, что «Лермонтовъ не былъ ни гонимъ, ни оскорбляемъ, а просто уменъ и впечатлителенъ».

На сердцѣ его не только «кипятъ звуки», нетерпѣливо ожидая поэтическаго выраженія, но бродятъ и волнуются силы, требующія проявленія и болѣе прежняго возбуждаемыя примѣромъ борьбы, не остановленной никакими преградами. Много властнаго, эгоистическаго въ его влеченіяхъ и запросахъ, но неподкупный судья его поступковъ, двойникъ, котораго онъ рано созналъ въ себѣ, берегъ какъ святыню, и надѣлилъ имъ Печорина, стоитъ на стражѣ; онъ порукой, что благородныя, гуманныя влеченія возьмутъ верхъ. Но не показала ли ему біографія Байрона, что раздвоеніе натуры на дѣйствующую и анализирующую было и его удѣломъ, мукой и гордостью?..

Въ пылу соревнованія съ Байрономъ юноша молитъ судьбу: о, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ! Въ чемъ? Въ участи человѣка, отвергнутаго отечествомъ, преданнаго отлученію, вѣчнаго скитальца, принесшаго другимъ народамъ свои великіе дары,—въ призваніи вольнодумца, съ сарказмомъ Люцифера разжигающаго недовольство и сомнѣніе, заговорщика и инсургента, научающаго людей освобождаться, или поэта личности, повѣдавшаго міру въ чудныхъ звукахъ свои страданія и грезы, и увѣнчаннаго ореоломъ генія? Но развѣ среди дремлющаго родного правовѣрія могло раздаться титанически-кощунственное слово, среди безвременья и упадка политической энергіи могла проявиться смѣлая агитація, расшатывая устои старой фальшивой нравственности,—и эти подвиги рѣшилъ рано или поздно взять на себя едва проявившій дарованіе, одиноко развивавшійся поэтъ?.. Неудивительно, если съ признаніемъ сходства своего характера и предназначенія съ судьбою Байрона встрѣчаются у Лермонтова, почти въ ту же пору, мысли о томъ, что ему суждено осуществить байроническіе завѣты, но съ *русскимъ*

---

[1]) Несторъ Котляревскій, „Мих. Юр. Лермонтовъ“, 1891, 39—41.

содержаніемъ. Тогда, параллельно съ заявленіемъ, что у него съ Байрономъ «одна душа, однѣ и тѣ же муки», слышится отрицаніе:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ.
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.

Но національнаго оттѣнка «русской души», въ отличіе отъ души британской, его поэзія долго не проявляетъ. Яркія краски «Пѣсни про Калашникова», поразительнаго видѣнія Руси XVI вѣка, и предсмертный поворотъ къ народности—факты далекаго будущаго. Русская душа «гонимаго міромъ странника» указываетъ скорѣе на личную независимость послѣдователя отъ общаго образца. Онъ «не много совершитъ», но то, что выразится въ его поэзіи, будетъ отраженіемъ *его* душевной жизни (какое любопытное предвѣстіе такого же заявленія Мюссе!). Но темпераменты обоихъ поэтовъ такъ сродны, что новое въ едва слагающемся творчествѣ является повтореніемъ излюбленныхъ байроновскихъ мотивовъ.

Его личное горе отражается въ изліяніяхъ и образахъ, усвоенныхъ у Байрона. Въ драмѣ «Странный человѣкъ» приводится стихотвореніе Арбенина, съ поясненіемъ, что «есть что-то особенное въ духѣ этой пьесы, и что она въ нѣкоторомъ смыслѣ—подражаніе Байронову «The Dream»; разочарованіе, зрѣлище чужого счастья проведены въ русской обстановкѣ, на берегахъ Клязьмы, рядомъ картинъ, какъ въ «Сновидѣніи», гдѣ запечатлѣлась исторія несчастной любви къ Мэри Чэвортъ. Въ «Двухъ братьяхъ» повторенъ байроновскій укоръ людямъ, обвиняющимъ въ человѣконенавистничествѣ того, кто полонъ гуманныхъ стремленій, и усилена лишь мстительная развязка. Лермонтовскій герой «былъ готовъ любить весь міръ, но его никто не любилъ, и онъ выучился ненавидѣть». Романтически задуманная «Литвинка» въ самодѣльныхъ и нереальныхъ краскахъ старины повторяетъ сюжетъ «Лары»; въ Арсеніѣ снятъ портретъ съ байроновскаго героя; вступленія въ обѣихъ поэмахъ совпадаютъ. Среди сбереженныхъ зрительной памятью изъ ранняго дѣтства картинъ Кавказа выступаетъ наконецъ наиболѣе сложный изъ героическихъ характеровъ перваго періода, Измаилъ-бей, съ роковой участью, поставившей его между двумя расами и культурами, съ борьбой гуманныхъ проблесковъ и варварства, съ тревогой ничѣмъ неудовлетвореннаго вѣчнаго странника, разбитой любовью, взрывами на-

туры мстительной и властной,—и въ немъ не только сходятся въ концентрированномъ видѣ, цѣльнѣе и правдоподобнѣе, черты Волиныхъ, Арбениныхъ, Арсеніевъ, Александровъ, но снова отражается образъ Лары въ его психопатической и мрачной душевной жизни. Такая же непроницаемая тайна окружаетъ его прошлое и ходъ новыхъ мыслей, такъ же безумно быстръ онъ въ убійствѣ и мщеніи, такъ же удрученъ болѣзненными сновидѣніями, неспособенъ понять женское самоотверженіе и глубокое чувство мнимаго Селима, который равенъ пажу, геніюхранителю Лары. Поэма «Каллы», наряженная въ горскія одежды, но съ эпиграфомъ изъ «Абидосской невѣсты», вызываетъ тотъ же образъ бурной и преслѣдуемой судьбою натуры. Вездѣ, несмотря на рѣшимость пройти своимъ путемъ, лишь въ сочувствіи съ Байрономъ, идетъ повтореніе, варіація его образовъ и темъ. Особенностью повторенія является развѣ усиленіе красокъ, внушенное склонностью молодого поэта къ мрачнымъ тонамъ. «Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Лермонтова»,—говоритъ Спасовичъ,—«зато выступило наружу все багровое, злобное, демоническое, ставъ такою силой, что Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона».

Въ этой *силѣ*—своеобразный смыслъ склонности къ демоническому, сверхъестественному освѣщенію героической личности,—второму виду лермонтовскаго героическаго типа, имѣющему свою исторію развитія рядомъ съ эволюціею борца противъ общественнаго строя. Эта исторія ведетъ начало отъ пансіонскаго плана «Демона» и завершается иронической оглядкой зрѣлаго человѣка на слабый, младенческій бредъ въ «Сказкѣ для дѣтей», гдѣ крылатый демонъ, падшій ангелъ, превращается въ тонко-остроумнаго салоннаго чорта.

Въ родословной «Демона» два литературныхъ источника, связывающихъ грезу поэта съ западной поэзіей,—сродныя фабулы у де-Виньи и Байрона. Близость къ красивой фантазіи де-Виньи, «Eloa», чувствуется особенно въ раннихъ редакціяхъ поэмы, гдѣ за стремленіемъ отмстить божественной силѣ въ самомъ свѣтломъ, непорочномъ ея созданіи скрыто неугасшее у отверженнаго ангела влеченіе къ свѣту, счастью и радости,—гдѣ развязку составляетъ гибель искренно полюбившей дѣвушки,—гдѣ, даже въ несовершенной формѣ, знаменитый монологъ, раскрывающій передъ дѣвой царственное величіе демона, слѣдуетъ близко за французскимъ оригиналомъ [1]). Но съ вліяніемъ де-Виньи встрѣчается,

---

[1]) Допуская для своего демона возможность искупленія благодаря любви чистаго существа, Лермонтовъ стоялъ уже на пути дальнѣйшаго развитія темы у Виньи, который въ дневникѣ своемъ намѣтилъ продолженіе „Eloa“,—„Satan sauvé par la

связана богатая полоса въ русской художественной литературѣ,—отъ державинской оды и «Горскихъ князей» Нарѣжнаго къ Грибоѣдову, Пушкину, Марлинскому, А. Одоевскому и Лермонтову, къ «Казакамъ» и «Кавказскому плѣннику» Толстого, отразился рядомъ «горскихъ» темъ еще въ раннемъ байронизмѣ Лермонтова, обходившемся отголосками перваго путешествія на Кавказъ. Теперь общій колоритъ, схваченныя когда-то на лету бытовыя краски кажутся ему игрой дѣтской фантазіи. Всѣми самобытными сторонами влечетъ его къ себѣ новый міръ. Зароненный Байрономъ оріентализмъ ни у кого не развился въ такую полную картину природы, быта, народной души; кавказовѣдѣніе Лермонтова оставило далеко за собой грёзы Гейне или Мура объ Индіи, турецкія темы Гюго, Словацкаго, Вильг. Мюллера. Отъ воплощенія борьбы двухъ расъ и культуръ въ картинѣ Востока, вставленной въ величаво-задуманную, въ духѣ байроновскихъ темъ изъ царственно-горной природы, оправу «Спора» двухъ гигантовъ, до цикла характеровъ, въ которыхъ безъ романтическихъ прикрасъ *старо*-байроновской драпировки выразился душевный закалъ горца, страсти, влеченія, суевѣрная фонтазія, богатырство, женская доля,—весь бытъ, принявшій въ свою среду опальнаго поэта, оживаетъ отнынѣ въ его созданіяхъ. Кавказскіе типы его— не костюмированныя байроновскія копіи Марлинскаго, но прямые потомки наиболѣе жизненныхъ, поэтически-правдивыхъ характеровъ автора «Донъ-Жуана». Даже столь мало реальный, но завѣтный для поэта, уже испытавшій вліяніе Люцифера, образъ Демона развился теперь съ большею мощью въ томъ краю, который издревле былъ родиной стихійно-величавыхъ миѳовъ и, рядомъ съ своимъ изводомъ легенды о богоборцѣ-Прометеѣ, могъ придать широкій полетъ иному, демоническому противнику божества. Тотъ же край далъ, взамѣнъ мнимо-испанскаго ландшафта первыхъ редакцій, живыя краски кавказской природы и народнаго характера, которыя сдѣлали необыкновенно реальнымъ фонъ волшебнаго вымысла.

Лермонтовская поэзія природы—въ частности поэзія горъ, до него слабо развитая въ русскомъ творчествѣ—имѣетъ также два возбуждающихъ источника. Байронъ и здѣсь прошелъ впереди съ богатствомъ натуръ-поэзіи въ его поэмахъ и лирикѣ, и вызвалъ таившіяся способности пейзажиста-поэта,—но и природа страны съ контрастами вѣчныхъ снѣговъ и цвѣтущихъ долинъ подѣйствовала на воображеніе, разсыпала свои дары такъ, какъ не въ силахъ была это дѣлать свинцово-сѣрая природа сѣвера. Кавказъ далъ Лермонтову превосходный описательный матеріалъ, потребовавшій образнаго поэтическаго языка; жизнь природы, ея душу въ связи съ настроеніями въ психическомъ мірѣ человѣка научилъ понимать и выражать пантеизмъ Байрона. Окрѣпнувъ подъ этими

вліяніями, лермонтовская поэзія природы безостановочно и широко развивалась, охвативъ не только грандіозное, но и простое, скромно окрашенное, то, что далъ ему родной сѣверъ, когда онъ сознаяъ, что «любитъ его странною любовью».

На Кавказѣ, въ первую же ссылку вольнодумца, когда переворотъ въ судьбѣ и уроки жизни побуждали преодолѣть внутренній разладъ и, не сдаваясь врагу, противопоставить ему не истерзанное сомнѣніями, горделиво несчастное одиночество, но дѣятельную, въ живой связи съ народнымъ благомъ, работу проповѣдника культурной идеи,—сильно двинулся впередъ этотъ процессъ, давно подготовлявшійся и завершонный, когда изъ кавказскаго отшельничества судьба снова привела поэта на родину, представшую въ иномъ свѣтѣ. Встрѣчи и связи съ декабристами на Кавказѣ, впечатлѣнія водворяемаго въ краѣ «барабаннаго просвѣщенія», крѣпостничество, произволъ, крайній милитаризмъ, вліяніе новой литературы и критики, сближеніе съ людьми типа Бѣлинскаго—двигали впередъ перевоспитаніе. Надломленное, губящее свои силы существо былыхъ героевъ, среди всеобщихъ нуждъ и запросовъ, гнета и несчастій, не могло не казаться ему отнынѣ болѣзненнымъ и преходящимъ; насталъ безпристрастный судъ и возрождающій переломъ. На этомъ пути снова, и съ большею силой, онъ испыталъ вліяніе Байрона.

Не было ли обращеніе Лермонтова къ призванію всенародному сходно съ тѣмъ еще болѣе глубокимъ переворотомъ, который пережилъ авторъ «Гарольда» и восточныхъ поэмъ, завоевавъ себѣ славное имя въ освободительномъ движеніи современности? Факты послѣдняго періода байроновской жизни и дѣятельности были все время налицо передъ его приверженцемъ, но лишь теперь онъ былъ настолько подготовленъ, чтобы для новыхъ высшихъ цѣлей покинуть прежнихъ вдохновителей, Корсара, Лару, весь штатъ геніально-мрачныхъ неудачниковъ.

Но для того, чтобы выйти свободно, съ облегченнымъ сознаніемъ, на этотъ путь, необходимо было продумать до крайнихъ логическихъ послѣдствій символъ вѣры разочарованія и демонизма, вызвать на судъ влеченія и мысли, съ нимъ связанныя, и послѣ исповѣди передъ самимъ собой порвать съ прошлымъ. Такой исповѣдью, играющей въ жизни Лермонтова роль «Вертера» въ жизни Гёте, явился «Герой нашего времени».

Брандесъ видитъ въ Печоринѣ «байронизмъ въ его сильнѣйшемъ и и утонченнѣйшемъ выраженіи» и называетъ лермонтовскаго героя «Прометеемъ новѣйшаго времени, прикованнымъ къ кавказской скалѣ» [1]. Этотъ взглядъ критика нуждается въ пересмотрѣ и перестройкѣ. Приня-

---

[1]) Georg Brandes. Menschen und Werke, 1994 („Puschkin und Lermontow", 302).

тый въ полномъ его объемѣ, онъ совпалъ бы съ оцѣнкой Печорина какъ *положительной* личности,—оцѣнкой, принадлежавшей большинству современниковъ романа и тонко осмѣянной Лермонтовымъ въ одномъ изъ предисловій къ нему. Печоринъ, созданный по образу и подобію трагически горделивыхъ и таинственно преступныхъ героевъ, такъ же немыслимъ, какъ и надѣленный міровой скорбью. Печальная развязка судьбы человѣка выдающагося, съ задатками гуманности и отзывчиваго чувства, но душевно разбитаго, одинокаго и безполезнаго, не подходитъ ни къ титану, ни къ грустному мыслителю. Дорожная карета, уносящая Печорина, преждевременно постарѣвшаго и уныло-равнодушнаго, въ невѣдомую, безразличную для его тоски даль,—плохая замѣна горнаго замка, гдѣ Манфредъ заперся отъ людей и жизни, безстрашный даже въ смертный часъ. Кровная связь автора съ вымышленнымъ лицомъ, которому онъ повѣрилъ свои мысли и наблюденія, слѣдя за его дѣйствіями съ несомнѣннымъ сочувствіемъ, не переходитъ черезъ тотъ предѣлъ, когда началась бы идеализація. Въ этой близости мерцаетъ пережитое и передуманное, но уже отжившее, критически освѣщаемое. Для героическаго типа, созданнаго подъ вліяніемъ Байрона, черты неподходящія, отрицательныя. Не звучало ли уже первоначальное заглавіе (покинутое Лермонтовымъ для менѣе выразительнаго) грустно-насмѣшливымъ предостереженіемъ противъ возвеличенія Печорина? «*Одинъ изъ героевъ нашего времени*»... Какъ будто бываютъ времена, когда героическое, величественное можетъ группироваться въ цѣлые легіоны!.. Мюссе выразился опредѣленнѣе, излагая признанія «сына своего вѣка».

На характерѣ лермонтовскаго «сына вѣка» несомнѣнно много удержалось изъ ранняго байроновскаго обихода. Если Печоринъ среди праздной и двусмысленной петербургской жизни былъ надѣленъ сочувствіемъ къ англійскому поэту, то въ кавказскомъ эпизодѣ, когда личность его выясняется, байроническія связи вполнѣ обозначились. Физіономическія особенности сближаютъ его съ Ларой; «глаза не смѣялись, когда онъ смѣялся,—это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти»,—«that smile might reach his lip, but pass'd not by, none e'er could trace his laughter to his eye». Раздвоеніе натуры опредѣленно признается, и Печоринъ знаетъ, что «въ немъ живутъ два человѣка». Слышавшійся въ юношескихъ драмахъ укоръ людямъ въ неспособности понять чистыя стремленія и клеветническомъ усиліи навязать ему злобу и ненависть, развитъ сильнѣе чѣмъ когда-либо («моя безцвѣтная молодость прошла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ, лучшія чувства я схоронилъ въ глубинѣ сердца. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды?.. За что они всѣ меня ненавидятъ?»). Столь

же байроническій оттѣнокъ борьбы и счетовъ съ людьми приданъ двойнику Печорина Вернеру, въ которомъ соединены свойства «скептика и матеріалиста, а вмѣстѣ съ этимъ поэта на дѣлѣ и часто на словахъ, хотя и не написавшаго двухъ стиховъ». Для довершенія сходства понадобилась зачѣмъ-то и физическая примѣта,—Вернеръ «худъ и слабъ, какъ ребенокъ, одна нога его короче другой, какъ у Байрона»...

Высказанная съ небывалой въ русской литературной психологіи искренностью «усталость жить» и неутолимое безпокойство, то влекущее къ новымъ призракамъ счастья, то требующее остраго наслажденія чужими страданіями, не находя никакого примѣненія силъ, переходя, наконецъ, въ безотчетно роковое скитальчество,—патологическая сторона Печорина, являясь исповѣдью поэта, въ то же время опирается на сродныя и потому такъ глубоко усвоенныя черты у Байрона и переноситъ на русскаго лишняго человѣка испытанія Гарольда и Манфреда.

Но правда изображенія этой патологіи ведетъ не къ ея возвеличенію; типъ складывается отрицательный; байроническая школа не обогатилась законченнымъ героическимъ образомъ, какъ можно было бы заключить изъ формулы Брандеса. И вмѣстѣ съ тѣмъ Байронъ указалъ тому, кто произнесъ надъ собой безпощадный приговоръ, и достойный выходъ. Съ этой стороны Печоринъ двойною связью соединенъ съ поэзіей и жизнью Байрона. Онъ погибнетъ, и долженъ погибнуть, но изъ разрушенія возникаетъ живительная сила.

Перерожденію, обновленію, посвящены немногіе годы,—быть можетъ, точнѣе было бы сказать—мѣсяцы, — которые оставалось прожить Лермонтову. Отголоски старыхъ воззрѣній, недочеты общественно-политическаго и научнаго развитія иногда чувствуются и въ эту пору, — и странно сплетаются съ байроническими темами. Такъ, превосходно переложивъ изъ «Чайльдъ-Гарольда» эпизодъ объ «Умирающемъ гладіаторѣ», поэтъ отягчаетъ его моралью, вводя сравненіе гибнущаго борца— съ западной цивилизаціею, разбитой и утомленной—и это осужденіе источника, откуда въ николаевскую Русь шло освобождающее вліяніе, совпадаетъ съ столь же спѣшнымъ приговоромъ «Думы» надъ «молодымъ поколѣніемъ», изсушившимъ умъ познаньемъ и сомнѣньемъ, и безполезнымъ для народа,—надъ поколѣніемъ Герцена и Бѣлинскаго!.. Славянофильскій дилеттантизмъ «Гладіатора» встрѣчается съ поэтическимъ культомъ Наполеона, который введенъ былъ въ европейскую поэзію Байрономъ изъ протеста противъ стараго порядка и подъ впечатлѣніями эпической славы,—и передался большинству послѣдователей поэта [1]). Но, не подорванное у него этимъ протестомъ и заступниче-

---

[1]) Новѣйшая работа объ отношеніи Байрона и англійскаго общественнаго мнѣнія къ Наполеону—Paul Holzhausen, Bonaparte, Byron und die Briten. Frankt., 1904.

ствомъ за низвергнутаго сына революціи, осужденіе наполеоновскаго самовластія и гнета не повторилось у Лермонтова. Словно парализованное охранительными соображеніями, но байроническое по замыслу, «Послѣднее новоселье», такъ восхитившее Бѣлинскаго, сохранило лишь мотивъ сердечнаго сочувствія къ павшей великой силѣ, несправедливо забытой народомъ.

Въ освѣжающей атмосферѣ, въ которую перенесло Лермонтова сближеніе съ Бѣлинскимъ и новою литературой, подобные недочеты, славянофильскія, даже шовинистскія противорѣчія должны были отпасть, національзмъ долженъ былъ уступить мѣсто искреннему и гуманному народничеству, призваніе поэта среди страдающей массы, не имѣющее ничего общаго съ жреческимъ священнодѣйствіемъ передъ престоломъ Красоты, но великое, вдохновляющее, несущее всѣмъ безъ различія свѣтъ и истину, сознательно опредѣлилось. На этомъ пути лермонтовскій байронизмъ послѣдней, лучшей формаціи, отбросившій скорбные мотивы и демонизмъ, сослужилъ великую службу. «Широкій полетъ», названный въ этюдѣ польскаго критика главнымъ результатомъ вліянія Байрона на Лермонтова, раскрылъ, наконецъ, передъ нимъ необъятный горизонтъ общечеловѣческаго развитія не для того, чтобы въ воздушномъ океанѣ пролеталъ могучій и надменный падшій ангелъ, но для того, чтобы слово поэта, какъ призывъ набатный, раздавалось свободно и громко въ дни печали и радости людской.

Слышатся новые, чудные звуки. «Сказка для дѣтей» покончила съ химерой демонизма; съ каждымъ стихотвореніемъ растетъ новый образъ поэта, дѣйствительно способнаго стать «Байрономъ съ русскою душой». Смерть нагло рветъ эти всходы, разрушаетъ надежды, и въ длинномъ свиткѣ избранныхъ именъ, связанныхъ въ европейской поэзіи съ вліяніемъ Байрона, появляется, на ряду съ лучшими именами, въ печальномъ сіяніи имя Лермонтова. Инымъ изъ его сверстниковъ удавалось полнѣе усвоить содержаніе творчества великаго учителя, но ни у кого байроновская поэзія не была въ теченіи всей жизни такою путеводною звѣздой, такою воспитывающей силой, которая для русскаго художественно-общественнаго развитія сберегла и взлелѣяла одно изъ славнѣйшихъ его украшеній.

IV.

Достигнувъ зенита въ поэзіи Лермонтова, русскій байронизмъ не въ силахъ былъ удержаться на ея высотѣ. Традиціонное сочувствіе и влеченіе сохранялось, правда, и въ литературѣ, и въ обществѣ. Черезъ Печорина и героевъ Марлинскаго связаны съ раннимъ байроновскимъ

пошибомъ тѣ мелькавшія въ общественныхъ слояхъ разочарованныя, демоническія, запоздалыя фигуры, съ которыми пришлось бороться натуральной школѣ и ея преемникамъ. Соллогубъ сдѣлалъ это въ «Тарантасѣ», талантливый дебютантъ-беллетристъ Авдѣевъ посвятилъ серію повѣстей разоблаченію въ «Тамаринѣ» блѣдной копіи съ печоринско-байроновскаго оригинала, въ закоулкахъ полу-мѣщанскаго міра нашелъ то же явленіе Островскій, и въ его Меричѣ («Бѣдная невѣста») есть фальшивыя блестки проблематической натуры. Будущіе творцы психологическаго и реальнаго романа, Тургеневъ и Салтыковъ, прошли сначала черезъ байронизмъ. Тургеневъ на третьемъ курсѣ университета написалъ «фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ подъ заглавіемъ *Стеніо*», въ которой Плетневъ нашелъ «съ дѣтской неумѣлостью подражаніе байроновскому Манфреду» [1]). Салтыковъ съ увлеченіемъ переводилъ (и печаталъ) лирическія стихотворенія Байрона [2]).

Въ «Мечтахъ и Звукахъ» молодого Некрасова, черезъ посредство Лермонтова, оказавшаго сильное вліяніе на него, откликаются байроническія темы, сомнѣнія, тревога, пессимистическія оцѣнки жизни, появленіе «въ часы раздумья коварнаго демона зла», попытки широкихъ картинъ міровой жизни (стихотв. «Мысль»—«спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый и т. д.). Будущій славянофильскій критикъ Аполлонъ Григорьевъ переводитъ лирику Байрона и подражаетъ ей [3]). Число переводовъ вообще возрастаетъ; они проникаютъ и въ выдающіяся изданія, и въ мелкую, непритязательную прессу («Литературная Газета», «Репертуаръ», «Пантеонъ», «Московскій Городской Листокъ»), появляются отдѣльно (въ 1846—47 гг., напр., два перевода «Донъ-Жуана»—Жандра и Любича-Романовича, одинъ хуже другого). Длительность интереса, перешедшая за грань четверти вѣка (съ 1818 года), конечно,

---

1) Литературныя и житейскія воспоминанія, Соч. Тургенева, I, 6.

2) „Современникъ", 1844 и 1845 гг.—Салтыковъ перевелъ, напр., „The spell is broken", „Impromptu" и др.

3) Въ „Московскомъ Городск. Листкѣ", 1847 г., среди работъ такихъ сотрудниковъ, какъ Герценъ („Станція Едрово"), Соловьевъ, Хомяковъ, Островскій, помѣщена критическая статья Григорьева по поводу перевода „Донъ-Жуана„ Любича-Романовича, съ любопытнымъ сравненіемъ Фауста и Донъ-Жуана. Сочувствіе Байрону Аполлонъ Григорьевъ сохранилъ навсегда. Такъ, въ „Русской Бесѣдѣ" 1856, III, въ письмѣ къ Хомякову „О правдѣ и искренности въ искусствѣ", онъ видѣлъ въ Байронѣ „пламенный поэтическій протестъ личности противъ всего условнаго въ окружающемъ общежитіи"; потому онъ можетъ быть судимъ только съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда, но не съ точки зрѣнія нравственности того общежитія, котораго муза его была казнью. „Не безнравственностью, а правдой увлекалъ онъ и доселѣ увлекаетъ поколѣнія, даже мудрецовъ, какъ Гёте, даже равныхъ ему, Пушкина и Мицкевича".

примѣчательна, но его распространеніе, захватывающее все шире общество, не встрѣчаетъ выдающихся силъ, способныхъ усвоить завѣты Байрона, воспитаться въ его школѣ для самостоятельнаго труда; новое время и новыя задачи отвлекаютъ тѣ дарованія, которыя сначала поддались очарованію; съ Лермонтовымъ какъ будто исчезло созвучіе и сродство вдохновеній и темпераментовъ съ Байрономъ.

Но именно въ это время художественной убыли растетъ и развивается вѣрное пониманіе того, чѣмъ *въ дѣйствительности* былъ Байронъ и что (несмотря на почетный титулъ «властителя думъ») не вполнѣ ясно сознавалось и главными дѣятелями нашего байронизма. Это—прежде всего заслуга критики Бѣлинскаго; съ нимъ долженъ раздѣлить ее въ своей публицистикѣ, и русской, и зарубежной, Герценъ.

Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», какъ будто находясь подъ вліяніемъ оцѣнокъ своего учителя Надеждина, Бѣлинскій соединяетъ съ признаніемъ великой поэтической силы Байрона укоръ въ односторонности. «Если Байронъ взвѣсилъ ужасъ и страданье, — говоритъ критикъ,—если онъ постигъ и выразилъ только муки сердца, адъ души, это значитъ, что онъ постигъ только одну сторону бытія вселенной, что онъ вырвалъ и показалъ намъ только одну страницу онаго». Но вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ философско-эстетическихъ путъ, съ ростомъ «соціальности», съ углубленіемъ въ смыслъ и задачи современнаго движенія въ Европѣ падаютъ оговорки и укоры, и значеніе Байрона опредѣляется вѣрно и увлекательно. Не говорю уже о томъ, что въ статьѣ «О раздѣленіи поэзіи на роды и виды» Байронъ въ поэмахъ и въ лирикѣ введенъ въ число образцовыхъ писателей,—или объ отзывѣ, сближающемъ Байрона съ В. Скоттомъ (1844), называя ихъ «великими поэтами, проложившими совершенно новые пути въ искусствѣ», считая, что «каждый изъ нихъ былъ Коломбомъ въ сферѣ искусства»,—эти отзывы слабѣютъ передъ превосходной лирической характеристикой Байрона, импровизованной, очевидно, въ минуту особеннаго подъема энтузіазма и проникнутой удивительной интуиціей. «Байронъ,—говоритъ въ 1843 г. Бѣлинскій,—это былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ. Не кометой, блуждающей и безобразной, былъ онъ, а новымъ духомъ, поборавшимъ за человѣчество, съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ, съ эгидой будущей побѣды, близкаго торжества». И вслѣдъ за этимъ горячимъ славословіемъ образца, кумира байронистовъ всѣхъ странъ, идетъ суровая и вѣрная оцѣнка русской ихъ группы, того байронизма нашего, чьи судьбы изслѣдованы въ настоящемъ этюдѣ,—и мы можемъ вполнѣ присоединиться по выводамъ къ тому, что болѣе полувѣка тому назадъ намѣчено было великимъ критикомъ. «А ты, добрый и невинный романтизмъ русскій, создалъ себѣ въ сво-

емъ ребячествѣ какой-то призракъ Байрона, столько же похожій на Байрона, сколько тѣнь, отбрасываемая на солнцѣ человѣкомъ, похожа на человѣка. *Да и гдѣ, изъ чего было тебѣ создать истинный идеализмъ Байрона?* Гдѣ взялъ бы ты глубокаго сочувствія всему человѣчеству, глухихъ рыданій, никому не видныхъ, но тѣмъ болѣе сокрушительныхъ,—ты, добрый юноша, съ глазами унылыми, но отъ модной тоски, съ щеками нѣсколько блѣдными, но отъ ночныхъ пировъ?..» [1]). Замыкающій этотъ приговоръ отзывъ о байроническихъ твореніяхъ Пушкина, также не постигшаго Байрона, и послѣдовательно проводимый критикомъ во всѣхъ разборахъ лермонтовской поэзіи взглядъ, признававшій, при байроническихъ связяхъ Лермонтова, самородный ходъ развитія его творчества, сходятся въ признаніи за Байрономъ великаго общечеловѣческаго значенія, которое не передается переимчивостью и подражаніемъ.

На той же почвѣ, но шире и свободнѣе развивая взглядъ, встрѣчается съ своимъ другомъ въ оцѣнкахъ Байрона Герценъ. Онѣ также проходятъ по всей его дѣятельности. Въ первой печатной его статьѣ—о Гофманѣ—въ «Телескопѣ» проведено сравненіе юмора Гофмана «съ страшнымъ, разрушающимъ юморомъ Байрона, подобнымъ смѣху ангела, низвергающагося въ преисподнюю, и съ ядовитой, адской, змѣиной насмѣшкой Вольтера». Въ переходномъ періодѣ еще слышатся отголоски этой ранней оцѣнки. Въ «Дилетантизмѣ въ наукѣ» Байронъ выставленъ пѣвцомъ своей эпохи, «мрачнымъ, скептическимъ поэтомъ отрицанія и глубокаго разрыва съ современностью, падшимъ ангеломъ, какъ его называетъ Гёте»,—но рамки изученія уже значительно расширяются; въ «Дневникѣ» 1842 г. ставится вопросъ объ отношеніи Эсхилова «Прометея» къ «Каину» Байрона [2]), а въ наброскахъ къ «Доктору Крупову» Титъ Левіаѳанскій беретъ изъ «одного англійскаго автора, Бирона», глубоко печальную мысль въ подтвержденіе теоріи о повальномъ безуміи людскомъ [3]). Эмиграція на западъ, непосредственныя связи съ отечествомъ Байрона, выстраданное политическимъ опытомъ и наблюденіемъ пониманіе европейской современности и ея прошлаго, близость съ такими энтузіастами Байрона, какъ Мадзини [4]), и много поводовъ въ публицистической дѣятельности опредѣлить значеніе поэта, приводятъ къ такимъ же выразительнымъ формуламъ, какія мы нашли

---

1) „Русск. литература въ 1842 году". Сочин., VII, 17—18.

2) Сочиненія А. И. Герцена. Женева, 1875, I, 13—14.

3) Сочиненія Герцена, X, 1879, „Aphorismata".

4) Слѣды этого вліянія—въ „Концахъ и Началахъ", X, 212, гдѣ характеризована статья Мадзини о Байронѣ и Гёте.

у Бѣлинскаго. Наиболѣе выдаются онѣ въ «Быломъ и думахъ», разсѣянныя на всемъ пространствѣ многолѣтнихъ мемуаровъ, спутниковъ великаго общественнаго дѣятеля. Кризисъ 1848 г. во Франціи и кровавая междоусобная расправа вызываютъ острыя и жгучія сопоставленія съ кризисомъ, пережитымъ Байрономъ,—первыя опредѣленныя указанія на общечеловѣческое значеніе соціально-политическаго его подвига. Въ недавно впервые напечатанномъ [1]) отрывкѣ 5-й части «Былого и думъ», по поводу кавеньяковскихъ разстрѣливаній, мучительно подѣйствовавшихъ на Герцена и его друзей, возникаетъ сравненіе удрученнаго ихъ состоянія съ мрачной байроновской картиной. «У Байрона есть описаніе ночной битвы; кровавыя подробности ея скрыты темнотой; при разсвѣтѣ когда битва давно кончена, видны ея остатки, клинокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись». Объясненіе байроновской роли, направленное въ эту сторону, уже не остановится. То выразится оно въ сравненіи Леопарди съ Байрономъ: у обоихъ «много убито рефлексіей, но стихъ иногда рѣжетъ, дѣлаетъ боль, будитъ нашу внутреннюю скорбь». Такія слова, стихи есть у Лермонтова, — прибавляетъ Герценъ. То проводится мысль о преемственности скептицизма въ Англіи, «гдѣ Байронъ естественно идетъ за Шекспиромъ, Гоббсомъ и Юмомъ»; то набросанъ яркій образъ байроновскаго Люцифера, — и, наконецъ, широко развившееся пониманіе выражается въ диѳирамбѣ, по страстности тона достойномъ стать на ряду съ отзывомъ Бѣлинскаго, но проникнутомъ глубокимъ трагизмомъ.

«Байронъ не могъ приладиться къ этой жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ со своимъ Гарольдомъ говоритъ кораблю: «неси меня, куда хочешь, только вдаль отъ родины». Но что же ждало его въ этой дали? Испанія, вырѣзываемая Наполеономъ, одичалая Греція, всеобщее воскрешеніе всѣхъ смердящихъ Лазарей послѣ 1814 г.; отъ нихъ нельзя было спастись ни въ Равеннѣ, ни въ Діодати. Байронъ не могъ удовлетворяться по-нѣмецки теоріями sub specie aeternitatis, ни по-французски—политической болтовней, и онъ сломился; но сломился какъ титанъ, бросая людямъ въ глаза свое презрѣніе. Разрывъ, который Байронъ чувствовалъ, какъ поэтъ и геній, сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ ряда новыхъ испытаній, послѣ грязнаго перехода съ 1830 къ 1848 г. и гнуснаго съ 1848 до сегодняшняго дня, поразилъ теперь многихъ, и мы, какъ Байронъ, не знаемъ, куда дѣться, куда приклонить голову...» *«Оттого-то я теперь и цѣню такъ высоко художествен-*

---

1) Въ сборникѣ „Освобожденія", по рукописи, сообщенной А. А. Герценомъ.

ную мысль Байрона». Онъ видѣлъ, что выхода нѣтъ, и гордо высказалъ это» [1]).

Пусть эта страстная рѣчь закончитъ собой нашъ этюдъ о русскомъ вкладѣ въ движенiе байронизма. Судьба этого вклада уже была такова, что вѣрное, широкое пониманiе Байрона настало слишкомъ поздно, когда для проявленiя его въ творчествѣ не было уже соотвѣтствующихъ силъ, когда насущные вопросы русской жизни отвлекли для культурной борьбы все даровитое въ иную сторону. Тогда казалось, будто эта борьба и байроническiе завѣты—несовмѣстимы. На Западѣ факты опровергли это утвержденiе. Не говоря уже о влiянiи Байрона на нѣмецкихъ «политическихъ поэтовъ» сороковыхъ годовъ, въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ годахъ, наконецъ почти въ наше время тамъ оживаютъ эти завѣты. Эпигоны байронизма, нѣмцы [2]), скандинавы [3]), чехи [4]), армяне [5]) выносили изъ увлеченiя и соревнованiя живой и дѣятельный интересъ къ нуждамъ своего народа и свободу художественнаго созданiя.

Къ новой нѣмецкой поэзiи было въ наши дни обращено пожеланiе «сподобиться новаго Байрона», но въ великую и трудную пору, которую переживаетъ теперь наше отечество, было бы еще большимъ благомъ, если бы раздался мужественный и животворный поэтическiй глаголъ истиннаго русскаго байрониста.

---

[1]) Сочин. Герцена, VIII, 1879 („Былое и Думы“, часть V), 358—361.

[2]) Новѣйшiй отпрыскъ нѣмецкаго байронизма—поэма Detlev v. Liliencron, „Poggfred, ein kunterbuntes Epos“ (Werke XI—XII).

[3]) Въ перепискѣ Ибсена, „Briefe v. Henrik Ibsen“, Berl. 1905, 179—180, есть необыкновенно характерное письмо о великой пользѣ для скандинавской литературы какъ можно шире узнать и усвоить Байрона, раскрываемой примѣромъ нѣмецкой поэзiи, которая обязана ему тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась.

[4]) Маха, Сабина, Фричъ, въ особенности Pfleger-Moravsky съ поэмой „Pan Vyšinsky“.

[5]) Выдающимся армянскимъ байронистомъ явился Шахъ-Азизъ съ поэмой „Скорбь Леона (1865). О немъ—книга Юрiя Веселовскаго: „Армянскiй поэтъ Шахъ-Азизъ“, 1905 г.

ПОЭТЪ ГУМАННОСТИ.

(На смерть Гюго.)

Въ лимбѣ Дантова Ада, на залитыхъ свѣтомъ лугахъ, счастливыя своими мечтами, творческими радостями и блаженной созерцательной жизнью, бродятъ, дружески сплетаясь, тѣни великихъ поэтовъ и мыслителей. Они ласково встрѣтили Данта.

Къ нимъ идетъ теперь новый пришелецъ съ грѣшной земли,—величавая тѣнь, съ осанкой героя, богатыря, съ даромъ звучнаго гармоническаго стиха и съ словами любви и всепрощенія на устахъ...

Фантазія невольно вводитъ ее въ такую легендарную, призрачную среду,—тогда какъ останавливается у порога такихъ демократическихъ усыпальницъ, какъ cimetière Montmartre или Волково кладбище, скрывшихъ навѣки не меньшихъ любимцевъ человѣчества. И въ жизни, и въ смерти такихъ людей, какъ Гюго, есть героическая, ни съ чѣмъ несоразмѣримая ширь и величавость.

Новымъ поколѣніямъ покажутся баснословными подвиги Гарибальди, разсказы о популярности Гюго. И теперь нѣтъ недостатка въ строгихъ судьяхъ, доказывающихъ у этихъ баловней судьбы разные промахи. И они правы. Попробуйте разобрать гарибальдійскіе походы съ точки зрѣнія высшей стратегіи, теоретически провѣрить трагедіи, романы, философскія поэмы Гюго... А Италія все-таки свободна и независима, и имя автора «Les Misérables» неизгладимо изъ народной памяти.

Жизнь древняго богатыря—готовая поэма. Славные поединки, избавленіе плѣнныхъ, оборона городовъ, борьба съ чудовищами. Новые вѣка, новые взгляды. Не одна только личная храбрость, исканіе невѣдомаго противника, съ кѣмъ бы помѣряться силами, а широкія, общенародныя, общечеловѣческія задачи увлекаютъ героическую личность; ея ареной становится исторія человѣчества, современныя его тревоги и нужды.

Это особенно поражаетъ у Гюго. Когда закрылись его очи, столѣтіе близилось къ концу; когда впервые ихъ коснулись солнечные лучи, «столѣтію исполнилось два года»,—и на всемъ этомъ огромномъ про-

межуткѣ жизнь его тѣсно связана съ военною, политическою, общественною и литературною исторіей Европы; вездѣ онъ въ первыхъ рядахъ борется, страдаетъ, зоветъ впередъ и ободряетъ усталыхъ. Будущій лѣтописецъ вѣка на каждомъ шагу встрѣтится съ этою всеобъемлющей личностью. Но передъ нимъ будетъ не глубокій политическій мудрецъ, прозорливо руководящій массами, а человѣкъ страстей, увлеченій, поэтъ во всемъ, даже въ практической дѣятельности. Судьба такъ воспитала его. Иному нужно немало усилій, чтобы вжиться въ тревожныя историческія эпохи,—Гюго съ дѣтства пережилъ всю современную исторію. И какое это было дѣтство, какія первыя впечатлѣнія! Лагерь наполеоновскихъ отрядовъ, перестрѣлка, раненые и убитые, порою бѣгство всей испуганной семьи передъ непріятелемъ, борьба отца съ неаполитанскими разбойниками и знаменитымъ Фра-Діаволо, народныя волненія въ Испаніи, содрогавшейся въ своихъ оковахъ. Потрясающія картины окружаютъ его колыбель, да и она «была поставлена на барабанѣ, святою водой ребенка окропили изъ старой каски, пеленали его въ лохмотья знаменъ; онъ любовался атакою быстро несущейся конницы, засыпалъ подъ звуки канонады» (ода девятая «Mon enfance»). Удивительно ли, что у него навсегда осталась склонность къ рѣзкимъ штрихамъ, яркимъ картинамъ, рельефнымъ характерамъ! А раннее вліяніе Испаніи, гдѣ всего дольше жилъ онъ въ дѣтскіе воспріимчивые годы, вліяніе испанской жизни и литературы, которую онъ изучилъ въ совершенствѣ, баллады и легенды, поэзіи рыцарства, любви и чести! Весь первый періодъ его поэтической дѣятельности подготовленъ такимъ дѣтствомъ, и читатель или зритель его юношескихъ бурныхъ драмъ долженъ перенестись изъ своей уравновѣшенной поры къ тѣмъ далекимъ и тревожнымъ годамъ, которые создали поэзію Байрона и Гюго и освѣтили путь Гейне.

Строгое монастырское воспитаніе, прервавшее скитанія ребенка вслѣдъ за арміей, не въ силахъ было заглушить волнующихъ воспоминаній. Въ первыхъ одахъ и балладахъ звучатъ еще они; боевыя картины отуманиваютъ голову юноши; Наполеонъ, о которомъ такъ много разсказывалъ ему, бывало, отецъ, окруженъ въ его глазахъ ореоломъ, какъ личность сильная, носитель славы, виновникъ величія Франціи. На немъ долго будетъ останавливаться съ удивленіемъ его взглядъ; ангелъ это или демонъ, все равно,—это герой въ сравненіи съ мелкотой, его смѣнившей. Да одинъ ли Гюго изъ того поколѣнія поддался культу Наполеона!...

Быстро мѣняется и складъ его юношеской поэзіи. Сначала этотъ лютый врагъ псевдо-классицизма пишетъ оды ничуть не хуже классиковъ, настраиваетъ лиру по поводу мелкихъ событій въ королевской семьѣ,

риторически изображетъ горесть «народовъ» о смерти Людовика XVIII, трогательно воспѣваетъ коронованіе бездарнаго Карла X; но для этого у него точно не свои слова, языкъ запутанный, метафоры неудачныя. Онъ еще такъ молодъ, и вліяніе матери-роялистки еще сильно! Но слишкомъ поспѣшили его зачислить въ кругъ придворныхъ стихотворцевъ. У него уже большой кружокъ друзей, поэтовъ-вольнодумцевъ, искателей новыхъ путей въ поэзіи и въ жизни. Онъ отваживается дать волю фантазіи, наряжаетъ музу въ экзотическій нарядъ «Orientales», переносится мыслью въ средніе вѣка, становится романтикомъ и въ предисловіи къ «Кромвелю» бросаетъ перчатку старой школѣ. Началась настоящая битва, и долго, пока не оставилъ онъ драму для романа и лирики, каждое новое произведеніе его было сраженіемъ, штурмомъ: слава «Эрнани» была взята съ бою послѣ пятидесяти представленій, одно шумнѣе другого, а «Маріонъ Делормъ» и «Le roi s'amuse» слѣпымъ цензурно-полицейскимъ гоненіемъ и отважными отвѣтами поэта возведены были въ роль важныхъ политическихъ фактовъ.

На далекомъ разстояніи, въ болѣе спокойную литературную эпоху, оглядываясь на вызванную Гюго и быстро разгорѣвшуюся войну романтизма, потомокъ иронически покачаетъ головой и улыбнется. Но онъ будетъ не правъ. Боги, которыхъ свергалъ Гюго и его друзья, были жалкими глиняными слѣпками съ громовержцевъ; не противъ Корнеля выступили юноши,—у Гюго было тогда слишкомъ много точекъ соприкосновенія съ нимъ, и богатырскіе образы, подобные Сиду, неотразимо его привлекали,—молодежь ратовала противъ новѣйшихъ представителей академическаго классицизма, нетерпимыхъ и чопорныхъ, и провозглашала свободу творчества. Лихорадочный пульсъ бьется въ предисловіи къ «Кромвелю»; поэтъ хотѣлъ бы широко раскрыть врата, чтобы въ міръ искусства могла проникнуть вся жизнь, съ ея вѣчными контрастами добра и зла, великаго и смѣшного; народный бытъ, подонки общества, сельская природа,—все получало доступъ въ поэзію. Намъ непонятны споры о законности такого разнообразія, но мы въ значительной степени обязаны этимъ борьбѣ отважныхъ, длинноволосыхъ юношей, въ огненныхъ жилетахъ и бандитскихъ шляпахъ, двигателей литературной революціи, которая такъ тѣсно связана была съ іюльскою революціей 1830 года.

Такой протестъ былъ необходимъ; онъ освѣжилъ воздухъ и очистилъ путь для новой литературы; вышли на свѣтъ истинная критика въ лицѣ Сентъ-Бёва, романъ Бальзака и Жоржъ-Зандъ, лирики современной школы. За такіе результаты можно простить ошибка, сдѣланныя сгоряча, въ началѣ схватки. Драмы Гюго пестрѣютъ ужасами, мрачными страстями, загадочными или зловѣщими личностями; иныя подробности

долго вызывали упрекъ въ неестественности; атаманы разбойниковъ являются благородными героями, лакей—влюбленнымъ въ королеву и грезящимъ о политической роли, разбитная куртизанка Маріонъ—способною глубоко полюбить. Cosas de España! восклицали бывало, читая или слыша о чемъ-нибудь необычайно сложномъ и диковинномъ,—«это бываетъ только въ Испаніи!» Но другъ Гюго, Поль де-Сенъ-Викторъ, попробовалъ серьезно произнести это восклицаніе по поводу двухъ пьесъ поэта, взятыхъ дѣйствительно изъ испанской жизни, «Эрнани» и «Рюи-Блаза»; онъ обратился къ современнымъ свидѣтельствамъ и мемуарамъ и доказалъ, что черты нравовъ, такъ поражающія насъ, несомнѣнно подлинныя, что авторъ возсоздалъ удушливую атмосферу Испаніи XVI и XVII вв., подобно тому, какъ нравственное паденіе итальянскаго общества отразилось въ его «Лукреціи Борджіи», хотя бы новая наука и доказала невѣрность пониманія характера самой героини. Въ этомъ умѣніи вживаться въ духъ эпохи (онъ выставилъ его однимъ изъ догматовъ въ предисловіи къ «Кромвелю») обнаружилось историческое чутье, которое тогда же вызвало у него къ жизни въ «Notre Dame de Paris», навѣянной, конечно, Вальтеръ-Скоттомъ, яркую и драматическую характеристику старо-французскаго быта, мѣстами оставившую за собой мелочную археологическую живопись англійскаго романиста.

Но въ драмахъ сказалась черта, тогда же опредѣлившая сущность дальнѣйшей эволюціи поэзіи Гюго; онъ уже является заступникомъ за «униженныхъ и оскорбленныхъ», разгадываетъ человѣчныя движенія въ самыхъ порочныхъ сердцахъ, вызываетъ состраданіе къ наиболѣе отверженнымъ личностямъ и гордится ихъ просвѣтлѣніемъ; онъ протягиваетъ руку нищему, колоднику, и тогда же въ «Claude Gueux» и «Послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти» выступаетъ противъ смертной казни, не переставъ ратовать за ея отмѣну до послѣднихъ дней. Перевѣсъ общественныхъ стремленій подготовлялся въ немъ постепенно. Онъ увлекался сначала Ламеннэ, но и его учитель не вынесъ солидарности съ папствомъ и торжественно перешелъ на сторону новыхъ идей. Двоедушіе и неспособность роялистскаго правительства сумѣли такъ же разубѣдить Гюго. Увѣровавъ въ спасительность іюльскаго переворота, онъ увидалъ себя вскорѣ гонимымъ столь же придирчивою властью; совѣтъ министровъ сталъ въ его глазахъ «султанскимъ диваномъ». Теперь онъ сознательно искалъ политической дѣятельности и отъ уступокъ новымъ ученіямъ переходилъ къ искреннему ихъ усвоенію. Ему не стыдно было вспоминать о переломѣ въ его развитіи; онъ находилъ, что въ жизни человѣка «важно не то, съ чего онъ началъ, а то, чѣмъ онъ кончитъ», и въ отвѣтъ Монталанберу, упрекавшему его въ непо-

слѣдовательности, съ гордостью напомнилъ, что «перешелъ отъ тѣхъ, кто угнетаетъ, на сторону угнетаемыхъ».

Съ этой поры онъ отдался двойной работѣ; теперь онъ зналъ, что нужно дѣлать. Какъ политическій ораторъ, хотя еще неопытный и несвободный отъ ошибокъ, онъ проводилъ въ палатѣ тѣ же взгляды, которые потомъ художественно возсоздавалъ. Казалось, онъ сталъ новымъ человѣкомъ, и все, что выдвигалось пробуждавшимися соціальными слоями, новыя ученія и политическія требованія, становились ему близкими и дорогими. Но политическое воспитаніе его еще не завершилось; онъ пережилъ имперію, реставрацію, іюльскую монархію, республику 1848 года,— ему предстояло быть свидѣтелемъ переворота 2-го декабря, тщетно пытаться организовать отпоръ и съ болью въ сердцѣ взять посохъ изгнанника. Онъ не склонилъ головы передъ насильникомъ, какъ это сдѣлали многіе, и поклялся не возвращаться при ненавистномъ порядкѣ вещей; быть можетъ, изгнаніе будетъ безконечно и онъ останется одинокимъ, но не сдастся. «Будетъ ли такихъ, какъ онъ, тысяча, онъ станетъ въ ея рядахъ; уцѣлѣетъ ли сотня, онъ все еще будетъ бороться; будетъ ихъ девять, онъ станетъ десятымъ, и еслибъ остался всего лишь одинъ человѣкъ, онъ будетъ этимъ смѣльчакомъ» (et, s'il n'en reste qu' un, je serai celui-là!). На островкѣ своемъ, почти безъ средствъ, въ виду родной земли, на которую ему суждено было вступить лишь восьмнадцать лѣтъ спустя, онъ отдался съ удвоенными силами творчеству. Насталъ лучшій, зрѣлый періодъ его. Несправедливость и несчастія закалили его характеръ, вывели его на свободу, къ народнымъ массамъ, къ человѣчеству, и прежній литературный застрѣльщикъ сталъ проповѣдникомъ гуманности и терпимости, обличителемъ произвола и гнета. Тогда написаны «Les Misérables», выхваченные изъ глубины народной жизни, проникнутые искреннимъ состраданіемъ порочнымъ и заблуждающимся, и звучащіе проповѣдью милосердія. Пощады не было лишь для одного преступника, чью власть Гюго болѣе всего помогъ расшатать и низвергнуть; жестокими ударами падала на нее каждая строка «Châtiments», каждая ироническая выходка «Napoléon le Petit». Въ одиночествѣ онъ сильнѣе прежняго позналъ утѣшенія дружбы и смягчающее вліяніе природы, которой онъ поклонялся съ дѣтства. Тѣснѣе сплотилась семья, еще ближе сжился онъ съ подругой, которая раздѣлила съ нимъ годы бѣдности и неудачъ; нѣжныя симпатіи перенеслись потомъ съ дѣтей на внуковъ, и Гюго сталъ первымъ, быть можетъ единственнымъ въ европейской поэзіи, пѣвцомъ дѣтскаго міра. Дѣтскія головки, щебетанье и смѣхъ стали для него лучшимъ ободреніемъ къ труду; онъ переносился во всѣ ощущенія своихъ маленькихъ друзей, освѣжался среди нихъ, смотрѣлъ на нихъ какъ на своихъ ангеловъ и только жалѣлъ, что они

не вѣчно остаются дѣтьми; ему казалось, что на землѣ наступилъ бы рай, если бы родители оставались всегда молоды, а дѣти вѣчно малы. Еще въ «Осеннихъ листьяхъ» встрѣчаются диѳирамбы дѣтямъ; въ «Légende des siècles» есть прелестное стихотворенiе, изображающее грезы ребенка; циклъ этой своеобразной поэзiи замыкаетъ собой книга стиховъ «L'art d'être grand père», гдѣ старый дѣдъ съ глубокою любовью воспѣваетъ своихъ несравненныхъ внуковъ, Жоржа и Жанну, которые одни только уцѣлѣли отъ всей семьи и скрасили послѣднiе годы поэта. Инымъ покажется страннымъ такой выборъ темъ для лирики, особенно въ болѣе раннiе годы; но вѣдь у Гюго напрасно стали бы мы искать обычнаго обилiя стихотворенiй къ *ней*, какъ бы она ни называлась. Въ молодости онъ разъ полюбилъ серьезно, *она* стала его подругой,—а потомъ онъ любилъ человѣчество.

Природа нашла въ немъ такого же страстнаго поклонника. Монастырскiй садъ временъ его дѣтства возсозданъ имъ въ *Misérables* съ юношескою свѣжестью впечатлѣнiй; полевые ландшафты и сельскiя картины сплелись въ богатомъ выборѣ въ «Chansons des rues et des bois». Долгiе годы изгнанiя сроднили его съ жизнью моря; оно поднимало въ немъ вдохновенiе, вызывая сумрачныя или величавыя картины въ его фантазiи, когда онъ, задумавшись, долгiе часы проводилъ на морскомъ берегу. И не только свѣжiе морскiе пейзажи въ «Труженикахъ моря» или лирическiя излiянiя «Châtiments» и «Contemplations» были порождены уединенiемъ передъ лицомъ необъятнаго океана. Широкiй размахъ мысли, отличавшая его склонность къ величавому, колоссальному нашли могучую поддержку; ничѣмъ не отвлекаемый, онъ углублялся въ созерцанiе жизни человѣчества, въ пережитыя имъ фазы; страсть къ обобщенiямъ, обзорамъ философiи исторiи съ орлинаго полета и предчувствiямъ будущаго овладѣла имъ. Тутъ зародились оригинальныя произведенiя, которыя появлялись въ послѣднiе годы, постепенно слабѣя по формѣ, но все такiя же широкiя по замыслу и блестящiя искрами сильнаго вдохновенiя. За сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ таинственный сонъ, видѣнный имъ, показалъ ему волшебное зданiе, гдѣ въ хаосѣ накоплены были дѣянiя минувшихъ вѣковъ,—и, вспомнивъ это, онъ набросалъ въ «Légende des siècles» рядъ очерковъ, гдѣ эпохи, лица и народы проходятъ передъ читателемъ въ типическихъ отраженiяхъ. Такъ въ позднѣйшей книгѣ «Le pape» онъ раскрылъ мрачную исторiю папства, въ «Торквемадѣ»—вѣковыя судьбы инквизицiи, въ «Ослѣ» произнесъ судъ надъ педантизмомъ во всѣхъ его видахъ. Тамъ, гдѣ господствуютъ мелкiя заботы, топтанье на одномъ мѣстѣ, полетъ старческой фантазiи къ широкимъ, непроглянымъ горизонтамъ казался необычайнымъ явленiемъ.

Между тѣмъ часъ избавленія пробилъ. Изгнанникъ увидалъ отечество, но его ждали новыя испытанія,—война, осада, междоусобія; онъ все пережилъ, какъ очевидецъ и непосредственный участникъ вынесъ много разочарованій, вспомнилъ о нихъ въ мрачныхъ и жгучихъ страницахъ «Année terrible», но среди борьбы и ожесточенія напоминалъ о братствѣ и человѣчности и передъ торжествующими и мстительными версальцами поднялъ голосъ за милосердіе и забвеніе въ своей «Pitié suprême». Его гуманность иногда казалась непонятною, излишнею, его безпристрастіе—неумѣстнымъ. Человѣкъ, котораго хотѣли выставить непримиримымъ, въ состояніи былъ въ «Misérables» изобразить евангельскую доброту епископа, въ «Девяносто третьемъ годѣ» пересказать исторію Франціи въ ту тревожную пору, выставивъ въ лицѣ Говэна идеальнаго республиканца и рядомъ съ нимъ облагородивъ въ Лантенакѣ послѣдовательнаго и убѣжденнаго роялиста; такъ въ «Легендѣ вѣковъ» краснорѣчивое стихотвореніе поэтизируетъ смерть Жана Шуана, вождя роялистскаго отряда, который погибаетъ подъ пулями враговъ, спасая отъ нихъ бѣдную женщину. Гюго ставилъ себѣ въ заслугу это безпристрастіе, эту вѣру въ людей и способность прощать; онъ вѣрилъ въ силу знанія, просвѣщенія, широко распространеннаго, «хотѣлъ искоренить каторгу школою». И въ его строго и величественно звучавшемъ призывѣ было что-то, чего нельзя было ослушаться; современность привыкла смотрѣть на него какъ на патріарха и судью, къ чьему трибуналу обращались гонимые, какъ нѣкогда къ посредничеству Вольтера. Славная, почетная старость ждала его послѣ треволненной жизни. Въ молодые годы, въ стихотвореніи, обращенномъ къ знаменитому скульптору Давиду (*Feuilles d'automne*), онъ жалѣлъ о томъ, что на долю его никогда не выпадетъ слава, что рѣзецъ художника не увѣковѣчитъ его чертъ для отдаленнаго потомства; «вѣдь онъ не изъ тѣхъ смертныхъ съ высоко поднятымъ челомъ, которые, въ бурю или въ тишь, среди поклоненія или ненависти, опережая свой вѣкъ, однимъ шагомъ вступаютъ уже въ будущность!» Какъ должны были вспоминаться ему эти скромныя сожалѣнія, когда подъ старость, окруженный, даже избалованный всеобщимъ почетомъ, онъ видѣлъ исполненіе своихъ юношескихъ грезъ! Послѣдніе его годы, какъ выразился новѣйшій его біографъ, превратились въ продолжительный апоѳеозъ. Празднованіе его восьмидесятилѣтія было національнымъ торжествомъ; до пятисотъ тысячъ прошло въ этотъ день передъ его балкономъ, возглашая ему славу...

Итальянское Rinascimento умѣло чествовать любимыхъ народныхъ поэтовъ, возродивъ для того великолѣпный античный обычай вѣнчанія ихъ въ Капитоліи. Новѣйшіе вѣка стали трезвѣе и равнодушнѣе. Показалось бы страннымъ парадомъ такое торжество при жизни человѣка;

сама смерть его часто не въ силахъ вызвать всенародное выраженіе любви и горя. Байрона хоронятъ въ деревенской глуши, тѣло Пушкина ночью тайкомъ увозятъ изъ столицы, Гейне провожаютъ до могилы нѣсколько десятковъ человѣкъ. Но въ героической легендѣ о Гюго и конецъ необычайный. Подъ открытымъ небомъ, передъ старинной тріумфальной аркой, воздвигается мавзолей съ его прахомъ, и нѣсколько дней сряду къ гробу, возвышавшемуся надъ міровымъ городомъ, приходятъ безчисленныя депутаціи со всѣхъ концовъ страны; гробницу затопило вскорѣ море благоухающихъ цвѣтовъ, а съ высокихъ свѣтильниковъ ѳиміамъ возносился къ небесамъ... Неужели все это дѣйствительно было среди бѣлаго дня, въ центрѣ Парижа, а не пригрезилось мечтателямъ, способнымъ все еще вѣрить, что царство поэзіи не окончилось? Но чуть не милліоны были свидѣтелями этого сна наяву. Гюго и послѣ кончины смогъ вызвать у народа своего благородный порывъ единодушія и братства, и жизнь «пѣвца гуманности»,—это послѣднее эпическое преданіе девятнадцатаго вѣка,—гармонически завершилась величественной народной тризной.

АЛЬФОНСЪ ДОДЭ.

...Умереть съ улыбкой на губахъ, среди кружка близкихъ людей, за веселымъ разговоромъ, разомъ порвать безконечную нить страданій, скрытыхъ отъ людей подъ обычной оболочкой юмора и свѣтлаго творчества,—какая счастливая смерть! Тяжкая минута послѣдняго расчета, и та озарена прощальнымъ лучомъ солнца, которое нѣжило, радовало, вдохновляло нынѣ угасшую жизнь. «У южанъ въ крови солнце", сказалъ когда-то Зола, характеризуя Додэ въ пору его расцвѣта.

Но умеръ не пѣвецъ любви и красоты, не жизнерадостный идеалистъ,—посмертное его произведеніе полно рѣзкихъ обличеній, дышитъ по временамъ негодованіемъ гражданина. Сладкозвучный поэтъ *Amoureuses* и разсказчикъ прелестныхъ сказочекъ превратился подъ конецъ въ сатирика. Такъ нѣкогда его провансальскіе земляки-трубадуры подъ гнетомъ жизни перешли отъ гармонической любовной лирики къ политической поэзіи гнѣва и скорби. Но для того, чтобы бороться, отстаивать правду и добро отъ насильниковъ, циниковъ и хищниковъ, нужно было сберечь много свѣта и тепла, и южный темпераментъ, воспламеняющійся и отходчивый, то бурно дѣятельный, то блаженно созерцательный, своими просвѣтами, мечтательностью, галлюцинаціями прошлаго и далекаго, давалъ ему неистощимый запасъ жизненной энергіи. Въ воспоминаніи о родинѣ, отсталой, безучастной, преданной то лѣни, то фанфаронству, но красиво раскинувшейся въ счастливой дремотѣ вдоль голубого моря, въ тѣни пальмъ и оливъ,—въ самомъ словѣ *le Midi* для переселенца, навсегда зажившагося на сѣверѣ, есть что-то обаятельное. Въ громадномъ большинствѣ произведеній Додэ или дѣйствіе происходитъ на югѣ Франціи, или герой—выходецъ изъ того края, или важные эпизоды разыгрываются въ Провансѣ. Онъ порицаетъ, смѣется, даже вдается въ карикатуру, какъ только зайдетъ рѣчь о типическихъ особенностяхъ южанъ, своей «тарасконнадой» возстановляетъ ихъ противъ себя, и все же любитъ родину и изъ парижскихъ тумановъ переносится на знойный берегъ Средиземнаго моря, въ природу и среду

дѣтства и юности. Онъ вѣдь знаетъ, что эта среда можетъ создавать не только Тартарена, но и Гамбетту—въ мірѣ политики, и Мистраля, Обанеля, Руманилля—въ поэзіи.

Контрастъ Сѣвера и Юга чувствуется всюду, гдѣ большое племя разселилось по нѣсколькимъ поясамъ,—и въ оттѣнкахъ великорусскаго и украинскаго склада ума и характера, и въ отличіи померанскаго юнкера или гамбургскаго купца отъ тирольскаго нѣмца, осѣвшаго съ незапамятныхъ временъ у порога итальянскаго міра, и въ типѣ савойца или ломбардца, обособившагося отъ неаполитанскаго или сицилійскаго собрата. Но нигдѣ, быть можетъ, этотъ контрастъ не обозначился такъ опредѣленно, нигдѣ не отличается онъ такой живучестью, какъ во Франціи. Среди нивеллирующей, общенародной или космополитической культуры Парижа и встарь, и въ наше время можно было у самыхъ выдающихся ея представителей разглядѣть живые признаки южанина; ихъ пропасть и въ «Опытахъ» Монтаня, и въ «Персидскихъ письмахъ» Монтескье, въ парламентскихъ рѣчахъ Гамбетты, въ романахъ Додэ. Въ этомъ, быть можетъ, одно изъ счастливыхъ условій развитія французской мысли и творчества. Оба элемента, самостоятельно существуя, при случайномъ и удачномъ сліяніи у человѣка даровитаго, независимо и широко смотрящаго на жизнь, придаютъ его работѣ глубину и мѣткость мысли, яркость и художественность. Писательская дѣятельность Додэ представляетъ одинъ изъ блестящихъ примѣровъ такого сліянія, обусловившаго дальнѣйшую эволюцію таланта.

Когда въ этюдахъ и некрологахъ, вызванныхъ смертью романиста, твердили о томъ, будто онъ навсегда остался такимъ, какимъ создалъ его южный край, будто онъ достигалъ высшихъ успѣховъ только тогда, когда изображалъ людей, бытъ и природу родины, — въ этомъ была большая напраслина. Жизнь на сѣверѣ, въ томъ горнилѣ, гдѣ творится французская дѣйствительность, перевоспитала Додэ, навела его мысли на множество общественно важныхъ вопросовъ, привила стремленія писателя соціальнаго и сдѣлала такимъ правдивымъ лѣтописцемъ второй имперіи и третьей республики, мимо котораго не пройдетъ будущій историкъ современной Франціи. Не будемъ выдавать его за знатока *всей* французской жизни; установимъ фактъ, что оригинальныхъ оттѣнковъ быта другихъ французскихъ провинцій онъ не зналъ и не изображалъ (за исключеніемъ эпизода на заводахъ въ *Indret* въ «Жакѣ»), что отъ него напрасно было бы ожидать описаній жизни французскаго крестьянства,—но, рядомъ съ мастерскими и разносторонними описаніями жизни юга признаемъ несомнѣнную компетентность наблюдателя въ изученіи общественной физіологіи того города-великана, который одинъ, самъ по себѣ, стоитъ цѣлаго края, цѣлаго народа... Между двумя этими полю-

сами, Провансомъ и Парижемъ, прошла вся жизнь Додэ; они же являются крайними вѣхами его творчества; въ достиженіи конечнаго пункта былъ желанный исходъ его стремленій къ славѣ и вліянію; какъ герой романа Матильды Серао (*Conquista di Roma*) захотѣлъ побѣдить Вѣчный Городъ, такъ бѣдный и безвѣстный провансалецъ-учитель, съ единственнымъ багажемъ поэтическихъ грезъ и тетрадкой готовыхъ стиховъ, задумалъ «побѣдить Парижъ»,—и достигъ цѣли.

Рѣшающій моментъ—появленіе изъ провинціи въ столицу—оставилъ послѣ себя неизгладимый слѣдъ; и въ своихъ воспоминаніяхъ, «Trente ans de Paris», и въ автобіографическомъ романѣ «Petit-Chose» Додэ воспроизвелъ его яркими чертами; приписавъ его вымышленнымъ героямъ, онъ нѣсколько разъ повторилъ потомъ съ ними свое хожденіе по мукамъ, неудачи и разочарованія. Такъ начиналъ и de Géry въ «Набабѣ», и Меро́ въ «Короляхъ-изгнанникахъ», и Госсэнъ въ «Сафо». Сколько такихъ новичковъ сгубилъ, отравилъ Парижъ, отбрасывая ихъ потомъ назадъ, какъ ненужную ветошь! Дивонна (въ «Сафо»), грозя кулакомъ въ сторону столицы, восклицаетъ въ негодованіи: «о, этотъ Парижъ, *что* мы ему даемъ, и *что* онъ намъ возвращаетъ!» Кассиръ Планюсъ (въ «Фромонѣ младшемъ»), повторяя тотъ же жестъ, приговариваетъ: «ah, coquine!», при чемъ трудно было рѣшить, къ женщинѣ или къ городу относилось это восклицаніе... Нелегко было устоять среди водоворота гигантской конкурренціи, и пять первыхъ парижскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ упорномъ и неблагодарномъ трудѣ, въ литературныхъ закоулкахъ и на частной службѣ, такъ подорвали здоровье юноши, что только лѣчебная поѣздка въ Алжиръ могла вернуть его къ жизни и литературѣ. И въ самое тяжелое время, когда вмѣстѣ съ другими непризнанными величинами, неудачниками, les Râtés, которые впослѣдствіи составили богатую галерею въ его романахъ (Делобелль въ *Фромонѣ*, д'Аржантонъ въ *Жакѣ*, Девареннъ въ *La Fédor*), онъ тщетно пробивался впередъ, фантазія навѣвала ему свѣтлыя грезы, и цѣлыя ночи напролетъ (когда было на что купить свѣчу) онъ писалъ стихи, потомъ первые миніатюрные разсказы и «письма», настоящія «стихотворенія въ прозѣ»; изъ Алжира вывезъ онъ неразлучнаго съ нимъ на долгіе годы Тартарена и, едва одолѣвъ болѣзнь, уже шутилъ, импровизировалъ затѣйливыя, невѣроятныя похожденія провансальскаго Донъ-Кихота. Эта была опять расовая черта; въ каждомъ изъ земляковъ, по его же словамъ, скрыты дарованія *galejaïré*, весельчака, шутника,— главное условіе необыкновеннаго умѣнья скоротать жизнь; пестрыя бытовыя картины *Numa Roumestan*, гдѣ массы народа пьютъ, пляшутъ, кружатся въ фарандолѣ, восторженныя, шумливыя, опьяняя энтузіазмомъ своего же родича, важнаго государственнаго дѣятеля, въ эти ми-

нуты готоваго кинуться безъ оглядки въ народное море, широко воплотили эту черту.

Когда же невзгоды стали смѣняться успѣхами, и удивительно чуткая, впечатлительная натура, вырвавшись на свободу, могла проявлять свои богатыя силы, свидѣтели расцвѣта были поражены ея блескомъ. Романъ Додэ напоминалъ впослѣдствіи Жюлю Леметру заряженную лейденскую банку: «когда перелистываешь эту прозу невропата,—говорилъ критикъ,—такъ и кажется, что изъ-подъ пальцевъ вылетаютъ искры»; но это говорилось уже, когда Додэ удалось сколько-нибудь регулировать, сдержать писательскій темпераментъ, подчинивъ его художественнымъ требованіямъ. Не безъ труда преодолѣлъ онъ чувствительность, отвыкъ отъ обращеній къ читателю, отъ возгласовъ негодованія или радости, отъ заглядыванія впередъ и предсказаній о томъ, что станется съ героиней и т. п. Съ большимъ трудомъ добивался онъ стройности и единства плана повѣстей, подавляемый множествомъ лицъ, деталей, эпизодовъ,—и, быть можетъ, никогда не достигъ сполна этой цѣли.

Но роскошь воображенія, вызывавшаго необозримыя вереницы характеровъ и событій, не была разгуломъ вымысла; основой служила рѣдкая наблюдательность, способная вбирать въ себя все «быстро несущееся теченіе жизни», та наблюдательность, которая проявилась въ десятилѣтнемъ мальчикѣ, когда въ Ліонѣ онъ намѣчалъ заинтересовавшую его въ толпѣ личность, слѣдилъ за нею, доходя до квартиры незнакомца, по обрывкамъ разговора составляя понятіе о человѣкѣ и потомъ дополняя его образъ догадками. То, что возникало сверхъ этой реальной основы, стало со временемъ казаться ему ненадежнымъ и лишнимъ,—и, оглядываясь на свою дѣятельность, онъ утверждалъ въ *Trente ans de Paris*, что могъ сколько-нибудь удачно изображать только то, что пережилъ, видѣлъ или наблюдалъ. Это заявленіе легко провѣрить. Въ *Petit-Chose* послѣ страницъ, полныхъ жизненной правды, васъ поражаютъ вдругъ написанныя прилично, съ средней долей занимательности, но какъ будто навязанныя герою приключенія; натяжка чувствуется невольно,—и что же? Въ той главѣ *Histoire de mes livres*, которая посвящена признаніямъ о томъ, какъ задуманъ былъ, на какихъ матеріалахъ основанъ и какъ писался романъ, мы узнаемъ, что эпизоды о поступленіи *Petit-Chose* на сцену, о его роковой связи съ *la dame du premier* и т. д. присочинены и не выдержали позднѣйшаго авторскаго суда. Сначала застѣнчивость мѣшала романисту свободно изображать всѣ мелкія на видъ, но психологически цѣнныя ощущенія и дѣянія, которыя онъ замѣчалъ или отгадывалъ въ себѣ и въ другихъ, и онъ прибѣгалъ къ вымыслу. Въ воспоминаніяхъ онъ приводитъ нѣсколько набросковъ изъ своего дѣтства, которые слѣдовало бы ввести въ пер-

выя главы *Petit-Chose;* «впослѣдствіи,—говоритъ онъ,—я не такъ бы боялся останавливаться на дѣтскихъ сценкахъ, enfantillages, вступительнаго отдѣла и придалъ бы больше простора развитію этихъ далекихъ отголосковъ прошлаго, въ которыхъ сбереглись первыя впечатлѣнія, столь живыя, глубокія, что все бывшее потомъ возобновляло ихъ, но не вышло изъ ихъ предѣловъ». Словомъ, мы лишились прелестныхъ картинъ въ духѣ *Дѣтства и отрочества*; изображеніе дѣтскаго міра пришлось впослѣдствіи дополнить разсказомъ о горестяхъ и радостяхъ Жака и его друга, негра Маду.

Зола не разъ называлъ Додэ «наиболѣе реалистическимъ изъ натуралистовъ»; «всѣ мы,—прибавлялъ онъ,—въ большей или меньшей степени романтики». Но запаса романтической приподнятости нельзя отрицать у Додэ въ первый его періодъ, оканчивающійся появленіемъ *Фромона*, хотя такія черты трезвой и охлаждающей житейской прозы, какъ банкротство отца, обѣдненіе семьи, скитанья по свѣту, необходимость взять чуть не въ отроческіе годы мѣсто учителя и гувернера въ невообразимой глуши какого-то городишка Alais, выносить строптивость дѣтей и педантизмъ начальства, должны были, казалось, вразумить относительно настоящей жизни. Все же только постепенно выработались привычки письма съ натуры, сложившіяся, наконецъ, въ систематическій методъ наблюденій, обобщеній, выводовъ. Завелись безчисленныя записныя тетради, неразлучныя спутницы писателя вездѣ, куда бы ни направлялся онъ, покрываемыя на лету бытовыми замѣтками, контурами сюжетовъ и лицъ; предпринимались поѣздки для изученія быта и нравовъ, впечатлѣнія очевидца стали дополняться чтеніемъ пособій, уясняющихъ настроенія, принципы и теоріи, руководящіе изображаемой средой; для *Evangéliste* прочтены были англійскіе и американскіе мистическіе трактаты, для *Королей* все, гдѣ можно было найти философію легитимизма, книги де-Местра, Бональда и др. Выработалось умѣнье обходить невыгодныя стороны портретности (вообще находимой у Додэ лишь въ умѣренныхъ размѣрахъ, такъ какъ толки о томъ, будто оригиналомъ Руместана былъ Гамбетта и т. п. росказни совершенно праздныя), сводить характеристическія черты многихъ лицъ въ сборный типъ (онъ называлъ эту работу «идеализаціею») и потомъ, «заслышавъ, что говорятъ объ той или другой изъ движущихся куколъ политической, свѣтской или артистической комедіи—это Тартаренъ!.. это Монпавонъ!.. это Делобелль!.. чувствовать трепетъ гордости отца, спрятавшагося въ толпѣ въ то время, когда чествуютъ его сына, и готоваго воскликнуть:—«c'est mon garçon!»

Двѣ даты имѣли рѣшающее значеніе въ процессѣ воспитанія Додэ для труда реалиста-нравоописателя,—одна достопамятная въ общей на-

родной исторіи, другая—въ его собственной литературной лѣтописи: война 1870 года, крушеніе имперіи и появленіе *Фромона*. Первое событіе заставило подвести счеты цѣлому періоду политической индиферентности Додэ, пришедшаго въ Парижъ съ преданіями легитимизма, который процвѣталъ на его родинѣ, поставленнаго судьбой близко къ главнымъ хранителямъ бонапартовской идеи, особенно къ Морни, писавшаго фельетоны въ официальной газетѣ, и равнодушно относившагося къ политическимъ вопросамъ, тогда какъ гниль и порча, вносимые наполеоновскимъ режимомъ въ соціальный и нравственный строй, возмущали его и, казалось, возбуждали къ сатирѣ. Послѣднія судороги имперіи и колоссальный грохотъ ея паденія открыли ему глаза на многое; онъ честно раздѣлилъ съ новыми согражданами опасности осады и тревоги коммуны, записался волонтеромъ въ одинъ изъ рабочихъ батальоновъ, четыре мѣсяца несъ изнурительную военную службу, и впервые узналъ *народъ*, «полюбивъ его даже со всѣми его слабостями». Отнынѣ взгляды его шире, слово свободнѣе; изъ круга *личныхъ* сюжетовъ онъ рвется къ *общимъ*; «Набабъ» станетъ сатирой имперіи, *Короли въ изгнаніи*—легитимизма, *Руместанъ*—консервативной республики Макъ-Магона, посмертный *Soutien de famille*—республики Фора съ закулисной исторіей финансовыхъ интригъ и подкупа.

Не задаваясь еще такими сложными цѣлями, *Фромонъ* въ свое время отмѣтилъ поворотъ къ внимательному изученію и описанію быта и нравовъ. По словамъ автора, мысль объ этомъ романѣ пришла ему послѣ неудачи перваго представленія драмы *l'Arlésienne*, которую не спасли ни музыка Бизэ, ни чудныя декораціи, ни народная рамка сюжета, ни обрисовка материнскаго героизма и роковой силы ревности; поэту представилось, что Парижу прискучитъ изображеніе Прованса, его неба, горъ, его пѣсень, треска его стрекозъ, и захотѣлось сдѣлать опытъ обработки повседневнаго сюжета изъ быта ремесленнаго квартала столицы (le Marais), гдѣ тогда жилъ Додэ. Свободный отъ конторскихъ гирь, пригнувшихъ книзу взятый изъ подобной же среды *Soll und Haben* Фрейтага (съ которымъ нѣмецкіе критики любятъ сравнивать *Фромона*), и отъ диккенсовской чувствительности, новый романъ доказалъ великую способность автора углубляться въ жизнь любого, хотя бы самаго неприглядного оттѣнка соціальной массы и правдиво изображать скрытые въ немъ драмы, теченія, интересы. *Фромонъ* съ его сценами фабрики и конторы сдѣлалъ въ свою очередь возможными *Бесмертнаго* съ картиной академической спячки и чиновничества, *Евангелистку*—скорбную лѣтопись больной женской души, погрязшей въ піэтизмѣ, *Сафо* съ ея ароматомъ парижскаго полусвѣта. И это реальное изображеніе жизни не было обставлено внушительнымъ аппара-

томъ научныхъ пріемовъ, параллелями изъ міра естествознанія, ссылками на теорію натурализма. Солидарный съ своимъ «учителемъ» Флоберомъ и съ сверстниками—Зола и Гонкурами, Додэ сохранилъ свободу дѣйствій; но когда онъ отклонялся отъ наиболѣе убѣдительнаго способа литературной проповѣди, поучающаго фактами, самымъ дѣйствіемъ, и звалъ къ себѣ на помощь резонеровъ (напр. Вэдрина въ *Immortel*), они разглагольствіями удручали читателя; когда онъ задавался цѣлью доказать какой-нибудь тезисъ (это чаще случалось въ его драмахъ, вообще стоящихъ значительно ниже романовъ), моральная тенденція обезличивала произведеніе. Такъ, пьеса *l'Obstacle* написана, чтобъ протестовать противъ неразумнаго приложенія закона наслѣдственности, драма *La lutte pour la vie*—для того, чтобъ обличить хищниковъ, которые нашли въ дарвиновской борьбѣ за существованіе оправданіе для своихъ низостей; врядъ ли нужно жалѣть о томъ, что оставленъ былъ планъ романа «Lebiez et Barré. Deux jeunes français de ce temps»,—оставленъ именно потому, что Додэ прочелъ «Преступленіе и наказаніе», затронувшее подобную же тему, и преклонился передъ силой Достоевскаго.

Свободное и зоркое наблюденіе жизни, выпуклость и яркость образовъ, разсказъ, то согрѣтый юморомъ, то блещущій сарказмомъ, то гуманно отзывчивый, поражающій быстрой смѣной красокъ, настроеній, аффектовъ, при всей нервности сильно дѣйствующій правдой, честной возбужденностью,—вотъ единственная арена, на которой дарованіе Додэ могло выказываться въ полномъ объемѣ,—и если Монтескье былъ правъ, называя замѣчательными того писателя и то произведеніе, которые въ состояніи вызывать у читателя въ небольшой промежутокъ времени множество ощущеній и мыслей, Додэ можетъ предъявить свои права на это отличіе.

Какъ психолога, Додэ упрекали въ скудости разработанныхъ имъ темъ, сводящихся къ эгоизму въ различныхъ его оттѣнкахъ. Но окружавшее общество давало въ такомъ подавляющемъ количествѣ матеріалъ для наблюденія этой страсти, то въ видѣ властолюбивыхъ происковъ, то въ погонѣ за богатствомъ, въ эпикурействѣ, въ религіозномъ фанатизмѣ и сектантскомъ учительствѣ, въ добываніи во что бы то ни стало писательской, художественной, научной славы, что ему, какъ лѣтописцу своей поры, выпала обязанность чаще останавливаться на этой выдающейся ея особенности. Одинъ изъ его нѣмецкихъ критиковъ, Эрнстъ Гейльборнъ, находитъ, что титулъ двухъ главъ изъ *Руместана*,—L'envers d'un grand homme" можно было бы примѣнить къ длинному ряду повѣстей Додэ; дѣйствительно, такъ много занимаясь изученіемъ себялюбія и себялюбцевъ, онъ всегда ведетъ за кулисы человѣческой комедіи и съ наслажденіемъ показываетъ изнанку мишурнаго величія. Никогда не могъ

онъ дойти до флоберовскаго объективнаго спокойствія, и въ предисловіи къ *Lutte pour la vie* признался, что «его ненависть къ злымъ людямъ такъ велика, что онъ съ особенною утонченностью казнитъ Поля Астье». Картины расплаты, крушенія, смерти, скашивающей недавнее могущество, часто возвращаются въ его романахъ; развалины Тюильри кажутся королевѣ Фредерикѣ ассирійской руиной, обломкомъ великаго, но погибшаго строя; нѣсколько сценъ похоронъ, пышный кортежъ Мора, похороны академика Луазильона и т. д., самоубійство промотавшагося Монпавона, смерть Набаба послѣ оскорбительнаго обращенія съ нимъ въ театрѣ той публики, которая недавно готова была лизать ему руки, служатъ напоминаніемъ о тщетѣ и ничтожествѣ эгоистической маніи,— подобно тому, какъ картины природы, величавой и безучастной къ людямъ, своимъ спокойствіемъ идутъ въ разрѣзъ «avec l'agitation imbécile des hommes» (*Immortel*, p. 216).

Любви отведена столь же выдающаяся роль, но напрасный былъ бы трудъ выставлять Додэ пѣвцомъ любви, знатокомъ «страсти нѣжной». Нигдѣ не вдается онъ въ анализъ ея, съ экстазомъ трубадура не возвеличиваетъ ея божественной силы, ни разу не изображаетъ и бурной, роковой страсти. Единственный романъ, въ которомъ любовь является основнымъ мотивомъ, *Сафо*, изучаетъ болѣзненный, ненормальный ея оттѣнокъ, не свободное и сознательное сближеніе, а цѣпкій, мучительный для обѣихъ сторонъ *collage*, созданный капризомъ и поддержанный чувственной привычкой. Въ громадномъ большинствѣ передъ нами игра въ любовь; притворство, честолюбіе, вѣтреность, пустота жизни, скука, побуждаютъ приняться за эту игру; даже на развалинахъ прежняго счастья, казалось, неутѣшно оплакиваемаго, вспыхиваетъ порою новый капризъ; такъ Колетта Розенъ (въ *Безсмертномъ*), словно Эфесская матрона, падаетъ въ объятія Поля Астье въ томъ склепѣ, который воздвигло въ память мужа ея безысходное горе. Истинную любовь знаютъ лишь немногіе, незамѣтные въ массѣ люди,—какая-нибудь модистка Дезирэ, или безропотно любящая Поля (въ *Lutte pour la vie*) Лидія,—и она удручаетъ ихъ горемъ: Дезирэ вынули изъ рѣки едва живою, она умираетъ отъ потрясенія, Лидія бросается на мостовую, Додэ рѣдко останавливается на примѣрахъ счастья, увѣнчивающаго долгую привязанность, но тогда отъ уравновѣшенной героини, въ родѣ старшей дочери маленькаго банковскаго чиновника Жуайёза (въ *Набабѣ*), прозванной дѣтьми «Bonne Maman», и отъ этого intérieur'а вѣетъ чувствительностью, уютствомъ и вялостью образцовыхъ семей у Диккенса.

Самоотверженіе, альтруизмъ, высоко поднятое чувство долга, гуманность, не часто выступали темами романической психологіи Додэ—не оттого ли, что, требовательный къ людямъ, онъ мало видѣлъ искренныхъ

проявленій подобнаго душевнаго склада, такъ что иногда приходилось ихъ изучать въ совершенно обособленныхъ общественныхъ слояхъ? Такъ онъ преклоняется передъ пламенной вѣрой въ идею у роялиста Элизэ Меро, ставшаго живымъ анахронизмомъ среди республиканской Франціи, переносящаго лишенія и бѣдность, отказавшагося отъ личнаго счастья, чтобъ всѣ силы отдать идеѣ. Такъ въ *Soutien de famille* русская женщина-врачъ послѣ юношескаго радикализма находитъ удовлетвореніе въ гуманной дѣятельности среди бѣднаго люда,—и въ стремленіи послужить страждущимъ съ ней сходится разбитая жизнью, несчастная жена министра-проходимца Вальфона, уходящая въ сестры милосердія. Такъ, въ томъ же романѣ, некрасивый, недальній, смѣшной своимъ заиканіемъ младшій Эделинъ, Антоненъ, оттѣсненный на второй планъ красавцемъ старшимъ братомъ, мнимой «опорой семьи», посвящаетъ всѣ силы заботѣ о близкихъ, всѣхъ выручаетъ, спасаетъ, отдаетъ всѣ свои деньги и, вмѣстѣ съ другими, благоговѣетъ передъ братомъ. Къ концу жизни Додэ сталъ чаще возвращаться къ подобнымъ лицамъ и темамъ; усилившаяся болѣзнь вызывала не накипь раздраженія и строгости къ людямъ, а прогрессъ гуманности; одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ *Petite Paroisse*, сооружая скромный храмъ въ память о пережитомъ горѣ, пишетъ надъ входомъ, вмѣсто девиза «равенство, братство, свобода», слова «Состраданіе, Милосердіе, Всепрощеніе», и зоветъ всѣхъ измученныхъ жизнью сплотиться въ тихой общинѣ.

Нѣсколько прелестныхъ дѣтскихъ головокъ занимаютъ преддверіе, ведущее въ богатый музей романическихъ *характеровъ* Додэ,—его истинное богатство. Это Petit-Chose ребенкомъ, вмѣстѣ съ его братомъ (*mère* Jacques), это несчастный, полуслѣпой иллирскій царевичъ Зара, дѣти Lorie (въ *Евангелисткѣ*), и въ особенности Жакъ съ его вѣрнымъ товарищемъ Маду; грусть, замкнутость въ себѣ, болѣзненныя попытки осмыслить жизнь, тоска по любви и ласкѣ, страданія отъ грубости, жестокости или равнодушія старшихъ,—вотъ ихъ обычная, несложная исторія. Внутренній бытъ пансіона Моронваля, гдѣ десятокъ другой выходцевъ изъ колоній и тропическихъ странъ (les petits *pays chauds*) испытываютъ прелести дѣтоуродованія въ рукахъ учителей-невѣждъ и варвара-директора, напоминаетъ школу, гдѣ завялъ и погибъ «Домби-сынъ», но списанъ съ натуры, и нервность разсказа, горячность заступничества и отгадка душевнаго міра дѣтей выказываютъ цѣнную сторону въ талантѣ Додэ, которою онъ слишкомъ рѣдко пользовался. Есть что-то необыкновенно задушевное, безъ слезливости и жеманства, въ наивныхъ разговорахъ и признаніяхъ, которыми обмѣниваются въ часъ ночной, когда мучители ихъ угомонились, Жакъ и бѣдный негритенокъ, сынъ бывшаго дагомейскаго царя, сначала баловень пансіона, потомъ, послѣ

низложенія отца и полной очевидности, что за ребенка никто больше платить не будетъ, превращенный въ слугу и осыпаемый побоями. Оба уносятся въ воспоминанія о прежнемъ счастьѣ; передъ глазами Маду встаетъ его знойная родина, лѣса пальмъ, чудные цвѣты, родныя пѣсни; наговорившись до фантастическаго возбужденія, они засыпаютъ въ объятіяхъ одинъ другого. Но Маду не выдержалъ; «si pauvre monde avait pas soupir, pauvre monde étouffer bien sur», повторялъ онъ бывало другу, но и это утѣшеніе не помогло; онъ бѣжитъ, нѣсколько дней бродитъ по Парижу, попадаетъ во всевозможные притоны, умираетъ въ горячкѣ, и въ бреду, полномъ безконечныхъ и безсвязныхъ рѣчей, уже не на французскомъ жаргонѣ, а на родномъ языкѣ, переносится, свободный и счастливый, въ край своихъ отцовъ.

Затѣмъ широко распахиваются двери, и въ великомъ разнообразіи и пестротѣ показываются характеры *взрослыхъ*, мужскіе и женскіе. За исключеніемъ двухъ-трехъ резонеровъ, этого остатка старой традиціи, въ массѣ лицъ мы не встрѣтимъ положительныхъ, прописныхъ характеровъ. Свѣтъ и тѣни, добро и слабости, смѣшеніе всевозможныхъ оттѣнковъ и часто сліяніе нѣсколькихъ личностей въ одномъ человѣкѣ— основныя черты характеристики у Додэ. Жансулэ, прозванный Набабомъ, сохранилъ среди богатства привычки марсельскаго носильщика; въ его прошломъ чудится смѣлая и грубая нажива,—потомъ разыгралась суетность и жажда блеска, но у него много наивности и добродушія, онъ не умѣетъ отказывать, соритъ деньгами; онъ усвоилъ уже всѣ тонкости парижскаго разврата, его соблазнила и политическая роль; онъ подтасовалъ себѣ избраніе въ депутаты, но среди величія сохранилось такое простое, сердечное чувство, какъ любовь къ матери: въ трудную минуту онъ вдругъ припалъ къ ней, какъ въ дѣтствѣ, а въ сильной сценѣ въ Законодательномъ Собраніи, когда все зависѣло оттого, сумѣетъ ли онъ въ рѣчи опровергнуть обвиненія относительно его прошлаго, онъ внезапно останавливается, увидавъ въ толпѣ зрителей старуху-мать, безсильный коснуться при ней прежнихъ своихъ дѣяній. Руместанъ съ своей южной, воспаленной натурой, весь въ ораторскихъ порывахъ, восторгахъ, изліяніяхъ, обѣщаніяхъ, разсыпаемыхъ безпечно всѣмъ, минутами поэтъ, искусный авантюристъ, спекулирующій охранительными теоріями и изъ мелкаго адвоката пролѣзающій въ депутаты, потомъ въ министры,— такой же сложный и ярко жизненный характеръ. Но это—южанинъ, и черты его слишкомъ знакомы романисту. Додэ одно время замышлялъ написать этюдъ о Наполеонѣ, показавъ и въ немъ отличительныя черты юго-французскаго типа,—«synthétiser en lui toute la race», какъ записалъ онъ въ памятной книжкѣ. Но и характеры, взятые изъ общефранцузской среды, не уступаютъ въ жизненности близкимъ автору южанамъ.

Буржуазныя лица, выведенныя въ *Фромонъ*, цѣлый отрядъ богемы, съ Делобеллемъ во главѣ, этимъ великимъ, непризнаннымъ и бездарнымъ актеромъ, котораго давно никто не приглашаетъ, который сидитъ на шеѣ у семьи, и несмотря на то, торжественно заявляетъ «qu'il ne peut pas renoncer au théâtre»; представители прожженнаго барства и продажной печати въ *Набабѣ*, маніакъ буквоѣдства и академическаго искательства Астье-Рэю, сурово честный, но порабощенный женою пасторъ Оссандонъ (въ *Евангелисткѣ*), и такой офранцуженный пришелецъ, какъ король Христіанъ, по пріѣздѣ въ Парижъ поспѣшившій въ Мабиль, слившійся съ золотой молодежью, дошедшій до торговли орденами, до кражи драгоцѣнныхъ камней изъ своей короны,—все это живые люди, съ плотью и кровью—et qui resteront.

Сафо съ ея загадочной натурой, привязчивая и продажная, любящая и хищная, и великая совратительница слабыхъ и тоскующихъ сердецъ Жанна Отманъ (въ *l'Evangéliste*), безпощадная ко всѣмъ слабостямъ, страстямъ и привязанностямъ изувѣрка, стоятъ, какъ крайнія противоположности, на стражѣ женскаго персонала характеровъ Додэ. Между ними группируются неудачницы въ родѣ Дезирэ, безвольная и загипнотизированная евангелистка Элина, слабая, пустая и довѣрчивая мать Жака, истомленная жаждой блеска и наслажденій Сидони Рислеръ, выбивающаяся изъ бѣдной обстановки въ первые ряды свѣта, а съ другой стороны носительницы идеи долга, геніи домашняго очага, старая провансалка-мужичка, мать Набаба, печальная жена короля Христіана, Фридерика, Клара Фромонъ съ ея непоказною, немногорѣчивою энергіей, наконецъ ворчливая и властная жена Оссандона, *Bonne*, вѣчно оберегавшая его отъ неосторожностей и излишествъ, но кинувшаяся ему на шею, когда, полагаясь на ея отсутствіе, онъ отважился на смѣлое обличеніе, поставившее на карту все ихъ будущее.

Кто «жилъ и мыслилъ» и такъ много наблюдалъ, не могъ остаться спокойнымъ зрителемъ несправедливости и противорѣчій жизни и трезвымъ ея лѣтописцемъ. Надписывая сначала романы простымъ подзаглавіемъ «Moeurs parisiennes», Додэ съ годами все рѣшительнѣе переходилъ на путь сатиры. Какъ у Тургенева такой переходъ обозначился съ появленія *Дыма*, такъ у Додэ — съ *Набаба* и *Руместана*. Передъ его судомъ прошли почти всѣ стороны быта и порядковъ новѣйшей Франціи: администрація, парламентскіе нравы, печать, наука, церковь, школа, плутократія, роялистскіе закоулки. Прежнее мягкое прикосновеніе къ жизни смѣнилось рѣзкимъ обличеніемъ; имъ дышатъ такія, идущія прямо отъ автора, укоризны, какъ обращеніе къ Парижу, фарисейскому, лживому и корыстному, вырывающееся въ виду умирающаго Набаба; горькимъ смѣхомъ надъ добродѣтельнымъ лицемѣріемъ «правой» про-

никнута сцена, гдѣ Руместанъ послѣ любовнаго свиданія сочиняетъ возлѣ спящей возлюбленной краснорѣчивую рѣчь къ «своимъ дорогимъ согражданамъ» (прославленный вскорѣ повсюду discours de Chambéry) о высокихъ идеалахъ семейнаго начала и нравственности. Додэ не дѣлалъ различія, не зналъ исключеній въ работѣ сатирика; если въ *Короляхъ* мы находимъ, быть можетъ, сильнѣйшую изъ его обличительныхъ сценъ, ту, гдѣ ночью крадутся къ коронѣ, печальные и понуждаемые нищетой, королева и Меро, чтобы выпилить цѣнные камни и замѣнить ихъ имитаціей, и открываютъ, что король давно уже продалъ и прожилъ дѣдовскіе брильянты, то въ *Soutien de famille* одинъ изъ немногихъ честныхъ людей, южанинъ Пьеръ Изоаръ, начальникъ стенографовъ палаты, остановившись въ ея кулуарѣ, объясняетъ Рэмону тѣ низости, подкупы, которые въ эту минуту творятся вокругъ нихъ среди перешептывающихся кучекъ депутатовъ, журналистовъ, членовъ правительства; онъ объясняетъ это съ возмущеннымъ чувствомъ искренняго республиканца 1848 г., которому нѣтъ мѣста при современномъ порядкѣ вещей, котораго вслѣдъ затѣмъ смѣщаютъ, какъ человѣка безпокойнаго. Надгробныя рѣчи и воспоминанія много говорили о Додэ, какъ о защитникѣ *правды* и писателѣ безпристрастномъ. Нигдѣ не сказывается эта черта такъ ярко, какъ въ его соціальной и политической сатирѣ. Его обличеніе второй имперіи не уступитъ по силѣ нападкамъ на нее Зола; но, когда въ *Евангелисткѣ* несчастная мать Элины нигдѣ не находитъ заступничества, потому что всѣ въ стачкѣ противъ нея, власти, судъ, церковь, не смѣющіе тронуть богатыхъ и вліятельныхъ людей, зрѣлище безправія напоминаетъ о необходимости коренного обновленія республики. Идеи всепрощенія, милосердія, состраданія, къ которымъ Додэ склонялся за послѣдніе годы, не распространялись на виновниковъ застоя, гнета и несправедливости, и въ *Опорѣ семьи* сатира снова вспыхнула, уступая прежней обличительной манерѣ автора въ художественности, но не въ силѣ. Къ дѣятельности Додэ подходитъ не девизъ *Petite Paroisse*, а слова изъ посвященія *Жака* Флоберу, заявляющаго, что этотъ романъ былъ вдохновленъ «состраданіемъ, гнѣвомъ и ироніей».

Зола былъ убѣжденъ, что при рожденіи его товарища всѣ феи принесли ему богатые дары, злая же волшебница, которая обыкновенно является послѣдней, чтобы испортить драгоцѣнныя приношенія дряннымъ подаркомъ, опоздала и совсѣмъ не явилась. Баловство судьбы, тотъ солнечный пригрѣвъ, который даже въ тяжелыя минуты жизни смягчалъ его, успокоивалъ, поддерживалъ привычку жить, не разстались съ Додэ и до конца. Десять лѣтъ прошло въ постоянныхъ страданіяхъ, но рабочій кабинетъ его не превратился въ гейневскую «Matratzengruft», и привычный трудъ въ промежуткахъ между приступами болѣзни могъ

продолжаться до послѣдней минуты; мало того, больной анализировалъ свои ощущенія, сближалъ и сравнивалъ ихъ съ тѣми, что испытывали другіе писатели-страдальцы, и писалъ скорбную лѣтопись—книгу «Ma douleur». Въ его работахъ чувствовалось утомленіе, *Soutien de famille* полонъ неровностей, въ особенности къ концу, но порою и здѣсь возвращаются былая занимательность, теплота разсказа, обличительное воодушевленіе... Удачная жизнь, счастливая смерть!..

Для Додэ настала исторія. Быть можетъ, пристрастные судьи, типа Брюнетьера, произнесутъ свой приговоръ, показавъ вредъ натурализма. Если это сбудется, сужденіе окажется неточнымъ. Защитникъ *правды,* Додэ былъ искреннимъ поклонникомъ *независимости;* близкій къ натуралистамъ, онъ требуетъ себѣ самостоятельнаго мѣста въ новѣйшей литературѣ, и исторія ея обезпечитъ его за нимъ.

Вождь натурализма иронически подсмѣялся однажды надъ буржуазіей, которая и не подозрѣваетъ, кого она впускаетъ къ себѣ въ лицѣ Додэ,—натуральную школу,—вѣдь туда, куда онъ прошелъ, пройдутъ потомъ и другіе... Нѣтъ, въ лицѣ Додэ входятъ въ повседневную жизнь здравое и сильное искусство, гуманность и солнечный свѣтъ.

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ.

«Счастливѣйшій изъ людей тотъ, кто стоитъ одиноко»,—съ такимъ заявленіемъ сходитъ со сцены одинъ изъ выдающихся ибсеновскихъ героевъ,—и если завѣты альтруизма и братства возстаютъ противъ этого возвеличенія личности, готовой порвать съ обществомъ и народомъ, чтобы замкнуться въ одинокомъ самоопредѣленіи, невольный интересъ привлекаетъ къ отщепенцу, сильному духомъ среди мельчающихъ и дряблыхъ современниковъ... Не такова ли участь Ибсена? Вокругъ него въ соціальномъ движеніи и литературномъ творчествѣ поднимались разнообразные вопросы, обозначались теченія мысли, особенно на порогѣ новаго вѣка, но въ одиночествѣ, вдали отъ партій и школъ, долгое время вдали отъ отечества, стоялъ писатель, одаренный всѣми качествами вождя и проповѣдника, способнаго вести массу, думалъ *свою* думу, говорилъ *свои* рѣчи, не заботясь о томъ, пойдутъ ли онѣ въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ. Его закуривали ѳиміамомъ, осыпали насмѣшками; мистическое преклоненіе передъ таинственностью символовъ встрѣчалось съ отрицаніемъ всякаго таланта; одни считали его типическимъ представителемъ поры вырожденія и брезгливо сторонились, другіе шли на богомолье въ Христіанію, чтобъ увидать свѣтлыя очи своего кумира (почти всегда безуспѣшно). Прошло полвѣка писательской дѣятельности, а творческая сила была еще напряжена; въ головѣ стараго льва, окруженной сіяніемъ серебристой гривы, носились необычайные замыслы и чудныя грезы; въ старческихъ созданіяхъ сверкали порою искры таланта, и только тяжелая болѣзнь могла одолѣть изумительную энергію. Кто бы ни былъ его критикъ—сторонникъ или оппонентъ его,—онъ не можетъ не признать въ немъ крупной художественной величины. Будущность принадлежитъ далеко не всѣмъ ибсеновскимъ идеямъ, и не герои норвежскаго драматурга поведутъ нашихъ преемниковъ къ свѣту и свободѣ, но такой психологъ и художникъ, зоркій и неподкупный наблюдатель жизни и людей, оставитъ послѣ себя, конечно, замѣтный слѣдъ,—и, отдѣливъ парадоксальное, одностороннее, почти геніально капризное отъ

глубоко правдиваго въ его творчествѣ, историкъ литературы воздастъ должное Ибсену, какъ нельзя не воздать должнаго даже противнику, своеобразному, сильному.

Когда послѣднее слово скандинавскаго творчества—«ибсенизмъ»—нашло себѣ (необыкновенно поздно, лишь къ концу 70-хъ годовъ) доступъ въ кругъ общеевропейскаго литературнаго обмѣна, оно показалось откровеніемъ. Такъ въ старые годы все чутко прислушалось къ новизнамъ нѣмецкаго романтизма и замерло въ очарованной грезѣ; такъ въ наше время соціальное и этическое содержаніе русскаго романа влило свѣжія силы въ европейскую повѣсть. Драмѣ, казалось, предстояло такое же возрожденіе; смѣлые художественные пріемы, новые темы и образы, нервность тона, рѣшеніе тревожныхъ вопросовъ современности поразили и привлекли всѣхъ истомленныхъ безплодіемъ и малокровіемъ драмы конца вѣка. Въ Ибсенѣ увидали апостола освобожденнаго искусства, творца драмы будущаго, чуть не вождя или одного изъ вождей соціальнаго движенія. Съ той поры многое перемѣнилось; туманъ разсѣялся, отчетливо вырѣзались подлинные образы дѣйствующихъ лицъ, основныя идеи драмъ, личность поэта. Нетолько рядъ показныхъ его созданій, изумившихъ массу, но все творчество въ развитіи, переходахъ, колебаніяхъ, стало доступно изученію. Мистикѣ ибсенизма пришелъ конецъ; ее пора замѣнить свободнымъ сужденіемъ объ итогахъ писательской эволюціи одинокаго мыслителя и художника, рано задумавшагося надъ противорѣчіями жизни, отдавшаго всѣ силы исканію правды, ошибавшагося, уходившаго въ сторону, но чуждаго сдѣлокъ съ рутиной и выразившаго въ драмахъ свой протестъ и надежды. Это — не эволюція широко подготовленнаго къ труду дѣятеля, но изумительное по выдержкѣ и напряженности самообученіе со всѣми неудобствами и неровностями, неизбѣжными въ развитіи самоучекъ, какъ бы даровиты они ни были. Порою такой человѣкъ сильно отстанетъ отъ современной мысли, порою отдастся одному изъ самоновѣйшихъ ея ученій безъ провѣрки; въ литературныхъ его образцахъ возможно смѣшеніе великаго съ зауряднымъ, отживающаго съ только что возникшимъ; то онъ пророкъ новой эры, то онъ додумывается до старыхъ истинъ. Ибсену въ началѣ зрѣлаго періода случалось въ той же драмѣ слѣдовать вліянію Шекспира и Скриба; послѣ удачныхъ психологическихъ наблюденій, выполненныхъ самостоятельно, онъ увлекся такимъ новымъ открытіемъ, какъ законъ наслѣдственности, и, не дождавшись его обоснованія, возвелъ на немъ психическую исторію цѣлаго ряда своихъ героевъ. Нордау могъ легко найти недосмотры въ медицинскихъ деталяхъ (развитіи туберкулоза, сифилиса и т. п.), существенныхъ въ фабулѣ *Призраковъ* или *Норы*. А сколько колебаній и увлеченій въ обще-

ственныхъ вопросахъ! Романтическое освѣщеніе старины съ могучимъ богатырствомъ викинговъ, служеніе «скандинавской идеѣ», отрицаніе организованнаго соціальнаго строя, сочувствіе французскому перевороту 1870 г., культъ избранныхъ личностей, призванныхъ руководить толпой, и запоздалое, подъ старость, выясненіе *идеи солидарности*, о которомъ говоритъ въ характеристикѣ Ибсена Брандесъ.

Ходъ личной жизни Ибсена обусловилъ и это самообученіе, продолжавшееся до сѣдыхъ волосъ, и страстность экстазовъ, увлеченій, позднихъ открытій. Когда, дойдя до вершины, гдѣ вокругъ него виднѣлись свѣтила современнаго творчества, онъ оглядывался внизъ на едва замѣтную точку, гдѣ началась его жизненная тропа, вспоминалъ себя подросткомъ изъ обѣднѣвшей семьи, не прошедшимъ правильной школы, аптекарскимъ ученикомъ, поставщикомъ пьесъ для третьестепенныхъ сценъ, мелкимъ журнальнымъ сотрудникомъ, сознавалъ, сколько силъ ушло на борьбу за существованіе, прежде чѣмъ завоевано было сколько-нибудь независимое положеніе,—мысль о совершившемся превращеніи сливалась, конечно, изъ справедливой гордости личной энергіей и изъ горечи вынесенныхъ треволненій. Этотъ человѣкъ, по выраженію его лучшаго біографа, *не имѣлъ молодости*; позже онъ признавался, что никогда не позволилъ себѣ «роскоши имѣть друзей»; его сдержанность въ обращеніи, какъ будто съ оттѣнкомъ ироніи и недовѣрія, стала почти поговоркой. Весь вѣкъ онъ прожилъ внутренней жизнью, вынашивая въ себѣ думы и образы, еще за аптечной стойкой ниспровергая въ трагедіи міры и цивилизаціи, изумляя сверстниковъ быстротою перерожденія. Его біографія небогата событіями внѣшняго интереса,—она разыгралась въ его душевномъ мірѣ; драмы, стихотворенія, письма [1])—единственный надежный матеріалъ для изученія ея.

Блаженная, самодовольная, тупоумная дремота провинціальнаго закоулка, преданнаго дѣдовскимъ занятіямъ, промысламъ, и дѣдовскимъ идеямъ, сплоченнаго, нетерпимаго къ свободной иниціативѣ, лицемѣрно нравственнаго, лицемѣрно набожнаго,—одна изъ обычныхъ ибсеновскихъ бытовыхъ картинъ; съ такимъ мастерствомъ и разнообразіемъ оттѣнковъ набрасывать ее могъ только человѣкъ, испытавшій силу столкновенія независимой личности съ окаменѣвшимъ строемъ. Дѣйствительно, это—обстановка его дѣтства, отрочества и ранней молодости; какъ бы ни назывались мѣсто, гдѣ онъ осужденъ былъ прозябать—Скинъ, Венстебъ, Гримстадъ,—условія жизни не мѣнялись. Да и Христіанія пятидесятыхъ годовъ, не доросшая до роли центра норвежскаго движенія, была не-

[1]) Переписка Ибсена собрана и издана была въ нѣмецк. перев. въ 1905 г. Jul. Elias и Halvdan Koht; по-русски важнѣйшія письма напечатаны въ VIII томѣ сочин. Ибсена, перев. А. и П. Ганзенъ, 1906 г.

многимъ выше уѣзднаго захолустья. Ранніе годы прошли въ счастливомъ невѣдѣніи жизни и людей, но судьба скоро заставила узнать ихъ настоящую цѣну. Въ зажиточномъ купеческомъ домѣ началось дѣтство будущаго писателя, а прошло потомъ въ тѣсныхъ каморкахъ банкрота, отъ котораго отшатнулись друзья и прихлебатели, оставивъ его коротать, какъ онъ знаетъ, неудавшуюся жизнь, прервать воспитаніе дѣтей, отказаться отъ привычекъ широкаго гостепріимства, веселья, «полной чаши». 20 марта 1828 г. родился Ибсенъ, а въ 1836 г. уже разразилась катастрофа.

Первыя восемь лѣтъ еще походятъ на настоящее дѣтство, потомъ безмятежность смѣняется задумчивостью, недовольствомъ, насмѣшкой, протестомъ. Бывало, весь Скинъ сходился на вечеринкахъ Кнуда Ибсена, вся знать лѣсопромышленнаго и рыболовнаго населенія, власти и пастыри дальняго приморскаго городка, до сихъ поръ оставшагося захолустьемъ. Главою въ домѣ былъ умный и гостепріимный хозяинъ, натура сложная, съ вспышками властнаго, суроваго духа и внезапными приливами жизнерадостной ласки или остроумія. Неровности его характера смягчались женскимъ вліяніемъ, кротостью и самопожертвованіемъ жены, культурностью спокойной, сдержанной тещи. Если въ рѣдкихъ у Ибсена, но замѣчательныхъ по непосредственности и свѣжести проявленіяхъ юмора или комизма (въ *Комедіи любви*, *Союзѣ молодежи*) Iэгеръ видитъ наслѣдственную передачу отъ отца, то культъ «женственнаго начала», пробивающійся сквозь желчный скептицизмъ съ раннихъ поръ, доходящій до апоѳеоза материнской любви и женскаго героизма, до признанія женщинъ «столпами общества», зародился среди дѣтскихъ впечатлѣній.

Но никому не повѣрялъ ихъ, ни съ кѣмъ не пытался осмыслить жизнь все подмѣчавшій мальчикъ; ни сестры, ни сосѣдскіе подростки не могли залучить его въ игры или веселую болтовню; въ реальной школѣ никто не былъ повѣреннымъ его думъ. Онъ всегда держался въ сторонѣ, дома запирался на ключъ, много читалъ, много рисовалъ, кажется, очень рано сталъ набрасывать мысли на бумагу и среди сѣрыхъ и безрадостныхъ будней строилъ воздушные замки. Въ юношескомъ стихотвореніи онъ вспомнилъ объ этой привычкѣ. Какъ все было свѣтло и прелестно въ сказочномъ мірѣ! Одно крыло замка было жилищемъ его, великаго ученаго, въ другомъ жила чудно красивая дѣвушка; жизнь вокругъ нихъ дышала правдой и счастьемъ. Но, когда онъ открывалъ глаза, передъ нимъ уныло возвышался родной домъ, давно перешедшій въ чужія руки, съ его странными и страшными сосѣдями—тюрьмой, пріютомъ умалишенныхъ и старой висѣлицей.

Но двойная жизнь, въ мечтахъ и дѣйствительности, стала для него единственнымъ условіемъ существованія. Когда, вмѣсто побѣдоноснаго

пути къ славѣ художника, ученаго, благодѣтеля человѣчества, нужда указала ему обычный путь бѣдняка къ куску хлѣба и отъ едва научившагося школьника потребовала какого ни на есть заработка, лишь бы семьѣ стало легче,—мечты понеслись за нимъ и въ деревенскую аптеку, гдѣ провелъ онъ слишкомъ пять лѣтъ, первую молодость. Недолго тѣшили онѣ его иллюзіей любви. Въ стихотвореніяхъ юноши нѣтъ избытка любовныхъ мотивовъ; два-три романтическихъ видѣнія, нѣжное воспоминаніе о весеннемъ счастьѣ, о прогулкахъ вдвоемъ майской ночью въ лѣсу,—и уже слышится гейневскій ироническій смѣхъ или грусть; недаромъ впослѣдствіи, оглядываясь на свои разочарованія, онъ сравнилъ себя въ стихотвореніи съ морской птицей, которая своимъ пухомъ тепло и мягко выкладываетъ гнѣздо для подруги, найдя его грубо разореннымъ, обнажаетъ не жалѣя себя свою грудь, когда же, издѣваясь надъ нею, люди снова проникнутъ въ ея жилье, она въ негодованіи улетаетъ далеко отъ нихъ въ теплые южные края. Это скорбное изліяніе, оправдывавшее позднѣйшій разрывъ Ибсена съ отечествомъ и народомъ, зародилось, конечно, еще подъ гнетомъ разбитыхъ грезъ о счастьѣ. Тотъ, кто надѣлилъ Фалька («Комедія любви»), казалось, изъвѣрившагося въ романтическихъ увлеченіяхъ и безжалостно осмѣивающаго влюбленныхъ, способностью горячо привязаться къ сильной и независимой женщинѣ, кто могъ среди суровыхъ картинъ «Бранда» ввести прелестное по граціи и юношеской свѣжести стихотвореніе о бабочкѣ, способенъ былъ отдаться и въ жизни, и въ творчествѣ поэзіи любви. Но жизнь рано заглушила это влеченіе и вытравила склонность къ мягкимъ и нѣжнымъ тонамъ... Не о женской любви мечталъ неудачникъ, отдавая грезамъ ночи напролетъ, до того, что въ стихотвореніи «Свѣтобоязнь» онъ шутя говорилъ, что «если ему суждено совершить великое, то это, конечно, будетъ дѣломъ ночи». Къ религіознымъ сомнѣніямъ, возбужденнымъ застоемъ и затхлостью воззрѣній правовѣрной родины, и къ жаждѣ истинной науки, которая разогнала бы мракъ, присоединились смѣлые соціальные и политическіе запросы. Слухи и толки, контрабандой проникавшія въ страну послѣднія новости вольной мысли приносили отголоски всеобщаго броженія конца сороковыхъ годовъ. Вслѣдъ затѣмъ событія стали воспитывать и указывать цѣли жизни. Казалось,наставало освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ, народовъ, безправныхъ общественныхъ слоевъ и обездоленныхъ, приниженныхъ личностей. Передовые народы, казалось, добывали себѣ одинъ за другимъ свободу и сливались въ національныя единицы. На сѣверѣ ожила, въ отвѣтъ движенію, «скандинавская идея». Три народа, разъединенные государственными, полицейскими, церковными преградами, увлеклись мечтою о сліяніи въ одинъ народъ, о совмѣстной борьбѣ противъ ста-

раго порядка и возстановленіи дѣдовской славы во имя идеаловъ новаго времени. Недавняя спячка казалась постыдною; вліяніе соціальныхъ ученій, послѣдняго слова общественной мысли, опредѣлившаго движеніе 1848—49 годовъ, не менѣе сильно, чѣмъ національная идея, овладѣвало умами. Правда, въ этомъ возрожденіи было больше лиризма и романтическихъ томленій, чѣмъ мужественнаго духа борьбы; рѣчи, статьи и брошюры новыхъ скандинавовъ свидѣтельствовали о «жарѣ крови», но не сладили ни съ однимъ практическимъ вопросомъ, а когда настала война съ нѣмцами за Шлезвигъ, не привели къ совмѣстному дѣйствію сѣверныхъ странъ.

Ибсенъ заплатилъ дань этимъ увлеченіямъ; онъ прославлялъ въ стихахъ борьбу венгерцевъ за свободу, привѣтствовалъ французскій переворотъ, стоялъ за всеобщее братство народовъ, заклиналъ скандинавскихъ государей стать во главѣ національнаго движенія, но признался въ зрѣлые годы Брандесу въ томъ, что для него всегда добываніе свободы было дороже, чѣмъ процессъ прочнаго введенія ея въ жизнь. Еще у аптекарскаго ученика обозначилось лирическое отношеніе къ дѣлу, которое впослѣдствіи удерживало Ибсена отъ активнаго вмѣшательства въ политическую жизнь, жизнь парламентовъ, митинговъ, публицистики, избирательной агитаціи. Основою творчества Ибсена стала борьба съ несправедливостью и произволомъ въ общественномъ строѣ и нравственныхъ воззрѣніяхъ, но, начиная съ юношескихъ его произведеній и во всю его жизнь, онъ былъ сильнѣе, какъ обличитель, чѣмъ какъ проповѣдникъ. Онъ срываетъ маску съ лицемѣрія, эгоизма, самовластія, заступается за плебея противъ барина, за женщину противъ мужского владычества, но неясно представляется ему тотъ строй, который сдѣлаетъ невозможнымъ торжество хищничества и несправедливости [1]).

Вся горячность юношескаго протеста и смутность руководившихъ имъ тогда идей выразилась въ первой драмѣ Ибсена «Катилина». Въ наше время для нея авторъ сдѣлалъ исключеніе изъ правила, принятаго имъ относительно литературныхъ грѣховъ молодости (нѣсколько неудачныхъ продуктовъ его музы остались ненапечатанными или стали библіографическою рѣдкостью). «Катилина» былъ изданъ, снабженъ автобіографическимъ предисловіемъ и передѣланъ. Трудно понять, какъ Ибсенъ могъ такъ отнестись къ своему первенцу вмѣсто того, чтобы показать его въ томъ видѣ, въ какомъ зародился онъ въ воспаленной фантазіи юноши. Художественнаго значенія драма не имѣетъ и важна

---

1) Эта особенность дѣятельности Ибсена мѣтко характеризована въ брошюрѣ Г. Плеханова „Генр. Ибсенъ“, Спб. 1906 г.

лишь, какъ исходная точка творчества. Хотя Ибсенъ «передѣлалъ ее въ томъ духѣ, какой сохранила ему память относительно первоначальнаго плана, не выполненнаго за недосугомъ и житейскими дрязгами», но врядъ ли легко возстановлять послѣ промежутка чуть не въ 30 лѣтъ, ушедшаго на развитіе художественнаго мастерства, незрѣлость дебютанта и воздержаться отъ ретуши... Все же въ «Катилинѣ» уцѣлѣло немало первобытныхъ пріемовъ, и мы съ любопытствомъ видимъ Ибсена за первымъ большимъ трудомъ. День прошелъ за мертвящей работой фармацевта, но ночь въ его власти, и ночью картина мѣняется. Онъ въ величавомъ Римѣ, плескъ толпы и броженіе страстей захватываютъ его; изъ народной массы выдѣляется личность умнаго мечтателя-честолюбца, изъ мелочей повседневной суеты—его судьба, величіе и гибель. И невольно, какъ впослѣдствіи замѣчаетъ онъ не безъ грустнаго юмора, на пьесу легъ отпечатокъ туманной грезы; большая часть сценъ происходитъ *ночью*.

Въ ту пору онъ готовился къ университетскому экзамену, которымъ хотѣлъ загладить недочеты образованія, и когда, послѣ чтенія Саллюстія и рѣчей Цицерона противъ Катилины, образъ демагога завладѣлъ воображеніемъ и обрисовался во весь ростъ, внезапно вспыхнулъ замыселъ драмы, экзаменныя книжки были отброшены и пьеса написана быстро, нестройно, но горячо и съ проблесками таланта. Немало риторики въ діалогѣ, особенно въ рѣчахъ героя драмы; то и дѣло вводится сверхъестественный элементъ, видѣнія, тѣни, голоса; Катилина порывистъ, страстенъ, но подчасъ наивно признается передъ зрителемъ въ дѣлахъ и помышленіяхъ («я воспользуюсь этимъ часомъ,—говоритъ онъ,—чтобы обсудить мою погибшую жизнь; свѣтъ этой лампы разстраиваетъ мои мысли; здѣсь долженъ быть такой же мракъ, какъ въ моей душѣ»,—гаситъ докучную лампу и начинаетъ исповѣдь). Въ роли второго главнаго лица, весталки Фуріи, что ни шагъ, то мелодрама; она называетъ себя «тѣнью тѣни», придаетъ себѣ роковое значеніе, является, исчезаетъ, влечетъ къ себѣ, сводитъ съ ума, дышитъ местью и жаждой крови. Но уже обозначились завѣтныя идеи Ибсена и прежде всего—культъ энергіи. Катилина гибнетъ, потому что стремленіе къ высокой цѣли и ненависть къ погрязшему въ порокахъ Риму не опираются на силу воли; онъ подпадаетъ власти Фуріи, колеблется въ то время, какъ нужно дѣйствовать. Изъ-за него идетъ борьба между добрымъ и злымъ началомъ, — жена его Аврелія и змѣя-разлучница одна за другою берутъ верхъ надъ его шаткимъ духомъ. Въ лицѣ соперницъ намѣчены уже (какъ указалъ на это Іэгеръ) два главныхъ женскихъ типа, повторяющихся въ безчисленныхъ варіаціяхъ у Ибсена, — протестующая натура, вся огонь, вся страсть, и любящая, преданная,

самоотверженная женщина. Въ объятіяхъ смертельно раненой имъ Авреліи умираетъ Катилина, пронзенный кинжаломъ, и надъ его безумно-дикой жизнью сіяетъ ореолъ всепрощенія и мира. Еще любопытная черта: юноша не хочетъ принимать на вѣру обязательнаго взгляда на Катилину, какъ на презрѣннаго демагога-хищника; онъ видитъ въ немъ борьбу идей и широкіе запросы; впечатлѣніе ненасытнаго честолюбія онъ смягчаетъ смутнымъ влеченіемъ къ добру и возможностью исправленія.

Фономъ бытовой картины, разумѣется, служила жизнь родины поэта; возставая противъ ея пороковъ и застоя, онъ участвовалъ въ движеніи, казалось, сильно разраставшемся и близкомъ къ побѣдѣ. Оппозиціонное настроеніе проявлялось во всемъ, что ни писалъ онъ тогда,—и въ стихотвореніяхъ, и въ статьяхъ никѣмъ не читавшагося сатирическаго журнала «*Человѣкъ*», даже въ политической демонстраціи (единственной во всю его жизнь) въ честь одного гонимаго публициста. Но скандинавская оппозиція выказала себя безконечно слабѣе, чѣмъ партія дѣйствія на континентѣ. Если повсюду за потрясеніями конца сороковыхъ годовъ настала реакція, и только пробужденіе Италіи, эпическіе подвиги гарибальдійцевъ и пораженіе австрійскаго деспотизма оживили традиціи освобожденія, то въ недавнемъ прошломъ все же было о чемъ вспомнить, чѣмъ гордиться. Не то на сѣверѣ. Вожди были необыкновенно храбры на словахъ, сказали немало прекрасныхъ рѣчей, подразнили и попугали враговъ, но отступили безъ боя, когда, оправившись, на всю страну надвинулось, наползло старое начало и прочно угнѣздилось. Ибсенъ пережилъ печальное пробужденіе; изнанка поверхностнаго либерализма, съ его раздорами, игрою честолюбій, примѣрами отреченія и ренегатства, возмутила его. Эти впечатлѣнія никогда не изгладились; въ раннемъ разочарованіи—корень политическаго скептицизма «Союза молодежи» и «Врага народа» и развившагося съ годами культа немногихъ избранныхъ личностей, призванныхъ вести слѣпую массу.

Не до экзамена было, конечно, и не до систематическаго курса; экзаменъ былъ сданъ кое-какъ (несмотря на занятія въ приготовительной школѣ въ Христіаніи), и нужда въ заработкѣ, которая превратила его въ фармацевта, сдѣлала его теперь... руководителемъ театра въ Бергенѣ. Странное превращеніе; до «Катилины» мы не слышимъ о сценическихъ склонностяхъ Ибсена (да и какъ имъ было развиться въ глуши, безъ театра!); первая его драма выносима только въ чтеніи, но немыслима на подмосткахъ; одна лишь ея преемница, не включенная авторомъ въ собраніе сочиненій, драма «Холмъ богатырей», ненадолго мелькнувшая на сценѣ, могла бы оправдать этотъ призывъ. Но оче-

видно въ писателѣ-новичкѣ даровитость бросалась въ глаза сколько-нибудь смышленому наблюдателю, и неожиданно оказанное ему довѣріе навсегда скрѣпило его связи съ театромъ. Ибсенъ именовался театральнымъ *инструкторомъ*, но, уча другихъ, ставя пьесы и руководя исполненіемъ, онъ долженъ былъ самъ учиться. Безъ образцовъ, съ воспоминаніями о единственномъ видѣнномъ имъ, и то не долго, хорошемъ театрѣ (въ Христіаніи), не располагая почти никакими пособіями, онъ взялся за дѣло и на шесть лѣтъ скрылся въ глушь, едва поддерживая сношенія съ интеллигентными слоями Норвегіи. Когда намъ говорятъ, что за время театральнаго директорства (въ Бергенѣ, потомъ въ Христіаніи) онъ поставилъ не менѣе *ста* пьесъ, и когда мы представимъ себѣ засвидѣтельствованную современниками безцвѣтность норвежскаго репертуара, эта цифра, сложившаяся изъ безконечной затраты силъ на разучиваніе общихъ мѣстъ, мелодраматическаго хлама, благонамѣренно-патріотическаго треска, сказочекъ въ народномъ вкусѣ или привозной макулатуры, можетъ привести въ содроганіе. Для человѣка, только что принявшагося за литературную работу, это была сущая гибель.

Но сила таланта, чутье правды и внимательное изученіе жизни не позволили Ибсену усвоить легкую, красивую рутину. Жертвы ей, правда, были принесены. Мы, повидимому, немного потеряли оттого, что не сбереглись такія вещицы Ибсена, какъ «Норма или любовь политика», хотя въ ней сказалось разочарованіе въ прогрессистахъ, и «Сонъ въ Иванову ночь», феерія, внушенная Шекспиромъ, или оттого, что лишь въ послѣдніе годы, въ окончательномъ сводѣ сочиненій драматурга, появилась романтическая драма «Olaf Liljekrans», въ которой къ темѣ народной пѣсни придѣлана фабула, основанная на превосходствѣ мужественной крестьянки надъ богатой барышней. Но Ибсенъ въ то же время подчинился вліянію археолого-патріотическаго направленія такого любимца публики, какъ Эленшлегеръ; въ возрожденіи миѳической старины и дальнихъ вѣковъ героизма его плѣняла эстетическая красота, но, съ другой стороны, онъ захотѣлъ возбудить подъемъ духа въ измельчавшемъ поколѣніи изображеніемъ былого мужества и суровыхъ, бодрыхъ нравовъ. Фантазія его часто устремлялась отъ дѣйствительности въ глубь временъ, съ сочувствіемъ останавливалась на порѣ викинговъ; въ позднѣйшіе годы, когда встрѣчалъ онъ въ новомъ обществѣ отважныхъ борцовъ и новаторовъ, онъ отождествлялъ ихъ съ древними героями,—словно и въ тѣхъ, и въ другихъ передъ нимъ раскрывался одинъ изъ основныхъ элементовъ племенного характера. Снимите съ викинга его панцырь и норманскій плащъ, говорилъ Ибсенъ Гюгу Леру, и вы увидите, что онъ живетъ среди насъ и страстно ведетъ свой struggle for life. Но прежде чѣмъ романтическое обращеніе къ старинѣ

развилось въ такую эпическую картину, какъ драма о «Сѣверныхъ богатыряхъ», изъ прошлаго выступило нѣсколько яркихъ образовъ: это прежде всего Фру Ингеръ и Маргитъ, центральныя лица въ «Frue Inger Ottesdatter» и въ «Праздникѣ на Сольгаугѣ».

Гнетъ мелодрамы еще лежитъ на сумрачной фабулѣ первой пьесы: убійство, злодѣйство, притворство, сумасшествіе, въ концѣ гробъ на авансценѣ,—все дано рутиной, но сквозь ея пелену пробиваются сильныя и жизненныя черты; схваченъ характеръ эпохи (16 вѣкъ) на рубежѣ героической поры и насильно внѣдряемой государственности, борьбы партій, интригъ и двоедушія; энергія, вывѣтрившаяся и парализованная въ мужскомъ поколѣніи, сосредоточилась въ послѣднемъ отпрыскѣ стараго богатырства, любимицѣ народа и стражѣ его правъ, владѣлицѣ Эстротскаго замка, Фру Ингеръ. Но, грозная врагамъ и властная, она все же женщина и мать. Выдерживая удары судьбы, вынося борьбу между любовью къ сыну и патріотизмомъ, она подъ конецъ изнемогаетъ. Въ ея дочери развивается такой же характеръ; въ столкновеніяхъ ея съ матерью выступаютъ двѣ энергическія и непокорныя натуры,—но и надъ Элиной сильна власть женскихъ грезъ о счастьѣ. Ее влечетъ къ обольстительному притворщику, развратнику, врагу ея семьи Нильсу Ликке, вѣра въ искренность любви, будто бы внезапно охватившей его, мечта о томъ, какъ любовь исправитъ и возродитъ его. Психологія автора стала глубже, онъ научается анализировать сложные характеры, разбираться въ противорѣчіяхъ, и, несмотря на романтическую, опять ночную обстановку, на условность пріемовъ *костюмнаго* репертуара, въ драму уже проникла настоящая жизнь. Въ слѣдующей пьесѣ, послѣдней изъ бергенскаго періода, въ «Праздникѣ на Сольгаугѣ», рамка быта 14 вѣка окаймляетъ семейную драму, какъ будто взятую изъ современности. Сильная женская натура, поставленная въ постылую семейную обстановку, съ нелюбимымъ мужемъ; возвращающійся внезапно со всею удалью, когда-то ее плѣнявшею, герой ея дѣвичьяго увлеченія; жажда воли и счастья, доводящая до преступленія, и тяжкій ударъ, когда надъ такою беззавѣтной любовью беретъ верхъ тихая привязанность другой женщины,—этотъ конфликтъ просится въ любую изъ ибсеновскихъ драмъ «конца вѣка», хотя въ ближайшемъ будущемъ онъ пригодился поэту для «Сѣверныхъ богатырей», гдѣ Маргитъ и Сигна превратились въ Іордисъ и Дагни. На Сольгаугѣ не пролита кровь, ядъ не подѣйствовалъ; неразрѣшимая, казалось, завязка привела къ примиренію и побѣдѣ надъ преступной страстью; примиреніемъ и счастьемъ кончалась и драма объ Олафѣ.

Личное счастье улыбнулось Ибсену и на время — ненадолго — смягчило все рѣзкое и мрачное въ его творчествѣ. Въ стихахъ онъ

воспѣваетъ каріе глазки, вдохновляющіе его, строитъ планы, мѣняетъ бергенскую роль «инструктора» на болѣе почетное положеніе при театрѣ норвежской столицы, и—женится. Онъ способенъ теперь не только трогать, потрясать, но и смѣшить зрителей, и послѣ сценъ изъ дѣдовской старины набрасывать полныя юмора картинки изъ животрепещущей современности. «Сѣверные богатыри» и «Комедія любви» открываютъ собой новый періодъ жизни и дѣятельности Ибсена.

Трудно было бы придумать болѣе рѣзкій контрастъ между произведеніями почти одновременными: былинное богатырство и затхлое, неподвижное мѣщанство нашего времени, желѣзные характеры и безвольная мелкота, старая равноправность обоихъ половъ, выработанная воинственнымъ бытомъ, и подчиненіе современной женщины, прикрашенное нѣжными приманками «любовной комедіи». Гигантъ Зигурдъ и Фалькъ съ единственнымъ орудіемъ его борьбы, сарказмомъ, Іордисъ и Свангильда, женщина-богатырь и неудовлетворенная поборница женской самостоятельности, съ перспективой гувернантства, актерства или выгоднаго замужества. Въ развязкѣ—самоубійство, полное отчаянія, и мирное подчиненіе рутинѣ... Но вглядитесь пристальнѣе, и сродство произведеній начнетъ обозначаться. Старый бытъ привлекалъ Ибсена не тѣмъ, чѣмъ плѣнялъ чистокровныхъ романтиковъ; его удовлетворило бы не возрожденіе давно пережитыхъ бытовыхъ формъ, а сліяніе руководящихъ идей новаго времени со стародавней энергіей. Тайное христіанство Зигурда, думалось ему, должно было смягчить суровый закалъ родовыхъ и племенныхъ воинственныхъ отношеній. При помощи изученія сагъ и хроникъ Ибсенъ вжился въ бытъ, ему антипатичный, но онъ любуется Зигурдомъ, и его Іордисъ—настоящая валькирія. Вотъ какими желалъ бы онъ видѣть людей—цѣльными, могучими, послѣдовательными. Искры утраченнаго, казалось, божественнаго огня вспыхиваютъ иногда и въ наше время; въ такихъ людяхъ, какъ Фалькъ и Свангильда, оживаетъ духъ викинговъ, оба сходятся въ культѣ свободы и въ вызовѣ, который бросаютъ обществу; оба вспоминаютъ, что когда-то жизнь текла иначе; какъ Зигурдъ могъ бы быть счастливъ только съ Іордисъ, такъ свободный союзъ, о которомъ мечтаютъ Фалькъ и его подруга, былъ бы, кажется, идеаломъ счастья. Мирная развязка комедіи стоитъ самоубійства жены Гуннара, но она порождаетъ самоубійство медленное, отравляющее жизнь капля по каплѣ.

Романтическая драма и остроумная комедія не свободны отъ недостатковъ. Первобытная фабула, сбереженная Эддой и Нибелунгами, при всей простотѣ сильнѣе того переложенія, которое Ибсенъ счелъ себя вынужденнымъ сдѣлать въ «Сѣверныхъ богатыряхъ», чтобы не оскорбить цѣломудрія зрителей древнимъ разсказомъ о томъ, какъ Зи-

гурдъ замѣнилъ друга въ поединкѣ и въ битвѣ любви. Вставка о бѣломъ медвѣдѣ искусственно придѣлана къ легендѣ, всѣмъ извѣстной на сѣверѣ. Въ психологіи есть анахронизмы, и болѣе тонкія ощущенія современной намъ женщины перенесены въ эпическую эпоху. Съ другой стороны, предсмертное заявленіе Зигурда о переходѣ въ христіанство, ничѣмъ не подготовленное, неожиданно и для насъ, и для ослѣпленной страстью Іордисъ. Но какъ развился сценическій навыкъ автора, сколько жизни въ выдающихся моментахъ драмы (особенно въ сценѣ пира), какъ захватываетъ зрителя судьба Іордисъ, этой «орлицы, отчаянно бьющейся въ клѣткѣ», какъ суровъ морской воздухъ, которымъ дышитъ пьеса, и уныла пѣсня скальда, тризна по сильнымъ людямъ, былина, сложенная вслѣдъ за событіемъ!.. Изъ Ибсена не выработался историческій драматургъ, но ни въ романтическомъ возрожденіи старины, ни въ позднѣйшемъ философскомъ ея освѣщеніи онъ не пошелъ дальше «Сѣверныхъ богатырей». Сценическій успѣхъ ихъ въ Норвегіи, хотя и взятый съ бою, подтвердилъ это значеніе, и если въ русскомъ переводѣ пьеса имѣла въ Москвѣ лишь succès d'estime, то главной причиной было недоумѣніе публики, мало знакомой тогда съ Ибсеномъ и вмѣсто яркаго образца соціальнаго направленія драматурга получившей интересный для изученія эволюціи ибсеновскаго таланта, но давно пережитый продуктъ его молодой поры.

Свѣтъ и тѣни замѣтны и въ «Комедіи любви», но перевѣсъ за правдой изображенія жизни. Конечно, не безъ усилія повѣримъ мы, будто цѣлая группа людей разнаго «званія» поглощена помыслами о сватовствѣ, бракѣ, семейномъ обезпеченіи, какъ будто ничего иного для нихъ не существуетъ; приходится вѣрить и тому, что они, почти не давая отпора, выносятъ остроумныя колкости и насмѣшки Фалька. «Хоры квартирантовъ и гостей» просто наивны. Но разладъ между поэтическимъ отношеніемъ къ женщинѣ до брака и наплывомъ дѣловыхъ, служебныхъ, родительскихъ заботъ и интересовъ послѣ него, превращеніе царицы думъ въ хозяйку, исчезновеніе личной роли и достоинства женщины изображены горячо, съ печальнымъ юморомъ. Это не защита сентиментальности и вѣчнаго идеализма, но заступничество за права женщины. Прощаясь навсегда съ Свангильдой, Фалькъ называетъ ее своей женой передъ лицомъ Бога и природы; отнынѣ онъ отдастся борьбѣ и самоотреченію, она же втайнѣ будетъ гордиться тѣмъ, что любовью вдохновила его на подвигъ для блага людей.

Удивляться ли, что *такая* постановка вопроса, облеченная въ остроумную форму, вызвала неудовольствіе и дикіе толки о безнравственности автора, что всѣ «столпы общества» были возмущены! Эти люди узнали себя въ ибсеновскихъ филистерахъ, елейныхъ пасторахъ, педагогахъ,

исполнительныхъ чиновникахъ и самодовольныхъ контористахъ, въ свое время продѣлавшихъ «комедію любви» чтобы потомъ отречься отъ нея, какъ отъ поры безумія, и отодвинуть женщину на второй планъ, въ подчиненное положеніе. Мечты Свангильды и ея друга, хоть и разбитыя дѣйствительностью, непріятно напоминали о возможности другихъ отношеній между полами и показались чудовищными. Но и «Сѣверные богатыри» идеализаціею стихійной страстности Іордисъ, національною тенденціей, наконецъ назначеніемъ, которое Ибсенъ далъ пьесѣ,—упрочить народное направленіе сцены наперекоръ господству шведскаго вкуса,—также содѣйствовали тому, что ополченіе противъ Ибсена быстро стало усиливаться. До тѣхъ поръ, пока нельзя было ручаться, не поплыветъ ли и онъ послѣ юношескаго недовольства по теченію, ему серьезно не мѣшали итти впередъ. Едва онъ поднялъ свое знамя и устами Фалька заявилъ, что *словъ* сказано много, что теперь нужны *дѣла*,—противъ него пошли реакціонная партія и тѣ изъ новыхъ людей, которые благоразумно остановились на патріотическихъ декламаціяхъ или романтическомъ прославленіи старины, освѣщенной фальшивымъ свѣтомъ, заслужившимъ для нихъ въ мѣстной литературѣ имя фосфористовъ. При такихъ условіяхъ управленіе театромъ стало непосильнымъ трудомъ; частыя столкновенія отравляли жизнь; въ ущербъ Ибсену демонстративно выдвигались заслуги Бьёрнсона, въ то время еще страдавшаго сентиментальнымъ патріотизмомъ; связи въ литературѣ и обществѣ испортились и порвались; банкротство Норвежскаго театра лишило Ибсена его главнаго заработка. Безучастно отнеслись къ крушенію его любимаго дѣла свидѣтели; они какъ будто надѣялись, что нужда образумитъ его.

Яснѣе, чѣмъ когда-либо, узналъ онъ цѣну норвежскаго общества и его двигательныхъ силъ. Новыя испытанія, перенесенныя родиною съ большимъ равнодушіемъ, вполнѣ разочаровали его. Когда въ нѣмецко-скандинавскомъ столкновеніи 1864 года изъ-за Шлезвига общественное мнѣніе снова, какъ въ 1848 г., осталось безучастнымъ къ судьбѣ соплеменниковъ и ничѣмъ не поддержало Даніи, Ибсенъ съ негодованіемъ оторвался отъ родины и удалился надолго—ему казалось, навсегда—въ добровольное изгнаніе. Но, одолѣвая немалыя препятствія, онъ потребовалъ отъ сейма «литературной пенсіи», отъ которой впослѣдствіи отказался, какъ только большіе гонорары обезпечили ему независимое существованіе. Вѣроятно, имъ руководила мысль, что народныя деньги безразлично и равномѣрно могутъ и должны итти на поддержку умственной дѣятельности всѣхъ направленій. Все же единственный компромиссъ его идетъ въ разрѣзъ съ энергіей принятаго рѣшенія. Его Брандъ такъ не поступилъ бы и, замкнувшись въ суровомъ величіи, не принялъ бы ничего отъ людей, которыхъ презиралъ.

Жизнь Ибсена въ чужихъ странахъ охватываетъ центральный, зрѣлый періодъ его творчества; слишкомъ четверть вѣка провелъ онъ въ Италіи и Германіи, заглянулъ даже въ Египетъ, но необыкновенно рѣдко, и ненадолго показывался на родинѣ. Въ развитіи его идей и отношеній къ норвежскому народу за это время можно разглядѣть нѣсколько послѣдовательныхъ оттѣнковъ. Сначала держится вызывающій, враждебный тонъ, обобщенія и приговоры безнадежны. Мысль нерѣдко отрывается отъ современнаго къ дальнему и чуждому, отъ изображенія быта къ философствующей драматургіи. Связи съ отечествомъ не изгладились, и (какъ говоритъ Ибсенъ въ одномъ стихотвореніи) каждую ночь таинственный всадникъ несся съ знойнаго юга на унылый родной сѣверъ. Со временемъ, когда равновѣсіе общественныхъ силъ въ Норвегіи сколько-нибудь возстановилось, и сдѣлалось возможнымъ объективное изученіе и изображеніе жизни, *норвежская* бытовая и соціальная драма стала призваніемъ Ибсена; изъ своего уединенія въ Римѣ, Дрезденѣ или Мюнхенѣ онъ видѣлъ передъ собой людей и нравы родины; порванныя отношенія возстановлялись, европейская извѣстность, пріобрѣтаемая ихъ землякомъ, немало облегчила для норвежцевъ сближеніе съ нимъ, и они привыкали къ мысли, что еретикъ и эмигрантъ—гордость страны. Наконецъ скиталецъ вернулся въ глубокой старости, съ тѣмъ же непреклоннымъ духомъ, вѣчно дѣятельною фантазіей, и поздніе лавры осѣнили его гордое чело.

Таковы главныя черты *внѣшней* біографіи Ибсена съ минуты разрыва до послѣднихъ лѣтъ. Среди народовъ, чьимъ гостепріимствомъ онъ долго пользовался, онъ оставался стороннимъ наблюдателемъ, не изучая особенно близко ихъ заботъ и нуждъ. Историческій кругозоръ его сталъ шире съ тѣхъ поръ, какъ Римъ раскрылъ передъ нимъ въ памятникахъ культуры свое прошлое, но современность Италіи и Германіи была ему чужда. Ему чудилось вездѣ подтвержденіе безотраднаго взгляда на значеніе общественной инициативы. Вездѣ отсутствіе воли, слабое развитіе личности, тиранія общества, церкви, государства надъ нею.

На много лѣтъ отдаетъ онъ лучшія силы защитѣ двухъ темъ—величія сильной и цѣльной воли, ради чего бы она ни проявлялась, и высшаго призванія вождей человѣчества. Какъ бы они ни назывались, къ какой бы эпохѣ ни принадлежали,—Гоконъ, Юліанъ, Брандъ или Штокманъ, они служатъ одной цѣли; передъ нею, подъ конецъ безпутной и безпринципной жизни, долженъ преклониться даровитый, но глубоко испорченный Перъ Гинтъ. Когда въ семидесятыхъ годахъ культъ *мужского* героизма начинаетъ у Ибсена уступать мѣсто заступничеству за женщину и наконецъ на ней сосредоточиваются лучшія упованія обличителя, это—одинъ изъ главныхъ признаковъ совершившагося поворота.

Въ исторіи гётевскаго «Фауста» есть необыкновенно любопытная подробность: одна изъ наиболѣе фантастическихъ и чисто *сѣверныхъ* картинъ драмы пригрезилась Гёте подъ знойнымъ итальянскимъ небомъ, среди статуй и цвѣтовъ виллы Боргезе. Суровая природа родины, бѣдность, отсталость и рабство ея жителей и поставленныя среди нихъ олицетворенія борющихся силъ, воли и безличности, Брандъ и Гинтъ, обрисованы были Ибсеномъ среди гармоническихъ впечатлѣній Италіи. Дѣйствовалъ ли тутъ контрастъ свѣта и тѣни, но Ибсенъ изъ «прекраснаго далека» увидѣлъ родину такъ ясно, воспроизвелъ ея природу, унылую прелесть скалъ, живительную свѣжесть фіордовъ съ такою силой, которая никогда болѣе не проявлялась у него. Деревенская обстановка жизни Бранда, сельскія сцены и отголоски народной миѳологіи у Гинта становятся еще выпуклѣе отъ прелестной итальянской рамки, вмѣстившей оба рисунка. Но сумрачная и все же величественная природа родной страны — арена жизни слабаго, измельчавшаго народа. Къ памяти зрѣнія, сохранившей красоты края, присоединилось воспоминаніе обо всемъ пережитомъ. Теперь, на свободѣ, поэтъ можетъ высказать свои мысли и взгляды сполна; насталъ расчетъ независимой личности съ страною и народомъ. Нужно показать, какимъ онъ долженъ быть и каковъ онъ на дѣлѣ. Первую часть задачи выполняетъ *Брандъ*, вторую — *Перъ Гинтъ*.

Мы ждемъ рѣзкой, безпощадной рѣчи и строгаго приговора, и это ожиданіе оправдывается, но свобода слова и ясность мысли неожиданно отягчаются примѣсью элемента, отнынѣ неразлучнаго съ творчествомъ Ибсена, а въ послѣдніе годы взявшаго верхъ надъ реальнымъ изображеніемъ жизни. Это — символизмъ. Пасторская дѣятельность Бранда, какъ пояснялъ впослѣдствіи авторъ, и его борьба съ религіознымъ формализмомъ — случайность; «съ такимъ же правомъ онъ могъ сдѣлать его скульпторомъ, политическимъ дѣятелемъ» и т. п. Въ немъ собраны черты носителя идеи, проповѣдника, мученика, это — «Галилей безъ его отреченія». Пропагандируемое сооруженіе церкви — символъ всякой системы, освобождающей умы. Въ похожденіяхъ Гинта, превращающагося изъ деревенскаго парня въ богатаго авантюриста, рабовладѣльца и коммерсанта, подъ конецъ пришедшаго къ прежней бѣдности и безпомощности, нужно, говорятъ намъ, видѣть изображеніе норвежскаго народа, съ его дарованіями и недостатками, — нѣтъ, не племенной типъ, поясняютъ другіе, а олицетвореніе народа въ извѣстную пору, подъ вліяніемъ идей романтизма, излишняго развитія фантазіи, неподготовленности къ работѣ. Когда противники Ибсена утверждаютъ, что искусство характеристики проявлялось лишь въ обрисовкѣ второстепенныхъ лицъ, тогда какъ центральныя лица — просто схемы, то они, конечно, прежде всего

указываютъ на двѣ названныя пьесы. Легко возразить на это: стойкая послѣдовательность рѣчей и поступковъ Бранда слагается въ представленіе о желѣзномъ *характерѣ*; Гинтъ до обогащенія и той волшебной перемѣны декораціи, которая изъ хижины Азы или изъ жилища гномовъ переноситъ его въ Африку, вполнѣ живое лицо, и только перемѣна его сужденій, взглядовъ, юмора, тона рѣчи (хотя и оговоренная ремаркой 4-го акта о томъ, что онъ уже человѣкъ средняго возраста) неожиданно разбиваетъ впечатлѣніе, какъ будто подставляетъ другое лицо. Но бремя символизма чувствуется; хочется сбросить его и услышать горячую обличительную рѣчь. Представьте себѣ сатирика грибоѣдовской силы и таланта, который хотѣлъ бы бросить въ лицо обществу, страдающему свѣтобоязнью, всю правду, и вмѣсто того, чтобы дать волю негодованію или смѣху, прибѣгалъ бы къ аллегоріи и намекамъ, требующимъ комментаріевъ! И какихъ комментаріевъ! Встрѣчаются среди объяснителей Ибсена такіе софисты, которые вымучиваютъ изъ *Гинта* автобіографію писателя, доказывая, что въ героѣ своемъ онъ изобразилъ не народъ, а самого себя!.. Можно бы подумать, что сценическія требованія стѣсняли поэта, но не часто найдется театръ, который отважится поставить *Гинта* съ его необыкновенной пестротой мѣстъ дѣйствія (это сдѣлано было въ Парижѣ въ 1902 г. на театрѣ «L'Oeuvre», при чемъ исполнялась превосходная музыка Грига), и въ особенности *Бранда* съ его сильными, но пространными и несценическими монологами (поставленъ въ Москвѣ 1907 г. въ Художествен. театрѣ). *Брандъ* былъ задуманъ въ видѣ поэмы и только впослѣдствіи получилъ драматическую форму. Поэтъ-эмигрантъ не стѣсненъ былъ и цензурными соображеніями и смѣло могъ бы высказать все, что было у него на душѣ. Онъ самъ наложилъ на себя оковы...

И все же никогда, ни прежде, ни послѣ, не проявлялась съ такою силой его талантливость. Впослѣдствіи онъ сталъ несравненно искуснѣе въ техникѣ драмы, въ выработкѣ деталей, но страстность и нервность борьбы, ширь кругозора, охватывающаго политику, религію, общественность, внезапность полетовъ фантазіи, поражающая въ двухъ полемическихъ драмахъ, покинули его. Правда, мы часто ловимъ его на словѣ и чувствуемъ, что мефистофелевскій сарказмъ, свободно осмѣивающій и развѣнчивающій все на свѣтѣ, не къ лицу Гинту, какъ бы смѣтливъ онъ ни былъ, что прометеевскіе порывы слишкомъ могучи и величавы для деревенскаго пастора Бранда, что устами обоихъ лицъ часто говоритъ авторъ, но и юморъ, и паѳосъ, овладѣвая вниманіемъ, заставляютъ забыть о противорѣчіяхъ и неровностяхъ. Фанатическая преданность идеѣ у Бранда доведена до крайней степени напряженія; не допуская ни малѣйшей нѣжности, ни участія или уступки, она перехо-

дитъ въ безчеловѣчную жестокость къ матери, женѣ, ребенку, и эта жестокость, при постановкѣ пьесы на сценѣ, можетъ подъ конецъ стать невыносимою. Если ей предстояло возбудить уваженіе къ людямъ мысли и воли, на дѣлѣ она способна оттолкнуть отъ нихъ. Но нельзя же, несмотря на это, не признать поразительной силы въ обрисовкѣ титанической личности, чей девизъ—«*все или ничего*»,—нельзя не признать, что тотъ, кто могъ создать чисто народный характеръ старухи Азы и написать сцену ея смерти подъ убаюкивающую сказку сына, обрисовать безконечную преданность Сольвейгъ, или показать Бранда, несущагося сквозь бурю на спасеніе бѣдняку-ближнему, или съ дантовской силой олицетворить все двойственное въ человѣческомъ духѣ, изгибистое, живущее вѣчными сдѣлками съ совѣстью, кто окружилъ безпринципнаго и безпечальнаго Гинта уличающими его образами «непродуманныхъ имъ мыслей, несовершонныхъ дѣлъ, невыплаканныхъ имъ слезъ», и склонилъ надъ горемыкой въ смертный его часъ вѣчно участливую, все прощающую и неизмѣнно любящую Сольвейгъ,—былъ великимъ мастеромъ и сильнымъ художникомъ. Въ его власти было тогда все, и грезы, и дѣйствительность; порою слишкомъ много грезъ и фантастики, слишкомъ много желчи и юмора; яркая игра комическихъ эффектовъ переходитъ къ концу *Гинта* въ спутанный безпорядокъ, но все это наносный слой, за которымъ скрыто сокровище.

Если въ *Гинтѣ* чувствуется вліяніе гетевскаго *Фауста* (отчасти и Палудана Мюллера въ его «Adam Homo»), а въ *Брандѣ* воспроизведена байроновская декорація, поставившая сверхъчеловѣка лицомъ къ лицу съ божествомъ и природой, Ибсенъ, очевидно, не могъ еще усвоить трезваго взгляда на возможность служенія народу при помощи реальныхъ орудій борьбы—бытовой драмы, комедіи или сатиры. Для Бранда у него могли быть оригиналы, необыкновенно своеобразный, сильный духомъ, одиноко стоящій въ сѣверной литературѣ мыслитель Киркегоръ и скинскій пасторъ Ламмерсъ, оба вынесшіе борьбу съ обществомъ за независимыя религіозныя и нравственныя воззрѣнія (въ письмѣ къ Брандесу, 1870, Ибсенъ видитъ въ Брандѣ себя самого «въ лучшія минуты»), но реальныя черты подвижника все же окутаны символами, условными формулами и романтическими прикрасами. Переходъ къ бытовому направленію былъ невдалекѣ, но прежде Ибсенъ въ послѣдній разъ долженъ былъ заплатить дань вкусамъ молодыхъ лѣтъ,—склонности къ историческимъ или (какъ онъ назвалъ свое новое произведеніе) «философскимъ» драмамъ. Отъ современноети онъ отдалился въ глубь византійской исторіи и посвятилъ много усилій такому, порою глубокому, но лишенному сценическаго нерва и исторической точности произведенію, какъ «Императоръ и Галилеянинъ». Съ испытанной уже на дѣлѣ въ двухъ

предшествовавшихъ драмахъ ширью замысла онъ захотѣлъ, подъ сильными впечатлѣніями Рима, воплотить въ художественныхъ образахъ борьбу умирающаго язычества съ христіанствомъ, культа земной красоты и наслажденія съ мистикой и аскетизмомъ, и въ центрѣ борьбы поставить загадочную личность Юліана. Подготовка къ сложной задачѣ была недостаточна; масса введенныхъ въ драму дѣйствующихъ лицъ, военачальники, софисты, монахи, Григорій Назіанзинъ, Либаній, Василій Великій, процессіи и торжества, военныя сцены и философскіе диспуты не въ состояніи были возсоздать давно минувшую и чуждую жизнь; одною тоской по идеалу, осужденному на гибель, и желаніемъ вернуть цивилизацію на покинутый путь не удалось объяснить значенія Юліана; характеръ его раздвоился на протяженіи двухъ необъятныхъ драмъ и потускнѣлъ съ минуты перехода власти къ Отступнику; пробѣлы приходилось задѣлывать вымысломъ, иногда въ разрѣзъ съ исторіей [1]); для характеристики ученія о «трехъ царствахъ» призвана была на помощь Гегелевская философія. Широко задуманная, лишь по временамъ сценичная (впервые ее рѣшились поставить въ Лейпцигѣ, въ декабрѣ 1896 г., сдѣлавъ обширныя сокращенія; въ первой части нѣкоторыя сцены произвели впечатлѣніе, вторая оставила зрителей холодными и утомленными) пьеса не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ. Помимо выполненія всемірно-исторической программы, она должна была сдѣлать вкладъ въ исторію личной энергіи и въ византійской обстановкѣ снова разработать тему объ избранникахъ и толпѣ,—подобно тому, какъ въ другой, менѣе извѣстной исторической драмѣ Ибсена «Претенденты на корону» событія временъ Густава Вазы служили поясненіемъ новѣйшей объединительной скандинавской идеи, а характеръ Гокона—прототипомъ мудраго, послѣдовательнаго, убѣжденнаго вождя. Но и этой службы Юліанъ не выполнилъ; въ ряду сверстниковъ, «представителей человѣчества», онъ оказался однимъ изъ слабѣйшихъ, и когда изъ устъ его вырывается скорбное восклицаніе: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ», не много симпатіи возбуждаетъ оно къ Юліану.

Мефистофель, издѣваясь надъ умозрѣніями философовъ, попрекнулъ ихъ тѣмъ, что они бродятъ по безплодной пустынѣ, въ то время какъ вокругъ нихъ богатыя пажити. Лотаріо въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» находилъ, что «Америка возлѣ насъ» и искать подвиговъ вдали безцѣльно. Въ этомъ долженъ былъ убѣдиться Ибсенъ. Миѳъ и исторія не могли заслонить отъ него несомнѣннаго его призванія. «Юліанъ» былъ послѣдней его исторической драмой, и слѣдующее произведеніе

---

1) Сравн. статью Richard Förster, „Kaiser Julian in der Dichtung alter u. neuer Zeit“ Studien zur vergleichend. Literaturgeschichte, V, I (1905).

проникнуто уже такой жаждой не символической, а реальной борьбы, такъ смѣло врывается въ переднія ряды общества, что читателю чудится, какъ будто, освободившись отъ философскихъ гирь, творчество Ибсена снова свободно двинулось впередъ. «Союзъ молодежи», безпристрастная сатира, одинаково бичующая и консерваторовъ и самозванцевъ-либераловъ, ратующая за достоинство, честность и правду,—прекрасное вступленіе къ серіи соціальныхъ пьесъ Ибсена. Онъ еще въ состояніи смѣяться, какъ смѣялся когда-то въ «Комедіи любви», и набрасываетъ пеструю картину избирательной агитаціи, газетной интриги, и среди нея ставитъ необыкновенно удавшійся характеръ авантюриста, болтуна и флюгера Стенсгора; вскорѣ юморъ уступитъ мѣсто болѣе опасному оружію; приближеніе этой минуты уже сказалось. Личность Зельмы—первый набросокъ Норы; она—предвѣстница тѣхъ ибсеновскихъ женщинъ, которыя, въ виду дряблости и порочности мужчинъ возьмутъ на себя проповѣдь новыхъ идей, не хотятъ больше быть куклами и рвутся къ дѣятельной жизни. Восторги и озлобленіе, вызванные въ отечествѣ поэта представленіемъ комедіи, показали, какъ мѣтко угадалъ онъ общественную потребность. Появившись послѣ того въ Норвегіи, онъ, какъ Антей, прикоснулся къ родной землѣ, принялъ отъ нея новыя силы и вступилъ на свое истинное поприще.

За долгіе годы его заграничной жизни многое измѣнилось въ Норвегіи; развилась и осмыслилась политическая борьба, обозначились большіе успѣхи демократизма, глубже и сознательнѣе усвоены были соціальныя ученія, въ церкви, школѣ, прессѣ, въ семейномъ и брачномъ быту рѣзче высказался разладъ стараго и новаго круга идей, вспышки женской самостоятельности стали разгораться въ серьезное движеніе, литература опредѣленнѣе переходила къ служенію народнымъ нуждамъ, отвлекая одного за другимъ талантливѣйшихъ писателей отъ романтическихъ бредней или патріотическаго оптимизма. Брандесъ, чья проповѣдь общечеловѣческой культуры, примиренной съ національнымъ принципомъ, звучала горячо и убѣдительно, встрѣчалъ возрастающее сочувствіе. Бьёрнсонъ былъ уже въ новомъ лагерѣ, и на него сыпались укоры и обвиненія крайнихъ націоналистовъ. Молодежь ждала такого же перехода отъ Ибсена и въ политической комедіи его шумно привѣтствовала первый признакъ желаннаго поворота. Она не ошиблась. «Столпы общества» и «Нора», оба дальнѣйшія произведенія Ибсена, стоятъ уже на твердой почвѣ соціальной драмы. Всю силу, которая уходила еще недавно на воплощеніе титанизма Бранда или богатырскихъ фигуръ сѣвернаго эпоса, авторъ направилъ на изображеніе повседневной жизни, расшатывая ея гнилые «столпы» и устои, разоблачая фарисейскую мораль и лицемѣріе, требуя сильнаго культурнаго вмѣшательства

руководящихъ личностей, заступаясь за женскій умъ, волю и право. Навсегда покинулъ онъ стихотворную форму для прозы, отрекся отъ пристрастія къ фантастическому, и простыми средствами несложныхъ фабулъ, взятыхъ изъ жизни, научился воспроизводить ея конфликты, страданія и надежды. Его пьесы сдѣлались непрерывной цѣпью идей и образовъ, преднамѣренно сопоставленныхъ; въ развязкѣ одной драмы кроется часто зародышъ слѣдующаго произведенія; чувствуется единство и настойчивость мысли, проникающей все творчество. Художественная сторона вмѣстѣ съ тѣмъ много выиграла, хотя вполнѣ овладѣть ею поэту никогда не удалось; идейному элементу онъ готовъ былъ всегда приносить ее въ жертву.

Не разъ высказывалось наблюденіе, что въ первыхъ сценахъ ибсеновскихъ пьесъ зритель сразу вводится въ водоворотъ драматической коллизіи; все уже давно намѣчено, драма въ полномъ ходу. «Иногда отгадываешь, что самыя жгучія, все опредѣлившія и подготовившія сцены разыгрались до поднятія занавѣса», говоритъ даже такой энтузіастъ, какъ Эраръ, прибавляя, что, можетъ быть, *та* вступительная, ненаписанная драма была несравненно сильнѣе. Но необычный и (какъ казалось всегда) стѣснительный для драматурга, пріемъ, очевидно, не связываетъ свободы его дѣйствій: не справляясь съ теоріей, онъ спѣшитъ развить въ ходѣ пьесы свою мысль. На сценѣ у него иногда слишкомъ много лицъ (*Столпы общества*), діалогъ порою страдаетъ длиннотами, тормозя дѣйствіе (*Росмерсгольмъ*), развязка иногда неожиданная, недостаточно мотивированная (покаяніе консула Берника), тяжелая ситуація нависаетъ надъ зрителемъ и давитъ его своею продолжительностью (идіотизмъ Альвинга въ *Призракахъ*, предсмертныя рѣчи Росмера и Ребекки). Недочетовъ немало. Но нервный драматизмъ основной интриги, психологическая и бытовая правда, мастерскія характеристики и прежде всего неподдѣльная оригинальность творчества заставляютъ забывать о недостаткахъ и ярко выставляютъ достоинства.

«Кто ты?» спрашиваетъ Перъ Гинтъ у призрака. «*Я самъ*», отвѣчаетъ онъ, иронически прибавляя: «можешь ли *ты* сказать то же о себѣ?» Гордо и увѣренно Ибсенъ могъ повторить этотъ отвѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на свою дорогу, онъ—самъ по себѣ, къ его творчеству и его соціальной и нравственной философіи нужно подходить съ особой мѣркой, въ его поэтическій міръ проникать, какъ въ независимое, замкнутое царство. Берите его такимъ, каковъ онъ есть, и старайтесь вжиться въ его міросозерцаніе, или не прикасайтесь вовсе къ его творчеству. Онъ самъ поклонникъ энергіи, хотя бы она проявлялась въ такомъ дѣлѣ, которое идетъ въ разрѣзъ съ кодексомъ и моралью,—и какъ будто говоритъ цѣнителямъ и судьямъ: признайте мое

право на самоопредѣленіе (autonomie morale, какъ выражается Эраръ), станьте на мою точку зрѣнія и скажите, сумѣлъ ли я сполна, безъ остатка провести ее.

Но жизнь шла впередъ. Изъ того, что, бывало, казалось эксцентричнымъ въ ибсенизмѣ, многое вошло въ обиходъ прогрессивныхъ идей современности, напр., все то, что онъ настойчиво высказывалъ въ защиту правъ женщины. Съ другой стороны, хотя и поздно, онъ сдался передъ уроками жизни, постепенно охладѣлъ къ культу «representative men» и оцѣнилъ значеніе иныхъ силъ въ человѣчествѣ. Но и послѣ этого поворота онъ сберегъ одинъ изъ цѣнныхъ даровъ своихъ,—оригинальность, которая сказывается въ смѣломъ освѣщеніи житейскаго факта, въ діагнозѣ общественнаго недуга, въ разработкѣ мало затронутыхъ душевныхъ движеній, въ самобытной поэтикѣ.

Съ начала реалистическаго періода у Ибсена замѣтно перемѣщеніе центральной роли отъ мужского поколѣнія къ женщинѣ. Вѣроятно, и прежде ему казалось, что избранниковъ и вождей онъ рисовалъ съ натуры, хотя, онъ скорѣе творилъ героевъ по образу и подобію своему. Теперь одинъ только Штокманъ можетъ войти въ ихъ ряды, но, благодаря вторженію символизма и въ эту трезвую и ясную фабулу, это лицо приходится признать собирательнымъ; оказывается, что медицинскій санъ Штокмана—такая же случайность, какъ пасторство Бранда, что имѣлось въ виду изобразить вообще столкновеніе личности съ обществомъ и прямодушія съ лицемѣріемъ и наживой. Послѣ «Врага народа» герои-вожаки выбываютъ изъ строя, хотя толпа долго остается для Ибсена (уроженца демократической Норвегіи!) скопищемъ алчныхъ, невѣжественныхъ и жестокихъ полуживотныхъ, которыхъ онъ рѣзко обличалъ и въ «Столпахъ» и во «Врагѣ народа», гдѣ сцена народнаго озлобленія противъ Штокмана необыкновенно сильна. Отнынѣ толпа, послушная традиціямъ и предразсудкамъ, ненавидящая все новое и свободное, будетъ выставлять въ мужскомъ персоналѣ пьесъ, хотя бы и на первыхъ мѣстахъ, эгоистовъ, безнаказанныхъ и плотоядныхъ грѣшниковъ, эксплоататоровъ, притворщиковъ или же жертвъ вырожденія, слабовольныхъ, заживо разлагающихся, предназначенныхъ на гибель наслѣдственностью (Ибсену справедливо ставили въ вину, что онъ нигдѣ не показалъ наслѣдственной передачи добродѣтели, таланта, ума; прибавимъ къ этому, что передача болѣзненности понята односторонне,—отъ сифилитика Альвинга рождаются гнилой Освальдъ, но и полная жизненной силы Регина). Люди съ самостоятельными порывами и свѣтлымъ умомъ сбиваются съ пути, топятъ недовольство въ винѣ и вызывающемъ цинизмѣ, превращаются въ Левборговъ (*Гедда Габлеръ*) или Мортенсгоровъ (*Росмерсгольмъ*); старое начало торжествуетъ; является ли оно въ видѣ зловѣщихъ

«Призраковъ» или семейныхъ преданій благочестиваго рода Росмеровъ, оно не дастъ ожить и возродиться ищущимъ свѣта; для Росмера, трусливо склонившаго голову передъ тѣми, противъ кого онъ рѣзко выступилъ, одинъ исходъ—самоубійство. Перевѣсъ на сторонѣ такихъ гасильниковъ, какъ ректоръ Кролль (*Росмерсгольмъ*) или пасторъ Мандерсъ (*Призраки*), такихъ фарисеевъ, какъ старшій Штокманъ, или продажныхъ публицистовъ въ родѣ Стенсгора; они руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, прикрывая благонамѣренностью низкія продѣлки. Гдѣ-то въ глубинѣ общества затерялись чистыя и гуманныя личности вродѣ Вангеля (*Женщина съ моря*), но кто оцѣнитъ ихъ незамѣтный подвигъ, кому дѣло до него? Какъ неизмѣримо высоко стоятъ женщины! Умудренный позднимъ опытомъ, консулъ Берникъ доходитъ до покаяннаго возгласа: «женщины—вотъ столпы общества»; если Лона, поправляя его, утверждаетъ, что столпы эти—свобода и правда, то въ поправкѣ нѣтъ противорѣчія, потому что у Ибсена этой поры главными носителями идей, служащихъ «свободѣ и правдѣ», конечно, являются женщины.

Произведенія періода, начинающагося «Столпами» и «Норой», даютъ разнообразную галерею женскихъ портретовъ; въ нихъ всѣ оттѣнки жизни, стремленія, надежды, и всѣ слабости современной женщины. Только недоразумѣніемъ и поверхностнымъ знакомствомъ съ драматургіей Ибсена можно объяснить ходячій взглядъ на его героинь, какъ на группу истерическихъ, ненормальныхъ существъ, удрученныхъ чудачествами «конца вѣка». Такія натуры должны были войти, и вошли въ исторію женщины нашего времени, набрасываемую драмами Ибсена, но вошли на ряду съ множествомъ другихъ и свѣтлыхъ, положительныхъ, и тусклыхъ оттѣнковъ женской психологіи, и тѣ, кто готовъ поднести Ибсену титулъ «пѣвца женщины», вполнѣ правы,—если ихъ лавры не относятся только къ славословію «вѣчно женственнаго начала».

Да, это исторія современной женщины, лѣтопись ея побѣдъ и неудачъ. Богатство силъ, то вырывающихся на волю, то отчаянно, болѣзненно и безцѣльно разбрасываемыхъ, приводящее къ самопожертвованію, рѣшенію нести свой крестъ или къ гибели. Въ семьѣ часто не видятъ добраго генія, незамѣтно дѣлающаго свое скромное и трудное дѣло. Жена съ сомнительнымъ прошлымъ Гины (въ *Дикой уткѣ*) и уважаемыя матери семействъ, вродѣ жены Штокмана или г-жи Берникъ, сходятся въ неутомимой заботѣ и любви. Только въ дни невзгоды, и то не всегда, оцѣнятъ ихъ; Берникъ назоветъ ихъ устоями общества; Штокманъ, опираясь на поддержку жены и дочери, идетъ противъ цѣлаго города. Но достаточно намека на прошлое Гины, схороненное и искупленное, чтобы мужская нетерпимость покрыла ее позоромъ и ненавистью.

Ибсенъ почти не знаетъ и не изображаетъ счастливыхъ браковъ. Быть можетъ, Эллида (*Женщина съ моря*) примирится съ своей долей и привяжется къ мужу, но вѣдь душевный миръ насталъ для нея только тогда, когда, понявъ невозможность сладить съ безотчетнымъ стремленіемъ жены къ чему-то лучшему, загадочному, олицетворенному въ Неизвѣстномъ, мужъ далъ ей свободу, призналъ въ ней личность, высказалъ довѣріе; тогда распалось очарованіе, гипнозъ прекратился, запретное перестало привлекать болѣзненную фантазію скучавшей женщины. Свободу завоевываетъ Нора, поздно очнувшаяся послѣ сладкой дремоты, сбрасывающая съ себя нарядъ и роль красивой куколки, желая стать человѣкомъ. Она неопытна, дѣлаетъ много ошибокъ, разрываетъ связь съ дѣтьми, почему-то рѣшивъ, что и впредь она можетъ быть для нихъ только плохою матерью (есть любопытное показаніе: сначала «одна извѣстная артистка» убѣдила было Ибсена дать иную развязку пьесѣ и побудить дѣтей удержать мать отъ разрыва, но вскорѣ, передумавъ, авторъ перешелъ къ другому плану), но въ страстно принятомъ ею рѣшеніи столько честной гордости и собственнаго достоинства, въ Гельмерѣ такъ мало способности понять ея требованія и перестроить жизнь, что всѣ симпатіи на сторонѣ мятежницы. Мы не знаемъ, на чемъ остановитъ она свой выборъ, но она не вернется къ мужу, какъ вернулась г-жа Альвингъ (въ *Призракахъ*), задыхавшаяся въ неволѣ семьи, задумавшая найти помощь у любимаго человѣка, оттолкнутая имъ во имя добропорядочности и возвращенная къ мужу. Она понесла свой крестъ, берегла и жалѣла постылаго и развратнаго мужа, любовь сосредоточила потомъ на сынѣ, принесла ему въ жертву личное счастье, порвала съ фальшивой людскою моралью, надѣясь отстоять свободу жизни, и снова увидала себя прикованною къ той же цѣпи.

Дѣвичья свободная доля немногимъ лучше. Свангильда въ «Комедіи любви» тщетно стучалась всюду, гдѣ чопорная общественная жизнь допускала женскую самодѣятельность, пыталась создать для себя и преданнаго ей единомышленника независимость,—она принуждена итти замужъ по разсудку. Ребекка (въ *Росмерсгольмѣ*) для борьбы съ жизнью выработала способности авантюристки, хочетъ взять съ бою счастье съ Росмеромъ, оторвавъ его отъ семьи и столкнувъ съ пути соперницу, и только въ чистой атмосферѣ сильно возбужденныхъ умственныхъ интересовъ и подъ вліяніемъ столкновеній съ мнѣніемъ свѣта она перерождается. Дина и Лона (въ *Столпахъ*) уходятъ въ Америку, лишь бы высвободиться изъ-подъ гнета узкой морали, пуританской нетерпимости и фарисейства; свободнымъ умомъ и складомъ жизни Лона приводитъ потомъ въ содроганіе мирныхъ гражданъ.

И сколько силъ затрачивается, перегорая въ безнадежномъ протестѣ или въ вѣчномъ самоотверженіи! говоритъ Ибсенъ, изображая судьбу своихъ героинь. Даже скромная и маленькая Тэа (въ *Геддѣ Габлеръ*) сумѣла спасти Левборга и вдохновить его къ большому и полезному труду. Ребекка восторженно возбуждаетъ Росмера къ борьбѣ съ реакціонерами, дѣлитъ съ нимъ всѣ тревоги, съ глубокой печалью видитъ, что онъ слабѣетъ и сдается, и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Самоубійство Гедвиги, этого полуребенка (въ *Дикой уткѣ*), обрываетъ молодую жизнь полную самоотверженія и любви къ людямъ. Чего бы не сдѣлали онѣ, если бы открылся просторъ для ихъ силъ! Не случайныя одиночки, а цѣлое женское поколѣніе, развитое, энергическое, полноправное, повліяло бы тогда на ходъ жизни общества. Но просвѣта мало, цѣли часто не сознаны, энергія безпорядочно бродитъ и бурлитъ,—и можетъ привести къ такому необузданному уродству, какъ характеръ Гедды Габлеръ.

«Демоническихъ» женскихъ личностей у Ибсена необыкновенно мало, хотя общее мнѣніе готово надѣлить его ими въ изобиліи. Если не считать давно забытой Фуріи (въ «Катилинѣ»), ихъ три: Гедда, Гильда (въ *Сольнессѣ*) и Рита (въ «Эйольфѣ»). Но въ Гильдѣ, способной изъ любопытства повести героя своего романа на вѣрную смерть, нужно видѣть (какъ разъясняютъ близкіе къ поэту комментаторы) символическое существо; кипучая злоба Риты подъ конецъ пьесы смягчается примиреніемъ и готовностью трудиться для ближнихъ. Только Гедда остается вѣрною себѣ, и пистолетный выстрѣлъ послѣдовательно заканчиваетъ ея ненужное существованіе, полное эгоизма, бѣшеной зависти, юрадства и жажды трескучихъ наслажденій. Только она одна,—но ея было бы достаточно, чтобы доказать великое дарованіе Ибсена, какъ драматурга-психолога.

Авторъ пояснилъ своему французскому переводчику, что *Гедда Габлеръ* не задается никакими проблемами. Но ничто не остановитъ досужихъ истолкователей; героинѣ пьесы они придаютъ иногда значеніе «женщины будущаго». Нѣтъ, другая темная сила тяготѣетъ надъ нею—*Прошлое*, изящное тунеядство женщины, погоня за блескомъ и эффектомъ, за острымъ и прянымъ, вражда къ свободной мысли и женскому развитію, взглядъ на жизнь, какъ на безконечно разнообразный спортъ, пріятно щекочущій нервы. Въ Геддѣ сказывается на каждомъ шагу развѣнчанная богиня, томящаяся въ низменной долѣ, избалованная генеральская дочка, осужденная на каторгу постылаго брака съ плебеемъ; ей ненавистны и онъ, и его добрый геній, старомодная тетушка Юліана, превосходно очерченная; она стыдится и будущаго своего ребенка. Чужое счастье раздражаетъ ее; возрожденіе интересовав-

шаго ее прежде Левборга и великая будущность, открывающаяся передъ нимъ, вызываютъ одну мысль—о разрушеніи. Она разбиваетъ счастье прежняго поклонника, опутываетъ его лукавствомъ, издѣвается надъ довѣрчивостью Тэи, безжалостно губитъ многолѣтній трудъ Левборга; съ наслажденіемъ истребила бы она такъ въ огнѣ всѣ благородныя мысли. И это—женщина будущаго! Бѣдный двадцатый вѣкъ!.. Не предтеча новыхъ формъ жизни и новыхъ идей, а богатое неперебродившими силами и задыхающееся отъ ихъ избытка, донельзя себялюбивое, неспособное къ житейской борьбѣ, выбитое изъ колеи, несчастное психопатическое существо—вотъ кто эта хваленая Гедда; и, какъ безпощадно вѣрный этюдъ съ натуры, она—истинное украшеніе ибсеновскаго творчества. Поэтъ, къ счастью, не ввелъ сюда ни одной *проблемы*, ни одного символа, изображалъ жизнь такъ, какъ искони это дѣлали величайшіе мастера драмы, и на склонѣ лѣтъ создалъ произведеніе замѣчательное.

Оно стоитъ въ сторонѣ отъ массы его пьесъ, не входитъ ни въ одну изъ комбинацій, въ которыя ихъ часто группируютъ. Къ нему приближается по своей роли одиночки только «Дикая утка». Она хоть и задается «проблемой» и насыщена немалою долей аллегоріи, но по основной мысли идетъ въ разрѣзъ съ нравственными воззрѣніями Ибсена,—конечно не въ заступничествѣ за женщину, и здѣсь отданную на жертву мужской нетерпимости и ревности, но въ рѣшеніи вопроса о правдѣ и лжи. Объяснители Ибсена, останавливаясь въ недоумѣніи передъ своеобразнымъ рѣшеніемъ, находятъ оправданіе въ тяжкомъ, но продержавшемся недолго у поэта наплывѣ пессимизма, разочарованія, душевной усталости. Рыцарь правды, громившій всегда ея противниковъ, возлагавшій на излюбленныхъ героевъ борьбу съ тьмою, не могъ же, оставаясь вѣрнымъ себѣ, стать защитникомъ спасительной, все умиротворяющей лжи, не могъ зло осмѣять Донъ-Кихота добродѣтели Грегерса Верле съ его непрошенными разоблаченіями двусмысленнаго прошлаго жены его друга и стать на сторону циника Реллинга! Они желали бы выставить поэта строго послѣдовательнымъ апостоломъ новаго откровенія, и страдаютъ отъ такой ошибки... Но какъ бы ни была органически крѣпка связь его творчества, онъ все же изъ мѣткихъ наблюденій и догадокъ не создалъ стройной системы, не владѣетъ тайной жизни и врядъ ли ищетъ ореола непогрѣшимости,—онъ прежде всего правдивый наблюдатель. Встрѣтивъ въ житейскомъ водоворотѣ такое сцѣпленіе обстоятельствъ, гдѣ невѣдѣніе женскаго прошлаго внесло въ семью миръ и искупленіе, а разоблаченіе его вызвало разладъ, вражду и несчастія, съ грустью и гуманнымъ участіемъ онъ выставилъ тяжелый повседневный фактъ, оставляя общественной совѣсти разсудить его. И, право, въ такія минуты Ибсенъ куда сильнѣе, чѣмъ во время свя-

щеннодѣйствія передъ алтаремъ теоріи или въ заоблачныхъ сферахъ «третьяго царства»!

Но зачѣмъ же къ тому времени, когда творчество поэта достигло, казалось, наибольшей зрѣлости, стало служить жизни, ея запросамъ, извлекая драматическія положенія изъ такихъ реальныхъ данныхъ, какъ борьба личности съ обществомъ, соціальное неравенство, антагонизмъ старовѣрчества и новыхъ соціальныхъ стремленій, отстаиваніе правъ женщины, когда сцена Ибсена населилась множествомъ живыхъ, подлинныхъ человѣческихъ характеровъ,—зачѣмъ все стремительнѣе врывается въ это творчество его названый другъ—символизмъ? Зачѣмъ, словно туманное облако, окутываетъ онъ яркія и живыя очертанія?.. Художникъ безспорно долженъ быть свободенъ въ выборѣ формы для своихъ замысловъ, но, уважая эту свободу, критикъ въ правѣ не соглашаться съ нимъ, указывать ошибочность пріема, и сожалѣть. Тому, кто имѣлъ мужество сказать въ лицо человѣчеству столько горькихъ истинъ, не пристало прикрывать ихъ флеромъ и прятать за аллегорію. Печальная фабула «Дикой утки» сильно дѣйствуетъ и ни на іоту не становится глубже отъ введеннаго въ нее символизма; точно блѣдныя тѣни или мишурныя украшенія, выступаютъ на ея фонѣ символическія затѣи и прежде всего сама утка, превращающаяся изъ бѣдной, глупой, пораненной птицы въ символъ человѣчества (по Эрару, при чемъ подъ видомъ собаки затронуты моралисты и поэты) или даже (по Эдмунду Госсе) въ «идеальный духъ добра» [1]). Въ *Женщинѣ съ моря* загадочно плѣнительному герою приданы таинственныя черты Неизвѣстнаго; пусть такъ,—болѣзненно воспріимчивая фантазія Эллиды не могла не облечь въ подобный нарядъ поразившую ее личность; слишкомъ реальныя примѣты нарушили бы, быть можетъ, очарованіе. Но вѣдь и морю придано значеніе символа «всѣхъ таинственныхъ силъ въ природѣ, влекущихъ человѣка къ себѣ», и въ тоску молодой женщины по морскому приволью и живительному воздуху океана, столь естественную у нея среди вялой прозы захолустья, такъ подготовляющую насъ къ увлеченію ея всѣмъ, что нарушитъ монотонность жизни, втиснуто философское обобщеніе. Символы нагромождаются одинъ на другой [2]) и наконецъ наполняютъ собой оригинально задуманную пьесу «Строитель Сольнессъ».

---

[1]) Litzmann (Ibsens Dramen, Hamburg, 1902, 88) считаетъ „Дикую утку" поворотнымъ пунктомъ въ развитіи ибсеновской символики. До нея она вводится въ пьесы, когда къ тому есть поводъ, для усиленія выдающихся моментовъ, отнынѣ она становится основнымъ пріемомъ, заволакиваетъ цѣлое произведеніе, насыщаетъ собой всю атмосферу драмы.

[2]) Штейгеръ при видѣ непомѣрнаго богатства символическаго элемента у Ибсена напоминаетъ, что по этому пути можно притти къ средневѣковому изобилію аллегорій. „Das Werden des neuen Dramas" v. Edgar Steiger. Berl., 1898, I, 314.

Въ чемъ ея сюжетъ? Съ виду—въ изображеніи потрясеннаго и разочарованнаго душевнаго состоянія прежняго баловня счастья, когда стучится къ нему старость, силы измѣняютъ, все говоритъ о необходимости уступить мѣсто молодымъ, свѣжимъ дарованіямъ, а въ то же время неостывшая боевая способность, привычка къ власти и славѣ, наконецъ послѣднія грезы любви наполняютъ умъ и сердце желаніемъ не поддаваться, «повоевать». Его поманила къ себѣ женская ласка; страстное поклоненіе его таланту и смѣлости замысловъ электризуетъ его, онъ отдается очарованію, идетъ навстрѣчу вѣрной опасности и гибнетъ. Много грустной правды; сильной рукой очерченъ контрастъ безумно молодого задора и фантастической мечтательности Гильды, предсмертнаго расцвѣта Сольнесса, глухого унынія и ропота жены. Вопросъ о томъ, было ли въ романической основѣ этой фабулы что-нибудь пережитое, какъ давно утверждала молва, могъ быть рѣшенъ утвердительно лишь послѣ смерти Ибсена, когда оригиналъ Гильды, г-жа Эмилія Бардахъ, дала Брандесу право напечатать письма къ ней драматурга [1]). Яркія краски могли дать неостывшая еще способность увлекаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мастерство психолога, отгадчика разнообразныхъ душевныхъ состояній. Но остановись и образумься, легкомысленный читатель, слышится несмотря ни на что голосъ толкователей,—неужели ты не можешь разглядѣть и понять глубокую аллегорію? Пойми, что здѣсь нѣтъ ни влюбленнаго зодчаго, ни его поклонницы фантазерки, ни семейной драмы, ни конкурренціи старой и новой техники. Сольнессъ—это самъ Ибсенъ, Гильда—это молодое поколѣніе съ его требованіями отъ любимаго нѣкогда поэта; различные періоды въ творчествѣ зодчаго—переходы въ ибсеновской драматургіи; отважное рѣшеніе взойти на верхъ лѣсовъ, хотя бы это стоило жизни,—символъ новаго порыва къ идейной высотѣ, который долженъ завершить многолѣтнюю работу, посвященную исканію истины. На этотъ разъ толкованіе несомнѣнно и вѣрность его засвидѣтельствована. Hugues Le Roux слышалъ его изъ устъ своего cher maître.

Ибсенъ, подводя итоги труду своей жизни, своимъ мечтамъ и разочарованіямъ, могъ, какъ Сольнессъ, притти къ грустному рѣшенію не воздвигать болѣе уносящихся на небо «колоколенъ и церквей» (вспомнимъ ту же аллегорію въ *Брандѣ*), а строить жилища для людей, т.-е. замѣнить проповѣдь идеальнаго, свободнаго будущаго служеніемъ насущнымъ нуждамъ современности. До него однако доходили настойчивыя требованія новыхъ поколѣній, ожидающихъ отъ своихъ вождей

---

1) Georg Brandes, „Henrik Ibsen“ (въ коллекціи „Die Literatur“, Berlin, VI), 1906.

указаній на живительные идеалы, и хотѣлось сказать имъ, что извѣрился онъ во многое и если бы рѣшился снова подняться на высоты, то не для благоговѣнія, а для ропота и протеста противъ высшей силы, которая не дала ему счастья. «Взойди туда снова, и я тебя полюблю», говоритъ ему Молодость; кто знаетъ, если бы ея прежній любимецъ даже изнемогъ подъ бременемъ указанной ею задачи, она сказала бы, можетъ быть, вмѣстѣ съ Гильдой: «все же онъ достигъ вершины!»... Для автора *Бранда*, *Гинта*, *Юліана*, перешедшаго къ изученію мѣщанской злобы дня, такая исповѣдь передъ читателемъ представляла, конечно, много привлекательнаго. Но какъ тяжело здѣсь иносказаніе, какъ окутанъ сбивчивыми подробностями истинный смыслъ признаній! Сольнессъ, какъ Ибсенъ, выставленъ самоучкой, но надѣленъ ненавистью къ людямъ серьезнаго научнаго образованія. Онъ завистливъ, жестоко и беззастѣнчиво эксплоатируетъ талантливыхъ бѣдняковъ, терпитъ любовь Кайи, потому что иначе могъ бы лишиться цѣнной помощи Рагнара. Онъ полонъ смѣлыхъ мыслей, но настолько эксцентриченъ, что и слыветъ безумцемъ, и самъ себѣ кажется ненормальнымъ. На его встрѣчѣ съ Гильдой и на ихъ бесѣдахъ, переданныхъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ, лежитъ большею частью отпечатокъ психоза. Сама Гильда, олицетвореніе молодости, юношества, говоритъ часто языкомъ Гедды Габлеръ, побуждая любимаго человѣка итти на вѣрную смерть, чуть не въ одно слово съ Геддой находитъ, что это будетъ «ужасно красиво», и опьяняетъ себя острымъ наслажденіемъ опасности. Отгадайте въ этомъ задушевную исповѣдь поэта на порогѣ дряхлости, обозрѣніе жизни, отданной на пользу людямъ, и переломъ, превратившій мечтателя и строителя теорій въ реалиста-работника! Замыселъ пьесы не выдержалъ двойного бремени, возложеннаго на него, и выстраданное, пережитое, затерялось въ пестрой смѣси эксцентричностей.

Таково это глубоко задуманное, мѣстами сверкающее талантомъ, но въ общемъ не выдержанное произведеніе. Послѣдовавшія за нимъ драмы еще болѣе понизили впечатлѣніе. Въ «Малюткѣ Эйольфѣ» видны признаки усталости, слабости, повтореніе разработанныхъ темъ, а въ «Джонѣ Габріэлѣ Боркманѣ» жизненность сюжета подорвана идеализаціей героя сомнительной нравственной силы, мистическимъ элементомъ, введеннымъ въ такую неподходящую къ нему обстановку, какъ міръ банковъ и спекуляцій. Герой «Эйольфа» надѣленъ сольнессовской боязнью конкурренціи съ молодежью, вѣчнымъ опасеніемъ, что придетъ *другой* и лучше напишетъ задуманную Альмерсомъ книгу. Но широкія цѣли Сольнесса здѣсь совсѣмъ сузились, и Альмерсъ, отказываясь отъ служенія человѣчеству, рѣшаетъ сосредоточить всѣ силы на заботахъ объ одномъ только существѣ, бѣдномъ ребенкѣ-уродцѣ. Въ Ритѣ, съ дру-

гой стороны, непомѣрно развитъ демонизмъ; съ фаталистической неизбѣжностью, въ духѣ старыхъ мелодрамъ, ея необдуманное, злое восклицаніе, призывающее на помощь судьбу, мгновенно исполняется, и сынъ гибнетъ въ морскихъ волнахъ. Безконечныя, мѣстами вяло развивающіяся пререканія между супругами заканчиваются примиреніемъ ихъ съ жизнью ради служенія бѣдному люду, но примиреніе недостаточно подготовлено, въ особенности по отношенію къ Ритѣ, у которой до того времени незамѣтно было и тѣни человѣколюбія; развязка поражаетъ внезапностью и ничего не разрѣшаетъ. Прежній Ибсенъ еще рѣже, чѣмъ въ «Сольнессѣ», напоминаетъ о себѣ; такая характерная, ярко гротескная сценка, какъ появленіе старой дѣвы-крысоловки, гипнотизирующей мальчика своимъ загадочнымъ видомъ, теряется среди безцвѣтныхъ діалоговъ.

Прожектеръ и страстный дѣлецъ, Боркманъ по-своему поэтъ и мечтатель; онъ считаетъ себя однимъ изъ «избранниковъ», непонятымъ и неоцѣненнымъ; вѣчно воспаленная голова полна плановъ и комбинацій: не злостнымъ хищникомъ, ликующимъ при мысли, сколько разоренія внесутъ въ жизнь его новыя спекуляціи, но виртуозомъ финансоваго прожектерства, поклоняющимся ему, какъ таинственному и могучему искусству, среди неудачъ и крушенія тоскующимъ по любимой дѣятельности, выставленъ онъ. Это—возможное, реальное лицо. Когда-то жизнь дала ему на выборъ или счастье съ любимой дѣвушкой, или банковскую карьеру;—онъ выбралъ послѣднюю, потому что иначе не могъ поступить; мы застаемъ его разбитымъ, опозореннымъ, послѣ суда и тюрьмы; словно «больной волкъ» мечется онъ въ своей уединенной комнатѣ изъ угла въ уголъ, услаждая себя по временамъ меланхолической, томительной музыкой, и, несмотря ни на что, втайнѣ вѣритъ въ свое возрожденіе и все ждетъ депутаціи, которая снова призоветъ его къ дѣламъ. Но вотъ этимъ живымъ лицомъ завладѣваетъ авторскій символизмъ, и банкиръ-мечтатель превращается въ мистика. Онъ чувствуетъ, что между нимъ и богатствами, скрытыми въ нѣдрахъ земли, есть таинственная связь; съ дѣтства онъ слышитъ и понимаетъ «пѣснь руды»; онъ призванъ освобождать металлы отъ мрака и заточенія, пускать ихъ въ оборотъ между людьми, доставлять золоту могущество надъ міромъ. Къ тоскѣ по дѣятельности присоединяется немолчный зовъ невышедшихъ на волю сокровищъ. Но Боркманъ къ тому же сынъ рудокопа; его роковымъ образомъ влечетъ къ себѣ минеральное царство; въ его страсти къ золоту немалая доля наслѣдственности. По наклонной плоскости не трудно было далеко отойти отъ первоначальнаго замысла, полнаго реальной силы,—и въ самой развязкѣ пьесы снова сказалась та же роковая, губительная мощь металла; точно отъ прикосновенія его «леденящей руки», обрывается жизнь неудачника.

Но, какъ у Сольнесса, призваннаго къ роли положительной личности и получившаго автобіографическое назначеніе, себялюбіе, хищные инстинкты и эксплоататорство порождали неясное, сбивчивое впечатлѣніе, такъ фигура финансиста-фантазера, даже съ неизбѣжною примѣсью мистицизма и символики, тускнѣетъ отъ такихъ выразительныхъ подробностей его біографіи, которыя показываютъ въ немъ, несмотря на поэзію капитализма, прежде всего хищника, расточившаго довѣренные ему милліоны, для котораго тюремное заключеніе было не напраслиной, а заслуженной карой. Не несчастье или гоненіе судьбы привело его къ гибели; на широкую ногу затѣянная плутня, или, вѣрнѣе, сѣть дутыхъ предпріятій, «сорвалась». Изобразить у такого афериста умѣнье красиво разрисовывать и обѣлять свои поступки, конечно, было заманчиво для драматурга, но, слишкомъ настаивая на мистическомъ освѣщеніи и придавая какъ будто особое значеніе личности, нравственно неразборчивой и неспособной вызвать симпатію, авторъ впалъ въ рѣзкое противорѣчіе съ собой. Надъ трупомъ Боркмана примиряются двѣ сестры, соперницы въ любви къ нему, онѣ оплакиваютъ человѣка, котораго «сгубили его холодность и безсердечіе», но сѣтованія и оправданія не дѣйствуютъ на читателя...

Если притязанія Боркмана на роль избранника, вождя, для котораго «недѣйствительны» обычные законы и мотивы, разбиваются подлинными фактами его дѣятельности (онъ признаетъ, напримѣръ, что изъ сбереженій, довѣренныхъ банку, онъ пощадилъ только деньги своей прежней невѣсты) и включить его въ нѣкогда длинный списокъ ибсеновскихъ «представительныхъ личностей» не удастся, то, какъ мономанъ, онъ очерченъ сильными штрихами. Рядомъ съ нимъ поставлена другая жертва банковскаго крушенія, Фольдаль, взирающій на финансоваго генія-неудачника снизу вверхъ; ихъ угнетенное душевное состояніе, постоянно возвращающіяся загадыванія о томъ, придутъ или не придутъ звать Боркмана вступить снова въ банкъ, воспроизведены съ большимъ мастерствомъ,—несравненно удачнѣе той сцены, гдѣ Боркманъ въ лицо Эллѣ Рентгеймъ признается, что когда-то отрекся отъ счастья съ нею изъ-за денегъ и карьеры, въ оправданіе ссылается на высшія велѣнія судьбы и, когда у нея вырывается презрительное восклицаніе: «негодяй», печально прибавляетъ: «мнѣ уже нѣсколько разъ говорили это слово!»

Лучшія творческія усилія сосредоточены на изображеніи главнаго лица; въ сравненіи съ нимъ остальные дѣятели пьесы блѣдны; блѣдна и небогата содержаніемъ фабула. Двѣ сестры, Элла, навсегда оставшаяся вѣрною своей любви, и Гунхильда, вышедшая за Боркмана, несчастная съ нимъ, вѣчно роптавшая и съ своей стороны отдавшаяся маніи, будто

ихъ сынъ Эргартъ призванъ «выполнить миссію» и спасти ихъ честь,— самъ Эргартъ, полный жизнерадостныхъ влеченій и не расположенный къ какимъ бы то ни было миссіямъ,—кокетничающая съ нимъ соломенная вдовушка, весь этотъ несложный составъ dramatis personae вызываетъ лишь умѣренный интересъ. Исходъ пьесы предчувствуется съ самаго ея начала; химерическія ожиданія Боркмана не осуществятся; среди семейнаго разлада онъ грустно плетется къ неизбѣжной развязкѣ. Если борьба сестеръ и обѣщала подъемъ дѣйствія, то послѣ того какъ Эргартъ покидаетъ домъ, энергія борьбы падаетъ.

Слухи о художественныхъ планахъ Ибсена настойчиво твердили о задуманномъ имъ продолженіи «Норы». Но связей съ прекрасной пьесой зрѣлаго періода не было въ новой драмѣ. Нельзя было не пожалѣть о томъ, что вмѣсто причудливаго сочетанія банкирскихъ операцій и мистики поэтъ не далъ послѣсловія къ старой фабулѣ. Оставивъ въ сторонѣ психопатическіе характеры, которыми онъ такъ усердно занимался въ послѣдніе годы, вернувшись изъ полутьмы къ дневному свѣту и здоровымъ людямъ, ихъ нуждамъ и борьбѣ, онъ снова испыталъ бы, вѣроятно, приливъ боевыхъ силъ и возобновилъ почетный трудъ соціальнаго драматурга. Вѣдь въ послѣдніе 25 лѣтъ, напримѣръ, женское движеніе въ Скандинавіи сильно двинулось впередъ. Наивное невѣдѣніе куколки-Норы среди развивающейся эманципаціи, допускающей женщину въ университетъ и въ общественную дѣятельность, стало уже казаться анахронизмомъ. Нужно спѣшить подмѣтить новыя формы, принимаемыя жизнью, новыя проявленія воли и характера, драматическіе конфликты. Хотѣлось вѣрить, что поэтъ снова, безъ аллегорическихъ околичностей, скажетъ обществу столь нужное ему, вѣское, нерѣдко ободряющее слово.

Но этимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться. Надъ пьесой, которая осталась послѣднимъ, недоговореннымъ словомъ драматурга, надписано было грустное заглавіе—«Когда *мы, мертвые*, пробуждаемся»...; ей придано наименованіе *эпилога*; не живое и бодрое слово, а подведеніе итоговъ жизни слышится въ ней; снова выдвинуты ноющіе мотивы «Сольнесса», раздумье и самоосужденіе художника, сошедшаго съ идеальныхъ высотъ, чтобы служить презрѣнной мѣщанской прозѣ; послѣдній призывъ вернуться къ покинутымъ замысламъ, подняться въ тѣ области, откуда развернется передъ нимъ «величіе міра», снова является роковымъ и ведетъ къ гибели. Сюжетъ опять насыщенъ психозомъ, женская портретная галлерея обогатилась контрастомъ олицетвореній здоровой непосредственности и нервнаго, тревожнаго порыванія къ невѣдомымъ горизонтамъ; символы и таинственные намеки нагромоздились въ такомъ небываломъ излишествѣ, что, по мѣткому замѣчанію такого иб-

сениста, какъ Лицманнъ [1]), до сущности пьесы приходится добираться сквозь массу вопросительныхъ знаковъ, останавливающихъ критика на каждомъ шагу. Томительный, зловѣщій символъ пробужденія людей, которые лишь въ эту минуту сознаютъ, что не жили и были всегда мертвецами, повидимому примѣненный къ жизни и дѣятельности самого писателя (никогда ибсеновскія субъективныя ноты не слышались такъ ясно, какъ въ рѣчи Рубека), являлся суровымъ и незаслуженнымъ приговоромъ, который могла внушить только старческая, неутѣшная меланхолія. Судьба послала вскорѣ поэту настоящее, не вымученное испытаніе, передъ которымъ поблѣднѣли прежнія его горести. Нервный ударъ подкосилъ безпримѣрную, неутомимую энергію, прервалъ на полусловѣ долгую художественную проповѣдь. Наконецъ настало вѣчное безмолвіе...

Но не изгладится изъ памяти то, что совершилъ, споря подъ конецъ съ разрушительнымъ дѣйствіемъ времени, этотъ своеобразный человѣкъ. Пусть ошибался онъ, создавая для будущаго строя несбыточныя формы, внушенныя ему культомъ героевъ; пусть только на склонѣ лѣтъ онъ увѣровалъ въ силу общественной и народной самодѣятельности, а избытокъ философіи и символизма не разъ парализовалъ его правдивое, ярко-реалистическое творчество,—въ рядахъ изслѣдователей и изобразителей новаго человѣчества за нимъ обезпечено одно изъ выдающихся мѣстъ. Когда-то онъ сказалъ о себѣ въ стихотвореніи, что не отважится дать людямъ *рѣшенія* томящихъ ихъ вопросовъ, но будетъ счастливъ, если поможетъ оздоровленію человѣчества. Къ нему не обратятся за этимъ рѣшеніемъ, съ нимъ поспорятъ, быть можетъ, относительно его этическихъ взглядовъ, напримѣръ поклоненія *цѣльности* характера, даже если она примѣняется къ вредному дѣлу [2]),—но будущій историкъ нашего времени найдетъ въ средѣ ибсеновскихъ дѣйствующихъ лицъ и въ особенности героинь цѣнный матеріалъ для познанія жизни и людей второй половины 19-го вѣка; драматургъ-психологъ съ изумленіемъ остановится передъ захватывающей сценической силой его лучшихъ созданій, актеръ-художникъ будетъ считать особой честью возможность воплотить ихъ, а цѣнитель вліянія литературнаго слова на умы вспомнитъ о положительныхъ заслугахъ Ибсена и въ этой области. Былъ ли этотъ богато одаренный человѣкъ полнымъ выразителемъ духовной жизни нашего вѣка,—другой вопросъ. Вѣдь мы знаемъ, что Ибсенъ всегда стоялъ одиноко, въ сторонѣ отъ школъ и направленій родного края, и отъ европейскихъ движеній, несмотря на повременныя старанія свои усвоить,

---

1) Ibsens Dramen, Hamburg, 1902, 168.

2) Bernard Shaw въ книгѣ, раскрывающей будто бы „квинтэссенцію ибсенизма“ (Lond., 1891) при всемъ сочувствіи къ поэту, признаетъ за нимъ „immoral tendency“. Ему тогда же возразилъ Вил. Арчеръ, New Review, 1891, XI.

напримѣръ, основы дарвинизма, новую психологію и т. д. Мы не станемъ сравнивать его ни съ Нитче, ни съ другими новѣйшими проповѣдниками крайняго развитія личности,—и потому, что въ немъ слишкомъ много самобытности, и потому, что жизнь перевоспитала и привлекла его къ себѣ. Ему самому казалось (предисловіе къ «Катилинѣ»), что онъ весь вѣкъ свой только изучалъ «трагикомедію человѣчества и личности, контрастъ силъ и желаній». Но все же, когда бывало въ водоворотѣ современности возникали осложненія и запросы,—мысль невольно неслась туда, гдѣ въ дали и глуши сѣвера доживалъ свой вѣкъ художникъ-отшельникъ; что скажетъ онъ, какъ отзовется? Немногіе изъ популярнѣйшихъ людей нашего времени раздѣляли съ нимъ эту участь. Изъ нихъ онъ, быть можетъ, всѣхъ сумрачнѣе. Точно угрюмая гранитная скала высилась одиноко надъ рокочущимъ моремъ, точно вѣковой дубъ-гигантъ, склоняясь подъ тяжестью снѣговой шапки, нахмурился и думалъ про себя свою думу.

ГРИБОѢДОВЪ [1]).

«О, тягостна для насъ жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волной и въ грани узкія втѣсненная судьбой!...» Печальные стихи Баратынскаго—прекрасный эпиграфъ для біографіи его друга Грибоѣдова. Эту честь можетъ съ ними раздѣлить защитительная рѣчь Истины (въ знаменитомъ радищевскомъ «Снѣ») за смѣлыхъ людей, которые «возникаютъ изъ среды народныя, чуждые надежды мзды, чуждые рабскаго трепета, и твердымъ голосомъ возвѣщаютъ правду», открывая людямъ глаза на ужасающую дѣйствительность.

Такого сильнаго духомъ человѣка, втѣсненнаго судьбою въ «узкія грани», такого «странника земли, гдѣ все трепещетъ», вспоминаемъ и чествуемъ мы сегодня,—не только великаго художника слова, обличителя, комика, но и гражданина, готоваго отдать всѣ силы отечеству, одного изъ рѣдкихъ рыцарей правды, способныхъ преломить за нее копье съ кѣмъ бы то ни было.

Сто лѣтъ спустя послѣ рожденія нашего славнаго земляка намъ отрадно видѣть многолюдное собраніе его почитателей, сошедшихся на его родинѣ, когда-то возбудившей въ немъ своимъ закоснѣлымъ застоемъ пылкое юношеское негодованіе,—такъ близко отъ того, все еще уцѣлѣвшаго дома, гдѣ если и не родился Грибоѣдовъ (какъ утверждаютъ безъ достаточнаго основанія), то во всякомъ случаѣ провелъ дѣтство и раннюю молодость,—въ стѣнахъ того университета, гдѣ впервые (благодаря такому прекрасному наставнику, какъ Буле) прозрѣлъ онъ, быть можетъ, въ той же залѣ, гдѣ въ торжественные дни среди учащейся молодежи можно было нѣкогда разглядѣть смышленое, нервно-подвижное, часто озарявшееся насмѣшливою улыбкой, лицо совсѣмъ юнаго барченка изъ-подъ Новинскаго, волею судебъ и дальновидной, честолюбивой матери превращеннаго въ студента «этико-политическаго

---

1) Вступительное слово на торжественномъ засѣданіи Общества любит. рос. словесности въ московск. университетѣ 6-го янв. 1895.

отдѣленія», и искренно привязавшагося къ наукѣ. [1]) Мысль уносится въ глубь давно прошедшаго, къ годамъ безпечнаго дѣтства великаго писателя,—и во всемъ своемъ страстномъ, необычайномъ разнообразіи раскрывается жизнь, послѣдовавшая за вступительной идилліей,—жизнь, на взглядъ Пушкина, по истинѣ «бурная», и прервавшая ее смерть, «мгновенная и прекрасная».

Холодную, дѣловито-чиновничью маску, скрывающую отъ насъ настоящаго Грибоѣдова въ большинствѣ общеизвѣстныхъ и притомъ плохихъ портретовъ, съ теченіемъ времени навязавшихъ его своеобразной физіономіи уродливую и небывалую прическу [2])—эту маску нужно сбросить долой, чтобъ озарилось страстью и мыслью лицо человѣка съ горячимъ, смолоду неукротимымъ характеромъ. Среди задремавшаго въ домашнихъ добродѣтеляхъ общества, онъ словно чудомъ сберегъ страстный темпераментъ, и, когда годы и испытанія охладили, казалось, его натуру, она все еще клокотала подъ своей корой, какъ остывающій потокъ лавы, какъ струя водопада, покрывшагося ледянымъ налетомъ [3]). Онъ не годился въ мирные граждане царства флегмы, уютно размѣщающаго всѣхъ по «гранямъ узкимъ», и вѣчно рвался изъ нихъ.

Мятежное настроеніе мальчика, не поддающагося семейному и сословному гнету, патріотизмъ юноши, порывающагося бороться съ непріятелемъ, покорителемъ его отечества, оргіи съ горя и отъ скуки въ литовской глуши молодого кавалериста, чуть не принизившія его чело-

---

[1]) Въ числѣ вновь добытыхъ для біографіи Грибоѣдова данныхъ особый интересъ представляетъ показаніе его въ прошеніи объ увольненіи отъ военной службы (разысканномъ Н. В. Шаломытовымъ и еще не напечатанномъ) о томъ, что по окончаніи курса онъ спеціально занялся наукой и искалъ ученой степени („находясь въ званіи кандидата правъ московскаго университета, я былъ готовъ къ испытанію для поступленія въ чинъ доктора, когда получено было извѣстіе о вторженіи непріятеля въ предѣлы отечества нашего").

[2]) Это доказываетъ П. А. Ефремовъ, сличивъ десятки портретовъ и опредѣливъ пору, съ которой по прихоти П. А. Каратыгина (видѣвшаго Грибоѣдова лишь въ школьные свои годы) въ портретѣ писанномъ Крамскимъ, которому онъ передалъ свои воспоминанія о внѣшности Гр., надъ лбомъ писателя воздвигся уродливый кокъ. Постепенное измѣненіе портрета можно было изучить на „грибоѣдовской выставкѣ" Общества люб. рос. словесн., устроенной ко дню юбилея.

[3]) „Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ:
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

вѣческое достоинство, неустрашимость «секретаря бродячей миссіи», блуждающаго по опаснымъ захолустьямъ Персіи, ведя за собой толпу несчастныхъ, оборванныхъ земляковъ, вырванныхъ имъ изъ плѣна, мечты друга декабристовъ, борьба сатирика съ обществомъ и строемъ вещей, строптивость арестанта по тяжкому политическому дѣлу, храбрость на войнѣ, на дуэли, среди рѣзни въ Тегеранѣ [1]), мгновенная вспышка сильной любви чуть не на краю гроба,—яркія черты личности независимой, порывистой, оригинальной во всемъ,—такого человѣка, который въ безгласную и глухую пору могъ сказать о себѣ: «я какъ живу, такъ и пишу свободно».

Эти богатыя силы, этотъ огонь воодушевленія и культъ независимости принесены были въ даръ людямъ, массѣ, обществу, отечеству. Они не выродились въ отчаянную храбрость головорѣзовъ-партизановъ двѣнадцатаго года, типа Дениса Давыдова, или въ эксцентричность избалованныхъ чудаковъ-эгоистовъ, которымъ тепло жилось и при такъ называемомъ старомъ порядкѣ. Отстаивая личную свободу, они посвящены были съ еще большимъ жаромъ идеѣ обновленія народной жизни, борьбѣ съ различными ея врагами, не показной и не разсчитанной на эффектъ, но неизмѣнной, занявшей собой всѣ лучшіе помыслы человѣка, потому что онъ не могъ молчать и равнодушно смотрѣть на противорѣчія и несправедливости жизни. Онъ любитъ правду, смолоду выступаетъ ея защитникомъ и, не щадя ни себя, ни другихъ, высказываетъ ее открыто. Удивляясь силѣ его ума, много современниковъ, свидѣтелей и очевидцевъ, преклоняются передъ его культомъ правды. Въ оцѣнкѣ, полной сочувствія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто удивленія, что подобные люди возможны, сходятся представители разнообразнѣйшихъ убѣжденій—Пушкинъ и Булгаринъ, Баратынскій и Бѣгичевъ, Александръ Одоевскій и Чаадаевъ, Бестужевъ и Ксенофонтъ Полевой; фальшивой нотой звучатъ дышащіе личнымъ раздраженіемъ посмертные счеты съ нимъ Муравьева Карсскаго или развѣнчаннаго Ермолова. Погрязшій потомъ въ лжи, клеветѣ и прислуживаніи Булгаринъ, вспоминая о томъ, кто въ дни молодости удостоилъ его дружбой, видимо испытываетъ сильное волненіе; некрологъ, превращающійся въ разсказъ о быломъ, ста-

[1]) Среди многочисленныхъ и разнородныхъ показаній о неустрашимости, съ которою Грибоѣдовъ встрѣтилъ смерть во время нападенія несмѣтной толпы на посольство, оставшись и тутъ вѣрнымъ холодной храбрости, ставшей на Кавказѣ ходячимъ анекдотомъ, только въ одномъ недавно оглашенномъ по-армянски разсказѣ бывшаго старшаго евнуха шахскаго гарема, Мирзы Якуба, котораго Грибоѣдовъ укрылъ у себя, есть указаніе, будто Грибоѣдовъ въ первые минуты опасности поддался самосохраненію и хотѣлъ скрыться отъ толпы. См. книгу г. Галуста Шармазаньяна „Матеріалы для національной исторіи. Знаменитые армяне въ Персіи", изданную по-армянски въ Ростовѣ-на-Дону, 1891.

новится искреннимъ и задушевнымъ; дойдя до потрясающихъ послѣднихъ минутъ жизни близкаго человѣка, онъ прерывается отъ слезъ и вздоховъ, — и это навѣрно были скорбныя, не крокодиловы слезы. Бестужевъ въ якутской ссылкѣ глубоко потрясенъ, узнавъ о трагической смерти Грибоѣдова. «Молнія не свергается на мураву, но на высоту башенъ и на главы горъ», восклицаетъ онъ [1]) и предается воспоминаніямъ; изъ далекаго прошлаго выступаютъ черты человѣка, одареннаго «катоновской суровостью», «презрѣніемъ къ низкой искательности», чуждаго лести и обмана, съ «благородной наружностью», мужественнымъ, выразительнымъ лицомъ, въ которомъ всегда «играла кровь сердца», съ «странными, отрывистыми» движеніями и пріемами, которые тѣмъ не менѣе «были приличны, какъ нельзя болѣе», съ мѣткими сужденіями, которыя невольно увлекали и очаровывали. Полевой, одинъ изъ немногихъ, сберегъ эти сужденія [2]) въ отпечаткѣ двухъ-трехъ грибоѣдовскихъ разговоровъ, — о Шекспирѣ [3]), о будущности русской комедіи, о свободѣ воли, о власти человѣка надъ собой, «ограниченной только физическою возможностью», о литературѣ, искусствѣ и политикѣ, неблагодарной и тяжелой политикѣ русскаго дипломата на востокѣ, изнурявшей силы одиночествомъ и отчужденностью отъ культуры; всюду яркими искрами сверкаютъ независимость, оригинальность, многостороннее образованіе, остроуміе.

«Это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи», говорилъ о немъ Пушкинъ, но онъ могъ бы выставить въ немъ на видъ еще болѣе рѣдкое у насъ качество стоической твердости и цѣльности. Признаніе декабристовъ, что они не открыли всей своей тайны Грибоѣдову, потому что «берегли его», увѣренные, что онъ принесетъ родной странѣ не меньше пользы на другомъ поприщѣ, высоко ставитъ его значеніе, какъ гражданина, одного изъ немногихъ достойныхъ тогда этого имени среди «изнѣженнаго племени переродившихся славянъ», къ которому обращалъ свои укоризны Рылѣевъ.

Великая сила погибла въ немъ; она пришлась не ко времени, не къ народу, не къ общественному строю. Не одинъ только Чаадаевъ былъ бы «въ Римѣ Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ», но и славный другъ

---

1) „Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ“, Русск. Вѣстникъ 1870 г., V; „Знакомство съ Грибоѣдовымъ“, ст. Бестужева, Отеч. Записки 1860, № 10.

2) Статья „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“ при изданіи „Горя отъ ума“. Спб., 1839.

3) Можно сгруппировать различныя проявленія шекспироманіи Грибоѣдова,— напр., сообщаемый Полевымъ отзывъ о *Бурѣ*, въ которой Гриб. находилъ красоты первоклассныя,—слѣды вліянія *Макбета* на „Грузинскую ночь“,—любопытный замыселъ его перевести „Ромео и Юлію“ (письмо Бѣгичеву, августъ 1824) и др.

его. Русскій строй продержалъ его въ теченіи большей части его сознательной жизни вдали отъ себя, въ почетномъ изгнаніи, своимъ упорнымъ отрицаніемъ его великой комедіи и разгромомъ всего поколѣнія, солидарнаго съ нимъ, рано осудилъ его на безмолвіе и потомъ надѣлилъ казеннымъ порученіемъ, по плечу любому исполнительному чиновнику. Родникъ благороднаго смѣха изсякъ, и его замѣнили неотвязная меланхолія, мысли объ удаленіи отъ людей, объ отдыхѣ, о долгихъ путешествіяхъ по Европѣ.

Нельзя равнодушно слышать изліянія его грусти, такъ часто переходившей въ ипохондрію. Еще писательскія терзанія его впереди и кризисъ не наступилъ, а въ стихотв. «Прости, отечество» (1819) онъ съ печальной ироніей восклицаетъ:

Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь...

Подъ гнетомъ вынесенныхъ потрясеній онъ молитъ Бѣгичева (1825 г.) «подать ему совѣтъ, чѣмъ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета», а годъ спустя горько сѣтуетъ: «кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ [1])... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ!.. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе наши Сардары, я думаю даже, что они ихъ ненавидятъ». Такъ писалъ человѣкъ, только что выпущенный изъ-подъ долгаго ареста... И, давно уже привыкнувъ грустно шутить надъ собой, примѣняя къ своимъ вѣчнымъ кочеваніямъ по свѣту пророчество: «и будетъ ти всякое мѣсто въ передвиженіе», онъ предается скитаніямъ, чтобы заглушить тоску; выпущенный на волю, одиноко бродитъ по Балтійскому взморью, взбирается на Крымскія горы, ищетъ участія въ кавказскихъ экспедиціяхъ, гарцуя подъ горскими пулями, чтобы подавить въ себѣ даже тѣнь страха смерти. Словно онъ пережилъ себя и всѣмъ сталъ чужой, какъ тотъ «странникъ земли», за котораго у Радищева заступилась Истина.

Вполнѣ ли онъ могъ чувствовать, что за него безыменная, здоровая, но еще безгласная Русь, наизустъ запомнившая его стихи? Вѣдь на по-

---

[1]) Слич. слова Чацкаго по первоначальной редакціи: „людьми считались съ малолѣтства (т.-е. считали, у кого сколько крѣпостныхъ) патриціевъ дворянскіе сынки, въ заслуги ставили имъ души родовыя“ и т. д.

верхности жизни ея творился тогда тотъ поразительный абсурдъ, который отрицалъ и запрещалъ то, что десятки тысячъ контрабандныхъ списковъ разносили по всей странѣ, что было на устахъ у всѣхъ. Нѣсколько десятилѣтій спустя одинъ изъ его преемниковъ въ области соціальной сатиры, Салтыковъ, сѣтовалъ на отчужденность русскаго писателя отъ его читателей. Какъ же скудно было общеніе между ними въ тяжелую пору двадцатыхъ годовъ! А оно необходимо было, какъ живительный воздухъ, для того, кто въ такой степени способенъ былъ принимать къ сердцу запросы и нужды отечества, «для чьей души ничего не было чужого, и она страдала болѣзнью ближняго, кипѣла при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи» [1]), кто негодовалъ на людей, желающихъ «навсегда оставить нашъ народъ въ младенчествѣ», горевалъ о безплодіи литературы, не умѣвшей выразить мысль народную.

Вмѣсто открытой, гласной поддержки культурной массы пришлось довольствоваться одиночнымъ сочувствіемъ немногихъ развитыхъ людей и двухъ-трехъ сносныхъ журналовъ, вмѣсто общественной дѣятельности — служебной лямкой, вмѣсто ученыхъ работъ, къ которымъ его влекло [2]),—дилеттантизмомъ вѣчнаго кочевника,—и никогда не испытать радостей драматурга, выносящаго свое созданіе на всенародный судъ, на сцену... Неудачная жизнь, хоть и осыпанная подъ конецъ всякими отличіями и почестями! По ней вьются, прикрашивая и оживляя ее, словно свѣжія гирлянды цвѣтовъ, иллюзія дружбы, любви, страсть къ музыкѣ, къ импровизаціи, за которою онъ «способенъ былъ забывать весь міръ».

Страстно привязывался онъ; на товарища-кавалериста Бѣгичева, поддержавшаго когда-то въ немъ духовное перерожденіе, не щеголявшаго развитіемъ, но честнаго и прямого, онъ смотрѣлъ какъ на «лицо высшаго значенія, неприкосновенное, какъ на друга, хранителя, котораго онъ избралъ себѣ съ ранней молодости какъ по симпатіи, такъ и по достоинству»; пріязнь къ Александру Одоевскому переходитъ, подъ вліяніемъ его гибели, въ нѣжнѣйшее участіе и глубокую печаль («въ стихахъ, въ душѣ тебя любилъ, и призывалъ, и о тебѣ терзался».—

---

1) Письмо къ Кюхельбекеру, янв. 1823 г.

2) „Замѣчанія, касающіяся исторіи Петра I", путевыя записки, полныя иногда (особенно послѣ посѣщенія Кіева) историческихъ замѣчаній и запросовъ, повсюду разсѣянные слѣды внимательнаго отношенія къ старинѣ, знакомства съ лучшими пособіями, показываютъ въ Гриб. увлеченнаго историка-дилеттанта. Занятія восточными языками (арабскимъ и персидскимъ въ Тавризѣ, турецкимъ въ Тифлисѣ) и изученіе поэзіи востока сулили ему будущность оріенталиста. Ермоловъ, задумывая школу восточныхъ языковъ въ Тифлисѣ, хотѣлъ поставить во главѣ ея Грибоѣдова. По окончаніи персидской войны разборъ доставшихся древнихъ восточныхъ рукописей порученъ былъ, на ряду съ Сенковскимъ, и Грибоѣдову.

Посланіе къ Одоевскому). Первый арабскій стихъ, который онъ посылаетъ Катенину, едва научившись на востокѣ новому языку, гласитъ: «величайшее несчастіе, когда нѣтъ истиннаго друга». А любовь?.. Пусть Бестужевъ приводитъ, какъ свидѣтель, брюзгливую выходку Грибоѣдова противъ женщинъ, приправленную ссылкой на Байрона,—она не помѣшаетъ признать мнимаго «мизогина» (какъ выражались у насъ въ старину) пламеннымъ, вѣчно увлекавшимся любовью, мечтателемъ. Кого не убѣдятъ страстныя, непослѣдовательныя, полныя ревности, сомнѣній и приливовъ чувства обращенія Чацкаго къ Софьѣ, эти правдиво подмѣченныя влюбленныя рѣчи умнаго и тонко развитого человѣка, тотъ пусть прислушается къ собственнымъ признаніямъ Грибоѣдова въ томъ чувствѣ, «отъ котораго онъ въ грѣшной своей жизни чернѣе угля выгорѣлъ» (письмо къ Бѣгичеву, 4 янв. 1825), перечтетъ недавно найденное письмо изъ Тавриза о неизвѣстномъ прежде увлеченіи его [1]) и полное необыкновенной нѣжности послѣднее письмо его къ женѣ (изъ Казбина), вспомнитъ прелестную повѣсть этой любви, освѣтившей канунъ его смерти и безпощадно порванной судьбою. Безъ привязанности, безъ иллюзій и грезъ не могъ бы прожить свою трудную, «бурную» жизнь этотъ необыкновенно даровитый и такъ мало оцѣненный человѣкъ.

Отъ его благородныхъ помысловъ, его любви къ отечеству, отъ его недовольства и протеста, культурной проповѣди и тонкой насмѣшки, шалостей, увлеченій, подвиговъ гражданина, осталось лишь небольшое литературное наслѣдіе,—всего одна комедія, но надъ ней въ высокоцѣнной, ранней, по большей части собственноручной рукописи автора (хранимой теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ) красуется краткая, глубоко грустная и сильнѣе позднѣйшаго заглавія дѣйствующая надпись—*Горе уму!*

Для эволюціи грибоѣдовскаго литературнаго таланта имѣютъ значеніе всѣ мелочи его недолгой писательской жизни, съ «Молодыхъ супруговъ» до «Грузинской ночи»; мы съ интересомъ видимъ, какъ вырабатывается изъ тяжелыхъ славяно-русскихъ оборотовъ первыхъ незрѣлыхъ вещицъ безподобный грибоѣдовскій стихъ; но вся сила таланта,

---

[1]) Сборникъ Общества любит. росс. словесности на 1891 г., „Письма А. С. Грибоѣдова къ Н. А. Каховскому", стр. 535: „Маленькую de la Fosse я непремѣнно къ себѣ беру. Рѣзвая, милая!.. Хочу веселости. Онъ (Мазаровичъ) мнѣ промежъ нравоучительныхъ разговоровъ объясняетъ, что домъ свой запретъ, если я въ новосельи сдружусь съ любовью. Шутитъ! можетъ, и дѣло говоритъ, но я вѣрно знаю, что если только залучу ко мнѣ мою радость, самъ во дворъ къ себѣ никого не пущу и, что вы думаете, на двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, запрусь!" — Теперь трудно разгадать, о комъ идетъ рѣчь.

ума, всѣ желанія и стремленія, весь негодующій протестъ воплотились только въ одномъ «Горѣ отъ ума». Блестки комизма въ «*Студентѣ*» или «*Своей семьѣ*» не спасутъ ихъ отъ забвенія; великая комедія споритъ съ временемъ. Вѣдь она—вѣрное отраженіе жизни этого необыкновеннаго человѣка, неразрывно связана съ нимъ и оставлена потомкамъ, какъ его завѣтъ. Булгаринская басня о томъ, будто не только завязка, но и весь планъ комедіи привидѣлись Грибоѣдову во снѣ, гдѣ-то въ Персіи, въ кіоскѣ, просто смѣшна, хоть онъ и ссылается на показанія автора [1]); смѣшна и живучесть этой басни, которую все еще иногда повторяютъ въ наше время, несмотря на выяснившуюся уже исторію «Горя отъ ума», съ его тремя редакціями и по меньшей мѣрѣ пятнадцатилѣтнимъ ростомъ, отъ наброска, сдѣланнаго новичкомъ-студентомъ, до заключительнаго текста, приноровленнаго къ сценическимъ требованіямъ. *Такихъ* созданій не увидишь во снѣ, съ одного дня на другой,— ихъ переживаютъ, ими болѣютъ, ими исповѣдуются передъ собою и людьми.

Современное поколѣніе свыкается съ мыслью о субъективномъ значеніи «Горя отъ ума»; замолкаютъ недоумѣвающіе вопросы: развѣ въ жизни самого Грибоѣдова было что-нибудь похожее на соперничество съ Молчалинымъ, столкновеніе съ Фамусовымъ, сплетню о сумасшествіи; какъ будто необходимо буквальное сходство фабулы съ личною жизнью! Нѣтъ, *не было* этого эпизода въ жизни Грибоѣдова, хотя сотни разъ долженъ былъ онъ лично испытывать и видѣть, что «Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ»; не говорилъ онъ «собору всѣхъ сѣдыхъ» въ салонѣ дяди именно того, что бѣситъ фамусовскую клику, но всю жизнь говорилъ правду въ лицо людямъ; не пустился онъ, очертя голову, въ странствія по свѣту послѣ двусмысленной сцены въ сѣняхъ у какого-нибудь Фамусова, но свою тоску и раздумье старался размыкать въ вѣчныхъ безпокойныхъ странствіяхъ, словно предтеча Печорина съ его планомъ поѣздки на востокъ. Въ рѣчахъ Чацкаго трепещетъ такое искреннее волненіе, какое, при всемъ умѣніи автора вживаться въ характеры дѣйствующихъ лицъ, могла вдохнуть въ героя комедіи лишь страстная личная убѣжденность писателя. Иной разъ безотчетно, мы поддаемся прежде всего этой искренности, словно заслушавшись горячихъ, блестящихъ, часто нетерпимыхъ рѣчей сатирика и испытавъ очарованіе, о которомъ говорятъ Пушкинъ, Бестужевъ, Полевой. Намъ до-

---

[1]) Грибоѣдовъ могъ просто пожелать мистифицировать Булгарина. Что-то нѣсколько схожее съ булгаринскимъ разсказомъ есть лишь въ письмѣ изъ Тавриза къ Шаховскому, 7 ноября 1820; Грибоѣдову привидѣлось во снѣ, что Шаховской, досадуя на его бездѣйствіе, требуетъ отъ него обѣщанія написать черезъ годъ пьесу, и Гриб. далъ ему „съ трепетомъ“ слово.

роги даже преувеличенія, полемическій задоръ, поспѣшные приговоры сгоряча, скачки и быстрые переходы въ темпѣ рѣчи, то чувствительной, то насмѣшливой,—вѣдь и это личныя свойства творца Чацкаго.

А убѣжденія героя комедіи,—что-то совсѣмъ своеобразное для той поры, слитое изъ народничества и европеизма, любви къ старинѣ и сочувствія современному общественному движенію, вздоховъ о былой здоровой простотѣ жизни, и поддержки такихъ благъ новой цивилизаціи, какъ высшее образованіе, свобода мнѣній, взаимное обученіе въ народной школѣ,—гордость новымъ вѣкомъ, когда «вольнѣе всякій дышитъ», въ человѣкѣ, способномъ позавидовать вѣковой замкнутости китайцевъ,—развѣ это не живой отпечатокъ взглядовъ самого Грибоѣдова съ его свободною ролью между партіями и направленіями, и русскимъ патріотизмомъ на европейской основѣ?

Но устами Чацкаго онъ говорилъ «за себя и за многихъ». Онъ самъ указалъ на то, что Чацкій «въ друзьяхъ особенно счастливъ»,—и конечно, друзья эти, среди которыхъ онъ не могъ не явиться руководителемъ и вождемъ, исповѣдывали тѣ же убѣжденія. Они, подобно ему, не владѣли готовою теоріей, выработанной въ мелочахъ программой дѣйствій, у нихъ было всего лишь «пять-шесть мыслей здравыхъ», но своею «связью съ министрами, потомъ разрывомъ» онъ показалъ имъ, что настало время людямъ «съ душой» искать вліянія на дѣла, остановить наплывъ реакціи. Изъ-за Чацкаго намъ видится его кружокъ, изъ-за Грибоѣдова—его поколѣніе, лучшіе люди двадцатыхъ годовъ, подъ знаменемъ народности, старины и европеизма, съ «Русской Правдой», отголосками старославянскихъ доблестей и англійской гражданственности, выступившіе, какъ пушкинскій «свободы сѣятель пустынный, до зари», и развѣянные по лицу земли.

Пусть же не задаютъ празднаго вопроса: возможенъ, реаленъ ли Чацкій. Онъ—живое, яркое и подлинное лицо,—потому что нѣкогда жилъ и дѣйствовалъ Грибоѣдовъ,—потому что его окружали, солидарные съ нимъ его единомышленники, въ которыхъ не разъ мы нашли бы чистокровныя черты Чацкаго. Это Чаадаевъ, Николай Тургеневъ, Рылѣевъ, Михаилъ Орловъ; въ предыдущемъ поколѣніи ихъ предтеча—Радищевъ; въ послѣдующемъ, какъ мѣтко указалъ еще Гончаровъ, ихъ потомки—Бѣлинскій и Герценъ. Родословное древо Чацкаго разрастается, раскидываетъ вѣтви и крѣпко пустило корни въ почву.

Но и въ кругу произведеній всемірной литературы, воплотившихъ вѣчный трагическій конфликтъ личности съ обществомъ и проповѣди свѣта съ застоемъ, «Горе отъ ума» занимаетъ *свое* мѣсто, къ великой чести того племени, въ которомъ создалось.

Тщетно ждемъ мы второго «Горя отъ ума», въ которомъ, какъ въ

зеркалѣ, отразились бы вѣчно живые и только щеголяющіе теперь въ новыхъ нарядахъ грибоѣдовскіе герои, въ которомъ снова намѣчены и смѣло поставлены были бы насущные наши вопросы и раздался бы, словно благовѣстіе, призывный голосъ новаго Чацкаго. Большіе успѣхи сдѣлала бытовая комедія, многое сумѣла наблюсти и описать, но не возвращается къ ней «божественный глаголъ» и не въ силахъ она подняться до той высоты, на которую возвелъ ее когда-то писатель, способный въ рамку случайнаго московскаго анекдота вложить душевную исповѣдь передового мыслителя и неудавшагося общественнаго дѣятеля. Въ дни малокровія, равнодушія и безпринципности, какъ освѣжающій дождь, подѣйствовали бы рѣчи современнаго намъ Чацкаго—Грибоѣдова. Неужели Радищевъ правъ, и «едва одинъ такой человѣкъ родится въ столѣтіе»? Гончаровъ утверждалъ, что Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ вѣка,—отчего же медлитъ онъ выступить съ своимъ словомъ, предоставляя властныя рѣчи Молчалинымъ и Загорѣцкимъ? Не вымерли люди мысли, воли и силы, и грибоѣдовская комедія, этотъ завѣтъ поэта-гражданина, не перестала воспитывать насъ!..

«Она, какъ столѣтній старикъ, около котораго всѣ, отживъ по очереди свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходитъ, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей. И никому въ голову не приходитъ, что настанетъ когда-нибудь и его очередь». Такимъ неудачнымъ сравненіемъ Гончаровъ началъ свой прекрасный этюдъ о «Горѣ отъ ума». Позвольте мнѣ кончить слово мое коренною поправкой этого сравненія. Слишкомъ много жизни и страсти въ великой комедіи, чтобы румяное, искусственно консервированное старчество могло служить ей эмблемой. Нѣтъ, наша общая любимица—вѣчно юная красавица, и вдохновенный блескъ ея очей влечетъ за собой впередъ, къ свѣту, всѣхъ, въ комъ не заглохли чистыя стремленія.

ПУШКИНЪ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Мысль о завоеванномъ Пушкинымъ значеніи европейскаго поэта, воспоминанія о знаменательной порѣ, когда въ его лицѣ вступилъ «въ сеймъ первоклассныхъ правителей европейскихъ умовъ» [1]) представитель русскаго народа, льстятъ національному самолюбію. Но чувство «народной гордости» мирится съ подобною ролью поэта лишь при условіи его полной самобытности, подъ знаменемъ которой онъ только и могъ войти въ кругъ вождей человѣческой мысли и творчества. Зависимость отъ чужихъ образцовъ, воспитывающее вліяніе иноземной поэзіи, сильное возбужденіе извнѣ, хотя бы съ оттѣнкомъ свободнаго литературнаго обмѣна и солидарности съ современными умственными и художественными стремленіями, разстраиваютъ ходячее представленіе о національномъ поэтѣ, и, чтобы сгладить противорѣчія, создается цѣлая теорія борьбы его за самостоятельность. Внѣшнія вліянія она считаетъ неизбѣжнымъ зломъ, симптомами прилипчивой болѣзни, которую нужно во что бы то ни стало одолѣть. Она слѣдитъ за тѣмъ, какъ жизненная энергія Пушкина обезвреживала одинъ ядъ за другимъ—сначала вольтерьянство, потомъ байронизмъ; она сочувствуетъ только сильному пріему шекспировскаго противоядія и ликуетъ, выведя, наконецъ, оздоровленный талантъ на свободу.

Юбилейная литература, всегда склонная къ лиризму, гиперболамъ и односторонности, конечно, открыла просторъ для примѣненія этой теоріи и, наперекоръ признаніямъ поэта въ томъ, что онъ «съ ума сходилъ о Байронѣ», что Байронъ былъ властителемъ его думъ и т. д., доказывала, напр., ничтожество или безполезность байроновскаго вліянія. Но вѣрнаго пониманія и оцѣнки значенія Пушкина нельзя достигнуть пристрастной ломкой фактовъ. Процессъ его развитія долженъ быть изслѣдованъ во всей связи вліявшихъ на него причинъ. Соотношеніе тѣхъ основныхъ началъ всякой человѣческой дѣятельности, которыя

---

[1]) Выраженіе Ив. Кирѣевскаго, привѣтствовавшее успѣхи Мицкевича (Обзоръ русской словесности за 1829 годъ).

Тардъ предложилъ назвать *подражаніемъ* и *изобрѣтеніемъ* или творчествомъ, одно только можетъ опредѣлить размѣры и силу истинной самобытности Пушкина. Во всякомъ случаѣ нужно примириться съ мыслью не только о неизбѣжности подражанія или заимствованія, но и о его закономѣрности, о всемірномъ круговоротѣ идей, образовъ, замысловъ, формъ. Для сильнаго таланта, у котораго *есть* что прибавить къ усвоенному извнѣ, это усвоеніе—прекрасная школа самостоятельности. Пушкинская поэзія послѣдняго періода—убѣдительный примѣръ.

Начиная съ безсистемной начитанности подростка-лицеиста и кончая широкимъ знакомствомъ опытнаго писателя съ міровой литературой, отличительной чертой развитія Пушкина всегда былъ космополитизмъ вкусовъ и художественныхъ интересовъ, достойный гражданина «республики словесности», которому ничто не чуждо, который не знаетъ преградъ расы, культуры, времени и (нѣсколько измѣняя мольеровское изреченіе) умѣетъ цѣнить *добро* всюду, гдѣ его ни встрѣтитъ. Съ 1814 года, когда въ стихотвореніи *Городокъ* онъ подвелъ итогъ прочтеннымъ съ любовью иностраннымъ сочиненіямъ и вызвалъ на перекличку наиболѣе цѣнимыхъ имъ европейскихъ и русскихъ поэтовъ, безостановочно двигается онъ впередъ въ изученіи всеобщей словесности. Не только выдающіяся имена, но даже нерѣдко второстепенные ея дѣятели были ему извѣстны. Его журнальныя статьи, критическія замѣтки, записныя тетради, письма полны отзывовъ, характеристикъ, сужденій по поводу всевозможныхъ фактовъ изъ старой и новой литературы. Иногда въ небольшомъ стихотвореніи заключена историко-литературная страница, напр., въ *Сонетѣ*, гдѣ вспомянуты всѣ великіе сонетисты: Дантъ, Петрарка, Камоэнсъ, Мицкевичъ; до автора *Онѣгина* доходятъ нападки на излишнюю веселость романа,—мгновенно выростаетъ въ письмѣ объ этомъ историческая справка, и рядомъ съ *Онѣгинымъ* становятся такіе примѣры шутливой поэзіи, какъ «Vert-Vert», «Hudibras», «Неистовый Орландъ», «Pucelle», «Рейнеке Фуксъ». Съ отзывами и приговорами можно иногда не соглашаться, находить пробѣлы, вызванные недочетами научной подготовки, но нельзя не признать значенія литературнаго энциклопедизма, рѣдкаго и въ то время, и въ позднѣйшую пору среди нашихъ поэтовъ и беллетристовъ. Но параллельно съ эстетическимъ всевѣдѣніемъ шло фактическое усвоеніе чужеземнаго искусства. Дилеттантъ-историкъ литературы и критикъ-любитель становился ученикомъ Данта, Гёте, Байрона, Шенье, Шекспира и переносилъ ихъ образы, ихъ пріемы въ русскую поэзію.

Такимъ, въ общихъ очертаніяхъ, представляется литературный европеизмъ Пушкина, обусловленный преобладаніемъ сначала французскаго, потомъ англійскаго вліянія (въ предѣлахъ послѣдняго — байронизма,

шекспироманіи и поклоненія Вальтеръ-Скотту) и завершившійся къ концу жизни поэта почти одинаково интенсивнымъ изученіемъ всѣхъ новѣйшихъ литературъ, которое совпало съ наибольшей самобытностью и народностью его творчества. Но необходимо отдать себѣ отчетъ въ частностяхъ и прослѣдить ходъ развитія этихъ разнообразныхъ интересовъ.

На лицейскомъ періодѣ лежитъ печать галломаніи, привитой домашнимъ воспитаніемъ, ранней обстановкой и господствующимъ вкусомъ. Но въ сочувствіяхъ юноши къ главнымъ дѣятелямъ и направленіямъ необыкновенно много старомоднаго, отжившаго или медленно умиравшаго. Не странно ли видѣть того, кому суждено было сдѣлаться, хотя въ періодъ горячей юности, выразителемъ общественныхъ стремленій отечества, въ зависимости отъ такой посредственности, какъ Парни, захватившій своею жизнью почти по ровной части изъ 18-го и изъ 19-го вѣка, и, словно забывъ о великихъ минувшихъ событіяхъ, а въ новой средѣ не вѣдая ни Шенье, ни Беранже, ни Шатобріана, изощрявшійся среди реставраціи, съ ея политическими тревогами и борьбою, въ сладостныхъ любовныхъ бездѣлкахъ! Парни встрѣчался среди любимыхъ Пушкинымъ поэтовъ съ авторомъ остроумной, скоромной сказочки изъ монастырскаго быта «Vert-Vert» Грессе («пѣвцомъ прелестнымъ», читаемъ въ стих. *Моему Аристарху*), съ полудюжиной салонныхъ аббатиковъ, кропателей мадригаловъ, пасторалей и игривыхъ стихотворныхъ новеллъ. Даже въ *Русланѣ и Людмилѣ* (подстать, впрочемъ, къ такимъ анахронизмамъ въ поэмѣ изъ мнимо *русской* старины, какъ упоминанія о Мельпоменѣ, Кипридѣ, Цитереѣ, Лемносѣ, о «рыцаряхъ парнасскихъ горъ», о «пастушкахъ» и т. п.) все еще является неизбѣжный Парни («Милѣе по слѣдамъ Парни» и т. д.)!

Но безконечно выше стихотворческой мелкоты 18-го столѣтія юноша ставилъ того, кого онъ сразу назвалъ «во всемъ великимъ, единственнымъ старикомъ»,—Вольтеръ,—чью біографію онъ прочелъ еще въ школѣ, на котораго много разъ ссылался, кому подражалъ даже въ дѣтской поэмѣ, чьи стихи переводилъ, и такъ настойчиво зачисленъ былъ современниками въ число его приверженцевъ, что «вольтерьянство» Пушкина не подвергается сомнѣнію. Сопоставляя, однако, разновременныя оцѣнки Вольтера, мы найдемъ, что онъ останавливался съ особымъ сочувствіемъ на одной сторонѣ вольтеровскаго значенія—на блескѣ, остроуміи, смѣлой насмѣшкѣ, почти не касаясь великаго, освобождающаго вліянія его на умы, культурной миссіи, роли реформатора законодательства, проповѣдника гуманности и свободы мысли. Для подростка-Пушкина Вольтеръ—«фернэйскій *злой* крикунъ, сѣдой шалунъ», для автора посланія «Къ вельможѣ» онъ—«циникъ посѣдѣлый, умовъ

и моды вождь пронырливый и смѣлый», расточающій въ избыткѣ веселость; для автора статьи «Современника» о перепискѣ Вольтера съ президентомъ де-Броссомъ это—«идолъ Европы, первый писатель ея, предводитель умовъ, но и въ старости не привлекавшій уваженія къ своимъ сѣдинамъ, съ лаврами, обрызганными грязью». Успѣхъ Вольтера сосредоточивался для него въ силѣ смѣха и игривости. Сообразно съ этой оцѣнкой выбраны и стихотворенія для перевода. Это—отрывокъ слабой и давно вывѣтрившейся *Pucelle*, это—*Стансы*, *Сновидѣніе* и др. Когда Ѳ. Туманскій предрекалъ Пушкину, что ему предстоитъ въ Россіи роль Вольтера *по отношенію къ истинному просвѣщенію* [1]), онъ, очевидно, указывалъ ему на тотъ пробѣлъ, пополнивъ который и пройдя *истинно*-вольтеровскую школу, поэтъ могъ бы и до откровеній байронизма занять не только по красотѣ стиха руководящее мѣсто въ отечественной поэзіи.

Слѣдовъ серьезнаго вліянія другихъ важнѣйшихъ французскихъ мыслителей и политико-соціальныхъ писателей 18 вѣка незамѣтно, хотя въ знакомствѣ съ ихъ произведеніями сомнѣваться нельзя. Имя Руссо мелькнуло еще въ *Городкѣ*, при случаѣ встрѣчается и Дидро, но цѣлой полосы въ развитіи французской мысли какъ будто не бывало для того, кого принято считать однимъ изъ знатоковъ до-революціонной Франціи. Ея внѣшній бытовой видъ ясно рисовался Пушкину и далъ ему живую картину парижскаго общества временъ регентства (во вступительныхъ главахъ *Арапа Петра Великаго*), — но Парни все же одержалъ верхъ надъ энциклопедизмомъ.

Современная французская словесность, на которую ему указывали и Кюхельбекеръ, и Чаадаевъ, должна была, однако, рано или поздно, оттѣснить на второй планъ архаическія пристрастія. Быть можетъ, первое имя, привлекшее его въ этой области, принадлежало автору *Дельфины* и книги о Германіи, блестящей эссеисткѣ, открывшей французамъ таинственную прелесть нѣмецкаго романтизма, и въ то же время смѣлой противницы Наполеона. Съ ранней поры и до послѣднихъ дней (напр., въ статьѣ *Госпожа Сталь и г. Мухановъ*, или въ началѣ отрывка *Рославлевъ*, гдѣ даже выведена madame de Staël во время ея пріѣзда въ Россію) Пушкинъ выражалъ сочувствіе этой предтечѣ свободомыслія французскихъ романтиковъ и готовъ былъ записаться въ число ея послѣдователей («Мухановъ мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. *M-me Staël наша—не тронь ея*», — писалъ онъ въ 1825 г. Вяземскому). Еще въ дѣтствѣ встрѣтившее его своимъ веселымъ блескомъ имя Беранже (которому поклонялись его отецъ и

[1]) Бартеневъ, „А. С. Пушкинъ“, II, 1885, стр. 130.

дядя) также поманило его къ себѣ не столько возраставшей силой политическаго вліянія и заступничествомъ за народныя нужды, сколько «живою прелестью стиха», порою столь близкаго къ поэтическимъ шалостямъ Пушкина. Но если *Моя родословная*, выданная авторомъ за «вольное» будто бы «подражаніе Байрону», и по общей мысли, и по припѣву «я просто—русскій мѣщанинъ», напоминаетъ извѣстное стихотвореніе Беранже «Le vilain» съ его припѣвомъ «Je suis vilain et très vilain», если комическая «Рефутація Беранжера», предназначенная для лицейскаго праздника, говоритъ о французскомъ chansonnier, если, наконецъ, Нулинъ, въ числѣ свѣжихъ новинокъ Парижа, надѣленъ знаніемъ «послѣдней пѣсни Беранжера», то къ этому сводятся всѣ отголоски, казалось, столь естественнаго вліянія великаго «пѣсенника» на его русскаго собрата, которому въ молодости часто приходилось безучастно проходить мимо сродныхъ его поэзіи и полезныхъ для ея развитія литературныхъ явленій.

Двумъ изъ главныхъ фактовъ новой французской поэзіи удалось, однако, привлечь его вниманіе еще въ ранній періодъ. Одинъ изъ нихъ— посмертная слава Андре Шенье, добытая изъ-подъ пепла революціи, отвоеванная отъ равнодушнаго забвенія или невѣдѣнія его современниковъ и неожиданно возвѣщенная потомкамъ. Другой — дѣятельность Шатобріана. Это совпаденіе симпатій къ двумъ столь противоположнымъ натурамъ, какъ Шенье, котораго Пушкинъ называлъ «изъ классиковъ классикомъ», и Шатобріана съ его міровой скорбью и художественнымъ мистицизмомъ, отмѣтило отличительныя свойства литературнаго эклектизма, всегда отличавшаго Пушкина [1]).

Вліяніе Шенье и Шатобріана—первый серьезный фактъ въ исторіи поэтическихъ его заимствованій, несравненно глубже всего, что до той поры могло быть отнесено къ этой категоріи. Шенье, несомнѣнно, былъ вдохновителемъ его политической лирики. Смирнова почему-то полагала, что знакомство Пушкина съ поэзіей Шенье началось лишь въ Одессѣ, гдѣ впервые въ его рукахъ очутился сборникъ его стихотвореній («Oeuvres complètes», P. 1819), который обратилъ во Франціи всеобщее вниманіе на погибшаго за четверть вѣка передъ тѣмъ поэта. Но вѣдь еще въ одѣ *Вольность* Пушкинъ считалъ высшей честью пойти по его пути, и молилъ «свободы гордую пѣвицу» открыть ему «благородный слѣдъ

---

[1]) Проф. Дашкевичъ прибавилъ къ этимъ именамъ Бенжамена Констана, автора романа „Adolphe", весьма замѣтнаго въ литературѣ разочарованности, и при помощи детальнаго сравненія „Онѣгина" съ „Адольфомъ" впервые указалъ на возможность серьезнаго вліянія на Пушкина съ этой стороны. „Памяти Пушкина, научно-литер. сборникъ, изд. университ. св. Владиміра. Кіевъ, 1899,—„А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ".

того возвышеннаго галла, кому сама средь грозныхъ бѣдъ она гимны грозные внушала». Для назрѣвавшаго протеста противъ «губительнаго позора невѣжества, противъ барства дикаго, безъ чувства, безъ закона, присвоившаго себѣ и трудъ, и собственность, и время земледѣльца», для мечтанія о «паденіи рабства» и о «прекрасной зарѣ просвѣщенной свободы, всходящей надъ отечествомъ», примѣръ Шенье былъ великимъ ободреніемъ. Долго длилось благоговѣйное отношеніе къ французскому поэту. Его страдальческую тѣнь онъ ставитъ наряду со славными тѣнями Байрона и Данта и съ видимымъ волненіемъ драматически пересказываетъ послѣднія минуты и казнь поэта. Возможность переводить его стихотворенія доставляетъ ему большое удовольствіе. Иногда даже одного стиха Шенье достаточно, чтобы, возбужденные этимъ поэтическимъ *motto*, полились затѣмъ пушкинскіе стихи (стих. «Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я», 1828 г.). Послѣ анакреонтическихъ шалостей, кокетничанья съ музою Парни, игры въ вольтеровское остроуміе и перестрѣлки бойкихъ эпиграммъ это увлеченіе было признакомъ нравственнаго роста.

Эволюція пушкинской меланхоліи, нашедшей полнѣйшее выраженіе въ элегіи «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», почти не прослѣжена. Отправная ея точка—въ тѣхъ налетахъ грусти, которые внезапно омрачаютъ еще въ лицейскіе годы поэзію, съ виду посвященную культу наслажденія и веселости, тѣ скорбные обзоры увядшей юности (совсѣмъ въ духѣ Ленскаго, «безъ малаго въ шестнадцать лѣтъ»), ожиданія смерти, надежды «умереть любя», меланхолическіе образы «пѣвца любви, пѣвца своей печали», которые сбережены «Посланіемъ къ Горчакову», стихотвореніями «Желаніе», «Пѣвецъ», двумя элегіями 1816 года. Они, быть можетъ, искреннѣе и задушевнѣе передаютъ настроеніе молодого стихотворца, чѣмъ головное, разсудочное эпикурейство, въ дѣйствительности обставленное довольно будничной рамкой, которое на большомъ разстояніи утратило возбуждающее дѣйствіе.

Этого раздумья, этой тоски нельзя было вычитать ни у кого; никто не могъ «подсказать» ее Пушкину, какъ полагаютъ два изъ новѣйшихъ его комментаторовъ, ища этихъ вдохновителей то въ Вольтерѣ, то въ Шатобріанѣ. Но меланхолія могла замкнуться въ кругу личныхъ невзгодъ и неудовлетворенныхъ стремленій, не отгадывая разлитыхъ во всемъ мірѣ страданій и печалей; вывести ее на просторъ общечеловѣческихъ сочувствій, научить ее альтруизму и обобщеніямъ было и умѣстно, и полезно—и въ этомъ отношеніи указаніе на вліяніе Шатобріана [1]) явилось кстати. Оно помогло установить тотъ фактъ, что до

---

[1]) „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ“ (изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи). В. В. Сиповскаго. Спб. 1899 г.

байронизма у Пушкина была подготовительная, переходная стадія, что, потрясенный несправедливостью расправы, негодующій ссыльный, съ разбитыми надеждами и погубленной молодостью, нашелъ отзвукъ своихъ чувствъ и мыслей въ поэтическомъ возвеличеніи разрыва съ обществомъ, бѣгства въ природу, къ народамъ первобытнымъ и свободнымъ, признанiй даровитаго, но лишняго человѣка. Шатобріанъ не могъ передать ему сильныхъ политическихъ и общественныхъ мотивовъ протеста, потому что самъ не испыталъ ихъ до глубокой старости и предсмертнаго просвѣтленія во время іюльской революціи,—но общія очертанія «печальника», обрисовавшіяся впервые въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», обработка сюжета, взятаго изъ подлиннаго событія, своеобразно освѣщеннаго, силуэтъ героини-дикарки, могли быть внушены романами Шатобріана, *Аталою* и *Рене*; американская первобытная обстановка ихъ главныхъ эпизодовъ подходила къ кавказской, женское самопожертвованіе окружено было у обоихъ писателей ореоломъ, прошлое героя—таинственнымъ сумракомъ, его счеты съ людьми—загадочной неопредѣленностью.

По мѣрѣ того, какъ росло сочувствіе поэта къ новѣйшей литературѣ унынія или протеста, сглаживались и слабѣли привитые воспитаніемъ вкусы къ прямой ея противоположности, классической порѣ XVII вѣка. Пушкинъ ставитъ ей теперь въ вину формализмъ, безжизненность, придворный тонъ. Особенно пострадала репутація Расина [1]; поэтъ отрицалъ, напр., всякое достоинство въ *Федрѣ*; и планъ трагедіи, и характеръ главнаго женскаго лица—«глупость, ничтожество». Лафонтенъ на лучшемъ счету, но шутливо-нѣжное прозвище «Ванюши Лафонтена, мудреца простосердечнаго, безпечнаго лѣнтяя, любезнаго пѣвца», данное еще въ «Городкѣ», опредѣлило оттѣнокъ сочувствія къ старому поэту. Онъ нравился Пушкину тѣмъ, что въ игривыхъ сказочкахъ явился прародителемъ Парни съ братіею. Видѣть въ Лафонтенѣ прежде всего автора *Жоконды* и не признать въ баснописцѣ сильнаго сатирика и предтечу бытоваго реализма было большою напраслиной. Она исправлена у Пушкина проницательнымъ и рѣдкимъ въ то время у насъ (соперникомъ могъ быть только Грибоѣдовъ) культомъ Мольера. Правда, даже въ зрѣлые годы объясненіе его творчества не обходилось безъ изъяновъ. Такъ, въ пушкинской параллели между пріемами характеристики у Шекспира и Мольера («Замѣтки» 1833, «Шейлокъ, Анджело и Фальстафъ») французскому комику поставлена въ вину однородность и прямолинейность его характеровъ; это «типы такой-то страсти, такого-то порока», тогда какъ у Шекспира—«существа живыя,

[1]) Ѳ. Д. Батюшковъ доказалъ, однако, значительное вліяніе расиновской „Athalie" на „Бориса Годунова" „Пушкинъ и Расинъ", Спб. 1900.

исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ». Такое мнѣніе поддерживается несовсѣмъ удачными примѣрами. Въ то время, какъ въ Шейлокѣ слиты разнообразнѣйшія черты, «у Мольера Скупой скупъ— и только». Очевидная неточность,—у Гарпагона, кромѣ плюшкинской слабости, мы находимъ старческую влюбчивость, заботы о поддержаніи связей въ свѣтѣ, охрану родительскаго авторитета, болѣзненную подозрительность ко всѣмъ и въ то же время довѣрчивость къ Валеру, который сумѣлъ опутать его лестью и преклоненіемъ передъ его мудростью. Но пройти школу Мольера, котораго Пушкинъ узналъ еще ребенкомъ и, по дѣтскому же признанію своему, «обобралъ» въ (не сохранившейся французской комедіи «l'Escamoteur», и вынести изъ нея уваженіе къ силѣ смѣха и жизненной правдѣ было важнымъ задаткомъ для пушкинскаго реализма, для его повѣстей, бытовыхъ сценъ въ драмахъ и снимковъ съ натуры въ поэмахъ. Сочувствіе Мольеру, съ которымъ слилось изученіе и вліяніе Сервантеса, сохранилось у Пушкина и послужило ему для художественно-общественнаго воспитанія Гоголя. Увидавъ въ немъ плохо образованнаго самородка, не вполнѣ сознавшаго, какимъ кладомъ онъ владѣетъ, Пушкинъ взялъ на себя руководство самообразованіемъ. Гоголь передавалъ Анненкову [1]), какъ разсердился поэтъ на него за легкомысленный приговоръ надъ Мольеромъ, какъ объяснялъ ему величіе его, и, показавъ на примѣрѣ Мольера и Сервантеса высокое соціальное значеніе сатирика, засадилъ Гоголя за прилежное изученіе обоихъ писателей.

Приближалось время, когда не только въ пушкинской поэзіи, но и во всей нашей литературѣ должно было сказаться вліяніе англійской словесности, по выраженію Пушкина (въ письмѣ Гнѣдичу, 1822 г.) болѣе полезное, чѣмъ «вліяніе французской поэзіи, робкой и жеманной». Приговоръ снова слишкомъ суровый и поспѣшно обобщенный; эпитетъ жеманства не заслуженъ, наприм., поэтами-политиками и пѣвцами міровой скорби, грознымъ врагомъ «жеманнаго» направленія précieuses, Мольеромъ, и вольтеровской философствующей лирикой; къ пѣснямъ Беранже или къ политической поэзіи Шенье не пристало названіе робкихъ. Но преувеличеніе приговора какъ будто говоритъ о силѣ новыхъ сочувствій, затмившихъ прежнія увлеченія, объ обаяніи титанизма и бурнаго протеста, въ сравненіи съ которымъ даже необычная смѣлость могла показаться робостью. Но французскому вліянію на Пушкина не суждено было изгладиться; невдалекѣ было то время, когда онъ уже предсказывалъ (1825) сильный переворотъ во французской поэзіи, появленіе въ ней геніяя, который непремѣнно будетъ романтикомъ,—

---

[1]) „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина". Спб. 1855 г., стр. 369—70.

и затѣмъ ему пришлось быть свидѣтелемъ первыхъ дѣяній боевого романтизма, школы Гюго, и со вниманіемъ изучать его главные факты. Да и трудно было порвать съ тѣмъ національнымъ элементомъ, который раньше другихъ завладѣлъ его развитіемъ [1]), направилъ его воспитаніе и (какъ доказали новѣйшія изслѣдованія пушкинскаго слога) [2]) привилъ даже его языку неизлѣчимую страсть къ галлицизмамъ, удержавшуюся и въ годы художественнаго усвоенія живой народной рѣчи.

Мицкевичъ утверждалъ, что, «прочитавъ байроновскаго *Корсара*, Пушкинъ почувствовалъ себя поэтомъ». Вторая часть этого показанія можетъ быть принята съ оговоркой; поэтическое призваніе сознавалъ въ себѣ Пушкинъ и раньше, независимо отъ соприкосновенія съ Байрономъ,—но, конечно, никогда еще оно съ такою силой не завладѣвало имъ. Первая же часть сообщенія весьма цѣнна, потому что въ ней, очевидно, сбережено признаніе Пушкина въ томъ, какое именно произведеніе ввело его впервые въ волшебный міръ байронизма. Второю поэмою, прочтенной Пушкинымъ, былъ, быть можетъ, «Чайльдъ Гарольдъ». Сближеніе съ семьей Раевскихъ, посвятившею его, благодаря своему англоманству [3]), въ тайны новаго поэтическаго направленія, началось раньше, еще въ Екатеринославѣ, но болѣзнь Пушкина и вслѣдъ затѣмъ переѣздъ въ Пятигорскъ врядъ ли могли дать достаточно досуга для обмѣна литературныхъ взглядовъ и внимательнаго чтенія Байрона. Итакъ, оно произошло среди горной обстановки, поражавшей воображеніе и гармонировавшей съ изучаемою поэзіей. То было, правда, только преддверіе Кавказа, гдѣ природа равнинъ еще не уступила мѣста величавости заоблачнаго царства горъ, но гдѣ надъ холмами и долинами высятся, гордо уносясь къ небу, словно отрываясь отъ земли съ ея ничтожествомъ, одиноко стоящія и рѣзко очерченныя вершины; на горизонтѣ—ослѣпительное видѣніе снѣговой цѣпи, увѣнчанной Эльбрусомъ; вокругъ лишь съ виду покоренный и все еще волнуемый призракомъ свободы горскій народъ, суровый, храбрый, первобытный, подъстать албанцамъ Чайльдъ-Гарольда, да и американскимъ дикарямъ Шатобріана. Вліяніе недавняго радикализма и нелегальности, живопис-

---

1) Недавнія статьи г. Abel Mansuy въ Revue bleue, 1904, „Ce que Pouchkine doit aux poètes français“ являются усердной, но излишней защитой французскаго вліянія на Пушкина, котораго не отрицаетъ теперь никто. Авторъ повидимому не можетъ забыть старинныхъ нападокъ Лобанова.

2) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и слов. академіи наукъ, 1898 г., III, кн. 3, статья Ө. Е. Корша „Разборъ вопроса о подлинности окончанія *Русалки*“, стр. 697—703.

3) Л. Н. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб., 1895 г., „Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ“. Вальтеръ-Скотта и Байрона Раевскій прочелъ, когда ихъ почти не знали на Руси.

ный край, смѣнившій собою сѣрые тоны и сѣрую жизнь сѣвера, все обставило посвященіе Пушкина въ байронизмъ необыкновенной привлекательностью.

Оно быстро прошло всѣ переходныя состоянія и стало, по признанію поэта, фанатизмомъ, сумасшествіемъ. *Такого* увлеченія онъ никогда не испытывалъ. Принято думать, что настало впослѣдствіи время, когда онъ охладѣлъ къ своему любимцу, отрекся отъ него, чтобы служить новымъ богамъ, но это мнѣніе разбивается фактами. Когда человѣкъ освобождается изъ зависимости отъ идеи или направленія, когда онъ сжигаетъ свои корабли, самое упоминаніе о прежнемъ кумирѣ раздражаетъ. Для Пушкина Байронъ навсегда остался «великимъ поэтомъ». Въ Скупомъ Рыцарѣ, повидимому, разработалъ онъ мотивъ, поразившій его въ *Донъ-Жуанѣ* [1]. Въ замѣткахъ начала тридцатыхъ годовъ онъ не разъ вспоминаетъ съ теплымъ чувствомъ о юношеской страсти къ Байрону, а въ той части ихъ, подъ которой есть помѣта «21 ноября 1830. Болдино», поэтъ, успѣвшій къ тому времени пережить и шекспироманію, и «гетеанство», и культъ поэзіи, какъ священнодѣйствія, говоритъ о *великой и священной памяти* Байрона.

Особенности общественныхъ взглядовъ Пушкина, проявлявшіяся еще въ годы тревожной молодости, не дали ему вполнѣ и безповоротно усвоить себѣ байронизмъ, воспитаніе не подготовило къ солидарности съ философскимъ отрицаніемъ и сомнѣніемъ. Къ тому же, какъ справедливо замѣтилъ Чернышевскій [2], Пушкинъ «не былъ поэтомъ какого-нибудь опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь, какъ Байронъ, не былъ даже поэтомъ мысли вообще, какъ Гёте и Шиллеръ», а Гоголь, всею душой преданный Пушкину, какъ бы договаривая намѣченное критикомъ, доходилъ до отрицанія въ его поэзіи личнаго элемента, высоко цѣня въ ней «чудный образъ, на все откликающійся», на минувшее и новѣйшее, народное и чужеземное; «какъ ему говорить было о чемъ-нибудь потребномъ современному обществу, когда хотѣлось откликнуться на

---

1) Don-Juan, canto XII, 8—9, набрасываетъ образъ всемогущаго богача-скряги, который можетъ все себѣ добыть, всѣ страны заставить нести ему свои дары, который тѣшится сіяніемъ золотыхъ слитковъ, переводитъ взглядъ съ ослѣпительнаго блеска брильянтовъ на мягкій блескъ изумрудовъ, и отдается поэзіи *обладанія*; даже его подвалы могутъ сравниться съ царскими палатами,—а онъ, презирая всѣ приманки и прихоти чувственныя, наслаждается идеей могущества и мнитъ себя повелителемъ людей:

While he, despising every sensual call,
Commands—the intellectual lord of all.

2) Критическія статьи (Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и др.). Спб., 1893 г., стр. 63.

все, что ни есть въ мірѣ?» [1])—воскликнулъ Гоголь, находя вполнѣ естественною неудачу замысла *Онѣгина*, въ которомъ поэтъ «собирался изобразить современнаго человѣка и разрѣшить какую-то современную задачу». При такихъ условіяхъ пушкинскій байронизмъ впередъ осужденъ былъ на неполноту.

Но послѣ общихъ мѣстъ лицейскаго стихотворства, послѣ плѣна у французскихъ и античныхъ эпикурейцевъ, пора байроническихъ порывовъ была для Пушкина, выражаясь старымъ метафорическимъ языкомъ, благодатной грозой. Она возбудила въ немъ небывалую энергію творчества, жажду дѣятельности на пользу людямъ, готовность посвятить силы идеямъ освобожденія, безразлично, русскихъ ли рабовъ, или страдающихъ гдѣ-либо народовъ, расширила его кругозоръ, потрясла и воспламенила его натуру, дала возможность произвести литературную революцію, для которой онъ не находилъ иного подходящаго термина, крокѣ романтизма.

Шесть поэмъ, рядъ стихотвореній, много набросковъ и плановъ, не выполненныхъ вслѣдствіе крутого поворота съ судьбѣ Пушкина, поэтически-восторженный эпизодъ увлеченія греческимъ возстаніемъ—выдающіеся результаты байроновскаго вліянія. Оно не научило его безличности и зависимости. Если Плѣнникъ и Алеко—оттиски съ разочарованныхъ героевъ Байрона, если Гирей снятъ съ Али-паши янинскаго, если Онѣгинъ—«москвичъ въ *Гарольдовомъ* плащѣ», то необыкновенно быстро развивавшаяся самодѣятельность автора увлекла его далеко за предѣлы заимствованнаго и ввела въ его рамки національное и личное содержаніе въ удивительной для своего времени красотѣ. Онъ, казалось, не замѣчалъ, какъ подъ его перомъ росли, зрѣли и измѣнялись замыслы, внушенные извнѣ. Когда явилась мысль объ *Онѣгинѣ*, поэту хотѣлось пройти по слѣдамъ *Донъ-Жуана*, онъ писалъ «захлебываясь желчью», потомъ отказался отъ рѣзкой сатиры, потомъ выступили ярче черты, родственныя съ *Гарольдомъ* и съ *Беппо*,—и все же въ результатѣ если не создалась «энциклопедія русской жизни того времени», какъ это почудилось Бѣлинскому (гдѣ же въ этой энциклопедіи, наприм., наиболѣе привлекательный и передовой въ двадцатыхъ годахъ типъ Чацкихъ?), то создался бытовой романъ.

Изъ цикла новыхъ англійскихъ поэтовъ передъ Пушкинымъ повидимому рано обозначилась дѣятельность наперсника и біографа Байрона, Томаса Мура, на издательскіе и біографическіе труды котораго онъ ссылался, котораго иногда переводилъ (*Эхо*), но считалъ изысканнымъ, и готовъ былъ отдать всю *Лалла-Рукъ* за десять строкъ стерновскаго

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 183—84.

Тристрама Шэнди. Нѣтъ слѣда близкаго изученія Шелли и Китса. «Озерныхъ» поэтовъ онъ очевидно узналъ лишь нѣсколькими годами позже, хотя на Кольриджа, какъ на Байрона, могъ ему указать почитатель его Раевскій еще въ началѣ пушкинскаго англоманства. Быть можетъ, повременное усиленіе интереса къ англійскимъ поэтамъ находилось въ зависимости отъ неровности изученія Пушкинымъ англійскаго языка; оно иногда усиливалось, иногда ослабѣвало и, вѣроятно, распадалось на нѣсколько періодовъ. Основы языка онъ, по словамъ его сестры, зналъ будто бы очень рано; на Кавказѣ, въ 1820 г., началась первая серьезная работа; въ 1825 г. (письмо къ Вяземскому) слышатся жалобы на неудобство учиться по-англійски, какъ одну изъ невыгодъ ссылки; «грѣхъ гонителямъ моимъ!»—восклицаетъ онъ; когда же въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1829 г. сообщено было, что *въ послѣдніе годы* (?) Пушкинъ захотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ и черезъ четыре мѣсяца читалъ ихъ по-англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ», это указаніе, какъ будто сдѣланное близкимъ къ поэту лицомъ, имѣетъ въ виду третій и послѣдній періодъ, быть можетъ, 1827—28 годы, время пересмотра и переработки *Годунова*. Возможность изученія подлинника вывела его изъ зависимости отъ переводовъ съ англійскаго, которыхъ было не слишкомъ много въ наиболѣе доступной ему французской литературѣ.

Но въ подлинникѣ или, скорѣе, въ переводѣ Шекспиръ сталъ ему доступенъ еще въ то время, когда сильно было байроновское вліяніе, т.-е. въ началѣ 1824 г. въ Одессѣ. Есть мнѣніе, будто онъ началъ чтеніе свое съ драматическихъ хроникъ [1]). Едва прикоснувшись къ Шекспиру, онъ очарованъ и «бредитъ» имъ, il n'en revient pas. Перейдя къ великимъ психологическимъ трагедіямъ, онъ былъ еще болѣе пораженъ невѣданной имъ силой истиннаго драматизма, знаніемъ человѣческаго сердца, правдой характеристики, широкимъ размахомъ бытовыхъ картинъ. Въ сравненіи съ шекспировскою драмою Байронъ, какъ драматургъ, показался ему слабымъ, даже «ничтожнымъ»; впрочемъ, и прежде не замѣтно было увлеченія байроновскими трагедіями; равнодушіе къ нимъ мирилось, стало быть, съ высокой оцѣнкой Байрона, какъ лирика и автора поэмъ. Драмы Шекспира, подобно лирикѣ Байрона, являлись для Пушкина важной опорой въ той проповѣди новаго, свободнаго и правдиваго творчества, которую онъ ставилъ себѣ и въ заслугу, и въ обязанность.

На знакомство Пушкина съ шекспировскимъ творчествомъ во *всемъ* его объемѣ ничто не указываетъ: въ замѣткахъ, бѣглыхъ разборахъ и

---

[1]) Анненковъ, „Пушкинъ въ александровскую эпоху“, стр. 295.

оцѣнкахъ нѣтъ рѣчи о комедіяхъ Шекспира, о фантастикѣ «Сна въ лѣтнюю ночь» и «Бури»; «Гамлетъ» далеко не захватилъ его такъ, какъ это испытала потомъ молодежь тридцатыхъ годовъ; пессимизмъ и философская рефлексія Гамлета были слишкомъ чужды натурѣ Пушкина, даже во время пароксизмовъ меланхоліи; нигдѣ ни ссылки, ни намека на великую трагедію, и единственный слѣдъ ея вліянія, монологъ Годунова «Достигъ я высшей власти» съ отголосками рѣчей короля Клавдія, переноситъ вопросъ на почву болѣе близкой поэту исторической драмы. Зато циклъ великихъ трагедій страсти, «Отелло», «Лиръ», «Ромео», «Макбетъ», «Шейлокъ», проложилъ ему путь къ драматизму «Скупого рыцаря», «Каменнаго гостя», «Моцарта и Сальери», ничѣмъ не подготовленныхъ въ русской драмѣ, безнадежно застывшей во французскомъ классицизмѣ. Наконецъ, послѣдній результатъ интереса къ Шекспиру, вызывающій недоумѣніе замыселъ переложить «Мѣру за мѣру» изъ *драмы* въ поэму,—*Анжело*, мѣстами точный пересказъ шекспировскаго текста, мѣстами сжатое извлеченіе, подъ конецъ свободная передѣлка,—показалъ, какое вниманіе возбудило въ поэтѣ изображеніе особаго оттѣнка притворства,—лицемѣрія добродѣтели и неподкупности правителя. Но главнымъ слѣдствіемъ изученія Шекспира все же было вліяніе историческихъ драмъ. Первое впечатлѣніе было слишкомъ сильно и не изгладилось.

Отголоски «Генриха IV», «Генриха V», «Ричарда III» въ *Борисѣ Годуновѣ* давно уже отмѣчены; въ предсмертныхъ наставленіяхъ Генриха IV сыну указанъ первообразъ послѣдней бесѣды Годунова съ Ѳедоромъ. Но отдѣльные примѣры не такъ важны, какъ общее, руководящее вліяніе. Положивъ въ основу трагедіи изученіе Карамзина, лѣтописей и Шекспира, Пушкинъ стремился извлечь изъ послѣдняго источника тайну «вольнаго и широкаго изображенія характеровъ, необыкновеннаго составленія типовъ и простоты». Въ противоположность придворному складу французской трагедіи, онъ хотѣлъ примѣнить къ дѣлу «*народные* законы драмы Шекспировой». Онъ не станетъ «гоняться за присценическими эффектами и романтическимъ паѳосомъ», хочетъ по примѣру Шекспира «ограничиться изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ», свергаетъ иго единствъ, и въ свободной формѣ хроники, не соблюдая (какъ говорила Екатерина) ѳеатральныхъ правилъ, соединяя величавое съ комическимъ и повседневнымъ, воскрешаетъ на сценѣ смутное время съ его стихійными силами и типическими представителями. Порою автора гнетутъ карамзинская мораль и авторитетные приговоры историка, но тамъ, гдѣ онъ вполнѣ свободенъ, все дышитъ жизнью,—и ученикъ Шекспира создаетъ русскую драму.

Видѣть въ шекспироманіи Пушкина цѣлебное средство противъ увле-

ченій молодости и въ частности противъ байронизма—значитъ не понимать могучей возбуждающей силы Шекспира, не дающей успокоенія и благодушія въ объективности и чистой художественности. Самое совпаденіе первыхъ чтеній Шекспира съ все еще сильнымъ культомъ Байрона достаточно убѣдительно. Не менѣе характеристично другое совпаденіе: тогда же пробудился интересъ къ писателю, который впослѣдствіи сталъ руководителемъ Пушкина въ выработкѣ романа, писателю объективному, сдержанному,—Вальтеръ-Скотту. Первыя свѣдѣнія о немъ онъ могъ получить отъ Раевскаго, а въ письмахъ 1824 г. изъ Михайловскаго уже слышатся мольбы о присылкѣ романовъ Скотта; вѣдь это «пища для души!» горячо восклицаетъ онъ; десять лѣтъ спустя, въ Болдинѣ, онъ все еще предается восхищенію В. Скоттомъ, — и слова Гоголя о томъ, что Пушкинъ въ состояніи былъ въ своей поэзіи отражать всѣ личности, всѣ образы, припоминаются въ ихъ поразительной вѣрности.

Таковъ былъ къ концу поры ссылокъ и кочеваній Пушкина собранный имъ, несмотря на неблагопріятныя условія, разнообразный матеріалъ по западной литературѣ, таково ея вліяніе. Но ему предстояло еще болѣе расширить кругозоръ. Съ одной стороны, это было послѣдствіемъ сближенія въ 1827 году съ Мицкевичемъ, который, и по показаніямъ Ксенофонта Полевого, и по даннымъ, собраннымъ впослѣдствіи (въ 1889 году) проф. Третьякомъ [1]), подѣйствовалъ на Пушкина цѣльностью своего характера, высотою идеаловъ, и преимуществами художественнаго образованія. Съ другой—могло вліять сближеніе съ кружкомъ Веневитинова и редакціею «Московскаго Вѣстника», которое въ связи со вкусами и совѣтами Мицкевича, уже соединившаго съ культомъ Байрона поклоненіе Гёте, направило Пушкина къ изученію великаго нѣмецкаго поэта. Впервые сталъ онъ читать его еще на югѣ, и «Кавказскій Плѣнникъ» былъ украшенъ эпиграфомъ изъ *Фауста*: «Gieb meine Jugend mir zurück!» Но интересъ къ Гёте долженъ былъ особенно развиться при видѣ эстетическихъ и философскихъ восторговъ московской молодежи, поставившей свой журналъ подъ прямое покровительство Гёте, въ чьей поэзіи она видѣла высшій идеалъ чистаго творчества, мечтая для Пушкина о такомъ же призваніи, сумѣвшей передать Гёте свое сочувствіе и удивленіе таланту русскаго поэта и добыть для него привѣтъ и благословеніе патріарха поэзіи. Отзывы Пушкина о гётевскомъ *Фаустѣ* приняли оттѣнокъ благоговѣнія; онъ ставилъ его

---

[1]) Въ изслѣдованіи „S'lady wpływu Mickiewicza na poezye Puszkina". „Труды краков. академіи", т. VII (впослѣдствіи включенн. въ книгу проф. Третьяка „Mickiewicz i Puszkin. Studya i szkice". Варшава, 1906).

чуть ли не во главѣ всемірной литературы [1]). Но въ этомъ благоговѣніи чувствуется скорѣе разсудочная, нѣсколько холодная почтительность, естественная лишь въ томъ случаѣ, если ее вызвало нѣчто недосягаемое, ни съ чѣмъ несоизмѣримое. Поэту, правда, часто чудились какіе-то отголоски легенды о Фаустѣ. Начнетъ ли онъ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»,—ему хочется въ заключительныхъ (ненаписанныхъ) явленіяхъ изобразить рядомъ съ Бертольдомъ Шварцомъ, изобрѣтателемъ пороха, «прибытіе Фауста на хвостѣ діавола,—открытіе книгопечатанія, этой артиллеріи своего рода», при чемъ чернокнижникъ Фаустъ смѣшался у него съ первопечатникомъ Фустомъ. Задумаетъ ли онъ фантастическую драму на сюжетъ легенды объ авантюристкѣ, занявшей въ девятомъ вѣкѣ папскій престолъ («папессѣ Іоаннѣ»), ему кажется, что эта драма «rappellera trop le Faust», хоть въ сценаріи этой пьесы ничто не сближаетъ ее съ гётевскимъ произведеніемъ,—развѣ только вмѣшательство дьявола, названнаго здѣсь «le démon du savoir». Наконецъ, привлекательность сюжета привела къ созданію «отрывка» *Фаустъ*, въ которомъ разработанъ мотивъ хандры и сознанія пустоты жизни, что даетъ только намекъ на сложное душевное состояніе Фауста. Замыселъ былъ оставленъ неразвитымъ и недоконченнымъ: «взыскательный художникъ», вѣроятно, сознялъ гигантскую трудность задачи. Нѣмецкая поэтическая стихія, чуждая Пушкину еще съ школьныхъ временъ, не привилась и послѣ разсудочнаго сближенія съ нею въ зрѣломъ возрастѣ, и, страннымъ образомъ, только такая сценическая мелочь, какъ модная нѣкогда «Дунайская русалка» (Donauweibchen) Генслера, повліявъ и на замыселъ, и на частности пушкинской *Русалки*, оставила замѣтный слѣдъ [2]).

Но подошло время наиболѣе широкаго, изумительнаго знакомства Пушкина съ цѣлымъ рядомъ школъ и направленій всѣхъ вѣковъ и народовъ, усвоенія и самостоятельной переработки ихъ произведеній. Чѣмъ болѣе новыя условія жизни поэта разобщали его съ русской современностью и ея запросами и закрывали для творчества этотъ живой элементъ, тѣмъ болѣе должна была его мысль уноситься въ глубь прошлаго или въ жизнь и литературу чужеземныя; привычный космополитизмъ словесника нашелъ теперь полное оправданіе. И чего только не перечелъ теперь Пушкинъ! Англія XVII-го вѣка дала ему такіе разнородные литературные образцы, какъ вдохновенная поэзія республиканскаго протеста въ «Потерянномъ раѣ» Мильтона (въ статьѣ *Современника*

---

1) О гетеанствѣ Пушкина срав. статьи г. Чешихина, „Пушкинъ и Гёте", въ газетѣ „Прибалтійскій Край". 1900.

2) И. Н. Ждановъ. „Русалка" Пушкина и „Das Donauweibchen" Генслера. Спб. 1900. Тема нѣмецкой пьесы стала популярною на Руси послѣ успѣха передѣланной изъ нея „Днѣпровской русалки".

Пушкинъ, говоря о Шатобріановомъ переводѣ, вѣрно и сочувственно оцѣнилъ въ Мильтонѣ и замѣчательнаго поэта, и непреклоннаго, суроваго фанатика идеи, «строгаго творца *Иконокласта* и книги *Defensio populi*», не измѣнившагося ни въ чемъ, несмотря на бѣдность, гоненія, слѣпоту), и трогательно наивная, глубоко честная сектантская мистика Беньяна (онъ перевелъ изъ «Pilgrim's Progress» отрывокъ, озаглавл. *Странникъ*). Восьмнадцатый вѣкъ привлекъ его безподобными образцами юмора; выше всего онъ ставилъ Стерна, чье «Сентиментальное путешествіе» побуждалъ Смирнову непремѣнно перевести. Изъ современниковъ и преемниковъ Байрона онъ узналъ всѣхъ до единаго,—и «лакистовъ», Соути, Кольриджа, Вордсворта [1]), переводя ихъ или подражая имъ (одно время задумывая, напр., поэму въ родѣ оригинальной по тоническому стиху, народному складу разсказа и драматической фабулѣ изъ рыцарскихъ временъ поэмы Кольриджа «Christabel»), и Мура, Барри Корнуолла [2]), и Вильсона, автора «Чумнаго города». Еще шагъ, — и англоманство привело его къ своеобразной писательской причудѣ—изобрѣтенію никогда не существовавшаго англійскаго драматурга Ченстона, подъ чьимъ забраломъ онъ вывелъ въ свѣтъ «Скупого рыцаря», не нуждавшагося, казалось, ни въ какой мистификаціи. Давно высказанныя сомнѣнія въ существованіи миѳическаго Ченстона подтвердились во время спеціальныхъ моихъ розысковъ въ Британскомъ музеѣ лѣтомъ 1899 г. Писателя съ такимъ именемъ (ни Chainestone, ни Chenstone) не было никогда въ Англіи, какъ не было и пьесы, которая къ тому же до сихъ поръ слыветъ у насъ подъ ошибочнымъ титуломъ, съ неправильностью, допущенною Пушкинымъ (The cavetous Knight вмѣсто covetous). Сходный съ миѳическимъ Ченстономъ подлинный писатель 18 вѣка Вильямъ Шенстонъ, произведенія котораго были изданы въ 1764—69 гг. (The works of Will. Shenstone in verse and prose, London, Dodsley), не писалъ драмъ, и не поднялся надъ уровнемъ банальной морали, высказавъ, напр., о скупости нѣсколько избитыхъ общихъ мѣстъ, не поднимающихся надъ поверхностью предмета... Наконецъ, новый англійскій романъ привлекъ вниманіе Пушкина; онъ овладѣлъ не только Вальтеръ-Скоттомъ, но изучалъ со вниманіемъ и Бульвера, чей романъ «Pelham» внушилъ ему мысль о «Русскомъ Пеламѣ», романической картинѣ общества двадцатыхъ годовъ, гдѣ онъ собирался вывести много подлинныхъ дѣйствующихъ лицъ [3]).

---

[1]) Проф. Сумцовъ, „Изслѣдованія о Пушкинѣ“, Харьковъ, 1899 г., указалъ на то, что стих. „Я помню чудное мгновенье“ было написано подъ вліяніемъ „She was a phantom of delight“ Вордсворта.

[2]) У него взяты темы стихотв. „Пью за здравіе Мери“, „Я здѣсь, Инезилья“ и друг.

[3]) „Русскій Пеламъ“ Пушкина, статья Поварнина, Записки Историч. филол. факульт. Спб. унив., 1900 г.

На живой интересъ къ Италіи указываютъ прекрасныя подражанія Данту, усвоеніе дантовской терцины, постоянно восторженные отзывы объ авторѣ «Божественной Комедіи» («единый планъ Дантова *Ада* есть уже плодъ *высокаго генія*»,—писалъ онъ еще въ 1824 г.) и обращенія къ величавой тѣни поэта-изгнанника [1]),—переводы изъ Аріоста, которыя далъ ему въ ранней юности образецъ для «Руслана и Людмилы» и не переставъ привлекать его,—изъ Альфьери, трагедіи котораго еще въ Михайловскомъ были его настольной книгой; ссылки на такого неизвѣстнаго внѣ Италіи поэта, какъ Ипполито Пиндемонте (второй эпиграфъ къ «Кавказскому плѣннику» взятъ изъ отдѣла его *Sermoni*, который озаглавленъ *Путешествія*, Viaggi, и заключаетъ въ себѣ, непосредственно передъ приводимыми Пушкинымъ стихами ѣдкую выходку противъ екатерининской Россіи [2])), подъ щитомъ котораго, и притомъ съ непостижимымъ заглавіемъ («Изъ VI Пиндемонте») онъ впослѣдствіи выпустилъ одно изъ искреннихъ *личныхъ* признаній охранительнаго характера, — наконецъ, переводъ изъ еще болѣе забытаго стихотворца, Франческо Джанни. Во Франціи Пушкинъ съ живымъ любопытствомъ всматривался въ смѣнившее старыхъ его любимцевъ движеніе, подъ знаменемъ романтизма вступавшее въ борьбу не только съ классицизмомъ, но и съ соотвѣтствующимъ ему ancien régime'омъ въ политикѣ, обществѣ, нравственности. По первымъ же стихотворнымъ вещицамъ угадалъ онъ талантъ Мюссе, холодно встрѣтилъ херувимскую поэзію молодого Ламартина; Викторъ Гюго (второй формаціи), какъ лирикъ, показался ему блестящимъ, но натянутымъ, въ юношескихъ стихахъ Жозефа Делорма (Сентъ-Бёва) заслышалъ онъ ноту скептицизма и грусти, поддался искусной мистификаціи съ славянскими пѣснями Мериме, во всѣ времена умѣвшаго схватывать затѣйливые экзотическіе оттѣнки и колориты. Онъ оправдывалъ передъ литературными старовѣрами законность французскаго переворота въ словесности, останавливался съ недовольствомъ передъ примѣненіемъ формулы «le beau c'est le laid», передъ нашествіемъ патологіи и рѣзкой постановкой соціальныхъ вопросовъ въ литературѣ, но порицалъ только односторонность и ставилъ цѣлью широкое осуществленіе «идеала». Быть можетъ, онъ все еще вѣрилъ, «что первый геній Франціи будетъ романтикъ», и слишкомъ строго относился къ вожакамъ движенія, которые не оправдывали его ожиданій.

Въ отзывчивости на все, что гдѣ-либо выдавалось въ литературѣ, Пушкинъ послѣдняго періода часто напоминаетъ старца Гёте, безконечно

---

[1]) Съ поэмой Данта Пушкинъ не разставался даже на Кавказѣ и во время эрзерумскаго похода.

[2]) Le poesie originali di Ippolito Pindemonte. Firenze, 1858, p. 347.

долго зажившагося среди новыхъ, чуждыхъ ему поколѣній, но удивительно умѣвшаго отгадать и подмѣтить всѣ признаки жизнеспособныхъ движеній, оцѣнить возмущавшаго его сверстниковъ байроновскаго *Донъ-Жуана*, привѣтствовать появленіе Манцони, Карлейля, Пушкина, Леопарди. Но то, что у маститаго нѣмецкаго поэта вызывало лишь участіе и вѣрную оцѣнку, у Пушкина возбуждало соревнованіе и самодѣятельность; вліяніе сказывалось и непосредственно, и косвенно. Вальтеръ-Скоттъ, сумѣвшій и въ своемъ отечествѣ, и во Франціи возбудить художественный (въ школѣ Огюстена Тьерри и научный) интересъ къ прошлому и положившій начало новому періоду историческаго романтизма [1]), укрѣпилъ у Пушкина то же стремленіе, поддержалъ его въ переходѣ къ повѣсти, хотя предметомъ ея изученія сдѣлалась русская старина, и вмѣсто рыцарскаго блеска и турнировъ она стала изображать заброшенную въ киргизской степи инвалидную крѣпостцу Ивана Кузьмича, петровскую ассамблею или барское самоуправство 18-го вѣка; слѣды вліянія Скотта, замѣтные порою и въ пушкинскихъ драмахъ, видны не только въ усвоеніи частностей (отголоски *Пертской красавицы* въ «Скупомъ рыцарѣ», *Робъ-Роя*—въ «Капитанской дочкѣ [2])), но и въ общемъ направленіи поэта. Другой, сильно развивавшійся съ годами и еще недостаточно изученный, интересъ Пушкина—стремленіе къ народности, сказавшееся еще въ блужданіяхъ байрониста и шекспиромана по окрестностямъ Михайловскаго для собиранія пѣсенъ, нашелъ поддержку въ появленіи *Гусли* Мериме, которое привело Пушкина не только къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ», но и къ созданію «Русалки», зародившейся на основѣ одной изъ этихъ пѣсенъ. Національный колоритъ и вѣрная передача быта въ произведеніяхъ, взятыхъ изъ жизни народовъ далекаго Запада или Юга, поразительные у человѣка, лишеннаго прямыхъ наблюденій надъ иною жизнью, и дальше Эрзерума, и то подъ охраной русскихъ штыковъ, не проникавшаго за границу русскаго міра, выработаны были при помощи постояннаго изученія литературы этихъ народовъ, которое дало прочную основу для художественной работы. Среди болдинскихъ полей и березовыхъ рощъ грезить наяву объ ароматныхъ ночахъ невиданнаго испанскаго юга и возсоздавать ихъ могъ лишь обладатель удивительной фантазіи; у *Каменнаго гостя* есть не только прямые источники въ родѣ комедіи Мольера, либретто Дапонте, но и общая подготовка къ пониманію быта, въ которой немалую роль, конечно, игралъ любимецъ Пушкина «Донъ-Кихотъ».

---

1) Сравн. книгу L. Maigron. „Le roman historique à l'époque romantique" (Essai sur l'influence de Walter Scott). P. 1898.

2) Н. Черняевъ. „Капитанская дочка" Пушкина. Историко-критич. этюдъ. М. 1897 г., стр. 153.

Европейскія литературныя симпатіи поэта не ослабѣли къ концу его жизни, казалось, опредѣленно отмѣченному подъемомъ художественной самостоятельности, но усилились и содѣйствовали ей. Сознавая свое значеніе и вводя за собой новое писательское поколѣніе, которое теперь группировалось около него, въ живое движеніе европейской литературы, онъ хотѣлъ быть посвященнымъ во всѣ ея современныя задачи, нужды и стремленія, знать ея прошлое и намѣченное будущее, чтобы принять въ ней участіе полноправно, сознательно и съ пользой. Постоянно возвращавшіеся у Пушкина планы основанія журнала (съ перваго же раза образцомъ онъ называлъ Edinburgh Review), которымъ суждено было такъ поздно осуществиться, имѣли одною изъ главныхъ цѣлей упрочить связи нашей словесности съ Западомъ.

Для Пушкина давно окончились и Lehr- и Wanderjahre, но не порвалась, и не могла порваться связь съ общечеловѣческимъ движеніемъ литературы. Къ «подражанію» онъ могъ полнѣе, чѣмъ когда-либо, прибавить «изобрѣтеніе»—независимое и своеобразное творчество. Десять лѣтъ спустя послѣ 14 декабря ему казалось сномъ все, что произошло съ нимъ съ тѣхъ поръ («il me parait que j'ai fait un rêve», писалъ онъ г-жѣ Осиповой): «сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная *съ моихъ собственныхъ взглядовъ*, съ моего положенія». Но всѣ «перемѣны его взглядовъ» пережило убѣжденіе въ равноправности и вѣротерпимости искусства, въ благотворномъ вліяніи литературнаго обмѣна между народами и культурами. Націоналистъ послѣдняго періода остался въ области поэзіи такимъ же космополитомъ, какъ былъ смолоду. «На поприщѣ ума нельзя намъ отступать», когда-то сказалъ онъ, и, войдя первымъ изъ русскихъ писателей въ кругъ европейскихъ дѣятелей слова, завѣщалъ литературѣ соревнованіе съ творчествомъ другихъ племенъ, участіе въ міровой жизни поэзіи, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій прогресса.

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Глава изъ этюда о Гоголѣ.

«Темно и скромно происхожденіе нашего героя»,—такими словами начинаетъ Гоголь извѣстную біографическую вставку о Чичиковѣ въ концѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ». Этотъ отзывъ можно всецѣло примѣнить и къ самому произведенію. Въ бѣглыхъ, непритязательныхъ набросках, схватившихъ изъ жизни лишь рядъ смѣшныхъ случайностей, никто не узналъ бы будущей поэмы съ ея двойнымъ предназначеніемъ служить широкой бытовою картиной и философски объяснить смыслъ жизни. Такъ, придя къ источнику многоводной, на весь свѣтъ извѣстной рѣки, не сразу повѣришь, что скромная струйка, которая минутами совсѣмъ пропадаетъ и затѣмъ снова выбивается на волю, можетъ разлиться въ царственный потокъ, обставленный безконечною панорамой лѣсовъ и горъ, громадныхъ городовъ, деревень, покрытой сотнями судовъ.

Авторское самолюбіе могло бы внушить Гоголю желаніе указать уже въ зародышѣ поэмы присутствіе элементовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложилось ея художественное и соціальное значеніе. Но съ рѣдкою искренностью онъ настаиваетъ на незатѣйливости и поверхностномъ характерѣ первоначальныхъ работъ, находя удовольствіе въ частыхъ указаніяхъ на то, что развитіе «Мертвыхъ душъ» совершалось постепенно, отражая на себѣ всѣ переходы въ его собственномъ творчествѣ и нравственномъ настроеніи.

Если принять (приблизительно) за точку отправленія въ его работахъ надъ поэмой 1834—35 г. [1]) и вспомнить, что до самой смерти онъ озабоченъ былъ ея пересмотромъ и исправленіемъ, станетъ ясною первостепенная роль, которую это произведеніе играло въ жизни автора.

---

[1]) Эту дату установилъ Н. С. Тихонравовъ, основываясь на внесенныхъ въ записную тетрадь Гоголя черновыхъ набросках первой редакціи „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ".

Изъ двадцати трехъ лѣтъ его писательской дѣятельности восьмнадцать ушло на обдумываніе и создаваніе поэмы, прерываемое томительными періодами недовѣрія къ себѣ и сомнѣнія, на страстные приливы творчества, мистическіе восторги и пароксизмы безсилія. Всѣ замыслы отходятъ на второй планъ; параллельно веденныя работы останавливаются, и то, что начато было въ свѣтлую минуту и казалось «комическимъ анекдотомъ», который прежде всего долженъ доставить развлеченіе самому разсказчику, стало источникомъ великихъ радостей и страданій, наполнило его жизнь, сдѣлалось его призваніемъ. Исторія «Мертвыхъ душъ», по выраженію самого Гоголя [1]), является «исторіею его собственной души».

Когда онъ приступалъ къ работѣ, сила непосредственнаго, неудержимаго смѣха, не руководимаго соображеніями пользы, въ немъ била ключомъ. «Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала». Стоило захотѣть, и самые затѣйливые, потѣшные лица, образы, сцены сходились, выстраивались, комически перепутывались въ фантазіи. Видѣнное, слышанное смѣшивалось съ «выдуманнымъ». Намѣтивъ смѣшное лицо, легко было представить его себѣ въ различныхъ забавныхъ положеніяхъ, столкнуть его съ другими, столь же мало реальными лицами и, отойдя въ сторону, оставить ихъ выбираться, какъ знаютъ, изъ происшедшей путаницы. Гоголь такъ и дѣлалъ; даже въ позднѣйшіе годы онъ любилъ развлекаться такою игрою воображенія и на сонъ грядущій устраивалъ, напр., съ Языковымъ настоящія состязанія въ изобрѣтательности; характеризующія ту пору его творчества страницы «Авторской исповѣди» бросаютъ яркій свѣтъ на его первоначальные художественные пріемы.

Свойственная чуть ли не всѣмъ истиннымъ весельчакамъ (будетъ ли то замѣчательный комическій актеръ, сатирикъ, юмористъ) смѣна смѣха тоскою, уныніемъ — естественная реакція возбужденной нервной системы — была и тогда уже замѣтна у Гоголя. Но и изъ слезъ зарождался опять смѣхъ, не меланхолическій, а пуще прежняго бойкій и безотчетный. То было оригинальное средство бороться съ «болѣзненной, необъяснимой тоской»; чѣмъ сильнѣе подступала она, тѣмъ смѣлѣе пытался одолѣть ее молодой организмъ. И затуманившееся было настроеніе, оставившее слѣдъ въ неожиданно грустныхъ страницахъ украинскихъ разсказовъ или петербургскихъ повѣстей, снова прояснялось; въ воображеніи роились десятки, сотни смѣшныхъ тѣней; воплощенныя, онѣ становились въ повѣстяхъ и комедіяхъ фланерами Нев-

---

[1]) „Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „М. душъ“ (Выбр. мѣста изъ переп.). Соч. Гог., изд. 10, IV, 86.

скаго Проспекта, департаментскими уродами, купчихами изъ Шестилавочной, уѣздными модницами. Взаимное отношенiе смѣха и слезъ, вѣчно споривших за преобладанiе въ жизни и творчествѣ Гоголя, въ ту пору рѣшительно склонялось къ перевѣсу комизма. Подобно Рабле, будущiй авторъ «Мертвыхъ душъ» находилъ тогда, что «mieux est de rire que de larmes escrire, pour ce que rire est le propre de l'homme».

Обилiе матерiаловъ подавляло его. Не было еще умѣнья придать имъ стройную форму. Необдѣланные, въ сыромъ видѣ, они тѣснятся отовсюду, и изъ жизни, и изъ фантазiи, на страницы каждаго произведенiя. Показалось очень смѣшнымъ появленiе въ гостиной у зрѣлой невѣсты нѣсколькихъ жениховъ заразъ, съ ихъ различными ужимками и странностями,—пишется комедiя «Женихи», прямо вводящая зрителя въ домашнюю обстановку Агаѳьи Тихоновны и еще не вѣдающая внутренняго мiра Подколесина, изобразить который было гораздо труднѣе. Гдѣ-то подслушанъ или, быть можетъ, въ смѣшливую минуту придуманъ анекдотъ о поручикѣ, принесенномъ въ домъ нравившейся ему дѣвушки въ кулѣ съ перепелками,—и онъ вставленъ въ первоначальный текстъ «Ревизора»; туда же, нѣсколько позднѣе, безъ разбору и какъ будто не замѣчая длиннотъ, вносятся и хвастовство Хлестакова романическимъ приключенiемъ въ большомъ свѣтѣ, и грубый разсказъ о кулачной расправѣ на балу. То, что казалось смѣшнымъ, пока не выходило изъ области помысловъ, заносится на бумагу, и неестественность нѣкоторыхъ чертъ не бросается въ глаза. Просто не вѣрится, чтобы Гоголю могло казаться правдоподобнымъ признанiе невѣсты женихамъ, что она долго не выходила къ нимъ, потому что дралась съ кухаркой, поведенiе мнимаго ревизора, который, желая ослѣпить провинцiаловъ свѣтскостью, кладетъ одну ногу на столъ или переспрашиваетъ у Марьи Антоновны объясненiе слова *комедiя*, которое онъ смѣшивалъ съ артиллерiей.

Таковъ однако былъ уровень еще нестройнаго гоголевскаго творчества, не освободившагося ни отъ чувствительной риторики прежнихъ лѣтъ, ни отъ непомѣрно развившагося примитивнаго комизма, въ ту пору, когда рядомъ съ набросками «Ревизора» мы должны предположить зарожденiе «Мертвыхъ Душъ» въ видѣ коллекцiи портретовъ провинцiальныхъ чудаковъ, оригиналовъ и мелкихъ плутовъ.

Самородная художественная сила таилась и тогда подъ густымъ пластомъ, мѣшавшимъ ей вполнѣ развиться. Ничьи совѣты, хотя бы ихъ далъ Пушкинъ, не въ состоянiи были бы совершить коренного перелома въ гоголевскомъ творчествѣ, если бы не было этой основы. Но гдѣ-то очень глубоко скрыта была она, и въ то время, какъ поразительная наблюдательность могла бы рано навести писателя на изображенiе жизни,

какъ она есть, онъ безпечно смѣшивалъ правду съ вымысломъ, въ изображеніи смѣшныхъ сторонъ не могъ удержаться отъ карикатурныхъ преувеличеній, украинскій бытъ рисовалъ по чужимъ разсказамъ и письмамъ, вводя въ него иногда чудесное не изъ народной сказки, а изъ романтическихъ нѣмецкихъ повѣстей [1]).

Этой силы не сознавалъ тогда въ себѣ молодой авторъ. *Вполнѣ* онъ ея никогда и не созналъ, но она вдохновляла и поддерживала его, исправляла его житейскія ошибки и колебанія и снова выводила на истинный путь. Подъ конецъ его неудачнаго студенчества она получила въ его глазахъ значеніе идеалистическаго и очень неопредѣленнаго порыва оставить по себѣ прочный слѣдъ, сдѣлать добро людямъ; потомъ она слыла у него подъ неточнымъ именемъ лиризма и, односторонне понятая, едва не подверглась искаженію; она пережила крайнее развитіе мистическаго направленія у Гоголя, и внушила ему мучительную мысль о несовершенствѣ дорогой ему поэмы.

Богатая, но никогда не развившаяся во всей полнотѣ сила сказывалась уже для внимательнаго наблюдателя-знатока и въ ранній періодъ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ могъ отгадать ее и въ психологическомъ *чутьѣ*, и въ гуманномъ чувствѣ ко всѣмъ обездоленнымъ, и въ пробужденіи гражданской скорби, охватывающей сатирика при видѣ непрогляднаго невѣжества, варварства и безправія, съ грѣхомъ пополамъ прикрытаго мишурнымъ столичнымъ блескомъ. Эти свойства, въ связи съ неисчерпаемымъ родникомъ смѣха, должны были казаться стороннему наблюдателю настоящимъ кладомъ. Но новичку-литератору нужно было объяснить, что онъ—владѣлецъ такого клада.

Въ этомъ—великая заслуга Пушкина. Быть можетъ, не сразу понялъ онъ значеніе своего младшаго друга, и, ласково встрѣтивъ «Вечера на хуторѣ», оцѣнилъ прежде всего рѣдкое дарованіе «юмориста», затѣмъ личныя свойства оригинальнаго и остроумнаго собесѣдника. Но съ каждымъ серьезнымъ шагомъ впередъ онъ не могъ не измѣнять ожиданій, и требованія его возрастали. По свидѣтельству Гоголя въ «Авторской Исповѣди», Пушкинъ *давно* склонялъ его приняться за большое сочиненіе и, очевидно, встрѣчалъ съ его стороны непониманіе или отсутствіе доброй воли, пока однажды, пораженный мастерствомъ, выказаннымъ въ «одномъ небольшомъ изображеніи небольшой сцены» (какъ туманно выражается Гоголь), которое однако жъ поразило его больше всего имъ прежде читаннаго, онъ не возвратился къ любимой темѣ совѣтовъ съ особенной настойчивостью, которая до того поразила Гоголя, что подробности этой рѣшающей бесѣды запечатлѣлись въ его памяти.

---

[1]) На вліяніе повѣсти Тика „Liebeszauber" на „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала" указывалъ еще Надеждинъ въ „Телескопѣ" 1831 года.

Въ замѣчательныхъ посмертныхъ воспоминаніяхъ С. Аксакова о Гоголѣ безпристрастный авторъ высказалъ мысль о томъ, что не только Жуковскій, но и Пушкинъ не вполнѣ цѣнили талантъ Гоголя, не придавали ему серьезнаго значенія, восхищаясь только его юморомъ, комизмомъ, способностью изображать пошлость человѣческую, живою образностью создаваемыхъ имъ характеровъ [1]). Мнѣніе такого свѣдущаго человѣка, казалось бы, должно умалить значеніе рѣшающаго вліянія, которое Пушкинъ оказалъ на сатирическую дѣятельность Гоголя. Но это мнѣніе разбивается о показаніе главнаго заинтересованнаго лица, автора «Мертвыхъ Душъ», наглядно передающаго другую бесѣду свою съ поэтомъ, быть-можетъ, одну изъ послѣднихъ передъ ихъ разлукой. Дѣло было уже послѣ окончанія первыхъ главъ поэмы «въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде». Авторъ читалъ ихъ вслухъ, и Пушкинъ, «всегда смѣявшійся при гоголевскомъ чтеніи, началъ становиться все сумрачнѣе и наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» [2]). Если Гоголя дѣйствительно тогда же «изумилъ» грустный возгласъ поэта, «который такъ хорошо зналъ русскую жизнь и все-таки не замѣтилъ, что все это была карикатура и выдумка», и если эта часть воспоминанія о ихъ бесѣдѣ не внушена позднѣйшимъ, не въ мѣру строгимъ, отношеніемъ автора къ своимъ произведеніямъ, роли обоихъ собесѣдниковъ существенно мѣняются. Гоголю еще кажется, что онъ попрежнему отдался комической импровизаціи, *похожей на жизнь*, а Пушкинъ уже увидалъ въ несовершенныхъ еще наброскахъ поэмы проявленіе новой стороны дарованія своего друга; правдивое изображеніе жизни его поражаетъ, удручая безотрадностью. Онъ поникъ головой, а неопытный сатирикъ ждалъ смѣха... Кто же изъ двухъ въ ту пору вѣрнѣе «оцѣнилъ талантъ Гоголя?» [3]).

Но вліяніе Пушкина слѣдуетъ точнѣе опредѣлить, съ тѣмъ чтобы степень самостоятельности прогресса гоголевскаго творчества ясно обозначилась. Неумѣренные поклонники автора «Онѣгина» склонны видѣть

---

[1]) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, М. 1890 стр. 27—28.

[2]) Четыре письма и т. д. (письмо 3-е).

[3]) Послѣдній печатный отзывъ Пушкина о гоголевскихъ произведеніяхъ (статья въ „Современникѣ“ 1836 года о второмъ изданіи „Вечеровъ на хуторѣ“) замѣчателенъ по прямодушному тону, не стѣсненному соображеніями дружбы или щепетильности. Въ украинскихъ разсказахъ онъ выдѣляетъ прелесть и искренность смѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ „неровность и неправильность слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ“. Слѣдя за прогрессомъ его творчества, онъ называетъ *Невскій проспектъ* „самымъ полнымъ изъ его произведеній“, „*Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*—„шутливою, трогательною идилліей, которая заставляетъ васъ *смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія*“.

въ «Ревизорѣ», а стало-быть и въ первыхъ главахъ «Мертвыхъ Душъ», слѣды активнаго вмѣшательства Пушкина; они какъ будто готовы оставить Гоголю все непосредственное, веселость, изобрѣтательность, юморъ, а соціальный фонъ картины и тонкое пониманіе душевныхъ движеній отвести въ удѣлъ старшему и болѣе опытному руководителю. Изъ того факта, что Пушкину дважды пришлось указать Гоголю на пригодность извѣстнаго житейскаго факта для литературной обработки, чуть не возникла (по крайней мѣрѣ, относительно комедіи) догадка о какомъ-то странномъ авторствѣ на паяхъ.

Гораздо важнѣе мнимаго сотрудничества, такъ неправдоподобнаго со стороны поэта, въ чьемъ творчествѣ комизмъ занималъ всегда лишь второстепенное мѣсто, было воспитывающее вліяніе его на мало образованнаго, увлеченнаго внезапною быстротой своихъ писательскихъ успѣховъ и самонадѣяннаго юношу. Указывая на высокое значеніе сатиры, заботясь о его художественномъ воспитаніи, ставя въ образецъ Мольера и Сервантеса и привѣтствуя каждый шагъ его въ новомъ направленіи, Пушкинъ уже отвлекалъ его отъ поверхностнаго отношенія къ жизни, литературѣ и своему призванію. Въ то время, какъ Гоголь могъ беззаботно тратить дарованіе на такія бездѣлки, какъ «Носъ» или «Коляска», Пушкинъ, радушно встрѣчая ихъ, не переставалъ напоминать ему о необходимости посвятить свои силы большому сочиненію, охватывающему всю русскую жизнь; онъ за него мечталъ о будущности выдающагося романиста и послѣдовательно велъ его къ ней. Когда онъ счелъ его готовымъ для этого дѣла, онъ уступилъ ему сюжетъ, случайно подмѣченный имъ среди житейской суеты, пересудовъ и анекдотовъ. Это былъ сюжетъ «Мертвыхъ Душъ».

Разсказъ о плутоватомъ аферистѣ, воспользовавшемся недосмотромъ въ положеніи о залогѣ помѣщичьихъ имѣній въ опекунскій совѣтъ и скупившемъ сотни крестьянскихъ душъ, давно исчезнувшихъ со свѣта, вѣроятно, былъ переданъ, какъ образецъ ловкости, какимъ-нибудь дѣльцомъ Пушкину во время его хлопотъ по залогу и перезалогу отцовскихъ и своихъ деревень въ 1834 году. Выхваченный прямо изъ жизни, разсказъ сразу приглянулся поэту, какъ основа для нравоописательнаго сюжета. Несмотря на то, что «Капитанская дочка» съ ея воспроизведеніемъ уже отжившаго быта заслонила, казалось, собою попытки Пушкина изображать въ повѣсти современную уѣздную Русь, онъ постоянно возвращался къ мысли о большомъ романѣ, въ которомъ послѣ характеристики екатерининскаго вѣка и александровской поры выступила бы во всѣхъ существенныхъ чертахъ окружавшая его дѣйствительность [1].

---

[1]) Программа содержанія „Русскаго Пелама" даетъ нѣкоторое понятіе о канвѣ такого нравоописательнаго романа.

Для послѣдней части, конечно, могла дать вполнѣ удобную рамку исторія странствій по всевозможнымъ захолустьямъ ловкаго и неунывающаго афериста, сталкивающагося со множествомъ лицъ; присоединивъ къ прежнему знанію провинціи, которое дало краски для деревенскихъ картинъ «Онѣгина», много новыхъ данныхъ, добытыхъ въ частыхъ поѣздкахъ по глуши, которыя возобновились послѣ его женитьбы, Пушкинъ могъ надѣяться совладать съ трудною задачей и, «презрѣвъ Фебовы угрозы, унизиться до смиренной прозы». *Его* «Мертвыя Души», конечно, оказались бы существенно различными отъ гоголевской поэмы уже въ силу несходства дарованій романистовъ, но несомнѣнно носили бы на себѣ слѣды внимательнаго изученія жизни (особенно деревенской, крестьянской, которую авторъ «Исторіи села Горохина» зналъ гораздо ближе Гоголя) и изощренной наблюдательности.

Относительно обстоятельствъ, при которыхъ намѣченный для себя Пушкинымъ сюжетъ былъ переданъ Гоголю, есть два противорѣчивыхъ показанія. По словамъ Гоголя, поэтъ «*отдалъ* ему свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ самъ хотѣлъ сдѣлать *что-то вродѣ поэмы* и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому». Напротивъ того, Анненковъ [1]) опредѣленно заявляетъ, что «Пушкинъ не совсѣмъ охотно уступилъ свое достояніе», и приводитъ вслѣдъ затѣмъ отзывъ поэта о Гоголѣ, сдѣланный съ добродушнымъ смѣхомъ въ кругу домашнихъ и сводящійся къ протесту противъ захвата чужого добра. Очевидно, во время частыхъ указаній на необходимость расширить размѣры сатирической картины Пушкинъ неосторожно, не рѣшивъ еще, воспользуется ли онъ самъ фабулой, привелъ ее въ примѣръ Гоголю, быть-можетъ, даже показавъ, какіе разнообразные узоры можно расположить по такой канвѣ. Тщетно стремясь уже нѣсколько времени убѣдить своего друга, онъ могъ думать, что и это указаніе останется доброжелательною проповѣдью; Гоголь, втихомолку набросавшій начальныя главы *своей* поэмы, долженъ былъ изумить поэта и (по крайней мѣрѣ въ первую минуту) возбудить смутное чувство досады и сожалѣнія, показавъ начатое осуществленіе плана, еще не выполненнаго въ фантазіи его настоящаго творца. Только въ этомъ смыслѣ можно объяснить «неохотно сдѣланную Пушкинымъ уступку». Во всякомъ случаѣ, если недовольство и возбуждено было, то не надолго, и во все время, пока «Мертвыя Души» возникали на глазахъ у Пушкина, авторъ встрѣчалъ съ его стороны лишь глубокое сочувствіе, какъ мы видѣли, далеко опережавшее его собственное пониманіе своихъ силъ.

---

[1]) Воспоминанія и критич. очерки П. В. Анненкова, 1877, I, „Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 г.“, стр. 184.

Мимоходомъ обронено Гоголемъ любопытное указаніе на то, что Пушкинъ замышлялъ обработать данный сюжетъ въ формѣ поэмы. Стало-быть, поразившее многихъ названіе гоголевскаго романа *поэмою* было также указано Пушкинымъ. Но, разумѣется, не въ духѣ свѣтлыхъ и ясныхъ художественныхъ плановъ поэта было присвоить будущему произведенію ту полную символизма основную мысль, которая потомъ въ глазахъ Гоголя оправдывала столь непривычное въ сатирической литературѣ названіе, да и этотъ символизмъ лишь съ годами проникъ въ «Мертвыя души». Если къ какому-нибудь изъ мелкихъ видоизмѣненій формы поэмы (а ихъ въ началѣ вѣка насчитывался цѣлый десятокъ) Пушкинъ могъ отнести задумываемый имъ романъ, то развѣ къ такъ называемой «комической поэмѣ», разумѣется, не вродѣ какихъ-нибудь «Расхищенныхъ шубъ», а въ освѣженной юморомъ байроновскаго «Донъ-Жуана» формѣ бытовыхъ очерковъ, введенныхъ въ «Онѣгина». Но въ словахъ Гоголя есть еще одна цѣнная подробность. У него сохранилась въ памяти изъ бесѣды съ Пушкинымъ пространная ссылка на примѣръ Сервантеса, «который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за *Донкишота*, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями»; послѣ этой ссылки, очевидно, былъ тотчасъ же разсказанъ въ видѣ образца будущій сюжетъ «Мертвыхъ душъ» («и, *въ заключеніе всего*, онъ отдалъ мнѣ» и т. д.). Эта близкая параллель между Гоголемъ и Сервантесомъ, «Донъ-Кихотомъ» и будущею тонко-шутливою поэмой изъ русской жизни бросаетъ особый свѣтъ на замыселъ поэта, усвоенный въ извѣстной степени и его подражателемъ.

Донъ-Кихотъ покидаетъ дѣдовское гнѣздо ради осуществленія рыцарскаго идеала, всѣми забытаго и попраннаго, для защиты угнетенныхъ и слабыхъ. Нашему времени непонятна фантастическая погоня за радужными химерами, и Донъ-Кихоту нашихъ дней приличнѣе другой нарядъ и другія цѣли. Что, если бы изобразить въ видѣ полной противоположности ламанчскому герою рыцаря наживы, стремящагося не освобождать гонимыхъ, а самому угнетать и разорять, и если бы такъ же заставить его вѣчно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, ища не столько приключеній, сколько возможности совершать, какъ Топтыгинъ у Салтыкова, „крупныя, среднія и малыя злодѣйства“?.. Мысль о подобномъ переложеніи фабулы Сервантеса на русскіе нравы легко могла притти на умъ Пушкину и прежде всего должна была рѣшить вопросъ о формѣ романа, мѣсто дѣйствія котораго будетъ столько же на большой дорогѣ и проселочныхъ путяхъ, сколько въ четырехъ стѣнахъ помѣщичьяго жилья. Но, продолжая сравненіе, можно подмѣтить дальнѣйшіе слѣды вліянія, которое могъ оказать испанскій романъ на зарождавшееся

произведеніе, — разумѣется, вызывая прямо противоположныя черты. Донъ-Кихотъ разгорячилъ воображеніе неумѣреннымъ чтеніемъ рыцарскихъ романовъ; въ его отсутствіе домашніе безжалостно жгутъ и выбрасываютъ за окно эти зловредныя книги. Чичиковъ ничего никогда не читаетъ, „Герцогиню Лавальеръ“ никакъ не можетъ одолѣть, случайно узналъ „Посланіе Вертера къ Шарлоттѣ“, которое неожиданно декламируетъ Собакевичу, и превосходно обходится безъ книжнаго балласта. Сервантесъ далъ своему герою въ спутники Санчо, въ которомъ сквозь неотесанность деревенскаго парня сказывается народный здравый смыслъ и трезвость сужденія. Крѣпостная среда вытравила и умъ, и смѣтку въ Селифанѣ и Петрушкѣ, совсѣмъ пришибленныхъ оруженосцахъ Чичикова. Въ теченіи десятилѣтняго промежутка, который отдѣляетъ послѣднюю часть „Донъ-Кихота“ отъ первой, Сервантесъ, точно пожалѣвъ своего несчастнаго и всѣми осмѣяннаго героя, просвѣтляетъ его образъ, выдвигаетъ въ немъ мирныя христіанскія добродѣтели, надѣляетъ его всепрощеніемъ и кротостью. Если не въ Пушкинѣ, то во всякомъ случаѣ въ Гоголѣ должно было возбудить сочувствіе зрѣлище искупленія былыхъ излишествъ и заблужденій, и въ число причинъ, опредѣлившихъ искупительное значеніе второго и третьяго томовъ „Мертвыхъ душъ“ во внутренней исторіи Чичикова, думается намъ, слѣдуетъ включить вліяніе „Донъ-Кихота“.

Такъ, подъ впечатлѣніемъ дружескихъ настояній Пушкина, его указаній на великихъ мастеровъ сатиры, и обмѣна мыслей о возможности правдиво изобразить всю русскую жизнь, начаты были работы надъ поэмой. Гоголь признается, что, приступая къ труду, онъ «не опредѣлилъ себѣ обстоятельнаго плана, не далъ себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой». Первая часть признанія нуждается въ оговоркѣ: конечно, еще не выработанъ былъ не въ мѣру широкій планъ трехтомнаго романа, становящійся сколько-нибудь яснымъ лишь съ извѣстной перспективы, гдѣ дѣйствующія лица, житейскіе факты отходятъ вдаль, а, заслоняя ихъ, выдвигаются, связанные развитіемъ единой мысли, главные отдѣлы поэмы. Но основной пріемъ былъ намѣченъ и удержанъ навсегда. Стоило вдуматься въ предстоявшую задачу, чтобы убѣдиться, что только тогда авторъ въ силахъ будетъ справиться съ нею, если предоставитъ повѣствованію течь широкою рѣкой, послѣдовательно изображая жизнь. Вводить въ него опредѣленную фабулу съ завязкой и развязкой должно было казаться излишнимъ стѣсненіемъ. Чисто-механическая связь похожденій Чичикова поражаетъ и въ окончательной редакціи поэмы, когда *планъ* считался уже выработаннымъ. Случайности скопляются въ подавляющемъ количествѣ, перебрасывая героя изъ одной обстановки въ другую, отъ Бетрищева къ Пѣтуху,

отъ него къ Костанжогло, Кошкареву и т. д. Если *отдѣланнаго до мелочей* плана и впослѣдствіи незамѣтно, такъ оно было, разумѣется, и при приступѣ къ дѣлу. Каждая глава имѣла значеніе законченнаго эпизода и могла быть написана отдѣльно, раньше или позже своихъ сосѣдокъ. Романъ не былъ стройнымъ, легкимъ зданіемъ, чудомъ эпической литературы; онъ долженъ былъ представить длинный свитокъ, на которомъ развертывалась безконечная интимная лѣтопись русскихъ деревень и городовъ, испещренная портретами, набросками съ натуры и лишь изрѣдка массовыми картинами быта. Этотъ пріемъ выдержанъ съ большою послѣдовательностью (за исключеніемъ „лирическихъ мѣстъ“) до конца перваго тома; его слѣдуетъ, повидимому, признать одною изъ самыхъ раннихъ примѣтъ гоголевской поэмы; онъ внушенъ былъ давно забытой, но въ свое время распространенной формой „романа-путешествія“ (Reiseroman).

Столько же нуждается въ поясненіяхъ и вторая часть гоголевскаго признанія. Онъ не далъ себѣ отчета въ томъ, что такое именно самъ герой... Въ сравнительно свѣтлый періодъ жизни Гоголя ему ни въ Чичиковѣ, ни въ Хлестаковѣ не грезилось аллегорическаго, всеобъемлющаго смысла, и примирительный исходъ судьбы плутоватаго Павла Ивановича не входилъ въ соображенія романиста, — и съ этой точки зрѣнія нужно согласиться съ тѣмъ, что не зналъ авторъ тогда, чѣмъ *можетъ сдѣлаться* его герой. Но относительно его нравственныхъ свойствъ и особенностей характера онъ, конечно, не имѣлъ и въ первыя минуты работы никакихъ сомнѣній. Онъ могъ сначала легче обрисовать его плутни, отдавая въ послѣдній разъ дань юношескому избытку смѣха, выказывая недостаточную еще художественную зрѣлость, но въ томъ, что ему предстоитъ описывать похожденія торжествующаго негодяя, искусно раскидывающаго сѣти, предпочитая хищнической наживѣ обворожительную изворотливость и вкрадчивость, онъ не могъ сомнѣваться. На это ему указалъ бы источникъ поэмы, завѣщанный Пушкинымъ, — анекдотъ о чиновникѣ-скупщикѣ мертвыхъ душъ, совершавшемъ свои рискованныя покупки, разумѣется, не съ развязностью биржевика, объявляющаго цѣну на товаръ, ходячій на рынкѣ... Намѣреніе избрать центральною личностью въ романѣ человѣка пронырливаго, въ свою очередь, сближало зарождавшіяся «Мертвыя души» съ развившимся еще съ XVII-го вѣка на Западѣ плутовскимъ романомъ (Schelmenroman).

Но и на Руси онъ не былъ безызвѣстенъ. Если съ романомъ въ формѣ описанія путешествія мы познакомились лишь въ концѣ 18-го столѣтія, у Гоголя, желавшаго какъ будто впервые «пристегнуть плутоватаго человѣка», былъ ранній предшественникъ, недостаточно оцѣненный бытовой разказчикъ временъ Алексѣя Михайловича, анонимный авторъ

«Исторіи о Фролѣ Скобѣевѣ и о стольничьей Ордина-Нащокина дочери Аннушкѣ» [1]). Съ рѣдкимъ для своей поры реализмомъ, ни на минуту не впадая въ назиданіе, бойко рисуя московскій и провинціальный бытъ XVII столѣтія, онъ, быстро двигая дѣйствіе впередъ, передаетъ рядъ смѣлыхъ и удачныхъ плутней своего героя (въ своемъ родѣ собрата Чичикова по профессіи, сутяги, ходящаго по дѣламъ), который во что бы то ни стало хочетъ выбраться въ люди—и достигаетъ своего. Началъ онъ жизнь чѣмъ-то въ родѣ однодворца въ новгородской глуши, а подъ конецъ является богатымъ зятемъ стольника, быть можетъ, станетъ самъ стольникомъ и будетъ играть вліятельную роль при дворѣ. Онъ никогда не унываетъ, мастеръ притворяться, плутуетъ съ лукавой усмѣшкой, побѣждающей его жертвъ. Въ результатѣ получается идущее вразрѣзъ съ цѣломудренными требованіями набожности торжество порока и скромный удѣлъ, отведенный добродѣтели. И все это безъ лиризма, безъ вмѣшательства автора, который какъ будто иронически подсмѣивается, передавая то, что дѣйствительно *бываетъ*, что у всѣхъ передъ глазами.

Но если повѣсть о Скобѣевѣ осталась неизвѣстной Гоголю и возбуждаетъ интересъ, какъ ранняя предшественница его поэмы,—въ обоихъ видахъ романа, съ которыми сближаются «Мертвыя Души», у него могли быть болѣе близкія и доступныя ему соотношенія. На одно изъ нихъ (вліяніе «Донъ-Кихота») пришлось уже указать. Замѣчательное умѣнье воспользоваться формой путевыхъ впечатлѣній для группировки массы лицъ и бытовыхъ сценъ было выказано Стерномъ въ «Сентиментальномъ путешествіи», полномъ игры свѣта и тѣней, капризныхъ вспышекъ юмора, обращеній автора къ читателю, быстрыхъ переходовъ отъ слезъ и раздумья къ смѣху. Этотъ типическій складъ разсказа, предоставляющій просторъ и личнымъ изліяніямъ и наблюденіямъ надъ жизнью и людьми, вырабатался, конечно, подъ вліяніемъ племенныхъ британскихъ свойствъ, остался почти неподражаемымъ, встрѣтилъ на Западѣ однородное явленіе лишь въ юморѣ гейневскихъ «Reisebilder», но дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на многихъ даровитѣйшихъ беллетристовъ. Врядъ ли Гоголь избѣжалъ этого вліянія. Вмѣшательство автора въ разсказъ, особенно часто повторяющееся въ первоначальной редакціи перваго тома «М. душъ» [2]) и вообще непривычное въ тогдаш-

---

[1]) Впервые напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1853 года. Вновь издана В. В. Сиповскимъ, „Русская повѣсть XVII и XVIII столѣтій“, 1904.

[2]) „Мертвыя души“ въ подлинной рукописи автора, сообщ. Е. С. Некрасовой. „Русск. Старина“, 1885, дек. Приведемъ примѣры устраненныхъ впослѣдствіи личныхъ обращеній: „Будь лучше *ты*, нежели вы, веселый прямодушный читатель мой, я съ тобой совершенно безъ чиновъ, и вмѣсто того, чтобы разсказывать, какъ ге-

нихъ литературныхъ нравахъ, могло опираться и на примѣръ Пушкина, сдѣлавшаго въ этомъ отношеніи починъ въ «Онѣгинѣ, и на еще болѣе подходившій по складу таланта юморъ Стерна. Для рѣзкихъ переходовъ изъ одного душевнаго настроенія въ другое, особенно учащенныхъ въ поэмѣ, точно также англійскій юмористъ могъ служить ободряющимъ образцомъ.

Но автору было еще доступнѣе примѣненіе стерновскаго направленія къ русской средѣ—«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Кто былъ такъ близокъ къ Пушкину, какъ Гоголь, тотъ не могъ не усвоить у него интереса къ Радищеву и къ его несчастной книгѣ. Если Пушкинъ до такой степени руководилъ чтеніемъ Гоголя, что заставилъ его прочесть цѣлый рядъ классическихъ произведеній западныхъ литературъ, то, предлагая облечь будущій романъ въ форму описанія путешествія, онъ не могъ не указать на наиболѣе замѣчательный, хотя и вызывавшій въ немъ нѣкоторыми сторонами недовольство и возраженія, примѣръ такого русскаго произведенія. Для болѣзненно отзывчиваго и благороднаго мечтателя-странника, за которымъ скрывается Радищевъ, конечно, не было мѣста въ гоголевской поэмѣ; вѣдь это былъ такой же Донъ-Кихотъ, гнавшійся за идеалами, упраздненными екатерининскою реакціей. И его, и испанскаго его собрата замѣнилъ «хозяинъ-пріобрѣтатель» Чичиковъ, но въ распорядкѣ сюжета, дорожныхъ думахъ про себя, встрѣчахъ, знакомствахъ, эпизодическихъ разсказахъ, обрисовкѣ немногихъ положительныхъ характеровъ, выступающихъ изъ массы порочныхъ личностей, въ смѣлыхъ скачкахъ отъ бойкаго комическаго наброска къ мрачной картинѣ торжествующаго зла и лжи, какъ сопоставленіе (въ главѣ «Спасская Полѣсть») анекдота о выпискѣ устрицъ по казенной надобности съ фантастическимъ появленіемъ истины при самоуправномъ дворѣ,—во всѣхъ этихъ чертахъ «Путешествія» многое могло руководить Гоголемъ съ тѣхъ поръ, когда онъ серьезнѣе сталъ задумываться надъ тѣмъ, какъ справиться съ необъятнымъ содержаніемъ поэмы. Ему и тогда, да и впослѣдствіи чужда была дѣятельная, практически-общеполезная сторона, которая у Радищева составляетъ основу книги, скрашенную беллетристической оболочкой [1]). Взамѣнъ того и онъ испы-

рой нашъ одѣвался, беру тебя за руку и веду прямо на балъ".—„Было время, когда и я, несмотря на неповоротливость, глядѣлъ въ глаза, старался угадывать желанія тѣхъ, съ которыми мы привыкли быть до приторности учтивыми. А теперь, какъ унесло меня море изъ нашей пространной имперіи, все благоговѣніе, которое питалось въ душѣ къ разнымъ правителямъ канцелярій и многимъ другимъ разнымъ достойнымъ людямъ, испарилось совершенно. Теперь я кланяться не умѣю. Я состарѣлся, нѣтъ гибкости въ костяхъ".

[1]) Плетневъ мѣтко ставилъ Гоголю на видъ, что „въ его поэмѣ нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни,—серьезнаго общественнаго интереса; онъ возвратилъ обществу то, что оно дало ему".

тывалъ искреннее негодованіе противъ зла и несправедливости, не вѣдавшее средствъ побороть ихъ, но не дававшее успокоиться, примириться, задремать. На этой почвѣ онъ могъ сойтись съ своимъ предшественникомъ.

Другое русское произведеніе, также внушенное иностраннымъ образцомъ («Gil Blas'омъ» Лесажа),—«Россійскій Жилблазъ» [1]) Нарѣжнаго, неоконченный, подвергшійся гоненію, мѣстами растянутый и вялый, мѣстами замѣчательно смѣлый и остроумный,—было, разумѣется, хорошо извѣстно Гоголю, получившему немало полезныхъ возбужденій отъ этого земляка (въ *Віи* и *Бульбѣ*—изъ *Бурсака,* въ *Повѣсти объ Иванѣ Ив.*—изъ *Двухъ Ивановъ или Страсти къ тяжбамъ).* Въ виды Нарѣжнаго входило постепенно обозрѣть всѣ закоулки русской жизни, но онъ не успѣлъ выполнить своей задачи; отдѣльные эпизоды у него слишкомъ разрастаются, какъ, наприм., сатирическая выходка противъ метафизиковъ, риторовъ и семинарскихъ словесниковъ; онъ принужденъ прибѣгать къ аллегорическому переодѣванію, лишь бы коснуться запретныхъ вопросовъ (выводя лицемѣрящихъ и жадныхъ монаховъ подъ видомъ факировъ). Но тамъ, гдѣ ему удается прямо подойти къ русскимъ житейскимъ фактамъ, онъ пролагаетъ дорогу Гоголю, вводя читателя въ помѣщичьи усадьбы, на деревенскую улицу, въ захолустный городъ, старый судъ [2]). Можно было бы найти нѣсколько мелкихъ чертъ совпаденія между обоими романами.

Знакомство съ названными произведеніями, которыя въ различной степени могли помочь Гоголю въ періодъ приступа къ работѣ, почти обнимаетъ собой то, что можно бы назвать литературными источниками «Мертвыхъ Душъ [3]). Прибавимъ къ этому, чтобы исчерпать вопросъ,

---

[1]) Россійскій Жилблазъ или похожденіе князя Гаврилы Семеновича Чистякова. Соч. Вас. Нарѣжнаго. Спб., 1814.

[2]) Вотъ, наприм., бойкая характеристика двухъ сосѣднихъ домовъ: одинъ изъ нихъ „каменный, большой, наверху котораго прибитъ былъ деревянный раскрашенный двоеглавый орелъ. Въ домъ сей входило и выходило множество людей. Входящіе имѣли на лицѣ начертаніе ожиданія, держали въ карманахъ руки и ими помахивали; выходящіе оттуда были печальны, имѣли руки на свободѣ и, одною утирая потъ, другою чеша въ затылкахъ, отходили прочь. Рядомъ стоялъ маленькій ветхій домикъ съ разбитыми окошками, а надъ дверью прибитый кругъ, на коемъ также нарисованъ двоеглавый орелъ и куда также входило множество народа. Входящіе туда также держали руки въ карманахъ; но разница въ томъ, что на лицахъ выходящихъ, вмѣсто печали, видна была радость, а иные даже припрыгивали отъ удовольствія и весело вскрикивали“. Эта характеристика какъ будто заставляетъ предчувствовать близость гоголевской сатиры.

[3]) Были указаны (Рус. Архивъ 1902 г., VIII, статья Ю. Фохта, „Мертвыя Души и Иванъ Выжигинъ“) точки соприкосновенія между романами Гоголя и Булгарина (въ обрисовкѣ Манилова, Костанжогло, Ноздрева); ихъ приходится отнести къ

нѣсколько примѣровъ позднѣйшихъ частныхъ заимствованій у русскихъ и иноземныхъ писателей,—заимствованій, чаще встрѣчающихся у Гоголя, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Въ началѣ извѣстнаго лирическаго мѣста седьмой главы перваго тома («Счастливъ писатель» и т. д.) можно найти отголосокъ XI строфы первой главы «Евгенія Онѣгина» («Свой слогъ на важный ладъ настроя» и т. д.). Чичиковъ, объясняя Лѣницыну необходимость, «чтобы это было въ тайнѣ, ибо не столько самое преступленіе, сколько соблазнъ вредоносенъ», выражается словами Тартюффа: le mal n'est jamais que dans l'éclat qu'on fait; le scandale du monde est ce qui fait l'offense». Это неожиданное сходство можно сопоставить съ незамѣченнымъ еще, кажется, присвоеніемъ словъ Горація (сатира первая, стихи 69—70): Quid rides? mutato nomine, de te fabula narratur», городничему въ «Ревизорѣ»: «Что смѣетесь? Надъ собой смѣетесь!»

Но въ непосредственно связанномъ съ жизнью произведеніи литературные источники естественно должны занимать *второстепенное* мѣсто, и Гоголь съ первыхъ же шаговъ, конечно, увидалъ, что главною его опорой будутъ подлинные факты, добытые его наблюденіями надъ людьми и нравами. Онъ убѣждался въ томъ, что у него «только то и выходило хорошо, что было взято изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, извѣстныхъ ему».

Лучше всего ему извѣстенъ и понятенъ былъ собственный характеръ, который онъ привыкъ анализировать до мелочей еще въ то время, когда въ анализъ не закрадывалось самобичеванія и когда это былъ лишь здравый и строгій судъ надъ собою, естественное слѣдствіе раздвоенія натуры на дѣйствующую, порою слишкомъ подпадающую людскимъ слабостямъ, сторону и на элементъ разсудочный, критическій. Онъ признается, что «большую часть своихъ пороковъ и слабостей онъ передавалъ своимъ героямъ, осмѣивая ихъ въ своихъ повѣстяхъ, и такимъ образомъ избавлялся отъ нихъ *навсегда*» (?),—и въ любопытныхъ воспоминаніяхъ своихъ Арнольди, братъ Смирновой, вполнѣ подтверждаетъ это, ссылаясь «на всѣхъ, кто зналъ Гоголя коротко» [1]). Послѣ этого вполнѣ естественно искать, въ числѣ матеріаловъ для романа, и чертъ автобіографическаго характера. Кудрявая витіеватость рѣчей Чичикова въ сильной степени напоминаетъ застарѣлый у самого Гоголя недостатокъ, отъ котораго онъ постоянно стремился избавиться,—склонность къ отборнымъ, красивымъ фразамъ, полнымъ многословія и риторическихъ побрякушекъ. Въ юности его почти всѣ письма, кромѣ непринужденныхъ, дружескихъ, написаны этимъ слогомъ; въ quasi-ученыхъ

числу невольно всплывавшихъ изъ дальняго запаса памяти („Выжигинъ" явился въ 1829 г.) отголосковъ прочитаннаго; сознательнаго и открытаго заимствованія изъ пошлаго произведенія завѣдомаго врага нельзя себѣ представить.

[1]) „Русск. Вѣстникъ", 1862 г., № 1.

статьяхъ *Арабесокъ* онъ то и дѣло туманитъ изложеніе; сочетаніе его съ безподобно правдивымъ языкомъ петербургскихъ повѣстей или эпилогомъ къ «Тарасу Бульбѣ» поражаетъ иногда диссонансомъ; въ первомъ томѣ «М. Душъ» рѣшительный переломъ въ пользу естественности, но прежняя риторика, скрашенная новымъ освѣщеніемъ во вкусѣ благочестія, опять всплываетъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ». Еще отроческія письма Гоголя полны маниловскихъ оборотовъ. Конечно, Маниловъ не отказался бы написать слѣдующее письмо: «Позвольте, дражайшая маменька, поздравить васъ со днемъ ангела вашего, съ симъ блаженнѣйшимъ днемъ для каждаго нѣжнаго и благороднаго сына. Ваша родительская любовь и нѣжность, ваши благодѣянія, ваши о мнѣ попеченія, все сіе побуждаетъ меня приняться за перо, чтобы изъявить вамъ свою благодарность. Но, къ несчастію, оно не столь твердо, силы мои такъ слабы, а о благодарности я и думать не могу; она не что иное есть, какъ слабая тѣнь, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я вамъ долженъ» [1]... Гоголю стоило вспомнить слогъ своихъ писемъ этого пошиба, чтобы схватить вѣрный тонъ для рѣчей Манилова (отъ первыхъ строкъ приведенной поздравительной записки такъ и вѣетъ «майскимъ днемъ» и «именинами сердца»). Но строгій къ себѣ судья зналъ въ своемъ характерѣ и слабость, заклейменную имъ въ Хлестаковѣ: «есть во мнѣ что-то хлестаковское», пишетъ онъ Жуковскому; въ интимныхъ бесѣдахъ съ друзьями онъ не таилъ ея, несмотря на присущую ему склонность лишь до извѣстной степени раскрывать имъ свой внутренній міръ; эту черту признаетъ за нимъ сильно любившій его С. Аксаковъ, а изученіе писемъ Гоголя привело Ореста Миллера къ весьма характеристическому вопросу: «какъ помирить хлестаковщину съ геніальностью» [2]?.. И въ «М. Душахъ» разбросаны остроумныя выходки противъ суетнаго желанія рисоваться, хвастать, казаться, а не быть, противъ привычки щеголять показными достоинствами. Наконецъ, необходимое для него и поддержанное примѣромъ образцовыхъ писателей развитіе активной роли разсказчика позволило ввести въ романъ многое лично пережитое и передуманное, и самокритику, и самооправданіе. Со временемъ, когда перевѣсъ лиризма въ подобныхъ вставкахъ сталъ придавать личному элементу слишкомъ большое значеніе, Гоголь уже страшился этой склонности и искалъ противовѣса въ усиленныхъ наблюденіяхъ надъ внѣшнею жизнью; прося всѣхъ доставлять ему какъ можно больше этихъ наблюденій, онъ поясняетъ, что иначе «на мѣсто людей высунется его собственный носъ».

---

[1]) Письма Гоголя, изд. В. И. Шенрокомъ. Спб. 1902, I, 10—25.

[2]) „Русская Старина", 1875, № 9.

Отъ изученія своего характера легокъ переходъ къ обдумыванію и переработкѣ того, что было подмѣчено въ близкихъ людяхъ и друзьяхъ, наконецъ къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя уже облечены были имъ въ литературную форму. Это—второй видъ *личныхъ* источниковъ «Мертвыхъ Душъ», раскрывающій любопытную черту въ творчествѣ Гоголя, постоянное воспроизведеніе группы характеровъ, почему-либо рано обратившихъ на себя вниманіе сатирика и затѣмъ не разстающихся съ нимъ,—повторяемость ихъ, обусловленную видоизмѣненіемъ и болѣе тонкимъ анализомъ [1]). Такъ какъ первые наброски поэмы и «Ревизора» совпадаютъ по времени, неудивительно, что между обоими произведеніями всего болѣе замѣтна связь. Въ языкѣ, пріемахъ, привычкахъ дѣйствующихъ лицъ «М. Душъ» часто слышатся отголоски чего-то знакомаго. Городничій (который, кстати, въ ранней редакціи названъ полицмейстеромъ, а на рисункѣ, сдѣланномъ Гоголемъ, изображенъ даже въ военномъ мундирѣ съ эполетами [2])), снова оживаетъ въ лицѣ полицмейстера города N, «всеобщаго благодѣтеля», у котораго вкусно позавтракалъ Чичиковъ. Онъ беретъ взятки и досаждаетъ горожанамъ не хуже Сквозника, но помнитъ, что живетъ не въ захолустьѣ, и уже не кормитъ арестованныхъ селедкой и не хватаетъ за бороду, но предлагаетъ купцу сыграть съ нимъ или прокатиться на его иноходцѣ, и тотъ, очень польщенный, кланяется, катается и проигрываетъ сколько слѣдуетъ. Тяпкину-Ляпкину соотвѣтствуетъ почтмейстеръ Иванъ Андреичъ, тоже дошедшій до всего собственнымъ умомъ (характеръ мнимо глубокомысленнаго судьи, скажемъ мимоходомъ, уже намѣченъ былъ въ «Жилблазѣ» Нарѣжнаго и въ комедіи Основьяненка «Пріѣзжій изъ столицы», гдѣ онъ носилъ фамилію Спалкина), словоохотливый, любящій читать мудреныя книги и ссылающійся на «Ключъ Натуры» Эккартсгаузена, какъ Тяпкинъ-Ляпкинъ—на «Дѣянія Іоанна Масона», выдвигающій въ затруднительныя минуты вычурные совѣты и объясненія. Анна Андреевна по манерамъ и складу рѣчи—прототипъ «просто пріятной дамы», тогда какъ въ разсказѣ послѣдней о нетерпѣніи, съ которымъ она летѣла сообщить важную новость пріятельницѣ, звучатъ почти тѣ же слова, какъ и въ задыхающейся отъ волненія и столь же фальшивой болтовнѣ жены Луки Лукича. Бобчинскій, Добчинскій, Люлюковъ, мелкотравчатые провинціалы, умножились числомъ, взапуски толкуютъ о будущности крестьянъ Чичикова, готовы отыскать ему управляющаго, жену и т. д.

---

[1]) Нѣсколько примѣровъ ея, взятыхъ изъ украинскихъ повѣстей, приведено В. И. Шенрокомъ въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“, I, М. 1892.

[2]) Этотъ рисунокъ воспроизведенъ fac simile въ приложеніи къ статьѣ Н. С. Тихонравова, „М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь“, въ журналѣ „Артистъ“, 1890, кн. 5.

Хлестаковъ ссудилъ нѣсколько чертъ, и въ особенности лганье, Ноздреву; теперь онъ сталъ грубѣе, но потому, что онъ уже не столичная штучка, а размѣнявшійся на мелочи враль, герой губернскихъ ярмарокъ и дворянскихъ съѣздовъ. Мало того, онъ не просто любитель картъ, а шулеръ, и этою стороною повторяетъ черты, собранныя въ «Игрокахъ». Очевидно, типъ лжеца былъ предметомъ одного изъ самыхъ раннихъ наблюденій сатирика; обрывки рѣчей, которыми онъ мысленно надѣлялъ такого человѣка, слышатся иногда даже тамъ, гдѣ бойкая находчивость еще не перешла въ привычку лгать. Можно указать на близкое созвучіе между болтовней Хлестакова, Собачкина, Кочкарева, Утѣшительнаго съ Швохневымъ, наконецъ Ноздрева.

Замѣтно соотвѣтствіе даже между отдѣльными ситуаціями въ романѣ и въ комедіи. Совѣщаніе городскихъ сановниковъ по случаю ожиданія ревизора, открывающее собою пьесу, повторено въ началѣ десятой главы перваго тома «М. Душъ» въ видѣ тревожнаго съѣзда властей города N, ожидающихъ появленія генералъ-губернатора, при чемъ опять каждый предлагаетъ свои мѣры и щеголяетъ догадливостью. Найденный впослѣдствіи набросокъ окончанія IX главы еще опредѣленнѣе усиливаетъ сходство; у чиновниковъ внезапно проносится мысль, не ревизоръ ли Чичиковъ, и мертвыя души не указываютъ ли на всѣхъ, ложно зачисленныхъ за послѣднее время умершими.

Переходя отъ обзора матеріаловъ для поэмы, которые доставляло изученіе собственнаго характера или переживаніе прежде созданныхъ образовъ, къ бытовымъ даннымъ, которыя приходилось черпать изъ моря житейскаго, намъ представятся, конечно, сначала тѣ, что имѣютъ отношеніе къ опредѣленнымъ личностямъ, извѣстнымъ автору, а затѣмъ несравненно болѣе многочисленныя, такъ сказать, безыменныя, подобранныя по пути или же доставленныя другими лицами.

Вопросъ о матеріалахъ, составляющихъ первую изъ этихъ группъ, равносиленъ съ опредѣленіемъ *портретности* изображенныхъ Гоголемъ лицъ. По его же словамъ, «онъ никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи; онъ *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ онъ въ соображеніе, тѣмъ вѣрнѣе выходило созданіе» [1]). Несмотря на то, что онъ прямо указываетъ на собирательный складъ своихъ характеровъ, изрѣдка встрѣчались указанія на опредѣленныя лица, служившія прототипами его героевъ, при чемъ выставлялись иногда въ свидѣтели лица довольно авторитетныя [2]). Для Манилова, въ которомъ даже друзья

[1]) Соч. Гог., 10-е изд., IV, 256.

[2]) „Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій", ст. В. И. Шенрока. В. Европы, 1890, II, 613.

Гоголя, наприм., Плетневъ [1]), склонны были видѣть только карикатуру, нашелся оригиналъ—Василій Ивановичъ Юрьевъ, женатый на двоюродной сестрѣ А. Данилевскаго, для Пѣтуха—отставной полковникъ двѣнадцатаго года Ѳедоръ Акимовичъ Данилевскій; для капитана Копейкина есть, можетъ быть, первообразъ въ рязанскомъ разбойникѣ Копейкинѣ, героѣ народныхъ пѣсенъ [2]). Относительно второго тома нѣсколько больше указаній: въ свѣтской эманципированной женщинѣ, въ которую влюбился Платоновъ, авторъ предполагалъ, говорятъ, изобразить Смирнову, въ Кошкаревѣ—Викулина, стараго знакомаго Жуковскаго [3]), въ Муразовѣ—откупщика Столыпина, прадѣда лермонтовскаго товарища «Монго» [4]), въ генералъ-губернаторѣ—графа А. П. Толстого или же мужа Смирновой, калужскаго губернатора, энергически боровшагося съ шайкой взяточниковъ [5]). Въ недоучившемся студентѣ, начитавшемся всякихъ брошюръ, пріятелѣ Тентетникова, нѣкоторые видятъ Бѣлинскаго, выведеннаго въ отместку за страстное порицаніе «Выбранныхъ мѣстъ». Въ фигурахъ богатаго откупщика Бенардаки, котораго Гоголь очень цѣнилъ за дѣловитость и вмѣстѣ съ тѣмъ за гуманность, и бывшаго пріятеля Пушкина, промотавшагося вивёра Нащокина, слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, видѣть оригиналы Муразова (а не Костанжогло, какъ думали нѣкоторые) и Хлобуева—какъ въ этомъ убѣждаетъ оглашенная теперь переписка Гоголя, сводившаго ихъ въ надеждѣ спасти Нащокина [6]). Но всѣ эти ссылки имѣютъ значеніе лишь потому, что могутъ опредѣлить ближайшій поводъ къ созданію характера, который затѣмъ свободно осложнялся и видоизмѣнялся. Данилевскій, принявшійся перечислять оригиналы гоголевскихъ героевъ, говоря о Чичиковѣ, просто назвалъ его «общимъ знакомцемъ». Расширивъ смыслъ этого заявленія, его можно повторить и о другихъ лицахъ одинаковой съ нимъ художественной силы. И Собакевичъ, и Коробочка—«всеобщіе знакомцы», и потому-то стали типами кулака и вѣчно плачущей скопидомки.

Если число сколько-нибудь опредѣленныхъ оригиналовъ дѣйствующихъ лицъ ограничено, и Гоголя нельзя назвать «портретистомъ», то тѣмъ сложнѣе должны быть общіе матеріалы, изъ которыхъ слагалась картина русской жизни. Искреннее влеченіе къ реализму и правдѣ

---

[1]) Сочин. и переводы Плетнева, 1885, I, 487.

[2]) „Нашъ вѣкъ въ историч. пѣсняхъ“. Пѣсни Кирѣевскаго, X, стр. 105.

[3]) Жуковскій и его произведенія, П. Загарина. М., 1888, стр. 363.

[4]) Біографія Лермонтова, П. Висковатова; Собр. соч. Лер., изд. Рихтера. М., 1882, I, 245.

[5]) См. любопытную переписку Смирновой съ Гоголемъ въ „Русс. Стар.“ 1890.

[6]) Письма Гог., 1902, II, 188—194.

стало отличительною чертой его творчества съ той поры, когда «романтическій его періодъ» уступилъ мѣсто серьезному изученію дѣйствительности. Его томитъ неудовлетворенность; его бѣсятъ и возмущаютъ фальшиво задуманныя, ложно изображаемыя романомъ и комедіею тѣни, выдаваемыя за живыя лица; онъ страстно призываетъ писателей и актеровъ-художниковъ приступить, наконецъ, къ вѣрному изображенію настоящихъ русскихъ людей. «Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ! Что намъ французы и весь заморскій людъ! Развѣ мало у насъ *нашихъ* плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ во зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые, подъ личиною кротости, подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ кроткія. Изобразите нашъ *нашего* честнаго, прямого человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, остается неколебимъ въ своихъ положеніяхъ»— такъ вписалъ онъ въ 1835 году въ свою записную книгу бѣглыя замѣтки, внушенныя состояніемъ тогдашней сцены, но выражавшія его собственное настроеніе. Если въ эту пору начинали умножаться набросанные по обыкновенію на лоскуткахъ отрывки «М. Душъ», то, конечно, и онъ долженъ былъ желать на дѣлѣ показать, *какъ* слѣдуетъ выполнить его совѣты и дать русскому читателю русскихъ же людей. Въ этихъ словахъ выставлена какъ будто программа дальнѣйшаго труда; даже раздвоеніе задачи нравоописателя, которое большею частью относятъ къ позднѣйшему времени, уже установлено здѣсь. Нужно одинаково изображать и *нашихъ плутовъ* и *нашего честнаго, прямого человѣка*. Скажемъ больше: предрѣшена не только законность введенія одиночныхъ положительныхъ характеровъ среди скопища негодяевъ, но—совершенно въ духѣ послѣднихъ томовъ поэмы—допущена возможность изображать ихъ цѣлыми группами. «Бросьте долгій взглядъ во всю длину и ширину нашей раздольной Россіи: *сколько есть у насъ добрыхъ людей*, но сколько есть и плевелъ, отъ которыхъ житья нѣтъ добрымъ», читаемъ далѣе въ записной книгѣ.

Но во всякомъ случаѣ и честныхъ, и порочныхъ людей нужно было изучать въ подлинной обстановкѣ. Въ письмахъ Плетневу 1847 г. Гоголь ставилъ себѣ въ обязанность изображать и положительныя личности такъ, чтобы возсоздались и «живые образы и характеры, которыхъ бы никто не назвалъ идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же русской природы» [1]. Насколько же зналъ жизнь Гоголь въ ту пору, когда принимался за свой трудъ, и были ли въ его распоряженіи необходимыя данныя для буду-

[1]) Письма Гоголя, IV, 61.

щей картины *всего* русскаго быта? Способностью сердцевѣдѣнія былъ онъ одаренъ въ рѣдкой степени и могъ многое отгадывать, досказывать въ воображеніи, но для новаго труда этого было недостаточно, и знаніе многосложныхъ отношеній, изъ которыхъ складывается народная жизнь, способное придать *вообще* вѣрно схваченному характеру взяточника, крючкотворца или честнаго труженика отпечатокъ его національности, общества и времени, было безусловно необходимо. Но Гоголь въ 1834—36 годахъ всего ближе зналъ жизнь Украйны, а изъ великорусской дѣйствительности—лишь Петербургъ. Москва была отчасти извѣстна ему благодаря краткимъ остановкамъ въ ней по пути, а русская глушь была знакома благодаря довольно однообразнымъ маршрутамъ, которые помогали ему, истомленному душевнымъ одиночествомъ на дальнемъ сѣверѣ, переноситься опять на родину. Эти маршруты почти всегда проводили его къ себѣ прямою линіею отъ Москвы черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ и затѣмъ обратно. Первый пріѣздъ въ Петербургъ состоялся по бѣлорусской дорогѣ, черезъ Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ [1]). Поѣздка къ крымскимъ грязямъ въ іюлѣ 1835 [2]) опять должна была направить его шаги по излюбленному направленію. Между тѣмъ онъ все глубже проникается мыслью, такъ мѣтко выраженной въ одномъ изъ его писемъ къ Погодину: «вѣдь въ столицѣ нашей чухонство, въ вашей—купечество, а Русь только среди Руси» [3]).

Естественно, что бытовыя данныя, собранныя въ ту пору, были взяты прежде всего изъ малорусскаго быта, а затѣмъ уже изъ мастерски подмѣченныхъ мимоходомъ чертъ остальной русской жизни. Онъ самъ сознавалъ неполноту пониманія ея. Даже въ 1836 г., послѣ представленія «Ревизора», онъ говорилъ въ письмѣ къ Щепкину, что авторскія терзанія были бы для него еще мучительнѣе, «если бы онъ взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая ему больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная». Если въ комедіи многіе склонны были видѣть изображеніе украинскаго захолустья или, вѣрнѣе, одного изъ тѣхъ городковъ со смѣшаннымъ населеніемъ, что встрѣчаются на порубежной линіи между великорусскимъ міромъ и Малороссіей, то на родинѣ сатирика господствовало убѣжденіе, что въ поэмѣ онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду изобразить южно-русскую жизнь. «Малороссы вообще, особенно въ Миргородѣ, терпѣть не могутъ Гоголя за то, что онъ вывелъ ихъ въ смѣшномъ видѣ, и говорятъ, что Мертвыя души

---

[1]) „Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій“, ст. В. И. Шенрока, Вѣст. Европы 1890, I, 84.

[2]) Письма Гоголя, I, 348; письмо къ Жуковскому изъ Полтавы.

[3]) Письма Гоголя, I, 274.

написаны на нихъ же», писала пріятельницѣ В. С. Аксакова, разумѣется, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Гоголемъ.

Зная, что «Русь только среди Руси», Гоголь во время побывокъ въ отечествѣ не пропускалъ случая изучать подлинную жизнь ея. Путешествія доставляли ему любопытныя впечатлѣнія очевидца, но не имѣли цѣлью изученіе быта; это не были продолжительныя «хожденія въ народъ», и оттого огромная полоса жизни—нравы, характеры и складъ деревенскаго люда—осталась невѣдомою писателю, не успѣвшему и въ позднѣйшіе годы сколько-нибудь пополнить существенный пробѣлъ. Въ поѣздкахъ имѣли наибольшее значеніе конечныя точки,—та, которую покидалъ путникъ, стремившійся въ самомъ передвиженіи найти душевную бодрость и освѣженіе, и та, что манила его своей нѣгой, ароматнымъ воздухомъ и добродушно - патріархальною средой. По дорогѣ могли встрѣтиться всевозможныя случайности, даже онѣ были чрезвычайно желательны. Если неожиданно лопалась ось, и приходилось поневолѣ застрять въ какомъ-нибудь городишкѣ по милости «ямщиковъ, кузнецовъ и другихъ дорожныхъ подлецовъ», остановка была для Гоголя настоящимъ событіемъ. Онъ пускался бродить по мѣстечку, ко всему присматривался, все стараясь разузнать, и надѣлилъ Чичикова своею страстью къ разспросамъ. Онъ самъ, только-что пріѣхавъ куда-нибудь, спѣшилъ завести и съ трактирщикомъ, и съ половымъ, и съ базарнымъ торговцемъ длинные разговоры о томъ, кто живетъ въ городѣ и по сосѣдству, какіе новости, слухи и толки занимаютъ мѣстный людъ, какъ идетъ торговля и т. д. Арнольди наглядно изображаетъ подобную сцену въ одну изъ послѣднихъ поѣздокъ Гоголя въ Калугу, а самъ писатель въ «Авторской исповѣди» включаетъ такой способъ собиранія свѣдѣній въ число основныхъ своихъ пріемовъ. Если же судьба посылала ему, кромѣ того, интересную встрѣчу на постояломъ дворѣ или въ дорогѣ, съ еще большею поживой заканчивалъ онъ свою поѣздку.

Разумѣется, во всемъ этомъ было слишкомъ много случайнаго. Не такъ поступалъ бы зрѣло обдумавшій свой планъ дѣйствій нравоописатель. Прослышавъ объ ужасающемъ положеніи народныхъ школъ въ Іоркшэрѣ, Диккенсъ переряживается, принимаетъ чужое имя, отправляется на мѣсто свирѣпства іоркшэрскихъ Кутейкиныхъ, все высматриваетъ и потомъ ярко воспроизводитъ въ «Николаѣ Никльби»; передъ созданіемъ «Оливера Твиста» онъ близко изучаетъ плутни приходской благотворительности; въ Нью-Йоркѣ онъ «ходилъ по тюрьмамъ, мастерскимъ, госпиталямъ, полицейскимъ домамъ, выходя въ полночь, пробирался въ каждое воровское гнѣздо, разбойничій притонъ, на матросскія пляски, во всѣ скопища мерзости чернокожей и бѣлой» [1]). Въ спо-

---

[1]) The letters of Charles Dickens L., 1880, 72—73, письмо изъ Бальтимора.

собности Гоголя довольствоваться гораздо болѣе общими наблюденіями сказывалась сначала излишняя увѣренность въ себѣ, которая до постановки «Ревизора» дѣлала для него мыслимымъ выполненіе самыхъ сложныхъ и трудныхъ работъ, къ которымъ онъ не былъ подготовленъ,— профессуры, составленія исторіи Малороссіи, и т. п. Изумительная даровитость натуры помогала изъ незначительныхъ матеріаловъ создавать живые и яркіе образы. Съ другой стороны, отвлекало отъ слишкомъ близкаго изученія дѣйствительности сомнѣніе въ практической пригодности его. Онъ мѣтко высказалъ его въ «Исповѣди», вспоминая неудачу своихъ развѣдокъ: «Я очень долго думалъ о томъ, какимъ бы образомъ узнать многое, дѣлающееся въ Россіи, живя въ Россіи. Разъѣздами по государству немного возьмешь: останутся въ головѣ только станціи да трактиры. Знакомства въ городахъ и деревняхъ тоже довольно трудны для разъѣзжающаго не по казенной надобности: могутъ принять за какого-нибудь шпіона, и пріобрѣтешь развѣ только сюжетъ для комедіи, которой имя—*безтолковщина*». Когда писались эти строки, воспоминаніе о прежнихъ неудачахъ приведено было для того, чтобъ оправдать долгое житье автора за границей, гдѣ отъ русскихъ людей, свободнѣе высказывавшихся, чѣмъ дома, онъ, по его мнѣнію, получалъ гораздо больше свѣдѣній о родинѣ. Но если къ матеріаламъ нужно причислить и этотъ, совершенно особый, врядъ ли кому-нибудь, кромѣ русскаго человѣка, понятный видъ изученія собственнаго отечества за его предѣлами,—Гоголь, не умалчивая объ усилившемся съ годами мучительномъ сознаніи недостаточности собранныхъ данныхъ, не высказывается за необходимость, во что бы то ни стало, непосредственнаго изученія жизни и развѣдочныхъ странствій. Къ этому выводу, однако, рано или поздно онъ долженъ былъ неизбѣжно притти.

Наконецъ, придется отвести не послѣднее мѣсто добыванію бытовыхъ фактовъ при помощи корреспондентовъ, сотрудниковъ, обязанныхъ сообщать романисту все, что они знаютъ, предоставляя ему сдѣлать изъ этого любое употребленіе. Не для «Мертвыхъ Душъ» придумалъ Гоголь столь оригинальное собираніе источниковъ; оно давно было ему свойственно. При такихъ условіяхъ писались «Вечера на хуторѣ»; задуманной «Исторіи о малороссійскихъ казакахъ» было предпослано печатное обращеніе ко всѣмъ, имѣющимъ матеріалы, съ просьбой доставлять ихъ; въ томъ же духѣ предисловіе ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ Душъ» пригласило даже «читателей невысокаго образованія и простого званія» присылать свои замѣчанія и дополненія [1]).

---

[1]) „Записки современника или, лучше, воспоминанья прежней жизни, съ окруженьемъ всѣхъ лицъ, съ которыми была въ соприкосновеніи его жизнь, для меня

Но то, что въ послѣднемъ случаѣ сдѣлано было гласно лишь послѣ появленія перваго тома, частнымъ образомъ практиковалось гораздо раньше. Друзья и знакомые получали порученія разузнать и доставить подробности, необходимыя для той или другой главы, почему-нибудь страдавшей неполнотою. Особенно волновало Гоголя плохое знаніе судебныхъ нравовъ и бумажной процедуры. Въ 1835 году онъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ ему нашли «хорошаго ябедника», а въ 1840, уже написавъ тѣ страницы, для которыхъ знакомство съ такимъ спеціалистомъ по кляузамъ могло быть пригодно, онъ постоянно молилъ С. Т. Аксакова достать «какихъ-нибудь докладныхъ записокъ и дѣлъ», необходимыхъ для него, чтобы «повѣрить написанныя имъ въ «Мертвыхъ душахъ» разныя судебныя сдѣлки Чичикова», которыя, какъ замѣчаетъ Аксаковъ, такъ и остались невѣрными съ дѣйствительностью [1]). Съ Бенардаки заводилъ онъ при встрѣчѣ разговоръ о финансовыхъ дѣлахъ, съ Далемъ—о жизни въ провинціальныхъ городахъ и о зарожденіи пролетаріата. Устно переданные друзьями разсказы тѣмъ болѣе находили доступъ въ поэму, что иногда они были художественно изложены. Такъ извѣстно, что анекдотъ о городничемъ, нашедшемъ себѣ мѣсто въ биткомъ-набитой церкви, и разсказъ «полюби насъ черненькими» были включены со словъ М. С. Щепкина.

Съ такими данными, первоначально еще болѣе скудными, приступилъ Гоголь въ 1834—35 г. къ многолѣтней работѣ. Отъ отдѣльныхъ набросковъ, схватывавшихъ комическія стороны и нанизывавшихъ слышанное или вычитанное, онъ переходилъ къ болѣе серьезному тону разсказа, скрѣплялъ мелкія частности общею мыслью, вдумывался глубже въ центральную личность и (подобно тому, какъ онъ превратилъ ничтожнѣйшаго и почти безграмотнаго Скакунова въ типическое лицо Хлестакова) сдѣлалъ Чичикова изъ исполнителя «смѣшного проекта» настойчивымъ хищникомъ-лицемѣромъ. Вмѣстѣ съ «Ревизоромъ» росла и крѣпла облагороженная идея «Мертвыхъ Душъ»; потрясенія, выне-

---

вещь безцѣнная", писалъ Гоголь Шевыреву (Письма, IV, 103). „Еслибъ мнѣ удалось прочесть біографію хотя двухъ человѣкъ, начиная съ 1812 г. и до сихъ поръ, мнѣ бы объяснились многіе пункты, меня затрудняющіе".

1) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ", стр. 39. Въ „Выдержкахъ изъ карманныхъ записныхъ книжекъ" находимъ пространный очеркъ явныхъ и закулисныхъ отношеній между различными административными и судебными мѣстами, очевидно написанный со словъ какого-нибудь дѣльца и назначенный служить основой для характеристики офиціальнаго міра провинціи въ „М. Душахъ"; „маски, надѣваемыя губернаторами", „взятки прокурора" и т. д. Тутъ же сберeглись любопытныя замѣтки для многихъ частностей поэмы: первообразъ одной ноздревской фразы, описаніе лица дочери повытчика, къ которой подлаживался Чичиковъ, сцена гулянья бурлаковъ на Волгѣ, подробныя свѣдѣнія о псовой охотѣ и птицѣ Мартынѣ и т. д.

сенныя при постановкѣ комедіи на сцену и раскрывшія передъ Гоголемъ удѣлъ сатирика, взволновали его, вмѣстѣ съ тѣмъ наполнили благоговѣніемъ передъ велѣніями судьбы, обрекшей его на подобное служеніе людямъ, и въ то же время рѣшили участь поэмы. Отнынѣ нѣтъ возврата къ прежнимъ шаловливымъ набросками; если, слушая *чтеніе* первыхъ главъ, Пушкинъ уже почувствовалъ въ нихъ «незримыя и невидимыя» тогда не только міру, но и самому автору слезы, то съ этой поры юморъ Гоголя входитъ во всѣ свои права.

Со времени выѣзда Гоголя за границу продолженіе «Мертвыхъ Душъ» возобновилось. Первые три мѣсяца (іюнь—сентябрь) ушли на быструю смѣну впечатлѣній морского пути, плаванія по Рейну, швейцарской природы, но въ Женевѣ онъ уже испытываетъ желаніе вернуться къ поэмѣ («принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтеръ-Скотта, *а тамъ можетъ быть за перо*»), а въ Веве уже «сдѣлался болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ», и это все оттого, «*что началъ здѣсь писать и продолжать моихъ Мертвыхъ душъ*, которыхъ было оставилъ» [1]). Послѣ этого работа двигается почти непрерывно; никакія помѣхи не могутъ остановить ее, онѣ даже какъ будто придаютъ автору еще болѣе энергіи и творческой силы. Онъ пишетъ въ Веве, передъ чудною панорамой голубого озера и савойскихъ Альпъ, затѣмъ среди парижскаго водоворота [2]), впослѣдствіи въ итальянской остеріи (по дорогѣ изъ Дженсано въ Альбано) подъ шумъ и говоръ извозчиковъ и погонщиковъ муловъ, за столомъ, вокругъ котораго они суетятся, бранятся и поютъ. Самъ же онъ говоритъ въ письмѣ Шевыреву, что «всѣ сюжеты почти обдѣлывалъ въ дорогѣ»... Пока здоровье позволяетъ, дружно исписываются тетрадки, изъ которыхъ слагается первая редакція поэмы, почти чуждая лирическихъ мѣстъ, скупая на описанія природы, не знающая ни скорбнаго возгласа надъ погибшимъ Плюшкинымъ, ни картины заросшаго плюшкинскаго сада, полная свѣта и жизни. Нѣсколько тяжкихъ ударовъ обрушиваются: смерть Пушкина, угасаніе Віельгорскаго въ Римѣ на рукахъ Гоголя; собственная хворость усиливается. Какъ будто трудъ долженъ надолго остановиться. Кратковременный пріѣздъ въ Россію въ 1839 г. снова сближаетъ Гоголя съ дѣйствительностью; въ Москвѣ онъ продолжаетъ романъ и уже читаетъ друзьямъ первыя шесть главъ. Начатая рядомъ съ «Мертвыми душами» драма изъ малороссійской исторіи [3]) не выдерживаетъ сопер-

[1]) Письма Гоголя, I, 12.

[2]) Онъ жилъ на углу Place de la Bourse и Rue Vivienne, въ центрѣ торговой сутолоки.

[3]) Въ десятомъ изданіи соч. Гоголя напечатаны (впервые явившіеся въ „Основѣ" 1861 г. и теперь дополненные) наброски и замѣтки, относящіеся къ этой пьесѣ,— единственное, что уцѣлѣло отъ нея.

ничества, отходитъ на второй планъ и, наконецъ, совсѣмъ обрывается. Съ «какою-то бодростью юноши» онъ принялся въ 1840 г. въ Вѣнѣ за «сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ въ головѣ, не осмѣливаясь даже приниматься за него», и онъ «развернулся передъ нимъ въ величіи такомъ, что все въ немъ почувствовало сладкій трепетъ и онъ, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не бывалъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу». Тяжкая болѣзнь въ Римѣ, отъ которой онъ точно чудомъ избавился (ходившій за нимъ Боткинъ не надѣялся видѣть его здоровымъ), быть можетъ, вызванная непосильнымъ напряженіемъ, изнурила его, но проходитъ два мѣсяца, и онъ снова занятъ «совершенной очисткой перваго тома», т.-е. второю его редакціей, тогда какъ продолженіе его «выясняется въ головѣ чище, величественнѣе, и, можетъ-быть, со временемъ выйдетъ кое-что колоссальное».

Вотъ въ главныхъ чертахъ внѣшняя исторія поэмы до той важной поры, когда, перебѣливъ, при помощи Анненкова, писавшаго подъ диктовку, первый томъ, Гоголь готовился къ его печатанію, не предвидя мучительныхъ затрудненій [1]), и когда настало печальное пробужденіе отъ грезъ,—столкновеніе съ дѣйствительностью отечества, которому онъ хотѣлъ посвятить свои силы и которое отталкивало его... Несмотря на перерывы и остановку, исторія созданія поэмы—рядъ настойчивыхъ усилій выполнить задуманное. Не можетъ быть, чтобы такая напряженная дѣятельность страдала и въ эту пору прежнимъ отсутствіемъ плана,—хотя бы и пришлось допустить, что сначала планъ былъ проще, а со временемъ сталъ принимать «величественные, колоссальные» размѣры. Если такъ, въ чемъ же сущность его?

Попробуемъ отвѣтить на это, опираясь прежде всего на данныя, заключающіяся въ поэмѣ; придется воспользоваться и тѣми, которыя представляетъ второй томъ, но въ этомъ не будетъ натяжки. Въ настоящее время можно утверждать, что главнѣйшія лица этого тома были намѣчены тогда же, когда создавались герои предшествовавшей части, что Костанжогло имѣетъ одинаковое старшинство съ

1) Чего только не говорилось въ вліятельныхъ сферахъ противъ поэмы? То она являлась произведеніемъ безбожнымъ, такъ какъ авторъ своими „Мертвыми душами" возстаетъ противъ безсмертія души, то государственно опаснымъ, потому что онъ „идетъ противъ крѣпостного права", то позорящимъ національное достоинство, оглашая, будто „у насъ за два съ полтиной можно купить душу человѣческую"; нескромности капитана Копейкина подрывали честь арміи и т. д. Даже въ тѣхъ исправленіяхъ, которыя, благодаря Никитенку, сдѣлали возможнымъ пропускъ поэмы, бездна трусливыхъ и мелочныхъ придирокъ. Изъ повѣсти о Копейкинѣ пришлось, по выраженію Гоголя, „выбросить весь генералитетъ", показать, что Копейкинъ „всему причиною самъ и что съ нимъ поступили хорошо" (Письма Г., II, 16).

Ноздревымъ и Собакевичемъ; приведенный выше отрывокъ изъ записной книги показалъ, что добродѣтельныя лица заранѣе были предназначены явиться среди порочныхъ.

Вспомнимъ, какъ обрисованъ Чичиковъ во второмъ томѣ. Онъ сильно помятъ судьбою и ищетъ успокоенія. «Подкопы враговъ» утомили его; капиталецъ припасенъ. Онъ купитъ имѣніе, станетъ образцовымъ гражданиномъ, воспитаетъ дѣтей въ правилахъ добродѣтели. Еще одна, слишкомъ выгодная, плутня—и онъ закается. Обманное завѣщаніе тетки Хлобуева подписано едва грамотной бабой, подставленной Чичиковымъ. Плутня раскрыта; гибель неизбѣжна. Чичиковъ валяется въ погахъ у генералъ-губернатора, у себя въ каморкѣ вырываетъ клочьями волосы, рветъ на себѣ фракъ; всѣ мечты покидаютъ его. Сострадательный взглядъ издали слѣдитъ за нимъ. Если бы съ такою энергіей да пошелъ онъ по доброму пути!—вздыхаетъ о кающемся грѣшникѣ Муразовъ и беретъ на себя вымолить ему если не прощеніе, то возможность скрыться и гдѣ-нибудь въ тиши приняться за свое нравственное перевоспитаніе. Мы не вѣримъ своимъ глазамъ. На убитомъ горемъ лицѣ Чичикова мелькнулъ свѣтлый лучъ; онъ будетъ спасенъ! Но психологическое чутье уберегло Гоголя отъ ошибки; Чичиковъ не могъ такъ скоро превратиться въ безкорыстнаго и гуманнаго человѣка, въ сердобольнаго странника. Старое зло всплываетъ. И точно,—когда является Самосвитовъ съ сообщеніемъ о возможности уладить дѣло, давъ *на всѣхъ* тридцать тысячъ, Чичиковъ ободряется; хорошій обѣдъ, видъ возвращенной ему шкатулки вызываютъ пріятное расположеніе духа. Муразовъ застаетъ его прежнимъ грѣшникомъ, снова вырываетъ его изъ когтей дьявольскихъ—надолго ли? Быть-можетъ, пройдутъ годы, прежде чѣмъ грѣшникъ искупитъ искреннимъ раскаяніемъ печальное прошлое. Тогда можетъ раскрыться таинственный смыслъ словъ, которыми авторъ еще въ первомъ томѣ постарался оправдать выборъ такого человѣка въ герои поэмы: «можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключается то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка передъ мудростью небесъ. *И еще тайна*, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ».

Эта тайна—въ идеѣ нравственнаго возрожденія, возможнаго для самаго презрѣннаго изъ людей. Идея эта переживаетъ съ Гоголемъ важнѣйшіе переходы его душевнаго состоянія и, возникнувъ изъ чувства человѣчности, она съ теченіемъ времени окутывается мистической дымкой, проникается монашескимъ воззрѣніемъ. Но какъ бы ни было трудно, почти безнадежно, ея выполненіе тѣми средствами, которыя даетъ романъ, какъ бы ни противорѣчило ея позднѣйшее примѣненіе первона-

чально трезвому взгляду на жизнь, такъ рѣшительно оторвавшемуся отъ прѣснаго благодушія Кифы Мокіевича, для непредубѣжденнаго читателя ея основа не утрачиваетъ привлекательности, смягчая многія неровности въ характерѣ Гоголя и посвящая въ его заповѣдный внутренній міръ... Говорятъ, что тотъ, «кто хочетъ понять поэта, долженъ пойти въ его родную страну». Для Гоголя этой страной была не только многострадальная Русь николаевскихъ временъ, но и міръ его грёзъ. Намъ нужно послѣдовать туда за нимъ, усвоить себѣ его взгляды и терминологію и съ его точки зрѣнія охватить широко раскидывавшійся передъ его очами планъ «М. Душъ».

Было же въ немъ что-нибудь особенно для него привлекательное, если выполненіе его могло съ годами представиться Гоголю главнѣйшимъ подвигомъ, нравственной заслугой передъ людьми! По временамъ онъ отваживался заглянуть вдаль и, когда ему вспоминалось, сколько еще остается сдѣлать, у него захватывало духъ. Если близко знавшій его авторскія намѣренія Плетневъ могъ въ 1842 г. заявить, что «то еще впереди, что въ поэмѣ называется дѣйствіемъ, что передъ нами только поднята завѣса для объясненія первыхъ странныхъ шаговъ Чичикова», что на первый томъ «нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, влекомаго страстями» [1], становится понятнѣе сказывающееся во множествѣ писемъ Гоголя безпокойство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на безплодно уходящіе годы, сознавая, что силы слабѣютъ, что онъ принужденъ нѣсколько разъ возвращаться на тѣ же самые слѣды, вѣчно недовольный, и что не доживетъ онъ до блаженной минуты, когда все зданіе поэмы предстанетъ въ его таинственной красѣ. Безпечно бросился онъ когда-то въ волны необъятно разлившагося потока. Наконецъ, берегъ показался на горизонтѣ. Боже, только бы доплыть! Но усталыя руки нѣмѣютъ, дыханіе спирается, безпредѣльность усилій наводитъ ужасъ, а та же узкая полоска берега попрежнему неопредѣленно сѣрѣетъ вдали.

Большою таинственностью проникнуты частыя указанія на необходимость дѣленія поэмы на три части, съ особымъ назначеніемъ для каждой и съ неизреченными откровеніями въ заключительной части. Эти намеки какъ будто переносятъ насъ въ средніе вѣка, такъ долго плѣнявшіе своею художественной стороной Гоголя, въ ту пору, когда поэтическая фантазія углублялась въ скрытый смыслъ завѣтныхъ цифръ— трехъ, семи, двѣнадцати. Для автора, думается намъ, тройственное дѣленіе вытекло изъ основной идеи возрожденія нравственно погибшихъ людей.

---

1) „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева", 1885, I, 477.

Снова аналогію можетъ дать средневѣковое творчество; мы найдемъ ее въ совершеннѣйшемъ его созданіи, въ «Божественной Комедіи» [1]. Еще отягченный земными помыслами, вступаетъ Дантъ въ многотрудное странствіе по загробнымъ мірамъ. Кромѣшный адъ своимъ гуломъ, стонами, проклятіями, исповѣдью негодяевъ, какъ будто еще продолжаетъ иллюзію грѣшной земли, а легіоны собранныхъ въ преддверіи равнодушныхъ, безстрастныхъ попустителей зла, не стяжавшихъ ни позора, ни хвалы, придаютъ еще болѣе реальности сходству. Но скопленіе ужасовъ и злобы поднимаетъ со дна души скорбь о несчастныхъ. Вся природа человѣка взываетъ къ милосердію, и, отдавшись теченію подземнаго потока, странники выходятъ къ свѣту, простору и привѣтливо мерцающимъ звѣздамъ. Но пройдена лишь часть пути. Впереди трудное восхожденіе по уступамъ горы Чистилища, до самой вершины. Опять идутъ они мимо множества тѣней, слышатъ отголоски земныхъ страстей и несчастій, но уже примиреніемъ и кротостью вѣетъ отъ страдальческихъ образовъ. Прежніе гордецы самоотверженно служатъ ближнимъ; тѣ, кто заставлялъ плакать другихъ, сами льютъ слезы, властители сознаются въ своемъ безсиліи, скупцы готовы раздать все достояніе, яростные враги обнимаются. Нѣтъ болѣе дикихъ воплей; незримые хоры поютъ «блаженны нищіе духомъ», а надъ этимъ разсвѣтомъ вьются легкіе воздушные женскіе образы—Лючія, Матильда, Беатриче. Одна за другою возносятся къ райскимъ жилищамъ покаявшіяся и искупленныя души; съ чела поэта исчезаютъ таинственныя письмена, символы его грѣховъ; волны рѣки забвенія уносятъ воспоминанія о прежнемъ грѣховномъ существованіи, и, жизнерадостный, вступаетъ онъ въ царство свѣта, счастія и мудрости, окруженный лучезарными видѣніями, создать которыя могъ только средневѣковой поэтическій мистицизмъ.

Изъ легендарной обстановки «хожденія по мукамъ» перенесемся въ прозаическое странствіе Чичикова по столбовымъ дорогамъ 30—40 годовъ, совершаемое въ «рессорной небольшой бричкѣ, въ какой ѣздятъ холостяки». Мелькаютъ деревенскіе и губернскіе типы и сцены, несущаяся тройка окутываетъ облаками пыли окрестность. Повѣствованіе выдержано въ удивительно безпристрастномъ тонѣ; юморъ почти добродушенъ; никто не страшенъ, ни позорно смѣшонъ, всюду тишь и гладь. Но, невидимая сначала, печальная тѣнь поэта сопутствуетъ кругленькому, довольному собою герою. Порою слышится грустный вздохъ, лирическій возгласъ; вдругъ обнажится такое горе, которое способно

---

[1] Мысль о возможности сравнить планъ обоихъ произведеній высказана была вскользь кн. П. А. Вяземскимъ въ замѣткѣ, приложенной къ одному письму Гоголя. Рус. Архивъ, 1866, VII.

разогнать веселое настроеніе, но за думами о нравственномъ паденіи Плюшкина быстро слѣдуютъ противоположныя сцены. Колеса брички загромыхали по городской мостовой, и трезвая, ни надъ чѣмъ не задумывающаяся, дѣйствительность опять надъ всѣмъ господствуетъ.

Пріемъ новый, полный художественнаго такта и объективности. Но читателю ясно, что для романиста изображаемый имъ міръ чудаковъ и уродовъ давно сталъ синонимомъ тьмы кромѣшной, гдѣ не осталось мѣста ни одному честному влеченію. Однажды авторъ наводитъ на сравненіе съ дантовымъ Адомъ, называя путеводителя, провожавшаго Чичикова съ его друзьями по гражданской палатѣ до залы «присутствія», новымъ Виргиліемъ, «прислужившимся имъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту». Но палата, да и весь старый судъ были только однимъ изъ подраздѣленій или адскихъ рвовъ (malebolge) огромнаго темнаго царства; описывая его, Гоголь не разъ долженъ былъ вспоминать о великомъ флорентинцѣ [1]).

Въ этомъ *Адѣ* не было мѣста для чистыхъ духомъ и добрыхъ, и потому рано высказанное Гоголемъ намѣреніе одинаково изображать и нашихъ плутовъ и честныхъ людей сознательно покинуто; добродѣтельному человѣку дана на время отпускная, развернуто знамя сатиры и обличенія, имѣющаго дѣло только съ порокомъ.

Но та же испытанная тройка вынесла Чичикова мимо похоронъ прокурора на волю, и въ дорожной пыли исчезла изъ глазъ бричка. Когда она снова показывается передъ крыльцомъ тентетниковскаго дома, не только обладатель ея измѣнился и лишь изрѣдка напоминаетъ прежняго Чичикова,—измѣнились и наши прежніе знакомцы, правда, получившіе теперь новыя имена, перенесенные въ иную мѣстность,—а фиктивная связь необъятнаго содержанія, *мертвыя души*, отодвинулась на задній планъ. Если въ Чичиковѣ шевельнулось хоть и не раскаяніе, то все же стремленіе покончить съ прежнею жизнью, на всей линіи (за исключеніемъ сумасшедшаго Кошкарева, обжоры Пѣтуха) чувствуется поворотъ къ чему-то неопредѣленно хорошему, какое-то томленіе и тревога [2]). Повторяемость характеровъ, изображенныхъ Гоголемъ, побудившая перенести въ поэму многое изъ «Ревизора», получила теперь оправданіе и нравственное примѣненіе.

---

[1]) За попытку познакомить русскихъ съ поэзіею Данта Гоголь „призывалъ на Шевырева тысячи благословеній".

[2]) Очень цѣнны показанія Гоголя въ письмѣ къ К. Маркову (Письма, IV, 98) относительно взгляда его на дѣйствующихъ лицъ 2 тома: „я не имѣлъ собственно въ виду *героя добродѣтелей*. Напротивъ, почти всѣ дѣйств. лица могутъ назваться героями недостатковъ. Дѣло только въ томъ, что характеры *значительнѣе* прежнихъ и что намѣренье автора было войти глубже въ высшее значеніе жизни, нами опошленной, обнаруживъ виднѣе русскаго человѣка не съ одной какой-либо стороны".

Непригодный для практической жизни Маниловъ, запустившій и свои, и крестьянскія дѣла, сладко мечтая и прозябая въ безпечности, оживаетъ въ лицѣ Тентетникова, но уже въ него вложено облагораживающее начало. И въ прошломъ онъ испыталъ честныя стремленія къ общему благу, невѣдомыя его предшественнику, который вообще какими-то неисповѣдимыми судьбами вынесъ приторный идеализмъ изъ армейской службы,—да и въ данную минуту его еще томятъ смутные порывы, пробивающіеся сквозь кору обломовщины. Если Улинька станетъ его женой,—конечно, поддержка энергической и правдолюбивой подруги подниметъ его изъ жалкой спячки. Но вѣдь и Хлобуевъ—изъ той же семьи неудачниковъ. Онъ пошелъ еще дальше, всѣхъ пустилъ по міру, изломалъ воспитаніе дѣтей похуже дрессировки Ѳемистоклюса и Алкида и въ безпорядочной смѣси слилъ обрывки религіозности и слабые отголоски университетской науки съ остроумной болтовней, привычками навязчиваго хлѣбосола. Съ строгой точки зрѣнія на «обязанности помѣщика», которая проводится въ первомъ томѣ, а затѣмъ параллельно въ «Выбранныхъ мѣстахъ» и во 2-й части поэмы, такая порочная небрежность заслуживала примѣрнаго наказанія. Но и для этого несчастнаго открывается возможность очистительной жертвы. Когда, подъ вліяніемъ увѣщаній Муразова, Хлобуевъ, поборовъ въ себѣ барскія преданія, надѣваетъ сибирку, уходитъ надолго въ народъ сбирать на церковь, тайно раздавать подаянія и смягчать ропотъ въ крестьянствѣ, его образъ перерождается чуть не въ «дядю Власа». «Въ голосѣ было замѣтно ободреніе, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда».

Измѣнился и Собакевичъ, превратившись въ Костанжогло. Онъ такъ же грубъ и падокъ на рѣзкіе приговоры, такъ же ненавидитъ заморскія новшества и стоитъ за русскую сметку и предпріимчивость, проявляетъ такіе же инстинкты кулака, но, по волѣ автора, эти черты смягчаются трезвою философіей труда, близостью къ народу, ролью благодѣтеля края, ненавистника несправедливости. Замыселъ, конечно, безнадежный; Костанжогло, какъ и Штольца, для которыхъ народныя трудовыя силы являются лишь аксессуаромъ, подспорьемъ, и которые одинаково отдаются поэзіи личнаго обогащенія, нельзя выставить друзьями человѣчества. Но замыселъ Гоголя все же налицо, открывая новые горизонты и для двигателей капитализма.

Для нихъ уготовано еще большее просвѣтленіе. Допотопное купечество, родные Агаѳьи Тихоновны, «купчишка Абдулинъ», гостиный дворъ города N съ его мошенничествами, подношеніями, кутежами и рысаками,—этотъ міръ, ожидавшій Островскаго для своего полнаго воспроизведенія, озаренъ лучами всепрощенія. Бывшій милліонщикъ Иванъ

Потапычъ, ѣвшій не иначе какъ на серебрѣ, выдавшій дочерей за чиновниковъ, жилъ прежде только для себя и, вѣроятно, ни въ чемъ не отставалъ отъ своей братіи. Банкротство потрясло и образумило его. Его смиреніе еще краснорѣчивѣе, чѣмъ филантропія Муразова, который, по словамъ Костанжогло, пріобрѣлъ состояніе «самымъ безукоризненнымъ путемъ» и, стало-быть, вслѣдствіе душевной доброты или чьего-нибудь гуманнаго вліянія, никогда не вступалъ на путь порока. Муразовъ несмѣтно богатъ, но «живетъ какъ мужикъ». Когда онъ усаживается въ рогожную кабитку вмѣстѣ съ Иваномъ Потапычемъ, спѣша на помощь голодающимъ, соединеніе умудреннаго опытомъ богача съ капиталистомъ-филантропомъ дополняетъ гоголевское чистилище, такъ сказать, коллективнымъ характеромъ изъ міра купеческой наживы.

Лучъ свѣта проникъ и въ русскую школу, ту самую, гдѣ грамматикѣ обучалъ Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣепричастіе, исправлявшій учениковъ ударами линейки, гдѣ хозяйничалъ учитель Чичикова, врагъ развитія и независимости, любитель тишины и хорошаго поведенія [1]). Ихъ смѣнилъ «несравненный, чудесный воспитатель» Александръ Петровичъ, прямая противоположность чичиковскаго ментора, поклонникъ «ума» (я «*требую* ума», говорилъ онъ), носитель какой-то неопредѣленной, но спасительной «науки жизни». Но добро и зло еще спорили о преобладаніи въ школѣ. Улучшеніе, вызванное гуманнымъ педагогомъ, лишь временное. Александра Петровича смѣняетъ формалистъ, на мѣсто развивающихъ знаній становится «мертвая наука». Очевидно, блеснулъ одиночный лучъ, и русская школа еще долго не выйдетъ изъ чистилища.

Должны послышаться новыя рѣчи и въ многогрѣшномъ чиновничествѣ. Старое начало въ послѣдній разъ явится въ мастерски обрисованномъ характерѣ юрисконсульта, но рядомъ съ нимъ, окруженные тою же тьмой крючкотворства, выступаютъ невидные, но честные и трудолюбивые молодые люди въ родѣ того блѣднаго и удрученнаго заботами губернаторскаго чиновника, который прерываетъ бесѣду своего начальника съ Муразовымъ. Эти одинокіе честные люди мало могутъ сдѣлать; ихъ усилія только напоминаютъ, что въ стоячемъ болотѣ пробуждается жизнь. Старое чиновничество, выставившее Ивана Антоновича Кувшинное Рыло, какъ будто также вступаетъ, однако, въ періодъ исправленія, и во главѣ его шествуетъ начальство. Губернаторъ города N, мирно

---

[1]) Въ напечатанной впервые Н. С. Тихонравовымъ редакціи начальной исторіи Чичикова подробно разработана характеристика несчастнаго педагога, согрѣтая гуманнымъ соболѣзнованіемъ, разсказано въ лицахъ посѣщеніе выгнаннаго учителя бывшими его учениками, которые нашли „въ конурѣ изможденный, высохшій скелетъ, валяющійся на соломѣ, и содрогнувшійся при видѣ ихъ“.

вышивавшій по тюлю въ то время, какъ вокругъ шелъ повальный грабежъ, остался далеко позади генералъ-губернатора, который не только умѣетъ грозить, укоромъ растрогивать закоснѣлыя сердца и призывать къ благородству, но готовъ въ смиреніи своемъ, напоминающемъ Муразова (по чьему совѣту онъ собираетъ чиновниковъ) дойти до мольбы, чуть не до колѣнопреклоненія («тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый бросается теперь къ ногамъ вашимъ, васъ всѣхъ просить», читаемъ въ одной изъ первыхъ редакцій 2-го тома).

Даже старика Бетрищева, замыкающаго собою небогатый, но полный реализма рядъ военныхъ типовъ у Гоголя (поручикъ Пироговъ, Чертокуцкій, Анучкинъ), авторъ надѣлилъ примиряющими чертами. Это не только любовь его къ дочери, но и патріотическая гордость великимъ дѣломъ освобожденія Россіи, въ которомъ ему пришлось участвовать. Его внушительные аллюры, потрясаніе плечъ съ воображаемыми эполетами, важность тона, вызываютъ въ читателѣ улыбку,—но не того впечатлѣнія добивался Гоголь въ недошедшей до насъ главѣ, изображавшей примиреніе Тентетникова съ генераломъ. Зашла рѣчь о мнимой исторіи отечественной войны. Желая вывернуться изъ неловкаго положенія, Тентетниковъ переходитъ къ восхваленію единодушной народной обороны, безчисленныхъ незамѣтныхъ жертвъ, увлекается вызываемыми имъ образами; онъ «проникся чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха [1]) Слеза, какъ бриллiантъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ»...

Настало возрожденіе и для русской женщины. Все разнообразіе отрицательныхъ женскихъ образовъ въ первомъ томѣ, всѣ эти Коробочки, Маниловы, Ѳеодуліи Ивановны, дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, оттѣнялись только силуэтомъ губернаторской дочки, но она слишкомъ эѳирна, можетъ плѣнять только потому, что совсѣмъ еще молода, любуется жизнью, а всего черезъ какой-нибудь годъ, по трезвому сужденію Чичикова, «изъ нея выйдетъ дрянь». Но и для суетной женской натуры, способной погрязнуть въ житейской тинѣ, поэтъ подготовилъ возможность исправленія. Губернаторская дочка и Улинька—натуры, конечно, сродныя, но безучастная роль свидѣтельницы несправедливостей и беззаконія немыслима для послѣдней. Она не дастъ поработить себя. Она затруднилась бы выбрать планъ дѣйствій, но умѣетъ

---

[1]) Въ „Записн. книжкахъ“ есть нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній о геройскихъ подвигахъ солдатъ въ 1812 году, быть можетъ, предназначенныхъ, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, для второго тома, гдѣ они вошли бы въ воспоминанія Бетрищева.

возмущаться, протестовать, спорить съ отцомъ, и въ Тентетниковѣ почуяла такое же влеченіе къ добру. При всемъ этомъ авторъ надѣляетъ ее женственностью и изяществомъ, и, какъ доказалъ Тихонравовъ, переноситъ на нее черты наиболѣе удавшагося ему женскаго образа, польской панны изъ «Тараса Бульбы». До значенія положительной личности она не доразвилась. Трудно вѣрить, чтобы именно ей предстояло олицетворить «чудную русскую дѣвицу, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души», что именно она «вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія». Или Улинька отмѣчаетъ собой переходный фазисъ въ развитіи русской женщины отъ будничной мелкоты до апостольскаго подвига и должна уступить мѣсто болѣе идеальному лицу, или ей предстояло постепенно подняться до сильной и активной роли.

Итакъ, второй отдѣлъ новой «Божественной Комедіи» долженъ вызвать убѣжденіе, что для всѣхъ, въ комъ еще не зачерствѣло сердце, возможно спасеніе [1]). Очищающимъ началомъ должна явиться *любовь* въ томъ мистическомъ смыслѣ, какой она съ годами получала для Гоголя,—не только культъ женщины, но и стремленіе всего себя отдать на служеніе людямъ-братьямъ. Возможность счастья съ любимой дѣвушкой наполняетъ Тентетникова лирическимъ порывомъ къ добру. Бетрищевъ растрогался, вспомнивъ, что и онъ внесъ лепту въ спасеніе родины. Улинькѣ хотѣлось бы протянуть руку всѣмъ обездоленнымъ. Хлобуевъ и Чичиковъ одинаково идутъ къ нимъ навстрѣчу. Гуманный педагогъ старается отстоять хоть небольшую кучку молодежи отъ всеобщаго паденія. Костанжогло хочетъ примирить свое обогащеніе съ довольствомъ мужика, и, какъ умѣетъ, тоже мечтаетъ о пользѣ края. Даже двумъ эгоистамъ, вѣчно скучающему Платонову и душевно утомленной петербургской «эманципированной» красавицѣ Чаграновой, съ которой онъ долженъ былъ встрѣтиться (въ утраченныхъ главахъ 2-го тома), чувство любви, внезапно ихъ сблизившее, кажется началомъ новой, полной жизни,—правда, не надолго.

Сила *любви* явилась въ послѣдній періодъ жизни Гоголя предметомъ благоговѣйныхъ его помысловъ. О ней вздыхаетъ онъ (повидимому, не испытавшій ни одной сильной привязанности къ женщинѣ) и къ ней стремится въ одиночествѣ, о ней переписывается и горячо бесѣдуетъ съ Смирновой. Онъ хотѣлъ бы достойно прославить эту силу, чье торжество должно положить конецъ царству порочности, и тяготится не-

[1]) Вѣроятно, въ этомъ духѣ Гоголь собирался истолковывать второй томъ поэмы на несостоявшихся лекціяхъ или бесѣдахъ въ дружескомъ кружкѣ Вьельгорскихъ,— о которыхъ сохранилось преданіе въ ихъ семьѣ. Матеріалы для біогр. Гоголя, 1898, IV, 728.

подготовленностью къ такому подвигу. Странствіе въ Іерусалимъ, молитвы, думы, полныя строгаго самоанализа, должны были облегчить ему трудъ; для того, кто будетъ говорить людямъ о тайнахъ чистилища, необходимо самому покаяться и очиститься. Но ничто не помогло; вѣчно недовольный собою, онъ уничтожалъ написанное.

Ему не суждено было дожить до созданія заключительной части поэмы. Врата *Рая* остались закрытыми для привычныхъ спутниковъ его, героевъ «М. Душъ». Но замыселъ поэта можно отгадать, группируя и обобщая намеки и указанія изъ его переписки и воспоминаній его друзей. Послѣднія, дошедшія до насъ, страницы второго тома несомнѣнно составляютъ отрывокъ его заключительной главы, а не начало 3-го тома, какъ полагалъ Трушковскій. Смиренный отъѣздъ Чичикова слишкомъ ясно замыкаетъ второй періодъ его жизни. Затѣмъ онъ можетъ снова явиться, лишь вполнѣ преобразившись. Энергія, избытку которой удивлялся Муразовъ, должна направиться на служеніе ближнему; только въ такомъ случаѣ будетъ понятно, что «не даромъ такой человѣкъ избранъ героемъ». Рядомъ съ Чичиковымъ предстояло снова появиться Плюшкину, подъ своимъ ли именемъ или передавъ свое страшное прошлое другому лицу, которое должно изгладить былое зло благодѣяніями. По крайней мѣрѣ на это есть любопытнѣйшее указаніе въ словахъ самого Гоголя: «о, если бы ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, *если доберусь до третьяго тома* М. Душъ!»—говоритъ онъ Языкову въ статьѣ «Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время» [1]). Изъ предшествующихъ словъ видно, какое назначеніе ожидало скупца, казалось, въ конецъ погибшаго. Ему предстояло пробудить въ читателѣ горячее стремленіе «спасти свою бѣдную душу» и отстать отъ мірскихъ соблазновъ. Если лирикъ долженъ «завопить воплемъ и выставить человѣку вѣдьму-старость, къ нему идущую, передъ которою желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ», то въ этихъ словахъ, воспроизводящихъ думы поэта послѣ перваго появленія Плюшкина, слышится звукъ покаянныхъ рѣчей, которыя *самъ Плюшкинъ* долженъ былъ впослѣдствіи произносить. И въ соотвѣтствіе съ этими рѣчами, думается намъ, человѣку, безплодно накоплявшему богатства, предстояло съ увлеченіемъ безсребренника раздавать ихъ неимущимъ, чтобы хоть на краю гроба примириться съ людьми. Если авторъ нашелъ возможнымъ надѣлить Костанжогло поэтическими минутами, когда «какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ онъ весь», и видѣлъ «подражаніе Богу въ твореніи благоденствія вокругъ себя», то еще привлекательнѣе была мысль придать высшую че-

---

[1]) Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями. Соч., 10 изд., IV, 73.

ловѣчность Плюшкину, который уже былъ вначалѣ показанъ счастливымъ семьяниномъ, трудолюбивымъ хозяиномъ, умнымъ, знающимъ жизнь.

Еще выше раскаявшихся грѣшниковъ должны были стать идеальныя личности, обѣщанныя съ перваго тома. «Мужъ, одаренный божескими доблестями», «чудная русская дѣвица, полная самоотверженія», несомнѣнно пошли бы во главѣ этихъ чистыхъ и честныхъ личностей. Во второмъ томѣ Гоголю хотѣлось изобразить людей «добрыхъ, вѣрующихъ, живущихъ въ законѣ Божіемъ»,—но, кромѣ Муразова, подъ это опредѣленіе никто не можетъ вполнѣ подойти. Царство добрыхъ людей, очевидно, должно было наступить лишь тамъ, гдѣ заключительныя слова примиренія и кротости завершатъ долгую повѣсть о людской злобѣ и душевной чернотѣ. Условія русской жизни въ концѣ сороковыхъ годовъ и еще болѣе зрѣлище политическихъ тревогъ, волновавшихъ Европу и непонятныхъ Гоголю, порождали въ его усталой, больной душѣ представленіе о нравственномъ паденіи современнаго человѣчества. Тотъ, чье настоящее призваніе, по глубокому замѣчанію Жуковскаго, было монашество, въ комъ вѣчно спорили отреченіе отъ міра и удивительная сила обличающаго смѣха, глубоко скорбѣлъ,—какъ будто всюду рушилось все свѣтлое и великое, и это, казалось, вдвойнѣ налагало на него обязанность выставить для ободренія современниковъ твердыя основы благородства и христіанской любви. Уже не тономъ моралиста хотѣлось заговорить; даже въ письмѣ къ отцу Матвѣю (которому, какъ можно предполагать, предстояло *тоже появиться въ третьемъ томѣ*) [1], онъ даетъ себѣ слово избѣгать отнынѣ отвлеченныхъ, дѣланныхъ характеровъ и, открывая въ народной массѣ истинно добрыхъ людей (вспомнимъ слова его въ записной книгѣ 1835 г.), выводить ихъ живыми и правдивыми въ поэмѣ; «онъ представитъ читателю замѣчательнѣйшіе предметы русскіе въ такомъ видѣ, чтобъ онъ самъ увидалъ и рѣшилъ, что нужно взять ему, и, такъ сказать, самъ поучилъ бы самого себя». Но, съ дѣтскихъ лѣтъ склонный къ лирическимъ восторгамъ, онъ врядъ ли могъ бы воздержаться отъ нихъ. Вѣдь давно представлялъ онъ себѣ эту блаженную минуту. То, что предстояло повѣдать, казалось ему прежде достойнымъ воспѣванія лишь въ вдохновенномъ гимнѣ. Въ первоначальномъ текстѣ извѣстнаго мѣста о призваніи обличителя онъ даже не считалъ себя въ силахъ выполнить это. «Почему знать, — говорилъ

---

[1] Когда Гоголь читалъ Смирновой второй томъ и она спросила у него, неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія, онъ отвѣчалъ: „погодите, будутъ у меня еще лучшія вещи, *будетъ у меня священникъ*, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ“. Записки о жизни Гоголя, 1856, II, 227. Ни у кого изъ знакомыхъ со вторымъ томомъ друзей автора нѣтъ указаній, чтобы въ немъ выведено было духовное лицо.

онъ,—можетъ быть, будущій поэтъ (*о какая чудная награда!*), смятенный, остановится передъ ними; грозная вьюга вдохновенія обовьетъ главу его, потекутъ одѣтыя въ блистанье пѣсни, и еще разъ освѣжатъ міръ» (Соч. Г., 10-е изд., III, 440). Впослѣдствіи призывъ къ поэзіи будущаго замѣнился таинственнымъ обѣщаніемъ, что изъ устъ *самого сатирика* раздастся со временемъ величавый громъ *другихъ* рѣчей.

Къ концу жизни Гоголя отпадаетъ намѣреніе священнымъ ужасомъ и грознымъ величіемъ поразить ослѣпленныхъ людей, и за нѣсколько дней до смерти онъ проситъ тоже едва живого Жуковскаго помолиться о немъ, «чтобы работа его была истинно добросовѣстна, и чтобы онъ хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной» (Письмо отъ 2 февраля 1852). Точно отголосокъ славословій, раздающихся въ Дантовскомъ «Раю», послышался въ этомъ заявленіи... Какъ многотрудное странствіе великаго тосканца приводитъ его къ созерцанію божественныхъ силъ, образующихъ Небесную Розу, и вѣчно-женственное начало, воплощенное въ Беатриче, исторгаетъ изъ его устъ пѣсни благоговѣнія и радости, такъ странствіе болѣющаго о людяхъ обличителя по русской землѣ, безчисленныя картины пороковъ и низостей, смѣняющіяся затѣмъ борьбой добра со зломъ, должны были разрѣшиться торжествомъ свѣта, правды и красоты.

Таковъ былъ замыселъ Гоголя. Въ немъ много мистическаго вдохновенія, вѣры въ самосовершенствованіе; выполнить его могъ бы только средневѣковой поэтъ дантовской силы, если бы мыслимо было соединеніе въ немъ религіозныхъ восторговъ и гражданской борьбы съ геніальнымъ комизмомъ (въ поэмѣ Данта только небольшая сцена между бѣсами—Inferno, XXI—XXII—способна вызвать улыбку). Гоголь печально заблуждался, думая, что можетъ сладить съ такою задачей. Несмотря на иноческіе вкусы, порою грозившіе взять верхъ надъ дѣятельнымъ служеніемъ народу смѣлымъ словомъ, несмотря на постоянное общеніе съ духовными лицами и чтеніе душеспасительныхъ книгъ, въ немъ не было того пламеннаго религіознаго чувства, которое итальянцу XIII—XIV вѣка внушило бы могучіе гимны и свѣтлыя видѣнія. Такія крайнія мѣры, какъ поѣздки въ Палестину, не помогали, и онъ съ ужасомъ признавался, что и тамъ остался холоденъ. Между тѣмъ все было выношено и продумано,—только мечты безсильны были воплотиться въ словахъ и образахъ. Если бы судьба послала Гоголю болѣе долгую жизнь, и третій томъ «Мертвыхъ Душъ» былъ написанъ хоть вчернѣ, врядъ ли онъ сколько-нибудь увеличилъ бы его художественную славу.

Рѣдко можно встрѣтить столь глубокое недоразумѣніе, какъ то, которое проходитъ черезъ всю литературную дѣятельность Гоголя. Человѣкъ всю жизнь думаетъ, что главная сила его въ прочувствованной

нравоучительной проповѣди, безъ устали поучаетъ и современное общество, и друзей своихъ («все мораль, да мораль, это хоть какому святому надоѣстъ», жаловался Данилевскій), тогда какъ природа вложила въ него громадный сатирическій талантъ; онъ тщетно борется съ духомъ времени, изливаетъ свой лиризмъ въ пророческой книгѣ, и терпитъ тяжкій уронъ; его, какъ обличителя, горячо привѣтствуютъ за общественный подвигъ, а онъ, совершивъ великое, въ ужасѣ озирается на совершонное и готовъ отъ него отречься. Но невымиравшая жизненная сила поддерживала его въ самыя трудныя времена. Оторванный отъ отечества долгими странствіями, переставшій сообщаться съ умственнымъ движеніемъ и уходившій, казалось, все дальше въ религіозную экзальтацію, онъ минутами какъ будто потерянъ для литературы. На него вредно вліяетъ группа лицъ, осуждающихъ его прежнюю дѣятельность и настойчиво направляющихъ его къ отшельничеству. Смирнова, еще въ 1840 г. корившая его «мерзостями, которыя онъ написалъ», и впослѣдствіи не разъ становившаяся его духовникомъ; Ѳ. Чижовъ, объяснявшій, что «Мертвыя души» его *оскорбили* не только потому, что камнемъ попали въ мужика, котораго всѣ бьютъ, но, напримѣръ, въ Ноздрева» [1]); А. П. Толстой съ своимъ піэтизмомъ, разныя московскія старушки, безпощадный отецъ Матвѣй (какъ мы знаемъ теперь, не только неспособный безпристрастно оцѣнить нравственныхъ основъ гоголевской сатиры, но почти незнакомый съ нею),—всѣ вліяютъ на него въ духѣ, противоположномъ его общественному служенію, свобода котораго и безъ того стѣснена близостью сатирика къ благоволящимъ офиціальнымъ сферамъ. А между тѣмъ, едва здоровье окрѣпнетъ или сильное потрясеніе отъ неудачи «Выбранныхъ мѣстъ» заставитъ его очнуться и вглядѣться въ себя,—снова беретъ верхъ талантъ сатирика, онъ твердитъ себѣ, что «его дѣло говорить живыми образами, а не разсужденіями, что искусство и безъ того поученье» (Письма, IV, 139), второй томъ поэмы возрождается изъ пепла, и яркія бытовыя сцены сыплются изъ-подъ пера [2]).

Тогда его начинаетъ пуще прежняго глодать мысль, что Россіи онъ не знаетъ, и настаетъ лихорадочное, хотя и запоздалое, собираніе свѣдѣній о ея жизни. «Дальнѣйшее путешествіе отложилъ до другого года,— пишетъ онъ въ 1849 г. граф. А. М. Вьельгорской,—потому что на вся-

[1]) Письма Чижова къ Гоголю, напечат. въ „Русск. Старинѣ", 1889, августъ.

[2]) Толстой передавалъ кн. Д. Оболенскому („Русск Ст." 1873, VII, 944), что не разъ, проходя мимо дверей рабочей комнаты Гоголя, слышалъ, какъ онъ писалъ „Мертвыя души". Казалось, что онъ съ кѣмъ-то разговариваетъ, иногда самымъ неестественнымъ образомъ. Каждый разговоръ онъ передѣлывалъ нѣсколько разъ, чтобы придать ему вѣрность жизни.

комъ шагу останавливаемъ собственнымъ невѣжествомъ. Нужно сильно запастись предуготовительными свѣдѣніями затѣмъ, чтобы узнать, на какіе предметы преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе»; онъ «перечитываетъ всѣ книги, сколько-нибудь знакомящія съ нашей землей», сознаетъ, «какую бездну нужно прочесть для того только, чтобы узнать, какъ мало знаешь ее, и чтобы быть въ состояніи путешествовать по Россіи *какъ слѣдуетъ, смиренно, съ желаніемъ знать ее*»; онъ начинаетъ дорожить повѣстями новыхъ русскихъ писателей (и конечно, на первомъ мѣстѣ Тургенева, выдѣленнаго имъ изъ ихъ числа съ особымъ сочувствіемъ), «въ которыхъ теперь проглядываетъ *вещественная и духовная статистика Россіи*,—«а это мнѣ нужно!» восклицаетъ онъ. Внутренній голосъ подсказывалъ, что самодѣльныя положительныя лица слабы и безжизненны, что добрыхъ людей нужно также отыскивать и изучать, а не творить. Вопреки эстетическимъ вожделѣніямъ, на время затихшимъ у больного писателя, эти добрые люди возвеличиваются теперь уже не за келейное затворничество, а за пользу ближнимъ, за честную жизнь на міру и съ людьми...

Несмотря на то, что «Мертвыя Души» навсегда остались торсомъ, великая самородная сила сохранила за художникомъ, который былъ въ состояніи изваять его, неувядающую славу. Въ двадцатомъ столѣтіи, когда міръ, изображенный въ «Мертвыхъ Душахъ», долженъ казаться давно погребеннымъ, онъ продолжаетъ жить въ сатирическихъ картинахъ или яркихъ портретахъ «всеобщихъ знакомцевъ».

Значеніе такой силы не могъ не сознавать въ себѣ Гоголь, несмотря на всѣ оговорки, смиренныя, уклончивыя или негодующія возраженія и отрицанія «Выбранныхъ мѣстъ», «Исповѣди» и писемъ. «Я самъ писатель, не лишенный творчества; я владѣю также нѣкоторыми изъ даровъ, которые способны увлекать», говорилъ онъ въ концѣ жизни. Даже въ предсмертные годы онъ въ состояніи былъ испытать приливъ радости, когда замѣчалъ, что творческая способность еще не угасла. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, въ 1850 г., когда онъ читалъ знакомымъ, уже слышавшимъ двѣ первыя главы 2-го тома, дальнѣйшія главы, «оказалось, что послѣдующія сильнѣе первыхъ, и *жизнь* раскрывается чѣмъ далѣ—глубже. Стало быть,—пишетъ онъ гр. А. П. Толстому,—несмотря на то, что старѣю и хирѣю, тѣ же силы умственныя, слава Богу, еще свѣжи. А при всемъ никакъ не могу быть увѣренъ за работой. Если не поможетъ Богъ, ничего не выйдетъ. Никогда еще не чувствовалъ такъ ясно, какъ теперь, что за всякой строкой слѣдуетъ взывать: Господи, помилуй и помоги!» [1]) Но при такомъ способѣ писа-

---

[1]) Сборникъ „Въ память С. А. Юрьева“, стр. 267.

нія работа медленно подвигалась впередъ; иногда ее останавливалъ безотчетный нервный страхъ передъ людскою молвой, къ друзьямъ летѣли записочки, заклинавшія «ради Бога никому не сказывать о прочитанномъ, не называть мелкихъ сценъ и лицъ героевъ», потому что «случились исторіи».

Тутъ подошла смерть. «Взыскательному» художнику, испытавшему на писательскомъ поприщѣ гораздо болѣе мукъ, чѣмъ радостей, предстояло сойти съ этого поприща съ недоговоренной рѣчью, непонятыми мыслями. Въ порывѣ крайняго недовольства собою онъ захотѣлъ истребить все написанное для второго тома.

Въ фактѣ сожженія дорогой для него рукописи не было ничего необыкновеннаго и ненормальнаго. То была его старая привычка. Не такъ ли сжегъ онъ еще въ 1829 г. своего «Ганца Кюхельгартена», три раза сжигалъ статью о существѣ русской поэзіи (Соч. Г., 10-е изд., IV, 543), и нѣсколько разъ уничтожалъ тѣ же «Мертвыя Души»? Тяжелое нравственное состояніе его послѣднихъ дней, подтверждаемое показаніями врачей, внѣ сомнѣнія, но именно въ сожженіи рукописи нельзя видѣть акта безумія и повторять праздную легенду, которая не разъ порождала въ картинахъ нашихъ художниковъ неудачныя изображенія Гоголя въ видѣ маніака, дико вперившаго взоръ въ догорающіе лоскутки его произведенія. Къ счастью, беретъ верхъ другой, правдивый взглядъ на эту тяжелую сцену, и новѣйшій издатель Гоголя могъ назвать ее «сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ».

Потомству нужно во что бы то ни стало найти здѣсь трагедію; оно и не обманется въ своихъ ожиданіяхъ. Но что трагичнѣе: зрѣлище ли больного, помутившагося разумомъ отъ изнуренія и безсознательно налагающаго руку на то, что для него святѣе всего, или отчаяніе умирающаго писателя въ виду неизбѣжной гибели, которая застанетъ прежняго властителя думъ въ безсиліи творчества и къ дальнему потомству донесетъ лишь смутное воспоминаніе о невыполненной мечтѣ?..

ГОГОЛЬ И ЧААДАЕВЪ.

Изъ этюда о Гоголѣ.

Дружныя рукоплесканія, бодрый, здоровый смѣхъ,—и фанатическое негодованіе, готовое побить камнями еретика, ославить его безумцемъ,—вотъ та «игра судьбы» или, вѣрнѣе, та прихоть неразвитого общественнаго мнѣнія, которая семьдесятъ лѣтъ тому назадъ (въ 1836 г.) рѣшила участь двухъ примѣчательныхъ явленій въ исторіи нашего самосознанія, — гоголевской сатиры и философско - исторической теоріи Чаадаева. На разстояніи немногихъ мѣсяцевъ (апрѣль—сентябрь) «Ревизоръ», послѣ цензурныхъ мукъ и перваго неудачнаго представленія, рядомъ возрастающихъ успѣховъ завоевывалъ себѣ, несмотря на ропотъ всѣхъ обиженныхъ комедіей, передовое мѣсто на сценѣ, а «Философское письмо» Чаадаева, явившееся въ «Телескопѣ», повело къ закрытію журнала и объявленію автора сумасшедшимъ.

Еще при жизни Грибоѣдова молва настойчиво указывала на Чаадаева, какъ на прототипъ Чацкаго; въ перепискѣ Пушкина есть слѣды этой молвы,—даже болѣе, слѣды мимолетнаго недовольства поэта на то, что авторъ комедіи могъ позволить себѣ такую вольность (какъ будто возможность слиться въ одно лицо съ Чацкимъ не была высшей честью для современника!). Ссылка на Чаадаева давно оставлена грибоѣдовскими комментаторами,—но непризнанному мыслителю, видно, суждено было во что бы то ни стало испытать печальную участь Чацкаго, не въ фикціи, а на дѣлѣ, не изъ-за любовной ссоры, къ которой примкнуло бы свѣтское недовольство, а изъ-за мнимаго оскорбленія національной чести, возмутившаго все общество, и не на бѣглый промежутокъ времени, который можно было бы и сократить рѣшительнымъ разрывомъ съ людьми, исканіемъ по свѣту уголка для оскорбленнаго чувства, но навсегда, до гробовой доски.

Одиннадцать лѣтъ прошло послѣ того, какъ въ превосходной сценѣ свѣтской клеветы, разрастающейся передъ глазами зрителя, точно «снѣговая глыба, катящаяся съ горы», Грибоѣдовъ заклеймилъ нетерпи-

мость, злорадство и жестокость вліятельныхъ слоевъ, готовыхъ счесть безумцемъ независимо мыслящаго человѣка,—и неожиданно эта сцена разыгралась въ небывалыхъ размѣрахъ на подмосткахъ настоящей жизни. Когда среди всеобщаго молчанія (вспомнимъ слова Герцена) «тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала слова, чтобы спокойно сказать свое lasciate ogni speranza», сначала съ недоумѣніемъ выслушаны были смѣлыя и странныя рѣчи, потомъ усердные стражи общества (по преданію, приводимому Герценомъ, именно Вигель) забили въ набатъ и увлекли непривыкшую разсуждать толпу; послышались отчаянные призывы къ власти, требованія вмѣшательства,—и къ новому «Горю отъ ума» придѣланъ былъ эпилогъ. Всѣ негодовали, профаны и мудрецы, свѣтскіе люди и служители церкви, дамы и литераторы; необыкновенно долго держалось потомъ это негодованіе,—такъ въ срединѣ сороковыхъ годовъ Языковъ написалъ два злобно обличительныя стихотворенія, Денисъ Давыдовъ пустилъ въ ходъ свой куплетъ о «маленькомъ аббатикѣ». Говорятъ, нѣсколько студентовъ являлось тотчасъ послѣ напечатанія статьи къ попечителю округа съ заявленіемъ готовности съ оружіемъ въ рукахъ отмстить за оскорбленіе, нанесенное всей Россіи, а въ редакцію «Телескопа»—съ грознымъ протестомъ противъ статьи. Натискъ общественнаго мнѣнія былъ такъ великъ, что правительство, сначала не особенно расположенное вмѣшиваться, рѣшилось на расправу,—по крайней мѣрѣ Чаадаевъ, оглядываясь со временемъ на недавно миновавшій разгромъ, считалъ возможнымъ объяснить образъ дѣйствій центральной власти сильнымъ давленіемъ со стороны общества. «Что можетъ сдѣлать иного самое благонамѣренное правительство,—спрашивалъ онъ,—какъ не сообразоваться съ тѣмъ, въ чемъ открыто выражено мнѣніе страны?»

Онъ видѣлъ и сознавалъ, что противъ него возстала и прокляла его все еще вліятельная «грибоѣдовская Москва». «Не было столь низко поставленнаго осла, который не считалъ бы за священный долгъ и пріятную обязанность, лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философской критики», говоритъ современникъ [1]). «Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ!» могъ бы воскликнуть Чаадаевъ; когда же ему предъявили офиціальную бумагу, ставившую ему на видъ, что статья его возбудила сначала гнѣвъ и ужасъ, но что чувства эти затѣмъ смѣнились состраданіемъ въ виду несомнѣнной душевной болѣзни его, ему долженъ былъ не разъ припомниться встрѣчный укоръ:

Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ,—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,

---

1) М. Жихаревъ въ статьѣ „П. Я. Чаадаевъ“, Вѣстн. Европы 1871.

Кто съ вами день пробыть сумѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ,
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

Но онъ пробылъ съ ними не день, не годъ, а цѣлыхъ двадцать лѣтъ (умеръ въ 1856 году), являясь, по выраженію Герцена, «воплощеннымъ *veto*, живою протестаціею», и въ своемъ уединеніи,—въ полуразвалившемся «павильонѣ» барскаго дома на Новой Басманной (palais Levashoff, какъ называлъ его Денисъ Давыдовъ),—могъ вволю передумать и о своей судьбѣ, и о нетерпимости людской.

Тамъ написана была (оставшаяся, къ сожалѣнію, недоконченною) его «Апологія сумасшедшаго» (Apologie d'un fou) [1],—явленіе безпримѣрное въ литературѣ всѣхъ странъ, какъ безпримѣрна и участь автора, потому что *сумасшедшій*, написавшій это оправданіе, былъ полонъ ума и блестящихъ дарованій; онъ показался Шеллингу «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, которыхъ когда-либо ему приходилось встрѣчать» (высказано было въ 1833 году въ Мюнхенѣ кн. Ив. Гагарину, впослѣдствіи издателю сочиненій Чаадаева). Съ тонкой ироніей оцѣниваетъ мнимый безумецъ неумѣренное патріотическое рвеніе его современниковъ. «Вѣдь есть разные виды любви къ отечеству,—говоритъ онъ:—такъ самоѣдъ привязанъ къ своимъ роднымъ снѣгамъ, которые сдѣлали его близорукимъ, къ дымной юртѣ, гдѣ онъ прячется большую часть жизни, къ прогорклому жиру своихъ оленей, заражающему его атмосферу, но онъ любитъ родину иною любовью, чѣмъ англійскій гражданинъ, гордящійся государственными учрежденіями и высокой культурой своего славнаго острова...» «Любовь къ отечеству,—говоритъ онъ дальше,—всегда разъединяла народы, разжигала національную вражду,—любовь къ истинѣ разливала свѣтъ, порождала умственныя наслажденія, приближала людей къ божеству. Впрочемъ, мы, русскіе, во всѣ времена очень мало заботились о томъ, чтобы различить истину отъ лжи». Онъ прощаетъ своихъ судей и обличителей, которые, быть можетъ, иначе и не могли поступить,—вѣдь сужденіями массы всегда руководитъ слѣпая страстность,—но все же онъ хотѣлъ бы выяснить, за что же именно на него обрушилось обвиненіе въ безумствѣ. Снова, и еще опредѣленнѣе, чѣмъ въ извѣстныхъ намъ четырехъ письмахъ [2]), высказываетъ онъ свои убѣжденія, полныя недо-

[1]) Напечатана вмѣстѣ съ Философскими письмами, отрывками изъ корреспонденціи Чаадаева, памятной запиской Бенкендорфу и т. д. отцомъ Гагаринымъ, Oeuvres choisies de P. Tchaadajef. Paris, 1862. Въ 1906 г. она впервые появилась по русски (Вопросы Филос. и Психол.), въ переводѣ М. Гершензона.

[2]) Историческіе взгляды Чаадаева выражены были, кромѣ того, въ двухъ письмахъ, которыя были приготовлены къ печати и, по словамъ автора, даже раз-

вольства настоящимъ, творящія строгій судъ надъ прошлымъ, но раскрывающія передъ Россіею славное будушее, которое не только введетъ ее въ кругъ общечеловѣческаго развитія, но дастъ ей выдающуюся, передовую роль въ немъ,—«потому что она могла бы рѣшить всѣ вопросы, волнующіе въ настоящее время Европу» (Vous savez que, selon moi, la Russie était appelée à fournir une immense carrière intellectuelle,—писалъ онъ своему другу Александру Тургеневу,—elle devait un jour donner la solution de toutes les questions qui se débattent en Europe). Пусть въ тонѣ писемъ чувствовалось «нетерпѣніе», но «взволнованное состояніе души, внушившее ихъ, совсѣмъ не было враждебнымъ отечеству,—напротивъ, его породило глубокое сознаніе нашихъ недуговъ, и выразилось оно съ горькою болью, съ искренней грустью».

Отойдя отъ совершившагося факта, онъ понялъ, что скопленіе мрачныхъ сторонъ русской жизни въ его исторической характеристикѣ должно было подѣйствовать удручающимъ образомъ на неопытныхъ читателей, которыхъ взлелѣяли въ грезахъ о величіи, что его скептицизмъ могъ запугать ихъ, какъ демонически-злорадный хохотъ, что въ его мечтѣ о всемірной роли Рима, какъ религіознаго объединителя человѣчества, могли увидѣть только отступничество отъ вѣры отцовъ и опасный прозелитизмъ, а въ призывѣ къ энергическому слiянію съ культурой Европы—презрѣніе ко всему родному. Но, не отказываясь отъ завѣтныхъ мыслей, онъ настойчиво повторялъ, что онѣ внушены были искреннею любовью къ отечеству, о безразсвѣтной участи котораго онъ много и долго размышлялъ въ одиночествѣ, созданномъ для него гибелью всего его поколѣнія; и онъ былъ правъ,—рѣдкая искренность, страстность исканія истины поражаетъ во всемъ имъ написанномъ и теперь, болѣе полувѣка спустя, заставляя со вниманіемъ вслушиваться въ его рѣчи, хотя бы онѣ и вызывали серьезное возраженіе.

Но вотъ что случилось, говоритъ онъ, «*вскорѣ* послѣ злосчастной статьи», гдѣ только намѣчены были его взгляды, развить которые ему не дали. «На нашей сценѣ дана была новая пьеса. Никогда еще нація не подвергалась такому бичеванію, никогда еще страну не обдавали такою грязью, никогда не бросали въ лицо публики столько гнусностей (ordures),—и все же никогда не бывало подобнаго успѣха. Оттого ли это, что серьезный умъ, глубоко размышлявшій о своей странѣ, о ея исторіи, о характерѣ народа, обреченъ на молчаніе, потому что онъ

рѣшены были духовной цензурой, но никогда не увидали свѣта. Данныя, заимствованныя изъ документовъ московскаго цензурнаго комитета, привели А. И. Кирпичникова къ любопытному предположенію, что и четыре знаменитыхъ письма предназначались къ изданію отдѣльной книгой въ 1833 году и притомъ *по русски*.—Русск. Мысль, 1896, IV, 147—151.

не можетъ средствами комика выразить удручающее его патріотическое чувство? Отчего же мы такъ снисходительны къ циническому уроку, который даетъ намъ комедія, и такъ нетерпимы къ суровой рѣчи, проникающей до глубины вещей?» [1])

Этой «новой пьесой» былъ «Ревизоръ». Первое представленіе его и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ [2]), предшествовало письму Чаадаева, а не слѣдовало тотчасъ за нимъ. Небольшая хронологическая неточность возможна при томъ потрясенномъ состояніи духа, которое охватило Чаадаева вслѣдъ за грозой и держалось потомъ въ теченіи полутора года или двухъ лѣтъ, когда къ признанію сумасшедшимъ и періодическимъ визитамъ врачей присоединено было предложеніе, по возможности, не показываться на улицѣ, т.-е. домашній арестъ. О посѣщеніи театра нечего было и думать,—и если Чаадаеву лѣтомъ 1836 года почему-либо не пришлось видѣть гоголевской пьесы, въ келью отщепенца, отлученнаго отъ общества, могли съ начала театральнаго сезона проникать, дразня и возмущая, слухи о возраставшемъ успѣхѣ «Ревизора»,— и противорѣчіе торжества и упадка могло врѣзаться въ память, какъ что-то почти одновременное.

Въ размышленіяхъ объ успѣхѣ комедіи Гоголя слышится оскорбленное чувство, дѣлающее его въ эту минуту нетерпимымъ и несправедливымъ. Толпѣ, какъ онъ видитъ, нужны побрякушки смѣха, гримасы фигляра, чтобы въ шуточной формѣ принять полезную истину; въ подлинникѣ вмѣсто слова *комикъ* или *актеръ* стоитъ презрительно звучавшее въ устахъ отцовъ западной церкви слово *гистріонъ*; прекрасные истолкователи гоголевскихъ замысловъ, Щепкинъ или Орловъ, безъ вины виноватые, должны раздѣлить порицаніе съ авторомъ пьесы, преподающимъ обществу *циническій* урокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что философу не вполнѣ ясно общественное значеніе ярко-комической картины нравовъ и порядковъ, а отголосокъ барскаго воспитанія (сказавшагося и въ томъ, что Письма и Апологія написаны по-французски) побудилъ его заодно съ придирчивыми критиками и порицателями пьесы, съ которыми у него, казалось, ничего не было общаго, брезгливо отозваться о «грубостяхъ», которыми переполнена комедія. Людямъ говорятъ о всемірно-исторической роли ихъ страны, ставятъ передъ ними сложные, великіе вопросы, а они, съ ужасомъ отпрянувъ, идутъ смотрѣть на Осипа, валяющагося на барской постели, на двойное волокитство Хлестакова, ханжество и лихоимство городничаго, на какую-то унтеръ-офицерскую вдову...

[1]) Oeuvres choisies, p. 150.

[2]) Въ Петербургѣ „Ревизоръ“ былъ впервые исполненъ 19 апрѣля вмѣстѣ съ водевилемъ „Сватъ Гаврилычъ“ или „Сговоръ на яму“, въ Москвѣ—25 мая.

Недовольство и обида станутъ, однако, нѣсколько понятнѣе, если вспомнить, что передъ публикой явился тогда не тщательно пересмотрѣнный, освобожденный отъ балласта и осмысленный «Ревизоръ» въ окончательной редакціи 1842 года, а тотъ, едва высвобождавшійся изъ-подъ бремени множества праздныхъ, хотя и заразительно-смѣшныхъ вставокъ въ главное дѣйствіе, первоначальный сценическій текстъ комедіи, который лишь въ 1886 г. впервые по рукописямъ былъ изданъ Тихонравовымъ. Конецъ пьесы, вплоть до появленія жандарма въ качествѣ deus ex machina, по легкости тона напоминалъ водевильную развязку; бѣшенство городничаго, жуткое предчувствіе неминуемаго осмѣянія и обличенія, внезапно пронесшееся въ его мозгу видѣніе театра, полнаго ликующихъ зрителей,—это превращеніе предшествовавшаго сатирическаго анекдота въ протестъ писателя-гражданина еще не совершилось, и въ комедіи, несмотря на ея серьезную цѣль, еще царило богатство смѣха, которое тѣшило автора, разгоняя его грустныя думы. Когда, даже въ такой оправѣ, «зеркало» показало русскому человѣку до того «кривую» его физіономію, что въ немъ поднялось чувство оскорбленнаго достоинства [1]), самъ обличитель нравственно выросъ среди борьбы. Но Чаадаевъ, видимо, ничего не зналъ о ней. И вначалѣ она была слишкомъ явная и обостренная, а впослѣдствіи, несмотря на быстрый ростъ успѣха, она продолжалась въ толкахъ и пересудахъ вліятельныхъ сферъ, въ язвительныхъ статьяхъ лакействовавшей журналистики. Гоголь жаловался на то, что «всѣ бранятъ его и между тѣмъ ходятъ смотрѣть пьесу». Одной нервностью и мнительностью нельзя объяснить поспѣшнаго удаленія его за границу, на волю, подальше отъ земляковъ, потому что «нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ».

Но вѣдь Чаадаевъ еще мучительнѣе сознавалъ ту же, ветхую какъ міръ, истину. Пусть мало расположенные къ нему люди, въ родѣ Вяземскаго, въ извѣстной степени его соперника по остроумію и независимости въ свѣтскомъ обществѣ, корятъ его тѣмъ, что онъ «предначерталъ себѣ планъ *особничества*», утверждаютъ, что «природный умъ его былъ чище того систематическаго и поучительнаго ума, который онъ на него нахлобучилъ» [2]), и хотятъ включить его въ число чудаковъ, чуть не профессіональныхъ эксцентриковъ, которыми была богата старая Москва, и въ славянофильскомъ (или, какъ выражался Чаадаевъ, *возвратномъ*) направленіи, и въ рядахъ европейцевъ. Пусть тотъ же на-

---

[1]) По свидѣтельству кн. Вяземскаго (Полн. собр. соч., II, 274), „Ревизора“ приняли за „либеральное заявленіе въ родѣ комедіи Бомарше „Севильскій цирюльникъ“, за какой-то политическій брандскугель, брошенный въ общество“.

[2]) Изъ записной книги Вяземскаго (Собр. сочин., VII, 287).

мекъ на желаніе пооригинальничать сказывается и въ отзывахъ такихъ горячо симпатизировавшихъ ему людей, какъ Пушкинъ или Герценъ [1]). Оригинальный и сильный умъ, свѣтящійся въ его произведеніяхъ и въ личной перепискѣ, понемногу проникающей въ печать [2]), и вѣрность убѣжденіямъ, сбереженная до послѣднихъ дней, идутъ въ разрѣзъ съ представленіемъ о мелко-честолюбивомъ чудакѣ-философѣ, привыкшемъ пугать людей странностью мнѣній. У него были всѣ задатки проповѣдника, пропагандиста (такимъ знали его декабристы, такимъ выставилъ своего неизмѣннаго друга Пушкинъ еще въ 1821 году, вспоминая, какъ «своимъ жаромъ онъ воспламенялъ въ немъ къ высокому любовь», какъ «въ глубину души вникалъ строгимъ взоромъ», «поддержалъ его въ минуту гибели»), но его «пророчество» было прервано на полусловѣ. Гоголь не могъ бы въ ту пору выставить сколько-нибудь опредѣленной теоріи соціальнаго и нравственнаго возрожденія,—то было суждено позднѣйшей порѣ, годамъ ипохондріи, одиночества, религіозной маніи. Но въ дни свѣжести и силы таланта, чуткаго къ житейскимъ противорѣчіямъ и пошлости, онъ безотчетно, быть можетъ, рвался впередъ, чтобъ сказать правду порочному обществу, и обличительная картина наводила читателя и зрителя на противоположный ей складъ жизни, основанной на гуманности, законности и просвѣщеніи. Чаадаевъ впослѣдствіи порицалъ его за поддержку національнаго самомнѣнія,—порока чуть ли не наиболѣе ненавистнаго автору «Философскихъ писемъ» [3]), но и въ 1836 году, и во время работъ надъ первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголь возставалъ противъ той же слабости, и рядомъ съ болѣзненно-восторженными лирическими мѣстами ввелъ смѣлую, едва прикрытую добродушіемъ жанровой картинки Кифы Мокіевича съ сыномъ, насмѣшку надъ шовинизмомъ.

Безобразная путаница сужденій о «Ревизорѣ», сбереженная въ калейдоскопѣ «Театральнаго разъѣзда», который набросанъ былъ вчернѣ вскорѣ послѣ перваго представленія, была отвѣтомъ привилегированной

---

[1]) Отзывъ Пушкина въ „Запискахъ Смирновой", Герцена — въ превосходной характеристикѣ Чаадаева, Былое и Д., I, 277.

[2]) Кромѣ напечатанныхъ Гагаринымъ, нѣсколько писемъ въ „Библіогр. Запискахъ" 1861, въ „Вѣстн. Европы" 1874 (неизданныя рукописи), въ статьѣ Жихарева, у Н. Сушкова въ книгѣ „Московскій универс. благородный пансіонъ"; завѣщаніе Чаад. въ статьѣ А. И. Кирпичникова „П. Я. Чаадаевъ по новымъ документамъ", Очерки по исторіи нов. русс. литературы, 1903, II.

[3]) Когда онъ бичуетъ его, полемическій талантъ и иронія Чаадаева раскрываются во всей красѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны, наприм., его письмо къ французскому литератору гр. Сиркуру, напечатанное въ „Вѣстн. Европы", 1874, іюль, письмо къ Жуковскому „Библіографич. Записки", 1861, № 1), и письмо къ Вяземскому о Гоголѣ.

толпы на гоголевское «пророчество». Еслибъ Чаадаевъ, скрывшись, какъ новый Чацкій (или какъ Гоголь—въ «Театр. разъѣздѣ»—въ сѣняхъ театра), могъ подслушать толки, брань и проклятія, вызванные хотя бы чтеніемъ вслухъ ужаснаго Письма, у него составился бы, подъ стать гоголевскому, свой «Разъѣздъ»; нужно было бы только, чтобъ у серьезнаго, задумчиваго человѣка, изумлявшаго многихъ, наприм., Хомякова, соединеніемъ «бодрости живого ума съ какою-то постоянною печалью», явилась склонность къ драматической формѣ.

Разстояніе, отдѣлявшее научные интересы Чаадаева и Гоголя, также не было въ 1836 году такимъ значительнымъ, какъ могло бы показаться на первый взглядъ. Гоголь только что покинулъ исторію для комедіи и повѣсти, но склонность къ историческимъ обобщеніямъ еще осталась у него, и картины цивилизаціи стараго Востока, среднихъ вѣковъ, итальянскаго ренессанса, мелькали у него такъ же, какъ проносятся онѣ въ чаадаевскихъ Письмахъ. Правда, въ этихъ картинахъ было гораздо болѣе художественности, чѣмъ науки, прошлое внезапно озарялось блестящими вспышками, и снова гасло; большая начитанность и систематическій умъ Чаадаева не могли бы обойтись скромнымъ запасомъ свѣдѣній, на которомъ основаны гоголевскія обозрѣнія всемірной исторіи съ птичьяго полета,—но все же философъ напрасно видѣлъ въ сопернике-комикѣ только насмѣшливаго обличителя, обольстившаго толпу неглубокимъ, хотя и могучимъ даромъ смѣха.

Еще любопытная черта сходства. Своеобразная религіозность Чаадаева, съ сильнымъ католическимъ отпечаткомъ, способнымъ влiять на умы до такой степени, что отецъ Гагаринъ приписывалъ ему свой переходъ въ католицизмъ, съ грезами о возрожденіи папства, съ тщательнымъ изученіемъ литературы и искусства, созданныхъ христіанскимъ Римомъ, съ примѣчательной эрудиціей въ старой и новѣйшей духовной словесности Франціи, близостью къ Ламеннэ и т. д., вскорѣ, хотя и въ ослабленной степени, повторилась у Гоголя. Его увлеченіе Римомъ, способность уходить отъ тревогъ современности въ прохладу и потемки церковной старины, сближеніе въ Римѣ съ католическимъ кружкомъ княгини Зинаиды Волконской, вліяніе г-жи Смирновой, покаяніе и самобичеваніе которой было одно время сильно окрашено католическимъ оттѣнкомъ, что привело ее, по словамъ ея дочери [1]), еще въ 1837-1838 годахъ въ Парижѣ, въ салонъ г-жи Свѣчиной и кружокъ Ламеннэ,—наконецъ, прилежное изученіе французскихъ богослововъ и проповѣдниковъ, отъ Боссюэта до père Ravignan, засвидѣтельствованное

---

1) См. предисловіе О. Н. Смирновой къ запискамъ ея матери, изданнымъ ред. „Сѣвернаго Вѣстника“.

гоголевскою перепиской, указывают на это. Польскіе монахи, встрѣчаясь съ нимъ въ Римѣ у княг. Волконской, нашли его «очень склоннымъ къ истинной вѣрѣ», не могли нахвалиться имъ въ донесеніяхъ и письмахъ къ старшимъ въ своемъ орденѣ [1]), давая предчувствовать, что не сегодня-завтра возвѣстятъ о его переходѣ въ католичество—и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигая на видный планъ его симпатіи къ польскому движенію [2]). До московскихъ друзей Гоголя стали доходить слухи о его католическихъ сочувствіяхъ и вызывали, наприм., въ семьѣ Аксаковыхъ, серьезное безпокойство [3]). Для того, чтобъ годъ или два спустя послѣ выѣзда изъ Россіи, вынужденнаго злоключеніями «Ревизора», могло быстро развиться направленіе такого рода, необходимо предположить извѣстную склонность къ нему, заложенную еще раньше [4]). Рѣшительный перевѣсъ въ сторону русской религіозной школы и византійскаго аскетизма обозначился у Гоголя впослѣдствіи.

«Письмо Чаадаева было своего рода послѣднее слово, рубежъ. Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ,—все равно, надобно было проснуться». Такъ вспомнилъ впослѣдствіи Герценъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него, въ далекой ссылкѣ, нежданно раздавшимся призывомъ. Для тѣхъ, кого не образумило «Горе отъ ума», «Ревизоръ» явился такимъ же кличемъ пробужденія къ новой жизни. Передъ обществомъ середины тридцатыхъ годовъ стояли эти два проповѣдника обновленія,—одинъ, стремившійся «глаголомъ жечь сердца людей», дру-

---

[1]) Любопытная переписка отцовъ Кайсевича и Семененка, съ новыми и цѣнными данными о Гоголѣ, напечатана въ книгѣ г. Смоликовскаго Historja Zgromadzenia Zmartwychwchstania Pańskiego", Краковъ, 1892; см. въ особенности письмо отъ 17-го марта 1838 года (томъ II, стр. 89). Ср. также любопытныя подробности о католическихъ отношеніяхъ Зинаиды Волконской въ Римѣ—въ рѣчи проф. Линниченка „Душевная драма Гоголя", Одесса, 1902.

[2]) „У васъ, у васъ какая жизнь!—восклицалъ Гоголь.—Послѣ упадка, столько силы! То, что должно было уничтожить, подняло и оживило народъ. Что за люди, что за литература, что за надежды! Это дѣло неслыханное!" „Historja Zgromadz. Zmartwychwst.", II, стр. 134. Въ этой же книгѣ напечатанъ *сонетъ* польскихъ друзей къ Гоголю, съ совѣтомъ „не замыкать своей души для небесной росы", и т. д.

[3]) С. Аксаковъ, „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ". М. 1890, стр. 155.

[4]) Любопытно, что Чаадаевъ возставалъ противъ предположеній о католическомъ, въ частности іезуитскомъ вліяніи на Гоголя. Въ письмѣ къ Вяземскому онъ считаетъ друзей Гоголя гораздо болѣе заслуживающими названія іезуитовъ; вѣдь іезуитство,—говоритъ онъ,—*какъ разумѣютъ его эти господа*, существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ. Незачѣмъ далеко ходить", и т. д. Подчеркнутыя слова, кажется, достаточно разъясняютъ мысль о неспособности Гоголя проникнуться духомъ истиннаго католицизма.

гой—смѣхомъ исправлять ихъ; но ихъ не сразу поняли (въ оффиціозномъ спискѣ московскихъ славянофиловъ значился, по свидѣтельству Вяземскаго,—на ряду съ Аксаковыми, Хомяковымъ, Кошелевымъ,—и «оксиденталистъ» Чаадаевъ),—и они сами не поняли другъ друга. Развившійся подъ вліяніемъ Пушкина, Гоголь не могъ не слышать отъ него отзывовъ, полныхъ уваженія къ уму и дарованіямъ стараго его друга, но мы не видимъ слѣдовъ особой симпатіи Гоголя къ нему, возможной, несмотря на различіе ихъ взглядовъ (извѣстна же личная близость такихъ принципіальныхъ противниковъ, какъ Хомяковъ и Чаадаевъ); отношеніе Гоголя къ нашимъ «европейцамъ», какъ преемникамъ Чаадаева, стало впослѣдствіи непримиримымъ, и онъ, поддавшись первому впечатлѣнію, рукоплескалъ браннымъ стихотвореніямъ Языкова [1]). Чаадаевъ, съ своей стороны, навсегда сохранилъ къ Гоголю наблюдательное и недовѣрчивое отношеніе, обострившееся, когда примиреніе съ дѣйствительностью, учительный тонъ и самобичеваніе смѣнили собой обличеніе,—и въ особенности, когда хоръ неумѣренныхъ восхвалителей грозилъ развить въ немъ личное и національно-патріотическое самообольщеніе. «Какъ вы хотите (писалъ онъ Вяземскому), чтобъ въ наше надменное время, напыщенное народной спесью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова его не закружилась! Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ роднымъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ нашимъ собственнымъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собой разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ». Указывая на то, что самомнѣніе «изуродовало всѣ лучшіе умы наши, съ тѣхъ поръ какъ они совершили свой мнимый подвигъ, какъ открыли свой новый міръ ума и духа», Чаадаевъ считаетъ необходимымъ оговориться и признать большой талантъ въ Гоголѣ; «нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ эти причуды не сбили его съ толку, еслибъ онъ продолжалъ итти своимъ путемъ, то достигъ бы чудной высоты, но теперь Богъ

---

[1]) Впрочемъ, когда, идя по тому же слѣду, Языковъ въ новыхъ стихотвореніяхъ вдался въ излишество и рѣзкости, Гоголь написалъ ему примѣчательное письмо (Письма Гоголя, III, 41—43) на тему о терпимости. „Ты самъ знаешь,—говорилъ онъ, что нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ, и что, къ несчастью, не совсѣмъ безъ основанія нѣкоторые ихъ выводы... Слѣдовало бы вооружиться противъ сихъ заблужденій, разъять ихъ спокойно и показать ихъ несообразность, но поступить такимъ образомъ, чтобы и тутъ имъ дать возможность выйти несовсѣмъ безчестно изъ труднаго положенія“.

знаетъ, куда заведутъ его друзья, какъ вынесетъ онъ бремя ихъ гордыхъ ожиданій, неразумныхъ внушеній и неумѣренныхъ похвалъ» [1]. Но въ этомъ признаніи талантливости Гоголя еще какъ будто кроется старое нерасположеніе, потому что и здѣсь не обошлось безъ указаній на недостаточность развитія Гоголя, откровенность его консерватизма и т. д.,—хотя строгій критикъ и признаетъ, что Гоголь «въ сто кратъ выше» своихъ друзей-охранителей.

Нетерпимость, жертвою которой сдѣлались оба обличителя, закралась въ большей или меньшей степени и къ нимъ самимъ... Но могло ли быть иначе? Гдѣ и какъ можно было у насъ воспитать въ себѣ уваженіе къ свободѣ мнѣній? Поколѣнія за поколѣніями сходили со сцены, передавая другъ другу старый лозунгъ и зорко наблюдая, чтобы ничто не нарушило тиши и глади [2]. Философско-историческіе парадоксы во вкусѣ Чаадаева, провозглашающіе безнадежность развитія на національныхъ началахъ, необходимость сліянія съ чужой культурой и созданія новой вселенской церкви, вызвали бы въ печати и обществѣ Англіи или Германіи разностороннее обсужденіе, возраженія и споры, потерпѣли бы, можетъ-быть, пораженіе, какъ недостаточно научные и слабо обоснованные, и имѣли бы значеніе личнаго мнѣнія ученаго и публициста,—одного изъ тѣхъ мнѣній, самая необычность которыхъ вызываетъ живой обмѣнъ мыслей и движеніе впередъ; у насъ раздался лишь «Ruf nach Polizei».

Тотъ же крикъ встрѣтилъ «Ревизора»,—и не только въ толпѣ «Театральнаго разъѣзда», гдѣ грозили Гоголю ссылкой въ Нерчинскъ, но и на дѣлѣ, когда этой ссылки требовалъ, при С. Т. Аксаковѣ, съ пѣной у рта, «Американецъ-Толстой», очевидно мало проученный Грибоѣдовымъ «ночной разбойникъ, дуэлистъ и алеутъ». Въ такой средѣ

---

[1] Замѣчательное это письмо напечатано было впервые въ приложеніи къ старомодной съ виду, но любопытной книгѣ Н. Сушкова „Московскій университетскій благородный пансіонъ“, М. 1858, впослѣдствіи перепечатано въ „Русскомъ Архивѣ“, 1866.—Въ своихъ нападкахъ на поощрителей Гоголя Чаадаевъ сходится съ такимъ близкимъ къ сатирику человѣкомъ, какъ Плетневъ, который въ письмѣ къ Гоголю, 1844 года, еще безпощаднѣе выражается: „другіе твои друзья—московская братія; это—раскольники, обрадовавшіеся, что удалось имъ геніальнаго человѣка, напоивъ его допьяна въ великой своей харчевнѣ настоемъ лести, пріобщить къ своему скиту“. Сочин. и переп. Плетнева, стр. 36.

[2] Пушкинъ въ своемъ разборѣ теоріи Чаадаева (черновое французское письмо къ Чаадаеву отъ 19 октября 1836) послѣ возраженій на историческіе взгляды друга признаетъ „многое въ его посланіи глубоко вѣрнымъ“. „Нужно признаться,—говоритъ онъ,—что наша общественная жизнь очень печальна, что отсутствіе общественнаго мнѣнія, равнодушіе ко всему, что входитъ въ понятіе о долгѣ, справедливости, истинѣ, циническое презрѣніе къ человѣческой мысли и достоинству способны привести въ отчаяніе“.

трудно выслушать спокойно, съ достоинствомъ и оспорить противоположное мнѣніе. Понятіе о партіи, школѣ, сливается съ страшилищемъ ереси и вызываетъ невольно желаніе подавить, искоренить, усмирить. Гоголю, нѣкогда страдальцу за свободу слова, показались со временемъ зловредными тѣ, кто довелъ лишь до естественныхъ выводовъ заявленное имъ направленіе,—а его собственная теорія, имѣвшая, конечно, столь же законное право на существованіе, какъ система Чаадаева, вызывала не свободное ея обсужденіе, а ропотъ, потому что ограждена была отъ натиска независимыхъ мнѣній твердыней неприкосновенныхъ традицій.

Годовщина великой комедіи и многострадальнаго Письма наводитъ на грустныя мысли.

«ORLANDO FURIOSO» [1].

Когда въ убогой обстановкѣ казеннаго студенческаго нумера или въ кабинетѣ Станкевича, среди одного изъ безконечныхъ и неистощимыхъ юношескихъ споровъ о мiровыхъ вопросахъ, въ схватку мнѣнiй внезапно вливался, точно струя раскаленной лавы, потокъ страстныхъ рѣчей, восторженныхъ, идеалистическихъ славословiй, негодующей полемики, сносившей все на своемъ пути, бурной, бѣшеной,—очарованнымъ или разсерженнымъ и разбитымъ на голову слушателямъ вспоминался классическiй образъ вѣчно взволнованнаго, безумно отважнаго, трепещущаго въ экстазѣ «Orlando furioso» (тогда еще читали Арiоста)— и за неукротимымъ спорщикомъ закрѣпилось шутливое прозвище сначала «Неистоваго Орланда», а потомъ—«Неистоваго Виссарiона». Онъ свыкся съ нимъ и даже въ довольно позднюю пору не разъ прилагалъ его къ себѣ [2]). Впослѣдствiи, когда обстановка перемѣнилась и порѣдѣлъ кружокъ, въ которомъ впервые произнесено было это ласкательное имя и гдѣ бы ссылку на него сразу поняли, Бѣлинскiй въ письмахъ то и дѣло возвращался къ подмѣченной въ немъ смолоду чертѣ характера, объяснялъ ею многое въ своей дѣятельности, берегъ ее, цѣнилъ ее, считалъ лучшимъ изъ своихъ даровъ.

Его итальянскiй патронъ, отуземившiйся французъ эпическихъ временъ, старый богатырь Роландъ, успѣвшiй въ Италiи (у Боярдо, въ его «Orlando inamorato») научиться любовной горячкѣ и кинувшiйся потомъ по волѣ Арiоста въ нескончаемую борьбу съ волшебниками, чудовищами, злодѣями, развратниками и соблазнителями, ратовалъ, правда, изъ-за иныхъ побужденiй. Его увлекали «жажда славы и бурный порывъ любви»; насланное на него свыше испытанiе, безумiе, придало его героизму и

---

1) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собранiи Общества любителей словесности, въ юбилей Бѣлинскаго.

2) Письмо къ Станкевичу отъ 19-го апрѣля 1839 г.; письмо къ Константину Аксакову 10-го января 1840 г. все еще подписано: „Твой неистовый Виссарiонъ“ („Русь“, 1881 г., № 8).

любовному рыцарству оттѣнокъ болѣзненный, невмѣняемый. Въ восторгахъ, протестахъ, словесныхъ битвахъ и вдохновенныхъ проповѣдяхъ русскаго Орланда не было и тѣни славолюбія; немногаго ждалъ онъ отъ безгласной и безвѣстной читающей массы, по временамъ жалуясь на «страшныя узы, соединяющія его съ расейскою публикой, какъ съ постылою женой», но всѣ силы отдавая на пользу ей. Не ломалъ онъ копій и въ экстазѣ любви; она явилась ему въ мистическихъ грезахъ ранней молодости и исчезла навсегда, отражаясь въ безплодныхъ сѣтованіяхъ и томленіяхъ, уныло раздававшихся среди напряженнаго труда и разсудочной семейной жизни.

«Если хоть искра того божественнаго огня, того животворнаго восторга, которые оживляли меня, какъ электричество, сообщится душѣ читателя... то я достигъ моей цѣли», говорилъ въ предисловіи къ своему первенцу, лишь недавно вышедшему на волю изъ цензурныхъ тайниковъ, къ «драматической повѣсти» *Дмитрій Калининъ*, юный, двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, авторъ. Его трагедія, полная воспламеняющихся, взрывчатыхъ веществъ, вдоволь насыщенная ужасами и злодѣйствами, подъ стать къ трескучимъ драмамъ Sturm und Drang'а, но вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнутая сильнѣйшею ненавистью къ крѣпостничеству и заступничествомъ за рабовъ, дѣйствительно обнаруживаетъ чуть не въ каждомъ словѣ ту необыкновенную возбужденность, которую писатель-новичокъ уже сознalъ въ себѣ, какъ отличительное свойство своей натуры. И съ той поры до смерти въ интимныхъ изліяніяхъ его переписки разсѣяны разнообразныя замѣчанія и самонаблюденія въ томъ же родѣ. Онъ говоритъ (беремъ разновременные примѣры) о своихъ «дикихъ порывахъ», о своей «дикострастной натурѣ», о томъ, что «всѣ лучшія статьи его—импровизаціи», считаетъ «страстность источникомъ своихъ мукъ и радостей», но ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы подавить ее въ себѣ, и сходитъ въ могилу неисправимымъ. За годъ до смерти отстаивая отъ недовольныхъ придирокъ и упрековъ Боткина свою статью о «Выбранныхъ мѣстахъ», онъ заявлялъ, что «умѣетъ вчужѣ понимать и цѣнить терпимость, но останется гордо и убѣжденно нетерпимымъ»... «И если я сдѣлаюсь терпимымъ,—продолжаетъ онъ,—знай, что съ той минуты... во мнѣ умерло то прекрасное человѣческое, за которое столько хорошихъ людей (а въ числѣ ихъ и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоилъ»[1]).

Такой человѣкъ неспособенъ что-либо дѣлать вполовину. Сочувствіе превращается у него въ восторженное удивленіе, радость—въ ликованіе, охлажденія и разочарованія—въ ненависть. Ускоренный, горячій, нерусскій темпъ жизни Бѣлинскаго—весь въ такихъ крайностяхъ.

---

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 278.

Онъ фанатикъ въ дружбѣ и способенъ «мучительно ревновать близкаго ему человѣка»; въ экстазѣ преклоняетъ онъ колѣно предъ великимъ писателемъ и славословитъ его; когда же заслышитъ наглыя рѣчи обскуранта, въ немъ заклокочетъ негодованіе и онъ кидается въ сѣчу. «Онъ загорался вдругъ», онъ «мчался впередъ и никогда не оглядывался»; «представить его себѣ отдыхающимъ было невозможно», говоритъ современникъ [1]). И въ тонъ ему Бѣлинскій признавался, что «спокойствіе не для него». «Мнѣ нужно,—говорилъ онъ,—то, въ чемъ видно состояніе духа человѣка, когда онъ захлебывается волнами трепетнаго восторга и заливаетъ ими читателя, не давая ему опомниться»... Годы не охлаждали кипучаго темперамента. Покончивъ съ однимъ строемъ воззрѣній, переживъ и перестрадавъ ихъ, чтобы свободно и убѣжденно перейти въ кругъ другихъ идей, онъ воспламенялся новымъ энтузіазмомъ и возмущался своей недавней слѣпотой. «Я теперешній болѣзненно ненавижу себя прошедшаго!» восклицалъ онъ. «Боже мой, какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи!»

Приходилось пересматривать и брать назадъ много оцѣнокъ и приговоровъ, высказанныхъ подъ вліяніемъ страстнаго аффекта. Какъ странно было ему читать потомъ тѣ строки, въ которыхъ онъ называлъ Вальтеръ-Скотта «дивнымъ геніемъ», а Купера ставилъ еще выше, какъ художника, или (правда, въ письмѣ къ другу) заявлялъ съ торжествомъ, «что ему открылся «Бахчисарайскій фонтанъ», великое, міровое созданіе»! Оцѣнивъ гуманную дѣятельность Жоржъ-Зандъ и Диккенса, національныя заслуги Мицкевича или Беранже, тяжело было вспоминать свои суровые отзывы о нихъ. Какъ искренно каялся онъ «въ хулахъ на французовъ, этотъ энергичный благородный народъ», какъ сливалъ въ запоздаломъ, но оттого еще болѣе горячемъ чествованіи имена прежнихъ своихъ недруговъ, Шиллера («Да здравствуетъ Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія!» восклицаетъ онъ) и Вольтера, и, безповоротно перейдя на почву «соціальности», трепеталъ при одномъ напоминаніи о благодушномъ квіэтизмѣ статьи о «Бородинской годовщинѣ».

Гончарову казалось, что для Бѣлинскаго увлеченіе было вѣрнѣйшимъ способомъ добыть истину. «Переживъ впечатлѣніе въ себѣ, истративъ на него потоки болѣе или менѣе горячихъ — печатныхъ или изустныхъ—импровизацій, онъ потомъ оставался ему вѣренъ уже въ той долѣ правды, не какую онъ видѣлъ въ пылу увлеченія, а какая дѣйствительно была въ немъ». Такъ безусловное преклоненіе передъ Мочаловымъ смѣнилось глубокой, сознательной оцѣнкой свѣта и тѣни въ его

---

[1]) Гончаровъ. Замѣтки о личности Бѣлинскаго. Соч., 1884, VIII, 189—193.

талантѣ; такъ за извѣстнымъ восторженнымъ возгласомъ: «Давайте мнѣ Достоевскаго!»—послѣдовали очень скоро строгіе и мѣткіе отзывы о недостаткахъ романиста-дебютанта.

Онъ попытался привязаться даже къ тому строю мысли, который былъ прямо противоположенъ его природѣ и навязанъ ему философскимъ повѣтріемъ (впослѣдствіи онъ клеймилъ его суровой кличкой «дикихъ убѣжденій, занятыхъ по слухамъ у гегелизма»). Герценъ былъ пораженъ, видя, какъ Бѣлинскій, «самая дѣятельная, порывистая, діалектически страстная натура бойца, проповѣдывалъ индѣйскій покой и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы» [1]). Но и въ печатныхъ статьяхъ, и въ пространныхъ философскихъ письмахъ за время крайняго его гегельянства чувствуешь, какъ болѣзненно врѣзывались въ чуткій, устремленный къ дѣятельности организмъ вериги умѣренности и примиренія, какъ онѣ сжимали полетъ мысли, какъ мутенъ и блѣденъ становился блестящій слогъ, какъ неизбѣжныя увлеченія и преувеличенія начинали переходить въ риторику,—и вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ дышишь полной грудью, когда вырвался онъ, наконецъ, на свободу, бросилъ ироническій вызовъ недавнимъ менторамъ и апостоламъ, осмѣялъ «философскій колпакъ Егора Ѳедоровича» (Гегеля) и пошелъ навстрѣчу жизни... Счастье для него, что періодъ примиренія съ дѣйствительностью былъ все же непродолжителенъ (по крайнему счету—четыре года). Его не вычеркнешь изъ обзора развитія Бѣлинскаго; всегда его будутъ изучать, какъ промежуточное (случайное, а не неизбѣжное) звено въ составѣ его воззрѣній, но будутъ считать его тяжкимъ плѣномъ ума независимаго и общественно-чуткаго.

Но его ждалъ новый плѣнъ. Чѣмъ явственнѣе становилась его руководящая роль въ литературѣ и обществѣ, тѣмъ труднѣе дѣлалось высказываться и оживлять массу тѣмъ «божественнымъ огнемъ», тѣмъ электричествомъ, которое онъ снова почуялъ въ себѣ. Порою ему страстно хотѣлось «умереть отъ избытка жизни» (письмо въ началѣ февраля 1840 г.), а вмѣсто того нужно было сдерживаться изъ другихъ побужденій, усвоивать языкъ намековъ и аллегорій, закутывать мысль въ разныя околичности, съ подходами, отступленіями, оговорками, когда, сильная и смѣлая, она рвалась на волю. Упрекъ, сдѣланный Бѣлинскому Чернышевскимъ въ умѣренности требованій и терпѣливости (при чемъ критикъ признавалъ однако энергическую твердость и настойчивость убѣжденій), къ концу жизни Бѣлинскаго съ каждымъ годомъ становился менѣе заслуженнымъ. Требованія вышли далеко за предѣлы прежнихъ гуманныхъ и неопредѣленныхъ пожеланій обще-

[1]) Сочиненія, т. VII, 126.

ственнаго прогресса, справедливости, распространенія знаній; новая работа саморазвитія, новыя вліянія и чтенія, пристальное изученіе европейской современности указали точныя цѣли и задачи,—но именно тогда-то стала особенно мучительною необходимость говорить полусловами...

«Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура,—вспоминалъ потомъ Герценъ [1]). Да, это былъ сильный боецъ. Онъ не умѣлъ противодѣйствовать, поучать, ему надобенъ былъ споръ... Когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались его дорогихъ убѣжденій, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и, по дорогѣ, съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль». Перенести такой пламенный споръ на страницы своей статьи было бы высшимъ удовлетвореніемъ для Бѣлинскаго, но онъ *никогда* не испыталъ его вполнѣ. Біографы доказали, что печатное собраніе статей Бѣлинскаго есть лишь блѣдный оттискъ первоначальнаго замысла и первичной формы, что многія важныя работы явились на половину или на двѣ трети сокращенными и передѣланными, что за наличнымъ литературнымъ достояніемъ критика нужно всегда предполагать первую *безвозвратно погибшую* редакцію статей, полную силы и страсти. Но одного сравненія печатныхъ текстовъ съ задушевными, блещущими умомъ и чувствомъ письмами, которыхъ не могъ знать Чернышевскій и которыя много помогли въ пониманіи Бѣлинскаго, однихъ разсказовъ друзей о тѣхъ свободныхъ импровизаціяхъ, въ которыхъ выражались у него первыя впечатлѣнія отъ поразившей его книги, когда, взволнованно ходя по комнатѣ, онъ выражалъ вслухъ свои мысли и чувства,—было бы достаточно, чтобы невольная раздвоенность вполнѣ обозначалась, и настоящій, бурный Бѣлинскій, Orlando furioso, сталъ ближе и дороже извѣстнаго всѣмъ строгаго критика.

«Дайте такому человѣку сферу свойственной его способностямъ дѣятельности, и онъ переродится... но эта сфера... да вы понимаете, что ее негдѣ взять»,—вотъ доля Бѣлинскаго по его же мѣткой оцѣнкѣ (письмо Бакунинымъ, 1843 г.). Только одинъ разъ въ жизни, подъ сильнымъ захватомъ возмущеннаго чувства, но зато и внѣ домашнихъ условій, владѣя своей волей и своимъ словомъ, онъ созналъ себя вполнѣ въ «сферѣ свойственной его способностямъ дѣятельности»,—и тогда послышалась свободная рѣчь, негодующая, благородная, чуткая къ народнымъ нуждамъ, рѣчь, съ которою онъ никогда не могъ обращаться

---

[1]) Сочиненія, VI, 138.

къ своимъ читателямъ, рѣчь, достойная вождя литературы. То было «Письмо къ Гоголю».

У насъ есть драгоцѣнное свидѣтельство очевидца о томъ, *какъ* писалось оно. Больной и утомленный жизнью, мечтавшій найти въ водахъ Зальцбрунна спасеніе, Бѣлинскій забылъ обо всемъ на свѣтѣ, какъ только враждебный отзывъ о немъ автора «Выбранныхъ мѣстъ» по поводу статьи объ этой книгѣ сдѣлался ему извѣстенъ. Ему бросаютъ перчатку? Такъ онъ отзовется на вызовъ! Три утра сряду ушло на эту работу, сначала лихорадочно набросанную, потомъ пересмотрѣнную, отточенную и взволнованно прочтенную русскому другу [1]). Когда читаешь эти горячія строки, отказываешься вѣрить, что онѣ написаны на порогѣ смерти, что писалъ ихъ человѣкъ, изнуренный болѣзнью и до того измѣнившійся съ отъѣзда изъ Россіи, что онъ «казался старикомъ, съ страшной худобой, глухимъ звукомъ голоса и блѣднымъ мраморнымъ лицомъ». Рѣчь льется неудержимо, негодованіе, иронія, желчный смѣхъ, глубокая грусть, грозные призывы одуматься смѣняютъ другъ друге; переполненное разнородными фактами общественнаго, литературнаго, религіознаго содержанія, превращаясь то въ обвинительный актъ, то въ превосходную критическую статью, то въ политическій памфлетъ, письмо видимо, даетъ спѣшныя, вызванныя требованіями минуты, обобщенія,—а за ними отгадываешь множество такихъ же добытыхъ цѣлою жизнью, но никогда не высказанныхъ во всеуслышаніе наблюденій, приговоровъ и пожеланій. «Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро превратилось бы въ цѣлую тетрадь», говоритъ, кончая, Бѣлинскій,—и, представляя себѣ, какъ, почуявъ возможность свободнаго слова, завѣтныя мысли зароились въ его умѣ, вырываясь на просторъ, легко этому повѣрить.

«Точно бремя скатилось съ души, когда письмо было написано»,—такъ хотѣлось сказать горячо любимому писателю (вѣдь и теперь признается онъ, что «любилъ его со всей страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страной, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса»), такъ хотѣлось сказать ему все, что «лежало на душѣ противъ него по поводу его книги». И съ неудержимой и безстрашной силой, съ которой онъ еще смолоду гремѣлъ среди московской молодежи противъ всего, въ чемъ видѣлъ ложь и вредъ, онъ обрушиваетъ на свою жертву самыя тяжкія обвиненія. Онъ назоветъ его «проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма

---

[1]) Воспоминанія и критическіе очерки Анненкова, III, 212. Сравн. также письмо Гоголя въ книгѣ „Анненковъ и его друзья“. 1892, 500—3.

и мракобѣсія, панегиристомъ татарскихъ нравовъ»; онъ крикнетъ ему: «взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!» Увидавъ, какъ, вмѣсто протеста противъ рабства, авторъ «учитъ помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ», онъ внѣ себя восклицаетъ: «И это не должно было привести меня въ негодованіе?.. Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ за эти позорныя строки!» Въ смиреніи Гоголя онъ раскрываетъ, «съ одной стороны, страшную гордость, съ другой—самое позорное униженіе своего человѣческаго достоинства». Отъ всей книги вѣетъ «не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнью смерти, чорта и ада».

Но среди взрывовъ негодованія, среди нападокъ на отдѣльныя мѣста книги, сопоставленныя во всей ихъ елейности и умѣренности съ тяжкими фактами подлинной, крѣпостной и беззаконной дѣйствительности, вырисовывается, какъ въ тѣхъ спорахъ, что характеризовалъ только что Герценъ, основная мысль, ради которой ратуетъ Бѣлинскій. Когда онъ заявляетъ, что «Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства собственнаго достоинства», когда указываетъ, какъ «на самые живые, современные, національные вопросы, на уничтоженіе крѣпостного права, отмѣну тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть», называетъ ужаснымъ зрѣлище страны, гдѣ «люди торгуютъ людьми», гдѣ «нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже полицейскаго порядка», или беретъ подъ свою защиту народное образованіе, обличитель превращается въ публициста съ опредѣленнымъ строемъ убѣжденій.

Давно уже, по выраженіе Чернышевскаго, онъ почувствовалъ, что «границы литературныхъ вопросовъ тѣсны, и тосковалъ подобно Фаусту въ своемъ кабинетѣ; ему тѣсно стало въ этихъ стѣнахъ, уставленныхъ книгами, ему нужна была жизнь» [1]). Онъ пробился къ ней черезъ всѣ преграды, узналъ ее, понялъ ея нужды и запросы, готовъ былъ посвятить ей всѣ свои дарованія, горячую рѣчь, отвагу борьбы, умѣнье говорить съ массой и вліять на нее, чутье художественной правды и критическій талантъ, и въ своемъ обличеніи Гоголя, котораго не переставалъ и въ эти минуты высоко цѣнить за прежнія заслуги [2]) показалъ,

[1]) Очерки гоголевскаго періода, стр. 322.

[2]) Въ Зальцбруннѣ, когда онъ „изнемогъ душевно", онъ „отчитался" только „Мертвыми душами". Сборникъ „Братская помощь армянамъ", 1897 года (Письмо Бѣлинскаго къ женѣ.)

въ какомъ духѣ безпристрастія, справедливости, преданности общему благу онъ повелъ бы свое общественное руководительство,—но его первая свободная рѣчь была его лебединою пѣснью.

Она разнеслась повсюду; было время, когда ее съ любовью списывали и берегли, страдали изъ-за нея, видѣли въ ней завѣщаніе Бѣлинскаго, считали ее «призывнымъ трубнымъ гласомъ». Такъ, вначалѣ столѣтія Грибоѣдовъ въ блестящей умомъ перепискѣ, оставляющей далеко позади печатныя его заявленія, раскрывался въ своей независимости, строгой требовательности, въ просвѣтительныхъ стремленіяхъ, въ своеобразности страстной натуры, съ годами едва прикрытой дѣловою внѣшностью исполнительнаго чиновника. Зато цѣнители Грибоѣдова и назвали потомъ Бѣлинскаго прямымъ преемникомъ Чацкаго.

Среди поколѣнія двадцатыхъ годовъ Чацкій былъ такимъ же «неистовымъ Орландомъ», какимъ Бѣлинскій былъ среди людей сороковыхъ годовъ. Рѣдка, къ сожалѣнію, у насъ порода людей съ сильной волей, горячей кровью, могучимъ словомъ, фанатической преданностью идеѣ, нравственнымъ благородствомъ,—людей съ темпераментомъ общественнаго дѣятеля, оратора, не смущающихся тѣмъ, что время ихъ торжества не настало, что они всю жизнь осуждены «вопіять въ пустынѣ». Откуда являлись они въ той странѣ, гдѣ, какъ о томъ скорбѣлъ современникъ Бѣлинскаго, Кавелинъ [1]), люди не умѣютъ заявлять напрямикъ своихъ мнѣній, не имѣя и возможности привыкнуть къ этому, высказываются осторожно, вполовину, безпрестанно озираясь изъ боязни, чтобы отъ нашихъ словъ не вышло какого-нибудь печальнаго недоразумѣнія?»

Дарованія такихъ избранниковъ—не тѣ свойства натуры, не тѣ спеціальные таланты, которыхъ рутина требуетъ отъ литературнаго критика. Мы привыкли къ совсѣмъ инымъ оттѣнкамъ этой профессіи. Безстрастный лѣтописецъ, вносящій въ свой конторскій отчетъ балансъ добра и зла, успѣховъ и неудачъ; хлесткій, «танцующій на фразѣ» или остротѣ полемистъ; полный тонкаго вкуса и личныхъ усмотрѣній критикъ леметровскаго пошиба, изрекающій приговоры подъ настроеніемъ минуты; эссеистъ, обставляющій писателя и произведеніе картинами ихъ среды и времени; представители научнаго метода,—критикъ-соціологъ, критикъ-натуралистъ и т. д.—привычныя явленія. Но нигдѣ, ни въ западной литературѣ съ ея Лессингами, Гердерами, Тэнами, Сентъ-Бёвами, Брандесами, ни въ русской, несмотря на дѣятельность трехъ замѣчательныхъ критиковъ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ,

---

1) „Бѣлинскій и послѣдующее движеніе нашей критики". Письмо къ А. Н. Пыпину. „Недѣля", 1875 г., № 40.

столь близко сходившуюся съ идеями Бѣлинскаго, не повторилось удивительное сліяніе великихъ критическихъ способностей не только съ талантомъ публициста, но и съ энергіей общественнаго дѣятеля, достойнаго иной арены, чѣмъ то дряблое общество, которое представлялось ему «младенцемъ въ англійской болѣзни, спеленутымъ въ тискахъ желѣзныхъ» [1]). Вспомните, что говорили о Бѣлинскомъ наиболѣе авторитетные современники, близко его знавшіе. Гончаровъ называетъ его «трибуномъ», Герценъ — «гладіаторомъ, бойцомъ, проповѣдникомъ», Кавелинъ — «образцомъ гражданской и политической безупречности», Тургеневъ указываетъ «на силу и опредѣлительную рѣзкость его политическихъ и соціальныхъ убѣжденій». Всѣ они сознали, что въ этомъ человѣкѣ, приставленномъ ходомъ обстоятельствъ къ механически-однообразной прозѣ критическихъ отчетовъ и превратившемъ ихъ въ важное орудіе общественнаго воспитанія, таились еще большія, быть можетъ, способности двигателя соціальнаго прогресса.

Когда насталъ періодъ его послѣдняго и сильнѣйшаго увлеченія, и на знамени Орланда красовался девизъ «соціальности», когда Бѣлинскій усвоивалъ новѣйшіе результаты европейской общественной науки и связаннаго съ нею литературнаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялъ насущныя русскія нужды, когда онъ видѣлъ вокругъ себя уже не философствующій и оторванный отъ жизни «Kruschok in der Stadt Moskau», а рвущуюся къ полезной дѣятельности свѣжую и талантливую молодежь, ожидавшую его призывнаго слова,—цѣль жизни была, казалось, наконецъ найдена.

«Священный огонь» мечтателя-студента, «неистовыя» вспышки крайняго эстетика и философа не остыли, но превратились въ воодушевленіе гуманными и освободительными идеями; краснорѣчіе утратило вулканическій характеръ, не обдавало слушателя огненными брызгами, не изумляло эксцентрической горячностью, но воспламеняло сердца, вело людей впередъ не только во имя старой, звучавшей общимъ мѣстомъ, но все же богатой содержаніемъ формулы «добра, правды, красоты и свободы», но ради опредѣленныхъ способовъ добыванія этихъ благъ для народной массы. Оно воспитало поколѣніе общественныхъ и литературныхъ дѣятелей слѣдующаго періода; оно звучало въ ихъ памяти въ лучшія минуты самостоятельной дѣятельности, какъ завѣтъ дорогого учителя, какъ напоминаніе о посланномъ имъ судьбою великомъ счастьѣ быть сподвижниками его. Если бы вы видѣли, какъ преображалось лицо старика Тургенева, когда рѣчь заходила о Бѣлинскомъ и о невозвратныхъ свѣтлыхъ дняхъ ихъ близости! Какимъ бла-

[1]) „Русь", 1881 г. № 8. Письмо Конст. Аксакову отъ 23-го августа 1840.

гоговѣніемъ сіяло лицо, какъ увлажнялись глаза, въ то время, какъ вереницей проходили воспоминанія, проникнутыя удивленіемъ и благодарностью!

Сложнымъ, извилистымъ, полнымъ переходовъ, колебаній, разочарованій и радостныхъ открытій, представляется долгій путь, пройденный Бѣлинскимъ въ поискахъ за истиной, но черезъ всѣ ступени развитія проходитъ цѣльный и не пострадавшій отъ столкновеній съ дѣйствительностью нравственный образъ, которому на старомъ жаргонѣ не нашлось иного прозвища, кромѣ эпическаго имени Аріостова героя. Во времена золотой середины и мудрой практической умѣренности, когда воодушевленіе начинаетъ казаться чѣмъ-то старомоднымъ, добытымъ изъ архивовъ сороковыхъ или шестидесятыхъ годовъ, образъ этотъ является еще поразительнѣе.

Пусть исторія русской критики вѣнчаетъ Бѣлинскаго, какъ ея творца,—исторія развитія *личности* на Руси будетъ всегда считать однимъ изъ своихъ лучшихъ украшеній такого рыцаря правды, какъ незабвенный «неистовый Орландъ».

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СТАРОМЪ ДРУГѢ [1]).

Двадцать лѣтъ зналъ я близко Юрьева, и нарисовать его здѣсь во весь ростъ или дать его «литературный портретъ» было бы для меня большой отрадой. Но, думается, для законченной характеристики еще не настало время, нѣтъ еще необходимой исторической перспективы. Теперь умѣстнѣе собирать воспоминанія о покинувшемъ насъ другѣ,—а извѣстное дѣло, какъ возникаютъ они: внезапно выступаетъ, словно озаренная фосфорическимъ сіяніемъ, отдѣльная, глубже врѣзавшаяся въ память сцена; снова переживаешь ее, видишь человѣка, слышишь звукъ его голоса; выдвигаются другія лица; подробности нанизываются одна на другую. Потомъ новая вспышка; еще уголокъ заснувшаго царства озарится. Вскорѣ роемъ кружатся отрывочные образы. Изъ нихъ слагается живое подобіе прошлаго, хотя и лишенное біографической обстоятельности. Въ этомъ рядѣ миніатюрныхъ набросковъ нѣтъ размаха кисти портретиста, но они сдѣланы съ натуры и притомъ въ разныя времена жизни человѣка, а техническую сторону дѣла вмѣсто художника-спеціалиста взяла на себя память, великая мастерица сберегать надолго лица, звуки, краски и впечатлѣнія.

Таковъ характеръ моихъ воспоминаній. Они—просто рядъ миніатюръ.

I.

Уютная зала. Человѣкъ двадцать, тридцать публики, знакомой между собой; нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, двѣ-три характерныя старческія головы съ окладистыми бородами и задумчивымъ взоромъ. Всѣ глаза устремлены въ одно направленіе,—въ тотъ уголокъ, гдѣ стоитъ фортепіано, окруженное растеніями въ кадкахъ; оттуда свер-

[1]) Напечатано было въ изданномъ мною и Н. И. Стороженкомъ „Сборникѣ въ память С. А. Юрьева“. М. 1891.

каетъ въ отвѣтъ возбужденный, лихорадочный взоръ, водопадомъ несется рѣчь, прерываемая аккордами на инструментѣ и нѣсколькими тактами речитатива; слегка сѣдѣющія пряди волосъ окаймляютъ умное, выразительное лицо, въ которомъ каждая черта дышитъ порывомъ, тревогой и энтузіазмомъ.

Всѣ заслушались и забылись, точно очарованные. Кто сказалъ бы, въ какихъ невѣдомыхъ краяхъ, куда заноситъ нашу фантазію только музыка, витаютъ они теперь мыслями, забывъ все окружающее, и тѣсныя рамки этой комнаты, и дневныя заботы, и сѣрую природу, въ которой только что повѣяло весной!.. Но на одномъ лицѣ всего живѣе сказываются переживаемыя ощущенія. Это еще не старый, бодрый человѣкъ, съ закинутыми назадъ длинными волосами, съ блаженнымъ выраженіемъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, иногда оглядывающихъ слушателей, какъ бы призывая ихъ раздѣлить его восторгъ; какіе-то неясные возгласы одобренія невольно вырываются изъ его устъ. Онъ всѣхъ ближе сѣлъ къ лектору, но ему не сидится; вдругъ онъ поднимается, словно потрясенный чѣмъ-то, жадно вслушивается, вглядывается во что-то въ пространствѣ и потомъ такъ же безсознательно опускается на свой стулъ, какъ поднялся съ него.

Не первый вечеръ проводятъ они такъ. Въ блестящей импровизаціи слышали они объясненіе девятой симфоніи Бетховена, особенностей русской народной пѣсни,—все это, перевитое остроумными сближеніями, поэтическими цитатами и нотными примѣрами. Но сегодня лекторъ-художникъ особенно сильно подѣйствовалъ на аудиторію; до сихъ поръ онъ объяснялъ чужія созданія, теперь неожиданно ввелъ слушателей въ тайникъ своего личнаго творчества. Онъ дѣлился съ ними своимъ замысломъ; канва новой музыкальной драмы уже ясна для нихъ; изъ бытового фона выступаютъ лица, загораются страсти между ними и воплощаются въ звукахъ. Ударяя по клавишамъ послѣ очерка предстоящаго драматическаго момента и напѣвая мелодіи будущихъ арій и хоровъ, композиторъ оживляетъ своимъ огнемъ дребезжащіе звуки фортепіано и совсѣмъ необработаннаго голоса. Старая народная жизнь, Русь XVII вѣка, проходитъ яркими картинами въ этой музыкальной живописи. Давно ли этотъ поразительно разносторонній человѣкъ удивлялъ глубокимъ знаніемъ Гётевской поэзіи, цитировалъ Берліоза и Гейне, Шиллера и Вагнера,—и вдругъ такой открытый поворотъ къ народности!.. Да вѣдь это новая эра въ русской музыкѣ!..

Отого-то die stille Gemeinde, почти сплошь состоящая изъ любителей всего національнаго, такъ радостно настроена сегодня; оттого такъ сіяетъ лицо пожилого энтузіаста, который теперь горячо жметъ руку композитору, только-что окончившему свою лекцію, и обнимаетъ его.

Онъ необыкновенно счастливъ; вечеръ какъ нельзя болѣе удался; вѣдь это онъ убѣдилъ Сѣрова подѣлиться съ дружескимъ кружкомъ отрывками изъ неоконченной еще «Вражьей силы»...

Въ такой обстановкѣ и въ такомъ настроеніи впервые увидѣлъ я Юрьева, и никогда не забыть мнѣ этихъ первыхъ впечатлѣній.

Пошли оживленные толки, возбужденные лекціею; общество разбилось на группы; всего горячѣе, конечно, велась бесѣда въ той, гдѣ возлѣ Сѣрова, видимо еще не овладѣвшаго собою послѣ творческой исповѣди, стоялъ Юрьевъ и говорилъ неистощимо и краснорѣчиво обо многихъ хорошихъ вещахъ, и о будущности русскаго народа, и о славянской взаимности, и объ искусствѣ, громилъ современную безцвѣтность и безличность и любовался широкимъ горизонтомъ, раскрывавшимся передъ нимъ. Сѣровъ слушалъ его, сочувственно улыбаясь. Хорошо было смотрѣть на этихъ двухъ, схожихъ между собою, старѣющихъ и все еще молодыхъ мечтателей.

А потомъ, за ужиномъ, пошли застольные рѣчи и тосты. Непривычному человѣку становилось и жутко, и какъ-то особенно свѣтло на душѣ отъ множества возбужденныхъ, смѣло разъятыхъ на части и рѣшенныхъ вопросовъ, которые то и дѣло мелькали передъ нимъ. Заходила ли рѣчь о народѣ, во взглядѣ Юрьева на него не было и тѣни сентиментальности и мистическаго благоговѣнія; чувствовалось, что этотъ человѣкъ, и по типу такъ живо напоминающій старика-крестьянина, близокъ къ настоящему, невыдуманному народу, знаетъ его, крѣпко любитъ и жалѣетъ. Переходили ли къ вопросу о славянствѣ, интересовавшему тогда всѣхъ (и году не прошло съ московскаго славянскаго съѣзда), та же гуманность и уваженіе къ правамъ «народной личности» внушали Юрьеву горячій протестъ противъ тѣхъ изъ вожаковъ славянофильства, которые на съѣздѣ не сумѣли хоть на время побрататься со съѣхавшимися славянскими депутатами, и горделиво указывали имъ на подчиненіе и обрусѣніе, какъ на національную ихъ будущность. Для всѣхъ, начиная съ польской народности, о которой тогда, послѣ недавняго возстанія, трудно было услышать доброе слово, было свое мѣсто въ свободной организаціи славянства.

Но рамки все раздвигались. Русскій народъ, чуждый властолюбивыхъ замысловъ, входилъ въ братскую семью славянъ, она же—въ общечеловѣческій кругъ, гдѣ съ такимъ же правомъ на развитіе выступали расы, народы, государства. Все громче звучалъ голосъ, восторженнѣе горѣлъ взоръ; вѣрою въ побѣду справедливости дышала рѣчь. Она пестрѣла своеобразными словами и оборотами. Нужно было спѣшить усвоить ихъ значеніе,—тогда еще яснѣе и привлекательнѣе становилось развитіе мысли. Впервые прозвучали передъ новичкомъ такія

слова, какъ «хоровое, соборное начало», «вселенская истина», «единеніе всѣхъ въ любви»; «вѣчныя начала добра, правды, красоты и свободы» торжественнно осѣняли со своихъ незыблемыхъ пьедесталовъ треволненную жизнь человѣчества. Все это было необыкновенно своеобразно, не укладывалось ни въ какія общепринятыя рамки.

Общій знакомый, которому я обязанъ сближеніемъ съ С. А., подготовилъ меня къ предстоявшимъ впечатлѣніямъ. «Вы увидите очень умнаго и престраннаго человѣка,—говорилъ онъ. Въ немъ сходятся всевозможныя противоположности. Онъ прекрасный математикъ, даже астрономъ, и въ то же время бредитъ Шекспиромъ и Гёте; калязинскій землевладѣлецъ, популярный въ своей округѣ, ходитъ тамъ въ народномъ костюмѣ, играетъ у себя вмѣстѣ съ крестьянами на сценѣ, а потомъ углубляется съ Шеллингомъ въ дебри абстрактности; славянофилъ по многимъ мнѣніямъ и по дружескимъ связямъ, но радуется каждому успѣху европейскаго прогресса, съ интересомъ слѣдитъ за самыми смѣлыми направленіями въ наукѣ и жизни». Все это зналъ я, готовясь къ знакомству, но дѣйствительность превзошла ожиданія.

Слишкомъ очевидно было, что *такой* человѣкъ не можетъ тѣшиться игрою противорѣчій и исканіемъ возбуждающихъ впечатлѣній. Это не дилеттантъ, съ самодовольнымъ эпикурействомъ испытывающій разнообразныя умственныя наслажденія; это и не Рудинъ, хотя рѣчь его такъ же трогаетъ и увлекаетъ. У него есть глубоко продуманная и дорогая ему мысль. До ея осуществленія безмѣрно далеко; идеальный строй жизни, состоящій «изъ разнообразныхъ соединеній свободныхъ личностей, сливающихся въ гармоническомъ хорѣ», въ которомъ личное примиряется съ общимъ,—одна изъ грезъ, съ незапамятныхъ временъ манившихъ къ себѣ лучшихъ людей; они не уставали напоминать о ней; несмотря на рѣзкое противорѣчіе жизни съ мечтою, говорили о братствѣ въ вѣка хищничества и произвола. Вотъ одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ. Передъ его вѣрой въ идею смолкаетъ холодное слово сомнѣнія или житейской мудрости. Съ такими людьми не станешь спорить, а только порадуешься, что они еще есть между нами.

Но ему слишкомъ тѣсно между четырьмя стѣнами его гостиной или на дружескихъ сборищахъ у послѣднихъ могиканъ славянофильства; ему нужна широкая арена публициста, оратора на общественныхъ собраніяхъ. Навѣрно за нимъ пойдутъ сотни, тысячи...

Извощичьи санки уносили на разсвѣтѣ домой необыкновенно счастливаго молодого человѣка. Среди будничной прозы онъ неожиданно встрѣтилъ свѣтлую, убѣжденную личность,—а развѣ это не большое благо?

II.

Три года спустя. На дворѣ трескучій морозъ, но тепло и весело въ комнатѣ. Это та же зала, гдѣ когда-то Сѣровъ объяснялъ «Вражью силу», но фортепіано отодвинуто, и на очереди теперь уже не эстетика. Нѣтъ благоговѣйной тишины, съ которой всѣ тогда слушали одного. Теперь всѣ говорятъ заразъ, оживленно спорятъ, ходятъ по комнатѣ. То и дѣло раздается звонокъ, и вновь прибывшее лицо, встрѣчаемое шумными возгласами, попадаетъ въ водоворотъ мнѣній и вскорѣ кружится въ немъ вмѣстѣ съ остальными. Гулъ стоитъ въ разогрѣвшемся воздухѣ, насыщенномъ табачнымъ дымомъ, но, всмотрѣвшись въ лица, вслушавшись въ рѣчи, сейчасъ замѣтишь, что это—хорошее возбужденіе, что вызвано оно не разладомъ, а серьезнымъ интересомъ къ дѣлу, которое всѣ хотятъ возможно лучше организовать, только никакъ не могутъ сговориться, какимъ бы это путемъ сдѣлать.

Между группами похаживаетъ съ довольнымъ видомъ Юрьевъ; то вставитъ слово въ преніе, заронитъ мысль, другую въ нихъ, то присядетъ на диванъ и заведетъ тамъ, среди большого кружка, бесѣду о какомъ-нибудь новомъ и живомъ вопросѣ; какъ будто вспомнивъ о чемъ-то, подойдетъ къ одному изъ гостей, возьметъ его за руку, ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ; затѣмъ они удаляются по коридору въ кабинетъ и окончательно сговариваются тамъ. Наконецъ, оттуда слышны поцѣлуи, и оба возвращаются въ залу съ сіяющими лицами.

Есть чему радоваться: это—если не первый, то одинъ изъ первыхъ редакціонныхъ вечеровъ новаго журнала «Бесѣда». Наконецъ найдено настоящее, осязаемое дѣло! Періодъ сборовъ, набрасыванія программъ, горячихъ рѣчей и призывовъ миновалъ. Пришла пора дѣйствовать, высказываться во всеуслышаніе, вліять на жизнь.

И Юрьевъ весь отдался дѣлу. Тотъ, кого близкіе къ нему люди считали симпатичнѣйшимъ идеалистомъ, слишкомъ увлекающимся, безпечно разсѣяннымъ, мало знающимъ политическую жизнь и совсѣмъ непригоднымъ для многотрудныхъ редакторскихъ заботъ, обнаружилъ рѣдкія свойства публициста и организатора. Не даромъ на его вечерѣ большинство гостей—молодые люди, а въ штабѣ сотрудниковъ стоятъ рядомъ имена, бывало разносившіяся по спискамъ самыхъ разнородныхъ лагерей и литературныхъ приходовъ, славянофилы и западники, москвичи и петербуржцы. Онъ одинъ умѣлъ сплотить ихъ, намѣтить общія цѣли, раздать между ними работу. Мало того, къ изданію такого своднаго органа онъ склонилъ писателя съ рѣзко опредѣленнымъ положеніемъ въ литературѣ, А. И. Кошелева, покинувшаго подъ его вліяніемъ славянофиль-

скую программу «Русской Бесѣды», давно уснувшей сномъ праведныхъ, для попытки слiянiя мнѣнiй.

Но въ планы Юрьева не входило искусственное образованiе того чахлаго, всегда недолговѣчнаго компромисса, который въ мiрѣ политики носитъ названiе коалицiоннаго министерства, партiи примиренiя и т. д. Его ученiе пыталось объединить то, что есть вѣрнаго, обезпечивающаго просторъ человѣчеству, въ какихъ бы то ни было теорiяхъ, не допытываясь, кому принадлежали эти догадки. Старое разъединенiе, духъ партiйности были ему антипатичны; онъ шелъ своею дорогой и признавалъ только однихъ противниковъ,—защитниковъ застоя и тьмы.

Онъ видѣлъ, что на изученiе крестьянской жизни и ея нуждъ самоотверженно затрачивалось гораздо болѣе усилiй людьми изъ того лагеря, который попрежнему корили европеизмомъ, что современная жизнь западныхъ славянъ съ ея далеко ушедшей культурой и политическою борьбой остается невѣдомою его славянофильскимъ товарищамъ, склоннымъ вмѣшивать въ подобные вопросы соображенiя религiозныя. Самъ онъ искренно вѣрилъ, но мысль его съ любовью обращалась къ первымъ вѣкамъ христiанства, къ первымъ общинамъ вѣрующихъ, и это придавало братски-демократическое освѣщенiе его религiознымъ взглядамъ и симпатiямъ.

Съ другой стороны, онъ съ признательностью вспоминалъ завѣты первыхъ славянофиловъ, и особенно любимаго имъ Хомякова, доказывая, что всякое нацiональное самомнѣнiе и исключительность были имъ антипатичны, что гуманная терпимость была ихъ лозунгомъ, часто нарушаемымъ ихъ преемниками. Западный мiръ, которому Юрьевъ обязанъ былъ широкимъ эстетическимъ образованiемъ и научнымъ развитiемъ, не могъ представляться ему разлагающимся трупомъ. Напротивъ, гдѣ бы ни проявлялись серьезныя нацiональныя или общественныя движенiя, онъ сочувственно отзывался и слѣдилъ за ихъ успѣхами. Онъ твердо вѣрилъ въ возрожденiе Францiи послѣ 4 сентября 1870 г. и не взлюбилъ Тьера, въ которомъ видѣлъ мертвящую безличность и закоснѣлое непониманiе духа времени. Ему казалось, что отовсюду пододвигаются новыя общественныя силы; съ любознательностью ученаго, воспитавшагося на точномъ методѣ, онъ слѣдилъ за этимъ историческимъ процессомъ, а переходя къ сравненiямъ съ русскимъ мiромъ, доказывалъ, что чуть ли не всѣ тревожные для Европы вопросы могутъ быть рѣшены у насъ естественнымъ и мирнымъ, но самостоятельнымъ путемъ.

Къ такой программѣ призывалъ онъ примкнуть всѣхъ, въ комъ бы она ни возбудила сочувствiе.

Впечатлѣнiе, конечно, было сначала неясное, двойственное. Новый журналъ многiе сочли славянофильскимъ органомъ и ждали повто-

ренія давно извѣстныхъ мнѣній. Отзывы петербургской печати проникнуты были недовѣріемъ. Но въ правовѣрныхъ кругахъ славянофильства обидѣлись излишними уступками противникамъ, появленіемъ въ журналѣ на ряду съ Погодинымъ такихъ именъ, какъ Костомаровъ, Соловьевъ (онъ помѣстилъ изслѣдованіе объ эпохѣ *Петра Великаго*), сочувственными отзывами о Бѣлинскомъ и его ученикахъ, обширностью иностраннаго отдѣла, помѣщеніемъ статей Кастеляра объ успѣхахъ республиканской идеи или Фредерика Гаррисона о «Бисмаркизмѣ», сочетаніемъ религіозности съ свободомысліемъ. Но удивленіе росло по мѣрѣ того, какъ выяснялась физіономія журнала и расправлялись крылья у редактора-новичка.

Откуда взялось у него пониманіе практическихъ нуждъ русской жизни? Онъ подыскалъ многихъ, разсѣянныхъ по Россіи, сотрудниковъ, которымъ поручилъ слѣдить за малѣйшими движеніями и фактами въ экономической жизни народа, изучать этнографію, сектантство, юридическіе обычаи, открылъ въ журналѣ областной отдѣлъ, по обстоятельности схожій съ земскими статистическими работами нашего времени. Съ главнѣйшими дѣятелями славянства, Палацкимъ, Ригромъ, вступилъ онъ въ оживленную переписку и былъ посвященъ въ планъ борьбы за федеративное устройство австрійскихъ славянъ. Почуявъ расположеннаго къ нимъ человѣка, отозвались польскіе писатели, сторонники примиренія на славянской почвѣ, и по временамъ, прикрытыя русскимъ псевдонимомъ, присылались изъ Кракова статьи, принадлежавшія одному изъ ревностныхъ польскихъ патріотовъ. А рядомъ печатался, наприм., переводившійся съ рукописи романъ Андре Лео, тогда гонимой за участіе въ возстаніи парижской коммуны и скрывавшейся въ сѣверной Италіи; потомъ шли смѣлыя по тому времени статьи о недугахъ нашей педагогіи, о положеніи духовенства, изслѣдованіе о доходахъ нашихъ монастырей и т. д.

Роли должны были скоро перемѣниться. Безусловные порицатели переходили на сторону *Бесѣды*. Живо помню, съ какимъ удовольствіемъ Юрьевъ получалъ письма отъ петербургскихъ литераторовъ, оттѣнка коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», откровенно признававшихся, что онъ ихъ побѣдилъ и что теперь они сами предлагаютъ ему сотрудничество... А въ лагерѣ, къ которому, казалось, долженъ былъ принадлежать онъ, недоумѣніе переходило въ раздраженіе. На Юрьева иные смотрѣли почти какъ на отступника или какъ на ослѣпленнаго, блуждающаго во тьмѣ. Могъ ли человѣкъ, воспитанный въ здравыхъ понятіяхъ, искренно вѣрующій, народолюбецъ, итти по *такому* пути, дружить съ *такими* людьми! Возстановляли Кошелева, требовали помѣщенія пресердитыхъ возраженій, засыпали Юрьева укоризненными

письмами. Но, печатая опроверженія наиболѣе дорогихъ ему статей, онъ сопровождалъ ихъ объясненіями отъ редакціи, разбивавшими нападки по пунктамъ; не щадилъ онъ полемическихъ замѣтокъ самого Кошелева, и не далъ ему въ обиду Бѣлинскаго, на котораго тотъ было обрушился.

Невзгоды надвигались и съ другой стороны. Въ извѣтахъ реакціонной печати не было недостатка. Начались затрудненія цензурнаго свойства; книжки *Бесѣды* часто задерживались и уничтожались (ихъ обыкновенно сжигали въ Басманной части); приходилось вновь ихъ перепечатывать. Но чѣмъ труднѣе становилось дѣло, тѣмъ болѣе крѣпла въ Юрьевѣ стойкость. Все яснѣе становились ему цѣли и средства; онъ шелъ впередъ, не оглядываясь пугливо по сторонамъ. Ему казалось, что онъ только исполняетъ свой долгъ.

Нужно ли говорить, какъ дѣйствовалъ этотъ примѣръ на его сторонниковъ, особенно на молодыхъ членовъ редакціи! Съ такимъ человѣкомъ хорошо было работать; срочный трудъ не казался сухимъ и томительнымъ. Сотрудникъ былъ посвященъ въ намѣренія и взгляды своего принципала. Намѣтивъ про себя, кто всего лучше можетъ выполнить ту или другую задачу, Юрьевъ заведетъ съ нимъ долгую, искреннюю бесѣду наединѣ или на редакціонномъ вечерѣ увлечетъ его изъ залы въ кабинетъ, и когда они выйдутъ оттуда, молодому сотруднику кажется, что онъ самъ додумался до извѣстной мысли, и онъ рвется скорѣе повѣдать ее міру.

Вольно дышалось въ новомъ кружкѣ, и прежде всего потому, что здѣсь никто не насиловалъ убѣжденій, не примучивалъ къ обязательному *credo*. Если въ главныхъ чертахъ сотрудникъ былъ согласенъ съ направленіемъ и зналъ, что, идя разными путями, можно притти къ той же цѣли, самостоятельность его личнаго оттѣнка оставалась неприкосновенною. Его привлекала надежда, быть-можетъ, склонить редактора на ея сторону. Скажу больше: именно она могла сблизить его съ Юрьевымъ, потому что онъ не только отвлеченно ратовалъ за терпимость мнѣній, но и проводилъ ее въ жизнь.

Исторія моей долголѣтней дружбы съ нимъ—наглядный тому примѣръ. Въ дни *Бесѣды*, гдѣ я велъ политическое обозрѣніе и отдѣлъ иностранной литературы, я могъ свободно высказываться, и Юрьеву, иногда остававшемуся при своемъ мнѣніи, приходилось выносить за потворство западничеству постоянныя нападки отъ своихъ друзей. И впослѣдствіи, когда насъ уже не соединяла совмѣстная литературная работа, мы на извѣстные вопросы продолжали смотрѣть различно, но все тѣснѣе сближались.

При такихъ условіяхъ зародился въ 1871 году первый журналъ

С. А. Въ немъ могли быть ошибки; первые шаги были, конечно, неувѣренны, но и теперь отъ этихъ забытыхъ всѣми книжекъ вѣетъ бодрымъ, молодымъ духомъ, который согрѣвалъ своеобразное изданіе, который царилъ на шумныхъ редакціонныхъ собраніяхъ. Отдаленіе сливаетъ ихъ въ моей памяти въ одинъ коллективный вечеръ, въ одну задушевную бесѣду людей, готовыхъ честно послужить своему народу.

III.

Все пусто и мертво кругомъ. Нѣтъ больше ни журнала, ни оживленныхъ совѣщаній, ни общественной дѣятельности; опять вяло потянулась житейская проза съ едва замѣтными полосками умственнаго возбужденія. Сносить ее еще можно было прежде, среди неопредѣленныхъ сборовъ къ чему-то; но теперь, послѣ дѣла, снова быть отброшеннымъ въ ряды мечтателей и кружковыхъ ораторовъ, которые сегодня на одномъ, а завтра на другомъ концѣ Москвы судятъ и рядятъ среди десятка знакомыхъ о міровыхъ вопросахъ,—невыносимое мученіе...

«Тяжело ложится на душу недосказанное слово», такъ начиналось печальное обращеніе Юрьева къ читателямъ, отмѣнявшее уже объявленную подписку на третій годъ журнала (1873), извѣщая о его закрытіи. И, посмотрѣвъ тогда на Юрьева, измѣнившагося въ лицѣ, взволнованнаго, нервнаго, сразу замѣтно было, что это признаніе идетъ отъ сердца. Среди возраставшихъ успѣховъ быть принужденнымъ оборвать рѣчь—не значило ли это внезапно утратить почву, или послѣ смѣлаго плаванія по житейскимъ волнамъ быть выброшеннымъ на далекій пустынный берегъ! Что теперь дѣлать? Неужели начинать жизнь сызнова...

На лѣстницѣ послышались тяжелые шаги. Юрьевъ взбирается по ней въ нашу скромную квартирку около Польской церкви; захотѣлось ему отвести душу, погоревать и погнѣваться вмѣстѣ съ недавнимъ сотоварищемъ. Изъ передней уже слышны его возгласы; наконецъ, онъ размоталъ съ себя длинный шарфъ, скинулъ классическую енотовую шубу, съ вѣрной примѣтой, по которой разсѣянный хозяинъ могъ узнавать свою собственность, — незашитымъ отверстіемъ въ подкладкѣ; вотъ онъ усѣлся на диванѣ, и передъ нами развернулась обширная, въ лицахъ и мастерски схваченныхъ рѣчахъ, освѣщенная грустнымъ юморомъ, повѣсть его неудачъ.

Бѣдный старый другъ! Какъ мнѣ понятно, послѣ просмотра его переписки, сколько пришлось ему тогда испытать! Обо многомъ говорилъ онъ съ нами, на многое намекалъ, но совокупность невзгодъ както не представлялась въ такомъ безотрадномъ видѣ. Настала расплата

за слишкомъ независимую дѣятельность. Съ одной стороны, предвидѣлись дальнѣйшія карательныя мѣры, безъ того сильно подорвавшія экономическую сторону изданія; съ другой (и гораздо болѣе)—оказывала давленіе небольшая группа лицъ, которая сначала надѣялась сдѣлать журналъ своимъ органомъ, и теперь усиленно вліяла на издателя, ставя ему на видъ, что своими деньгами онъ поддерживаетъ постоянное глумленіе надъ дорогими ему именами и ученіями, что онъ измѣняетъ завѣтамъ великихъ наставниковъ и вызываетъ лишь насмѣшки надъ собой.

Впослѣдствіи онъ понялъ, до чего доходили тогда преувеличенія и инсинуаціи, и сознавался, что слишкомъ легко повѣрилъ наговорамъ; со временемъ онъ снова сблизился съ Юрьевымъ, но въ теченіи послѣдняго года изданія онъ въ письмахъ къ нему подвергалъ безпощадной критикѣ каждую, сколько-нибудь нарушавшую преданія, статью, возставалъ противъ обостряющагося противорѣчія съ ними, и предлагалъ на выборъ или преобразованіе журнала съ устройствомъ наблюдательнаго комитета, или прекращеніе изданія. Юрьевъ не уступилъ, и «недосказанное слово тяжело легло ему на душу».

Но онъ не хотѣлъ и не могъ войти въ ряды мирныхъ обывателей. Потребность дѣятельности направила силы въ другую область, къ которой его всегда влекло. Недавній публицистъ становится драматургомъ,—и не только оттого, что молодость его, какъ и всего его поколѣнія, прошла подъ сильнымъ обаяніемъ московскаго театра и близости къ Мочалову, но потому, что драма, какъ ее понималъ Юрьевъ, живетъ тѣмъ же, что хотѣлось ему вызвать и во всемъ нашемъ быту,—дѣйствіемъ, движеніемъ. «Am Anfang war die *That*», могъ бы онъ сказать вмѣстѣ съ Фаустомъ.

Первыми историческими лицами, которыя онъ попытался воплотить на сценѣ, были Жижка съ его таборитами, и прославленный сербскими пѣснями Марко Кралевичъ, защитникъ народной независимости. Наброски этихъ драмъ восходятъ почти ко времени *Бесѣды*,—и чего только не хотѣлъ онъ вывести въ нихъ, забывая цѣломудренность нашей сцены! Часто возвращался онъ къ переработкѣ индійской драмы Калидасы «Васантасена» [1]), и, конечно, потому, что въ ея основѣ лежала опять подъемъ живыхъ народныхъ силъ, высвобождающихся изъ-подъ кастоваго гнета.

Когда недовѣріе къ личному творчеству побудило его широко развить переводную дѣятельность, онъ изъ старыхъ испанскихъ драматурговъ увлекся Лопе-де-Вегой, замѣчательнымъ мастеромъ рисовать народъ, его массовыя движенія, нравственные и соціальные идеалы. Наконецъ,

---

1) Два акта уцѣлѣли въ рукописи.

восходя все выше къ совершеннымъ образцамъ драмы, онъ съ священнымъ трепетомъ подошелъ къ Шекспиру и до конца дней переводилъ одну за другою тѣ пьесы, гдѣ затронуты вѣковые, общечеловѣческіе вопросы и игра страстей освѣщена гуманною и грустною философіей.

Театръ—такая же арена общественной дѣятельности, сцена—та же каѳедра, и Юрьевъ нашелъ нѣкоторую замѣну утраченнаго живого дѣла. Когда на представленіи «Овечьяго источника» или «Севильской звѣзды» театръ бывалъ переполненъ зрителями, зала сотрясалась отъ взрывовъ рукоплесканій и каждая мѣтко выраженная мысль находила отзвукъ во множествѣ сердецъ, виновникъ здороваго умственнаго возбужденія былъ счастливъ; снова онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ массой и, казалось, обращалъ къ ней свою рѣчь.

Переходъ къ драмѣ повелъ за собой выработку выразительнаго поэтическаго слога, далеко оставившаго за собой прозу. На первыхъ работахъ Юрьева еще лежала печать философскаго жаргона сороковыхъ годовъ; чего бы ни касались онѣ, наприм., русской пѣсни (въ написанномъ имъ вступленіи къ первой лекціи Сѣрова, помѣщенной въ газетѣ И. Аксакова *Москва*), непремѣнно устанавливались сначала общія положенія, потомъ они раздроблялись, доказывались; философскіе термины русско-нѣмецкаго происхожденія разсыпаны были въ изобиліи. Эти тяжелыя привѣски притягивали мысль книзу, и несовершенство формы мучило автора. Въ то время, какъ устная рѣчь лилась свободнымъ и искрящимся потокомъ, написанное слово звучало тускло или напоминало ученый трактатъ. Но въ журнальной полемикѣ, постоянно вѣдаясь со злобой дня, сталъ вырабатываться у него ясный и убѣдительный прозаическій слогъ. Иногда сказывалась старая привычка, но нѣсколько періодовъ, изложенныхъ туманно, съ избыткомъ выкупались живыми страницами, захватывающими читателя. Служеніе драмѣ вызвало зато гибкость и образность рѣчи; развилось умѣнье владѣть бѣлымъ стихомъ; въ самые послѣдніе годы рабочую келью больного посѣтила нежданная гостья—риѳма.

Такъ силою вещей Юрьевъ изъ публициста превращенъ былъ въ дѣятеля «изящной словесности», подобно тому, какъ прежде покинулъ занятія высшей математикой и астрономіей для журнальной дѣятельности.

Но скоро сказывается только сказка. До той поры, когда въ сценическомъ мірѣ репутація С. А., какъ драматурга и цѣнителя драматическаго искусства, вполнѣ упрочились, прошло немало лѣтъ, полныхъ неудовлетворенности и исканія выхода. Силъ было еще много, но примѣнять ихъ было негдѣ. Когда невзначай открывался подходящій случай, нужно было видѣть, что дѣлалось съ Юрьевымъ; навѣрно то же

испытываетъ старый воинъ, заскучавшій отъ мира и бездѣйствія и вдругъ слышащій призывный кличъ.

Открытое засѣданіе Общества любителей словесности. Публика разсѣянно прослушала какое-то безцвѣтное стихотвореніе, потомъ отрывокъ изъ народнаго разсказа, но вотъ къ каѳедрѣ пробирается, почти ощупью и донельзя прищуривая глаза, маститая фигура Юрьева. Всѣ взоры устремляются въ эту сторону; искра пробѣжала по собранію; слышенъ шопотъ, въ которомъ сказались и любопытство, и увѣренное ожиданіе чего-то интереснаго. И дѣйствительно, едва съ каѳедры взглянуло на толпу умное лицо, живописно обрамленное серебристыми прядями волосъ и густою бородой, какъ уже послышалась свободная и горячая импровизація, какихъ мало даетъ намъ наша сѣренькая жизнь. Литературныя оцѣнки, историческія характеристики, нѣсколько чертъ изъ народнаго быта, защита общечеловѣческаго прогресса, — все сольется въ рѣчи, полной отзвуковъ современности, которой Юрьевъ касался съ большою смѣлостью. Помню, какое впечатлѣніе произвело то его слово, въ концѣ котораго онъ неожиданно сталъ доказывать, что имя нигилистовъ всего болѣе заслужили современные проповѣдники застоя.

Такія минуты выпадали рѣдко, и въ будничной обстановкѣ могло развиваться только краснорѣчіе рудинскаго типа, дѣйствуя въ скромныхъ размѣрахъ, по мелочамъ. Но какъ хорошо бывало смотрѣть на нашего милаго старца, когда на какомъ-нибудь «вечерѣ запросто» его со всѣхъ сторонъ окружала группа увлеченныхъ слушателей! За минуту передъ его появленіемъ нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ его не знали, но при первыхъ звукахъ его юношески-страстной рѣчи все молодое и чуткое невольно шло ему навстрѣчу, съ любопытствомъ прислушивалось, окружало его; черезъ нѣсколько времени его почти не видно было изъ-за кучки молодежи, которая сидѣла, стояла, лѣпилась по-двое, по-трое на одномъ стулѣ, тянулась черезъ чужія головы, стараясь не проронить ни одного слова.

Тотъ, кто узналъ Юрьева лишь въ послѣдніе, болѣзненные его годы, врядъ ли можетъ представить себѣ, какимъ талантомъ обладалъ онъ какъ ораторъ и какъ собесѣдникъ въ тѣсномъ кружкѣ. Время наложило на него руку, старческая рѣчь являлась слабымъ отблескомъ прежней силы. Искусство бесѣдовать мало цѣнится у насъ, да и встрѣчается все рѣже, а между тѣмъ оно—великій даръ, и Юрьевъ владѣлъ имъ.

На парижскихъ бульварахъ выросъ легкій и доступный feuilleton parlé, излагаемый толпѣ вслухъ. Не фельетоны, а цѣлыя статьи разнообразнаго содержанія, которымъ суждено было никогда не быть напи-

санными, проходили передъ слушателями Юрьева. Онъ разбрасывалъ по воздуху свои сокровища. Не будь этого, его *bagage littéraire* былъ бы несравненно внушительнѣе и положеніе въ литературѣ еще опредѣленнѣе. Друзья всего лучше понимали это. Когда (очень давно) его захотѣли выбрать въ члены Общества любителей словесности и, по обычаю, наводили справки о томъ, что онъ напечаталъ, крѣпко любившій его Писемскій воскликнулъ съ комическимъ негодованіемъ: «Что вы мнѣ говорите, напечаталъ! Да онъ *наговорилъ* о литературѣ больше всѣхъ насъ!..».

И всегда наиболѣе увлеченныхъ слушателей выставляла молодежь. Она отогрѣвалась душой около него, понимала его на полусловѣ, легко разгадывая нѣсколько чуждую ей, чуть-чуть старомодную терминологію. И въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, если то, что она назвала бы альтруизмомъ, являлось здѣсь подъ именемъ «вѣчнаго начала добра и правды?» Вѣдь въ сущности обѣ стороны вѣрили въ одно и то же.

Отношенія Юрьева къ молодежи были необыкновенно просты. Ему противна была мысль выступать передъ нею съ внушительною осанкой мудреца, преисполненнаго знаній, проникшаго во всѣ тайны, или хитроумнаго политика съ гримасой многозначительности и требованіемъ поклоненія. Это былъ не кружковой божокъ, а старый другъ, которому можно все сказать, и который готовъ подѣлиться всѣмъ, о чемъ думалъ и что испыталъ.

И за случайною встрѣчей гдѣ-нибудь на вечерѣ слѣдовало сближеніе. Студентъ, слушательница курсовъ, начинающій писатель, актеръ-новичокъ шли къ Юрьеву на домъ, повѣряли ему свое горе и нужды, мучили его чтеніемъ необъятныхъ своихъ твореній, проходили съ нимъ роли, ждали отъ него разнообразной помощи, начиная отъ опредѣленія цѣли жизни и кончая пріисканіемъ мѣста и работы. И, добродушно улыбаясь, онъ все выслушивалъ, критиковалъ, объяснялъ; онъ хлопоталъ, выручалъ изъ бѣды, находилъ мѣста, устраивалъ благотворительные вечера и читалъ на нихъ, успокоивалъ гамлетовскую скорбь, поддерживалъ тружениковъ и только въ кругу близкихъ позволялъ себѣ презабавно поворчать на то, что ему совсѣмъ не оставляютъ свободнаго времени.

Гдѣ теперь тѣ люди, которымъ когда-то пришелъ на помощь Юрьевъ? Помнятъ ли они о томъ, чѣмъ онъ явился для нихъ, когда они стояли на распутьи? Если кто-нибудь изъ нихъ еще помнитъ это, онъ долженъ вѣрить, что не въ пословицѣ только и не въ прописяхъ, а на дѣлѣ свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

IV.

Есть натуры, которыя обнаруживаютъ всю свою духовную силу лишь въ тотъ возрастъ, когда большинство людей утомленною походкой плетется подъ гору. Въ ихъ жизни самою свѣтлою порой является не весна съ ея цвѣтами и любовью, а согрѣтая прощальнымъ солнцемъ осень.

Юрьевъ былъ изъ числа такихъ людей. Когда, выдвинувшись изъ общественныхъ рядовъ, онъ сталъ замѣтною величиной, пятый десятокъ былъ уже у него на исходѣ. Если бы нить не была внезапно оборвана, дѣятельность его развивалась бы все шире и стройнѣе. Но восемь лѣтъ прошло снова въ замкнутой работѣ или скромномъ оживленіи кружковыхъ сборищъ; рѣдкими просвѣтами приходилось считать первое представленіе его пьесы или публичную лекцію. Восемь лѣтъ— большой промежутокъ для людей его возраста. Но прежнія поколѣнія были гораздо крѣпче насъ, и Юрьевъ дождался лучшихъ дней, не измѣнившись ни въ чемъ, продолжая вѣрить и надѣяться, искренно увлекаясь и отъ всей души негодуя.

Къ концу этого періода у него были снова молодые друзья,—кружокъ, органомъ котораго одно время было *Критическое Обозрѣніе*,— новыя профессорскія силы, выдвинувшіяся тогда въ московскомъ университетѣ, и примкнувшіе къ нимъ члены бывшей редакціи *Бесѣды*. На вечерахъ у Максима Ковалевскаго сходились представители разнообразныхъ знаній, мѣстные и пріѣзжіе литераторы и ученые. Юрьевъ съ самаго начала (1876—77) сталъ привычнымъ и любимымъ посѣтителемъ этихъ сборищъ. Какъ всегда, онъ и тутъ стоялъ выше разногласія въ мнѣніяхъ. Въ философіи онъ боролся съ позитивизмомъ, а большинство его новыхъ друзей состояло изъ позитивистовъ. Преданія, унаслѣдованныя отъ старыхъ наставниковъ и окутанныя мистической дымкой, разбивались сравнительнымъ методомъ, соціологическими наблюденіями, изслѣдованіями въ области народнаго хозяйства, государственнаго права, изученіемъ исторіи учрежденій. Но прежняго ученаго привлекала научная трезвость пріемовъ, и, предоставляя себѣ при случаѣ поспорить, онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за результатами работъ. Появленіе его было всегда желаннымъ; онъ казался патріархомъ среди окружавшей его молодой братіи, живымъ звеномъ между нею и старшимъ поколѣніемъ.

Уже недолго было ему ждать двухъ важныхъ событій его жизни, которыя, казалось, должны были положить конецъ затишью—пушкинскихъ празднествъ 1880 года и основанія второго его журнала, «Русской Мысли», или, какъ предполагалось его сначала назвать, «Русской Думы».

Тамъ, гдѣ можно было разсчитывать на заурядный церемоніалъ снятія завѣсы съ памятника и на безобидное напряженіе казеннаго краснорѣчія, импровизованы были съ сказочной быстротой блестящее литературное торжество, всероссійскій съѣздъ писателей, рядъ многолюдныхъ собраній. Юрьевъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого превращенія. Онъ снова очутился въ своей стихіи. Полномочія его, какъ предсѣдателя общества, завѣдывавшаго празднествами, открыли передъ нимъ много простору. Въ его изобрѣтательномъ умѣ возникали новые замыслы. Смѣлость его пріемовъ навлекала на него рѣзкое порицаніе со стороны такихъ людей, какъ И. Аксаковъ. Сблизившись съ вождями литературы, Юрьевъ мечталъ о возможно большемъ объединеніи ея усилій, выдвигалъ всенародное значеніе пушкинскихъ дней, неутомимо хлопоталъ, писалъ, убѣждалъ, говорилъ рѣчи.

Но въ ту мимолетную хорошую пору, одну изъ тѣхъ, что остаются навсегда свѣтлыми точками въ полумракѣ, оазисами среди песчанаго моря, меня не было въ Россіи. Письма и разсказы Юрьева и другихъ очевидцевъ передали мнѣ потомъ обо многомъ; но въ галереѣ разновременныхъ снимковъ съ натуры, къ которымъ сводятся мои воспоминанія о С. А., недостаетъ, къ великому моему сожалѣнію, одного, на которомъ виднѣлся бы онъ гдѣ-нибудь на эстрадѣ дворянскаго собранія или на каѳедрѣ актовой залы съ восторженнымъ выраженіемъ лица, въ ту минуту, когда его рѣчь громовыми раскатами носится надъ толпой.

Это былъ послѣдній тріумфъ Юрьевскаго краснорѣчія. Жизнь не баловала его больше.

Основаніе «Русской Мысли» обѣщало загладить напраслину, продержавшую такъ долго въ бездѣйствіи его публицистическія способности. Съ какимъ чувствомъ удовлетворенія возвращался онъ къ любимой дѣятельности, легко себѣ представить. Онъ хотѣлъ пойти по слѣдамъ *Бесѣды*, но еще шире развить то, что въ ней было намѣчено, воспользоваться указаніями опыта, снова соединить подходящія силы, оставляя въ сторонѣ ихъ дробленіе на партіи. Кружокъ его новыхъ друзей являлся, конечно, готовымъ кадромъ для будущей редакціи.

На дѣлѣ вышло иначе. Когда вспоминаешь о тѣхъ временахъ, на память прежде всего приходитъ недоразумѣніе, единственное во всѣ двадцать лѣтъ нашей дружбы. Что нашлись люди, постаравшіеся возбудить разладъ между нимъ и «западниками» и поставить ему на видъ, что онъ слишкомъ отдается въ ихъ власть, понять легко. Гораздо труднѣе опредѣлить, почему онъ хоть на время могъ послушаться наговоровъ, зная за собой способность примирять крайности и объединять людей. Правда, предостереженія шли изъ круговъ, тоже ему дружественныхъ.

Какъ бы то ни было, непринужденная сообщительность замѣнялась въ сношеніяхъ съ нами какою-то сдержанностью. Только-что зарождавшаяся организація журнала стала заволакиваться таинственнымъ сумракомъ, и предъявленная намъ программа изданія (въ печати она появилась въ сокращенномъ видѣ), установлявшая руководящіе принципы, была для будущихъ сотрудниковъ такою же новостью, какъ и для публики. Нѣкоторые изъ насъ помнили, какъ въ свое время на нѣсколькихъ собраніяхъ обсуждалась программа *Бесѣды*, какія пренія вызывала она, путемъ какихъ взаимныхъ уступокъ выработанъ былъ окончательный текстъ. Могло ли быть иначе въ журналѣ, гдѣ должны были на нейтральной почвѣ сойтись различные оттѣнки мнѣній? На насъ болѣзненно подѣйствовала октроированная программа, въ которой какъ будто замѣтенъ былъ перевѣсъ славянофильскихъ заявленій. Итти вмѣстѣ можно было лишь подъ условіемъ прежней солидарности. Мы опредѣленно заявили это. Сначала казалось, что все сладится. Юрьевъ уже соглашался на совѣщаніе для пересмотра программы. Но, подъ чужимъ вліяніемъ, въ послѣднюю минуту возвратъ къ прошлому смѣнился категорическимъ «non possumus». Мы отвѣтили тѣмъ же.

Журналъ пошелъ сначала по неровной почвѣ, но колебанія и недомолвки длились не долго, и онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ должно было быть изданіе, вдохновляемое Юрьевымъ. Пресловутая программа никогда выполнена не была, опасенія оказались излишними; но и теперь сдается, что въ ту пору иначе поступить было нельзя.

Размолвка съ Юрьевымъ была для насъ немыслима. Мы покипятились, поспорили и на словахъ, и на письмѣ—и снова сошлись, да еще тѣснѣе прежняго; его золотое сердце и идеализмъ неотразимо влекли къ нему.

Въ заботахъ о журналѣ прошло еще нѣсколько лѣтъ жизни С. А. То было послѣднее напряженіе его даровитой натуры. Въ трудную для каждаго журнала пору, когда ему нужно завоевать прочное положеніе въ литературѣ, Юрьевъ своимъ популярнымъ и уважаемымъ именемъ привлекалъ лучшія силы; то и дѣло придумывалъ онъ различныя усовершенствованія. Салтыковъ ради него, любимаго школьнаго товарища (по Дворянскому институту) [1]), содѣйствовалъ передачѣ его журналу большинства подписчиковъ закрытыхъ «Отечественныхъ Записокъ», и это сразу подняло экономическую сторону изданія.

Современную исторію никто не пишетъ вслѣдъ за совершившимися фактами—и въ мои намѣренія не входитъ подробное повѣствованіе о

[1]) Нѣсколько воспоминаній, переданныхъ мнѣ М. Е. Салтыковымъ о Юрьевѣ и рядъ писемъ сатирика къ нему напечатаны въ сборникѣ „Въ память Юрьева“ („Отрывки изъ старой переписки“).

второмъ редакторствѣ Юрьева. Къ тому же въ обращеніи къ читателямъ, въ которомъ онъ прощался съ ними, онъ покрылъ забвеніемъ только что пережитое. Но въ моихъ воспоминаніяхъ всегда останутся рядомъ два, едва схожіе между собой, образа: на одномъ лежитъ печать энергіи и жизнерадостнаго возбужденія, на другомъ—роковые слѣды разочарованій и болѣзненнаго потрясенія, предвѣщающаго смерть. Первый—это Юрьевъ послѣ пушкинскихъ празднествъ, въ медовый мѣсяцъ журнала, второй—онъ же послѣ выхода изъ «Русской Мысли».

V.

Въ крошечной конурѣ, залитой блескомъ газа, свѣтло какъ днемъ и жарко, какъ въ аравійской пустынѣ. Вокругъ царитъ романтическій безпорядокъ. На потертомъ диванчикѣ раскинута царская мантія; на стѣнѣ, рядомъ съ мужскимъ пальто, виситъ мечъ и блестящій щитъ; на столѣ, среди банокъ съ кольдъ-кремомъ и разноцвѣтныхъ карандашей, высится корона. Этотъ странный уголокъ затерянъ въ тайникахъ большого дома; лабиринтъ лѣстницъ и переходовъ отдѣляетъ его отъ людского движенія. Никогда еще солнечный лучъ не проникалъ въ него, да и путь ему сюда заказанъ. Вѣдь это не жилье мирныхъ, трезвыхъ умомъ обывателей. Здѣсь властвуютъ фантазія, условность, поэтическій миражъ, и отсюда они разносятся по міру. Пробейся сквозь эти стѣны хоть одна полоска дневного свѣта,—все разлетится, очарованіе будетъ нарушено и таинственная лабораторія сцены покажется унылою камерой одиночнаго заключенія...

Въ большомъ зеркалѣ отражается величественная фигура сѣдовласаго старца, сидящаго передъ нимъ. На немъ царскія одежды, но онѣ поблекли и лежатъ безпорядочными складками; длинныя пряди волосъ и библейской бороды окружили серебристымъ сіяніемъ задумчивое лицо; горе избороздило его глубокими чертами, и густыя сѣдыя брови насупились надъ усталыми глазами.

Сомнѣнія нѣтъ, это—король Лиръ, не въ тѣ минуты, когда власть туманила ему голову, но подъ ударами судьбы, когда вокругъ его чела засіялъ ореолъ мученичества. Но, странное дѣло, едва приходя въ себя послѣ страшныхъ сценъ съ дочерьми, онъ теперь не отрываетъ глазъ отъ оригинальнаго собесѣдника. Передъ нимъ другой Лиръ; въ такомъ же серебристомъ окладѣ его лицо, такая же печать страданія на немъ, такъ же нависли брови. Но на этомъ двойникѣ прозаическая «черная пара», и въ эту минуту онъ необыкновенно тонко объясняетъ, почему, на его взглядъ, Herr Barnay ближе всѣхъ подошелъ къ пониманію шекспировской мысли въ послѣдней сценѣ второго акта.

Живою симпатіей загорѣлся взглядъ Барная. Онъ все всматривался въ милаго стараго энтузіаста, и захотѣлось ему откровенно разсказать этому недавнему знакомцу о своихъ художественныхъ догадкахъ, недоумѣніяхъ и замыслахъ. Одна за другою освѣщались въ оживленной бесѣдѣ главныя черты трагедіи; дѣйствительность была забыта, но о ней напомнили звонокъ режиссера и просунувшееся въ дверную щель озабоченное и дѣловитое лицо директора театра. Пришлось прервать эстетическій разборъ. Снова на сценѣ показался несчастный больной Лиръ, безъ призора блуждающій по степи въ непогоду, и въ его безумныхъ рѣчахъ свѣтилась глубокая скорбь о людской судьбѣ. Но прерваннаго разговора нельзя было оставить недоконченнымъ, и послѣ спектакля, безчеловѣчно затянутаго оваціями, онъ возобновился въ гостиницѣ, среди небольшого кружка, за рейнвейномъ.

Сходство между новыми друзьями было нарушено. Въ статномъ, еще молодомъ человѣкѣ съ классически правильными чертами лица, нервной пылкостью рѣчи и взгляда, трудно было узнать Лира. Зато духовное сродство выступало все опредѣленнѣе.

Чего только ни касался Юрьевъ въ тотъ вечеръ! Навѣрно, ему давно не приходилось *такъ* говорить, отъ всей души. Самъ—переводчикъ *Лира*, знавшій каждое словечко въ немъ, онъ искусно анализировалъ психологію произведенія. Не привыкнувъ къ разговорной нѣмецкой рѣчи, онъ, ничего не замѣчая, творилъ новыя выраженія, придѣлывалъ нѣмецкіе кончики къ словамъ французскимъ, даже латинскимъ. Импровизація становилась отъ этого еще лучше.

Барнай, любовно смотря ему въ глаза и ласково трепля его по плечу, съ большимъ интересомъ слѣдилъ за его рѣчью. Какъ молодежь въ искреннихъ бесѣдахъ со старикомъ, годившимся ей въ дѣды, на лету разгадывала его мысль, чужеземецъ-художникъ понималъ эту мысль по полуслову, по намеку, по дрожанію голоса или блеску глазъ [1]).

Такъ короталъ Юрьевъ послѣдніе, пасмурные годы. Художественныя наслажденія только и скрашивали ихъ. Драма и сцена снова смѣнили собою борьбу со злобой дня. Бываютъ времена, когда не только отдѣльныя лица, но и все общество окружаетъ особою любовью театръ. Чѣмъ меньше удовлетворяетъ дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе развивается потребность жить въ другомъ мірѣ, гдѣ еще есть цѣльные ха-

---

[1]) Неизгладимо сохранилось въ памяти Барная воспоминаніе о встрѣчѣ съ Юрьевымъ, и въ богатыхъ матеріалами для пониманія эпохи и людей запискахъ своихъ (Ludwig Barnay, Erinnerungen, Berlin, 1903) онъ набросалъ необыкновенно симпатичный портретъ своего русскаго друга, называя „привязанность, которую сохранилъ къ нему до самой смерти этотъ чудный, горячо увлекавшійся, высокоразвитой человѣкъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ воспоминаній“ (II, 138).

рактеры, настоящія страсти, увлеченіе идеей, или гдѣ пестрые узоры фантазіи даютъ хоть ненадолго забыться въ чародѣйскихъ вымыслахъ.

Тѣ годы были, къ счастью, богаты пріѣздами въ Москву сценическихъ знаменитостей. То явится мейнингенская труппа и, поднявъ знамя коллективизма въ искусствѣ, удивитъ умѣньемъ воплощать народныя движенія и массовыя сцены,—и Юрьевъ охваченъ изумленіемъ и радостью, видя, какъ осуществляется то, что онъ всегда проповѣдывалъ. То одинъ за другимъ появятся представители личныхъ дарованій и своей игрой освѣтятъ новыя стороны въ созданіяхъ великихъ драматурговъ,—снова бездна поводовъ для изученія и размышленія. Юрьевъ сближался съ заинтересовавшими его артистами, объяснялъ ихъ игру и печатно, и вслухъ въ фойэ театра, гдѣ вокругъ него собиралась толпа слушателей, наконецъ въ пространныхъ письмахъ, которыя на другое же утро послѣ представленія неслись къ сочувствующимъ друзьямъ.

Къ тому же времени относятся его заботы о научной подготовкѣ сценическихъ дѣятелей на Руси и большое сочиненіе о театральномъ искусствѣ, напечатанное (въ сохранившихся отрывкахъ) въ «Русской Мысли», наконецъ нѣсколько переводовъ изъ Шекспира.

Но жизнь догорала. Иногда казалось, что конецъ близко,—и каждый разъ, когда изъ борьбы съ надвигавшеюся смертью онъ выходилъ побѣдителемъ, первыя движенія выздоравливающаго были устремлены навстрѣчу его утѣшительницѣ—драмѣ. Ранней весной 1888 года, встревоженный слухами о его внезапной болѣзни, я поспѣшилъ къ нему и засталъ его еще крайне слабымъ, но уже правившимъ дрожащею рукой корректуру иллюстрированнаго изданія своего перевода «Сна въ лѣтнюю ночь» и искусно находившимъ выразительные обороты для передачи шекспировской рѣчи.

Первый приступъ недуга, унесшаго его въ могилу, постигъ его на пути въ нѣмецкій театръ, гдѣ обѣщана была *Медея* съ г-жей Гирсъ. Когда больной пришелъ въ себя, и его возница, едва приведшій его въ чувство, спросилъ, куда теперь его везти,—«въ театръ», отвѣчалъ онъ. Два-три акта прослушалъ онъ, побылъ въ послѣдній разъ подъ сѣнью того искусства, которое всегда его возрождало,—это подняло немного силы больного и дало ему возможность спокойно вернуться къ себѣ.

Печальныя и милыя иллюзіи... Благо тому, кого онѣ утѣшаютъ и на краю гроба!

VI.

За стѣною злится вьюга, стонетъ и рвется въ окна, совсѣмъ занесенныя снѣгомъ. Холодомъ повѣяло въ низенькомъ кабинетѣ, гдѣ въ

глубокомъ креслѣ у стола, заваленнаго бумагами и книгами, сидитъ, кутаясь въ халатъ и поспѣшно что-то набрасывая на бумагу своимъ готическимъ почеркомъ, безнадежно больной старикъ. Поработаетъ, остановится, закуритъ трубку и задумается.

Ужъ очень сиротливо становится ему жить. О комъ ни вспомнитъ онъ изъ своихъ сверстниковъ, никого почти нѣтъ въ живыхъ. Вскинетъ глазами туда, гдѣ по стѣнѣ длинной полосой идутъ портреты близкихъ ему лицъ изъ поколѣнія сороковыхъ годовъ, — всѣ они умерли. Вспомнитъ рядъ недавнихъ утратъ, и ему кажется, что онъ блуждаетъ по кладбищу.

Умеръ жившій съ Юрьевымъ душа въ душу В. А. Елагинъ, такой же чуткій и гуманный, какъ онъ, симпатичнѣйшій изъ всѣхъ славянофиловъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. Смерть скосила и могучую, исполинскую фигуру проф. С. А. Усова, неистощимаго въ ласковыхъ шуткахъ надъ Юрьевымъ, какъ только они встрѣчались, и горячо его любившаго. Умеръ Кошелевъ, тѣсно связанный со многими важными минутами въ его жизни; нѣтъ И. Аксакова, съ которымъ онъ бывало спорилъ до слезъ, по временамъ готовъ былъ разойтись, возмущаясь его нетерпимостью, но примирялся въ исключительныя минуты, когда проявлялось его мужество и сила убѣжденій. Салтыковъ, который гораздо ближе Юрьеву по душѣ, котораго онъ помнитъ съ дѣтскихъ лѣтъ, осужденъ на мучительное ожиданіе смерти.

И старикъ безконечно радъ, если кто-нибудь проникнетъ въ его тихую келью и разсѣетъ печальныя мысли. Тогда оживляется его взоръ; работа въ сторону, — и пойдутъ безконечные рѣчи и толки, точно въ прежніе годы. Ожиданіе порчи земской и судебной реформъ, вопросъ о гимназіяхъ, новости иностранной политики, явленія въ литературѣ, — все будетъ затронуто. Современность волнуетъ, печалитъ и лишь изрѣдка порадуетъ одинокаго наблюдателя. Поневолѣ сидитъ между четырьмя стѣнами онъ, вѣчно подвижный и куда-нибудь собирающійся, но въ этомъ крохотномъ пространствѣ теперь отражается для него весь міръ съ его треволненіями; мысль свободно облетаетъ необъятные края и стремится проникнуть въ будущее родины.

Порою ему казалось, что его начали забывать. Что жъ, думалось ему, это и не удивительно! Передъ толпой нужно оставаться на виду, нужно напоминать ей о себѣ, а онъ держится въ сторонѣ и втихомолку воздѣлываетъ уголокъ прежней нивы, который оставила ему судьба... Правда, ему вспоминается необыкновенно удавшійся юбилейный обѣдъ, на которомъ лились рѣкой привѣтствія. Торжество такъ наэлектризовало его, что онъ совсѣмъ разошелся и такую смѣлую рѣчь сказалъ, какой не говорилъ и смолоду... Да, это все такъ и было. Потомъ онъ глазъ

не могъ сомкнуть всю ночь, и доктора потребовали абсолютнаго спокойствія...

Но если кто-нибудь и забылъ о немъ, *онъ* никого не забылъ, и симпатіи его все тѣ же, что и прежде, только немногіе видятъ, какъ онѣ теперь проявляются. Когда, въ послѣдній годъ его жизни, въ университетѣ было очень неспокойно, ему такъ стало жаль молодежи, въ рядахъ которой у него уже не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, что онъ вдругъ поднялся и побывалъ у вліятельныхъ лицъ, прося о смягченіи кары. Беречься, холить себя онъ не умѣлъ. Едва станетъ ему лучше и онъ встрепенется, какъ уже спѣшитъ куда-нибудь, гдѣ нужно дѣлать дѣло; день ото дня слабѣя, онъ готовъ былъ будить другихъ и вызывать къ дѣятельности.

Поразительны бывали эти превращенія: вчера человѣкъ едва дышалъ, сегодня онъ уже исчезъ изъ дому. И такъ было до той поры, когда болѣзнь ухудшилась, и врачи рѣшительно возстали противъ этихъ выѣздовъ. Но онъ надѣялся наверстать потерянное время и все обдумывалъ, что онъ скажетъ на своей лекціи на «драматическихъ курсахъ».

Открытіе курсовъ при Театральной школѣ было послѣднею радостью Юрьева. Онъ все-таки дожилъ до этого результата своей долгой пропаганды и съ любовью отнесся къ предмету, изложеніе котораго выпало ему на долю,—къ теоріи драмы; сталъ усиленно изучать источники, набрасывалъ программу курса, участвовалъ въ организаціонныхъ работахъ.

Насталъ день открытія. Зрительная зала въ школѣ наполнилась молодежью. Спереди стояли дѣти,—ученики и ученицы прежней школы; позади молодыя дѣвушки и молодые люди,—первый персоналъ курсовъ. Все это зрѣлище было необычайно въ театральномъ мірѣ. Но совершилось нѣчто еще болѣе удивительное. Изъ перваго ряда направилась къ небольшой школьной сценѣ согбенная старческая фигура и черезъ мгновеніе, ласково улыбаясь, появилась передъ зрителями. Конечно, это былъ Юрьевъ. Всѣ сочлены нашли, что именно ему должна быть предоставлена честь открыть курсы рѣчью. Онъ заговорилъ. Въ голосѣ уже не было прежней силы, по содержанію рѣчь осталась позади импровизацій былыхъ дней, но никто не замѣтилъ этого. Образъ стараго идеалиста, съ блаженной вѣрой указывавшаго слушателямъ на великую задачу искусства, вдохновляя ихъ мужествомъ въ виду тернистаго пути, на который они вступаютъ, съ благоговѣніемъ вспоминавшаго великія имена писателей общечеловѣческихъ и вѣрныхъ истолкователей ихъ — геніальныхъ актеровъ,—этотъ образъ неизъяснимо дѣйствовалъ на всѣхъ и каждаго, и на опытныхъ людей, искушенныхъ сильными впечатлѣ-

ніями, и еще болѣе на молодые умы. Все притаило дыханіе и не отрывало глазъ отъ непривычнаго явленія. Было что-то трогательно-торжественное и въ глубокомъ вниманіи молодежи, и въ свѣтлой личности проповѣдника, въ эту минуту царившей надъ нею.

То была его лебединая пѣснь. Короткій просвѣтъ смѣнился упадкомъ силъ, возвратъ къ общественной дѣятельности—затворничествомъ. Тяжело было оставаться взаперти. Разъ, въ холодную ночь, захотѣлось ослушаться и еще разъ побывать среди людей, на привычномъ сборищѣ въ домѣ Кошелевыхъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, будутъ свѣжія вѣсти о волновавшихъ его вопросахъ внутренней политики. Эта неосторожность повела къ осложненію болѣзни. Въ прежнее время онъ перенесъ бы острое воспаленіе легкихъ. Болѣзненный процесъ развивался правильно и уже заканчивался, но у истомленнаго организма не было болѣе силъ вынести напряженіе. Страданія, ни на минуту не дававшія мѣста найти и глазъ сомкнуть, стали утихать; больной былъ въ полусознательномъ забытьѣ. Запрещено было разговаривать съ нимъ, но изъ его комнаты слышались безконечные его монологи, лихорадочно-быстрые и тревожные. То не былъ безсвязный бредъ. До слуха домашнихъ доносились обрывки мыслей о современныхъ нуждахъ русскихъ, укоры врагамъ общественнаго развитія, предчувствія бѣдъ. Все, что наполняло его духовную жизнь, волновало его и въ эти минуты разставанія съ нею.

Наконецъ и рѣчи, и стоны смолкли. Нѣсколько послѣднихъ словъ къ семьѣ дышали кротостью и религіозно-поэтической вѣрой въ лучшій міръ, той вѣрой, которая своеобразно освѣщала мысль Юрьева даже въ годы борьбы, недовольства и сомнѣній... А затѣмъ—the rest *was* silence.

Непритворное горе, проявившееся повсюду, необыкновенно многолюдныя похороны со множествомъ вѣнковъ и депутацій, печальныя, иногда заплаканныя молодыя лица, составлявшія большинство въ толпѣ, желаніе студентовъ донести гробъ на своихъ плечахъ до кладбища,— все это показало, что популярность Юрьева не ослабѣла, несмотря на его удаленіе отъ свѣта. Первое впечатлѣніе утраты всегда такъ сильно!.. Надолго ли сохранится оно? Кто рѣшится опредѣлить степень напряженности людского горя и общественной памяти?

Для нашего времени настанетъ судъ исторіи, тотъ судъ, къ которому такъ часто взывалъ Салтыковъ. Если историкъ общества сумѣетъ отрѣшиться отъ рутинной оцѣнки однихъ показныхъ явленій и станетъ изучать въ глубинѣ жизни развитіе мысли и исканіе правды, онъ отведетъ въ лѣтописи 70—80 годовъ не послѣднее мѣсто нашему другу.

Для человѣка мыслящаго немалое удовлетвореніе, если онъ сознаетъ, что оставилъ слѣдъ послѣ себя и не даромъ жилъ. Не ду-

маю, чтобы борозда, проведенная Юрьевымъ, была ужъ совсѣмъ незамѣтна...

Тѣ, кто зналъ и любилъ его, кто такъ много потерялъ съ его смертью,—небольшой отрядъ, въ ряды котораго внезапно ворвалось непріятельское ядро и положило на мѣстѣ одного изъ сражавшихся. Послышались грустныя восклицанія, кое-гдѣ сверкнула слезинка,—но дѣло не ждетъ, ряды смыкаются, и борьба начинается снова. Пусть же всякій изъ насъ дастъ себѣ слово ратовать, пока живъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, за тѣ идеалы, за которые положилъ свою душу покинувшій насъ товарищъ.

ОЧЕРКИ и НАБРОСКИ

ИЗЪ СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Старорусскій книжникъ, составляя или переводя сборникъ разнохарактерныхъ статей для общеполезнаго чтенія, любилъ сравнивать свой трудъ—по примѣру византійскихъ собратій—съ работой пчелы, собирающей съ медоносныхъ цвѣтовъ, капля по каплѣ, сладостный сокъ, или съ усердіемъ золотыхъ дѣлъ мастера, изготовляющаго, звено за звеномъ, дорогую цѣпь. Позднѣйшій вкусъ привелъ къ замѣнѣ метафоры «Пчелъ» и «Златыхъ цѣпей» душистымъ «Вертоградомъ», среди котораго блаженно могъ блуждать читатель, и другими сравненіями въ томъ же родѣ. Трезвой порѣ нашей современности подъ стать другіе образы. Максъ Мюллеръ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности па родинѣ нашедшій въ Англіи второе отечество, придалъ сборнику своихъ мелкихъ работъ незатѣйливое заглавіе: «Chips from a german workshop» (London, 1868—75), «Осколки изъ мастерской нѣмецкаго рабочаго». Онъ хотѣлъ этимъ напомнить, что если у мастерового послѣ производства остаются на верстакѣ дробныя частицы матеріала, не пошедшія на большое издѣліе, но все же несовсѣмъ безцѣнныя, то и у научнаго рабочаго съ годами накопляется запасъ наблюденій, замѣтокъ, набросковъ, не развившихся въ большую работу, но, быть можетъ, не безполезныхъ.

Къ фрагментамъ и наброскамъ изъ области старой и новой литературы, сгруппированнымъ—на первый разъ—въ настоящей статьѣ, подошло бы заглавіе, напоминающее титулъ англійской книги. Они складывались попутно, разновременно, независимо одинъ отъ другого; такъ же свободно, zwanglos, станутъ они теперь въ рядъ.

I.

Родоначальникъ русской соціальной сатиры.

У русской независимой мысли, у литературы, сознающей на ряду съ своимъ художественнымъ призваніемъ и общественныя обязанности, есть давній и почетный, хоть и не признанный ими родоначальникъ. Съ виду его любятъ и цѣнятъ, издаютъ, объясняютъ, заучиваютъ его произведеніе, но въ этомъ поклоненіи такъ много принужденнаго, обязательнаго, требуемаго культомъ «классическихъ» сочиненій, и такъ мало свободной и сознательной симпатіи! Сколько несправедливости къ человѣку, который горячо любилъ отечество, желалъ воли и силы своему народу, въ младенческую пору письменности сумѣлъ высказать свои завѣтныя мысли съ яркостью поэтическихъ красокъ, съ смѣлостью и негодованіемъ гражданина! Не часто проявлялись и въ болѣе оживленныя эпохи то воодушевленіе, та рѣшимость постоять за правду, та захватывающая нервность рѣчи, какими одаренъ былъ первый русскій литераторъ, чьего имени мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ.

Это авторъ «Слова о полку Игоревѣ». Въ его произведеніи все устарѣло; содержаніе чуждое намъ, пріемы первобытные, языкъ порою обремененъ варваризмами; вокругъ насъ—разнообразіе литературной техники, рядъ сложныхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ передовое человѣчество и старается усвоить наша словесность,—но, должно быть, много скрыто энергіи въ старой «поэмѣ»; въ своей допотопной русско-половецкой обстановкѣ она, чѣмъ чаще къ ней возвращаешься, влечетъ къ себѣ, овладѣваетъ читателемъ, раскрывая все больше и больше красотъ. Вкусъ и требовательность становятся все утонченнѣе,— между тѣмъ въ старой любимицѣ научаешься цѣнить не только досточтенное достояніе науки, но источникъ жизни и силы.

Въ кругу свѣтилъ народнаго эпоса, выразившихъ въ себѣ, какъ принято думать, творческій духъ главнѣйшихъ европейскихъ племенъ, «Слову» отводится извѣстное мѣсто, но гдѣ-то поодаль, скорѣе для полноты инвентаря и потому, что совсѣмъ обойти его нельзя; только немногіе цѣнители рѣшались указать западной наукѣ на его великое значеніе [1]). Сравнительное изученіе этихъ памятниковъ составило бы любопытный вкладъ въ «психологію народовъ», и по силѣ драматизма,

[1]) Вильгельмъ Гриммъ сравнивалъ „Слово" съ сверкающимъ альпійскимъ потокомъ, вырывающимся изъ нѣдръ земли, съ невѣдомымъ ботанику и вновь открытымъ растеніемъ, чьи формы просты, но поражаютъ законченностью и совершенствомъ, чья внѣшность вызываетъ удивленіе неистощимой творческой силѣ природы.— Wilhelm Grimm, Kleinere Schriften, 1882, II Band, 41.

выдержанности характеровъ, искусству построенія и интересу разсказа старшіе изъ нихъ, всесвѣтно извѣстные, сохранили бы за собой свои преимущества. Зато не національное пристрастіе, а точное изученіе фактовъ сблизитъ русскій памятникъ лишь съ Пѣснью о Роландѣ и выдѣлитъ ихъ изъ всей группы по чуткой отгадкѣ насущныхъ нуждъ народной жизни и бодрому, зовущему впередъ, тону рѣчи, котораго напрасно стали бы мы искать среди мрачныхъ красотъ Нибелунговъ, Беовульфа или даже среди пріукрашенныхъ и демократизованныхъ народной поэзіей, бурливыхъ и задорныхъ похожденій Сида.

Оба памятника, русскій и старофранцузскій, передавая съ большей или меньшей художественностью повѣсть о быломъ, пользуются ею для того, чтобы поднять духъ народа, освѣжить его идеальными цѣлями всеобщей солидарности и гражданскаго долга,—и русскій памятникъ, еще открытѣе выходя на этотъ путь, становится политической сатирой.

Отголоски миѳовъ, неизбѣжныя эпическія преувеличенія, красивые узоры сравненій и метафоръ,—все народно-поэтическое убранство разсказа не отнимаетъ у него характера точнаго изображенія возмущающей душу дѣйствительности, гнѣвной передачи «былинъ» проклятаго времени. Самый выборъ сюжета необыкновенно характеристиченъ. Можно бы ожидать, что авторъ остановится на фактахъ героизма и мужества, но онъ предпочелъ такія непривлекательныя черты, какъ пораженіе, плѣнъ, трусливое бѣгство. Русскій поэтъ и въ этомъ сходится съ авторомъ «Chanson de Roland», которому лѣтописный разсказъ завѣщалъ также преданіе о пораженіи, разгромѣ, гибели. Но въ то время, какъ французская «Пѣсня» доходитъ до величественныхъ эффектовъ драматизма, передавая, какъ погибли въ неравномъ, безнадежномъ, но славномъ бою всѣ до единаго воины Роландова войска, и какъ самъ вождь сложилъ свою буйную голову,—русскому поэту, обрисовавъ вскользь отвагу Всеволода, пришлось показать въ концѣ разсказа Игоря крадущимся на разсвѣтѣ изъ палатки, озираясь по сторонамъ, замирая отъ каждаго шума, испытывая безотчетный страхъ, думая только о самосохраненіи и забывая, что въ плѣну остаются дорогіе, близкіе люди. Авторъ «Слова» не пропуститъ ни малѣйшей подробности, не пріукраситъ правды; онъ даетъ въ Игорѣ не богатырскій образъ, а точный снимокъ съ живого лица, портретъ человѣка средняго, не выдающагося и не плохого, съ хорошими намѣреніями и слабой волей, выдвинувшагося впередъ лишь потому, что время стало сѣрое, люди стали мельче, корыстнѣе и равнодушнѣе. Это—пріемъ настоящаго реалиста. Встрѣтиться съ такой «трезвой правдой» въ періодъ эпическихъ гиперболъ, просвѣтленій и возвеличеній,—дѣло необычное, и тѣ изъ писа-

телей новѣйшихъ временъ, которымъ литература обязана стремленіемъ къ реальной правдѣ, должны признать въ авторѣ «Слова», первомъ русскомъ литераторѣ, сознательно построившемъ свой разсказъ и при случаѣ умѣвшемъ выбрать краски, которыя могли бы его расцвѣтить,—въ то же время и перваго русскаго реалиста.

Но, преслѣдуя цѣли художественной правды, рисуя жизнь и людей такими, каковы они были, авторъ видѣлъ въ этомъ переходную ступень къ чему-то высшему,—къ выполненію гражданскаго долга. Каковы бы ни были его спеціальныя, черниговскія или сѣверскія симпатіи,—не стоило тратить столько увлеченія на то, чтобы разсказать, какъ нѣсколько князьковъ, затѣявъ необдуманно, очертя голову, походъ противъ несмѣтныхъ степныхъ хищниковъ, были разбиты на̀ голову.

Въ минуты тяжкаго несчастія, когда гибель становится неизбѣжною и мысль озабочена лишь тѣмъ, чтобы умереть можно было, не посрамивъ рыцарской чести, за Роландомъ и его товарищами, которые всѣ полягутъ на полѣ сраженія,—тоже сначала «напоивъ сватовъ кровавымъ виномъ»,—виднѣется гигантскій призракъ мстителя Карла, олицетвореніе скрѣпленнаго его желѣзной волей строя, который не пошатнулся отъ такихъ мелкихъ и случайныхъ уроновъ, какъ разгромъ въ Ронсевальскомъ ущельѣ. За безславной и ненужной битвой при Каялѣ виднѣется вдали жалкое, разрозненное, руководимое низкими влеченіями личной корысти, безстыдно-безучастное, недоступное чувству круговой поруки, еще молодое, но уже дряблое общество. Никто не заступится за неудачниковъ, которые хоть и разбиты, но все же имѣли безуміе выступить въ походъ, ратуя не за себя, а за народъ, за «Русскую землю».

«Douce France» пѣсни о Роландѣ и «Русская земля», къ которой нѣсколько разъ съ любовью обращается авторъ «Слова»,—понятія сходныя. Рыцари идутъ на смертный поединокъ не по приказу и не во имя своего повелителя, а ради чести и славы родной страны; нѣжность эпитета, неразлучнаго съ нею повсюду въ памятникѣ, становится еще поразительнѣе, когда, по волѣ поэта, и мавры какъ будто не смѣютъ назвать ее иначе, какъ «прекрасная, сладостная Франція»; если въ послѣднее время объяснители (преимущественно нѣмецкіе) нѣсколько поколебали увѣренность въ томъ, что подъ этой формулой скрывается широкое патріотическое содержаніе [1]), все же не родовая честь и не

---

[1]) Въ диссертаціи „France, Franceis und Franc im Rolandslied", Strassburg, 1891., J. Th. Hoefft приходитъ къ заключенію, что чаще всего подъ „Франціей" подразумѣвается лишь герцогство къ сѣверу отъ Луары, и только въ немногихъ случаяхъ это имя обозначаетъ все французское государство безъ обозначенія границъ.

волшебное заклятіе, а идея высшаго порядка является здѣсь руководящей причиной поступковъ.

То же воззваніе къ единодушію, отстаиванію интересовъ земли, къ духовному единству и круговой порукѣ, становится еще цѣннѣе у современника удѣльной поры, вмѣсто традицій о могучемъ государствѣ Карла Великаго, имѣвшаго въ сказаніяхъ своего народа только блѣдный контуръ благополучія и покоя, которые будто бы царили при Владимірѣ, и выступавшаго съ проповѣдью передъ людьми или недоросшими до нея, или забывшими о прежнемъ лучшемъ строѣ. Онъ не можетъ ограничиться такими средствами, какъ повтореніе эпитета въ родѣ «douce France»; видѣніе «Русской земли» является, то требуя отомщенія и обороны, то въ жуткомъ полумракѣ, когда занесшіеся далеко въ степь воины оглядываются, а уже родная страна скрылась «за шеломянемъ»,—и любовь къ отечеству, преданность всему родному онъ проповѣдуетъ не поучительными примѣрами геройства, а рѣзкими обличеніями сплошныхъ, повсемѣстныхъ отклоненій отъ идеала. Онъ зоветъ къ единству, но нигдѣ не является сторонникомъ подчиненія какой бы то ни было изъ удѣльныхъ силъ, хотя бы тому княжескому роду, съ которымъ такъ тѣсно связана его личная судьба. Самоопредѣленіе каждой отдѣльной дроби народнаго цѣлаго увѣнчивается свободной и сознательной защитой общихъ интересовъ, стояніемъ всѣхъ за одного и одного за всѣхъ.

Онъ говорилъ это людямъ, для которыхъ житейскимъ правиломъ было:—«вотъ это—*мое*, но и твое—*мое* же»,—которые безстыдно и развязно прилагали этотъ взглядъ къ дѣлу, научились жить захватомъ, насиліемъ, наживой, привыкли пренебрегать толпой и, совершенно равнодушно относясь къ общему дѣлу, «начаша про малое *се великое* мълвити». Горе патріота сливалось у него съ строгимъ судомъ обличителя.

Достаточно ли обращаемъ мы вниманія на то, что первые памятники нашей свѣтской словесности отмѣчены открыто сатирическимъ направленіемъ? Даніилъ Заточникъ и авторъ «Слова» громятъ порядокъ вещей, гибельный для народа, осуждаютъ, предостерегаютъ, требуютъ улучшеній, заботъ о сѣромъ людѣ, о меньшей братіи; гнѣвомъ непримиримаго демократа дышатъ выходки Заточника противъ бояръ. Даже сквозь уравновѣшенность и благодушіе Мономаха пробивается тревога при мысли, чтобы вредные признаки поворота къ самоуправству и беззаконію не развились при его потомкахъ въ нестерпимый бытовой безпорядокъ. Вмѣсто того, чтобы усыплять народное сознаніе лживыми восхваленіями дѣйствительности или, возмущаясь зломъ, побуждать къ аскетическому удаленію отъ міра и его суетъ,

старшіе, ранніе писатели шли навстрѣчу злу, вмѣшивались въ борьбу, громили виновныхъ и требовали лучшаго строя.

Я не знаю, почему мы не ведемъ исторію русской сатиры (въ широкомъ смыслѣ слова) съ галереи обличительныхъ портретовъ русскихъ князей, пережившей много вѣковъ въ рамкѣ «Слова о полку Игоревѣ». Не уступитъ она въ горячности, правдивости и язвительности портретной живописи Кантемира, связаннаго псевдо-классической манерой... Не съ тридцатыхъ же годовъ 18-го вѣка русскіе люди научились съ гнѣвнымъ смѣхомъ порицать и презирать порокъ и зло! «Святое недовольство», безъ котораго словесность врядъ ли можетъ выполнить свое общественное призваніе, проявилось, къ чести ея, въ первые же годы ея существованія, и въ этой строгой требовательности былъ залогъ движенія впередъ. Рядъ вредныхъ вліяній загубилъ эти ростки, и отродились они много позже,—но значеніе коренного факта отъ этого вовсе не умаляется. Безстрашныя рѣчи автора «Слова», обличенія Радищева или Салтыкова—звенья одной цѣпи.

Но неизвѣстный дружинникъ-писатель не хотѣлъ быть только гражданскимъ дѣятелемъ. На каждомъ шагу видишь въ немъ поэта, художника,—конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, которые ставила ему неопытность зарождающейся литературы. Въ новѣйшее время наука отбросила, наконецъ, сентиментальный титулъ его, какъ *пѣвца* «Слова о полку Игоревѣ», и вмѣсто рапсода показала въ немъ писателя-книжника, начитаннаго, опирающагося на источники, господствующаго надъ сюжетомъ и сознательно стремящагося соединить правду и силу разсказа съ красотой формы, въ которую облечена основная мысль. Умѣло и кстати возьметъ онъ поэтическое сравненіе или картину то въ народной пѣснѣ, то въ византійскомъ романѣ. Дѣятельный участникъ въ новой, съ виду христіанской современности, онъ свободно пользуется богатыми красками языческаго миѳа, вводитъ эпизоды и отступленія; то появляется на сцену, оцѣнивая событія и людей, то даетъ фактамъ развиваться передъ читателемъ и кажется только лѣтописцемъ; то рисуетъ съ натуры, то призываетъ на помощь чудесное,—и на фонѣ бытовой картины выступаютъ Дѣва-Обида, зловѣщій дивъ; порою щедро разсыпаетъ художественныя богатства, порою же (въ описаніи бѣгства Игоря) доводитъ скудость выраженій и оборотовъ донельзя,—и читатель переживаетъ тогда быструю смѣну ощущеній и настроеній, пронесшихся въ душѣ бѣглеца, и уже охваченъ мыслью, удастся ли ему спастись.

Все это—пріемы писателя, надѣленнаго чутьемъ художественной формы, не пренебрегшаго ею ради глубокой соціально-политической идеи, но успѣшно сочетавшаго обѣ силы. Для начинающаго словесника,

для первыхъ лѣтъ литературной исторіи, это—прекрасное рѣшеніе вопроса, такъ часто являвшагося спорнымъ въ наше время, о тенденціозномъ и чистомъ искусствѣ.

Обличитель и поэтъ, проповѣдникъ гражданскаго долга и народной солидарности, стилистъ, умѣющій завладѣть читателемъ, вызвать яркіе и живые образы, авторъ «Слова» завѣщалъ литературѣ своего народа традиціи, которыя она со временемъ развила, забывъ о первомъ защитникѣ. Не приторно-романтическое возвеличеніе старины или нетерпимое ко всему новому, хвастливо-патріотическое освѣщеніе ея, а точный анализъ фактовъ требуетъ возстановленія истины и признанія заслугъ перваго русскаго писателя.

Когда въ 1870 году нѣмецкая армія желѣзнымъ кольцомъ окружила Парижъ, и мысли осажденныхъ сосредоточивались на организаціи всеобщаго отпора непріятелю, Гастонъ Парисъ, начинавшій тогда въ «Collège de France» дѣятельность въ качествѣ suppléant, сдѣлалъ свой вкладъ въ насущное дѣло возбужденія умовъ, прочитавъ своимъ слушателямъ, въ видѣ вступительной лекціи, прекрасную, воодушевленную рѣчь о «Пѣснѣ о Роландѣ» [1]). Ученый, котораго никто не упрекнетъ въ романтическомъ превозношеніи старины и народности, который яснымъ методомъ изслѣдованій такъ много содѣйствовалъ ихъ изученію и пониманію, нашелъ въ старомъ памятникѣ источникъ живой воды, и, обращаясь къ молодежи, рвавшейся изъ аудиторіи на форты и батареи, защищавшіе Парижъ, напутствовалъ ее разсказомъ о томъ, какъ въ старые годы умѣли жить и умирать за отечество.

Непріятель не стоитъ у нашихъ стѣнъ, и не воинственныя доблести нужны намъ. Насъ удручаютъ общественные недуги, противъ которыхъ возставалъ авторъ «Слова». Они въѣлись въ жизнь и губятъ наши силы, дробятъ ихъ, отравляютъ личными, сословными, узконаціональными или мелко-партійными разногласіями, развивая эгоизмъ и хищничество въ ущербъ великимъ и живительнымъ общимъ идеямъ. Все рѣже слышится сильная, обличающая рѣчь. Прислушаемся же къ голосу стараго поэта съ его независимой мыслью, проповѣдью солидарности, строгими требованіями отъ людей, большимъ сатирическимъ даромъ,—и преданностью «русской землѣ».

---

[1]) La chanson de Roland et la nationalité française (читано 8 декабря 1870 г., включено въ сборникъ „La poésie au moyen âge. Leçons et lectures" par Gaston Paris. 1885).

II.

Смѣна литературныхъ направленій.

«Литература дня» полна возгласовъ въ честь забытаго и попраннаго идеализма; отъ него ждутъ возрожденія чистаго искусства, облагороженія творчества, сверженія ига, которое наложили на мысль и фантазію повсюду торжествовавшія полчища реалистовъ, натуралистовъ и т. п. Движеніе это проявляется и въ словахъ, и на дѣлѣ, въ теоріи и въ творчествѣ. Отъ произведеній, отравленныхъ «злобой дня», мысль несется къ безплотнымъ созданіямъ прерафаэлитовъ, отъ публицистической критики къ Рэскину и его культу «Прекраснаго». Можно подумать, что мы наканунѣ окончательнаго отрезвленія, прибереженнаго историческими судьбами къ рубежу девятнадцатаго вѣка. Расползется куда попало и притаится нечисть, и засіяетъ, наконецъ, солнце правды и красоты.

Вглядываясь, прислушиваясь и наблюдая, прежде чѣмъ занести въ свою лѣтопись фактъ совершившагося поворота въ эстетикѣ, историкъ литературы найдетъ, конечно, прежде всего въ новомъ, пока еще мало выяснившемся, направленіи перевѣсъ благихъ намѣреній надъ осязательными результатами, красивую холодность энтузіазма, болѣзненную чопорность и жреческое священнодѣйствіе, много риторическихъ упражненій на возвышенныя темы и мало умѣнья вызвать отзвукъ въ массѣ. Онъ сопоставитъ свои наблюденія съ тѣми, которыя, бывало, доставляла ему отброшенная теперь въ тѣнь литературная школа. Односторонности, крайности, неумѣренное усвоеніе пріемовъ естествознанія, психіатріи, дѣловитую, протокольную сухость, демонстративное пренебреженіе художественной стороной, отличавшія нѣкоторыхъ изъ ея дѣятелей, онъ считалъ исключеніями, безъ которыхъ немыслимо ни одно направленіе, и останавливался на положительныхъ итогахъ.

Избравъ другой путь къ той же цѣли, которую преслѣдовали лучшіе изъ идеалистовъ всѣхъ временъ,—путь, пролегавшій черезъ людскую толпу, гдѣ на каждомъ шагу приходилось подбирать раненыхъ въ битвѣ, заступаться за обездоленныхъ и забытыхъ, раскрывать неправду и гниль въ общественномъ строѣ, осуждаемый теперь «реализмъ» много послужилъ гуманности и справедливости. Онъ вошелъ въ теченіе мысли, въ которомъ литература встрѣчалась съ соціальными науками, и, принявъ дѣятельное участіе въ изученіи быта, намѣтивъ его слабыя и больныя мѣста, могъ служить поддержкой для улучшеній и реформъ. Отвѣчая этими сторонами на нравственныя и об-

щественныя требованія отъ литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ располагая нерѣдко сильными, выдающимися дарованіями, онъ на темномъ фонѣ безотрадной картины могъ воздвигать художественныя созданія.

Его преемники задаются возвышенными цѣлями. Съ пренебреженіемъ глядя на пресмыкавшееся по землѣ искусство, они хотѣли бы вернуть поэзіи свѣтъ, красоту, идеальныя очертанія, мистическія грезы и благородныя мысли. Смогутъ ли они выполнить свои намѣренія, показавъ, что не одна лишь красота звука, пластика формы и торжественность обстановки плѣняютъ ихъ? О, если бы ихъ поэзія могла «жечь сердца», будить порывы, заглохшіе среди житейской сутолоки, вести за собой массу и воспитывать ее, развивая въ ней лучшія стороны душевной жизни, дѣйствуя не «сладкими», а мощными «звуками» на опустившееся поколѣніе,—если бы эпигоны могли подняться на высоту великихъ идеалистовъ прежняго времени, безспорную и для приверженцевъ иного направленія! Пока мы видимъ только поэтовъ въ умиленной жреческой позѣ передъ треножникомъ, слышимъ философскія рѣчи о «высокомъ и прекрасномъ», и отъ всего этого псалмопѣнія никому ни тепло, ни холодно...

Торжествовать побѣду еще рано; ее нужно заслужить среди свободнаго состязанія направленій. Но какова бы она ни была, рано или поздно она смѣнится новымъ подъемомъ той школы, чье пораженіе считается въ настоящее время несомнѣннымъ,—и снова выпадетъ на долю «чистаго искусства» лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Въ неизбѣжности смѣны убѣждаетъ рядъ наблюденій не надъ фактами словесности одного народа, а надъ жизнью всемірной литературы. Выводъ изъ наблюденій долженъ былъ бы войти въ кругъ основныхъ положеній, которыми упрочиваются закономѣрность развитія словесности и научный характеръ ея историческаго изученія.

Прямого поступательнаго движенія, которое вело бы творчество къ полному проявленію его художественныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ безъ отклоненій и колебаній, представить себѣ невозможно. Если въ механикѣ долго держалось (скрѣпленное авторитетомъ Декарта) воззрѣніе на движеніе по инерціи, совершающееся будто бы всегда по прямому направленію, то въ новѣйшей наукѣ оно вытѣсняется представленіемъ о движеніи, подчиненномъ различнымъ вліяніямъ, и потому не прямомъ, а только «прямѣйшемъ» (терминъ, введенный Герцомъ) [1]. Аналогія съ ходомъ развитія мысли или творчества здѣсь обозначилась, но ее можно пояснить примѣромъ изъ той же области. Когда движеніе происходитъ по поверхности волнистаго вида, оно со-

---

1) Revue scientifique, 1896, II. 4, prof. N. Oumoff, „La mécanique cartésienne“.

вершается по такъ называемой «геодезической кривой», которая представляетъ собой прямѣйшій путь черезъ долины и горы этой поверхности. Такія уклоненія отъ простоты прямой линіи принимаются наукой во всѣхъ случаяхъ, когда какое-либо дѣйствіе подчиняется многочисленнымъ непредвидѣннымъ вліяніямъ; для такихъ случаевъ она установила особый *законъ погрѣшностей*. Онѣ неизбѣжны и происходятъ то «отъ окружающей природы, то отъ аппаратовъ, при помощи которыхъ производятся наблюденія, то отъ личности наблюдателя, отъ его душевнаго и тѣлеснаго состоянія» и т. д., но постепенно уменьшаются по мѣрѣ того, какъ утончаются орудія наблюденія.

Если извилистая линія получила узаконенное значеніе въ точной наукѣ, она должна быть еще болѣе изогнутою тамъ, гдѣ движеніе встрѣчаетъ на своемъ пути такія тонкія и сложныя вліянія, какъ воздѣйствіе національности, религіи, общественнаго строя, философскихъ ученій, особенностей творчества выдающихся, богато одаренныхъ лицъ, отраженіе природы на психологіи народовъ, вліяніе литературнаго обмѣна между племенами, подражательности и усвоенія заимствованныхъ идей и т. д. «Геодезическая кривая»—вполнѣ подходящій символъ для изображенія развитія міровой литературы, при чемъ излучины и кривизны ея, сначала рѣзко обозначающіяся и пространныя, постепенно сглаживаются, и «змѣйка» кривой все болѣе производитъ иллюзію выпрямляющейся линіи.

Но аналогіи съ данными механики и физики еще недостаточно. Вліяніе *среды* (въ широкомъ смыслѣ) осложняется дуализмомъ, свойственнымъ художественному творчеству; въ немъ всегда стремились къ преобладанію два соперничающіе принципа,—или отдаленіе отъ земной прозы въ область чистой красоты и возвышеннаго искусства, или сближеніе съ прозой и служеніе нуждамъ дѣйствительности. Какія бы формы ни принимало то или другое ученіе, какими бы именами ни прикрывалось, псевдо-классицизмомъ, романтикой, байронизмомъ, натурализмомъ, школой «парнасцевъ», въ основѣ остаются тѣ же принципы; отличительными ихъ именами, обобщающими и условными, какъ алгебраическіе знаки, пусть будутъ — *идеализмъ* и *реализмъ*. Борьба ихъ всегда вела за собой приливы и отливы силъ, подъемъ и паденіе. Благопріятное сочетаніе соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ условій обезпечивало извѣстному ученію болѣе или менѣе обширный періодъ преобладанія, но побѣжденная школа, никогда не вымирая, запасаясь энергіей, выжидая соотвѣтствующаго поворота въ жизни народа, пользуясь тѣмъ, что ея соперница истощаетъ силы въ крайностяхъ и ошибкахъ, и располагая свѣжими дарованіями, рано или поздно вырывала первенство изъ рукъ непріятеля. Кривизна

линіи, которая отъ отправной точки (зарожденія художественнаго творчества) ведетъ къ конечной цѣли, свободному и равноправному соединенію обоихъ элементовъ, стройной красоты и житейской правды, сама по себѣ значительная вслѣдствіе разнообразныхъ вліяній *среды*, стала оттого еще волнистѣе.

Чтобы прослѣдить на фактахъ механизмъ смѣны [1]), возьмемъ два историко-литературныхъ примѣра, одинъ изъ французской, другой изъ русской словесности трехъ послѣднихъ вѣковъ.

Когда на развалинахъ средневѣкового міра, съ его мистицизмомъ, подвижничествомъ, таинственной символикой зодчества, литературой видѣній и откровеній, гимновъ и легендъ, земное начало, находившее себѣ, бывало, выраженіе въ рыцарской поэзіи, любовной лирикѣ трубадуровъ, бытовыхъ чертахъ фабльо, взяло верхъ надъ общимъ вліяніемъ гуманизма, возбужденіе французской общественной мысли XVI вѣка придало движенію заботливость о насущныхъ интересахъ народа; строятся политическія теоріи, народныя права отстаиваются отъ гнета власти, свобода совѣсти—отъ клерикальнаго гнета, свобода изслѣдованія—отъ обскурантизма. Литература идетъ въ уровень съ движеніемъ, поддерживаетъ его запросы и, начиная съ романа Рабле до «Трагическихъ Пѣсенъ» д'Обинье, ревностно служитъ цѣлямъ реализма, не оставляя ни одного тайника жизни неразоблаченнымъ, насмѣшкой, полной демократическаго задора, разстраивая гармонію міросозерцанія, провозглашая возрожденіе плоти. Но изъ волненій и междоусобій, охватившихъ пограничную полосу между двумя вѣками, выходитъ торжествующей королевская власть; умиротворенію страстей, облагороженію вкусовъ призвана служить поощряемая свыше литература, изящная по формѣ, далекая отъ жизни, ищущая вдохновенія въ чужой старинѣ, въ миѳахъ о богахъ и герояхъ. Начинается царство псевдоклассицизма, ростки котораго замѣтны еще въ XVI столѣтіи, царство звучныхъ стиховъ и мыслей, исключительныхъ натуръ; могущество его доходитъ почти до рубежа «просвѣтительнаго вѣка». Можно бы подумать, что всѣ лучшія силы отданы движенію, чуждому повседневной жизни,—но въ сердцевинѣ школы готовятся уже расколъ и смѣна на-

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ были набросаны эти мысли, въ интересномъ трудѣ Renard'a „La méthode scientifique de l'histoire littéraire", P. 1900, сдѣлана была такая же попытка установить на прочной основѣ періодичность смѣны, подчинивъ ее закону, которому изслѣдователь придалъ названіе „loi d'alternance". Ренаръ указываетъ въ числѣ причинъ утомленіе нервныхъ центровъ, слишкомъ долго напрягаемыхъ къ работѣ въ извѣстномъ направленіи. Съ другой стороны Тардъ, касаясь того же вопроса, выставляетъ на видъ неизбѣжность логическихъ дуэлей: утвержденіе порождаетъ отрицаніе, и т. д.

правленія. Слабо связанный съ нею Мольеръ наполняетъ комедію чертами подлинныхъ нравовъ и живыхъ людей, борется съ общественными язвами, спускается до низшихъ слоевъ быта; за нимъ идетъ группа бытовыхъ комиковъ, замыкающаяся Лесажемъ; рядомъ работаетъ надъ изученіемъ жизни группа романистовъ-нравоописателей—Сорель, Фюртьеръ. Для близкаго торжества реализма почва готова.

Тѣмъ временемъ дряхлѣетъ старый порядокъ, демократія рвется въ первые ряды, гуманная философія становится благовѣстіемъ для забытыхъ и безправныхъ, — на всей передовой линіи, въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, лозунгомъ становится освобожденіе, исцѣленіе, преобразованіе. Красивые звуки, стройныя формы, чистое искусство—не ко времени и не къ мѣсту; для нихъ остался пріютъ въ одѣ или трагедіи, да и эта послѣдняя у Вольтера гораздо менѣе занята идеей красоты, чѣмъ такой прикладной идеей, какъ вредъ фанатизма и законность свободы совѣсти. Разрастается и крѣпнетъ «реалистическое» направленіе, охватывая собой и періодъ энциклопедизма, и революціонную пору съ ея политической трагедіей, обличительной комедіей, тучей журналовъ и памфлетовъ.

Вмѣстѣ съ возрожденіемъ стараго начала въ государствѣ и церкви, и походомъ противъ идей XVIII-го вѣка настаетъ гальванизированіе классицизма, поощряемое Наполеономъ; трагедія изъ мѣщанскаго платья снова наряжается въ тогу, ода торжественно звучитъ, академія стоитъ на стражѣ строгости стиля; Тальма на сценѣ, Давидъ въ живописи увлекаютъ зрителя въ глубь прошлаго. Въ то же время слышится унылая, мечтательная нотка ранняго французскаго романтизма, среди разгрома міровъ и государствъ тоскующаго о первобытной жизни, о дѣтской вѣрѣ, о сліяніи съ природой, видящаго грезы среди бѣлаго дня. Цѣлое тридцатилѣтіе ушло на искусственное, напряженное водвореніе «идеализма» послѣ разнузданной житейской прозы; Шатобріанъ и роялисты-эмигранты служили ему наравнѣ съ казенными стихотворцами и академиками Наполеона. Но съ первыхъ пѣсенъ Беранже, нападавшихъ на старую партію въ государствѣ и творчествѣ, встрѣчное движеніе снова заявляетъ о себѣ; къ іюльскимъ днямъ оно окрѣпло, вывело романтизмъ изъ заколдованнаго круга къ современному народу, съ Гюго ворвалось на сцену и заявило о нуждахъ дня, съ Барбье вторглось въ оду и сдѣлало ее могучимъ обличительнымъ орудіемъ. Широко понесшаяся жизнь, съ ея соціальными теоріями, поисками лучшаго строя, заступничествомъ за интересы крестьянскаго и рабочаго люда, постановкой женскаго вопроса, демократическими движеніями, приливомъ силъ изъ народа, довершила перерожденіе романтизма въ реализмъ. Съ 1848 года почти на сорокъ лѣтъ раскинулось его новое

владычество, принимавшее различные оттѣнки («реализмъ индифферентный», «реализмъ дидактическій» [1]) и т. п.), пережившее нѣсколько поколѣній, отъ Бальзака до Мопассана, но въ главныхъ чертахъ неизмѣнное, несмотря на шумливо-возвѣщенное появленіе натурализма, какъ откровенія.

Теперь отливъ. Необъятная масса скопившагося бытового матеріала, очевидно, слишкомъ долго задержала мысль и воображеніе человѣчества на повседневности, на низменномъ и одностороннемъ, и опять сказалась жажда идеальнаго. О поворотѣ къ нему мечтали «парнассцы»; допустили съ нимъ компромиссъ даже передовые изъ «натуралистовъ»; Зола пошелъ ему навстрѣчу въ своемъ «Rêve», заговорилъ о возможности «натуралистическаго классицизма», соединяющаго бытовую правду съ высокими душевными влеченіями, въ своихъ «евангеліяхъ» перешелъ въ область идеализма, въ «Fécondité» поставилъ сюжетъ внѣ рамокъ времени и послѣдніе романы заканчивалъ грезами о возрожденіи человѣчества. Лирика поднимаетъ снова знамя чистаго искусства. Но и въ это время не затихаетъ, очевидно, неизгладимое движеніе, заступающееся за человѣчество, свободу, справедливость, знаніе, не прекрасными словами, но трудной, черной работой изо дня въ день; на ряду съ романомъ въ немъ принимаетъ дѣятельное участіе театръ («Mauvais Bergers» Мирбо, «La Clairière» Descaves'a [2])); это движеніе, окрѣпнувъ среди новыхъ общественныхъ движеній, дождется своей очереди.

Итакъ, въ теченіи трехъ столѣтій литература Франціи пережила пять *смѣнъ* одного направленія другимъ, иначе шесть послѣдовательно выступавшихъ школъ. Сроки ихъ господства бывали неравномѣрны, извилины «кривой» причудливы, но періодичность смѣны осталась несомнѣнною, давая возможность въ извѣстной степени предвидѣть ближайшій ходъ литературнаго развитія и ожидать, напр., въ первой половинѣ двадцатаго вѣка, особаго оживленія бытового романа, соціальной комедіи, всего, что путемъ художественнаго слова поддерживаетъ сложную работу внутренняго переустройства жизни.

Другой примѣръ представитъ русская литература за три послѣдніе вѣка. ирокое развитіе переводной дѣятельностиШ въ XVIII столѣтіи, пересаженный западный романъ съ его бытовыми, любовными, сатирическими темами, комическій театръ, выпустившій на волю смѣхъ, басня, новелла, фацеція, — все, узаконявшее въ литературѣ мірской

1) Le réalisme et le naturalisme dans la littérature et dans l'art, par David-Sauvageot, 1889, p. 192 et pass.

2) Объ этомъ направленіи сравн. статью Ж. Жорэса „Le théâtre social", Revue d'art dramatique, 1900, XII.

элементъ, который врывался даже въ кіевскій академическій классицизмъ, указывало словесности единственный, казалось, пригодный для поры преобразованій путь,—изображеніе дѣйствительной жизни. Но къ тридцатымъ годамъ слѣдующаго вѣка условія мѣняются. Изолированный кабинетный трудъ писателей «переходной поры», ихъ ученичество у псевдо-классиковъ, диктатура Буало, зависимость отъ двора и его церемоніала отклонили преемниковъ реальнаго направленія въ сторону формализма, торжественности, миѳологическаго аппарата, благонамѣренныхъ общихъ мѣстъ, погони за благозвучіемъ. Но жизнь стучится въ размѣренное и выглаженное творчество и яркими полосами свѣта заливаетъ сатиры или ломоносовскіе трактаты. Это—признакъ ея близкой побѣды.

Недолго длилось у насъ безспорное господство классиковъ—не болѣе тридцати лѣтъ, несмотря на такое обширное послѣсловіе къ нему, какъ дѣятельность Державина. Отовсюду, и по русскому почину, и подъ вліяніемъ Запада, возникаютъ попытки свободно изображать жизнь. Тронъ Сумарокова, едва воздвигнутый, шатается; слышенъ смѣхъ фонвизинской комедіи и сатирическихъ журналовъ и рукоплесканія, встрѣтившія переводы изъ Бомарше. Просвѣтительный вѣкъ, какъ всюду въ Европѣ, укрѣпилъ это направленіе, зато послѣ грубой развязки русской «Aufklärung» затихаютъ голоса ея дѣятелей, поработавшихъ, насколько силъ было, надъ изученіемъ дѣйствительности. Старый режимъ въ словесности, послушный и торжественный, беретъ верхъ. Онъ продержался до середины двадцатыхъ годовъ, и, старательно исполняя завѣщанную ему задачу разобщенія съ жизнью, не двинулъ однако впередъ пониманія античной красоты и, тщеславясь возвышеннымъ содержаніемъ, не поднялся въ «идеализмѣ» надъ уровнемъ моральныхъ сентенцій и общихъ мѣстъ.

Къ пѣснопѣніямъ академическихъ и вольно-практикующихъ грекоримлянъ вскорѣ присоединились однако туманныя элегіи романтиковъ и свѣтлые эллинскіе гимны Батюшкова. Въ смыслѣ простора для творчества это—шагъ впередъ, по отношенію же къ запросамъ жизни это—новое красивое видоизмѣненіе отчужденности отъ нея. Не все ли равно, къ богамъ Олимпа или къ привидѣніямъ христіанской демонологіи, въ эллинскій бытъ или въ средневѣковое рыцарство уходила мысль отъ современности? Но эта мысль согрѣта уже была гуманностью, чувство было искреннее, задумчивость или экстазъ были задушевны, и «идеализмъ» въ поэзіи начиналъ, наконецъ, выполнять свою миссію.

Только съ Пушкинымъ-байронистомъ, съ Грибоѣдовымъ, съ критиками «Полярной Звѣзды» и «Московскаго Телеграфа» традиція «реализма» снова ожила. Сначала ходъ движенія колеблющійся, первно-

неправильный. Пушкинъ въ состоянiи послѣ воинствующей поэзiи перейти къ культу красоты и въ то же время привѣтствовать и направлять Гоголя, съ его чутьемъ пошлости и рѣзкимъ обличенiемъ. Гоголь переживаетъ такой же процессъ и переходитъ отъ смѣха къ гимнамъ и отъ чудовищъ къ безплотнымъ силамъ. Бѣлинскiй съ группой сверстниковъ сначала блуждаютъ въ полумракѣ гегельянства, стоившемъ, конечно, псевдо-классическаго игнорированiя современности, и потомъ перейдутъ, avec armes et bagages, въ лагерь реалистовъ. Все же приблизительно на сорокъ лѣтъ (съ появленiя «Мертвыхъ Душъ») устанавливается преобладанiе бытового, общественнаго теченiя въ литературѣ. Въ «натуральной школѣ» ближайшихъ преемниковъ Гоголя и въ позднѣйшемъ психологическомъ романѣ, у беллетристовъ-народниковъ, въ комедiи, некрасовской поэмѣ, щедринской сатирѣ, нерѣдко въ славянофильскомъ очеркѣ изъ народнаго быта основнымъ прiемомъ являлось изученiе подлинной жизни; безъ этой реальной почвы казалось невозможнымъ никакое художественное, этическое, соцiальное направленiе литературы; когда же рядомъ стало развиваться, съ поры реформъ, научное и практическое, дѣловое изученiе той же жизни, солидарность его съ гуманной заботой литературы обѣщала много добра.

Но времена перемѣнились. Пониженiе общественныхъ интересовъ, признаки слабости и односторонности въ наличномъ составѣ представителей реализма, отсутствiе сильной критической поддержки и руководства, надежда культурныхъ слоевъ найти въ «идеализмѣ» опору во время остраго пароксизма разочарованности и усталости, наконецъ, неизбѣжная очередь смѣны направленiй и влiянiе идеалистическаго похода, начавшагося на Западѣ, дали возможность оживиться и подняться противникамъ реализма. Ихъ ученiе не переставало заявлять о себѣ и никогда не перестанетъ. Майковъ, Алексѣй Толстой и сродные имъ поэты среди разлива реалистическаго направленiя стали живой связью между пушкинской эстетикой и «идеализмомъ» конца вѣка. Насколько содержателенъ новѣйшiй идеализмъ—другой вопросъ. Если царство идеализма настало, зачѣмъ медлятъ наши Шиллеры съ западающими въ душу гимнами въ честь красоты, добра и братства, почему такимъ холодомъ вѣетъ отъ философствующихъ поэмъ, почему мертва наша трагическая сцена? Или мы только *наканунѣ* торжества и заря едва занимается?..

Во всякомъ случаѣ, съ семнадцатаго вѣка это въ русской литературѣ *пятая* смѣна школъ. Впереди—не поддающiйся исчисленiю рядъ такихъ же перiодическихъ возвратовъ. Искривленной змѣйкой вьется вдаль линiя литературныхъ судебъ, не прямая, но «прямѣйшая». Отъ успѣховъ культуры, широкой и терпимой, будетъ зависѣть призна-

ніе равноправности за той стороной творчества, которая вноситъ въ него повседневную жизнь съ ея горестями и радостями (и которая—нужно признать—дала до сихъ поръ въ русской литературѣ наибольшіе результаты), и тою, что освѣщаетъ ее великими идеями, чудными образами, гармоніею звука. Если «идеализмъ»—не празднословіе и не красивая вывѣска для литературной реакціи, ему найдется мѣсто въ творчествѣ будущаго, основанномъ на близости къ жизни и служеніи ей. Что можетъ быть, наприм., реальнѣе быстро растущаго сближенія народовъ на почвѣ общественной мысли, сглаживающаго различіе національностей, исповѣданій, государствъ? Но развѣ это не осуществленіе завѣтной шиллеровской грёзы?

III.

Будущность русской комедіи.

Одно изъ украшеній нашей литературы, комедія, глохнетъ и вянетъ. По заведенному порядку мы признаемъ, что она смѣхомъ исправляетъ нравы, бичуетъ зло, освѣжаетъ душу, разряжаетъ энергію веселымъ отдыхомъ, любуемся знаменитымъ апоѳеозомъ комедіи въ концѣ «Театральнаго разъѣзда», противъ славы Мольера, Бомарше или Гоголя ничего не имѣемъ, но равнодушно присутствуемъ при медленной смерти, отъ малокровія и безсилія, прежней красы русскаго театра. Смѣхъ, въ пользу котораго, бывало, говорилось столько прочувствованныхъ словъ, вызываетъ снисходительную улыбку или оскорбляетъ показную, фарисейскую серьезность. Невольное веселье овладѣваетъ подчасъ зрителями, но пьеса оканчивается при полномъ безмолвіи внезапно остывшей залы, застыдившейся того, что она поддалась соблазну смѣха. Въ старомъ поединкѣ между драмой и комедіей теперь несомнѣнный перевѣсъ и неоспоримое торжество на сторонѣ драмы; одна только она призвана быть сценической выразительницей тревогъ и запросовъ нашего времени. Намъ некогда и не къ лицу смѣяться.

Пусть такъ, но что же на дѣлѣ даетъ русская драма въ отвѣтъ на такія важныя требованія? Почти сплошь—рядъ психіатрическихъ сюжетовъ, коллекцію неудачниковъ, безпомощно борющихся, слабыхъ волей, прибѣгающихъ къ самоубійству, какъ въ готовой развязкѣ; нигдѣ (говоря по-гоголевски) «не вяжется сильнымъ узломъ драма», не выступаетъ во всей своей трагической глубинѣ конфликтъ личности и общества, борьба страсти и долга, зато въ изобиліи даны черты ненормальной, болѣзненной жизни души, отголоски уголовной хроники. Настало время, когда къ пользованію драматическимъ искусствомъ приступаетъ

чуткая народная масса; тяжело подумать о впечатлѣніи, которое произведетъ на нее переданное въ живомъ сценическомъ дѣйствіи изображеніе нравственной разбитости, которую люди развитые считаютъ достойною возвеличенія и изученія, какъ будто указывая новичкамъ примѣръ для подражанія! И ради этой грустно правдивой, ноющей, безсильной кого-либо поднять, драмы отстраняется на задній планъ комедія съ ея полуторавѣковыми заслугами; она низводится на степень фарса и карикатуры; не встрѣчая поддержки и оцѣнки, парализуются силы комическихъ писателей и актеровъ. У нихъ много самоотверженія, если они остаются вѣрными своему призванію.

Начиная съ Сумарокова и кончая школой Островскаго, комедія шла впереди всего театра на двойномъ пути общественности и художества. Въ то время, какъ трагедія не могла высвободиться изъ классическаго наряда, пѣла и тянула стихи, зналась только съ древними героями, ея бойкая сестра «вцѣплялась» въ порочныхъ людей и гнилые устои, обличала, бичевала, смѣшила, постигла искусство изображать во весь ростъ живыхъ, подлинныхъ негодяевъ и во всю ширь и глубь—тотъ строй вещей, при которомъ они торжествуютъ. Смѣнялись поколѣнія и вліянія; просвѣтительная пора, либерализмъ и реакція александровской эпохи, сороковые, шестидесятые годы опредѣляли духовное содержаніе литературы и театра, и всегда комедія откликалась первою на призывъ; Фонвизины, Капнисты, Грибоѣдовы, Гоголи, Островскіе боролись въ передовыхъ рядахъ литературы и общественнаго движенія и выставили рядъ произведеній съ сильнымъ соціальнымъ и художественнымъ значеніемъ, въ то время, какъ драма, оживившись ненадолго послѣ пушкинской прививки, по большей части вела жизнь «золотой середины». Теперь намъ почти что говорятъ, что комедія отжила свой вѣкъ, что она болѣе не нужна, что ей некуда итти впередъ. Стало быть, *все* сказано, добродѣтель и правда восторжествовали, и нашъ міръ—le meilleur des mondes possibles? Стоитъ опредѣленно формулировать этотъ выводъ, чтобы выказалась вся несостоятельность вызвавшаго его недоразумѣнія.

Въ нерасположеніи къ комедіи кроются глубокія и давнія причины. Какою утѣшительницей ни являлась она для народныхъ массъ въ классическую старину и въ новомъ мірѣ, въ культурныхъ классахъ не разъ замѣтно было предпочтеніе героизма, торжественности, сложной и тонкой психологіи. Мнѣнія, высказывавшіяся въ этомъ духѣ въ прежніе вѣка, кажутся заявленными вчера. Въ «Критикѣ на Школу женъ» Мольеръ, устами Доранта, возражая на такое мнѣніе, съ горячностью доказывалъ, что «гораздо легче щеголять возвышенными чувствами, громить въ стихахъ фортуну, обвинять судьбу и говорить дерзости бо-

гамъ, чѣмъ вникнуть вглубь смѣшныхъ сторонъ людей и заинтересовать на театрѣ изображеніемъ повседневныхъ пороковъ. Когда вы выводите героевъ, вы поступаете совершенно свободно. Это портреты условные, въ которыхъ никто не ищетъ сходства; вамъ остается лишь отдаться влеченію фантазіи, которая часто покидаетъ правдивое, чтобы достигнуть чудеснаго. Когда же вы изображаете простыхъ людей, вамъ необходимо рисовать съ натуры. Отъ васъ потребуютъ сходства портретовъ, и вы ничего не добьетесь, если въ нихъ не узнаютъ вашихъ современниковъ. Однимъ словомъ, въ серьезныхъ пьесахъ достаточно, чтобы заслужить порицанія, оставаться на уровнѣ здраваго смысла и писать красиво, но этого мало въ комедіяхъ; тамъ еще нужно забавлять,—а нелегкая задача сумѣть разсмѣшить порядочныхъ людей». Столѣтіе спустя, Гаррикъ говорилъ стремившемуся на комическую сцену Баннистеру: «вы на нѣсколько времени можете съ успѣхомъ морочить публику въ качествѣ трагика, но, милый мой, *комедія—дѣло серьезное*; итакъ, не трогайте ея пока». Еще позже, почти столѣтіе спустя, у Гоголя вырвались задушевныя жалобы на препебреженіе комедіей: «не слышатъ могучей силы смѣха; что смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, придаютъ названіе высокаго». Три столѣтія, въ трехъ національностяхъ, дали образцы настойчивой и постоянно вызываемой необходимостью защиты комизма и смѣха. Очевидно, близорукость въ такомъ вопросѣ—застарѣлый недугъ; только сильнымъ дарованіямъ отдѣльныхъ лицъ или дружной работѣ школы комическихъ писателей удавалось преодолѣть его и отвоевывать для смѣха почетное мѣсто на сценѣ. Но вѣдь то, что оказалось возможнымъ въ былые вѣка, выполнимо и въ наше время; была бы добрая воля и... талантъ. Ждать мессіи, который произвелъ бы переворотъ единичными силами, немыслимо; убыль слишкомъ велика, застой длился слишкомъ долго; необходима коллективная работа.

Но не загородитъ ли ей дорогу настойчивое требованіе «новыхъ словъ» и сознаніе, что она ихъ не знаетъ, что всѣ важнѣйшія темы затронуты и приходится жить повтореніями и перепѣвами? Не ставитъ ли критика въ укоръ каждой современной пьесѣ, что въ ея содержаніи и характерахъ нѣтъ ничего новаго? Безвыходный, заколдованный кругъ какъ будто не выпускаетъ на волю.

Когда комическій писатель 18-го вѣка и театральный критикъ Гоцци, на основаніи наблюденій надъ драмой всѣхъ народовъ, выставилъ предложеніе, что всѣ сценическія фабулы, какія только можно вообразить, сводятся къ весьма ограниченному числу основныхъ сюжетовъ, которые только въ внѣшней

оболочкѣ измѣняются, даже съ математической точностью привелъ и самое число—*тридцать шесть*,—это мнѣніе показалось бьющимъ на эффектъ парадоксомъ. Въ эстетическихъ бесѣдахъ съ Гёте Шиллеръ возсталъ противъ заявленія Гоцци, предпринялъ фактическую его провѣрку и пришелъ къ цифрѣ, почти совпадавшей съ указанною. Новѣйшая провѣрочная работа [1]) подвергла тысячу художественныхъ произведеній, въ томъ числѣ 800 драматическихъ пьесъ, анализу со стороны психологической или же бытовой основы содержанія, и та же цифра 36 охватила собой всѣ группы, на которыя распалось столь значительное количество беллетристическаго матеріала. Пусть исчисленіе это останется приблизительнымъ (Жераръ де Нерваль стоялъ, напр., за 24 группы), во всякомъ случаѣ каждая подобная попытка напоминаетъ намъ, къ какому скромному циклу основныхъ драматическихъ положеній и эмоцій сводится внушительное, казалось, разнообразіе и богатство всемірной драматургіи. Всѣ проблемы любви, столкновенія личности съ обществомъ, всѣ виды самопожертвованія, мщенія, соперничества, трагической преступности, умышленнаго или случайнаго убійства, политическихъ переворотовъ, заговоровъ и возстаній, семейныхъ драмъ насилія и гнета и т. д., представлены въ перечнѣ сюжетовъ многочисленными пьесами, взятыми изъ театра Индіи, Греціи, Рима и изъ литературъ новой Европы. Наблюденія давно сдѣланы, характеры обрисованы, темы исчерпаны; то, что будетъ изображать драма двадцатаго столѣтія, неизбѣжно будетъ повтореніемъ намѣченнаго предшествующими вѣками. Новаго нѣтъ, и никогда больше не будетъ.

И, несмотря на это, передъ драматическимъ писателемъ каждой эпохи открывается широкое поле самостоятельной дѣятельности, и на «новое слово» онъ имѣетъ столько же права, какъ его предшественники. Его время, національная, общественная, религіозная, политическая среда облекаютъ старыя наблюденія и истины, такъ же какъ и самихъ людей,—въ новые наряды. Притворство съ незапамятныхъ временъ подмѣчено и стало достояніемъ комедіи, но, олицетворенное на французской сценѣ XVII вѣка, оно изъ окружавшихъ ее бытовыхъ данныхъ дало Тартюффа, въ Англіи XVIII столѣтія воплотилось въ Джозефа Сорфэса (въ «Школѣ злословія»), въ Россіи XIX вѣка дало образъ Городничаго; неужели наше время, богатое лицемѣрными масками всякаго рода, не раскрыло бы передъ наблюдательнымъ комикомъ обширной коллекціи оригиналовъ для сценическаго снимка?.. Борьба личности съ обществомъ и протестъ ея противъ нетерпимости и давленія на мысль и

---

[1]) Въ статьяхъ Georges Polti, появлявшихся въ „Mercure de France“, потомъ отдѣльной книгой, „Les 36 situations dramatiques“, 1895.

совѣсть была много разъ темой соціальной комедіи и драмы; но изъ того, что въ XVII вѣкѣ рѣзкія истины сказалъ современникамъ Альцестъ, въ XVIII-мъ столѣтіи—Фигаро, въ русской средѣ 20-хъ годовъ—Чацкій, въ нѣмецкой—Уріэль Акоста, выразитель идей молодой Германіи, не слѣдуетъ, чтобы все было высказано этими предшественниками, тема исчерпана, надобности въ обличеніи не представлялось, и чтобы злоба дня въ началѣ XX вѣка не могла вызвать новаго Чацкаго или новаго Фигаро на сильный протестъ?

Старыя, общечеловѣческія темы комедіи постоянно обновляются жизнью; только тогда комедія выполнитъ свою задачу относительно ея времени и ея народа, когда отразитъ въ себѣ всѣ видоизмѣненія этихъ старыхъ темъ, вызванныя новыми осложненіями быта. Можно ли утверждать это въ защиту современнаго комическаго театра нашего? Высшіе, достигнутые до сихъ поръ образцы его, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, въ бытовомъ отношеніи прикрѣплены къ отжившимъ соціальнымъ условіямъ, къ чиновничеству и барству первой четверти вѣка, къ купечеству пятидесятыхъ годовъ. Изъ мозаической работы послѣдующихъ комиковъ не составишь полной общественной картины; добросовѣстно выполняли они отмежеванную ими же частицу великой работы, постоянно проходя мимо богатыхъ залежей сюжетовъ.

Въ странѣ, гдѣ еще такъ живуче сословное начало, трудъ комика часто поневолѣ спеціализировался, пріурочиваясь къ изображенію извѣстнаго отдѣла соціальной жизни, и комедія получала купеческій, дворянскій, народный, чиновничій колоритъ. Хоть въ этихъ-то рамкахъ все ли сдѣлано ею? Въ свое время она отмѣтила дворянское оскудѣніе. «Плоды просвѣщенія» зло осмѣяли идейную отсталость перваго сословія, но попытки вернуть себѣ старыя льготы, оживленіе кастовой спеси, нетерпимости, и другіе отголоски грибоѣдовской поры оставлены комедіей безъ вниманія. Купечество было открыто и завоевано Островскимъ для комедіи, но сильно потускнѣли бытовыя черты въ его раннихъ пьесахъ, формы жизни стали казаться архаическими, нравы и характеры мѣнялись и комедія, сжившаяся было съ Подхалюзинымъ, Китомъ Китычемъ и Любимомъ Торцовымъ, стала торопливо догонять ушедшихъ въ другую сторону ихъ преемниковъ... Три четверти вѣка спустя послѣ капнистовской «Ябеды» авторъ «Доходнаго мѣста» сумѣлъ изъ той же среды хищничества и взятокъ извлечь новыя данныя для обличенія закоснѣлаго русскаго порока, не повторивъ пріемовъ предшественника и обставивъ фабулу картиной общественнаго броженія передъ реформами. Прошло съ того времени снова нѣсколько десятилѣтій съ ихъ треволненіями,—но, должно быть, справедливость и законность упрочились навсегда: комедія безпечно отвернулась отъ связанныхъ съ ними вопро-

совъ [1])... Народная, деревенская жизнь заняла извѣстное мѣсто на сценѣ, но, если въ драмѣ она дождалась сильнаго и правдиваго изображенія, комическое освѣщеніе деревни пробавляется грубыми эффектами попоекъ и разгула. Гдѣ тотъ мѣткій юморъ, которымъ блещутъ народная рѣчь, сказки, пѣсни, комическія «народныя легенды», сельскія «игрища»? Хоть бы его призвать, чтобы народъ въ комедіи являлся не условной, сочиненной массой, а сборищемъ живыхъ людей со всевозможными оттѣнками характеровъ!.. Обширный слой мѣщанства, ремесленной и рабочей жизни едва затронутъ; пролетаріатъ, давно проникшій въ повѣсть, дождался сценическаго изображенія лишь у Максима Горькаго; комедіи изъ литературныхъ нравовъ (хотя бы подъ статъ «Журналистамъ» Фрейтага) мы не имѣемъ; даже мѣстный комическій жанръ не развился у насъ,—послѣ «Бальзаминовской трилогіи» Островскаго *московская* бытовая комедія замолкла, а въ Москвѣ ли, казалось бы, съ ея пестрымъ населеніемъ, не развиться бойкому локальному фарсу?

Но, кромѣ богатства бытовыхъ данныхъ, оставленныхъ въ пренебреженіи, современная комедія не коснулась ряда общихъ вопросовъ и положеній, вызванныхъ осложнившимися общественными отношеніями. Разладъ между поколѣніями, столкновенія убѣжденій, торговля ими и ренегатство, новыя формы хищничества, наживы, русскаго панамизма, семейный строй, женское движеніе въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ,—не оберешься насущныхъ и благодарныхъ темъ.

Пусть не ссылаются въ оправданіе на трудность обличенія при данныхъ условіяхъ жизни. Дѣло комика всегда и вездѣ было нелегко; не въ средѣ, проникнутой благодушіемъ и терпимостью, писали Грибоѣдовъ, Капнистъ, Гоголь, Островскій; исторія «Ябеды», «Горя отъ ума», «Ревизора», «Своихъ людей», «Воспитанницы», «Доходнаго мѣста» полна запрещеній, преслѣдованій, уродованій и искаженій, и, несмотря на то, побѣда осталась за ними, и люди, имѣвшіе *что* сказать обществу, сдѣлали это съ честью. Смѣлѣе же впередъ, робко прижавшееся къ сторонкѣ и малочисленное поколѣніе комиковъ,—и за дѣло! Пусть иронизируютъ надъ старымъ изреченіемъ, утверждавшимъ, что театръ—школа народная (любопытно, что въ 18-мъ вѣкѣ его повторяли Екатерина и дѣятели 1789 года); комедіи выпала теперь на долю обязанность народнаго воспитанія въ духѣ правды и долга; съ тѣхъ поръ, какъ со

---

[1]) Можно указать лишь одно, впрочемъ почетное, исключеніе,—пьесу Сухово-Кобылина „Дѣло“ или „Отжитое время“, долго находившуюся подъ запретомъ, въ наши дни выпущенную на волю, но при всей рѣзкости нападокъ на неправый судъ и безнаказанность лихоимства показавшуюся новымъ зрителямъ слишкомъ архаическою...

смертью Салтыкова не раздается болѣе смѣлое укоризненное слово сатиры, только со сцены, вѣрной завѣтамъ великихъ комиковъ, общество можетъ услышать столь нужную ему суровую истину.

VI.

Литературныя репутаціи и судъ потомства.

Одинъ изъ товарищей молодого Гёте, Генрихъ Леопольдъ Вагнеръ, въ остроумной сатирѣ «Voltaire am Abend seiner Apotheose», тотчасъ послѣ смерти Вольтера заглянувъ въ будущее, попытался отгадать судъ о немъ потомства черезъ столѣтіе. Впавшій въ дѣтство, суетный и тщеславный Вольтеръ, его нянька, и колоссальная фигура Духа XIX вѣка—дѣйствующія лица. Старикъ бредитъ наяву грядущимъ своимъ безсмертіемъ; раздраженная его самомнѣніемъ сидѣлка произноситъ тайкомъ надъ жаровней заклинаніе, обводитъ волшебный кругъ,—и геній будущаго столѣтія является какъ духъ земли передъ Фаустомъ. Вольтеръ смущается и слышитъ отъ духа странныя вещи: потомки оцѣнятъ его только по заслугамъ, выдѣлятъ то, что стоитъ хвалить, а *какъ* это сдѣлаютъ, пусть объ этомъ онъ самъ прочтетъ. Удалившись, призракъ оставляетъ Вольтеру книгу: это «Dictionnaire raisonné de la littérature française», помѣченный 1875 годомъ, правда, не безъ ошибки на заглавной страницѣ, потому что мѣсто печати—Paris, de l'imprimerie *royale*... И что же? Отзывъ критика необыкновенно сухъ и придирчивъ, уничтожаетъ массами вольтеровскія произведенія, оставляя лишь коегдѣ нетронутыя вершины, въ родѣ «Traité sur la Tolérance», одобряя остроуміе, но строго порицая его примѣненіе въ ущербъ религіи и нравамъ. Въ годъ изданія словаря всѣ довольствуются сокращеннымъ собраніемъ сочиненій Вольтера, а послѣсловіе къ статьѣ гласитъ, что къ слѣдующему изданію, черезъ двадцать пять лѣтъ, т.-е. къ началу двадцатаго вѣка, произведено будетъ еще болѣе тщательное очищеніе и выпущенъ будетъ только «Esprit de Voltaire», въ *двухъ* маленькихъ томахъ, въ одномъ—трактатъ о вѣротерпимости, какъ напоминаніе о прежнемъ варварствѣ, во второмъ—извлеченныя съ большимъ трудомъ изъ сорока томовъ мѣткія, хорошія, не всегда новыя мысли... Книга выпадаетъ изъ рукъ великаго старца, и онъ лишается чувствъ.

Не странно ли, что почти въ тотъ срокъ, когда предсказано было появленіе этого «Voltaire épuré», Эмиль Фагэ, въ концѣ довольно суроваго этюда о Вольтерѣ, высказалъ мнѣніе, что «всегда будутъ охотно читать *десятитомнаго* Вольтера, рѣдкое воплощеніе французскаго остроумія и тонкой сатиры»?.. Разногласіе, стало быть, лишь въ томъ, какую

часть необъятной дѣятельности мыслителя признать навѣки нерушимой, способной всегда будить и просвѣщать умы. Но самъ Вольтеръ врядъ ли иначе представлялъ себѣ подведеніе итоговъ жизни писателя потомствомъ. Онъ находилъ, что въ сколько-нибудь выдающейся книгѣ есть всегда нѣсколько страницъ, полныхъ существеннаго содержанія, а затѣмъ—повторенія, многословіе, пространныя толкованія. Онъ часто сохранялъ въ своей библіотекѣ не полный текстъ книгъ, а выдержки изъ нихъ, вырванныя, наклеенныя, сброшюрованныя. Ему казалось, что такъ яснѣе раскрывается духъ мыслителя, талантъ художника. Свой умственный трудъ, трудъ геніальнаго пропагандиста, публициста, обязаннаго въ борьбѣ съ злобой дня много разъ возвращаться къ темамъ проповѣди, онъ, конечно, обрекалъ на такой же судъ потомства. «Я буду повторяться до тѣхъ поръ, пока истина не восторжествуетъ!» съ обычною горячностью восклицаетъ онъ, и съ этимъ признаніемъ предстаетъ передъ неумытный судъ.

Вопросъ о томъ, какъ происходитъ «судъ потомства», что вліяетъ на произносимый имъ приговоръ надъ писателемъ, при жизни, быть-можетъ, ослѣпившимъ современниковъ славой, что остается отъ нея,—одинъ изъ любопытныхъ и мало разработанныхъ въ литературной критикѣ. Даровитый представитель ея во французской наукѣ, Поль Стапферъ, попытался разобраться въ немъ и цѣлую книгу посвятилъ изученію зарожденія и развитія того, что онъ называетъ «литературными репутаціями» [1]. Отъ ученаго, составившаго себѣ извѣстность независимыми и оригинальными сужденіями о такихъ увѣнчанныхъ традиціею писателяхъ, какъ Шекспиръ, Расинъ, Гюго, Мольеръ [2], можно было ожидать сравнительно-историческаго этюда въ широкой рамкѣ всеобщей литературы, съ другой стороны, свободной расцѣнки, точныхъ итоговъ и вывода изъ наблюденій, существенно помогающаго рѣшенію вопроса. Смѣло проходя въ литературномъ пантеонѣ среди боговъ и героевъ, красующихся на пьедесталахъ, и отмѣчая то, что *дѣйствительно* уцѣлѣло изъ ихъ наслѣдія, онъ могъ бы ввести историко-литературную оцѣнку въ надежное русло фактической достовѣрности, не боясь, что отъ провѣрки потускнѣетъ ореолъ, развѣнчается чело, привыкшее къ лаврамъ. Но задача осталась невыполненной; среди остроумной causerie разбросаны мѣткія сужденія о пружинахъ успѣха, тайнахъ удачи, случайномъ и умышленномъ добываніи славы, о литературномъ честолюбіи,

---

1) Paul Stapfer. Des réputations littéraires; essais de morale et d'histoire. P. 1893.

2) Остроумная книга его „Petite comédie de la critique littéraire", 1866, сопоставила всѣ странности и нелѣпости, высказанныя о Мольерѣ критикой разныхъ школъ.

объ «оптическихъ иллюзіяхъ»; авторъ зачѣмъ-то признается, что и самъ взялся за составленіе настоящей книги, истомленный тщетнымъ ожиданіемъ блестящей репутаціи, которая могла бы наградить его долгую писательскую жизнь и постоянныя старанія выдвинуться чѣмъ-нибудь своеобразнымъ. Если и это—вспышка юмора, то она неудачна и сводитъ тему изслѣдованія на избитую почву внѣшняго успѣха, охоты за счастьемъ. Порою эссеистъ группируетъ авторитетныя мнѣнія по затронутому имъ предмету, не замѣчая, что они наносятъ рѣшительный ударъ его соображеніямъ. Когда онъ цитируетъ (всего ближе относящіяся къ наукѣ) слова Ренана (изъ «Avenir de la science»): *«насъ не будутъ читать* послѣдующія поколѣнія, мы это знаемъ, мы этому радуемся, и поздравляемъ нашихъ преемниковъ; нашъ трудъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы подвинуть впередъ пониманіе вещей, сдѣлать возможнымъ для потомковъ не читать нашихъ книгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ движеніе мысли элементъ неизгладимый», отъ этого безнадежнаго предсказанія рушится только что сложенный, затѣйливый карточный домикъ, мнимый храмъ литературной славы.

Передъ нами обрисовалось стало-быть три мнѣнія: искусно взвѣсивъ благопріятные шансы, писатель *можетъ обезпечить себѣ жизнь въ потомствѣ*; отъ его дѣятельности *уцѣлѣетъ лишь немногое*, строго отобранное позднѣйшими критическими школами; его *совсѣмъ не станутъ читать*, но вспомнятъ о его заслугахъ въ общемъ движеніи мысли (если онъ содѣйствовалъ ему). Вторая, посмертная жизнь занимаетъ немалое мѣсто во всѣхъ трехъ теоріяхъ; даже предвидя гибель того, во что вложилъ онъ лучшія силы, человѣку хочется вѣрить, что потомки помянутъ добрымъ словомъ его исканіе истины. Еще стремительнѣе неслась навстрѣчу будущему мысль такихъ опережающихъ вѣкъ писателей, какъ Дидро; въ полемической перепискѣ съ Фальконетомъ, дорожившимъ судомъ современниковъ, онъ не вѣритъ его приговору, всегда отравленному пристрастіемъ, предразсудками, личными счетами, и заявляетъ, что оцѣнка писателя *только* въ судѣ далекаго потомства...

Но вѣдь этотъ судъ—не условная фикція; для многихъ онъ наступилъ; мы въ немъ участвуемъ; историческая давность уполномочиваетъ насъ къ тому. По провѣркѣ «литературныхъ репутацій» семнадцатаго и восьмнадцатаго вѣковъ, которая выполняется въ настоящее время и въ наукѣ, и въ критикѣ, въ сужденіяхъ читающей массы, можно составить себѣ понятіе о томъ, что скажутъ наши преемники о главныхъ двигательныхъ силахъ литературы истекшаго столѣтія. Стапферъ берется же подвести итоги вѣку Людовика XIV, признаетъ, что слава Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйэра, Боссюэ закатилась, что Мольеръ, Лафонтенъ, Корнель, Расинъ и Буало (?) выдержали искусъ и т. д.

Фагэ каждымъ сборникомъ своихъ критическихъ этюдовъ производитъ опустошеніе то въ періодѣ Рабле и Монтаня, то въ XVII вѣкѣ, то въ XVIII столѣтіи...

Пусть эссеистъ съ фактами въ рукахъ настаиваетъ на томъ, что успѣхъ во множествѣ случаевъ зависѣлъ отъ счастливой случайности, искусно выбраннаго момента, отъ блестящей импровизаціи, звонкой и красивой, или же, наоборотъ загадочной, мистической, туманной, оттого, что пробилъ «часъ явиться генію», — онъ признаетъ существованіе болѣе глубокихъ и твердыхъ основъ литературнаго безсмертія. Отдавая справедливость красотѣ формы, онъ находитъ одностороннимъ и устарѣвшимъ заявленіе Бюффона, будто только «изящно написанныя» произведенія переходятъ къ потомству, и требуетъ отъ писателя оригинальности, свободы замысла и выполненія, не подвластнаго «правиламъ», ждетъ «идеаловъ», соотвѣтствія важнѣйшимъ запросамъ своего времени или назрѣвающимъ идеямъ будущаго; эти требованія ставятъ поэта-мыслителя и гражданина выше счастливаго авантюриста, съ налету схватывающаго славу [1]).

Итакъ, даже въ той средѣ, которая такъ долго плѣнялась внѣшней литературной красотой, и въ наше время, ради надежды найти новыя наслажденія, готова была признать блуждающій огонекъ символизма за путеводную звѣзду, — устанавливается живительная требовательность. Непосредственнаго дарованія, подкупающаго искренностью вдохновенія, музыкальнаго чутья, недостаточно. «Догорятъ огни, отцвѣтутъ цвѣты», и поблекнутъ поэтическія краски, казавшіяся когда-то очаровательными; вызываетъ же у насъ улыбку сентиментальность, которая для предковъ была лучшимъ выраженіемъ ихъ мечтаній и чувствованій!.. Лишь немногимъ лирикамъ любви и поэтамъ одинокаго раздумья, немногимъ занимательнымъ и беззаботнымъ разсказчикамъ или сценическихъ дѣлъ мастерамъ, не заглядывавшимъ дальше своего искусства, удалось, благодаря выдающейся талантливости, удержаться въ памяти — не исторіи литературы, обязанной все помнить, все заносить въ безконечный лѣтописный свитокъ, а громадной массы читающаго и воспріимчиваго человѣчества. Но столѣтія проходятъ, а созданія, полныя мысли и энергіи, живутъ вѣчно юной жизнью. Въ средневѣковомъ нарядѣ «Божественная Комедія» ближе и дороже намъ многаго, что возникло вчера.

---

1) Американскій эссеистъ Бэрроусъ въ своемъ новѣйшемъ вкладѣ въ литературу даннаго вопроса (Literary Values and Other Papers, Lond., 1903) выставилъ залогомъ живучести произведенія его „честность". „Только честной книгѣ, — говоритъ онъ, — суждено жить; только безусловная искренность можетъ спорить съ временемъ". Выше всего поднимается то, что проникнуто „прямодушіемъ, простотою, честностью, любовью".

Въ широкой рамкѣ, которую даетъ для обозрѣнія судьбы «литературныхъ репутацій» исторія всеобщей словесности, должно найтись мѣсто и для точныхъ итоговъ славы русскихъ писателей. Но попытка подведенія этихъ итоговъ сдѣлана была слишкомъ давно и не возобновлялась въ томъ же размѣрѣ и съ тою же цѣлью. То были «Литературныя Мечтанія» Бѣлинскаго. Весь персоналъ почти столѣтняго періода словесности былъ вызванъ на судъ независимаго юноши-критика, и какъ мало именъ выдержало искусъ!.. Когда перечитываешь эти страстныя статьи, кажется, будто передъ тобой поле сраженія, усѣянное трупами, или музей скульптуры, куда ворвался вихрь и снесъ съ пьедесталовъ и разбилъ вдребезги чуть не всѣ статуи.

Съ тѣхъ поръ прошелъ внушительный срокъ; накопился опытъ, выработались требованія, сравнительное изученіе литературы многому научило. Необходимъ новый пересмотръ. Если Маколей былъ правъ, высказывая желаніе, чтобъ біографіи замѣчательныхъ людей періодически предпринимались различными изслѣдователями, и измѣняющіеся съ каждымъ поколѣніемъ взгляды и оцѣнки могли заявляться и содѣйствовать лучшему пониманію заслугъ дѣятеля, то и въ области, которой мы коснулись, полезны такіе же пересмотры и провѣрки.

Выполненіе подобной работы вышло бы изъ предѣловъ нашихъ летучихъ набросковъ. Это—тема, способная привлечь и заинтересовать массой самостоятельнаго труда. Пригодныя для нея лица найдутся. Имъ можно пожелать полнаго безпристрастія, научной точности, умѣнья собрать и разработать сложный матеріалъ, измѣряющій степень распространенности и «читаемости» писателей и ихъ отдѣльныхъ произведеній въ культурныхъ слояхъ и грамотной массѣ, оцѣнку ихъ современной критикой и историко-литературной наукой, умѣнья не робѣть передъ завѣщанными традиціею авторитетами и не съ воинственнымъ пыломъ молодого Бѣлинскаго, имѣвшимъ, конечно, свое оправданіе, а съ спокойствіемъ естествоиспытателя или статистика обобщать наблюденія.

Ихъ ждетъ изученіе многихъ, преодолѣвшихъ разрушительную силу времени, художественныхъ красотъ, ждутъ и недоумѣнія, и открытые вопросы, а прежде всего тотъ, который у Стапфера выразился въ формулѣ «соотвѣтствія руководящимъ идеямъ своего времени или будущихъ поколѣній» и который обнаружитъ недочеты и пробѣлы. Имъ придется, быть можетъ, отмѣтить тотъ фактъ, что общество, такъ долго поклонявшееся на разныхъ поприщахъ непосредственнымъ натурамъ, чуднымъ самородкамъ, и въ творчествѣ принуждено было чествовать прежде всего изобиліе талантливости, а затѣмъ уже извѣстный идейный запасъ; что современники не разъ мирились съ недостаткомъ этого «соотвѣтствія», съ отчужденностью отъ запросовъ жизни, ради силь-

наго и чарующаго дарованія, и что медленно развивалась требовательность даже у потомства, не испытавшаго непосредственнаго обаянія выдающагося таланта. Тамъ, гдѣ въ біографіяхъ замѣчательныхъ писателей то и дѣло повторяется заунывный припѣвъ о скудномъ воспитаніи, долгой и мучительной борьбѣ за существованіе, страстномъ и неровномъ самообученіи и, для оттѣнка, о рано наступающемъ переломѣ, утомленіи, равнодушіи, раскаяніи, сожженіи самимъ человѣкомъ того, чему онъ поклонялся, гдѣ туманные, мистическіе взгляды часто могли съ успѣхомъ выдаваться за стройное міросозерцаніе, иначе и быть не могло.

Но, быть можетъ, выясненіе хоть такого факта навело бы на небезполезныя соображенія и вознаградило за напряженіе сложной работы...

Есть двѣ превосходныя, и по мысли, и по формѣ, защитительныя рѣчи въ честь дорогого достоянія русскаго народа, его языка. Одна изъ нихъ всѣмъ знакома, другая забыта или малоизвѣстна; первая принадлежитъ Тургеневу, вторая—Ломоносову, съ которымъ романистъ случайно сошелся даже въ выраженіи мысли. Для Тургенева—«въ дни сомнѣній и тягостныхъ раздумій» былъ поддержкой и опорой «великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ». Ломоносовъ [1]) мечталъ о томъ, чтобы «россійское слово, отъ природы богатое, сильное, здравое, прекрасное, нынѣ еще во младенчествѣ своего возраста, добродѣтелей Россіи изображеніемъ растущее и укрѣпляющееся, превзошло бы достоинство всѣхъ другихъ языковъ».

Широко понятое, это желаніе процвѣтанія родного языка, конечно, охватываетъ собой и совершенство художественной формы, стиха, яркой и живой прозы, всего, что обусловлено развитіемъ *рѣчи*. Но съ торжествомъ ея долженъ соединится и прогрессъ—*мысли*...

V.

Муза и художникъ.

На международной выставкѣ въ Венеціи въ 1897 году большое впечатлѣніе по оригинальности замысла производила картина А. Гольца «Поэтъ». Въ минуту раздумья, недовѣрія къ себѣ, упадка энергіи, поэтъ увидалъ передъ собой, среди моря цвѣтовъ, свѣтлое видѣніе; свободныя отъ всякихъ покрововъ, божественныя линіи женской красоты восхищаютъ взоръ. Но въ изумленіи художника нѣтъ чувственнаго огня; онъ благоговѣйно преклонилъ колѣно, не отрываетъ глазъ; все лучшее,

---

[1]) Слово благодар. на торжеств. инавгурацію университета. 1760.

зистое, святое, вернулось къ нему; снова стоитъ жить; онъ пойдетъ на этимъ призывнымъ взглядомъ, пойдетъ къ людямъ, на пользу имъ.

Это новый варіантъ одной изъ древнѣйшихъ темъ въ міровой литературѣ и искусствѣ,—той темы, которую можно бы назвать «муза и художникъ». Между эллинскимъ представленіемъ о божественныхъ покровительницахъ поэзіи и грезой живописца на порогѣ двадцатаго вѣка прошли тысячелѣтія, а символъ облагораживающаго начала въ поэзіи, символъ вдохновенія живъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ съ высотъ Парнасса музы стали спускаться на землю, къ поэту, какъ миѳическій періодъ ихъ культа смѣнился реальнымъ, и мраморный ликъ Мельпомены, Эвтерпы или Таліи уступилъ мѣсто человѣческимъ чертамъ властительницы думъ и сердца поэта или художника, собирательный образъ музы охватилъ собою безконечные разновидности и оттѣнки.

Муза съ ликомъ мадонны—геній средневѣковаго гимна; муза—феодальная красавица, богиня трубадура; Фіамметта, царица Декамерона, въ ореолѣ граціи, веселья и остроумія; муза-вакханка,—и загробное романтическое видѣніе Новалиса съ эмблемою таинственнаго Голубого Цвѣтка; муза баррикадъ и свободы, муза мести и печали,—и фея любви въ «Ночахъ» А. Мюссе; Лизетта Беранже и Текла Шиллера; добродѣтельная Фелица—и муза «Fleurs du Mal»; крестьянская муза Бёрнса, и пышная гётевская аллегорія Вѣчно Женственнаго Начала,—превращенія одного и того же условнаго образа. Муза—Протей, столицый, стоокій; ея поэтическая исторія—въ то же время исторія поэзіи человѣчества; въ символѣ смѣны одного вдохновляющаго существа другимъ отражается смѣна основной идеи, настроенія, вкуса, въ творчествѣ цѣлаго поколѣнія или центральнаго въ немъ дѣятеля. Но первоначальные контуры аллегоріи давно стали опредѣленными чертами *женщины*, развитіе типа музы поэтому тѣсно связано съ эволюціею женской личности, опредѣляется переходами въ ея общественномъ положеніи и вліяніи, опирается на исторію подлинныхъ, реальныхъ женскихъ характеровъ и на художественныя ихъ воспроизведенія.

Классическая древность, раздавъ въ удѣлъ музамъ-сестрамъ главныя области искусства, одарила всѣмъ царствомъ пѣсни, лирики, задумчивую, ушедшую въ себя (какъ ее изображаютъ статуи и рельефы) Полигимнію, но для римскаго поэта было уже непонятно это единовластіе, и царица пѣсни воплотилась для Тибулла въ лицѣ его Деліи, для Овидія въ образѣ Коринны, для Проперція въ чертахъ Цинтіи; такъ, до безконечности, развивалась эта склонность у множества субъективныхъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Рядомъ съ реальными олицетвореніями пережила вѣка, дойдя до нашей поры, и безыменная фикція *музы* вообще, а вмѣстѣ съ нею и привычка изображать про-

бужденіе вдохновенія въ поэтѣ, подъемъ его таланта, какъ слѣдствіе таинственнаго явленія музы поэту. Но процессъ *вочеловѣченія* коснулся и этой условной фикціи; въ ней не удержались классическій профиль и величавость рѣчей и поступи; она взбиралась къ пѣвцу богемы на убогій чердакъ и коротала съ нимъ вѣкъ, въ возбужденіи влекла за собой поэта народной борьбы въ ея водоворотъ, томилась міровою скорбью въ кельѣ поэта-пессимиста, гремѣла гнѣвными рѣчами и презрительнымъ смѣхомъ противъ людского стада вмѣстѣ съ сатирикомъ. Казалось, это все еще была безыменная *муза*, поздній пережитокъ классическаго миѳа, а между тѣмъ старый псевдонимъ давно сталъ условнымъ обозначеніемъ постоянно обновляющагося идейнаго содержанія и прогресса поэтической формы, сталъ маскарадной маской, подъ которой поочередно или одновременно могли скрываться женскія лица всевозможныхъ типовъ, несходныя ни по нервной возбужденности, ни по задумчивости, ни по свѣтлому благодушію.

Эта терпимость и равноправность—характеристическая черта и важнѣйшій результатъ эволюціи *музы*, одно изъ наглядныхъ выраженій свободы творчества. Традиціонное число *девяти* музъ, представительницъ точно разграниченныхъ поэтическихъ областей, кажется наивной попыткой художественной классификаціи; «вѣщія сестры», блюстительницы старой поэзіи, потерялись среди пестрой толпы музъ, имя которымъ легіонъ. Обширная, охватывающая міровую литературу, антологія, которая собрала бы произведенія, славящія на всѣхъ языкахъ музу, призывая ее и наглядно воспроизводя появленіе «музы передъ художникомъ», конечно, подтвердила бы массою фактовъ это наблюденіе. Послѣднее слово, новѣйшій лозунгъ здѣсь—равенство. Еще старый русскій поэтъ утверждалъ, что «босыя сестры проложили къ славѣ *много* путей». Парнассъ навѣрно представлялся ему изборожденнымъ этими тропами; самъ онъ сознательно выбралъ путь общественнаго служенія. Не къ *славѣ*, конечно, какъ выразился Кантемиръ, быть можетъ, не сумѣвъ найти болѣе подходящаго термина, а къ осуществленію истинныхъ цѣлей поэзіи ведутъ эти пути, и въ томъ, что новая эстетика признала наконецъ равноправность ихъ, могло бы убѣдить присутствіе въ символическомъ хороводѣ музъ 19-го вѣка пантеистической музы Шелли, политической музы Беранжс, Барбье, Гюго, генія леопардіевскаго пессимизма, вдохновительницы байроновскаго титанизма, скептической музы Гейне, крестьянской музы народныхъ поэтовъ различныхъ племенъ, гуманной музы Лонгфелло или Теннисона, окруженныхъ симпатіями потомства, признаніемъ заслугъ, обезпечивающимъ почетное мѣсто въ итогахъ поэзіи вѣка разнороднымъ направленіямъ. Наконецъ-то, хоть въ творчествѣ, каждый hat das Recht selig zu sein nach seiner Façon.

Но венеціанская картина снова зоветъ насъ отъ прошлаго къ современности и рисуетъ музу новаго поэтическаго періода. Кто же она?

Когда въ Парижѣ открывали памятникъ Мишле, одною изъ любопытныхъ подробностей приготовленій къ празднеству было «исканіе музы», красивой дѣвушки, которая могла бы выступить въ минуту открытія статуи, какъ олицетвореніе генія исторіи, вѣнчающаго великаго ученаго. Въ поискахъ, очень суетливыхъ, несмотря на то, что Парижъ, кажется, еще не оскудѣлъ по части эстетики, было, глядя со стороны, немало комическаго; какъ будто нужно было для чего-то выполнить обрядъ, давно обветшавшій, поиграть немного въ старинную, мало кому понятную игру!.. Твердой поступью, закономѣрно идетъ впередъ историческая наука, и старый символъ *творчества*, *вдохновенія*, не нуженъ ей болѣе, хотя бы цѣлый цвѣтникъ красавицъ былъ налицо для достойнаго его изображенія. То ли съ поэзіей, съ художественнымъ словомъ нашего времени? Не испытываютъ ли они, въ переносномъ смыслѣ, такой тревоги исканія музы, и не принялъ ли художникъ, изображая явленіе вѣстницы возрожденія поэту, за совершившійся фактъ то, чего ждетъ, какъ мессіи, цѣлое истомившееся поколѣніе?

Конецъ вѣка ясно обнаружилъ удручающее сходство съ его началомъ, съ его первыми десятилѣтіями. Та же круговая порука, во всей Европѣ, охранительныхъ элементовъ, то же отрицаніе общественной самодѣятельности, тотъ же культъ силы, одолѣвающей право, та же нетерпимость къ независимой мысли, и навстрѣчу имъ тѣ же попытки сгруппировать и междуплеменно сблизить живыя соціальныя силы, попытки, умудренныя вѣковымъ опытомъ и много выигравшія въ организаціи и системѣ. Порою оживаютъ душеспасительныя руководящія идеи «эпохи конгрессовъ», «карлсбадскихъ постановленій», указовъ германскаго союза, тартюфскихъ нотъ Меттерниха; въ отвѣтъ ждешь отпора, сколько-нибудь напоминающаго байроновскія обличенія, ѣдкіе памфлеты Поль-Луи Курье, блестящій остроуміемъ и отвагой журнализмъ Бёрне, боевыя пѣсни «Молодой Германіи». Но необъятно развившаяся публицистика блѣдна и безкровна, могучее слово не потрясаетъ міровой совѣсти, чисто-вольтеровскій походъ Зола на защиту справедливости вызвалъ злобный ропотъ и проклятья, а изъ тысячъ стихотворныхъ сборниковъ, появляющихся во всѣхъ странахъ культурнаго свѣта, слышатся унылая пѣснь горя, безпомощности, фатализма или гимны вѣчной красотѣ, побуждающіе къ забвенію дѣйствительности. Старый обычай велитъ и теперь безпокоить «музу», вызывать ее, но еслибъ возможно было добыть сводный, синтетическій ея образъ (вѣдь существуетъ же «синтетическая фотографія», сборный типъ цѣлыхъ группъ людей), впечатлѣніе получилось бы необыкновенно тоскливое, подъ

стать тому, какое произвела оригинально задуманная выставка 1898 г. въ Падуѣ, отведенная разнообразнымъ воплощеніямъ Вѣчно-Женственнаго Начала въ произведеніяхъ современныхъ итальянскихъ художниковъ. На этой выставкѣ отуземившійся въ Италіи русскій живописецъ Шерешевскій, авторъ полныхъ экспрессіи картинъ изъ сибирской арестантской жизни, изобразилъ Das ewig Weibliche въ образѣ женщины въ красномъ одѣяніи, которую грубо тянетъ къ себѣ скелетъ; другой художникъ предпочелъ нарисовать двухъ обнаженныхъ женщинъ, смотрящихся въ зеркало, третій — женщину, окруженную ангелочками, подлѣ нея какого-то повѣшеннаго и — римскаго цезаря, четвертый—женщину въ храмѣ и т. д. Нигдѣ ни слѣда, ни малѣйшаго отраженія новыхъ движеній въ женскомъ мірѣ, которыя открываютъ ему широкое поприще и среди тяжелаго затишья служатъ однимъ изъ залоговъ возрожденія.

Звать на помощь такъ часто сливавшееся съ чертами «музы» Вѣчно-Женственное Начало, которое затрудняешься или разучился формулировать, звать, ожидая отъ него вдохновенія,—печальный удѣлъ. Но вѣдь семь вѣковъ тому назадъ, несмотря на мистическій блескъ, окружавшій его, оно сумѣло же сдѣлать Данта великимъ проповѣдникомъ правды и грознымъ судьею зла! Неужели не ростъ, развитіе, а вырожденіе—удѣлъ поэтическаго творчества?

Средневѣковое пристрастіе къ формѣ «видѣній» таинственнаго и легендарнаго характера создало цѣлую литературу (Visiones), увѣнчанную Божественною Комедіею. Еще болѣе древній символизмъ таинствъ зарожденія поэзіи довелъ, видѣли мы, до нашей трезвой поры безконечный свитокъ поэтическихъ разсказовъ о «видѣніяхъ» иного рода, — о появленіяхъ музы. Если ужъ намъ не суждено разстаться съ ними, вспомнимъ же, что эта лѣтопись былого творчества полна фактовъ, показывающихъ, какъ въ сходныя съ нашею эпохи безвременья являлась въ лицѣ музы не чаровница, а мужественная вдохновительница, научавшая соединять красоту и силу слова съ стремленіями къ общественнымъ и нравственнымъ идеаламъ высшаго порядка. На разсвѣтѣ новой литературы и науки она явилась въ образѣ Философіи, строгой и величественной, въ тюрьму къ послѣднему представителю классическаго изящества, Боэцію; отстранивъ окружавшихъ его легкомысленныхъ музъ, указала на великое призваніе просвѣтителя, руководителя душевной жизни людей, и моральный трактатъ «De consolatione philosophiae», въ описаніи этого эпизода полный поэзіи, долго оставался для поэтовъ, мыслителей, умныхъ правителей всѣхъ странъ Запада, опорой въ житейской борьбѣ. Являясь передъ томимымъ печальнымъ зрѣлищемъ народныхъ бѣдствій въ дореформаціонной Англіи Лангландомъ то въ образѣ Истинной Церкви, то въ образѣ Правды, она дала ему силы изобразить

въ «Видѣніи Петра-пахаря» потрясающую картину дѣйствительности. Она вложила перо въ руки Д'Обинье и побудила пересказать ужасы междоусобій и религіозныхъ гоненій. Внимая ея призыву, слѣпой, бездомный, гонимый Мильтонъ выступилъ среди мрака реставраціи съ гнѣвнымъ обличеніемъ. Зимнимъ вечеромъ постучалась она нъ хату Бёрнса, вошла простой крестьянкой, застала его подъ гнетомъ недовольства жизнью, раскрыла передъ нимъ скудость его личной и любовной лирики, указала на призваніе народнаго руководителя, на насущность подъема человѣческаго достоинства и общественныхъ правъ (стихотвореніе «A Vision») потомъ, въ еще болѣе суровую годину, предстала передъ нимъ на перепутьи величавымъ призракомъ въ одеждѣ старинныхъ народныхъ менестрелей съ сіявшей на головномъ уборѣ надписью *Liberty*, и поэзія Бёрнса высоко поднялась надъ уровнемъ мелодичной деревенской пѣсни. Она перевоспитала, возродила Байрона, и объ руку съ музой-карбонаркой онъ могъ и въ словѣ, и въ дѣлѣ достигнуть высшаго сочетанія поэтической красоты и чуткой мысли.

Наше время напоминаетъ эпохи, когда жили и дѣйствовали эти люди. Снова тѣ, кому близко и дорого назначеніе поэзіи, съ нетерпѣніемъ ждутъ таинственнаго видѣнія. Пусть же вдохновлявшая поэтовъ былого времени животворная *муза* явится передъ *художникомъ!*

VI.

Литературный типъ паразита.

Прихлебатель, приживальщикъ, pique-assiette, хамствующій тунеядецъ—вотъ тотъ односторонній, подчасъ скорѣе потѣшный, чѣмъ возмутительный и отталкивающій образъ, который въ повседневномъ *литературномъ* обиходѣ, какъ сборное представленіе объ извѣстной группѣ личностей, испоконъ вѣка изображавшейся словесностью, вызывается обыкновенно упоминаніемъ о паразитѣ. Классическая комедія и сатира, усердно потѣшавшіяся надъ жалкими инстинктами греческихъ и римскихъ блюдолизовъ, приспѣшниковъ при вельможахъ и богачахъ, льстецовъ, наушниковъ и низкопоклонниковъ изъ-за лакомаго куска, въ значительной степени повинны въ застарѣлости этого толкованія, которое они завѣщали позднѣйшимъ поколѣніямъ, не отрекшимся вполнѣ отъ него, несмотря на то, что непомѣрно усложнившіяся общественныя отношенія и борьба интересовъ на почвѣ соціальной, политической, религіозной, экономической, и отразившая ихъ всемірная литература выставили въ теченіи тысячелѣтій много разнообразныхъ видоизмѣненій паразитизма, оставившихъ далеко позади себя античныхъ предшественниковъ.

Исторія типовъ должна была бы давно заняться изученіемъ художественнаго изображенія паразита во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, не стѣсняясь узкими предѣлами традиціи, захватывая все разнообразіе проявленій и оттѣнковъ. Любимцамъ и баловнямъ изслѣдователей, представителямъ тѣхъ типовъ, которымъ не только удалось обезпечить себѣ старшинство по разработкѣ, но и вызвать цѣлые циклы изслѣдованій,— Лицемѣру, Скупцу, Прометею съ его потомствомъ, Гамлету, Донъ-Жуану, придется принять въ свои ряды младшаго товарища—безсмертнаго Паразита, чье потомство, несмѣтная армія родичей и единомышленниковъ, можетъ затмить легіоны, предводимые любымъ изъ его сверстниковъ.

Но въ запоздалости почина къ изслѣдованіямъ была несомнѣнная выгода. Тѣмъ временемъ сильно двинулись впередъ работы по изученію однородныхъ съ даннымъ вопросомъ явленій въ области естествознанія и общественныхъ наукъ. Очертанія литературнаго типа не могутъ не стать выпуклѣе благодаря фону, который придало имъ изслѣдованіе чужеядности въ природѣ и человѣческомъ обществѣ, «паразитизма органическаго» и «паразитизма соціальнаго». Будущая исторія типа представляется намъ невозможною внѣ связи съ данными естественныхъ наукъ и соціологіи.

Нѣсколько мыслей и замѣтокъ на эту тему, быть можетъ, не будутъ лишними.

Составившіе эпоху труды Зибольда и въ особенности Van Beneden'а [1]) установили фактъ широкаго распространенія паразитизма среди животныхъ и въ растительномъ царствѣ. Не только обособивъ отъ открыто нападающаго, грубаго хищничества тотъ видъ житья на счетъ чужихъ силъ, который медленно и расчетливо эксплоатируетъ ихъ, то сожительство, въ которомъ пришелецъ, присосавшись къ жизни другого существа, питается его соками и не знаетъ труда и усилій, но раскрывъ рядъ переходныхъ ступеней чужеядности, отъ стремленія отплачивать сожителю хоть нѣкоторыми услугами до воровскихъ и вредоносныхъ стремленій, оба ученые, создавшіе школу послѣдователей, могли уже произвести довольно полную классификацію органическаго паразитизма. Точными наблюденіями установили они отличительные признаки отдѣльныхъ группъ, опредѣлили пріемы, ухищренія, иногда сложную тактику, употребляемые приживальщиками.

Тогда какъ въ человѣческомъ обществѣ дѣлаютъ паразитизмъ своею профессіею, сосредоточиваютъ на немъ жизненные интересы лишь отдѣль-

---

[1]) Классическая его работа—Les commensaux et les parasites dans le règne animal. Paris, 1883.

ныя (хотя и многочисленныя) *личности*, эксплоатируя различными способами существа имъ же подобныя, въ органическомъ мірѣ предаются ему *цѣлые виды существъ*, въ полномъ составѣ, но никогда не губятъ силъ своей же породы, а ищутъ жертвъ внѣ ея,—правда, нарушая всѣ преграды, и не только въ ближайшихъ къ нимъ по организаціи породахъ, но вторгаясь изъ царства животныхъ въ растительный міръ и обратно. Зато, если среди людей нѣтъ необходимости, чтобы потомокъ приживальщика, ростовщика, кулака, трутня, сдѣлался паразитомъ, и возрожденіе возможно, вѣка проходятъ въ постоянной чужеядности извѣстныхъ породъ животныхъ и растеній. Для установленія ея эволюціи, по признанію авторитетныхъ ученыхъ, еще не настало время, хотя матеріалы собираются обильно, но уже ярко и опредѣленно стоятъ передъ нами главныя видоизмѣненія органической паразитности.

Вотъ умѣренный и аккуратный сожитель-нахлѣбникъ или сотрапезникъ (лучше не переведешь введеннаго Фанъ-Бенеденомъ термина «commensal»), располагающійся на морской губкѣ, на крабѣ, полипѣ и т. д. Какъ греческій паразитъ, серьезно считавшій себя въ правѣ на «застольное» и уютно усаживавшійся на общественныхъ трапезахъ, или римскій кліентъ-прихлебатель на пирахъ богачей, онъ дѣлитъ съ хозяиномъ его пищу, получаетъ на свою долю ея излишекъ и не вредитъ патрону. Онъ не могъ бы жить самостоятельно, на волѣ; необходимыя для того способности у него уже отсутствуютъ, органы ослабли или атрофированы. Вотъ товарищи его по профессіи, до извѣстной степени не чуждые вольной жизни, но дѣлающіе изъ паразитнаго состоянія или удобный прологъ къ ней или ея завершеніе; одни (разныя породы червей, наприм. Gordius aquaticus и друг.) живутъ на чужомъ иждивеніи лишь во время ранней молодости и потомъ уходятъ на свободу, другимъ оно необходимо, какъ богадельня, какъ инвалидный домъ, и при приближеніи дряхлости, ихъ главное стремленіе—крѣпче присосаться къ кормильцу, который ублажитъ ихъ до конца ихъ существованія. Вотъ наконецъ свободный и отъ мирныхъ инстинктовъ лѣниваго нахлѣбника и отъ умѣнья начинать и кончать жизнь привольной синекурой паразитъ par excellence. Онъ не щадитъ своего хозяина, но прямо губитъ его, то медленно, чтобъ растянуть тунеядство, то съ пріемами настоящаго хищника. Онъ предпріимчивъ и изворотливъ; чтобъ проникнуть туда, гдѣ всего больше для него будетъ поживы, онъ употребляетъ иногда тонкіе пріемы. Французскіе зоологи называютъ сценизмомъ или заимствованіемъ ливреи (emprunt de livrée), умѣньемъ носить личину, способность паразита мѣнять внѣшній видъ, даже окраску, чтобъ ввести въ заблужденіе будущую свою жертву, приманить ее къ себѣ. Если наибольшаго развитія и долголѣтія онъ можетъ достигнуть лишь въ

извѣстномъ организмѣ, для него благопріятномъ, онъ проникаетъ сначала въ другой, пользуется соками и силами этого «промежуточнаго хозяина» своего (Zwischenwirth, какъ мѣтко назвала его нѣмецкая зоологическая наука) и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ потребляется въ пищу желаннымъ для него существомъ. Такъ различные паразиты желудка человѣка и млекопитающихъ проникаютъ въ него вмѣстѣ съ растительной, рыбной пищей, послѣ того какъ они извѣстное время готовились къ благополучію, живя на иждивеніи тороватыхъ хозяевъ.

Еще шагъ дальше, и паразитизмъ становится открытымъ хищничествомъ неисчислимыхъ массъ невидимыхъ враговъ человѣка и животныхъ, которое раскрыла новѣйшая бактеріологія. Бацилла туберкулоза, непомѣрно размножаясь въ захваченномъ ею и обреченномъ на гибель организмѣ, замыкаетъ собою сложный рядъ явленій чужеядности.

Сколько же кроется въ тѣни, отбрасываемой наиболѣе крупными изъ нихъ, существъ безобиднаго, совсѣмъ не рокового назначенія, которыя тунеядствуютъ на счетъ чужого, даже коллективнаго труда, не заѣдая повидимому ничьей жизни и опираясь на порядокъ вещей искони установленный, вошедшій въ строй общежитія! Ко всякаго рода трутнямъ среди насѣкомыхъ, терпимымъ въ наиболѣе нормально-организованныхъ ихъ группахъ, вполнѣ подходитъ названіе «паразитовъ-синекуристовъ».

Однородность паразитизма органическаго съ соціальнымъ стала обращать на себя больше вниманія по мѣрѣ того, какъ естествознаніе овладѣвало обширнымъ запасомъ данныхъ по чужеядности въ природѣ, и натуралисты побуждаютъ соціологовъ и историковъ къ совмѣстной работѣ. Имъ кажется, что шансы ея гораздо благопріятнѣе въ области обществовѣдѣнія, чѣмъ въ наукѣ о природѣ. Если въ послѣдней еще нѣтъ достаточнаго матеріала для установленія эволюціи паразитизма, оно возможно въ области соціальной. Таковъ взглядъ двухъ бельгійскихъ натуралистовъ, Массара и Фандервельде, которые своимъ сводным изслѣдованіемъ, небольшимъ по размѣрамъ, но богатымъ возбужденіями и указаніями [1]), сдѣлали интересный починъ параллельнаго изученія обоихъ цикловъ явленій.

Исходя изъ одинаковаго побужденія, чужеядность общественная давно превысила простыя формы органическаго паразитизма способностью совершенствоваться, открывать новые и утонченные способы захвата чужихъ силъ, дарованій, имущества, свободы. Ростъ специализаціи еще не остановился, напротивъ, онъ идетъ впередъ вмѣстѣ съ

---

[1]) Parasitisme organique et parasitisme social, par Jean Massart et Emile Vandervelde. Paris, 1892.

усложненіемъ формъ общежитія. Современный эксплоататоръ и тѣ прихлебатели, къ которымъ нѣкогда въ Греціи приложена была кличка *паразитовъ*, произведенная отъ невинно звучащаго глагола, сначала только выражавшаго понятіе о совмѣстной ѣдѣ, сотрапезничествѣ, едва походятъ другъ на друга,—до того измѣнила потомковъ манія хищничества.

Уже въ Римѣ поражаетъ размноженіе приживальщиковъ, словно школа паразитизма, которую создаетъ сосредоточеніе большихъ богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Капиталистъ или вельможа окруженъ толпой кліэнтовъ, которыми онъ помыкаетъ, превращая ихъ въ паразитовъ. Цѣлой сворой шатаются они за нимъ, питаются на его пирахъ, появляются съ нимъ на форумѣ, глядятъ ему въ глаза, ради выгоды готовы растерзать другъ друга, повредить врагамъ милостивца. Они становятся сплетниками, доносчиками, наушниками, шутами, виртуозами лакейства. Это—родоначальники открыто сервильной группы паразитовъ, которая во всѣ вѣка предавалась крохоборству, жила подачками и униженіями, укрывалась въ тѣни такихъ прочныхъ учрежденій, какъ крѣпостничество, дореволюціонное барство, дворцовый штатъ, и научилась соединять съ искусствомъ обезличиванія не только умѣнье расхищать и присвоивать имущество покровителей, но и способность къ эксплоатаціи низшихъ, безправныхъ, если они почему-либо очутятся въ ея рукахъ.

Но не занимали ли и ея владыки на ряду съ нею лишь различныхъ ступеней лѣстницы? Тѣ и другіе, посредственно или непосредственно, прирастали къ общественному организму, питались его соками, нарушали свободное развитіе его силъ. Паразитъ-хамъ и паразитъ-панъ были всегда братьями по духу.

Опять выстраиваются рядами многочисленные образцы—на этотъ разъ болѣе приглядной чужеядности, вскормленной капитализмомъ и старымъ порядкомъ, имущественной, экономической, политической, обезпеченной всякими льготами, поддерживаемой фаворитствомъ и непотизмомъ, ублажаемой синекурами и не перестающей развиваться. Если исчезаетъ или ослабѣваетъ въ силу измѣнившихся историческихъ условій извѣстный видъ ея, она оживаетъ и развивается въ другомъ направленіи. Паразитъ en grand-крѣпостникъ,—все равно, самоуправецъ, Обломовъ или Плюшкинъ,—сталъ немыслимымъ, но пышно расцвѣла плутократія, и какъ нѣкогда изъ барскихъ хоромъ нисходящей лѣстницей спускалась къ народной массѣ стая дворецкихъ, дворовыхъ, барскихъ барынь, бурмистровъ, такъ отъ денежнаго туза или царя биржи по наклонной плоскости идутъ мелкій биржевой игрокъ, кулакъ, барышникъ, скупщикъ, ростовщикъ. Въ атмосферѣ, насыщенной жаждою наживы и сибаритства, вырабатывается искусная практика достиженія цѣли. Какъ паразиты въ органическомъ мірѣ, искатели фортуны найдутъ себѣ и Zwi-

schenwirth'a, чтобы, откормившись у него, высмотрѣть еще болѣе блаженное положеніе и перебраться въ него, или, напоминая тѣхъ же сверстниковъ, сумѣютъ найти себѣ подъ старость обезпеченное благополучіе и среди него доживать безпутную жизнь, или, какъ открытые хищники, истомившись отъ голода, они, подобно щедринскимъ «ташкентцамъ», готовы наброситься безжалостно на обывателя, словно нужно его за что-то «усмирить и покорить». Но къ большой арміи соціальныхъ паразитовъ примыкаетъ внушительный по силамъ и искусству женскій отрядъ —«паразитизмъ половой» со всѣми его разнообразными представительницами, отъ Нана и «полусвѣтскихъ» салонныхъ хозяекъ второй имперіи до уличныхъ проститутокъ и матросскихъ подругъ, окруженный толпами всякихъ приспѣшниковъ и пособниковъ по части хищничества. Вглядѣвшись пристальнѣе, распознаешь и другіе обособленные, спеціализировавшіеся оттѣнки чужеядности. Таково шарлатанство на почвѣ религіозной, заклейменное еще средневѣковыми сатириками и съ той поры вызвавшее обширную литературу обличеній, подъ маской благочестія живущее поддержкой легковѣрія и суевѣрія и не для однихъ только виртуозовъ по этой части, подобныхъ Тартюффу, являвшееся источникомъ обезпеченія и нѣги.

Окинувъ даже бѣглымъ взглядомъ распространеніе и развѣтвленіе общественнаго паразитизма и размѣстивъ главныя вѣхи по пути его развитія, нельзя не притти къ убѣжденію въ необходимости перестроить и расширить понятіе о паразитѣ, оторвавъ его отъ застарѣлой клички блюдолиза и сдѣлавъ нарицательнымъ именемъ необыкновенно обширнаго круга соціальныхъ явленій. Понятый въ этомъ смыслѣ, паразитизмъ представляется такою крупною силой и такимъ крупнымъ зломъ, что борьба съ нимъ была, во имя общественнаго самосохраненія, предуказана всемірной литературѣ. Она не могла пройти мимо его проявленій, его роста; исполняя свою обязанность по отношенію къ народной совѣсти и народному благу и преслѣдуя цѣли художественной правды, она должна была создать *литературный типъ паразита*.

И она собрала обширный матеріалъ для изученія типа,—матеріалъ, разбитый однако, въ силу хроническаго недоразумѣнія, на двѣ неравныя группы: съ одной стороны—потомство античныхъ паразитовъ, съ другой—свободные отъ позорнаго клейма и по большей части огражденные общественнымъ положеніемъ представители чужеядности, дѣйствующіе во всевозможныхъ слояхъ.

Классическая комедія и сатира полны бойкихъ этюдовъ съ натуры, схватившихъ забавныя, животныя черты вульгарнаго приживальщика. Плавтъ и Теренцій съ избыткомъ воспроизвели его въ разныя минуты его хамскаго существованія, разсчитывая вызвать въ зрителѣ смѣхъ.

Краски нѣсколько болѣе сгущены у такого удивительно зоркаго судьи нравовъ, какъ Лукіанъ, и его діалогъ «Паразитъ, или о томъ, что ремесло паразита есть настоящее искусство», не оправдываетъ ожиданій читателя, который въ правѣ искать именно тутъ ѣдкаго остроумія и сатирическаго блеска. Паразитъ Лукіана—самодовольное и цинически хвастливое существо. Онъ увѣренъ, что *все хорошо* и «что лучше настоящаго строя вещей ничего быть не можетъ». Онъ не знаетъ печали, гнѣва, зависти, какихъ бы то ни было желаній, смѣется надъ общественнымъ мнѣніемъ и отдается своей профессіи, требующей ума, такта и изворотливости, «одной изъ лучшихъ профессій въ мірѣ, удобной, покойной и далеко не всѣмъ по силамъ; не потерпѣлъ ли въ этомъ неудачи и самъ Платонъ, прибывшій въ Сицилію въ качествѣ паразита, но не сумѣвшій обезпечить себѣ прочнаго положенія?». За ироніей чувствуется раздраженіе, но трагическая сторона дѣла, общественная опасность, которою грозитъ развитіе паразитизма, не выставлены. Фонъ обличительной картины всего мрачнѣе у Ювенала, отъ котораго не укрылись признаки вреднаго вліянія возрастающей сервильности на общественную жизнь и народные нравы; онъ говоритъ уже о школѣ паразитизма, о томъ, какъ богачи искусственно разводятъ эту язву, и въ тревогѣ смотритъ на будущее.

Оно оправдало опасенія; достаточно рѣзко обозначавшійся порокъ перешелъ и въ средніе вѣка, несмотря на сравнительную скудость экономической обстановки, мало располагавшей къ профессіональному паразитизму въ тѣсномъ смыслѣ слова, и свободно сталъ развиваться въ обновленной Европѣ съ тѣхъ поръ, какъ утонченныя формы общежитія, ростъ центральной власти и образованіе крупныхъ земельныхъ и денежныхъ богатствъ открыли рядъ удобныхъ способовъ и возможностей для промысла паразита. И, далеко оставляя за собой наброски, какіе могла выставить античная литература, сложились въ новой словесности глубоко задуманные, съ поразительной силой воспроизведенные и заклейменные негодованіемъ и обличеніемъ характеры паразитовъ,—самые цѣнные вклады въ образованіе типа. Это—мольеровскій Тартюффъ, это дидеротовскій «Neveu de Rameau». Пусть Тартюффъ по праву входитъ въ кругъ литературной психологіи *лицемѣра*, притворщика, и его слѣдуетъ изучать въ связи со многими сверстниками въ міровой литературѣ,—богатство и всесторонность наблюденій Мольера были такъ велики, что тотъ же образъ долженъ занять мѣсто и во всесвѣтной галереѣ приживальщиковъ. Его роль въ домѣ Оргона, умѣнье стянуть къ себѣ постепенно всѣ нити, всѣмъ завладѣть, отъ привольнаго житья на чужихъ хлѣбахъ тучнѣть и лосниться, тѣмъ временемъ все шире раскидывая паутину, переходитъ въ наглое хищничество, про-

изводящее тѣмъ больше впечатлѣнія, что Мольеръ указываетъ позади проныры на шайку его единомышленниковъ, вполнѣ стакнувшуюся. Еще столѣтіе спустя, французская сатира выставляетъ второй геніальный этюдъ на тему о паразитизмѣ, діалогъ Дидро. Его герой, оригинальное соединеніе «низости и высокомѣрія, здраваго смысла и безумія», циникъ, эгоистъ, завистникъ, до глубины души ненавидящій все честное и великое, выступаетъ негодяемъ, способнымъ пресмыкаться, голоднымъ волкомъ, накидывающимся на пищу, и въ то же время остроумнымъ, наблюдательнымъ, даровитымъ проходимцемъ, за которымъ, тоже стоитъ шайка паразитовъ. Съ такою силой и такими яркими красками врядъ ли кто-нибудь изображалъ чистокровнаго паразита послѣ Дидро, кромѣ Салтыкова у котораго изъ «Господъ ташкентцевъ» и многочисленныхъ петербургскихъ знакомыхъ Глумова складывается яркій образъ, освѣщенный благороднымъ гнѣвомъ сатирика. Оба писателя подмѣтили у людей этого покроя неотвязную мечту о томъ, чтобы рано или поздно выйти изъ зависимости, но не ради стремленія къ свободѣ, а оттого, что передъ ними откроется тогда блаженство привилегированнаго, сибаритствующаго паразитизма, у ихъ ногъ будутъ пресмыкаться новые приживальщики и льстецы; пусть это будетъ порочнѣйшій общественный строй, лишь бы въ немъ можно было играть роль и предаваться наслажденію. Оттого эти проходимцы такъ ненавидятъ все, что ведетъ къ общему благу; оттого товарищи Рамо дышатъ злобой на просвѣтительную философію, щедринскіе герои—на пору реформъ. Они, если нужно, явятся хорошею опорой стараго порядка со всею его тьмою, со всѣмъ гнетомъ.

И во всѣхъ закоулкахъ стараго порядка гнѣздились, малъ мала меньше и ничтожнѣе, такіе же его слуги и сторонники. Одно уже крѣпостное право выставило легіоны ихъ,—и русская литература обогатилась ихъ оттисками съ натуры, безъ которыхъ, бывало, немыслима была ни одна повѣсть, ни одна пьеса изъ провинціальнаго быта; какъ въ восьмнадцатомъ вѣкѣ сатирическіе журналы воспроизводили сцены въ помѣщичьемъ домѣ, полномъ рабствующей челяди, такъ это стало на разсвѣтѣ эманципаціи привычною бытовой картиной у Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Островскаго («Воспитанница», «Лѣсъ»). Отъ паразитизма столичнаго, городского, до каморки какой-нибудь деревенской барской барыни литература заглянула всюду, и галерея представителей профессіональной крѣпостнической чужеядности сложилась внушительная.

Насколько же превышаетъ ее размѣрами то разнообразіе превращеній паразитизма, которое получается, когда изъ тѣснаго круга приживанія и прислуживанія при отдѣльныхъ лицахъ наблюденіе переносится на подобное же отношеніе къ цѣлому обществу, строю вещей!

Рамки необыкновенно расширяются. Въ крѣпостномъ царствѣ въ тѣхъ же рядахъ встрѣтятся и Митрофанушка, и Обломовъ, и Ноздревъ, и Іудушка, и бурмистръ Софронъ, и всякая дворовая тля; нѣмецкая среда выставитъ въ параллель живые портреты того самодовольнаго и презрѣннаго юнкерства, съ которымъ десятками лѣтъ велъ неутомимую борьбу Шпильгагенъ; вторая имперія дастъ въ свою очередь картину торжествующаго тунеядства, захватившаго врасплохъ страну послѣ переворота 2-го декабря, стачкою паразитовъ, прочно осѣвшихъ въ администраціи, политикѣ, печати, экономическомъ мірѣ,—фонъ романической серіи, изобразившей дѣянія Ругонъ-Макаровъ, и новѣйшихъ французскихъ романовъ, которые заднимъ числомъ клеймятъ наполеоновскую пору. Мопассанъ, Гонкуры, *Нана* даютъ рядъ этюдовъ «полового паразитизма»; отъ Тартюффа до героя «Conquête de Plassans» Зола и до современной антиклерикальной агитаціи въ литературѣ Франціи, Испаніи, Италіи, идетъ рядъ изображеній чужеядности на почвѣ религіозной. Банкиры Диккенса, деревенскіе кулаки Глѣба Успенскаго и беллетристовъ-народниковъ—крайнія точки обширной коллекціи литературныхъ портретовъ, выхваченныхъ изъ міра экономической эксплоатаціи народныхъ силъ.

Разнообразные матеріалы эти, цѣнные и въ бытовомъ, и въ психологическомъ, и въ художественномъ отношеніи, конечно, не могутъ умѣститься въ объемѣ ходячаго понятія о литературномъ типѣ паразита, но ихъ нельзя игнорировать, какъ только вопросъ перемѣстится на широкую почву чужеядности соціальной, съ органическимъ паразитизмомъ, какъ глубокимъ фономъ, вдали. Недостатка въ данныхъ не будетъ, но изслѣдователю типа въ полномъ его объемѣ потребуется много прозорливости и такта для того, чтобы извлечь изъ обильнаго матеріала то общее и существенное, что подмѣтила въ теченіи вѣковъ міровая литература и чѣмъ она освѣтила одну изъ застарѣлыхъ склонностей человѣчества.

Тѣ натуралисты, которые сопоставляли паразитность въ природѣ и въ человѣческомъ обществѣ, взываютъ къ здоровымъ его силамъ, побуждая ихъ энергичнѣе сплачиваться для отпора паразитамъ. Люди, говорятъ они, въ этомъ отношеніи счастливо поставлены въ сравненіи съ ихъ сотоварищами въ природѣ, подвергающимися эксплоатаціи. Правда, успѣхъ борьбы зависитъ отъ степени способности того или другого общества поддаваться эксплоатированію (exploitabilité de la société)... Не говоря уже о борьбѣ, которая происходитъ, напр., въ наше время въ области экономической для высвобожденія народнаго труда, и о сродныхъ съ нею, столь же практическихъ, видахъ отпора, нельзя не признать въ непрерывной литературной войнѣ противъ паразитизма нема-

лой заслуги передъ справедливостью и свободой. Не будь такого неусыпнаго стража, смѣлѣе бы проявлялись себялюбивые инстинкты, которые съ такою силой сказываются въ природѣ.

Но только ли подобные инстинкты раскрываетъ ея изученіе? Къ числу любопытнѣйшихъ наблюденій новаго естествознанія нельзя не отнести сожительства, основаннаго не на эксплоатаціи, не на изнуреніи однимъ существомъ другого, а на товарищескомъ обмѣнѣ услугъ, на взаимной поддержкѣ. Фанъ-Бенеденъ, которому извѣстно было лишь небольшое количество подобныхъ союзовъ, называлъ это устройство жизни мутуализмомъ; современная наука, обогащаемая наблюденіями такого рода, привыкаетъ обозначать свободные и равноправные союзы именемъ *симбіоза*. Она отмѣтила способность такихъ сожителей взаимно приспосабливать свои организмы; она знаетъ, что возможна ассоціація между столь разнородными товарищами, какъ грибы и большія деревья, но въ особенности изучаетъ, какъ примѣчательный примѣръ союза, жизнь лишайника. До послѣдняго времени его считали за недѣлимое особаго класса; теперь раскрыто, что онъ представляетъ собой союзъ водоросли и гриба, но «смѣшеніе тканей и органовъ такое полное, ихъ зависимость такая глубокая, водоросль, служащая опорой, такъ слилась съ своимъ паразитомъ» [1]), что впечатлѣніе единства не могло не возникнуть. Проф. Тимирязевъ въ прекрасной рѣчи [2]) могъ поэтому назвать лишайникъ «растеніемъ-сфинксомъ» и, выставивъ девизомъ такого соединенія «въ согласіи, въ союзѣ сила», найти, что «ничтожный лишайникъ въ скромной своей сферѣ разрѣшилъ свою загадку жизни, а человѣчество стоитъ безпомощно передъ грознымъ сфинксомъ будущаго». Если массовые примѣры насильственной эксплоатаціи въ органическомъ мірѣ могли служить какъ бы оправданіемъ такихъ же влеченій въ природѣ человѣка, симбіозъ возвращаетъ насъ къ тѣмъ началамъ солидарности и братства, которымъ принадлежитъ будущее. Подъ этимъ смягчающимъ впечатлѣніемъ можно легче разстаться съ тяжелою исторіей паразитизма.

---

[1]) Вюильменъ. Біологія растеній. М., 1897.

[2]) К. А. Тимирязевъ. Публичныя лекціи и рѣчи. М., 1888.

ТИТАНЫ И ПИГМЕИ

(Альпійская фантазія)

Въ пышныхъ, сверкающихъ снѣговыхъ коронахъ высятся горы-громады, изъ вѣка въ вѣкъ величавыя, торжественно красивыя. Когда передъ человѣческимъ взоромъ, привыкшимъ ко всему ограниченному, правильному, умѣренному, внезапно раскинется безконечная цѣпь этихъ исполинскихъ глыбъ, прорѣзывающихъ облака то бѣлымъ куполомъ, то причудливымъ остріемъ вродѣ *стрѣлы* готическаго собора, то цѣлымъ хребтомъ зубцовъ, — даже невпечатлительному зрителю почудится, что волшебная сила перенесла его въ заоблачное царство гигантовъ.

Разгорится ли солнце,—тысячами искръ заиграетъ дѣвственно чистая бѣлая пелена. Глубокія снѣговыя залежи, вѣками наслоившіяся на груди утесовъ, сіяютъ точно алмазныя розсыпи. Прозрачной синевой отливаютъ ледяные кристаллы въ безчисленныхъ иглахъ, граненыхъ колонкахъ и башенкахъ, покрывающихъ ледники, застывшимъ потокомъ нависшіе надъ долинами. Съ веселымъ шумомъ, клокоча и пѣнясь, вырываются изъ-подъ льда горныя рѣки и несутся по скалистому ложу куда-то вдаль, внизъ, къ людямъ, вбирая въ себя по пути серебристую влагу сотенъ водопадовъ, въ чьихъ брызгахъ полуденное солнце играетъ радугой.

Внезапно, точно раскатами грома или гуломъ выстрѣловъ, наполнитъ окрестность шумъ свалившейся лавины, но онъ прогудѣлъ и замеръ, и снова все погружается въ торжественное спокойствіе. Солнце здѣсь рано догораетъ; подъ его послѣдними лучами зардѣлись вѣчные снѣга и тихо мерцаютъ; еще немного—и сумракъ окутываетъ вершины; облака свиваются кольцами вокругъ нихъ, точно безпробудная дремота охватываетъ все вокругъ. Когда же луна выглянетъ изъ-за горъ, подъ ея блѣднымъ свѣтомъ еще таинственнѣе кажутся и этотъ сонъ исполиновъ, закутанныхъ въ свои бѣлыя мантіи, и немолчный плескъ водопа-

довъ, и серебряная пыль мелкихъ брызговъ, разлетающихся вокругъ ихъ струи, и синеватый отливъ льда...

Проходили вѣка, тысячелѣтія,—все было здѣсь такъ же чудно хорошо и величаво спокойно. Люди не проникали въ это заповѣдное царство. Вѣдь ихъ слабой природѣ не вынести ни разрѣженнаго воздуха, ни ослѣпительно яркаго свѣта, ни борьбы съ неисчислимыми препятствіями льдовъ и снѣговыхъ полей!.. Имъ оставалось лишь въ грезахъ переноситься въ заоблачные края, откуда взираютъ па грѣшную землю вѣчныя горы, нарушая свое безмолвіе, черезъ тысячелѣтніе промежутки, развѣ только одною изъ тѣхъ немногорѣчивыхъ бесѣдъ, которыя почудились Тургеневу въ его «Стихотвореніи въ прозѣ». Мечтали первобытные народы,—и сложили рядъ горныхъ миѳовъ; мечтали поэты всѣхъ странъ, расточая богатства слога и воображенія, чтобы передать поразительное впечатлѣніе вѣчныхъ красотъ, и ставили своихъ избранниковъ, Манфредовъ и Фаустовъ, лицомъ къ лицу съ ними; по-своему мечтали и люди науки, и смѣлые альпійскіе туристы; сурово проведенная грань, какъ все запретное, манила къ себѣ, побуждая переступить ее. Но за дерзость люди платились жизнью. Кладбища деревень, ближайшихъ отъ Монблана, Юнгфрау, Монте-Розы, полны памятниковъ, печально вспоминающихъ объ отвагѣ и гибели; въ народѣ живутъ преданія объ исчезнувшихъ безъ вѣсти, упавшихъ въ пропасть, замерзшихъ и засыпанныхъ снѣгомъ путникахъ. Ледяныя и неприступныя красавицы, вродѣ Юнгфрау, съ жестокостью эпической женщины-богатыря, искони мстили своимъ поклонникамъ...

Помните ли вы «Гулливера»? Каково было ему проснуться въ странѣ Лилипутовъ и при первыхъ же движеніяхъ почувствовать, что все его тѣло опутано тонкою сѣтью веревочекъ, что къ груди его приставлена лѣстница и что на ея ступеняхъ, на узлахъ бичевокъ, на площади груди расхаживаютъ крошечные человѣчки, все изслѣдуютъ, разсматриваютъ, измѣряютъ, объясняютъ! Только бы ему подняться и встряхнуться,—и эта мелкота разсыпалась и разлетѣлась бы во всѣ стороны. Но крѣпка веревочная паутина и хитроумны пигмеи. Великанъ не сдвинется съ мѣста, и они его осмотрятъ, измѣрятъ и опишутъ во все свое удовольствіе...

Свифтъ въ печально-насмѣшливой сказкѣ недалекъ отъ истины. То, что кажется иногда совсѣмъ сказочнымъ, сбывается наяву. Въ тѣхъ ущельяхъ, чья суровая прелесть такъ привлекала усталую душу Манфреда, на горныхъ скатахъ, «гдѣ и птицы не отваживались вить гнѣзда», гдѣ «человѣческой груди трудно вдыхать холодный воздухъ снѣговыхъ вершинъ», въ долинахъ, гдѣ байроновскому неудачнику грезилась трогательная патріархальность, скромная добродѣтель и любовь

къ свободѣ въ бодромъ, выросшемъ среди природы и далеко отъ суеты, поколѣніи горцевъ, охотниковъ и альпійскихъ пастуховъ,—въ заповѣдномъ краю поднимается странный шумъ и движеніе. Со всѣхъ сторонъ ползутъ вверхъ сотни и тысячи рабочихъ съ заступами, ломами, кирками; они роютъ, рубятъ, отламываютъ; динамитъ взрываетъ каменныя глыбы, тревожа горное эхо; черезъ потоки и водопады перекидываются мосты; туннели проникаютъ въ глубь скалистаго кряжа. Змѣями обвиваются вокругъ крутыхъ вершинъ рельсовыя полосы, всѣ типы новыхъ путей сообщенія, которые выработала Европа fin de siècle и которые почти непримѣнены на Руси, электрическія, зубчатыя, проволочныя, пневматическія дороги, пускаются въ ходъ.

То, что вчера казалось труднымъ и опаснымъ, осуществляется; у строителей дорогъ развивается удаль и соревнованіе; каждому хочется изумить чѣмъ-нибудь небывалымъ и рискованнымъ. Здѣсь вагоны-коробки взбираются съ людьми по проволочному канату наверхъ отвѣснаго обрѣза; тамъ горный локомотивъ, точно прыткая серна, бѣжитъ по зубцамъ на высоту трехъ тысячъ метровъ; электрическій подъемникъ пробился сквозь снѣга Эйгера и скоро примчится къ верхнимъ зубцамъ Юнгфрау.

Вѣка горделиваго одиночества и неприступности смѣняются зрѣлищемъ безцеремоннаго человѣческаго нашествія. За инженерами и желѣзнодорожными рабочими взбираются на высоты цѣлые отряды юркихъ швейцарскихъ hôteliers и, поднимаясь еще выше, совсѣмъ въ облакахъ строятъ гостиницы; каждый камень, доску, желѣзную полосу нужно было доставить сюда на спинахъ людей или на хребтѣ муловъ, но это мелочи, къ которымъ пора привыкнуть... И черезъ нѣсколько времени красный флагъ съ бѣлымъ крестомъ взвивается въ поднебесьѣ, а разноцвѣтныя рекламы сзываютъ со всего свѣта туристовъ посѣтить новый отель, «расположенный выше всѣхъ существующихъ въ Европѣ». И разноплеменная толпа устремляется по вновь проложенному пути, точно потокъ воды, прорвавшій запруду. Идутъ англичане, до того изъѣздившіе Швейцарію во всѣхъ направленіяхъ, что она имъ кажется «своею провинціей»; поднимаются альпинисты-любители, вооруженные молотками для прорубанія льда и веревками для взаимнаго протаскиванія по снѣговымъ полямъ; изъ захолустнаго Тараскона, любуясь на свою смѣлость, летитъ на новый подвигъ великій Тартаренъ, до того убѣжденный, что онъ долженъ его совершить, что, когда онъ замѣшкался, Юнгфрау является ему во снѣ и строго спрашиваетъ его: «Tartarin, y sommes nous»? Все скучающее, праздное и сколько-нибудь зажиточное со всѣхъ концовъ свѣта, не исключая Австраліи и Новой Зеландіи, быстро стекается на новую приманку, нестолько для того, чтобы испытать чудныя впе-

чатлѣнія раскрывающагося передъ людьми альпійскаго міра, сколько для того, чтобы провѣрить на мѣстѣ послѣднее изданіе Бэдекера или Мэррея, сличая красоты съ ихъ описаніемъ, смотря, гдѣ нужно, въ подзорную трубку, вставая спозаранку любоваться на солнечный восходъ. Все старое осмотрѣно, вкусъ избалованъ, нужны эксцентрическія новинки, которыя возбудили бы притупившуюся воспріимчивость. Едва успѣла открыться дорога въ Мюрренъ, доставляющая частью по проволокѣ, частью электричествомъ въ то чудесное мѣсто, гдѣ бывало послѣ долгаго и труднаго восхожденія передъ путникомъ раскидывалась панорама снѣговыхъ горъ,—какъ на верхней площадкѣ образовался такой водоворотъ посѣтителей, что ликующая мѣстная печать сравнила его съ изящнымъ Корсо.

«Покорился человѣку ты не даромъ, братъ», сказалъ полвѣка тому назадъ своему товарищу «сѣдовласый Шатъ», предчувствуя всякія напасти, постройку «дымныхъ келій», звонъ топора, раскопку рудниковъ, движеніе каравановъ. Меланхолическое предчувствіе обмануло старика. Натискъ штыковъ показался ему вступленіемъ къ нашествію торговли, предпріимчивости, культуры. Но полстолѣтія прошло, а тишина все еще окружаетъ торжественность Кавказскихъ горъ. Ихъ альпійскимъ товарищамъ выпала другая доля.

Какія рѣчи повелъ бы горделивый духъ Монблана, если бы его могъ вызвать изъ снѣгового замка Манфредъ нашихъ дней! Какъ отуманилось бы чело горной феи, the witch of the Alps, которая когда-то предстала передъ байроновскимъ двойникомъ, озаренная радугой, игравшей въ струяхъ водопада! Прежде они могли выслушивать страстные призывы разочарованнаго человѣка въ полномъ сознаніи своего могущества и независимости; они могли ему обѣщать здоровье души и свободу въ своемъ неприступномъ затишьѣ. Теперь ихъ тѣснятъ отовсюду, не посягая лишь на тѣ заоблачныя полосы горнаго міра, гдѣ, какъ на вершинѣ Юнгфрау, люди въ состояніи пробыть не болѣе десятка минутъ, не ослѣпнувъ отъ невыносимаго блеска снѣговъ и не задохнувшись. Гдѣ самъ Манфредъ съ его титаническими порывами, съ сознаніемъ божественной искры, зароненной въ него судьбой, и оскорбительной ограниченности человѣческихъ силъ,—гдѣ это геніальное соединеніе «бренности и божества», half dust, half deity? Его завѣты носятся и мелькаютъ кое-гдѣ во встревоженныхъ умахъ, но новымъ поколѣніямъ, ставящимъ себѣ опредѣленныя задачи, они уже мало понятны. А отъ того замка, въ которомъ (по швейцарскому преданію) Байрону пригрезилась одна изъ наиболѣе потрясающихъ сценъ его поэмы, уцѣлѣлъ лишь сиротливый обломокъ башни. Высокія деревья выросли на немъ, плющъ избороздилъ своими побѣгами стѣны; змѣи и красивыя сѣрыя

ящерицы шуршатъ среди камней; вокругъ холма вьется удобная дорожка для туристовъ, а невдалекѣ виднѣется отель...

Всего двадцать пять лѣтъ прошло съ той поры, когда среди тяжкихъ физическихъ страданій и съ печальнымъ запасомъ разочарованій и сожалѣній Тургеневъ набрасывалъ эпически-сильную и краткую бесѣду исполинскихъ горъ, а уже она не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Спокойный лаконизмъ великановъ долженъ былъ бы теперь уступить мѣсто чему-нибудь въ родѣ лермонтовскаго «Спора»...

Таковъ неизбѣжный ходъ вещей, скажете вы. Les dieux s'en vont; боги уходятъ по всей линіи. И невольное состраданіе поднимается откуда-то со дна души при видѣ такого развѣнчанія; остатокъ ли это романтическаго культа природы, глубоко залегшаго въ человѣчествѣ,—культа, который уживался у Гейне съ рьянымъ иконоборствомъ въ религіи и политикѣ?.. Но судьба безжалостна: если таинственный сумракъ постепенно скрываетъ божественные образы, которые исчезаютъ, тонутъ въ немъ,—только новый геологическій переворотъ могъ бы снести или въ чемъ-нибудь исказить величавыя красоты Монблана. Зато и его и всю дружину его товарищей ожидаетъ другая участь. Прежде свободные, они обречены сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ; ихъ будутъ изслѣдовать, осматривать, разрывать, попирать, а они должны все терпѣть, совсѣмъ какъ связанный Гулливеръ въ странѣ карликовъ...

Титаны и пигмеи... Какъ давно, безконечно давно стала занимать людской умъ, противоположность двухъ рѣзкихъ крайностей,—могучей силы и ползающей слабой мелкоты! И въ природѣ, и въ рядахъ человѣчества поражалъ тотъ же контрастъ. Точно дивно-красивыя скалы, выдвигаются изъ моря житейскаго или изъ зыбучихъ песковъ повседневной людской рутины избранныя натуры; когда-то ихъ окружалъ ореолъ полубожественнаго титанизма, смѣнившійся славой великихъ людей, геніальныхъ правителей, художниковъ и мыслителей, представителей человѣчества,—а безконечно далеко внизу, подъ ними, копошится невообразимое множество крошечныхъ существъ, занятыхъ будничною работой, чуждыхъ порывамъ и творческимъ замысламъ и, должно быть, завистливо смотрящихъ на могучихъ великановъ, въ чьей силѣ и красотѣ имъ чудится что-то оскорбительное, едва снисходящее. И у «большихъ людей» слишкомъ часто срывались съ устъ огульные приговоры толпѣ безцвѣтныхъ и бездарныхъ существъ. Полководецъ назоветъ ихъ пушечнымъ мясомъ, политикъ—стадомъ, которое должно слѣпо итти за вождемъ, поэтъ, священнодѣйствуя у треножника, презрѣнною чернью, или, разнообразя попреки, народомъ лавочниковъ и торгашей, какъ Байронъ звалъ своихъ одноплеменниковъ, сбродомъ филистеровъ и лакеевъ, какъ въ негодованіи честилъ свою родину Гейне. Творецъ «Ман-

фреда» и авторъ «Reisebilder» отгадывали, правда, подъ враждебнымъ имъ общественнымъ слоемъ глубокіе пласты непочатой и свѣжей народной жизни, къ нимъ обращались и готовы были ихъ идеализировать,— все же, когда байроновскіе герои произносятъ страстныя осужденія «людей», «человѣчества», не всегда легко подмѣтить грань, отдѣляющую самодовольное и невѣжественное мѣщанство отъ народа.

Въ 18-мъ вѣкѣ въ пору Genie-Zeit, люди недюжинные и, кажется, неглупые, товарищи юнаго Гёте, величаясь своею геніальностью, выказывали презрѣніе къ людскому стаду; полвѣка спустя, выступая подъ такимъ же знаменемъ освобожденія творчества, французскіе романтики дразнили и бѣсили эксцентрическими выходками буржуазію, какъ скопище идіотовъ; саркастическая усмѣшка надъ легковѣрностью и невѣжествомъ массы не сходила съ устъ Вольтера, хотя во имя правъ ея онъ совершилъ столько великаго; въ наше время философія пыталась иногда оправдать исключительность полномочій тѣхъ, кого она же назвала «представителями человѣчества», representative men, и, словно возвращаясь къ эпической порѣ, готова была возстановить «культъ героевъ».

Такъ продолжалось, видоизмѣненное, привилегированное богатырство до нашихъ дней. То удача политической или военной диктатуры, то властное руководительство сильнаго человѣка въ области общественной давали неожиданное примѣненіе старому, какъ міръ, взгляду на избранниковъ, несмотря на то, что поднимающіяся все смѣлѣе ученія о полноправности массъ противорѣчили ему. И въ массахъ долженъ былъ назрѣть мятежный вопросъ: заслужено ли поклоненіе, многими ли изъ крупныхъ и второстепенныхъ «титановъ» новѣйшихъ вѣковъ руководило влеченіе добыть божественный огонь для сѣрой толпы. И что же? Не новыми Прометеями, пригвожденными къ скалѣ и все-таки не сдающимися, а подчасъ баловнями судьбы, склонными позировать передъ современниками и потомствомъ, оказывались они при близкомъ изученіи.

Какъ понятно стремленіе людей, раздраженныхъ насмѣшливыми напоминаніями объ ихъ заурядныхъ способностяхъ и незавидной долѣ, разогнать таинственный ореолъ, окружающій жизнь и дѣянія великановъ, заглянуть за кулисы міровой трагикомедіи и подвести точный итогъ величію и геніальности! И какое торжество для нихъ, когда біографическія нескромности (ими такъ богато наше время!) позволяютъ съ фактами въ рукахъ раскрыть слабости, капризы, шаткость мнѣній, даже нравственную дряблость у дѣятелей, чье мѣсто, казалось, было на свѣтлыхъ страницахъ исторіи, тогда какъ они подчасъ не лучше среднихъ людей. Такое срываніе масокъ, разрушеніе пьедесталовъ доставляетъ наслажденіе, переходитъ въ привычку; отъ поддѣльныхъ знаменитостей, не по праву ослѣплявшихъ современность, скорый

судъ незамѣтно распространяется на все, что когда-либо поднималось надъ толпой, хотя бы оно было полно духовной силы, благородства и любви къ людямъ. Такъ и хочется все нивеллировать до зауряднаго, удобопонятнаго уровня, гдѣ было бы такъ гладко, что хоть шаромъ покати. Тупость и пошлость однихъ, корысть и зависть другихъ, несогласіе въ убѣжденіяхъ—все соединяется въ пристрастной расправѣ надъ великими людьми.

Но прибавьте къ этому простое любопытство толпы, жадной до занимательныхъ разоблаченій ихъ интимной жизни и предъявляющей свои запросы съ нетерпѣніемъ, которое возрастаетъ послѣ каждой попытки чѣмъ-нибудь его удовлетворить,—прибавьте изслѣдованія психологовъ, историковъ, біографовъ, лѣтописцевъ словесности, которые требуютъ себѣ, какъ законнаго достоянія, права анализировать жизнь, мысли, сокровеннѣйшія душевныя движенія людей замѣчательныхъ,—и предстанетъ поразительная картина: въ то время, когда пытаются возродить культъ героическихъ личностей, идетъ или судьбище надъ ними, часто суровое и неумолимое, или анатомическое разъятіе на части, безъ жалости обнажающее все завѣтное въ жизни недавнихъ любимцевъ. И никогда не избавятся они отъ этого испытанія. Веревочная сѣть здѣсь тоже прочна, изъ нея не выбьешься. Все будетъ измѣрено, описано, изслѣдовано. Ходятъ и ползаютъ по человѣку, полосуютъ его, забывая, что онъ все еще живъ, если не физически, то въ своихъ созданіяхъ, мысляхъ, поэтическихъ образахъ.

То и дѣло отыскиваются къ тому новые поводы. Настанетъ ли юбилей такого человѣка,—дождемъ сыплются пикантные біографическіе матеріалы, письма, показанія очевидцевъ; печатается то, чего онъ никогда не назначалъ къ печати, что считалъ шалостью, ошибкой, чуть не грѣхомъ; настежь раскрываются двери, и тысячеокая толпа устремляется, чтобы все оглядѣть, до всего дотронуться, со всего снять покровы. Любилъ ли человѣкъ и таилъ свое чувство,—доищутся его рукопожатій, нѣжныхъ взглядовъ, минутъ унынія, и все оповѣстятъ міру; былъ ли онъ счастливъ,—добудутъ его любовныя письма и поднесутъ читателю, съ приложеніемъ подлинныхъ портретовъ, любопытный томикъ, подъ стать къ многочисленнымъ изслѣдованіямъ объ исторіи сердечныхъ увлеченій Гете, Мюссе, Шиллера, Ленау. Застанутъ человѣка въ пароксизмѣ бурной ревности или за зеленымъ столомъ, среди азартныхъ игроковъ,—и обоготятъ личную исторію Пушкина печальной страницей; покажутъ Байрона или Лермонтова въ минуты ихъ суетности или позированія, Гейне—въ его спорахъ съ нѣмцами-эмигрантами или попыткахъ опереться на орлеанскую монархію, Лассаля—въ лайковыхъ перчаткахъ и изящномъ сьютѣ, собирающагося говорить къ народу,

Гамбетту, свергающаго септеннатъ при помощи реакціонеровъ,—и ликуютъ: вѣдь все это, оказывается, были самые обыкновенные люди... И чѣмъ больше простора для вскрыванія чужой жизни, тѣмъ пріятнѣе. Средній человѣкъ не цѣнитъ достаточно своего преимущества; его душевный міръ останется святыней для другихъ, тогда какъ потомство отказываетъ въ этомъ правѣ замѣчательнымъ людямъ.

Какъ жутко имъ думать о томъ, что ихъ ожидаетъ! Вспомните послѣднюю статью Гончарова... Каждый изъ нихъ желалъ бы себѣ біографа, который правдиво пересказалъ бы мысли, чувства и поступки его, изобразивъ ихъ такими, каковы они были, но сдѣлаться предлогомъ для праздныхъ экскурсій любопытствующихъ зѣвакъ въ область пикантныхъ анекдотовъ и интересныхъ психологическихъ загадокъ,— за что эта посмертная кара?

Но ея мало,—можно задохнуться и отъ избытка ласки... Когда записываются въ послѣдователи человѣка и связываютъ съ нимъ свое имя люди, неспособные понять его замысла и нуждающіеся только въ благовидномъ знамени; когда творенія поэта, горькое остроуміе сатирика, вдохновенная мелодія композиста переходятъ изъ тѣхъ здоровыхъ и чуткихъ слоевъ, для которыхъ они были созданы, въ область рыночнаго обмѣна, досаждая слуху безчисленными повтореніями избитыхъ цитатъ, декламаціей тѣхъ же стиховъ, бренчаніемъ и распѣваніемъ мотивовъ, самыя сильныя и свѣтлыя произведенія теряютъ первоначальный смыслъ, блѣднѣютъ, обезличиваются. И тѣ, кто негодуетъ на несоразмѣримость дарованій избранниковъ, и тѣ, кто, спѣшитъ записаться въ полкъ ихъ почитателей и оглашать воздухъ ликующими возгласами, могутъ чуть не въ одинаковой степени причинить имъ вредъ. По тому пути, по которому когда-то легкою поступью прошелъ одинокій человѣкъ, двинулись сотни тысячъ ногъ и оставили свой слѣдъ.

Но какъ же быть? На краю двадцатаго вѣка, когда къ участію въ свободной культурѣ подошелъ не одинъ только «разночинецъ», но пододвинулись народныя массы, несправедливо было бы превращать въ недоступныя святилища то, что лучшіе люди когда-либо создали, завѣщавъ грядущимъ вѣкамъ, и дѣлать изъ этихъ людей неприкосновенныхъ, неуязвимыхъ полубоговъ. Свою долю солнечнаго свѣта, творческихъ красотъ, силы мысли, сбереженныхъ предками и добытыхъ современностью, въ правѣ потребовать себѣ всѣ новые участники въ міровомъ развитіи. Примирится ли гуманное чувство братства со стихійнымъ нерасположеніемъ всѣхъ противъ одного или съ неизбѣжными неудобствами восторговъ милліонной толпы, которая захотѣла бы, наприм., повторять на всѣ лады «Выхожу одинъ я на дорогу» или вагнеровскую «Пѣснь къ вечерней звѣздѣ»?..

«S'thut gut, s'Lüftle! Хорошо на вольномъ воздухѣ»! послышалось за мною въ вагонѣ. Поѣздъ, взобравшись по кручѣ горнаго прохода, шелъ по ровной лентѣ пути, врѣзаннаго въ скалу; далеко внизу, извиваясь, вся въ пѣнѣ, бѣжала по долинѣ рѣка; разбросанные вокругъ поселки, купы деревьевъ, поля, пестрѣвшія всевозможными оттѣнками красокъ, точно яркій коверъ, бѣлая полоса дороги, пробивающаяся сквозь темную зелень тополей и разрѣзавшая долину прямою чертой,—все это складывалось въ необыкновенно миловидную картину. Точно засмотрѣвшись на нее, стояли окрестныя горы, однѣ—разубранныя доверху опушью хвойныхъ лѣсовъ, другія—съ зеленою муравой лужаекъ на груди, третьи—строгія осанкой и очертаніями, скалистыя, величавыя въ своемъ одиночествѣ. А изъ-за нихъ, въ пролетахъ между скалами, порою показывались снѣговыя вершины. Свѣжій вѣтерокъ несъ намъ навстрѣчу ароматы травъ и хвойной иглы и ни съ чѣмъ не сравнимое ощущеніе бодрости и новой жизни. На такомъ *вольномъ* воздухѣ дѣйствительно было *хорошо*.

Я оглянулся. Позади никого не было, кромѣ невзрачной, совсѣмъ сморщенной старушки-крестьянки въ широкополой бернской шляпѣ. Никто съ нею не велъ рѣчи, и ни къ кому она не обращалась; то былъ невольный возгласъ, вышедшій изъ глубины души. И нужно было видѣть, какъ озарилось старое лицо, какъ любовались влажные глаза на чудесную картину, какъ они переходили отъ долины къ водопаду или снѣжному куполу! Она вздыхала, о чемъ-то думала, и снова любовалась, радуясь какъ ребенокъ и не отрываясь отъ окна.

Блаженное созерцаніе, свѣтившееся въ ея взглядѣ, согрѣло другую, тоже совсѣмъ старомодную, но необыкновенно привлекательную личность альпійскаго народнаго пѣвца, съ которымъ случай свелъ меня въ живописномъ захолустьѣ, какъ-то уцѣлѣвшемъ въ двухъ шагахъ отъ торнаго пути туристовъ. Изъ нихъ немногіе подозрѣваютъ его существованіе, проѣзжая на пароходѣ внизу подъ тою горой, гдѣ живетъ одинъ изъ послѣднихъ хранителей швейцарской пѣсни въ своей бѣдноватой гостиницѣ «Des Schweizers Heimath». Съ ея досчатаго балкона открывается широкій видъ на Бріэнцское озеро, горы, полуостровъ, вдавшійся въ воду; старику кто-то сказалъ, что этотъ видъ напоминаетъ Lago Maggiore, и онъ очень гордится этимъ. Съ ласковой улыбкой встрѣчаетъ онъ гостей; черезъ нѣсколько минутъ они говорятъ съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ, и онъ посвящаетъ ихъ во всѣ таинства и прелести горной жизни. Если онъ въ ударѣ, онъ приноситъ исполинскій Alpenhorn, въ полтора человѣческихъ роста вышиною, вродѣ тѣхъ роговъ, которые скликали шестьсотъ лѣтъ тому назадъ горцевъ, возставшихъ противъ Габсбурга. Старый рогъ издаетъ громоносные

звуки, которые смущаютъ ѣдущихъ на пароходѣ и мирныхъ путниковъ и оглушаютъ окрестность, наполовину забытою народной мелодiей. Но вотъ рогъ отставленъ въ сторону, и слышится пѣнiе. Голосъ слабъ; тонкiй фальцетъ нѣсколько помогаетъ ему шире раскинуться; пѣсня старая, мѣстная, наивная по словамъ; она прославляетъ красоты горъ, озера родины, лучше которой на свѣтѣ ничего нѣтъ, за каждымъ куплетомъ слышатся переливы неизбѣжнаго Jodel. Но пѣнiе согрѣто неподдѣльнымъ чувствомъ; старый виртуозъ, блаженнымъ взоромъ окидывающiй свой любимый ландшафтъ, совсѣмъ завладѣваетъ вами. Онъ забылъ о своихъ слушателяхъ; слегка приподнимаясь во время пѣнiя, онъ какъ будто весь устремлялся впередъ, къ горамъ, къ синей дали озера,—и въ голосѣ его слышались вдругъ нѣжные, женскiе звуки, отдававшiеся звонко въ вечерней тишинѣ.

Вольный воздухъ родины сберегъ въ немъ и этотъ энтузiазмъ, и чувство собственнаго достоинства, съ которымъ онъ пожималъ своими мозолистыми ладонями протягивавшiяся къ нему со всѣхъ сторонъ руки слушателей. Никто и подумать не могъ предложить ему денегъ,—это было бы кровною обидой...

Но моя старая спутница и изельтвальдскiй народный пѣвецъ—въ своемъ родѣ баловни судьбы; она поставила ихъ въ исключительное положенiе, окруживъ великими красотами природы; для какого же необозримаго множества такихъ непочатыхъ натуръ онѣ остаются недоступными! Придавленные будничными заботами, эти люди не увидятъ и такого просвѣта въ своей трудовой жизни; природа, вѣковѣчная чародѣйка, способная возродить человѣка, поднять въ немъ всѣ лучшiя силы, залѣчить душевныя раны, расточаетъ свои дары немногимъ. Величаво-аристократической недоступности ея чудесъ наноситъ теперь ударъ за ударомъ смѣлая человѣческая изобрѣтательность,—для кого? для скучающей массы привилегированныхъ туристовъ, которые по большей части отбываютъ «дорожную повинность», наполняютъ пустоту своего прозябанiя или тѣшатъ избалованное любопытство. Они по-своему готовы хвалить и восторгаться, но, какъ гейневскому филистеру, «was gehen ihnen die grünen Bäume an»?

Эпическое величiе «горныхъ вершинъ», одинокихъ и недосягаемыхъ, очевидно, невозможно долѣе охранить отъ людского вторженiя. Бывало, остановится странникъ при видѣ «ледяного, снѣжнаго моря, окаймленнаго грядою горъ, облитыхъ солнцемъ, и кажущагося замерзшею ареной гигантскаго колизея, припадетъ къ глыбѣ гранита, вслушивается въ прозрачную тишину и долго любуется безпредѣльной, нѣмой, неподвижной бѣлизной», и «странное чувство овладѣваетъ имъ,—онъ здѣсь лишнiй, постороннiй гость, и въ то же время онъ свободнѣе дышитъ и,

будто подъ цвѣтъ окружающему, становится бѣлъ и чистъ внутри... серьезенъ и полонъ какого-то благочестія!» Вскорѣ эти слова Герцена, написанныя послѣ восхожденія на Монте-Розу, станутъ непонятными... Люди пройдутъ всюду, гдѣ прежде «носились лишь туманы, да цари орлы». Настанетъ время, когда придется далеко искать и первобытныхъ альпійскихъ красотъ, и горныхъ идиллій, и народной пѣсни. Одна изъ варіацій на извѣстную тему романа Беллами, повѣсть «Caesars column» увѣряетъ, что въ концѣ XX столѣтія такимъ блаженнымъ уголкомъ для человѣчества будутъ горы Африки, оглашаемыя пастушескими пѣснями и журчаніемъ водопадовъ.

Но если и для этихъ вѣковыхъ преданій, какъ и для всего сказочнаго, богатырскаго, есть свой предѣлъ, насколько величественнѣе было бы, если бы завоеваніе совершено было для народныхъ массъ, если бы побѣдой надъ титанами воспользовались не пигмеи, жалкіе человѣчки съ ничтожной душой! Народныя волны и гигантскія горы— величины однородныя...

Ни легенды, ни таинственный сумракъ не въ состояніи окутывать долѣе и «вершины» человѣчества. Память о выдающихся людяхъ будетъ переживать вѣка, новые любимцы будутъ выдѣляться изъ народныхъ массъ (не такъ давно одинъ американскій ораторъ назвалъ «первою обязанностью народа вырабатывать великихъ людей», to grow great men),—но даже если бы это чествованіе принимало религіозный оттѣнокъ, замѣтный, напримѣръ, въ англійскомъ позитивизмѣ съ его «church of humanity», оно не выродится болѣе въ культъ героевъ. Отъ суда потомства не укроются ни слова, ни поступки ихъ; но пусть же это будетъ судъ не праздныхъ искателей сплетенъ и ловцовъ скандала, а народной совѣсти, просвѣтленной знаніемъ. Передъ такимъ искусомъ устоитъ все истинно великое и отпадетъ мишурное и лживое. Потомство должно пройти по слѣдамъ избранниковъ, но не для того, чтобы стянуть въ тину ничтожества и злобы ихъ дѣло, а чтобы подняться до его уровня, сдѣлать причастными къ нему всѣ свои слои, безъ различія...

Стемнѣло. Послѣдній поѣздъ засталъ горное село въ дремотѣ. На долину легли густыя тѣни; вскорѣ все смолкло и слилось въ неясную, безформенную массу,—а тамъ, въ вышинѣ, темноту прорѣзывало блѣдное очертаніе вѣчныхъ снѣговъ. Въ то время, какъ вокругъ царитъ мракъ и безжизненный сонъ, тамъ теплится свѣтъ. Онъ не померкнетъ до утра.

ПРОМЕТЕЙ ВЪ КАВКАЗСКИХЪ ЛЕГЕНДАХЪ И МІРОВОЙ ПОЭЗІИ.

Въ концѣ лѣта 1900 года, въ одномъ изъ древнихъ городовъ Прованса, Безьѐ (римск. Beterrae), сохранившемъ остатки великолѣпнаго амфитеатра или «арены» временъ римлянъ, происходило необычайное театральное представленіе. На скамьяхъ подновленной арены размѣстилось болѣе двѣнадцати тысячъ зрителей; передъ ними, въ художественной обстановкѣ громадной декораціи, изображавшей кавказскія горы, предсталъ прикованный Прометей и разыгралась трагическая фабула, взятая изъ пьесы Эсхила и разработанная двумя французскими поэтами (Jean Lorrain, Ferdinand Herold) въ духѣ новѣйшихъ сценическихъ требованій. Музыка пришла на помощь драмѣ, и Габріэль Форэ своими оркестровыми вставками и хорами еще болѣе поднялъ впечатлѣніе пьесы, вызвавшей бурный энтузіазмъ. По общимъ отзывамъ впечатлѣніе это затмило эффекты такихъ же возрожденій сценической старины, спектаклей труппы Théâtre français въ римскомъ амфитеатрѣ Оранжа и т. д.

Съ тѣхъ поръ, какъ легенда о Прометеѣ подверглась впервые литературной обработкѣ у Гезіода, прошло двадцать шесть вѣковъ, но она могущественно дѣйствуетъ на человѣчество. Прометей—одинъ изъ немногихъ его избранниковъ, сочувствіе къ которымъ сопутствуетъ міровой исторіи,—и благодаря тому, что еще въ отдаленной древности греческій миѳъ о немъ слился съ преданіями народностей Кавказа о скованныхъ титанахъ-страдальцахъ, во множествѣ варіацій повторялась повсюду, какъ нѣчто неизбѣжное, завѣщанное вѣками, именно *кавказская* обстановка мученій титана. На почвѣ локализаціи преданія сближаются такія крайности человѣческаго творчества, какъ кабардинскія, осетинскія или иныя повѣрья и народныя сказки о скованномъ навѣки богатырѣ, и просвѣтленныя гуманною мыслью и идеализмомъ художественныя произведенія Эсхила или Байрона.

Поразительная особенность Кавказа, которую можно бы назвать безсмертіемъ народной памяти или поэтическимъ консерватизмомъ,— умѣнье въ теченіи тысячелѣтій сберегать то, что нѣкогда поразило народ-

ный умъ или воображеніе, и, точно схоронивъ его въ глубинѣ ущелій, за твердыней горъ, неприкосновенно передавать позднѣйшему потомству,—ставитъ теперь лицомъ къ лицу въ міровой литературѣ обѣ эти противоположности, показывая въ кавказскихъ сказаніяхъ, *чѣмъ былъ* въ незапамятную пору первообразъ преданія, тогда какъ европейская поэзія отвѣчаетъ и въ новѣйшее время разнообразными примѣрами того, *во что могутъ превратить* несложную легендарную основу поэзія и мысль подъ культурно-историческимъ вліяніемъ. Амиранъ, о которомъ не перестаютъ вспоминать грузинъ, абхазецъ, осетинъ, и проникнутые идеями девятнадцатаго вѣка Прометей и Прометиды стоятъ на двухъ концахъ эволюціи миѳа,—и въ то же время они часто современники.

Рѣзкое и властное проявленіе личности, мятежное сопротивленіе богамъ, насиліе и вредъ по отношенію къ людямъ,—древніе атрибуты титана, въ которомъ позднѣйшіе вѣка, напротивъ, увидѣли друга человѣчества, его просвѣтителя и заступника. Наказаніе такого дерзкаго насильника является поэтому вполнѣ заслуженнымъ; попытки его освободиться грозятъ величайшими бѣдствіями. Таковы титаны кавказскихъ сказокъ.

Является ли героемъ народнаго преданія безыменный богатырь въ образѣ старца, съ длинною до ногъ бородой, огненными глазами, когтями хищника (кабардинская версія) или чудовищно огромнаго великана,—носитъ ли онъ опредѣленное имя (въ большинствѣ случаевъ—Амирана, у армянъ—Артавазда, Ширада, Мхера),—признаетъ ли въ немъ легенда лицо миѳическое или пытается прикрѣпить его подвиги къ дѣйствительно существовавшему, историческому лицу (Артаваздъ армянскихъ сказаній—сынъ царя Арташеса II),—преданіе о богатырѣ-узникѣ повторяетъ, съ варіантами второстепенныхъ подробностей, нѣсколько основныхъ формулъ. Наиболѣе тяжкими его преступленіями, побуждающими къ жестокому наказанію, служатъ или несправедливость къ людямъ, необузданность кровожаднаго истребителя жизни, или ослушаніе отцовской волѣ (преданіе, сообщаемое объ Артаваздѣ Моисеемъ Хоренскимъ), или сопротивленіе божественной волѣ, доходящее до нарушенія клятвы, данной богу, наконецъ, до борьбы съ нимъ, до выхода на поединокъ, едва не кончающійся побѣдою титана. Его запираютъ въ расщелину горъ или въ пещеру, или въ глубокую яму,—или въ «стеклянный домъ» на горѣ (грузинская версія, записанная г. Потанинымъ); его приковываютъ на желѣзной цѣпи къ желѣзному же колу (сванетская версія), или къ скалѣ (кабардинская версія; армянское преданіе про Артавазда указываетъ на Масисъ=Араратъ), или къ гигантскому дереву. Послѣдній варіантъ, сказаніе пшавское, чертами необыкновенно величавыми соединяетъ этотъ мотивъ съ классическимъ прикрѣпленіемъ къ горѣ:

трижды вонзая въ землю посохъ, Христосъ вызываетъ Амирана вынуть его, въ послѣдній же разъ велитъ посоху пустить корни, которые покрываютъ собой вселенную, и подняться стволомъ до небесъ, привязываетъ противника къ этому дереву и придвигаетъ къ нему двѣ горы, Казбекъ и Гергеты. Только въ легендѣ о Мхерѣ, вошедшей въ составъ армянской поэмы XI—XII вѣка о Давидѣ Сасунскомъ, и въ наше время еще живущей въ народѣ (она записана у турецкихъ армянъ въ окрестностяхъ Вана), богатырь заключенъ вмѣстѣ съ своимъ конемъ, а передъ собой онъ вѣчно видитъ «колесо, приводящее въ вращательное движеніе землю съ небомъ». Неразлучными же сожителями узника въ большей части преданій являются собаки; одинъ, чаще же два пса, бѣлый и черный, постоянно лижутъ или грызутъ его цѣпи, становящіяся оттого все тоньше, но снова крѣпнущія, повинуясь тяжелому зароку; или приходятъ разъ въ годъ съ земли кузнецы и ударами молотовъ сковываютъ звенья цѣпи, или (версія грузинская) кузнецъ появляется изъ нѣдръ земли, или, наконецъ (варіантъ абхазскій) таинственная женщина въ черномъ платьѣ прикасается къ цѣпи, и она снова утолщается.

Узникъ предается тоскѣ (слезы Мхера «прорыли землю и потекли по ней потокомъ»), но помышляетъ болѣе всего объ освобожденіи. Каждаго, кто случайно его увидитъ, онъ осыпаетъ вопросами о томъ, что дѣлается на землѣ, желая знать, не появлялись ли признаки его скораго избавленія, или же пытается при помощи пришедшаго завладѣть своимъ мечомъ, разбить цѣпь. Но страданія его безконечны. Онъ выйдетъ на волю только тогда, когда «пшеница будетъ со сливу, а ячмень съ шиповникъ»; если вѣчно вращающееся передъ Мхеромъ колесо міра остановится, тогда онъ вырвется на свободу—и разоритъ міръ.

Такова сведенная къ главнымъ чертамъ основная ткань кавказской легенды, такова сводная біографія прикованнаго титана [1]). Преобла-

---

[1]) Источники: Изслѣдованія и статьи Н. О. Эмина по армянской миѳологіи, археологіи и т. д. М. 1896, стр. 325—7.—Халатьянцъ. Армянск. эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. М. 1896, 314—324.—Онъ же, „Давидъ Сасунскій", образчикъ армян. народн. эпоса (Братск. помощь армянамъ, 1897, 226—27).—Всев. Миллеръ. Осетинскіе этюды, I, 1882; онъ же, „Кавказскія преданія о великанахъ, прикован. къ горамъ", „Журналъ минист. нар. просвѣщ." 1883, I.—А. Хахановъ. Очерки по исторіи грузинск. словесности, 1895, 20—43.—Кабардинск. сказаніе, Сборникъ матеріал. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, XII, 1, 37; абхазское—тамъ же, II, 34 и т. д. Проф. С. Е. Саковъ указалъ мнѣ на разсказъ турецкаго историка Джевдета, который подъ 1196 г. гиджры (1782 по Р. Х.) сообщаетъ со словъ черкесовъ, что на возвышенности Эльбруса въ пещерѣ жилъ узникъ Заххакъ, привязанный цѣпями за шею, ноги и талію, съ руками скованными вмѣстѣ. Охотникъ, случайно зашедшій въ пещеру, долженъ былъ помогать ему освободиться, но не смогъ. Ночью слышно было звяканье цѣпей. Характерны были вопросы богатыря: хорошъ ли урожай кормовыхъ травъ, ходятъ ли дѣти въ школу...

дающія въ ней черты—инстинкты зла, разрушенія, насилія, самоуправства. По высоко любопытному древне-армянскому преданію, на которое въ свое время указалъ Эминъ, Артаваздъ, родившійся съ добрыми влеченіями, испорченъ былъ чародѣйствомъ какихъ-то женщинъ изъ племени, враждебнаго отцу. Говорили также, будто потомки Аджахака (Астіага) мидійскаго похитили изъ колыбели Артавазда и положили на его мѣсто дэва. Этотъ одиноко стоящій варіантъ освѣщаетъ и личность, и всѣ поступки богатыря уже не черезмѣрнымъ развитіемъ тѣлесной и душевной силы, не находящей себѣ исхода и безумно бушующей, а демонизмомъ, и порываетъ послѣднія связи титана съ родомъ людскимъ. Но въ томъ же циклѣ преданій навстрѣчу этому толкованію идетъ разсказъ, который приводитъ Моисей Хоренскій, сопровождая его волшебную обстановку оговорками здраваго смысла,—на Артавазда во время охоты напали дэвы, завладѣли имъ и увлекли въ пещеру.

Однако на Кавказѣ, хотя и представленная меньшинствомъ преданій о прикованномъ богатырѣ, встрѣчается самостоятельная (главнымъ образомъ грузинская) версія, объяснившая его страданія мученичествомъ за народное благо, за справедливость, за права людей. Онъ очищаетъ землю отъ дэвовъ, истребляетъ все зловредное, «борется съ небомъ потому, что не все на землѣ справедливо». Его отвага и дерзость по отношенію къ божеству получаютъ характеръ заступничества за человѣчество, богоборство становится героизмомъ, а отплата за него,—вѣчный плѣнъ и тяжкія муки,—вызываетъ не злорадство, а глубокую симпатію. Если *такой* узникъ освободится, не разгромъ и разореніе причинитъ онъ, а всеобщее счастіе. Та изъ армянскихъ легендъ, которая вѣритъ, что Артавазда похитили и заточили дэвы, придаетъ захвату значеніе торжества зла надъ добромъ и желаетъ возвращенія плѣнника, видя въ немъ (по выраженію новѣйшаго комментатора) «Мессію армянъ». Въ такихъ проблескахъ положительнаго пониманія личности и судьбы титана замѣтно соединительное звено между кавказскими сказаніями и эллинскимъ миѳомъ о Прометеѣ, похитителѣ священнаго огня ради блага людского.

Въ собранныхъ Гезіодомъ изъ народныхъ устъ и дважды (въ *Теогоніи* и въ *Трудахъ и дняхъ*) связно изложенныхъ преданіяхъ Прометей—одинъ изъ сыновей титана Япета и Океаниды Климены—ведетъ борьбу съ самоуправствомъ и жестокостью Зевса при помощи не физической силы, а лукавства, хитрости, изобрѣтательности. На замыселъ бога лишить человѣчество благодѣяній огня Прометей отвѣчаетъ похищеніемъ огненной искры, скрытой имъ въ стволѣ тростника. За это онъ прикованъ къ скалѣ и преданъ на мученіе орлу, который гложетъ его внутренности, постоянно отростающія вновь. Но, въ противоположность

кавказскимъ преданіямъ, не видящимъ конца страданіямъ богатыря, не вѣрящимъ въ его избавленіе, миѳъ вводитъ вмѣшательство сына Зевса, Геракла, возвращающаго Прометею свободу. Первичная редакція эллинскаго сказанія признала такимъ образомъ не только «Скованнаго», но и «Освобожденнаго Прометея»,—обѣ темы, на которыя впослѣдствіи распались литературныя обработки легенды.

Въ открытомъ поединкѣ титана съ богомъ безконечно больше эпической силы, чѣмъ въ состязаніи искусника въ плутняхъ Прометея съ тяжеловѣснымъ и недогадливымъ божествомъ, которое онъ умѣетъ ставить даже въ комическое положеніе, наприм., при дѣлежѣ съ Зевсомъ жертвоприношеній; древній разсказъ въ этой части фабулы понижаетъ душевный уровень героя. Но онъ даетъ противовѣсъ житейской прозѣ, выдвигая затѣмъ человѣчныя стремленія Прометея, добывающаго огонь не изъ желанія только противодѣйствовать своему врагу, а изъ состраданія къ людямъ, которыхъ деспотъ хотѣлъ лишить основного условія культуры. Значеніе его подвига не умаляется оттого, что Зевсъ изъ мщенія создаетъ въ лицѣ Пандоры на вредъ людямъ обольстительный, но лживый и порочный образъ женщины, что Пандора съ злорадствомъ выпускаетъ на волю скрытые Прометеемъ отъ людей пороки и бѣдствія, и сама становится родоначальницей губительнаго поколѣнія женщинъ. За личностью Прометея не только закрѣпляется одинъ изъ древнѣйшихъ миѳовъ,—нисхожденіе на землю огня,—но въ гезіодовомъ Прометеѣ обозначились черты цивилизатора, филантропа; когда же его приковываютъ къ скалѣ гдѣ-то «на самомъ краю свѣта» (Кавказъ еще не названъ), надъ нимъ уже свѣтится ореолъ. Тема, почти принявшая реально-бытовой характеръ, превратилась въ прекрасный сюжетъ для трагедіи, мимо котораго не могло пройти греческое драматическое творчество ранней поры, такъ широко воспользовавшееся миѳологіей.

Составныя части преданія могли быть разнородными и разноплеменными,—какъ это предполагаетъ современная наука; въ него вошли, быть-можетъ, индійская или иранскія повѣрья; со времени общенія грековъ съ народностями Кавказа оно встрѣтилось и съ его легендами о прикованныхъ богатыряхъ, но, слившееся и объединенное, оно уже было въ дни Гезіода достояніемъ греческаго народа. Гезіодова запись послужила основою для первой художественной переработки миѳа,—трагедія Эсхила «Прикованный Прометей» раскрыла въ немъ богатые задатки развитія.

Съ внѣшней стороны въ ней всѣ признаки неопытной сценической техники. Нѣтъ живого дѣйствія, органически развивающейся завязки; борьба титана съ Зевсомъ предшествуетъ началу трагедіи и раскрывается въ разсказахъ узника; въ рядѣ сценъ детально разработано

только два душевныхъ состоянія,—страданіе, выражающееся въ невольныхъ стонахъ и жалобахъ, и быстро смѣняющій эти уступки слабой человѣческой природѣ духъ непокорнаго, гордаго протеста. Землетрясеніе, низвергающее въ концѣ пьесы при раскатахъ грома и блескѣ молніи скалу съ Прометеемъ, обрываетъ дѣйствіе, но не завершаетъ его, и возвѣщенныя посланцомъ и клевретомъ Зевса, Гермесомъ, новыя мученія, появленіе орла, виднѣются въ дальнемъ будущемъ, когда послѣ заточенія въ нѣдрахъ земли, Прометей снова будетъ вызванъ на ея поверхность. Но, несмотря на недочеты и пробѣлы, на опасность монотонности, чувствуется, что старымъ матеріаломъ миѳа завладѣлъ великій художникъ. Онъ освободилъ Прометея отъ житейской мелкоты, личныхъ счетовъ и хитроумія, и въ похитителѣ священнаго огня зажегъ яркій и чистый огонь воодушевленія, человѣчности, любви къ свободѣ и, ненависти тираніи.

Съ глубокой искренностью вспоминаетъ герой трагедіи, что сдѣлалъ онъ для людей, въ какомъ дикомъ состояніи засталъ ихъ и какъ водворилъ въ нихъ культуру, научилъ ихъ искусствамъ, потому что «черезмѣрно любилъ людей».—«*За добро благодарности нѣтъ*», отвѣчаетъ горькою истиной хоръ Океанидъ,—но ни напоминанія о неизбѣжности подчиненія, о безсиліи его любимцевъ, «влачащихъ рабства оковы», помочь ему, ни раздражающее вмѣшательство Океана, готоваго вымаливать у Зевса ему прощеніе, ни превосходно обрисованное хамское издѣвательство Гермеса надъ несчастнымъ, переходящее въ злобныя угрозы, не въ силахъ сломить его стойкости. Какъ титанъ, онъ безсмертенъ; мучитель не властенъ надъ его жизнью; придетъ же наконецъ день освобожденія! На совѣты хора внять «благоразумію» онъ отвѣчаетъ:

Его рѣчи извѣстны мнѣ были давно,
А страдать не позорно врагу отъ враговъ.
Пусть извилины молній летятъ на меня,
Сотрясается воздухъ отъ страшныхъ громовъ
И порывовъ неистовыхъ вѣтровъ, и пусть
Вѣтеръ землю колеблетъ до самыхъ основъ;
Волны моря, шумя, пусть достигнутъ небесъ,
И пусть вихри судьбы сбросятъ въ Тартаръ меня:
Меня все же убить онъ (Зевесъ) не можетъ! [1])

Проваливаясь въ бездну, Прометей зоветъ благія силы природы быть свидѣтельницами того, какъ «беззаконно страдаетъ онъ».

Его судьба не прослѣжена въ трагедіи до конца; послѣднее слово не сказано. Поэтъ отнесъ его во вторую, до насъ не дошедшую траге-

---

[1]) Прикованный Прометей, перев. В. Аппельрота, М. 1888, стр. 108—9.

дію, основанную на томъ же миѳѣ, въ Освобожденнаго Прометея» [1]. Тамъ онъ осуществилъ предчувствіе, никогда не покидавшее титана, послалъ ему послѣ возобновившихся терзаній избавителя въ лицѣ Геракла и загладилъ несправедливость, обрушившуюся на друга людей. Тамъ же онъ сдѣлалъ Кавказскія горы мѣстомъ мукъ (сценарій первой трагедіи указываетъ неопредѣленно на *Скиѳію*: «вотъ мы и въ Скиѳіи, странѣ далекой, гдѣ нѣтъ слѣда людского», говоритъ олицетворенная Власть, влача Прометея). Въ одномъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ (именно томъ, который сбереженъ Цицерономъ въ «Тускуланскихъ бесѣдахъ») онъ говоритъ собратьямъ титанамъ:

Такъ, одинокій, мучаюсь я здѣсь
И въ смерти лишь конецъ страданьямъ вижу,
Но, волей Зевса, я далекъ отъ смерти.
И съ этимъ зломъ, вѣками освященнымъ,
Ужаснымъ, тѣло свыклося мое;
А изъ него, отъ солнечнаго жара,
Сочатся капли крови постоянно
И на скалы Кавказа упадаютъ.

Завѣщанный Эсхиломъ идеализованный образъ Прометея, друга людей, пережилъ классическую древность, окруженный неизмѣннымъ сочувствіемъ. Но, со времени поэтической переработки эллинскихъ миѳовъ въ «Превращеніяхъ» Овидія, въ немъ стали видѣть нетолько друга, но и творца людей; когда все живое, звѣри, птицы, рыбы, было создано, недоставало совершеннѣйшаго изъ твореній,—и, взявъ глины, осушивъ ее, изваявъ человѣка по подобію боговъ, придавъ ему взоръ, обращенный къ небу (въ то время, какъ всѣ породы животныхъ клонятъ голову къ землѣ), Прометей оживилъ свою статую, размножилъ, расселилъ ее, и сталъ не только творцомъ культуры, но и виновникомъ самой жизни... [2]).

---

[1]) Миѳу о Прометеѣ Эсхилъ посвятилъ трилогію, но невозможно опредѣлить, что заключалось въ третьей пьесѣ. Полагали, что ея сюжетомъ было водвореніе культа Прометея въ Аттикѣ или что „Освобожденному Прометею“ предшествовала пьеса, изображавшая похищеніе огня, наконецъ, слышались скептическія мнѣнія, отрицавшія существованіе третьей трагедіи.—Henri Weil. Etudes sur le drame antique, 1897. P. 79—80.—Сравн. также книгу Manara Valgimigli, „La trilogia di Prometeo“, Bologna, 1904.

[2]) Метаморфозы, книга I, 2.—По поводу Овидіева разсказа приведу интересный комментарій одного изъ переводчиковъ 18-го вѣка, аббата Баньэ (Métamorphoses d'Ovide trad. en français avec des remarques et des explications historiques, par l'abbé Banier, P. 1757). Стараясь раскрыть историческую основу преданія, аббатъ принимаетъ Прометея за повелителя, царя скиѳовъ, виновника ихъ культуры. Главною его страстью была—астрономія, и чтобъ предаваться ей, онъ часто удалялся на

Насмѣшливый, безпощадный скептицизмъ ворвался наконецъ, въ заповѣдный міръ миѳовъ и производилъ въ немъ опустошенія,—но передъ легендой о Прометеѣ и онъ останавливался, какъ передъ чѣмъ-то недосягаемымъ и неприкосновеннымъ. Когда Лукіана, такъ часто и справедливо называемаго Вольтеромъ древности, кто-то прозвалъ новымъ Прометеемъ, онъ отвѣчалъ блестящею рѣчью («Къ тому, кто сказалъ автору: ты въ рѣчахъ своихъ—Прометей»); онъ склоненъ видѣть въ лестномъ отзывѣ о немъ скрытую иронію, быть можетъ, даже пародію въ аттическомъ вкусѣ. Можно ли сравнивать его *съ мудрѣйшимъ изъ титановъ*!... Остроумныя параллели сыплются затѣмъ изъ рога изобилія. Если вѣрили когда-то, что Прометей слѣпилъ первыхъ людей изъ глины, чтожъ, вѣдь и Лукіанъ можетъ сойти за горшечника,—только земля, которую *онъ* обрабатываетъ, презрѣннѣе уличной грязи, и походитъ на гнилой илъ. Не похожъ Лукіанъ на Прометея и въ дѣлѣ похищенія божественнаго огня,—*гдѣ, у кого*, въ современную ему пору могъ бы онъ похитить его? Нѣтъ, лучше онъ останется самимъ собою и пойдетъ по избранному имъ пути. Вѣдь если бы онъ поступилъ иначе, онъ сдѣлалъ бы себя окончательно недостойнымъ почетнаго прозвища, и изъ Прометея (т.-е.—одареннаго предвѣдѣніемъ, предугадывающаго) превратился бы въ другое глубоко задуманное дѣйствующее лицо стараго преданія,—въ Эпиметея, который живетъ заднимъ умомъ, оттадываетъ и объясняетъ то, что уже сказано или сдѣлано...

Но сатирикъ дважды вернулся къ миѳу и его герою,—особенно въ діалогѣ «Прометей или Кавказъ». Въ немъ выступаютъ Меркурій, Вулканъ и несчастный титанъ, котораго они влекутъ къ горѣ, чтобы сковатъ его тамъ навѣки; вступительная сцена живо напоминаетъ первыя явленія эсхиловой трагедіи; память о ней, очевидно, владѣетъ авторомъ, но такъ, что психологическими мотивами стараго поэта онъ пользуется въ видахъ скептическаго похода противъ культа и его жрецовъ.

Посланцы Юпитера долго выбираютъ среди Кавказскихъ горъ подходящее мѣсто: оно должно быть свободно отъ снѣга, не слишкомъ близко отъ земли, чтобы люди не могли освободить узника, и не слишкомъ далеко, такъ чтобы снизу его было видно. Лучше всего распять его надъ пропастью; одну руку прикрѣпить къ скалѣ, другую къ противоположной горѣ. Оба палача необыкновенно любезны съ своею

вершину Кавказа, откуда созерцалъ свѣтила; его постоянно волновали тамъ думы, или, точнѣе, его мучила грусть о томъ, что онъ принужденъ уединяться въ такомъ далекомъ краю. Эти муки и выражены въ символическомъ образѣ орла, терзающаго его внутренности...

жертвой. Они ласково просятъ его протянуть сначала правую, потомъ лѣвую руку, и Вулканъ ударами молота мастерски прибиваетъ ихъ. На сѣтованія и протесты Прометея они отвѣчаютъ удивленіемъ: неужели Кавказъ не кажется ему достаточно обширнымъ, чтобы на немъ распяли еще двухъ несчастныхъ, т.-е. ихъ самихъ, если они ослушаются повелителя? И потомъ—развѣ онъ не знаетъ за собой тяжкихъ преступленій,—не онъ ли хотѣлъ обдѣлить боговъ жертвенной добычей, не онъ ли создалъ людей, и, что еще хуже, женщинъ, не онъ ли укралъ для нихъ драгоцѣннѣйшее достояніе безсмертныхъ боговъ, огонь? Оправданіе Прометея полно тонкаго остроумія. Онъ доказываетъ, что боги должны быть, напротивъ, благодарны ему за то, что изъ комка грязи онъ создалъ людей: вѣдь до того существовали лишь свѣтлыя божественныя созданія въ небесахъ, земля же, одичавшая, заросшая, безъ жертвенниковъ, храмовъ и статуй, была унылой и безплодной. Одинокое величіе скучно и недостаточно цѣнится; нужно было создать людей, какъ противоположность божеству, чтобы оно могло лучше оцѣнить свое превосходство. Земля покрылась городами,—а сколько въ нихъ алтарей и святилищъ Юпитера, Аполлона, Меркурія! И ни одного храма нѣтъ во славу Прометея. Это ли не безкорыстіе!... А красоты и совершенство природы развѣ не выиграли оттого, что у нихъ есть постоянные свидѣтели и созерцатели? Не будь ихъ, боги владѣли бы богатствами, которымъ никто бы не удивлялся... И въ сотвореніи людей, особенно женщинъ, нѣтъ такъ же грѣха. Зачѣмъ же порицающіе его боги удостоиваютъ женщинъ своею любовью, появляются къ нимъ на землю въ видѣ быковъ, сатировъ, лебедей, и потомъ съ удовольствіемъ видятъ появленіе новыхъ божковъ? Наконецъ, безъ огня не было бы жертвоприношеній, не пылали бы алтарные костры, и пріятный запахъ жаренаго мяса, смѣшиваясь съ ѳиміамомъ, не щекоталъ бы божественныхъ ноздрей...Ужъ если возставать противъ огня, отчего не помѣшать и солнцу свѣтить людямъ? Быть можетъ, боги и его обвинятъ въ томъ, что оно похитило у нихъ свои лучи...

Меркурій и Вулканъ не въ силахъ бороться съ лукавой и въ то же время глубокомысленной діалектикой Прометея, въ которомъ имъ хотѣлось бы видѣть только «искуснаго софиста»; отъ рѣчей его что-то дрогнуло въ нихъ. Когда орелъ приближается и имъ пора уходить, у Меркурія вырываются слова сожалѣнія и надежды на освобожденіе несчастнаго.

Но человѣколюбіе и самопожертвованіе Прометея, развившееся на почвѣ миѳа, плѣняя даже скептиковъ вродѣ Лукіана, шло вразрѣзъ съ массовыми инстинктами, раздорами, пороками, нетерпимостью той породы людей, которую создалъ титанъ и за нее же пострадалъ. Проти-

воположность творческаго акта, героизма, и его послѣдствій была безотрадна. Контрастъ величія и нравственнаго паденія впервые указанъ былъ въ предѣлахъ миѳа Платономъ въ его *Протагорѣ*; развитіе культуры, не сопровождавшееся «политическою мудростью», привело людей къ ожесточеннымъ войнамъ; они истребляли другъ друга, сходились, размножались, чтобы съ новой силой предаваться губительнымъ влеченіямъ. «Протагоръ» вводитъ, какъ исправленіе искаженныхъ прометеевыхъ благодѣяній, вмѣшательство Зевса, ниспосылающаго людямъ для облагороженія ихъ жизни «стыдъ и правду»... У позднѣйшихъ участниковъ въ обработкѣ легенды не привилась эта варіація на миѳическую тему,—цивилизующее вліяніе того божества, чей деспотизмъ нѣкогда потрясалъ Прометей. Но многихъ изъ нихъ, до нашего времени, привлекала указанная въ платоновомъ діалогѣ возможность, вслѣдъ за изложеніемъ миѳа, вглядѣться въ даль вѣковъ и раскрыть судьбу прометеева дѣла; у многихъ встрѣтимъ всемірно-историческіе обзоры, ужасающія пророческія видѣнія, открывающіяся передъ виновникомъ жизни,—введенныя не въ укоръ ему, а съ тѣмъ, чтобы еще болѣе углубить трагизмъ и величіе его подвига.

Съ каждымъ новымъ толкованіемъ миѳа, съ каждой попыткой ввести въ него запросы и нужды своего времени, своего народа, своей философской или политической школы, первичныя очертанія его блѣднѣли, отступали на второй планъ. Прикованный къ скалѣ Прометей становился символомъ выдающейся, могучей личности, выполняющей свое призваніе вопреки всякимъ помѣхамъ, всякому гнету, неуклонной, несмотря даже на неблагодарность и сопротивленіе массы, за которую она страдаетъ. Прометей послѣдовательно сталъ средневѣковымъ христіанскимъ подвижникомъ, дѣятелемъ просвѣтительной философіи 18-го вѣка, народнымъ вождемъ девятнадцатаго столѣтія.

Склонность средневѣковаго католицизма истолковывать и примѣнять ad majorem Dei gloriam и древнюю (даже восточную) исторію, и классическую поэзію, находя въ нихъ предвѣстія христіанства, залюбовалась героизмомъ и человѣколюбіемъ страдающаго титана, и въ цѣломъ рядѣ богословскихъ комментаріевъ взяла подъ свое покровительство легенду о немъ. Отголоски этого толкованія долго слышались въ правовѣрныхъ кругахъ, напримѣръ, въ набожной испанской драмѣ 17-го вѣка. Наоборотъ, возрожденіе классической древности не повело за собой оживленной разработки миѳа. Въ титанизмѣ Прометея было слишкомъ много огня, фантастики, безпорядочности, для того, чтобы онъ могъ войти въ рамки новаго, стройнаго, придворнаго искусства, и чтобы Прометей могъ появиться, хотя бы подъ эгидой Эсхила, на французской трагической сценѣ на ряду съ героическимъ, царскимъ

и божественнымъ персоналомъ. Но едва мысль и творчество высвободились изъ подъ гнета формализма и односторонности, едва окрѣпло сознаніе необходимости общественнаго обновленія, свերженія предразсудковъ и суевѣрій, борьбы съ старымъ началомъ въ церкви и государствѣ, «созданія новой породы людей», какъ для «просвѣтителей» сталъ понятенъ, дорогъ и близокъ ихъ далекій миѳическій предшественникъ. Руководители нѣмецкой мысли, Лессингъ, Гердеръ, чествуютъ въ Прометеѣ представителя культурной энергіи, индивидуальной силы, которую они такъ страстно хотѣли бы привить новымъ нѣмецкимъ поколѣніямъ; съ ученикомъ и послѣдователемъ обоихъ великихъ критиковъ, Гёте, долго не разставалась мысль достойно изобразить и объяснить Прометея,—мысль, отразившаяся разновременно въ трехъ его произведеніяхъ.

Вспоминая о томъ, какъ сложилась у него въ молодые годы лучшая изъ его обработокъ миѳа, Гёте шутливо признался, что «облекъ Прометея въ нарядъ съ собственнаго плеча». Дѣйствительно, герой драматическаго отрывка «Prometheus» какъ будто вышелъ изъ рядовъ наиболѣе убѣжденныхъ дѣятелей эпохи Бурныхъ Стремленій. Поэтъ не дорожилъ традиціонной сценой казни титана въ горахъ Кавказскихъ (хотя мѣсто дѣйствія первой сцены какъ будто не вдалекѣ отъ нихъ, и Прометей любуется восходомъ солнца «vom finstern Kaukasus»), зато онъ выставилъ въ рѣзкой противоположности хитрость и властолюбіе Зевса, который готовъ примириться даже съ созданіемъ людей Прометеемъ, потому что, рано или поздно, они всѣ станутъ рабами громовержца,—и благородство друга человѣчества, который, ожививъ изваянныя имъ статуи, передалъ имъ все великое и завѣтное, чѣмъ самъ жилъ. Онъ презираетъ надменныхъ, но въ дѣйствительности безсильныхъ боговъ («могутъ ли они помочь ему отрѣшиться отъ собственной личности, сумѣютъ ли они расширить полетъ его мысли и дать ей охватить весь міръ, осушили ли они когда-нибудь слезы несчастнаго, смягчали ли горе удрученнаго?»), и словно добрый геній возвышается надъ людской массой. Пусть судьба ставитъ на пути человѣчества раздоры, вражду, смерть, пусть Прометей увидитъ первыя гнѣвныя столкновенія между людьми изъ-за проснувшагося инстинкта собственности,—ничто не ослабитъ его гуманнаго участія къ созданнымъ имъ существамъ. Въ послѣдней сценѣ отрывка мы видимъ Прометея въ мастерской, съ увлеченіемъ отдающагося творчеству. Его оживленныя статуи должны быть во всемъ равны своему творцу; «онѣ будутъ страдать, плакать, наслаждаться, радоваться и—презирать Зевса, какъ презираетъ его Прометей».

---

[1]) О гётевскомъ пониманіи Прометея—блестящая рѣчь проф. Эриха Шмидта „Goethes Prometheus“, напечатанная въ Göthe-Jahrbuch за 1899 г.

Hier sitz' ich, forme Menschen
Nach meinem Bilde,
Ein Geschlecht, das mir gleich sei,
Zu leiden, zu weinen,
Zu genieszen und zu freuen sich,
Und dein nicht zu achten,
Wie ich!

Прошло лѣтъ тридцать послѣ того, какъ написаны были эти строки, дышащія оптимизмомъ просвѣтителей 18-го вѣка,—и миѳъ о Прометеѣ увлекъ еще на школьной скамьѣ будущаго властителя думъ нѣсколькихъ поколѣній, Байрона. Когда въ колледжѣ Гарроу передъ учениками впервые прозвучали стихи Эсхиловой трагедіи, Байронъ былъ потрясенъ величавою личностью неукротимаго титана.

Это раннее впечатлѣніе сохранилось навсегда. Впослѣдствіи, когда критика нашла въ зрѣлыхъ его произведеніяхъ, напр., въ *Манфредѣ*, слѣды вліянія пьесы Эсхила, онъ не только не отрицалъ возможности его, но заявилъ, что «легко можетъ представить себѣ вліяніе этой трагедіи *на все, что когда-либо онъ написалъ*». Въ личности и судьбѣ Прометея онъ чувствовалъ созвучіе съ своимъ призваніемъ, съ своею участью. Но въ его жизни была пора, когда легенда должна была подѣйствовать на него съ особою силой,—пора разрыва съ отечествомъ, одиночества, презрѣнія къ нетерпимости и фарисейству, и въ то же время сильнаго подъема идеальныхъ стремленій и готовности къ борьбѣ за народное благо. Въ Женевѣ, въ 1816 году, онъ услышалъ снова стихи Эсхила, на этотъ разъ въ свободномъ переложеніи Шелли, который импровизировалъ для него переводъ à livre ouvert; снова испыталъ онъ глубокое впечатлѣніе, и его «Prometheus» выразилъ восторгъ и удивленіе великому предшественнику всѣхъ борцовъ за права человѣчества. Три строфы этого стихотворенія воскрешаютъ преданіе о «скалѣ, коршунѣ и цѣпи», чествуютъ безграничную энергію и выносливость, громятъ самовластіе, горячо берутъ подъ свою защиту того, «чьимъ единственнымъ преступленіемъ было желаніе уменьшить несчастія человѣчества, укрѣпить силы и духъ людей», и возглашаютъ славу страдальцу, для котораго «гибель была побѣдой». Въ каждомъ словѣ чувствуется пережитое и выстраданное, но не горечь обиды, а жажда борьбы, подвига.

И не только въ *Манфредѣ* съ его титанизмомъ и безстрашною смертью, но во многихъ выдающихся произведеніяхъ итальянскаго періода байроновской поэзіи, наконецъ въ рѣшимости Байрона пойти на избавленіе греческаго народа постоянно сказывалось вдохновляющее вліяніе прометеевскаго духа.

Байроновскій почин слиянія легенды съ современною соціально-политическою жизнью, сдѣланный въ началѣ девятнадцатаго вѣка, указалъ путь всей послѣдующей поэзіи. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ гимна Байрона къ Прометею, Шелли положилъ тотъ же миѳъ въ основу драмы, но не для того чтобы повторить печальную повѣсть о бѣдствіяхъ и мукахъ, но чтобы опереться на замыселъ Эсхила въ его второй трагедіи, дать волю своей роскошной фантазіи и изобразить *освобожденіе* Прометея.

Послѣ нѣскольких тысячъ лѣтъ, прошедшихъ въ мученіяхъ, титанъ не сдался, вѣритъ въ конечное торжество добра, разучился ненавидѣть, и величавымъ, героическимъ терпѣніемъ раздражаетъ враговъ. Для него придумываютъ новыя терзанія. Фуріи вьются около него и раскрываютъ передъ нимъ всѣ бѣдствія, причиненныя человѣчествомъ, которое онъ создалъ и такъ любитъ. Мысль, высказанная у Платона и потомъ мелькнувшая у Гёте, широко развита здѣсь,—быть можетъ, подъ вліяніемъ такой же всемірно-исторической картины, введенной Мильтономъ въ *Возвращенный Рай*. Виднѣются шествіе на Голгоѳу, крестныя страданія, торжество злыхъ и братоубійственныхъ влеченій у людей. Но геніи-хранители титана шлютъ въ утѣшеніе его потрясенной душѣ видѣнія добра, благородства, героизма, не исчезнувшихъ, напротивъ, развивающихся на землѣ. Прометей сильнѣе прежняго вѣритъ въ свое освобожденіе,—и оно настаетъ. Передъ лицомъ Юпитера появляется изъ глубины таинственной пещеры могучій противникъ, Демогоргонъ, олицетвореніе справедливости и истины. Царь боговъ низвергается въ бездну съ своими приспѣшниками; Прометея освобождаютъ отъ оковъ (замѣтимъ, что Шелли ввелъ въ древнюю фабулу своеобразно придуманное мѣсто дѣйствій, «Индійскій Кавказъ», стало быть, хребетъ Гиндукушъ), и пьесу заканчиваетъ рядъ свѣтлыхъ картинъ общечеловѣческаго счастья, равноправности и мирнаго сожительства народовъ, уничтоженія какой бы то ни было розни, водворенія правды и человѣчности на развалинахъ тираніи.

Чудный поэтическій сонъ этотъ могъ пригрезиться среди повсемѣстной реакціи двадцатыхъ годовъ только такому геніальному мечтателю. Это былъ его способъ борьбы со зломъ и проповѣди прогресса. Идя объ руку съ Байрономъ и предоставляя ему активную роль, онъ съ вдохновеніемъ второго Прометея повторялъ людямъ свои неизмѣнные завѣты,—и въ этомъ отношеніи его «Prometheus unbound» имѣетъ большое значеніе.

Доведенный у Шелли до полнаго просвѣтленія, миѳъ о Прометеѣ и подъ перомъ поэта-пессимиста выказалъ поразительную гибкость и жизнеспособность. Драма Шелли и остроумный діалогъ Леопарди «Споръ

Прометея» даютъ рѣзкій контрастъ свѣта и тѣни. Вторить обычнымъ чествованіямъ того, кто будто бы создалъ людей, вдохнулъ въ нихъ жизнь, страдалъ за нихъ, не могъ печальный поэтъ, считавшій роковымъ и наиболѣе властнымъ закономъ этой жизни Несчастіе, infelicita. Онъ не подвергаетъ сомнѣнію добрыя намѣренія титана-человѣколюбца, но это—недальновидная благонамѣренность... То, что было намѣчено у трехъ предшественниковъ Леопарди, становится у него сущностью насмѣшливаго діалога.

Прометей обиженъ тѣмъ, что въ состязаніи, устроенномъ между богами за лучшее изобрѣтеніе, награда (лавровый вѣнокъ, съ которымъ побѣдившій имѣетъ право никогда не разставаться, ни днемъ, ни ночью, ни у себя дома, ни въ публичномъ мѣстѣ, и при томъ въ изваянномъ, рисованномъ, гравированномъ или чугунно-литейномъ видѣ) досталась богамъ, придумавшимъ мелкія житейскія, чуть не кулинарныя удобства, а не ему, придумавшему—людей. Заспоривъ съ Момусомъ объ закладъ о достоинствахъ своего изобрѣтенія, онъ вмѣстѣ съ противникомъ спускается на землю, чтобы взглянуть на дѣйствительную жизнь человѣчества. Но въ Новомъ Свѣтѣ они застаютъ дикаря-людоѣда, обгладывающаго кости своего сына, въ Индіи попадаютъ на обрядъ сожженія вдовы во время тризны по ея мужѣ, въ Англіи останавливаются въ недоумѣніи передъ трупомъ съ зіяющей пистолетной раной въ груди, лежащимъ среди двухъ дѣтскихъ труповъ, и узнаютъ, что самоубійца былъ богатъ и вліятеленъ, но не вынесъ пресыщенія жизнью и въ припадкѣ сплина покончилъ заразъ и съ дѣтьми, хотя любимую собаку завѣщалъ попеченіямъ близкаго друга... Прометей смущенъ, Момусъ выигралъ закладъ,—и на лицѣ печально насмѣшливаго поэта играетъ ироническая улыбка.

Но иронія Леопарди, какъ въ древности ѣдкая сатира Лукіана—одиночныя исключенія въ литературѣ обработокъ миѳа. Слѣдомъ за ближайшими предшественниками въ положительномъ пониманіи легенды,—за Байрономъ и Шелли,—прошли многочисленные поэты девятнадцатаго вѣка [1]). На старой основѣ стали обозначаться новые и разнообразные узоры, варіанты, оттѣнки. Эдгаръ Кинэ, оставившій замѣтный слѣдъ въ исторической наукѣ, политикѣ, просвѣтительной дѣятельности, и поплатившійся при Наполеонѣ III долгимъ изгнаніемъ за свободомысліе, въ своей драмѣ (особенно во второй части «Prométhée enchaîné»), разыгрывающейся среди кавказскихъ горъ, сопоставляетъ легенду съ моралью христіанскаго всепрощенія и заставляетъ титана

---

[1]) Попытка (не вполнѣ удачная) обозрѣть ихъ вклады въ разработку прометеевской легенды сдѣлана была О. Манномъ—„Der Prometheus-Mythus in der modernen Dichtung“, Frankf. an d. Oder, 1878.

увидать въ грезахъ иного Страдальца, который, умирая, прощаетъ врагамъ,—тогда какъ въ заключительной части пьесы Прометея освобождаютъ архангелы и ведутъ его передъ престолъ Всевышняго. Меланхолическая поэзія madame Ackermann выставила Прометея, конечно, не торжествующаго, не освобожденнаго, а томимаго безысходностью своихъ страданій,—но у удрученнаго титана есть заступникъ, чьей местью онъ грозитъ божеству. Это—человѣческая совѣсть, которая никогда не оправдаетъ гонителя, это—духъ мятежа, который разливается по лицу земли и преображаетъ ее [1]). У одного изъ младшихъ поэтовъ пушкинской школы, Эдуарда Губера, въ поэмѣ «Прометей», 1845 года, [2]) наоборотъ, широко разработанъ (въ первой сценѣ «Мастерская Прометея») гётевскій мотивъ художественно-творческаго увлеченія титана своими созданіями, [3]) трепета и радости при видѣ того, какъ загорается жизнь въ первой женщинѣ, какъ пробуждается сознаніе въ статуѣ мужчины, и вслѣдъ за ними оживаютъ и рвутся къ свѣту и борьбѣ цѣлые «хоры» твореній Прометея,—а вторая сцена воспроизводитъ традиціонный разсказъ о желѣзной стойкости и силѣ духа. Она оканчивается словами Прометея къ Меркурію:

Я на скалѣ моей убогой
Останусь въ царствѣ думъ моихъ...
Ступай, да пригони дорогой
Къ обѣду коршуновъ своихъ...
Слетайтесь стаею голодной,—
Васъ нынче ждать заставилъ я,—
Напейтесь крови благородной!
Сюда, ко мнѣ!.. Вотъ грудь моя!

Со второй половины вѣка рѣже встрѣчаются воспроизведенія легенды въ ея завѣтной обстановкѣ [4]). Память о Прометеѣ отъ этого не вымираетъ, но становится лозунгомъ для всѣхъ, кого жизнь ставитъ въ положеніе, сколько-нибудь напоминающее судьбу древняго подвижника. Декорація мѣняется ad libitum; являются *свои* Меркуріи, коршуны, фуріи; нѣтъ нужды въ миѳологическомъ нарядѣ, въ перунахъ, крылатыхъ коняхъ. На сценѣ всего чаще не Прометей, а «Прометиды». Съ разсказа объ ихъ участи въ современномъ обществѣ (Promethiden-

[1]) Oeuvres de L. Ackermann (éd. Lemerre), p. 96—103.

[2]) Рукопись этой поэмы найдена была проф. Висковатымъ и напечатана въ „Рус. Мысли", 1885.

[3]) Тотъ же мотивъ повторенъ въ стих. Огарева „Прометей" (Отеч. Записки, 1841), гдѣ титанъ гордится передъ Зевсомъ тѣмъ, что „все жъ людей онъ создалъ".

[4]) Преданіе если не о Прометеѣ, то о родственной ему легендарной личности Артаваздѣ, послужило въ наши дни темою для стихотвореній двухъ армянскихъ поэтовъ, Ованнеса Ованнесьяна и Левона Манвельяна.

loos) началъ литературную дѣятельность, въ 1885 г., будущій авторъ «Ганнеле», «Потонувшаго колокола» и «Ткачей», Гауптманнъ. Умершій въ цвѣтѣ силъ, даровитый представитель передовой поэтической школы въ Германіи, Ludwig Jacobowski, съ глубокимъ интересомъ изучилъ положеніе подобныхъ личностей среди неуступчиваго и ревниво консервативнаго общественнаго строя.

Значеніе для новѣйшихъ поколѣній прометеевой легенды, какъ одного изъ вѣчно правдивыхъ и живительныхъ символовъ, быть можетъ, лучше всѣхъ выразилъ пѣвецъ гуманности, одинъ изъ виновниковъ освобожденія американскихъ рабовъ, Лонгфелло. Въ прекрасномъ стихотвореніи «Прометей или предвѣдѣніе поэта» (Prometheus or the poet's forethought) онъ обратился съ гимномъ къ исконному вдохновителю истинныхъ стихотворцевъ, стремящихся быть просвѣтителями и нравственными вождями народовъ. «Старое преданіе—живописный символъ поэта, пророка, вѣщаго отгадчика»; «только тотъ изъ нихъ достоинъ вѣнца или ореола, кто испыталъ горе, стараясь вдохнуть въ народы благородство и свободу»:

All is but a symbol painted
Of the Poet, Prophet, Seer;
Only those are crowned and sainted
Who with grief have been acquainted,
Making nations nobler, freer.

Возможность подобнаго символическаго толкованія, которое должно охватить не только *поэтовъ*, чуткихъ къ нуждамъ человѣчества (какъ у Лонгфелло), но и всѣхъ истинныхъ *Прометидовъ*,—достойное завершеніе тысячелѣтней эволюціи греко-кавказскаго миѳа.

ДВѢ СТАТУИ.

«Очевидная нелѣпость—утверждать, что свѣтъ все становится хуже и что наше время испорченнѣе, развращеннѣе прежнихъ вѣковъ. Тѣ же дѣла возмущаютъ насъ, что возмущали древнихъ; наши потомки будутъ ихъ же бичевать и проклинать. Во всѣ вѣка звучало истиною изреченіе, что добродѣтели угасли, что коварство царствуетъ, что низость повсюду безстыдно шествуетъ между людьми». Такъ поучала старая, давно забытая, итальянская книжка начала XVII столѣтія [1]), случайно очутившаяся въ моихъ рукахъ во время многодневнаго ненастья, обрекавшаго на безвыходный плѣнъ. За стѣною выла вьюга; густая пелена тумана скрывала чудную окрестность; вѣтеръ гналъ на землю переполненное дождями озеро, волны яростно вспрыгивали на берегъ, все гудѣло, трепетало, стонало вокругъ. И среди скопленія разрушительныхъ силъ въ природѣ, которое, казалось, напоминало, что и въ ней царитъ зло,—дѣдовская книга громила склоняющихъ передъ нимъ голову пессимистовъ, называла ихъ собратьями «клерикаловъ, монаховъ и аскетовъ, съ которыми они сходятся въ ненависти ко всякой фактической работѣ и борьбѣ», звала къ этой борьбѣ, требовала не удаленія отъ свѣта, а жизни въ свѣтѣ, и наводила читателя на мысль, что проповѣдь унынія и неизбѣжности зла всегда была желаннымъ и надежнымъ подспорьемъ реакціи.

Всю ночь напролетъ бушевала буря и затихла лишь къ утру, довольная одержанной побѣдой,—наводненіемъ. Когда же взошло солнце, оно озарило непривычную картину: вершины горъ, окружающихъ озеро, были въ снѣгу, и эта внезапная сѣдина, точно слѣдъ перенесенной тревоги и муки, рѣзкимъ контрастомъ оттѣняла южный ландшафтъ, разгорѣвшійся теперь яркими тонами. Тамъ, гдѣ недавно висѣла непроницаемая завѣса тумана, открылась голубая даль, заискрилась вода,

---

[1]) Delle cause dell'infelicita e disgrazie degli uomini letterati e guerrieri. Libri otto di Pietro Andrea Canonhiero, dottore di Filosofia, Medicina e Teologia. Anversa, 1612, p. 157.

зазеленѣли рощи, амфитеатромъ раскинулись по горамъ селенія съ высокими башнями церквей и замковъ,—а въ глубинѣ залива обрисовалось террасами по склону горы, причудливыми очертаніями виллъ, колоколенъ, похожихъ на минареты, дворцовъ и лачугъ, главное средоточіе этого piccolo mondo antico (какъ назвалъ его Фогаццаро),—Лугано, типическое итальянское захолустье, занесенное волею судебъ на швейцарскую территорію.

Молва считаетъ его однимъ изъ вертеповъ допотопнаго католичества и въ то же время пограничнымъ пріютомъ свободной мысли, убѣжищемъ гонимаго итальянскаго либерализма. При первыхъ же шагахъ въ очнувшійся отъ непогоды, наполовину еще потопленный городъ это впечатлѣніе подтвердилось. Задерживая движеніе, медленно шествовала по главной улицѣ длинная процессія монаховъ въ бѣлыхъ, темныхъ, красныхъ, лиловыхъ рясахъ, препоясанныхъ вервіемъ, со свѣчами, иконами и священными изваяніями, съ заунывнымъ пѣніемъ клира и валившаго толпою народа,—плавно двигалась и вдали пропадала изъ виду подъ сводами церкви съ траурной драпировкой на фронтѣ. И тутъ же громадными объявленіями на стѣнахъ домовъ, криками и зазывами продавцовъ смѣло заявляли о своемъ существованіи итальянская радикальная печать и политическая карикатура... Длинными, полутемными коридорами тянутся вдоль домовъ неизбѣжныя на сѣверѣ Италіи «аркады» съ подслѣповатыми лавочками, семейными и рабочими сценами у ихъ дверей. На узкомъ и тѣсномъ рынкѣ—шумъ и гамъ, смѣсь одеждъ и лицъ; народные уборы сосѣдней Ломбардіи, сіяніе раскинутыхъ вѣеромъ серебряныхъ стрѣлъ надъ головками тессинокъ, длинныя черныя покрывала, изъ-подъ которыхъ сверкаютъ страстные глаза.

Все это картинно и пестро, но къ пестротѣ скоро приглядишься. Какія же достопримѣчательности могутъ быть въ этомъ пережившемъ себя мѣстечкѣ? Развѣ Мадонна Бернардино Луини и его фреска Страшнаго суда, которыми полагается любоваться въ церкви Santa Maria degli Angioli? Но изъ дальняго угла памяти встаетъ воспоминаніе о гдѣ-то въ бѣглой замѣткѣ встрѣченномъ отзывѣ Герцена: въ Лугано,—говорилъ онъ,—стоитъ нарочно пріѣхать, чтобы взглянуть... на статую «Отчаянія», Desolazione, Винченцо Велы. [1]).

Я увидѣлъ ее, и никогда мнѣ ея не забыть. Въ тѣнистой чащѣ стараго парка виллы Чьяни, когда-то отнявшей у города лучшую часть озернаго прибрежья, позади унылаго палаццо, въ которомъ одиноко

---

[1]) Она воспроизведена теперь, вмѣстѣ съ лучшими изваяніями замѣчательнаго художника, въ книгѣ Romeo Manzoni, „Vincenzo Vela, l'homme, le patriote, l'artiste". Milan, 1906.

доживаетъ свой вѣкъ престарѣлый владѣлецъ помѣстья, есть холмъ, совсѣмъ закрытый густой листвой столѣтнихъ деревьевъ, и желѣзнымъ навѣсомъ подъ нею. Пока идешь къ пригорку, по пути встрѣтишь цвѣточныя клумбы; сквозь вѣтви просвѣчиваетъ вода озера, теперь затопившая всю низину сада. Но тѣни сгущаются,—и въ полусвѣтѣ, на массивномъ пьедесталѣ, надъ гребнемъ холма, внезапно вырѣзываются контуры сидящей женской фигуры.

Словно вставъ съ безсоннаго ложа и безсознательно набросивъ на себя что-то, чтобы прикрыть наготу, съ обнаженнымъ торсомъ, босыми ногами, безпорядочно раскинувшимися прядями волосъ, она застыла въ неутѣшномъ горѣ. Пристально вглядываются широко раскрывшіеся глаза въ то неумолимое, безпощадное, чѣмъ поразила ее судьба. Не высвободиться ей никогда изъ-подъ гнета тяжкой мысли и мучительныхъ воспоминаній! И съ этимъ неподвижнымъ, страшнымъ взглядомъ исподлобья, съ этимъ исхудалымъ лицомъ, подпертымъ руками, она—само Отчаяніе.

Первый замыселъ статуи былъ необыкновенно простъ и назидателенъ. Двое любящихъ сыновей хотѣли почтить ею память родителей, чьи лѣпные медальоны украшаютъ пьедесталъ. Но заказъ надгробнаго памятника они сдѣлали выдающемуся художнику, мѣстной, сѣверо-итальянской знаменитости, чьи произведенія, разсѣянныя по разнымъ музеямъ, площадямъ, кладбищамъ, поражаютъ силою мысли и смѣлостью выполненія. Заказъ вызвалъ въ фантазіи Велы такое потрясающее обобщеніе человѣческой судьбы, удары которой, быть можетъ, пришлось ему тяжко вынести самому, что его Desolazione стала не символомъ только преходящей печали, а мрачнымъ, миѳическимъ образомъ.

Прошли годы, умерли и заказчики Велы, оба наслѣдника родительскихъ богатствъ; вилла перешла въ другую вѣтвь семьи (Gabrini), къ старому холостяку, который теперь медленно умираетъ. Онъ постарался тоже художественно помянуть благодѣтелей,—и по сторонамъ большого изваянія, у ногъ его, стали два новыхъ бюста. Но эти заурядные человѣчки, эти мраморные головастики рядомъ съ могучимъ, полнымъ глубокой мысли созданіемъ, вызываютъ оскорбительный контрастъ. Взглядъ снова переходитъ на измученное лицо страдалицы и не можетъ отъ него оторваться. Онъ не встрѣчаетъ отвѣтнаго взгляда; *ея* глаза словно взываютъ къ небу, зовутъ его въ свидѣтели несправедливости,—и такъ велика гипнотическая сила этого оживленнаго мрамора, что глядишь на него безъ устали и не можешь сдвинуться съ мѣста, высвободиться отъ гнетущаго впечатлѣнія. Личное и общее горе во всемъ его суровомъ и неумолимомъ могуществѣ до того овладѣваетъ сознаніемъ,

что и на волѣ, когда далеко позади остались старые буки и каштаны, виллы Чьяни, и повседневная жизнь запестрѣла передъ глазами, когда вблизи послышались веселые звуки оркестра, смѣхъ играющихъ дѣтей, чья-то пѣсня, когда въ толпѣ, сновавшей по набережной въ ожиданіи парохода, замелькали свѣжія, молодыя лица, оживленныя вѣчной приманкой любви и ухаживанія, эта радость, эти надежды дѣйствуютъ болѣзненно, кажутся такими тщетными! Къ чему энергія, порывы, борьба? Вѣдь все погибнетъ, разрушится, и надъ развалинами будетъ царить одно лишь вѣковѣчное горе...

Грустныя мысли несутся слѣдомъ, не отстаютъ, щемятъ и мучатъ, пока по аллеѣ, окаймившей озеро, я удаляюсь отъ толпы съ ея безцѣльной суетой. Уже людная часть города осталась позади; миновала бѣдная церквушка, въ чьемъ сумракѣ скрыты ужасы «Страшнаго суда» Luini; миновалъ и массивный старый отель среди парка, теперь пустой; въ сторону, вверхъ по горѣ, пробѣжала между двухъ высокихъ каменныхъ стѣнъ узкая уличка, ведущая къ кладбищу иностранцевъ. Дома порѣдѣли, обросли садами; шоссе ведетъ въ предмѣстье Paradiso; зачѣмъ-то шмыгаютъ электрическіе вагоны, которымъ возитъ некого; хочется тишины и забвенія. Лѣниво плещутся о берегъ волны; все озеро раскинулось какъ на ладони и манитъ просторомъ и красотою; вдали словно преграждаетъ путь лѣсистая глыба Monte San Salvatore, и на ея гребнѣ бѣлѣетъ совсѣмъ подъ облаками капелла, гдѣ (я теперь знаю) спитъ вѣчнымъ сномъ въ чужомъ краю польскій изгнанникъ тридцатыхъ годовъ [1]). Огибая гору, дорога пойдетъ дальше надъ водой, безплодная, живописная. Тамъ приволье, одиночество, природа.

Но на стѣнѣ одного изъ послѣднихъ домовъ вдругъ сверкнула блестящая, очевидно недавно поставленная, мраморная доска. «Памяти Джузеппе Мадзини, проповѣдника братства между людьми (umana fratellanza), который жилъ въ этомъ домѣ, подготовляя судьбу своего отечества», гласила надпись, пояснявшая, что доска сооружена соединенными обществами итальянскихъ масоновъ. Магическое, когда-то грозное, отверженное, но таинственно привлекательное имя внезапно прозвучало среди наплыва грусти, словно призывъ къ жизни. Онъ жилъ здѣсь! И взглядъ поспѣшно окидываетъ пепелище замѣчательнаго человѣка,—скромно высматривающіе, безъ всякихъ украшеній, два крыла его дома, соединенные крытой галереей уступы террасы, на которыхъ

---

[1]) Вотъ надпись на плитѣ: „Alla memoria del *C. Onofrio Radoschi* nella Polonia cavaliere della Croce di Malta, della legione di onore e della croce polacca. Esule per la liberta che ritrovo in questo cantone la sua seconda patria. Morto in Lugano nell'eta di 42 anni, un mese prima della generosa caduta di Varsavia". Кто этотъ графъ Радовскій?

разбитъ небольшой садъ, увѣнчанный гигантской магноліей, сквозь рѣшетку входной двери виднѣющійся фонтанъ среди густой листвы,—и въ нишѣ изъ растеній мраморную статую. Это—бюстъ Мадзини, съ его классическими, всесвѣтно извѣстными чертами, его умнымъ лбомъ, строгимъ, худымъ лицомъ, жгучими глазами, энергически сжатыми губами, печатью силы и воли.

Звонокъ наудачу,—и черезъ нѣсколько минутъ мы за порогомъ виллы, потомъ на галереѣ, сквозь пролеты которой видно озеро. При входѣ въ домъ, словно его охранитель и добрый геній, виденъ мраморный Дантъ,—первый пророкъ итальянскаго единства. Небольшіе, уютные покои, на стѣнахъ много картинъ, гравюръ и поблѣднѣвшихъ фотографій на сюжеты изъ французской революціи и борьбы итальянцевъ за свободу, портреты и лѣпные медальоны Байрона, Орсини, Гарибальди; двѣ-три болѣе нарядныя комнаты, и очень скромно обставленная интимная половина; потомъ затѣйливый лабиринтъ переходовъ, подъемовъ, спусковъ, лѣстницъ; планъ, словно умышленно спутанный, сбивающій съ пути; наконецъ, послѣ безчисленныхъ восхожденій, одинокая вышка, всего изъ двухъ-трехъ уголковъ, совсѣмъ скудно высматривающая. Тутъ жилъ Мадзини. Внизу помѣщалась семья Натановъ, съ которой онъ тѣсно сроднился; туда онъ спускался иногда, въ свѣтлыя минуты, когда могъ считать себя безопаснымъ. Для себя онъ требовалъ такъ мало, до того отрицалъ всѣ удобства, что его спальня походила на какой-то застѣнокъ, шириной въ три-четыре шага, гдѣ едва могли помѣститься кровать и столъ; свѣтъ скупо падалъ сверху изъ небольшого окна. Рядомъ былъ рабочій кабинетъ; два шкапа съ книгами, портреты самыхъ дорогихъ друзей, убогая утварь, скрытая теперь подъ чехлами.

На этомъ пространствѣ въ нѣсколько метровъ ютилась не ослабѣвшая и въ старческіе годы, порою на весь міръ раскидывавшаяся энергія. И въ послѣднее, предсмертное время все еще приходилось порою скрываться. Бывало,—говоритъ его преданный слуга,—изъ Берна дадутъ подъ рукой знать, что, уступая стороннему давленію, должны будутъ вмѣшаться и что ему нужно поджидать внезапныхъ гостей. Тогда поспѣшно спускался онъ по извилистому лабиринту лѣстницъ, проходилъ подземнымъ ходомъ подъ улицей на одну изъ сосѣднихъ виллъ, принадлежащую друзьямъ,—и надолго исчезалъ, чтобы потомъ снова вернуться на свой постъ.

Цѣлая жизнь,—нѣсколько десятковъ лѣтъ,—ушла на напряженный трудъ для освобожденія и объединенія отечества; начатъ онъ былъ въ пору глухой реакціи, охватившей Европу, и весь прошелъ среди невзгодъ. Вѣчныя опасности, разочарованія, необходимость послѣ

безчисленныхъ неудачъ и крушеній снова вкатывать наверхъ Сизифовъ камень, гибель близкихъ, раздоры и вражда среди партіи дѣйствія, гдѣ многіе не хотѣли мириться съ его программой, соединявшей политическій радикализмъ съ глубокой религіозностью и осѣненной знаменемъ, гдѣ красовался его девизъ: «Dio e popolo»,—Богъ и народъ,—должны бы измучить человѣка, омрачить его пессимизмомъ и отчаяніемъ. Онъ все выдержалъ,—и новая, единая Италія преклонилась передъ нимъ, какъ и передъ Гарибальди, чествуя въ его лицѣ своего избавителя и создателя, и воздвигая когда-то опальному человѣку памятники во многихъ городахъ.

Когда затворилась входная дверь, снова охватила своею прелестью роскошная панорама озера. Въ лѣсистомъ заливѣ, у воротъ города, снова обозначились контуры парка. Тамъ, въ угрюмомъ уединеніи, царитъ Отчаяніе. Но тотъ мраморный ликъ, который опять вскинулъ на покидавшаго его пришельца умный и сосредоточенный взглядъ, разсѣялъ тяжелыя думы. Въ эту минуту оба изваянія становились символомъ двухъ элементарныхъ силъ, которыя искони и непримиримо спорятъ о власти надъ человѣческимъ духомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Джордано Бруно 1
Послѣдній рыцарь 10
Витязь печальнаго образа 36
Легенда о Донъ-Жуанѣ 46
Мольеръ 78
Альцестъ и Чацкій 124
Дени Дидро 143
У Вольтера 222
Бомарше 231
Джонатанъ Свифтъ 295
Къ исторіи реальнаго романа 342
Беранже и его пѣсни 359
Этюды о байронизмѣ. I. Современники поэта 388
II. Послѣ Байрона 440
Поэтъ гуманности 565
Альфонсъ Додэ 573
Генрикъ Ибсенъ 586
Грибоѣдовъ 619
Пушкинъ и европейская поэзія 629
Мертвыя души 648
Гоголь и Чаадаевъ 687
Orlando furioso 699
Изъ воспоминаній о старомъ другѣ 709
Очерки и наброски изъ старой и новой литературы 732
Титаны и пигмеи 773
Прометей въ кавказскихъ легендахъ и мировой поэзіи 784
Двѣ статуи 800

УКАЗАТЕЛЬ.

Авдѣевъ, М., 560.
Авелланеда, Алонзо Фернандецъ, 40.
Агессо, д', 171.
Адамсонъ, 280.
Adam de la Halle, 58.
Аддисонъ, 312, 319.
Адріанъ, проф., 477.
Аккерманъ, г-жа, 798.
Аксакова, В. С., 668.
Аксаковъ, Ив., 719, 723, 728.
Аксаковъ, К., 699, 707.
Аксаковъ, С., 652, 662, 670, 695, 697.
Александръ I, 496.
Александренко, 198.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 657.
Али-Паша, 397.
Аллаччи, 73.
Алье, Рауль, 115.
Альмквистъ, 54.
Альфьери, 645.
Альфонсъ, кор. исп., 61.
Андреини, Изаб., 33, 75.
Анна, англ. кор., 310, 320, 322, 331.
Анненковъ, П. В., 133, 636, 640, 654, 672, 704.
Анри, Шарль, 215.
Анфантенъ, 383.
Арбэтнотъ, 319, 336, 340.
Аретинъ, 108.
Аріостъ, 422, 543, 645, 699, 708.
Аристотель, 3, 84, 85, 105, 306.
Аристофанъ, 377—8.
Армстронгъ, 17.
Арнетъ, 232.
Арну, Артюръ, 388.
Арчеръ, Вилліамъ, 617.
Асквериио, 68.
Ассеза, 148, 161, 214, 348.
Ауэрбахъ, Бертольдъ, 53.

Байронъ, 53, 66, 94, 264, 388—564, 566, 572, 625, 629—30, 633—4, 637—40, 642, 644, 763, 776—7, 779, 784, 795—7, 804.
Бакюларъ д'Арно, 250.
Бальзакъ, 109, 343, 344, 398, 567, 744.
Баньэ, аббатъ, 790.
Баратынскій, 409, 418, 420, 489, 490, 526, 528—29, 531, 619, 621.
Барбадильо, 108.
Барбье, Ог., 24, 48, 374, 442, 453, 454, 743, 760.
Барбье д'Окуръ, 114.
Барбьери, 95.
Бардахъ, Эмилія, 612.
Барнай, 725—6.
Баронъ, актеръ, 122.
Бартеневъ, П., 632.
Бартоли, Адольфъ, 74.
Бартольди, 220.
Батюшковъ, 393, 397, 400, 401, 436, 535, 635, 745.
Бежаръ, Арманда, 91, 102, 111, 118.
Бежаръ, Маделена, 86, 87, 89, 91, 121.
Безсоновъ, П., 283.
Бенкендорфъ, 689.
Бекларъ, Леонъ, 350.
Бекъ, Карлъ, 481.
Беллами, 783.
Бембо, 17.
Бенеденъ, фанъ, 764—5, 772.
Бентлей, 305, 306.
Беньёвскій, 513.
Беньянъ, 644.
Беранже, 359—387, 482, 631, 632—3, 636, 701, 743, 759, 760.
Бергасъ, 287, 289, 291.
Берліозъ, 710.
Бернардаки, 670.
Бернаръ, Жозефъ, 365.
Бёрне, 290, 361, 375, 443, 469, 478, 479, 482, 761.
Бернье, 84.
Берти, Доменико, 1, 5.
Берше, Джованни, 405, 417.
Бестужевъ, Алекс., 135, 401, 402, 425, 518, 522—24, 531, 555, 559, 621—2, 625—6.
Бестужевъ-Рюминъ, Мих., 526.
Беттельгеймъ, 232, 236, 246, 258, 263, 272, 287.

Бетховенъ, 94.
Бецкій, 172, 194, 214.
Бибиковъ, 281.
Биглэйзенъ, 512.
Биджло, Джонъ, 270.
Бизэ, 578.
Биконсфильдъ, 445.
Бельшовскій, Альбертъ, 408.
Бильбасовъ, 191.
Биронъ, 222, 223.
Біэронъ, г-жа, 213—215.
Блазъ де Бюри, 413.
Бланкеизэ, Георгъ, 412.
Блудовъ, 400.
Бобровъ, проф., 527.
Бовэ, Венсанъ де, 164.
Бодель, Жанъ, 63.
Бойль, 306.
Боккачьо, 5, 17, 28, 39, 92, 94, 377.
Болингброкъ, лордъ, 323, 325, 331, 336.
Бомарше, 39, 123, 148, 159, 182, 189, 231 — 294, 348, 350, 357, 692, 745, 747.
Бональдъ, 577.
Бонапартъ, Нап., 293, 364, 376.
Бонапартъ, Люсьенъ, 383.
Боннфонъ, 256, 286.
Бонилла и Санъ-Мартинъ, 405.
Бордье, 27.
Бордэ, 215, 217.
Боринскій, Карлъ, 59.
Борковскій, 337.
Боссюэтъ, 694, 755.
Боткинъ, В., 672, 700.
Боэцій, 762.
Ботцарисъ, 412, 512.
Боярдо, 699.
Брандесъ, 455, 556, 558, 588, 591, 604, 612, 706.
Брандль, Ал., 393, 407, 408.
Брейль, Карлъ, 59.
Бриджесъ, Эд., 444.
Бродзинскій, Каз., 403.
Броссъ, де, 632.
Бруннгоферъ, 1, 6.
Брюкнеръ, А., 493, 494, 501, 502.
Брюнетьеръ, 353, 360, 585.
Бруно, Джордано, 1—9.
Брутъ, Юній, галльскій, 17.
Буало, 78, 85, 97, 105 — 6, 116, 118, 122, 253, 306, 745, 755.
Буароберъ, 91, 93.
Буато, Поль, 384.
Булгаринъ, 402, 541, 621, 626, 660.
Буле, І. Т., 132, 619.
Бульверъ, 443, 444, 531, 644.
Бурдалу, 87, 128.
Бурсо, 105.
Бьернсонъ, 598, 604.
Бьянколелли, 74.
Бѣгичевъ, Ст., 135, 621—5.
Бѣжецкій, 48.
Бѣлинскій, 181, 521—23, 531—32, 539—541, 552, 556, 558—59, 561, 563, 627, 639, 665, 699—708, 715—16, 746, 757.
Бюффонъ, 164, 169, 188, 215, 357, 756.
Бэдье, 23, 182.
Бэконъ, Роджеръ, 164, 166, 306.
Бэконъ, Френсисъ, 164.
Бэйль, 155, 165.
Бэкниллъ, 340.
Бэрнсъ, 147, 343, 344, 361, 759, 763
Бэрроусъ, 756.
Бэттъ, 332.

Вагнеръ, Генр. Леоп., 753.
Вагнеръ, Рих., 286, 710.
Валленштейнъ, 33.
Валлонъ, 256.
Вальджимили, Манара, 790.
Вальфердэнъ, 285.
Ванесса, 328, 329, 330, 331, 335, 336.
Ванини, 9.
Ванлоо, Мишель, 215.
Василій Великій, 33.
Ватто, 184.
Веддигенъ, 390.
Вейль. 790.
Вела, Винченцо, 801—2.
Вельшингеръ, 290.
Веневитиновъ, 420, 438, 489, 526—28, 642.
Вержбовскій, 490.
Верженнъ, 170.
Вернэ, 184.
Веселовскій, Юрій, 564.
Веттштейнъ, 76.
Вигель, 688.
Віельгорская, 684.
Віельгорскій, 671, 680.
Виландъ, 124.
Виллонъ, Франсуа, 378.
Вильгельмъ, король англійскій, 301, 317, 332, 339.
Вильке, д-ръ, 91.
Вильксъ, Джонъ, 214.
Вильсонъ, 644.
Винбаргъ, 479.
Виньи, Альф. де, 395, 396, 398, 412, 414, 415, 498, 529, 550.
Виргилій, 62, 306, 676.
Висковатовъ, 543, 665, 798.
Воейковъ, А, 400. 541.
Воланъ, Софи, 177, 178, 179, 217, 219.
Волковъ, Ѳ., 124, 193, 284.
Волконская, кн. Зинаида, 489, 694—5.
Вольполь, Робертъ, 331, 335, 336, 339.
Вольтеръ, 22, 143, 148, 153—60, 163, 164, 168 - 73, 177, 188, 189, 193, 195, 196, 198, 200, 210, 217, 219, 222 — 230, 250, 252, 271—3, 282, 286, 314, 325, 339, 345, 353, 367, 377, 378, 380,

422, 431, 455, 499, 532, 543, 562, 571, 631—2, 634, 701, 743, 763—4, 778, 791.
Вольфъ, 64.
Вордсвортъ, 644.
Воронцовъ, гр. С., 126, 192.
Вульпіусъ, 244.
Вульфъ, А., 534.
Вырубовъ, П., 285.
Вюильменъ, 772.
Вяземскій, П. А., 359, 393, 396, 399, 400, 419, 421, 436, 438—9, 525—26, 534, 632, 640, 675, 692—3, 695—6.
Вэйльо, 87, 385, 386.

Гавриловъ, проф., 124.
Гагаринъ, кн. Ив., 689, 693—4.
Гайемъ, Арманъ, 47.
Галіани, 174, 225.
Галилей, 1, 3, 8, 9, 389, 600.
Галифаксъ, лордъ, 311.
Галлеръ, 215.
Гальонъ, виконтъ, 23.
Галлэ, Андре, 289.
Гамбетта, 574, 577, 780.
Гарибальди, 565, 804—5.
Гарлей, 323—26.
Гаррикъ, 193, 244, 749.
Гаррисонъ, Ф., 715.
Гартценбушъ, 69.
Гарчинскій, 500—2, 510.
Гассенди, 84—5, 90.
Гасслеръ, 352.
Гауптманнъ, 799.
Гаухъ, Іоаннъ Карстенъ, 54.
Гверацци, 405, 418.
Гвиччіоли, Тереза, 433.
Гегель, 603, 702.
Гезіодъ, 784, 787—8.
Гейзе, Поль, 47.
Гейльборнъ, Э., 579.
Гейне, 184, 369, 388—9, 393, 395—97, 399, 409—13, 421, 429, 434—5, 440, 469, 477—9, 483—4, 531, 542, 555, 566, 572, 710, 760, 777, 779.
Гельвецій, 147, 161, 175, 191, 216.
Генрихъ III, кор. фр., 5, 16, 22, 24.
Генрихъ IV, кор. фр., 15, 16, 19, 20, 22, 198.
Генрихъ Прусскій, принцъ, 210.
Генслеръ, 643.
Георгъ I англ., 331, 339.
Гераклитъ, 129.
Гервегъ, 442, 481—3, 521.
Гервинусъ, 240.
Гердеръ, 706, 794.
Геренъ, актеръ, 102.
Геродотъ, 306.
Герольдъ, Ферд., 784.
Герценъ, А. И., 1, 388, 443, 521, 532, 588, 560—4, 627, 688—9, 693, 695, 702—3, 705—6, 783, 801.
Герцъ, 740.
Гершензонъ, 689.
Гёте, 6, 10, 53, 119, 146, 185—6, 191, 217, 232, 240—1, 244, 263—4, 393, 396, 400—1, 406—9, 411—12, 447, 461, 477, 479, 487, 527, 529, 534, 556, 560, 562, 600, 630, 638, 642, 645, 710, 712, 750, 753, 778—9, 794, 796.
Гизъ, 29.
Гильдебрандъ, Юл., 176.
Гиппократъ, 306.
Гладстонъ, 330.
Гнѣдичъ, 636.
Гоббзъ, 306, 315, 318, 563.
Гобсонъ, 450.
Говэнъ, 571.
Гоголь, 39, 40, 45, 80, 123, 137, 511, 535, 636, 638—9, 642, 648—98, 746—9, 752.
Годольфинъ, 323, 324.
Годуновъ, Борисъ, 95.
Голицынъ, Д. А., 190—193, 203.
Гольбахъ, 146, 159, 161, 216.
Гольбергъ, 123.
Гольдони, 73, 123, 124.
Гольдсмитъ, 296.
Гольцгаузенъ, 558.
Гольцъ, 758.
Гомеръ, 202, 306, 347.
Гонкуръ, Э., 579, 771.
Гончаровъ, И. А., 627—8, 701, 706, 770, 780.
Горацій, 105, 219, 302, 373, 661.
Горнъ, Францъ, 50.
Горькій, Максимъ, 752.
Госсе, Эдмундъ, 611.
Готье-Гаргиль, 82.
Готье, Леонъ, 35, 57.
Гофманнъ, 54, 465, 569.
Гофманнъ фонъ Фаллерлебенъ, 481.
Гоцци, Гасп., 749—50.
Гоше, 314, 318.
Гощинскій, Сев., 501—2.
Граббе, 51, 52.
Грабовскій, 501.
Грабъ, Павелъ, 502.
Грамлевичъ, 428.
Граттанъ, 332.
Графъ, Артуръ, 47.
Гревилль, 6.
Грессе, 631.
Грибоѣдовъ, 123, 131—133, 136, 138—140, 142, 264, 401—2, 420, 555, 619—628, 635, 687, 697, 706, 745, 748, 752.
Григорьевъ, Апол., 560.
Григъ, 601.
Гримарэ, 83.
Гриммъ, Мельх., 145, 175—177, 184, 190, 197, 200, 212, 214, 219, 272, 281.
Гриммъ, Вильг., 733.
Грифитсъ, г-жа, 244.

Грюмье, 432.
Грюнъ, Анастасій, 481.
Губеръ, Эд., 798.
Гудвинъ, епископъ, 337.
Гудонъ, 222, 223.
Гумбертъ, Клаасъ, 119.
Гуссе, Арсенъ, 102, 466.
Густавъ III, шведск., 213, 286.
Густавъ Ваза, 603.
Гусъ, 9, 26.
Гуцковъ, 479, 480, 483.
Гюдэнъ, 232, 247.
Гюго, Викторъ, 24, 27, 372, 388, 395, 398, 415, 416, 431, 442, 451—5, 457, 466—7, 478, 538, 555, 565—72, 637, 645, 743, 754, 760.
Гюо, 232, 249.
Gutinguer, Ulric, 432, 462.
Гэй, 327, 340.
Гэскель, миссисъ, 448.
Гэтцманнъ, 233, 241, 248—253, 256, 260, 262—3, 265—6.

Давиньонъ, Г., 112.
Давыдовъ, Денисъ, 621, 688—9.
Даламберъ, 150, 162, 163, 165—6, 169, 171, 173, 177—9, 194, 198, 214, 216, 217, 219.
Даль, В., 670.
Данилевскій, А., 665, 684.
Даніилъ Заточникъ, 736.
Д'Анкона, Алесс., 66.
Дантъ, 126, 395, 402, 405, 417, 419, 437, 534, 565, 630, 634, 645, 675—6, 683, 762, 804.
Да-Понте, 58, 71, 646.
Дарвинъ, 217.
Даргомыжскій, 55.
Дарестъ, 17.
Д'Ассуси, 69.
Дашкевичъ, проф., 427, 633.
Дашкова, кн., 190, 192, 193, 212.
Де Бержеракъ, Сирано, 84, 337.
Де Бри, актриса, 96.
Де Броль, герцогиня, 180.
Де Вандёль, г-жа, 149.
Де Визе, 105.
Де Вилье, 76.
Дежарденъ, Альб., 12.
Джанни, 645.
Джеффри, 296.
Джилиберто, 73—55.
Джонсонъ, Эсфирь, 302, 307, 308, 309.
Джордани, 405, 434.
Джоуэтъ, 450.
Дезожье, 370.
Декавъ, 744.
Декартъ, 85, 155, 165, 306, 740.
Декори, Феликсъ, 459, 460.
Де Коссадъ, 14.
Де ла Барръ, 172.
Делавинь, Каз., 431, 432, 436
Дельвигъ, 402.
Демальвъ, Гуа де, 166.
Демаре, 105.
Демокритъ, 129.
Дени, г-жа, 225, 229.
Денуартеръ, 276.
Де Пабло, 470.
Де Перье, 11, 12,
Де Прадъ, аббатъ, 150, 151, 161.
Де Прадо, Себаст., 75.
Де Пюръ, 98.
Державинъ, 517, 745.
Де Роанъ, Анна, 33.
Desfeuilles, Arthur, 79.
Дефо, Даніэль, 322.
Дидро, 23, 50, 143—221, 227, 243—4, 273, 343, 347—8, 353, 357, 632, 755, 770.
Дизраэли, Беніаминъ, 446, 448.
Дизраэли, Исаакъ, 445.
Диккенсъ, 45, 296, 311, 448, 535, 580, 668, 701, 771.
Динъ, Сайласъ, 268.
Дмитревскій, И. А., 125, 193, 245.
Дмитріевъ, И. И., 401.
Д'Обинье, Теодоръ, 12—35, 742, 763.
Добролюбовъ, 359, 379, 380.
Додэ, Альф., 573—585.
Доинъ, Джонъ, 314.
Доницетти, 246.
Дора, 194.
Доримонъ, 75, 76.
Д'Оссонвилль, 145.
Достоевскій, 579, 702, 770.
Драйденъ, 301, 302, 306.
Дрешъ, 479.
Дрюмонъ, Эд., 258,
Дубецкій, 489.
Думикъ, Ренэ, 182.
Дуніоль, 269.
Дю-Барри, г-жа, 166, 171, 256, 257.
Дюбуа-Реймонъ, 212.
Дювернэ, Пари, 238, 239, 246, 247.
Дюкро, 194.
Дю-Круази, 93.
Дюма, Алекс., отецъ, 54, 372, 455.
Дюмениль, 87.
Дюмурье, генералъ, 292.
Дюпаркъ, актриса, 96.
Дюпенъ, 370, 371.
Дюперронъ, епископъ, 19.
Дюплесси-Морнэ, 17, 18.
Дюпюи, Эрнестъ, 182, 414.
Дю-Малье, 217.
Дюренъ, Э., д-ръ, 343.
Дю-Фрэнъ, 88.
Дю-Шателэ, г-жа, 228.
Д'Эонъ, Шевалье, 257, 262, 271.
Д'Эпернонъ, герц., 88.
Д'Эпинэ, г-жа, 159.

Д'Эролль, Бертранъ, 254, 265.
Д'Эссертинъ, Франсуа-Мольеръ, 87.
Д'Эстре, Габріэлла, 19.

Екатерина II, 146, 171—4, 178—81, 191, 193—8, 199, 200, 201, 204, 214, 227, 228, 246, 272, 280, 641, 752.
Einstein, Lewis, 6.
Елагинъ, В. А., 728.
Елагинъ, И. П., 125.
Елизавета, кор. англ., 6, 33.
Ермоловъ, А. П., 621, 624.
Ефремовъ, П. А., 402, 436, 439, 486, 620.

Жанъ-Поль, 429, 487.
Жанэнъ, Жюль, 372, 384.
Ждановъ, И., 643.
Жеффруа, 232.
Жильберъ, 99.
Жирарденъ, Сенъ-Маркъ, 266.
Жихаревъ, М., 688, 693.
Жорэсъ, 744.
Жуковскій, 393, 396, 400, 402, 419, 436, 438, 525, 543, 652, 662, 665, 667, 682—3, 693.
Жюссеранъ, 314.

Загаринъ, 665.
Залѣсскій, Богд., 501.
Зандъ, Жоржъ, 54, 344, 375, 459, 460, 462, 567, 701.
Званцовъ, 50.
Здзѣховскій, 390, 391, 428, 500, 504.
Зейдлеръ, 66.
Зиберъ, 449.
Зибольдъ, 764.
Зигвартъ, проф., 8.
Зола, 109, 343, 351, 456, 573, 577, 579, 584, 744, 761, 771.
Зонненфельсъ, 232, 261, 263.

Ибсенъ, 564, 586—618.
Иммерманъ, 409.
Исидоръ Севильскій, 164.

Іеронимъ Пражскій, 26.
Іоаннъ Лейденскій, 317.
Іорданъ, Вильгельмъ, 481.
Іэгеръ, 592.

Кавелинъ, 706—7.
Кавеньякъ, 383.
Кавчинскій, 312, 498.
Казаміанъ, Луи, 448.
Кайсевичъ, отецъ, 695.
Каласъ, 226, 250.
Калидаса, 718.
Каллертъ, 51.
Калльеръ, Франсуа де, 305.
Кальвинъ, 227, 317.
Кальдеронъ, 50, 61, 67, 68, 71, 92, 474.
Кальява, 182.
Кампанелла, 9, 85.
Кампанъ, г-жа, 281.
Кана, Рене, 442, 456.
Канарисъ, 382, 412, 512.
Каноньеро, Пьетро Андреа, 800.
Канъ, Густавъ, 109.
Кантемиръ, А., 125, 737, 760.
Кантъ, 50.
Капнистъ, В., 129, 748, 752.
Карлейль, 149, 446, 447, 646.
Карамзинъ, 538, 641.
Каратыгинъ, П., 620.
Карлъ I, англ., 171, 317.
Карлъ Великій, 735—6.
Карлъ III, исп., 241, 242, 368.
Карлъ-Фридрихъ, маркграфъ, 272.
Карлъ VII, исп., 17.
Карлъ IX, франц., 24.
Карлъ X, франц., 372, 373, 546, 567.
Карлъ XII, швед., 452, 538.
Каро, 196, 215, 315.
Каррель, Арманъ, 372.
Кастеляръ, 715.
Кастильоне, Б., 17.
Кастиль-Блазъ, 74.
Катенинъ, П., 132, 625.
Катилина, 592, 593.
Кауницъ, 258, 260—263.
Каховскій, 625.
Каченовскій, М., 400, 530.
Кеневичъ, 296.
Кернъ, г-жа, 534.
Кингслей, 443, 447, 448, 449.
Кингъ, Больтонъ, 405.
Кинэ, Эдгаръ, 797.
Киркегоръ, 602.
Кирпичниковъ, А., 690, 693.
Кирѣевскій, И., 424, 629.
Кирѣевскій, П., 394, 420, 665.
Китсъ, 448, 514, 640.
Клавихо, 241, 253, 263.
Кларендонъ, гр., 244.
Кларкъ, Вальтеръ, 389, 432.
Климентъ, папа, 8.
Клушинъ, 129.
Ковалевскій, Макс., 722.
Кове, 86.
Козловъ, Иванъ, 393, 396, 400, 401, 421, 436, 437, 491.
Кокланъ, 104, 183, 365.
Кокошкинъ, 131.
Колеса, Ол., 501.
Колиньи, 22.
Коллинсъ, 296.
Колло, г-жа, 143.
Колумбъ, 3.
Кольриджъ, 66, 640, 644.
Конвей, 269.

Конгривъ, 297.
Кондильякъ, 150, 158.
Кондорсэ, 272.
Кондэ, 21.
Констанъ, Бенжам., 370, 633.
Конти, принцъ, 89, 108, 113, 240, 255, 275.
Контъ, 166.
Коперникъ, 1.
Копьевъ, А., 129.
Кордье, Анри, 244, 246.
Корнель, П., 23, 78, 91, 93, 97, 123, 154, 182, 273, 567, 755.
Корнель, Т., 115.
Корнманнъ, 288.
Корнуоллъ, Барри, 644.
Корсакъ, Юліанъ, 499.
Коршъ, Ѳ., 637.
Костомаровъ, Н., 502, 715.
Костюшко, 498, 515.
Котарелло, Эмиліо, 67.
Котляревскій, Несторъ, 548.
Котэнъ, аббатъ, 120.
Кошелевъ, А., 696, 713, 715—6, 728, 730.
Крамской, 620.
Красинскій, 503—505, 514.
Красовскій, цензоръ, 534.
Крассъ, Маркъ, 325.
Кребильонъ, младшій, 156.
Кромвель, 296, 317.
Круньола, Гаэт., 459, 462.
Крыловъ, И. А., 80, 123, 127, 129.
Крымскій, Агаѳ., 502.
Крэкъ, 296, 334, 335.
Кузэнъ д'Аваллонъ, 251.
Кулишъ, П., 502.
Куперъ, Т., 447—8.
Курочкинъ, В., 359—60, 367, 380.
Курье, Поль Луи, 367, 372, 761.
Куссемакеръ, 58.
Куэ, Жюль, 98.
Кюне, Густ., 480.
Кюхельбекеръ, 402, 419, 437, 518, 521, 624, 632.

Лабзинъ, 283, 284.
Лаблашъ, гр., 247—9, 253, 265, 270.
Ла-Боэси, 11, 17.
Лабрюйэръ, 755.
Лабэ, Луиза, 33.
Лаваллэ, 12.
Лавальеръ, герцогъ, 243.
Лавуазье, 164, 215.
Лагранжъ, 90, 97.
Ладвока, 394.
Лакруа, Поль, 79, 85, 342.
Лаланнъ, Людовикъ, 23.
Ламаркъ, 217.
Ламартинъ, 384, 388, 390, 412, 413, 421, 432—6, 440, 511, 525, 645.
Ламеннэ, 372, 383, 568, 694.
Ламуаньонъ, 108, 115.
Ламъ, Каролина, 445.
Лангландъ, 762.
Лангэ, Гюберъ, 17.
Лансонъ, Г., 82, 105.
Лантенакъ, 571.
Ларивe, 101.
Ларошфуко, 107, 755.
Лассаль, 779.
Ла-Торильеръ, 90.
Ла-Тремойлль, 18.
Лаубе, 479.
Лафайэттъ, 269, 370, 373.
Лафаржъ, 99.
Лафатеръ, 145.
Лафиттъ, 373.
Лафонтенъ, 74, 105, 116, 220, 221, 373, 377, 635, 755.
Лашэзъ, отецъ, 108.
Лебренъ, 292, 432.
Ле-Бретонъ, 163.
Леваллуа, Жюль, 151.
Легуве, 360, 386.
Lejay, 248, 250.
Лекенъ, 193, 225, 228.
Лекки, 301.
Лекуэнтръ, 271.
Лемерсье де-ла Ривьеръ, 193.
Леметръ, Жюль, 576.
Ленау, 49, 53, 54, 779.
Ленорманъ-д'Этіоль, 245.
Ленскій, Д., 359, 360.
Ленуаръ, 288.
Ленцъ, 52.
Лео, Андре, 715.
Леони, 407.
Леопарди, 395, 405, 553, 563, 646, 796—7.
Лепрэнсъ, 185.
Лермитъ, Тристанъ, 95.
Лермонтовъ, 94, 388, 409, 442, 465, 486, 506, 526, 528, 538, 541 — 63, 779.
Леру, Гюгъ, 594, 612.
Лесажъ, 238, 243, 278, 660, 743.
Лескюръ, 193.
Лессингъ, 5, 182, 240, 244, 315, 543, 706, 794.
Лефевръ, 396, 416.
Либрехтъ, Фел., 63.
Ливій, 306.
Ливри, Сюзанна де, 380.
Ливэ, Шарль, 79, 96.
Лиліенкронъ, Детлефъ-фонъ, 564.
Линдау, Поль, 462.
Линней, 164, 215, 218.
Линниченко, проф., 695.
Лицманъ, 47, 611, 617.
Лобановъ, 637.
Локкъ, 155, 158.

Ломени, 232, 233, 242, 251, 261, 269, 275, 281.
Ломоносовъ, 758.
Лонгиновъ, 125.
Лонгфелло, 449, 760, 799.
Лопе де-Вега, 61, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 101, 718.
Лорранъ, Жанъ, 784.
Лоссенъ, Максъ, 17.
Луазелёръ, Жюль, 103.
Луини, Бернардино, 801, 803.
Лукіанъ, 769, 791—2, 797.
Лукрецій, 84, 499.
Людовикъ XIII, фран., 21, 22.
Людовикъ XIV, 97, 106, 107, 109, 114, 115, 121, 129, 172, 238, 270, 275, 460, 755.
Людовикъ XV, 171, 195, 237, 239, 256, 257.
Людовикъ XVI, 256—8, 260, 261, 268, 281, 282, 305.
Людовикъ XVIII, 282, 366, 416, 567.
Людовикъ-Наполеонъ, 376, 382.
Людовикъ-Филиппъ, 373, 469, 470.
Люилье, 84.
Люллій, Раймундъ, 4.
Люлли, 121.
Лютеръ, 6, 50.
Лэнге, адвокатъ, 353.
Лэнтильякъ, 232, 233, 244, 245, 258, 277, 281, 287, 289.

Мадзини, 388, 404, 417, 418, 442, 478, 562, 803—4.
Мазаренъ, кард., 97.
Майковъ, Ап., 746.
Майковъ, Л. Н., 396, 397, 637.
Майнецъ, Рамонъ Леонъ, 43.
Маколей, 296, 445, 757.
Макъ-Интайръ, 1.
Макъ-Магонъ, 578.
Малецкій, Ант., 506, 510.
Маллорти, де, 58.
Мальборо, 322, 325, 326.
Мальзербъ, 171.
Мальчевскій, 388, 397, 403, 404, 428—9, 485, 499, 501, 502, 506, 539.
Маннъ, О., 797.
Мансюи, А., 637.
Мантегацца, 57.
Манцони, 646.
Манцони, Ромео, 801.
Манюэль, 370.
Маратъ, 292.
Маргаль, Пи, 67.
Мариво, 278, 312, 348.
Маріо, Джесси Уайтъ, 418.
Марія-Антуанетта, 232, 251, 257, 260.
Марія Стюартъ, 509.
Марія-Терезія, 232, 258, 260, 261—2.
Марія Өедоровна, имп., 281.
Марковъ, 283, 676.
Марло, 68.
Маро, Клеманъ, 11, 12.
Марсолльe, 263.
Martinenche, E., 56.
Мартелли, 285.
Маршанжи, ген. прок., 370, 371.
Марэнъ, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 265.
Массаръ, 166.
Масселэнъ, 285.
Матвѣй, отецъ, 682, 684.
Матушевскій, 389, 428, 492, 505.
Матье, Пьеръ, 64.
Маха, Карлъ, 396, 564.
Мегронъ, Л., 646.
Медичи, Екат., 15, 24.
Медичи, Марія, 21.
Мейеръ, Р. М., 483.
Мейстеръ, 145, 182, 348.
Мельвилль, 285.
Мельхіоръ, Феликсъ, 389, 409.
Менажъ, 98.
Менаръ, Поль, 56, 69, 94, 98.
Менендецъ и Пелайо, 68.
Ментенонъ, г-жа, 34.
Менцель, 480.
Мерзляковъ, 552.
Мериме, Просперъ, 137, 412, 645—6.
Мерлинъ, Іеронимъ, 63.
Мерси d'Аржанто, 232, 260, 262.
Мерсье, Себаст., 350, 357.
Местръ, Ж. де, 577.
Меттернихъ, 480, 761.
Мещерскій, кн., 242.
Миллеръ, Орестъ, 662.
Миллеръ, Всев., 786.
Мильтонъ, 27, 419, 449, 643—4, 763, 796.
Минихъ, гр., 193, 197.
Миньяръ, 79.
Мирабо, 287, 288.
Мирбо, 744.
Мистраль, 574.
Михайловъ, М., 360.
Мицкевичъ, 388, 393, 395, 399, 403, 409, 418, 428—30, 469, 486, 488—491, 493—496, 498, 499, 500, 505—6, 509, 510, 512—16, 519, 528—29, 540, 543, 566, 629—30, 637, 642, 701.
Мишле, 761.
Модзелевскій, 404.
Могра, 160.
Могуэль, Санхецъ, 50.
Мозеръ, 434, 435.
Моланъ, 73.
Mollier, 87.
Молинэ, 333.
Мольеръ, 48, 53, 55—6, 58—60, 73—125, 128, 129, 132, 133, 136—39, 142, 208, 238, 245, 266, 274, 275, 281, 285,

635—6, 646, 653, 743, 747—8, 754—5, 769—70.
Монваль, Жоржъ, 79, 90, 108, 185, 186.
Мономахъ, Влад., 736.
Монслэ, 456.
Монталамберъ, 568.
Монтанари, 434.
Монтань, 6, 11, 17, 33, 155, 211, 574, 756.
Монтегю, 456.
Монтескье, 164, 169, 189, 574, 579.
Монтескіу, аббатъ, 369.
Монтеспанъ, г-жа, 121.
Монти, Дж., 404.
Монтозье, герц., 118.
Монфлери, 105.
Мопассанъ, 744, 771.
Мопертюи, 155, 156.
Мопу, 177, 248, 253, 256, 258.
Морандъ, 257.
Морелла, 175.
Морепа, 256, 270.
Морето, 92.
Морлей, Дж., 146, 149, 174.
Морни, 578.
Морозини, 7.
Морусъ, 17.
Моцартъ, 50, 53, 55, 58, 71, 94, 144, 232, 237.
Мочаловъ, П., 530, 701, 718.
Мочениго, 7.
Мунэ-Сюлли, 48.
Муони, Гвидо, 389, 404.
Муравьевъ-Карсскій, 621.
Муръ, Томасъ, 391, 392, 445, 448, 478, 522, 529, 547, 555, 639, 644.
Мухановъ, 632.
Мюллеръ, Вил., 411, 412, 435, 555.
Мюллеръ, Максъ, 732.
Мюрэ, Теод., 264, 455.
Мюссе, Альфредъ де, 54, 390, 442, 451, 457, 458—467, 513, 520, 531, 542, 549, 645, 759, 779.
Мюссе, Поль де, 451, 460.
Мэссонъ, 318, 335.

Надеждинъ, 519, 530—32, 541, 561, 651.
Наполеонъ I, 365—9, 376, 383, 439, 558, 563, 566, 582, 632, 743.
Наполеонъ III, 383, 385, 436, 797.
Нарышкинъ, 195.
Нарѣжный, 555, 660, 663.
Нассау-Зигенъ, кн., 275.
Нащокинъ, П., 665.
Неверъ, 15.
Невилль, 443.
Неккеръ, г-жа, 145, 152, 196.
Некрасова, Е. Ст., 658.
Некрасовъ, 382, 560.
Нерваль, Жераръ де, 750.
Нестерцова, Ольга, 523.
Никитенко, 672.
Николай I, 500.
Никольсонъ, 513.
Новалисъ, 759.
Нитче, 618.
Новиковъ, 244, 283, 322.
Новосильцовъ, 496, 499.
Ноксъ, 317.
Нолькенъ, баронъ, 172.
Нордау, 587.
Норовъ, 4, 196.
Ньютонъ, 169, 339, 376.
Нэжонъ, 149, 177, 182.

Обанель, 574.
Оболенскій, кн., 684.
Ованнесьянъ, Ованнесъ, 798.
Овидій, 759, 790.
Огаревъ, Н., 798.
Одоевскій, В., 555, 621, 624—5.
Одынецъ, 499.
Ожогинъ, 245.
О'Коннелль, 332, 477.
Оксфордъ, лордъ, 311, 331.
Олеарій, 95.
Оливъ, 402, 530, 535.
Омальскій, герцогъ, 80.
Орловъ, Мих., 627, 691.
Оррери, лордъ, 296.
Орсини, 804.
Осипова, г-жа, 647.
Основьяненко, 663.
Островскій, А. Н., 97, 560, 677, 748, 751—2, 770.
Отманъ, 17.

Павелъ I, имп., 281.
Падура, 501.
Палацкій, 715.
Палиссо, 170, 187.
Палуданъ-Мюллеръ, 602.
Панаръ, 245.
Paringault, Eugène, 86.
Парисъ, Гастонъ, 62, 738.
Парисъ, діаконъ, 155.
Парнеллъ, 332.
Парни, 422, 631, 632, 634—5.
Партриджъ, 321.
Паскаль, 107, 110, 755.
Paupe, Adolphe, 456.
Паэзіелло, 246.
Педро жестокій, король, 61.
Пекарскій, 76.
Пелайо, Менендецъ и, 42.
Пеллико, Сильвіо, 399, 464.
Пеллиссье, Жоржъ, 386.
Пелльтанъ, 385.
Пепе, 434.
Перефиксъ, архіеп., 107.
Перро, 305.

Перуджино, 94.
Пескьера, маркиза, 33.
Petit de Juleville, 23, 454.
Петрарка, 17, 488, 630.
Петръ Вел., 76, 100, 198, 624.
Петцетъ, Христіанъ, 480.
Пико, 73.
Пиндемонте, 539, 645.
Пинейро, Энрико, 468.
Пирронъ, 85.
Писаревъ, А., 359.
Писемскій, 721.
Плавтъ, 92, 96, 120, 768.
Платенъ, 412.
Платонъ, 157, 286, 371, 769, 793, 796.
Плетневъ, 402, 560, 659, 665—6, 674, 697.
Плехановъ, 591.
Плиній, 151.
Плутархъ, 62, 92, 128, 147.
Погодинъ, М., 667, 715.
Подолинскій, 529.
Полевой, Ксенофонтъ, 401, 621—2, 626, 642.
Полевой, Ник., 419—20, 438, 541.
Полежаевъ, 524—26, 531.
Полидори, 394.
Полторацкій, 283.
Польти, 750.
Померанцевъ, 245.
Помпадуръ, г-жа, 166.
Попъ, 94, 319, 327, 336, 340.
Портландъ, лордъ, 311.
Потанинъ, 785.
Поццо ди Борго, 467.
Поэріо, Ал., 417.
Прати, Джов., 418.
Премонваль, 213.
Проперцій, 759.
Prothero, 449.
Прудонъ, 375, 387.
Прутцъ, 481.
Пфлегеръ-Моравскій, 564.
Пюклеръ-Мускау, кн., 483, 512.
Прэлльсъ, 47, 479.
Птоломей, 3.
Пуласскій, ген., 269.
Пульчи, 457.
Пуассонъ, г-жа, 93.
Пушкинъ, А. С., 55, 94, 132—3, 264, 274, 390, 393, 395, 396—7, 399, 400, 402, 403, 409, 418, 419, 421, 423—5, 427—9, 436—40, 443, 465, 486, 489, 490, 495, 499, 517—19, 525—531, 533—35, 537—38, 540—44, 546, 554—5, 560, 562, 572, 620—2, 626, 629—647, 650—7, 659, 665, 671, 693, 696—7, 745—6, 779.
Пушкинъ, Вас. Льв., 359.
Пушниковъ, Ник., 244.
Пыпинъ, А. Н., 127, 700, 706.
Пюизье, г-жа, 156.

Рабле, 11, 16, 17, 25, 27, 91, 108, 314, 337, 339, 353, 362, 378, 650, 742, 756.
Равиньянъ, отецъ, 694.
Радищевъ, А. Н., 126, 127, 129, 132, 623, 627—8, 659, 737.
Радищевъ, Николай, 395.
Раевскій, Н., 421, 637, 640, 642.
Раевскіе, 399, 400, 637.
Разумовскій, Кир., гр., 244.
Рамбулье, маркиза, 98, 99.
Рамо, Жанъ Франсуа, 186.
Ранди, Андреа Лофорте, 310, 313, 447.
Ранке, 27.
Расинъ, 78, 116, 121, 123, 182, 276, 413, 635, 754—5.
Рауберъ, докторъ А., 48.
Рафаэль, 94.
Реадъ, Шарль, 12, 23.
Редереръ, 289.
Рейнакъ, Жозефъ, 186.
Рейналь, 161, 175.
Рекамье, г-жа, 376.
Ренанъ, 386, 755.
Ренаръ, 742.
Ренье, Матюренъ, 91, 108.
Ренье, П., 109.
Реньяръ, 208, 285.
Реомъ, Эженъ, 12, 14.
Реомюръ, 158, 159.
Ржевусскій, графъ, 491.
Ривароль, 288.
Рига, 427, 508.
Ригаль, Эженъ, 95, 100.
Ригеръ, 715.
Ричардсонъ, 208, 210, 244, 347.
Ричардъ III, англ., 297.
Ришелье, 21, 33.
Ріэго, 441, 467.
Робертъ I, норманд., 59.
Робертъ, Людвигъ, 434, 435.
Робинэ, 105, 217.
Роджерсъ, Сам., 392, 436.
Розенкранцъ, 50, 149, 169, 183, 219.
Розье, 285.
Рокеттъ, аббатъ, 108.
Рокэнъ, Феликсъ, 154.
Роланъ, г-жа, 178.
Ронсаръ, 14, 23.
Ронье, Эмиль, 204.
Росси, Пеллегрино, 395.
Россини, 232, 246.
Ротру, 93.
Рохасъ, Фр., 56.
Рошмонъ, 114.
Рулле, Пьеръ, 111.
Руманилль, 574.
Руссо, 119, 147, 149, 151—2, 161, 170 173, 175—6, 190, 194—5, 212, 216

223, 225, 228, 242, 345, 348, 423, 487, 548, 632.
Руэлль, 215.
Рылѣевъ, К., 402, 409, 418—19, 421, 437, 517, 622, 627.
Рэскинъ, Джонъ, 443, 450, 739.
Рэтифъ де ла Бретоннъ, 342—358.

Сааведра, Анджело де, 406.
Сабина, Карлъ, 564.
Савонарола, 1.
Саллюстій, 592.
Салтыковъ, М. Е., 560, 624, 655, 724, 728, 730, 737, 753, 770.
Сальвини, Том., 183.
Сальери, 144, 237, 286.
Сантасеверина, кардиналъ, 8.
Сарду, 211.
Сарпи, 7.
Саразэнъ, Луиза, 33.
Сартинъ, 257, 262.
Sayous, A., 12.
Свифтъ, Джон., 295—341, 774.
Свѣчина, 694.
Себастіани, министръ, 374.
Сегюръ, 195.
Седэнъ, 185, 208, 245.
Секки, 96.
Семевскій, В., 191, 522.
Семененко, отецъ, 695.
Сенковскій, 624.
Сентъ-Бёвъ, 12, 23, 177, 212, 372, 386, 567, 645, 706.
Сентсбэри, 184.
Сентъ-Джонъ, 323—25, 340.
Сенъ-Викторъ, Поль де, 568.
Сенъ-Ламберъ, 176.
Сенъ-Симонъ, 383.
Серао, Матильда, 575.
Сервантесъ, 37 — 44, 474, 636, 653, 655—6.
Серветъ, 9, 227.
Сете, Хр., 409.
Сидней, Филиппъ, 6.
Сидъ-Гамедъ-Бенъ-Энгели, 39.
Sichel, Walter, 336.
Синявская, актриса, 284.
Сиповскій, 422, 634, 658.
Сирвенъ, 226, 250.
Сиркуръ, гр., 693.
Скала, Фламиніо, 75, 108.
Скарамушъ, 92.
Скарронъ, 88, 89, 104, 108.
Скоттъ, Вальтеръ, 45, 296, 310, 391, 405, 438, 501, 534 - 35, 561, 568, 631, 637, 642, 644, 646, 671, 701.
Скоттъ, Темпль, 325.
Скрибъ, 587.
Словацкій, 388, 396, 397, 428, 442, 486, 494, 501, 505 — 516, 540, 542, 555.
Смирнова, А., 633, 644, 661, 665, 680, 682, 684, 694.
Смоликовскій, 695.
Снядецкая, Людвика, 506.
Соважо, 744.
Сократъ, 212.
Солисъ, Родригъ, 467, 470.
Соловьевъ, С. М., 560, 715.
Солнцевъ, В., 312.
Соллогубъ, 560.
Солэнъ, 285.
Соммерсъ, лордъ, 311.
Сомовъ, О., 402.
Сомэзъ, 98.
Сорель, Шарль, 108, 743.
Соути, 644.
Спада, Лавиніо, 405.
Спасовичъ, В., 422, 494, 495, 546, 550.
Спиноза, 9.
Сталь, г-жа, 178, 357, 398, 399, 632.
Станкевичъ, 699.
Стапферъ, 398, 754—5, 757.
Старицкій, 502.
Стендаль, 109, 399, 412, 413, 451, 455, 456, 457.
Стернъ, Лоренсъ, 206, 207, 212, 483, 644, 658—9.
Стиль, 312, 322, 327, 328.
Стифенъ, Лесли, 341.
Стороженко, Н. И., 709.
Ступъ, Жанъ, 172.
Суинбэрнъ, 449.
Сулье, Эдоръ, 92.
Сумароковъ, 201, 244, 245, 322, 745, 748.
Сумцовъ, Н., 644.
Sutherland Edwards, 246.
Сухово-Кобылинъ, 752.
Сушковъ, 693, 697.
Сѣровъ, А., 711, 713, 719.
Сюлли, 20, 30.

Талейранъ, 277, 293, 368.
Тардъ, 742.
Тарновскій, гр., 504.
Тассъ, 437.
Тацитъ, 151, 373.
Тевено де Морандъ, 256.
Теккерей, 310, 321, 360, 448.
Текстъ, Жозефъ, 454.
Теллецъ, Габріэль, 61.
Темплъ, сэръ Вилліамъ, 300—310.
Теннисонъ, 448, 449, 760.
Теноріо, Мигуэль. 61.
Тепляковъ, 529. 535.
Теренцій, 92, 96, 101, 768.
Тибуллъ, 759.
Тикъ, 352, 651.
Тимирязевъ, проф., 772.
Тимонъ, аѳин., 116.

Тирсо де Молина, 55, 56, 59, 66, 67, 69—71, 73, 75, 92, 113, 472.
Тихонравовъ, Н. С., 76, 648, 663, 678—9, 680, 692.
Товянскій, 515.
Толстой, Алексѣй, 54, 465, 746.
Толстой, А. П., 665, 684—5.
Толстой, Л. Н., 555.
Толстой-американецъ, 697.
Толстой, Н., 48.
Тольдо, Пьеръ, 265, 278.
Тома, 151.
Tretiak, Józef, 506, 507, 513, 642.
Троллопъ, Г., 79.
Троншенъ, др., 224.
Трушковскій, 681.
Тьерри, Огюстенъ, 646.
Тьерри, Эдуардъ, 90, 108.
Туманскій, Ѳ., 632.
Тургеневъ, А. И., 400, 401, 690.
Тургеневъ, Ив., 10, 41, 45, 436, 560, 583, 638, 685, 701, 758, 770, 774, 777.
Тургеневъ, Ник., 627.
Турнэ, Морисъ, 148, 172, 173, 196, 213, 232.
Туссенъ, 150, 153, 154, 161.
Тхоржевскій, 360.
Тьеръ, А., 714.
Тюрго, 169, 268.
Тюрлюпенъ, 82.
Тютчевъ, 534.
Тэккерманъ, 327.
Тэнъ, 280, 706.
Тэрконнелъ, 300.

Уичерли, 124.
Уландъ, 375.
Уллоа, командоръ де, 61, 62.
Уманскій, 504.
Уокеръ, 444.
Уоттонъ, 306.
Урсинъ, 498.
Усовъ, С. А., 728.
Успенскій, Глѣбъ, 771.

Фабръ, 109.
Фабръ д'Эглантинъ, 124.
Фаге, Эм., 12, 145, 753.
Фальконетъ, 143, 177 — 179, 193, 198, 755.
Фанъ-Беверъ, Ад., 14.
Фандервельде, 766.
Фаржъ, Л., 271.
Фаринелли, проф., 61, 64, 67, 489.
Фачьо, Маріо, 47.
Фенелонъ, 413.
Фердинандъ, кор. исп., 368, 467, 470.
Ферреръ дель Ріо, Ант., 470.
Ферстеръ, Рих., 603.
Филиппъ II, исп., 65.
Фильдингъ, 45.
Фицморисъ, Келли, 405.
Фишеръ, Отток., 66.
Флери, Омеръ Жоли де, 170.
Флетчеръ, 438.
Флоберъ, 579, 584.
Флоріанъ, маркизъ, 252.
Флоріо, 6.
Фогаццаро, 801.
Фогтъ, Ник., 51.
Фольмеллеръ, Карлъ, 113.
Фонвизинъ, 123, 147, 278, 343, 546, 748.
Форесъ, Карло Тедальди, 417.
Форсайтъ, 304.
Форстеръ, Джонъ, 296, 303, 313.
Форъ, 578.
Форэ, Габ., 784.
Фосколо, 396, 405.
Франклинъ, 270.
Франко, Иванъ, 502.
Франкэ, 236, 237.
Францискъ I, фран. король, 33.
Фрари, Рауль, 12.
Фрейлигратъ, 477—78, 481—2, 521.
Фрейтагъ, 578, 752.
Фреръ, Жюдитъ, 380—1.
Фридрихъ II, прус., 154, 171.
Фричъ, 564.
Фрудъ, Джемсъ Ант., 446.
Фрэнсисъ, Филиппъ, 334.
Функъ-Брентано, 282.
Фукэ, министръ, 103.
Фурнье, Эд., 59.
Фурье, 383.
Фюртьеръ, 743.

Халатьянцъ, 786.
Хахановъ, 736.
Хмелёвскій, 493.
Hohenhausen, Elise, 398.
Холодковскій, 51.
Hock, Stephan, 394.
Хомяковъ, А. С., 560, 694, 696, 714.
Хоренскій, Моисей, 785, 787.
Христіани, 434.
Христина, кор. исп., 470.

Цедлицъ, 477.
Целлеръ, Л., 25.
Цельтеръ, 146.
Цицеронъ, 592, 790.

Чаадаевъ, 422, 621—2, 627, 632, 687—98.
Чемберсъ, 165, 166.
Ченстонъ, 644.
Чернышевскій, 638, 702—3, 705.
Честерфильдъ, 336.
Чешихинъ, 643.
Чижовъ, Ѳ., 684.
Чиконьини, 73, 100.

Чудиновъ, 283.
Чэвортъ, Мэри, 508, 549.

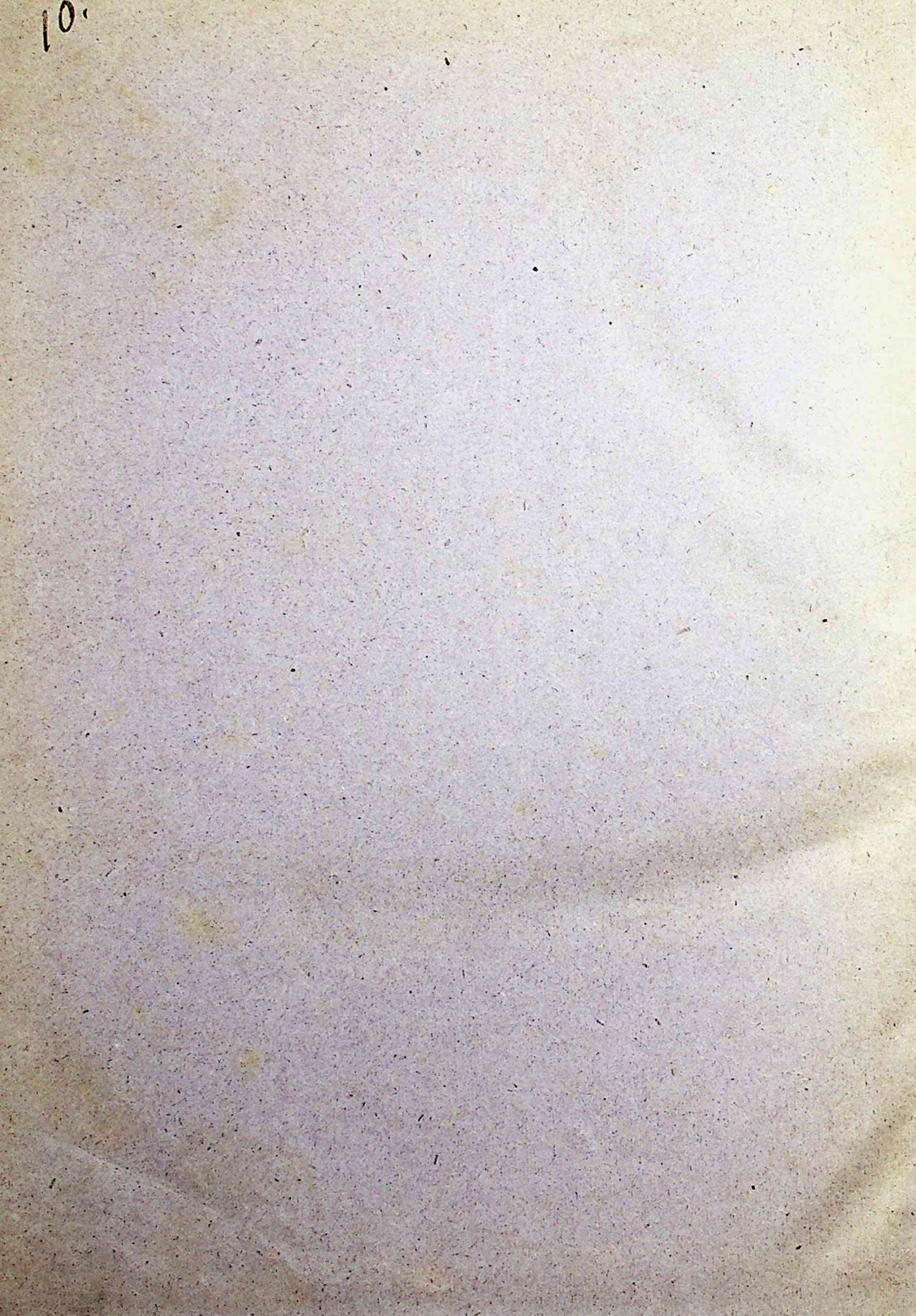
Шабо, капуцинъ, 290.
Шайкевичъ, 80.
Шаломытовъ, 620.
Шаль, Фил., 395.
Шалюссе, 96.
Шамиссо, 435.
Шампіонъ, m-lle, 151.
Шанфоръ, 193.
Шапель, 84, 116.
Шаппюзо, 86, 99.
Шардонъ, 89.
Шарланнъ, 314.
Шармазаньянъ, Галустъ, 621.
Шартрскій, герц., 275.
Шатобріанъ, 372, 373, 376, 396, 401, 413, 631, 633—5, 637, 644, 743.
Шаховской, кн. А., 626.
Шаховъ, 380.
Шахъ-Азизъ, 564.
Швейцеръ, др., 79.
Шевченко, 501.
Шевыревъ, 670—1, 676.
Шекспиръ, 6, 45, 68, 90, 119, 123, 405, 444—5, 474, 501, 530, 534—35, 538, 543, 563, 587, 594, 622, 630, 635, 640—2, 712, 719, 727, 754.
Шелли, 445, 449, 469, 480, 532, 760, 795—7.
Шеллингъ, 712.
Шенайхъ-Каролатъ, князь, 48.
Шенрокъ, В., 535, 662—4, 667.
Шенстонъ, 644.
Шенье, А., 256, 539, 543, 630—1, 633—4, 636.
Шереръ, Вильгельмъ, 51.
Шереръ, Эдмонъ, 183, 220.
Шерешевскій, 762.
Шериданъ, 123.
Шефтсбери, 153, 154.
Шиллеръ, 211, 411, 419, 429, 467, 487, 530, 543, 638, 701, 710, 746, 750, 759, 779.
Шлегель, Ав. Виль., 399.
Шляпкинъ, 402, 427.
Шмидтъ, Эрихъ, 794.
Шнегансъ, 106.
Шо, Бернардъ, 617.
Шонъ, графъ де, 247, 248.
Шпильгагенъ, 771.
Шписъ, 49.
Штейбенъ, 269.
Штейгеръ, 611
Штейнталь, 57.
Штрекейзенъ-Мульту, 151, 176.
Шуазёль, герцогъ, 242, 258.

Щепкинъ, М. С., 667, 670, 691.

Ювеналъ, 769.
Юмъ, Д., 206, 563.
Ювій, 334.
Юрьевъ, С. А., 685, 709—731.
Юсуповъ, кн., 281.

Языковъ, Н., 649, 681, 688, 696.
Якоби, Дан., 240.
Якобсенъ, 398.
Якобовскій, Людвигъ, 799.
Якубъ, мирза, 621.
Якушкинъ, И., 518, 521.
Ястребовъ, 521.

Эвклидъ, 306.
Эккартсгаузенъ, 663.
Экаръ, Жанъ, 47.
Эккерманнъ, 406.
Эленшлегеръ, 594.
Эллисъ, Джонъ, 218.
Эльканъ, Альбертъ, 17.
Эльстеръ, 434.
Эминъ, 786, 787.
Энгель, Карлъ, 47, 50.
Энглендеръ, Д., 538.
Эпикуръ, 84.
Эраръ, 605, 606, 611.
Эргардъ, Августъ, 119.
Эспинассъ, m-lle de l', 178, 216.
Эспронседа, 388, 406, 442, 485, 467—477, 498, 501.
Эскозура, Патрицій де ла, 471, 473.
Эсхилъ, 562, 784, 788, 790, 793, 795—6.
Этьенъ, Анри, 11.


10